
Избранные
Жития
святых
Архиепископа
Филарета
Черниговского
Январь-Июнь

Избранные
Жития
святых

на русском языке

изложенные по руководству
ЧЕТЬИХ-МИНЕЙ
архиепископа
ФИЛАРЕТА
ЧЕРНИГОВСКОГО

ЯНВАРЬ-ИЮНЬ

Сибирская Благозвонница
Москва
2011

УДК 27-312.55
ББК 86.37
И 24

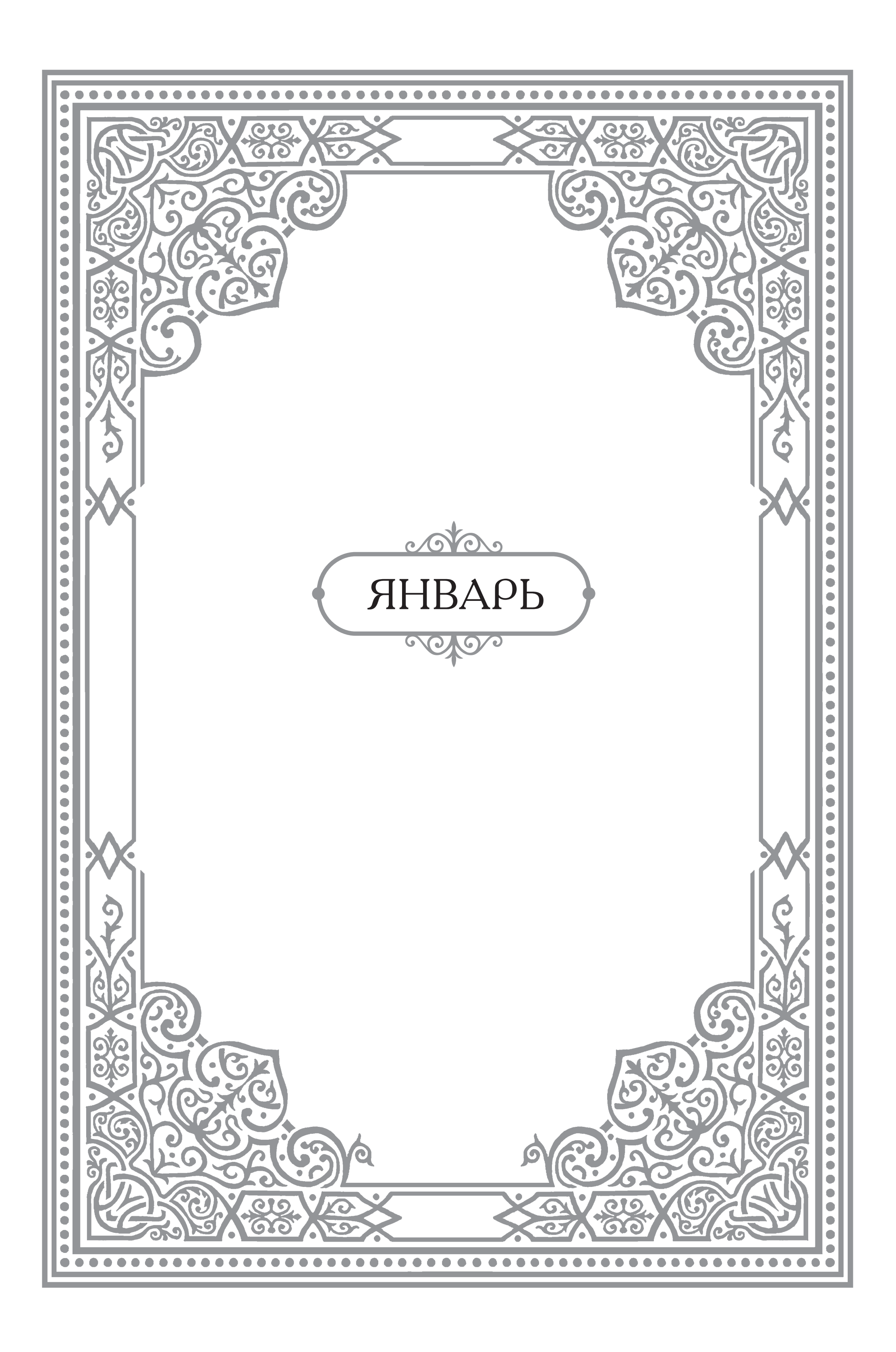
*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

ИС 11-104-0318

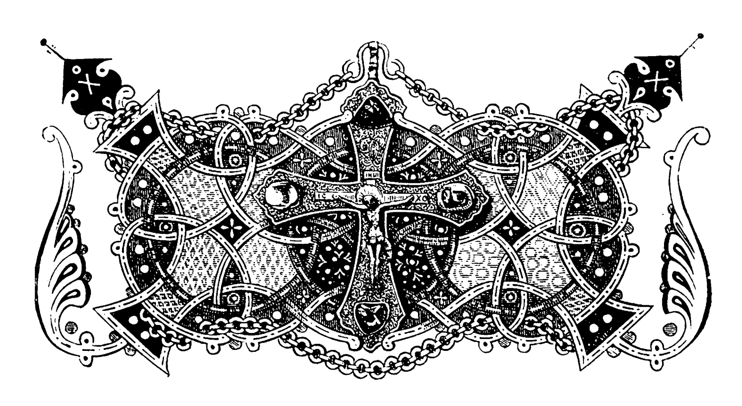
И 24 **Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству ЧЕТЬИХ-МИНЕЙ архиепископа Филарета Черниговского.** В 2 кн. Январь-июнь. — М.: Сибирская Благозвонница, 2011. — 959, [1] с.

ISBN 978-5-91362-493-2

Жития святых — жизнеописания духовных и светских лиц, канонизированных Русской Православной Церковью. В Древнюю Русь Жития святых перешли с началом письменности — через южных славян, а также в переводах с греческого языка. Первые жития святых — это назидательные сказания о христианских мучениках. В дальнейшем (с IV в.) жития святых объединялись в специальные сборники: минеи, синаксарии, патерики. Минеи-Четьи (от греческого μεναιοσ — месячный, славянского — чтения) — сборники, содержащие жития святых, изложенные в порядке празднования их памяти по православному церковному календарю, а также тексты церковных служб годового круга. Наибольшим распространением пользовались «Великие Минеи-Четьи» митрополита Макария и «Минеи-Четьи» Димитрия Ростовского. В эту книгу «Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству ЧЕТЬИХ-МИНЕЙ архиепископа Филарета Черниговского», вошли Жития тех святых, которых нет у свт. Димитрия Ростовского.

Январь

День первый

в сей день празднуем

НАЧАЛО НОВОГО ГОДА

Не одна осень служила началом года, но и весна. Месяц Авив, или Нисан еврейский, соответствующий марту, служил для евреев началом священного года со времени выхода их из Египта (см.: Исх. 12, 2) в память избавления их от рабства египетского; а для христиан он напоминает о сотворении и искуплении мира Сыном Божиим, и следовательно служит началом великих благодеяний Божиих для народа Божия и всего человечества. События сотворения мира, воплощения, смерти и воскресения Сына Божия, чем запечатлел Он искупление мира, писатели Церкви полагают в марте. «Сей первый есть в месяцах месяц, — говорится в Следованной Псалтири в первый день марта, — зане в онь началобытный свет сей видимый сотворен. В сей месяц Бог, не отступив престола величества Своего, сошел с небес на землю, яко дождь на руно, Архангеловым благовещением, в пречистом чреве преблагословенной Девы Марии, от Духа Свята плоть Себе исткал непостижимо. В сей месяц вольною страстью Его плотскою клятва потребися, смертью Его смерть умертвися, и пресветло живоносным Его воскресением из мертвых Адам и весь род человеческий от ада возведен и в первобытие паки приведен. Сего ради от первого числа марта приемлют начало все круги солнечные и лунные, и вруцелето, и високось, и равноденствие составляется в нем» и проч.

В новолуние священного года у евреев, как и в другие новолуния, работы не запрещались, но люди благочестивые сами прекращали их и спешили приносить жертвы (см.: 1 Цар. 20, 5, 24–27), и посещали пророков для благочестивых собеседований (см.: 4 Цар. 4, 23).

Впоследствии первый весенний месяц — март, с которого у евреев начинался новый священный, или церковный, год, принят был за начало года римлянами и сохранялся у них до 45 года до Р. Х.

От римлян, завоевателей мира и первых исправителей летоисчисления, разделение года на 12 месяцев и названия их перешли мало-помалу к другим народам. Переложению начала года с марта на январь в христианских землях особенно содействовало введение в 531 году Дионисием Малым, римским монахом, родом скифянином, нового летосчисления от Рождества Христова, бывшего пред январем.

В нашем отечестве январь принят началом года с XVII столетия. Но прежде новолетие у нас было в 1 день марта, а потом с 1425 года или еще ранее стало входить в употребление новолетие в 1 день сентября. В 1492 году созванный в Москве собор, под председательством митрополита Зосимы, уложа церковную пасхалию на восьмое тысячелетие от сотворения мира, постановил, с согласия Великого Князя Иоанна Васильевича, перенести начало гражданского года с 1 марта на 1 сентября. Таким образом, круг гражданского года в 1492 году в нашем отечестве соединился с церковным. В 1674 году летопрошение и величание Спасу составлено было вновь.

Петр Великий, приняв летосчисление от Рождества Христова, повелел в империи своей начинать гражданский год с 1 января, и 1700 год, первый начатый с января, празднован был во всей России с отличным торжеством. Впрочем, следуя летосчислению от Рождества Христова, Церковь наша и отечество хранят летосчисление и от сотворения мира и на книгах церковных и иных грамотах означают год от сотворения мира и от рождества по плоти Бога Слова.

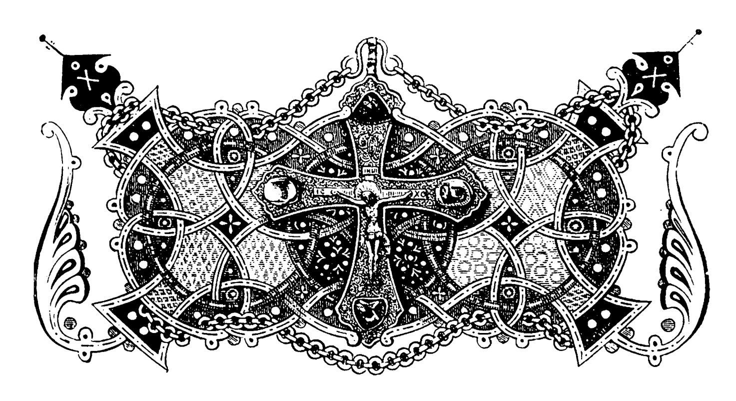
Времясчисление, восприявшее начало свое у древних римлян, было двукратно исправляемо в продолжение времени. В первый раз оно исправлено было за 45 лет до Р. Х. при Юлии Цезаре, помощью Созигена, известного Александрийского астронома; при сем исправлении начало года у римлян перенесено с 1 дня марта на 1 января. Вторично времясчисление исправлено было в 1582 году при папе Григории XIII. Принятое Юлием называется *Юлианским* времясчислением *старого стиля;* а введенное Григорием — *Григорианским* времясчислением *нового стиля,* от которого старый отстает ныне 13 днями. Наша Церковь употребляет старый стиль,

дабы не пришлось праздновать Пасху вместе с евреями, как это и бывает на Западе, вопреки постановлениям соборов, а в других землях Запада следуют новому, который и по своем исправлении неисправен и ошибочен.

В день нового года — 1 января — Церковь с коленопреклонением и с торжественным звоном благодарит Господа за благодеяния, излиянные на нас в прошедшее лето, и просит Его благословить наступающий год. «Владыко Господи Боже наш, Источниче жизни и бессмертия, всея твари видимыя и невидимыя Содетелю, времена и лета во Своей власти положивый и управляяй всяческая премудрым и всеблагим Твоим Промыслом! Благодарим о щедротах Твоих, яже удивил на нас в мимошедшее время. Молим Тя: благослови венец наступающего лета, Твоею благостью сохрани Императора, Дом и вся люди Его, умножи дни живота их в непоколебимом здравии и во всех добродетелях преуспеяние даруй им». Оканчивая благодарения и прошения, Церковь молит Господа о многолетии Благочестивейшего Государя, Государыни и прочих лиц Царского Дома.

Начиная новый год молитвою, Церковь обличает тех, кои, забывая сию священную обязанность, начинают новый год не в духе христианского благочестия, а древле-языческого суеверия. Обличительный глас Церкви святитель Златоуст прекрасно выражает в слове своем на новый год. «Дьявольское гулянье, — говорит он, — продолжающееся сегодня во всю ночь, смехи, бесчинства, ночные пляски и соблазнительные шутки отвели ныне город наш в пленение, которое тягостнее всякого неприятельского. Более всего огорчают меня игры, происходящие сегодня в гостиницах, преисполненных распутства и нечестия: нечестия, потому что занимающиеся ими по-своему замечают дни, гадают и думают, что если первый день года удастся им провести в удовольствии и веселии, то и весь год будет совершенно таков же; распутства, потому что на самом рассвете мужчины и женщины наполняют стаканы вином и напиваются без меры. Если хочешь получить пользу от нового года, то при начале его возблагодари своего Владыку за то, что Он ввел тебя в сие кругообращение лет, сокрушись сердцем, исчисли время новой жизни и скажи сам себе: дни текут и уходят: оканчиваются годы; большую часть нашего пути мы уже совершили, а что сделали мы доброго? Неужели мы пойдем отсюда без всего, без всякой добродетели! Гадать по дням несообразно с христианскою мудростью; это дело эллинского заблуждения. Ты приписан к высшему граду, принят в тамошнее гражданство, вступил в общество Ангелов, где нет света, изменяющегося во тьму, ни дня, оканчивающегося ночью, но всегда день, всегда свет».

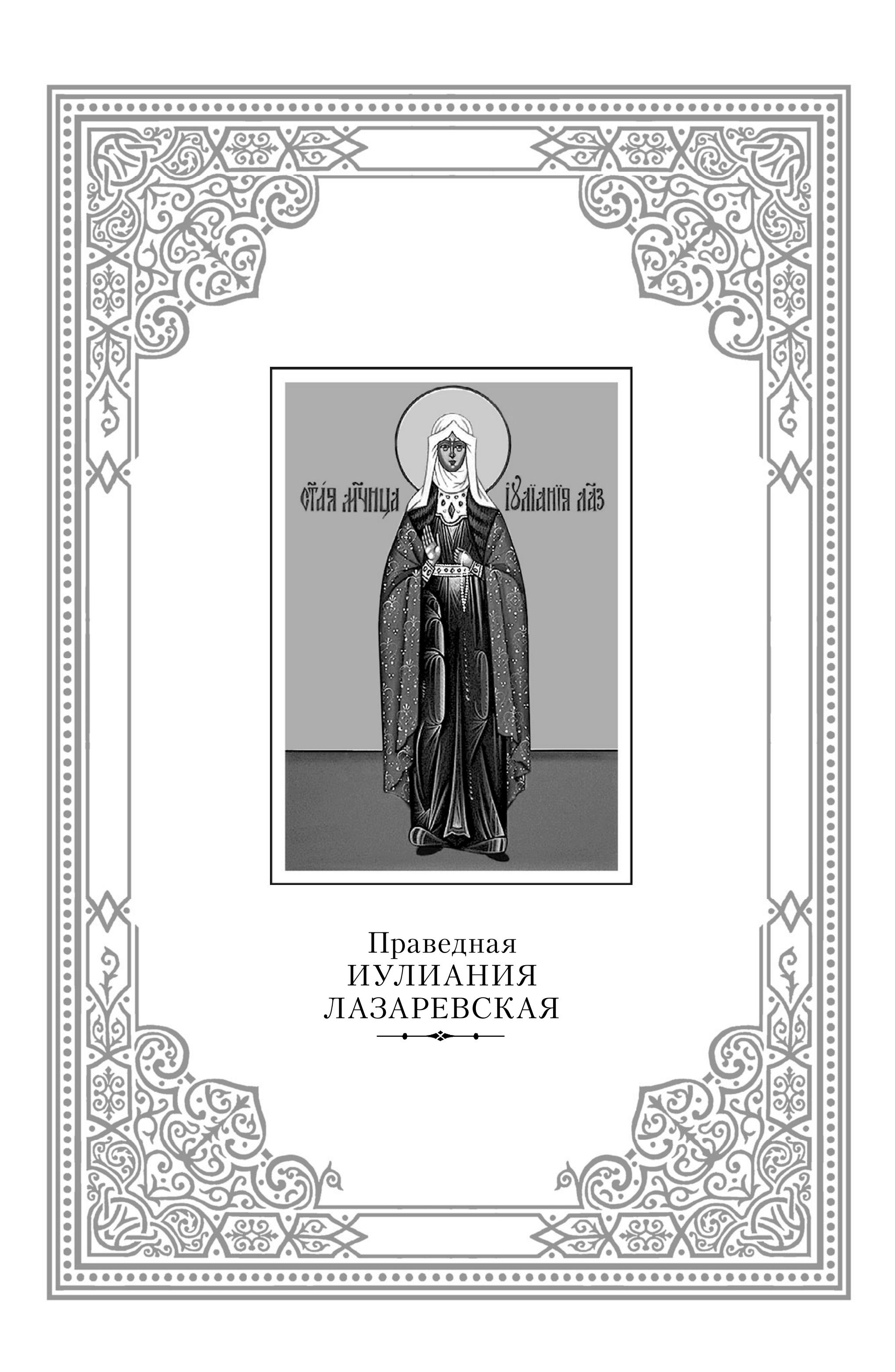

День второй

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ праведной ИУЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

Праведная Иулиания была дочь благочестивых и богатых дворян Недюревых[1]; отец ее Иустин был ключником при дворе царя Иоанна; шести лет оставшись сиротою после смерти матери, она была взята на воспитание бабкою своею Анастасиею Лукиною, урожденною Дубенскою; бабка, умирая, передала ее замужней дочери своей Наталье Арановой, когда Иулиании было 12 лет; у Арановой было много своих детей, потому на долю сироты немного доставалось приятного. Скромная девушка-сирота любила пост и молитву; сестры насмехались над нею за то, а тетка бранила; кроткая и безответная, она усердно занималась рукоделиями («прядильным и пяличным делом»); тогда как

[1] Жизнь прав. Иулиании описана сыном ее Каллистратом Осорьиным, который в 1640 г. был губным старостою; он приводит Бога в свидетеля, что писал правду, и предоставляет проверить слова его расспросами соседей, лично знавших жизнь Иулиании. Это описание у Царского № 129, 136, у Толстого с описанием чудес (2. № 303). В русском переводе это житие, за исключением немногого, напечатано в «Русском вестнике» (1858, № 19). Подлинная повесть, но без описания чудес, издана в: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1–4. СПб., 1860–1862. Вып. 1 (далее — Памятники старинной русской литературы. — *Ред.*).

Праведная
ИУЛИАНИЯ ЛАЗАРЕВСКАЯ

другие девушки находили удовольствие в пустых забавах и играх, для нее утешением было присмотреть за больным бедняком, сшить рубашку для неимущего, приласкать сироту. Ее сверстницы о том только и думали, что лелеяли свою красоту; с раннего утра ели и пили; к тому же побуждали Иулианию; тетка даже бранила ее за то, что губит она девственную красоту невниманием к ней, но Иулиания хранила воздержание, берегла чистоту души своей и лелеяла в себе только страх Божий. Девушку-сироту не учили грамоте, и это как будто в порядке вещей для сироты. Она во все время девичьего возраста ни разу не была в церкви; в деревне, где жила она, не было храма, он был в 2-х верстах, а обычай, не дозволявший девушке отлучаться из дома и являться среди чужих, благовидно прикрывал в глазах воспитателей ее опущение святого долга. Тем не менее, Иулиания была девушкою редкою по доброте. Благой смысл был наставником ее в добре, и страх Божий раскрывал смысл ее. В ее время девушки выходили замуж на 15 году. Но Иулиания была сирота, ее не спешили пристроить. Ее выдали замуж, когда было ей 16 лет. Но сироте послал Бог мужа богатого и благородного, Юрия Осорьина, владельца с. Лазаревского; в этом селе венчал их благочестивый священник Потапий, бывший потом, с именем Пимена, архимандритом Муромского Спасского монастыря; благочестивый духовник много помогал Иулиании на новом пути жизни ее своими советами и наставлениями. Услужливостью и трудолюбием она скоро приобрела себе любовь свекра и свекрови, так что они поручили ей заведование домом. Утром и вечером она постоянно совершала коленопреклонные молитвы, клала по 100 и больше поклонов. К тому же она приучила и супруга своего. По временам скорбела она, что не осталась в девстве, зато удваивала она усилие исполнять заповеди Божии в кругу своей жизни. Случалось, что муж находился на царской службе в Астрахани год, два и три года. Тогда она по ночам занималась рукоделием, то пряла, то шила в пяльцах, и выручаемые за работу деньги раздавала бедным или в храм Божий; это делала она тайно даже от свекрови, хотя та любила ее; только одна служанка знала подвиги любви ее. Сирот и вдов она своими руками кормила и поила, обшивала и обмывала. Все слуги и служанки были у нее сыты, одеты, обуты; в обращении с ними она не допускала никакой гордости; каждого вежливо называла по имени и отчеству. Для себя лично она не требовала от них услуг, никогда не приказывала, чтобы подали ей воды или сняли с нее обувь, — все это делала она сама. Только при гостях дозволяла себе приказывать то

и другое слугам. Но и в таких случаях тяготилась услугами их. «Кто я, бедная, — говорила она, — чтобы служили мне другие?» Между слугами были и такие, которые, несмотря на всю ее доброту, оказывали ей грубость, случалось ей видеть и слышать ссоры между слугами. Она старалась побеждать их строптивость терпеливою добротою. «Часто грешу я пред Богом, — говорила она, — и Бог терпит меня: потерплю и я, тем более, что хотя они подчинены мне, но в душе, быть может, они гораздо лучше меня пред Богом». Не смущаясь, переносила она выговор от свекра, свекрови и супруга за беспорядки слуг, но не только не говорила о них лишнее, несправедливое, а старалась прикрывать и поправлять ошибки их.

Ночью обыкновенно она молилась Богу; особенно великое усердие ее было к святителю Николаю. Раз ночью, во время молитвы, она была поражена таким страхом, что, оставив молитву, поспешила укрыться в постель, но и затем страшные грезы преследовали ее; мечты грозили погубить ее, если не перестанет молиться; наконец она мысленно обратилась к Богу и призывала в помощь святителя Николая. Внезапно явился святитель с книгою в руках и сказал: «Будь тверда, дочь моя, не бойся этих угроз, Христос повелел мне хранить тебя». Пробудясь, она уже наяву увидела святолепного мужа, выходящего из ее комнаты. С тех пор она еще более начала молиться.

Случился большой голод, так что многие и умирали от недостатка пищи. Иулиания удвоила тайную свою милостыню. Она брала у свекрови пищу себе для завтрака и полудня и все раздавала нуждавшимся, сама же, как и прежде того, ничего не ела до обеда и вечера. Свекровь говорила ей: «Я рада, что теперь ты больше кушаешь; только отчего прежде не могла я заставить тебя ни завтракать, ни полдничать?» Блаженная, скрывая подвиг свой, отвечала: «Тогда не рождала я детей, теперь же не могу довольно наесться». Если кто из бедных умирал, блаженная нанимала убрать мертвеца, покупала саван и молилась о усопшем. За голодом последовала зараза; люди запирались в домах, боясь прилипчивой смерти. Блаженная, тайно от своих, ухаживала за страдавшими от заразы и, если умирал кто, не гнушалась сама омывать его и на свой счет погребала.

Свекор и свекровь, достигши глубокой старости, скончались в иноческом одеянии. Блаженная раздала щедрую милостыню за них, делала трапезы для бедных, посылала подаяния заключенным в темницах и отправила поминовение в храме без мужа, бывшего на службе в Астрахани.

У нее много было детей и из них шесть сыновей и одну дочь возрастила она в страхе Божием. Старший сын ее был убит слугою: это сильно огорчило ее, но она еще имела столько твердости, что утешала супруга своего. Скоро после того другой сын убит был на царской службе, — она и эту потерю перенесла благодушно. И, однако, эти две потери так потрясли ее, что она сильно упрашивала супруга дозволить ей вступить в монастырь. Супруг удержал ее: «Твое дело, — говорит он, — воспитывать детей для Господа». Он читал ей книги Космы пресвитера и других блаженных учителей, где сказано: «Черные ризы не спасут нас, если живем худо, — и белая риза — не пагуба, если творим волю Божию. Худо делают, удаляясь в монастырь от бедности и бросая детей без призора; дети плачут на них пред Богом». «Если так, — сказала блаженная, — воля Божия да будет!» — и осталась жить с детьми.

Блаженная выпросила у супруга дозволение не иметь более супружеского сожития с ним и стала спать на особой постельке. Она стала более прежнего поститься и молиться. Каждый пяток проводила она в уединенной клети на молитве, ничего не вкушая; в понедельник и среду вкушала один раз сухой хлеб; в субботу и воскресенье учреждала трапезы для духовных и нищих. Ночью спала она не более двух часов, с вечера, и то, подложив под голову полено, а под бок ключи. Когда другие крепко засыпали, она вставала на молитву и молилась до утрени, потом шла в церковь. Хотя и не умела она грамоте, но, любя слушать чтение книг, она так научилась, что объясняла другим, как надобно жить, чтобы угодить Господу. Благочестивое чувство и опыты жизни привели ее к уразумению высоких истин христианских. В доме была она материю для всех, заботясь о довольстве каждого слуги; провинившихся слуг и служанок вразумляла не бранью и побоями, а кроткими словами любящей матери.

По смерти супруга своего она раздала милостыню по церквам и монастырям. Она молилась о душе его усердно и детям говорила: «Не плачьте о нем много, дети мои! Смерть его говорит нам, что и нам надобно готовиться на суд. Вместо слез творите милостыню по силе и храните между собою любовь». Щедрость ее для бедных до того доходила теперь, что, по временам, не оставалось у нее ни копейки; занимая у детей деньги на одежду себе, она отдавала одежду нищему, а сама ходила без теплой одежды зимою. Отягчая себя подвигами для Господа, она клала под босые ноги в сапоги скорлупу и так ходила. Господь призирал милостивно на ее подвиги. Однажды зима была весьма суровая:

блаженная, не имея ни одежды, ни обуви, несколько времени не ходила в храм; ей было уже 60 лет. Священник церкви святого Лазаря, придя к утрене в храм, внезапно услышал голос от иконы Богоматери: «Иди, скажи милостивой вдове Иулиании, что напрасно не ходит она в церковь; домашняя молитва приятна Богу, но не так, как церковная; а вы уважайте ее, Дух Божий почивает на ней». Священник, испугавшись, побежал к Иулиании и в слух всех рассказал, что слышал. Смиренная раба Божия огорчилась таким рассказом священника. «Ты в прелести, говорила она; кто я, грешная, чтобы удостоиться такого приглашения?» Она заклинала священника и всех слышавших не говорить о том ни слова, ни при жизни, ни по смерти ее. Потом пошла в храм и отслужила молебен Богоматери. С того времени, невзирая ни на какую погоду, ходила она в церковь, когда только бывало богослужение. В доме же, что бы ни делала, ела ли или пила, постоянно творила молитву Иисусову.

Девять лет прожила она вдовою, благоугождая Богу постом, молитвою и милостынею. Запасами хлеба распоряжалась она так, чтобы доставало домашним на год, прочее же раздавала бедным. При царе Борисе был страшный голод: некоторые ели даже человеческое мясо мертвецов. Блаженная просила детей и домашних отнюдь не касаться чужой собственности; сколько имела она скота и домашней рухляди, все распродала для покупки хлеба и кормила не только домашних, но и чужих. Наконец, дошла она до крайней нищеты и, с упованием на Бога, переселилась в Нижегородскую деревню Вочнево. Когда и тут усилилась бедность, она, созвав рабов своих, сказала: «Сами видите, каков голод; если кто из вас не хочет терпеть вместе со мною нужду, пусть идет, куда ему угодно, для соискания себе хлеба». Иные остались с нею, других же отпустила она, по их желанию, со всею любовью. Оставшимся она велела собирать лебеду и древесную кору, чтобы готовить из того хлеб; по ее молитвам хлеб оказывался вкусным, и не только свои кормились и были здоровы, но и бедняки получали помощь. Соседи говорили нищим: «Зачем вы ходите к Иулиании? Она и сама умирает с голоду». Нищие отвечали: «Много сел обходили мы, но ни у кого не ели такого вкусного хлеба, как у нее». Зажиточные посылали к ней нарочно за хлебом, чтобы проверить слова нищих, и дивились приятности хлеба ее. Все время голода, целые два года, провела она в крайней скудости, но всегда была покойна и весела, благодаря за все Господа.

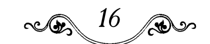
Когда приблизилось время ее кончины, в самый день Рождества Христова она заболела и была больною шесть дней. Но и в эти дни

сама ночью вставала на молитву, так что слуги смеялись и говорили: «Что это за больная?» В самый день кончины, рано утром, призвала она духовника своего, исповедалась и причастилась Святых Таин, потом благословила детей и заповедовала им жить в страхе Божием. «Еще с юности, — присовокупила она при том, — сильно хотела я облечься в иночество, но по грехам моим Бог не сподобил меня сей милости; слава Богу за все»! И 2-го января 1604 года мирно предала дух свой Богу. В ту же ночь явилась она своей служанке и просила похоронить тело ее вблизи супруга ее, у церкви святого Лазаря. Это и было исполнено. В 1614 году, когда погребали сына ее, открыли гроб ее, полный благоуханного мира. Многие больные, помазавшиеся сим миром, получали исцеление. Другие недужные получали исцеление после молитвы над гробом ее; в числе их дети Червева страдали от ран, из которых текла кровь, и не владели руками, а после молитвы над гробом праведницы исцелились; точно так же слепой женщине возвратилось зрение; расслабленный и скорченный Андрей совсем выздоровел[1]. Такова раба Божия Иулиания.

ПАМЯТЬ
святого мученика
ФЕОГЕНА

Епископ Парийский, города Троады, живший в IV веке. За исповедание веры Христовой он был осужден Ликинием на потопление в море; перед исполнением казни он просил времени на молитву, и когда молился, то лицо его озарилось необыкновенным светом, что так

[1] «Егда приближися ея честное преставление: и разболеся декабря 26 д. и лежа 6 дней». Поэтому кончина на 7 день после 26 декабря последовала 2 января. И однако в печатном издании поставлено: «генваря в 4 д.», последнее — ошибка писца. В ркп. святцах: «св. боляриня Юлиания, яже бысть в с. Лазаревском, новая чудотворица, преставися в л. 7112 (1604) м. генваря во 2-й день». Осорьин: «погребоша у церкви праведного Лазаря, подле мужа ея, в с. Лазареве, за четыре версты от града, в л. 7112 (1604) генв. в 10 д.». Служба прав. Иулиании у Толстого 3. № 68.

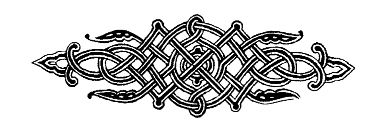

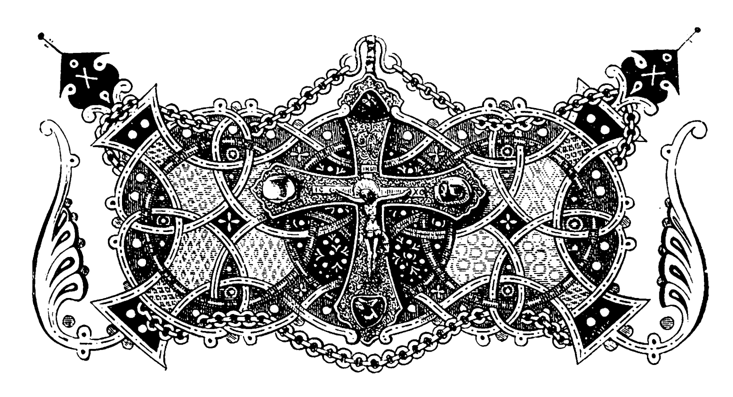
поразило бывших при этом, что многие из них приняли христианскую веру. После утопления тело его было вынуто из воды христианами и предано погребению при городской стене, и здесь совершается много чудес и исцеляются болезни в прославление угодника Божиего.

Святой Феодотии, матери бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана. Рано овдовевшая, она вела жизнь благочестивую и посвятила всю себя воспитанию детей в страхе Божием. Память ее также 1 ноября и в Сырную субботу.

Преподобного Аммона, жившего в начале V века. Он был настоятелем Тавеннисиотской обители в Египте, в которой было при нем до 3000 иноков.

Преподобного Макария. Подвизался в IV веке в монастыре Писпер, на берегу Нила, где он был преемником учителя своего — Антония Великого.

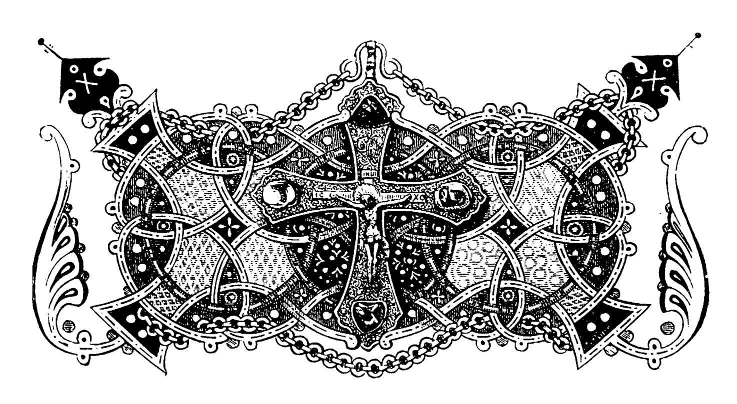
День третий

ПАМЯТЬ святого пророка МАЛАХИИ

Происходил из колена Завулонова, скончался лет за четыреста до Рождества Христова. Пророчествовал о пришествии Христовом, перемене закона Моисеева на лучший и Страшном Суде.

ПАМЯТЬ святого мученика ГОРДИЯ

Мученик Гордий пострадал в гонение Ликиния, в Кесарии Каппадокийской, обезглавлен. Когда он был осужден на казнь, многие советовали ему для спасения жизни хоть по видимости отречься Христа. «Ты отрекись от Христа языком, — говорили ему, — а сердцем веруй, как хочешь; Бог не языка требует, а мыслей и убеждений». Но он, как скала среди моря, пребыл непоколебимым и худым советчикам отвечал: «Языка, который имею благодатью Христовою, не могу подвигнуть, чтобы он отвергся Создателя».

День четвертый

СТРАДАНИЕ святого ОНУФРИЯ

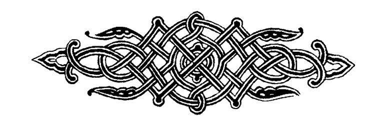
Святой Онуфрий, в крещении Матфей, родился в Габрове Терновской епархии[1]. Родители его болгары, были люди богатые и пользовались известностью. Матфей учился в училище и при прекрасных способностях учился хорошо. Отец наказал его строго за какую-то шалость; пылкий и самолюбивый юноша закричал в слух турков, что он потурчится. Турки непременно совершили бы над ним обрезание, но его ловко выхватили из рук турок, и он, скрытый от них, остался христианином. Когда Матфей пришел в зрелый возраст, он удалился на Афон и вступил в братство Хиландарского монастыря. Приняв иночество с именем Манассии, он рукоположен был в иеродиакона. Так как отец Манассия искренно и ревностно служил Господу, — а чем усерднее стремятся к совершенству духовному, тем яснее и сильнее чувствуют свои недостатки и погрешности, — то и отец Манассия стал сильно чувствовать тяжесть отречения своего от святой веры, совершенного в пылкой, полусознательной юности. *А иже отречется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим* (Мф. 10, 33), — эти

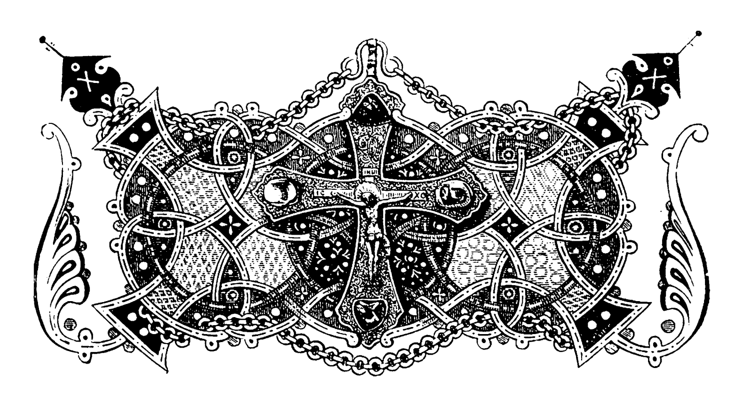
[1] Страдание его по ркп. Афонского скита св. Предтечи описано в: Афонский патерик или жизнеописание святых, на Святой Афонской Горе просиявших: В 2 ч. СПб., 1860. Ч. 2 (далее — Афонский патерик. — *Ред.*).

слова Господа громко раздавались в душе его и не давали ей покоя. Он постоянно носил страх в душе своей, что если не принесет он достойных плодов покаяния, откажется от него Христос Господь. Так страх за вечную участь породил в нем мысль о кровавом подвиге. Потом желание мученичества, при возрастании его в духовной жизни, стало плодом пламенной любви его к Господу, готовой на все за славу имени Его. Прежде чем решился он на великий подвиг, он открыл желание свое старцам. Те советовали ему испытать себя. После долгого самоиспытания идет он к духовнику Никифору и просит принять его в келлию свою, с тем, чтобы приготовить его к мученичеству. «Не отказываюсь принять тебя к себе, — отвечал старец, — но с тем, чтобы ни с кем ты не имел сношения и прежде кровавого мученичества подвизался бы так, как бы был в муках». «Согласен на условия», — весело сказал Манассия. Возвратясь в обитель, он распорядился своими вещами: довольную сумму отдал монастырю, с тем чтобы обитель покоила отца его, жившего в ней. Сказав в монастыре, что идет в Иерусалим, отправился он к старцу Никифору. Тот дал ему особую келлию, приказал ученику служить ему и не допускать никого другого, преподал наставления, как должен подвизаться, и оставил с миром Божиим. Заключившись в келлийце, преподобный в первые 40 дней вкушал пищу иногда чрез два дня, иногда чрез три, а иногда и чрез неделю, да и то в малом количестве хлеба с водою; земных поклонов клал до 3 500 в сутки, и слезы постоянно текли из очей его. Так как от таких подвигов он очень ослабевал, то старец умерил пост его. В это время принял он схиму с именем Онуфрия. По окончании испытания старец Никифор послал Онуфрия для желаемого им подвига в Хиос; в спутники ему дан опытный инок Григорий. Прибыв в Хиос 29 декабря, путники остановились у благочестивого христианина. Онуфрий провел семь дней в посте, молитве и безмолвии и не раз причастился Святых Таин. В одну ночь в легком сне видел он следующее: сонм иереев, архиереев, воинов объявляет ему: «Иди, Царь хочет видеть тебя». Онуфрий в трепете отвечает: «Для чего Царю видеть меня, пустого человека? Прошу уволить меня, если это возможно». «Нельзя, — был ответ, — ты идешь за нами». Онуфрий пришел вслед за ними в какое-то светлое, чудное место и, увидав Царя, пал пред Ним. Царь сказал: «Готово место», и указал на место света неизъяснимого. Блаженный в восторге проснулся, и сердце его полно было радостью. В следующую ночь почувствовал он отсутствие этой радости и со скорбью говорил о том спутнику. Опытный Григорий ве-

лел ему просить молитв за себя у всех христиан, и смиренный Онуфрий кланялся каждому, прося помолиться за него.

Явясь в суд в зеленой повязке и красных башмаках, Онуфрий говорил: «Назад тому 15 лет ранен я в подобном месте; с того времени рана моя не заживает; врачи говорят мне: если не явлюсь в то место, где ранен, не исцелею». — «Что за рана у тебя?» — спросил кадий. «Будучи юным, — отвечал блаженный, — по неразумию высказал я желание потурчиться, хотя никогда не служил вере вашей, а всегда жил христианином. Придя в зрелый возраст, чувствую жгучесть этой раны и с полным убеждением говорю: магометанство — пагуба душе». Сказав это, он сбросил с головы зеленую повязку. Судьи онемели. Наконец молодой турок, казавшийся себе очень умным и ловким, говорит: «Что ты делаешь, братец? Это — священная вещь: подними и накройся ею». Исповедник отвечал: «Называть пустую вещь святою — богохульство. В том-то и беда людей потерянных, что отвергают, топчут в грязи Богом открытую истину и Богом посланную святыню, а чтут мечты больного воображения людского, глупости, осмеиваемые трезвым умом; точно как язычники не ищут Искупителя мира грешного, создали себе и нравственность, и рай по вкусу животных страстей. Да и еще довольны собою! Не страшное ли это состояние?» Исступленные закричали: смерть христианину. Очередной военный чиновник отвел исповедника в тюрьму мусселима и наложил на него колодку. При этом один магометанин дал исповеднику две пощечины. «Благодарю за себя и жалею о тебе», — сказал исповедник. Премудрые судьи, побывав в мечети, решили: смерть христианину, если не благословит Корана. Исповедник, вновь позванный на суд, не изъявил желания целовать глупости магометанства. Судьи приговорили истребить и память его. Вследствие того обезглавленное тело и вся одежда мученика брошены были в море. Страдание совершилось 4 января 1818 года, на 32 году мученика.

День пятый

ПАМЯТЬ святых ТАЛИДЫ и ТАОРЫ

В верхнем Египте, иначе в Фиваиде, в IV и V веках было множество женских обителей. В городе Оксиринхе, ныне почти засыпанном песком, было до 20-ти тысяч инокинь. Древние публичные здания и храмы, посвященные прежде ложным божествам, обращены были в иноческие обители. Влияние иноческой жизни на горожан было изумительное. Они имели такую любовь к успокоению странных, что высылали слуг к городским воротам и сами выходили смотреть, не близится ли где какой странник? Если странник был инок, бежали навстречу ему, каждый тащил к себе; хватались за плечи, за одежду, только бы иметь счастье успокоить его. Руфин говорит как очевидец, что в его время в Оксиринхе не было ни одного язычника и ни одного еретика, так что епископ с такою же свободою мог проповедовать на площади, как и в церквах[1].

Дивный тут был и епископ Апфий. Когда он был монахом, вел весьма строгую жизнь; а когда стал епископом, хотел вести такую же

[1] *Rufinus Aquileiensis*. Historia Monachorum; Aegypt. mon. hist. in ecclesiae graec. monum. 3, 175. «Venimus ad civitatem quondam Thebaidis», — говорит Руфин, говоря об Оксиринхе.

строгую жизнь и среди мира, но не мог. Повергаясь пред Богом, говорил он: неужели по причине епископства отступила от меня благодать? И было ему открыто: «Нет, но тогда ты был в пустыне, там не было ни одного человека — и Бог помогал тебе, а ныне ты в мире — и люди помогают тебе»[1].

На восточном берегу Нила стоял город Антиноя, а напротив Антинои — Гермополь, ныне, с VII века, Ашмунейм. На восточном берегу продолжавшиеся Аравийские горы испещрены пещерами — это древнейшие каменоломни и гробницы. И здесь-то были *Фиваидские уединения,* прославленные делами христианских подвижников и подвижниц. Они начинались от нынешней *Миниэты* и тянулись далеко на юг. В *Шейх-Абаде,* возле исчезнувшей Антинои, в мечети показывают гробницу Антинойского епископа *Аммона,* подписавшегося под определением собора 394 года[2]. По известию Палладия, в Антиное было 12 женских обителей, где вели жизнь богоугодную.

Между *Антинойскими* подвижницами отличалась особенно высокою духовною жизнью старица амма (мать) *Талида*[3]. Она уже восемьдесят

---

[1] Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1845 (далее — Достопамятные сказания. — *Ред.*).

[2] *Аммиан Марцеллин.* Деяния в тридцати одной книге. Lib. 22. «В Фиваиде много городов; славнее других Гермополь, Коптос и Антиноя, которую имп. Адриан построил в честь любимца своего Антиноя». По основателю своему Антиноя называется Адрианополем. Так и св. Амон под определениями собора 394 г. подписался: «Амон Адрианопольский», тогда как Феофил, архиеп. Александрийский, писал послание к Амону, еп. Фиваиды. О епископах Фиваиды см.: *Le Quien.* Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus, in quo exhibentur Ecclesiae patriarchae caeterique praesules totius Orientis. 3 vols. Paris, 1740. V. II (далее — *Le Quien.* Oriens christianus. — *Ред.*). Норов называет еп. Амона, которого гробница стоит в мечети, мучеником (*Норов А.С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.: В 2 ч. СПб., 1840). Но это не согласно с действительностью. Аммон епископ, скончавшийся мученически при Диоклитиане, был епископом Лятополя или Асны (*Le Quien.* Oriens christianus).

[3] В русском переводе Лавсаика (*Палладий Еленопольский.* Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850 (далее — *Палладий Еленопольский.* Лавсаик. — *Ред.*)), как и в латинском, Амматалида. Это ошибка: два слова, нарицательное и личное, соединены в одно. Амма — мать, обыкновенное коптское название уважаемым подвижницам. У Палладия Питирим о св. Исидоре: «Она и вам и мне Амма» и Палладий прибавил: «Так называются там духовные матери» (см.: *Палладий Еленопольский.* Лавсаик). У Гераклида (гл. 48) Талида названа Аматою. У Людольфа Амат — раба Амата, Вагед — раба единственного, т. е. Сына Божия (*Ludolfi.* Ad soam historiam aethiopicam commentaries).

лет пребывала в подвижничестве, когда виделся с нею Палладий. С нею жило шестьдесят девственниц. По ее наставлениям они проводили жизнь постническую и чистую. Они все так уважали и любили ее, что ворота монастыря их не затворялись, как в других монастырях; одна любовь и уважение к воле аммы удерживали их в стенах обители, и они крепко хранили чистоту души и тела для вечной славы. В ушах и сердцах их постоянно звучали слова Апостола, переданные им аммою: *Поступайте достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью, и долготерпением, снисходя друг другу любовью, стараясь сохранить единство духа в союзе мира* (Еф. 4, 1–3). Амма Талида достигла невозмутимой чистоты душевной. «Когда пришел я к ней и сел, — говорит Палладий, — она села подле меня и положила на мои плечи свои руки, с изумительным упованием на Христа, сохраняющего чистоту ее помыслов».

Что это за бесстрастие Талиды? Не свойство ли одряхлевшего организма? О! Нет, в мире бывают старики и старухи 80 лет такие, что в их членах сильно играет нечистый грех. С другой стороны, один жил в пустыне с детства, но когда в первый раз увидал на дороге женщин, сказал отцу своему: «Вот те самые, которые приходили ко мне ночью в скит». Авва Антоний говорил: «Думаю, что тело имеет движение естественное, прирожденное ему, но оно не действует, когда душа не хочет, и бывает движение без похоти. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгорячения тела пищею и питием. Происходящий от них жар крови производит нечистые возбуждения в теле. Потому и сказал Апостол: *не упивайтесь вином, в нем же есть блуд* (Еф. 5, 19); равно и Господь в Евангелии сказал ученикам: *внемлите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством* (Лк. 21, 34). В подвижниках бывает и иное движение от коварства и зависти диавола»[1]. Приложите эти слова к Талиде и увидите истину. Восходивший с земли на небо говорил о себе, что до разлуки с телом он не считает себя свободным от опасности: но вместе с тем воля, крепкая благодатью, ныне и вчера одерживает победы и над естественными движениями испорченной плоти и по временам уходит с земли на небо.

В том же Антинойском монастыре жила девственница *Таора,* ученица святой Талиды. Она уже 30 лет подвизалась, когда видел ее Пал-

[1] Vitae part. Lib. 4. c. 5. n. 1, 23.

ладий. «Она никогда не хотела взять ни нового хитона, ни мафорты, ни обуви»[1]. «Для меня нет надобности в том, — говорила она, — чтобы иначе не заставили выходить за ворота». Когда прочие сестры в воскресный день (и только в воскресный) обыкновенно ходили в церковь для приобщения Святых Таин, она, покрытая ветошками, оставалась в монастыре, постоянно занимаясь делом. Лицо ее было так красиво, что самый твердый с трудом мог не увлечься красотою ее, но ее подвижничество внушало невольный страх даже самому бесстыдному оку. Верная раба Божия отказывала себе в духовном утешении — в посещении храма Божия, оттого, что страшилась соблазнять кого-либо лицом своим, и себя избавляла от искушения опасного. Взор на мужчину язвит или уязвляется, говорит духовный опыт. «Девственница, — писал великий Антоний, — не должна питать в себе чувств, свойственных жене; она должна удаляться нечистых мыслей, гордости и всего, что приятно дьяволу; должна любить всех, бегать мирской славы, быть преданною Богу, обуздывать язык и строго хранить пост». Так подвизалась преподобная Таора[2].

«Была и еще в Антиное, — говорит Палладий, — истинная девственница, бдительно совершавшая дело подвижничества. Она жила не в далеком от меня расстоянии». Палладий путешествовал по пустыням Египта в 388–392 годах, в том числе жил и в Антиное[3]. «Я не видел ее в лицо, — продолжает он, — она, как говорили знавшие ее, никогда не выходила из келлии, с тех пор как отреклась от мира, и 60 лет провела в подвижничестве вместе с своею матерью. Когда же, наконец, пришло время перейти ей из этой жизни в Жизнь Вечную, явился ей прославившийся мужеством в том месте святой мученик *Коллуф* и сказал: “Сегодня ты пойдешь к своему Господу и узришь всех святых. Потому приди разделить вместе с нами трапезу в монастыре”. Блаженная, встав рано поутру, оделась, положила в свою корзинку хлеба, оливок и несколько овощей и, после столь многолетнего затворничества, отправилась в храм мученика. Здесь она помолилась, села и целый день выжидала времени для вкушения. В девятом часу,

[1] По старинному славянскому переводу: «ризу нову или мантию или ослоги никогдаже взяти восхоте».

[2] О Талиде и Таоре см.: *Палладий Еленопольский.* Лавсаик; Гераклид, гл. 48. Память о свв. Талиде и Таоре в сырную субботу. У абиссинцев св. Амата Христова мая 28 (23).

[3] *Палладий Еленопольский.* Лавсаик.

когда пришло время вкусить пищу и в храме уже никого не было, она выложила снеди и обратилась к мученику с молитвою: "Благослови, святый Коллуфе, пищу мою, и да сопутствуют мне молитвы твои!" После того, сев, вкусила. Потом, еще помолившись, пришла домой около захода солнца. Здесь передала она матери своей толкование строматописца Климента на пророка Амоса со словами: "Передай это епископу, посланному в заточение, и скажи ему, чтобы он помолился обо мне, — я отхожу ко Господу". В ту же ночь она скончалась: не страдав ни горячкою, ни головною болью, она сама себя приготовила к погребению и предала дух в руки Божии»[1].

Авва Даниил около 420 года, посещая пустыни Фиваиды, пришел в *Гермополь* и сказал ученику своему: «Иди вот в тот женский монастырь и скажи игуменье, что желаю быть у них». Это был монастырь, основанный отцом Иеремиею, в нем сестер было до 300. Ученик постучал в ворота. Привратница тихо спросила: «Что нужно?» Ученик отвечал: «Скажи игуменье, что один инок хочет беседовать с нею». Пришла игуменья и спросила: «Что нужно?» Брат отвечал: «Сотвори любовь, позволь ночевать в твоей обители мне и брату, чтобы иначе не съели нас звери». Игуменья отвечала: «Мужчина никогда не входит сюда, и для вас полезнее быть пищею зверей, чем страстей». Ученик объявил, что скитский авва Даниил желает быть у них. Тогда игуменья велела отворить оба ворота, немедленно созвала всех сестер. Постницы от ворот до места, где стоял старец, покрыли путь коврами и, кланяясь ему, целовали ноги его — и с радостью ввели его в монастырь. Игуменья приказала принести лохань и, налив теплой воды, положив в воду благовонных трав, уставив сестер в два ряда, сама обмыла своими руками ноги его и ноги ученика его, и затем окропила тою водою всех сестер и обмыла себе голову. Постницы стояли безмолвными — и только знаками давали знать о нужном; ходили они весьма тихо и скромно. Старец сказал игуменье: «Нас ли стыдятся сестры, или они всегда таковы?» — «Всегда таковы», — отвечала игуменья. «Скажи же ученику моему, — сказал старец, — пусть учится он молчанию, он у меня — настоящий готфянин» (немец).

[1] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Память муч. Коллуфа, сожженного при Максимиане, мая 19 числа. Имя преподобной, о которой говорит Палладий, не показано им и осталось неизвестным. Безымянных святых много в месяцеслове Греческом. См.: *Вершинский Д.С.* Месяцеслов Православно-Кафолической Восточной Церкви. СПб., 1856 (далее — *Вершинский Д.С.* Месяцеслов. — *Ред.*).

Из инокинь одна лежала в монастыре в разодранной одежде. Старец спросил игуменью: «Кто это лежит?» Игуменья отвечала: «Это одна из сестер, нетрезвая; не знаю, что с нею делать? Выгнать из монастыря боюсь, не согрешить бы; держать ее — смущение для других». Старец сказал ученику: «Возьми умывальницу и налей воды на нее». Когда он исполнил это, она встала как будто пьяная. «Такова она всегда», — сказала игуменья. Затем настоятельница повела старца в трапезу и предложила вечерю для него и для сестер. «Благослови, отче, рабынь твоих покушать при тебе», — сказала игуменья. Сама она и по ней вторая сели со старцем. Старцу предложены были: чечевица квашеная, невареный овощ, финики и вода; ученику поставили хлеб, вареный овощ и вино, разбавленное водою; инокиням предложены были: разные вареная пища, рыба и вино. Когда старец встал из-за трапезы, сказал игуменье: «Отчего это у тебя так? Надлежало бы нам кушать лучшую пищу, а у вас вы кушали лучшее».

Игуменья отвечала: «Ты, отче, инок и тебе предложена иноческая пища; ученику твоему подана пища, приличная ученику великого старца; а сестры мои, как новоначальные, ели пищу новоначальных». «Господь да воздаст вам за любовь вашу, — за урок полезный для нас», — сказал старец. Когда все ушли спать, старец приказал ученику идти посмотреть, где будет спать та пьяная? Он, посмотрев, сказал: «В отхожем месте». Старец сказал: «Побдим эту ночь». Когда заснули инокини, старец и ученик пришли к тому месту, где была мнимая пьяная, и видят: она стоит с поднятыми к небу руками, слезы текут по щекам ее, — она бьет поклоны усердные. Когда выходила для нужды сестра, она ложилась как пьяная и храпела. «Позови ко мне игуменью и вторую по ней», — сказал старец ученику. Они, придя, смотрели всю ночь. Игуменья со слезами говорила: «Как много неприятностей делала я ей!» Когда ударили в било, игуменья рассказала всем постницам о подвиге мнимой пьяницы. Но та, когда увидела, что узнали ее, тайно пришла туда, где спал старец, унесла посох его с милотью, отворила ворота и на воротах написала: «Простите меня, сестры, в чем согрешила я, и молитесь о мне». Затем скрылась. Сестры искали ее целый день и, не найдя, увидали на воротах прощальные слова ее. Сестры плакали по ней. Старец сказал им: «Вот каких пьяниц любит Бог»[1].

[1] Египетский патерик, гл. 54. Сборный патерик под знам. «д».

ПАМЯТЬ святого пророка МИХЕЯ (1-го)

Первым святой пророк называется в отличие от второго святого пророка Михея, жившего на 130 лет позже. Святой пророк Михей 1-й пророчествовал изустно; был современником святого пророка Илии; предсказал Ахааву, царю Израильскому, что он будет убит на войне с ассириянами. *Видел я,* — говорил он, — *Господа, окруженного небесною силою и пославшего духа лжи обмануть царя Ахаава, прельстивши его чрез лживых пророков обещанием победы...* (2 Пар. 18). За эти слова был отведен в темницу и, уходя туда, говорил: «Если царь Ахаав возвратится в мире, то я соглашусь, что Бог не говорил мне о нем»... Слова его сбылись. Ахаав погиб на войне около 897 года до Р. Х. По словам Четьи-Минеи, святой пророк скончался мученически.

ПАМЯТЬ святого преподобномученика РОМАНА, жившего в конце XVII столетия в Карпениси, в Морее

Родом простолюдин, неученый и даже безграмотный, Роман имел счастье быть сыном благочестивых родителей. В благочестии их он и почерпнул то настоящее душевное просвещение, которое вернейшим из всех земных путей приводит к единой истинной цели: соединению с Богом. Простые, но верные суждения родителей-христиан среди их скромной житейской деятельности затеплили в душе его искру Божию... И вот разгорелась она постепенно и стала освещать ему обстоятельства его жизни, и превратилась, наконец, в тот пламенный порыв любви к Богу, ради которого он и жизнь свою положил...

Услышав однажды рассказы соседей о Святом Гробе Господнем, подготовленная христиански душа его не осталась равнодушною к услышанному; тронутый и взволнованный новыми для его темного ума впечатлениями, он решился немедленно сам отправиться в Иерусалим. Бог помог ему добраться до святых мест, где, поклонившись святыням, он пришел в Лавру святого Саввы Освященного. Здесь привелось ему слышать чтение о мучениках, которые подвергались всяким страданиям ради будущих вечных благ.

«Какие же это блага?» — спросил Роман, не имевший никакого понятия о догматах веры, не знавший ничего, кроме того, что он родился христианином.

Получив от добрых иноков разрешение возникших в душе его различных вопросов, Роман и сам пожелал достигнуть Царствия Божия путем мученичества и объявил о своем желании иерусалимскому патриарху. Тот останавливал его, опасаясь исхода такого внезапного, не созревшего решения и опасаясь также, чтобы это не послужило к проявлению неприязненных отношений со стороны турок к самому Гробу Господню.

Роман ушел из Иерусалима в Солунь; здесь явился он к городскому судье и смело исповедал перед ним свою веру во Христа; веру же в Магомета назвал ложною и учение его обманом.

Турки, хотя и не предавали в то время поголовному истязанию христиан, допускали их мирно проживать в своих владениях, но никогда не терпели открытого восстания против их веры. Судья решил покарать добровольного исповедника; он велел бить его и мучить без всякой пощады, но, видя его твердость, осудил его на обезглавление.

Случилось при этом быть капитану Солунских кораблей; он попросил судью уступить ему мученика — в работники на корабль, представляя на вид, что это будет для него хуже смерти, потому что на этой службе он будет мучиться целую жизнь. Судья согласился, и Роман был взят на корабль. Спустя несколько времени после этого несколько христиан, находившихся в хороших отношениях с капитаном, выкупили мученика из тяжкой неволи и доставили ему средства уйти на Афон. Здесь он принял иночество, но душа его продолжала жаждать высшего подвига. Он чувствовал себя на земле точно чужим... Он весь углубился в молитву и строгим постом подготовлял себя к довершению подвига. Наконец, решился он отправиться в Константинополь, где снова начал обличать ложное верование в Магомета. Его остановили, бросили

в сухой колодезь, продержали в нем 40 дней без всякой пищи, требуя от него отречения от христианской веры. Но, видя, что никакие мучения не могут его поколебать, визирь приказал отрубить ему голову.

Так пострадал преподобномученик Роман в 1694-м году. Бывшие при этом моряки англичане купили его святые останки за 600 пиастров и отвезли их на своем корабле в Англию.

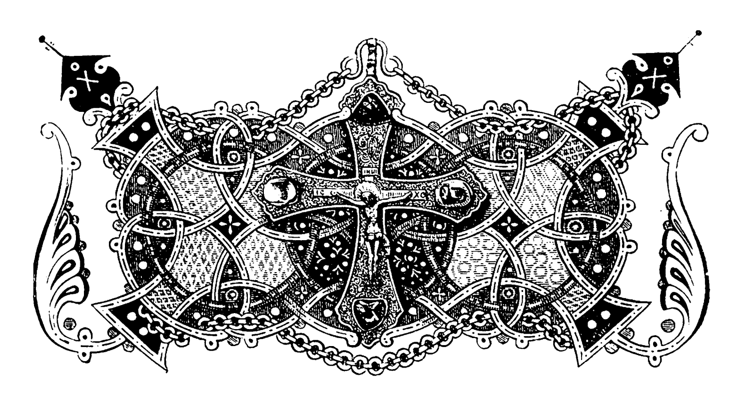
ПАМЯТЬ святой ДОМНИНЫ

Вот что пишет о святой Домнине бывший современником ее жизни блаженный Феодорит[1]: «Чудная Домнина старалась подражать жизни святого Марона[2]. Она в саду своей матери построила себе небольшую хижину, покрытую соломою. С пением петухов идет она в храм Божий; это она делает и по окончании дня. Храм Божий благоговейно чтит она и учит тому же и других. По этой причине она много заботится о храме и уговаривает мать и братьев употреблять свое имущество на храм. Пища ее — чечевица, размоченная водою. Тело у нее высохшее и полумертвое, но выносит всякий труд. Голос ее звучный и выразительный, но слова ее всегда сопровождаются слезами. Ту, у которой такое богатство философии, плачущую, воздыхающую, какое слово в состоянии похвалить? Сильная любовь к Богу рождает эти слезы. Она заботится о тех, которые приходят к ней, подает им все необходимое. Имущество матери и братьев открыто ей для расходов, и за то мать ее и братья благословляются небом».

Блаженна душа, просиявшая в *мире* жизнью, подобною Ангельской!

[1] *Феодорит Кирский*. История боголюбцев, гл. 30.

[2] Прп. Марон, сириянин, подвизался в пустыне. Жил в IV столетии. Память его 14 февраля.

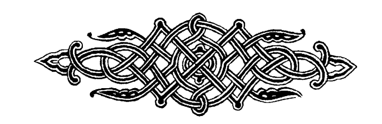
День шестой

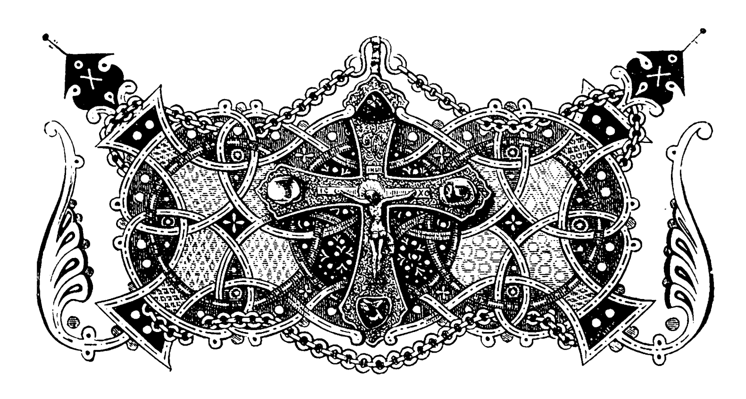
СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

До тридцатилетнего Своего возраста Богочеловек не начинал всенародной проповеди Евангелия, потому что у иудеев ранее этого возраста не принимали звания учителя народного или священника. Когда настало для Него время спасительной проповеди, Иоанн *Предтеча,* в 15-е лето владычества Тиверия, по глаголу Божию, предвозвещает во всей окрестности Иорданской (см.: Лк. 3, 1–3), что приблизилось Царство Небесное и грядет чаемый Мессия; проповедует покаяние, необходимое для достойного вступления в Царство Его, и исповедующих грехи свои крестит в Иордане (см.: Мф. 3, 2). Крещение, давшее Иоанну наименование *Крестителя,* было, по словам Златоуста, только приготовлением к Святому Таинству, а не самым еще Таинством. Желая освятить воды прикосновением к ним пречистого естества Своего и установить Таинство Крещения, долженствовавшее служить дверью в новый вечный завет с Богом, Иисус Христос пред вступлением Своим в открытое, всенародное служение спасению мира пришел также на Иордан к Иоанну креститься. Предтеча никогда не видал Спасителя, но Бог открыл Крестителю, что это Мессия; тогда Иоанн в благоговейном изумлении возопил: *Аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мне. Остави ныне,* отвечал Господь, *тако бо подобает нам исполнити всякую правду* (Мф. 3).

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ДЕСНОЙ РУКИ КРЕСТИТЕЛЯ ИЗ АНТИОХИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Тело Крестителя, по усекновении главы его, погребено в Самарийском городе Севастии. Святой евангелист Лука, проповедавший здесь Евангелие, взял от нетленных мощей Крестителя десную руку его и принес в Антиохию, где она долгое время хранима была православными с великим уважением и верующим подавала благодатную помощь. В 956 году, когда магометане овладели Антиохиею и всеми ее пределами при греческих императорах Константине VII и Романе (912–958), диакон Иов перенес руку Крестителя из Антиохии в Халкидон, свободный тогда от ига магометанского. Из Халкидона она торжественно привезена была на царском корабле самим патриархом в Константинополь и встречена с крестным ходом, в присутствии царя и при стечении многочисленного народа, в самое навечерие Богоявления Господня, и посему как бы сам Предтеча и Креститель невидимо приспел в Царьград на освящение вод и усугубил торжество Богоявления и следующего за ним дня в Константинопольской Церкви. Не соединяя с великим праздником Богоявления Господня нового воспоминания — перенесения десницы Крестителевой, Церковь Греческая постановила совершать сие воспоминание в наутрие Богоявления, в день Собора Предтечи. Таким образом, в X веке ко дню Собора в честь Крестителя Господня присоединилось в Константинополе празднование перенесения десной руки Крестителя. В Константинополе она хранилась до времени завоевания Византии турками и ежегодно в день рождества Предтечи во время Богослужения торжественно выносима была патриархом на амвон для явления народу.

День восьмой

ПАМЯТЬ святых ДОМНИКИ и МАВРЫ

Добрые девы знаменитого рода прибыли еще язычницами в Константинополь из Карфагена, при патриархе Нектарии (397 г.); с ними пришли еще три девушки-язычницы, служанки их. Пламенное желание их было принять христианство, с тем чтобы жить по правилам чистой небесной веры. Патриарх Нектарий имел о них особенное извещение небесное[1]. Потому не только совершил над ними крещение, но Домнику и Мавру посвятил в диаконисы[2], а император Феодосий подарил им земли за чертою города. Домника основала монастырь

[1] О св. Домнике стихира 8 января: «Тому (Христу) последовала еси отвергшися тленныя славы». Другая стихира: «от западов воссияла еси к востоку». Песнь 3-я: «Ангел световиден возвести иерарху пришедшую к царскому граду». О язычестве и прибытии из Карфагена Синаксарь. Менолог на 10 января о Домнике: «принята патр. Нектарием Константинопольским по откровению». Полное житие свв. Домники и Мавры ныне неизвестно, но Иосиф песнописец имел его в руках. Канон преподобной на 8 января по акростиху 9 песни — творение Иосифа. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. Чернигов, 1864.

[2] Менолог Василия на 10 января: «Он (патр. Нектарий) не только ввел ее в монастырь св. пророка Захарии, но и рукоположил ее в диаконису».

в честь преподобного Захарии, а Мавра построила обитель с храмом в честь мученицы Мавры. К той и другой собралось много девственниц и преимущественно их единоплеменниц, из африканского Карфагена, бывшего тогда во власти римской империи. Император Феодосий обращал власть свою на ослабление язычества в дальних углах империи, и обители Домники и Мавры были училищами для юных христианок[1]. Блаженная Домника с пламенною ревностью предалась подвигам христианским; не щадя грешного тела своего, изнуряла себя постами и трудом, мужественно боролась с природою испорченною, чтобы творить волю Божию полною душою[2]. «Сердечное желание являющи слезами, умилением, славная, землю омочила еси и власы отерла еси Христово подножие»[3]. Уклонилася еси милования плотскаго. Украшена была еси добродетельми»[4]. Твердыми и долгими подвигами взошла она на дивную степень духовного совершенства. По милосердию Божию исцеляла она больных. Явила силу над стихиями, прорекала будущее, чем обращала к заботам о вечности и беззаботных жителей веселой столицы. «Обогащенная даром пророчества, предсказывала об императорах, патриархах, и о многом другом»[5]. «Плаватели в море обуреваемыя, — поет Церковь, — спасла еси, елей со благословением пустивши в море, и преложивши в тишину обуревание»[6]. «Явилась ты потоком исцелений, погашающим огонь страстей и подающим ис-

---

[1] Кодин о зданиях Константинополя: «два монастыря, один св. Домники, прозываемый Александров, другой — св. Мавры. Они построены при имп. Феодосии Великом. Тогда пришли из Рима (из западной половины империи) те святые жены и, получив от императора необитаемые тогда приморские места, построили на них монастыри» (*Georgius Codinus*. De antiquitatibus Constantinopolitanis. Ex recogn. Immanuelis Bekkeri. Bonnae. 1843 (далее — *Georgius Codinus*. De antiquitatibus Constantinopolitanis. — *Ред.*). Песнь 6-я о св. Домнике: «священное пророчество воздвигла еси божественного Захарии пророка богомудрого». В монастыре прп. Захарии почивали мощи св. Петра знаменосца, праздновавшегося 3 января. *Востоков А*. Описание Румянцевского музеума. *Du Cange*. Constantinopolis Christiana // Historia Byzantina duplici commentario illustrata. Venetia, 1729 (далее — *Du Cange*. Constantinopolis Christiana. — *Ред.*).

[2] Синаксарь: «избрав уединенную жизнь, предалась мужественным трудам и, дойдя до верха подвижничества, удостоилась дара чудес и многим предсказывала будущее».

[3] Славянская стихира, которой нет в греческих Минеях. То же в другой стихире.

[4] Песни 7 и 8 канона на 8 января.

[5] Слова из Менолога Василия. Песнь 5: «сияние Духа показует дальная яко близ (сущая) и будущих предглаголет сбытие».

[6] Песнь 3 канона.

целение спасительное, Богоименная невеста Божия»[1]. Святая жизнь Домники была очень продолжительна: она дожила до времени императора Льва II (474 г.)[2]. Ей известен был наперед и день смерти ее. «По вседетельному мановению Божию предвидев разрешение тела своего, чистою душою возносила она благодарную песнь Виновнику всего и предала чистый дух свой Богу»[3].

Блаженная Мавра предварила кончину ее переселением в счастливую для нее вечность. Обитель ее прославилась впоследствии тем, что поднимала против себя самую позорную лютость Копронима. Свирепый против иночества, он обращал обитель святой Мавры в место самых гнусных оргий, храм мученицы сравнял с землею, инокинь, не успевших скрыться, отдавал насилиям мерзавцев слуг своих, и место чистых молитв было у него бойнею людей. Само по себе понятно, что обитель после того была восстановлена как памятник мученичества чистых душ[4].

ПАМЯТЬ преподобного ГЕОРГИЯ ХОЗЕВИТА

Преподобный Георгий, родом с острова Кипра, от юности возлюбив Бога, отрекся мира и подвизался в пощении, молитвах и трудах в обители Богородицы, в урочище Хозва, между Иерусалимом и Иерихоном. Скончался в начале VII века.

---

[1] Песнь 4. Славянский перевод весьма неверен. Песнь 6: «струя явилася еси исцелений обильна».

[2] Менолог Василия: «дожила даже до времен императоров Льва и Зенона». Тоже — Синаксарь.

[3] Песнь 8. В 7 песне: «будучи храмом Св. Духа, ты в святом храме слышала голос, научающий тебя тайнам и честному отшествию из тела».

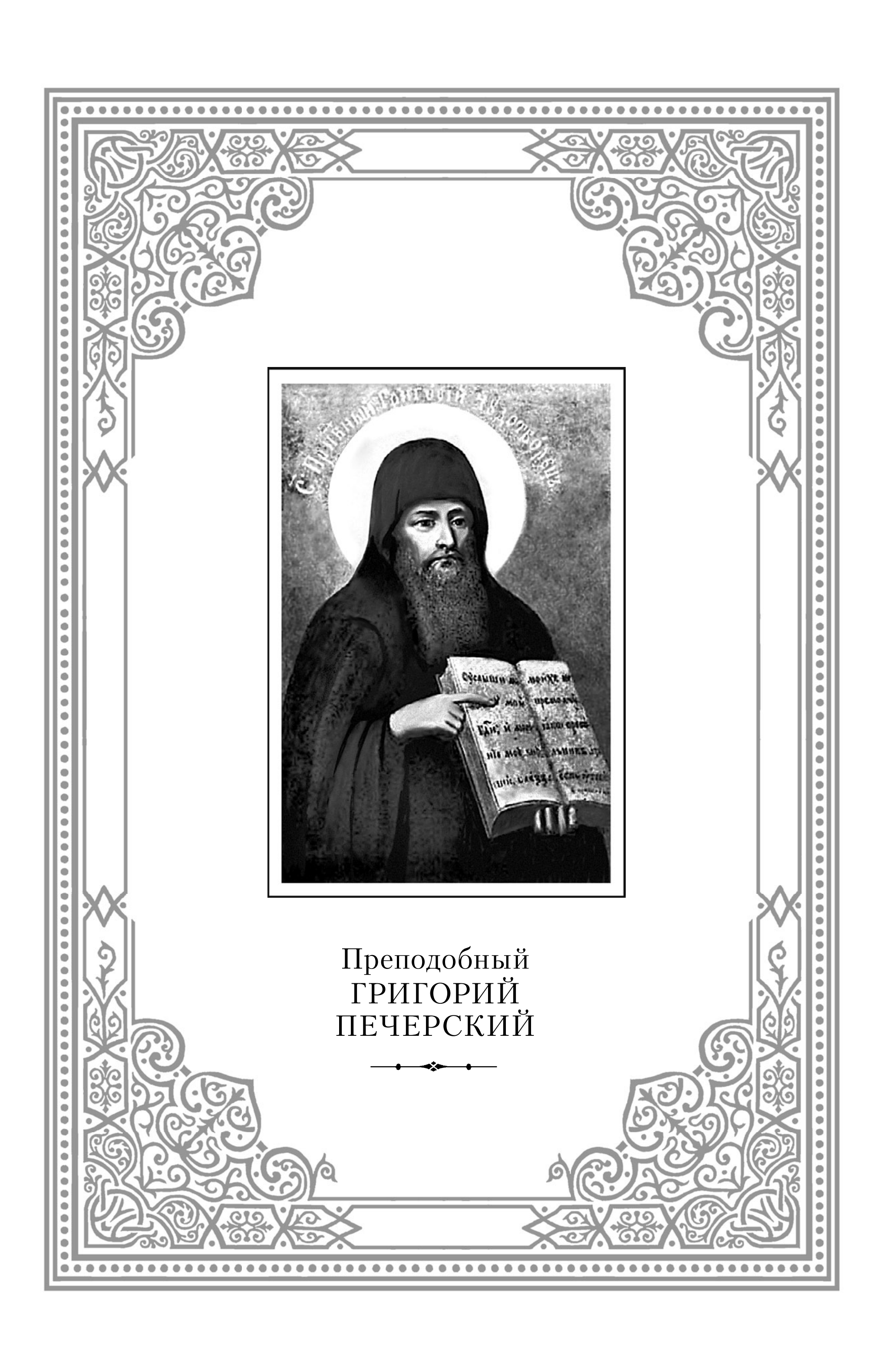
[4] *Georgius Codinus*. De antiquitatibus Constantinopolitanis; *Du Cange*. Constantinopolis Christiana.

ПАМЯТЬ преподобного ГРИГОРИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Преподобный Григорий был принят в Печерскую обитель преподобным Феодосием. Под его руководством он обучил себя смирению, послушанию и нестяжательности; особенно же любил он молитву. Он столько успел в духовной жизни, что мог творить чудеса и видеть будущее. Нечистые духи убегали из людей при одной встрече с Григорием.

Всего изумительнее в нем борьба его с хищниками. Это было особенным подвигом его. В этой борьбе он побеждал злость хищников своею добротою и вместе возвышался более и более до полного бесстрастия к земному.

В келлие преподобного Григория было одно сокровище — книги. Надобно представить себе, что в то время приобрести и одну книгу стоило многого труда или дорогой цены, а у преподобного Григория было много книг; он любил книги как источники духовной мудрости. О том, что у строгого подвижника дорогое было собрание книг, знали и на стороне, узнали и такие люди, которые любят пользоваться чужим. Эти-то последние захотели воспользоваться любимою собственностью преподобного. Ночью, подойдя к келлие его, воры притаились в удобном месте и ждали, пока выйдет он в церковь к утрене. Проводивший ночи в молитве, Григорий услышал приход их и к обычной молитве присовокупил такую молитву: «Господи! Пошли сон на этих людей, которые так неполезно трудятся». Молитва была услышана: воры проспали пять суток, пока братия увидали их; сам подвижник разбудил их, и так как они от голода очень ослабели, то он же и накормил их и затем отпустил. Городской судья, узнав о поступке их, подверг их строгому ответу. Жаль было блаженному бедных людей. Он решил расстаться с частью своего сокровища: отнес судье часть книг своих, чтобы выпросить свободу виновным. Мало и того ему было. Несколько других книг он продал и деньги раздал нищим, в той мысли, чтобы еще не впал кто в беду, искушаемый желанием красть их у него. Воры, тронутые такими поступками преподобного, поступили по своей воле на служение Печерской обители.

Преподобный ГРИГОРИЙ ПЕЧЕРСКИЙ

Был еще у него сад с плодовитыми деревьями. Другие воры взошли в сад, нарвали яблок в мешки и хотели удалиться, но не могли сойти с места. Наконец, они стали кричать: «Святый отец Григорий! отпусти нас, не будем более делать подобного». Черноризцы, услышав голос их, пошли и схватили их, но также не могли стащить их с места. Пришел Григорий и сказал: «Так как вы любите жить без дела и, не работая, живете чужими трудами, то можете оставаться здесь до смерти». Они со слезами умоляли пустить их, обещаясь более не красть чужого. Старец сжалился и сказал: «Если станете трудиться и трудом кормить себя и других, то отпущу вас». Воры с клятвою обещались никогда не преступать заповеди старца. «Благословен Бог, — сказал Григорий, — с сего времени вы будете работать на святую братию и таким образом будете полезны себе и другим». Воры до смерти своей работали в Печерском монастыре.

Три иные вора напали на преподобного особым способом. Два из них, подойдя к нему, жалобно говорили: «Отче! Товарищ наш приговорен к смерти, дай что-нибудь для его выкупа». Блаженный со слезами сказал: «Бедный он, пришла смерть его». «Если ты дашь что-нибудь, — говорили воры, — то не умрет он». «Если я дам, то умрет, — отвечал старец. — Но, — прибавил он, — скажите мне: на какую смерть осужден он?» «Повесят его на дереве», — сказали воры. Святой сказал: «Завтра же исполнится это». Затем пошел в свою пещеру, вынес из нее оставшиеся книги и дал со словами: «Возьмите, а если не понадобятся, возвратите мне». Они пошли и, смеясь, говорили: продадим и деньги разделим. Увидав же у старца плодовые деревья, сказали: в эту же ночь оберем. Ночью они точно все трое пришли, завалили снаружи двери пещерной келлии святого, и один полез рвать яблоки. Сук, на котором стоял он, с треском обломился; испуганные тем товарищи убежали, а он, упав, повис на ветвях и удавился. Григорий, быв заперт, не мог быть у утрени. Братия, заметив, что его нет в церкви, пошли узнать о причине и видят: висит мертвый человек, а Григория нашли запертым в пещере. Когда вышел он из пещеры, то велел снять несчастного, потом, увидав товарищей его, пришедших вместе с другими посмотреть на товарища, сказал им: «Смотрите, ложь ваша обратилась в правду: Бог поругаем не бывает; если бы вы не заперли меня, я помог бы вашему брату». Они пали к ногам его и просили простить их. Григорий осудил их на монастырские работы, чтобы в поте лица снискивали хлеб и служили другим. И эти также до гроба работали на обитель.

Чудный учитель охотников жить на счет других!

Смерть преподобного была особенная. «Блаженный вышел на Днепр за водою. Князь Ростислав Всеволодович в то же время прибыл туда же, имея намерение посетить Печерский монастырь для молитв и принятия благословения. Вместе с братом своим Владимиром Мономахом отправлялся он тогда на войну с половцами. Слуги Ростислава, увидав старца, начали смеяться над ним и осыпали его неприличными словами. Старец сказал им: "Дети, тогда как вам надлежало бы сокрушаться и просить у всех молитв, вы делаете худое и неугодное Богу. Знаете ли, что над вами решен суд Божий? Вы все и с князем вашим найдете смерть в воде". Князь Ростислав, услышав это, представил, что ему говорят укоризну, а не пророчество, и сильно раздражился. "О мне ли ты говоришь, что умру в воде? — сказал он. — Я хорошо умею плавать; умирай сам". И тотчас велел связать ему руки и ноги и бросить с камнем в воду. Блаженный был утоплен. Братия искали его два дня и не нашли. На третий день пришли в келлию его, чтобы взять, что осталось после святого. Преподобный лежал в келлие, связанный по рукам и ногам, с камнем на шее; одежда на нем была еще мокрая, а лицо светлое и все тело как живое. Ростислав от гнева не пошел в монастырь, не захотел благословения, и оно удалилось от него. Владимир был в монастыре и молился. Когда были они у Триполя и сошлись полки, то наши князья побежали от врагов. Владимир переехал реку по молитвам и благословению святых, а Ростислав со своими воинами, согласно со словами блаженного Григория, утонул». Так пишет Поликарп в послании к архимандриту Акиндину. По древней летописи, несчастное сражение с половцами под Триполем было в 1093 году; разбитые многочисленным неприятелем, войска русские искали спасения в бегстве; Владимир переплыл реку Стугну, а Ростислав погиб. Половцы бросились к Киеву и опустошили окрестности его; вышедший навстречу им Святополк был разбит; сдался и город Торческ после долгой осады; дикие язычники предавали огню храмы Божии и села и нахватывали множество пленных. «Праздники наши, — говорит современник, — обратились в слезы: в день Вознесения, на Стугне у Триполя, в новый русский праздник Бориса и Глеба на Желне (близ Киева), навел на нас Бог сетование... Братий наших повели половцы в плен к своим друзьям и сродникам; бедные пленники, истомленные голодом и жаждою, с осунувшимися лицами, с почерневшим телом, нагие, босые, исколотые терновником, идут по степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом, и со вздохами поднимая очи

к Всеведущему»[1]. Так исполнились слова праведника, над которым люди смеялись и, в слепоте гордости, мстили за правду неприятную! По рукописным святцам, «преподобномученик Григорий чудотворец утоплен бысть от князя в Днепре, в лето 6601 месяца января в 8 день». Показание времени согласное с показанием летописи. Мощи святого Григория покоятся в пещере преподобного Антония, как покоились и в начале XVII века[2].

СТРАДАНИЕ святого ИСИДОРА и других с ним

Блаженный Исидор был священником в городе Дерпте при храме святителя Николая, тогда как другой священник Иоанн благоговейно служил там же при другом храме святого Георгия. Та и другая церковь издавна существовали в Дерпте, в Русском конце. Так видны они по описанию путешествия митрополита Исидора на запад[3]. По договору с Московским великим князем Иоанном III ливонские немцы в 1463 году обязались оказывать особенное покровительство православным в Дерпте «и то держати по старине и по старинным грамотам»[4]. Но немцы, тогда усердные слуги папы, нипочем считали свои клятвы; они вздумали принуждать русских к унии, то ласками, то угрозами. Когда же то и другое оказалось бесполезным, они стали употреблять насилия. Священник Иоанн удалился во Псков. Исидор остался беречь паству и смело говорил о преимуществах Православия. Дерптский бургомистр злобно восстал на праведного священника и его паству. Сделав донос бискупу

[1] Собр. л. 1, 94. 2, 279, 7, 6. 7.

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Киев, 1826 (далее — *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. — *Ред.*).

[3] Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. И. Новиков: В 20 ч. М., 1788–1791. Ч. IV.

[4] Собр. л. 4, 225.

и городскому начальству, что Исидор и его прихожане хулят папу и его веру, он разжег в бискупе фанатическую злобу против православных. В праздник Богоявления Исидор с прихожанами вышел на реку Амовжу для освящения воды святым крестом. Посланные бискупом представили Исидора и бывших с ним к бискупу и городскому начальству. Паписты потребовали повиновения папе. Исидор дал отчет, почему он осуждает папу Евгения с его учением. Бискуп велел бросить Исидора и бывших с ним в тюрьму. Затем рыцари и старшины города приглашены были бискупом на общий совет. Блаженный Исидор убеждал духовных детей своих быть твердыми в святой отеческой вере: «Если умрем за святую истину, — говорил он, — Бог причтет нас к мученикам». Совершив молитвенные пения, Исидор причастился Святых Таин запасными дарами и причастил всех бывших с ним. Затем пропели они песнь мученикам: «святые мученицы, иже добре страдавшие и венчавшиеся, молитеся ко Господу спастися душам нашим». Их привели в ратушу. Бискуп говорил Исидору и его дружине: «Послушайтесь, примите опресночную службу; вера у нас одна; по крайней мере, теперь, пред судом таких важных лиц, скажите, что вы ошибались, порицая служение наше». Твердые исповедники отвечали: «Мы те же, что были и прежде; делай с нами, что тебе угодно». Бискуп и его почтенный совет приказали бросить всех в Амовжу, в устроенный Иордан. Так Исидор в священнической одежде и с ним 72 человека утоплены были в Иордане. В числе их была молодая мать с трехлетним ребенком. Ребенка немцы вырвали из рук матери, но он, видя утопающую мать, с криком рвался к ней; его положили вблизи проруби, и он, перекрестясь трижды, упал в прорубь. Это было 8-го января 1472 года. Когда открылась весна и пошла вода, на берегу Амовжи, в трех верстах от Дерпта, тела страдальцев найдены все в одном месте, лицом к востоку, ничем не вредимые; посредине их лежал блаженный Исидор в священнической одежде. Православные приезжие купцы похоронили иных на том же месте, а других перевезли в Дерпт и положили у церкви, в земле[1].

[1] Повесть о начале и основании Печерского монастыря взята из древних летописцев, обретающихся в книгохранительнице оного монастыря. М., 1831 (далее — Повесть о начале и основании Печерского монастыря); Руский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета: Разделенный на две части. М., 1790. Ч. 2 (далее — Руский времянник. — *Ред.*). У Царского (№ 136), страдание св. Исидора, описанное Варлаамом, иначе известным Василием, по обыкновению его, многоречиво и с жалкою скудностию мыслей. По ркп. святцам, страдальцы

ПАМЯТЬ святого ГРИГОРИЯ, епископа Болгарского

В месяцеслове Остромирова Евангелия под 8 января чтится память «святого Григора, епископа Мусии». В Охриде, бывшей Болгарской архиепископии, на огромной полуразвалившейся церкви святой Софии, построенной болгарским архиепископом Львом (1042–1053 г.), найдена из кирпича сделанная, но не вполне уцелевшая надпись: Γρηγοριου... σχηνην εγειρας... Τεονθεογραφεον νομιον έθνη τα Μυσων εδιδασχει... ςφχ, т. е. Григория... сене воздвигнул... Богописанным законом, — премудро поучает народы Мисийские, в 1012 году[1].

Так как храм воздвигнут после блаженного Григория, скончавшегося 1012 года, и главный престол храма посвящен был святой Софии, то об участии Григория в построении храма не могла говорить надпись; а она означает без сомнения то, что имени блаженного Григория, славного учителя славян, посвящен был придел храма. Кто же этот Григорий? Известен «Григорий пресвитер и мних всех церковных Болгарских церквей», т. е. старший иеромонах, судия над всеми церковными людьми Болгарии, который повелением книголюбца князя Симеона, «истиннее же рещи Боголюбца» (888–937), перевел на славянский язык хронику Иоанна Малалы, дополнив ее выписками из библейских книг и из разных исторических памятников. Ему же приписывают перевод хроники Георгия Амартола[2]. Недавний путешественник нашел еще в монастыре Трескавце близ Прилепа «Григория епископа Пелагонии

скончались 9 января 1472 г. Мы следуем печатной «Повести о Печерском монастыре» и «Рускому времяннику».

[1] *Григорович-Барский В.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848 (далее — *Григорович В.* Очерк путешествия. — *Ред.*); Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. IX (далее — ИОРЯС. — *Ред.*).

[2] Предисловие Оболенского к «Переяславской летописи» (М., 1857. С. 29, 31, 35, 47). *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы, 862–1720. Харьков, 1859–1861. Кн. 1, § 6 (далее — *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. — *Ред.*).

и Прилепа» перевод из Метафраста[1]. При современности и видном иерархическом значении Григория, Болгарского учителя, не можем сомневаться, что это одно и то же лицо с упоминаемым в надписи епископом и с Григорием, епископом Прилепским. Благочестивый учитель Болгарский, после судейской должности, облечен был саном епископа Пелагонии и Прилепа и почил в 1012 году.

ПАМЯТЬ святых мучеников ИУЛИАНА и ВАСИЛИССЫ и прочих с ними

Святой Иулиан, родом из Антиноя Египетского, против воли своей, но по желанию родителей вступил в брак с избранною для него родителями девицею Василиссою, так же как и он происходившею из богатого и знатного рода. Он встретил в ней истинного друга, способного понять и сочувствовать его образу мыслей и расположению сохранить девство в супружестве и предаться всецело служению Единому Богу. По кончине родителей они согласились вступить в иночество. Иулиан основал мужскую обитель, где собралось до десяти тысяч иноков, а Василисса сделалась настоятельницею женского монастыря, в котором было до тысячи инокинь, проводивших жизнь истинно Богоугодную.

Между тем началось гонение на христиан, воздвигнутое в 313-м году Диоклетианом и Максимианом. Иулиан и Василисса усердно просили Бога утвердить верующих, собравшихся у них, и Господь открыл в сонном видении святой Василиссе, что скоро перейдет она в вечный покой и что инокини ее скончаются еще прежде нее. Действительно, в продолжение нескольких месяцев все они кончили жизнь и, явясь во сне святой Василиссе, призывали ее предстать вместе с ними перед Господом, Которому служить научила она их.

[1] *Григорович В.* Очерк путешествия.

С радостью передала святая Василисса другу своему об этом сновидении; через несколько дней после того она скончалась, а святой Иулиан предал земле ее честные останки.

Вслед за тем прибыл сюда игемон Маркиан, и тогда начались страдания находившихся в обители 10 100 иноков, и, сверх того, несколько епископов и клириков, прибывших сюда для исповедания святой веры, были сожжены с обителью; все прочие после мук обезглавлены, а святой Иулиан, о знаменитом роде которого стало известно игемону, был связан и отведен в темницу. На другой день он был представлен Маркиану, который, видя его непреклонность в исповедании себя христианином, велел предать его жесточайшим истязаниям. Тогда проявилось над мучеником все могущество Божественной помощи. В чудесах, сотворенных в это время святым Иулианом, истинно оправдались слова Иисуса Христа: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Переломившейся палкой, которой мучители наносили удары святому Иулиану, выбит был глаз одному родственнику Маркиана, и мученик исцелил его.

«Истинно велик Бог христианский!» — воскликнул пораженный этим чудом исцелившийся и во всеуслышание исповедал свое обращение. Игемон велел отсечь ему голову, и таким образом новый мученик принял Святое Крещение в крови своей. Еще с большей яростью обратился тогда Маркиан к святому Иулиану и приказал надеть на него железные вериги и с поруганием водить его по городу. В это время Господь прославил Своего угодника новым чудом. Сын игемона, отрок Кельсий, присутствуя на зрелище вместе со своими товарищами, вдруг воскликнул: «Что это странное видится мне! Вижу я много светлых юношей вокруг того христианина, которого ведут воины — связанного веригами; одни — служат ему, а другие надевают на него венец, и тот венец сияет светлее солнца. И я хочу веровать в Того Бога, Который дает такую славу верующим в Него... — и, бросившись к ногам Иулиана, отрок сказал ему: — я желаю, чтобы ты был отцом моим, я не хочу быть сыном мучителя... я пойду за тобою и хочу, так же как и ты, пострадать за Христа твоего, Которого я не знал до сих пор...»

Велико было удивление отца и матери Кельсия, когда они увидели его с Иулианом. Велика была ярость Маркиана, когда он увидел, что никакими мольбами, никакими угрозами не мог он отлучить сына

своего от мученика. Все же, кто прикасался к отроку, чтобы взять его, чувствовали нестерпимую боль в руках. Маркиан приказал отвести их обоих в темницу. Но на каждом шагу угодника Своего Бог расточал для него чудеса Свои... Темная и смрадная темница оказалась светлой и благоуханной; двадцать воинов, бывших при этом, уверовали в Бога и остались в темнице... Святой Иулиан скорбел о том, что некому было совершить над ними крещение, но Господь не лишил его этого утешения. Священник Антоний, находившийся при семи сыновьях одного умершего знатного и заслуженного гражданина, семейству которого разрешено было исповедовать христианскую веру, пришел с ними навестить заключенных в темнице и окрестил Кельсия и двадцать воинов; семеро же братьев остались в темнице, желая вместе с мучениками пострадать за Христа.

Во время суда над ними всеми святой Иулиан — в проявление славы Божией — поразил гонителей новыми чудотворениями. Он воскресил мертвеца, которого проносили мимо по улице, и мертвец засвидетельствовал о себе, что слышал голос Божий: пусть возвратится эта душа в тело свое ради возлюбленного раба Моего Иулиана...

Игемон смутился и, опасаясь народного волнения, приказал снова отвести в темницу всех подсудимых. В темнице священник окрестил воскресшего и дал ему имя Анастасий.

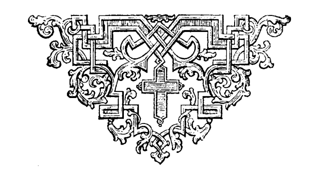
На другой день решено было сжечь мучеников в кадках с серой и смолой, но кадки с горючими веществами сгорели, а они остались невредимыми. Народ был до крайности взволнован происходившими на его глазах поразительными чудесами, но очерствевший сердцем Маркиан приписывал их только волшебству христиан и снова отослал их в темницу. Жена же игемона, Марионилла, узнав, что сын ее остался невредимым, поспешила увидеть его в темнице и уверовала во Христа, и немедленно приняла Святое Крещение. Доведенный до ярости Маркиан заключил и жену свою в темницу. Долго содержались здесь мученики; наконец, выведены они были на последнее испытание. Игемон все еще надеялся принудить их принести жертву идолам, но когда они приблизились к языческому храму, то земля потряслась, храм сокрушился и обломками его было убито множество жрецов и народа...

После бесчисленных новых истязаний, среди которых мученики оставались невредимыми, Маркиан велел их казнить, не пощадив ни сына, ни жены своей. Когда казнь совершилась, то снова произошло

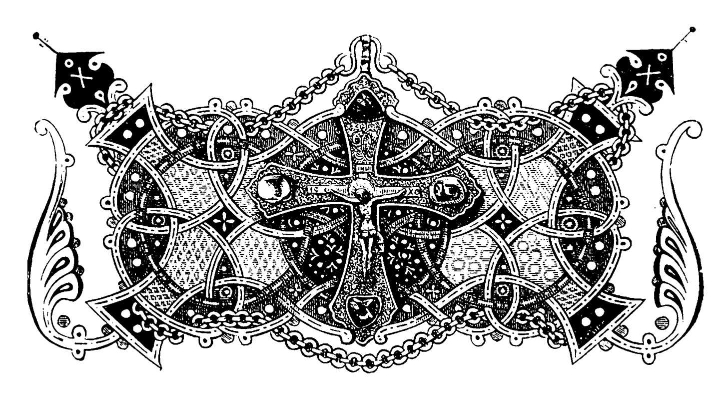

землетрясение; третья часть всего города разрушилась, все идолы сокрушились, и множество язычников было убито молнией.

Такими великими страданиями и такими великими чудесами распространялась в мире христианская вера. Когда они были нужны для поддержания возникающей на земле Церкви Божией, то Бог изобильно расточал их волей и силой Своею. Теперь окрепшая Церковь вмещает в себе самой несокрушимую силу, заменяющую всякую другую чудодейственную поддержку, но все Тот же Он, «Бог велий, творяй чудеса»![1]

[1] Страдания мучеников Иулиана и Василиссы описаны очевидцем, ибо в предисловии говорится: «Мы описали деяния святых, которые видели своими очами». И в самом описании их нет ничего такого, что показывало бы позднейшее происхождение их. «Говорят, что мощи свв. Иулиана и Кельсия в Риме, в церкви апостола Павла Остийской» (*Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока: В 2 т. М., 1875–1876. Т. II (далее — *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. — *Ред.*)).

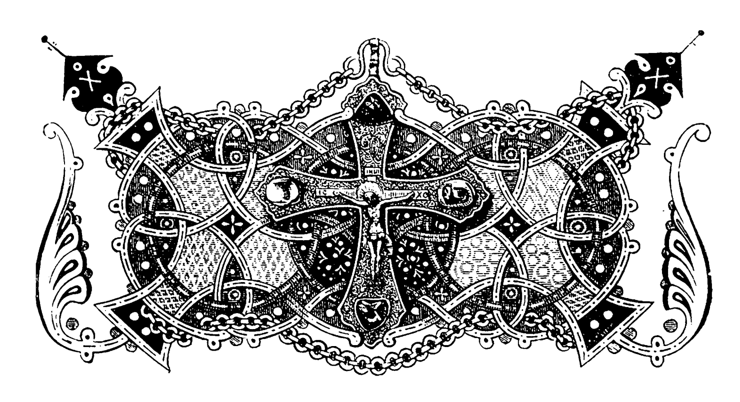

День десятый

ПАМЯТЬ святителя ГРИГОРИЯ НИССКОГО и СЕСТРЫ ЕГО ФЕОЗЕВИИ (ФЕОЗВЫ)

Святитель Григорий был родной брат Василия Великого. Изучив науки красноречия и философии, он и сам был наставником в Неокесарии, но при императоре Юлиане, воспретившем (360 г.) христианам быть учителями, принял должность чтеца и обратился всею душою к изучению памятников веры; затем удалился в пустыню и проводил жизнь в богомыслии и ученых занятиях. Василий Великий, уже епископ Кесарийский, желая иметь помощника в борьбе с арианством, в начале 372 года поставил его, против воли, в епископа Нисского (а Нисса верстах в 50 от Кесарии). В 375 году ариане, покровительствуемые императором Валентом, оклеветали Григория и изгнали с кафедры, но поборник Православия не оставался в бездействии: он переходил с места на место утверждать Православие и утешать православных. По смерти Валента (в августе 378 г.) он возвратился на кафедру, поучал верных словом и делом, участвовал в деяниях Второго Вселенского Собора и скончался в глубокой старости 394 года, оставивши много сочинений как в назидание верным, так и в обличение еретиков.

О Феозве, сестре его, см. 19 июля.

День двенадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного МАРТИНИАНА БЕЛОЕЗЕРСКОГО

Мартиниан, в мире Михаил[1], родился в деревне Березниках, вблизи которой ныне Сямский монастырь, прославленный иконою Богоматери. Еще в юных летах оказывал он наклонность учиться грамоте; но родители не находили, у кого ему учиться; на 13 году оставил родителей и родину, и прямо с поля, где боронил вспаханную отцом полосу, тайно ушел к преподобному Кириллу Белоезерскому, о котором слышал от многих. Березники в 30 верстах от Кириллова монастыря, но это было нипочем для Миши. «Возьми меня к себе, господине!» — говорил он преподобному, упав ему в ноги. Преподобный оставил добродушного отрока у себя. «Прилучися, близ обители святого человек некий живяше, имя ему Олеш (Алексий) Павлов, дьяк мирский, дело его бяше книги писати и ученики учити грамотныя хитрости: и зело искусен бе таковому художеству. Сего Кирилл призвав, рече ему: друже, сотвори ми любовь Божию, научи ми отрока сего грамоте, егоже видиши». Алексий Павлович с любовью выполнил поручение преподобного Кирилла. Полюбив чистую душу юного Михаила, святой

[1] Ркп. житие прп. Мартиниана в б-ке Сергиевой лавры.

старец облек его в иноческое одеяние и велел ему жить у себя в келлие. Когда блаженный Кирилл молился в своей келлие, и Мартиниан клал поклоны; он первый являлся по благовесту в храм к утреннему славословию; смущавшие его помыслы открывал святому старцу. Испытав Мартиниана послушаниями, преподобный Кирилл позволил ему жить в особой келлие, но зорко смотрел за его духовною жизнью. Раз Мартиниан из церкви зашел в келлию одного брата. «Зачем нарушаешь устав обители?» — сказал ему Кирилл. «Войдя в свою келлию, сомневаюсь, чтобы захотел я выйти из нее; а мне нужно было быть в келлие брата», — отвечал Мартиниан. «Наперед иди в свою келлию, чтобы сотворить там должную молитву, и келлия научит тебя всему», — сказал святой старец[1]. По просьбе святого игумена Мартиниан посвящен был в иеродиакона и потом в иеромонаха. Преподобный Кирилл любил блаженного Мартиниана. Это возбуждало в иных зависть, язвившую Мартиниана оскорблением; Мартиниан терпел. По воле преподобного Кирилла Мартиниан списывал для него книги. А такое послушание преподобный игумен назначил только двум ученикам: Христофору и Мартиниану. Еще цел в обители канонник, списанный Мартинианом. Послесловие его особенно драгоценно: оно показывает, какими чувствами дышала душа Мартиниана. Вот оно: «В 1423 г. сентября 1, написана эта книга душеполезная в обители Пречистой Богородицы, по благословению господина старца Кирилла игумена, в славу Святой Троицы, аминь. О! Дева Богоизбранная! О! Отроковица Богоневестная! О! Владычица мира, Пречистая Богородица! Во всемирных Твоих молениях к Сыну и Богу помяни, милостивая Госпожа, и меня грешного, недостойною рукою писавшего сие. — Всякому делу благому начало и конец Христос. Ему слава в бесконечные веки, аминь. Господи Иисусе Христе! Спаси писавшего и имеющего читать. — Господин старец Онуфрий, сотвори любовь, помяни в святых своих молитвах грешного Мартиниана, инока ложного, а не истинного»[2].

По смерти святого Кирилла (1427 г.) блаженный Мартиниан удалился для безмолвия на безлюдный остров озера Вожа. Когда сюда стали собираться к нему братия, он создал храм Преображения Господня и ввел чин общежития. Братия Ферапонтовой пустыни,

---

[1] Пахомиево ркп. житие Кирилла.

[2] См.: *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, в 1847 г.: В 2 ч. М., 1850. Ч. 2 (далее — *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. — *Ред.*).

осиротевшие по вызове Ферапонта в Можайск, умоляли преподобного Мартиниана принять игуменство над ними; преподобный покорился призыву любви. Уцелевшие памятники представляют заботливость игумена Мартиниана о Ферапонтовой обители: с 1435 года и в продолжение 12-ти лет он привел обитель Ферапонтову в такое цветущее состояние, что она долго называлась обителью Мартиниановою. Сын князя Можайского, князь Михаил Андреевич, живший в Белозерье, много помогал Мартиниану в средствах к поддержанию и украшению обители[1]. Более же всего Мартиниан возвысил обитель строгим сохранением иноческих правил. Как пчелы слетаются на медовые цветки, так стекались к Мартиниану миряне и иноки слушать его наставления и видеть жизнь, устроявшуюся по его святым мыслям.

Когда великий князь Василий Васильевич Темный решился искать себе Московского престола, отнятого насилием Шемяки, он получил на то благословение преподобного Мартиниана и полюбил святого старца. Вступив на Московский престол, признательный князь Василий вызвал Мартиниана к себе и поручил ему игуменство над обителью преподобного Сергия. Имя Мартиниана, игумена Троицкого, было первым между игуменами в грамоте Московского собора 29 декабря 1447 года, которою Шемяку предавали отлучению от церкви за кровавые смуты, если не покается[2]. Преподобный искренно любил покой Отчизны, но дорожил правдою и о правде говорил всякому, не думая о своем покое. Великий князь Василий поручил Мартиниану уговорить вельможу, удалившегося к Тверскому князю, возвратиться в Москву, с тем, что тот не только будет прощен, но и награжден будет почестями. Боярин послушался преподобного, но, вместо почести, заключен был в темницу. Услышав о том, Мартиниан немедленно явился к великому князю и сказал духовному своему сыну: «Таков ли

[1] Например, в грамоте от 1 марта 1484 г. Григорий Перхутков отдает свои деревни и поля «Пречистой Матери Божией в Мартинианову пустыню» (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 122 (далее — Акты юридические. — *Ред.*)). Князь Михаил Андреевич на имя игум. Мартиниана дал грамоты: одною 1435 г. отдал монастырю Ферапонтову Крохинскую деревню, другою утвердил за обителью ее земли (Акты юридические. № 5). Три другие грамоты Ферапонтову монастырю на имя игум. Мартиниана (1437, 1438 и 1440 гг.) в актах 9, 1, 24, 28, 31.

[2] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею: В 5 т. СПб., 1841–1843. Т. 1 (далее — Акты исторические. — *Ред.*); *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 т. СПб., 1803–1826. Т. V. Примеч. 350 (далее — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — *Ред.*).

праведный суд твой, великий князь! Ты продал грешную мою душу, лишив свободы того, кому ручался я за свободу душою моею. Ты нарушил свое слово. Да не будет немощное благословение мое на тебе и на твоем княжении». И вслед за тем вышел от князя, сел на коня и возвратился в монастырь. Великий князь сознал свой грех. В слух бояр своих сказал он, как бы гневаясь: «Судите, бояры, что со мною наделал болотный чернец? Пришел ко мне во дворец и снял с меня благословение Божие». Бояры не понимали, что это значит. Великий князь прибавил: «Виноват я пред Богом, други мои! Забыл свое слово и поступил несправедливо; пойдем к Святой Троице, к преподобному Сергию и блаженному Мартиниану, чтобы получить прощение». Вслед за тем освободил он боярина и осыпал его милостями, а потом отправился в обитель преподобного Сергия. Здесь со всею братиею вышел к великому князю навстречу обрадованный Мартиниан. Но обитель, близкая к столице, тяготила пустынника; он припоминал себе слова наставника своего преподобного Кирилла: «Добро иноку хранить молчание и нестяжание и избегать всего, что может возмущать чувства». С другой стороны, желал он докончить устроение внутреннего порядка в любезной ему Ферапонтовой обители. И в 1455 году Мартиниан простился с братиею лавры.

В Ферапонтовом монастыре приняли Мартиниана с великою радостью, как Ангела Божия, и упросили его (в числе упрашивавших был и игумен Филофей) принять опять управление обителью. Он устроил здесь чин монашеской жизни, заняв иное из устава Кирилловой обители, а другое из чина Сергиевой. К старцу высокой духовной опытности спешили приходить за советами, и он с любовью преподавал их. Любезный ученик великого Кирилла и собеседник Ферапонта много назидательного из жизни их сообщал слушателям своим. Так слушал его жизнеописатель святых Пахомий, который отзывается о нем с похвалами как о муже высокой духовной жизни[1]. Преподобный Мартиниан достиг старости глубокой. Но и в дряхлой старости не оставлял ни келейного правила, ни служения храма. Когда уже не мог он ходить от дряхлости, его носили в храм, — такова была верность его своим обетам! Причастившись Святых Таин, скончался

[1] Пахомий говорит, что о прп. Кирилле «слышал он от очевидцев жития его, самые же достоверные сведения получил от ученика его Мартиниана, бывшего игуменом славного Сергиева монастыря».

он на 86 году жизни, января 12 дня 1483 года. Спустя 30 лет, когда хотели погребсти подле него друга его архиепископа Иоасафа, тело преподобного найдено совершенно нетленным, даже с одеждою, хотя гроб наполнен был водою. Мощи его почивают ныне под спудом в храме его имени[1]. Над гробницею его хранится древняя икона с изображением подлинного вида преподобного Мартиниана; здесь же и ореховый костыль преподобного игумена; но обитель, к сожалению, закрыта с 1798 года[2].

ПАМЯТЬ преподобного ГАЛАКТИОНА

В рукописных святцах читаем: «преподобный Галактион юродивый бысть в Ферапонтове монастыре». Блаженный Галактион был учеником преподобного Мартиниана; он жил у него в келлие и, когда преподобный по дряхлости уже не мог сам ходить в храм, Галактион носил его в церковь. Преподобный Мартиниан, зная настроение души его и тайные подвиги, благословил ему, по его желанию, юродствовать. Галактион тайными подвигами достиг высокого совершенства. Однажды братия взошли во вновь построенную трапезу и стали хвалить ее. «Хороша, да недолговечна», — сказал Галактион. На другой день трапеза сгорела. У одного брата загорелась келлия, и пламя распространилось по обители. Здесь пребывал тогда блаженный Иоасаф, Ростовский архиепископ, прежде того бывший князь Оболенский.

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии: В 6 ч. М., 1807–1815. Ч. VI (далее — *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. — *Ред.*). Новгородская летопись (Софийская б-ка № 560): «в л. 6991 (1483) преставился прп. Мартиниан чудотворец генваря 12 д. — ученик прп. Кирилла чудотворца, и лежит в Ферапонтовом монастыре». Между рукописями прп. Филарета, по описи 1630 г., «канон и житие Мартиниана Белозерского». *Иванов П.И.* Описание Государственного разрядного архива, с присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов. М., 1842 (далее — *Иванов П.И.* Описание Государственного разрядного архива. — *Ред.*).

[2] Вестник Географического общества. СПб., 1854. Ч. 12.

Когда пламя пожара обняло келлию Иоасафа, он скорбел, что погибнет в ней одна дорогая вещь, принадлежащая монастырю. Галактион, услышав, что это — собственность обители, осенил себя крестным знамением, бросился в пылавшую келлию, вынес оттуда вещь и сказал святителю: «Вот она, не тужи, зачем тужить о пустом?» Опасность пожара грозила колокольне; сбежавшиеся сторонние люди хотели снимать колокола, но Галактион прогнал всех со словами: «Этому не гореть». И точно, колокольня осталась цела[1]. Это было пред кончиной преподобного Мартиниана, в 1483 году[2]. Блаженный Галактион после наставника своего еще прожил более 20 лет в обители, служа примером строгой жизни и по временам подкрепляя ослабевавших. Один из братии тяготился унынием, хотел оставить обитель. Галактион пришел к нему, сел на пороге келлии его и сказал: «Что это, брат, задумал ты? От волнения не убежишь, хотя бы ты и удалился от нас: нигде нельзя избежать искушений вражьих»[3]. В 1505 году новый великий князь Василий отправил брата своего, князя Димитрия с войском против Казани; слух о том дошел до Ферапонтовой обители; об этой новости сообщили Галактиону. «И еще много раз князь Василий будет хлопотать о Казани, но все будет безуспешно; родится сын Иван, — тот овладеет Казанским царством». Эти слова замечены были в обители; потому с года на год ждали рождения сына Ивана. Но так как долго и после смерти Галактионовой не видали покорения Казани, то положили, что слова Галактиона были слова юродивого, без всякого особенного значения. Спустя 24 года родился и князь Иван (1630 г.), а спустя другие 23 года взята и Казань. Тогда-то уверились, что слова Галактиона были точною историею будущего. Блаженный Галактион предвидел свою кончину и сказал о ней братии; сотрудник его Савва скорбел о разлуке с ним. «Не скорби, чрез восемь дней увидимся», — сказал Галактион. И точно, спустя 8 дней после блаженного Галактиона умер и Савва. Кончина преподобного последовала в 1506 году[4].

[1] Так рассказывает писатель жития прп. Мартиниана.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI.

[3] Ркп. житие Мартиниана.

[4] Ркп. житие Мартиниана.

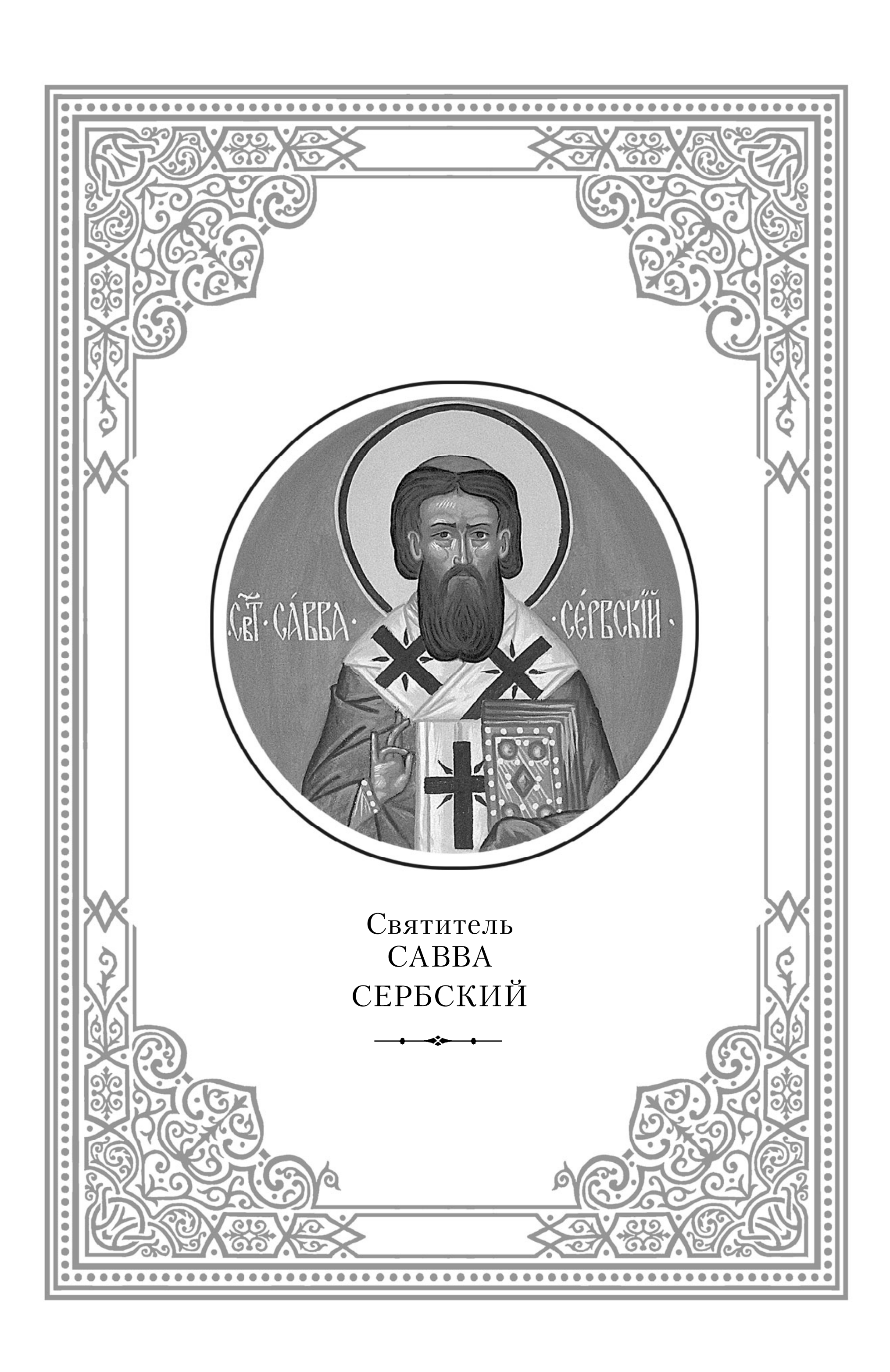
ПАМЯТЬ святителя САВВЫ, архиепископа Сербского

У великого жупана Сербии Стефана Немани были два сына — Стефан и Волкан, но родителям хотелось еще иметь сына, и по молитве их родился им сын Ростислав[1]. Желанному сыну дано было прекрасное образование; на 15-м году Ростислав получил в управление особую область Герцеговину, которая впоследствии и называлась герцогством святителя Саввы[2]. Когда наступил 17-й год, родители готовились женить его. Но у сына не было желаний мирской жизни — душа его томилась скукою среди шума мирского. Случилось, что когда он прибыл к родителям, пришел в дом их, всегда открытый для странников, инок с Афона, русский, из монастыря русского. Веселые родители давали пиры по случаю свидания с любимым сыном, а он, позвав в уединенную комнату инока, расспрашивал о жизни афонской. Когда инок говорил о тихой жизни молитвенников, об их подвигах и надеждах на вечность, слезы текли у Ростислава, и он сказал иноку: «Теперь я понял, чего желала душа моя, так недовольная всегда суетою мирскою. Счастливы те, кого привел Бог вести безмятежную жизнь пустыни. Но что делать, — прибавил он, — с родителями, которые так любят меня? Они готовы женить меня, а я боюсь, что супружеская жизнь, веселости и толкотня мирские погасят во мне все лучшее». Инок сказал, что

[1] «Не по одному слуху составлял я житие, но многое принял от учеников блаженного, постившихся и странствоваших вместе с ним, которые изложили известное им на бумаге... Не вымысел предлагаю в похвалу, но точную правду, чтоб не оскорбить его лишними похвалами», — так говорит хиландарский иеромонах Дометиан в описании жития свт. Саввы. На Афоне список Дометианова описания, писанный иноком Феодулом в 1336 г. (*Григорович В.* Очерк путешествия.). В списке Сербской патриархии сказано, что житие свт. Саввы сложил и переписал иеромонах Дометиан, пребывающий в «молчальнице» в Карее, в л. 6762 (1254) и послал в дар королю Стефану Урошу. См.: Русская беседа. М., 1858; *Казанский П.* Жизнь Святого Саввы, первого Архиепископа Сербского // Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 8.; *Дометиан.* Житие свт. Саввы. Белград, 1860.

[2] Записки Императорского Русского географического общества. Т. XIII (далее — Записки географического общества. — *Ред.*).

Святитель САВВА СЕРБСКИЙ

нужна твердая решимость на добро. Ростислав выпросился на охоту; разослав слуг делать облаву, он с несколькими преданными и иноком поспешил в Афон. Отец, выслушав весть о Ростиславе, понял, что тот с иноком удалился в Афон. Призвав надежного из воевод, печальный отец сказал: «Испытал ли ты болезнь любви к детям? Докажи мне твою верность, — возврати мне моего Ростислава». Поручив ему дружину молодых людей, он написал к воеводе Солунскому, что отмстит войною, если не возвратят ему сына из Афона. Воевода и дружина поспешили к эпарху с письмом и от него приняли письмо к проту горы. Прибыв на Афон, расспросами дознались, что Ростислав в русском монастыре, и явились прямо в тот монастырь. Князь просил наедине воеводу не препятствовать ему облечься в иночество, обещая написать потом письмо к отцу. «Нет, — отвечал старик, — и не проси меня о том, — я должен быть верен жупану отцу», — и велел не спускать глаз с князя. Ростислав переговорил с игуменом. Воевода и дружина были угощены с полным радушием, а вслед за тем все отправились на всенощное служение. Длинное служение после быстрой поездки и сытного стола расположило к тому, что старик и молодые товарищи задремали и даже заснули сном глубоким в покойных сиденьях. Ростислав и старец иеромонах тихо вышли из храма, и в башне монастырской княжич совершил иноческие обеты с именем Саввы[1]. Окончилось бдение. Стражи, проспавшие князя, подняли шум и страшную тревогу. Савва из окна башни дал знать, что дело кончено и стыдно тревожить невинных. «Вот, — говорил он старцу-воеводе, — одежда моя и волосы мои, — доставьте родителям эти памятники моего прошлого»; затем он вручил письмо к родителям. Это было в 1186 году.

Ватопедские иноки, пригласив Савву на храмовый праздник Благовещения, убедили его остаться в их обители[2]. Спустя несколько времени Савва испросил благословения у игумена посетить отшельников

---

[1] Эта башня-пирг и поныне видна в развалинах старого монастыря, отстоящего от нынешнего на два часа ходу. О русском монастыре см.: Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. В 4 т. СПб., 1865. Памятники самых древних монастырей Афона: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. К., 1864 (далее — *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы. — *Ред.*).

[2] Это обстоятельство, печальное для Русика и не совсем достойное Ватопеда, метко выяснено у поклонника Св. Горы: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

горы, дабы принять от них благословение и советы. Побыв в лавре святого Афанасия, Савва взошел на вершину горы Афонской. Здесь провел несколько дней и ночей в молитве. Посещая отшельников, Савва узнавал об их жизни и оживлялся высоким подвигом их. «Хотя, — говорит описатель жизни его, — и нельзя назвать сих отцев Ангелами, потому что они имели плоть, но истинно были человеки Божии. Они свободны были от всего: не занимались ни земледелием, ни торговлей; занятием их были молитвы, слезы, постоянное устремление ума к Богу; открытое небо было их храмом; Христа зрели они в сердцах своих; их тесные келлии украшены были только травою; слух их оглашался шумом дерев и пением птиц. Иные скрывались в расселинах камней; другие, подобно птицам, гнездились на камнях морских, терпя дождь и ветры, летом опаляемые зноем, зимою перенося холод; пища их была самая скудная; иные немного принимали хлеба, другие довольствовались плодами и дикими растениями». Такая жизнь отшельников восхитила Савву. Он хотел жить отшельнически, но игумен не дозволил ему, объяснив, что молодому иноку небезопасна жизнь отшельническая, полезнее для него — общежитие. Савва подчинился совету опытности. В Ватопеде он стал образцом послушания, готовый служить каждому; днем служил братии, ночь проводил в молитве; питался только хлебом; носил одну власяницу, перенося холод зимы; ходил босой. Старец-отец прислал на содержание сына много денег и запасов. Савва по благословению игумена пошел босой раздать отшельникам кое-что из присланного. Близ Нилопотама напали на него разбойники и отняли все. Блаженный изъявил скорбь, что задержанный не поспеет, куда надобно. Те спросили: «Кто и откуда он?» Савва назвал себя учеником старца Макария, пользовавшегося известностью на Афоне. Те возвратили Савве, что взяли. И он поспешил к Макарию. Затем был он с милостыней в лавре святого Афанасия. Признательный игумен велел доставить его в обитель на лодке. Тут опять напали недобрые люди, и Савва спасен был от них хитростью старца. На деньги родителей Савва устроил в Ватопеде келлии и три храма и покрыл собор оловом. Два раза писал отец к сыну, прося его побывать у родителей. Сын писал отцу: «Расстанься с земным богатством, столько призрачным, с благами мира, суетными и непрочными; вступи на крестный путь; переселись ко мне и, упразднясь от суеты, приготовь себя к вечности молитвою и постом. Ты удостоился милостью Божией земного царства, смирением иноческой жизни достигнешь венца небесного. Я буду жить с тобою,

и любовью твоей избавишь ты душу мою от печалей. Добрая мать моя последует твоему примеру в своей стране. Молю вас, да не будут слова мои тяжки для вас, как для известного юноши». Отец и мать в одном храме, в Студеницкой обители, совершили обет иночества. Отец Симеон переселился к сыну в келлию, и сын окружал старца отца самыми нежными заботами до самой его смерти (1200 г.).

По настоянию благочестивого прота Дометия Савва принял на себя звание настоятеля Хиландарской обители, восстановленной из развалин щедростью родителя. Савва со страхом принял на себя Хиландар: братии было немного. Но к усердному рабу Божию пришли ревнители благочестия. Оградив обитель от нужд временных вкладами, преподобный в ограждение нравственной жизни дал обители устав. «Преподобные и богоносные отцы наши, — пишет Савва в начале устава, — оставили мир по словам Господа: *иже хощет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34). Подвизаясь в исполнении заповедей, они день и ночь воздыхали о спасении души, с охотой терпели страдания и нужды, из любви к Нему распинали и умерщвляли себя каждый день послушанием и отсечением своей воли. И я, грешный Савва, последний из всех монахов, молю вас, возлюбленные о Христе, духовные братия мои и отцы, будем подражать тем купцам, которые променяли временное на вечное. Ревнуйте умным девам, которые наполнили елеем светильники». Словами Писания показав необходимость терпения (см.: Иак. 1, 2–4), добрых дел (см.: Иак. 2, 19–24) любви к ближним (см.: Ин. 1, 4–7; 6, 16–21; 5, 1–3), наставник продолжает: «друг друга любите, друг другу покоряйтесь, друг друга тяготы носите, все единомысленно повинуйтесь настоятелю». Устав святителя Саввы обнимал и порядок службы Божией, и порядок жизни и правления монастырского. Хиландар должен быть общежительным. Монахам не позволялось иметь никакой собственности, даже и одной медной монеты. Пищей должны пользоваться в общей трапезе и по келлиям ничего не держать съестного. На первый раз поступающий в обитель получает монастырскую одежду, а потом выдаются ему деньги; каждый день братия должны исповедовать грехи свои игумену, если он есть и духовник. Игумен должен учить всех и каждого путям спасения. Те, которые чувствуют себя свободными от нечистых помыслов, от гнева, ропота, памятозлобия, могут приобщаться Святых Таин три раза в неделю. Иначе пусть приступают раз в неделю. Впрочем, это решает духовник. Подле монастыря Савва устроил гостиницу для принятия странных, нищих и больных; им оби-

тель должна доставлять пищу и одежду[1]. Приведя Хиландар в полное устройство, преподобный захотел исполнить давнее свое желание — жить в безмолвии. Еще в 1193 году «всех правоверных крестьян молитвенник, Савва грешный», грамотою купил место для типикарницы Карейской[2]. Там построено было несколько келлий для хиландарской братии на те случаи, когда они по нуждам приходили в Карею. Савва выстроил для себя келлию с иконостасом во имя Саввы Освященного[3]. Здесь заключился он с тремя братиями, которые должны были совершать церковную службу. Тут он усилил свои подвиги поста и молитвы, сокрушения о грехах и смирения; душевные страсти утишал памятью о смерти. Впрочем, являлся ли кто с душевной нуждою или говорил о бедности и внезапной беде, у Саввы готова была для всех посильная помощь. Он написал и для Карейской отшельнической жизни устав[4].

Преподобный Савва крепко молил Господа, дабы дано ему было извещение об отце его. И в одну ночь явился ему Симеон в лике святых, сияющих славой; явившийся обещает сыну подобную блаженную участь, но сказал, что ему еще многое надобно совершить для Сербии. Сербия находилась тогда в печальном положении. Преемником престола оставил отец Стефана. Честолюбивый брат Вулкан при помощи венгров отнял у Стефана Далматию и Диоклею и объявил себя королем. Стефану оставалась одна Сербия с титулом великого жупана. Но враги хотели отнять у него и последние владения. Стефан писал к брату Савве, чтобы он для спасения земли Сербской перенес мощи святого отца

[1] Устав Саввы, данный Хиландарю, надписывается так: «указание жития в монастыре Пресвятыя Богородицы, преданное грешным и смиренным мнихом Саввою» (*Порфирий (Успенский)*. Указатель актов, хранящихся в обители св. горы Афонской // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Ч. LV (далее — *Порфирий (Успенский)*. Указатель актов. — *Ред.*)). Нельзя не жалеть, что ныне в Хиландаре, против воли святого, не общежитие, и преобладают греки. У поклонника Горы на акте Русика 1427 г. подписался «игумен свещение и царскые великые обители Хилантара иеромонах Григорие» (*Антонин (Капустин), архим*. Заметки поклонника Св. Горы). Даже при Барском еще был игумен в Хиландаре.

[2] Грамота 1193 г. см. в: *Григорович В*. Очерк путешествия.

[3] Надпись над царскими вратами с означением 1195 (см.: *Прохоров В. А*. Русские Древности: В 2 т. СПб., 1871–1877).

[4] В Карее доселе целы келлия и собственноручный устав Саввы. Подпись под уставом: «всех последний Саввы грешный» (см.: ИОРЯС. Т. VII; *Порфирий (Успенский)*. Указатель актов). Содержание устава типикарницы довольно подробно показано Святогорцем в письмах (см.: Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. В 4 т. СПб., 1865).

их в Сербию. Святитель Савва не мог остаться равнодушным к скорби брата и бедствиям отчизны. Вулкан, чтобы достигнуть тщеславных своих целей, подчинился папе; в его владениях был собор под распоряжением легатов папы и приняты некоторые правила западной церкви. Папа убеждал венгерского короля ввести в Сербии римскую веру[1]. Савва, посвященный в архимандрита в Солуни, перенес мощи святого отца своего в Студеницкую обитель. В день памяти его испросил у Господа обильное излияние мира от мощей Симеона и в сильном слове показал народу волю Божию о спасении вечном. Уступив просьбам брата, остался в Студеницкой обители. Для оживления в народе искреннего благочестия отправился он с проповедью слова Божия по всей стране. Проповедь его тем более имела силу над сердцами людей, что один расслабленный всеми членами по его молитве получил полное исцеление. Следствие того было то, что замыслы папы ввести в Сербии романизм остались неудавшимися[2]. Между братьями по убеждениям святителя Саввы прекратились ссоры и утвердился мир. Для Студеницкой обители преподобный написал устав[3].

Наскучив шумом и почестями, преподобный, не взирая на просьбы брата, возвратился в Хиландарскую обитель. Хиландарские иноки с радостью встретили преподобного отца своего. Святой по временам удалялся в любимую Карейскую келлию для глубокого безмолвия.

Нужды Афона заставили Савву отправиться к царю и патриарху. В Царьграде тогда уже властвовали или, точнее, неистовствовали папежники. Царь и патриарх пребывали в Никее. Царь Феодор Ласкарь был в родстве с владетельным домом Сербским: дочь его была за Радославом, племянником святителя Саввы. Император принял преподобного со всею любовью; все, о чем просил Савва, сделано было для Афона. Он уже хотел возвращаться в свое уединение, как пришло ему на мысль воспользоваться случаем — испросить милость для Сербии. Призвав Господа на помощь, он предложил царю прошение о том, чтобы патриарх посвятил одного из сербов, спутников его, в архиепископа, по той мысли, что серб-пастырь может быть более полезен для Сербии, чем иноплеменник. Благочестивый Феодор с радостью согласился, но прибавил: «Хочу видеть избранного тобою брата, благоволит ли к нему

[1] Ep. Innocentii, lib. 2, ep. 176, 178. *Raynaldus.* Annales ad an. 1202 n. 9.

[2] *Raynaldus.* Annales ad. an. 1204.

[3] ИОРЯС. Т. VII.

душа моя? Тот должен быть особенным человеком, на кого падет такой жребий». Савва представил всех спутников. «Все братия твои, — сказал царь, — хороши, но ни одному не могу доверить высокого сана, к тебе одному расположена душа моя». Смиренный Савва не хотел и слышать о том. Долго уговаривали его царь и патриарх, и едва согласился Савва на их желание по долгу послушания. В день Успения Богоматери Савва посвящен был в архиепископа патриархом. После того новый святитель решился еще испросить милость для Сербии. «Доверши милости твои, государь, — говорил Савва. — Пусть на словах и на бумаге предоставится право рукополагать архиепископа Сербии собором епископов Сербских». Святой объяснил как то, что это согласно будет с правилами Апостольскими, так особенно то, что во время бурь военных, так частых в печальное время, трудно являться из Сербии для посвящения архиепископа. И царь, и патриарх отяготились такою просьбой: им хотелось, чтобы Сербская церковь оставалась в полном подчинении патриарху. Долго происходили совещания по этому делу. Наконец, выдана была и желанная патриаршая грамота[1].

По возвращении из Никеи святитель, простясь с Афоном, отправился в Сербию. Брат Стефан лежал больным и отправил сыновей своих встретить святителя на границе владений. Посетив больного, архиепископ освятил воду, напоил и окропил больного, и больной почувствовал легкость, а вскоре стал здоровым. Кафедра архиепископа поставлена была в Жичах, где еще отцом начат великолепный собор. Хотя храм еще не был докончен, но святитель, украсив внутренность его иконами, освятил престол и потом посвятил избранных учеников своих в епископы Сербии[2]. По его мысли созваны были все жупаны Сербии,

---

[1] У Дометиана не назван по имени патриарх, хиротонисавший Савву, а только сказано, что грамота с правами прислана патр. Германом. Герман взошел на кафедру только в 1226 г., а имп. Феодор умер в 1221 г. Потому посвящение Саввы не могло быть при патр. Германе. Пролог относит посвящение Саввы к 1214 г., а патр. Досифей — к 1218 г. По сербским летописям св. Савва посвящен в 1219 г. (см.: Гласник Српск. учен. друштва. Кн. 1; 11 (далее — Гласник. — *Ред.*)). О правах архиепископа см.: Acta Sanctorum. Ian. d. 14 p. 980; *Досифей II (Нотара), патр.* История Иерусалимских Патриархов. Бухарест, 1715 (далее — *Досифей II, патр.* История Иерусалимских Патриархов. — *Ред.*); Никон. л. 2, 282.

[2] По списку кафедры имп. Льва (886–897) в митрополии Дирахийской (Драчы) епископы: 1) стефаниакский, 2) хуновский, 3) кройский, 4) елиский, 5) диоклейский, 6) скордский... главеницкий или акрокеравийский,.. черникский... 15) градичский. По летописям не одни и те же показываются места, куда поставлены св. Саввою

и в их присутствии Стефан венчан был королевским венцом. На другой день во время Литургии после Евангелия сам читал он Символ веры, и вслед за ним повторяли все от короля до последнего подданного. В следующие затем два дня предлагал народу различные наставления и заключил поучение такими словами: «Ни добрая жизнь без правой веры не может принести нам пользы, ни правая вера без добрых дел не приведет нас к Богу». Святитель принял потом меры против незаконных сожитий. В народе многие брачные жили без освящения священнического. Священникам предписано обвенчать в храме всех невенчанных. Сам святитель обозревал свою паству, убеждая народ проводить жизнь достойную христиан; иноков, живших на своей воле в виде скитников, но без правила скитского, собрал в общежития и подчинил уставу. Между благородными оставались еще державшиеся ересей, и он убеждал их соединиться с Церковью, обещая милости короля[1]. Когда король венгерский, завидуя возвышению сербского

епископы, хотя везде говорится, что посвящено было 12 епископов (Гласник. Кн. 1, 5, 11). У Дометиана сказано: «свештив же и с благородными, где и в коих странах епископы поставити». Потом говорится: «от учени своих, их же достойны и подобны знаше, епископы сих освещаются». При архиепископе Евстафии присутствовали на соборах (см.: *Григорович В.* Очерк путешествия) епископы: 1) Зетский (имеющий кафедру при храме Архангела Михаила); 2) Рашский (в новом Пазаре при храме апостолов Петра и Павла); 3) Звечанский (в монастыре св. Георгия); 4) Хвостинский (в Студенецкой лавре); 5) Холмский (в Захолмии, в монастыре Богородичном); 6) Призренский (в монастыре Богоматери, на границе Македонии и Албании); 7) Топличский (при храме свт. Николая); 8) Будимльский (в Будимле на Мораче, повыше Спужа, при храме св. Георгия); 9) Липлянский (в монастыре Богоматери-Грачанице); 10) Скопский (соседний с Призренским); 11) Бебрский (при храме св. Николая); 12) Маравичский (в Рудницком округе при храме св. Ахила). При архиеп. Никодиме (с 1318 г.) видите еще (см.: *Григорович В.* Очерк путешествия) епископов: Браничевского (в Браничеве, при впадении Млавы в Дунай, при храме свт. Николая) и Мачьского (на Саве и при впадении Дрины в Саву). Стефан Милютин устроил епископию «у Расии на теплых водах в Баньске», при храме свт. Николая; здесь был епископом Даниил, впоследствии архиепископ. В Сопочанском помяннике поминаются еще епископы: Белой церкви (Белгородской), Зворникский, Сремский, Вучетрский (заменивший Баньского), Новобродский, Смедеревский, Рудничский, Пожегский, Босанский, Херсоновский, Темишверский, Вершачский (Записки географического общества. Т. XIII).

[1] Какие это ереси оставались после Немани, в сказании Дометиана не сказано. Поздний летописец так излагает известие Дометиана: «Елици крещени во латинскую ересь вопадоша, сам молитву миру изглаголав помазует их и верним причитает. Елицы же не покараху се, сих повелеваше цару Стефану брату со безчестием от отчьства изгнати и недаваше растити тернию во место винограда» (Гласник. Кн. 10). Но ла-

короля, объявил Сербии войну, патриот-пастырь отправился в Венгрию и после увещаний силою чуда склонил короля к миру и правой вере[1].

По смерти брата святитель Савва отправился на Восток для поклонения святым местам, освященным стопами Спасителя. Не оставлено им ни одно место Святой земли, где бы не побывал он; посетил и все пустыни иноческие. В обители Саввы Освященного получил он дорогой дар — жезл Освященного, хранимый поныне по его завещанию на Афоне[2]. На обратном пути был он в Никее. Император Иоанн Ватаци принял и отпустил его с почестями в Афон. Прибыв на кафедру, совершил годичное поминовение о брате-короле и утешен был нетлением тела его.

Святитель старался умирить вражду, поднявшуюся между племянниками. Радослав, завлеченный дурной женщиной в дурные дела, вынужден был бежать из Сербии. Святитель венчал на королевство Владислава в 1230 году.

Под бдительным надзором святителя Саввы цвело благочестие в Сербии. Он каждый праздничный день предлагал поучение в храме: вельможным внушал не забывать о смерти, воинам остерегаться своеволий, народу не возобновлять языческих веселий. В монастырях вводил он все лучшее, что видел на Востоке. Для устроения и украшения храмов вызывал с Востока лучших иконописцев и мастеров мраморной работы[3].

В грамоте своей святитель писал: «Спаситель нам сказал: славящих Меня прославлю; кто исповедует Меня пред людьми, о том возвещу и Я пред Отцем Моим Небесным (см.: Мф. 10, 32). Христолюбивый Иларион, священный епископ Зетский, последуя словам Спасителя, поднял много трудов в своем святительстве. Поставленный мной в святителя Зетской области, он прежде всего старался учить людей Божественному закону. Потом построил в местечке Вранине дом Божий, храм в честь преподобного отца нашего Николая, поселил там черноризцев для славословий

тиняне жили в Сербии и при Душане. Итак, не этих людей имел в виду Дометиан, когда говорил о подвиге Саввы в отношении к ересям. Вероятнее, это были остатки ариан и богомилов.

[1] Об этом говорится и в Русских летописях. См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Том IV, прим. 84, 388; Сербская летопись в: Гласник. Кн. 5, 10.

[2] *Муравьев А.Н.* Письма с Востока в 1849–1850 гг.: В 2 ч. СПб., 1851. Ч. 1 (далее — *Муравьев А.Н.* Письма с Востока. — *Ред.*).

[3] Никон. л. 2, 282. 285; Гласник. Кн. 10.

Богу и отдал святое место под мою защиту. Я, архиепископ Сербской земли, даю заповедь именем Господа Вседержителя и именем смирения моего: пусть при преемниках моих архиепископах святое то место не обращается в метохию (подворье) архиепископа или на другое работное назначение... Пусть братия сами избирают себе старейшину и только получают благословение архиепископа»[1].

Народ сербский назвал святителя Савву просветителем Сербии. И не напрасно. Путешествуя по стране Сербской, святой насадил в ней благочестие, которое пережило в народе бури веков. И поныне в сербском народе остается еще много благочестивых, истинно христианских обычаев, насажденных просветителем Сербии. Биограф святого Стефана Лазаревича пишет о современных ему сербах: «с юного возраста все, от малого до старого, приучены посещать храм Божий дважды в день». Грешно было бы для серба обещать что-нибудь, не прибавив: «если Господу угодно». Путника не спрашивают: «Куда идешь?» Опуская из вида его волю, говорят: «Если Богу угодно, что?» Прежде всего воля и слава Божия. Перед питьем вина серб всегда скажет: «В славу Божию». До нового года с первого дня праздника Рождества Христова при встрече говорят друг другу: «Христос родился» и «воистину родился». В продолжение трех дней праздника каждый может приходить в дом чужой и есть и пить, сколько угодно. Радость о Христе все приготовила. Сколько других еще прекрасных обычаев живет еще в народе, невзирая на давившую тьму магометанства[2].

Святитель приближался к концу земного пути. Избрав в преемника себе испытанного инока Арсения, при собрании епископов посвятил он его в сан святительский и поручил ему вместо себя управлять делами архиепископии; он объявил, что отправляется на Восток. Племянник-король и все другие удерживали его, но он сказал, что желает посетить Синай и потом, если Господу угодно будет, жить в безмолвии. Король Владислав, впервые начавший обрабатывать сербские

---

[1] Грамота 1233 г., не совсем сохранившаяся, напечатана в: ИОРЯС. Т. VII. Не бесплодна была заботливость св. Саввы о Зетской кафедре. В 1252 г. старанием «епископа всея Зетския области кир Неофита, восполняющаго все недостающее из святых писателей в святой церкви арх. Михаила на месте Иловице», переведен был вновь номоканон с полными правилами и толкованиями (*Григорович В.* Очерк путешествия), перешедший в 1270 г. в Россию.

[2] *Ранке Л.* История Сербии по сербским источникам / Пер. с нем. Петра Бартенева. М., 1857.

рудники в горах Сербии и тем обогативший Сербию[1], доставил святому богатые дары для церквей Востока. Савва отправился морем. Поднялась буря; все спутники ожидали смерти. Святитель молился; потом, подняв руки, осенил море крестным знамением, и волны утихли. В Иерусалиме беседовал он с патриархом Афанасием и отправился в Александрию. Помолившись в храмах святого Марка и мученика Мины, с проводником патриаршим посетил отцов Мареота и Ливии и был в Фиваиде. На Синае покланялся месту Боговидения; здесь пробыл он весь Великий пост. Возвратясь в Иерусалим, отсюда путешествовал в Антиохию и в монастырь Симеона Дивногорца; чрез Армению прибыл в Болгарию к родственнику, князю Ясеню. Сделавшись болен, он сказал, что умрет в Тернове, и приказал отправить собранные им святыни к архиепископу Арсению в Сербию. Потом, причастившись Святых Таин, сказал: «славу Богу за все», и предал дух свой Господу. Патриарх Иоаким с епископами и игуменами совершил надгробное пение, и святое тело положено было (14 января) в новой княжеской церкви 40 мучеников[2].

Спустя полгода после погребения усильными просьбами король Владислав склонил Ясеня уступить мощи святителя Саввы отчизне его, и они торжественно перенесены были в монастырь Милешевский, построенный Владиславом[3]. В 1595 году изуверный визирь Сянан, взяв Милешево, предал святые мощи огню, но казнь Божия постигла гордого изувера. Доселе счастливый на войне, он разбит был слабыми сербами и, вторично разбитый Трансильванским баном, постыдно

---

[1] *Раич Йован.* История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов: В 4 ч. Вена, 1794–1795. Ч. 2 (далее — *Раич.* История разных славенских народов. — *Ред.*).

[2] Относили смерть свт. Саввы к 1241 г. Но напрасно. Болгарский патр. Иоаким, отпевавший его, скончался в первой половине 1237 г., когда Ясень осуждал Цорулуму, нынешний Чорлу (*Georgios Akropolites.* Historia). Следовательно, кончина свт. Саввы последовала в январе 1237 г. Так и по летописям: Никон. л. 2, 287. 288; Гласник. Кн. 5, 10. В псалтири Киприана память свт. Саввы 14 января, у Царского № 564 служба генваря 14 на память свт. Саввы. Так и в греческом синаксаре. Но на Афоне празднуют память его 12 января (Афонский патерик. Ч. 2).

[3] Милешев монастырь находился в Герцеговине, в жупе черной скалы, на расстоянии в часе пути от Прилепа (Записки географического общества. Т. XV). В древнем Сербском прологе под 6 мая: «В си же день принесен бысть от Трьнова града в славную лавру Мылешеву кралем Владиславом прьвы архиепископ и господин српскые земли светы Савва, в свое отьчество, в л. 6742 (1234)». В годе — ошибка. Но ясно, что в Сербии праздновали и день перенесения мощей свт. Саввы.

кончил жизнь. На месте же, где лежали мощи преподобного, больные и после того получали исцеление[1].

Святой Савва на древних иконах сербских изображается с длинною русою бородою[2].

ПАМЯТЬ
преподобной
ФЕОДОРЫ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ

Святая девственница Феодора подвизалась в Александрии; по памятникам называется она Александрийскою. По наставлениям ее более чем вероятно, что она была настоятельницею общины дев. По ее же словам видно, что она жила в то время, как Александрийскою Церковью управлял архиепископ Феофил[3]. Между письмами святого Исидора Пелусиотского, жившего во время Феофила и Кирилла Александрийских, есть послание к александрийским инокиням сандальницам. Это название значит, что инокини блаженной Феодоры носили на ногах сандалии, тогда как Фиваидские пустынницы ходили босыми. «Женский пол, — писал преподобный, — не имеет права на снисхождение: он может мужественно противостоять обольщению и отражать нападения пожеланий. Учат этому славная Сусанна, дочь Иефая, и достойная удивления Иудифь... А глава женских побед и трофеев, всехвальная Фекла, стоявшая неизменным столпом девства, как огонь, возгоревшись среди волн страстей, приплыла в безопасную пристань. Если желаете быть таковыми, сохраняйте неугасимыми лампады: скоро придет Жених. Да не усыпит вас какой-либо сон сладострастия, который сонливых и нерадивых оставляет за дверями брачного чертога»[4]. Блаженная Феодора

---

[1] Записки географического общества. Т. XIII; Афонский патерик. Ч. 1.

[2] Записки географического общества. Т. XIII.

[3] «Мать Феодора спросила папу Феофила», — говорится в Патерике.

[4] Творения святого Исидора Пелусиота. М., 1859. Ч. 1.

бодро ожидала Небесного Жениха, зорко смотрела за состояниями души своей, не допуская власти греха над собою. По памятникам остается за нею название святой Феодоры щедролюбивой. Это значит, что она отличалась в жизни своей особенною любовью к подвигам милосердия. Подвигами многих лет достигла она высокой духовной опытности, так что наставления ее записывались и перешли в книгу духовных советов.

Она приглашала избирать тесный путь, указанный Спасителем, как путь, необходимый для духовного совершенствования. «Старайтесь, — говорила она, — входить тесными вратами. Если бы деревья не подвергались в холодное время напору ветров, дождю и стуже, то летом не приносили бы плодов. Жизнь земная с ее невзгодами — наша зима. Если не станете переносить скорби и испытания, — не ожидайте себе покоя за гробом».

«Неоценимы выгоды уединенной жизни, особенно для дев и отшельников молодого возраста. Но надобно строго наблюдать за собою, чтобы не утонуть в лени или унынии. Под предлогом желаемого душевного мира предаются покою телесному и доходят до бед душевных; появляется чувство усталости, расслабление колен, — появляется то та, то другая болезнь. “Болен я, — говорят, — не могу прочитывать положенных молитв”. Но дело в том, что не возбуждают себя к твердости. Один монах при наступлении часа молитвы ощущал лихорадку и боль в голове. Раз он говорит себе: “да, я чувствую себя дурно; пожалуй, и умру: пусть же встану и помолюсь Богу прилежнее обыкновенного”. Так он вынудил себя стать на молитву и читал положенные молитвы. Оказалось, что еще не окончил он молитв, как чувствовал легкость, и когда прочел, то пропала вся болезнь. После того он стал бороться с лукавою ленью точно так же, и каждый раз чувствовал себя после молитвы свежим и здоровым».

«Христианин, разговаривая с манихеем, настаивавшим, что тело — источник зла и дело демона, отвечал ему умно: подчините тело ваше христианскому умерщвлению, — и убедитесь, что тело создано Богом».

«Один уважаемый человек, — говорила она еще, — был осыпаем жестокою бранью. Выслушав брань, отвечал он спокойно: я мог бы отвечать вам такою же бранью, но Христов закон заграждает мне уста».

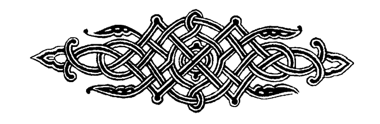
«Ни бдения, ни телесные труды не доведут нас до спасения, если нет в душе смирения. Был святой пустынник и изгонял духов из бесноватых. Раз спросил он демона, что прогоняет его, не пост ли? “Нет, — отвечал тот, — и мы постимся”. Не бдение ли? “Нет; ты знаешь, что

и мы не спим и бываем очень деятельны". Не пустынная ли жизнь? "Нет; и мы ходим по пустыням". Какая же добродетель изгоняет вас? "Смирение побеждает нас, смирения не терпим мы", — отвечал тот. Видите, — продолжала Феодора, — смирение есть та добродетель, которая дарует нам победу над злыми духами».

Она не дозволяла никому оставлять своей келлии по причине искушений. «Искушения, — говорила она, — пойдут за нами везде. Пустынник, мучимый искушением, собирался совсем в дорогу, чтобы оставить свою келлию. Но неожиданно видит, что кто-то в человеческом образе надевает сандалии и говорит ему — ты, может быть, ради меня удаляешься отсюда; но уверяю тебя, что я хожу скорее тебя, и куда бы ты ни пошел, везде найдешь меня. Видите, он еще насмеялся над неопытным пустынником».

Вот прекрасный урок, данный святою для начальствующих! «Кто не умеет, — говорила она, — вести другие души ко спасению, пусть откажется от мысли о начальствовании. Начальник не должен питать в себе ни гордости, ни желания власти. Он не должен быть игрушкою лести и не должен ослепляться подарками. Начальник должен быть кроток, исполнен смирения, терпелив; он должен быть строго честен и прямодушен; должен быть кстати снисходительным и в свое время строгим. Любовь его должна заботиться о других, как о самом себе»[1].

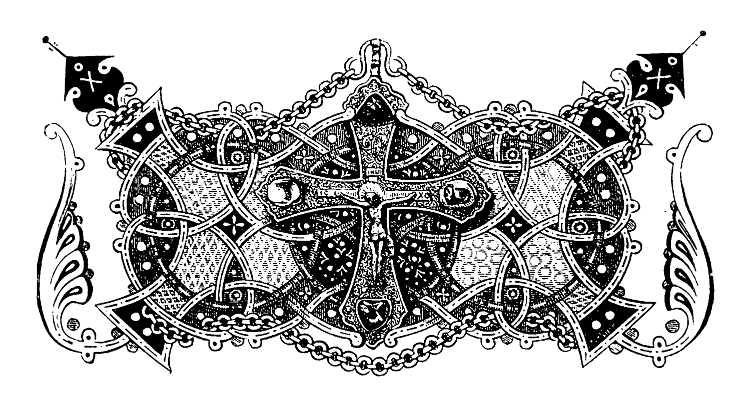
Святая Феодора почила около 415 года[2].

---

[1] Достопамятные сказания.

[2] По греческим Минеям 12 января память прп. Феодоры Александрийской. У Коптов св. Феодора щедролюбивая апреля 11 (6) день (*Ludolfi*. Ad soam historiam aethiopicam commentaries).

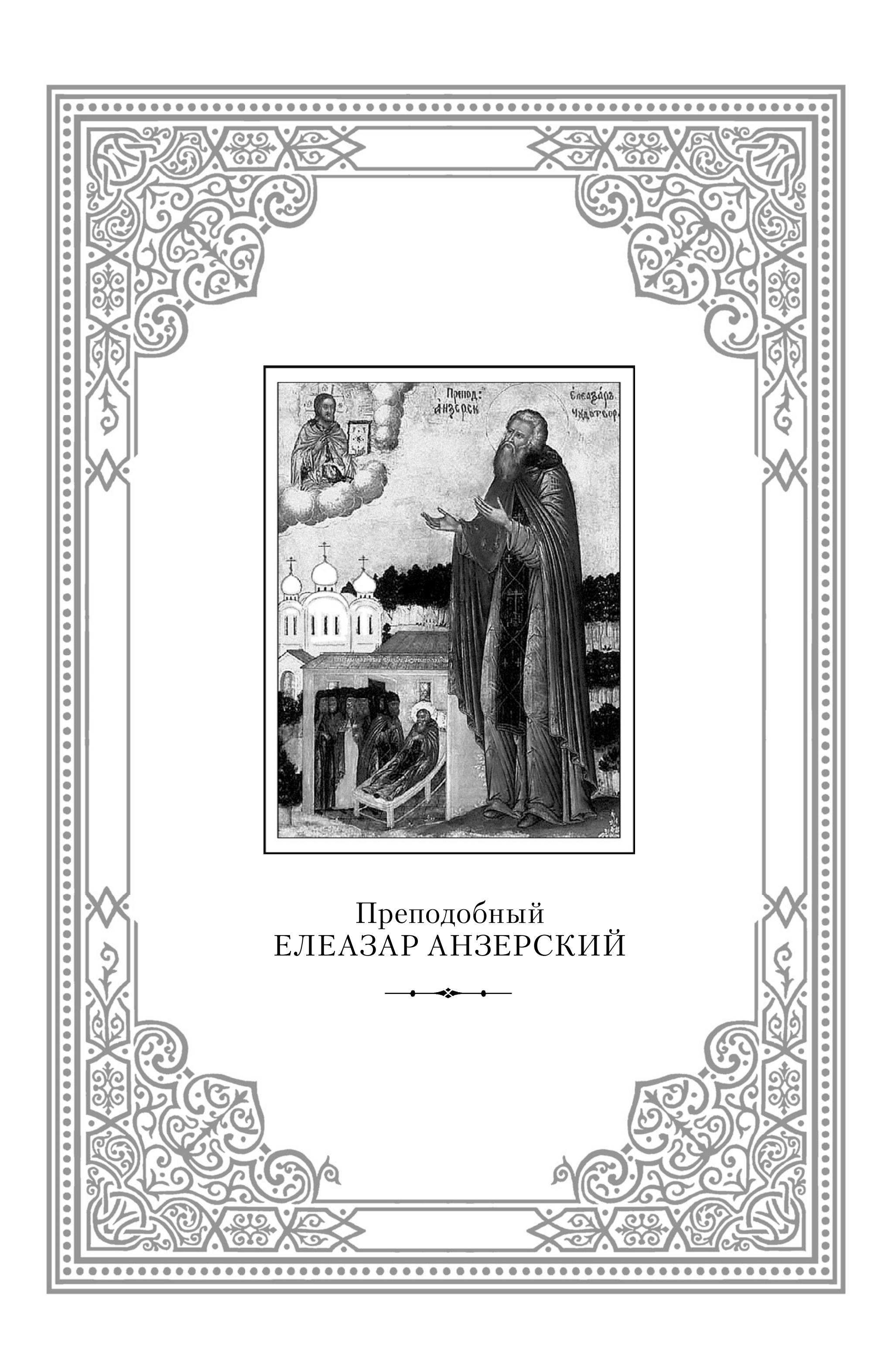
День тринадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКОГО

Уроженец города Козельска, сын купца Севрюкова, Елеазар еще в молодых летах пришел в Соловецкую обитель[1] и, испытанный послушаниями, пострижен был в монашество; строгим постом, крепостью в молитве, глубоким вниманием к себе самому он приобрел себе уважение братии и любовь игумена Иринарха. Ревнуя служить Господу с самоотречением более тяжким, по благословению преподобного Иринарха удалился он на Анзерский остров, за 20 верст от обители, и здесь стал подвизаться отшельником, не развлекаемый никем. Сперва жил он на горе у озера. Для пропитания своего на пустынном острове делал он своими руками деревянные чашки, ставил их у морской пристани, и временные гости — моряки — оставляли отшельнику хлеб и другие съестные припасы. Спустя 4 года, в 1616 году, постриженный в схиму, перешел он к ветхой церкви святителя Николая, поставленной

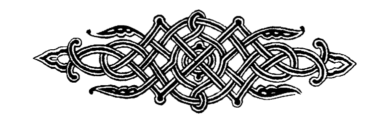
[1] Ркп. житие прп. Елеазара // Православный собеседник. 1860. № 1. Писатель говорит: «Бысть по нем царь Алексей Михайлович, ныне царствующаго родитель». Далее он выставляет себя жителем скитским, но который пишет то, что слышал от «сказателей». Потому житие писано в 1706 г.

для временных тружеников на солеварнях. Здесь поставил он себе малую келлийку и жил с Господом. Мало-помалу собралось к нему несколько ревнителей скитского жития. Преподобный Елеазар ввел для сподвижников древний чин скитского жития. Келлии безмолвных пустынников поставлены были в версте одна от другой. В субботу вечером собирались они для общей молитвы и в следующий день, совершив воскресное пение, расходились по келлиям для Богомыслия. Молитва, псалмопение, рукоделие по силе составляли обыкновенное занятие их. О душевных смущеньях открывали они преподобному старцу. Преподобный был не только великим подвижником, но и любителем духовного просвещения. «От многого Божественного Писания, — сказано о нем во вкладной книге скита, — различные повести собра и три книги цветника своею рукою написа уставом; такожде и чин монашеского келейного правила в писании — от искусу, добре истолкова». В другое время преподобный то коленопреклонно молился, то рубил дрова и носил их на спине своей. Немало пришлось ему претерпеть искушений то от духа злобы, то от людей немощных. Раз явился ему искуситель в виде брата обители, с приглашением в обитель. Подвижник не хотел идти в путь, прежде чем совершит правило келейной молитвы, и стал на молитву. Но когда приходилось ему читать Молитву Господню — Отче наш, мнимый брат выходил из келлии; подвижник изумлялся и продолжал молиться. Наконец, после нескольких опытов повторения той же истории, мнимый брат исчез без следа, а подвижник увидел, что если бы отправился он в обитель, то бурное море поглотило бы его. Царь Михаил, скорбевший о том, что не имеет наследника престола, и узнавший о преподобном Елеазаре от прежнего келаря лавры, а теперь подвижника Соловецкого, Александра Булатникова, вызвал старца в Москву и просил молитв его. Старец сказал царю, что родится наследник, и, после теплой мольбы старца, в 1629 году, родился царевич Алексий. Признательный царь Михаил до гроба своего благотворил Анзерскому скиту. Царь Алексий, по вступлении на престол, предписал строить каменный храм в скиту, начатый по воле отца его, но постройка которого была остановлена. Он желал видеть старца лично, и старец, уже дряхлый, опять был в Москве. Старец был обласкан царем. Но в Соловецкой обители негодовали на то, что Анзерскому скиту предоставлена была независимость от обители. Вследствие того не только не оканчивалось построение храма, невзирая на царский указ, но сам старец заключаем

Преподобный ЕЛЕАЗАР АНЗЕРСКИЙ

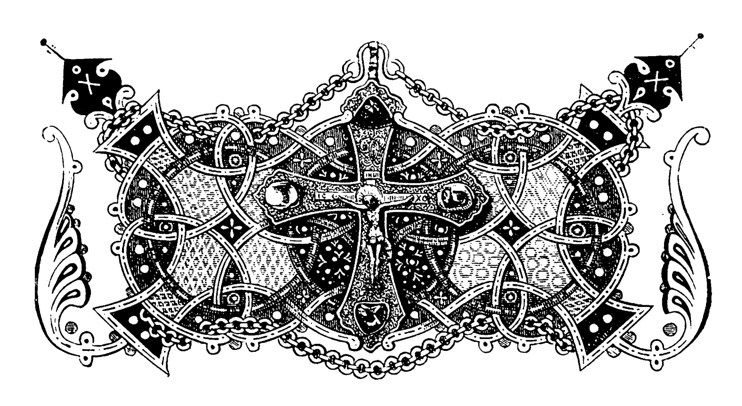
был в оковы и темницу[1]. Преподобный образовал из учеников своих строгих подвижников. Таков был Никодим, бывший преемником наставника своего в скиту; великий Никон также был учеником Елеазара. Когда сей Анзерский скитник стал восходить со степени на степень власти и силы, он делал все, что мог, для покоя преподобного Елеазара. Будучи митрополитом, писал он к архимандриту: «Поберегите Анзерских старцев, строителя и братию», и предписывал исполнить просьбу старца Елеазара — отпустить в его скит больничного старца Кирика[2]; в 1655 году патриарх Никон выпросил у царя отпускать в Анзерский скит более прежнего свеч, ладану, вина и муки для церковной службы; установил быть 17 братьям в скиту и послал от себя серебряные оклады на иконы и дары скитникам деньгами и рыбою. Святой старец скончался после 40-летних подвигов января 13-го дня 1656 года. Память его чтится местно[3].

[1] *Досифей (Немчинов), архим.* Географическое, статистическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836 (далее — *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря. — *Ред.*).

[2] Грамота Никона, напечатана в: *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря.

[3] *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря. Ркп. святцы: «прп. Елеазар, строитель Анзерскаго скита, иже на Океане». Тропарь и молитва преподобному Елеазару — у Царского № 744.

День пятнадцатый

ПАМЯТЬ преподобного ГАВРИИЛА ЛЕСНОВСКОГО и ПРОХОРА ПШИНСКОГО

По Болгарскому синаксарю 1340 года «преподобный отец наш Гавриил, сын благородных и богатых родителей, был отдан книжному учению и помощью Божиею хорошо успел в нем. Когда пришел в возраст, обручили его с невестою хорошего рода; но он, не коснувшись ея, ушел в монастырь и стал монахом. Получив большое богатство, удалился в Лесновскую гору и создал храм святого архистратига Михаила, поставил игумена, собрал много иноков и оставил тут все свое имущество, а сам отошел в гору и пребывал день и ночь в молитве, бдении и молчании. Так провел он 30 лет, перенесши много томления от нечистых духов, и придя в монастырь, тут преставился. Тело его пробыло в земле 30 лет; потом объявилось одному русскому города Средца. Тот, придя на место, устроил ковчег и в нем положил мощи. При них совершалось много чудес: слепые прозирали, хромые оздоравливали, беснующиеся исцелялись прикосновением к святым мощам. Спустя долгое время мощи

святого перенесены были в город Тернов Болгарский и положены были в трапезе святых апостолов»[1].

В житии преподобного Иоакима Осоговского читается: «чудные и истинно новопросвещенные отцы наши и пустынножители, небесные человеки и земные Ангелы, Христовы друзья, *Иоанн и Прохор* вместе с *Гавриилом,* а с ними и Иоаким отец наш, честная четверица, Богоизбранное дружество, трудолюбивые делатели Христовы, вышедшие на возделывание духовной нивы ралом веры и на сеяние семени духовного, чтобы принесть сторичный плод... Преподобный отец наш Иоанн, по Давиду, витал по горам, как птица, и изволил взойти на гору высокую, называемую Книшеву, и там водворившись, прилеплялся одному Владыке Богу... Святый преподобный отец наш *Прохор* по подвигам подобен Иоанну; желая явиться подражателем ему, молился Господу: настави мя, Господи, на путь Твой, да вниду к олтарю Божию и к Богу, веселящему юность мою. Идет в путь и поет иные псалмы. По смотрению Божию преподобный пришел в пустыню Вранскую на реку Пшин и стал тут совершать постническое и равноангельное житие; подвизавшись искусно и богоугодно, с миром переселился к Христу в обитель небесную. По преставлении сего блаженного святые мощи его совершают дивныя чудеса»[2].

Так как по этому известию Иоанн, Прохор и Гавриил поставляются близкими между собою по времени, а Иоанн, выставляемый здесь как образец жизни для преподобного Прохора, есть не кто другой, как преподобный Иоанн Рыльский, почивший в 946 году, то земные подвиги преподобного Прохора надобно отнести к концу X века, а подвиги преподобного Гавриила к началу XI века. По Сербской летописи, благочестивый король Милютин (1276–1320) построил прекрасный храм в честь преподобного Прохора Пшинского. О месте подвигов преподобного Гавриила известно следующее: Лесновский монастырь отделяется от города Кратова Злетовскою горою, почему и называется иначе Кратовским. Здесь великолепный храм построен в 1341 году

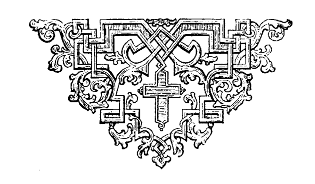
[1] См.: *Ламанский В.* О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями // Записки Императорской Академии Наук. Т. 6.

[2] См.: Там же. По синаксарю Норова память прп. Прохора поставлена под 19 октября, как и прп. Иоанна Рыльскаго (Записки Императорской Академии Наук. Т. 6). Это значит, что мощи прп. Прохора перенесены были в Тернов в один день с мощами прп. Иоанна.

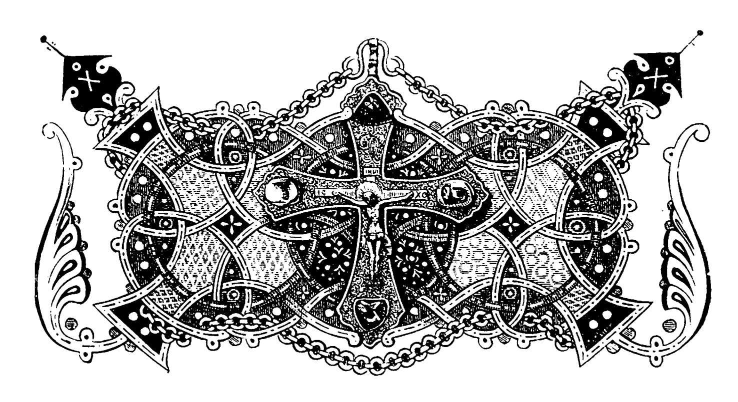
наместником Сербского царя Оливером. Известна постная триодь 1342 года, писанная «в горе Злетовской, в м. Леснове, в монастыре великого воеводы Архангела Михаила, у гроба преподобного отца Гавриила, — егоже великий воевода Оливер создал из темени (с основания) всякими добротами украсив — сосуды златыми и серебряными, покова великия иконы серебром и златом». Фанатизм магометанский доводил обитель до запустения, но с 1805 года она мало-помалу восстановляется[1].

Недавно стал известен синодик Пшинскаго монастыря святого Прохора, что близ Враны; город стоит на восточной Мораве, в Приштинском округе, а обитель — исчезла[2].

[1] ИОРЯС. Т. VI; *Григорович В*. Очерк путешествия.

[2] ИОРЯС. Т. VI; *Момирович Д*. Краткая история и география Сербии. СПб., 1839.

День шестнадцатый

ПОКЛОНЕНИЕ ЧЕСТНЫМ ВЕРИГАМ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Во время гонения на юную Иерусалимскую Церковь, воздвигнутого Иродом Агриппою, царем иудейским, около 42 года от Р. Х., ревностный проповедник Евангелия апостол Петр закован был в цепи и заключен в темницу. Ночью, накануне того дня, в который положено было вывести Апостола на суд к народу, Ангел чудесно освободил Петра от оков и темницы (см.: Деян. 12). Слух о чудесном освобождении Петра немедленно распространился в Иерусалиме; благочестивые ученики его стяжали себе, как драгоценность и святыню, *цепи,* или *вериги,* святого узника и с уважением хранили, передавая их, при кончине своей, преемственно один другому. Верующие получали от них исцеления, как от платков и полотенцев, бывших на теле апостола. Павла (см.: Деян. 19, 12).

Императрица Евдокия, супруга Феодосия II (408–450), по обету своему бывши в Иерусалиме для поклонения святым местам, получила от иерусалимского патриарха Ювеналия между духовными сокровищами и чудотворные вериги апостола Петра. Пришедши в Константинополь, она одну из них в 439 году послала в дар дочери своей Евдоксии, супруге Римского императора.

На Литургии чтением *Апостола* Церковь упоминает о веригах, кои возложены были на апостола Петра в Иерусалиме (см.: Деян. 12, 1–11); *Евангелием* благовествует о восстановлении апостола Петра в звании Апостола по его мученической смерти.

ПАМЯТЬ преподобного РОМИЛА (Ромула)

Местом родины преподобного Ромила[1] был Бдин (Виддин); мать его была болгарка. Достаточное состояние родителей доставило ему способы получить хорошее образование. В Терновском монастыре Устье, расположенном за городом на святой горе, полагал он начало монашеской жизни; тут было тогда много иноков; тут произнесены им обеты иноческие. Когда в Скрытной (парорийской) пустыне стал жить преподобный Григорий Синаит, Ромил поступил под его руководство. Но нападения разбойников («ихже и хусаре места оного жители наричють») вынудили его удалиться опять в Загорье, и он жил с другом своим Иларионом в уединенном месте, называемом Мокрое, в расстоянии от Тернова на день пути. Когда же царь Александр усмирил разбойников и в Скрытном стало покойно, Ромил опять жил в Скрытной пустыне. Сюда пришел к нему из Константинополя Григорий Цамблак, описатель жития его. Спустя некоторое время Скопельский начальник известил, что магометане хотят напасть на их места, потому пусть удалятся в другое место. Ромил удалился в прежнюю келлию свою, что была в Мокром; а отселе перешел на Афон в лавру и жил уединенно в скиту Меланском; Цамблак жил с ним в этом уединении. Когда убит был (на войне) деспот (Романский) Углеш (1370 г.): «тогда на Афоне все иноки наполнились смятением и ужасом и многие убежали» с Афона. Так и Ромил «удалился в другое место, называемое Авлонь (это вблизи Драча), а отсюда уходит со своими учениками в Сербскую землю, в место, называемое Раваница, где обитель Вознесения Господа нашего Иисуса Христа. Здесь прожив немного время, переходит с земли на небо». Так говорит Цамблак. Краткое житие замечает о последнем времени в особенности. «Вышед с святой горы, — говорится здесь, — достигает Иллирика; тут находит он раздоры страстей и жалкие

[1] В рукописи Белградской библиотеки два жития прп. Ромила, одно краткое, другое — пространное; последнее, писанное Григорием Цамблаком, находится и в синаксаре Гильфердинга (ИОРЯС. Т. VIII). Выписки из Белградской рукописи (Гласник. Кн. 9, 4).

разделения, но в короткое время успевает своими наставлениями ввести согласие. Отсюда переходит в Далматское место Раваницу». В каком году почил преподобный Ромил, не показано ни в кратком, ни в пространном сказании о нем. Но по всему, что известно, вероятно, что почил он не ранее 1375 года. Мощи его почивают в Раваницкой обители, где подают зрение слепым, хождение хромым и исцеляют всякие недуги[1].

ПАМЯТЬ священномученика ДАМАСКИНА ГАБРОВСКОГО

Священномученик Дамаскин родился в местечке Габрове Терновской епархии[2].

По любви к иночеству он удалился на Афон и принял монашество в Хиландарском монастыре. Здесь посвящен был в иеродиакона и потом в иеромонаха; здесь же избрали его и в игумена. По нуждам обители отправился он в Болгарское поселение Свистово[3]. Исполнив нужные дела по обители, он должен был еще получить старый долг с турок. Когда им было сказано о долге, должники, согласясь между собою, не только не платили долга, но еще напали на беззащитного христианина и отняли у него всю бывшую на подворье собственность. Злодеям и того было мало. Они подговорили турчанку худого поведения и тайно провели ее в подворье. Потом, напав на подворье с шумом и криком, разбили двор, найдя тут турчанку, связали Дамаскина как виновного в похищении магометанки и представили в суд. Кадий, выслушав Дамаскина, видел, что тут только насилие злобы. Но взволнованная

[1] Краткое житие см. в: Гласник. Кн. 9. Служба преподобному поставлена под 16 января (Гласник. Кн. 11).

[2] Страдание его см. в: Афонский патерик. Ч. 2.

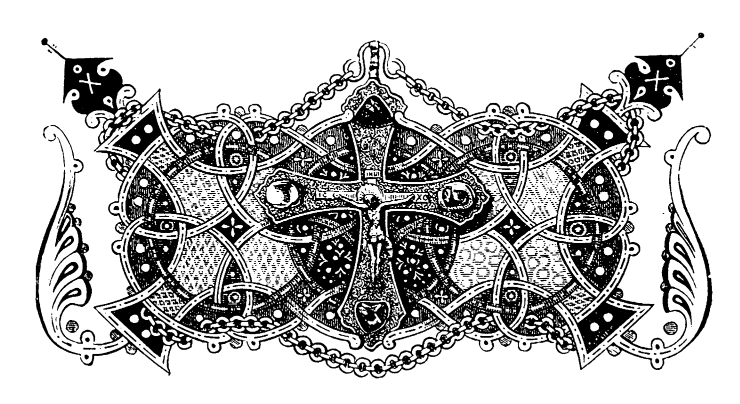
[3] Свистово — на берегу Дуная. Ныне здесь 4 церкви. Габрово — на юге от Тернова, на той же реке Янтре, на которой и Тернов. Жители там и здесь преимущественно болгары. *Григорович В.* Очерк путешествия.

клеветою толпа изуверов неистово кричала, что монах осквернил закон их. Фанатики предложили Дамаскину на выбор одно из двух — или виселицу, или обращение в магометанство. Преподобный отвечал: «Я родился христианином, таким и умру. Отречься от Христа — то же, что отказаться от Вечной жизни: без Него нет спасения грешникам, каковы все мы, я и вы. Он примиритель правды Божией с грешным человечеством; Он — податель благодати Божией, необходимой для выполнения воли Божией. Жалею о вас, если вы не понимаете того. Но было бы безумием, если бы я согласился купить за временную жизнь погибель вечную». Со связанными назад руками привели его на место казни. Он попросил дозволения помолиться. И, получив его, оградил себя крестным знамением, с лицом, обращенным на Восток, помолился и потом сказал: «теперь я готов на смерть». Его повесили. Гнев Божий скоро постиг злодеев: вслед за кончиною мученика, переправляясь чрез Дунай, они потонули. Священномученик пострадал в 1771 году января 16 числа.

ПАМЯТЬ
блаженного
МАКСИМА ТОТЕМСКОГО

Блаженный Максим, Тотемский священник, юродствовал 45 лет, преставился 1650 года января 16 числа. Мощи его под спудом в градской церкви, что у варниц. Почитание его (местное) началось с 1715 года[1].

[1] Записка о Вологодских святых. См. в октябре 10 числа надпись на раке блаженного Андрея.

День семнадцатый

ПАМЯТЬ преподобного АНТОНИЯ ДЫМСКОГО

По житию преподобного Варлаама Хутынского, близкий к кончине своей, преподобный Варлаам сказал ученикам своим: «Блюстителем вашим по душе и телу назначаю вам игумена Антония, который возвратился из Царьграда и святых мест и в этот самый час уже недалек от нас». Вслед за тем сказали, что Антоний уже в монастыре, и святой с радостью вручил вошедшему Антонию свое стадо. Это было в 1192 году[1]. Неизвестно, как долго оставался настоятелем Хутынской обители посетитель святых мест; но в 1230 году уже и другой игумен Хутынский Арсений переведен был на игуменство в Юрьев монастырь. Преподобный Антоний, отказавшись от управления Хутынскою обителью, на берегу озера Дымского, что в 15 верстах от города Тихвина, основал свой монастырь[2]. С давнего времени

[1] Ркп. житие прп. Варлаама.

[2] Ркп. житие прп. Антония с чудесами составлено поздно, в XVII в., и потому со многими ошибками; например: в нем говорится, что храм в своей обители преподобный построил по грамоте князя Александра Невского и по благословению Новгородского архиепископа Исаии. Но такого архиепископа не было в Новгороде, как это известно по летописям (Собр. л. 3. 54–57. 180–182). Говорится, что Антоний

преподобный Антоний на иконах держит хартию со словами: «се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни». Еще и ныне обитель его окружена лесами. Площадь, на которой стоит она, поднята, как холм, над окрестностью; при подошве ее тихое, темное озеро, а кругом, в необозримую даль, идут леса, ныне по местам исчезающие. Над ракою преподобного лежит железная шляпа его. В ней 15 фунтов весу; широкие поля ее прибиты к тулье толстыми гвоздями; шляпки гвоздей, рубцы окраин должны были врезаться в покровы головные, останавливаясь только на твердых черепных костях, а тяжесть шляпы усиливала боль язв. Так приобретал покой и радости вечной жизни подвижник Божий! Преподобный Антоний, кроме Дымской пустынной обители, основал еще Вырдомскую пустынь. Достигнув 67 лет в трудах и подвигах, блаженный Антоний мирно почил 24 июня 1224 года[1]. Мощи преподобного обретены нетленными в 1330 году, и с того времени, прославленные чудесами, стояли открыто в храме обители. В 1409 году, по слуху о приближении полчищ свирепого Едигея, святые мощи сокрыты были в земле; сосуды, колокола, шляпа преподобного опущены были в Дымское озеро; татары сожгли обитель. Мощи преподобного со времени Едигея остаются под спудом. В 1585 году в октябре и ноябре, когда в Антониевой обители укрывались и Валаамские иноки, выгнанные лютеранами шведами из Валаама, преподобный два раза спас свою обитель от пожара, благовременно пробуждая настоятеля Симеона от сна. В 1744 году петербургский купец Калитин, долго страдавший не исцелявшеюся ничем болезнью, получил исцеление при мощах преподобного Антония;

отправлен был из Хутына к блаженному патр. Афанасию в Константинополь. Но в Константинополе не было тогда между патриархами Афанасия. Патриархами были: с 1186 г. Никита, с 1190 г. Леонтий, потом Феоктист, Досифей и Георгий Ксифилин, скончавшийся в 1198 г.; после него Иоанн Каматер, при котором в 1204 г. Константинополь взят латинянами; с того времени патриархи стали жить в Никее; но и здесь не было патриарха Афанасия.

[1] Так показаны лета Антония и день кончины в ркп. житии. Поелику же в 1192 г., когда прп. Варлаам назначил его своим преемником, было ему не менее 35 лет, то остальные 32 года из 67 лет жизни оканчиваются 1224 годом. По ркп. святцам «прп. Антоний игумен Дыменский, ученик Варлаамов, преставися», по одному списку: «апреля в 13 день», по другому: «августа в 13 день». *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях. М., 1852 (далее — *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. — *Ред.*).

признательный Калитин устроил раку преподобного и иконостасы в храме[1]. Память преподобного чтится 17 января, в день памяти великого Антония, а 24 июня, в день кончины преподобного, бывает крестный ход на озеро; в обители посвящен храм преподобному[2].

ПАМЯТЬ преподобного АНТОНИЯ КРАСНОХОЛМСКОГО

Преподобный Антоний, будучи иеромонахом, в 1461 году прибыл из Белозерской стороны в пустыню на левый берег реки Мологи и здесь, не вдали от Красного холма и в 30 верстах от Бежецка, положил основать обитель. Тогда в здешнем краю еще не было обителей. Преподобный Антоний построил деревянный храм в честь святого Николая. К нему собрались братия, и он ревностно учил их путям спасения примером жизни своей и наставлениями. Набожный боярин Иван Нелединский, владелец тех мест, щедро доставлял средства для обители. На его иждивение преподобный Антоний построил каменный храм святителю и вскоре по освящении его, в 1481 году, мирно скончался. Мощи его почивают под спудом[3].

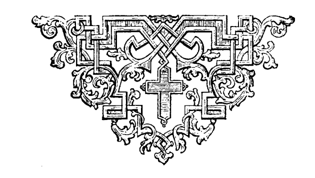
[1] Ркп. житие см. в: *Башуцкий А.П.* Тихвинские монастыри. СПб., 1854. Валаамские иноки жили в Дымской обители с 1561 г.; в 1618 г. переведены они в Васильевский монастырь (Писцовая книга // Временник общества истории и древностей. Кн. 6; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / Доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею: В 4 т. СПб., 1836. Т. 3 (далее — Акты, собранные Археографическою экспедициею. — *Ред.*)).

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Ркп. житие.

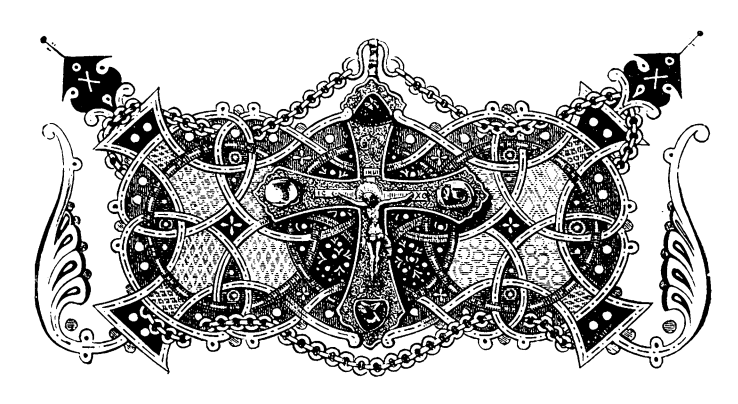
[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь исторический о святых российской церкви. СПб., 1836–1860 (далее — Словарь святых. — *Ред.*). По переписи 1662 г. У Антониева монастыря 529 дворов поселенцев.

ПАМЯТЬ
преподобного
АНТОНИЯ ЧЕРНОЕЗЕРСКОГО

В бывшем Богородичном монастыре, на берегу Черного озера, Череповецкого уезда, почивают под спудом мощи преподобного Антония Черноезерского, основателя пустыни. Подвиги его и их время неизвестны, но вероятно, они принадлежали XVI веку. Местная память его чтится 17 января[1].

[1] Ркп. святцы; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь святых. Черноозерский монастырь сожжен, игумен и братия убиты поляками в 1585 г. (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853 (далее — *Неволин К.А.* О пятинах и погостах. — *Ред.*).

День восемнадцатый

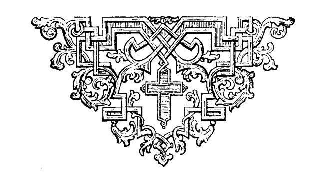
ПАМЯТЬ святых отцов АФАНАСИЯ и КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКИХ

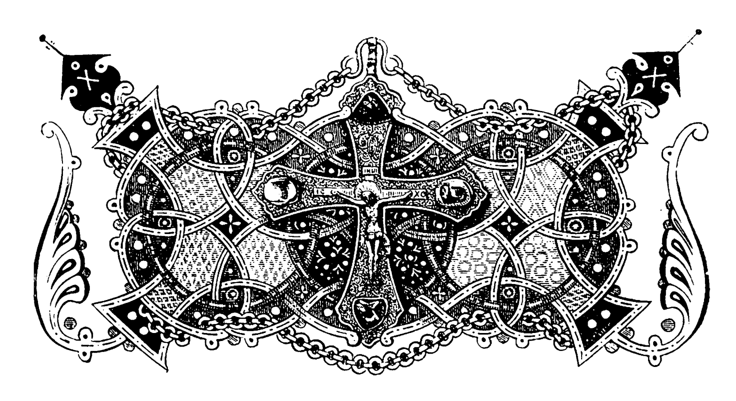
Совместное празднование сим великим светильникам веры установлено по особенной святости и заслугам их для Церкви. Отдельно память Афанасия 2 мая, Кирилла 9 июня.

ПАМЯТЬ блаженного МАКСИМА, митрополита Угровлахийского

В мире назывался Георгием; был внук предпоследнего Сербского государя (деспота) Юрия Бранковича, сын его сына Стефана, скитавшегося вне отечества, и Ангелины, супруги последнего. Стефан получил от Венгерских королей поместья в Среме, где и стало жить

его семейство. Так как в этой стране, куда бежало от ига турецкого много сербов, не было ни церквей, ни священников, то Георгий на свой счет построил несколько церквей, пригласил из Софии митрополита Левия для поставления священников и в 1496 году основал монастырь Богородицы в Крушедоле, где и сам постригся. Радул, воевода Угровлахийский, в 1503 году пригласил его в свою землю и сделал митрополитом; при преемнике Радула, Михне (1508–1510), Максим воротился в свой монастырь, но в 1513 году снова вызван был воеводою Нягоем Бессарабою. Впрочем, недолго там прожил и, возвратясь в Крушедол, скончался в 1516 году. Мощи его покоятся в обители его, которая с XVIII столетия сделалась местопребыванием сербских патриархов в Австрии.

День девятнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного ФЕОДОРА ЮРОДИВОГО

Блаженный Феодор[1] родился в Новгороде и в юных летах обучен был чтению книг. Он рано начал любить благочестие, — в среду и пяток не вкушал ничего и постоянно посещал храм Божий. По примеру великих юродивых востока, он избрал для спасения своего путь юродства. Не имея нигде постоянного жилья себе, он в морозы ходил босым и полунагим; все, что получал от боголюбивых, раздавал бедным, а сам терпел нужду во всем; ветреная молодежь смеялась над ним, оскорбляя его словами и побоями; но он переносил все весело. Когда другие предавались глубокому сну, Феодор обходил храмы города и молился. Так протекла жизнь его! Современником его был блаженный Николай Качанов, живший на Софийской стороне, — тогда как Феодор ходил на Торговой. Когда блаженному Феодору случилось переходить Волховским мостом на Софийскую сторону, блаженный Николай гнал его на Торговую; то же делал и Феодор, когда заставал Николая на Торговой стороне. Блаженные, понимая друг друга и себя, видимою враждою своею напоминали новгородцам их междоусобия, которые так часто бывали кровавыми и по предлогам

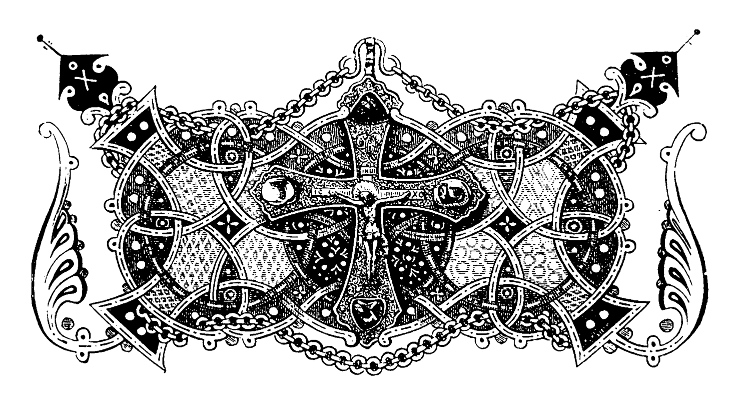
[1] Ркп. сказания о блаженном Феодоре.

самым пустым. Случалось, что блаженный Феодор говорил вслух: «Берегите хлеб», — и наступал голод. В другое время говорил: «Чисто тут будет, — хорошо будет сеять репу», — и пожар опустошал улицы Торговой стороны. Пред кончиною своею говорил он встречавшимся с ним: «Прощайте; далеко иду». Он просил похоронить его близ торжища и скончался 19 января 1392 года. Впоследствии над гробом его построена была часовня, и здесь больные получали исцеления. В новой каменной часовне при храме Победоносца Георгия на Лубянице, построенном еще в 1181 году, и ныне мощи блаженного. Ему есть особая (печатная) служба, по которой чтится память его 19 января и совершается молебствие при мощах его[1].

В наше время путь блаженного Феодора — путь, заросший травою. Но пусть этот путь, путь полного отречения от земного, слишком высок. Пусть купец остается купцом, чиновник чиновником, земледелец земледельцем, только бы жили, не забывая Господа, не оскорбляя святых заповедей Его. Чем занят век наш? О том только хлопочут, как отыскать новые средства к жизни, и, находя, расточают их безумно; люди как в угаре от жадности к удобствам земной жизни. «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой», — таково определение Божие о грешном человеке. Но надобно, чтобы труд твой для земли не был потерянным или во вред для вечности твоей. Ужели для тебя, как и для язычника, и боги и жизнь только на земле? Трудись, работай, но — всегда пред очами Бога, Судии Всеведущего и строгого в правде. Не отнимай работою для земли ни времени, ни души твоей у дел служения Господу. Занимайся нуждами земными, но не иначе, как во славу Божию. Иначе что ждет тебя, если ты пренебрегаешь Владыкою неба и земли? *Господи! Кто может пребывать в скинии Твоей? Кто может обитать на святой горе Твоей? Тот, кто поступает непорочно, творит правду и говорит истину от сердца; кто не клевещет языком своим, не делает другому зла; кто клянется ближнему и не изменяет; кто серебра своего не отдает в рост и не принимает даров против невинного* (Пс. 14, 1–5). *Бесполезно богатство в день гнева, а правда спасает от смерти* (Притч. 11, 4). *Явилась благодать Божия, спасительная для всех человек, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, трезвенно, праведно и благочестиво жили в настоящем веке* (Тит. 2, 11–12).

---

[1] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь святых; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. В 2 ч. М., 1860. Ч. 1 (далее — *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. — *Ред.*).

День двадцатый

ПАМЯТЬ преподобного ЕВФИМИЯ ВЕЛИКОГО

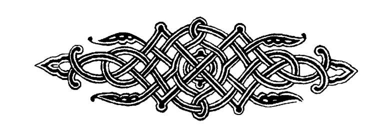
Евфимий Великий родился около 380 года в Мелитине, городе Никейской митрополии, от благочестивых и благородных родителей, по молитвам их, которые доселе были бесчадны, и назван Евфимий — *Благодушный,* по радости и утешению их о его рождении. В отрочестве он посвящен был Богу и отдан матерью на воспитание брату ее, а от него принял Евфимия для воспитания епископ Мелитинский. Воспитанный в правилах добродетельной христианской жизни под отеческим попечением архипастыря Мелитинской церкви, Евфимий рукоположен был от него в чтеца и пресвитера. Ему поручено было старейшинство и попечение о монастырях того города, в котором он жил. Поэтому, любя иночество и безмолвие, он более пребывал в монастыре, соседнем городу, а на дни Великого поста уединялся в пустыню. Видя, что безмолвие его по обязанностям его звания нередко нарушается, Евфимий, 29 лет, тайно удалился с другом своим *Феоктистом* в пещеру Иерусалимской пустыни, принадлежавшей лавре Фаранской. Из своей пещеры они ежегодно 14 дня января удалялись в пустыню и возвращались в свои келлии на цветную неделю. Пребывая в пещере и пустыне, преподобные питались трудами рук

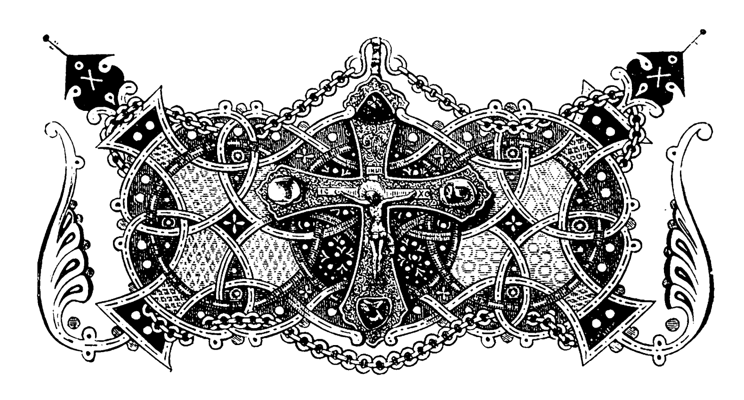
своих и имели одно попечение — угодить Богу. Чрез пять лет два друга-инока переселились для высших подвигов благочестия почти в непроходимые места пустыни.

В тот же день преподобного **Евфимия** схимника и **Лаврентия** затворника Печерских. Мощи их почивают в Феодосиевых пещерах; сведения см. 28 августа.

ПАМЯТЬ преподобной ВАССЫ

Родом из Солуни, игуменья монастыря близ Иерусалима, бывшая образцом чистоты и христианского подвижничества, ревнительница веры против еретиков евтихиан, была уважаема царственными лицами и вела переписку с императрицею Пульхериею (451 года).

День двадцать первый

ПАМЯТЬ преподобного МАКСИМА ГРЕКА

Преподобный Максим, родом грек, по своим великим подвигам вполне принадлежит святой Русской Церкви, для которой он остается светильником по своим сочинениям[1].

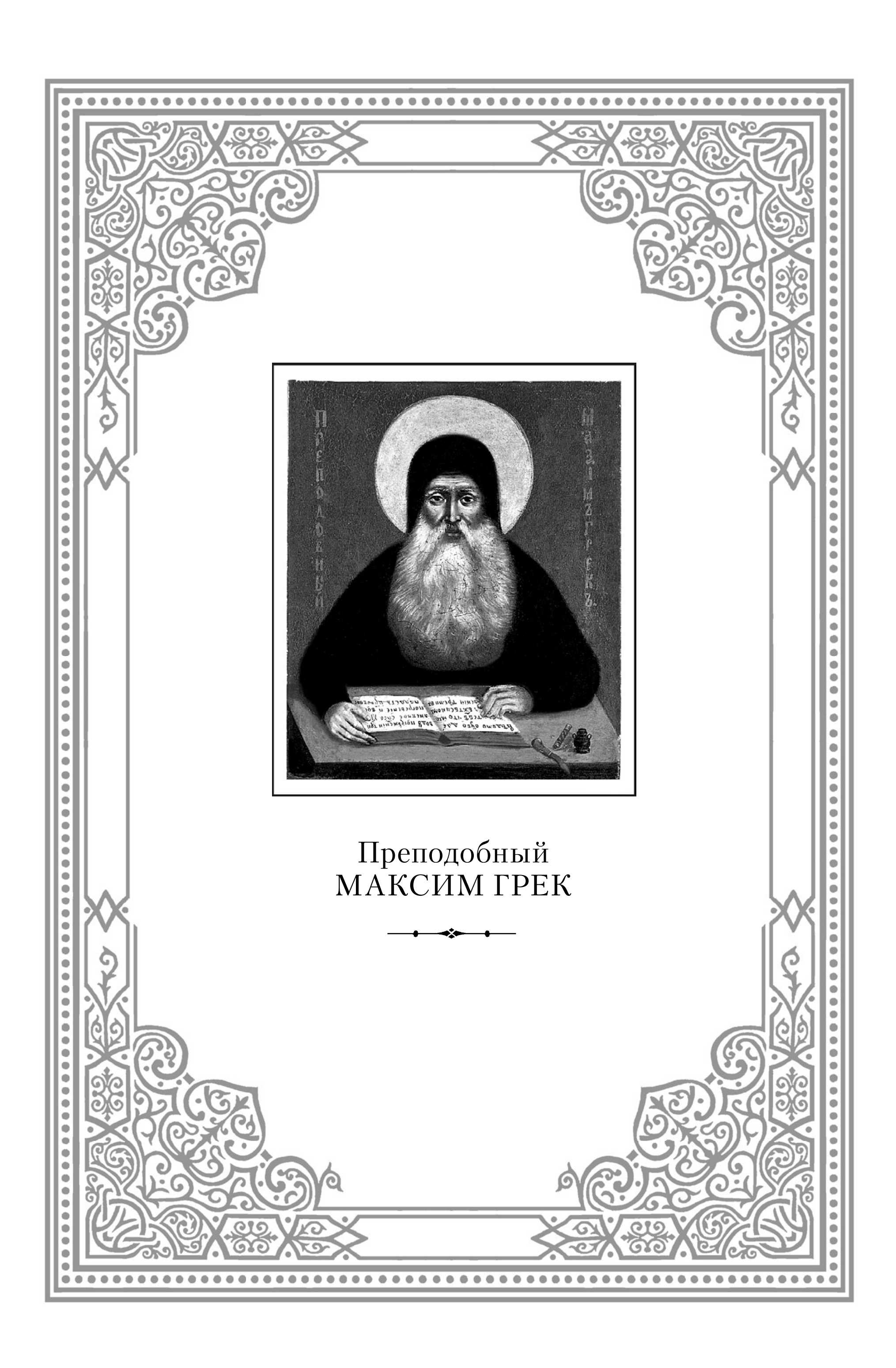
Получив начальное образование в отчизне в городе Арте, где отец был знатным сановником, Максим, по любви к наукам, путешествовал по Европе: в Париже у знаменитого грека Иоанна Ласкаря, потом во Флоренции и Венеции изучал словесные науки, историю, философию, богословие; основательно узнал языки латинский и древний греческий, познакомился с языками французским и итальянским. По возвращении в отечество поступил на Афон и здесь в Ватопедской обители принял иночество.

Когда великий князь Василий Иванович, желая разобрать в своей библиотеке собрание греческих рукописей и иные видеть в переводе, просил султана и Афонское начальство прислать к нему ученого грека, то на Максима указали как на человека самого способного исполнить желания великого князя[2]. Максиму не хотелось расстаться со Святою Горою

---

[1] Подробное исследование о жизни и сочинениях прп. Максима напечатано в «Москвитянине» за 1842 г. № 11, стр. 45–96.

[2] Письмо великого князя на Афон и ответ афонцев см. в: Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. В 25 т. М., 1849–1857. Кн. 5 (далее — Временник общества истории и древностей. — *Ред.*).

Преподобный
МАКСИМ ГРЕК

и ее безмолвием, но, повинуясь воле Афонских старцев, он в 1516 году отправился в Россию; на пути время случайного пребывания в Перекопе употребил он на знакомство с русским языком и в начале 1518 года прибыл в Москву. Здесь принят он был ласково, и ему указано жить в Чудове монастыре, на счет великого князя. Сокровища греческой учености, которые увидал Максим в библиотеке московской, привели его в восторг; сочинений, не переведенных на славянский язык, нашлось много. На первый раз ему поручили перевести толкование на Псалтирь. В помощь ему, мало знакомому со славянским языком, даны переводчики с латинского Димитрий Герасимов и Власий и для письмоводства инок Сергиевой лавры Силуан и Михаил Медоварцов. Через год и пять месяцев перевод Толковой Псалтири совсем был окончен. Максима осыпали милостями и оставили для новых трудов. По воле митрополита Варлаама и на его иждивение переведено им (в 1519 г.) толкование на книгу Деяний Апостольских. Ему поручили еще пересмотреть славянские Богослужебные книги. По воле великого князя Максим принялся за исправление перевода Триоди, по-прежнему при пособии переводчиков; затем пересматривал он и другие церковно-служебные книги. Грубы были ошибки, какие нашел много сведущий Максим в церковных наших книгах, и разжигаемый, как говорил он, Божественною ревностью, очищал он плевелы обеими руками. По этой ревности резкие высказывал он отзывы о том, что видел в книгах. Но то, что видел он, видели немногие, и слепая страсть к старине принимала отзывы его за оскорбление святыни. Сначала ропот был тайный. Митрополит Варлаам, у которого испрашиваемо было разрешение на важные перемены в древних книгах, понимал преподобного Максима; великий князь отличал его своею любовью. И клевета не смела открыто восставать на Максима. Советами его пользовались в делах Церкви и государства, отличая в нем человека умного и образованного, инока пламенного в любви к истине и вере. Он был усердным ходатаем за вельмож, впадавших в немилость князя, и князь внимателен был к его просьбам. Полный ревности к святой вере, он подал собору отцов совет принять строгие меры против жида Исаака. Митрополиту Варлааму советовал он пересмотреть Славянское собрание церковных правил и сам начал переводить «Властареву синтагму» законов, — с древней Московской рукописи.

В конце 1521 года правдивый и рассудительный Варлаам оставил кафедру, и его место (в феврале 1522 г.) занял Даниил. Новый митрополит любил книги, но одни славянские; любил заниматься делами

веры, но не столько, сколько видами страстей. Блаженный Максим скоро понял, что не может он с прежнею свободою и покоем трудиться для истины; с любовью к истине он обратился к новым предметам деятельности. Папа, обессиленный на западе Лютером, сильно заботился о том, чтобы распространить свою власть на северо-востоке. Легат его Николай Шонберг хитрил в Москве. Немец «к прочим лукавствам» присоединил и то, что тайно пустил в ход (в 1520 г.) слово: «о соединении руссов и латинян». Максиму достали сочинение Шонберга «О начале турков», написанное с видами папизма в защиту астрологической судьбы. Шонберг успел обольстить боярина Феодора Карпова, колебал и других; особенно мысли о фортуне, распространенные Шонбергом, производили впечатление на суеверный народ и нашли защитника себе даже в каком-то бывшем игумене. Максим восстал против лукавого немца и написал против него до 15 сочинений, преследуя козни его на всех путях. В то же время писал он против магометан и язычников. Эти труды ревности святой на время оберегали Максима от злобы раздражавшегося против него невежества, так как были не противны и духу времени. Но между трудами его не видно ни одного, который предпринял бы он лично для митрополита Даниила. К 1523 году окончены им переводы толкований святителя Златоуста на Евангелия Матфея и Иоанна, но это было окончанием трудов, начатых при митрополите Варлааме. Даниилу хотелось, чтобы Максим перевел Церковную историю Феодорита. Рассудительный Максим представлял, что это сочинение, по содержащимся в нем письмам Ария и Нестория, может быть вредно «для простоты». Даниил принял такой ответ Максима за непослушание непростительное и остался в сильной досаде. Он не только не приближал к себе Максима, но, как видно по последствиям, был очень недоволен им за исправление книг, совершавшееся при Варлааме. Великий князь продолжал быть благосклонным к Максиму. Пользуясь этою любовью, Максим свободно обличал пороки в вельможах, в духовенстве, в народе. Он писал, что неприлично, неполезно, весьма опасно инокам владеть недвижимыми имуществами. Последнее сильно оскорбляло Даниила и ему подобных.

В 1524 году великий князь Василий задумал развестись с добродетельною, но неплодною супругою своею Соломониею и вступить в новый брак с Еленою, — для того, чтобы иметь наследника. Митрополит Даниил одобрял средство для цели. Но те, которые не хотели угождать людям более, чем Богу, свободно указывали великому князю на решение Спасителя. Таков был старец Вассиан, потомок князей

Литовских и родственник Василия. Прямодушный Максим был тех же мыслей. Он предложил великому князю на бумаге сочинение, начинавшееся осуждением плотоугодию. «Того признавай царем истинным и самодержцем, — писал Максим Василию, — кто управляет подданными по правде и закону, а бессловесные похоти и страсти старается преодолевать в себе... Кто побеждается ими в оскорбление смыслу, тот не образ одушевленный Владыки Небесного, а бессловесное животное в виде человека». Великий князь Василий и в других случаях не любил противоречий воле его. Теперь положил он показать, что виновны несогласные с его желанием. И вот теперь-то отмстят Максиму за то, что осмелился он судить и осуждать русское! В начале февраля 1525 года Максим брошен был в кандалах в темницу Симоновской обители. Прежде всего старались запутать его в дело двух бояр виновных, открыв, что они имели сношение с Максимом. Максим не скрывал, что они бывали у него для бесед; не скрывал ни того, что говорили они, ни того, что он им говорил; жалуясь на нововведения, они говорили: «страна, которая изменяет свои обычаи, долго не стоит». Максим отвечал на то: «Страна, которая преступает заповеди Божии, должна ждать себе казни от Бога; а обычаи земные и царские государи изменяют по усмотрению нужды в том для государства». Не успев обвинить Максима по этому делу, обратились к делам церковным. То во дворце князя, то в покоях митрополита осыпали Максима обвинениями в порче книг, оскорбительной для веры[1]. В судный список сочли достаточным внести одну вину Максима; в своей Триоди написал он о сидении Сына с Отцом: «седел еси, сидев». Максим искренно признал это за ошибку и в извинение указывал на свое тогдашнее незнание русского языка. В судном списке не записали ни сознания в ошибке, ни извинения, а записали,

---

[1] Продол. Нестора (М., 1784): «того ж месяца (в котором прощен Воротынский; а он прощен в феврале 1525 г. См.: Собрание государственных грамот и договоров: В 5 ч. М., ч. 1–4, 1813–1828, ч. 5, 1894 (далее — Собрание государственных грамот и договоров. — *Ред.*) бысть у вел. князя собор». Список с судного дела: «митрополит (Даниил) велел (1531 г.) Досифею, владыке Крутицкому, спрашивати Максима, что было взыскание и соборы на *Максима* и на *Савву* у вел. князя на дворе, в палате; то же потом соборы многие были у митрополита в палате его, лета 7033 (1525) на Максима о тех хулах, которые прибыли и взыскавшася месяца апреля и месяца мая» (Чт. ОИДР. 1847. № 9). Обвинители Максима, по воле Даниила, Чудовский архимандрит Иона и Вассиан Топорко, монах Волоколамский, который вслед за тем, апреля 2 дня 1525 г., посвящен был в Коломенского епископа. Синод. ркп. № 347. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 331, 383.

что, по словам Максима, разницы нет между «седе и сидел» — то и другое время прошедшее[1]. Спешили произнести приговор: Максим еретик, портит книги. Великий князь, со своей стороны, объявил Максима виновным в том, что будто он и другой Святогорский инок Савва вели переписку с нашими и возбуждали султана к войне против великого князя[2]. Понятно, что это такая же правда, как и то, что Максим еретик. Но Максима схватили и вывезли из Москвы так тайно, что в Москве долго не знали, жив ли он? Исповедник правды в оковах отправлен был в Волоколамскую темницу; здесь от дыма и смрада, от оков и побоев по временам приходил он в омертвение, но здесь же явившийся ему Ангел сказал: «Терпи, старец! Этими муками избавишься вечных мук». Вассиан, Савва, Силуан, Медоварцов разосланы были по монастырям, под стражу. В стенах Волоколамской темницы Максим углем написал канон Духу Утешителю, поныне воспеваемый Церковью. Спустя шесть лет (в 1531 г.) снова потребовали Максима к духовному суду в Москву. Это потому, что в Москве лучшие люди стали говорить за Максима и против Даниила, а сам Максим не признавал себя ни в чем виновным, когда в монастыре увещевали его каяться. Надобно было оправдать себя в жестокостях с Максимом. Имея в виду такую цель, прибрали из книг Максима все, что можно было выставить против него; теперь успели и в том, что даже Медоварцов говорил против Максима. Но и по судному списку ошибки в поправках оказываются то ошибками писцов, то ошибками незнания русского языка. Теперь допрашивали о переводе Метафрастова жития Богоматери и старались уличить Максима в том, что будто ошибки, допущенные здесь, были прежде защищаемы Максимом. Но Максим отвечал, что Медоварцов говорит не по совести. Указывали в Триоди на поправки славословий; «так было угодно митрополиту Варлааму», — отвечал Максим. Выставили ошибку в книге правил, пересмотренной Максимом. Максим признал ее за ошибку писца. Снова говорили: зачем вместо «седе» поправил «седел еси»? И в прежнем виде записали ответ его. В русских книгах написано: «и в Духа Святого истинного», а ты для чего загладил истинного? Максим отвечал, что сам он не зачеркивал; а Медоварцов сказал, что,

---

[1] Судный список Максима Грека (ркп. XVI в.). Исповедание Максима и слово его отвещательное см. в: *Платон (Левшин), митр. Московский.* Краткая Церковная Российская История: В 2 ч. М., 1805 (далее — *Платон (Левшин), митр.* Краткая Церковная История. — *Ред.*).

[2] Судный список Максима Грека (ркп. XVI в.).

по словам Максима, нет этого слова в греческом. Протодьякон Чушка, протопоп Афанасий и священник Василий в своем доносе писали, что Максим хулил все русские книги, что, по его словам, в России нет ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтири, ни уставов. Но, очевидно, эти люди говорят против себя самих, выставляя свое невежество и злость. Максим, по его признанию, говорил, что в России книги испорчены то писцами, то переводчиками, и потому нужно поправлять и переводить их[1]. В заключение блаженный Максим три раза повергался пред собором, умоляя о помиловании ради милости Божией, ради немощей человеческих, — со слезами просил простить ему ошибки, если какие и допущены им в книгах. Максима оставили и после сего суда под запрещением церковным; но немалым облегчением для него было то, что послали его в Тверь, под надзор добродушного епископа Акакия. Акакий принял его милостиво и обходился с ним приветливо, — он даже приглашал его к своей трапезе. Особенно приятно было для Максима, что он теперь мог читать книги и писать. В 1532 году написал он для себя самого «мысли, какими инок скорбный, затворенный в темнице, утешал и укреплял себя в терпении».

По смерти великого князя Василия (1534 г.) преподобный решился дать публичное оправдание в возведенных на него винах. В «Исповедании веры» он предложил свое верование, вполне православное; потом показал, что еретическими и неумными словами наполнены не те книги, которые им исправлены, а те, которые противники его считали за святыню. «Свидетель мне, — писал он, — Господь наш Иисус Христос, Бог истинный; — много у меня беззаконий, но не знаю я за собою никакой хулы против святой, христианской веры». О называвших его врагом России сказал он: «Да не вменит им Господь того в согрешение тяжкое»! В заключение же умолял отпустить его в Афон, представляя и то, что суд о нем принадлежит патриарху. Но участь его не переменилась. Крамольные бояре, управлявшие Россиею в малолетство Иоанна, заняты были тем, что душили друг друга. Максим лишился даже и снисходительности Акакия. По случаю пожара, истребившего (в 1537 г.) построенный Акакием великолепный храм в Твери, Максим высказал правду об Акакии и жителях Твери, и Акакий сильно прогневался на Максима.

В 1538 году умерла Елена; а в начале 1539 года Даниил послан в заточение. Максим за долг совести счел примирить с собою совесть

---

[1] Судный список Максима Грека (ркп. XVI в.).

изгнанника. Узнав, что Даниил питает прежнее нерасположение к нему, он именем Отца Небесного просил оставить вражду и с глубоким смирением говорил о своей невинности. После того писал он к новому митрополиту ответ «О исправлении книг» и на имя бояр другой ответ «О исправлении Русских книг». Свобода духа и теперь была в нем прежняя. «Бог свидетель за меня недостойного пред вами благоверными; пишу вам не по лицемерию, как будто хотел льстить вам или желал получить от вас облегчение в скорби временной, которая лежит на мне уже 19 лет». Блаженный митрополит Иоасаф утешил страдальца; по его благословению он мог теперь приобщаться Святых Таин и ходить в церковь. Это было в конце 1541 года.

В 1545 году восточные патриархи просили царя Иоанна отпустить Максима в Афон. Максим сам в письме умолял о том же. Но подозрительная политика того времени не имела обыкновения выполнять подобные просьбы. В 1551 году Троицкий игумен Артемий и добродетельные бояре упросили царя освободить Максима из Тверского заточения, и Максим, мирно принятый в Москве, с честью вступил в Сергиеву лавру. Страдалец был уже изможден тяжестью темничной жизни; но ум его был ясен. По просьбе ученика своего Нила, бывшего князя Курлятева, перевел он с греческого Псалтирь. Преподобный достиг семидесятилетней старости. Дух его, очищенный огнем скорбей и страданий, стал видеть теперь далеко. В 1553 году царь Иоанн посетил келлию святого старца, слушал наставления его и объявил ему о намерении своем совершить путешествие в Кириллову обитель, в благодарность за исцеление от болезни. Старец сказал: «Обет твой, царь, не согласен со здравым рассуждением. Вдовы и сироты убитых под Казанью льют слезы, ожидая твоей помощи; собери их под царственный кров твой, и тогда все святые будут радоваться о тебе и помолятся за тебя. Бог и святые слышат нас не по месту, а по доброму изволению нашему». Царь не хотел отменять своего намерения. И святой старец просил вельмож сказать от него царю: «Если не послушаешь меня, который советует тебе по воле Божией — пренебрежешь кровью убитых погаными, то знай — сын твой умрет». Царь не послушался, и пророчество святого исполнилось. В следующем году царь приглашал богомудрого старца на собор против Матвея Башкина. Святой старец отвечал, что дряхлость его не дозволяет ему быть в Москве. Царь в письме к Максиму, объяснив причину, по которой приглашает он в Москву епископов и лучших иноков, писал: «Так захотелось мне послать и за тобою, дабы ты был поборником Православия, по примеру

первых богоносных отцов, да приимут и тебя небесные обители, как древних ревнителей благочестия, имена которых известны тебе. Итак, будь сотрудником их, умножь данный тебе Богом талант, пришли отзыв на нынешнее нечестие. Слышно, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы посылали для того, что будто причисляем тебя к общинникам Матфея. Нет, верного не считаем мы с неверным. Оставь всякое сомнение и по данному тебе таланту пришли нам ответ на сие послание». Преподобный послал сочинение свое о почитании святых икон.

В 1556 году, после пятидесятилетних трудов и страданий, преподобный скончался 21 января.

В 1651 году совершились одно за другим два чуда над могилою преподобного Максима. Поселянин небрежно сел на могильном камне преподобного и внезапно был сброшен с него, так что расслаб всем телом. Придя в себя, приполз он к могиле в раскаянии и, когда отслужили панихиду, исцелел. То же самое было с послушником; последнему явился при том во сне преподобный и грозно обличил дерзость его.

В конце XVII века имя преподобного Максима писали в святцах. Святитель Платон устроил раку и часовню над гробом страдальца истины и правды[1].

Из многочисленных сочинений великого страдальца истины особенно драгоценен для Православной церкви «Ответ о исправлении книг»[2].

Доказав примерами, что в славянские книги вошли многочисленные ошибки, и иные из них до того изменили точный вид подлинников, что выставляют словами своими мысли еретические, противные святой вере, святой Максим говорит: «Что скажут на это те, которые так неосновательно клевещут на меня, называя меня растлителем Священного Писания и осуждая меня за оправдание свое? Порчу ли я книги, когда правильно поправляю не священные писания, а то, что в них составляет неодобрительную ошибку, допущенную по недоразумению, по недосмотру, по забывчивости древних переводчиков или по невежеству и небрежности переводчиков? Пусть перестанут злословить ближнего, который трудится для славы Божией и для пользы всякому

---

[1] Церковно-исторический месяцеслов Троицкой Лавры. М., 1850. Здесь «21 янв. память прп. Максима Грека». Ркп. святцы: «прп. Максим Грек Афонския горы преставися в л. 7064».

[2] Подробное рассмотрение сочинений прп. Максима в журнале «Москвитянин» (М., 1842. № 11), где два и напечатаны. Полный перечень см.: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1, § 130.

рассудительному и правоверующему брату своему. Противники скажут: “Ты делом своим наносишь оскорбление великим чудотворцам, давно прославившимся в Русской земле. Они с этими священными книгами угодили Богу и по смерти прославлены чудесами”. Не я буду отвечать им, но пусть блаженный Павел вразумит их. Он говорит: *Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания тем же Духом; иному — вера тем же Духом, одному дар исцелений тем же Духом, другому чудесные действия; иному пророчества, другому различение духов; одному дар языков, другому истолкование языков; все же сие совершает один и тот же Дух, разделяя властью каждому, как Ему угодно* (1 Кор. 12, 7–11). Ясно, что не даются одному все дарования духовные. И я исповедую, что по дарованию свыше прославлены в земле Русской святые чудотворцы, и что богоносные отцы как были прежде, так и ныне есть; и я поклоняюсь им как истинным угодникам Божиим. Но они не приняли свыше ни дара языков различных, ни истолкования их. Потому не должно удивляться, если при их величии прошло мимо их разумения исправление описок, исправленных мною. Им, по их Апостольскому смирению, кротости и святости жизни, даны дары исцелений и чудес; другому же, хотя и грешен он больше всех, даны знание и толкование языков. И нечему тут дивиться. Иноплеменник Иофор вразумил Моисея о избрании старейшин. Чудный Макарий, после молитвы, не был ли вразумлен отроком пастухом о том, как надобно принимать пищу? Он еще выслушал и укоризну: или ты осел, авво? Таковы все искренние угодники Божии. Они со смирением ищут и с признательностью выслушивают всякого, кто говорит полезное... Честный пресвитер, за незлобие и чистую жизнь, удостоен был благодатью зреть стоящим и служащим ему Ангела; но не был ли он исправлен диаконом, пришедшим из Константинограда? Несколько лет по неведению погрешал он, повторяя слова Севировой ереси при Святых Тайнах. Он спрашивал Ангела, почему столько лет, стоя близ него, молчал он о таком согрешении его? И услышал ответ: так Бог положил, что человека исправляет человек. Так бывшим во времена гонений святейшим архиереям и мученикам ни малого не наносили оскорбления или поношения бывшие после них разные исправления Священного Писания Ветхого Завета, совершавшиеся Симмахом, Феодотионом, Акилою и Лукианом, пресвитером Антиохийским, из которых каждый исправлял недосмотренное прежними переводчиками»[1].

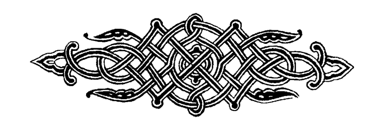
[1] *Платон (Левшин), митр.* Краткая Церковная История. Ч. 2.

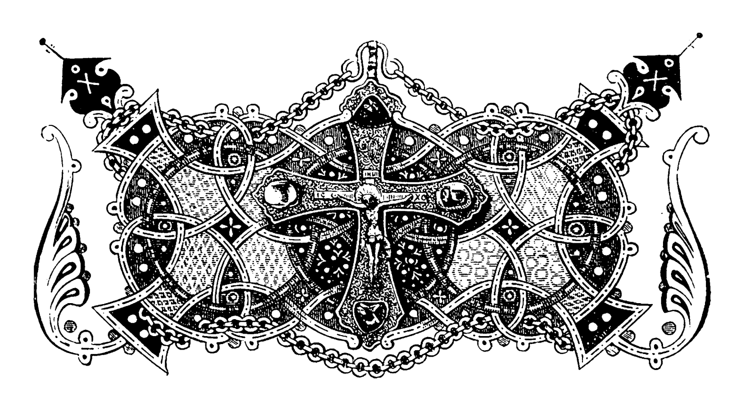
В другом сочинении, показав в одном славянском сочинении суеверные мысли, блаженный учитель говорит: «Не сказал ли я правду в самом начале, что великое зло не знать Богодухновенных Писаний и неосмотрительно принимать всякое писание? Если бы странные мудрецы нашего последнего времени умели правильно и рассудительно испытывать писания апостолов и евангелистов, то не принимали бы так скоро всякое невежественное и не свидетельствованное писание»[1].

«Сказание о том, что надобно в точном виде сохранять исповедание Православной веры» обличает изменявших нечто в Символе веры. Преподобный пишет: «Не говори, что не велика разница в мудровании, на которое осмеливаетесь. Вы подвергаете себя анафеме, изменяя Богодухновенные слова — “из Марии”, а не “Марии”, и “чаем”, а не “чаю”, и жизнь “будущая веки”, а не “будущего века”».

В тот же день **Ватопедской иконы Богоматери**, прославленной в VIII веке.

[1] «К глаголющим, яко во всю светлую неделю солнце незаходя стояло».

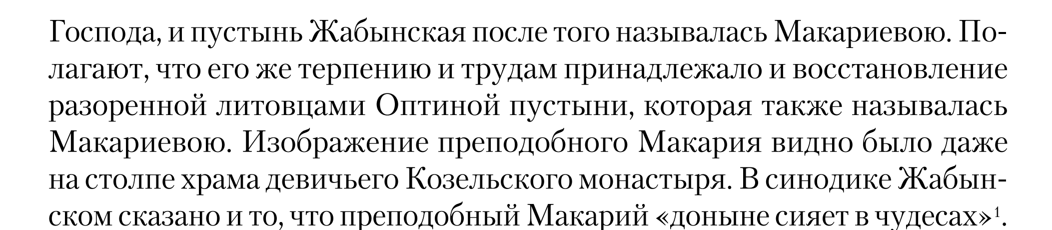

День двадцать второй

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного МАКАРИЯ ЖАБЫНСКОГО

По рукописным святцам «преподобный священноинок Макарий, начальник Жабынского монастыря Введения Пресвятой Богородицы, Белевский новый чудотворец, преставися в л. 7130(1622) мес. янв. в 22 д.». По синодику Белевской обители, «преподобный отец Макарий, Белевский чудотворец, — в терпении иночески плотью страда: мраз, зной, в алчбе и жажде потерпе, *монастырь возгради,* братию собра, поживе в терпении своем лета довольна, — преставися в л. 7131 (1623), погребен учениками своими в своем, от него созданном монастыре, месяца января, 22 дня»[1]. Жабынский монастырь на устье речки Жабыни, впадающей в Оку в пяти верстах от Белева, основан был в 1583 году старцем Онуфрием, но в 1614 году был разорен и сожжен без остатка, как и Оптина пустынь. Преподобному Макарию пришлось устроять все вновь на пустом месте: строить храм и келлии, собирать братию. Это нелегко и в другое время, а когда разорен был весь край, старцу пришлось долго переносить на пепелище и голод и холод, он все терпел для

[1] Слова синодика см. в: *Сахаров И. П.* История общественного образования Тульской губернии. М., 1832.

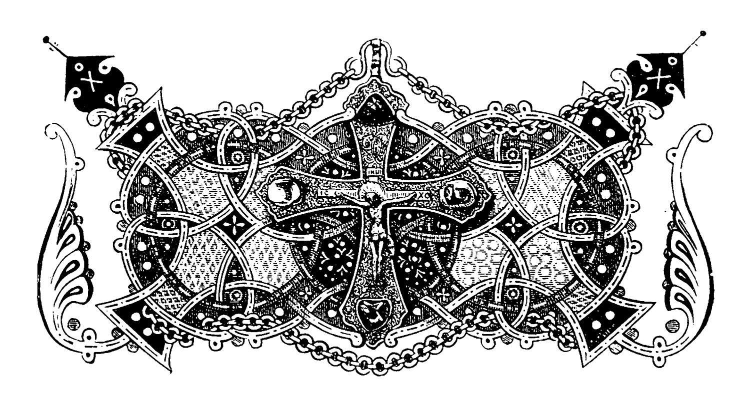
Господа, и пустынь Жабынская после того называлась Макариевою. Полагают, что его же терпению и трудам принадлежало и восстановление разоренной литовцами Оптиной пустыни, которая также называлась Макариевою. Изображение преподобного Макария видно было даже на столпе храма девичьего Козельского монастыря. В синодике Жабынском сказано и то, что преподобный Макарий «доныне сияет в чудесах»[1].

ПАМЯТЬ святого апостола от 70 ТИМОФЕЯ

Родом из Ликаонии, города Листры, сын язычника и евреянки; когда апостол Павел проповедовал в Листре, то обратившаяся к вере вдовствовавшая мать его поручила его Павлу, который и отдал его достойным учителям для научения Писанию, а чрез несколько лет сделал его участником в апостольских трудах своих и, наконец, оставил епископом в Ефесе. Скончался мученически; потому что когда однажды во время бесчинств и распутных действий языческой толпы в честь богов он выступил с обличением, то избит был до смерти исступленными. Христиане положили честные его мощи за городом, где впоследствии и церковь была сооружена.

В сей же день память **святых мучеников Мануила, Георгия, Петра, Парода и других**. О сих мучениках смотри 28 марта.

[1] *Леонид (Кавелин), архим.* Церковно-историческое исследование о древней области вятичей // Чт. ОИДР. 1862. Кн. 2. По другому списку святцев, «прп. Макарий Белевский Жабынский преставися в л. 7130 сентября в 22 день». Год и день кончины несомненнее те, которые указаны в синодике пустыни; а 22 сентября, вероятно, было днем свидетельствования мощей.

День двадцать третий

ПАМЯТЬ святого священномученика КЛИМЕНТА, епископа Анкирского

«Дитя мое, дитя мое, от пелен осиротевшее, о сиротстве прежде чем об отце своем узнавшее, но и в сиротстве — не сирота, потому что отец у тебя есть — Христос, обогативший тебя дарами! От меня ты рожден плотью, духовную же жизнь ты принял от Небесного Отца. О, молю тебя, сын мой, будь Ему сыном, служи Ему Одному, всю надежду возложи на Него Одного, потому что воистину в Нем все спасение наше... Он сошел с небес, чтобы возвести нас с Собою на небеса».

Так описывает святитель Димитрий Ростовский предсмертную речь одной христианки III-го столетия к 12-летнему сыну ее Клименту, христианское воспитание которого было единственною целью ее жизни.

Так преисполнена была боголюбивая мать этою заботою, что, чувствуя, что смерть скоро наложит молчание на уста ее, она спешила в последние предсмертные минуты излить перед возлюбленным сыном всю любовь ее к нему, все попечение о душе его, все наставления для его дальнейшей земной жизни, все упования, которые должны были превратить их временную разлуку в вечное блаженное соединение. Полуотделившаяся уже от земных оков душа ее прозирала светлую истину;

самые *тайны* будущего открывались ее созерцанию, и вот, как бы вдохновенная, продолжала она последнюю беседу с дитятей своим, которого воспитала «благочестием более, чем молоком из груди своей»...

«Послушай, сын мой! Неизбежно и близко лютое гонение на всех, исповедующих имя Христово... И ты предстанешь перед царями и властителями... Тогда, о, молю тебя, я, мать твоя, воздай мне честью за любовь мою к тебе, и болезни, и труды ради тебя; предстань перед гонителями, во имя Христа, смело и мужественно! Будь непоколебим в исповедании Христа! Я уповаю, дитя мое, что скоро процветет на тебе венец мученичества... Это будет славой моей и во спасение многих душ... Приготовь же сердце твое к подвигу страдальческому, чтобы не застало тебя неготовым время подвигов... Не бойся, сын мой, временного страдания: скоро проходит скорбь, а радование — вечно! Будь, о, будь исповедником истины, да удостоюсь я быть матерью мученика, да прославлюсь в тебе, за Христа страждущем, и ради тебя да упокоюсь со святыми... Да не будет посрамлена моя надежда на тебя, но да спасусь я по слову апостольскому: "деторождения ради"!.. Да пострадаю в тебе, как в моем истинном теле... Отдай его на изъязвление, и возвеселюсь я ранами твоими, как бы сама пострадавшая! Жена еврейская семерых сынов своих предала на мученичество — за благочестие, и в семи телах детей своих одною душой своей пострадавшая — пребыла непобедимой; в тебе же одном — весь подвиг мой, вся слава моя! Телом отхожу я, но дух мой не отлучится от тебя, и с тобою вместе припаду я к престолу Христа и похвалюсь перед Ним твоими страданиями, и увенчаюсь подвигами сына моего: ведь и корень дерева под землею орошается той же росою, которой живут ветки его, видимые на земле!..»

И, припадая к сыну своему и расточая нежнейшие прощальные приветы ему, умирающая мать сливала уже как бы в одно: желания свои и исполнение их и, воскликнув пророчески: «О, блаженная я теперь, что преклоняюсь к членам мученическим», она, припав к груди сына своего, предала Богу дух свой...

Такой ли любви умереть? Христианка продолжала жить в сыне своем. В предсмертном завете, сосредоточившем всю ее жизнь, всю любовь, она излилась, так сказать, перешла в душу своего сына, чтобы в нем продолжать любить Христа и принять страдания — полную чашу...

И не мог остаться без осуществления завет матери-христианки, любившей и воспитавшей сына своего по-христиански: он начертался в жизни сына ее не короткими мгновениями или немногими днями, но

двадцатью восемью годами страданий, которым, может быть, не было подобных в мире, особенно же по долговременности их...

Оставшись после матери своей, вдовы Евфросинии, одиноким сиротой, Климент был принят на попечение другом своей матери, богатой и благородной женщиной по имени София, не имевшей своих детей. София была очень сострадательна. Во время голода, бывшего в Галатии, в городе Анкира, где жила она, некоторые язычники, не имея в то время средств прокормить детей своих, бросали их на произвол судьбы; Климент, продолжавший по смерти матери быть под хорошим влиянием, следовательно, христиански участливый, приводил этих брошенных детей в дом Софии; она питала и одевала их; Климент во всем помогал ей; впоследствии учил этих детей и готовил их к крещению, так что дом Софии сделался как бы приютом бедности и воспитательным.

Такая деятельность и вообще чистая жизнь Климента возбудили к нему общее уважение. Едва достигнув 20-летнего возраста и перейдя через низшие степени священства, он был избран в епископы.

Теперь он стал учителем не одних детей, но уже целой паствы, и действовал с успехом, распространяя христианство и утверждая всех в добродетелях христианских.

Но не замедлило исполнение предсмертного завета его матери... Началось гонение Диоклетианово. Одним из первых подвергся преследованию ревностный пастырь Климент. Неумолимы и жестоки были истязания над ним, но терпение его все превышало. Мучители уставали мучить его и сменялись одни другими, Климент же, которого уже нельзя было узнать от ран (все его тело, исстроганное железом до обнаженных внутренностей, было одной сплошной раной...), в таком состоянии был брошен в темницу. Но Господь чудно исцелил его. Спустя несколько времени решено было отправить Климента в Рим, где он снова был подвергнут истязанию и тюремному заключению.

Но Богу угодно было совершить над ним чудесные исцеления, между тем, народ, пораженный подвигами мученика и славой Божиих чудес на нем, во множестве обращался к Богу христианскому. Многие из обращенных приняли мученическую смерть.

Из Рима Климент послан был в Никомидию, где предан он был мучениям вместе с новокрещеным учеником своим Агафангелом; потом снова подвергли его мучениям в отечественном его городе Анкире; в Тарсе протомился он многие годы в темнице. Но никогда не изнемогал он душой; он как бы освоился со страданием, он желал даже страдать

все больше и больше, видя, как через страдания его умножается число христиан; чувствуя, как дивно Сам Господь поддерживает его в страданиях, на изобретение которых для него, казалось, изощрилась, но все еще не утолилась злоба людская.

По воцарении императора Максимина темничные смотрители напомнили городскому начальству о давнишних узниках — Клименте и Агафангеле. «Что делать с этими узниками? — спрашивали они. — Много лет были они мучимы от разных властителей, но все живы и здоровы, и мы думаем, что не бессмертны ли уже они?»

По приказанию Максимина святой Климент был отправлен на родину в город Анкиру. Правитель здешний Лукий велел отвести его в темницу и там ежедневно мучить его до смерти. В течение двух месяцев ежедневно били его по лицу и по голове острой суковатой палкой, наносили ему по 150 ударов; весь пол темницы был залит кровью. Сами мучители удивлялись его непоколебимому терпению.

От одиннадцати мучителей пострадал таким образом святой Климент в продолжение 28-летних насильственных странствований его из города в город, из страны в страну. Наконец, преисполнилась вожделенная чаша страданий, завещанная сыну христолюбивой матерью...

Однажды святой Климент, воспользовавшись приездом нового правителя города, в ночь на день Богоявления вышел из темницы и до 23-го января оставался среди своей паствы, совершая Божественную службу и наставляя паству, которой в это время предсказал и о приближении своей смерти, и о прекращении гонений, и о торжестве христианства при благочестивом царе...

23-го же января (312 г.) был он обезглавлен во время самого Богослужения и совершения бескровной Жертвы, вместе с клириками своими, диаконами Христофором и Харитоном. Останки их были преданы погребению блаженной Софией.

Кроме этих святых мучеников со святым Климентом пострадало «великое множество мужей, жен и детей».

Если не было другого примера такого пламенного рвения матери пострадать за Христа страданием сына своего, то не было примера и такого плодотворного и преизобильного осуществления подобного рвения...

Многострадание святого Климента неподражаемо, и чудеса, сотворенные им — обращения неверующих и самих мучителей своих, исцеления больных словом и возложением рук и другие — неисчислимы.

Мощи святого Климента были долго в Константинополе. Стефан Новгородец в 1342 году и иеродиакон Зосима в 1420 году видели их в монастыре Константина в Царьграде. Глава же его в XIII столетии была перенесена латинами в Париж.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ГЕННАДИЯ ЛЮБИМСКОГО

Сын богатых родителей юго-западной Руси, жителей Могилева, Григорий, в иночестве Геннадий[1], еще в молодости почувствовал влечение служить Единому Господу: он соблюдал пост и усердно ходил в храм Божий. Родители, суетясь жизнью, недовольны были такими поступками сына. «К чему ты, — говорила мать его, — как церковник, то и дело ходишь в церковь? Ты стыдишь и срамишь нас». Григорий положил тайно оставить дом родительский. Сняв с себя богатую одежду, он отдал ее нищему, а у него выпросил его рубище, и в этом рубище отправился к Москве. В дремучих лесах, на неизвестной дороге молодому человеку пришлось испытать много разных тревог, между прочим, и страха от зверей. В Москве обошел он святые места ее, поклонился угодникам Божиим и искал, но не нашел, обители по духу своему. Встретив здесь богобоязненного молодого человека, вместе с ним отправился на поклонение Новгородским угодникам и потом на реку Свирь к преподобному Александру. Оба юноши просили святого старца принять их в обитель. Преподобный сказал: «Ты, чадо Феодор (спутник Григория), будешь водить зверя белоглавого, а ты, чадо Григорий, пастырь

[1] Ркп. житие прп. Геннадия, описанное учеником его Алексием ок. 1585 г. в б-ке общ. ист. № 42, в Синод. б-ке № 929, в Импер. б-ке № 710. Извлечение из него в прологе 23 января. Житие прп. Геннадия, описанное учеником его Алексием // Ярославские Епархиальные Ведомости. 1860. № 31. В прологе января 23, с некоторыми дополнениями. В поздней редакции жития сделаны еще дополнения. В Имп. публичной б-ке № 710, кроме жития «наказание Геннадия».

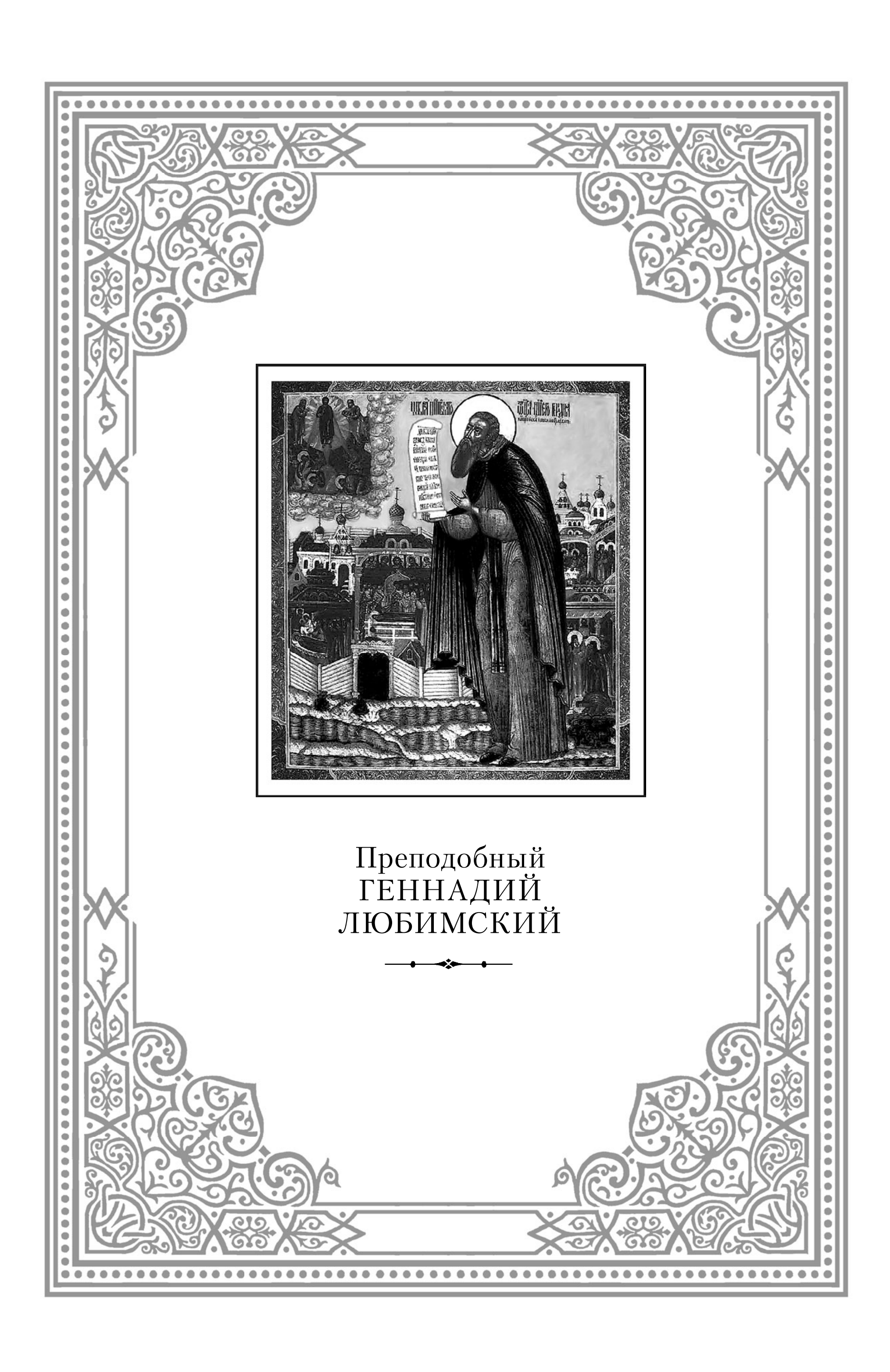

словесных овец, иди в Комельский лес к Корнилию, и он наставит тебя на путь; у нас же в пустыни труды не по силам молодых людей». Пробыв две недели в Свирской пустыни, странники отправились в Вологодские леса к преподобному Корнилию. «Зачем вы пришли сюда, в эту бедную пустынь?» — спросил Корнилий. «Желаем, отче, монашеского жития», — отвечали оба. «Ты, чадо Григорий, — сказал Корнилий, — войди в эту убогую келлию, а ты, Феодор, будешь иметь жену и детей». Сказанное отцами о Феодоре исполнилось. Григорий пострижен и с именем Геннадия удвоил подвиги свои. По случаю неприятностей Геннадий вместе со старцем перешел в Костромские леса, на Сурское озеро, и здесь, построив себе келлию, жили оба отшельнически; выпросив себе земли у соседних жителей, сами пахали землю и рубили лес. В 1529 году преподобный Корнилий возвратился в Комельскую обитель; Геннадий с шестью подвижниками остался на Сурском озере. Болотистая местность заставляла много трудиться для нее, пустынники копали пруды. По просьбе преподобного Корнилия великий князь назначил для содержания пустыни отпускать хлеб. Число пустынников умножилось. Геннадий построил храм Преображения Господня и другой во имя преподобного Сергия Радонежского. Преподобный подвизался неутомимо для братии и для Господа: на теле носил он тяжелые вериги и делил с братиею труды по обители, иногда рубил он дрова для братии и ночью разносил их по келлиям; в другое время трудился в пекарне или пек просфоры. Любимым занятием его было, по преданию, писание святых икон, и он своими трудами украшал свои храмы. Известно наставление его, предложенное от имени духовного старца, новоначальному иноку[1], драгоценное как плод духовной опытности и как картина древнего иноческого жития.

«Если пришел ты, брат, ко мне, немощному, грешному, грубому и ленивому рабу, грешному более всех в мире; если хочешь жить со мною, грешным, по благословению настоятеля; если хочешь, брат, быть у Бога и отдаешься в послушание для Господа; если хочешь наследовать Царство Небесное и подражать житию святых отцов, —

---

[1] Наставление это напечатано по ркп. XVI и XVII вв. Невоструевым (см.: Древнерусские поучения и послания к инокам о монашеской жизни / Публ. и прим. К. Невоструева // Материалы для истории Русской Церкви. Харьков, 1862). В ркп. оно без имени сочинителя, но малорусские выражения, встречающиеся в нем — *паробок, узимати, чи* — вместе с временем списков наставления, показывают, что оно принадлежит прп. Геннадию, урожденцу Могилева.

Преподобный
ГЕННАДИЙ ЛЮБИМСКИЙ

я грешный, окаянный и недостойный — не творец делу, а слышал от святых отцов, как надобно жить иноку. Первое — надобно более всего любить Бога и брата своего, как себя. Отличия и преимущество жизни твоей, брат, таковы: не пещись тебе о суетном, ни о живых, ни о мертвых, ни о своем теле, что есть и пить и чем одеться; не иметь ни золота, ни серебра, ни лошадей, ни работника, ни другого имущества; не держать у себя ничего, кроме необходимой одежды; из монастыря не ездить и не ходить; не пить ни меда, ни пива, разве по нужде и то по благословению; не дружиться с мирянами ни в чем, не давать им, не брать и не просить у них, не принимать их в келлию. Если кто из мирских захочет постричься или придет старец или брат-странник, то по благословению позвать его в келлию и говорить должное, а празднословия не допускать. К церковному пению ходить к началу и стоять со страхом до конца молитвы; если в силах, — не наклоняться к стене, ни к клиросу, не лежать на посохе, не говорить праздных слов; кто к чему призван, тем и занимайся. На все наука; а церковь есть земное небо. Если стоим на молитве без страха, не оберегаемся празднословия и смеха, то больше прогневляем Бога. Надобно стоять, где поют, и внимать чтению и пению. До обеда, брат, и после эфимона не есть и не пить; от молитвы не уходить для питья воды; пить, пока не начали молитвы. Если на молитве придет немощь телесная или некоторая нужда, то по благословению можно выйти, но сказать мне, почему выходишь. Если не услышишь призыва к молитве или, стоя на молитве, не поспеешь к началу, взять прощение в том; а к чему не поспеешь, по окончании пения прочитать то и потом выполнять келейное правило. Стоя на молитве с братиею, говори: «Господи, помилуй», в одно слово с тем, с кем стоишь сряду, — поклон класть также вместе с ним, — ибо так велит чин... После Литургии идти из церкви за панагиею после братии, а не в ряду, и говорить псалом 144; если же проговорил его в келлие, то говори молитву Иисусову. Из трапезы идти в келлию также за панагиею, после братии, одному за другим, в молчании; на монастыре не оставаться, идя в церковь или в трапезу, ни у дверей или окна старца или брата не стоять. Если у тебя есть дело до старца или брата, — иди к нему в келлию после обеда или после вечерни, по благословению, но скажи мне, зачем идешь. Придя после молитвенного пения в келлию или после обеда или ужина, должен ты положить 12 поклонов, также за умершего брата; если же такой день, когда не положены поклоны, — то до пояса. Рукодельем занимайся,

брат, на монастырь, по силе, сколько можешь, для спасения своего; а на себя или на иного кого не работай и не продавай никому и не нанимайся у мирянина или брата. Если же кому придет особенная нужда, и захочешь послужить брату, то по благословению можешь. Торговлею не заниматься ни с кем, не продавать и не покупать, не брать у брата и не давать ему. К молодым братьям не приставать и не дружиться с ними. Без благословения не выходить из монастыря и не бродить поздно, не вести пустых бесед, сидя или стоя на монастыре или за монастырем, и не ходить по монастырю без нужды. В келлие, брат, также не должно быть празднословия, ни споров, ни гнева не держи в сердце; если же что имеешь против брата, то со смирением скажи о том и примирись с ним. Если услышишь от старца или брата о моем невежестве, то Бога ради сказывай мне о том наедине в келлие, без стыда, — я глуп и безумен. Чужих вещей не бери на хранение. Что между нами бывает в келлие, того из келлии не выноси; но если что увидишь или услышишь худое вне келлии, того не вноси в келлию. Знай только церковь и трапезу да свою келлию. Какую работу поручат или какую одежду дадут, ту и бери. Какую пищу и питье поставят на трапезе, ту и вкушай и пей. Не ропщи ни на что, для Бога, помни жития святых отцов... Сказано: *Многими скорбями подобает в Царство Небесное внити* (Деян. 14, 22). О мирских делах не расспрашивай и о монастырских не говори без нужды. О родственниках и друзьях также не допытывайся. Но ты, господин брат, знаешь более меня... Чем потешит тебя служащий или старец, то ешь и пей, не рассуждая... Если за обедом или ужином понездоровится тебе и тебе не хочется есть то, что едят другие, а служащий брат спросит: не хочешь ли того или другого, — отвечай ему с смирением: воля Божия и твоя да будет; но сам не проси... Если ты здоров телом, после всенощной и утрени не спи; если вчерашний день был на монастырском труде, после утрени усни, а после всенощной не ложись, — на все опыт — от того бывает искушение; трудись в молитве и в чтении книг, если не умеешь грамоте — в рукоделии... Если борет тебя дремота и леность, борись Бога ради; если не можешь отогнать сна, прими благословение и иди в поварню или хлебную и, что велят, послужи в том... В правиле келейном и церковном не ослабевай, за исключением великой нужды, да испытанный венец приимешь, который *уготовал Бог любящим Его* (Иак. 1, 12). Если упал как-нибудь, не лги. Брата не осуждай за недостаток и не радуйся, чтобы самому не впасть в то же или в иную сеть

неприязненную. Таков союз любви. Без него не совершается никакая добродетель. Если придет тебе скорбь от кого, вини себя и терпи для Небесного Царствия. Если кто унизит тебя, или укорит и досадит, или возведет что на тебя, или причинит великое зло, *возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54, 23), — сам не брани; сам ты не должен досаждать другому, ни гневаться, ни помнить зла, ни завидовать. Такова любовь Божия. Господь сказал: *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящая вам напасть и изгоняющая* вас (Мф. 5, 44)... Если найдет уныние до обеда, когда занимаешься рукоделием, или учишь наизусть или читаешь книгу, то стань на молитву; если не сможешь победить уныния, приняв благословение, иди в поварню или пекарню и там по благословению послужи с молитвою, любовью и молчанием. Если найдет уныние после обеда или после вечерни, читай книги или иди к старцу, которому особенно доверяешь, посиди у него, и за чем пришел, скажи без празднословия, только бездельным не будь. Если приходит блудный помысл, или сонное мечтание, или плотское разжжение, то спасайся постом, слезными молитвами, рукоделием, безмолвием, — трудись по силе с молитвою, но не твори своей воли. Если придет ночное страхование, то стой на молитве неподвижно и, воздев руки, говори: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного, помилуй меня, создание Твое... Если находят скверные и хульные мысли, когда стоишь, или сидишь, или лежишь, или идешь, — не обращай на них внимания, а молись Богу со смирением и усердием... С братьями живи ровно, не кажись очень хорошим. Если и по Боге жизнь твоя, но чтобы не оказалось имя твое выше дел, будь в сердце твоем ниже всех, и человеколюбивый Бог избавит тебя от бесовского навета. Если сохранен ты Богом от телесной скверны, смотри, не плошай, — не считай себя в сердце праведником, а повторяй со смирением пророческое слово: *В беззакониях зачат есмь и во грехах роди мя мати моя* (Пс. 50, 7)».

Так наставлял преподобный Геннадий!

Подвигами самоотречения и Богомыслия дух преподобного Геннадия очистился до прозрения тайн будущего. В одно время случилось ему быть в Москве с двумя учениками своими и посетить дом боярыни Юлиании Федоровны, жены Романа Юрьевича Захарьева. Благочестивая боярыня с любовью приняла его и просила благословить детей ее: Даниила и Никиту и дщерь Анастасию. Преподобный, благословляя детей, сказал Анастасии: «Ты, ветвь прекрасная, плодовитая, будешь

нам царицею». И Анастасия была супругою царя Грозного, супругою в самом лучшем значении. В 1549 году блаженный старец Геннадий был восприемным отцом первой дщери доброй Анастасии[1]. В одно время стоял он в придворной церкви, где много было боярских жен. Входит в храм бедная женщина с ребенком на руке и с другим, которого вела за руку. Одна боярыня, взглянув на нее, сказала: «Вот какой нищете дает Бог детей; у нас есть чем кормить детей, а их нет». Старец сказал вслух: «Не ропщите, боярыни! Живите христиански, и будут у вас дети». Слова старца исполнились во всей точности, как для добрых христианок, так и для забывчивых о вечности. Блаженный Геннадий еще при жизни прославился даром чудес. Князь Борис Палецкий больным прибыл в обитель Геннадия. Блаженный дал ему свой посох, и — князь стал здоров. Домашний священник Василий, которому князь поручил доставить посох в дом, бросил посох в воду с гордым пренебрежением и — нашел жену свою умершею, а сам стал болен. Почувствовав грех свой, дал он обет — постричься в обители Геннадия, и Геннадий с любовью принял его. Вологодский и Пермский епископ Киприан также испытал на себе целебную силу преподобного, которого любил и чтил он. Он долго не вставал с постели, но по прибытии святого старца мог встать и вкушал с ним пищу. Когда же Киприан просил Геннадия, чтобы помолился о совершенном исцелении его, Геннадий отвечал: «Нога твоя не исцелеет до конца жизни, она — учитель тебе о смерти». Киприан жил после того пять лет[2]. Пред кончиною своею преподобный Геннадий написал духовное завещание для своей обители.

«Духовные братия мои и спостники! — говорил преподобный. — День мой склоняется к вечеру и секира у корня: иду к судилищу Христову. Для святой заповеди Господа не забывайте меня в молитвах! Взирая на гроб мой, поминайте любовь мою и молитесь Христу, да упокоит дух мой с праведными. Дети мои! Бойтесь Бога и повинуйтесь во всем наставникам вашим, по слову Апостола (см.: Евр. 13, 17). Уважайте

---

[1] Никон. л. 7, 65. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. В 5 т. М., 1768–1848. Т. 4 (далее — *Татищев В.Н.* История Российская. — *Ред.*).

[2] По летописям, Киприан, иначе Кириак, посвящен в январе 1547 г. и был на соборах 1547 и 1551 гг. (*Карамзин Н. М., Смирдин А. Ф.* Примечания к Истории государства Российского, тома 7–9. СПб, 1852. Прим. 197, 246 к 8 т.; Прим. 87 к 9 т.). В «Истории иерархии» (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I) год кончины его не показан, а о преемнике его Иоасафе сказано, что упоминается в 1560, 1562, 1566 гг. Если Киприан скончался в 1559 г., то Геннадий был у него в 1555 г.

святителей, чтите царя православного. Все игумены обязаны повиноваться царю по духовной совести; а вы, братия, повинуйтесь со всею покорностью игумену, кому бы ни было поручено управление обителью Спаса. Особенно же прошу вас не выходить из сего места без благословения настоятеля, по вражде. Не спорьте брат с братом, а угождайте один другому; не творите дел тьмы; пусть жизнь ваша располагается по преданию святых отцов. Как написал отец наш Корнилий, так и должно быть все в обители смирения нашего. Тебя игумена Вассиана прошу не оставлять обители своим усердием».

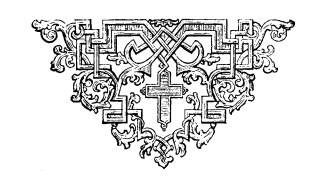
«Братия мои и дети! Не нарушайте ничем предания нашего. Не оставляйте собрания церковного. Первая мерзость в чернецах — не приходить в церковь или, придя, смеяться, осуждать, а в келейной молитве быть ленивым. От сего слабеет тело и душа, и труд ваш пропадает. Лукавый сатана готов живым свести в ад чернеца. Прошу вас, спостники мои, не быть ленивыми в монастырских службах, не отягчаться трудами. Вы питаетесь трудами рук ваших. Не ропщите на настоятеля: ропщущий чернец унижает себя. Будьте внимательны к поучениям, возбуждайте ленивых, чтобы не уклонялись от службы Божией. Чернец, не приступавший к Святому Причастию в течение шести недель, уже не чернец. Не расхищайте ни орудия монастырского, ни хлеба, ни овощей не выносите за монастырь по своему произволу. Не держите пищи по келлиям и не берите хлеба из трапезы, разве только по болезни. Пусть для всех одинаковая будет одежда и пища. Не объедайтесь и не упивайтесь на трапезе: это — мерзость пред Богом и болезнь плоти. Не ссорьтесь между собою: по учению Писания, творящие вражду, хульники, клеветники не наследуют Царствия Божия. Нерадивые иноки близки к пучине ада. Праведные, мало потерпев и сохранив Заповеди Божии, будут вечно радоваться. Христос вселяет единомышленных в дом Свой. Так, дети мои, старайтесь идти жестким путем, сквозь тесные врата, чтобы получить вечную жизнь».

«Служителям обители и работающим заповедаю не гневаться, не ссориться, повиноваться во всем настоятелю, не оскорблять братию ни словом, ни делом, бережно хранить вещи обители, не касаться до чужого. Грех предает душу негасимому огню».

«Дети мои! Берегите себя от всего неразумного и другим напоминайте о наших словах. Трудитесь по послушаниям без ропота и волнения. Не будьте человекоугодниками, а работайте и заочно верно и правдиво. Не обижайте крестьян насилием. Не гордитесь посетите-

лями; довольствуйтесь последним местом; не переносите ложных слов игумену и братии. Будьте поспешны в добре. Учитесь добру из Святого Евангелия и Апостольских писаний. Приобретайте для обители книги, которые очищали бы ум ваш и умножали познания по учению святых отцов. Соблюдающий Заповеди Божии и веру Божию будет веселиться вечно».

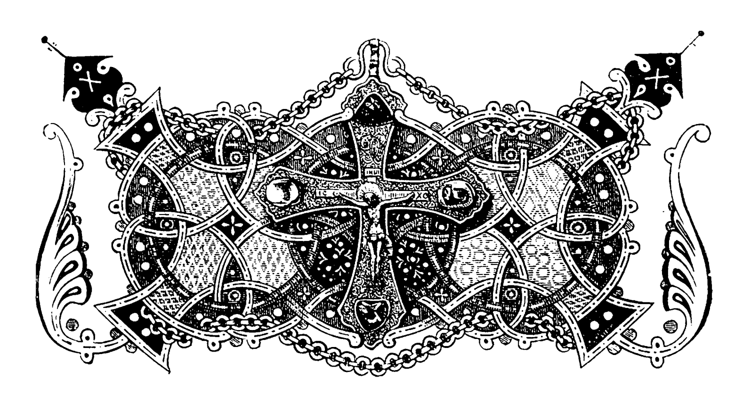
Блаженная кончина преподобного аввы Геннадия последовала 23-го января 1565 года[1]. Мощи его найдены нетленными при копании рвов для каменного храма в 1646 году, и ныне покоятся они в приделе сего храма под спудом[2]. Но служба ему составлена была ранее того времени[3].

[1] Так показано время и в ркп. житии и в прологе. Ркп. святцы: «прп. Геннадий авва начальник монастыря, иже на Сурском озере, Костромской и Любимоградский чудотворец, преставися в л. 7073 (1565) месяца января в 23 день».

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[3] Ркп. служба прп. Геннадию — в б-ке общ. ист. № 42.

День двадцать четвертый

ПАМЯТЬ преподобной ЕВСЕВИИ, переименовавшейся Ксении

В старом Риме был знаменитый сенатор и добрый христианин. У него была одна дочь — Евсевия, дорогая для него, как глаз[1]. Когда достигла она возраста, вельможа и сенатор просил родителей Евсевии выдать дочь за сына его. После семейного совета обручили Евсевию с благородным юношею, равным ей по знатности рода и богатству. Назначен был и день для брака. Но девушка, полная святой любви, желала уневеститься Небесному Жениху, Христу Господу. Это желание скрывала она от родителей, так как знала, что если бы узнали они о ее намерении, никак не допустили бы исполниться желанию ее. Она была у них одна наследница богатства их, и они желали иметь утешение во внуках. У Евсевии были две верные служанки, жившие при ней с детского ее возраста, усердные и преданные ей. Им открыла она свою душу;

[1] Житие прп. Евсевии см.: Acta Sanctorum. Januar. II, 598; Четьи-Минеи января 24 (в последней с немногими сокращениями). Писано современником. Биограф говорит в начале: «И *нашим временам* даровано Богом великое чудо и славная тайна, что считаю нужным начертать в письменах и предать памяти потомства». Древний перевод у Царского № 192, 614. В прологе января 24 перевод Синаксаря. В менологе Василия короткое известие.

получив от них обещание быть верными ей до смерти, она сказала, что ни за что не согласится она вступить в брак. «Что жизнь земная? — говорила она. — Сон и мечты». Так все три девушки решились жить для одного Господа, в чистоте девственной.

Евсевия тайно, чрез верных служанок, раздавала деньги бедным. Потом все три, одевшись в мужскую одежду, тайно скрылись из Рима и на корабле прибыли в Александрию. Отселе переплыли на остров Ко, что в верстах 50 от Карийского города Галикарнаса.

Здесь, наняв дом, Евсевия жила некоторое время со служанками как со своими сестрами, взяв с них слово никому не говорить, кто она, и называть ее не иначе, как Ксенией. Я — странница для Господа, говорила она. Состояние их на острове казалось им небезопасным: не видя ни в ком защиты, они опасались всего более за чистоту свою[1]. Но Господь послал им помощь по их молитве.

Раз встретилась Евсевия со стариком-странником почтенного вида и просила его принять ее и сестер в духовные дочери. «Я думаю, — прибавила она, — что ты — епископ Божий». Старец спросил, кто они? «Мы из далекой страны, — отвечала Ксения, — и ищем одного — спасения души». «Поверьте мне, — сказал старец, — я сам странник, иду из Святой земли; я не епископ, а настоятель обители святого апостола Андрея, что в Карийском городе Милосе». Ксения умоляла старца взять их с собой и укрыть своей защитой от искушений. Старец согласился. В Милосе вблизи соборного храма Евсевия купила дом, устроила небольшой храм во имя архидиакона Стефана и составила общину дев. Блаженный старец Павел усердно заботился о новой общине и постриг в монашество Ксению и ее подруг[2].

Спустя недолгое время почил епископ Милоса Кирилл, и на его место поставлен был игумен Андреевской обители Павел. Новый епископ, посетив общину Ксении, поставил Ксению в диаконисы против ее желания. Жизнь ее была высокая. Она принимала пищу через день, через два, а иногда через неделю, и только один хлеб; она не касалась даже овощей, ни масла. Помня Давидовы слова: *Пепел яко хлеб ядях и питие мое с плачем растворях* (Пс. 101, 10), и она посыпала хлеб свой пеплом и окропляла его слезами. Не довольствуясь молитвами храма, она всю ночь стояла на молитве в своей келлие с поднятыми к небу руками. Это скрывала она;

---

1 Менолог: «по слабости женской недоумевала, куда им преклонить голову».

2 О епархии Миласской см.: *Le Quien*. Oriens christianus. V. I.

но подруги, ревнуя подражать подвигам ее, видали это своими глазами. Одежда на ней была самая плохая. Строгая к себе самой, она была весьма милосерда ко всем, тиха, добра к сестрам, внимательна и к малым их надобностям; никому не говорила она слова жесткого, согрешавших вразумляла с кроткою любовью. Блаженная подвижница совершала свои подвиги и под влиянием высокой жизни Палестинского подвижника, преподобного Евфимия, тогда как императрица Евдокия путешествовала к святым местам[1]. Блаженный Павел рассказывал ей о Евфимии как очевидец его.

«Когда приблизилась кончина высокой девственницы, настала тогда память святителя Ефрема, епископа Милосского, и блаженный епископ Павел со всем клиром отправился в село Левкин, где в храме лежали мощи святого Ефрема. Преподобная Ксения, созвав сестер в монастырский храм, сказала им: "Вы оказывали много любви ко мне, сестры; продолжите и еще любовь вашу, молитесь за меня, — я умираю; попросите и отца нашего епископа Павла молиться за меня; он так много заботился о душе моей". Сестры зарыдали. Она продолжала: "Апостол Петр говорит: *не коснит Господь обетования, якоже нецыи коснение мнят, но долготерпит на нас, не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут* (2 Пет. 3, 9–10)". Итак, не надобно лениться, а надобно бодрствовать. Бодрствуйте, сестры, готовьтесь встретить Жениха Господа с елеем добрых дел и с горящей любовью». Отпустив сестер, осталась она в храме на молитве, и наутро найдена была почившей, января 24-го числа. Епископ и весь город с честью положили тело ее на месте, указанном ею. Через год умерла одна подруга жизни ее; перед смертью другой упросили сестры эту подругу рассказать, кто такова была Ксения. Теперь только узнали в обители и в городе, какого высокого рода была Евсевия. При гробе великой подвижницы, почившей не позже 457 года, совершались исцеления больных во славу Божию[2].

Святому Григорию Беседователю, после того как рассказано было о кончине чистой девы в день, назначенный Богоматерью, предложен был вопрос: призываются ли на небо души праведных прежде соединения их с телами? Святой Григорий отвечал: «Не о всех праведных можем утверждать это и не о всех отвергать. Апостол Павел желал разрешиться и быть со Христом. Итак, кто верит, что Христос на Небе, тот верит

[1] Никифор Каллист прямо пишет, что прп. Евсевия славилась подвигами тогда, как жил прп. Евфимий († 473 г.); имп. Евдокия († 451 г.) посещала св. места. *Le Quien*. Oriens christianus. V. I.

[2] Память прп. Евсевии в Греческих и Римских Церквях января 24, у абиссинцев января 19 (24).

и тому, что душа Павлова на небе со Христом»[1]. *И видел я,* — говорит тайнозритель, — *престолы и сидящих на них: и дано было им судить: и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие... Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет* (Откр. 20, 4). Ожившие называются здесь душами; ясно, что это души, еще не соединившиеся с телами. И однако они царствуют со Христом, не только наслаждаются блаженством, но еще участвуют в царственной власти Христа Господа, или, что то же, совершают дела могущества Божия, чудеса. С другой стороны, Спаситель сказал: *В дому Отца моего обители многи суть* (Ин. 14, 2). Этим ясно означено, что не все праведные души находятся в одинаковом блаженном состоянии, не все одинаково близки к Господу, различаясь степенями и видами нравственного совершенства. «Однажды пришла мне такая мысль, — рассказывал авва Афанасий, игумен лавры святого Саввы, — что будет с теми, которые не подвизаются? Я впал как бы в исступление. В это время некто говорит мне: иди за мною. Приведши в одно место, исполненное света, поставил у двери; вида сей двери изобразить нельзя; только за нею мы слышали неисчислимое множество хвалящих Бога. Когда постучались мы, то, услышав некто внутри, спросил нас: что вам нужно? Проводник мой отвечал: “мы желаем войти”. Но тот отвечал: “сюда не войдет никто из тех, которые нерадиво живут; если хотите войти, идите и подвизайтесь, не озабочиваясь суетами мира”»[2].

ПАМЯТЬ святого ИОАННА, мученика Казанского

В Четье-Минее митрополита Макария читаем: «Января 24-го дня 1529 года страдание святого Иоанна, нового мученика, пострадавшего за Христа в Казани».

[1] *Григорий Двоеслов*. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858. Кн. 4, гл. 25. Четьи-Минеи мая 16 дня.

[2] *Иоанн Мосх*. Луг духовный. М., 1853 (далее — *Мосх И*. Луг духовный. — *Ред*.).

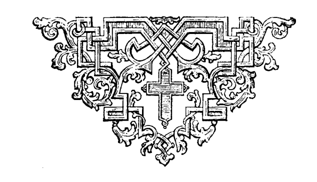
Затем следует такое описание страданий мученика: «Во время благочестивого великого князя Василия Иоанновича нечестивые татары опустошали Нижний Новгород и взяли многих в плен. В том числе взят был Богобоязненный Иоанн, который с юности жил по заповедям Господним. Его привели в Казань и по разделу пленников достался он царскому родственнику Алей-Шпуру. Этот князь назначил его в число слуг своих. Блаженный верно служил господину своему; проводя день в услугах, ночью становился на молитву и оставался почти без сна; много приходилось выслушивать ему насмешек и обид, — он переносил все терпеливо. Наконец князь и его мулла вздумали отвлечь его от святой веры и сделать поклонником Магомета. Но Иоанн объявил пред всеми, что он исповедует Христа Иисуса Господом и Богом своим, а учение Магомета считает заблуждением. Святому связали руки ремнем и повели на гору, туда, где Русское кладбище. Здесь угрозами мук заставляли отречься от Христа. А он, невзирая ни на какие угрозы, повторял, что он — христианин. После долгих угроз и брани Алей-Шпур велел отсечь голову Иоанну. Его ударили по шее, и он упал навзничь; голова не была отсечена; удар рассек шею; но изуверы изранили тело его несколькими ударами меча, а чрево пронзили насквозь. В тот день был сильный мороз. Святой лежал полумертвым на месте с первого часа дня до ночи; лед растаял около святого, и в последний час дня развязались руки его. Святой встал, оградил себя крестным знамением и, поддерживая голову рукою, пришел к боярским детям великого князя. Он рассказал все, что претерпел он от татар, и они прославили Бога. Ночью святой просил священника прочесть правило и причастить его Святых Таин; Христов исповедник провел всю ночь без сна, в слезной молитве, а утром предал Господу дух свой. Дом, где лежало тело святого, исполнился благоухания, так что все христиане изумлялись величию Божию, прославившему угодника Своего, нового мученика Иоанна. Честное страдальческое тело его положили на старом Русском кладбище»[1].

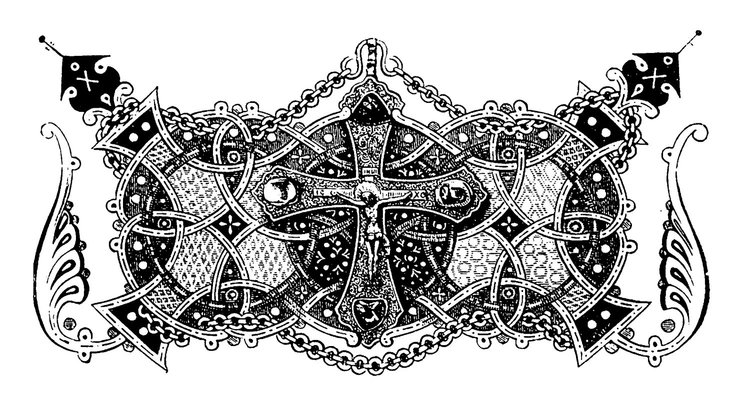
Святой страдалец и тогда, как совершил подвиг исповедничества и вытерпел муки за Господа Иисуса, считал для себя нужным при-

---

[1] Минеи митр. Макария 24 января; житие нового мученика у Толстого 2, № 68, 266, у Царского № 396; с грамоты митр. Гермогена оно напечатано в «Ученых записках Казанского университета» (1839. Кн. 4). Ркп. святцы: «св. Иоанн убиен бысть в л. 7037 мес. января в 24 день».

общиться Тела и Крови Господа Иисуса. Как же осмеливаются известные люди довольствоваться какою-то скитскою исповедью своею, каким-то своевольным благочестием, и не хотят тайны животворящей? Несчастные не понимают, что ставят себя в положение иудеев, пренебрегающих Небесною Пищею Сына Божия! Не понимают, что остаются безжизненными древами, готовыми в пищу вечному огню. Господь сказал: *Истинно, истинно говорю вам, если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6, 53).

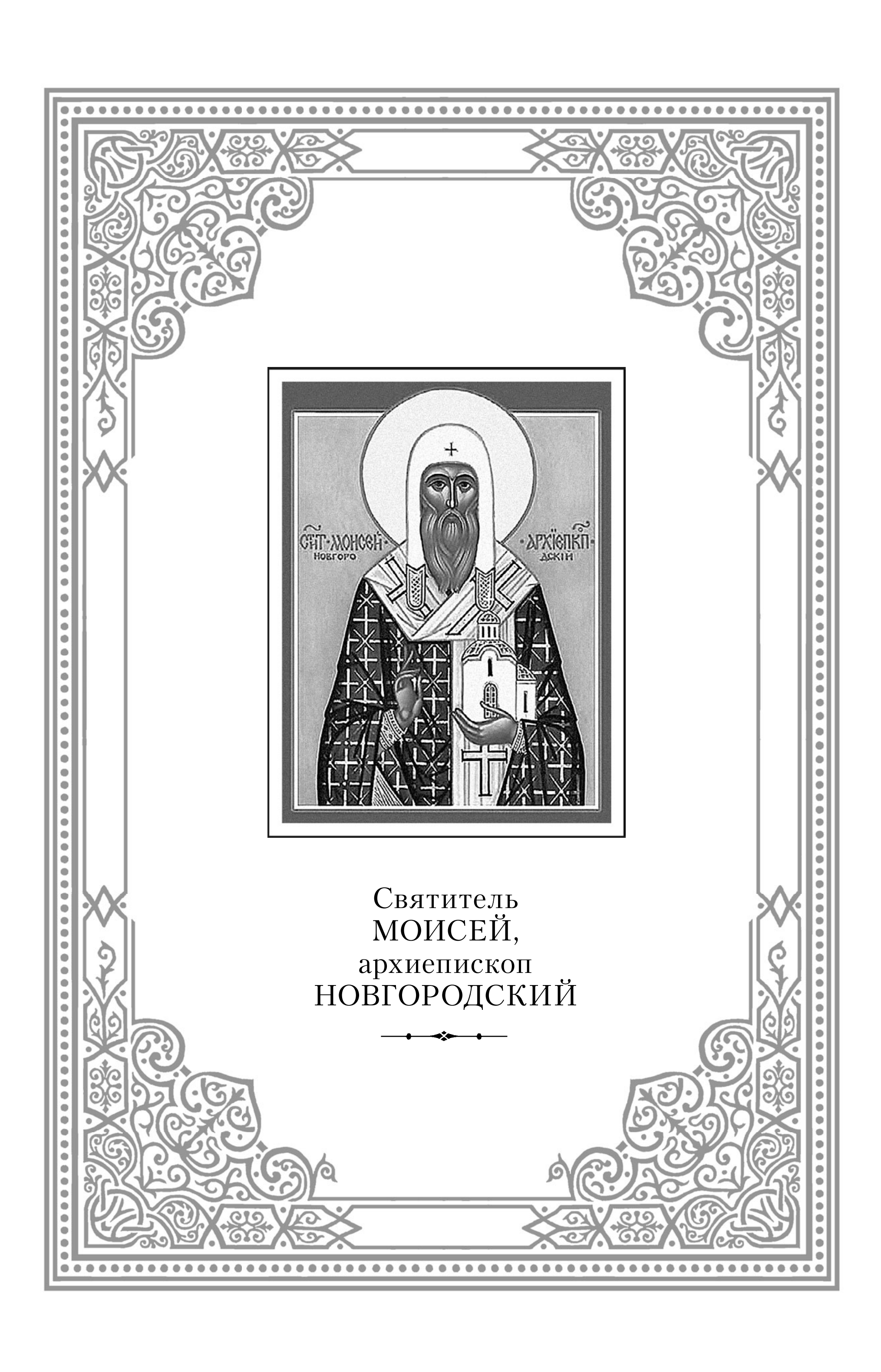
День двадцать пятый

ПАМЯТЬ святителя МОИСЕЯ, архиепископа Новгородского

Сын богатых и благочестивых родителей новгородцев, в крещении Митрофан[1], с юности возлюбил Господа. Обучась грамоте, прилежно ходил он в храм Божий и усердно обучался Закону Божиему. Ревнуя о духовном подвижничестве, тайно от родителей удалился в Тверской Отрочь монастырь и там был пострижен в иночество. Пост, послушание, молитва были любимыми занятиями его. Родители, узнав о его месте пребывания, упросили его перейти в Колмов монастырь, к благочестивому игумену Макарию[2]. Здесь он стал жить строже прежнего. Здесь посвящен он в иеромонаха. Потом был он архимандритом Юрьева монастыря. По смерти архиепископа Давида избранный в преемника ему, был посвящен святым митрополитом Петром в сан архиепископа в 1325 году. Еще целы доселе в Московском Успенском соборе яшмовые сосуды, которые блаженный Моисей принес в дар тогда святому

[1] Ркп. житие свт. Моисея, описанное Пахомием; у Царского № 133, 136; в Минеях митр. Макария. К удивлению, оно не богато содержанием.

[2] В ркп. святцах: «Макарий пустынник, игумен иже на Мьере, от Новгорода 40 поприщ».

Святитель МОИСЕЙ, архиепископ НОВГОРОДСКИЙ

Петру[1]. В первый год правления его паствою пожар опустошил главные улицы и несколько храмов Новгорода. К новой скорби святителя, последовало затем народное волнение. Однако он устроил женскую обитель на Десятине и потом построил здесь каменный храм Богоматери. От опустошений, навлеченных на Тверь князем Александром, Новгород успел освободиться богатым выкупом. Но когда несчастный Тверской князь с жарким участием принят был во Пскове, это опять едва не навлекло бед на паству блаженного Моисея. Напрасно он убеждал псковитян отступиться от князя Александра для общего блага; только строгость первосвятителя России отвратила бурю бед. Блаженный Моисей принял с честью великого князя и митрополита. Затем пожар вновь опустошил две улицы и истребил несколько храмов. Тревоги жизни были тяжелы для души святителя, стремившейся к пустынному покою. В 1330 году, несмотря на просьбы новгородцев, удалился он с кафедры на покой, в монастырь на Коломцы[2]. Потом уединился в пустом месте и построил каменный храм Воскресения Христова на Деревянице. Сюда приходили к подвижнику бояре и простые люди пользоваться наставлениями и жизнью его. Целые 20 лет провел он в уединенных подвигах. По смерти архиепископа Василия, по настоятельным просьбам новгородцев, в 1352 году снова принял на себя управление обширною новгородскою паствою. В том же году построил он каменный храм в честь Успения Богоматери на Волотове[3]. Недавно открыты в сем храме под штукатуркою фресковые изображения святителей, совершающих Литургию, и с надписью на свитке: «Господи Боже наш, живый на высоких, на смиренныя призираяй»[4]. В 1353 году, исполняя более волю новгородцев, чем свою, послал он послов к патриарху с жалобою на притеснения Московского митрополита, хотя Феогноста уже не было в живых. Патриарх, изъявляя уважение к личным качествам добродетельного пастыря, прислал святителю

---

[1] Собр. л. 3, 181. 182. *Снегирев И. М.* Памятники московской древности. М., 1842–1845.

[2] Собр. л. 3, 74. 75. 182. Львов. л. 2, 85–88. Руский времянник. Ч. 1. Составлявший 3-ю Новгородскую летопись (111, 224), приняв Богородичный храм на Десятине за Богородичный храм на Молоткове, внес строительницу Молотковского храма княг. Ярославлю в рассказ о построении Десятинного храма, тогда как та почти сто лет уже покоилась в земле.

[3] Собр. л. 3, 58. 88. Львов. л. 2, 118.

[4] ИОРЯС. Т. VI.

Моисею крестчатые ризы с буквою Ф, означающею патриарха Филофея, и с вытканною надписью на крестах: Ис. Хс. ника. В 1355 году устроен им монастырь на Сковородке, с каменным храмом в честь Архангела Михаила. В 1357 году введен им порядок и построены каменные храмы еще в трех монастырях: в Радоговицах при Волотовском храме Успения Богоматери, в Духовом монастыре и в женском монастыре Иоанна Богослова; первый и последний были им и основаны[1]. Так святитель поселял иноков среди или вблизи людного, торгового города. Не странно ли это? Напротив. Простота жизни мирян того времени не представляла тех заманчивых и слишком опасных развлечений, какие известны ныне. А иноческое Богослужение, продолжительное и благоговейное, отвлекало сердца мирян от сует земных к необходимому для всех. Так, обители святителя Моисея были училищами благочестия для мирян новгородцев и при внимательном надзоре обучали и благочестию иноческому. Святитель Моисей не ограничивал тем своей деятельности[2]. Древний летописец так описывает пастырскую жизнь его: «он пас церковь свою как пастырь добрый; защищал обиженных, берег бедных и вдов; собрав множество писцов, на свой счет написал множество книг; многих утвердил он в благочестии своими наставлениями»[3]. К сожалению, ныне неизвестны письменные поучения святителя, о которых говорит летопись. Из рукописей, списанных по его распоряжению, известны два Евангелия. Они наставительные и для нашего времени. В Евангелии 1355 года, писанном «повелением Боголюбивого архиепископа Новгородского Моисея», писцы пишут: «аще будем грубо написали, или где переступили, или в глаголании друг с другом, или в дремании: а вы, преподобнии отцы игумены и попове, собою исправя, чтите». Видите, книги, в том числе даже и Святое Евангелие, писались по распоряжению святителя Моисея не с тем, чтобы каждая ошибка писца признавалась за неприкосновенную святыню, и не с тою гордою уверенностью, будто ошибки, при всем внимании, не были возможны. Вот несколько

[1] Собр. л. 3, 86. 122. 139. 228; ИОРЯС. Т. VI; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III. Игумен Духова монастыря упоминается по летописи въ 1162 г. *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. Ч. 1.

[2] Приходские храмы, устроенные свт. Моисеем: Знаменский (в 1354 г.), Прокопиев (в 1359 г.), Благовещенский (в 1362 г.). *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1.

[3] Собр. л. 111, 182.

слов и из другого Евангелия святителя Моисея: «И бысть егда сконча Иисъ вся словеса си дивляхуся... И рече Иисъ виждь никому же не повеждь... Разумев же Иисус рече им: что мыслите в себе маловери, яко хлеб не взяхом?.. Запрети Ис. ученику Своим да никому же не рекут, яко сей есть Ис. Хс.»[1]. Пусть чтители мнимой старины видят, по их ли уставу писали имя Спасителя Христа при святителе Моисее? Пусть уверятся, что тогда спасительное имя произносили: Иисус, а писали с разными сокращениями и без сокращения. А вот и еще урок им святителя Моисея! В Софийской ризнице хранится омофор с четвероконечными крестами и с вышитыми словами: «Моисея архиепископа, молитвами святая Софья»[2].

В 1359 году святитель Моисей, чувствуя ослабление сил своих и желая посвятить последнее время свое преимущественно на служение Богу, объявил новгородцам: «Изберите себе мужа, которого вам Бог даст». Избран был преемник по жребию. Но вслед за тем поднялся страшный мятеж в городе, за то, что Славянский конец один, без согласия других, сменил посадника и выбрал нового. Вооруженные славяне разогнали невооруженных заречан, но последние ограбили многих бояр; затем начался бой между Софийскою и Торговою стороною города. Святитель Моисей пешком пришел из Сковородской пустыни своей в Новгород. «Дети! — говорил он новгородцам. — К чему эта брань? Она радость для поганых, опустошение сему месту и церквам. Прекратите бой». Растроганные новгородцы послушались святителя Божия, и «не попустил Бог диаволу смеяться над людьми», — говорит летописец. Возвратясь в Сковородскую обитель, святитель-подвижник еще два года подвизался в посте и молитвах. В Софийской ризнице хранятся келейная мантия и вериги его — свидетели подвижнической жизни его. Он скончался в пустынной обители 25 января 1362 года[3]. Память его чтили еще в XV веке: еще тогда, как и после, известна была близость его к Господу и по чудесам

---

[1] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1869; ИОРЯС. Т. VI. Вероятно, при свт. Моисее писан и служебник Деревяницкого монастыря XIV в. (Там же).

[2] *Забелин И.* Описание новгородской святыни в 1634 году // Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1862, Кн. 4. С. 31, 32 (далее — Чт. ОИДР. — *Ред.*); ИОРЯС. Т VI.

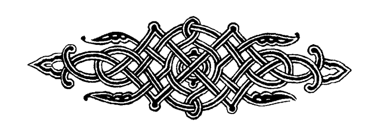
[3] Собр. л. 3, 86. 87. 182. 227. 228; *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. СПб, 1858 (далее — *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. — *Ред.*).

его[1]. В описании 1634 года говорили: «прославлен от Бога чудесы при животе и по смерти, и прибегающие с верою к честным его мощам мужи и жены почерпают здравие, наипаче же жены исцелевают, одержимые своими естественными немощами»[2]. Мощи его, обретенные в 1686 году, почивают открыто в раке; а часть их в 1693 году перенесена в Духов монастырь, ныне женский.

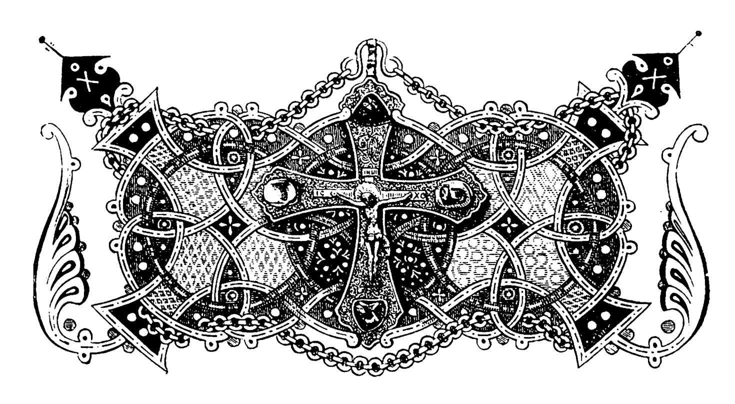
ПРАЗДНИК
в честь иконы Пресвятой Богородицы
УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

Икона находится в Шиловском Воскресенском монастыре, Могилевской губернии, основанном в 1782 году, а также и в Москве, в церкви Николая Чудотворца, что на Пупышах.

[1] Ркп. житие свт. Моисея; Пахомиева служба ему у Царскаго № 133. 136. 364. 563. В чине поставления епископа (1646 г.) испрашивается заступление: «иже во святых отец наших Никиты и Нифонта епископов, Иоанна, Евфимия, Ионы, Моисея и Серапиона архиепископов и прп. отца Антония Римлянина и Варлаама Хутынского, Новгородских чудотворцев» (Акты исторические. Т. 4). Митрополит Новгородский Никон свои грамоты 1650 и 1651 гг. оканчивал так: «милость св. Софии и великих чудотворцев, Никиты и Нифонта епископов, Иоанна, Евфимия, Ионы, *Моисея* и Серапиона архиепископов Новгородских — да будет на тебе» (*Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря. Отд. III).

[2] Чт. ОИДР. М., 1862. Кн. 4.

День двадцать шестой

ПАМЯТЬ преподобной ПАВЛЫ, подвижницы Палестинской

Отец блаженной Павлы[1] происходил из рода Агамемнонов, а мать из дома Сципионов и Павла Эмилия; муж ее был потомок дома Юлиева. Блистательной знаменитости происхождения соответствовало богатство супругов. Павла была доброю супругою и материю пятерых детей. Но счастье земное могло повредить доброму сердцу Павлы. И вот Господь посылает ей тяжелую скорбь: любимый супруг умирает, когда ей было 32 года.

Павла, у которой сердце было нежное, неутешно плакала о смерти мужа. Благочестивая и образованная вдова Маркелла послужила ей подпорою. Она смягчала скорби ее христианскими утешениями и обратила сердце ее к Господу. Павла стала евангельскою вдовицею. Огромное состояние доставляло ей средства отирать слезы сотням семейств бедных. Не было между бедными умершего, которого не хоронили бы на счет Павлы, не было больного, которому не оказывала бы пособия любовь Павлы. Павла отыскивала бедность и горе в огромном городе, чтобы утешить их. Она считала себя несчастливою, если ей не удава-

[1] Жизнь св. Павлы описана блаж. Иеронимом: Migne, Patrol. I. 22 p. 878. Русский перевод (не очень искусный) см. в: Христианское чтение. 1847. № 4, 186.

лось оказать пособие страждущей семье. Блаженный Иероним, когда познакомился с нею, считал должным говорить ей: нет ли излишеств в благотворительности ее? Но сам же сознается, что она обезоружила его словами: «Я желаю быть пищею для Господа, обнищавшего для нас».

Сама для себя была она теперь строга. Связи с веселым миром были ослаблены: малую ошибку свою наказывала она сурово.

Когда святители Епифаний Кипрский и Павлин Антиохийский прибыли в Рим по церковным делам (это было в 382 году), Епифаний и Иероним жили в доме Павлы, и она же доставляла все нужное Павлину; беседы со святителями были для нее самым приятным наслаждением.

Старшая дочь ее, необыкновенно даровитая, жившая с мужем только 7 месяцев, готовилась вступить в монастырь, но умерла. Это было сильным ударом для сердца Павлы. Блаженный Иероним должен был утешать ее. «Дочь твоя, — писал он, — перешла в тот мир с прекрасною решимостью посвятить себя Богу; уже более 4 месяцев очищалась душа ее покоем. Ты и не думаешь о том, что говорит тебе Спаситель: Павла, зачем ты скорбишь о том, что дочь твоя стала Моею? Твои слезы — возмущение против Моих забот, оскорбление Мне. Знаю, что надобно уступать природе матери; но излишняя скорбь — не честь для веры»[1].

Брак сына ее Токсотия последствиями изумил Рим и утешал Павлу. Лета, жена Токсотия, была дочь верховного языческого жреца. «Кто бы мог подумать, — говорит Иероним, — чтобы внучка языческого жреца Альбина родилась по обещанию мученика, чтобы деду улыбающемуся лепечущая внучка пела: «аллилуиа», и Христову невесту кормил на коленях своих такой старец? Но мы счастливо надеялись: “святый и верующий дом освящает неверующего!” Старый язычник стал христианином»[2].

---

[1] Ep. 22. Письмо писано в 384 г. вскоре по возвращении Иеронима в Вифлеем. В письме к Евстохии писано было: «помню, что почти за 5 лет пред сим, быв в Риме, читал я со святою Блезиллою Екклезиаста, чтобы вызвать ее отречься от мира и признать все мирское за пустоту; я объяснял ей темные места, дабы могла понимать, что читает» (Ep. 116). В письме к Павле: «если говорит (Блезилла) по-гречески, подумаешь, что не знает она по латыни. Если обращаешься к римским звукам, в речи не замечаешь ничего чужого. В немногие, не говорю месяцы, а дни, победила трудности еврейского языка до того, что состязалась с матерью в изучении и пении псалмов» (Ep. 25).

[2] *Hieronymus*. Ep. 107, Ad Laetam de institutione filiae.

Вселенский Собор 381 года наименовал Иерусалимскую Церковь «матерью всех Церквей»; а Рим что такое в христианской истории[1]? Павла сильно желала быть дщерью Иерусалимской Церкви. Это желание внушено было ей другом ее Маркеллою и поддержано Иеронимом. Не легко было ей расставаться с детьми и с обширною знатною роднею. Но в 385 году знаменитая и богатая патрицианка отправилась с дочерью опасным морским путем на Восток.

На острове *Понтии,* который прославлен ссылкою знаменитой патрицианки Флавии Домитиллы при Домитиане, видела келлии, где долго томилась святая страдалица[2]. В *Кипре* виделась со святителем Епифанием; десять дней проведено здесь не для отдыха, а на посещение обителей и храмов[3]. Потом была она в Антиохии у Павлина. «На берегу в *Сарепте* входила в малый храм (turriculum) Ильи, где поклонялась Господу Спасителю[4]; песками *Тира,* на которых преклонял колена Павел, достигла *Акка,* нынешней Птолемаиды: — полями Мегиддонскими, знающими о смерти Иосии, вошла в землю Филистимскую; дивилась развалинам *Дора,* когда-то весьма крепкого города; возвратясь, была в *Кесарии,* где видела дом Корнилия сотника, обращенный в церковь, и храмины Филиппа и четырех дев пророчиц[5]. Видела *Лидду,* переиме-

---

[1] Послание собора 381 г.: «Объявляем достопочтенного и благоговейного Кирилла епископом Иерусалимской Церкви, которая есть матерь всех церквей». *Феодорит, Кирский.* Церковная история. СПб., 1852 (далее — *Феодорит, Кирский.* Церковная история. —*Ред.*).

[2] Хроника Евсевия: «при Домитилле очень многие из христиан совершили подвиг мученичества; между ними и Флавия Домитилла, внука по сестре консула Флавия Климента, сослана на остров Понтию за то, что исповедала себя христианкой». Память св. девы мученицы Домитиллы 7 мая. Usuardi Martyrol. ad 7 Maii; Acta Sanctorum ad 12 Maii.

[3] Игум. Даниил XII века: «Кюпр же остров велик весьма, — суть бо епископии в нем 24, а все митрополия едина. И святых ту много, без числа, лежит. Ту бо лежит св. Епифаний и апостол *Варнава* и св. *Зенон* и св. *Филахрис* епископ, его же крестил Паул апостол Христов» (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в нач. XII в. / Изд. А. С. Норов. СПб., 1864 (далее — Путешествие игумена Даниила. —*Ред.*)).

[4] Греческий путешественник XII века Фока: «Подле Сидона, на самом взморье, основан замок Сарепта и среди города храм пророка Илии в доме вдовы, принимавшей его». Путешествие игумена Даниила.

[5] Кесария приморская, отличная от Филипповой, соседней с Ливаном, — ныне развалины (Allioli bibl. Altherth. 2, 424–426). Филипп, крестивший самарян и евнуха царицы Кандакии, был одним из семи диаконов (Деян. 8, 13–27). Его четыре дочери-девы наделены были даром пророчества (Деян. 21, 8–10); две из них почили девственницами в Иераполе, как свидетельствует Поликрат, Ефесский епископ II в. (*Евсевий Памфил.* Церковная история. СПб., 1848); одна дочь Ермиополия — мученица

нованную в Диосполис, славную воскресением Энея; также недалекий от нее *Аримафей,* селение Иосифа, почтившего погребением тело Спасителя[1]; *Иоппию,* порт, из которого бежал Иона. Повторив путь, была в Никополе, называвшемся прежде *Эммаусом,* где Господь узнан был в преломлении хлеба и освятил дом Клеопы в церковь»[2].

В *Иерусалиме* проконсул приготовил для нее дворец, но она поместилась в маленьком, бедном домике. «Она простиралась пред Крестом Спасителя; лобызала камень, отваленный Ангелом, и то место, где лежало тело Принявшего на Себя грехи всего мира. Сколько тут пролито было слез, сколько вздохов и скорби! Показывали ей столп, окропленный кровью Господа, где привязанного Его бичевали. Указывали место, где сошел Дух Святый на 120 верующих».

Раздав бедным, что могла, пришла в *Вифлеем* и посещала пещеру, где родился Христос Господь. «Какое счастье, — говорила она, — для бедной грешницы, какова я, лобызать эти ясли, где Спаситель мой лежал младенцем! Надобно ли еще мне искать для себя места, после того, которое избрал для Себя Спаситель мой?»

Посещая окрестности Вифлеема, Павла восходила на башню Гадер, башню стада, подле которой[3] Иаков пас стада овец (Быт. 37), а бодрствовавшие ночью пастухи удостоились слышать: *слава в вышних Богу* (Лк. 2, 14); из Восора была в Есяоле; видела следы дуба Авраамова, *Хеврон, Кафар-Сарун* и печальное *озеро*. Потом путешествовала в *Иерихон,* где видела Галгалский лагерь (см.: Нав. 5); с берега *Иордана* была в *Вефиле* и на горе *Ефремовой,* где отдала честь гробницам Иисуса, сына Навина, и Елеазара, сына Ааронова; прошла чрез Сихем, видела гробницы 12-ти патриархов, *Севастию* или Самарию, где «погребены пророки Елисей

(сент. 4). Это не то, что апостол Филипп, Вифсаидянин, один из двенадцати учеников Спасителя (Ин. 1, 43; 12, 21; Деян. 1, 13; Лк. 6, 14). Никифор Каллист (2, 44), смешивая диакона Филиппа с апостолом Филиппом, приписывал сему последнему дочерей.

[1] Даниил: «Оттуду от (Севасты) 4 версты от Аримафея; ту есть место в горах каменных, создан городок мал; в том городке гроб св. Иосифа Аримафейского, иже испроси у Пилата тела Иисусова» (Путешествие игумена Даниила).

[2] Об Эммаусе слова Даниила и западных паломников см. в: Путешествие игумена Даниила.

[3] Башня стада в 4 верстах от Вифлеема. Равноапостольная Елена устроила здесь храм (*Никифор Каллист.* Церковная история. L. 8. cap. 30). Епифаний монах в «Путнике иерусалимском»: «На Востоке от Вифлеема построен монастырь, называемый Овечьим; здесь пастухи видели Ангела, который сказал им: “оставьте стеречь овец, — пойте радостно”».

и Авдия, и тот, которого больше не было из числа рожденных женами, Иоанн Креститель»[1]; там поражена и потрясена была она многими странностями. Она видела, как демоны потешались разными мучениями, как люди пред гробницами святых выли по-волчьи, лаяли как собаки, рыкали будто львы, шипели как змеи, мычали как волы, а другие вертелись на голове и чрез спину макушкою касались земли. Жалела она о всех и о каждом, проливала слезы, умоляя Христа о милосердии.

Вдвойне дорогое путешествие: и как совет для благочестия, и как урок для задорного скепсиса поздних полуязычников!

Из Вифлеема мать и дочь отправились посетить пустыни Египта. Они принимали благословение и советы Макария, Исидора, Серапиона и других дивных пустынников.

По возвращении в Вифлеем Павла построила на дороге к Иерусалиму странноприимный дом и монастырь мужской, где блаженный Иероним был настоятелем. В Вифлееме устроен был обширный монастырь женский, с тремя отделениями. В воскресенье все собирались на молитвы в храм общий; в прочие дни служили Богослужение в комнатах молитвы. Все были одеты одинаково, собственности никакой ни у кого, а все было общее; все нужное приготовляли сами работой. Сестрам была предписана строгая воздержность в речах, ни одно резкое слово не должно было исходить из уст девы, посвятившей себя Богу; «если случалась между ними сварливая, дерзкая, заносчивая, — остановив ее не раз, Павла принуждала ее молиться у дверей трапезы, позади всех сестер, и есть отдельно от них, дабы стыд образумил ту, которую не вразумили слова». Той, которая выказывала в одежде более чем опрятность, говорили, что щегольство ее — вывеска грязной души. О слабых и больных заботливость была ревностная.

Строгая мать Павла была училищем благочестия для сестер ее. Смирение ее было изумительное. «Когда она была окружена сонмом дев, то казалась последнею между ними и по одежде, и по голосу, и по приемам, и по поступи. Она спала на голой земле, даже в лихорадке,

---

[1] Игум. Даниил: «От Самарии есть место к западу лицы вдалеке 2 версты, имя месту Севастиполь. На том месте создан городок и в том городке темница св. Иоанна Предтечи и в той темнице усечен бысть Иоанн Предтеча; ту же и гроб его есть; создана церковь на месте том во имя св. Иоанна Предтечи» (Путешествие игумена Даниила). «Мне указали, — говорит А.С. Норов, — также на гробницу Авдия. Гробницы находятся в подземной церкви, в которую входят по лестнице в 20 ступеней; дверь подземелья высечена из гранитного монолита, точно так же, как и двери царских гробниц» (Там же).

мало вкушала пищи и притом самой простой, а питалась более слезами. Исключая праздничные дни, она почти вовсе не подбавляла в пищу масла. Когда просили ее поберечь свое слабое здоровье, она отвечала: "мне надобно обезобразить лицо свое, которое столько раз выставляла я напоказ, натирая красками, в оскорбление воли Божией; справедливость требует истязывать тело, которое слишком много вкушало сладостей; надобно мне плакать много, после безумных и преступных веселостей; я должна заменять власяницею роскошные одежды, которые льстили суетности и неге; довольно я старалась нравиться свету, хочу употребить все, чтобы сколько-нибудь быть угодною Богу"».

Господь привел к Павле одну грешницу. В окрестностях Кесарии Палестинской подвизался преподобный Маркиан. В бурную ночь пришла к его келлие жена, одетая в рубище, и просила у него покрова. Пустынник принял ее человеколюбиво в переднюю келлию. На другой день видит он жену, одетую в роскошную одежду. Зажегши огонь среди келлии, он стал на него босыми ногами и говорил с собою: «Как кажется тебе, Маркиан, этот огонь? Ведь это не то, что огонь гееннский! Если хочешь гееннского огня, подойди к этой женщине». Пораженная самоотречением и его проповедью, грешница бросилась к ногам святого отшельника, исповедала грехи свои и просила у него духовного исцеления. Преподобный отвел ее в монастырь Павлы, и здесь она, под надзором преподобной, проводила строгую жизнь до смерти и почила с миром, с именем преподобной Зои[1].

Чтение Священного Писания было самым любимым занятием Павлы, и она старалась обращать правила его в жизнь души своей.

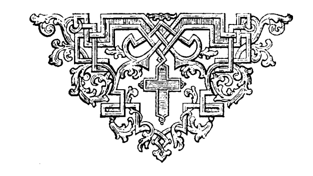
Немало оскорблений пришлось вытерпеть блаженной Павле от партии, не умно понимавшей и еще не умнее защищавшей личные мнения Оригена. Когда же не удалось хитростью склонить на свою сторону знаменитую римлянку, а не удалось оттого, что блаженный Иероним был против этой партии, — партия стала бросать в Павлу разные оскорбления; выдавали ее за помешанную и говорили: нужно бы оградить ее от расстройства. Дело доходило до того, что блаженный наставник советовал Павле удалиться с Востока. Она отвечала ему: «Ты был бы справедлив, отец мой, если бы где-либо могла я найти

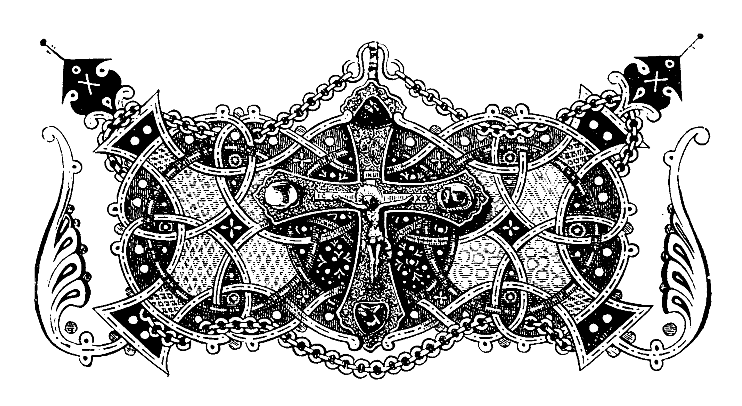
[1] Житие прп. Маркиана в Четьях-Минеях февр. 13. Игум. Даниил: «ту же (в Кесарии) есть гора вдалеке 2 версты от Кесарии; на той горе жил св. отец Маркиан, к нему же блудница приидε искусить его» (Путешествие игумена Даниила).

любимый мною Вифлеем. И зачем скрываться от людской злости? Надобно превозмогать ее терпением! Почему не одержать победы над гордостью смирением? Почему, получая удар в одну щеку, не подставлять другой?»

Приближалась и кончина святой Павлы. В тяжкой болезни своей она тихо читала псалмы. «Не слишком ли страдаешь ты и не от того ли не просишь советов?» — спросил ее духовник. Она отвечала по-гречески: «Мне хорошо». И это были последние слова ее. Иерусалимский архиепископ Иоанн с несколькими другими епископами, множество иноков и инокинь совершали погребение над нею. Псалмы петы были на языках еврейском, греческом, латинском и сирском. Вдовы и бедные указывали на одежды, доставленные ею; толпы нуждающихся кричали, что «потеряли они мать и кормилицу свою». Она почила января 26 дня 404 года на 58 году своей жизни[1].

[1] Мартиролог Усуарди на 27 янв.: «в Вифлееме Иудовом успение св. Павлы; жизнь ея, чудную по добродетелям, описал св. Иероним и засвидетельствовал, что она увенчана долгим мученичеством». По Римскому Мартирологу, кончина ее 20 янв. О годе смерти Росвейн in notis ad vitam s. Pavlae.

День двадцать седьмой

ПАМЯТЬ святого новомученика ДИМИТРИЯ

В ожесточенной, многовековой борьбе со стороны мусульманского фанатизма против враждебного ему православного подвластного турецкому игу населения — проявляются от времени до времени такие подвиги терпения и самоотвержения в лице исповедников христианского учения, которые не уступают подвигам древних мучеников во времена гонений христиан первых веков. И с полным основанием причисляет Греческая церковь к лику святых — этих новых мучеников, этих верных сынов порабощенной Христианской Церкви. Их страдальческим подвигом более всего держится глубоко потрясаемое враждебными силами Православие несчастных, волею судеб подпавших под власть турецкого султана. Пример их оживляет угасающую в народе под гнетом всевозможных гонений и искушений любовь к Православию, и как ни уменьшается количество исповедников его, все же немало примеров, доказывающих, что неодолима и неизменна хотя по качеству привязанность к родной вере в лице уцелевших от гнета турок и от нравственного насилия католиков.

Подтверждением этого, между прочим, служит пример воспоминаемого сегодня Греческою церковью новомученика Димитрия. Казалось бы, что ничем особенным не был он подготовлен к великому подвигу

исповедничества: не получил он никакого образования; по обстановке своей принадлежал к числу тех, которые, быть может, наиболее подвергаются всякой испорченности среди примеров низшего слоя общества, не огражденного чистою нравственною подготовкою. Между тем и в нем уцелела неискоренимая в народе Православная вера.

Димитрий служил подносчиком в таверне (в Константинопольской Галате — в Каракиой); красивою наружностью и добрыми душевными свойствами выделялся он между другими служащими; этим в иных возбуждал он зависть, а другие турки досадовали, что он иноверец, и всякими хитростями старались завлечь его в ислам; однако же это не удавалось им и раздражало их еще более против молодого прислужника.

Однажды между опьяневшими посетителями таверны вышла ссора и драка. Димитрий, по обязанности своей, вмешался в эту ссору — с тем, чтобы разнять и выпроводить из таверны забуянивших пьяниц. Это им не понравилось, и они подали на другой день на Димитрия жалобу, обвиняя его в самоуправстве и нанесении ран одному турку при насильственном вмешательстве в его ссору с другими.

Визирь позвал Димитрия, но выслушав его правдивое оправдание, тем не менее не захотел предоставить удовлетворение христианину. Он предложил Димитрию одно из двух: или перейти в магометанскую веру, или быть казненным за мнимое преступление. «Я не причинил ни малейшего зла турку, — отвечал Димитрий, — и не могу быть турком. Сохрани меня Бог от этого! Я — христианин и останусь христианином...»

Визирь попытался подействовать на Димитрия ласковым увещанием, обещал ему почести и богатство, если он потурчится. Но все это возбуждало в христианине только возражения против магометанской веры. Раздраженный сановник предал его тогда на произвол тех, кто жаловался на него. Они привели Димитрия в кофейную, снова стали убеждать его потурчиться, но Димитрий был непреклонен. После того сделан ему был новый допрос, на основании которого, присоединив к прежнему обвинению то, что он дерзнул хулить магометанскую религию, визирь приказал обезглавить его перед таверной. С непоколебимою твердостью принял мученическую смерть смиренный простолюдин, обнаружив с такою величественною простотою ту глубину родной веры, которая неискоренимо таится в православном народе...

Димитрий предан смерти в 1784 году, будучи 25-ти лет от роду.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ святителя ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО

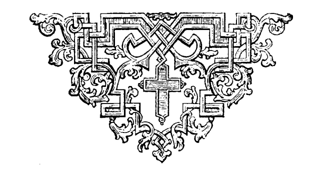
По прославлении святителя Иоанна Златоустого пастыри более прежнего начали превозносить его достойными похвалами. В 438 году святитель Прокл, ученик и впоследствии преемник Златоустого на Цареградской кафедре (437–445), по обыкновению в день памяти святителя Златоуста в похвальном ему слове говорил: «О, Иоанн! Жизнь твоя многотрудна, но смерть славна, гроб твой блажен и воздаяние обильно по благодати и милосердию Господа нашего Иисуса Христа. О, благодать, препобеждающая пределы, место и время! Место препобедила любовь, предел уничтожила незабвенная память, и местом не ограничились чудеса святителя. Он лежит в Понте, а во всем мире похваляется».

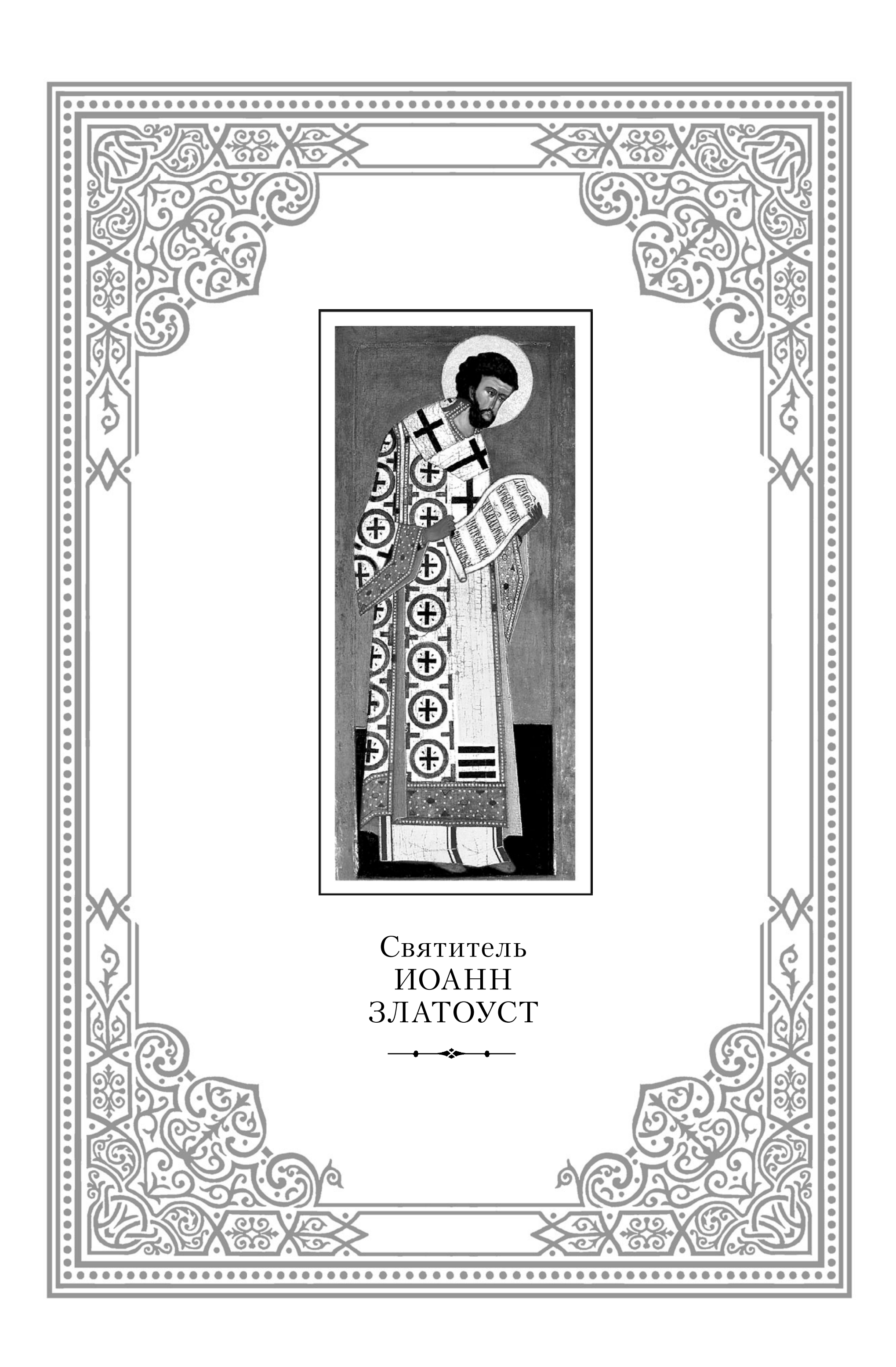
Константинопольский народ, чрезвычайно любивший и уважавший святителя Златоустого, слыша о высоких его добродетелях в слове святого Прокла, прервал его восклицаниями и просил перенести мощи невинно пострадавшего святителя Иоанна в Константинополь. Прокл убедил царя Феодосия II исполнить благочестивое и справедливое желание народа.

Честные останки Златоустого обретены были нетленными и положены в серебряную раку, и торжественно перенесены из Коман, где скончался он и погребен, в Константинополь. «Православный народ при перенесении мощей множеством судов сделал море как бы сушею, устье Босфора покрыл светильниками. Царь со священным собором и синклитом при стечении многочисленного народа встретил святые мощи в Халкидоне и совершил благоговейное поклонение им. Склонив на гроб святителя очи и чело, Феодосий принес молитву за своих родителей, Аркадия и Евдоксию, и умолял простить им обиду, причиненную ему по неведению». Из Халкидона мощи святителя Златоустого на царском корабле перевезены были в Константинополь и положены в храме Святых Апостолов. Перенесение мощей сопровождалось славою чудес и совершилось в 438 году 27 января.

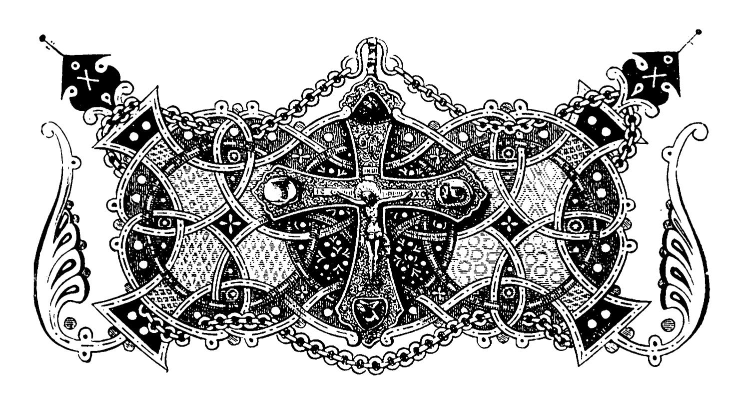
Утешительным последствием перенесения мощей святителя Златоустого из места заточения в Константинополь было то, что приверженцы Иоанна тронуты были общим к нему благоговением и присоединились к Церкви.

В IX веке Иосиф, Косма Веститор и другие написали песнопения на перенесение мощей Златоустого, ныне поемые Церковью в день воспоминания этого события. В этот день, по песнопениям Церкви, «Яко украшение царское, царский град прием мощи Златоустого и ими украшается. Заточен быв от стада завистью, Божиим же мановением паки к нему по погребении возвратися Златоустый, источая струи чудес и реки проливая врачеваний. Радуется Церковь Христова, на свечник священный взирающи — на святого священномученика, его же низложивше враги, под спудом молчания скрыша. На славу царскую днесь от Коман ко граду приходит царствующу».

Святитель ИОАНН ЗЛАТОУСТ

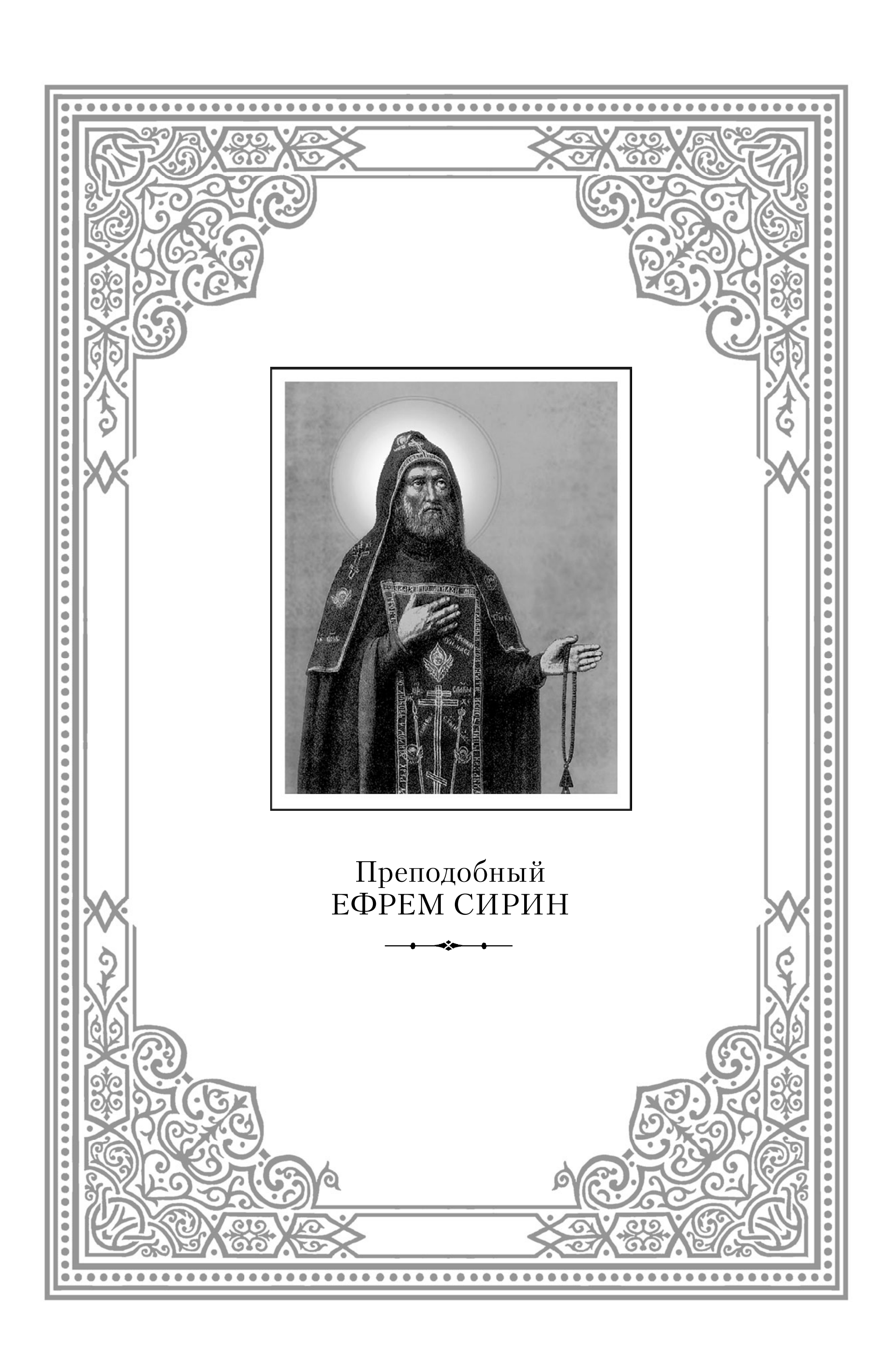
День двадцать восьмой

ПАМЯТЬ
преподобного
ЕФРЕМА СИРИНА

Жизнь Ефрема Сирина служит также подтверждением того, что от корня доброго и плоды произрастают добрые. «От предков моих (землевладельцев) получил я наставление о Христе, — говорит о себе преподобный Ефрем, — родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Видел я соседей, живущих в благочестии, слышал о многих, пострадавших за Христа. Отцы при мне исповедовали Его перед судьями; я — родственник мученикам».

Благотворные впечатления детства отразились такими же и последствиями. Несмотря на то, что в молодости по причине слишком пылкого своего характера Ефрем вдавался в предосудительные и опасные крайности, был чрезмерно раздражителен и увлекался воображением даже до хульных помыслов, тем не менее, доброе семя, посеянное в его сердце родителями, не могло погибнуть и взошло в свое время роскошными плодами. Господь Сам излил благодать Свою на уготованную почву и направил горячность раба Своего в спасительную сторону.

Орудием к его вразумлению Господь послал ему испытание в виде незаслуженного наказания, которому был предан Ефрем по ложному обвинению (за пропажу из одного стада нескольких овец). Вместе с ним и так же невинно были заключены в темницу еще два человека, и все они сильно роптали на несправедливость в отношении к ним местного судьи.

Преподобный
ЕФРЕМ СИРИН

Между тем однажды ночью во сне Ефрем услышал следующие слова: «Будь благочестив, и уразумеешь Промысл Божий. Перебери в мыслях, о чем ты думал и что ты делал, и по себе дознаешь, что эти люди страдают не несправедливо, но не избегнут наказания и виновные».

Когда Ефрем передал свой сон другим заключенным, то все они, поразмыслив, вспомнили, что есть за ними некоторые вины, оставшиеся неизвестными людям и ненаказанными.

Сообщив друг другу свои мысли, «при сих рассказах, — говорит Ефрем, — начал я приходить в сокрушение, потому что в этом было явное воздаяние...»

Это обстоятельство было для Ефрема спасительным исходом из его прежней необдуманной жизни, полной неразумными увлечениями. С этих пор стал он внимательно вникать в себя, и следствием этого было такое глубокое смирение и сокрушение о грехах своих, которые преобразили и как бы открыли его на совершенно новую жизнь по выходе его из темницы.

Он оставил мир, и удалился тогда в горы к отшельникам, и сделался учеником святого Иакова, будущего святителя Низибийского. Под его руководством стал он упражняться в различных подвигах благочестия и изучать Священное Писание. Преподобный Ефрем достиг такого глубокого знания этого предмета, что прославился впоследствии как вселенский учитель своими многочисленными и разнообразными писаниями. Поучениями же своими, которые читались публично в церквах после Священного Писания, он даже заслужил наименование Сирского пророка[1].

При кратком объеме этих «Житий святых» едва только несколько строк можно поместить при очерке жизни святого Ефрема из произведений этого великого христианского писателя[2]. И прежде всего вспомнить молитву его, которая читается во время Великого поста с поклонами: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми! Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю! Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь».

---

[1] Прп. Ефрем родился в г. Низибии, в Месопотамии, в начале IV в.

[2] См. подр. о сочинениях его: *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859 (далее — *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. — *Ред.*).

Вечную память о себе из рода в род и из уст в уста оставил молитвенник Божий, и место хранения ее — сама Церковь!

Чувством смиренного сокрушения о грехах проникнуты все размышления святого Ефрема, но нераздельно с ним присутствует непоколебимое упование на милосердие Божие.

«Плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом, — день и ночь лились у него слезы, — говорит о нем святитель Григорий Нисский, — но лицо Ефрема цвело и сияло радостью, тогда как ручьи слез лились из глаз его. Ефрем и там, где говорит о сокрушении, возносится мыслью к благости Божией, изливает благодарение и хвалу Всевышнему... Во всех словах и делах его исторгалось из души его псаломское слово: *на Него упова сердце мое!* (Пс. 27, 7)»

Сам Ефрем говорит о себе: «когда ложусь я для отдыха, любовь Твоя к людям, Господи, приходит мне на мысль, и я встаю среди ночи, чтобы благодарить Тебя. Но воспоминание о грехах устрашает меня, и я начинаю изливаться в слезах, готов даже упасть духом, если бы не поспешили укрепить меня, полумертвого — разбойник, мытарь, грешница, хананеянка, кровоточивая, самарянка...»

«В один день, — пишет преподобный Ефрем, — встав очень рано, вышел я с двумя братьями из благословенного города Едессы[1]; возвел очи свои на небо, которое, подобно чистому зеркалу, со славою осиявало звездами землю, и в удивлении сказал: если звезды сияют с такою славой, то не более ли воссияют неизреченным светом Спасителя праведные и святые, творившие волю Святого Бога, в тот час, когда придет Господь?»

«Но лишь я вспомнил о том страшном пришествии Господнем, как содрогнулись кости мои; душа и тело затрепетали; я заплакал с болезнью сердечной и сказал, воздыхая: каким я, грешник, окажусь в тот страшный час? Как предстану Престолу Страшного Судии? Как мне, рассеянному, иметь место с совершенными? Как мне, бесплодному, явиться в число тех, которые принесли плоды правды? Что мне делать, когда святые в Чертоге Небесном будут узнавать друг друга? Кто признает меня? Мученики покажут свои раны; подвижники — свои добродетели; а я что покажу, кроме лени и нерадения?»

Преподобный Ефрем был рукоположен во пресвитера, но, считая себя недостойным этого высокого сана, он никогда не решался совершать Литургию.

[1] В Едессу переселился прп. Ефрем уже по смерти св. Иакова Низибийского.

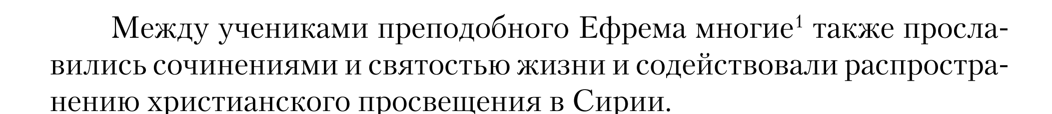
Но поучениями своими охранял Едесскую церковь от распространившихся тогда различных ложных учений: «Христов воин, облеченный всеоружием Христовым, — говорит о нем один древний биограф его, — открыл войну с врагами Христовыми, особенно же с нечестием Вардесана и его последователей». Он защищал против них догмат о воскресении мертвых.

«Песни об умерших» в поэтическом отношении — лучшие из произведений преподобного Ефрема. Из них видно, что поминовение усопших издревле входило в состав церковной службы. «Поминайте меня, братья и друзья мои, ради Бога, разлучившего меня с вами, — говорится в одной из его песен, — когда сонм ваш стоит на служении, да вознесется молитва ваша и отрясет прах с очей моих!» В этих же песнях Ефрем представляет, что молитвы и дела милосердия, совершаемые живыми за умерших, полезны усопшим.

Среди благодетельных трудов своих, которыми сам смиренный Ефрем всегда был неудовлетворен, пожелал он посетить пустынножителей египетских и знаменитых учителей веры, чтобы поучиться от них. О пребывании его у отшельников на горе Нитрийской так говорит Иоанн Колов: «Был у нас здесь человек Божий Сириянин, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем». Отсюда проехал преподобный Ефрем в Кесарию, где виделся со святителем Василием Великим. По возвращении в Едессу пожелал он остальную жизнь провести в уединении и поселился за городом; но снова отправился в Едессу, чтобы оказать помощь жителям словом своим во время бывшего там голода, и действительно успел склонить богатых делиться с бедными своими запасами хлеба, который прежде того они и продавать не хотели. По возвращении из Едессы Ефрем вскоре заболел и, написав «завещание», мирно скончался около 373 года.

«Прославлять надобно того, кто в устах всех христиан, — Ефрема Сирина, того Ефрема, которого жизнь и наставления сияют в целом мире!» — пишет о нем святитель Григорий Нисский.

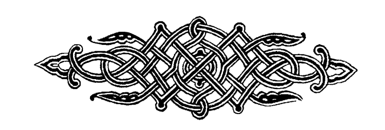
Так оправдалось в жизни преподобного Ефрема сновидение его родителей о нем, когда еще он был дитем... Виделось им, что виноградная лоза разрастается из уст Ефрема и покрывается гроздьями; птицы небесные питаются ими, а плоды все умножаются... И действительно, не одни только современные жители Сирии и Месопотамии питались словом преподобного Ефрема, но и для отдаленного потомства всех христианских стран плоды слова его составляют неистощимую целебную пищу душевную.

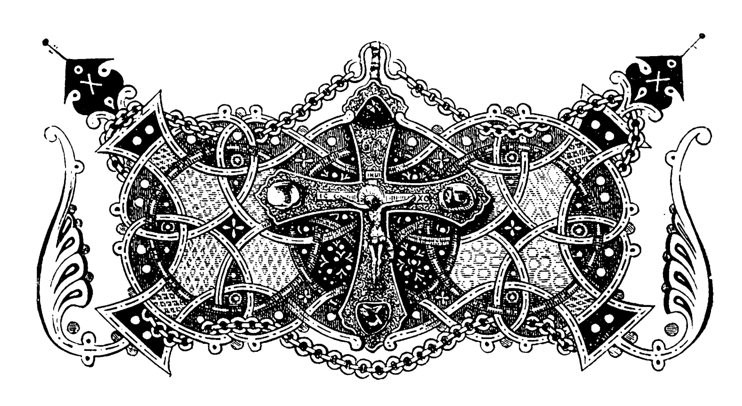
Между учениками преподобного Ефрема многие[1] также прославились сочинениями и святостью жизни и содействовали распространению христианского просвещения в Сирии.

ПАМЯТЬ преподобного ИСААКА СИРИНА, епископа Ниневии (в конце VII века)

Он оставил после себя много сочинений высокого духовного содержания. «Душа, которая однажды предала себя Богу, — говорит преподобный Исаак, — верою и многими опытами приобрела чувство содействия Его, не заботится более о самой себе... Иначе противодействием разума она лишилась бы Божественного Промысла, втайне посещающего ее, непрестанно пекущегося о ней и неотступно сопровождающего всеми способами. Те, в которых восходит Свет веры... умными очами веры каждый час видят отеческий Промысл, коим осеняет их истинный Отец».

[1] Авраам, Симеон, Мара, Зиновий и другие.

День двадцать девятый

ВОСПОМИНАНИЕ
о епископах Пермских
ГЕРАСИМЕ, ПИТИРИМЕ и ИОНЕ

Мощи сих трех святителей Пермских покоятся в Усть-Вымьском Благовещенском храме, там, где была их кафедра. Над гробницами их стоит икона, изображающая их во весь рост, с следующею надписью: «л. 7115 (1607) м. июня в 8 день, при великом государе царе и великом князе Василие Ивановиче, всея Руси самодержце, и при святейшем Ермогене, патриархе Московском, написан сей святой образ трех святителей Герасима, Питирима и Ионы, в славу Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, повелением их, смиренным епископом Иоасафом Вологодским и Великопермским, и положен сей образ на гробницах их, великих чудотворцев, Герасима, Питирима и Ионы»[1]! Память сих трех святителей благоговейно чтится 29 января и, без сомнения, с того времени, как по соборному определению патриарха написана икона их. Стечение народа к этому дню в Усть-Выми бывает со всех сторон

[1] *Макарий (Миролюбов), архим.* Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856 (далее — *Макарий (Миролюбов), архим.* Сказание о жизни и трудах св. Стефана. — *Ред.*). *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. Другая такая же икона и также древняя стоит на Вознесенском Усть-Вымьском храме (Там же).

необыкновенное. Во имя трех святителей Пермских был и храм в Усть-Выми[1]. В 1649 году построен был в их имя храм в Вологодском архиерейском доме, и в следующем году архиепископ Маркелл «по своему обещанию отправлялся на Устьвым Пермским чудотворцем помолиться»[2].

После святителя Стефана, первого просветителя Перми, 20 января 1398 года посвящен был в епископа Пермского Исаакий[3]. В марте 1416 года он был на соборе в Москве при посвящении Новгородского архиепископа и при совещаниях о Литовском митрополите[4]. После того он уже не возвращался в Усть-Вымь[5]. Новая паства, оставшаяся без пастыря, и сама по себе скоро дозволила себе беспорядки, а фанатики язычества — волхвы — рады были, не видя себе сильной помехи, рассевать плевелы на ниве Божией; дикие вогуличи даже насилием стали принуждать новых христиан к язычеству. «Овцы шалят, — говорит современник, блаженный Епифаний, — волки нападают; без пастыря свистеть некому, чтобы пугать и прогонять волков... Вогуличи делают нападения»[6]. При таком положении дел преемнику Исаакия, пастырю, ревностному к своему долгу, много надлежало трудиться, много перенести неприятностей. Блаженный *Герасим,* преемник Исаакия, был жизни святой, как говорит о нем древность; с ревностью очищал он плевелы, появившиеся на новой ниве Христовой. И труды его

---

[1] *Плюшар А. А.* Энциклопедический лексикон: В 17 т. СПб., 1834–1841. Т. 12.

[2] Извлечение из современной записки в «Вологодские Епархиальные Ведомости» (1865 г. № 22). Усть-вымьский священник Евтихий (в 1717 г.) писал к секретарю Вологодского архиерейского дома: «Пишем тебе, господину, о том, что в архиерейском доме или в соборной церкви или у твоей милости есть о начале и о бытности на Устьвыми, епископии Стефана, епископа Пермского, и по нем иных епископов по ряду и *чудотворцев Герасима, Питирима и Ионы,* в которые годы они епископствовали и откуда родом и который епископ и чудотворец сколько годов в епископии пребывал, и каковы чудотворцев кончины были и что из чудес и который епископ где почивает и в которые годы с Устьвыми на Вологду переведен? Мы не ведаем, *а приходящие к чудотворцам богомольцы* осуждают о том деле, что мы не ведаем; да и надлежит у их раки о вышеписанном деле на письме быть сполна. Ради их, чудотворцев, прикажи взыскать и архиерею Божию доложить и выписать и к нам на Устьвымь прислать». Что сделал по сему предмету дьяк Вологодского епископа, остается неизвестным.

[3] Собр. л. 6, 129; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V, прим. 254.

[4] Собр. л. 3, 106.

[5] Гроб его ныне в Устьвымьском соборе. *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I.

[6] Плач о смерти свт. Стефана. Слова эти не могутъ быть отнесены ко времени после кончины свт. Стефана, потому что тогда немедленно посвящен был пастырь Исаакий.

не были напрасны. В 1429 году святитель Фотий уже писал о Перми: «Ныне страна чисто и православно совершает службу Божию по закону христианскому»[1]. В 1438 году видим блаженного Герасима на Московском соборе, на котором осужден был предатель православия Исидор[2]; потом был он и на соборе 1441 года, определявшем поставлять митрополита России собором русских пастырей[3]. Ревностный пастырь пользовался пребыванием в Москве и для того, чтобы испросить помощь для нужд своей паствы. В последние годы правления его вогуличи, под начальством свирепого князя Асыки, стали врываться в поселения крещеных зырян. Святитель до того простирал свою отеческую заботу о покое паствы, что с опасностью жизни являлся в стан вогуличей. Просьбы и убеждения святителя подействовали на дикарей, и они удалились в свои места. Ревностный пастырь занялся потом водворением покоя и порядка в поселениях, пострадавших от дикого неприятеля; он проникал в самые глухие места, если слышал, что там страдает беспомощная бедность; входил во все нужды жителей и спешил оказывать помощь. Такими подвигами заслужил он имя благодетеля народа. Душевные огорчения и недуги старости расстроили здоровье его; но он и больной отправился осмотреть места, ближайшие к Усть-Выми, а на возвратном пути умер смертью мученика. По одному древнему известию, «на Усть-Вымском лугу, близ Усть-Вымской крепости, за несколько стадий от соборной церкви, святый отец удушен домочадцами невинно и скончался 24-го января». По другому известию, он удавлен был омофором рукою вогулича, принятого им на воспитание. Вероятно, дикарь поступил так с благодетелем своим по внушению тех, которым дорого было унижаемое язычество[4]. Преемником блаженного Герасима на Пермской кафедре был блаженный *Питирим*[5]. До архипастырства

---

[1] Слово об исхождении Св. Духа см. в: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 12 т. СПб., 1846–1872. Т. 1 (далее — Дополнения к Актам историческим. — *Ред.*).

[2] Собр. л. 6, 161.

[3] Собр. л. 6, 166; Акты исторические. Т. 1.

[4] *Макарий (Миролюбов), архим.* Сказание о жизни и трудах св. Стефана. Ркп. святцы: «св. Герасим епископ, Пермский чудотворец, задушен бысть», в другом списке прибавление: «омофором своим от своих домочадец», в третьем списке сказано: «от безбожных Вогулич в л. 6900 месяца января в 24 день». *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I.

[5] Акты исторические. Т. 1. У Щекатова в его словаре (*Щекатов А.М.* Словарь географический Российского государства: В 7 ч. М., 1801–1809. Ч. 2 (далее — *Щека-*

своего он был архимандритом едва ли не Чудова монастыря, и был известен сколько по благочестию своему, столько и по просвещению. Пахомий в предисловии к житию святителя Алексия пишет: «Иное извлек я из самого достоверного писания, архимандрита Питирима, бывшего потом епископом Перми. Он кратко написал о святителе и составил канон в похвалу ему, слышав верное о его жизни и чудесах. Сей епископ и вместе мученик не только пострадал от неверных за веру, но много потерпел бед и от князя, считавшего себя верным, которого потому должно считать худшим неверного, как того, который осквернил свои руки кровью братнею»[1]. Это, как видно, Шемяка. Блаженный Питирим посвящен был в епископа вслед за кончиною святителя Герасима. В самом начале управления своего Усть-Вымьскою паствою разослал он грамоты к вятчанам и вогуличам, убеждая их не тревожить мирных зырян. Поелику же Асыка, пользуясь раздорами князей русских за престол великого князя, не думал оставлять в покое христианские поселения и вогуличи производили страшные грабежи, то новгородские владельцы земель по Ваге и Двине, Василий Своеземцев и Михаил Яковль, с 3000 дружин своих (в 1446 г.), прошли до Уральских гор и захватили множество Югры (остяко-вогулов). Хитрые дикари, усыпив воевод обещанием полной покорности, нечаянным нападением поразили дружину Своеземцева[2]. Но потом Асыка, попавшись в плен, вынужден был клясться всеми духами горными, что не станет более тревожить христиан. Блаженный Питирим поспешил подать помощь пострадавшей пастве из доходов своей кафедры. В следующем году (1447 г.) он был в Москве и лично ходатайствовал у великого князя Василия о помощи зырянам. Великий князь сложил часть подати с пострадавших, а семья его вручила блаженному Питириму разные подарки для зырян. Но пока успел возвратиться к своей пастве усердный пастырь, вогуличи (1448 г.) снова учинили набег на бедных зырян. Впрочем, с того времени они пять лет не тревожили христианских поселений. Ревностный пастырь имел

тов А.М. Словарь географический. — *Ред.*)) после св. Герасима — Иона и Киприан, св. Питирим, свв. Иона, Филофей и Никон. Но Иона и Киприан прежде св. Питирима — ошибка. Киприан был епископом с января 1545 г.

[1] Книга степенная царского родословия: В 2 ч. М., 1775. Ч. 1 (далее — Книга степенная. — *Ред.*). Два канона свт. Алексию — «творение Питирима, епископа Пермского» — в минеях на 20 мая.

[2] Собр. л. 4, 124. Опыт исследования о древней Югри см. в: Вестник Географического общества. СПб., 1855. Т. 14.

теперь полную свободу заниматься долгом учительства. Ныне известен памятник желаний его распространять в пастве полезные книги. Это книга Дионисия Ареопагита, на которой впоследствии сделана была такая надпись: «Сия книга святого Благовещения на Усть-Выми; а положил сию книгу священномученик епископ Питирим, убиенный от нахождения сыроядцев вогулич за православную веру, идеже лежит многострадальное и терпеливое тело его»[1]. Святитель ревностно обозревал свою паству, рассеянную на дальних расстояниях, чтобы видеть, как живут чада его в вере. Он беседовал с народом в храмах, а чаще на открытых местах, объясняя ему правила веры и благочестия. Апостольская ревность его успела обратить к святой вере и некоторых вогуличей, живших в соседстве с крещеными зырянами. Этот последний подвиг его возбудил против него злобу в Асыке, который и без того злился за то, что мерами пастыря удержаны были вогуличи так долго от злодейств над зырянами. Асыка решился отмстить святому пастырю и его пастве. В 1455 году свирепый вождь, вооружив вогуличей стрелами и луками, пустился на плотах вниз по Вычегде, нигде не останавливаясь и задерживая прибрежных жителей, чтобы не предупредили в Усть-Выми о его приближении; он пригласил с собою и вятчан. В десяти верстах от впадения реки Выми в Вычегду остановился он в высоком бору, который поныне называют Юр — становище и Вогуль-як — Вогульский бор. Рано утром один из устьвымьцев плыл на ладье вверх по Вычегде и неожиданно напал на стан вогуличей. Его поймали, и Асыка дознал от него пытками, какова стража в Усть-Выми? Дома ли Питирим? Зырянин объявил, что Питирим в этот самый день (день был воскресный) пойдет для молебствия на мыс, что близ устья реки Выми, и что о вогуличах ничего не знают. Асыка поспешил к Усть-Выми, а чтобы обмануть бдительность жителей, велел набросать на плоты множество срубленных елей и ветвями их прикрыть свое войско; в таком виде плоты казались издали плавучими деревьями, подрытыми быстриной воды. В Усть-Выми в воскресный день старый и малый были в храме. После Литургии святитель, клир и народ с крестами и иконами отправились на мыс. Скоро заметили груды деревьев, странно тянувшиеся на большом протяжении реки. Святитель понял хитрость вогуличей и сказал народу об опасности. Обратясь к Усть-Выми, он преклонил колена, трижды благословил народ и храмы крестным знамением и сказал: «Дети мои!

[1] Опис. ркп. у Царского № 48.

Скорее удалитесь от меня; мне не убежать от смерти; Богу угодно предать меня в руки вогуличей». Толпы вогуличей выскочили на берег. И все бывшие с Питиримом в ужасе бросились, кто куда мог. Пастырь продолжал молиться. Кровожадные дикари бросились на беззащитного старца, избили, изранили, лишили его жизни и бросили святое тело на мысу. Так пострадал, говорит летопись, 19 августа 1455 года святой епископ Питирим от безбожных вогуличей и вятчан и принял венец от подвигоположника Христа Господа[1]. Асыка удалился затем от Усть-Выми, по боязни ли встретить сильный отпор, или потому, что очень доволен был смертью Питирима; он захватил только прибрежных жителей на возвратном пути своем. Духовные и гражданские власти поспешили послать в Москву известие о своем несчастии. В продолжение 40 дней, пока не получили ответа из Москвы, тело святителя в знойное время оставалось на том месте, где было замучено, и тление не коснулось к нему. Из ближних и дальних мест стекались жители поклониться нетленному святителю. Благоговение к нему умножилось, когда узнали о чудесах, истекавших из гроба его. И скоро стали чтить благоговейною памятью страдание святителя Питирима в 19 день августа[2].

После святителя Питирима поступил на Пермскую кафедру святитель *Иона* и, без сомнения, в конце того же 1455 года, как убиен был святитель Питирим. Как потому, что в убиении святителя Питирима участвовали вятчане, так особенно потому, что они много наделали бед в северном краю, в 1458 и 1459 годах сильная Московская рать, вместе с ратью устюжан, строго наказала вятчан и заставила их обязаться платить дань Москве[3]. Святитель Иона Пермский вместе с прочими епископами декабря 12 дня 1459 года писал увещание литовским епископам сохранять верность Святому Православию и не принимать Григория, ученика Исидорова[4]. Он был на соборе 1461 года, на котором Ростовский архиепископ Феодосий, согласно с волею почившего

---

[1] Архангельский летописец под 6963 г.; *Татищев В.Н.* История Российская. По ркп. святцам: «св. Питирим, епископ Пермский, чудотворец, преставися в л. 6900 месяца августа в 19 день». Год здесь не определен (Собр. л. 4, 147. 6, 271. 6, 180).

[2] Уже в уставе 1522 г. под 19 августа сказано: «В той же день убиен бысть владыка Питирим Пермский от безбожных Вогулич» (Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума / Сост. А. Востоков. СПб., 1842 (далее — Описание Румянцевского музеума. — *Ред.*)).

[3] Собр. л. 4, 147, 148.

[4] Акты исторические. Т. 1, № 272.

святителя Ионы, избран был в митрополита; тогда он объявлял собору волю умиравшего святителя о преемнике, что показывает особенное доверие к нему великого святителя[1]. Деятельность его в Перми была блистательная, апостольская. Он, как говорит летопись, «крестил великую Пермь», или, как выражается другая летопись, «добавне крести», окончательно крестил[2]. Великая Пермь, Пермь обширная и дикая, была по рекам Каме и Чусовой и в верховьях Вычегды и Печоры, откуда врывались в поселения новых христиан остяки и вогуличи[3]; иначе, по Пермским названиям рек и речек, это нынешние уезды Пермский, Соликамский, Чердынский, западная половина Верхотурского и северная Оханского, где вместе с народом коми-пермяками жили на югозападе вотяки, на востоке остяки и вогулы[4]. Блаженный Иона после нелегкой борьбы с волхвами успел склонить к святой вере Пермского князя в городе его Уросе (ныне селе), и, окрестив, назвал его Михаилом. Этот первенец трудов его помог ему в дальнейших успехах его. Предметы суеверного и нечестивого обожания были истреблены, самые волхвы должны были отказаться от корыстных занятий своих; на месте идолов построены были храмы; на новой ниве поставлены были трудолюбивые сеятели, опытные из священников Усть-Выми. Все это происходило в 1462 и 1463 годах. После того надлежало еще утверждать благочестие в людях простодушных и тушить обычаи языческих сердец. В Чердыни основался Богословский монастырь, по актам, тогда, «как великая Пермь приведена в крещение»[5]. На реке Печоре, в 600 верстах

---

[1] Акты исторические. Т. 1, № 69.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I. Типографская летопись под 1462 г.

[3] Епифаний в житии Стефана: «Пермь великая, глаголемая Чусовая... четвертая река (ея) Кама; сия убо проходящи всю землю Пермскую сквозь ню, по ней же мнози языцы». Собр. л. 5, 250. «Река же третья Вятка потече в другую сторону Перми и вниде в Каму; сия же река Кама обходяше всю землю Пермскую; по сей бо мнози языцы сидят».

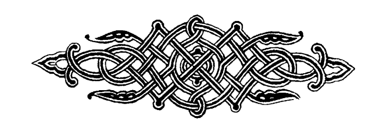
[4] Журнал Министерства внутренних дел. Т. XXIX, отд. III (далее — Журнал МВД. — *Ред.*).

[5] Грамота в Пермь Великую, в Чердынь: «Обвинского и Иньвенского стану крестьяне были союзным письмом и Сибирскими отпуски с ними Пермичи изстари, как и Пермь во крещенье приведена». По другой грамоте, в Пермь Великую, Чердынь: «В Перми Богословский монастырь общей один, как Пермичи крещение приняли» (Акты исторические. Т. 1, № 207). Отселе видно, что сочинитель статьи о быте пермяков (Журнал МВД. Т. XXIX, отд. III) ошибается, думая, что в Иньвенской даче, главной группе пермяков, христианство возникло или в конце XVI в., или в начале XVII в.

от Усть-Сысольска, основалась Печерская обитель Святой Троицы; ее иноки долго и после блаженного Ионы отправляли обязанности приходских священников для живших по реке Печоре[1]. Блаженный святитель был для паствы своей образцом искреннего благочестия и неутомимо трудился для блага Церкви своей. Он мирно почил в Усть-Выми в 1470 году, и святое тело его положено было по левую сторону святителей Герасима и Питирима[2].

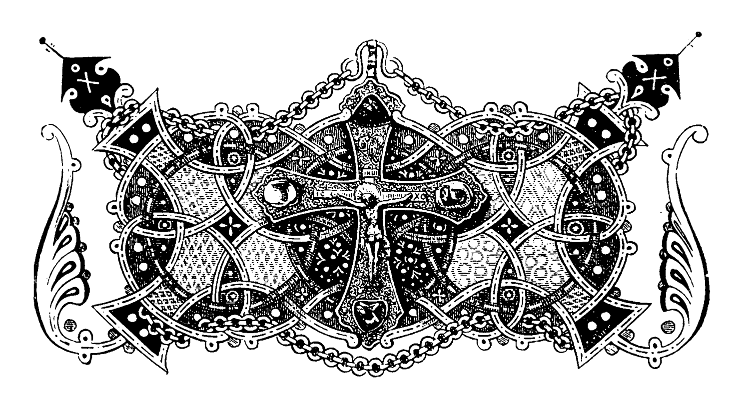
ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ священномученика ИГНАТИЯ БОГОНОСЦА

Двукратное. Одно в 107 году из Рима в Антиохию, тотчас после мученической кончины святителя, и другое в VII веке в Рим после того, как Антиохией овладели магометане. Ныне мощи в Риме, в церкви святого Климента.

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

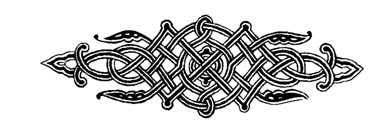
[2] В Архангельской летописи днем кончины его показан 6 день июня; в Софийской летописи (собр. л. 6, 190) — 8 ноября 1470 г. По ркп. святцам: «св. Иона еписк., Пермский чудотворец, иже бысть на устье Целмы реки, у Соли, преставися в л. 6979 мес. октября 29 дня».

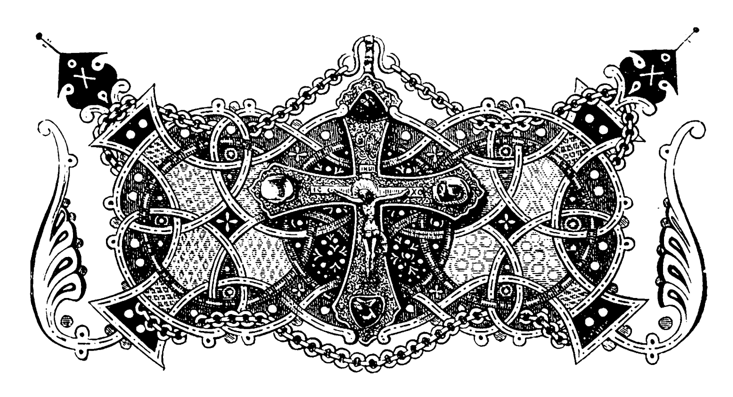

День тридцатый

СОБОР ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ: ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО, ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА и ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО

Каждый из трех вселенских учителей и святителей отличался высокими, истинными достоинствами: Василий был глубок словом, Григорий высок, Златоуст обилен; и каждый имел у себя особенных чтителей и подражателей. Об особенных чтителях святителя *Василия Великого* святитель Григорий Богослов говорит: «Такова доблесть Василия, таково величие славы, что многие, подражая даже его телесным качествам, обращали их для себя в средство к славе. Таковы были у Василия бледность лица, тихость походки, медленность в речах, необычайная задумчивость и углубление в себя; что во многих, по причине неискусного подражания и неправильного разумения, сделалось угрюмостью. Таковы же были у Василия и вид одежды, устройство кровати, приемы при вкушении пищи; и все это делалось у него просто. И ты увидишь многих Василиев по наружности; это — изваяния».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
святитель
ФЕОФАН,
затворник Вышенский

Святитель Феофан, в миру Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 года в селе Чернавское Елецкого уезда Орловской губернии.

Его отец, Василий Тимофеевич Говоров, после окончания Орловской семинарии был священником Владимирской церкви села Чернавское и всю жизнь отличался глубоким благочестием. Как известный и почитаемый среди духовенства пастырь, он был назначен на должность благочинного, которую исполнял в течение 30 лет, заслужив одобрение начальства, любовь и уважение подчиненных. Мать святителя, Татьяна Ивановна, происходила из священнической семьи. Она имела тихий, кроткий нрав и любвеобильное сердце. Первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме. Благочестивые родители старались дать ему воспитание в духе христианской любви и церковности. От отца он унаследовал живость и чистоту ума, от матери — нежное, любящее сердце, кротость, скромность и впечатлительность.

В 1823 году отрок Георгий поступил в Ливенское духовное училище. Способный, хорошо подготовленный отрок Георгий легко прошел

курс и в 1829 году в числе лучших учеников был переведен в Орловскую семинарию. Возглавлял ее архимандрит Исидор, впоследствии известный иерарх Русской Православной Церкви. Георгий Говоров с большим интересом изучал науки и особенно психологию. В годы учебы, после паломничества в Задонский монастырь, где почивали мощи Тихона Задонского (память 13 августа), в то время еще не прославленного, у Георгия появилось благоговение к этому святителю.

С отличием окончив семинарию в 1837 году, Георгий Васильевич Говоров получает назначение в Киевскую духовную академию. Здесь завершилось образование и ясно определилось направление нравственной жизни Георгия Говорова, а добрые качества нравственного поведения предуказали его путь к иноческой жизни.

Благодатное влияние оказали на Георгия Киево-Печерская Лавра и другие киевские памятники священной истории, красноречивые свидетели подвигов русского иночества. Юный студент нередко посещал Киевскую Лавру. Впечатления о ее посещениях были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца жизни с восторгом вспоминал о них: «Киевская Лавра — неземная обитель. Как пройдешь брешь, так и чуешь, что зашел в другой мир». В последний год учебы Георгий Говоров решил всецело посвятить себя служению святой Церкви в иноческом чине. 1 октября 1840 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, он подал академическому начальству прошение о пострижении в монашество, в котором писал: «Имея постоянное усердие к занятию богословскими предметами и к уединенной жизни, я, чтобы соединить то и другое на предлежащем мне служении Церкви, положил обет посвятить жизнь свою монашескому званию».

С разрешения академического и высшего духовного начальства 15 февраля 1841 года он принял постриг с именем Феофан. Чин пострижения совершен был в Святодуховской церкви Киево-Братского монастыря ректором академии архимандритом Иеремией (впоследствии архиепископ Нижегородский). В апреле 1841 года инок Феофан Иеремией (в то время уже епископом Чигиринским, викарием Киевского митрополита) в большом Успенском соборе Киево-Печерской Лавры рукоположен был в иеродиакона, а 1 июля — в иеромонаха.

Иеромонах Феофан продолжал учебу в академии. Он успешно сдал выпускные экзамены, а курсовое сочинение на тему «Обозрение подзаконной религии» академическим ученым советом в числе лучших было отослано в Синод на рассмотрение. Даровитость и трудолюбие

отца Феофана отметил постоянный член Синода митрополит Московский Филарет (Дроздов, память 19 ноября).

В 1841 году иеромонах Феофан в числе первых закончил академию со степенью магистра. Началась его служебная деятельность на учебно-воспитательном поприще. 27 августа 1841 года иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софиевского духовного училища, которое находилось под непосредственным наблюдением Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова). Но недолго трудился отец Феофан в Киевском училище: 7 декабря 1842 года он был назначен инспектором Новгородской семинарии. Три года иеромонах Феофан был в Новгороде. За это короткое время он успел проявить себя как талантливый воспитатель и прекрасный преподаватель психологии и логики.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и незаурядные умственные способности иеромонаха Феофана, и потому 13 декабря 1844 года он был переведен в Петербургскую духовную академию на должность бакалавра по кафедре нравственного и пастырского богословия.

Сознавая великую ответственность перед Богом в деле духовного воспитания юношества, отец Феофан стремился действовать на будущих пастырей большой добротой, любовью и кротостью. «Воспитатель, — писал он, — должен пройти все степени христианского совершенства, чтоб впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых». К преподаваемым предметам иеромонах Феофан относился с большим вниманием. Оставив философско-умозрительные методы работы, молодой богослов опирался на опыт аскетический и психологический. Главными — после Священного Писания и творений святых отцов — источниками его лекций были жития святых и психология.

1 февраля 1845 года отец Феофан был назначен помощником инспектора академии, а с 20 мая по 4 августа 1846 года он исполнял обязанности инспектора. За ревностное исполнение этих обязанностей, засвидетельствованное академическим начальством, иеромонах Феофан был во второй раз удостоен благословения Святейшего Синода, а 25 мая 1846 года — и звания соборного иеромонаха Александро-Невской Лавры.

Иеромонах Феофан был глубоко предан делу христианского воспитания, однако его влекла уединенная монашеская жизнь. Вскоре представился случай к удовлетворению духовных устремлений отца Феофана. 21 августа 1847 года по собственному желанию он был назначен членом Духовной миссии в Иерусалиме.

Во главе Русской Духовной миссии стоял архимандрит Порфирий (Успенский), прекрасный знаток Востока, известный церковный археолог. Кроме иеромонаха Феофана сотрудниками миссии состояли два студента, окончившие Петербургскую семинарию, Н. Крылов и П. Соловьев. 14 октября 1847 года миссия отбыла из Петербурга в Палестину. Шестилетнее пребывание на Востоке имело для иеромонаха Феофана большое духовное и нравственное значение. Посещая древние обители, он неутомимо изучал писания святых отцов по древним рукописям, знакомился с уставом и житиями древних подвижников восточных обителей и святой Афонской горы. Молодой аскет вошел в тесную духовную связь с афонскими старцами, которые оказали благотворное влияние на направление его духовной жизни и впоследствии способствовали изданию его сочинений. Здесь, на Востоке, отец Феофан основательно изучил греческий и французский языки, познакомился с еврейским и арабским.

В 1853 году началась Крымская война, 3 мая 1854 года члены Русской Духовной миссии были отозваны из Иерусалима в Россию. За свои труды в миссии иеромонах Феофан был возведен 4 апреля 1855 года в сан архимандрита и 12 апреля назначен в Петербургскую духовную академию бакалавром по кафедре канонического права, а через полгода — на должность ректора Олонецкой духовной семинарии. Олонецкая духовная семинария в это время была еще совершенно не устроена, даже не имела своего здания. Архимандрит Феофан занимается организацией строительства здания для семинарии. Однако главной заботой отца Феофана было воспитание учащихся Олонецкой семинарии.

Помимо семинарии на архимандрита Феофана были возложены многие дела по епархии из-за отсутствия Олонецкого архиепископа Аркадия, который был вызван в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. 17 октября 1855 года отец Феофан определен членом Олонецкой Духовной консистории. Архимандрит Феофан заботился об улучшении проповеднической деятельности приходского духовенства и выработал целый ряд мер борьбы с расколом, который утвердился в тех краях в форме даниловщины, филипповщины, аристовщины и странничества.

В 1856 году архимандрит Феофан был назначен на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе, что было обусловлено тем, что он был хорошо знаком с православным Востоком и вполне подготовлен к этой должности. Константинопольская Церковь в это время переживала большие трудности в связи с распрей греков с болгарами. Русское правительство и Святейший Синод, заинтересованные в скорейшем ее прекращении, поручили архимандриту Феофану собрать сведения, касающиеся греко-болгарской распри. 9 марта 1857 года отец Феофан представил отчет, который имел большое значение при обсуждении этого вопроса Святейшим Синодом Русской Православной Церкви. Своей симпатией к болгарскому народу, сочувствием к его законным требованиям, своим искренним желанием помочь отец Феофан снискал себе большую любовь среди болгар. Озабоченный сложной ситуацией в Болгарской Церкви, архимандрит Феофан не забывал и о благе Константинопольской Церкви. Он близко познакомился с внутренней жизнью константинопольского патриархата, с состоянием Синода, положением патриарха, епископов, священников, содержанием церквей и духовенства, и ему открылась бедственная картина. Обо всем этом отец Феофан писал в своем отчете, взывая о помощи к «великодушной» России, которой «не следует оставлять своей матери по вере в этом беспомощном состоянии».

Во время своего пребывания в Константинополе архимандрит Феофан заботился и о русских, которые здесь жили, и предложил русскому правительству устроить в Константинополе госпиталь для русских матросов и паломников и просил также устроить «братство с церковью».

Во время пребывания за границей отец Феофан еще более укрепил знание греческого языка, которое он применил в последующих трудах. На православном Востоке он собрал много драгоценных жемчужин святоотеческой, главным образом, аскетической литературы.

13 июня 1857 года указом Святейшего Синода архимандрит Феофан назначается на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии, которую возглавлял два года. Как ректор архимандрит Феофан посещал лекции профессоров, присутствовал на экзаменах, следил за всем ходом учебного дела в академии. Особое внимание он обращал на воспитательную работу. На посту ректора Санкт-Петербургской духовной академии отец Феофан усиленно занимался также редакторской и богословской работой. Свои сочинения он публиковал главным образом в академическом журнале «Христианское чтение», который выходил тогда под его наблюдением. Время ректорства архимандрита

Феофана совпало с празднованием 50-летия открытия Петербургской духовной академии. Юбилейное празднование состоялось 17 февраля 1859 года. Святейший Синод наградил отца Феофана орденом святого князя Владимира III степени.

29 мая 1859 года состоялось наречение отца Феофана во епископа Тамбовского и Шацкого. В речи при наречении во епископа архимандрит Феофан сравнивал свою жизнь и разнообразную деятельность с шаром, без грохота и шума катящимся туда и сюда, по направлению сообщаемых ему ударов. В этом же слове он поведал, что не чуждо было бы тайным желаниям сердца, если бы на его долю выпало такое место, где бы он свободно мог предаться занятиям по сердцу.

1 июня митрополитом Григорием с собором епископов в Троицком соборе Александро-Невской Лавры была совершена его хиротония.

Служение преосвященного Феофана в Тамбовской епархии продолжалось только четыре года. Но за это время он необыкновенной кротостью своего характера, редкой деликатностью и участливым вниманием к нуждам пасомых успел снискать всеобщую и самую искреннюю любовь. Святитель Феофан проявил себя ревностным служителем во всех сферах церковной жизни. Много забот и трудов пришлось понести владыке при управлении Тамбовской епархией.

Епископ Феофан проявил себя ревностным проповедником. Почти каждое богослужение он сопровождал проповедью, и слово его, шедшее от сердца и дышавшее глубоким убеждением, привлекало многочисленных слушателей. Плодом его ревностного проповедания явился выпуск двух томов его слов к тамбовской пастве (всего 109 слов). Глубокое знание всех движений сердца человеческого и его духовных потребностей, опытное знакомство с духовной жизнью, обширные познания в области и Священного Писания, и творений святоотеческих, и наук естественных, исторических и других и иные высокие достоинства отличают слова преосвященного Феофана к тамбовской пастве, при необыкновенной ясности, живости и простоте изложения чрезвычайно сильное производившие впечатление на слушателей. Святитель Феофан заботился и о внешнем благоустройстве духовно-учебных заведений, побудил начальство Тамбовской семинарии произвести капитальный ремонт семинарского храма. В целях подъема народного образования при содействии преосвященного Феофана было открыто много церковно-приходских училищ, воскресных школ и частных школ грамотности, а также открыто шестилетнее женское епархиальное училище.

Епископ Феофан в то же время заботился о повышении образования и самого духовенства. По его ходатайству перед Святейшим Синодом с 1 июля 1861 года стали выходить «Тамбовские епархиальные ведомости».

В дни скорби и мира он был любвеобильным отцом для всех. При своих многочисленных и разнообразных делах и заботах по управлению Тамбовской епархией святитель Феофан находил время и для ученолитературной деятельности. К этому времени относится его богословский труд «Письма о христианской жизни», который заключает в себе целую систему христианского нравственного учения.

Во время одной из поездок с целью обозрения храмов и монастырей своей епархии святитель Феофан посетил Вышенскую пустынь, которая понравилась ему строгим иноческим уставом и красотой местности. Назначая туда настоятелем эконома архиерейского дома игумена Аркадия, владыка на прощание сказал ему пророчески: «Поезжайте, отец игумен, туда, а там, Бог даст, и я к вам приду». В 1861 году епископ Феофан пережил большую радость. По решению Святейшего Синода он принимал участие в торжестве открытия мощей святителя Тихона Задонского. Это событие произвело большое впечатление на Тамбовского архипастыря и послужило как бы особым благодатным освящением его собственного служения.

22 июля 1863 года преосвященный Феофан был перемещен на Владимирскую кафедру.

Непродолжительно было служение епископа Феофана и во Владимире, но и здесь он проявил себя ревностным архипастырем и успел заслужить всеобщее уважение и любовь. Первым предметом попечения заботливого архипастыря Владимирской епархии было спасение пасомых через назидание, посредством проповеди слова Божия. Епископ Феофан предпринимал поездки в раскольнические центры епархии, где произнес целый ряд проповедей, а в конце 1865 года открыл в селе Мстере Вязниковского уезда Богоявленское православное братство.

Однако предметом самых усердных забот епископа Феофана явились церковно-приходские школы и духовно-учебные заведения епархии. Он закончил начатую его предшественником постройку общежития для учеников Владимирской духовной семинарии, открыл училище для девиц духовного звания. С начала 1865 года по ходатайству святителя Феофана стали выходить «Владимирские епархиальные ведомости». За усердную и плодотворную архипастырскую деятельность во благо

Церкви преосвященный Феофан был награжден орденом святой Анны II степени (17 апреля 1857 г.) и святой Анны I степени (19 апреля 1864 г.).

После двадцатипятилетнего служения Церкви на различных поприщах преосвященный Феофан нашел благовременным осуществить свое всегдашнее стремление. Посоветовавшись со своим давним духовным руководителем митрополитом Исидором, он подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. Ходатайство владыки было удовлетворено, и он 17 июля 1866 года был освобожден от управления епархией и назначен настоятелем Вышенской пустыни, где повел свою жизнь как ученый инок.

Но не возможностью покоя влекли к себе сердце владыки тихие монастырские стены. «Я ищу покоя, — писал епископ Феофан митрополиту Исидору, — чтобы покойнее предаться занятиям желаемым, с тем непременным намерением, чтобы был и плод трудов, и полезный и нужный для Церкви Божией».

Суетная должность настоятеля нарушала внутренний покой владыки Феофана, и он скоро подает новое прошение об освобождении его от этой должности. Святейший Синод удовлетворил его просьбу. Долгожданное уединение, к которому так настойчиво стремился святитель, наконец пришло по милости Божией. Об этом времени святитель говорил: «Выши своей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили бы на него... Вышу можно променять только на Царство Небесное».

В первые шесть лет своего пребывания в Вышенской пустыни преосвященный Феофан не уединялся окончательно. Вместе с иноками обители он ходил ко всем церковным службам, а в воскресные и праздничные дни сам совершал Литургию в сослужении братии. Внешняя обстановка вполне соответствовала духовным потребностям подвижника-святителя. Он охотно принимал посетителей — родных и почитателей, искавших его духовных советов, вразумлений и наставлений, выходил из келлии на прогулку. Святитель Феофан в начале своего пребывания в Вышенской пустыни испытывал борьбу с помыслами, которые внушали ему сожаление о раннем оставлении кафедры.

В 1872 году духовное начальство предлагало ему снова принять управление епархией, даже Московской, а потом в этом же году предлагало ему заседать в судном отделении Святейшего Синода.

В 1879 году святителя Феофана через Святейший Синод приглашал в Японию отец Николай (Касаткин), будущий равноапостольный просветитель Японии (память 3 февраля). Но епископ Феофан отказался от этих приглашений. После пасхальных дней 1872 года он начал вести затворническую жизнь. Он прекратил всякие сношения с людьми, перестал ходить в монастырский храм на богослужение и затворился в отдельном флигеле. С этого времени он принимал только настоятеля пустыни, духовника игумена Тихона и келейника отца Евлампия. К этому времени епископ Феофан устроил в своих келлиях малую церковь во имя Крещения Господня, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет ежедневно.

В богослужении и молитве, в подвигах телесных и духовных проходила большая часть затворнической жизни архипастыря. В свободное от духовных подвигов время он занимался учено-литературными богословскими трудами, писал множество писем к разным лицам, обращавшимся к нему с недоуменными вопросами, с просьбами о помощи и наставлениях. Уйдя из мира и почти не встречаясь с людьми, епископ-затворник интересовался жизнью Церкви и своей родины. Он выписывал много журналов. В кабинете у него была огромная библиотека. При написании своих произведений святитель использовал обширную литературу на русском и иностранных языках.

В подвиге духовнолитературного творчества святитель Феофан видел великое служение Церкви Божией. Об этом он говорит в одном из своих писем: «Писать — это служба Церкви нужная». Весьма разнообразны предметы и содержание творений Вышенского затворника. Почти ни одна деталь духовной жизни не ускользнула от его глубокого, внимательного наблюдения. Но главной темой всех его многочисленных произведений является спасение во Христе. Один перечень этих творений вызывает благоговение.

Основой для его богомудрых писаний служили почти исключительно творения восточных церковных учителей и аскетов. Учение епископа Феофана во многом родственно учению старца Паисия Величковского. Это особенно заметно в раскрытии тем о старчестве, умном делании и молитве. Как выдающийся знаток аскетической письменности, преосвященный Феофан не только отразил ее особенности в своих творениях, но и воплотил в своей жизни, проверив истинность святоотеческих аскетических предпосылок собственным духовным опытом. По содержанию его сочинения распадаются на три отдела: нравоучительный,

истолковательный и переводный. Особенно большую ценность для богословской науки представляют многочисленные труды святителя по христианской нравственности. В своих нравоучительных произведениях преосвященный Феофан изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. В сочинениях святителя Феофана излагаются основы святоотеческой психологии. Всесторонне образованный архипастырь-учитель проник в сокровенные тайники человеческой души. В своих сочинениях он сумел сочетать глубину психологического анализа и богословия с простотой изложения. Обозревая душевные и духовные способности человека, преосвященный Феофан глубоко проникает в его внутренний мир. Это проникновение является следствием тщательного самонаблюдения и большого духовного опыта святителя.

Среди творений епископа Феофана почти не встречается трудов специально догматического характера, но поскольку нравственное учение христианства стоит в неразрывной связи с христианскими догматами, то в разных местах его трудов можно увидеть раскрытие и догматического учения. Догматический элемент в творениях святителя особенно важен потому, что разъяснения автора касаются высочайших и труднейших пунктов христианской догматики. Одним из важнейших дел жизненного подвига преосвященного Феофана являются его замечательные труды по изъяснению Слова Божия, которые представляют собой ценный вклад в русскую библеистику. В тесной связи со всеми трудами епископа Феофана в области богословия стоит его переводческая деятельность. Свою духовную опытность он почерпал не только из личных внутренних переживаний, но и из аскетической письменности, которой всегда особенно интересовался. Важнейшей из переводных работ святителя является «Добротолюбие», главный предмет которого составляют писания о духовной жизни основателей и великих учителей христианского аскетизма. Особый вид литературных трудов преосвященного Феофана представляют его многочисленные письма, которыми он обменивался со всеми, кто просил его советов, поддержки и одобрения, начиная с сановников и кончая простолюдинами. Искренность и любовь к людям святитель сохранил до своей блаженной кончины. Все Духовные академии Русской Православной Церкви избрали святителя Феофана своим почетным членом, а Санкт-Петербургская присвоила ему в 1890 году звание доктора богословия за многополезные богословские сочинения.

6 января 1894 года, в день престольного праздника своего келейного храма Крещения Господня, около четырех часов дня, епископ Феофан мирно скончался.

Отпевание почившего епископа-затворника было совершено 11 января епископом Тамбовским Иеронимом (Экземплярским) при огромном стечении духовенства и народа. Погребение состоялось в Казанском соборе Вышенской пустыни во Владимирском приделе. На Поместном соборе Русской Православной Церкви 6–8 июня 1988 года епископ Феофан Затворник канонизирован как подвижник веры и благочестия, оказавший глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества.

Память святителя Феофана Затворника Вышенского совершается 10 января.

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
преподобные схимонах КИРИЛЛ и схимонахиня МАРИЯ, родители преподобного Сергия Радонежского

В четырех верстах от древнего Ростова Великого уединенно расположилась небольшая обитель во имя Святой Троицы — Варницкий монастырь. Благочестивые наши предки построили его, чтобы увековечить в памяти грядущих поколений родину великого подвижника земли Русской — преподобного Сергия Радонежского. Здесь было поместье знатных и благородных ростовских бояр Кирилла и Марии. Тут они и жили, предпочитая уединение среди сельской природы суете жизни княжеского двора. Впрочем, Кирилл состоял на службе у ростовских князей, был очень близок к ним и не раз сопровождал их в Золотую Орду. Он владел достаточным по своему положению состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, не пренебрегал и обычными сельскими трудами.

Кирилл и Мария были люди добрые и благочестивые. Праведность их была известна не только Богу, но и людям. Строгие блюстители всех церковных уставов, они помогали бедным.

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына — будущего основателя Свято-Троицкой Лавры, преподобного Сергия.

Задолго до рождения сего младенца Промысл Божий уже дал о нем знамение как о великом избраннике Божием и святой отрасли благословенного корня. «И совершилось некое чудо до его рождения, — сообщает преподобный Епифаний Премудрый. — Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды — дело было в воскресенье — мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой Литургии. Но стояла с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика — преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем как начали петь Херувимскую песнь, внезапно младенец начал вторично кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что во всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: "Что же будет с этим младенцем?" Когда же иерей возгласил: "Вонмем, Святая святым!" — младенец снова, в третий раз, громко закричал». Всегда преданные воле Божией и внимательные к путям Провидения, Кирилл и Мария восприняли это как предуказание Промысла Божия.

После такого происшествия мать сделалась необыкновенно внимательна к своему духовному состоянию. Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святого Духа, Мария тщательно соблюдала душу и тело в чистоте, строгом во всем воздержании.

Праведная Мария вместе с мужем дала обещание, если родится мальчик, принести его в церковь и отдать Благодетелю всех Богу.

3 мая 1314 года боярину Кириллу и жене его Марии Бог дал сына. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним крещение. Благоговейный иерей по имени Михаил нарек имя младенцу Варфоломей и, благословив дитя и его родителей, сказал: «Не скорбите о нем, но, напротив, радуйтесь и веселитесь, ибо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы».

Мария стала замечать в младенце нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясной пищей, младенец не брал сосцов ее. То же повторялось по средам и пятницам. Мария стала еще строже соблюдать пост и совсем оставила мясную пищу.

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Вместе с Варфоломеем учились и два брата его: старший — Стефан и младший — Петр. Братья учились успешно, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, родители уговаривали. Однажды Варфоломей был послан отцом в поле искать лошадей. В поле он увидел незнакомого святолепного старца и сказал ему, что желает научиться грамоте. Старец сотворил прилежную молитву, затем вынул из кармана небольшой ковчежец и подал Варфоломею частицу просфоры, после вкушения которой отрок получил способность к учению. По просьбе Варфоломея «чудный старец» посетил его дом и благословил родителей, Кирилла и Марию. С этого времени Варфоломей без затруднения стал читать книги и понимать все написанное в них.

Отрок под руководством своих родителей возрастал годами, исполнялся разумом и добродетелью. Сердце его горело любовью к Богу, он находил высшее наслаждение в молитвенной беседе с Богом, поэтому он постоянно посещал храм Божий.

Но не в Ростовской земле суждено было Промыслом Божиим воссиять сему благодатному светильнику, а среди дремучих лесов Радонежских. Когда Варфоломею было около пятнадцати лет, родители его из Ростовского княжества переселились в Московское, в город Радонеж.

Согласно благочестивому обычаю принимать иночество под старость, Кирилл и Мария в конце своей жизни приняли сначала иноческий постриг, а потом и схиму в Хотьковском Покровском монастыре, который располагался в трех верстах от Радонежа и был в то время одновременно мужским и женским. Утружденные болезнями, скорбями и старостью, схимники в 1337 году с миром отошли ко Господу.

Перед своей блаженной кончиной они благословили Варфоломея на иноческий подвиг иконами Божией Матери Одигитрии и святителя Николая Чудотворца.

Отдавая последний долг сыновней любви, Варфоломей неотлучно провел в Хотьковском монастыре сорок дней, поминая новопреставленных родителей и раздавая милостыню нищим. Затем, предоставив

наследство, оставшееся после родителей младшему брату Петру, поспешил на подвиги в удаленное от жилищ человеческих пустынное место и, подражая древним подвижникам, построил здесь себе келлию и часовню. Здесь Варфоломей был пострижен в монашество с именем Сергий и прославился как основатель Свято-Троицкой Лавры.

Мощи преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии неизменно находились в Покровском соборе, даже после его многочисленных реконструкций и постройки нового храма на месте древнего. Около мощей читали неусыпаемую Псалтирь и служили панихиды.

В трудное для русского народа и святой Церкви время не раз проявлялось ходатайство пред Богом за своих земных собратий преподобного Сергия Радонежского и его родителей — схимонаха Кирилла и схимонахини Марии.

Так, например, в 1770–1771 годах Россию постигло одно из величайших народных бедствий. Страшная болезнь — моровая язва — губила население разных городов и сел нашего отечества и, достигнув Москвы, истребила здесь множество народа.

В Хотьковском Покровском монастыре молитва родителям преподобного Сергия постоянно читалась и переписывалась. Она была «составлена в 1771 году во время смертоносной язвы для чтения на "Славах"» в неусыпаемой Псалтири при гробе святых родителей преподобного Сергия чудотворца, схимонаха Кирилла и схимонахини Марии.

Читалась она с августа до декабря месяца. И молитвами утодников Божиих от оной язвы избавлена вся обитель. И от иных стран с верою приходящие к ним для моления во время моровой язвы служили молебны Тихвинской Богоматери, прилагая молитву сию преподобным». Упоминаемая в этой записи святыня Хотьковского монастыря — чудотворный список Тихвинской иконы Богоматери — находилась в трапезной Покровского собора, возле гробов родителей преподобного Сергия.

Во время эпидемии холеры в 1848 году Тихвинскую икону с молебным пением обносили по всем келлиям, и ни одна из сестер не подверглась болезни. С конца мая до октября в Хотьково во множестве стекался народ из окрестных деревень помолиться пред иконой Богоматери. Перед нею постоянно совершались молебные пения и всенощные бдения, заканчивавшиеся панихидой по родителям преподобного Сергия.

Монастырская летопись сохранила рассказ о третьем (после 1771 и 1848 гг.) избавлении обители от холеры покровительством Матери Божией и молитвами преподобного Сергия и его родителей.

В 1871 году совершался крестный ход из Лавры с иконой преподобного Сергия, написанной на его гробовой доске. В конце мая образ носили по окрестностям на особых носилках; вторично икона была изнесена из Лавры в конце июля. «Наша обитель, — рассказывает в летописи хотьковский священник Вознесенский, — в оба посещения его (образа преподобного Сергия. — *Изд.*) удостоилась с иконами и хоругвиями при сонме всех монашествующих и обитательниц монастыря встретить его, сопровождаемого многочисленным народом... Обитель наша была избавлена, как и в прежнюю холеру, от эпидемии заступлением Пресвятой Богородицы, преподобного Сергия и родителей его». В том же году прекратился в окрестностях падеж лошадей, постигший ближайшие селения одновременно с холерой.

Сила заступничества преподобного Сергия и его родителей проявилась и в чудесных событиях, происходивших у мощей схимонаха Кирилла и схимонахини Марии.

«Церковная летопись Покровского Хотькова девичьего монастыря» приводит свидетельства о том, как молитвенное обращение к преподобному Сергию и его родителям спасало людей от тяжких недугов. Хотьковский протоиерей Алексий Лебедев повествует об одном из таких чудесных исцелений. Дочь крестьянина Алатырского уезда Симбирской губернии Татьяна Ивановна страдала тяжелой болезнью после падения в детстве в реку. Она болела двенадцать лет. В 1868 году, под Светлое Христово Воскресение, ее жестоко обидел брат, приказав вынести больную на праздник в скотное помещение по причине зловония, исходящего от язв на ее теле. Когда она со слезами на глазах заснула, «ей представилось, что пред ней стоит седенький старичок в мантии с согбенной головой и говорит ей: “Не плачь, не скорби и не ропщи, а благодари и молись Богу и призывай преподобного Сергия и Кирилла и Марию”; и, благословив ее, он стал невидим». С этого момента началось ее исцеление. Едва девица стала ходить, она по совету добрых людей пошла на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру и в Хотьковский Покровский монастырь. В Хотькове она приложилась к мощам преподобных Кирилла и Марии и получила полное исцеление. Она осталась в монастыре навсегда и была всю жизнь совершенно здорова, только быстро уставала при тяжелой работе. Многочисленные чудеса у мощей родителей преподобного Сергия Радонежского совершались и в последующие времена. По словам профессора Московской духовной академии архимандрита Матфея (Мармыля), «на гробнице преподобных

Кирилла и Марии, находящейся в Хотьковском Покровском монастыре, засвидетельствованы многочисленные исцеления младенцев, родители которых обращались к святым с молитвой».

Почитание родителей преподобного Сергия, схимонаха Кирилла и схимонахини Марии непосредственно связано с Троице-Сергиевой Лаврой. «Свидетельства церковного предания об их святости многочисленны, они восходят еще к XV веку. Уже в лицевом житии преподобного Сергия родители его изображены с нимбами».

Предание говорит, что преподобный Сергий дал заповедь — «прежде чем идти к нему, помолиться об упокоении его родителей над их гробом». Нередко те, кто предпринимал путешествие для богомолья в Троицкую Лавру, святым долгом считали посещение Хотьковского Покровского монастыря, чтобы поклониться гробницам его родителей.

В XIX веке почитание схимонаха Кирилла и схимонахини Марии распространилось по всей России. В сознании нашего народа было зримым и ощутимым духовное общение великого угодника Божия с его праведными родителями — смиренными схимниками, которых он похоронил в Хотьковской обители и «на могилку которых, по преданию народному, нередко хаживал при своей жизни из своей пустынной тогда обители».

Имена схимонаха Кирилла и схимонахини Марии были занесены в списки местночтимых святых подвижников благочестия северо-восточной Руси.

10 июля 1981 года, по благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена, было установлено празднование Собора Радонежских святых, в сонме которых прославлены схимонах Кирилл и схимонахиня Мария.

В 1989 году Покровский храм был возвращен верующим. Возобновилась литургическая жизнь храма, и вновь зажжена свеча преподобному Сергию и его благочестивым родителям, служатся молебны у их мощей и после каждой службы звучит молитва родителям преподобного Сергия Радонежского.

Прославление преподобных для общецерковного почитания совершилось в 1992 году.

Празднование памяти родителей преподобного Сергия совершается Русской Православной Церковью 18 января и 28 сентября — в дни их блаженной кончины — и 6 июля — в день празднования Собора Радонежских святых.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
блаженная
КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Святая блаженная Ксения родилась между 1719 и 1730 годами, свой спасительный подвиг она несла в Петербурге. О детстве и юности блаженной ничего не известно, память народная сохранила лишь то, что связано с началом подвига юродства Ксении: это была внезапная смерть мужа, умершего без христианского приготовления, Андрея Феодоровича Петрова, служившего в звании полковника певчим придворного хора.

Потрясенная этим страшным событием, 26-летняя вдова решила начать труднейший христианский подвиг — казаться безумною, дабы, принеся в жертву Богу самое ценное, что есть у человека — разум, умолить Создателя о помиловании внезапно скончавшегося супруга Андрея. Во спасение своего мужа Ксения отказалась от всех благ мира, отреклась от звания и богатства и, более того, от себя самой: она оставила свое имя и, приняв имя супруга, прошла так весь свой жизненный путь. В день похорон мужа блаженная надела его одежду: камзол, кафтан, штаны и картуз — и пошла провожать гроб супруга. Родственники мужа и знакомые Ксении думали, что смерть Андрея Феодоровича внезапным горем помрачила сознание молодой вдовы. «Не зовите меня больше Ксенией, но зовите меня Андреем Феодоровичем», — с такими словами Ксения стала скитаться по улицам Петербурга, сообщая всем, знавшим ее, что «Ксеньюшка моя скончалась и мирно почивает на кладбище, аз же грешный весь тут».

Овдовевшей Ксении отошло имущество Андрея Феодоровича — дом, который он имел в приходе церкви апостола Матфея на Петербургской стороне. Часть этого дома снимала одна благочестивая христианка Параскева Антонова, хорошо знавшая Ксению и давно бывшая с нею в дружбе. Утешая после похорон «помрачившуюся умом» вдову, Параскева в причитаниях спросила: «Как же ты будешь жить теперь, матушка?» На это начавшая свой подвиг юродства Ксения ответила: «Да что, ведь я похоронил свою Ксеньюшку, и мне теперь больше ничего не нужно. Дом я подарю тебе, только ты бедных даром жить пускай; вещи сегодня же раздам все, а деньги в церковь снесу».

Тогда Параскева Антонова стала упрашивать Ксению не делать этого, но Ксения твердо отвечала: «Господь питает птиц небесных, а я не хуже птицы. Пусть воля Его будет».

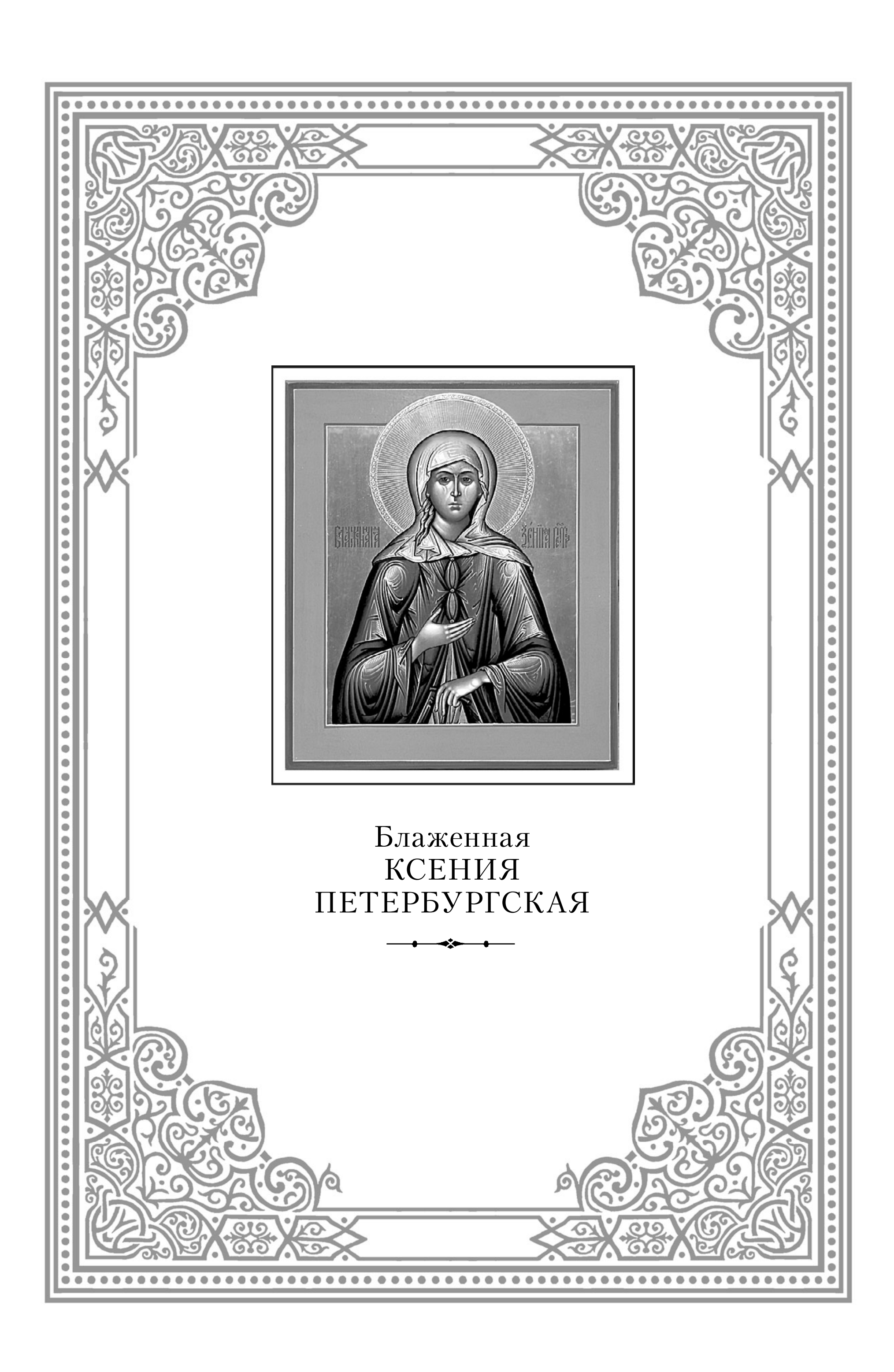
Услышав о таком решении, Параскева из жалости к «повредившейся умом» вдове обратилась к родственникам ее покойного мужа с просьбой отвратить Ксению от такого неразумного поступка. Родные Андрея Феодоровича подали прошение начальству умершего, чтобы оно не позволяло Ксении в безумстве раздавать свое имущество. Ксения была вызвана на обследование, в заключении которого было признано, что она совершенно здорова и имеет право распоряжаться своим имуществом.

После этого блаженная Ксения раздала все, принадлежавшее ей, и в одном мужнином костюме вышла на улицу на свое подвижническое странствие. Теперь какого-либо определенного местожительства Ксения не имела. В странном своем одеянии она целыми днями бродила по Петербургской стороне, по преимуществу в районе прихода церкви святого апостола Матфея. Встречающимся знакомым и обращающимся к ней по имени она с досадой говорила: «Ну какое вам дело до покойницы Ксении, она вам ничего худого не сделала».

Через некоторое время все могли убедиться в безумстве молодой вдовы: ее странный костюм и невразумительные разговоры, ее кротость и незлобие давали повод злым людям и в особенности шалунам мальчишкам глумиться над блаженной. Целыми днями она скиталась по улицам Петербурга; зимой и летом, в зной и стужу подвергаясь всяким нападкам и насмешкам, она, непрестанно молясь, безропотно несла свой спасительный подвиг.

В это время началось строительство новой каменной церкви на Смоленском кладбище. Воздвигнутое строение было уже весьма высоким, так что каменщикам приходилось сначала поднимать кирпич на леса, а потом возводить кладку. Тогда блаженная Ксения решила тайно, по ночам, помогать строителям. Она целыми ночами поднимала кирпич и складывала на лесах. Наутро приходили рабочие и очень удивлялись случившемуся.

Мало-помалу к таким странностям блаженной привыкли, многие стали считать, что от помрачившейся умом можно ожидать чего угодно, однако некоторые, наиболее чуткие христиане, стали замечать, что Ксения не простая глупая побирушка. Милостыню, которую ей предлагали, она брала не у каждого, но только у людей доброго сердечного

Блаженная КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

расположения. Всегда брала только копейку и тут же отдавала ее таким же бедным и нищим, как и она сама.

После того как мужнин камзол и кафтан истлели, Ксения стала одеваться зимой и летом в жалкие лохмотья, а на босых ногах, распухших от мороза, носила рваные башмаки. Многие христиане предлагали Ксении теплую одежду, обувь, милостыню. Блаженная ничего не соглашалась взять, но неизменно одевалась либо в красную кофточку и зеленую юбку, либо в зеленую кофту и красную юбку. Это были цвета одежды покойного Андрея Феодоровича.

Днем Ксения, как безумная, бродила по городу, а на ночь укрывалась от глаз людских, выходя за город, в поле, и там пребывала в молитве. Так ее однажды и застали обеспокоенные ночными исчезновениями Ксении горожане.

Только в редких случаях оставалась Ксения на ночлег у знавших ее благочестивых людей — Параскевы Антоновой, Евдокии Гайдуковой и Пелагеи Черпаковой.

Блаженная все обиды и печали сносила безропотно. Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе. Уличные мальчишки, завидя юродивую, стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная безропотно сносила это. Но злые дети не ограничивались одними издевательствами, они стали бросать в нее грязью и камнями. Тогда Ксения бросилась за мальчишками, грозя им своею палкою. После этого случая никто не отваживался обидеть блаженную.

Окружающие блаженную Ксению стали обращать внимание, что в ее словах и поступках часто кроется какой-то глубокий смысл. Замечали, что если Ксения просила чего-либо, это был знак грядущей невзгоды или беды для того, у кого она спрашивала. Если же Ксения подавала кому-либо что-то, это означало, что в скором времени этому человеку будет внезапная радость. Позднее, когда блаженную стали почитать за прозорливицу, стоило ей только появиться на рынках и улицах города, как всякий, знавший ее, предлагал ей свои услуги. Купцы открывали свои лотки и прилавки со всевозможными съестными и прочими товарами. Все наперебой упрашивали «Андрея Феодоровича» взять или отведать что-либо, ибо замечали, что если Ксения брала что-нибудь, у хозяина торговля бывала очень удачной.

Извозчики, завидя блаженную издали, гнали лошадей, прося Ксению проехать с ними хотя бы несколько шагов, ибо это приносило им удачу.

Особый дар блаженной Ксении состоял в устройстве семейного быта христиан. Матери детей были убеждены, что если блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Посему они, завидя Ксению, спешили к ней со своими детьми, прося ее благословить или просто погладить их по голове.

Своим великим смирением, подвигом духовной и телесной нищеты, любви к ближним и молитвою стяжала Ксения благодатный дар прозорливости. Этим своим даром многим она помогала в деле жизненного устройства и душевного спасения. Так, однажды блаженная, зайдя в гости к купчихе Крапивиной, беседовала с хозяйкой и принимала от нее угощения. Жалея молодую купчиху, столь радушно ее принимавшую, и предвидя близкую смерть последней, Ксения пожелала сказать ей о необходимости должного христианского приготовления к смерти. Посему, уходя, она во всеуслышание сказала: «Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет». Все слышавшие это гости Крапивиной не придали словам Ксении должного внимания, однако после внезапной скоропостижной смерти молодой купчихи вспомнили эти слова и весьма были поражены и потрясены.

Известен случай, когда блаженная Ксения заботилась о благе и спасении еще не родившегося младенца. Приходит она как-то к своей давнишней знакомой Параскеве Антоновой, которой подарила свой дом, и говорит: «Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!» Параскева весьма смущенно восприняла эту нелепицу, однако послушалась блаженную и пошла. На одной из улиц Васильевского острова, у самого кладбища, увидела она толпу народа и, подойдя, узнала, что какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину. Здесь же на земле женщина родила мальчика, а сама скончалась. Все пытались узнать, кто эта женщина и где ее родственники, но тщетно. Увидев во всем случившемся перст Божий, Параскева взяла мальчика к себе и, несмотря на усиленные старания найти отца, должна была в конечном счете усыновить младенца. Она взяла его в свой дом, бывший дом блаженной, и воспитала по всей строгости христианской жизни. До глубокой старости содержал он ее и весьма почитал как свою мать. Параскева благодарила Бога и рабу Божию Ксению за ее повеление принять на воспитание сына.

Ксения всегда принимала участие в устроении жизни благочестивых христиан. Она часто бывала в семье Голубевых, состоявшей из матери-вдовы и ее семнадцатилетней дочери. Блаженная Ксения

очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце. Однажды она неожиданно появилась в дверях их дома как раз в тот момент, когда мать и дочь в столовой готовили кофе.

Обратясь к дочери, Ксения сказала: «Эх, красавица, ты тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда!»

Девушка была весьма смущена услышанным. «Как так? — возразила она. — У меня не только мужа, но и жениха-то нет. А тут какой-то муж, да еще жену хоронит?» Но Ксения сердито настаивала: «Иди!»

На кладбище мать с дочерью увидели похоронную процессию. Хоронили молодую жену одного доктора, скончавшуюся при родах. Молодой вдовец безутешно рыдал, а увидев могильный холм над прахом супруги, лишился чувств и свалился на руки едва успевшим подбежать Голубевым. Когда он пришел в себя, мать и дочь как могли старались утешить несчастного. Так состоялось их знакомство. Через некоторое время оно возобновилось, а год спустя доктор сделал дочери Голубевой предложение. Брак их оказался счастливым. Они прожили долгую и благочестивую жизнь, а умирая, заповедали чтить память блаженной прозорливицы и следить за ее могилкой.

Еще при жизни своей блаженная Ксения была многим христианам скорой в бедах помощницей. Как-то раз встретила она одну благочестивую женщину, свою знакомую, и, остановив ее, вручила ей медный пятак с изображением всадника и сказала: «Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет». Ничего более не добавив, она пошла дальше. Обескураженная женщина отправилась домой, недоумевая, что бы могли значить слова Ксении. Едва выйдя на свою улицу, она с ужасом увидела, что в ее доме пожар. Но не успела она даже добежать до поглощаемого пламенем строения, случилось чудо — по милости Божией огонь удалось остановить, людская помощь подоспела вовремя. Тут только поняла женщина, что означали слова блаженной: «Возьми пятак, потухнет!»

Юродивая Ксения в подвиге юродства подвизалась 45 лет; можно утверждать, что блаженная отошла ко Господу в самом начале девятнадцатого века, около 1803 года. Отпевание добровольной страдалицы совершалось в церкви апостола Матфея. Погребена была святая угодница Божия на Смоленском кладбище Петербурга, где в свое время помогала строить церковь в честь иконы Божией Матери, именуемой Смоленская.

Чудеса, творимые блаженной, не прекратились и после ее смерти. Так, в одной семье перед намечавшейся свадьбой невеста и ее мать

отслужили панихиду на могиле блаженной Ксении; свадьба сейчас же расстроилась, так как публично обнаружилось, что жених — преступник и убийца, бежавший с каторги. Некто А. А. Романов был смертельно болен; и вот, супруге его, сидевшей ночью у постели больного, явилась в видении старая женщина, назвавшаяся Ксенией, которая сказала, что муж ее выздоровеет и что будущий их ребенок будет девочкой, а назвать ее следует Ксенией. Все так впоследствии и произошло.

Случалось, что в моменты панихид или молебствий на могиле блаженной Ксении она являлась молящимся в виде старой женщины с посохом в руке. Если видение случалось виновнику бедствий, то вид этой женщины был грозен и повеления непререкаемы. Например, одному человеку, страдавшему сильной приверженностью к винопитию, но за которого молились усердно мать и жена, Ксения явилась в видении и сурово сказала: «Брось пить! Слезы матери и жены твоей затопили могилу мою!»

Со дня кончины блаженной Ксении прошло около двух веков, однако творимые по молитвам сей угодницы чудеса не иссякают и народная память о ней не исчезает.

В первые же годы после ее кончины на могилу блаженной стало стекаться множество людей, которые часто брали после панихиды о ней землю с ее могилки в память о святой. Постепенно весь могильный холм оказался разобран, пришлось насыпать новый, но и этот был разобран. Тогда положили на могилу мраморную плиту; почитателей блаженной и это не остановило — плита разбивалась, и частицы ее разносились во все концы России. Разбирая землю и ломая плиты, почитатели блаженной оставляли на могиле денежные пожертвования, которыми пользовались нищие.

Не прекращались и чудеса от блаженной, которая по-прежнему оставалась помощницей христиан в бедах и болезнях. Благочестивое предание доносит до нас, например, и рассказ о таком случае. В жаркие летние месяцы одна семья, в которой было двое детей, оказалась вдали от родного дома и в весьма тяжелых обстоятельствах. Глава семейства, муж женщины, поведавшей об этом чудесном заступлении блаженной Ксении, опасно заболел. Ему становилось все хуже и хуже, лекарства не помогали, болезнь усугублялась. Через три месяца, когда палящее южное солнце, царившие кругом невыносимая жара и духота совсем подорвали здоровье больного, он уже был не в состоянии даже разжимать губы и принимать пищу. Дни его, казалось, были сочтены. Что произошло дальше, рассказывает его жена.

«Доктор, уходя, как-то странно посмотрел мне в глаза и сказал, что придет завтра утром. Я поняла, что это конец. Я отвела детей к соседям, жившим через два дома от нас. Мне хотелось тишины и молитвы. Жара стояла нестерпимая, удушающая. Я открыла все двери для движения воздуха. Мысли самые отчаянные и горестные одолевали меня. Помимо скорби от потери верного друга, пугало, что останусь одна с малыми детьми. Если б я была сейчас дома, я бы поехала на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, выплакала бы свое горе. Шум калитки прервал мои думы. Кто-то вошел в сад к нам, подумала я. В это время в проеме открытой двери бесшумно появилась странная гостья. Лет ее нельзя было определить, но самым странным был ее наряд. Теплые, мягкие валенки, длинная шуба особого покроя, вся в сборках, а на голове большой белый пуховый платок; концы его были закручены на шее. Так, верно, носили глухой зимой в старину женщины-простолюдинки. Вся она была необыкновенно привлекательна. «Голубка, скажи мне, где живут Пироговы, я ищу их», — сказала она. «Через два дома», — ответила я. «А что, твой-то плох?» — спросила она, указывая на дверь, где лежал больной. Она бесшумно прошла мимо меня к больному. С минуту смотрела на него. «Слушай, голубка! — сказала она, подходя ко мне. — Не печалься! Вчера тут приезжал один важный доктор, такой ученый, что страсть. Он говорил, что больного надо все же кормить каждые полчаса всего лишь понемногу, по две ложечки. Ну, там молока, чаю, кашки, а там уж сама что придумай». «Да он уж третий день губ не разжимает», — ответила я. «Ничего, ничего, ты попробуй! Ну, прощай, мне пора». Она исчезла. На этот раз даже калитка не хлопнула. Я вышла на балкон. Вправо и влево далеко была видна улица, залитая палящим солнцем, но моей зимней гостьи не было видно.

Тут только я поняла всю несообразность ее зимнего наряда при этой нестерпимой жаре.

Я подошла к больному. Муж открыл глаза и чуть слышно попросил пить. Дрожащими руками я поднесла ему чашку чая, еще не решаясь верить, что этот слабый проблеск жизни есть намек на выздоровление.

«Кто подходил ко мне?» — спросил больной. Я не знала, что ответить. «Одна незнакомая женщина», — говорю ему. Муж глубоко вздохнул, точно выдохнул какую-то тяжесть. «Мне легче. Кто подходил ко мне?» — повторил, засыпая.

Вернулись дети. Я спросила их, не видели ли они женщину в шубе и валенках, закутанную в платок. Дети сказали, что никакой женщины не видели и вообще не видали, чтобы кто-нибудь заходил.

Я прошла к мужу с чашкой молока. Он встретил меня со слабой улыбкой на изможденном, исхудалом до неузнаваемости лице. Он отпил полчашки молока и опять спросил меня: «Кто приходил ко мне?» Я ему как могла объяснила появление таинственной гостьи и прибавила, что сейчас пойду к Пироговым и узнаю, кто она, так как она их искала. Я пошла к Пироговым и стала расспрашивать о женщине в валенках и в шубе, которая искала их. К ним, оказалось, никакая зимняя гостья не приходила, и они начали подшучивать и острить надо мною: в эдакой жаре могла прийти в шубе и валенках, верно, какая-нибудь «блаженная».

Когда я вернулась домой, муж уже сидел на кровати, опираясь на подушки. «Ну, что, узнала?» — был его первый вопрос. — «Нет, ничего не узнала, ее там не было». «Так слушай меня, — говорит муж. — Ведь я умирал и сознавал, что умираю. У меня не было сил ни открыть глаза, ни позвать тебя, и силы оставляли меня. Вдруг я почувствовал, что кто-то подошел ко мне, и на меня вдруг повеяла какая-то живительная прохлада. Теперь я знаю, что поправлюсь. Ты молилась; кого же ты звала на помощь?» — «Блаженную Ксению», — сказала я и разрыдалась. Когда мой муж окончательно поправился, он стал наводить справки, какой доктор был проездом в то время. Оказалось, никакой доктор не проезжал и зимней гостьи никто не видел. Я же в душе верю, что блаженная Ксения являлась ко мне на мой зов».

Память блаженной Ксении Петербургской, Христа ради юродивой, совершается 24 января.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
священномученик
ВЛАДИМИР,
митрополит Киевский и Галицкий

Первый из священномучеников русской Церкви в архиерейском сане новейшего времени митрополит Киевский и Галицкий Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский) родился 1 января

1848 года в семье благочестивого священника села Малые Моршки Моршанского уезда Тамбовской губернии.

Начальное и среднее образование получил в Тамбове. На всю жизнь у него осталась благодарность к своим первым наставникам. Митрополит Евлогий (Георгиевский) рассказывал: «Он любил вспоминать детство, идеализировал семинарию, своих учителей...»

Закончив Тамбовскую семинарию, Василий Богоявленский отправляется в Киев, где в 1870 году поступает в Духовную академию.

По окончании академии в 1874 году В. Н. Богоявленский, проявивший замечательные способности и получивший звание кандидата богословия, был рекомендован на кафедру церковнославянского языка и славянских наречий. Ему предстояла заграничная командировка для усовершенствования в знаниях, а затем ученая деятельность. Но Промыслом Божиим ему был приуготовлен более высокий путь служения Церкви и народу. На кафедру был определен В. Н. Малинин, впоследствии выдающийся ученый, а В. Н. Богоявленский получил назначение преподавателем в родную Тамбовскую семинарию.

31 января 1882 года Василий Никифорович был рукоположен во священника и определен к соборной Покровской церкви г. Козлова; вскоре отец Василий становится настоятелем приходской церкви. В том же году он получает набедренник, а в 1883 году назначается благочинным городских церквей города Козлова и награждается скуфьей.

В Козлове проявились богатые духовные задатки и административные способности отца Василия. Здесь он показал себя и как замечательный проповедник, и как ревностный благочинный. Снискав всеобщую любовь, отец Василий, которого постигло тяжелое горе — потеря жены и ребенка, нашел утешение в этой любви и, посвятив себя служению Церкви, принял иночество с именем Владимира. Постриг состоялся 8 февраля 1886 года. А на следующий день иеромонах Владимир был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицкого монастыря в городе Козлове.

Новую свою должность архимандрит Владимир исполнял всего несколько месяцев. В октябре 1886 года он был назначен настоятелем первоклассного Антониева монастыря в Великом Новгороде, а через два с небольшим года — викарием новгородской епархии в сане епископа Старорусского. Хиротония, возглавленная митрополитом Санкт-Петербургским Исидором, состоялась в Александро-Невской лавре 3 июня 1888 года.

В звании новгородского викария преосвященный Владимир оставался около двух с половиной лет, проявляя редкостную отзывчивость на все духовные и материальные нужды паствы и духовенства. Его отличала простота, общедоступность, любовь к церковной уставности и учительности.

С апостольским усердием святитель Владимир проповедовал Слово Божие, подвигая к тому новгородское духовенство. По отзывам присутствовавших на проповедях владыки, «простая, безыскусная форма речи была согрета огнем такой глубокой искренности, что производила изумительное впечатление, неотразимо увлекая слушателей. Неудивительно, что церковь, где проповедовал владыка, была всегда полна».

19 января 1891 года преосвященный Владимир был назначен епископом Самарским. Весьма непродолжительное (менее двух лет) самарское служение отмечено было снискавшими владыке уважение и всеобщую любовь архипастырскими трудами. Он возбудил перед высшей церковной властью ходатайство об открытии миссии для приведения ко Христу еще не вступивших в церковную ограду; учредил в Самаре «Алексеевское религиозно-просветительское братство», которого сам был почетным председателем; открыл в городской думе бесплатные вечерние чтения религиозного содержания; обратил внимание на развитие и правильную постановку катехизических поучений; устраивал для любителей духовного просвещения чтения в залах семинарии. Особо заботился владыка о распространении церковных женских школ для поддержания роли женщины в русской семье.

Много внимания владыка уделял и благолепию церковного богослужения. Любил служить весьма часто, и даже в самых отдаленных самарских храмах. Предписывал через благочинных вводить ревностное соблюдение канонов богослужения и особо церковного пения и чтения.

Благодаря деятельному участию владыки, который изыскивал средства, в Самаре построено было 10 храмов. Он проявлял постоянную попечительскую заботу о лицах духовного звания, особенно о престарелых, немощных и нуждающихся.

В дни бедствий владыка делал все возможное для облегчения положения народа. Когда в Самарской губернии разразился голод, были учреждены епархиальные комитеты, работавшие совместно с губернскими и уездными властями. При монастырях и состоятельных храмах были устроены столовые и чайные; в школах учащихся кормили

бесплатно. Владыка направлял повсюду воззвания о помощи, обращался в Петербург, посылая туда образцы «голодного хлеба».

Когда же вспыхнула холера, владыка проводил богослужения, ободрял болящих и отчаявшихся, содействовал получению населением врачебной помощи, являясь в эти тяжелые времена крепкой нравственной опорой для самарцев.

18 октября 1892 года преосвященный Владимир был назначен экзархом Грузии с возведением в сан архиепископа Карталинского и Кахетинского.

За пять с небольшим лет управления Грузинским экзархатом владыка Владимир вознес на дотоле небывалую высоту духовное просвещение народа. При нем было введено произнесение проповедей за богослужением и проведение внебогослужебных собеседований с паствой; было открыто более трехсот церковно-приходских школ и устроена духовная семинария в Кутаиси; проводилась огромная работа с раскольниками и сектантами, а также с представителями других национальностей и конфессий на предмет привлечения к Православию. Было построено и возобновлено более ста храмов, в том числе много старинных, к этому времени заброшенных.

Большие тяготы испытал владыка Владимир в связи с упадком веры в части грузинского духовенства и всплеском национализма. Но даже сталкиваясь с клеветой и угрозами собственной жизни, он оставался любящим пастырем и неустанным подвижником.

Апогеем архиерейского служения митрополита Владимира стала московская кафедра.

Назначение высокопреосвященного митрополита Владимира в Москву состоялось 21 февраля 1898 года, а 28 марта того же года он вступил в управление епархией.

Здесь, в полном сознании своей ответственности, руководимый идеей возрастания духовной жизни, владыка продолжил свои труды.

Простой в обращении со всеми, но твердый и настойчивый в требованиях и распоряжениях, он в особенности желал, чтобы все столичное духовенство как можно ближе стояло к народу, чаще совершало богослужения и проповедовало. Для усиления и оживления пастырской деятельности митрополит Владимир открывал новые вакансии при столичных приходах и назначал священников. Были введены богослужебные беседы с раздачей религиозно-назидательных брошюр, религиозно-просветительские чтения для народа, для детей бедных, для учащихся

низших и средних школ, специальные чтения для фабричных рабочих в народных домах и публичные богословские чтения для интеллигенции. Владыка учредил четыре должности епархиальных миссионеров, завел специальные миссионерские беседы, открыл многочисленные миссионерские курсы, начало которым положили курсы, основанные в здании Преображенской церковно-приходской школы, куда владыка сам приезжал, чтобы проверить успехи курсистов из числа фабричных рабочих. Он устраивает народно-церковные хоры, создает множество просветительских и благотворительных учреждений: миссионерское братство во имя Воскресения Христова и его отделы в епархии; специальный Московский епархиальный миссионерский совет; братство святителя Алексия при Чудовом монастыре; расширяет деятельность противораскольничьего Братства святителя Петра, открывает ежегодные епархиальные миссионерские курсы для духовенства епархии. Для отражения натиска сектантства владыка учреждает Златоустовский религиозно-философский кружок учащихся и женские богословские курсы. В 1907 году он добивается открытия в Московской духовной академии специальной кафедры истории и обличения сектантства. Такая кафедра была открыта не только в Московской, но и во всех других академиях, что являлось величайшей заслугой перед Церковью митрополита Владимира, деятельность которого стала выходить далеко за пределы Московской епархии.

Всемерно заботясь о народной нравственности, владыка Владимир вел борьбу с пьянством. Московское епархиальное Общество борьбы с пьянством, его многочисленные отделы, его издательская журнальная и прочая деятельность, проведение первого, проходившего под покровом Церкви Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, потребовавшее немалых средств и усилий, — все это происходило по инициативе высокопреосвященного митрополита Владимира и при его личном трудническом и материальном участии.

Митрополит Владимир содействовал открытию благотворительных обществ, богаделен, приютов. Постоянной заботой владыки было единение паствы с пастырями на основах истинной православной церковности. С этой целью он благословил создание Братства святителей Московских. Братство помещалось в обители владыки — Чудовом монастыре — и всегда получало от своего архипастыря любовь и попечение. Духовенство московской епархии получило полную возможность братских собраний для совместного служения Церкви. Для проведения

всей этой сложной и многообразной деятельности, под все эти многочисленные учреждения с их книжными складами, канцеляриями, библиотеками, заседаниями, собраниями требовались помещения. Стараниями владыки в центре Москвы вырастает Епархиальный дом и при нем — прекрасная церковь святого князя Владимира.

Преданный делу апостольского служения и благотворительности, преосвященный Владимир глубоко сознавал значение печатного слова. Он откликался на все насущные вопросы своего времени, касавшиеся государства, общества, семьи, богатых и бедных, труда и капитала, религии и морали, веры и науки, веры и неверия, трезвости, церковной дисциплины. Издавал и распространял бесплатно тысячи брошюр и листков. Особенной любовью всех без различия возраста и образования пользовалось сочинение владыки «Евангелие детства». В то время оно было единственным и весьма ценным пособием по религиозно-нравственному воспитанию детей.

В конце 1911 года владыка основал церковно-общественный журнал «Голос Церкви», способствовавший духовному общению пастырей и паствы и сформировавший большую духовную семью сотрудников и читателей.

По своему положению митрополита Московского владыка принимал участие в заседаниях Святейшего Синода, а по причине болезни его первенствующего члена Петербургского митрополита Антония (Вадковского, 2 ноября 1912 г.) замещал его. После кончины митрополита Антония владыка Владимир был назначен митрополитом Петербургским, ему было присвоено звание и были переданы права первенствующего члена Святейшего Синода.

Три года продолжалось служение владыки на Петербургской (с начала Первой мировой войны — Петроградской) кафедре. В это насыщенное исключительными событиями время архипастырь подвергался ожесточенным нападкам крайне возбужденного общественного мнения. Не только в публичных собраниях, но и в периодической печати главу Всероссийской иерархии обвиняли, с одной стороны, в подчинении церковного служения интересам политики, а с другой, — в том, что он недостаточно решительно и смело осуждает нестроения в церковной и общественной жизни российского государства. Однако именно твердость убеждений и прямолинейность, особенно ярко проявившиеся, когда владыка попытался изложить свое мнение относительно деятельности Распутина, сделала митрополита Владимира неугодным в Петро-

граде, он попал в немилость и в ноябре 1915 года был переведен в Киев и назначен митрополитом на место скончавшегося митрополита Флавиана (Городецкого, 14 ноября 1915 г), с сохранением звания и прав первенствующего члена Святейшего Синода.

22 декабря 1915 года митрополит Владимир вступил в управление Киевской епархией. Но оставался в Киеве недолго. Для участия в заседаниях Святейшего Синода 7 января 1916 года он выехал в Петроград, где находился почти безотлучно, а с открытием в Москве 15 августа 1917 года Всероссийского церковного собора, будучи его почетным председателем, проживал там до самого отъезда в свою епархию в ноябре того же года.

Организованный в это время в Киеве комитет по созыву всеукраинского церковного собора стал как бы «временным правительством» украинской православной церкви. Комитет постановил не допускать митрополита Владимира в Киев. В ответ на действия новоявленного комитета 24 ноября в Киеве состоялось многочисленное собрание союза приходских православных советов. Собрание решительно высказалось против антиканонической попытки создать автокефальную украинскую церковь и признало нежелательным пребывание киевского митрополита вне Киева в такое тревожное время.

После прибытия в Киев митрополит Владимир принял живое участие в подготовке, а затем, будучи почетным председателем, в деяниях Украинского церковного собора, работу которого прервала начавшаяся на Украине гражданская война.

22 января 1918 года большевики начали обстреливать Киев, а к вечеру 23 января овладели Лаврой с варварством и насилием, превзошедшим монгольские при разорении ими Киева и Лавры в 1240 году. Владыка Владимир не покинул обитель и продолжал, оставаясь внешне спокойным, вести обычный образ жизни и даже заниматься литературным трудом.

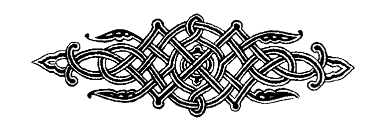
Вечером 25 января пятеро вооруженных солдат во главе с матросом ворвались в покои владыки и, дав ему на сборы немногим больше получаса, вывели митрополита Владимира сначала на лаврский двор, а затем за Экономические ворота Лавры.

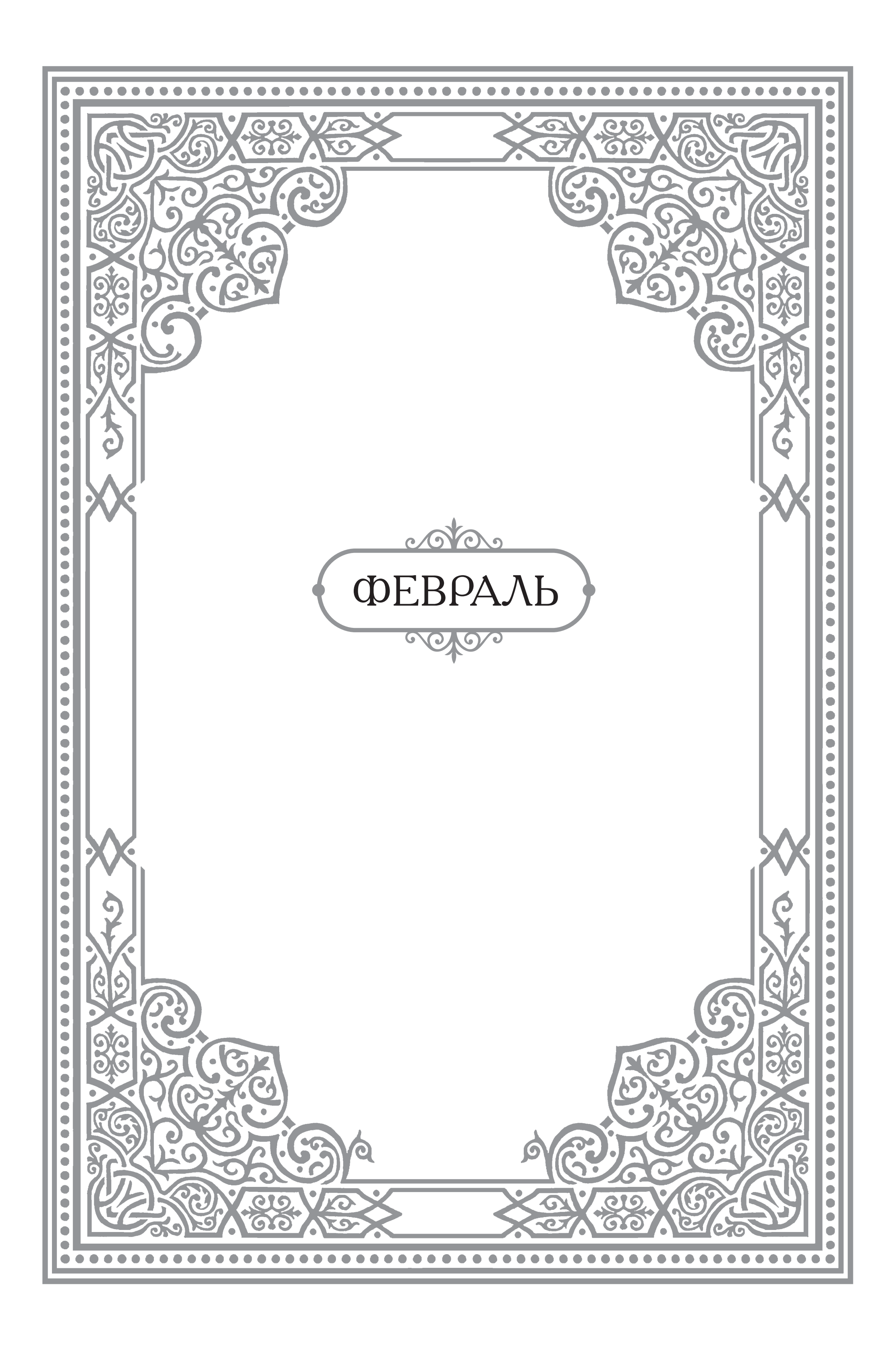
В свою предсмертную минуту в молитве к Господу митрополит просил и о прощении своих убийц. Благословляя их обеими руками, владыка принял мученическую кончину: в акте медицинского осмотра тела убиенного митрополита зафиксировано, что архипастыря расстреливали разрывными пулями и кололи холодным острым оружием.

Святитель Тихон, патриарх Московский и всея России, назвал мученическую смерть митрополита Владимира «жертвою благовонною во очищение грехов матушки-России». Митрополит Арсений (Стадницкий) добавляет: «Основной стихией его духовной жизни являлось смирение мытаря, а не фарисея, — то истинное смирение, которое состоит в сознании своих немощей. И на нем исполнились слова Спасителя: "Смиряяй себе, вознесется". Он был вознесен на такую высоту, какая только возможна в положении иерарха. Но это смирение, эта скромность, застенчивость соединены были в нем с горением духа. На нем исполнились слова святого апостола Павла: *духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12, 11). Он действительно горел духом, пламенея ревностью по Дому Божию. Он указывал, что под Церковь Христову подкапываются многочисленные враги ее, что страдания Христа повторяются в страданиях Церкви Христовой, которая есть Тело Его. Подобно Христу, пред страданиями Своими призывавшему учеников к бодрствованию и молитве, чтобы не впасть в искушение, и он призывал всех верующих, а наипаче пастырей, чтобы они не спали и почивали, а выступали на духовную борьбу с темными силами века сего. Горение духа обнаруживалось и в том, что он хотел, чтобы заветы Христовы были усвоены всеми христианами, чтобы они были христианами не по имени только, а на самом деле.

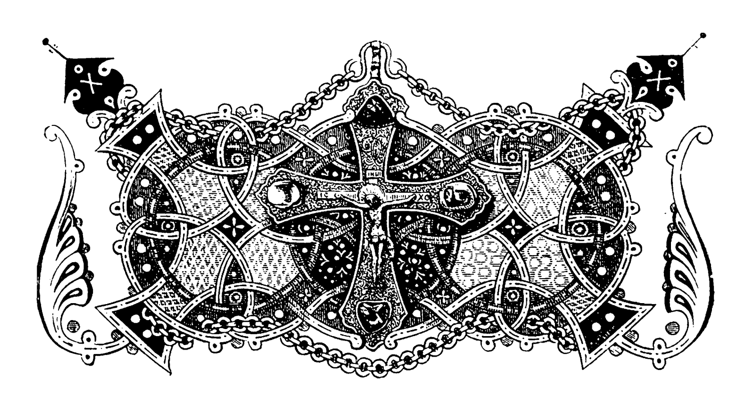
На свое служение он смотрел как на послушание, которое должен исполнить до конца, твердо и непоколебимо, подобно истинному воину, стоя на своем посту даже до смерти. И никто из знающих его не обвинит его в том, что он гнулся семо и овамо. Он шел по прямому пути, и на светлом челе его нет пятна приспособляемости. Он кровью оросил служение Русской Церкви и ничего не уступил из своего долга. И на нем исполняются слова Тайнозрителя: *Буди верен до смерти, и дам ти венец живота* (Откр. 2, 10)».

Память священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого, совершается 25 января, в день мученической кончины, а также в воскресенье после 25 января — в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

ФЕВРАЛЬ

День первый

ПАМЯТЬ преподобного ПЕТРА ОТ ГАЛАТИИ

«Кто достойно восхвалит подвизавшегося девяносто два года, и каждый день, каждую ночь выходившего победоносцем? Какое слово достаточно будет для того, чтобы пересказать о добродетелях, в каких он подвизался и в детстве, и в отрочестве, и в мужеском возрасте, и в преклонных летах, и в глубокой старости? Кто измерит капли его пота? Кто исчислит совершенные им в продолжение такого времени брани? Какое слово могло бы передать, сколько он посеял семян и сколько он собрал плодов? Кто бы имел такой высокий ум, чтобы мог вполне обнять те приобретения, которые собрал он от мудрого употребления дарованных ему талантов? Я знаю, как обширно море его добродетелей, и боюсь приступить к повествованию о них, как бы мне со своим словом не погибнуть под волнами. Поэтому пойду около берега, выражу удивление свое и расскажу о том только, что увижу у берега. Самую же глубину оставлю Тому, Кто испытывает глубины и ведает тайны...»

Так говорит о преподобном Петре блаженный Феодорит, епископ Кирский, современник его, имевший личные отношения с ним. Из рассказа же блаженного Феодорита сообщаются здесь некоторые сведения

о жизни великого подвижника, память которого чествуется сегодня Святою Церковью.

Избранный сосуд Духа Святого, — с самого раннего возраста возлюбил Петр «единое на потребу» и неуклонно более девяноста лет проходил свое земное житие по избранной им узкой стезе. Оставив дом родителей, он сначала подвизался в Галатии, потом отправился в Палестину на поклонение местам, освященным стопами Воплотившегося Бога, и, проникнувшись и насытившись этими воспоминаниями, он прибыл в Антиохию, где тогда (во 2-й четверти IV века) процветало благочестие, и потому юноша Петр пожелал и поселиться здесь, предпочитая жизнь в чужом городе с единоверными — жизни в отечестве своем, хотя и с единокровными и единоплеменными, но не единомысленными с ним. Он не устраивал себе, однако же, в Антиохии никакого жилья; приютился в гробнице и долгое время прожил здесь в молитвенном уединении и строгом посте, питаясь только хлебом и водою. Подвизаясь таким образом, из силы в силу, достиг Петр той степени духовности, которую Господь избирает почвою для Своих благодатных высших даров, и в молодости еще был удостоен дара чудотворений. Силою молитвы возвращал он рассудок беснующимся, исцелял болезни телесные, «даже одежда его, чрез прикосновение, действовала подобно одеждам божественного апостола Павла», — рассказывает Феодорит.

Замечательно одно обстоятельство при знакомстве матери блаженного Феодорита с этим подвижником Антиохийским. Она услышала о нем от одной знакомой своей, супруги тогдашнего восточного правителя Пергамия, которая была исцелена блаженным Петром от опасной болезни глаз. Мать блаженного Феодорита, также страдая болезнью глаза, от которой никто не мог исцелить ее, решилась обратиться за помощью к известному уже тогда подвижнику гробницы. Молодая, не просвещенная еще духовно женщина, отправилась она к нему, разукрашенная, по обычаю, богатою одеждою. Увидев ее, блаженный пожелал исцелить ее сначала от любви к нарядам...

«Скажи мне, дочь моя, — заговорил он с нею, — если бы какой-нибудь живописец, весьма опытный в своем искусстве, написал какую-нибудь картину по всем правилам искусства и представил бы ее людям, желающим посмотреть, а другой кто-нибудь, не изучивший хорошо того искусства, а рисующий, как вздумалось, что пришло на мысль, пришел бы и, охулив ту художественную живопись, придал бы бровям и ресницам более длинное очертание, лицо сделал бы белее, на ще-

ках прибавил бы краски, — как ты думаешь, несправедливо ли вознегодовал бы прежний живописец на это оскорбление его искусства и на сделанные несведущею рукою ненужные прибавления? Так точно и Творец всяческих и нашего естества Содетель и Художник оскорбляется тем, что вы как бы обвиняете Его неизреченную мудрость в несовершенстве: иначе вы не покрывали бы себя краскою, или белою, или черною, если бы не думали, что вам недостает этой принадлежности. А думая, что телу недостает необходимого, вы как бы обвиняете Творца в некоторого рода бессилии, тогда как всякому известно, что Он имеет силу, равную хотению. *Господь творит все, что хочет* (Пс. 134, 6), дав всем все полезное, не дав только того, что вредно. Не искажайте же образа, предначертанного Богом, не усиливайтесь прибавлять то, чего не дал Премудрый, и не выдумывайте поддельной красоты, которая и целомудренных растлевает...»

Как доброе семя на плодотворную почву, так залегли эти слова в добрую душу молодой женщины и внезапно просветили и преобразили ее. Припав к ногам святого, она со слезами умоляла его помолиться о ней, говорила, что она не оставит его, пока не получит исцеления и от болезни своей.

«Если имеешь веру искреннюю и твердую, то выздоровеешь, — сказал ей смиренный Петр. — Бог, всегда готовый исполнить прошение верующей души, исполнит и твое прошение, не мне даруя благодать, но видя веру твою. Если примешь это Богом дарованное лекарство, то выздоровеешь». И когда, вслед за этими словами, Петр положил больной руку на глаз и изобразил знамение креста, то болезнь исчезла.

«Такую-то пользу приобрела мать моя от наставлений Петра, — говорит Феодорит, — искала исцеления телу, а приобрела и здравие души. Вот что блаженный Петр совершал словом, вот что мог делать молитвою...»

«Имея множество и других повествований об этой блаженной душе, я весьма многие опущу, опасаясь за немощь многих, которые, судя по себе, не верят чудотворениям Боголюбивых мужей... Итак, просияв чудными лучами и просветив ими Антиохию, — заключает Феодорит, — Петр окончил подвиги в ожидании венца, уготованного победоносцам».

Блаженный Петр мирно скончался около 429 года, будучи 99-ти лет от роду.

ПАМЯТЬ
святого новомученника
АНАСТАСИЯ НАВПЛИОТА

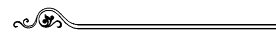
Житель города Анаплии, по роду занятий — живописец, Анастасий был один из призванных запечатлеть своею смертью ту силу веры, которая таится глубоко и несокрушимо в сердцах угнетенного, но непобежденного нравственно христианского населения на Востоке.

Поводом к его страдальческому подвигу было первоначально одно житейское обстоятельство: он был обручен с дочерью одного местного христианина, но узнав случайно, что поведение ее небезукоризненно, он отказался от женитьбы на ней. Раздосадованные родственники невесты прибегли к одному из средств, употребляемых невежественным народом для так называемого «причарования» жениха. И в этом случае, как и во многих нередких проявлениях подобного же зла, примеры которого, к несчастию, довольно распространены и в наше время в простом народе, возбудительное средство повлияло на мозг, довело Анастасия до расстройства рассудка, а в это время его болезненного бессознательного состояния мусульмане «потурчили» его...

Сильная природа Анастасия превозмогла однако же действие возбудительного «зелья»; он выздоровел, пришел в себя и тогда с ужасом увидел на голове своей белую чалму мусульманина... С негодованием сбросил он ее на землю и воскликнул, видя себя окруженным турками: «Я — христианин, всегда был христианином и останусь им!»

Турки схватили его и представили судье. На увещания и на угрозы судьи Анастасий не обращал никакого внимания и только говорил: «Не отрекусь от Господа Иисуса Христа, моего истинного Бога; в Него Одного я верую и покланяюсь Ему как Творцу и Спасителю моему; вашей же веры отрекаюсь, равно как и вас самих и пророка вашего, и не имею к ней ни малейшего влечения...»

Слова эти не могли иметь иного последствия, как приговор к смертной казни. Но раздраженный фанатический народ не удовольствовался приговором к обезглавлению христианина; это казалось для него

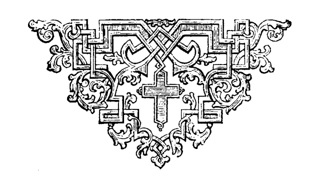
слишком легкою смертью. Турки с яростью бросились на Анастасия и палками, мечами, ножами избили и изрубили его на мелкие части.

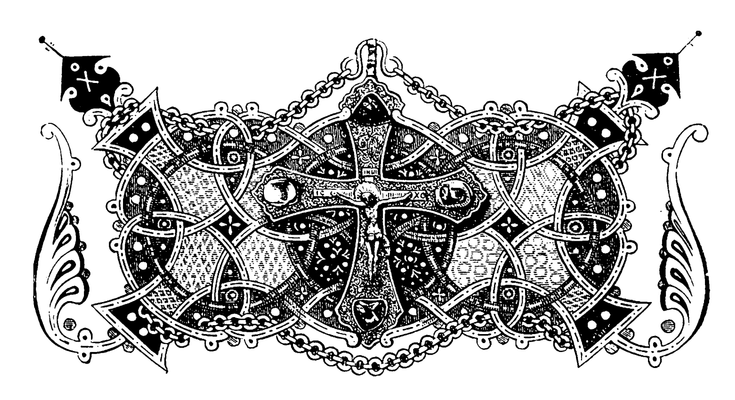
Таким образом присоединился еще мученик к сонму христианских жертв мусульманского фанатизма.

Это было в 1655 году.

В тот же день **преподобного Трифона Кольского**. В этот день совершается память дня Ангела его. О жизни преподобного см. 16 декабря.

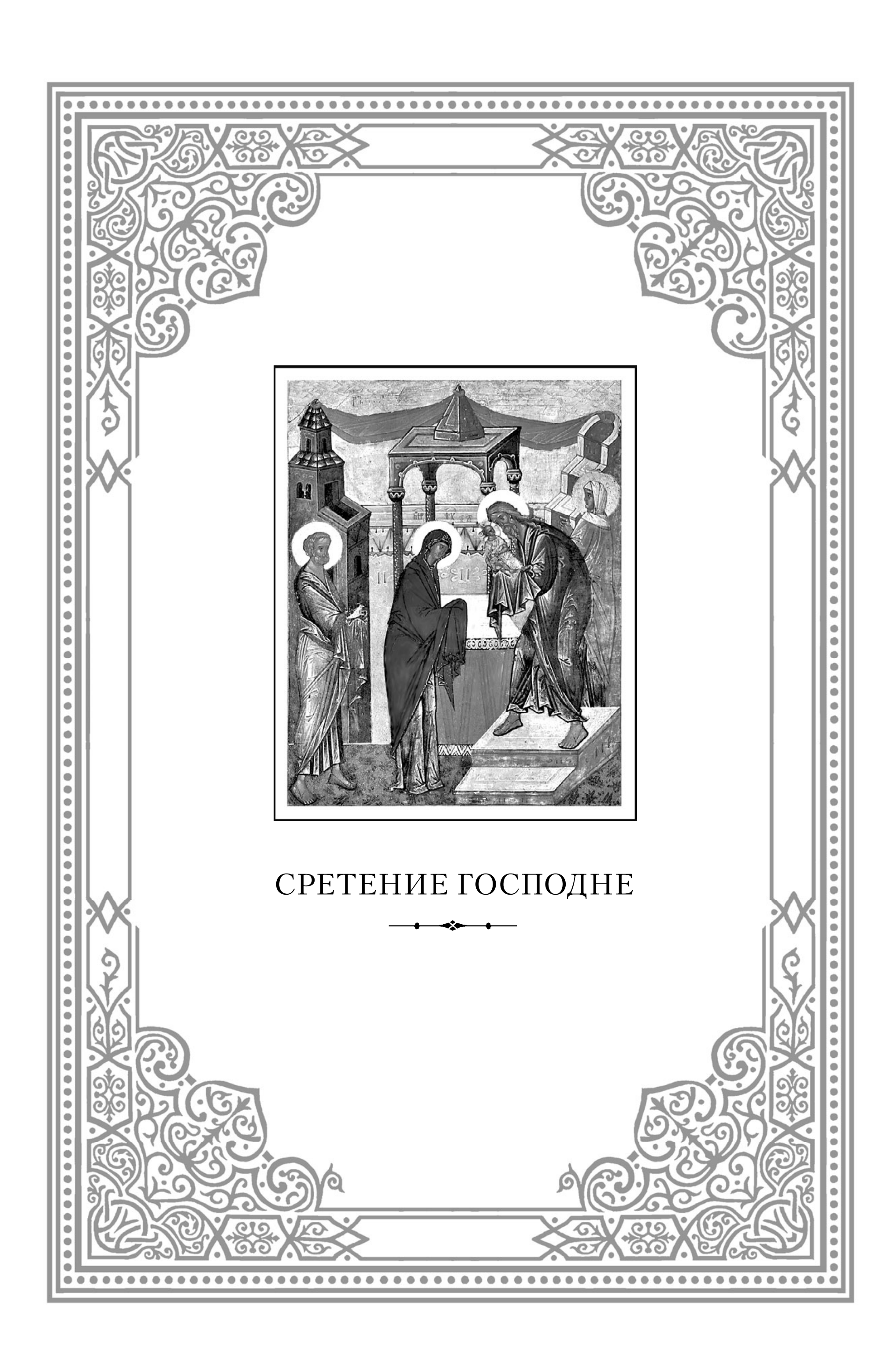

День второй

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ
во Иерусалимском храме

Когда *исполнились дни очищения их по закону Моисееву,* — говорит святой евангелист Лука о Богоматери и Богомладенце, — *принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу* (Лк. 2, 22–24). За древнее искупление израильтян от рабства египетского смертью первенцев египетских, погубленных рукою Ангела, закон Господень требовал от евреев (см.: Исх. 13), чтобы всякий перворожденный их младенец мужеского пола, как собственность Божия, приобретенная кровью чуждых первенцев, в 40 день по своем рождении был принесен в Божий храм, посвящен Господу и искуплен у Господа. Это было «представление или посвящение младенца Богу». Божественный Законодатель, как *рожденный прежде всякой твари* (Кол. 1, 15), *как первородный* в избранных Божиих (Рим. 8, 29) и *как первенец Девы Марии* (Мф. 1, 25), исполнил закон Моисеев о первенцах. Тот, Которому надлежало освятить и искупить всех людей, был Сам прежде посвящен Богу и искуплен! «Ветхий денми, давший древле на Синаи закон Моисею... закон исполняя, в храм приносится».

Младенец Господь принесен был во храм иерусалимский Богоматерью и Иосифом в настоящий день, который есть сороковой по рождении Спасителя. По закону Моисееву (см.: Лев. 12), жене, родившей

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

младенца мужеского пола, воспрещено было входить во храм в продолжение 40 дней: это были *дни очищения* по закону. По окончании сего срока мать новорожденного приходила во храм Божий для принесения жертвы Богу. В жертву приносили агнца и горлицу, или двух горлиц, если не в состоянии были дать агнца. Дочь Давида могла принести только последнего рода жертву! Хотя Мария, сделавшись Матерью Господа, освятилась рождением Его и, не переставая быть Девою, не имела нужды в очищении по закону общему, «как нескверная, неблазная, нетленная и пречистая Дева», но по глубокому смирению подчинилась предписанию закона.

Тогда жил в Иерусалиме праведный и благочестивый старец Симеон, *чающий утешения Израиля; и Святой Дух был на нем* (Лк. 2, 25). Ему обещано было, что он не умрет, не увидев Христа Господня. По внушению Духа Божиего, Симеон пришел во храм в то время, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы *поставить Его пред Господом*; принял Богомладенца на руки, почему и называется *Богоприимцем*; благословил Бога и изрек пророчественную песнь о Спасителе: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля* (Лк. 2, 29–32). Иосиф и Матерь Божия дивились сказанному. Симеон благословил и их и продолжал пророчествовать о Младенце: *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, и Тебе Самой*, — святой старец предрек Богоматери, — *оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец* (Лк. 2, 34–35).

В храме была также 84-летняя вдовица *Анна, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь. И она в то время, подойдя, славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме* (Лк. 2, 36–38); почему и называется Пророчицею. Так ясно и величественно открылось Божество в сорокадневном Младенце! Чаявшими утехи Израилевой Он был узнан и прославлен как Христос, Спаситель мира и Господь. Симеон, благословляя Бога, сказал: «Ибо видели очи мои спасение Твое, еже уготовал пред лицом всех людей». Жизнь праведника, по воле Божией, как сказывает предание, долее обыкновенного продлилась, дабы он, своими очами узрев Младенца-Спасителя мира, с миром отошел от жизни настоящей.

Празднованием Сретению Господню Церковь исповедует и утверждает ту непреложную истину, что «Христос явился миру не мнением, не привидением, но истиною», и, следовательно, обличает тех древних

лжеучителей, которые отвергали во Иисусе Христе естество человеческое, считая оное недостойным Бога и неистинным.

Примером Иисуса Христа, посвященного Богу яко первенца, Церковь внушает, что и мы, купленные *ценою* крови Христа, *уже не свои* (1 Кор. 6, 19–20); от рождения своего должны быть посвящены родителями Богу, дабы после сего и нам, по подражанию Младенцу Христу, возрастать и укрепляться духом, исполняясь премудростью и благодатью Божией (см.: Лк. 2, 40). А в бедствиях, нас постигающих, праздник Сретения научает нас обращаться к Богу, — всегдашнему и скорому Помощнику и Заступнику для призывающих Его с верою и истинным раскаянием.

ПАМЯТЬ святого преподобномученика ГАВРИИЛА

Кроме обстоятельств, случайно обнаруживающих готовность христиан пострадать за свою угнетаемую на Востоке веру, как это видно, между прочим, из примера вчера вспоминаемого новомученика Анастасия Навплиота, нередки и такие случаи, когда пламенно возлюбившие свою веру во Христа не ждут случайных поводов проявить ее, но предупреждают их и сами создают себе возможность удостоиться страдальческого подвига.

Одним из увлеченных таким положительным желанием мученичества был воспоминаемый сегодня Гавриил, родившийся в Аллионийском округе, в Приконисской епархии. Он еще в молодости избрал путем своим иночество, вел жизнь целомудренную и добродетельную; со временем переселился в Константинополь и сделан был канонархом великой церкви. Постоянная с юных лет мысль о мученичестве и здесь не покидала его никогда, и он горячо молился об указании ему желанного пути...

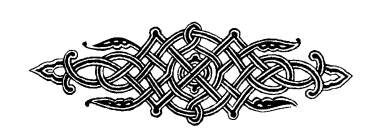
Однажды, после причастия Святых Таин, он в раздумье (вероятно, все о том же предмете) проходил по улицам Константинополя. Здесь встретился с ним один мусульманин и дерзко столкнул его с дороги. Гавриил отвечал ему тем же и при этом выразился оскорбительно

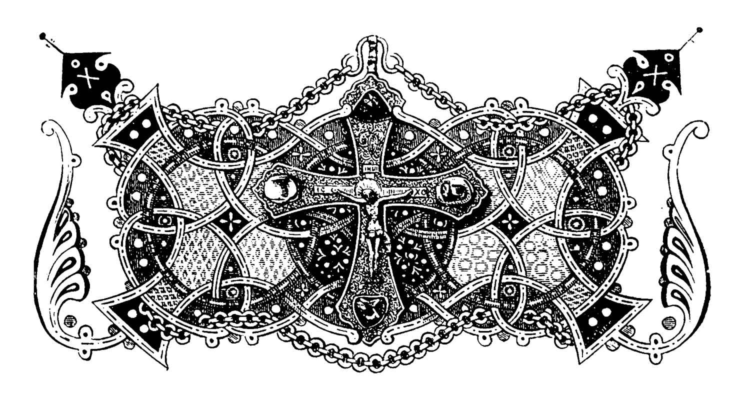
против магометанской религии. На крик мусульманина сбежались его единоверцы, начали бить Гавриила и повлекли его к судье.

На обычное в подобных случаях предложение христианину — оставить свою веру и принять магометанское исповедание — Гавриил отвечал: «Я не дошел еще до такого безумия и невежества, чтобы назвать простым человеком Господа моего Иисуса Христа, истинного Сына Божиего и совершенного Бога, а вашего Мухаммеда, обыкновенного человека, пророком! Я исповедую Иисуса и верую, что Он — истинный Бог от Бога Истинного; ваш же Мухаммед не только не пророк, но человек глупый, невежда, обманщик и враг Спасителя нашего Иисуса Христа. Я презираю его и отвергаю как его самого, так и его религию...»

Ответом на эти слова было повеление отрубить голову христианину. Палач немедленно приступил к исполнению этого повеления. Связав руки Гавриилу, привели его в Бакче-Каписи, близ таможни, и там, 2-го февраля 1676 года, отсекли голову молящемуся на коленях исповеднику.

Святые останки Гавриила, девственника, инока и мученика, турки бросили в море, не согласившись в своем раздражении уступить их христианам даже ценою золота.

День третий

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя СИМЕОНА, епископа Тверского

В рукописных святцах Симеон, епископ Тверской, поставлен между святыми Русской Церкви. Летописи разных времен, говоря о нем, называют его «преподобным епископом», чем показывают в нем подвижническую, святую жизнь[1].

Блаженный Симеон был первым Тверским епископом[2], а седьмым Полоцким епископом[3]. По некоторым памятникам, он был из рода

[1] В 1285 г. «заложена была церковь каменная на Твери преподобным епископом Семеоном» (Собр. л. 1, 207). В 1320 г. «положили тело св. вел. кн. Михаила в церкви Св. Спаса на десной стране, подле прп. епископа Семеона» (Собр. л. 5, 215).

[2] Воск. л. под 1289 г.: «преставился Семеон, первый епископ Тверский». Собр. л. 7, 179. Ник. л.: «служиша в ней (в кафедр. Спасской церкви) Господеви епископи мнози Тверстии Божественную и священную службу: первый Семион при великом князе Михаиле Ярославиче; 2 Андрей, при нем же; 3 Варсануфий, при великом князе Михаиле и при сынах его Димитрии, Александре, Константине и Василии; 4 Феодор, при великом князе Константине Михайловиче; 5 Феодор, при великом князе Василии Михайловиче; 6 Василий; 7 Евфимий Вислень, при князе Михаиле Александровиче; 8 Арсений чудотворец». Никон. л. 4, 284. По этому известию следует исправить ошибки в: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I.

[3] *Платон (Левшин), митр.* Краткая Церковная История. Ч. 1, гл. 7.

князей Полоцких[1]. Последнее подтверждается и тем, что множество земель и угодий роздано им Полоцким обителям и церквам[2]. Скорби времени заставили его оставить Полоцк. В 1263 году убит был князь Миндовг, женатый на княжне Тверской. Тогда же лишен был жизни и племянник его, князь Полоцкий, Товтивилл. Сын Товтивилла скрылся в Новгород; другие князья и бояре бежали, кто куда мог[3]. Полоцкий епископ, заведовавший и прежде того церквами Тверского княжества, уклонился от бед в Тверь, тем более, что в то же самое время Тверской князь Ярослав Ярославич стал великим князем России и любимую им Тверь избрал в свой престольный город. Благоверный князь принял блаженного пастыря со всею любовью: он наделил Тверскую кафедру его богатыми имениями и угодьями[4]. По летописи, блаженный пастырь в 1271 году с любовью отдавал последний долг любви и уважения почившему благотворителю своему. Великий князь Ярослав Ярославич скончался на пути из Орды, и его привезли в Тверь для погребения; «Тверской епископ Симеон совершил над ним обычное надгробное пение, и его положили в соборном храме святых Космы и Дамиана»[5]. Блаженный Симеон управлял и паствою как пастырь искренний, как один из лучших пастырей Церкви. По свидетельству летописей, он был «учительный и хорошо знакомый с книгами; не боясь неприятностей и бед, вступал в спор с князем и вельможами, а нищим и сиротам благотворил»[6]. Снисходительный и добрый для обижаемых и несчастных, внимательный к чину иноческому и священническому, он был грозен для оскорблявших правду и добродетель, — они боялись его[7]. Памятники древности передают разговор его с Полоцким князем Константином. «Константин, князь Полоцкий, называемый Безрукий, желая уколоть своего тиуна, сказал в слух всех епископу: “Где будут наши тиуны на том свете?” Владыка Симеон отвечал: “Там же, где

---

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I. В списке епископов по Никон. л. (т. 1, прилож. стр. 5): «Семион из Полоцка; Андрей из Литвы». Собр. л. 7, 179.

[2] Так говорят акты иезуитов на имения, которые отняты были у Православия.

[3] См. мая 20-го житие кн. Довмонта.

[4] Собр. л. 1, 60; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1.

[5] Никон. л. 3, 54. 55; Собр. л. 1, 28. 29.

[6] Троиц. летоп. См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Прим. 178.

[7] Никон. л. 3, 86.

и князь". Князю это не понравилось, и он сказал: "Тиун судит неправо, берет деньги, продает и мучит людей, делает все худое; а я что делаю?" Владыка сказал ему: "Если князь добр и богобоязнен, жалеет людей, любит правду и потому выбирает в тиуна или властелина человека доброго и богобоязненного, умного и правдолюбивого: то князь будет в Раю, и тиун его с ним. Если же князь без страха Божиего, не жалеет христиан, не думает о сиротах и вдовах и поставляет начальника злого, нерассудительного, только бы добывал ему куны (деньги), пускает его, как голодного пса на падаль, губить людей: то и князь будет в аду и тиун его с ним. Говорю вам, князьям и наместникам: утешайте печальных, избавляйте слабых из руки сильных. Богатые обижают их, и они к вам приходят как к защитникам добрым. Вы же, князья и наместники, подобны дождевой туче, пущающей воду над морем, а не над землею жаждущею. Вы тем даете и помогаете, у которых много серебра и золота, а не тем, которые не имеют ни пенязя; бедных отдаете в рабство, а богатых наделяете щедро"»[1]. Это свободное, бестрепетное обличение сильных земли, это чистое сознание требований правды древность русская почтила тем, что внесла его в общие руководства правосудия[2]. В 1276 году пожар истребил жилые строения города Твери; истреблены были и все храмы, за исключением одного. Заботливому святителю много надо было употребить трудов для построения дома святительского и храмов. В 1282 году снова был пожар в Твери[3]. Ветхий деревянный кафедральный храм святых Космы и Дамиана был разобран, и на его месте в 1285 году святитель основал каменный кафедральный храм в честь Спасителя. В следующем году святитель имел утешение видеть опыт искренней любви паствы своей к пастырю. Хищные литовцы внезапно напали на церковные волости Тверского владыки и ограбили их. Тверитяне добровольно, сами собой, бросились за хищниками, догнали их и отняли все награбленное. Такой князь, каков был святой Михаил Ярославич, употребил все, чтобы новый собор строился без замедления и остановок. Но прочный великолепный храм не мог быть построен скоро. Святитель, чувствуя, что при

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Прим. 178.

[2] Обличение святителя внесено было в «Мерило праведное» — юридический сборник. Православный Собеседник. 1851. № 1; *Розенкампф Г. А.* Обозрение кормчей книги в историческом виде. М., 1829.

[3] Собр. л. 1. 36.

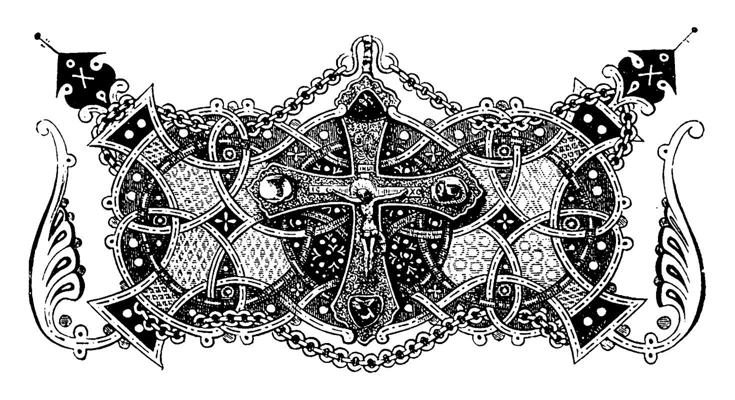
его старости не доживет он до освящения нового собора, и скучая без служения при кафедре, столько отрадного для печальной старости, освятил (1287 г.) в созидавшемся соборе подвижной престол, чтобы молиться здесь вместе с паствою, пока может. И точно, он мирно почил 3-го февраля 1289 года, а храм был освящен преемником его, епископом Андреем, в 1290 году[1].

ПАМЯТЬ
святых праведных
СИМЕОНА БОГОПРИИМЦА и АННЫ ПРОРОЧИЦЫ

О них довольно сказано выше, в празднике Сретения.

[1] Собр. л. 1, 107. 4, 44; Никон. л. 3, 87, 88; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Прим. 178, 182.

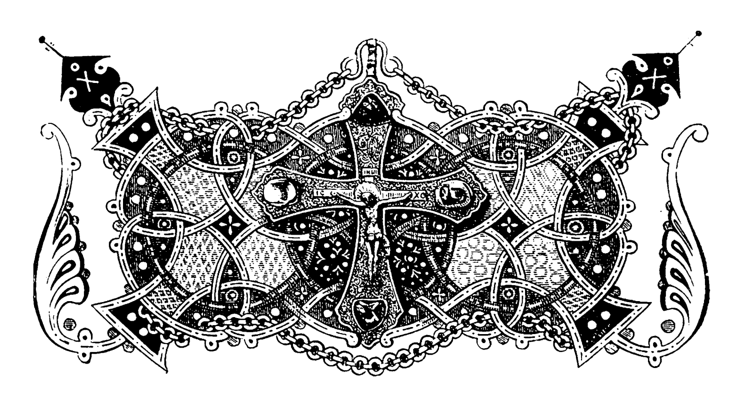

День четвертый

ПАМЯТЬ преподобных АВРАМИЯ и КОПРИЯ, ПЕЧЕНГСКИХ

По рукописному описанию святых Вологодских, «преподобные отцы Аврамий и Коприй, иже у Спаса на Печенге, быша в лето 7000 (1492)». Спасская пустынь на речке Печенге, закрытая в 1764 году, находилась в 20 верстах от Вологды, в Грязовецком уезде. В 1492 году блаженные ревнители пустынной жизни в первый раз поселились в здешнем, тогда глухом, лесном месте. Много надобно было им вытерпеть разных нужд и скорби: но они твердо подвизались для Господа до гроба. Мощи их почивают под спудом в Спасской церкви, ныне приходской[1].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

День пятый

ПАМЯТЬ святителя ПОЛИЕВКТА, патриарха Константинопольского

Преподобный Нестор летописец говорит, что нашу благоверную великую княгиню Ольгу (равноапостольную) «крестил сам патриарх Полиевкт, славный по святости жизни и по образованию своему». К нему на 60-м году жизни отправилась великая княгиня Ольга с многочисленною свитою для более полного научения познанным уже ею отчасти истинам веры — от хорошего наставника, прозванного за красноречие свое вторым Златоустом.

Выслушав от него наставление в вере, она от него же приняла и Святое Крещение, причем император Константин Багрянородный был восприемником ее от купели, в 957 году.

Благословляя крестом возрадованную русскую княгиню перед ее отъездом, святитель Полиевкт пророчески сказал ей: «Благословенна ты между женами русскими, что возлюбила свет и отвергла тьму! Тебя будут благословлять сыны российские до последнего рода!» Он же преподал ей наставление о церковном уставе, о молитве, посте, милостыне, о сохранении чистоты душевной и телесной.

Вступив на патриарший престол из иночества в 946 году, святитель Полиевкт мирно скончался в 970 году.

ПАМЯТЬ
святого новомученика
АНТОНИЯ АФИНСКОГО

Антоний был сын благочестивых родителей, афинян; они были очень бедны, но успели обогатить сына своего лучшим благом, воспитав в нем еще в детстве его христианские чувства. Это было причиною его временного мученичества и счастья в вечности...

По бедности своей Антоний, не изучив даже никакого ремесла, принужден был поступить в услужение к туркам и, хотя получал от них небольшую плату, но и тою делился со своими родителями. В это время происходила война между Турциею и Россией; русский флот явился у берегов Мореи; господа Антония отправились разорять и забирать в плен Морейских христиан; Антоний должен был последовать за ними, и они его продали там, как пленника, каким-то мусульманским эмирам. Новые хозяева принуждали Антония принять ислам; им это не удалось; тогда они продали его другим, и таким образом Антоний несколько раз был продаваем из одних рук в другие, и каждый раз новые владетели пытались принудить его принять ислам, но всегда безуспешно. Наконец был он куплен за 400 пиастров одним христианином медником, который увез его с собою в Константинополь. Тут немедленно приступил он к тому, чего давно был лишен: исповеди и причастию Святых Таин, и усердно начал служить новому господину — христианину. В это время увидел он один раз во сне величественную Женщину чудной красоты, которая сказала ему: мужайся!...

Это было как бы предупреждение избраннику Божиему, которое скоро осуществилось...

Однажды, когда Антоний находился в мастерской, его увидел один из его прежних хозяев и закричал на него: «Как ты смел уйти от меня! и как это ты из турка сделался христианином?»

Сейчас же оказались лжесвидетели, которые подтвердили показания прежнего господина Антония. И несмотря на тот редкий случай, что судья на этот раз оказался справедливым и поверил возражениям обвиняемого, что тот всегда был христианином, Антоний был представлен

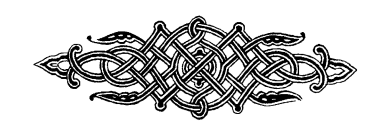
на суд визирю, так как судье не удалось ни умиротворить лжесвидетелей, ни склонить Антония к принятию ислама. Но, предупрежденный тайно судьею о том, что приговор был вынужденный, визирь хотел заглушить это дело и ради только успокоения народа заключил Антония в темницу, как бы в ожидании расследования дела.

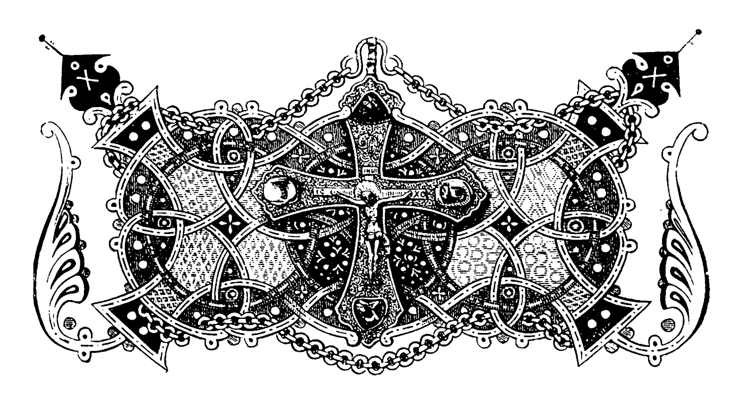
Антоний принял с радостью свое заключение, учил бывших с ним там христиан терпеливо переносить испытания и несчастия и не бояться умереть ради веры в Иисуса Христа...

Деньги, бывшие при нем, роздал; послал письмо к хозяину своему, благодарил его за выкуп от варваров и выражал сожаление, что не успел отслужить ему; просил прощения у всех христиан; поручал уведомить об его участи родителей его и совершать по смерти обычное поминовение, — и таким образом всеми помышлениями своими готовился к мученичеству.

Подвиг не замедлил... Народ требовал казни мнимого отступника. Визирь должен был представить дело султану. Тот постановил приговор: принять ислам или — казнь.

Как на праздник, спешил на казнь верный христианин и, преклонив свою голову со словами: «Господи! В руки Твои предаю дух мой!» — под третьим ударом меча скончался... (5-го февраля 1774 г.). Христиане купили останки его и с великим торжеством предали их погребению на кладбище Живоносного источника.

День шестой

ПАМЯТЬ святителя ФОТИЯ, патриарха Константинопольского

«Прежде всего призывали меня к добродетели отец, который для Православия и истинной веры, отказавшись от богатства и почестей, согласился все вытерпеть и скончался мученически в изгнании, и матерь боголюбивая, привязанная к добродетели и ревностная, ни в чем не отстававшая от своего супруга...»

Так пишет о себе Фотий и вместе с тем являет собою жизнь, высота которой действительно почерпнута из непреложно-спасительного источника: христианского воспитания, полученного от родителей.

Выдвигающийся между современниками своими необычайным умом и изумительным многосторонним научным образованием, — даже враги его отзывались о нем: «сведениями почти во всех свободных науках светских он столько отличался, что по праву мог быть признаваем за славу своего века и даже мог спорить с древними», — Фотий выше всего, однако же, ставил предметы святой веры. «Наши благородные музы, — писал он, — столько же выше муз эллинских, сколько благородный дух превосходит жизнь рабскую, а истина — ложь».

Внук святителя Тарасия, патриарха Цареградского, состоявший в родстве с царским домом, бывший начальником гвардии и первым

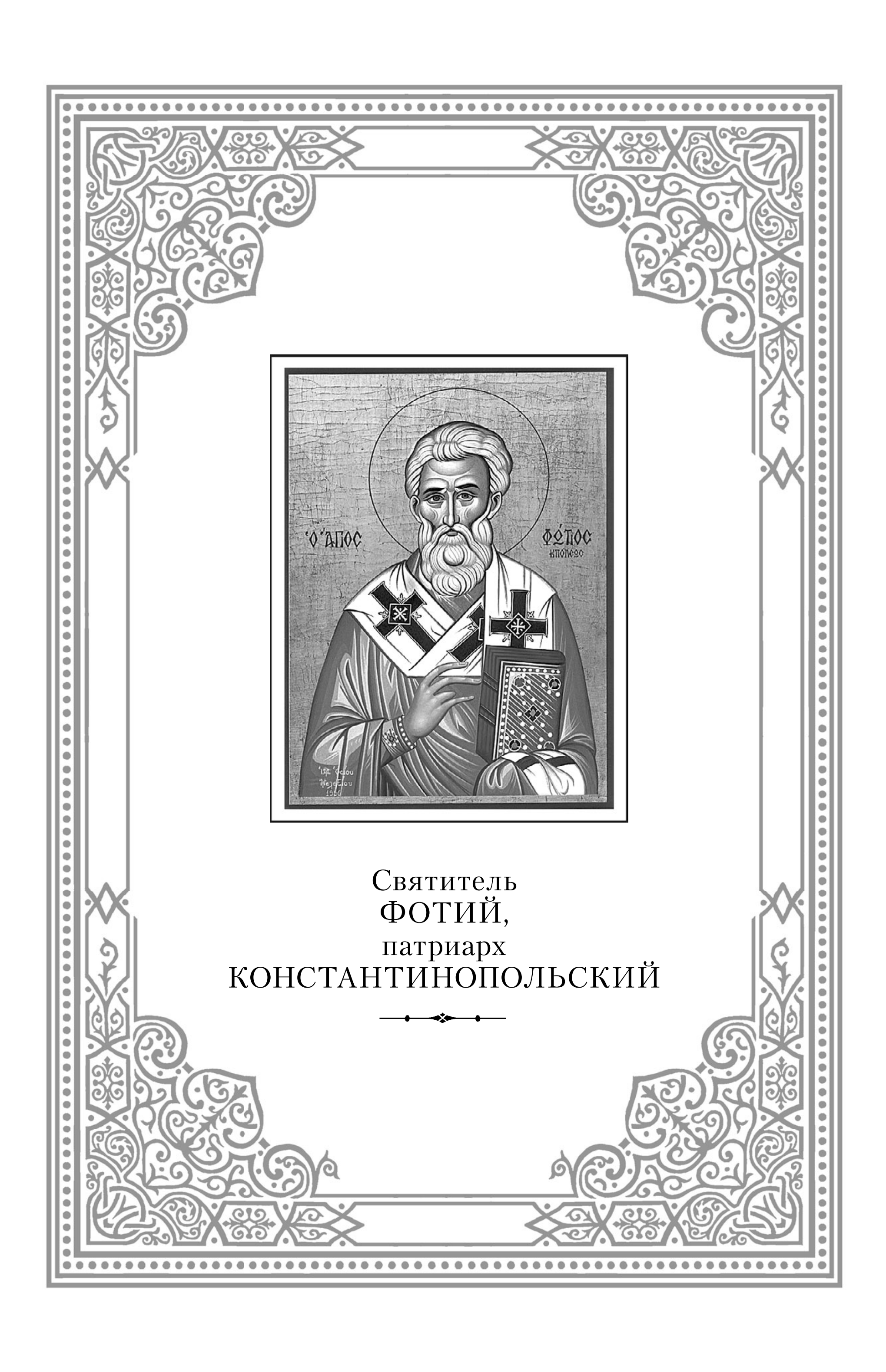
государственным секретарем в сенате, Фотий с молодых уже лет был поставлен на блистательном поприще, но не увлекался им; иночество более соответствовало стремлениям души его к уединению, углублению в себя, внутреннему деланию. Но и духовного высокого сана он не искал и уклонялся от него всеми силами, когда последовало избрание его в патриархи. Вот какими письмами отзывается Фотий на это избрание: «Приступают ко мне собором избранные из клира, епископов и митрополитов, и впереди их и вместе с ними благочестивый император... Не отступали от меня, доколе не совершили дела, мною нежеланного, а им приятного»... (письмо к патриарху Антиох.). И в письме к Варде: «Не испытав на деле, я чувствовал себя недостойным степени архиерейского... В то же время смущало меня ожидание неприятностей, ныне обуревающих душу мою. Колеблемый и томимый ими, я плакал, молил, употреблял все меры, чтобы отклонить от себя избрание...» В письме к папе Николаю: «Я, как виновный, содержимым был под стражею; приговор о мне был положен против моего желания; я плакал, умолял, терзался, когда возводили меня в сию должность. Это знают все».

Не без больших смут, однако же, произошло это избрание, и уже собором из 313 епископов, в 861 году, было утверждено оно по низложении Игнатия. Церковь успокоилась. Фотий предался своим занятиям по управлению Церкви. В первые же времена его управления на его долю выпало способствовать общему христианскому просвещению славянских племен. По случаю принятия Святого Крещения болгарским князем он послал в Болгарию архиепископа и священников для приведения в веру болгарских язычников. Сам писал болгарскому князю Михаилу, «излагая в 1-й части послания православное учение о вере и уклонения от него разных произволов человеческих, а во 2-й части предлагая правила христианской жизни, выставляя любовь сущностью закона».

В Моравию же послал Фотий бывшего ученика своего Кирилла и брата его Мефодия, по желанию князей Моравских, чтобы учение о Христе происходило на народном славянском языке.

Поставил также ученика своего Аврамия митрополитом в Армении, Церковь которой стараниями же Фотия вошла в союз с Православной[1].

[1] Обращение русских князей — Аскольда и Дира — также связано с именем Фотия. Весною 866 г., на 1-й неделе Великого поста, руссы произвели опустошительный набег на Грецию. Дружина князей угрожала Константинополю. Народ обратился к Богу с молением о помощи. Патр. Фотий действовал при этом, как чудное орудие

Святитель ФОТИЙ, патриарх КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

Между тем папа действовал против Восточной Церкви; он гнал из Болгарии греческих священников и посредством ксендзов внушал недавним язычникам славянам о первенстве римского епископа, о важности римских уставов и обрядов и требовал покорности Риму. Латинские проповедники стали разрушать все, что успели сделать греки: восставали против употребления славянского языка в Богослужении, распространяя, что грех — совершать его и читать Священное Писание на ином языке, кроме греческого, латинского или еврейского... Сверх того, они вводили измененный символ. Фотий не мог равнодушно относиться к подобным действиям со стороны папы Николая. Он окружным письмом известил Восток об отступлении папы от древнего Православия, и вследствие этого на многочисленном соборе были осуждены своеволия Запада. Требования пап были отвергнуты, нововведения Западной Церкви — осуждены.

Между тем политические обстоятельства изменились, и это отразилось несчастным образом и на Церковь... Василий Македонянин умертвил императора Михаила и занял его престол в 867 году. Фотий бесстрашно восстал против Василия, не допустил его до причащения Евхаристии и тем сильно раздражил его против себя. К этому присоединилось и преследование со стороны папы, который заявлял, что патриарх Фотий клевещет на Запад и сам несправедлив относительно вероисповедания. Смущенный и раздраженный Василий возвратил Игнатия на кафедру и заключил Фотия в монастырь под стражу.

Папа торжествовал и поспешил послать легатов на собор, созванный в Константинополе для суда над Фотием и примирения двух Церквей.

Заседание на соборе начало с того, что потребовало безусловного подчинения Восточной Церкви суду папы. В 5-е заседание приведен был Фотий; на все вопросы, которые предлагали ему легаты, он от-

---

Божие. Совершив молебствие, он опустил в море ризу Божией Матери, хранившуюся во Влахернском храме, и внезапно восставшая буря потопила русские суда... Это так поразило русских князей Аскольда и Дира, что они пожелали принять христианскую веру и, возвратясь в Киев, послали в Константинополь просить христианских наставников. Фотий послал к ним греческого епископа, и тогда князья и многие с ними приняли христианство. «Василий заключил гражданский мир с руссами. Фотий помог ему в этом деле и совершил обращение к вере». Фотий в окружном послании пишет о руссах: «Теперь и сами они преложили нечестивое языческое суеверие на чистую и неблазненную христианскую веру и, приняв епископа и учителя, ведут себя, яко послушные сыны и друзья».

вечал молчанием. Когда же ему сказали, что молчание не избавит его от осуждения, он отвечал: «То же было с Господом Иисусом». В 7-м заседании его спросили: хочет ли он покаяться? Он ответил вопросом: одумались ли сами судьи? Против него искали доносов, его оскорбляли, но, не найдя за ним вины, Фотию и его епископам произнесли анафему... После того отослали Фотия в заточение и там лишили его всего, не только прислуги, но и свиданий с родственниками даже во время его болезни; «изобрели еще новое, странное наказание: отняли все книги».

Семь лет провел Фотий в этом заточении. Но «я только благодарил Господа, — свидетельствовал Фотий перед собором 879 года, — терпеливо нес суды Его надо мною...» «Анафема, — писал Фотий к одному другу, — произносимая проповедниками истины против нечестия — казнь страшная, самая крайняя. Но произведенная врагами истины — есть не более как баснословие или забава, и невинному вместо казни готовит неувядаемую, нетленную славу. С тех пор как исступление и неразумение ложных ревнителей дошли до того, что против всякого порядка, и Божиего и человеческого, против всякого здравого смысла поражают проклятием свидетелей и защитников истины, а напротив защищают варварскую несправедливость против Церкви Божией, — с тех пор это ужасное, крайнее наказание церковное стало предметом осмеяния, и человек добрый по праву пожелает быть проклинаемым этими людьми».

На возмутительно несправедливо обставленном соборе, открывшемся уже при преемнике папы Николая — Адриане, — где присутствующие были даже окружены вооруженными солдатами, и где, за недостатком действительных послов от трех Восточных патриархов, выставлены были в виде уполномоченных для собора сарацинские поверенные, приезжавшие для выкупа пленных, — папе было сделано, к сожалению, несколько уступок, но в деле о Болгарии было оказано твердое сопротивление и решено, что она принадлежит к Восточной Церкви.

Наконец наступило время, что император сам сознал несправедливость в отношении к Фотию и, вызвав его ко двору, поручил ему воспитание детей своих, а по смерти Игнатия возвратил ему и кафедру. В 879 году 383 епископа признали его законным пастырем Церкви. Тогда папа Иоанн VIII, которому известны были достоинства Фотия и который рассчитывал приобрести более влияния в Константинополе

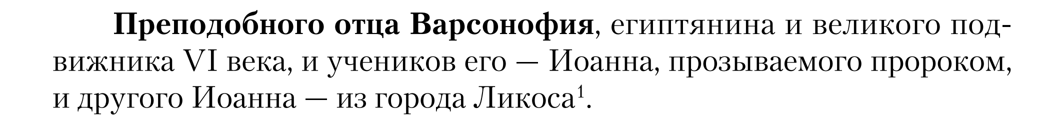
дружелюбием, чем угрозами, — и письмом и через легата объяснил на соборе об отмене всех прежних постановлений Ватикана о Фотии и вообще искал мира с Восточною Церковью. Но мир этот уже не мог быть прочным. Фотий не делал никаких уступок; папа потерял надежду и на Болгарию, и на признание других своих притязаний Восточною Церковью. Он вынужден был вызвать своих епископов из Болгарии, и в этой стране утвердилось Славянское Богослужение. Это обстоятельство вновь вооружило Римскую Церковь, заботившуюся не столько о том, чтобы просвещать славянские страны, сколько о том, чтобы удерживать эти области за Римскою Церковью и распространить в них свое влияние. Преемники Иоанна повторили анафему Фотию. При императоре Льве, преемнике Василия, тайные агенты папы оклеветали Фотия в замыслах против императора и достигли того, что Лев, воспитанник Фотия, спасенный им от ослепления, которому хотел его подвергнуть из подозрения Василий, низложил его с кафедры. Великий защитник правды Вселенской Церкви, можно сказать, спаситель Церкви от властолюбия и своеволия пап, скончался в том же году (886 г.) в монастыре Армонийском — под анафемою папы и в немилости у Греческого императора.

«Лев, поспешив обрадовать папу известием о новом патриархе, но сознавая в душе своей, что Фотия не в чем было обличить, писал, что Фотий добровольно оставил кафедру, а не изгнан».

После Фотия осталось множество разнообразных сочинений высокого достоинства как по обширной учености, так и по изяществу слога и душевной теплоте. Они ставят его наряду самых знаменитых писателей всех веков[1].

Память о страданиях тринадцатилетней сироты, христианки Фавсты — во время гонения Максимиана, бывшего в Кизике между 305 и 311 годами. Чудным терпением в страданиях обратила она к вере Христовой мучителей своих — жреца языческого Евиласия, 80-ти лет, и эпарха Максима, бросившегося со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» в котел с кипящею смолою, где в страданиях славили Бога Фавста и Евиласий, и погибшего вместе с ними...

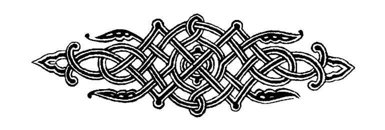
[1] См.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859. Т. III.

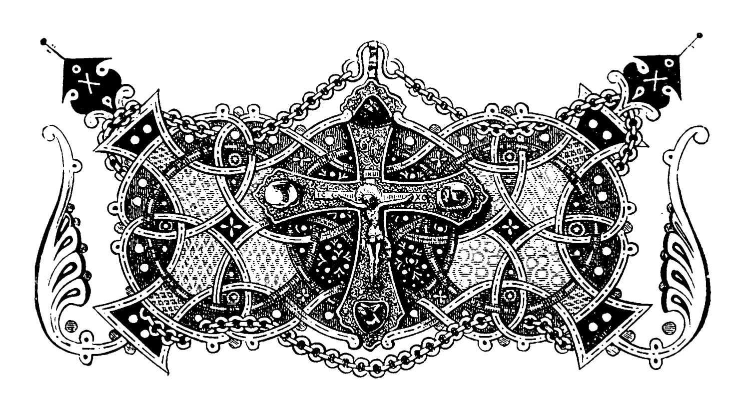
Преподобного отца Варсонофия, египтянина и великого подвижника VI века, и учеников его — Иоанна, прозываемого пророком, и другого Иоанна — из города Ликоса[1].

ПАМЯТЬ святого ВУКОЛА, епископа Смирнского

Поставленный апостолом Иоанном Богословом во епископа Смирнской Церкви, святой Вукол многих от тьмы идолослужения вывел к свету веры Христовой, и появлявшихся еретиков обличал, и словесное стадо свое назидал словом и делом. Скончался мирно в 105 году от Р. Х., оставив преемником по себе священномученика Поликарпа.

[1] См.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859.

День седьмой

ПАМЯТЬ святой МАСТРИДИИ ОТШЕЛЬНИЦЫ, МАРИИ и других неизвестных по имени

Когда стала известною история дивной Марии Египетской, высокие подвиги равноангельной, дивная надежда ее на Господа, оказавшаяся столь верною и сильною, она одушевила не одну деву на подвиги более или менее трудные.

Об одной подвижнице, скончавшейся при жизни святого Кириака, и, следовательно, прежде 557 года, когда почил святой Кириак, — рассказывает Кирилл в жизни святого Кириака[1].

«Иоанн, ученик святого отца Кириака отшельника, — пишет Кирилл, — рассказывал мне следующее:

За несколько лет пред сим шли мы с другом, братом Парамоном, к отцу Кириаку. И вот вдали видим стоящего человека. Мы, подумав,

[1] Кириллово описание жития св. Кириака см. в: Acta Sanctorum. VIII. Analecta sacra. Paris. 1692. В Четьях-Минеях сент. 29. Рассказ о Марии — в Сборном Патерике под знам. S.

что это пустынник, поспешили подойти к нему, чтобы поклониться ему. Когда приблизились к тому месту, тот исчез из глаз наших. Мы испугались при мысли, не злой ли это дух. Стали на молитву и, помолясь, осмотрелись кругом, там и здесь, и нашли пещеру. Конечно, здесь раб Божий, сказали мы, он скрылся от нас сюда. Подойдя к пещере, просили мы, чтобы показался он нам и не лишил нас своих наставлений и благословения. Из пещеры услышали мы ответ: "Какой хотите пользы от женщины, грешной и простой? Куда идете вы?" — "Мы идем к отшельнику Кириаку, — сказали мы, — но открой нам Бога ради твое имя, твою жизнь и почему пришла ты сюда?" Она отвечала: "Идите куда идете, и когда возвратитесь, скажу вам". Мы с клятвою уверяли ее, что не отойдем, пока не выслушаем о ее жизни. Поняв, что не отойдем от нее, она, не показываясь нам, рассказала о себе так: "Я называюсь Мария, была чтицею псалмов при церкви Воскресения Христова; злой дух уязвлял мною многих. Я пришла в страх, как бы не быть мне виновною в соблазне и как бы не приложить грехов к грехам моим. Молилась я усердно Богу — избавить меня от напасти. Раз, умилившись душой от страха Божиего, пошла я к Силоаму, налила сосуд водою, взяла корзину с мочеными бобами, ночью вышла из святого города и, поручив себя Богу, отошла в пустыню. Бог привел сюда, и здесь живу я уже восемнадцать лет; благодатью Божией ни вода не истратилась у меня, ни бобы в корзине не убавились. Затем прошу вас, — идите теперь к отцу Кириаку и выполните свою службу; когда же будете возвращаться, посетите меня бедную". Выслушав это, пошли мы к отцу Кириаку, рассказали ему все, что слышали от блаженной Марии. Отец Кириак, подивившись, сказал: "Слава Тебе, Боже наш, у Тебя есть сокровенные святые мужи и жены, тайно служащие Тебе. Идите, дети мои, — прибавил он, — к угоднице Божией, и что скажет вам, сохраняйте". Возвращаясь от отца Кириака, пришли мы к пещере блаженной Марии. "Раба Божия! — говорили мы. — По твоему приказанию пришли мы к тебе". Но ответа не было. Войдя во вход к пещере, сотворили мы молитву, но ответа опять не было. Тогда вошли мы в самую пещеру и нашли рабу Божию скончавшеюся о Господе. От святого тела ее выходило сильное благоухание. С нами не было ничего, чем одеть ее. Поспешив в обитель, принесли мы все нужное; одев ее, похоронили ее в пещере и завалили устье пещеры камнем».

О другой Палестинской пустыннице рассказывал великий подвижник Сила, подвизавшийся в Аравийской пещере, в ските Фара.

«За несколько лет пред сим, — говорил он братьям, — жил вблизи меня отшельник, которого я очень любил. Было у нас обыкновение — посещать его в великие праздники, приносить ему нужное и получать благословение его. В праздник Пасхи взял я милоть, несколько бобов и несколько хлеба и пошел к старцу по обычаю. По смотрению Божиему пришлось мне запутаться в холмах и пустырях; настал дневной зной, я стал изнемогать от жара и труда. И обратился я к Господу с крепкою молитвою. Изнемогши от жажды и зноя, лежал я без сил и вошел в тонкий сон. Вот подходит ко мне кто-то и говорит: "Будь бодр, авва, — ты не заблудился, и труд твой не напрасный". Проснувшись, не видал я никого, но с радостью благодарил Бога; помолился — и вот вижу между холмами следы человека. Я пошел по следам, вижу много хвороста и пещеру; я стал звать: благослови меня, отец; ответа не было. Подошел еще, вижу юного инока, сидящего в молчании. Поклонились мы один другому, и он сказал, чтобы начал я молитву. "Твое это дело, ты пресвитер", — говорил он. Я отказывался, желая скрыть себя. "К чему лгать, авва пресвитер?" — сказал он. Мы сели, и я терялся в догадках, жена ли это или евнух? "Ты, авва, смущаешься о мне, жена ли или евнух я", — сказал он. Я растерялся от этих слов. "Дай мне слово не говорить о мне никому до смерти, и я скажу тебе о себе", — сказал пустынный человек. "Бог знает, — отвечал я, — как я желаю знать о подвигах", — и дал слово молчать. "Я дочь эпарха Константинопольского, — так говорила она. — Сенатор обручил меня за своего сына, быв другом отцу моему. Мне никак не хотелось выходить замуж, но не говорила я о том родителям. Утешением для меня было заниматься молитвою, и я молила Господа исполнить тайное желание мое. Раз говорит мне отец: "Будь готова к браку, дочь моя, пришло время". — "Нельзя мне решиться на то, — отвечала я, — прежде чем исполню обет". "Какой?" — сказал отец. "Обещалась я поклониться святым местам", — сказала я. Он шутливо говорит: "Когда выйдешь замуж, тогда исполнишь обещание свое — вместе с мужем". "Нет, — сказала я решительно, — я обещалась поклониться девою — и это должно быть выполнено; лгать пред Богом не могу, страшно". Родитель уступил. Со мною отпущено множество слуг, служанок, 3 000 золотых. На корабле прибыли мы в святой город. Поклонившись святым местам, отправилась я посетить египетских отцов. Близ великой лавры Египетской видела я трех великих старцев; один из них особенно показался мне Ангелом. По возвращении в святой город надлежало возвращаться в Константинополь. Я приготовила

два письма, одно к родителям, другое к младшему брату, который был со мною. В последнем написала я, что не могу я быть в супружестве и посвящаю жизнь свою Господу. Когда выезжали мы уже из города, я сказала брату, что нужно мне побывать в Гефсимании. Оставив письма в одежде моей, с одною служанкой отправилась я в Гефсиманию. Потом, оставив ее здесь, одна поспешила к великому старцу своему. Со слезами просила я его облечь меня в монашество и дать мне книги, какие у него видела. Он исполнил просьбу мою. Пробыв у него день, сказала я ему: теперь благослови меня идти, куда Господь повелит. Со слезами помолившись обо мне, дал он мне свои книги и отпустил с миром. Возложив надежды мои на Господа, пришла я в эту пустыню и вот живу в ней уже 28 лет; ты первый, кого я вижу здесь". Когда окончила она рассказ свой, я просил ее покушать со мною пищи, какая была со мною. "Тебе нужно подкрепиться пищею, — ты устал, а у меня есть другая пища", — сказала она. Изумительно для меня было то, что, столько лет прожив в пустыне, она не потеряла своей красоты. В пещере ее я не чувствовал жажды, но думал: что-то будет после? Она, отвечая на мысль мою, сказала: "Будь покоен, авва, жажда не будет томить тебя, пока не дойдешь до келлии твоей". Прощаясь с ней, просил я ее: "Дозволь мне приходить к тебе для советов". Отправившись в путь, я точно не чувствовал жажды. Спустя некоторое время пошел я к ней, но уже не нашел ее в пещере. За все слава Господу»[1].

О третьей отшельнице, подвизавшейся в той же иорданской пустыне, где жила равноангельная Мария, читаем рассказ у Иоанна Мосха[2].

Пришли мы, говорит Мосх, к авве Иоанну отшельнику, по прозванию Огненному. Он рассказывал нам, что сам слышал от аввы Иоанна Доавитского. «В святом городе (Иерусалиме) была дева, посвятившая себя Богу, весьма благочестивая и усердная (по Прологу, именем Мастридия)[3]. Дьявол, позавидовав деве, зажег в одном молодом человеке сатанинскую любовь к ней. Великая дева, поняв хитрости дьявола и видя опасное положение молодого человека, положила в корзину немного размоченных бобов и удалилась в пустыню, дабы чрез то самое как молодого человека избавить от искушения, так и себе самой

[1] Сборный патерик под знам. S, гл. 26.

[2] *Мосх И.* Луг духовный.

[3] Пролог под 7 февраля.

найти в пустыне безопасность. Прошло немало времени после того. Дабы высокий подвиг ее не остался в неизвестности, по смотрению Божиему увидал ее один отшельник иорданской пустыни. “Мать! как ты зашла сюда?” — спросил он ее. Она, желая закрыть свое отшельничество, отвечает отшельнику: “Прости меня, я сбилась с пути, сделай милость, ради Бога, отец, укажи мне дорогу”. Отшельник, быв извещен о ней свыше, говорит ей: “Мать! Будь надежна, ты не сбилась с пути; другая дорога не нужна тебе; скажи же откровенно, как ты зашла сюда?” Тогда дева отвечала: “Прости меня, авва! Один молодой человек соблазнялся мною. Признав за лучшее быть здесь, нежели служить соблазном, удалилась я в пустыню”. Старец продолжал: “Давно ли ты здесь?” Она отвечала: “По благодати Христовой семнадцать лет”. “Чем же ты питаешься?” — спросил старец. Она, вынув корзинку с лежавшими в ней бобами, сказала отшельнику: “Вот эта корзинка, которую ты видишь, отправилась со мною из города с этою пищей; но Бог явил надо мною такую милость, что с тех пор доселе питаюсь тем же, и пища не убывает. Не забудь, отец, и того, что так прикрыл меня Бог Своею милостью, что 17 лет никто не видал меня, кроме тебя одного, хотя видала я других”. Услышав это, отшельник прославил Бога».

Кончина святой Мастридии последовала не позже 580 года.

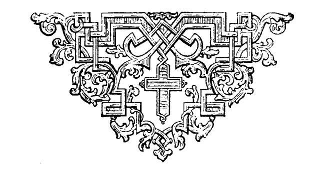
Вот и еще тайная, чудная подвижница Палестинская того же времени.

В расстоянии около 20 тысяч шагов (40 верст) от Иерусалима, говорит блаженный Иоанн Мосх, есть монастырь, так называемый Сапсас. Из этого монастыря двое отцов ходили поклониться на гору Синай. Возвратясь в монастырь, они рассказали нам следующее: «Поклонившись на святой горе и возвращаясь обратно (так случилось с нами), мы заплутались в пустыне и долго носились по ней, как по морю. В один день, увидя вдали маленькую пещерку, пошли мы к ней. Приближаясь к пещере, увидали небольшой источник, около него несколько травы и след человеческий; верно, сказали мы себе, здесь живет раб Божий. Входя в пещеру, мы никого не видали, только слышали, что кто-то плачет. Осмотрев тщательно, мы нашли что-то в роде яслей и в них кто-то лежит. Подошедши к рабу Божиему, мы просили его сказать нам что-нибудь. Но как он ничего не отвечал, мы взяли его. Тело его еще было тепло, но душа отошла ко Господу. Тут узнали мы, что в то самое время, как входили мы в пещеру, раб Божий скончался. Взяв тело его из того места, в котором лежал, вырыли могилу в той же пещере; один из нас скинул мантию, в которой был, и мы стали завертывать в нее

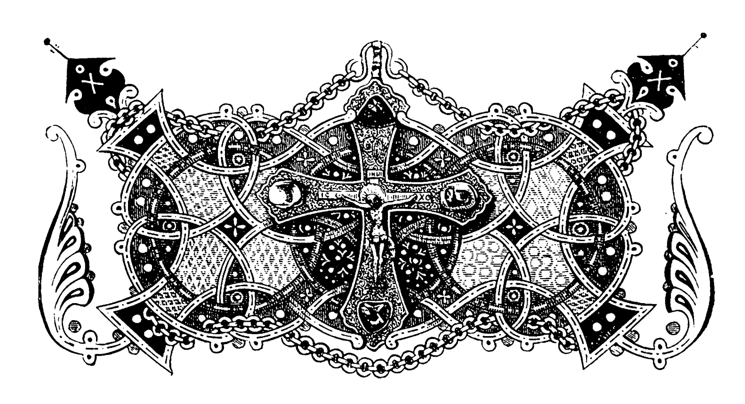
тело; тогда нашли, что это была жена: прославили Бога и, совершив над нею правило, похоронили»[1].

Кончина последовала, вероятно, в 596 году.

Дабы примеры ревностных подвижниц были более сильны для нас, повторим для себя следующие наставления Священного Писания: *Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24). *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). *Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи* (Евр. 4, 16).

[1] *Мосх И.* Луг духовный. Указание помещено и в прологе окт. 30 дня.

День восьмой

ПАМЯТЬ
святого пророка
ЗАХАРИИ СЕРПОВИДЦА

Современник пророка Аггея, вместе с ним он возбуждал князя Зоровавеля и первосвященника Иисуса ускорить постройку храма иерусалимского; пророчествовал о Христе, о торжественном вшествии Его в Иерусалим на жребяти осли, о предании за тридцать сребренников, о прободении ребра Его, о вознесении на небо. Называется же Серповидцем от видения им серпа (см.: Зах. 5, 1–4), то есть проклятия Божиего на воров и клятвопреступников. Скончался около 520 года до Р. Х.

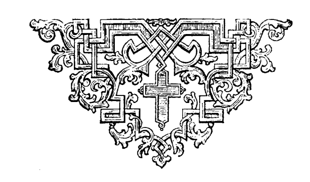
† ПРЕСТАВЛЕНИЕ
святого
САВВЫ ВТОРОГО,
архиепископа Сербского

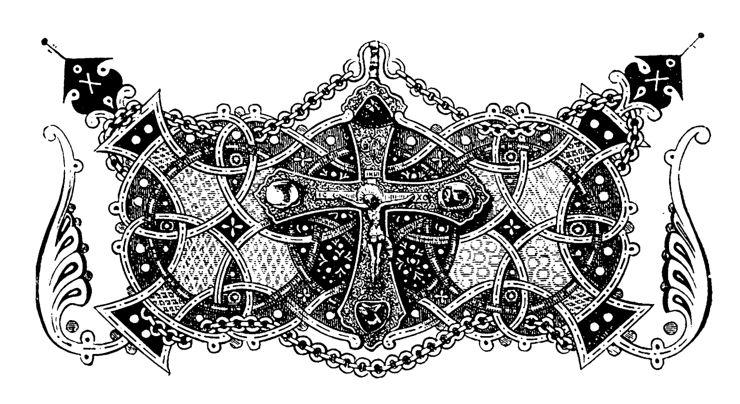
Савва второй, младший сын первовенчанного краля Стефана и племянник великого Саввы Сербского, в мире — Предслав, пожелал

идти по стопам дяди своего и в молодых еще годах принял иночество. После блаженного Арсения, благословившего его в преемники себе, был достойным сана своего первосвятителем. Останки его покоятся в Пеккской обители. Сербская Церковь воспевает ему: «Из корня благого благая отрасль прозябла, Божиего разума водами напояема, тем и плод благоуханен явился житием от юности, веселя сердца и души поющие тебя».

Преставился 8-го февраля 1268 года.

Вспоминается еще 30-го августа с прочими Сербскими святителями.

День девятый

ПАМЯТЬ святого мученика НИКИФОРА

Господь оставляет гордых и самомнительных, а смиренным подает силу и благодать! В Антиохии гражданин Никифор имел великую дружбу с священником Саприкием; но вышла между ними ссора из-за чего-то и ненависть. Никифор скоро раскаялся и просил прощения у Саприкия, но этот не хотел и слышать о примирении. Наступило гонение на христиан; Саприкий схвачен был из первых и после истязаний осужден на смерть. Никифор три раза на пути его к месту казни бросался пред ним, моля о прощении, но Саприкий отворачивался от него. Придя же на место казни, вдруг сам отрекся Христа, высказавши тем застарелую язву греха и оставление Богом, а Никифор исповедал себя христианином и был обезглавлен (в 260 году).

Святого Панкратия, епископа Тавроменийского. Панкратий, обращенный к вере апостолом Петром, был им с Востока послан в Сицилию проповедовать Христа, и в городе Тавромене был первым епископом. Успехи проповеди озлобили поборников язычества, и святой Панкратий тайно убит ими; именно, зазвавши его в храм бога Скаман-

дра, они чрез подъемный пол спустили его в пещеру и там умертвили (около 60 года).

ПАМЯТЬ святого мученика ПЕТРА ДАМАССКОГО

Инок, живший в XII столетии, известен своими подвижническими сочинениями. Выписки из них, а именно из «Воспоминания к своей душе», помещены были преподобным Иосифом Волоколамским в своем «Сборнике душеполезных отеческих наставлений».

Из того, что пишет Петр сам о себе в начале книги своей, можно заключить, что он отличался крайнею нестяжательностью.

«Ни одной книги не имел я у себя своей, и не приобретал никогда, но брал у людей христолюбивых, точно так же как и нужное для тела, любви ради. Со всем тщанием прочитав, возвращал опять к тем же».

Скончался он от меча, убиенный арабами в 1157 году[1].

ПАМЯТЬ преподобного ПАНКРАТИЯ, иеромонаха Печерского

Мощи его почивают в Феодосиевых пещерах, в Киевской лавре. О нем известно, что он имел дар исцелять больных и мирно скончался в XIV столетии. Вторично вспоминается 28-го августа.

[1] См.: *Филарет Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви: В 3-х т. СПб., 1859. Ч. III.

ПАМЯТЬ преподобных НИКИФОРА и ГЕННАДИЯ ВАЖЕОЗЕРСКИХ

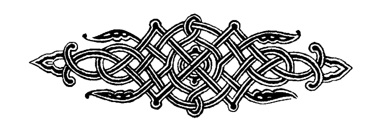
В недавнее время в Задненикифоровой пустыни построен каменный храм во имя преподобных Никифора и Геннадия, основателей пустыни. Преподобные Геннадий и Никифор были учениками преподобного Александра Свирского, но один раньше, другой позже. Оба они были основателями пустынной жизни на Важеозере; но один жил здесь отшельником, другой основал общежительную пустынь.

По древней службе преподобному Геннадию, он был наследником богатого имущества; но, раздав все нищим, отправился к преподобному Александру, который жил один на Свири; не хотелось великому отшельнику нарушить своего уединения принятием кого-либо в свою келлию: но усердные мольбы Геннадия заставили расстаться с любимым уединением, — Геннадий остался учеником и сподвижником Александра. Спустя несколько годов преподобный Александр благословил Геннадия искать себе уединения в другом месте. Геннадий поставил себе келлию на Важеозере и здесь подвизался отшельнически; впоследствии дозволил он двум-трем ученикам поставить хижины подле своей келлии, для безмолвной молитвы. Пред кончиною своею авва сказал ученикам: «На этом месте будет храм и киновия». Отшельник почил, вероятно, в 1516 году января 8-го дня.

Преподобный Никифор пришел к преподобному Александру уже иноком и в веригах, пришел тогда, как основан был монастырь на Свири; великий подвижник принял Никифора и потом с утешением смотрел на его подвиги в общежитии. И если преподобный Никифор стал жить у преподобного Александра в 1510 году, то он прожил под руководством препод. Александра в его обители около семи лет. В 1518 году он просил у великого аввы благословения поклониться Печерским угодникам Божиим. «Иди, наперед повидайся с рабом Божиим Кириллом Новоезерским», — отвечал авва. Послушный ученик исполнил волю аввы. Когда прибыл он на берег Новоозера, то, утомленный трудом, заснул. Кирилл, окончив вечернее правило, по-

спешил переплыть на лодке озеро и разбудил странника. Изумленный путник просил прощения. Кирилл, поклонившись ему, сказал: «Ты благослови меня, — ты послан преподобным игуменом и духовным братом Александром посетить меня грешного». Никифор понял, кто говорит с ним. Восемь дней пробыл после того Никифор у преподобного Кирилла, наслаждаясь духовными беседами его. С восторгом радости возвратился он к своему авве и пересказал, что видел и слышал у прп. Кирилла. «Теперь можешь идти в Киев по твоему желанию», — сказал Александр. Окончив благочестивое странствование свое до Киева, преподобный Никифор, по благословению аввы, поселился на Важеозере, там, где подвизался преподобный Геннадий. Это — вблизи села Сермакса, где жили и почили родители преподобного Александра. Авве Александру, конечно, приятно было, что так близко от Сермаксы будет обитель молитвенников и они будут молиться о покое родителей его. Искренний ученик его исполнил то, что было приятно великому авве. Мало-помалу он собрал к себе любителей пустынной жизни, построил храм в честь Преображения Господня и завел общежитие. Здесь подвизался он до кончины своей, последовавшей 9-го февраля 1550 года[1].

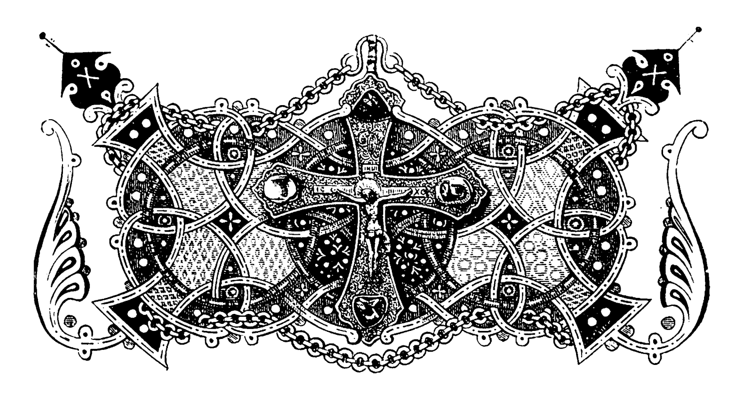
Над мощами преподобных Геннадия и Никифора вскоре поставлена была часовня, в ней гробница. Память подвижников чтили благоговейно[2]. Обитель в 1764 году была закрыта, но с 1800 года храм ее приписан к Свирскому монастырю, находящемуся в 13 верстах[3].

[1] Ркп. житие прп. Никифора Задненикифоровой пустыни, извлеченное из житий прпп. Александра и Кирилла. *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV, VI.

[2] Часовня с гробницею показывалась и по писцевым книгам XVII стол. и притом в самой обители, а не близ пустыни, как сказано в Словаре святых.

[3] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

День десятый

ПАМЯТЬ
о Новгородских святителях
ИОАКИМЕ, ЛУКЕ, ГЕРМАНЕ, АРКАДИИ, ГРИГОРИИ, МАРТИРИИ, АНТОНИИ, ВАСИЛИИ и СИМЕОНЕ

Согласно с волею Неба, объявленною святителем Иоанном в 1439 году, Церковь Великого Новгорода чтит февраля 10-го память святителей своих: Иоакима, Луки, Германа, Аркадия, Григория, Мартирия, Антония, Василия и Симеона[1].

Блаженный Иоаким был из числа священников, которых привез с собою из Корсуня великий князь Владимир, когда решился просветить Русь Святым Крещением[2]. При святом митрополите Михаиле, еще в сане священника, проповедовал он святую веру в Новгороде; он построил здесь тогда храм Преображения Господня и крестил некоторых

[1] В Тихвинской церкви Софийской стороны есть и ркп. служба XVII в.

[2] Нестор о Владимире: «Поем и попы Корсунски» (Собр. л. 1. 50); Иоаким по всем летописям называется Корсунянином.

из язычников[1]. Но язычество было в большой силе в Новгороде и упорно отстаивало власть свою над бедными людьми; оно не слушало проповедника святой веры и выступило с мятежом против распоряжений великого князя Владимира, вызвав на помощь себе вольницу Новгорода. В 993 году Иоаким посвящен был во епископы Новгорода[2]. Для обуздания бунтующих язычников Добрыня и Путята явились в Новгород с войсками. В Иоакимовой летописи читаем: «Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и все поклялись не пускать его в город и не давать идолов на извержение. И точно, когда пришел Добрыня, то новгородцы разметали мост и вышли против него с оружием. Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они не хотели и слушать, и поставили две каменометные машины. Особенно возбуждал их к непокорности главный из жрецов, Богомил Соловей. Епископ Иоаким со священниками находился на торговой стороне: они ходили по площадям и улицам, уча людей, и в два дня успели окрестить несколько сот. На другой стороне тысяцкий Угоняй ездил там и здесь и кричал: "Лучше нам умереть, чем выдать богов наших на поругание". Народ рассвирепел, разорил дом Добрыни, разграбил имущество, убил жену его и еще некоторых из родни его. Иные пошли и разметали церковь Преображения Господня и стали грабить дома христиан». Путята с 500 ростовцев выступил против мятежников, захватил Угоняя и других лучших людей; Добрыня явился со всею своею дружиною и «велел зажечь некоторые дома». Новгородцы, прекратив сражение, бросились тушить пожар, а самые знатные явились с покорностью к Добрыне. Воевода согласился на мир, но велел уничтожить идолов, — деревянные сжечь, а каменные, изломав, побросать в реку. «Мужчины и женщины с воплем и слезами просили за них, как за действительных богов. Добрыня с насмешкою отвечал: нечего вам жалеть о тех, которые сами себя оборонить не могут; какой пользы ждать вам от них? И послал объявлять везде, чтоб шли креститься. Тогда многие язычники, желая избавиться от крещения, объявляли, что они крещены: Иоаким велел всем крещеным надеть

[1] Никон. л. 1. 105 говорит, что когда Иоаким поставлен был в епископа Новгороду, тогда «и достальные требища разори», след. предшествовало тому начальное истребление предметов суеверия; роспись владык и 3 Новгор. лет. относят прибытие Иоакима в Новгород к 989 г. (Собр. л. 3. 179, 207); это согласно с тем, что Иоаким Корсунянин взят был благоч. Владимиром для насаждения веры. Иоакимова летопись говорит о христианах и храме Преображения, бывших в Новгороде до Добрыни.

[2] Супрасл. л. 10.

на шею кресты, а кто не будет иметь на себе креста, тому не верить, что крещен, и крестить. Разметанную церковь Преображения построили вновь»[1]. В других летописях еще читаем: Иоаким разорил жертвенники и ссек Перуна, он приказал стащить его в Волхов; его опутали веревками, волокли по навозу, поражая палками, и бросили в Волхов: Иоаким заповедал, чтобы никто нигде не останавливал его. Житель местечка Пидола вышел рано на реку, думая везти горшки в город, и вот Перун приплыл к берегу; он оттолкнул его шестом. «Ты, Перунище, сказал он, досыта пил и ел, а теперь плыви прочь»[2]. Это известие показывает, что наставлениями блаженного Иоакима многие из новгородцев доведены были до сердечного убеждения в несостоятельности идолов. И сподвижник блаженного Иоакима, Путята, строгий к возмутителям, действовал на совесть мерами убеждения: известна минея на месяц май, писанная его рукою в Новгороде[3]. Блаженный Иоаким был ревнителем христианского просвещения; князь Ярослав открыл училище в Новгороде. «И собра Ярослав от старост и от пресвитеров детей 300 и повеле учить книгам». Блаженный епископ определил в наставники ученика своего Ефрема, который усердно обучал детей истинам святой веры, а чрез них передавал наставления святой веры и их родителям[4]. Это было незадолго до кончины Иоакима. Прежде того блаженный архипастырь учил народ христианскому благочестию другими способами — храмами и их богослужением. Он построил храм святой Софии, вечной Премудрости, Сыну Божиему. Деревянный храм сей был с 13 главами — символами Христа Сына Божиего, окруженного 12 апостолами. Храм стоял на берегу Волхова, на том месте, где после, в 1127 году, богатый новгородец Сотко построил каменный храм Бориса и Глеба, в конце Епископской улицы, не вдали от второго Софийского собора[5]. При кафедральном

---

[1] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1, гл. 4; Отечественные Записки.1856.

[2] Собр. л. 3. 207. 4. 175. 3 121. Супрасл. л. 10. 11. Никон. л. 1. 103: «От Новгорода за 3 версты на Пидбе»; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX. Прим. 258. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории: В 7 т. М., 1846–1857. Т. V (далее — *Погодин М.П.* Исследования о русской истории. — *Ред.*).

[3] ИОРЯС. Т. VI. На последнем л. минеи: «Путята писал — даче криво, да исправите, но не кляните. Даче, вм. да аще, Новгородская поговорка». Показание канонов сей минеи в: Записки Императорской Академии Наук. Кн. II, вып. 2.

[4] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II. Прим. 54; Собр. л. 3. 121. 179; *Погодин М.П.* Исследования о русской истории. Т. V.

[5] Собр. л. 3. 2.127,128; Супрасльская лет. 11. В ркп. летописце Никольского дворищенского собора: «Заложи церковь каменную св. страстотерпца Бориса и Глеба Сотко

храме блаженный Иоаким устроил и монастырь, который назывался Софийским и Десятинным[1]. На месте низверженного Перуна освящена им церковь, 995 года, Рождества Богородицы. Кроме того построен им храм во имя Ангела своего — Богоотца Иоакима и Анны[2]. Здесь он был и погребен в 1030 году. В конце XVII века мощи его перенесены в каменный Софийский собор, где положены в золотой паперти[3], и святитель Иоаким изображен в алтаре Софийского собора, на стене, первым между Новгородскими святителями[4].

Блаженный Лука первый из русских, сколько известно, удостоился сана епископского в 1035 году, а о русском происхождении говорит прозвание его — Жидята[5]. В его время и под его надзором строился каменный Софийский собор, доселе существующий, который освящен им в 1049 году. Нужда в этом храме стала настоятельною особенно потому, что в марте 1055 года Софийский собор, построенный блаженным Иоакимом, сгорел. По известию нераннему, блаженный Лука выписывал иконописцев для сего храма из Царьграда; образ Спасителя в куполе храма по его распоряжению написан был с благословляющею рукою, но таинственный глас велел написать сжатою и сказал: «В сей руке держу великий Новгород; когда раскроется рука Моя, и городу конец»[6]. Еще целы остатки мусии на горнем месте алтарей[7]. Спустя

в каменном городе Детинце, идеже прежде была София при архиепископе Иоакиме, и тая церковь (Бориса и Глеба) разорена от Немец до основания, а стояла близ церкви муч. Андрея стратилата»; Сотко — изумительный богач и строитель храмов — любимый предмет народной поэзии Новгородской (см.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 4 ч. / сост. П. Н. Рыбников. М., 1861–1867; *Бессонов П.А.* Калики перехожие: В 6 вып. М., 1861–1864).

[1] Супрасл. л. 11, называет Софийский монастырь десятинным, конечно потому, что в пользу кафедры собиралась десятина, на что есть указание и в Святославовой грамоте.

[2] *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1; Собр. л. 3. 208.

[3] В 1598 г. сент. 12 «перенесены мощи из каменной палатки в собор и погребены в золотой паперти, подле Луки епископа, первого епископа Иоакима Корсунянина, точию кости едины, а в земле быша 668 лет». Собр. л. 3. 275.

[4] *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. Ркп. святцы: «св. Иоаким первый епископ Новгород. родом Корсунянин». См.: Словарь святых.

[5] После Иоакима учитель Ефрем «благословлен учить в его место. Он учил 5 лет, но святительства не сподобился». Прибывший в Новгород Ярослав избрал Луку (Собр. л. 3. 179. 200; *Востоков А.* Описание Румянцевского музеума).

[6] Собр. л. 3. 210. 211. 121. 178. 288. 5. 138.

[7] *Аполлос, архим.* Описание новгородского Софийского собора. М., 1847. С. 4; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1.

пять лет по окончании собора праведный пастырь подвергся горькой доле. В 1055 году он был оклеветан слугою своим Дудиком, отозван был из Новгорода в Киев и здесь содержался три года. К чему относилась эта клевета, неизвестно; но невинность святителя открыта, и клеветнику обрезали нос и руки. Блаженный Лука снова вступил в управление паствою; потом отправился в Киев и на возвратном пути в 1058 году скончался 15 октября[1]. Блаженный святитель оставил для Церкви пастырское поучение, драгоценное по простоте своей и силе духа. «Прежде всего, должны мы, братия, — так писал святитель, — хранить сию заповедь — веровать в единого Бога, в Троице славимого, в Отца, Сына и Святого Духа, как научили апостолы и святые отцы. “Верую во Единого Бога” и проч. Веруйте воскресению, Жизни Вечной, вечной муке грешников. Не ленитесь ходить в церковь к заутрене, к обедне и к вечерне; и в своей клети, отходя ко сну, поклонись Богу, а потом уже ложись. В церкви стойте со страхом Божиим, не разговаривайте, не думайте ни о чем другом, но молите Бога всею душой, да простит вам Бог грехи. Имейте любовь ко всякому человеку, а больше к братии; не будь у вас в сердце одно, а на устах другое. Не рой брату яму, чтобы тебя не ввергнул Бог в худшую. Люби правду и за правду, за Божий закон, готов будь умереть, чтобы Бог причел тебя к святым. Переносите друг от друга обиду, не платите злом за зло; друг друга хвалите, и Бог вас похвалит. Не ссорь других, чтобы не назвали тебя сыном дьявола; помири, да будешь сыном Богу. Не осуждай брата и мысленно; помни свои грехи, чтобы и тебя Бог не осудил. Милуйте странных, убогих, заключенных в темницы, и к своим сиротам (рабам) будьте милостивы; тот весьма милостив, кто оберегает от скорби своих домашних. Бесовских игрищ (москолудства) творить не следует, так же как и говорить срамные слова и сердиться ежедневно; не унижай других, не смейся ни над кем; в напасти терпи, имея упование на Бога. Не будьте буйны и горды, а считайте других лучшими себя, — помните, что, может быть, завтра будете смрад, гной, черви. Будьте смирны, кротки, не многоречивы, чтобы быть и слушателями и исполнителями закона Божиего; у гордого в сердце — дьявол, и Божие слово не прильнет к нему. Почитайте старого человека и родителей своих. Не клянитесь именем Божиим и другого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правде, взяток не берите. Денег в рост не давайте. Бога бойтесь, князя чтите; рабы, повинуйтесь сначала Богу, потом господам своим; чтите иерея

[1] Собр. л. 3. 122. 179. 212. 5, 138. 139.

Божиего, чтите и слуг церковных. Не убивай, не кради, не лги, лживым свидетелем не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи; блуда не твори ни с рабою, ни с кем-либо другим; не пей не вовремя и пей умеренно, а не до пьянства; не будь гневлив, ни дерзок; с радующимися радуйся, с печальными будь печален; не ешьте нечистого; святые дни чтите. Бог же мира со всеми. Аминь»[1]. Так поучал святитель Божий!

Святость жизни блаженного епископа Луки оказалась несомненною спустя 500 лет после его кончины. По случаю пристройки к приделу Иоакима и Анны, мощи его, в святительском омофоре, обретены нетленными и положены в Мартириевой паперти Софийского собора[2].

О блаженном Германе, Новгородском епископе, по летописям известно, что он хиротонисан в 1078 году и преставился в Киеве в 1096 году[3]. Блаженный Симеон поставляет его между воспитанниками Пещерной обители[4]. И по рукописным святцам видим его между Печерскими подвижниками. К Киевским подвигам блаженного Германа должны мы отнести основание монастыря на Берестове, известного в летописях под именем «Германеча» и Спасского. Оправданием тому служит как современность святителю Герману игумена и основателя монастыря Германеча, известного в 1072 году[5], так и совершенно подобные деяния другого

---

[1] Достопамятные сказания. По другому списку с некоторыми неважными отличиями, напеч. у преосв. Макария (*Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской церкви: В 12 т. СПб, 1883. Т. 1 (далее — *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. — *Ред.*). Последний список — не лучший, хотя и более древний.

[2] Описание Румянцевского музеума. № 154; житие св. Никиты: «обретоша гроб шестью деками каменными сделан; на верхней каменной деке воображение бе честного креста... и отверсти его повеле (архиепископ) и абие виде мощи святительски, свидетельствующему омофору, яко быть епископу лежащему во гробе том. Взем же мощи оные, архиепископ внесе в притвор великия церкве, иже суть притвор с полуденныя страны. Взыскающе же по памятованием обретоша, яко ту погребен есть епископ Лука, иже бе от крещения нашего второй епископ великому Новгороду». Это было в 1558 г. Ркп. святцы: «св. Лука епископ преставился в лето 6562», в другом списке прибавлено: «окт. в 15 день». Св. Лука епископ написан на столбе, в алтаре собора (*Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора). Память св. Луки местно чтится 10 февраля вместе с другими святителями (Словарь святых).

[3] Собр. л. 3, 122. 179. 213. 5, 147.

[4] Послание к Поликарпу.

[5] Собр. л. 1. 78. 79. 99. 2. 6. *Карамзин Н. М., Смирдин А. Ф.* Примечания к Истории государства Российского, тома 1–3. СПб, 1852. Прим. 240 к 2 т.; Прим. 81 к 3 т. В 1806 г. Германов монастырь, или Спасский на Берестовом, был деревянный, почему и сгорел. Отселе очевидно, что Берестовский Спасский храм каменный построен после 1096 г., и Кальнофойский ошибается, показывая, что сей каменный храм построен св. Владимиром.

Печерского подвижника и епископа, святого Стефана, оставившего свое имя монастырю «Стефанечу». Монастырь «Германеч» в 1096 году (июля 23-го) был опустошен половцами[1]. В том же году святитель Герман совершил свое последнее путешествие в Киев. При такой близости двух событий вероятно, что несчастие Спасской обители и вызвало основателя ее в Киев, откуда он уже более не возвращался в Новгород[2].

По летописям в 1153 году «игумен Аркадий срубил церковь Успения Святой Богородицы и составил монастырь, который стал убежищем христиан, радостью Ангелов и пагубою дьяволу». Аркадиева обитель с деревянным храмом Богородичным основалась в трех верстах от Новгорода[3]. При такой близости ее к городу мирские люди, утомляемые суетами, могли часто ходить в Аркадиеву обитель и здесь молитвами оживлять уставшую душу; жизнь иноков, заботливых о небе и вечности, без слов показывала каждому, что не для земли должен жить человек, а для неба, тем более страшно жить в грехах. Преподобный основатель обители был притом подвижником, от которого можно было научиться многому, на радость души. И благие чувства, благие расположения посетителей Аркадиевой обители были радостью для Ангелов, радующихся о грешнике кающемся. Блаженный игумен пользовался славою добродетельного и рассудительного человека: доместик Антониевой обители Кирик обращался к нему с вопросами о разных предметах и некоторые ответы его записал даже в число церковных правил[4]. Новгородцы высоко ценили достоинства блаженного Аркадия. В 1156 году, когда скончался в Киеве святой Нифонт, «собрался весь город и все захотели, чтобы был епископом Новгорода избранный Богом муж Аркадий; народ, князь Мстислав Юрьевич, весь клир Святой Софии, все городские священники пошли и взяли его из монастыря и, введя во двор Святой Софии, поручили ему епископию, пока придет митрополит в Россию»[5]. Так

[1] Собр. л. 1, 99.

[2] Мелетий Сириг в каноне святым Киевским призывает в помощь иерархов Луку и Германа. Акафисты, К. 1674 г.

[3] Собр. лет. III, 11. 215. IV, 8. В 3-й Новгород. лет. сказано: «сей Аркадий во игуменстве заложи церковь каменную Успения». Но это — ошибка. Им построен деревянный храм (Собр. лет. III, 11. 97. IV, 8).

[4] *Калайдович К.Ф.* Памятники русской словесности XII века. М., 1821. «Телнога ради женскаго с Оркадьем молвих, се со игуменом, а творяшесе и епископа прошав и иных, а не подкладоша ни за что же». О другом предмете: «Прашах и сего: аж девица лезет на девицу... И Аркадий молвяше: то есть как содомский грех».

[5] Собр. л. III, 12. 180. IV, 9.

все единодушно признали в Аркадии того, кто может быть достойным архипастырем обширной Новгородской паствы. В 1157 году посвящен он митрополитом Константином в Киеве и возвратился в Новгород 13-го сентября. Во время его управления Новгородскою паствой не раз меняли посадников и князей; но ни разу не видно там ни убийства, ни грабежей, как видно в другие времена. Это зависело сколько от доброго великого князя Ростислава, столько и от внушений благочестивого святителя[1]. Из памятников архипастырского правления его сохранился до нашего времени стихирарь, замечательный по многим отношениям. Здесь в стихире на Рождество Христово читается: «Господу Иисусу родившемуся от Святой Девы». В стихире предпразднству Богоявления написано: «паки Иисус мой очищается в Иордане». В приписке к стихирарю упоминается состоявший при епископе Аркадии тиун Тупочель как помощник его по управлению[2]. Боголюбивый святитель мирно почил 19-го сентября 1162 года, «и его с великою честью положили в притворе Святой Софии»[3]. И по минее митрополита Макария, и по рукописным святцам блаженный Аркадий — в числе святых[4]. Обитель, основанная им, существовала до 1764 года; каменный Успенский храм ее, построенный в 1186 году[5], и другой каменный трапезный, построенный в честь Архангела Михаила в 1395 году[6], целы поныне[7].

Родной брат святителя Иоанна, архиепископа Новгородского, Гавриил вместе с братом подвизался в 1179 году при построении на озере

[1] Собр. л. III, 12. 13. 180. II, 83.

[2] Стихирарь Новгород. Софийск. б-ки на л. 99 приписка: «коньцяшася книги эта мес. сентября в 13 день на канон Воздвиженья, от мес. июня при епископе Аркадии и при тиюне Тупочеле». После того одним и тем же почерком написаны стихиры и канон св. кн. Борису и Глебу и канон апостолам Петру и Павлу. Содержание стихираря см. в: ИОРЯС. Т. VI. Начальных 8 тетрадей его недостает. Но другой стихирарь того же XII века, принадлежащий ныне академии наук, сохранился во всей полноте (Записки Императорской Академии Наук. Кн. 2).

[3] Собр. л. III, 13. 180. 215. IV, 11.

[4] Святцы: «св. Аркадий епископ преставился в л. 6671 мес. сент. в 18 день». В минее Макария память св. Аркадия, епископа Новгород. — под 18 сент. В Отенских святцах 1718 г. прибавлено: «положен бысть в Мартириевой паперти: повествует о нем в письменных четьих минеях, в соборе в той день», т. е. читают в соборе 18 сент. житие его по Четьям-Минеям Макария. Словарь святых: «память его празднуется в соборе февр. 10 и окт. 4 обще с другими угодниками».

[5] Собр. л. 3, 126. ИОРЯС. Т. VI.

[6] Собр. л. 3, 97.

[7] *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1.

Мячине Благовещенского монастыря, употребляя на то и свою собственность. Когда святитель Иоанн решился отказаться от кафедры для уединенного приготовления себя к вечности, то назначил в преемника себе блаженного Гавриила, и он, приняв с иночеством имя Григория, в 1187 году посвящен был в архиепископа Новгородского. Летопись заметила совершенное им освящение каменного храма в Аркадиевом монастыре. Каменный крест с надписью, поставленный при основании сего храма, доселе еще цел[1]. В летописи замечено еще следующее событие времени блаженного архиепископа: «в первый год его архиепископства был крестный ход от Святой Софии к Святому Архангелу Михаилу, на Михайловскую улицу; пели 9 песнь канона, как вдруг ударил такой страшный гром, что народ пал; деревянная церковь загорелась, но Бог сохранил (от бед) молитвами святого Архангела и святителя Григория; не было никакого бедствия в церкви, только два человека найдены мертвыми в деревянном храме». Блаженный Григорий управлял Новгородскою паствою шесть лет, напоминая ей своими добродетелями великого брата. Он скончался 24-го мая 1193 года и погребен вблизи брата в Софийском соборе; мощи его обретены в 1558 году и почивают под ракою, на которой изображен святитель во весь рост[2].

По смерти блаженного Григория в народном новгородском правлении произошло разногласие о преемнике его: «одни хотели Митрофана, другие Мартирия, третьи Грека. Положили на престол Святой Софии три жребия и послали с веча слепца взять жребий; и Божией благодатью вынут был жребий Мартирия». Мартирий был родом из Старой Русы, и здесь на острове основал в 1192 году Преображенский монастырь, поныне существующий. Избранный посвящен был в архиепископа в Киеве 10-го декабря 1193 года. Первый год правления его прошел в тревогах. Сперва горели Ладога и Руса; потом от недели святых до праздника Успения были частые и сильные пожары в Новгороде; народ был до того напуган в Новгороде, что уже не жил в домах, а в поле. В мае 1195 года блаженный пастырь заложил храм Богоматери на городских воротах.

---

[1] Собр. л. под 6696 и 6697; Известия императорского Русского археологического общества. В 10 т. СПб., 1859–1884. Т. II (далее — Известия Археологического общества. — *Ред.*).

[2] Собр. л. 3, 17–21. 216. 217. 5, 168.169. Ркп. святцы. «Святой Григорий архиепископ, брат Иоаннов, преставился 6700 месяца в день». *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. Здесь в надписи на гробнице день преставления — 24 мая.

Осенью того же года основан им храм Воскресения Христова в новой женской обители у озера Мячина, а в следующем году 13-го сентября освящен. Летопись так говорит о сем подвиге святителя: «Владыка трудился, палимый во время дня зноем, а ночью скорбел от заботы, как бы окончить и видеть в полной красоте церковь; чего желал, получил он, — Царство Небесное и радость нескончаемую»[1]. Между тем в том же году усердные два брата, Караваковичи, по благословению святителя, основали еще монастырь в Нелезине, на Лубяной улице, в честь святителей Кирилла и Афанасия, монастырь замечательный и потому, что новгородцы признавали потом в святителе Кирилле защитника своего от татар, и этот монастырь доселе существует[2]. В 1197 году святитель имел утешение заложить в Плотницком конце храм святой мученицы Евфимии с девичьим монастырем, а постройку приняла на себя благочестивая Полюда, жительница Городища[3]. Блаженный пастырь продолжал заботиться и о полном устройстве основанного им монастыря в Старой Русе. В январе 1197 года освящал он в нем храм в честь святого патриарха Никифора; а в мае 1198 года начал там же строить каменный храм Преображения Господня и освятил его в день Успения Богоматери; «блаженный, говорит летопись, веселился душою, устроив себе вечную память, а христианам честный монастырь»[4]. В том же году было изумительное происшествие: один набожный новгородец каждый день посещал храм Божий и, с благоговением принимая антидор и просфору, с благоговением и вкушал. Раз нес он Богородичную просфору в дом и, по немощи, заснул на дороге. Псы, почуяв хлеб, подошли и хотели похитить просфору, но отскакивали прочь, отражаемые какой-то силою. Это было в виду людей. Когда доложили об этом блаженному Мартирию, он приказал на месте происшествия основать храм в честь Богородицы. Супруга князя Ярослава Владимировича Елена приняла на себя построить храм и женскую обитель, и в следующем году освящен

---

[1] Собр. л. III, 2123. 127. 216. 217. IV, 18. V, 169.170. *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1.

[2] Собр. л. III, 23. 24. 52. 217. IV, 18. 94. *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1. Только напрасно о. Макарий из того, что новгородцы считали свт. Кирилла защитником своим от татар, выводит заключение, будто монастырь после 1239 т. был вновь перестроен. Иначе точно такое же заключение надлежало бы составить и о храме св. Софии.

[3] Собр. л. III, 24. 127. 217.

[4] Собр. л. III, 24.

на Торговой стороне, на Молоткове, монастырский храм Рождества Богородицы[1]. В 1199 году вследствие сильных неудовольствий великого князя Всеволода на Новгород блаженный пастырь должен был отправиться с посадником и лучшими людьми во Владимир. Изможденный летами и трудами, «раб Божий архиепископ Мартирий» скончался на дороге на берегу озера Селигера, 24-го августа. Святое тело его привезли в Новгород и положили в притворе Святой Софии, который потом назывался Мартириевою папертью и златою папертью[2]. В 1201 году богатый новгородец Добрыня Андрейкович по благочестивым расположениям души путешествовал в Константинополь и, возвратясь с Востока, постригся в Хутыне монастыре с именем Антония. В это самое время новгородцам неожиданно не понравился архиепископ их Митрофан, которого сами они избрали в 1201 году на место почившего Мартирия[3]. Кажется, его винили в том, что Новгород в 1211 году опустошен был пожаром, истребившим до 1300 дворов. Как бы то ни было, только от него не требовали ни объяснения, ни оправдания, и без всякого сношения с митрополитом отправили его в Торопец на житье, а на его место выбрали Антония и отправили к митрополиту для посвящения[4]. Но выбор, по отношению к избранному, был счастливый: Антоний отличался и благочестием, и образованностью. О последней говорит его описание путешествия в Константинополь. В этом описании сообщил он новгородцам сведения об иконах и иконописцах, виденных им, — о древнем иконописце Лазаре, написавшем в алтаре Святой Софии Пресвятую Богородицу с Предвечным Младенцем и двумя Ангелами, о дорогом блюде, подаренном святою княгинею Ольгою патриарху[5]. Антоний был искренним иноком, и митрополит посвятил его в архиепископа. По возвращении в Новгород первым делом архиепископа Антония было то,

[1] Собр. л. 3, 218. 25. *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1.

[2] Собр. л. 3, 24. 25. 218. 5, 171. Св. Мартирий архиепископ изображен на столбе в алтаре собора. *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора.

[3] Собр. л. 3, 25. 31. 7, 118.

[4] Собр. л. 3, 31. 128. 180. 219. 7, 118. В последней сказано: «пришел бяше из Царьгорода Добрыня Андрейкович и привезе с собою гроба Господнего и постригся на Хутыне у св. Спаса». В Софийском соборе поныне хранится мера гроба Господнего, т. е. то самое, что привезено Добрынею. *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора.

[5] Отрывки описания см. в: *Сахаров И.П.* Исследования о русском иконописании: В 2 кн. СПб., 1849. Кн. 2.

что он обратил палаты Митрофана в храм преподобного Антония, своего Ангела. В 1218 году блаженный Антоний построил каменный храм святой мученицы Варвары в девичьем монастыре, который известен был еще в 1138 году, но теперь возобновлен заботливым архипастырем[1]. В том же году из Новгорода удалился князь Мстислав, принимавший особенное участие в избрании Антония, и вслед за тем прибыл из Владимира Митрофан. Новгородцы на первый раз назначили Митрофану для пребывания Блоговещенский монастырь; когда же Антоний отправился по делам служения в Торжок, они ввели Митрофана в архиепископский дом, а Антонию послали сказать: пусть идет, куда хочет, — у них есть архиепископ Митрофан. Антоний, признавая себя законным пастырем, прибыл в Новгород. Тогда только новгородцы поняли, что без митрополита не надлежало им распоряжаться участию архипастырей своих. Они просили обоих архипастырей отправиться к митрополиту на суд и послали с ними своих доверенных. Митрополит Матфей, посвящавший и Митрофана и Антония[2], назначил Митрофана в Новгород, а Антония, на время удержав при себе, определил на праздную Перемышльскую кафедру[3]. Митрофан спустя три года скончался. Надлежало ожидать, что новгородцы вызовут теперь Антония, по их вине потерпевшего неприятности. Напротив, в самый день кончины Митрофана ввели они в дом архиепископский Хутынского инока Арсения. В 1225 году Антоний прибыл из Перемышля в Новгород, сел на своей кафедре, и «новгородцы рады были своему владыке»[4]. Спустя три года Антоний, сильно заболев, добровольно (1228 г.) удалился в Хутынь монастырь; Арсений снова начал управлять делами епархии. С половины августа до 6-го декабря (1228 г.) шли проливные дожди, опустошившие поля. Народ, не оглядываясь на самого себя, взволновался и стал кричать: «тепло стоит так долго за то, что Арсений купил себе место у князя Ярослава и вытеснил Антония». Он вывел Арсения из архиепископского дома и едва не умертвил. Арсений убег в Хутынь, а Антония, против воли, привели в архиепископский дом и дали ему в пособие, для судебных дел, двух светских чиновников. Мятежники не довольствовались тем: они ограбили владычного стольника, несколько других чиновников,

[1] Собр. л. 3, 8. 36. 219.

[2] Он был митрополитом после Никифора 2 (1197 г.) и скончался 26 августа 1220 (Собр. л. 1, 184. 188. 3, 25. 4, 19).

[3] Собр. л. 2, 36. 38. 180. 219. 4, 26. 27. 7, 128

[4] Собр. л. 3, 39. 42. 180. 219. 4, 28.

в том числе и тысяцкого, по подозрению в том, будто они наводят на зло князя Ярослава[1]. Но Антоний стал сильно болен и совсем онемел. Прибывший (в 1229 г.) в Новгород князь Михаил предложил вечу: «Вот у вас нет владыки, а без него нельзя быть в городе; на Антония положил Бог руку Свою; можете ли вы терпеть такого даже в числе священников или игуменов?» Стали выбирать преемника Антонию, но опять явилось разногласие: одни хотели Волынского епископа Иоасафа, другие иеродиакона Спиридона, иные же кого-нибудь из греков. «Положим три жребия, — сказал князь Михаил, — пусть решает воля Божия, кому быть архипастырем». С престола Софийского вынулся жребий Спиридона, и ему поручили заведовать делами архиепископа. Блаженный Антоний более двух лет лежал больным и немым в Хутынском уединении и, страданиями очищенный, преставился 8-го октября 1231 года. «Душа его, говорит летопись, взошла на небо, а мощи его с честью положены были в притворе святой Софии»[2].

В Софийском соборе хранится крест шестиконечный, в котором положена часть Животворящего Древа, в виде четвероконечного креста, с надписью: «Господи, помоги рабу Своему Антону, архиепископу Новгородскому, давшему крест святой Софии». Этот крест употребляется при торжественном освящении воды в день Богоявления и 1-го августа[3].

После того, как святитель Моисей в 1329 году добровольно отказался от кафедры для безмолвной жизни, новгородцы избрали на архиепископскую кафедру Космодемьянского священника Григория Калеку. Послание его о Рае свидетельствует, что по примеру многих других путешествовал он по Востоку и был любопытен для того, чтобы собирать необыкновенные по чему-либо мнения и рассказы о предметах, прикосновенных к вере[4]. Избранный в архиепископа, принял он ино-

---

[1] Собр. л. 4, 39. 42. 180. 219.

[2] Собр. л. 3, 42. 48.180. 181. 219. 4, 29. Никонов. л. 2, 368. Почти везде повторено: «бысть в болезни, онемев, не глаголя, лет 6 и 7 месяцев и 9 дней». Но этот счет неверен, несогласен с показаниями самых летописей. Здесь сказано: «в том же (6740 л.) преставился архиепископ Антоний». По ркп. святцам преставился 17 января (*Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора).

[3] *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора.

[4] Послание о Рае. «Самовидец есмь сему, брате, когда Христос, идый в Иерусалим на страсть вольную, затвори Своима рукама врата градная и до сего дни не отворимы суть; а егда постился Христос над Ерданом, своима очима видел есмь постницу Его, и сто финик Христос досадил, недвижимы суть, и доныне не погибли, не погнили» (Собр. л. 6, 88).

чество и имя Василия и в 1331 году хиротонисан был во Владимире-Волынском. В то же время приготовились для него неприятности: великий князь Литовский Гедимин хотел, чтобы Псков, отдавшийся под его покровительство и доселе состоявший в епархии Новгородской, имел особенного епископа. Исполнение этого желания могло иметь благоприятные последствия для Православия: Псковский епископ, близким надзором своим, мог охранить Православие на пределах Литовских и Лифляндских от происков папизма и от оскорблений дикого язычества. Но недальновидный и самолюбивый Новгород сильно оскорблялся желанием Пскова прервать узы зависимости от Новгорода. И митрополит Феогност не посвятил Арсения в епископа Псковского. Самолюбие Гедимина сильно оскорбилось тем. Когда посвященный Василий со своей свитой отправился из Владимира в Новгород, Гедимин хотел дать ему почувствовать свое оскорбление, если не вынудить на согласие со своим желанием: он послал за ним Киевского князя Владимира Ольгердовича. Извещенный вовремя митрополитом о погоне, Василий со свитою успел, особыми путями, достигнуть Чернигова; здесь едва не произошло кровопролитной схватки; но Василий откупился деньгами и прибыл наконец в Новгород, где встречен был с радостью[1]. Еще до путешествия своего к митрополиту Василий начал дело общеполезное — заложил каменную стену вокруг Новгорода. Теперь он с радостью продолжал это дело, и в течение двух лет громадная постройка была окончена. В то же время (1333 г.) он возобновил Софийский собор, покрыл его свинцом и поставил на главе новый крест. Летопись, говоря об этом, прибавляет: «за то дай ему Бог и Святая София в сем и в будущем веке отпущение грехов, ему и детям его новгородцем»[2].

Так как великий князь Калита, изъявляя гнев на Новгород за отказ в платеже закамской подати, производил опустошение в Новгородской области, и посадники, отправлявшиеся к нему для мира, возвратились ни с чем: Василий принял на себя ходатайствовать пред великим князем за Новгород. Отправясь с послами, он предложил великому князю в дар 500 рублей, лишь бы он оставил за Новгородом некоторые из его прав. Ходатайство не имело успеха, но долг пастыря патриота выполнен. Василий не остановился однако на том: в следующем году отправлялся он во Владимир к митрополиту,

[1] Собр. л. 3, 75. 76, 224.

[2] Собр. л. 3, 75. 76.

и вслед за тем Калита, возвратясь из орды, примирился с Новгородом по нужде в помощи его для себя[1].

В 1335 и 1336 годах попечительный архипастырь занимался строением церкви и, между прочим, построил при Софийском соборе, на месте терема, храм входа Спасителева в Иерусалим; стены храма расписаны были греческим иконописцем Исаиею и его товарищами; для Софийского собора блаженный Василий устроил медные золоченые двери. На этих дверях особенно замечательна молитва блаженного архипастыря — голос души благочестивой: «Пречистая Госпожа, Дева Богородица! На Тебя возлагаю упование, Ты Ходатаица моя пред Сыном Твоим и Богом. Притекающий в честный храм Твой верно получает дары. Потому и я, смиренный и грешный раб Твой, архиепископ Василий, возлагаю надежду мою на Тебя, Пречистая Госпожа; к Тебе прибегаю и припадаю, преклоняю грешную главу мою и простираю недостойные руки мои, касаюсь пречистых стоп Твоих, — не отринь меня от лица Твоего, чтобы не потерял я, убогий, надежды. А тех, которые восстают на церковь Твою, посрами и низложи крестом Сына Твоего, верным людям подай радость, да хранят собственность дома Твоего». Эта молитва 1336 года[2]. В следующем году поднявшаяся вода Волхова разрушила мост, соединявший стороны Новгорода. За этим несчастием последовало другое: началась сильная ссора между сторонами Новгорода, едва не дошедшая до кровопролития. Архипастырь умирил горячую вражду тем, что на счет доходов кафедры возобновил мост[3]. Новое наводнение опять (1338 г.) сильно повредило мост, и архипастырь, в облегчение бедных из новгородцев, опять возобновил его своими людьми «и много добра сотвори христианам», говорит признательный летописец[4].

Страшный пожар 1340 года вызвал архипастыря на самую усиленную деятельность. Пожар, начавшийся на Разваже, в конце города, истребил Перевский конец и с Чудинцевой улицы перебросил-

---

[1] Собр. л. 3, 77.

[2] Собр. л. 3, 77. 131. 225. 4, 53. Медные двери ныне находятся в Успенском соборе г. Александрова, бывшей Александровской слободы; они увезены сюда по воле грозного царя (*Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора); Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. М., 1857 (далее — Материалы для статистики. — *Ред.*).

[3] Соб. л. 3, 77. 131. 4, 53.

[4] Собр. л. 3, 78.

ся в Кремль, истребил дом владыки, опустошил Софийский храм, из которого не успели вынести всех икон. Пламя так было сильно, что не остановила его вода Волхова: пожирая Волховский мост, перешло оно на Торговую сторону и здесь обратило в пепел дома, лавки, храмы. Испуганному народу казалось, что настал конец миру. Не успевали выносить ни из храмов утвари, ни из домов имущества. К большему несчастию, дурные люди спешили пользоваться бедствием других: грабили и уносили все, что было спасено от огня. Всего сгорело 48 деревянных церквей и 3 каменных. Попечительному пастырю пришлось теперь и облегчать беспомощную бедность, и восстановлять свой дом и храмы. Он опять покрыл свинцом Софийский собор, устроил новый иконостас, исправил иконы и стены собора; построил для себя дом, слил большой колокол и восстановил мост на Волхове. Когда же в 1342 году новый пожар навел ужас на жителей, архипастырь пригласил всех к общественной молитве и покаянию, наложил пост трехдневный на граждан и сам с крестным ходом ходил от монастыря к монастырю и от одного храма к другому, по всему городу совершая моления об утолении гнева Божиего[1]. Поднялось еще и другое пламя — пламя междоусобия: за убийство богатого и своевольного новгородца шумно восстала одна сторона на другую, и начался грабеж. Архипастырь, не страшась бури народной, явился на шумное вече и убеждениями своими успел остановить междоусобие: «И возвеличен был крест, а посрамлен дьявол», — говорит летопись[2]. В последующие годы добродушный архипастырь много трудился для храмов Божиих. В Софийском соборе устроены им серебряные ризы на иконы Спасителя и премудрости Божией. Он и сам занимался иконописью; для Космодемьянского храма написаны им иконы; для Благовещенского Городищенского храма, тогда перестроенного, написал он храмовую икону; в Борисоглебском храме поныне цела писанная им икона святых князей Бориса и Глеба. Признательный современник говорит: «Дай ему, Господи, жить много лет на сем свете и на том поставь его одесную Себя, — он много потрудился для Церкви Твоей»[3].

---

[1] Собр. л. III. 79–81. 131. 225. *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора.

[2] Собр. л. III. 81–82.

[3] Собр. л. III. 83; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1; *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора.

В 1346 году архиепископ Василий являлся в Москву приглашать великого князя и митрополита в Новгород. Деятельный пастырь отличен тогда от других митрополитом: ему даны были крещатые ризы[1]. После того прислан был архиепископу Василию белый клобук патриархом Константинопольским[2], который сам около этого времени украшался этим знаком чистоты душевной[3]. Преемники Василия носили белый клобук как отличие кафедры[4]. Спустя полтора столетия после Василия написали «Повесть о белом клобуке». В ней рассказывали, будто белый клобук дан был императором Константином Римскому папе Сильвестру и долго хранился в Риме, пока один из пап, устрашенный чудесными явлениями, не отослал его в Царьград к патриарху Филофею; апостолы Петр и Павел сказали в видении Филофею, что Царьград скоро взят будет неверными, и велено отослать белый клобук в Новгород[5]. Собор 1667 года назвал эту повесть баснословною и — справедливо. В ней, кроме мысли о присылке клобука в Новгород из Константинополя, — все вымысел, и вымысел детский: для клобука не бывает чудес! Белый клобук блаженного Василия, из белого крученого шелка, хранится в ризнице Софийской и дает чувствовать, что он был на главах великих святителей, хотя и не был в Риме[6].

---

[1] Собр. л. III. 225. IV. 57.

[2] По позднему списку завещания прп. Лазаря, белый клобук доставлен Василию от патриарха в 1347 г. и след. прислан патр. Исидором Бухирою. Во 2-й Новгор. л. под 1424 г. сказано: «Клобук белый дал патриарх иерусалимский владыке Василию, а патриарху дал папа Римский, и с тех мест клобук белый в Новгороде». Но Василий был архиепископом с 1331 г. Относительно патриарха известие Лазаря, доставлявшего клобук, конечно, должно быть предпочтено всякому другому известию. В 3-й Новгор. л. под 6843 г. сказано: «При сем архиеп. Василии принесен бысть белый клобук от царя Константина и папы Сильвестра в вел. Новгород, иже и доныне Новгородские митрополиты на главах своих подобием носят». Год доставления клобука здесь также не показан, а прочее взято из «Повести о белом клобуке».

[3] В 1341 г. Констинопольский патр. Иоанн украсил белое головное покрывало свое золотом с изображениями Спасителя, Богоматери и Предтечи.

[4] Соборная грамота 1564 г. (Акты исторические. Т. 1, № 173) предоставила Московскому митрополиту носить белый клобук с рясами и херувимами, как носил Новгородский архиепископ.

[5] Дмитрия Герасимова послание к Геннадию о белом клобуке напечатано суеверами в Супрасле 1756 г. Оно же нередко встречается в рукописях. *Филарет, архиеп. Черниговский*. Обзор русской духовной литературы.

[6] *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 2.

Блаженный Василий отличался преимущественно практическою мудростью. В 1349 году Магнус, шведский король, усердный слуга папы, прислал сказать новгородцам: «Пришлите на совет своих умных людей, а я вышлю своих, пусть они рассудят, какая вера лучше? Если ваша окажется лучшею, перейду в нее; а если наша, вы должны принять нашу; если же не хотите единства, иду на вас войною». Архипастырь, посадник и тысяцкий, по общему совету, отвечали: «Если хотите знать, какая вера лучше, наша ли, или ваша, пошлите за тем к патриарху — мы приняли веру от греков. Если же между нами есть дело государственное, посылаем послов для переговоров». Посланный тысяцкий, явясь к Магнусу, спросил: какую обиду нанес Новгород королю? «Обиды никакой нет, — отвечал король, — но если не принимаете моей веры, иду войною». Так слуга папы мечом проповедует веру! Магнус осадил Орехов (нынешний Шлиссельбург), а ижорцев послал силой крестить по обрядам папизма, несогласных же на перекрещение предавать смерти. Новгородцы выслали малую дружину для защиты своих подданных единоверцев — корелов. Дружина разбила отряды шведов. Но с Магнусом было много войска. Великий князь, по просьбе новгородцев, прислал только незначительный отряд, да и тот, услышав, что Орехов взят, удалился с поля битвы. Новгородцам пришлось одним рассчитываться с Магнусом; призвав в помощь Бога и святых князей русских, они выгнали шведов из Орехова и преследовали их до Выборга.

Сношения Новгорода с Тверью, в которые вступал Новгород во время войны с Магнусом, вызвали Василия на письменное сношение с епископом Твери о вере. Василий писал к Тверскому епископу Феодору «Послание о Рае». Это послание показывает собою, что блаженному Василию не был дан дар разумения веры в таком же обилии, в каком даны ему житейская мудрость и ревность к общему благу отчизны. В послании доказывается, что Рай и доселе на земле и его видели видоки[1].

Как велика была любовь блаженного Василия к пастве своей, показал он в последние дни свои. В 1352 году разразилась в Пскове «черная смерть», переселившая пред тем в другой мир миллионы на Востоке и в Европе. В Пскове, с весны до зимы, она едва оставила в живых

Украшения клобука, без сомнения, не принадлежат времени блаж. Василия, а как указывает и опись 1690 г., устроены архиеп. Леонидом (1576 г.).

[1] Собр. л. 5. 226. 6. 87. 89. 7. 210. 214; *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1, § 67; *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней: В 4 т. М., 1846–1860. Т. III.

треть жителей. Псковичи общим советом послали просить архипастыря прибыть в Псков и помолиться за паству. Василий, невзирая на опасность, отправился утешить и подкрепить скорбных детей своих. Он служил в соборе Святой Троицы, потом в трех других церквах, обошел крестным ходом весь город. Народ с воплем взывал: Господи, помилуй! Блаженный пастырь оставил Псков утешенным, и смертная эпидемия скоро окончилась там. Но сам добродетельный пастырь на дороге сильно занемог и в обители Архангела Михаила, на устье реки Узы, впадающей в Шелонь, скончался 3 июля 1352 года. Много трудившееся тело его привезли в Новгород; святитель Моисей отпел его в Деревяницком монастыре, где мощи его покоятся под спудом в Воскресенском храме[1].

В 1415 году на место отказавшегося от кафедры архиепископа Иоанна жребием избран был инок Хутынского монастыря Самсон. В следующем году митрополит Фотий хиротонисал его в архиепископа и наименовал Симеоном. В том же году новый архиепископ построил в честь святителя Петра каменный храм, поныне целый. В 1416 году «черная смерть» перешла из Твери в Новгородскую область. Умирающих было так много, что не успевали хоронить. Страшное бедствие вызвало и забывчивых на раскаяние. Святитель Симеон, постригши двух посадников в иночество, с семью соборами новгородского духовенства обошел весь город, совершая моления об утолении гнева Божиего. Новгородцы, одни на лошадях, другие на себе, привезли из леса бревна, «и в один день построили храм святой Анастасии, а святитель освятил его и совершил в нем Литургию (29-го октября 1416 г.). Кающаяся любовь не обманулась в надеждах: мор ослабел[2]. В 1418 году, по милости одного негодяя, поднялось было страшное междоусобие в Новгороде. Какой-то Степанко, по личной злобе, поймал боярина Божина и стал кричать: «Добрые люди! Помогите мне управиться со злодеем». Народ, без всякого исследования, бросил боярина в Волхов. Спасенный рыбаком, боярин потребовал негодяя к суду. Чернь взволновалась, начали звонить по всему городу. Начались грабежи. Приписывая богатым дороговизну хлеба, разрушили дворы богатых. Вся Торговая сторона поднялась на Софийскую, многих побросали в Волхов. Святитель собрал духовен-

[1] Собр. л. III. 58. IV, 62–64. 191. Ркп святцы: «св. Василий архиепископ преставился 3 июля 1352 г.». Описание Новгор. святыни 1634 г. в: Чт. ОИДР. Кн. 4.

[2] Собр. л. 3. 106. 107. 135. 136.

ство в Софийский храм, вышел с ним и со святыми иконами на мост и, проливая слезы молитвы, благословлял обе стороны святым крестом. Шум и волнения унялись, явилось умиление. Архипастырь послал архимандрита и духовника на Ярославов двор к посадникам сказать: владыка благословляет всех идти по домам. И мятежные толпы разошлись. «Слава Богу, — говорили образумившиеся. — Он послал нам святителя учительного, который может одних вразумить духовным наставлением, других грозою запрещения. Вот и эту брань укротил он силою креста Господня и своим увещанием. Да сохранят нас молитвы его от подобных бед»[1]. Поныне подле Волховского моста стоит высокий деревянный крест, называемый чудным. Это тот самый, которым святитель Симеон утишил народный мятеж[2]. Он первый раз водружен был святым князем Владимиром на месте, где начинали строить каменный Софийский храм. В 1065 году эту святыню похищал у Софийского храма князь Всеслав Полоцкий, но в том же году тайно возвратил[3]. Святитель Симеон был пастырь с прекрасным даром слова и с ясным разумением истин веры. В октябре 1418 года был он в Пскове. Псковичи приняли его худо, они не допустили его совершать служение с обрядом православия в Псковском соборе. Блаженный пастырь не хотел спорить с людьми упорными. Пересмотрев судные дела, он при прощании предложил им на бумаге превосходное поучение: «Благородные и почтенные мужи! — писал святитель. — Вы знаете, что какая честь воздается святителю, она воздается Самому Христу, от Которого все мы ожидаем сторичной награды в вечности. Итак, воздавайте, дети, честь своему святителю и вашим духовным отцам, наставляющим вас в спасении; воздавайте с покорностью и любовью, не докучая им пытливостью, не делая пререканий наставнику, своему отцу. Смотрите за самими собою и за своим спасением, укоряйте и судите самих себя, плачьте о грехах своих. Не похищайте чужого. Не радуйтесь бедам братии своей. Не мудрствуйте сами по себе,

---

[1] Собр. л. 3. 307. 103. 4. 117. 118. 5. 261.

[2] В летописях сказано, что молебствие совершено было на Волховском мосту. Но так как на Волховском мосту молились пред чудным крестом (Собр. л. 3. 167. 245), то известие летописей означает то же, что молились пред чудным крестом.

[3] Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839–1841 (далее — Материалы для статистики Российской империи. — *Ред.*). Собр. л. 3. 2. В л. 6577 (1069): «обретеся крест Владимира Святой Софии на полатах, его же взял бе князь Всеслав ратью в святей Софии». О сем кресте см.: Известия Археологического общества. Т. II.

не превозноситесь, но со смирением повинуйтесь духовным отцам своим. Живите, как следует жить православным христианам, состоящим под законом Божиим. Не обижайте Церкви Божией: Церковь Божия не переносит обид ни от кого. Не вступайтесь, дети, ни в какие дела церковные, которые изначала принадлежат епископии, дому Божиему Святой Софии, как было при прежних архиепископах, не вступайтесь в земли, воды, суды, печать и другие церковные пошлины. Если же кто вмешается во что-либо церковное, вы сами, дети, поставьте его на место и снимите грех с души своей по указанию церковных правил, не ожидая на себя суда, по правилу святых отцов»[1]. Вот и еще пастырское наставление блаженного пастыря, — наставление Снетогорскому монастырю: «Приказываю игумену и всем старцам, — писал он, — крепко хранить монашеское житие, чернецам быть в послушании у игумена и старцев, каждому иметь духовного отца; кто не будет слушаться, таких удалять из обители, причем вклада не возвращать им. Если чернец умрет, то все оставшееся после него имущество составляет собственность обители и братии, а мирские люди не должны прикасаться к тому. Если чернец, вышедший из обители, станет поджигать мирских людей или судей на игумена и на старцев, такой будет под тяжестью церковного суда, равно и те миряне, которые вступаются в монашеские дела. Если же произойдет ссора между братьями, то разбирает их дело игумен со старцами и старостами Святой Богородицы, а миряне не вступаются»[2].

В 1420 году Псковская паства блаженного Симеона видела в Чирске знамение на иконе Богоматери: на Чирской иконе Ее текли из очей слезы; это явление повторилось и тогда, как икона принесена была с крестным ходом в Псков и поставлена в соборном храме. В страхе за будущность и в раскаянии за прошлое народ восклицал: «Владычице! защити нас»[3].

Незадолго до смерти блаженного архипастыря Новгород два раза был в сильной тревоге. В апреле наводнение Волхова повредило мост, и городские улицы до того наполнены были водою, что ко многим храмам не было доступа и много потонуло людей. В мае, в полночь, нашли

[1] Собр. л. 4. 418. 419. 5. 23. Никон. л. 5. 722.

[2] Акты исторические. Т. 1. № 24.

[3] Пролог июля 16, 1646 г. *Евгений (Болховитинов), митр.* История княжества Псковского: В 4 ч. Киев, 1831. Ч. 3 (далее — *Евгений (Болховитинов), митр.* История княжества Псковского. — *Ред.*).

страшные громовые тучи, молнии превращали ночь в день, а дождь в день лился с сильным градом. Святитель со своим духовенством и благоговейными людьми пел молебен в Софийском соборе об утишении гнева Божиего, а по другим церквам совершались моления священниками, и днем настала тишина. Это было 19-го мая 1421 года, а 15-го июня святитель почил мирно и положен на Мартириевой паперти[1].

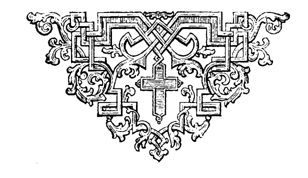
† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ЛОНГИНА КОРЯЖЕМСКОГО

Преподобный Лонгин долго подвизался в Обнорской Павловской пустыни. Это показывает и лежащий на его гробнице крест, на котором надпись говорит: «лета 7033 (1525 г.) крест Христов Павловой пустыни». Крест, как видно, дан Павловою пустынью ее постриженнику в благословение на подвиги на новом месте. Блаженный Лонгин некоторое время жил и в Сольвычегодском Борисоглебовском монастыре. Отселе он и друг его Симеон удалились вверх по Вычегде и за 10 верст от Сольвычегодска, на устье реки Коряжемки, в глухом месте расчистили лес, построили келлию и часовню. Скоро собрались братия, построили храм в честь святителя Николая и таким образом в 1535 году основалась обитель Коряжемская.

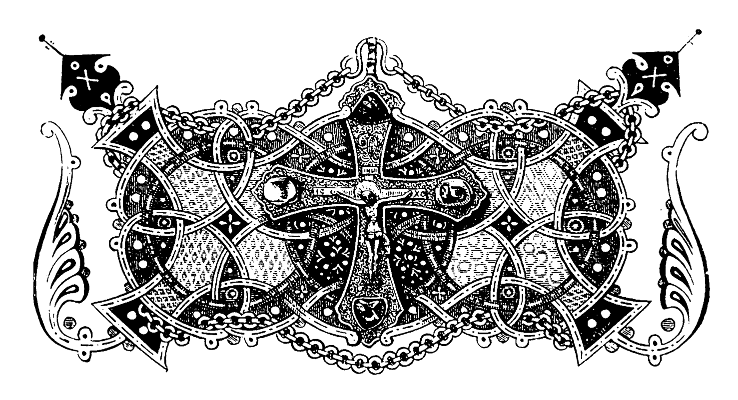
Преподобный Лонгин жил подвижнически и сам более других работал для святой общины: еще цел колодезь, выкопанный его рука-

[1] Собр. л. 3. 109. 138–140. 183. 237. В Соф. лет. (6, 142) днем кончины св. Симеона показан 15 д. июля. Но это — ошибка писца. По всем летописям Симеон управлял паствою 6 лет без 2 месяцев и 4 дней, а он избран 14 августа 1415 г. По ркп. святцам, «святой Симеон архиепископ преставился 1421 г. июня в 15 день». По летописи (Собр. л. 3, 241) в 1462 г. «на двух гробах кровь явися у архиепископов Новгородских Симеона и Мартирия, у Софии, Мартириевой паперти (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1). В Тихвинской церкви Софийской стороны ркп. служба святителям Новгородским XVII в.

ми вблизи храма; цела и его власяница. Старцем придя на новое место подвигов, он жил здесь уже недолго, не более шести лет. Он завещал похоронить его при входе в храм, чтобы, как говорил он, попирали его входящие в храм. В рукописных святцах читаем: «Преподобный Лонгин, начальник Никольского Коряжемского монастыря на реке Вычегде, новый чудотворец, преставился в лето 7048 (1540 г.) февраля в 10-й день». Спустя 16 лет после кончины, по особенному видению, святое тело его положено было в самом храме. Ныне мощи его почивают под спудом в каменном храме, построенном в 1665 году. На старинном покрове вышит серебром и золотом образ его. Память его совершается по особой службе, сочиненной в давнее время вместе с житием и описанием чудес. Еще цела фелонь, в которой преподобный совершал служение Господу[1].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV.

День одиннадцатый

СТРАДАНИЕ святого ГЕОРГИЯ МУЧЕНИКА

Блаженный Георгий[1] родился в Сербском городе Кратове, что в десяти часах пути от Штипа[2]. Родители его, Димитрий и Сарра, были люди благочестивые; шести лет он отдан был учиться книжной науке и учился очень успешно; потом обучался мастерству дел серебряных и рано остался сиротою после отца. Прекрасный лицом и очень статный, Георгий боялся оставаться в родном южном городе, как бы не взяли его силою ко двору султана, что тогда бывало часто. Потому удалился он в город Софию. Здесь, поселясь в доме священника Петра, просвещенного и благочестивого, усовершил он свои познания о вере и утвердился в любви к христианскому благочестию. Скоро стал он заметен по своим отличным качествам. Магометанам захотелось привлечь завидного молодого человека в свою касту. Они выбрали ловкого из своих ученых (улемов) для разговоров с Георгием.

---

[1] Страдание св. Георгия, описанное очевидцем на сербском языке, изд. в: Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1864; *Никодим (Святогорец)*. Новый Мартиролог. Венеция, 1799 (переведенное на греч. язык, с переменами) (далее — *Никодим (Святогорец)*. Новый Мартиролог. — *Ред.*). Сокращенное описание в прологе и Четьях-Минеях 26-го мая.

[2] Пролог: «в первых вельможах великого града Средца бе именуяся отец его». Неверно.

Лукавый законник явился к Георгию под видом заказа работы. Объяснив, что требуется сделать из принесенного серебра и назначив щедрую плату, магометанский учитель похвалил искусство мастера и его дарования; затем говорил: «женился бы на дочери городского аги, тебя осыпали бы почетом, ты был бы первый человек в городе». Георгий благодарил за участие и сказал: «А прочна слава земная?» Законник отвечал: «Конечно, земное все непрочно, но Магомет обещал райские наслаждения исполнителям его заповедей». «В чем же состоят заповеди?» — спросил Георгий. «В доброй вере и чистоте телесной, — а чистота требует омовений и молитв», — отвечал законник. «Но если, — спросил Георгий, — живет человек блудно и предается ненасытно удовольствиям плоти и желудка, — примут его в Рай?» Последователь Магомета должен был сознаться, что без исправления сердечного попадешь не в Рай, а в муку. «Однако, — продолжал Георгий, — ваши властители, судии, начальники предаются нечистым делам и умирают, не думая отказываться от жизни грязной: не подлежат ли они, по твоим же словам, мучению вечному?». «Бог прощает грехи ради милостыни, — говорил законник. — Но смотри, сколько наши султаны и паши созидают мечетей, мостов, фонтанов, домов странноприимных!» «Жертва нечистого сердца не угодна Богу, — говорит Георгий. — Какие здания великолепные построены языческими царями! Какие громкие дела совершены! Не скажешь же ты, что эти язычники в Раю. Вот у нас при искуплении жертвою Сына Божиего, при благодати Духа Святого, сколько царей, священников, мирян, воинов в числе святых, и они источают исцеления для притекающих с благоговением! Если не веришь, — пойдем, я покажу тебе в этом городе краля нашего Милютина, который доселе покоится как бы спящий и мощи его благоухают. Ясно как нельзя более, что это люди угодные Богу и вера их утверждается Богом, подающим силу чудес. Как же ты хочешь, чтобы отказался я от веры, которая приводит к Богу и Вечному Царству? Я уверен, что ты сам сознаешь все это; но прелести мира увлекают тебя за собою, вдаль от истины святой. Не так ли?»

Законник замолк и ушел; в душе его закипела злоба. Он чувствовал, что молодой человек, которого он надеялся легко увлечь за собой, сбил его с ног, его, знаменитого законника. Он видел, что такой защитник христианства не только в состоянии удержать готовых принять магометанство, но, — чего доброго? — отвлечет он сотни от Магомета ко Христу. Он сообщил своим собратам о разговоре своем с Георгием

и прибавил: «Если не разочтемся с ним, беда вере нашей». Законник явился к кадию с доносом, что Георгий хулит Магометову веру и всех султанов осудил на вечные муки. «Если оставить его быть христианином, — прибавил он, — вера его будет шириться насчет нашей; это — опасный человек».

Судья приказал привести Георгия к себе, но без насилия; велел сказать, что хотят делать ему заказы. Георгий понял, зачем зовут его, но не уклонился от того, чтобы свидетельствовать об истине Христовой. Когда вошел Георгий к кадию, кадий поражен был статностью его. Сделав ему заказы, высказал он и то, что райские блаженства Магометовы стоят того, чтобы быть магометанином. Георгий убедился, что призвали его не для заказов; он втайне помолился Господу Иисусу, да подаст ему свет и силу. Затем смело спросил: «Чем могут доказать, что Магомет и усердные чтители Корана пользуются блаженною долею?» «Не покорились ли нам царства земные? — отвечал кадий. — Не платят ли нам дань народы? Если бы не любил нас Бог, не возвысил бы царства нашего». Георгий отвечал: «И прежде Магомета покоряли мечом царства: значит ли это, что все те победители, хотя бы язычники, угодны Господу? Земное счастье — не мера для вечности, а чаще говорят: ты принял благая в жизни, там тебе другая доля». «Законодатель наш Магомет, — говорил судья, — беседовал с Богом и от Него принял закон». «Ничем не доказал Магомет того, — заметил Георгий, — что он был в сношении с Богом, — ни чудесами, ни пророчествами. Знаете и вы, что когда Моисей принимал закон от Бога, тряслась гора Синайская от громов и молний: тут видел и понимал весь народ, что Моисей — посланник Божий, передает народу не свои вымыслы. Что же подобное найдете вы в жизни Магомета? Он говорил о себе то и другое: довольно ли того для доверия к нему? А каков закон его? Легкую преподал он веру, очень приятную страстям людским. Она нравится не содержанием святым, а тем, что дает волю скотским влечениям. Помилуйте, можно ли со здравым умом верить, что такая нечисть послана с неба?» Слушая неотразимые обличения, магометане выходили из себя и закричали: «умертвить нечестивца, он осрамил нашу веру». Судья приказал связать и отвести его в тюрьму.

Священник просил стражей отдать ему Георгия на поруки. «Если любишь его, убеди принять магометанство, и тогда будет свободен», — отвечали те. Священник обратился к смотрителю тюрьмы, и тот по любви к священнику отпустил на время Георгия. Когда пришел

Георгий в дом священника и они остались наедине, священник обнял исповедника и, целуя, говорил: «Ты, Георгий, прославил ныне Господа, как первомученик Стефан. Будь же тверд и вперед: мученики славятся во всей вселенной; а какая еще слава ожидает их на Суде всемирном!» Исповедник отвечал: «Боюсь, что не вытерплю огня». «Но подумай, — говорил священник, — что огонь гееннский — страшнее; что значит временное страдание пред вечностью? Вся наша земная жизнь пред вечностью — мгновение». Георгий просил священника постараться выкупить его, если можно; «хотелось бы, — прибавил он, — потрудиться еще на земле для Господа». Священник обещал все сделать, что может, и отпустил Георгия.

На другой день грамотные турки угрозами и бранью заставляли Георгия отказаться от Христа. Исповедник остался непреклонен, и его скованного посадили в темницу. Священник тайно ходил к судье и обещал ему большие деньги за свободу Георгия.

Спустя неделю исповедник снова выведен был на суд. Судья, указывая на сына, говорил, что наравне с сыном будет любить Георгия и сделает своим наследником, если Георгий исполнит известное желание его. Исповедник отвечал: «Если так любишь меня, оставь меня быть христианином; иначе не нужны мне ни богатство, ни известность». «Не требую от тебя, — сказал судья, — чтобы отрекся ты от Христа; и я уважаю Христа как пророка, имеющего судить людей; но еще уважаем мы Магомета, так как вручил ему Бог ключи Рая». «Благодарение Богу, — говорил Георгий, — что признаешь ты Христа посланником Божиим, имеющим судить вселенную: но Магомет не доказал ничем, что он посланник Божий. Пророки не предсказывали о нем. Чувственный рай его — Рай ли? Бесчестие человеческому смыслу. Коран упал ему с неба? Где доказательства тому? Басни, которыми наполнен Коран, показывают, что не умное дело доверять Корану».

Магометане скрежетали зубами, и судья едва удержал их от насилий. «Сжечь его, — кричали они, — он обругал Магомета, султана и всех правоверных». Судья, обратясь к Георгию, сказал: «оправдывайся; слышишь, в чем обвиняют тебя». Исповедник отвечал, что «Не хулил он создания Божиего, а только показывал истину, чего должны ждать себе люди, подобные язычникам; за истину готов умереть». «Хула ли это?» — спросил судья предстоящих. «Мы слышали хулы его прежде, — отвечали они. — Если отпустишь его, будем жаловаться султану». Судья, обратясь к народу, сказал: «Грех будет на душах

ваших; делайте, что хотите». Рассвирепевшие бросились на исповедника и одни плевали на него с ругательствами, другие били и толкали. Глашатай прокричал: «Правоверные! Несите дрова, чтобы сжечь хулившего закон наш».

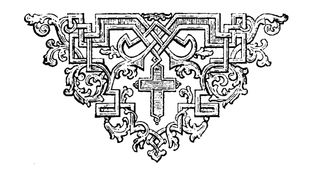
Когда шел мученик мимо церкви Святой Софии, священник Петр подошел и сказал ему: «Недолго терпеть, Георгий; потерпи». Георгий отвечал: «Помолись, отче, чтобы укрепил меня Господь». Сторожа прогнали священника. Так как у священника был один человек, который хотя носил турецкую одежду, но любил христианскую веру и только по страху не исповедовал ее, то священник поручил этому человеку следовать за исповедником и замечать все, что будет происходить. В то же время священник просил иереев и всех христиан молиться за исповедника Христова, и все молились: «Укрепи его, Господи!»

На площади сложен был большой костер. Еще раз ласками и угрозами заставляли Георгия отречься от Христа. «Я уже не раз заявлял, что не отрекусь от моей веры», отвечал исповедник. Его раздели и оставили в одной рубашке. Зажгли костер и толкнули в костер. Когда взволдыряло тело, вытащили его и говорили: «Каково? Не жарко ли?» «Ей, не чувствую, — отвечал святой. — Для вас же, несчастных, готов огонь вечный». С гневом и бранью бросили его опять в костер. Лицо его обращено было к востоку. Когда обгорели веревки, связывавшие руки его, он оградил себя крестным знамением и громко сказал: «Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой». Один из предстоявших, схватив обрубок, ударил им мученика по голове, и он испустил дух. Вслед за тем, при ясном солнце, явилась на небе туча и пролился дождь. Христиане прославили Бога и просили начальство отдать им тело мученика. «Не надейтесь, — закричали турки, — все сожжем и развеем прах». Злобные набросали в костер животных, чтобы нельзя было распознать обгорелых остатков. Но все сгорело, кроме тела мученика. «Священник надеется достать тело, — говорили фанатики, — но сожжем его до завтра; если не так, бросим его в овраг нечистот». Христиане сочли за лучшее разойтись. Ночью тайно один взял тело мученика в дом свой, откуда перенесено оно в соборный храм святого Георгия. Священник Петр, явясь к судье, объявил: «Рано утром пришел я в церковь и нашел там тело Георгия: позволено ли будет предать его погребению?» Судья сознался: «Георгий — святой: те, которые стерегли его, говорили, что сколько ни подбрасывали они дров, тело не горело». И дал разрешение похоронить усопшего. Святой мученик пострадал 1515 года февраля

11-го дня, в неделю мясопустную, на третьем году султана Селима, при митрополите Панкратии[1].

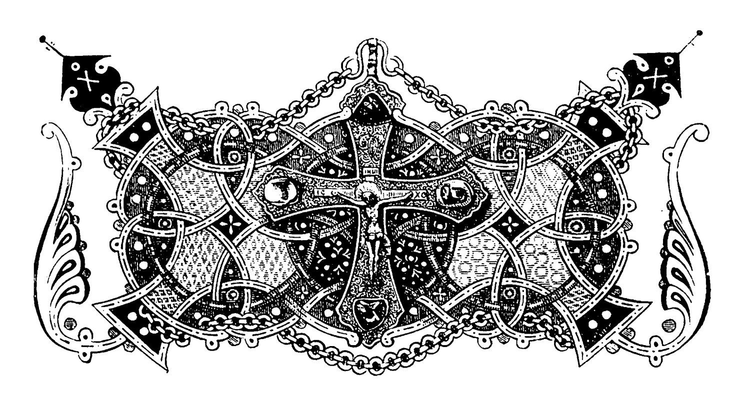
Мученик был 18 лет, ростом высокий и тонкий, брови высокие и густые, нос изогнутый книзу, пальцы тонкие и длинные; нравом смирный и простой, — всех предварял он поклоном и всякого называл господином; никогда не смеялся попусту и праздное слово не выходило из уст его; не хвалился ничем и не завидовал никому.

Таков новый мученик Христов[2].

[1] Об умерщвлении нескольких иноков мон. Эсфигмена и Дионисиата фанатиками турками в 1534 и 1535 гг. см.: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

[2] Служба св. Георгию новому мученику на 26-е мая, на день перенесения мощей, — у Царского № 563.

День двенадцатый

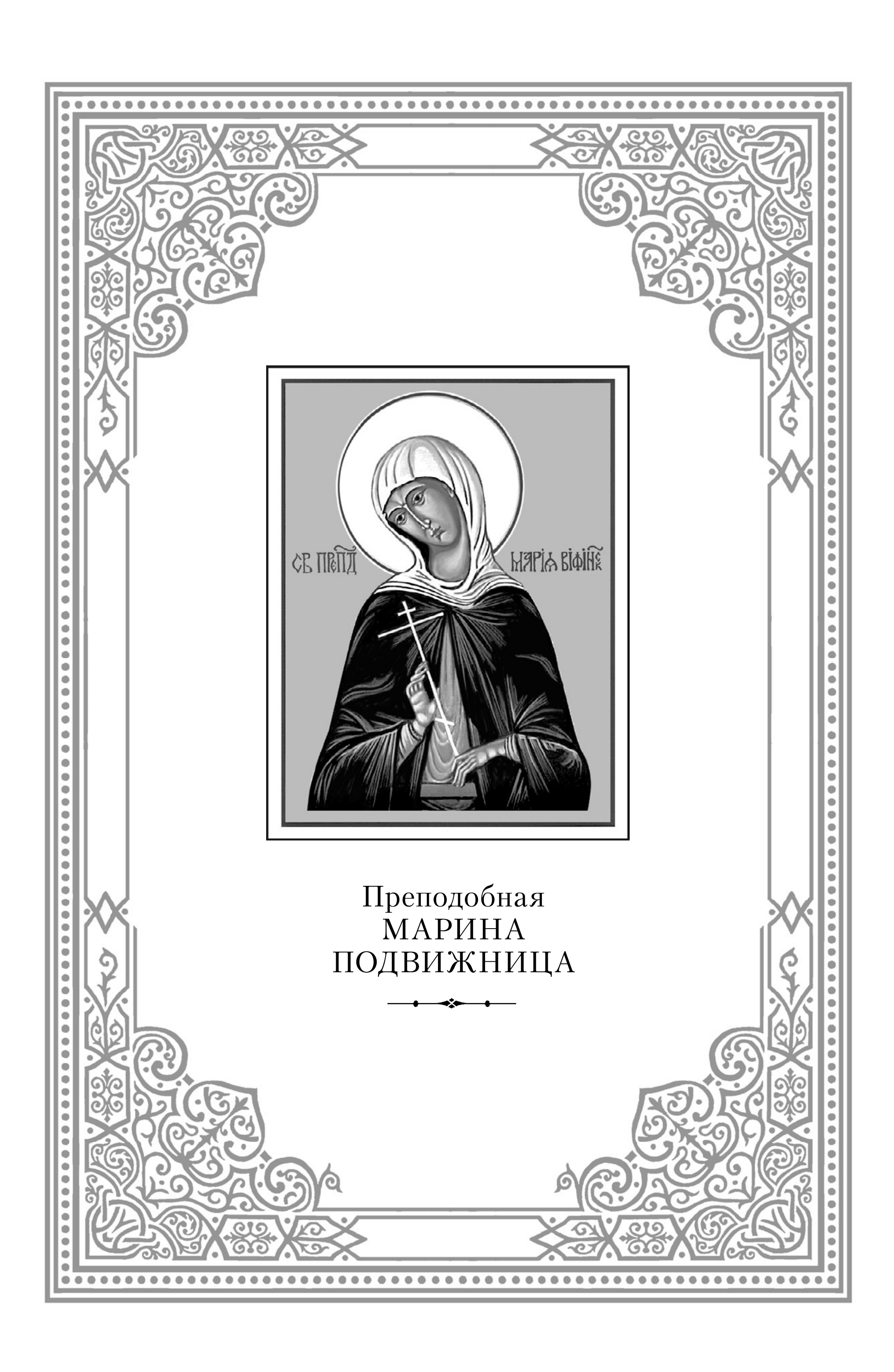
ПАМЯТЬ преподобной МАРИНЫ ПОДВИЖНИЦЫ

В Вифинии жил благочестивый человек Евгений[1]. Похоронив жену свою, он решился оставить мир. У него была маленькая дочка и значительное имение. То и другое поручил он надзору верного друга. Поселившись в обители, стоявшей в 32 милях от города Александрии, он выполнял здесь послушание с любовью, и настоятель любил его более, чем других, как верного и усердного раба Божиего. Спустя некоторое время любовь отца привела на мысль его дочь, и он стал печалиться. Настоятель, заметив скорбь его, спросил его: о чем он печалится? «У меня осталось юное дитя в доме», — отвечал отец. «Что же? Возьми его сюда с собою», — сказал настоятель, не знавший и не дознавшийся, что это дочь, а не сын.

[1] О жизни св. Марины древнее известие in Vitis Patrum. Метафрастово описание жизни ее (в Четьях-Минеях февраля 12-го) очень немногим дополняет сведения древнего сказания, — но по местам отступает от него, то сокращает, то разбавляет словами древнюю простоту. В сборном Патерике (знам. м. гл. 7) сокращено древнее известие, и Евгений назван братом Марины по плоти — ошибочно. У Вершинского (стр. 24) местом подвига несправедливо показывается Вифинский монастырь: отец и дочь родились в Вифинии, но подвизались в Египте. У Румянцева (см.: *Востоков А.* Описание рукописей Румянцевского музеума. № 159) житие св. Марины и отца ее Евгения.

Евгений явился в дом. Девочка, после восторгов радости о свидании с отцом, объявила, что и она не желает оставаться в мире, но не хочет расставаться и с отцом. «Что ж делать нам? — говорил отец. — Девочке не позволят жить в мужском монастыре». Она отвечает, что «острижет волосы свои и оденется в одежду послушника и так будет трудиться в монастыре». Отец и дочь раздали имение свое нищим; дочь преобразилась в смиренного послушника Марина, и они были приняты в обитель. Отец обучил дочь читать псалмы. Марин был усердным послушником. Когда дочери было 14 лет, отец, заботливый о ее спасении, сказал: «Смотри, дочь моя; жить тебе между иноками то же, что близ огня; береги себя». Дочь произнесла твердый обет пред отцом и Господом — беречь чистоту души и тела. Отец взял с дочери слово и в том, что для себя и других до самого гроба не даст она знать ничем и никому о своем поле. В обители все думали, что живет с ними евнух Марин. Дочери было 17 лет, когда умер отец. Послушливость и любовь к трудам, особенно по храму, были в иноке Марине таковы, что в обители смотрели на Марина с уважением.

Но вот встретило блаженную неожиданное и жестокое искушение. В монастыре была пара волов; с нею отправлялись иноки за три мили в морскую пристань для покупки необходимого для обители; в самой пристани была общая гостиница, где по временам приходилось оставаться на ночь и инокам обители. В одно время настоятель говорит: «Брат Марин! Почему бы и тебе не ходить наряду с прочими и не помогать в пристани?» — «Если повелишь, авва, буду исполнять это послушание». И Марин стал отправляться с телегою и волами и, если запаздывали, останавливались на ночь в гостинице. У гостиничника была дочь. С каким-то прохожим солдатом свалялась она и стала готовою родить. Родители потребовали сказать: с кем она согрешила? Лукавая грешница отвечала, что инок Марин изнасиловал ее и она зачала от него. Родители с дочерью пришли в монастырь и говорили настоятелю: «Вот что сделал инок Марин! Изнасиловал дочь». «Допросим его», — отвечал настоятель. «Марин! — говорил он. — Ты ли сотворил грех с девушкою?» Марин долго думал и вздыхал и наконец сказал: «Согрешил я, авва, каюсь в грехе моем; помолись за меня». Настоятель сильно разгневался и велел отколотить грешника инока. «Так как ты наделал такую пакость, — сказал настоятель, — то ты не будешь более жить в монастыре». И выгнал Марина из обители. Не сказав никому ни слова о своей тайне, так как дала слово отцу не открывать своего пола никому, блаженная осталась за обителью под открытым небом и каждого, кто входил в монастырь, просила помолиться

Преподобная

МАРИНА ПОДВИЖНИЦА

за грешную душу. Так провела она три года, не удаляясь от монастыря. Между тем грешница родила гостиничнику сынка и вскормила его. Мать ее принесла ребенка к Марину и сказала: «Изволь кормить твое дитя». И, оставив ребенка, ушла. Святая дева взяла ребенка, как будто собственного, и куском хлеба, который подавали для Христа входившие в монастырь, кормила его. Так прошло два года. Наконец братия обители сжалились над Марином и просили настоятеля: «Авва! прости брата Марина и прими его; вот уже пять лет совершает он покаяние у ворот монастыря; прими его, как принял Господь наш Иисус Христос кающихся». Настоятель велел Марину войти в монастырь, призвал его к себе и сказал: «Отец твой был святой человек, как знаешь ты, и привел тебя в святой монастырь еще мальчиком; он не думал, чтобы ты сделал то, что сделано тобою, и никто в монастыре не ожидал того. Теперь ты вступил в монастырь с сыном твоим, плодом греха твоего, для покаяния. Приказываю тебе очищать все отхожие места обители, одному мыть власяницы братии и всем прислуживать[1]; тем только заслужишь любовь мою». Святая, охотною душою приняв поручение, исполняла все, что ей приказано было.

Спустя немного дней блаженная Марина почила во Господе. Братия объявили авве: «Брат Марин умер». Строгий настоятель сказал: «Видите, братия, каков грех его: не заслужил и того, чтобы принести покаяние. Ступайте, обмойте и похороните вдали от монастыря». Те, когда стали обмывать, узнали, что это — жена. Все начали говорить: «Такое терпение, такая чудная жизнь! Никто не узнал тайны, а все только теснили святую!» Со слезами сказали они авве: «Авва! иди, посмотри на брата Марина; приди, посмотри на дивные дела Божии». Авва, увидав почившую, ужаснулся, упал и, стукая головою о землю, кричал: «Заклинаю тебя Господом Иисусом, не обвини меня пред лицом Божиим за то, что так теснил я тебя; я был в неведении; ты, госпожа, не открыла твоей тайны, и я не знал святой жизни твоей». Он приказал похоронить святое тело ее внутри монастыря, в самом храме, декабря 4-го дня. Память ее в Греческой Церкви 12-го февраля. У коптов декабря 8-го (4) «мать Марина». О дне кончины надобно предпочесть показание коптов, как местное, тем более что 12-й день февраля, вероятно, был днем перенесения мощей в Константинополь.

В тот же день и та грешница, мучимая злым духом, пришла в монастырь, исповедала грех свой и сказала, от кого зачала она. На седьмой

[1] Метафраст в Четьях-Минеях: «повелеваше ему худшая и последнейшая творить монастырские дела». Напрасная щепетильность!

день она в храме избавилась от беса. Услышав о дивных делах, бывшие в пристани и соседние монастыри, взяв кресты и свечи, священными песнями и псалмами прославляя Господа, пришли в монастырь и в храме, где покоилось тело блаженной, восхваляли Бога. Здесь, молитвами святой девственницы, Христос совершил многие чудеса к ее славе. Это было в начале VI века[1].

Жизнь дивной подвижницы прежде всего подает нам тот урок, чтобы не осуждали мы других. Чужая душа открыта только Господу; а мы легко ошибаемся, даже имея в виду знаки согрешения чужой души.

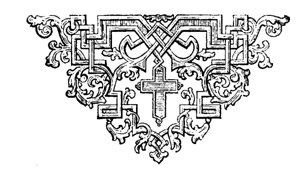
Дочь подвизалась в простоте души, в одежде инока, сперва по детской любви к отцу, потом по горячей любви к Господу. Господь помог ей вынести и неожиданное ею страшное испытание, по ее крепкой любви к Богу. Но того, что могла перенести любовь крепкая, не должны принимать на себя души слабые, чтобы не пасть падением жестоким. Наше дело следовать святой Марине в ее терпении, переносить скорби, какие пошлет нам Господь. Святая Марина поставлена была в горькое испытание обещанием, данным отцу, а не вызвалась на испытание. И мы не должны вызываться на искушения. Другое дело, если, вследствие данного обета, приходится терпеть горе и позор и голод: не нарушай обета, чего бы то ни стоило, да будет слава Господу.

ПАМЯТЬ
святого
ЕПИСКОПА ИОАННА,
игумена Синайского

В 1091 году египетский султан послал для усмирения арабов отряд воинов, которые, преследуя арабов, дошли до Синайского монастыря.

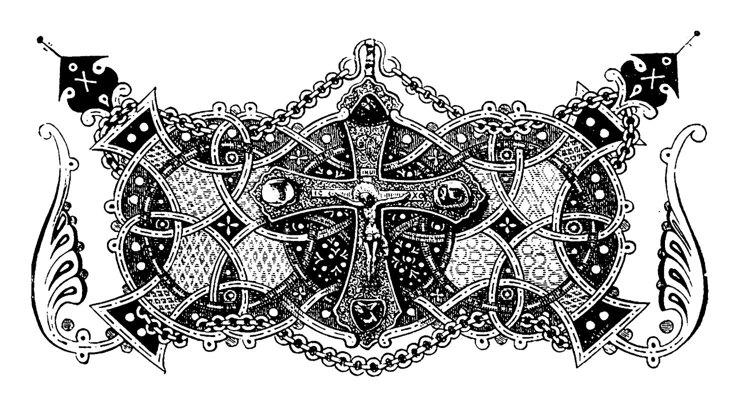
[1] В древнем сказании не показывается время подвигов св. Марины, но так как о ней не упоминают ни Руфин, ни Палладий, то надобно положить, что она жила после них. Мощи св. Марины долго покоились в Константинополе, но в 1113 году увезены были в Венецию. *Du Cange*. Constantinopolis Christiana. В Западной Церкви перенесение мощей — июля 17-го. Usuardi martyrol. auctump. 270.

Военачальник, уверив иноков в безопасности, был впущен в монастырь с несколькими воинами. Варвары стали требовать, чтобы им указали монастырскую сокровищницу. Игумен, епископ Иоанн, отказался открыть им ее, за что они и подвергли его жестоким истязаниям. Но он терпеливо и благодушно переносил их... Оставив его едва живого, воины раскопали все помосты и нашли только под святою трапезою три мраморные ковчега с святыми мощами. Ночью сделалось землетрясение, и воины в испуге ушли из монастыря. А блаженный Иоанн через три дня после того предал Богу дух свой[1].

---

[1] Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой / Письма паломницы IV века. СПб., 1860.

День тринадцатый

ПАМЯТЬ преподобного СИМЕОНА-СТЕФАНА НЕМАНИ, владетеля Сербского

Блаженный Стефан Неманя был великим мужем в звании правителя Сербии; вместе с тем был он высоким христианином[1].

Младший между братьями своими, успел он сперва (с 1149 г.) стать жупаном Рашским; потом (с 1165 г.) присоединил к своему владению наследственную собственность предков своих — Зету — и стал великим жупаном Сербии. Наконец мало-помалу соединились под власть его все те земли, где только жили сербы: «восстановил он, — говорит сын его святитель Савва, — погибшую дедину, приобрел от поморской земли Зету с городами, от Албании оба Пилота, от греческой земли Патково, Хвостно, все Подримье, Костричь, Дружковину, Ситницу, Лабь, Липляны, Глубочицу, Реку, Ушну, Помравие, Загралатну, Левчье, Белицу. Все это из погибшей от насилия дедины приобрел он своим

[1] Житие св. Симеона Немани, описанное сыном Стефаном Первовенчанным, и другое описание св. Саввы: «о житии господина Симеона, как бысть пред Богом и люди», изданы у Шафарика: *Šafařik*. Î písmenech črúnorizca Chrabra. Památky dřevního písemníctví Jihoslovanův. Prague, 1851 (далее — *Šafařik*. Památky dřevního písemníctví. — *Ред.*). В Дометиановом описании жития св. Саввы также довольно говорится о св. Симеоне.

умом и деятельностью»[1]. Сперва был он, как и отец его, в некоторой зависимости от греческого императора[2], но потом оставался полновластным владетелем всей Сербии и назывался «господином всех Сербских земель»[3], тогда как Раса (нынешний Новый Базар) считалась «стольным местом посреди Сербской земли»[4].

В судьбе Немани и Сербии особенно ясно видно то, как много значит чистая вера для политического быта народов. Сам сербский народ доселе помнит свою историю только со времени Немани[5], хотя жупания славянская и южные горцы сражались с римлянами за свою политическую свободу еще прежде времени христианского. Отчего это так? С 1062 года большая часть Сербии по церковному быту состояла в зависимости от Римского папы[6]. Неманя увидел, что романизм чем

---

[1] *Šafařik.* Památky dřevního písemníctví. Сам Симеон в хризовуле Хиландарю: «Воздвиг я погибшую дедину свою и приобрел от Поморья Зету с городами, от Албанцев Пилот, от Греков земли Лаб с Лепланом, Глубочицу, Реку, Загралату, Левчье, Белицу, Лепеницу» (*Григорович В.* Очерк путешествия). СерБляк (л. 124) показывает, что от греков отобрано было 30 городов при императоре Андронике Комнине, следовательно, в 1183–1185 г. Андроник хотел сокрушить молодое Сербское государство — но жестоко ошибся.

[2] Эта зависимость, по условиям начальным, была почти только номинальною (Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Camsniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 291). Мануил Комнин, предоставивший Немане звание великого жупана, велел написать на картине возведение Немани в жупана: он надеялся увидеть в Немане безответного вассала; но — ошибся. Евстафий Солунский в похвальном слове Мануилу не опускает этого деяния Мануилова, но как грек прибавляет: «Одно не одобряется в живописце, что везде украшает он раба трофеями, но не называет Неманю рабом» (*Th. L. Fr. Tafel.* De Thessalonica ejusque agro dissertatio geogrphica. Berolini, 1839 (далее — *Tafel.* De Thessalonica. — *Ред.*)).

[3] С такою подписью древнее изображение его в храме Юрьевых столбов (Записки географического общества. Т. VI).

[4] Первовенчанного Житие св. Симеона Немани.

[5] Сербская летопись, найденная Гильфердингом в ркп. XV в., начинает историю Сербии с Немани именно потому, что «Когда угасла первая проповедь в Сербской земле и различные ереси умножились в ней на много лет, начальствующие нимало не заботились об истреблении еретических плевелов до того времени, когда явился великий жупан Неманя» (Русская беседа. М., 1860)

[6] Главный пастырь Сербской Церкви был архиепископ Антиварийский, получивший паллиум из Рима, и ему подчинены были епископии Сербии и Албании: Которское, Свачское, Скодринское, Дивотское, Пилотское (Пулати сев. Албании), Сербское, Боснийское, Требинское. Булла п. Александра (1062 г.) Антиварийскому архиепископу см.: Farlati. T. VII / Ed. Coletti; *Philipp Jaffé.* Regesta pontificum romanorum ad annum 1198. Berolinum, 1851. Такие отношения Сербии начались с сербского князя Михаила Воиславовича, подчинившего Сербию папе около 1050 г. Со времени имп. Василия Сербская Церковь находилась в ведении Константинопольского патриарха. О Ядринской Славянской метрополии, Босанском епископе Феодоре и Белградском епископе Феодосии 1055 г. см.: Гласник. Кн. 10.

далее, тем более становится враждебным и чистой вере, и свободному развитию народа. И он уже в летах зрелых (30 лет) решился прервать всякую связь с папизмом. В младенчестве своем, рожденный в Зете, он был крещен латинским священником[1]. В 1143 году он торжественно снова принял крещение от руки православного Расского епископа Леонтия[2]. Это решило судьбу его и Сербии. Без этого шага Немани не только не достигнуть бы могущества жупана всей Сербии, но и не уцелеть бы и в своей маленькой области Расции. Ему пришлось воевать со всеми удельными жупанами Сербии. Дело доходило до того, что Неманя заключен был в подземную пещеру своими братьями[3]. Но сербский народ встал на сторону православного Немани. Он любил свободу мыслей и не мог не тяготиться гнетом романизма; вера чистая, вера восточная была по душе его; приняв ее на своем языке во время Кирилла и Мефодия, он свято хранил ее, невзирая на противодействие романизма. Потому охотно переходил он на сторону Немани, когда тот начинал борьбу с тем или другим врагом своим. Блаженный Стефан в подвигах за чистую веру не оставляем был без помощи Небесной. Когда братья привели против него (в 1175 г.) немцев, греков, венгерцев: он, находясь вблизи Звечанского храма святого Георгия, послал добрых священников молиться святому Георгию. Совершены были ночное бдение и Литургия. Ночью один из священников видит пред собою воина. «Кто ты?» — спросил он в испуге. «Я раб Христов Георгий, — отвечал явившийся, — и послан на помощь к государю твоему». И Стефан одержал неожиданную победу[4]. Неманя довел дела до того, что и братья его, долго действовавшие в видах романизма, отказались от папы и прервали всякое сношение с ним. Папа и гневался, и льстил: но это не помогло делам его[5]. Так

---

[1] A Latinis haereticis baptizatus est, говорит летопись (Arkiv za povestn. Jugosl. 1854. III). Стефан в житии отца: «У храму сущим в земли тои и латинским иереомо — сподобисе и латинское приети крещение».

[2] Гильфердинг в «Русская беседа» (М., 1860); *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 3; Летопись в Гласнике (Кн. 1); *Šafařik*. Památky dřevního písemníctví; Arkiv za povestn. III. Св. Савва: «собою первее благоверие показа, потом же и иных настави... друго крещение приемшу ему».

[3] Еще и ныне указывают в мон. Юрьевых столбов пещеру, где заключен был Неманя (Русская беседа. М., 1858; летопись в Гласнике (Кн. 5)).

[4] Дометианово житие св. Саввы (Русская беседа. М., 1859).

[5] В 1181 г. п. Александр присылал к Мирославу, князю Захолмскому, брату Немани, грамоту, где грозил Мирославу отказом в благословении за то, что тот не принял легата его, и всячески убеждал слушаться папы (*Theiner A*. Monumenta vetera Slavorum meridionalium. Romae, 1863).

блаженный Неманя, вытесняя романизм из Сербии, возвышал себя и народ свой[1].

Еще с большей настойчивостью он действовал против арианства, которое крылось в Сербии со времен Средечского и Сремского соборов. Неманя собрал собор. Явились и жаркие защитники арианства. Но Неманя с твердостью объявил, что он не намерен терпеть хулителей Сына Божия. «После собеседования со святителем Евфимием, с почтенными иноками и своими вельможами он, нимало не медля, отправил войско с доверенными начальниками и одних подверг разным наказаниям, других выгнал вон из земли своей, а дома и имущество их отобрал для бедных и больных; главному учителю и начальнику их был отрезан язык, не исповедующий Христа Сыном Божиим, и потом тот с его нечестивыми книгами прогнан был»[2].

Бан Боснийский Кулин, по нерасположению к романизму, покровительствовал богомилам[3]. Но это не избавило Боснию от романизма и усилило расстройство Боснии пагубными началами манихейства[4]. Блаженный Неманя, признавая богомилов за антихристиан, не терпел их, гнал их из Сербии, и они в конце XII столетия скрывались только в ущельях Боснии и на границах Кроатии[5] (современной Хорватии).

---

[1] Романизм властолюбивый был вытеснен. Но терпели латинскую службу. Только подвергали наказанию «латинского попа», который православного перевернул бы «у веру латинскую». Если «полуверец»-папист возьмет за себя православную, то должен принять Православие. Иначе отбирается у него жена с детьми и ее имением. Еретик же в подобном случае, если не принимает Православия, выгоняется из Сербии (Законник Стефана Душана, зак. 7–10).

[2] «Живот св. Симеона од краля Стефана» (*František Palacký*. Pamatky pisemstwie).

[3] Вулк, сын Немани, в 1199 г. писал к п. Иннокентию: haeresis immodica in terra Hungariae, videlicet in Boisina, pullulare videtur, in tantum, quod ipse Ban Culinus cum uxore sua, quae soror fuit defuncti Miroslavi Chelmensis, et cum pluribus consanguineis suis seductus, plus quam decem millia christianorum in eandem haeresim introduxit (Feier 2, 372). Отзыв Вулка не заслуживает полного доверия, потому что он увлекался тогда романизмом и для видов тщеславия поносил честь даже тетки своей, жены ненавистного папе Мирослава. Вероятнее всего, что Кулин, по примеру Мирослава, не допускал подданных своих быть подданными папе. Но несомненно и то, что Кулин терпел богомилов (*Josephus Simonius Assemani*. Kalendaria Ecclesiae Universae. T. 1–6. R., 1755–1757. T. V (далее — *Assemani*. Kalendaria Ecclesiae Universae. — *Ред.*). Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium / Ed. Ljubič. Zagr., 1868)

[4] Ныне магометанство сильно в Боснии, как и папизм. Первыми магометанами были то остававшиеся богомилы, то обращенные из богомилов паписты (Русская беседа. М., 1860; Харьковский Вестник. 1863).

[5] В письме (1223 г.) Конрада, епископа Портуенского, говорится, что «начальник албигенсов, которого называют они папою, живет в оконечностях Болгарии, Хорва-

В горных ущельях, в местах глухих в начале правления Немани в народе еще сохранялись остатки языческих суеверий. Неманя истреблял «глухи кумири» или, как выражается Дометиан, «бесовские храмы»[1].

Следствием таких распоряжений было то, что единством святой веры скреплялось единство державы Неманевой, и живительная сила чистого христианства вливала жизнь, порядок и крепость в политическое тело Сербии.

При такой политике успел он возвратить Сербии коренные славянские поселения, занятые греками, и возвысить народность сербскую[2]. Это стоило ему долгой борьбы: греки под видом покровительства чистой вере не только долго не хотели отказаться от чужой собственности, но противодействовали Немане и тогда, как домогался он соседние племена славян соединить под одну славянскую власть[3].

Всею душою любя святую веру, блаженный Неманя усердно строил рассадники христианской жизни — монастыри. Так основаны и щедро

тии и Кроации, около венгерского народа» (*Gieseler*. Lehrbuch der Kirchengeschichte: Bd.1–6. Darmstadt-Bonn, 1824–1856. Bd. 2. P. 615). По письму кор. Премысла (1260 г.) к папе, в войске венгерского короля Белы были «болгары и босняцкие еретики» — богомилы.

[1] «Живот св. Симеона од кор. Стефана». «Законник Душана» еще преследует волшебство, выкапывавшее и сожигавшее мертвые тела, и участвовавших в том священников (Законник Стефана Душана, зак. 43).

[2] Стефан: «истовую дедину свою, населену бывшу от рода Грьчьского и созидани гради унеи (отнял) от рук их, яко (не) проглаголет се Грьчьская область... Прочее же грады испроверже—Грьчьское име истребив, да не именует се име их отнюдь в области тои, а люди свое, еже в них, невредимо съхрани». Выше: «приложи к земли отьчьствия своего область Нишьвьскую до конца, Липлянь же и Мораву и глаголемы Врани, Призренску область и Пологa оба до коньца». Последние места некоторое время принадлежали болгарским князьям, и коренные обыватели их — славяне. Неманя разрушил греческие крепости и потом построил новые, чтобы греки не имели более предлога говорить: это наши города.

[3] Вильгельм Тирский о 1167 г. говорит: «Император находился тогда в Сербии. Страна та гористая и покрытая лесами, расположена между Далматиею, Венгриею и Иллириком. Восставшие сербы полагались на ущелья недоступные и местности неудобопроходимые... За обиды нетерпимые для соседей государь вступил в их землю. Мы встретились с возвращавшимся императором, когда он покорил их». По этому описанию, Неманя хотел покорить себе Кроатию: но интриги римского духовенства, уже тогда сильного в Кроатии, вызвали оружие императора против Сербии, и завистливые греки не допускали Неманю достигнуть цели полезной и для чистой веры и для народности славянской. Киннам хвастливо описывает эту победу греков над сербами (*Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859).

одарены им монастыри Студеница[1], Сопочаны[2]. Монастырь Юрьевых столбов был и памятником благодарности его за спасение из пещерной темницы[3]. Блаженный властитель Сербии простирал заботы свои и на приходское духовенство. По известию святителя Саввы, он строго подтверждал стране своей о духовенстве сельском: «Начетки даита ему от своих плод праведных»[4].

Когда великий жупан был уже 80 лет, сын его, святитель Савва, писал к отцу: «Движимый апостольским духом, ты просветил людей своих Православием, истребил ереси, ниспроверг бесовские храмы и воздвиг церкви Богу. Теперь остается тебе исполнить слова Сына Божия, глаголющего в Евангелии: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мк. 8, 34)». Собрав вельмож и выбранных народа, он объявил желание свое оставить мир и назначил преемником своей власти сына Стефана. Напрасно упрашивали его не разлучаться с ними. Марта 25-го 1195 года совершена

---

[1] Саввино житие св. Симеона: «Последи же тех ти (Студеницкий) пашь светы монастырь сьзда, его же и нарече в име Владычице... создавь от мала и до велика, и села предав и с инеми правдами монастырю иконы и сосуды чьстными и книги и ризы и завесы и яже суть писана в злопечатнии повелеи его, паче же и в церкви написано на стене и с клетвою и с заузою, яко да никто ие повторить егова предания». Поздний список грамоты Студенице у Шафарика: *Schaffarik P.J.* Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Pesth, 1833.

[2] Помянник Сопочанского монастыря: «Помени, Господи, ктитора нашего Симеона мироточца Срьбского и Анастасию монахию» (Записки географического общества. Т. XIII).

[3] Св. Савва в житии: «Сам же созда монастыре. И право у Топлицы св. отца Николы. И другы таможде свету Богородицу у Топлицы. Потомжде созда монастырь св. Георгия в Расе. И всем тем монастырем створи управу, яко же подобает». Стефан говорит то же, но пространнее. О монастыре св. Николая пишет: «Близ Св. Богородице на усти реке Баньке, ходещу же оному босу... и чрьньчекое правило устави у нем». О Георгиевском: «Всякое детелию украсив и изещне с всякими делы црьковными и устави чрьньчске правило». В храме Юрьевых столбов цело древнее изображение святого, с надписью: «Свет Симеон Неманя и хтитор места сего святого» (Записки географического общества. Т. XIII. С. 140). По синаксарю Сербляка (л. 124) Неманею построены еще храмы: Богоматери в Топлице, св. Николая на Баньской реке, архистратига Михаила в Скопии, св. Пантелеимона в Нише (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2)

[4] По «Законнику Душана» видно, что в Сербии были священники «башинницы» и «небашинницы» — своеземельные и безземельные; последние обрабатывали для себя «три ниве законите» — церковные. Властелин-помещик обязывался содержать священника: иначе тот имел право переходить на другое место. Священники собирали в приходе произведения земли, что называлось «поповска земльна бирь». Часть этого сбора шла епископу (Законник Стефана Душана. Зак. 6, 28, 31, 32, 38).

была Литургия епископом Каллиником; великий Неманя сложил с себя и передал сыну права властителя Сербии[1]. Затем тот же епископ в обители Студеницкой облек его и благочестивую супругу его Анну в иноческие одежды, назвав одного Симеоном, а другую Анастасиею[2]. В то же время роздана была щедрая милостыня бедным, больным, иночествующим. Анастасия удалилась в женскую обитель; Симеон остался в Студенице. Здесь подвизался он иночески два года. Потом отправился к сыну на Афон[3]. Посетив вместе с Саввою все святогорские монастыри, насладившись беседою с отшельниками и оделив всех милостынею, Симеон поселился в келлиях, простроенных сыном в Ватопеде. Они вместе проходили подвиги, помогая один другому: сын удвоял пост и поклоны за себя и за старца; отец проливал слезы и вздохи за себя и сына. Симеон и на Афоне изливал щедрость свою для обителей молитвы. При входе на Афон, на месте, называемом Просфора, был монастырь с храмом Симеона Богоприимца; морские разбойники разорили его, и он оставался в запустении. Щедростью Симеона построены были келлии, ограда и башня, насаждены виноградники и возобновлен храм. Ватопед также украсился многими келлиями для отшельников[4]. Благочестивый старец-славянин подал мысль князьям-инокам — построить новый или возобновить какой-нибудь запустевший монастырь, с тем, чтобы приходящие на Афон сербы находили себе готовый приют иночества. Старец Симеон с восторгом принял эту мысль и поручил

---

[1] Сам Симеон в хризовуле Хиландарской обители: «Вънезапу оставих владычьство мое, — оставих на престоле моего лубвиваго ми сына Стефана, велнего жупана и севастократора, зетя кир Алексея царя» (*Григорович В.* Очерк путешествия). Грамота Стефана Немани в: Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii / Ed. Franz Miklŏsich. Viennae, 1858. № IX. Сомнения поклонника Св. горы (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы) вовсе напрасны. Никон. л. 2, 280: «господствова лет 42».

[2] Так называется супруга его в помянниках сербских (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). В Никон. л. 2, 280: «Сему супружница бе Анна, подобна ему во всяких добродетелех, священники и иноки и странные повсегда милуяше».

[3] По Саввину житию Немани, он прибыл в Св. гору 2 ноября 1197 г. (*Šafařik.* Památky dřevního písemníctví).

[4] Барский пишет: «св. Савва Сербский купно с отцем своим Симеоном создаша в мон. Ватопеде параклисов шесть: 1 во имя Спасителя, 2 св. бессребреников, 3 св. Георгия, 4 св. Феодора, 5 св. Предтечи, 6 св. Николая; и быша новые ктиторы и празднуются тамо от иноков 12 генваря» (Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 / Под ред. Н. Барсукова: В 4 ч. СПб., 1885–1887. Ч. 3 (далее — Странствования Василия Григоровича-Барского. — *Ред.*).

сыну исполнить ее. Ни одно место столько не понравилось им, как запустевший Хиландарский монастырь. Ватопедским грекам не хотелось выпустить из рук своих ни власти, ни земли. Савва обратился к проту всей горы, и тот предоставил им Хиландар. По просьбе отца сын, жупан Стефан, прислал деньги на возобновление обители и покупку участков земли; с любовью назначил и в Сербии имения в пользу сербского Хиландара[1]. Быстро возобновился Хиландар и наполнился иноками — славянами[2]. Император Алексей, родственник дома Неманей, даровал Хиландару права независимой обители[3]. В хризовуле своем Симеон писал: «Вышел я из отчизны в Святую Гору и застал Хиландарь таким, что не оставалось камня на камне; Владыка мой удостоил меня быть ктитором его; выпросил я грамоту у царя; даю ему в Призрене монастырь, в Милиях села Милушу, Сламодравы, Ретивлу» и пр[4].

Недолго глубокий старец прожил в Хиландаре, только 8 месяцев[5]. Чувствуя близость кончины, сделал он последние распоряже-

---

[1] Хризовул Симеона: «Изидох из отечества своего в Св. гору и обретох монастырь, бывший Хиландарь, иде же не бе камень на камени остал, и сподоби мене Владыка мои быти ему ктитору, — дадох монастырю у Милиях села». Летопись: «Купивше многою ценою место Ватопедское, зовомое Хиландар, — населиша сербских своих иноков» (Гласник. Кн. 5).

[2] Драгоценное Хиландарское Евангелие, писанное дьяком Григорием «князю великославному Мирославу, сыну Завидину» (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы), без сомнения, писано для племянника св. Немани. Завида, брат Немани, известен как строитель храма Апостолов на р. Лиме (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). Мирослав, сын Завиды, не упоминается у Раича, но Раич часто повторяет, что у него недостает многих сведений. Очень естественно, что племянник подарил Евангелие туда, где подвизался дядя. Месяцеслов Мирославова Евангелия (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы) отличается тем, что имена святых переведены с латинского языка, а не с греческого. Так это и в месяцеслове Ассеманова Евангелия XI в. Хиландарский монастырь любили и цари Московские (*Калайдович К.Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский. М., 1824 (далее — *Калайдович К.Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский. — *Ред.*)).

[3] Император, давший Хиландарю право избирать себе настоятеля независимо от прота, прислал игуменский жезл с надписью своего имени. Этот жезл цел и поныне в Хиландаре (*Муравьев А.Н.* Письма с Востока. Ч. 1).

[4] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747. Ч. 3.

[5] Хиландарский типик св. Саввы: «В место сие (Хиландарь) воселше — 8 месяц пробыв, к вечному преложисе блаженству» По известию патр. Досифея, Симеон пробыл год в Ватопеде и 8 месяцев в Хиландаре (*Досифей II, патр.* История Иерусалимских Патриархов). Но если Неманя принял монашество 80 лет и умер 86 лет , то в Ватопеде прожил он более двух лет. Всего в монашестве прожил пять лет без одного месяца.

ния, просил сына молиться за него, перенести его тело в Сербию и не забывать Сербской Церкви. Накануне дня смерти простился со всею братиею и отпустил всех, кроме сына. В полночь, при всей слабости, встал, радостно облекся в полное иноческое одеяние, как бы ожидая великих гостей, и, причастившись Святых Таин, сказал: «Слава Богу о всем», — затем впал в забытье. Поутру сын вынес отца в церковный притвор и положил на простой рогожке. Братия окружили благодетеля и рыдали. Преподобный, с трудом поднявши руку, дал знать, чтобы успокоились, и, веселым лицом взирая на образ Спасителя и Богоматери, шептал, как бы беседуя с кем: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Хвала Господу была последним словом его. Вдруг воздух наполнился благоуханием — это была минута смерти. Так мирно почил старец 86 лет, февраля 13-го 1200 года[1].

Спустя год, в день поминовения о нем, мраморный гроб его наполнился благоуханным миром. В изумлении и страхе все воскликнули: «Господи, помилуй!» Потом все помазались миром. Страдавшие болезнями, одержимые духами получили исцеление, быв помазаны миром. Перенесенное в Студеницкий монастырь, святое тело Симеона также источало токи живительного мира. Потому Симеон не иначе называется в памятниках древности, как «святой Симеон Неманя нови мироточьц Српьски»[2]. Даже оставленный в Хиландаре мраморный гроб святого известен поныне целениями своими[3].

На древних иконах сербских святой изображен с большою седою бородою, в монашеской одежде, с черною остроконечною скуфьею, украшенною тремя золотыми крестами[4].

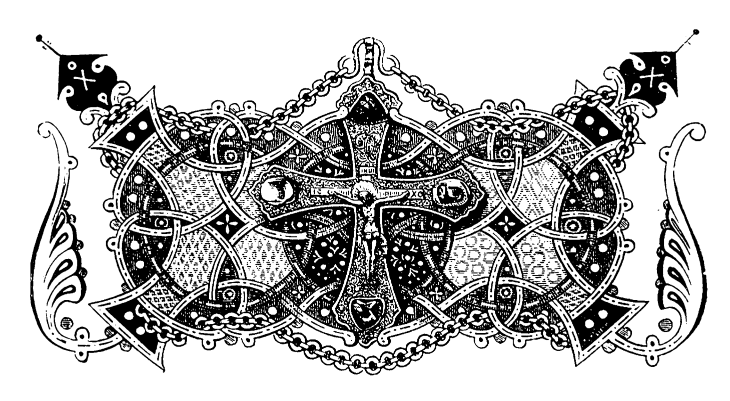
---

[1] Так по записи в типике св. Саввы. Св. Савва в житии: «От рождства же ему 46 лет и ту — прием владычество и пребысть в владычестве 37 лет. И ту прие свети ангелскы образ и пожи в том образе 3 лета. И всего живота его бысть 87 лет». Счет не совсем точный. Неманя родился в 1114 г. и скончался 13 февраля 1200 года. Так и по своду летописей.

[2] Такова надпись на древнем изображении св. Симеона в Юрьевых столпах (Записки географического общества. Т. XIII). В месяцеслове Евангелия 1329 г. февр. 13: «св. Симеона, господина и мироточца Сербские земли». В Норовском синаксаре XIII в.: «февр. 13 память пр. о. н. Симеона Сербскаго, новаго мироточца, лежащаго в лавре великое» (Записки Императорской Академии Наук. Т. 6).

[3] См.: *Муравьев А.Н.* Письма с Востока. Ч. 1.

[4] Записки географического общества. Т. XIII. В Серблякe 1861 г. картинка представляет прп. Симеона далеко не в том виде. О мощах прп. Симеона летописца см. в: Гласник. Кн. 1, 5, 11; Сербляк 125.

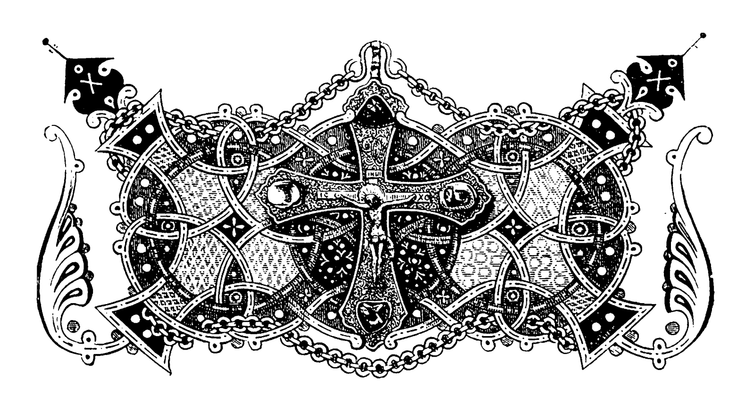

День пятнадцатый

ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ДАЛМАТСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ

Далматская икона Богоматери находится в мужском Далматском монастыре в заштатном городе Далматове Пермской губернии. Этот монастырь основан в 1644 году иноком Далматом, который, по смирению своему удалясь из Невьянского монастыря той же губернии, где хотели возложить на Далмата звание игумена, пришел в отчину Илигея татарина с иконою Успения Богоматери и решился устроить здесь монастырь, который впоследствии по имени строителя и назван Далматовым. Илигей, узнавши, что на принадлежащей ему земле Далмат воздвиг обитель, в 1646 году хотел было изгнать его; но владельцу явилась во сне Матерь Божия, в багряном одеянии и венце, с огненным мечом, и повелела ему уступить землю для обители. Это явление было, вероятно, 15 февраля. После видения Илигей со смирением прибыл к Далмату и отдал ему для монастыря занимаемое им ныне место, и сверх того принес ему и другие дары. В конце 1646 года новые здания монастыря Далматского сожжены были калмыками; некоторые из иноков были ими убиты, а другие взяты в плен, но Далмат скрылся и сохранил святую икону. По удалении калмыков он возвратился на то же место и обновил свой монастырь, который, украшаясь приношениями стекающегося для моления народа, сделался наконец знатнейшим в Сибири.

15 августа, в день храмового праздника обители, бывает в ней великое стечение народа для поклонения чудотворной Далматской иконе.

День семнадцатый

ПАМЯТЬ святого великомученика ФЕОДОРА ТИРОНА

Тирон — слово римское, значит новобранец, воин новый. Исповедав Христа пред вождями и товарищами по оружию, Феодор сжег капище богини Цибелы, и после бичеваний и других мук, как противник богов и христианин, сожжен на костре в Амасии, в 306 году. Верные похоронили его останки в городе Евхаите, недалеко от Амасии.

Церковь в субботу первой седмицы Великого поста, по древнему названию, Феодоровскую, совершает благодарственное празднование святому великомученику Феодору Тирону. Синаксарь в субботу первой седмицы Четыредесятницы начинается стихами:

Пищею колив питает Тирон град,
Пищу оскверненную учинив непотребну.

Юлиан, отступник и лукавый гонитель христианства, желая осквернить святой пост наш в первую седмицу Четыредесятницы, издревле особенно чтимую, и подвергнуть христиан осмеянию, повелел в 362 году епарху Антиохийскому тайно и ежедневно в продолжение первой седмицы осквернять припасы, продаваемые по обычаю в Антиохии на торжище, кровью идольских жертв, от которых христиане всегда обязаны удерживаться (см.: Деян. 15, 29). Епарх исполнил повеление Юлиана. Но злоумышление врагов сделалось известно христианам.

Святой великомученик Феодор Тирон (воин), стяжавший мученический венец при императоре Максимиане, в Амасии, около 306 года 17 февраля, является Константинопольскому архиепископу Евдоксию и повелевает ему призвать рано утром в чистый понедельник верующих и запретить им покупать на торжище оскверненную пищу. Епископ недоумевал, чем заменить это лишение, особливо имеющим недостаток в домашних запасах. Великомученик советовал употребить для пищи коливо, или вареную пшеницу с медом, называемую иногда кутьею, и таким образом обличил и посрамил нечестивое намерение хитрого кощунника.

В память этого события и в благодарность великомученику Феодору как потребителю идолов, предстателю и хранителю стада Христова Православная Церковь с тех пор, т. е. с IV века, доселе ежегодно творит празднование великомученику, совершая в навечерие субботы, в пятницу на Литургии по заамвонной молитве, молебный канон — сочинение святого Иоанна Дамаскина, и благословляя в честь великомученика коливо, коим внушил он заменить на первой седмице поста оскверненную постную пищу. В субботу Церковь постановила читать похвальное слово Феодору — сочинение Григория Нисского, и петь канон Иоанна, митрополита Евхаитского.

ПАМЯТЬ преподобного ФЕОДОСИЯ и ученика его РОМАНА

Начальные подвиги иноческой жизни преподобный Феодосий[1], болгарин родом, совершал в Виддинском монастыре святителя Ни-

[1] См.: Житие прп. Феодосия, описанное патр. Каллистом // Чт. ОИДР. Кн. 1. Описание богатое цветами красноречия, но не бедное и известиями о былом. Это описание по местам передаем в буквальном переводе, а чаще в извлечения.

колая, под управлением игумена Иова, мужа добродетельного и разумного. «Постриженный Иовом в иночество, Феодосий оказывался готовым на всякое послушание»: и настоятель поручил ему заведывание экономией обители. Он мужественно подвизался и, как видели, служил не людям, а Богу. Послушание и смирение его были таковы, каких не видели в других. По кончине настоятеля Иова перешел он в Тернов, тогда стольный город болгарский, и стал жить в монастыре Богоматери, называвшемся Святою горою. Увлекаемый ревностью к высшей духовной жизни, он желал найти себе духовного наставника и с этим желанием переходил из монастыря в монастырь, из Терновского в монастырь Червеный, из Червеного в Славенскую гору. «Бедны были тогда жившие в болгарских монастырях подвижники добродетели». В монастыре Эпикерна игумен принял его с любовью, и братия оказывали ему любовь. Здесь он прожил немалое время, как слух о великом духовном подвижнике Григории Синаите вызвал его в пустыню Скрытную, где жил Синаит, удалившийся с Афона от тревог времени.

У преподобного Григория Феодосий нашел все, чего давно искала душа его. «Здесь днем и ночью научаем он был вере чистой и священным заповедям, возводящим душу в меру возраста духовного. Последуя священному учителю, насыщался он духовным питием. Великий подвижник, видя его ревность к жизни по Боге, передавал ему не только обыкновенные правила подвижничества, но и наставления в умозрительной жизни». Преподобный Григорий известен преимущественно как наставник созерцательной жизни; — таков он и в письменных наставлениях[1]. Вот как говорит он в одном своем наставлении: «Я ниже всех людей по незнанию души моей, земля и пепел ног их. Как не считать мне себя нечестивейшим всей твари, которая остается в своем естестве по-прежнему, тогда как выступил я из естества моего безмерными беззакониями моими? Истинно, звери и скоты чистее меня грешного; я ниже всего и прежде смерти лежу в ад изверженный. Кто не сознается искренно, что грешник хуже бесов, как послушливый раб их, и потому вместе с ними затворен в бездне? Истинно, хуже бесов тот, кем владеют они. Ты с ними наследовала бездну, несчастная душа моя. Живя же прежде смерти

[1] Жизнь прп. Григория, описанная тем же патр. Каллистом, см. в: Афонский патерик. Ч. 1; *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

в земле и аде, как сметь могу считать себя праведником? Нет, я сотворил себя нечистым грешником, подобным бесу»[1].

И пустыня преподобного Синаита часто страдала от нападения разбойников. Потому авва послал Феодосия к болгарскому царю Александру с просьбою о защите от людей испорченных. Благочестивый царь по просьбе Феодосия доставил средства оградить монастырь крепкою оградою и башнею и еще обезопасил обитель угодьями и скотом[2].

Возвратясь в обитель, Феодосий продолжал подвижническую жизнь, отделяя и ночь на молитву. Преподобный наставник дозволил ему проводить безмолвную жизнь в келлие. Так он вступил в высший подвиг борения с духами и помыслами. Духи злобы наносили ему много тревог: но он побеждал их твердою молитвою. Случилась и еще нужда монастырская. По поручению наставника Феодосий снова был у царя Александра и выполнил поручение к утешению старца. Во время последнего пребывания в Тернове один из благородных и богатых людей явился к нему с неотступною просьбою взять его с собою в пустыню. Иначе, говорил он, лишусь жизни. Это был Роман, впоследствии самый искренний и самый любимый ученик Феодосия. Феодосий взял его теперь с собою и привел к Синаиту. Принятый Григорием, Роман волею аввы послан был на послушания. В его отсутствие скончался преподобный Григорий. Братия усильно просили Феодосия принять на себя звание настоятеля, но он отказался и удалился из обители[3].

Он предпринял теперь долгое странствование по обителям с желанием слушать наставления опытных людей. Так он был в Солуне и в Месемврии. В последнем месте посещал он скит Антония, где тогда «много было постников, один другого предварявших в жизни добродетельной и проводивших жизнь ангельскую». Затем был он в Константинополе и возвратился в Скрытную обитель. Посетив братию Синаита

---

[1] У Нила Сорского слово 5 о борении со страстями.

[2] Об этом, конечно, дана была грамота монастырю. Но ныне неизвестна она. Известен только хризовул царя Александра Зографскому монастырю 1342 г. о даровании монастырю с. Хонтака близ Струмницы. ИОРЯС. Т. XI.

[3] Красноречивый жизнеописатель как в житии Феодосия, так и в житии прп. Григория не показал, в каком году скончался прп. Григорий. Это — жаль. Серапион в записке своей о прп. Феодосии (Чт. ОИДР. 1860) говорит, что Каллист, соученик Феодосия, по смерти Григория «взят был в Сербии на архиерейство». В Афонском патерике (1403) сказано, что Каллист подвизался в Афонском скиту Могула, под руководством прп. Григория Синаита, и в 1350 г. поставлен в патриарха, а в 1368 г., быв послом к Сербской кралеве Елизавете, скончался в Ферах.

и поклонившись раке его, вместе с Романом пришел на Эмонскую гору, что близ Месемврии, и тут подвизался в посте и молитвах. Но разбойники выгнали его из этого уединения.

Гора, недалекая от Тернова, показалась сколько безопасною от разбойничьих нападений, столько и удобною для уединенной жизни. Феодосий поселился на ней с Романом. Три года прожили они здесь уединенно. Феодосий видит видение: гора его покрыта прекрасными птицами певчими. И вслед за тем стали приходить к нему ревнители пустынной жизни; число их дошло до 50. Это были искренние рабы Божии. Феодосий иеромонах вел такую постническую жизнь, что на нем оставались кожа да кости. Вместе с тем он ревностно занимался переводом греческих сочинений на славянский язык[1].

Начинаются особые подвиги преподобного Феодосия. Монах Феодосий приходит из Константинополя и начинает возмущать народ странным учением. Употребляя волхвования, он одобрял поклонение одному дубу как цельбоносному; дело доходило до того, что пред дубом закалали в жертву овец и ягнят. Этот восстановитель народного суеверия обличен был преподобным Феодосием и раскаялся в заблуждении.

Опаснее были богомилы, еще скрывавшиеся там и здесь и тайною проповедью распространявшие разврат в народе. В Солуне одна монахиня, увлеченная богомильством, обратила келлию свою в блудилище. Посещавшие ее иноки перенесли ее учение на Афон и там тайно развращали иноков. Так длилось три года, — пока афонские старцы, составив собор, предали анафеме упорных. Двое из осужденных, Лазарь и Кирилл, пришли в Болгарию. Первый из них надел на себя личину юродивого и под этим прикрытием учил скоплению. Оба же хулили крест и иконы, отвергали брак, одобряли разврат, унижали крестную смерть Христову, хулили иерархию и на место Единого Бога проповедовали два начала, начало добра и начало зла, сонные мечтания свои выдавали за видения Божественные, и тогда, как вводили самую грязную жизнь, говорили о себе, что они — Божии рабы, нищие духом.

Преподобный Феодосий, собрав точные сведения о них, доложил о них царю и патриарху. «Иже тогда Церкви предстательствующий

---

[1] Более чем вероятно, что сочинения Григория Синаита переведены были на славянский язык этим трудолюбивым переводчиком. Прп. Нил Сорский уже читал в славянском переводе Синаита.

патриарх, прост сей, недоумевающий отовсюду». Феодосий вызвался доказать нечестие новых учителей пред собором. Царь Александр любил просвещение столько же, сколько и истинное христианское благочестие[1]. По воле его составился собор, где был и царь со своим советом. Приведены были сеятели лжи. «Что это у вас за новое учение?» — спросил Феодосий. «Учение наше не новое, — отвечали те, — оно — то самое, которое выражено в словах: *Блаженны нищие духом; не делайте брашно гибнущее* (Мф. 5, 3)». «Апостол Христов, — отвечал в обличение Феодосий, — говорил о себе: *руки мои послужисте мне и сущим со мною* (Деян. 20, 34). Он трудился, а не бродил праздно, как вы, сеятели разврата. Напрасно выставляете вы из себя чтителей смирения: в вас вовсе нет смирения. Кто дал вам право быть учителями? Брак честен и ложе нескверно, учит Апостол, и Спаситель был на брачном пире. Только дух злобы может учить, как вы учите: выполняйте, говорите вы, стремления природы. На что же нам дана свобода, если не для того, чтобы дух побеждал нечистые движения плоти? Вы допускаете начало добра и начало зла, одно небесное, другое земное. Но Господь велел признавать Бога Отцом неба и земли, Творцом и Промыслителем вседействующим». Учители нечестия стояли безмолвные. Лазарь пришел в сознание и принес раскаяние. Но Кирилл и ученик его Стефан остались упорными в своем нечестии. Царь велел заклеймить их раскаленным железом и выгнать из Болгарии.

Открылись и еще лжеучители жидовствующие. Эти отвергали воплощение Сына Божиего. Несмотря на явное антихристианство свое, они надеялись найти защиту себе в царице, которая была из евреев[2]. Но

[1] «Повелением господина моего благородного и христолюбивого — царя прекрасного Иоанна Александра в лето теченно 6853 (1347)», писал летописец Манассия. См.: *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи на славянский язык, с очерком истории болгар. М., 1842 (далее — *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи. — *Ред.*).

[2] Царь Александр был дважды женат. От первой жены Феодоры, в иночестве Феофании, имел он сыновей Страшимира и Михаила. Потом, увлеченный красотою жидовки, окрестил ее и сочетался с нею браком. От этого супружества были сыновья Шишман и Ясень. Бывшую жидовку обвиняли (*Раич.* История разных славенских народов), будто ею отравлен пасынок Михаил и будто из опасения за жизнь Страшимира Страшимир послан был в Виддин с правами полномочного правителя. Но так ли все это было? В Болгарском синодике читаем: «Феодоре, благочестивой царице велик. ц. Иоанна Александра, сущей от рода Еврейска, восприемши Св. Крещение и благочестивую верю целю сохранши и церкви мнози обновльши и монастыри различна воздвигше, матери сущи вел. ц. Иоанна Шишмана, вечная память» (Временник общества истории и древностей. Кн. 23).

благочестивый царь своею ревностью к благочестию побудил и царицу стать на стороне благочестия[1].

Так как с одной стороны еще оставались и проповедники разврата мессалианского, а дерзости жидовствующих, оскорбляя одних, смущали нетвердых в вере, то преподобный Феодосий снова явился к царю и настоял на том, чтобы собран был новый собор. Так явились на соборе царь с сыновьями своими Шишманом и Ясенем, патриарх, Феодосий, митрополиты: Преславский и он же прототрон Дорофей, Дристерский (Силистрийский) Захария, Овча-поля (Праводский) Лазарь, Ловчанский Парфений, Филиппопольский Мануил, Средечский (Софийский) Леонтий, епископ Мадитский Иаков, архимандрит лавры 40 мучеников Иоанникий, несколько иеромонахов из обители Феодосиевой со своим настоятелем. Прочтен был символ веры вселенской, и произнесена анафема как жидовствующим, так и богомилам. Распространителей учений ложных царь сперва осудил на смертную казнь, но потом ограничился телесным наказанием. Один покаялся и принят в общение с Церковью. Два другие остались непреклонными. Соборное деяние записано было на память для потомства. Это было в 1360 году[2].

Когда турки подняли войну, царь, не желая отпустить от себя Феодосия, устроил для него в безопасном месте пещеру — с келлиями, где и поселился он с братьями.

Вскоре затем преподобный сделался больным и болел 20 месяцев. В этой болезни желал он видеться с преподобным Каллистом как с духовным другом. Каллист писал в Болгарию о том, чтобы отпустили Феодосия к нему. Но на это не изъявили желания в Тернове. Преподобный, передав управление братиею Роману, тайно удалился в Царьград и здесь скоро скончался в Мамантовой обители.

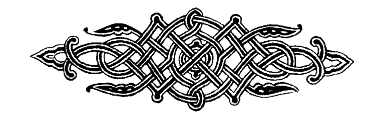
[1] Лука новокрещеный «благороднейшего — Авраама Асана Ходжаиса», писавший Ватопедский октатевх с сведениями о греческих переводах Библии и разорениях Иудеи (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы) едва ли не из Тернова, как и Авраам Асан, и едва ли оба не из евреев, родственников еврейки Феодоры.

[2] Когда болгарские павликиане-богомилы обратились в папистов? Вероятно, Иоанн Ясень тем только и отблагодарил п. Иннокентия за присланный царский венец, что предоставил ксендзам обращать богомилов в поклонников папы. По крайней мере несомненно то, что нынешние паписты в Болгарии не иначе и называются как павликианами и живут именно там, где поселил Цимисхий павликиан, около Филиппополя (Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747. Ч. 2. Русская беседа. М., 1860).

«Следует, — прибавляет патриарх, — сказать и о помянутом ученике Романе. Он был муж добродетельный и по примеру наставника ревностный исполнитель заповедей Господних. Приняв обитель в свое попечение, усердно поучал братию. Потому часто приходили к нему и окрестные за наставлениями о постническом житии. Он раз в день вкушал пищу и то очень мало. Его томила болезнь тяжкая — кашель, — но он никогда не опускал бдения и проводил ночи без сна, засыпая только утром». Скончался он февраля 17 дня.

Патриарх в описании жизни Феодосиевой не объясняет, почему в Тернове не согласились отпустить Феодосия в Царьград. Но дело объясняется грамотою преподобного Каллиста, писанною «к почтенным инокам, пребывающим в Тернове», или, как сказано в славянском переводе, «честнейшим в священноиноцех Феодосию и Роману и прочим священникам Тернова». В этой грамоте преподобный Каллист осуждает Терновскую Церковь за то, что не поминает она в молитвах Константинопольского патриарха и что будто не по праву Терновский архипастырь называется патриархом[1]. Так как Терновское патриаршество учреждено было по согласию Константинопольского собора[2], то, естественно, в Тернове были недовольны грамотою Каллиста и потому не были довольны желанием Феодосия посетить Царьград. Так преподобный Феодосий приблизился к смерти скорбью, в 1362 году.

Служба преподобному Феодосию написана была иеромонахом Серапионом, скорбевшим о том, что тогда как Константинополь отдал честь подвигам преподобного, Болгарская страна не чтила своего подвижника[3].

[1] Грамота на греч. языке и с слав. переводом издана в ИОРЯС. Т. VII.
[2] Акты учреждения патриаршества Терновского изданы в ИОРЯС. Т. VII.
[3] Чт. ОИДР. 1860. Кн. 1.

День восемнадцатый

ПАМЯТЬ святого отца нашего ЛЬВА, папы Римского

Родом из Италии, Лев I, или Великий, был избран папою в 440 году и святительствовал до 461 года. Он заслужил известность своею добродетельною и благочестивою жизнью. Защищал страну и от внешних врагов[1], и от внутренних врагов Церкви — еретиков: манихеев и евтихиан. При нем Евтихий, архимандрит одного из Константинопольских монастырей, противник учения Нестория, впавший в противоположную крайность, стал утверждать, что в Иисусе Христе следует признавать только одно Божественное естество. На местном соборе, происходившем в то время в Константинополе, были рассмотрены положения Евтихия; он был обличен в ереси и лишен церковной степени. Евтихий восстал против этого решения, обратился ко многим епископам, в том числе и к папе Льву, с просьбою пересмотреть его дело и при этом обвинил в ереси самого патриарха Цареградского Флавиана.

Лев, узнав от Флавиана правду, письменно изложил учение Церкви о соединении во Христе двух естеств: Божеского и человеческого.

[1] В 452 г. силою слова своего папа Лев убедил и удержал жестокого царя гуннов Атиллу, готового вторгнуться в Рим с огнем и мечом, а в 455 г. успешно подействовал на такого же лютого предводителя вандалов — Гензериха — и отвратил пролитие крови и предание огню зданий в Риме.

ПАМЯТЬ святителя ФЛАВИАНА ИСПОВЕДНИКА, патриарха Цареградского

Флавиан пострадал в борьбе против ереси Евтихия и умер вследствие ударов, нанесенных ему защитниками Евтихия во время собора, известного в истории под названием «разбойничьего» или «Эфесского разбоя», в 449 году. Мощи его были перенесены в Константинополь в 451 году. Преемник святого папы Льва Иларий, бывший легатом на разбойничьем соборе, изобразил в Риме в оратории Святого Креста стенною живописью подвиг Флавиана на этом соборе.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КОСМЫ на реке Яхроме

Преподобный Косма[1] воспитывался у одного боярина в селе; боярин, полюбив его за кротость, научил его грамоте. Благодетель боярин впал в тяжкую болезнь и переезжал из города в город, ища пособия в болезни; Косма был с ним неотлучно, утешая его чтением книг и ухаживая, как добрый сын за отцом. Во время переездов своих остановились они на реке Яхроме, и благоговейному Косме является на дереве икона Успения Богоматери; он слышал от нее глас, повелевавший ему быть иноком и устроить монастырь. Больной господин его тогда же

[1] Житие прп. Космы описано было иноком Григорием, но описание было потом распространено игум. Варлаамом. Из того составилась витиеватая повесть, богатая словами и скудная мыслями. Повесть см.: *Востоков А.* Описание рукописей Румянцевского музеума. № 371. В сборнике Петерб. дух. акад. № 277.

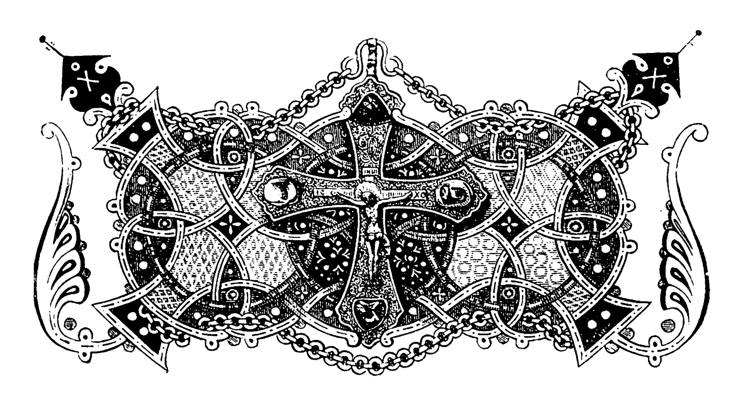
получил исцеление от этой иконы. Это еще более заставило господина любить Косму. Но уже и потому, что господину не нужны были услуги, Косма тайно удаляется в Киев и поступает в Печерскую обитель; облеченный здесь в иноческие одежды, проводит некоторое время в подвигах строгого поста и молитвы. Потом, следуя воле Богоматери, идет с явившеюся ему иконою на реку Яхрому и здесь, в 40 верстах от Владимира и в 15 от Юрьева-польного, с пособиями добрых людей сооружает храм в честь Успения Богоматери. Мало-помалу собрались к нему ревнители уединенной жизни, и он ревностно обучал их благочестию в звании игумена. Постоянно верный правилам иночества, он не оставлял подвигов поста и молитвы, а вместе с любовью принимал странных и целил грешные души врачевством покаяния; слава о дивных подвигах его доходила и до великого князя. Достигнув глубокой старости и приобщившись Святых Таин, он мирно предал дух свой Богу 18-го февраля 1492 года. В памяти юрьевцев остались его строгая жизнь и наружный вид: лицо его было бледно и сухо, волоса седые, брада долгая и к концу узкая, несколько свившаяся; светлый взор сиял из-под высокого чела. Различные исцеления ознаменовали святость жизни его. Мощи его почивают под спудом в Успенском монастырском храме[1]. Митрофан, впоследствии святитель Воронежский, быв игуменом Космина монастыря, так говорил в надписях на Евангелии: «Выменяно сие Евангелие — преподобного отца нашего Космы Яхринского чудотворца при игумене Митрофане»[2]. Явившаяся преподобному икона, ознаменовавшаяся чудесами, находится в том же храме, где и мощи преподобного, и ей празднуют 14-го октября[3].

---

[1] Святцы: «прп. отец Косма, игумен Успенского монастыря Яхренский, иже в Шахматицех, Юрьевский чудотворец, преставился в л. 7000 мес. февр. в 18 день». *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV. Служба прп. Косме на 18 д. февр. и житие его в сборнике Нижегор. Благовещ. монастыря.

[2] *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2 т. СПб., 1866. Т. 2 (далее — *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской словесности. — *Ред.*); Владимирский сборник. Материалы для статистики). По описи 1662 года «за Кузминым монастырем 94 двора».

[3] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. О сей иконе ошибочно говорится в двух местах как о двух различных (см.: Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, открывшаяся в явлениях чудотворных Ее икон в России: В 3 ч. М., 1853. Ч. 3, отд. 3 (далее — Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы. — *Ред.*). В первом сказано, что св. икона явилась в 1482 г. Но это было раньше (ркп. повесть о Яхромской иконе в б-ке общ. ист. № 213; у Румянцева № 371).

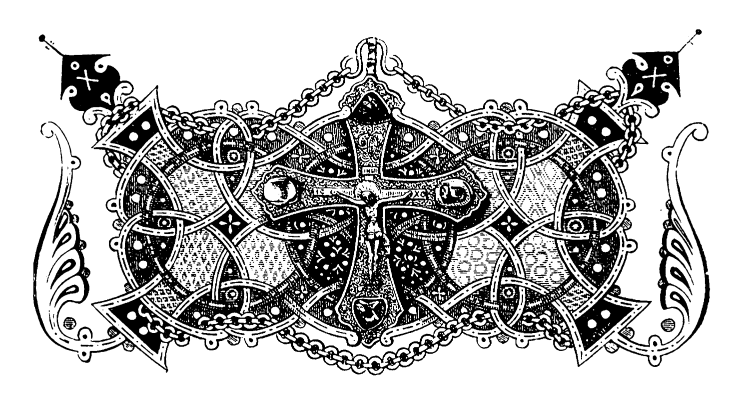

День девятнадцатый

ПАМЯТЬ святых апостолов от 70 АРХИППА и ФИЛИМОНА и святой АПФИИ

Апфия была супругою Филимона, к коему есть послание апостола Павла; проповедовал о Христе в Газе и других местах, а святойАрхипп был епископом в Колоссах после Епафраса. В царствование Нерона скончались мученически: Филимон и Апфия побиты камнями, Архипп же изрезан ножами.

Преподобных Евгения и Макария исповедников. Юлиан-отступник, прибывши в Антиохию 362 года, потребовал священников Евгения и Макария на состязание о вере и, обличенный в злочестии, приказал бить обоих. Затем вместе с дуксом Артемием, который при сем открыто усовещевал царя, ввержены они были в темницу; на следующий же день царь осудил их на заточение в один из болотных оазисов Ливии, где они и скончались. Об Артемии см. 20 октября.

День двадцатый

ПАМЯТЬ преподобного КОРНИЛИЯ ПСКОВСКОГО

Преподобный Корнилий еще в молодых годах оставил мир и начал подвизаться в Печерском монастыре Псковской области; здесь пострижен он в иночество и проводил жизнь строгую, в трудах и молитве. При нем (с 1519 г.) распространили в горе храм Успения Богоматери и устроили его с приделом в честь преподобных Антония и Феодосия Печерских, а с 1524 года новая храмовая икона Успения Богоматери начала источать исцеления и другие чудеса[1]. В 1529 году блаженный Корнилий облечен был саном игумена новой Печерской обители. В продолжение 40-летнего управления своего он возвысил обитель по всем отношениям. Жизнь его была образцом строгой иноческой жизни, и он старался одушевить ревностью к подвижничеству подчиненных ему иноков[2]. В тогдашнее время случалось, что иные, внося в обитель богатые вклады, дозволяли себе жить в обители не по-иночески и вклад свой считали за право на жизнь по желаниям испорченного сердца.

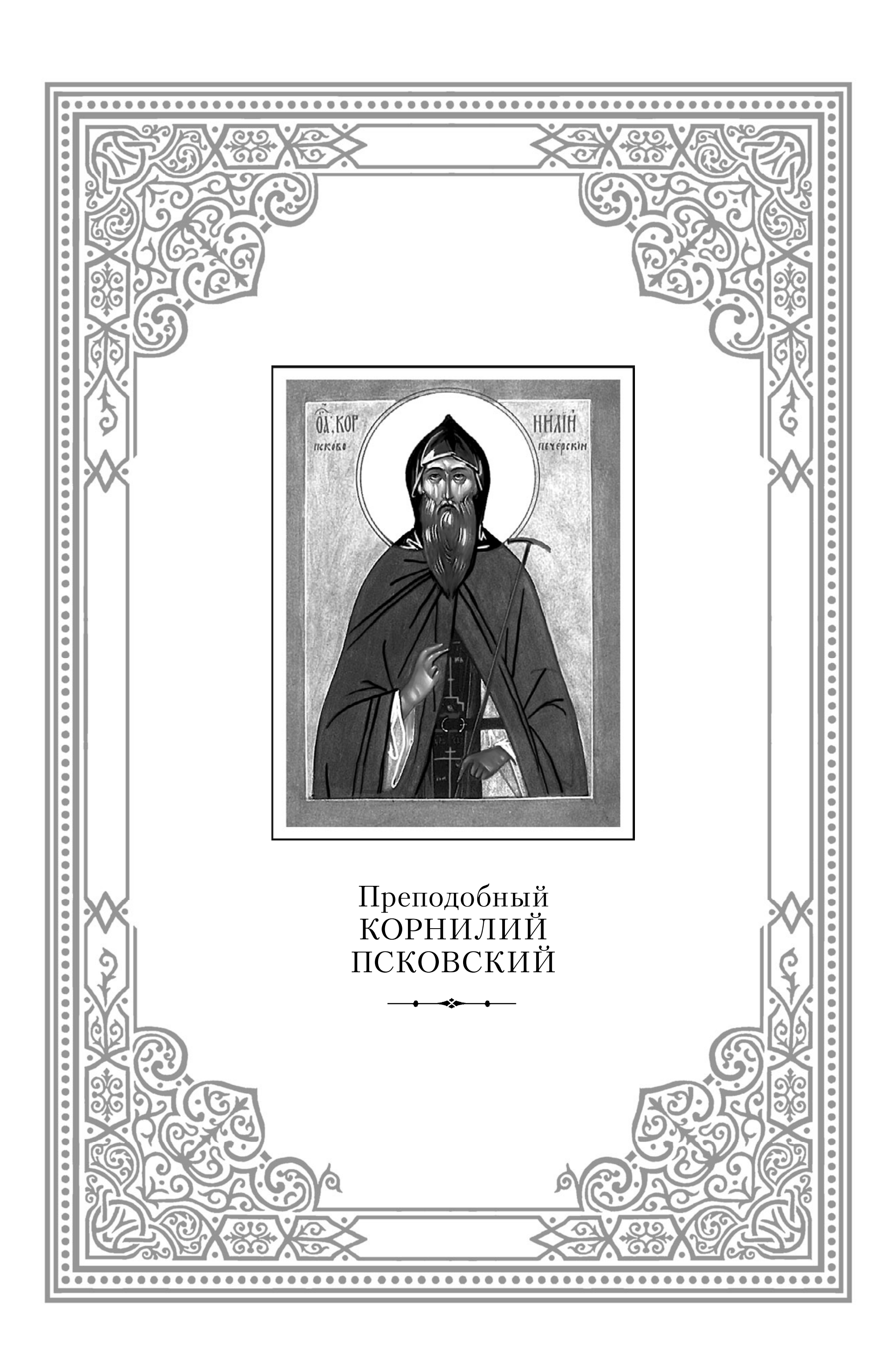
[1] Собр. л. 4, 293, 295; Повесть о начале и основании Печерского монастыря; ркп. Минеи июня 10 в Сергиевой лаврской б-ке № 5.

[2] Повесть о начале и основании Печерского монастыря.

Блаженный Корнилий жил упованием на Господа и не думал поставлять благосостояние обители в зависимость от вкладов; он дорожил высоким значением обители как училища благочестия, а потому всякого инока, когда не хотел он жить по-иночески, подвергал исправительным мерам, а если тот не приходил в себя, то удалял его из обители, кто бы он ни был. Один из таких изгнанных вкладчиков явился с жалобою к митрополиту Макарию. Митрополит велел отправить его в обитель под строгую епитимию. Новгородский архиепископ Феодосий писал к блаженному игумену: «писал к нам святейший господин и отец наш Макарий, митрополит всей России, о вашем Печерском вкладчике старце Савватии, что был он в монастырских службах с мирскими людьми и пал в великие грехи, и что он приходил каяться и плакаться пред тобою о том падении, но ты не принял его на покаяние... Отдайте его доброму старцу под надзор, чтобы жил с правилом и ходил к началу каждой службы, а стоял бы пред церковью каждый день до конца правила, в церковь же не допускайте его. А ты наставляй и учи его по правилам. Ты сам хорошо знаешь писание. Оно говорит: если епископ, или игумен, или пресвитер не принимает на покаяние обращающегося от греха, то должен быть извержен»[1]. Блаженный Корнилий любил спасение братии и заботился о нем; при нем число иноков обители умножилось до 100 человек, тогда как прежде него было их мало. Он хорошо понимал и долг признательности к благотворителям обители. Памятником тому служит заведенный им синодик обители для поминовения усопшей братии и усопших благотворителей. Неутомимый в трудах, с неусыпною ревностью ко благу обители, он построил в Пскове, на Печерском подворье, каменный храм в честь Богоматери-Одигитрии; в обители своей деревянный храм 40 мучеников он перенес за монастырь, для монастырских рабочих; а на месте его построил (1548 г.) каменный храм Благовещения[2]. В назидание другим описал он чудеса Печерской иконы Богоматери. «Свидетель этих чудес, — говорит он, — не я один, а весь Псков и Новгород. Богоматерь подает исцеления не только православным, но и иноверным, приходящим из Немецкой

[1] Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 35 (грамота от 24 февраля 1543 г.).

[2] Храм 40 мучеников, похожий на молитвенный дом, с крышей в один скат, доселе цел и служит приходским храмом заштатного городка Печерска. Позже, и именно в 1565 г., при входе в монастырь построен прп. Корнилием храм св. Николая (*Толстой М.* Святыни и древности Пскова. М., 1861 (далее — *Толстой М.* Святыни и древности Пскова. — *Ред.*)).

Преподобный КОРНИЛИЙ ПСКОВСКИЙ

земли (из Лифляндии) с верою к чудотворному образу»[1]. Блаженный Корнилий любил просвещение для себя и для других; образованные из современников, каков был князь Курбский, проживали по временам в его обители для бесед с ним; ученик его старец Вассиан Муромцев был одним из самых просвещенных людей своего времени[2]. Блаженный Корнилий насаждал благочестие не только в своей обители, но во всей окрестности; он построил храмы Божии в Агиреве и Топине[3].

С 1558 года открылось новое поле деятельности для блаженного Корнилия. Царь решился возвратить Православию принадлежащее ему в Ливонии и достойно наказать немцев, испепеливших православные храмы и ругавшихся над святынею[4]. В апреле воеводы подступили под Нарву. В страстной пяток «вельможные и гордые немцы, изобретшие себе новое имя евангеликов, еще с утра были пьяны» и, несмотря на перемирие, начали стрелять в русских. Им задан урок. Не вразумились.

«Найдя икону Богоматери с Предвечным Младенцем на руках в доме, где стояли русские купцы, они стали ругаться над иконою; потом, взяв ее со стены, бросили в огонь, где варилось пиво... Пламень внезапно, быстрее стрелы, бросился вверх, и верх здания запылал». Начался страшный пожар в Нарве. Русские, воспользовавшись пожаром, завладели городом. «Такова награда хулителям Божественного, тем, которые образ Христа, изображенного по плоти, и образ Матери Его равняют

---

1 Сказание о Печерском монастыре 1531 г. в ркп. Минеях июня (Серг. лавры № 5).

2 См. письмо Курбского и письмо Полубенского в «Москвитянине» (1853. Ч. 5). Там же сочинение Корнилия описание обители (С. 139). Письмо к Вассиану см. в: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Устрялов: В 2 ч. СПб., 1833 (далее — Сказания князя Курбского. — *Ред.*). Сочинение прп. Корнилия с такой надписью: «Сказание, откуда бысть прозвание Печерскому монастырю во Пскове». Это сочинение пополняли Григорий инок в 1585 году, игумены Мелетий в 1587 г., Иоаким в 1601 г.

3 Межевая запись на села и деревни монастырские, данная писцами Юрьева-Ливонского, ноября 29 1556 г.; *Востоков А.* Описание Румянцевского музеума. Здесь в обводной грамоте 1491 г. видно значение одерена как оброчного. Другая грамота с переписью монастырских земель по писцовой книге дана сент. 8 1563 г., там же стр. 89.

4 Немец: «У Московского вел. князя были тогда храмы в Риге, Ревеле и Дерпте, где русские купцы молились по воскресным дням. Лютеранство не оставило в покое этих храмов; напротив, в фанатизме неистово нападают на них и разрушают до основания» (*Griefenthal.* Chronic // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd.V. Riga-Dorpat-Leipzig, 1835–1847). Фабриций, папистический священник Феллинский ок. 1610 г., говорит о фанатиках лютеранизма: «сожжены ими и Московские храмы в Дерпте, Ревеле, Риге и во многих других местах; они ограблены и истреблены» (*Dionysius Fabricius.* Livonicae historiae compendiosa series // Scriptores rerum livonicarum. Bd. II. Riga—Leipzig, 1848).

болванам богов языческих! Такова награда иконоборцам». Так пишет современник событий, князь Курбский. Нельзя было не содрогнуться при такой каре Божией. Надобно было подумать о себе ученикам новых учителей, тем более, что икона Богоматери и другая святителя Николая, которую также бросили в огонь лютеране, найдены на пожарище целыми. Блаженный Корнилий и Юрьевский архимандрит, по распоряжению митрополита и царя, освятили Нарву и Ивангород торжественным крестным ходом с чудодейственными иконами и затем доставили эти иконы в Москву[1]. Вслед за Нарвою взяты были замки Нейгауз, Киремпе и потом Дерпт[2]. Для бедных эстов, пострадавших и теперь и прежде от войны, блаженный Корнилий щедрою рукою раздавал пособия всякого рода. Он принял на себя построить православный храм в Нейгаузе, тогда как в Нарве и других местах строило храмы правительство. Благотворительность блаженного Корнилия, его кроткие наставления, его бескорыстие и чистая жизнь произвели то, что в приходе Нейгауза все эсты, а в приходах Рауге, Пельве и Гериеля многие обратились к Святому Православию как к благочестию бескорыстному и искреннему[3]. Да, не трудно понять учение Апостола: *Надобно быть исполнителями слова, а не слушателями только, обманывающими самих себя* (Иак. 1, 22). Что пользы, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет (Иак. 1, 14)? Там, где хотят питать и развивать один разум, где с презрением отвергают способы образования воли, — там невозможно живое, вседушевное благочестие, там только обманывают самих себя. Там, где говорят: каждый думай о вере по своему усмотрению, ожидайте всего нечестивого, но уже отнюдь не христианского благочестия. События сами по себе сильно говорили в пользу Православия. В 1560 году блаженный Корнилий был орудием дивного дела Божиего, на радость

---

[1] *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного // Сказания князя Курбского. Ч. 1 (далее — *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного. — *Ред.*); Собр. л. 4, 310; Никон. л. 7, 307; Книга степенная. Ч. 2; Повесть о начале и основании Печерского монастыря.

[2] Собр. л. 4, 310; Книга степенная. Ч. 2.

[3] Повесть о начале и основании Печерского монастыря. Принц Бухау: «оставлены (в крепостях) Московские гарнизоны, построены храмы, как и во всех завоеванных местах обыкновенно поступает царь, и принесены благодарные молитвы за победы» (Scriptores rerum livonicarum. Bd. II. Riga—Leipzig, 1853). Летопись (Собр. л. 4, 316): «1565 г. июня 7 приходили литовские люди, воевали нового городка (Нейгаузена) уезда Преч. Богородицы деревню Вирста да Роживу мызу (Рауге) с деревнею Кючи (Коссе), — Растинских деревней (Раппину)». Ляхи, взявшиеся защищать немцев, нападали прежде всего на места, где русские водворились со своею верою.

Православию и в казнь врагам его. В праздник Успения Богоматери он послал просфору и святую воду воеводам, стоявшим под Феллином, и лишь только прибыл туда посланный им, как в Феллине вспыхнул от ядер пожар, истребивший и снаряды и весь хлеб неприятеля. Немцы вынуждены были сдаться; признательные воеводы прислали в обитель Богоматери Феллинский колокол[1]. В 1565 году блаженный Корнилий окружил монастырь каменною оградою и над вратами обители построил храм в честь святителя Николая, поручив сему дивному защитнику чистой веры оберегать обитель Православия. При положении обители на границе ливонских немцев, заклятых врагов Православия, такое укрепление необходимо было не для одной обители, но и для целой России. Это неопровержимо доказали события 1581 года, когда монастырь счастливо выдержал осаду Баториевых войск, и грозные силы неприятеля, без пользы для него, истратились под стенами обители[2]. В 1570 году преподобный Корнилий со всем Псковским духовенством торжественно встречал грозного царя в Пскове[3].

Царь назначил православного епископа для завоеванной Ливонии, с титулом «епископа Юрьевского и Вельянского» (Феллинского), и первым епископом был посвящен блаженный Корнилий. По летописям, новый владыка Юрьевский 14 октября 1570 года прибыл из Москвы в Новгород; а в 1572 году являлся он к царю в Новгороде с иконами[4]. В синодике Печерского монастыря записана память преставления «священноепископа Корнилия Юрьевского и Вельянского». Князь Курбский пишет: «умерщвлен им (Иоанном) Корнилий, игумен Печерского монастыря, человек святой, славный по иноческой жизни. Он с молодости своей жил в трудах иноческих и воздвигнул монастырь трудами долгими и молитвами пред Богом»[5]. В Печерской рукописи сказано о преподобном Корнилии: «От тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю». Как это было? За что или по какому поводу? Неизвестно. Только сам больной душой царь записал

---

[1] Собр. л. 4, 312.

[2] Повесть о начале и основании Печерского монастыря.

[3] Собр. л. 4, 318. 343. 344.

[4] Собр. л. 3, 164. 174. С 1570 г. игуменом Печерским был Савва, а с 1572 г. — Сильвестр (*Толстой М.* Святыни и древности Пскова; Собр. л. 3, 164). Иезуит Поссевин: Vladicam, i. e. episcopum Dorpati imposuit (*A. Possevinus.* Livoniae commentarius Gregorlo XIII. Rigae, 1852).

[5] *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного.

Корнилия в числе убиенных, показывая тем свою прикосновенность к страдальческой смерти Корнилия[1]. Подвижник благочестия скончался на 69 году жизни своей, 20 февраля. Святое тело его положено было в стене природной пещеры монастыря Печерского, а в 1690 году перенесено в Успенскую церковь[2]. В 1581 году одному благочестивому старцу открыто было, как преподобный Корнилий сопутствовал Небесной Царице вместе с преподобным Антонием на защиту Пскова, как умолял он Ее простить грехи людей и спасти виновный Псков. «Стоявшие по правую руку, — говорит современная повесть, — игумен Корнилий, Савва и блаженный Николай пали пред Нею со слезами и молились: преступники они; умоли Сына твоего и Бога нашего за людей согрешивших». Потом и благоверные князья молили Ее пощадить город. И Псков спасен от Батория, несмотря на все усилия Батория[3].

ПАМЯТЬ
святого
ЛЬВА ЧУДОТВОРЦА,
епископа Катанского

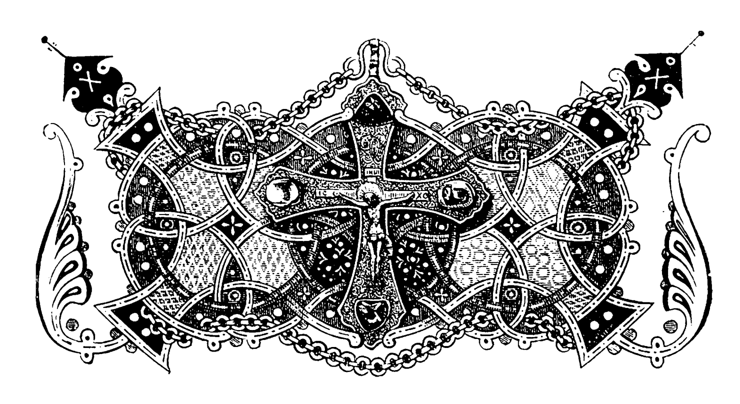
Скончался около 725 года. Славен был учительностью и чудотворениями; уничтожил продолжавшееся еще в той стране служение идолу богини Артемиды и посрамил волхва Илиодора, прельщавшего народ.

---

[1] Сказания князя Курбского.

[2] Повесть о начале и основании Печерского монастыря. Год страдальческой кончины неизвестен. Но 20 число февраля показано днем кончины Корнилия как в ркп. святцах, так в записях Печерского монастыря.

[3] Повесть о начале и основании Печерского монастыря; *Василий (псковский иконописец)*. Повесть о прихождении литовского короля Стефана Батория великим и гордым воинством на великий, на славный богоспасаемый град Псков... // Чт. ОИДР. 1847. № 7

День двадцать первый

ПАМЯТЬ преподобного ЗАХАРИИ, патриарха Иерусалимского

При котором в 614 году был взят Персидским царем Хозроем Иерусалим, увезен был оттуда в Персию и самый Крест Господень и захвачено множество пленных, в том числе и патриарх Захария. Только уже в 629 году, при императоре Ираклии, было возвращено христианам Животворящее Древо Креста и отпущены на свободу палестинские пленные, в том числе и патриарх Захария, мирно скончавшийся в 631 году.

ПАМЯТЬ святого ГЕОРГИЯ, епископа Амастридского

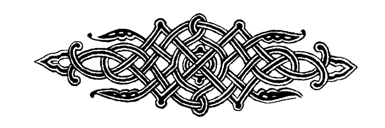
Прославился высокою жизнью и чудесами в Памфилии при императоре Константине VI (780–797). Предсказал Никифору Логофету о получении царской власти. Молитвою укротил бурю на Черном море

во время своего путешествия; мирно скончался в 803 году. По кончине при его гробе совершилось много чудес: «так однажды россы, напав на греческую империю и все опустошая по берегам, овладели Амастридою (в Пафлагонии) при Черном море — и когда захотели открыть гроб Георгия, думая найти сокровище, то сделались недвижимы и, по дознании причины этого, удалились мирно»[1].

Святому Георгию Амастридскому приписывается сочинение многих канонов.

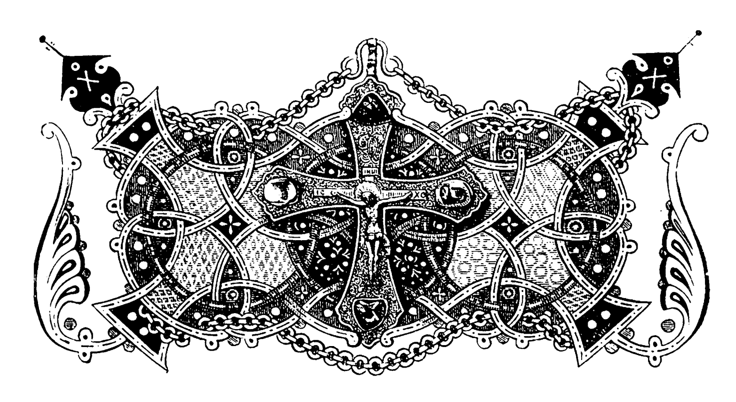
ПАМЯТЬ
святого
ИОАННА III СХОЛАСТИКА,
патриарха Константинопольского

Жил в VI веке. Им составлен свод Церковных правил и свод постановлений императорских, относящихся до Церкви, — из которых составлен Номоканон, служащий руководством при церковном судопроизводстве. Святым Иоанном составлены песнопения: «Иже Херувимы» и «Вечери Твоея тайныя»[2].

[1] См.: *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II.

[2] См.: *Филарет Черниговский.* Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви, с примечаниями и снимками древних нотных знаков. СПб., 1860. С. 215.

День двадцать второй

ПАМЯТЬ святого мученика МАВРИКИЯ и с ним 70 воинов

Когда император Римский Максимиан, беспощадный гонитель христиан (в IV в.), объезжая для осмотра восточные страны империи, прибыл в город Апамею (в Сирии), то ему было донесено, что начальник здешнего войска Маврикий и 70 из его воинов исповедуют христианскую веру.

Желая убедиться в справедливости этого донесения, Максимиан сам производил допрос своим воинам и, услышав от них подтверждение того, что они — христиане, он попробовал сначала убедить их увещаниями и потом угрозами — отречься от непостижимого для него верования в Воскресшего Христа.

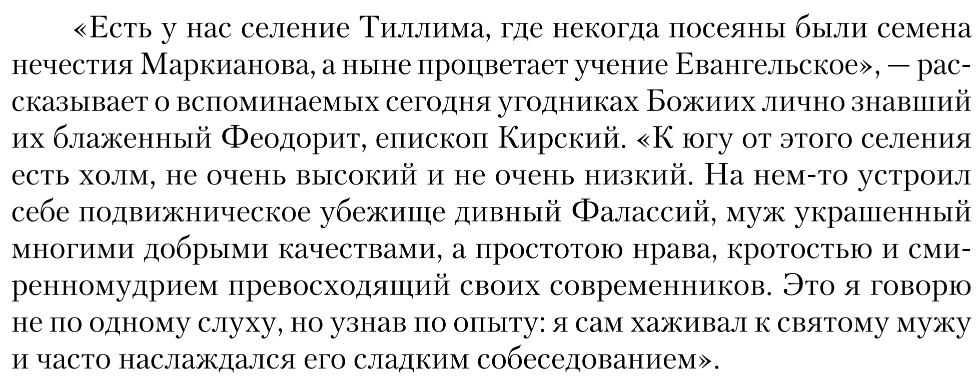
Скоро он понял однако же, что все его убеждения — напрасны, и, раздраженный непоколебимостью христиан, велел подвергнуть их истязаниям. Думая подействовать на Маврикия самым сильным оружием, Максимиан велел замучить в его присутствии сына его, юношу Фотина. Но твердость отрока христианина не уступила закоренелости язычника. Неустрашимо и безропотно Фотин принял все мучения и смерть за исповедание веры во Христа, а Маврикий, отец его, не только не смутился духом, но возрадовался о том, что Иисус Христос удостоил сына его пострадать ради Своего святого имени.

С таким же непреклонным мужеством вынесли все страдания и Маврикий со своими 70-ю воинами. Наконец осуждены они были на мучительную смерть: их отвели в одно болотистое место, где было непроходимое множество комаров, ос и оводов; здесь, привязав их нагими к деревьям, обмазали при этом медом тела их... Десять дней и ночей пребывали мученики в этой жестокой пытке от насекомых, голода и жажды; но разве существует пытка, превышающая терпение истинно возлюбившего Бога человеческого сердца...

Среди молитвы и славословия предали наконец эти воины Христовы души свои — их Царю Небесному.

Но и мучительная смерть их не утолила раздражения язычника. Максимиан повелел отрубить им головы и разбросать тела их на растерзание птицам. Некоторым верующим удалось, однако же, собрать останки праведников и предать их погребению (около 305 г.).

ПАМЯТЬ преподобных ФАЛАССИЯ и ЛИМНИЯ, пустынников Сирийских, живших в V веке

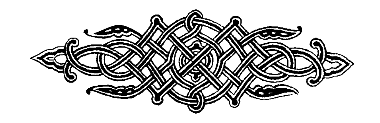

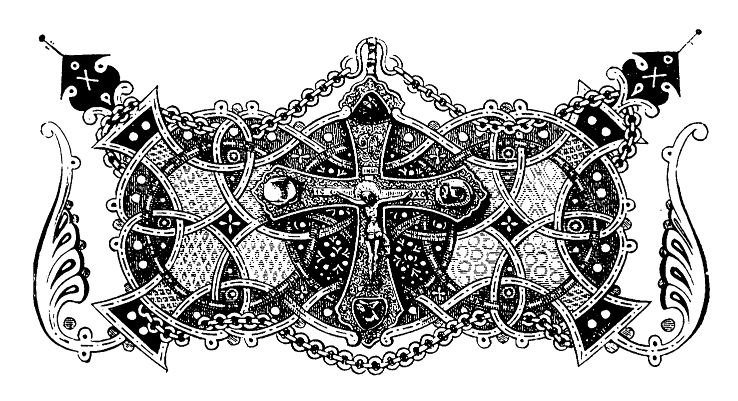
«Есть у нас селение Тиллима, где некогда посеяны были семена нечестия Маркианова, а ныне процветает учение Евангельское», — рассказывает о вспоминаемых сегодня угодниках Божиих лично знавший их блаженный Феодорит, епископ Кирский. «К югу от этого селения есть холм, не очень высокий и не очень низкий. На нем-то устроил себе подвижническое убежище дивный Фалассий, муж украшенный многими добрыми качествами, а простотою нрава, кротостью и смиренномудрием превосходящий своих современников. Это я говорю не по одному слуху, но узнав по опыту: я сам хаживал к святому мужу и часто наслаждался его сладким собеседованием».

«В его общество принят был и всеми прославляемый ныне Лимний, который, вступив на подвижническое поприще еще в очень молодых

летах, оказал великие успехи в высоком любомудрии». В особенности же строго наблюдал молчание, «прожил долго, ни с кем не разговаривая». В удалении от всякого рассеяния, в полной сосредоточенности мысли и чувства, направленных к «единому на потребу», воспитал свою душу мудрый любитель истины и красоты Божественной и, закалив ее долговременным опытом и навыком, пожелал полнейшего уединения и поселился на вершине другой горы, близ селения Таргальтского. Здесь проживал он под открытым небом, не имея ни хижины, ни палатки, огражденный только голою стеною и не принимая к себе никого.

Со временем чувство любви к людям, не заглушенное, но очищенное и уяснившееся и умудренное среди подвигов молитвы, самоуглубления и самоотречения, проявилось в жизни Лимния в том, что он собрал вокруг себя множество слепых и нищих, устроил для тех и для других жилище по сторонам своей горы и наставлял их в молитве и славословии Бога. Пищу для них поручал он доставлять тем многочисленным посетителям, которые приходили к нему сами в чаянии напитаться его беседою, действовавшею не как орудие плотское, но свыше — благодатное духовное, «пленяющее всякий разум в послушание Христово»...

День двадцать третий

ПАМЯТЬ святой ГОРГОНИИ

Дочь святителя Григория, епископа Назианзского, и святой Нонны, сестра святителя Григория Богослова и Кесария — святая Горгония была достойным членом этого святого семейства. Она провела жизнь свою в богоугодной и плодотворной заботе об исполнении своих семейных обязанностей, она постоянно стремилась к совершенствованию и действительно преуспевала в благочестии, ее кротость, рассудительность и неусыпные попечения о спокойствии семьи, о порядке в доме составляли счастье мужа ее и детей, и хотя она всецело посвящала свою жизнь ближайшим домашним своим, избегая светского общества, тем не менее добродетельная жизнь ее не осталась безызвестною и вне пределов дома, и она пользовалась всеобщим уважением.

Горгония была замужем за начальником Иконии, Никовулом, и имела трех дочерей, из которых старшая, Алипиана, отличавшаяся высокими качествами души, была в особенности любима дядею своим Григорием Богословом[1].

В тихой и мирной семейной жизни, которую проводила Горгония, было, однако же, одно обстоятельство, которое очень тревожило ее.

---

[1] См. 25 января, жизнь свт. Григория Богослова.

Муж ее Никовул, отличавшийся большими достоинствами и высокими качествами души, не был еще освящен Святым Таинством Крещения, и Горгония усердно молила Бога послать ей утешение видеть еще при жизни своей мужа своего христианином. Праведная и пламенная молитва ее была исполнена, и когда совершилось над Никовулом Таинство Крещения, то, чувствуя уже в себе начало смертной болезни, Горгония все свои мысли устремила на приготовление к отшествию из земного мира в вечность... Ей было тогда только 39 лет, но, чудно предупрежденная о времени своей кончины, она не смутилась преждевременностью ее и, дождавшись от Господа исполнения заветнейшего желания своего сердца, стала мирно и с покорностью ожидать последней минуты своей жизни. Для верующей души ее не существовала разлука с близкими, хотя и остававшимися еще на земле: для нее существовало только соединение с ними во Христе, соединение со Христом, к Которому всегда стремилась она с верою и чистейшею любовью. О кончине же ее послушаем описание брата ее Богослова:

«Когда же была она при последнем издыхании, — говорит святитель Григорий в надгробном слове сестре своей, — стояли вокруг нее домашние и посторонние, пришедшие воздать последнее целование; престарелая мать воздыхала и терзалась душою (ибо желала бы предварить ее отшествием), общая любовь смешивалась со скорбью; одни желали бы услышать что-нибудь на память от нее, другие сами сказать; но никто не смел произнести слова; безмолвны были слезы, и скорбь неутешна; непозволительным казалось сопровождать рыданиями отходящую с миром; глубокая соблюдалась тишина, и смерть имела вид какого-то священного торжества. А она, по-видимому, была бездыханна, недвижима, безгласна; ее молчание заставляло думать, что тело оцепенело и органы гласа уже омертвели по причине удаления того, что приводило их в движение. Но пастырь, тщательно наблюдавший в ней все перемены, потому что все происходившее с нею было чудесно, приметив легкое движение губ, приложил ухо к устам, на что давали ему право близость и единодушие... Ею были произносимы псалмопения, именно, слова исходного псалма, и (если нужно выговорить истину) свидетельствовали о дерзновении, с каковым кончалась Горгония. Блажен, кто упокоевается с сими словами: *В мире вкупе усну и почию* (Пс. 4, 9). Сие и воспевала ты, сие и исполнилось на тебе, совершеннейшая из жен; это было и псалмопение и надгробие по отшествии тебе, прекрасно умиренная по мятеже страстей

и в общую чреду успения вкусившая сон, даруемый возлюбленным Божиим, как прилично было той, которая и жила и отошла со словами благочестия...»

Кончина святой Горгонии последовала около 372 года.

ПАМЯТЬ преподобного АЛЕКСАНДРА, обители Неусыпающих первоначальника

Родом из Асийских стран. Получив образование в Царьграде, вступил там же в военную службу, но чрез несколько времени оставил ее, чтобы служить Единому Богу. После подвигов в Сирии прибыл в Константинополь и основал обитель Неусыпающих. Скончался после 50-летних подвигов 3-го июля 430 года. Обитель Неусыпающих названа так потому, что по уставу преподобного Александра иноки беспрерывно день и ночь пели псалтирь на двух клиросах, переменяясь по часам. (Вторично вспоминается 3-го июля).

ПАМЯТЬ о преподобных МОИСЕЕ БЕЛОЕЗЕРСКОМ и ПОЛИКАРПЕ БРЯНСКОМ

По описанию святых Белоезерских, «преподобный Моисей, прозорливый инок, на посаде Белоозера в Троицком монастыре», почил после преподобного Кирилла Белоезерского (1427 г.) и прежде

преподобного Кирилла Новоезерского (1532 г.). Поелику же Троицкий Устьшехонский монастырь перенесен на посад Белоезерский около 1480 года[1], то подвиги преподобного Моисея прозорливого надобно отнести к концу XV века. Преподобный Моисей чтится местно[2].

О преподобном Поликарпе Брянском известно только то, что он был основателем Брянского Спасского монастыря и что он после долгой подвижнической жизни скончался игуменом своей обители февраля 23-го. В описи монастырей 1662 года читаем: «за Спасским (Брянским) монастырем и Поликарпа чудотворца 13 дворов». По этому известию, преподобный Поликарп скончался прежде 1662 года и в этом году уже известен был по чудесам. Мощи его почивают под спудом в Брянском Спасском храме, с 1764 года, по упразднении монастыря, приходском[3].

Святого Полихрония, епископа Церкви Апамейской (в Сирии), современника преподобного Маруфы, епископа Месопотамского. В 427 году Феодорит так оканчивает свою историю: «Полихроний превосходно пасет Церковь Апамейскую, соединяя со знаменитостью жизни знаменитость учения»[4].

В тот же день празднование в честь **Сокольской иконы Богоматери**. Прославилась эта икона в 1172 году и находится в Преображенской церкви упраздненного (1786 г.) Сокольского монастыря Полтавской епархии.

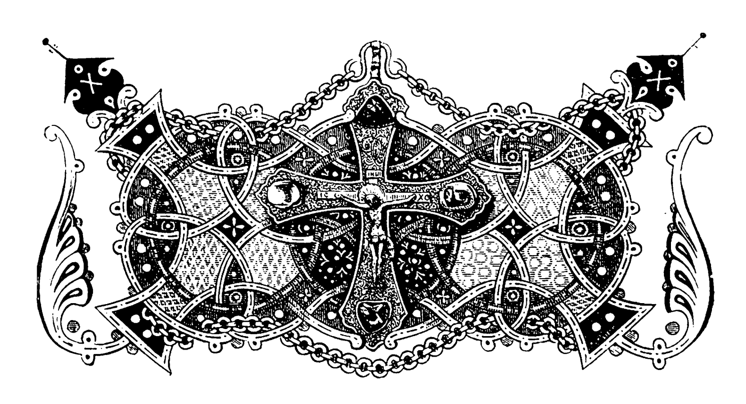
---

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. О начале монастыря см. мая 28 числа.

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. В ркп. святцах: «прп. отец Поликарп, игумен Спасского монастыря в Брянске, преставился в л. 7507 м. февр. в 23 д.» (Известия Археологического общества. Т. II). В «Истории Российской иерархии» монастырь Спасский иждивением князя Борятинского построен в 1694 г. О годе кончины преподобного (1699 г.) здесь, конечно, ошибка.

[4] О сочинениях, оставшихся после него, см.: *Филарет Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859. Т. III.

День двадцать четвертый

ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ ЧЕСТНОЙ ГЛАВЫ СВЯТОГО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

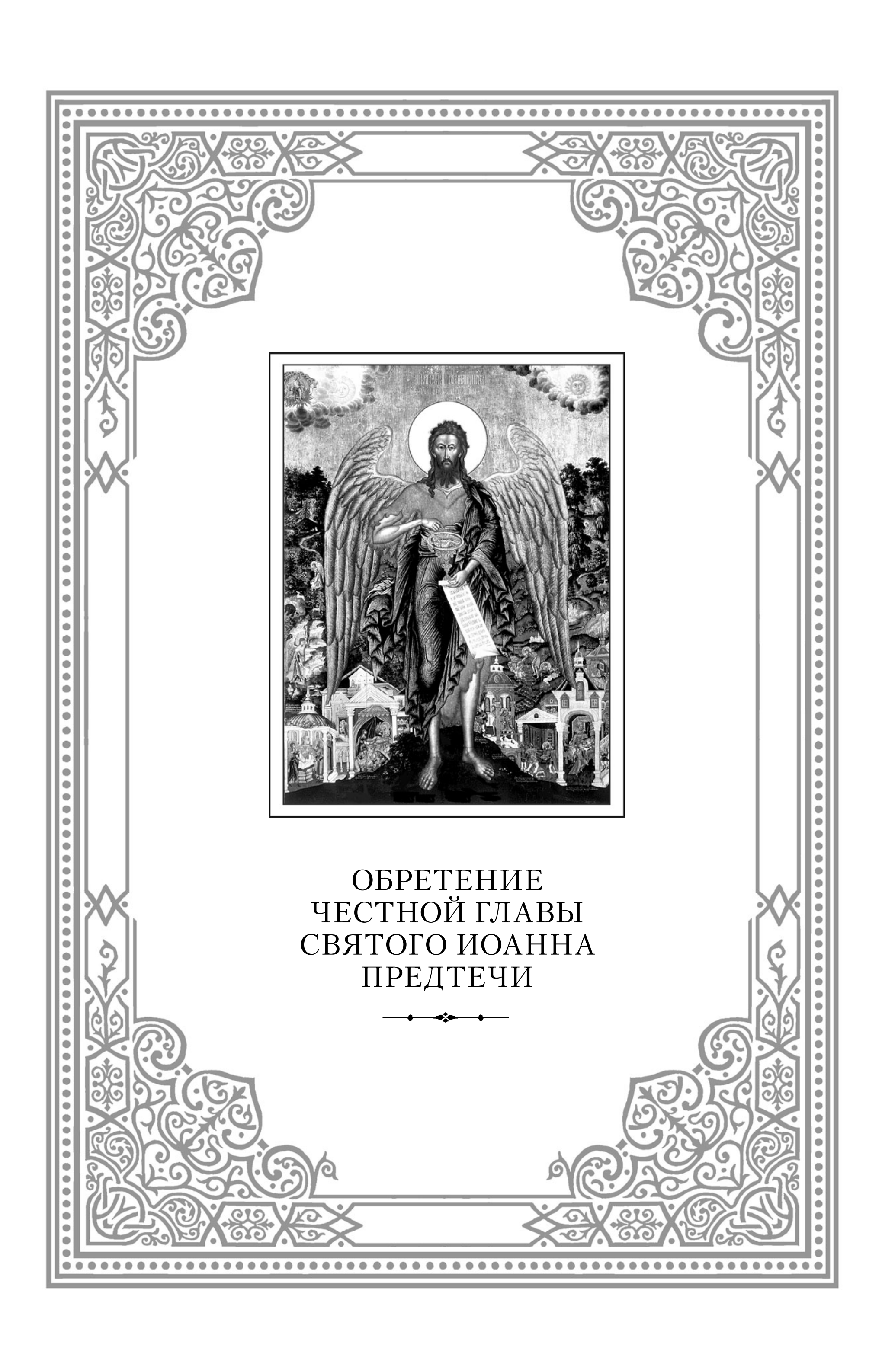
Убийцы Предтечи не допустили положить главу его вместе с телом, боясь, чтобы страшный обличитель их, если глава его приложится к телу, не воскрес и не стал снова обличать их (см.: Мк. 6, 14–16). Тело Предтечи погребено было учениками его в Севастии — городе Самарийском, а отсеченная глава его особо сокрыта была Иродиадою во дворце Ирода, в месте бесчестном. Зная об этом уничижении, благочестивая Иоанна, жена Хузы — домоправителя Иродова (см.: Лк. 8, 3), тайно ночью взяла оттуда главу Предтечи и, положив в сосуд, погребла на горе Елеонской — в поместье Ирода. Спустя много времени после того некто Иннокентий, благочестивый подвижник, купил поместье Иродово и начал созидать церковь. Копая ров для основания, он обрел в земле глиняный сосуд и в нем главу Предтечи, которую узнал он по благодатным знамениям, бывшим от нее, и хранил ее у себя с великим благоговением. Это обретение было первое.

Пред смертью своею, желая сохранить главу Крестителя от поругания, которому она могла подвергнуться от неверующих во Иисуса Христа, Иннокентий укрыл ее в землю, в том месте, где обрел. Впоследствии, по смерти Иннокентия, и церковь им устроенная запустела и развалилась, и таким образом честная глава опять никому неизвестна стала.

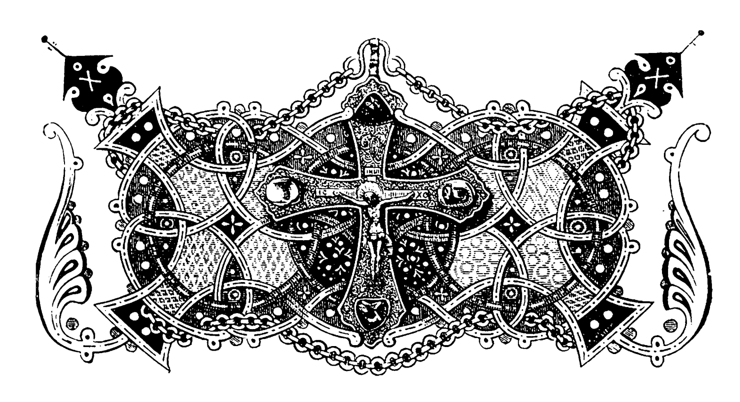
Во дни Константина Великого, когда вера христианская воцарилась в мире и благочестивые христиане отовсюду стали ходить к святым местам

на поклонение, двое иноков, пришедшие в Иерусалим на поклонение Животворящему Кресту и Гробу Господню, по откровению и повелению самого Предтечи, явившегося им во сне, обрели на горе Елеонской и взяли честную главу его с собою. Возвращаясь с нею в жилище свое, они встретились на пути с одним бедным скудельником, жителем Сирийского города Емессы, шедшим из своего отечества в иную страну, и пошли с ним вместе. Спутнику своему иноки дали понести вретище, в котором хранилась глава Крестителя. Скудельник не знал, что сокрыто во вретище, которое он нес. Ему явился святой Предтеча и повелел удалиться от спутников своих со вретищем, бывшим в руках его. Так Бог за неверие и леность отнял святыню у недостойных иноков, сначала не веривших явлению им во сне Предтечи, а потом не хотевших нести главу его! Удалясь от иноков, скудельник, по повелению Крестителя, пришел с главою его в свой дом; Бог благословил дом его обилием благ. Веруя, что виновник сих благ есть святой Иоанн Предтеча, скудельник с великим благоговением хранил честную главу его. Пред смертью своей он открыл о бывшей у него святыне и завещал сестре своей блюсти ее с особенным уважением и потом передать достойнейшему из христиан. Долгое время честная глава Крестителя хранима была преемственно среди благочестивых христиан. Впоследствии приобрел сие сокровище некто Евстафий, муж, зараженный Ариевой ересью, не имевший страха Божиего. Тогда Промыслу угодно было отнять святыню у недостойного и его же рукою сокрыть ее надолго в неведомой для православных пещере. Евстафий, избегая правосудия закона за зловерие свое и принужденный оставить свое жилище и скрываться, притаил главу Предтечи в пещере, чтобы после тайно взять ее оттуда. Но, выгнанный из жилища своего, он не мог уже после возвратиться и снова владеть неоцененною святынею. На месте пещеры, в коей скрывалось духовное сокровище, поселились благочестивые иноки и жили, не ведая: какое сокровище таится в их мирном пристанище благочестия.

Прошло много лет; глава Крестителя опять забыта была. Из пристанища иноков в пещере образовался впоследствии монастырь. Благочестивый архимандрит этой обители — Маркелл, который сам повествует о втором обретении главы Предтечевой, сподобился явления Крестителя и извещения от него о честной главе его, сокрытой в пещере монастыря, и она вторично обретена была в 452 лето от Р. Х. и, по повелению греческого царя Маркиана, перенесена была из Емессы в Халкидон, а потом в Константинополь.

ОБРЕТЕНИЕ ЧЕСТНОЙ ГЛАВЫ СВЯТОГО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

День двадцать шестой

ПАМЯТЬ святого мученика ИОАННА КАЛФЫ[1]

Во второй половине XVI столетия жил в Галате (части Константинополя, населенной торговцами всех наций) архитектор Иоанн Калфа. Это был скромный, благочестивый человек, отличавшийся крайнею сердечною теплотою. Так, например, он усердно заботился о сиротах, любил соединять их браком, освобождал заключенных в темницах и помогал каждому нуждающемуся по мере своей возможности. Не могло не почивать благословение Божие на таком человеке, который в совершенной простоте сердечной свято исполнял величественную заповедь Христа: *Возлюби Бога и ближнего своего* (Мф. 22, 37–39), — и удостоился от Бога высшей участи избранных Его...

По званию своему архитектор, Иоанн, проявляя себя усердным во всяком деле, достиг большого искусства в занятии своем архитектурою. Поэтому обращались к нему для построения домов своих богатейшие сановники и поручена ему была отделка внутренних украшений самого султанского дворца.

Однажды один ага, желая, чтобы племянник его, прибывший из Анатолии, научился архитектурному искусству, обратился к Иоанну,

[1] Турецкое слово «калфа» значит — архитектор.

слывшему отличным архитектором, с просьбою обучить его племянника. Иоанн принял к себе в ученики этого мальчика.

Часто приходя во дворец со своим учителем, мальчик встречался и познакомился здесь со своими ровесниками, жившими во дворце; он видел, что ему тут жить хорошо, и пожелал, чтобы и его пристроили жить вместе с другими мальчиками во дворце. Ага попросил Иоанна помочь ему исполнить желание мальчика; добрый человек не отказал в своем ходатайстве по этому поводу, которое и оказалось успешным.

Со временем этот ученик Иоанна получил почетное значение во дворце и, чувствуя благодарность и привязанность к своему учителю, поддерживал постоянно с ним хорошие отношения.

Однажды задал он такой вопрос Иоанну: «Ты, человек начитанный и ученый, скажи мне, пожалуйста, что пишется в ваших книгах о нашем пророке, для которого Бог сотворил мир и все, существующее в нем?»

Действуя сначала под впечатлением обыкновенной рассудительности, Иоанн не расположен был касаться предмета веры своей в разговоре с юношей-магометанином; как бы предвидя, что он не убедит его в правде, и считая поэтому разговор бесполезным: «Прошу тебя, — отвечал он юноше, — не беспокой меня подобными вопросами; если ты хочешь поговорить со мною о чем-либо другом, то поговорим; не спрашивай меня только о вере...»

«Клянусь тебе царским хлебом, который я ем, и искреннею нашею дружбою, что я не причиню тебе ни малейшего зла», — продолжал спрашивать юноша. При этих словах Иоанн забыл житейскую осторожность, они задели в нем самое живое чувство — его христианское верование... Мог ли рассудок сомкнуть молчанием уста, вызванные на исповедание истины... «Если ты уже так настойчиво просишь, — сказал он юноше, — то я открою тебе всю истину... Один только истинный Бог, это — Господь наш Иисус Христос, Магомет же, в которого вы веруете, был обыкновенный человек, даже неученый, который во всю свою жизнь не сделал никакого особенно доброго дела, не сотворил ни одного чуда, какие творили пророки, почитаемые нами, христианами. Одни вы только называете Магомета великим и признаете его за пророка. Клянусь Христом, Царем Небесным, что он не только не пророк, но — враг Божий. Он только вымыслами успел обмануть и понравиться простому и грубому народу и увлек его, как было предсказано о нем, что он придет обольстить мир...»

Истина излилась на просторе, мимо всяких житейских соображений, — и за нею последовало обычное в столкновениях христианского мира с магометанским явление.

Ослепленный ложным учением пророка, проникнувшим целую массу человечества такими глубокими корнями, юноша-магометанин не вместил в сердце своем правды Христовой... Чуждою показалась она ему, и, под влиянием ли выпытывания недоброжелательных к Иоанну Калфе людей, или побуждаемый собственным легкомыслием и малодушием, он вероломно предал своего учителя, рассказав своим единоверцам о хуле на Магомета, выслушанной им от Иоанна.

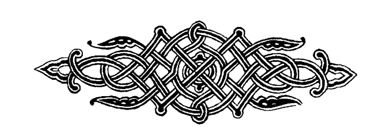
Затем начались истязания Иоанна, побои, заключение в темницу, принуждения отречься от Христа.

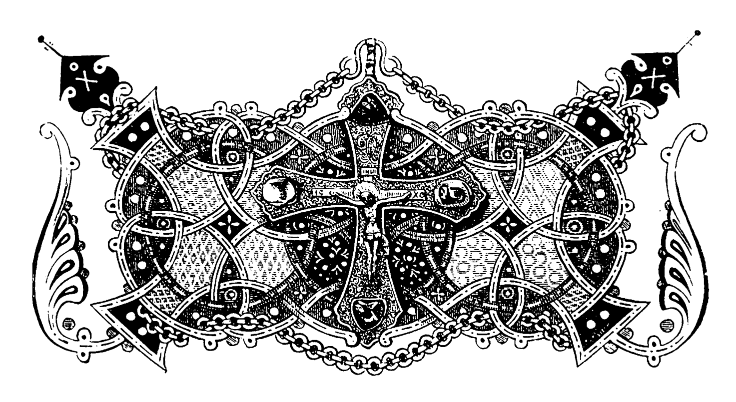
«Не отрекусь я от сладчайшего моего Иисуса Христа, — возражал непоколебимо мученик, — в Него верую, Ему поклоняюсь и исповедую Его совершенным Богом и совершенным человеком...»

Шесть месяцев протомился Иоанн на каторжных работах, потом опять терпел истязания в темнице, наконец, приговорен к смертной казни.

Его обезглавили на торговой площади в Ергат-Базаре, близ Безестани, 26-го февраля 1575 года.

Мученичество святого Иоанна Калфы с историческою достоверностью описано отцом Андреем, великим экономом, который служил тогда в Вланкоме, при храме преподобных Феодора и Феофана песнописцев, и приобщал мученика Святых Таин в темнице.

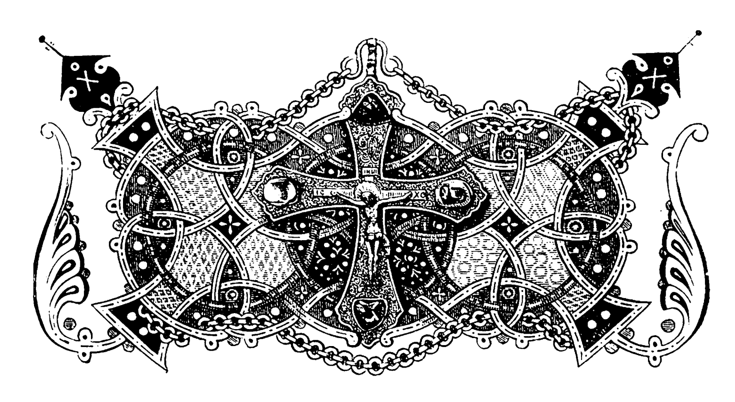
День двадцать седьмой

ПАМЯТЬ
преподобных
АСКЛИПИЯ
и ИАКОВА

«К обществу Боголюбцев, — повествует блаженный епископ Кирский Феодорит, — принадлежит и дивный Асклипий, отшельник и подвижник Сирийский. Говорят, что, еще живя с людьми в селении, Асклипий проводил жизнь подвижническую и воздержную и не потерпел никакого вреда от сообщения с многими».

«Добродетелям его подражали многие другие, и его любомудрием исполнены не только ваш город, но и соседние города и селения. Одним из таковых подражателей его был блаженный Иаков, заключившийся в небольшом домике близ селения, называемого Нимузами: до конца своей 90-летней жизни подвижник оставался заключенным один, давая ответы вопрошавшим его через небольшое отверстие, просверленное наискось, никем невидимый, никогда не употреблял огня и не пользовался светом светильника».

Отличительными свойствами обоих подвижников были: кротость, страннолюбие, простота, любовь к величайшей бедности. Им доступно было большую часть жизни проводить в собеседовании с Богом. Оба мирно кончили жизнь в V веке.

День двадцать восьмой

ПАМЯТЬ святой новомученицы КИР[1]-АННЫ (мудрейшей)

Родившаяся в Ависсоке, Фессалоникской епархии, от благочестивых родителей, молодая Кир-Анна, прекрасная душой, прекрасная и по наружности, имела несчастие обратить на себя внимание одного янычара, сборщика податей. Не успев достигнуть сближения с нею, озлобленный варвар с помощью подговоренных им сообщников похитил молодую девушку из родительского дома и представил ее судье с жалобою, что она противится исполнить — как будто — данное ею слово выйти за него замуж и принять магометанскую веру...

Напрасно порывались родители Кир-Анны освободить свою дочь; они должны были отступиться пред страшными угрозами злодеев. Но никакие угрозы, ни подарки, ни льстивые обещания янычара не оказывали действия на молодую девушку и не могли склонить ее исполнить его требования.

«Я — христианка, — сказала она ему, — люблю одного Христа, Господа Бога моего. Ему одному принадлежу с младенчества и готова умереть ради Него, чтобы жить с Ним в вечности... Вот, вы слышали мой ответ; теперь не ждите от меня более ни одного слова».

---

[1] Кира — госпожа (греч.). — *Ред.*

И действительно, после того она не произнесла ни одного слова. Казалось, душа ее уже отошла и пребывала в созерцании Спасителя, и занята была только одной мыслью: скорее умереть за Него.

Пораженные ее невозмутимым спокойствием, видя ее непреклонность, турки порешили заключить ее в тюрьму в тяжких оковах.

Янычар, все еще не теряя надежды уговорить девушку, чтобы она ему предалась, достал себе разрешение главного начальника тюрьмы — посещать ее. В продолжение дня он несколько раз пользовался этим разрешением, приходил к ней то один, то с другими янычарами. Сначала он старался подействовать на нее ласкою, но она, закрыв лицо покрывалом, скрестив на груди руки, оставалась безмолвною и неподвижною. Тогда изверги начинали бить и истязать ее так, что она падала замертво.

Ночью они оставляли ее. Но когда уходили они, и едва приходила она в себя, то начинал ее мучить тюремный пристав. Он вешал ее с закованными в цепи руками, бил ее чем попало и оставлял повешенною на холоде, — это было зимою.

Кроме Кир-Анны в темнице находились еще заключенные из евреев, турчанок и христиан. Все они, содержавшиеся здесь за разные проступки, возмущались жестокостями относительно ни в чем не повинной девушки, осыпали упреками пристава, и иногда, усовестив его, один из бывших тут христиан освобождал Кир-Анну на несколько времени от веревки.

Но на другой день возобновлялось то же самое и продолжалось, таким образом, целую неделю.

Сверхъестественно было терпение страдалицы; спокойно и безмолвно переносила она все истязания. Наконец узники — свидетели всего этого — восстали и приступили к тюремному приставу с угрозами пожаловаться на него паше за то, что он допускает в тюрьму посторонних лиц. Это несколько подействовало, и когда через час пришли янычары, то он не впустил их. Те пожаловались Али-бею. Вечером пристав тюремный получил выговор за недопущение в тюрьму янычаров, получивших на это разрешение от высшего начальства. Это озлобило до последней крайности бесчеловечного тюремщика. Придя в тюрьму, он бросился на Кир-Анну, повесил ее по-прежнему и ударил ее попавшимся ему под руку огромным концом переломанного шеста. Через несколько времени Кир-Анна скончалась.

Узник-христианин освободил ее руки из оков и благоговейно опустил ее тело на землю. На другое утро христиане собрались в темнице

и, подняв тело мученицы, предали его погребению за городом, где обыкновенно погребают всех умерших христиан. Это было в 1751 году.

И сколько было подобных случаев и в последующее столетие! И не обеспечено еще, безусловно, и будущее от истязаний христиан — под игом турецким, хотя и много уже пролито крови единоверных в защиту их...

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного НИКОЛАЯ ЮРОДИВОГО, Псковского

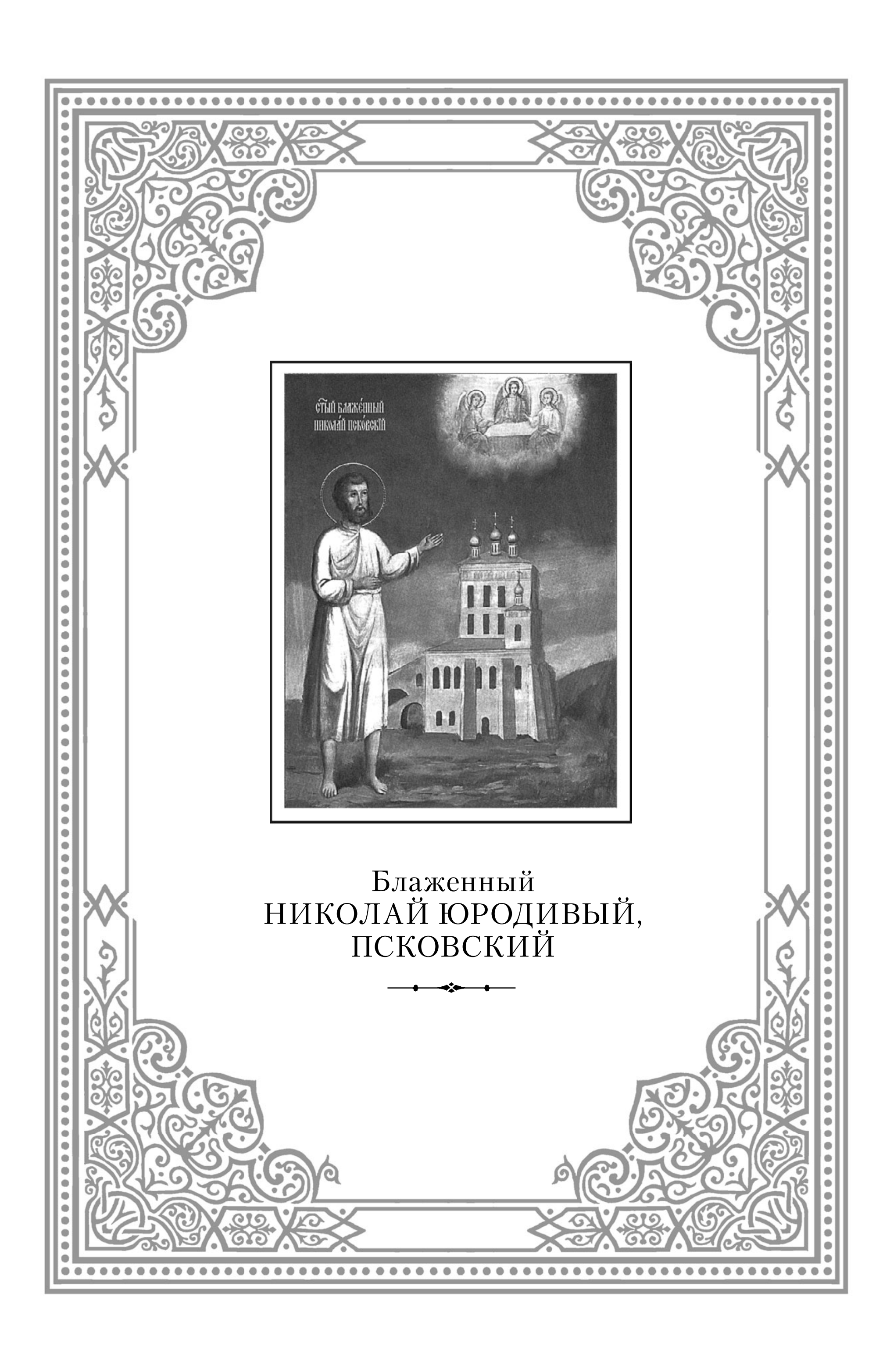
Победа, которою побежден мир, есть вера наша, говорит Апостол (1 Ин. 5, 4). Это может повторить и о себе блаженный Николай Псковский.

В Троицком Псковском соборе, на гробнице блаженного, древний тропарь говорит, что блаженный Николай был родом из Псковской стороны, но подвигами юродства стал гражданином небесного Иерусалима. В древнем же кондаке написано: «чудотворец явился, Николае, царскую державу и смысла свирепство на милость обратив»[1]. В летописи читаем следующее: в феврале 1570 года, на первой неделе Великого поста, грозный царь Иоанн прибыл ко Пскову и остановился в Любятовом монастыре, близ города[2]. Он готовил ту же страшную участь Пскову, какая досталась Новгороду. «Придя с великою яростью, яко лев рыкая, хотя растерзать неповинные люди и кровь многую пролить». Но Господь вложил в сердце блаженному Своему угоднику Николаю Салосу и христолюбивому князю Юрию Токмакову смягчить сердце царя. По их приказанию, по улицам города пред каждым домом поставлены были столы с хлебом и солью, и когда царь шел по городу, граждане

[1] Повесть о начале и основании Печерского монастыря.

[2] Любятов погост — в 5 верстах от Пскова, на восточной его стороне; здесь в храме, бывшем монастырском, над царскими вратами висит небольшой образ, оставленный Грозным царем (*Толстой М.* Святыни и древности Пскова).

Блаженный
НИКОЛАЙ ЮРОДИВЫЙ, ПСКОВСКИЙ

с женами и детьми стояли на коленях: это тронуло жестокого Иоанна. Из собора зашел он в келлию к блаженному Николаю юродивому; тот по-своему уговаривал его перестать лить кровь человеческую и не грабить церквей Божиих[1]. «Не трогай нас, проходящий (минухне), — говорил блаженный, — ступай от нас, — не на чем тебе будет бежать»[2]. Царь не уважил этих слов; он приказал снять колокол у Святой Троицы, и в тот же час пал лучший конь его (аргамак) по пророчеству святого. Когда сказали о том царю, он пришел в ужас и поспешил выехать из города[3]. По другим известиям, блаженный Николай предложил Иоанну кусок сырого мяса, и когда тот сказал: «Я христианин, не ем мяса в Великий пост», — блаженный отвечал: «Ты делаешь хуже, питаешься плотью и кровью человеческою, забывая не только пост, но и Бога»[4]. Из предместья городского, где остановился царь по выезде из города, дозволил он опричникам грабить в городе дома богатых людей, но не велел трогать иноков и священников. Тем не менее сам отобрал у монастырей деньги, лучшие вещи, сосуды и книги[5]. На гробнице блаженного Николая написано: «преставился святой праведный Николай, Псковский чудотворец, в лето 7084 (1576) февраля 28-го числа»[6]. По особенному уважению жителей Пскова к блаженному Николаю, он погребен был под соборным храмом — почесть, какой удостаивались тогда только князья и архипастыри.

По видению, бывшему в 1581 году во время нападения Батория на Псков, преподобный Корнилий и блаженный Николай умоляли Пречистую умолить Сына Своего за людей согрешивших, и Богоматерь исполнила молитву их. Благодарный Псков тогда же написал икону Богоматери с предстоящими преподобными Антонием и Корнилием, с князьями Владимиром Киевским, Гавриилом и Тимофеем Псковскими и с блаженным Николаем. Эта икона поставлена была в Покровской

---

[1] Собр. л. 4, 343. 344.

[2] Ркп. сокращ. временника см. в: *Соловьев С.* История России с древнейших времен: В 29 т. М., 1851–1879. Т. 6 (далее — *Соловьев С.* История России. — *Ред.*).

[3] Собр. л. 4, 344. Сокращ. временник 1691 г.

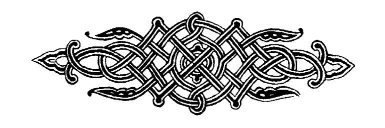
[4] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX. Прим. 298.

[5] Собр. л. 4, 344. 345; *Ильинский Н. С.* Историческое описание г. Пскова и его древних пригородов и пр.: В 6 ч. СПб., 1790–1795. Ч. 4.

[6] Повесть о начале и основании Печерского монастыря. Ркп. святцы: «св. блаженный Николай, Христа ради юродивый, Псковский чудотворец, бысть в л. 7070 м. дек. в 6 д.». Это год борьбы его с Грозным царем. По другому списку святцев: «преставился в л. 7084».

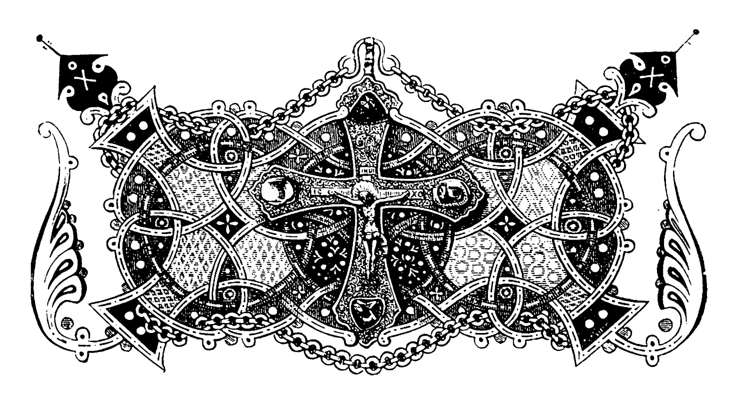
церкви и прославилась чудесами; ей празднуют 1-го октября[1]. С того временя стали праздновать во Пскове и день преставления блаженного Николая[2].

«Не трогай нас, проходящий!» Какие это кроткие и вместе сильные слова блаженного! Не должны ли отнести их к себе разные преобразователи нового времени, готовые поставить все вверх дном, в том числе втоптать в грязь жизнь юродивых? Пусть бы подумали хотя о том, что их брань против святых прежде всего не делает чести их уму, неспособному понять идеала жизни самоотверженной, торжествующей над самолюбием своим, над природою физическою, над величиями мира преходящего. Не каждому идти одною дорогою к небу, но поклонение тельцу золотому наверно никого не доведет до неба. Не каждому идти одною дорогою к небу, но каждому надобно строго судить себя самого и суда над совестью другого ни в каком случае не отнимать у Господа. Ему одному слава и поклонение. Аминь.

[1] Повесть о начале и основании Печерского монастыря; Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы. Ч. 3, отд. 1. Список с иконы см. в: *Толстой М.* Святыни и древности Пскова.

[2] *Князев А. С.* Историко-статистическое описание псковского кафедрального собора. М., 1858.

День двадцать девятый

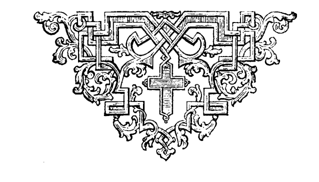
ПАМЯТЬ преподобного КАССИАНА РИМЛЯНИНА

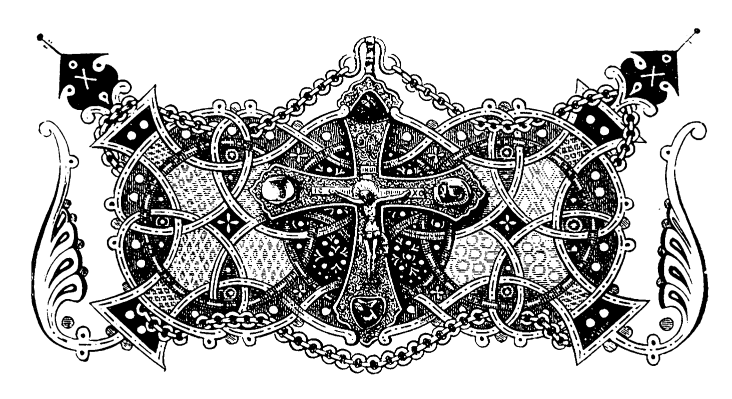
Родился в Риме, но монашеские подвиги начал в Вифлееме, и отсюда в 390 году с монахом Германом отправился путешествовать по обителям и скитам Египта, в чем и провел семь лет. В 397 году возвратились они в Вифлеем, а чрез три года прибыли в Константинополь и слушали беседы великого Златоуста. Тут Кассиан посвящен был во диакона. В 405 году Константинопольский клир отправил Кассиана в Рим искать защиты Златоусту. Отсюда, по приглашению Марсельского епископа Кастора, переселился он в Марсель и, посвященный во пресвитера, основал два монастыря, мужеский и женский, с правилами восточных обителей, и таким образом первый ввел в Галлии монашескую общежительную жизнь. В 417 году написал «12 книг о постановлениях киновий», или общежитий, Палестинских и Египетских, в 419 году изложил беседы свои с подвижниками восточными, а в 431 году написал сочинение против ереси Нестория. Скончался в 435 году.

В тот же день **преподобного Феостирикта**. Ученик исповедника Никиты Мидикийского (память 3 апреля); от него имеем канон Богоматери: «Многими содержим напастями, к Тебе прибегаю»... Скончался в 826 году.

Преподобного Иоанна Варсонофия, Палестинянина, архиепископа Дамасского и после — отшельника Нитрийского, жившего в V веке. Его, между прочими епископами, извещал в 457 году император Лев о мученической кончине Протерия, патриарха Александрийского.

Преподобного Кассиана, затворника и постника Печерского, жившего в XII столетии, победоносного в борьбе с «духами злобы». Мощи его почивают в Феодосиевых пещерах, в Киеве.

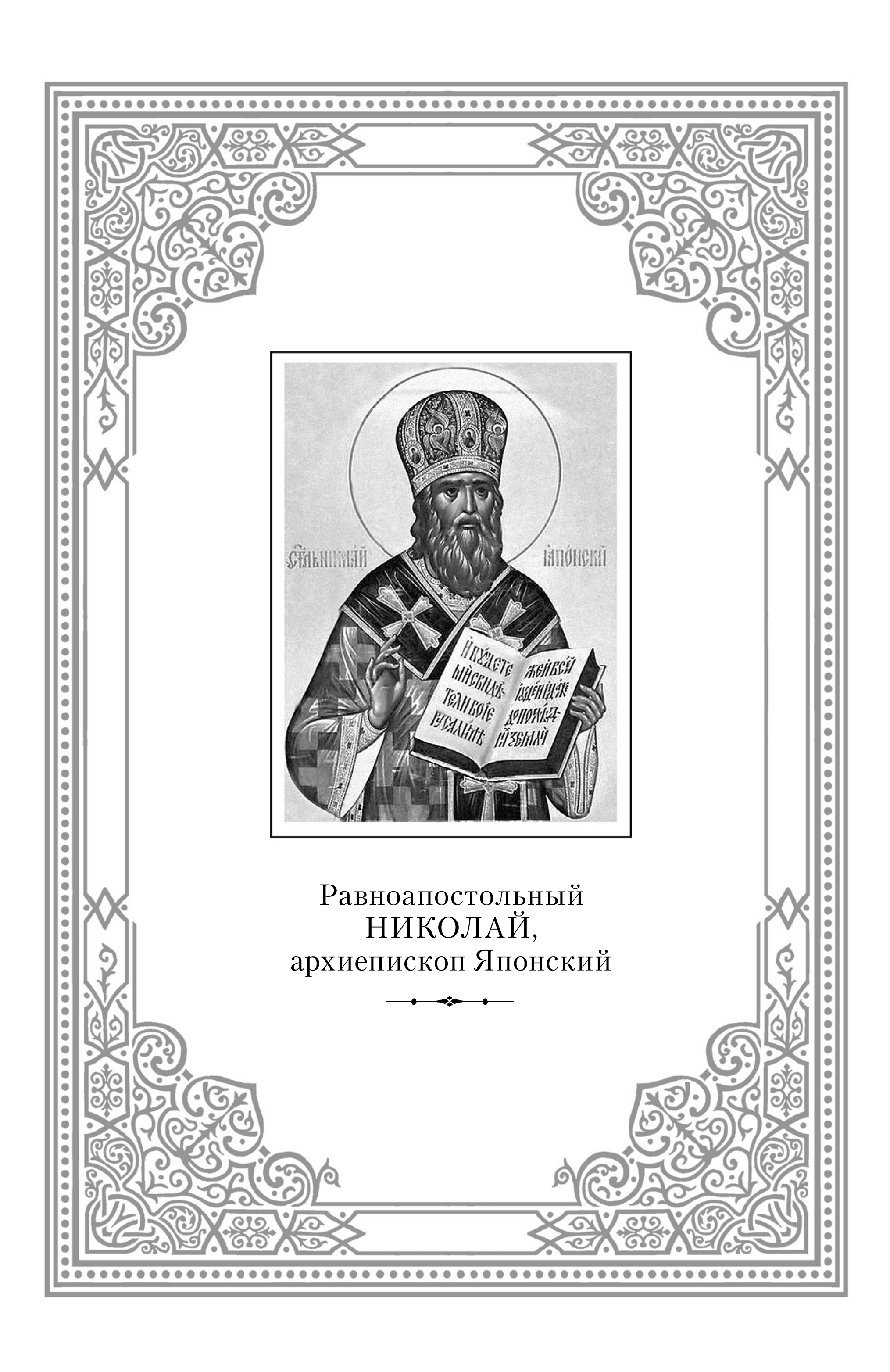

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
равноапостольный НИКОЛАЙ, архиепископ Японский

Святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский, в миру Иван Дмитриевич Касаткин, родился 1 августа 1836 года в селе Березе Бельского уезда Смоленской губернии. Родители его были духовного звания, жизнь их протекала в крайней бедности. Мальчика отдали на обучение в бурсу, где, испытывая многие лишения, постигал он науки. Иоанн, с детства отличавшийся прекрасными умственными способностями и живым веселым характером, блестяще окончил в 1856 году семинарию и был принят на казенный кошт в Петербургскую духовную академию. Учась на четвертом курсе, совершенно случайно прочитал он приглашение занять место настоятеля домовой церкви при русском консульстве в Хакодатэ в Японии. Оставив приглашение без внимания, Иоанн Дмитриевич во время всенощной совершенно неожиданно для себя решает отправиться в Японию для проповеди христианства. Он подает прошение и 8 июня 1860 года получает назначение в Хакодатэ. 24 июня 1860 года Иоанн был пострижен в монашество с наречением имени Николая, 29-го рукоположен в иеродиакона и 30-го — в иеромонаха.

Вскоре после этого отец Николай отправился в Японию через Сибирь. В Николаевске ему пришлось провести зиму. Тут состоялась его встреча с прославленным миссионером архиепископом Иннокентием

Равноапостольный
НИКОЛАЙ,
архиепископ Японский

(впоследствии митрополитом Московским, апостолом Америки и Сибири, память 31 марта и 23 сентября), который ласково принял его и благословил.

2 июля 1861 года иеромонах Николай прибыл в Хакодатэ. Но начать миссионерскую деятельность молодому иноку было чрезвычайно трудно. О том времени святитель вспоминал: «Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи». Исповедание христианской религии было запрещено под страхом смертной казни.

Святитель Николай стал изучать японский язык и через восемь лет упорных трудов достиг того, что стал как бы природным японцем, отлично знающим историю и всю японскую литературу, как древнюю, так и новую. Изучая страну, язык, присматриваясь к жизни японцев, святитель Божий стал понемногу сеять семена христианского учения.

Первым обращенным им ко Христу был один из тогдашних врагов христианства, известнейший в Хакодатэ фехтовальщик Савабе, дававший уроки сыну русского консула. Однажды, после долгих и враждебных присматриваний к православному монаху-священнику, Савабе вызвал отца Николая на разговор о Боге, исповедовать Которого он прибыл в Японию. Через неделю таких бесед Савабе сделался в душе своей христианином.

У Савабе был друг Сакай, доктор конфуцианец, которому он стал сообщать свои познания о Христовом учении и старался передать свою веру. Вскоре и он сделался не только последователем и проповедником Христа, но и великим постником и молитвенником.

Когда Савабе и Сакай сделались христианами, отец Николай увидел, что наступило время для проповеди Евангельского слова, и в 1869 году отправился в Россию, чтобы просить Святейший Синод основать миссию в Японии. По возвращении в Хакодатэ он нашел, что ревностный Савабе уже образовал маленькую церковь: у него собралось несколько молодых, хорошо образованных «сизоку» (дворян) из Сендая, впоследствии ставших священнослужителями: Матфей Качета, Петр Сасачала, Яков Такая, Иоанн Оно, Павел Цуда и некоторые другие.

В 1870 году миссия была открыта, а иеромонах Николай возведен в сан архимандрита. С 1873 года, когда последовала отмена антихристианских эдиктов, его трудами православная проповедь стала открыто раздаваться в Японии. Церковь Христова, основанная тайно в Хакодатэ,

стала расти и крепнуть по всей Японии. Начали строиться храмы, совершаться богослужения, устраиваться публичные диспуты и собеседования, образовываться христианские общины, открываться школы и семинарии. В признание заслуг архимандрита Николая Святейший Синод 30 марта 1880 года в Петербурге рукоположил его в епископа Японского.

Находясь в России, святитель Николай предпринял сбор пожертвований на строительство православного храма в Токио. Храм возводился посреди японской столицы на холме Суругадай, который был куплен Россией для Русской миссии, и 24 февраля 1891 года был торжественно освящен с совершением Божественной литургии.

Возле собора, который получил в народе имя Сейдоо-Никорай (храм Николай), располагались духовная семинария, женское училище, миссионерское управление, типография, жилище архиепископа и ближайших его помощников. К этому времени в Японии уже насчитывалось 216 православных общин, а число обращенных в христианство приближалось к 19 тысячам.

Тридцать лет с великим усердием святитель Николай трудился над переводом на японский язык Священного Писания и богослужебных книг. Им переведены почти весь Ветхий Завет, весь Новый Завет, весь круг богослужебных книг, а также «Православное вероисповедание» святителя Димитрия Ростовского, катехизис, «Краткая Священная история» и многое другое. Под его руководством сделаны переводы лучших богословских сочинений и других книг.

Кроме того святитель устроил прекрасную православную библиотеку: одних европейских книг в ней насчитывалось свыше 12 тысяч названий (на английском, французском, немецком языках, но более всего на русском). Владыкой основаны православные японские журналы «Православный вестник» (Сэикео симпоо), «Православная беседа» (Сэикео еова).

По свидетельству японцев-христиан, преосвященный Николай служил живым образцом миссионерского самоотвержения. Все свои материальные средства он отдавал на нужды Церкви, покрывая тем самым недостатки в содержании школ, редакций, проповедников. Он не отказывался жертвовать на постройку новых молитвенных домов и на случайные нужды бедных христиан, на обеспечение бедных семейств после пожаров и землетрясений, столь частых в Японии. При этом сам владыка не имел подчас самого простого и необходимого: например, дома его можно было увидеть одетым, подобно какому-нибудь пустыннику, в грубый, местами заплатанный подрясник, а на улице идущим пешком с тростью в руке.

Почти полвека апостольского служения в Японии святитель Николай подвергался преследованиям и клеветам, его даже называли русским шпионом. Но самое скорбное и тяжелое время пришлось на русско-японскую войну 1904–1905 годов. Вражда, которую японское общество питало к Православию и любым его проявлениям, переросла в истерию. Все время войны святитель был лишен великого утешения принимать участие в церковном богослужении. Сам он объяснял это так: «...доселе я молился за процветание и мир японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным отечеством. Я также имею обязательства к своей родине...» Но архипастырь не оставил свою паству в трудную минуту. В своих окружных посланиях к благочестивым христианам святой православной Церкви Японии он разъяснял им их долг перед отечеством земным и отечеством небесным и призывал возрастать в вере и преуспевать в христианских добродетелях. Святитель горячо молился о восстановлении мира. Все силы прилагал к облегчению участи русских военнопленных. По его совету из православных японцев было образовано товарищество духовного утешения военнопленных. Помогал он им также и материально. В местах погребения наших воинов при содействии святителя сооружались храмы и памятники.

Такая деятельность святителя Николая, исполненная христианской любви к людям и уважения к стране, в которой он осуществлял свою миссию, способствовала успокоению японского общественного мнения и перемене отношения к православному архипастырю со стороны не только народа, но и правительства и самого императора. 50-летие его апостольского служения было оценено как споспешествовавшее развитию цивилизации в Японии.

Святитель пребывал в непрестанных трудах, пока его силы не истощила болезнь. В январе 1912 года владыку поместили в госпиталь, где он 3 февраля, на 76 году жизни, мирно отошел ко Господу.

Кончина святителя Николая показала, что в Японии нет, после императора, человека, который пользовался бы в стране такой известностью и таким уважением, человека, перед незлобивым и самоотверженным сердцем которого пали вековые языческие традиции.

Русская Православная Церковь во главе с Алексием I, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси, 10 апреля 1970 года приняла решение о прославлении святителя Николая в лике святых с именованием — равноапостольный.

Его могила и теперь остается в Японии святыней народной и общецерковной, а сам святитель Николай почитается как великий праведник и особый молитвенный предстатель пред Господом.

Память равноапостольного Николая, архиепископа Японского, совершается 3 февраля, в день блаженного преставления.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
святитель
МЕЛЕТИЙ,
архиепископ Харьковский и Ахтырский

Святитель Мелетий, архиепископ Харьковский и Ахтырский (в миру Михаил Иванович Леонтович), родился 6 ноября 1784 года в селе Старые Санжары Полтавской губернии. В 1808 году Михаил Леонтович успешно окончил Екатеринославскую духовную семинарию. Как лучший ученик, он был направлен архиепископом Екатеринославским Платоном в Петербург в Александро-Невскую академию. Окончив духовную академию в 1814 году со степенью магистра богословия, он был определен адъюнкт-профессором греческого языка.

С 11 марта 1817 года Михаила Леонтовича назначили секретарем учрежденного при академии строительного комитета.

30 июля 1817 года его перевели в Киевскую духовную семинарию на должность инспектора, где он был профессором церковной истории и греческого языка. Когда 28 сентября 1819 года была открыта Киевская духовная академия, Михаил Леонтович стал ее первым инспектором.

11 февраля 1820 года, накануне дня памяти святителя Мелетия Антиохийского, в соборном храме Киево-Братского монастыря он был пострижен в монашество с именем Мелетия. Постриг совершил Киевский митрополит Евгений (Болховитинов). 22 февраля 1820 года инок Мелетий был посвящен митрополитом Евгением в сан иеродиакона, 25 февраля во иеромонаха.

9 августа 1821 года иеромонах Мелетий был назначен ректором Могилевской духовной семинарии и настоятелем Кутеинского Оршанского

монастыря с возведением в сан архимандрита. В августе 1823 года его перевели на должность ректора Псковской духовной семинарии, а 24 января 1824 года архимандрит Мелетий был назначен ректором Киевской духовной академии.

В октябре 1826 года последовало определение Святейшего Синода о назначении архимандрита Мелетия епископом Чигиринским, викарием Киевской епархии, и настоятелем Киевского Златоверхого Михайловского монастыря. 19 октября 1826 года состоялось его наречение во епископа, а 21 октября в Киево-Софийском соборе была совершена архиерейская хиротония.

С отеческой любовью заботился святитель о юных питомцах Киевской академии, воспитывая их в духе преданности Церкви Христовой. Особой заботой святителя было попечение о бедных, вдовах и сиротах. Часто посещал он заключенных и для утешения совершал богослужения в тюремных церквах. Не меньше заботился святитель и о духовном окормлении братии Михайловского монастыря. Устными назиданиями и личным примером он воспитывал в иноках обители дух истинного подвижничества. Святитель Мелетий говорил: «Смирение — охранительный меч, с ним безопасно пройдешь землю, ад и достигнешь Неба».

В апреле 1828 года святитель Мелетий получил назначение на Пермскую кафедру.

Строгий к себе, святитель был строг и к другим. Для подготовки избранных кандидатов к принятию сана святитель Мелетий написал так называемый «Ставленнический катехизис». В августе 1831 года святитель Мелетий был переведен на Иркутскую кафедру с возведением в сан архиепископа.

Большое внимание уделял святитель просвещению малых народов России светом Евангельского учения. Святитель основал церкви на севере Камчатки, в северо-восточной части Иркутской епархии и вдоль реки Алдан, на тракте от Якутска до Охотска. Он часто объезжал свою обширную епархию, посетил побережье Охотского моря и Ледовитого океана в пределах Северной Америки, где тогда трудился знаменитый апостол Сибири священник Иоанн Вениаминов, впоследствии святитель Иннокентий (1879 г.; память 23 сентября и 31 марта). Путешествуя по Сибири и берегам Тихого океана, святитель Мелетий нередко общался с населением, исповедовавшим ламаизм. Святитель с кротостью убеждал язычников оставить заблуждения и объяснял Евангельские истины тунгусам, бурятам, камчадалам, а также жителям Курильских и Алеутских островов.

Святитель
МЕЛЕТИЙ,
архиепископ
Харьковский
и Ахтырский

В 1835 году святителя, здоровье которого ухудшилось под тяжестью непрестанных трудов, перевели на Слободско-Украинскую кафедру (впоследствии Харьковская и Ахтырская). И здесь святитель Мелетий уделял большое внимание духовным учебным заведениям, много заботился о быте и образовании духовенства. Он содействовал восстановлению монастырей и духовных училищ, которые упразднила императрица Екатерина II.

Большое внимание уделял святитель борьбе с расколом.

2 июля 1839 года святитель Мелетий возглавил торжество в городе Ахтырске по случаю столетия со дня явления чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Ахтырская (празднование 2 июля).

Блаженная кончина святителя последовала в ночь на 29 февраля 1840 года. После причащения Святых Таин со словами «Ныне отпущаеши...» святитель осенил себя крестным знамением и, сказав всем «Простите меня», отошел ко Господу.

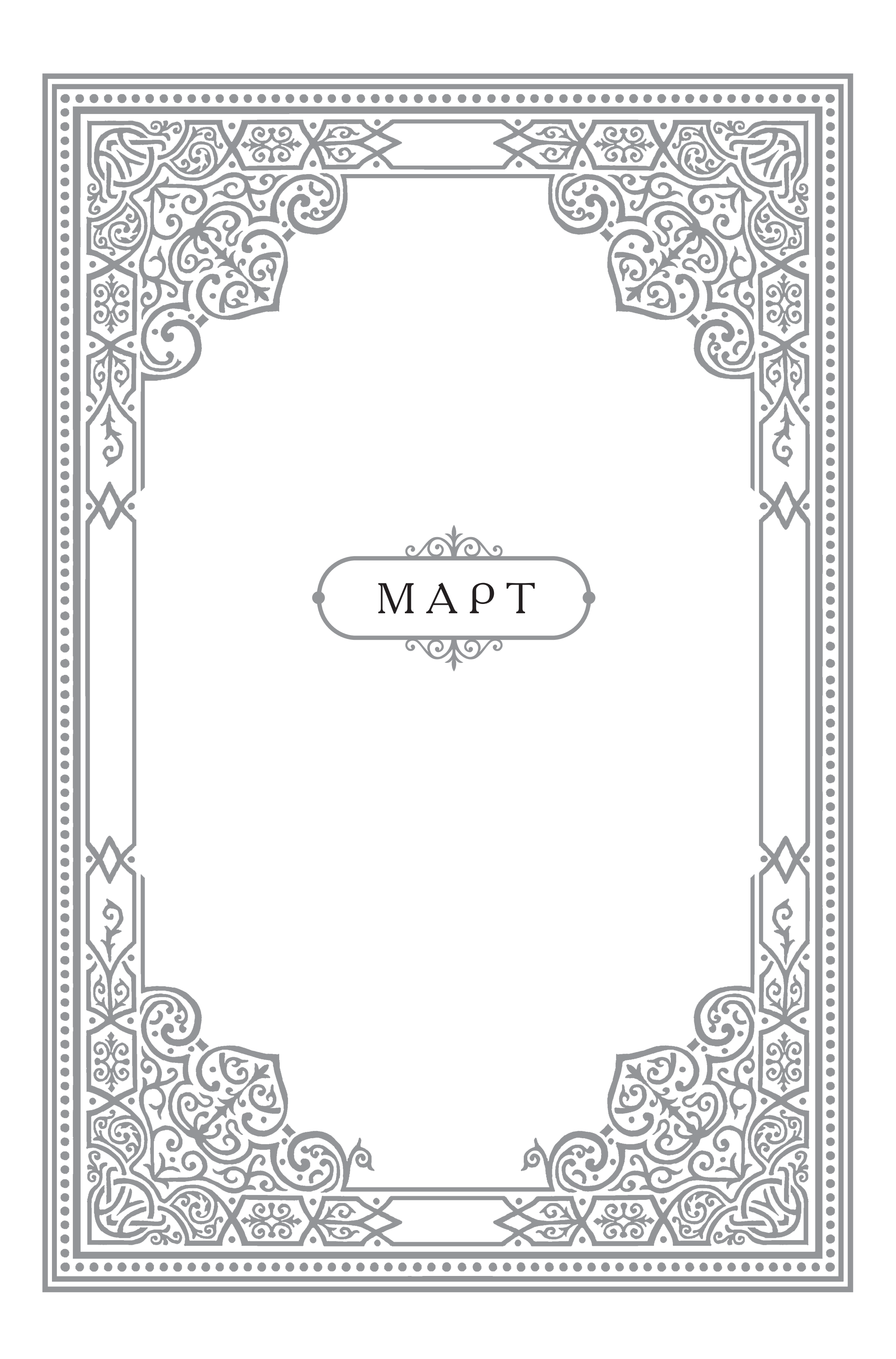
4 марта 1840 года святитель Мелетий был предан земле епископом Курским Илиодором в усыпальнице под крестовой церковью Покровского монастыря. С первых дней кончины святителя верующие люди твердо уповали на предстательство святого Мелетия пред Богом и получали благодатную помощь: исцеление в болезнях, утешение в скорбях и избавление от злых обстоятельств.

Особую надежду возлагали верующие жители города Харькова на святого Мелетия в бедственные дни Великой Отечественной войны. Чудесным извещением святой предсказал скорое избавление города от врагов.

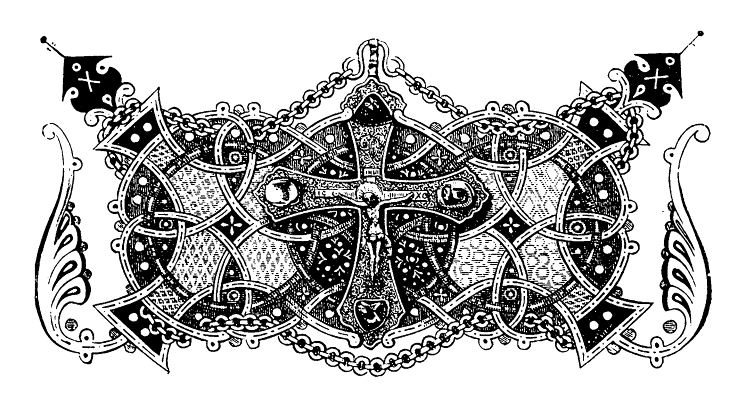
В 1948 году по благословению святейшего патриарха Алексия I гробница с мощами святителя Мелетия была перенесена в Благовещенский кафедральный собор, где они находятся и в настоящее время, являясь духовным прибежищем и молитвенным утешением верующих людей.

Со времени утверждения в 1977 году святейшим патриархом Пименом и Святейшим Синодом службы и акафиста святителю Мелетию православные христиане обращаются к молитвенному ходатайству святителя о благосостоянии Святой Церкви, о мире и благоденствии Отечества.

Память святителя Мелетия отмечается дважды в году: 12 февраля в день памяти небесного покровителя святого архиепископа Антиохийского Мелетия, жившего в IV веке, и 29 февраля (28 февраля в невисокосный год) — преставление.

МАРТ

День первый

ПАМЯТЬ преподобного отца нашего АГАПИЯ ВАТОПЕДСКОГО

Находясь послушником при одном старце-безмолвнике, подвизавшемся на Афоне, в Ватопедском ските Колице (теперь не существующем), преподобный Агапий вышел однажды на море помыть свою одежду. Приставшие в это время к берегу турки, увидев юношу, захватили его в плен и продали потом в Магнезии их соплеменнику, у которого Агапий в продолжение 12 лет пробыл в работе, не выходя никогда из оков. Одним утешением для него во все это время, одною надеждою была молитва Божией Матери об освобождении его из тяжкой неволи.

Однажды увидел он во сне Божию Матерь, обратившуюся к нему со словами: «Иди без страха к своему старцу...» Проснувшись, Агапий почувствовал себя освобожденным от оков и, приписав это чудодействию Божией Матери, великой Заступницы, смело и немедленно вышел из дома своего хозяина и возвратился к своему старцу на Афон. Старец, увидев его, встревожился, подумав, что Агапий убежал от своего господина.

«Сын мой, — сказал он ему, — человека ты обманул, но Бога никогда и никто не обманет; в час Всеобщего Суда ты должен будешь отдать ответ за те деньги, которые твой господин истратил на покупку тебя, чтобы иметь тебя помощником в своих нуждах; поэтому, если ты желаешь быть оправданным, то иди назад к своему господину и служи ему. Поступив так, ты будешь истинным рабом Божиим и верным Его служителем; когда же Бог просветит господина твоего, то он сам даст тебе отпуск».

Беспрекословно послушался Агапий старца Божиего. Удивился варвар, увидев неожиданно возвратившегося раба... «Как ты ушел и как решился возвратиться?» — спросил он его.

Агапий подробно рассказал ему все дело. Магометанин поражен был этим рассказом, так наглядно выражавшим всю высоту святой христианской веры; душа его смягчилась и возвысилась до Божественного постижения. В скором времени, взяв с собою Агапия и двух сыновей своих, он отправился на Святую Гору к старцу Агапьеву и пожелал принять от него крещение себе и своим детям. Впоследствии все они приняли и иночество и достойно подвизались до самой кончины.

По-видимому, старец инок действовал против указания Самой Божией Матери... Но — кто может исследовать глубины и пути Духа, действующего в храме Своем — чистой душе человеческой, «ходатайствующего о спасении человека воздыханиями неизреченными?» Между тем, не Духом ли Господним старец провидел, что указание Божией Матери Агапию «возвратиться к своему старцу» совмещало и другое указание — приобрести души неверующих этим же путем. Не покинувший своего господина Агапий не мог бы совершить и такое многозначительное, увенчанное такими благими плодами возвращение к своему господину... Посредством этого возвращения проявились: величайшая правда старца, свойственная ему как христианину, величайшее послушание Агапия, послушание, сопряженное с полным самоотвержением, которые оказались доступными ему как христианину и которые так поразили его господина, что он воспламенился стремлением приблизиться вместе с детьми своими к источнику такой душевной красоты и... променял свою свободу на рабство Христу, или единую истинную, спасительную свободу...

ПАМЯТЬ преподобного МАРТИРИЯ ЗЕЛЕНЕЦКОГО

Преподобный Мартирий, в мире Мина[1], родился в Великих Луках от знаменитого гражданина Стефана. Едва выучил он псалтирь, как на 10 году его скончались родители его. Благоговейный иерей Благовещенской церкви любил доброго сироту, часто видя его в храме, и учил его добру. Спустя несколько лет овдовевший священник постригся в обители бессребреников; Мина посещал его и здесь, — посещал и тогда, как Боголеп поставлен был в строителя Великолуцкой Сергиевой обители. В этой обители Мина, раздав все имение, принял пострижение от наставника своего и назван Мартирием. Строитель поручил Мартирию церковные ключи, и потому Мартирию надлежало являться в храм первым и выходить последним. Великолуцкий житель Афанасий, постриженный с именем Авраамия, поручен был руководству Мартирия и заменил труды его по храму. Прожив 7 лет при наставнике Боголепе, Мартирий пожелал жить в уединении в пустынном месте, за 60 верст от Лук. Наставник прислал ему совет возвратиться в общежитие, так как здесь может он быть полезным и для других. В недоумении отправился он на поклонение Смоленской иконе Богоматери и чудотворцу Авраамию. В Смоленске явился ему в сонном видении преподобный Авраамий с учеником своим преподобным Ефремом и сказал: «Ты должен жить в пустыне, где укажет Господь и Его Пречистая Матерь». В Тихвинской обители обрадован он был свиданием с учеником своим Авраамием, который, быв болен, исцелен Богоматерью и оставался в Тихвине[2]. Соскучив в Тихвине многолюдством приходящих богомольцев, Мартирий

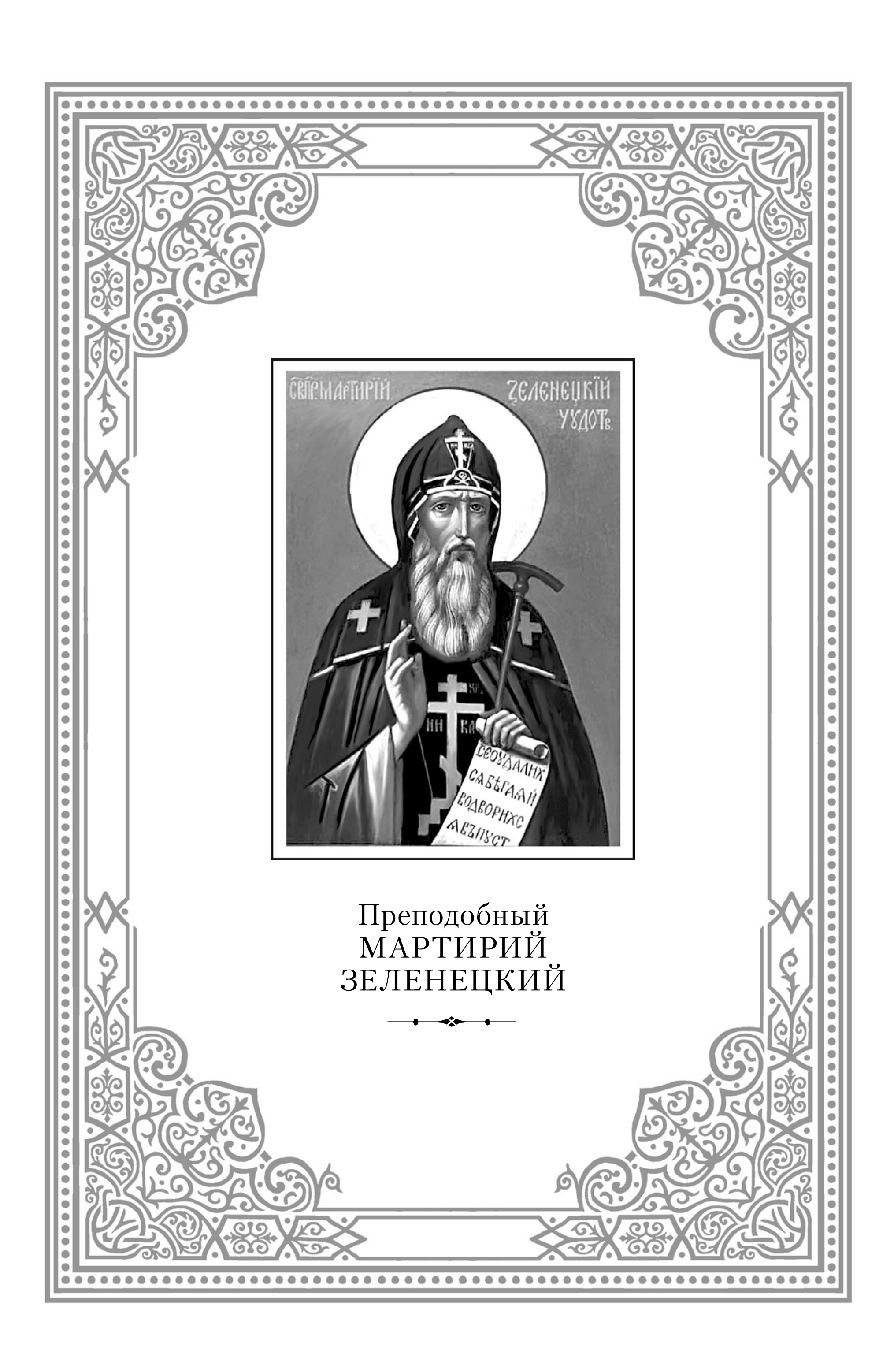
[1] Ркп. житие, писанное митр. Корнилием в 1695 г. Это житие составлено при пособии записок самого прп. Мартирия.

[2] Тихвинский монастырь основан 11 февраля 1560 г. архиеп. Пименом; Авраамий исцелен Богоматерью в присутствии архиеп. Пимена, бывшего в Тихвине по случаю устроения монастыря, и Авраамий был затем первым свечным монахом в Тихвине; следовательно, исцеление Авраамия было в 1560 или 1561 г. См.: *Бередников Я. И.* Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, состоящего в Новгородской епархии в городе Тихвине. СПб., 1859.

просил Господа указать ему уединенное место для подвигов. Такое место указано было ночью ученику Мартириеву знамением крестовидной зари на острове, издавна называвшемся Зеленым. Мартирий поставил себе здесь хижину. Окрестность острова как нельзя более была дика и угрюма. Кругом мхи, болота, топи, и они тянутся почти от самого Новгорода. Только место, где поселился Мартирий, составляло значительную возвышенность, покрытую приятною зеленью, и она-то дала месту название Зеленого. Строгий отшельник нашел, чего искал, и благодарил Господа. Благочестивый поселянин Иосиф по временам приносил ему пищу, а иногда, смущаемый помыслами и суетой, надолго оставлял без нее. Мартирий постился и молился. По времени узнали и об отшельнике Зеленого острова. Как ни много тогда было в Новгородской области иноческих обителей, но в глуши, где поселился Мартирий, их не было[1]. Потому, узнав о Мартирии, с особенным жаром стремились в его пустынь искренние подвижники. И было чему учиться у строгого отшельника. Мартирий построил часовню и келлии с оградой. Узнал о преподобном и благочестивый Новгородский боярин Феодор Сырков; его усердием построен был в Мартириевой пустыни храм Благовещения, а братия упросили старца принять на себя сан священства и начальство над ними со званием игумена. Это было не позже 1570 года. В этом году благотворитель Мартириевой обители боярин Сырков, построивший на свое иждивение до 12 монастырей и снабдивший их доходами, приял за любовь свою к Господу венец мученический, умерщвленный царем Грозным. В Зеленую пустынь с любовью приходили близкие и дальние, слушать наставления преподобного Мартирия. Но блаженному Мартирию в его глуши долго пришлось бороться с нуждами и бедностью. В писцовой книге 1582 года читаем: «в Михайловском погосте на Ладожском подгорье монастырь называемый Зеленая пустынь, на острове, вновь строится в черном лесу. В монастыре церковь Живоначальной Троицы, другая церковь — Благовещение с трапезою, обе деревянные; в монастыре игумен Мартирий и 12 старцев; ограда вокруг монастыря — деревянная; за монастырем двор коровий и конюшенный; пашни нет»[2]. Как видите, богатство — не великое. Мартирий терпел нужды и рос в жизни духовной.

[1] Гостинопольский монастырь Михайловского погоста в 1582 году стоял почти пустой (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах).

[2] *Неволин К.А.* О пятинах и погостах. О Феодоре Сыркове см.: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV. В 1662 г. у Зеленой пустыни — 5 дворов поселенцев.

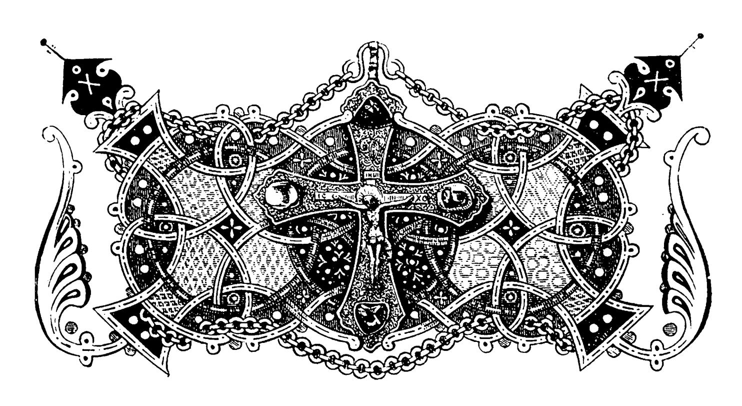
Преподобный
МАРТИРИЙ ЗЕЛЕНЕЦКИЙ

По слову Апостола, от скорби рождалось в нем терпение, терпением приобреталась опытность, опытностью образовалась надежда, та надежда, которая никого не оставляет в стыде (см.: Рим. 5, 3–4). Вот что рассказывает преподобный о небесном утешении, посетившем его. «Спал я в своей келлие, в чулане, — пишет он, — и увидел во сне Пречистую Богородицу в девичьем образе; благолепна была Она на вид: не видел я между людьми такой красивой девицы; умиленна лицом и прекрасна; брови черные, нос средней величины, нагнутый (похил). На голове у Нее был золотой венец, украшенный разноцветными каменьями. Невозможно человеческому уму постигнуть красоты Ее, ни выразить языком. Сидит же в келлие моей, на лавке, в большом углу, где стоят иконы. А я будто вышел из чулана и стою пред Нею, смотрю на Нее прилежно, не сводя очей с красоты Ее. Она же, Царица и Богородица, взирает на меня. Очи Ее были полны слез, чуть не канут на Ее пречистое лице. И вдруг стала Она невидима. Я проснулся и был в ужасе. Встал и вышел из чулана; зажег свечу от лампады и хотел видеть Пречистую Деву, не сидит ли Она в келлие, где сидела. Я подошел со свечой к пречистому образу Одигитрии и понял, что истинно явилась мне Пречистая Богородица в том виде, как писана Она на келейной иконе моей»[1]. В последние годы жизни блаженный прославился даром исцелений. В 1595 году в проезд свой в Москву остановился он в Твери. У жившего тогда в Твери царя Симеона Бекбулатовича был весьма болен сын, и царь, узнав о Мартирии, просил его прийти помолиться за умирающего сына. Преподобный возложил на грудь Иоанна Тихвинскую икону Богоматери, и больной исцелел. После того признательный царь был самым усердным благотворителем Мартириева монастыря. За полтора года до кончины святой старец посвятил себя безмолвию и молитве; выкопав своими руками могилу и в ней поставив гроб, приходил сюда плакать и молиться. Наконец, причастясь Святых Таин, мирно почил он 1-го марта 1603 года. Мощи преподобного Мартирия почивают в гробнице, устроенной Новгородским митрополитом Корнилием, бывшим прежде того Зеленецким игуменом, который, почитая сего угодника Божиего, описал житие его и сочинил службу ему[2].

---

[1] Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; Собр. л. 3, 174. По ркп. святцам общ. ист. преп. Мартирий Зеленецкий новый чудотворец. Словарь святых говорит о митр. Корнилии: «его старанием дана пустыни 1642 г. грамота на вотчинные земли». В 1642 г. не было в Новгороде митр. Корнилия. Корнилий был митрополитом Новгородским в 1674–1695 г.

День второй

ПАМЯТЬ
преподобных
САВВЫ и ВАРСОНОФИЯ ТВЕРСКИХ

Преподобный Савва, игумен Сретенского, иначе Саввина, монастыря, поставлен в числе святых по рукописным святцам. По свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, преподобные Савва и Варсонофий проводили высокую духовную жизнь и за святость жизни удостоены были дара чудес. Он довольно подробно описывает жизнь их, называя их святыми. «Мы видели, — говорит он, — и блаженного Савву, который настоятельствовал в Саввином монастыре, в Тверской стороне, более 50 лет. Он так заботился о своей пастве, что всегда стоял в церковных дверях с жезлом в руке; если кто-либо из братии не приходил к началу служения в церковь, или выходил прежде отпуска, или во время пения разговаривал, или переходил со своего места на другое, то Савва никак не молчал о том, а запрещал, так что не опускал без внимания и малых проступков. А тех, которые вступали в спор и бесчинствовали, иногда бил жезлом, а иногда сажал в затвор; когда нужно, бывал он строг; а когда надобность была, бывал и милостив. Раз он, строго вразумляя бесчинного брата, положил бороду на окно, а этот по внушению бесовскому схватил обеими руками бороду его и едва не всю вырвал. Братия схватили его, привели к блаженному Савве и спрашивали: как велит наказать его? Он

отвечал им: я бью жезлом и сажаю в затвор за бесчинства и оскорбления братии, но за свою обиду не могу наказывать, а должен все терпеть. Когда же увидел он брата кающимся в своих грехах, то вскоре простил его, и прощенный брат пребыл в монастыре до смерти, в покаянии и умилении. Был большой мор, и священники перемерли, — остался один блаженный Савва с заботами о своей братии — посещать больных, сподоблять исповеди и погребать умерших. Когда блаженный Савва посещал больного и сподоблял исповеди, а в это время приходил брат и говорил, что такой-то умирает и требует исповеди, то блаженный отвечал: иди, брат, скажи умирающему, чтобы не умирал, а подождал моего посещения, и как только брат передавал это умирающему, тому становилось легче; когда же приходил блаженный Савва и удостаивал Святого Причащения, тогда брат умирал. И это было не с одним или двумя, а со многими. Мы слышали об этом от благоговейных старцев и особенно от того святого великого старца Варсонофия, называемого Неумоею, который был братом блаженному Савве и которого поставил настоятелем старший Савва Бороздин, бывший настоятелем той обители и потом отходивший в Святую Гору. Блаженный Варсонофий пробыл на игуменстве пять лет и потом удалился в пустынь, а игуменство передал сему Савве (брату своему), и тогда же велено ему принять сан священства. Варсонофий свидетельствовал, что чист он от чрева матери своей и достоин такой благодати. В пустыне прожил Варсонофий сорок лет, и во все эти года другого дела не было у него, как молиться, петь и читать книги. Он брал книги у христолюбцев и по прочтении отдавал, потом брал в другом месте. У блаженного не было ничего, даже ни медной монеты, ибо любил он нищету и нестяжание. За долгое внимание к себе, безмолвие, молитвы, чтение удостоился он такой благодати, что помнил все Священное Писание наизусть и свободно передавал всякому требующему. К нему приходили многие отовсюду, иноки и мирские благородные люди, иные для пользы душевной, другие требуя разрешения на какое-либо место писания. Даже митрополит всей Руси Фотий по временам присылал к нему с просьбою дать объяснение непонятному изречению Священного Писания, о котором был у него с кем-либо спор. Тамошние отцы с клятвою извещали нас, что когда блаженный жил еще в пустыне, пришел к нему брат Саввина монастыря и молил его, чтобы пошел к Савве и попросил простить ему некоторые согрешения. Блаженный Варсонофий, идя в монастырь, взглянул на образ Пресвятой Богородицы, стоявший в его келлие, и сказал так: «Пречистая Владычица Богородице! Ты будь

хранительницею моим книгам». По удалении его брат, прельщенный лукавым, положил все книги в пазуху свою и хотел бежать; но, подойдя к дверям келлии, поражен был незримою силою и пал мертвым. Блаженный Варсонофий, возвратясь, нашел его мертвым и с книгами за пазухою. Он стал плакать и рыдать и говорил: «Я виновен в смерти брата». Брата отнесли в монастырь, чтобы предать земле. Когда стали отпевать его, блаженный Варсонофий столько плакал о брате, что все место, где стоял он, смочено было слезами. Когда же стали прощаться с умершим, тогда мертвый начал двигаться. Они открыли голову его и развязали его, и мертвый сел. Братия, подняв его, спрашивали: что видел или слышал он? «Ничего не видал и не слыхал я», — отвечал он. Брат жил после сего в монастыре до смерти добродетельно. Когда блаженный Варсонофий достиг глубокой старости, святой Савва повелел привести его в монастырь. Братия весьма рады были приходу его: блаженный был врачом для душевных и телесных немощей. Пока живы были блаженный Савва и святой Варсонофий, в монастыре было все чинно, тихо и мирно, при их наставлениях. Если являлся какой-либо строптивый и с худым нравом, они не дозволяли ему творить свою волю. Когда же преставились блаженный Савва, святой Варсонофий и другие отцы, ревнители отеческого предания, братия выбрали игумена из другого монастыря, и тот начал жить не по уставу сего монастыря и не по преданию тех святых старцев: их предание было такое, чтобы никто не ел и не пил иначе, как за общей трапезой, чтобы не выходили из монастыря без благословения, чтобы отроки не жили по келлиям или в дворе и чтобы женщины не входили в монастырь; вообще у них все было по уставу общежития. А тот игумен, пришедший сюда, все это испортил и оставил без внимания. Спустя немного времени является ему во сне святой Савва и говорит: «Несчастный! Почему ты нимало не заботишься о монастырском благочинии и благочестии, но все пренебрег и счел ни во что?» И бил его жезлом довольно, так что тот не мог встать с постели. Когда же выздоровел и почувствовал свою неисправность, то уже не смел более и настоятельствовать, а вскоре возвратился туда, откуда пришел»[1]. Монастырь, где подвизались преподобные Савва и Варсонофий, назывался Саввиной пустынью, по храму во имя преподобного Саввы Освященного, и находился в 20 верстах от Твери, там, где ныне остается село Саввино. В храме села Саввина есть древняя икона преподобных Саввы и Варсонофия. Здесь же еще целы

[1] «Духовная грамота» прп. Иосифа, гл. X.

царские врата с мелкотравчатою резьбою и с надписью: «л. 7069 (1561) августа в 29 д. поставлены двери сия царские при державе царя и в. к. Ивана Васил. — при епископе Акакии Тверском, в церковь преподобного отца нашего Саввы Освященного, старанием игумена Леванида Саввина монастыря»[1]. В Московском Успенском соборе хранится устав Тверского Саввина монастыря XV века; в конце пасхалии его, доведенной до 8 тысяч, сказано: «Конец семи тысячам. Троице Святая, слава Тебе, δόξα σοι ο θεοσ». На л. 295 читается древняя драгоценная заметка: «в л. 6940 (1432) в Петрово говенье монастырю святого Саввы минуло 35 лет, а смерти князя великого Михаила 34 лета»[2]. По этой заметке несомненно, что Тверской Саввин монастырь начался с 1397 года и с того же года начались подвиги преподобных Варсонофия и Саввы в Саввиной пустыни. На рукописной книге Исаака Сирина подпись говорит, что книга писана в 1416 году в монастыре преподобного Саввы, на иждивение ктитора обители князя Александра Ивановича (1426 г.), по воле игумена Варсонофия. Другая книга, «Лествица», писана в 1419 году для священноинока Саввы[3]. Поелику же преподобный Савва вместе с тем, как принял сан священства, принял и начальство над обителью (так пишет преподобный Иосиф), то очевидно, что в 1419 году игуменом Саввиной обители был уже преподобный Савва. По времени же основания пустыни (1397 г.) и по немногим годам игуменства Варсонофиева (5 лет), надобно положить, что 1416 год был последним годом игуменства Варсонофиева после правления Саввы Бороздина. Если же после того с 1417 года будем считать 50 лет начальствования преподобного Саввы Тверского, то блаженную кончину его должны будем отнести к 1467 году[4].

---

[1] Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: В 6 отд. СПб., 1849–1853. Отд. V (далее — Древности Российского государства. — *Ред.*); Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. Вып. 1. В описании святых г. Твери: «прп. Савва игумен Сретенского монастыря».

[2] О том, что этот устав — собственность Саввина Тверского монастыря, не оставляет никакого сомнения надпись в начале его: «л. 7138 сия книга устав Тверского уезду Саввина монастыря; взят в Москве при игумене Тихоне, сентября в 24 день по отписке Тверского и Кашинского архиеписк. Евфимия. Принесли же тот устав того же монастыря начальники Савва и Варсонофий с собою из Грек». Только здесь последняя заметка XVII века — ошибка. По словам прп. Иосифа, на Афон ходил прп. Савва Бороздин.

[3] Опис. ркп. Толстого 2 № 174 и 4.

[4] Перепись 1662 года: «монастырь Саввин 50 дворов» (Записки Императорского русского археологического общества).

ПАМЯТЬ преподобного САВВАТИЯ ТВЕРСКОГО и ученика его ЕВФРОСИНА

В рукописном описании святых города Твери читаем: «преподобный Савватий игумен пустыни, — образом сед, брада, как у Иоанна Богослова». Пустынь преподобного Савватия находилась в 15 верстах от Твери, там, где теперь остается село Савватиево. В одном из двух храмов бывшей пустыни стоит гробница преподобного Савватия, с образом его. Вериги его, найденные в пещере, находящейся близ села, показывают подвижничество его против плоти, а пещера, свидетельница чистых, безмолвных молитв его, говорит, что пребывание и с людьми пустыни не всегда было легко душе его, и он по временам укрывался в пещеру для бесед с Господом[1]. Пустынь Савватиева так была известна по строгости и святости правил основателя ее, что приходили обучаться в ней иноческой жизни и преподобный Корнилий Комельский, и преподобный Иосиф Волоколамский. Последний уже не застал в живых самого преподобного Савватия; он видел только ученика его, блаженного Евфросина. Как по этому обстоятельству, так по времени славных дел преподобного Евфросина, несомненно, что преподобный Савватий подвизался по указанию святителя Арсения, и блаженная кончина его последовала не позже 1434 года. Жизнь ученика его отчасти может показать нам, как жил учитель. «Я видел в Савватиевой пустыни, — пишет Иосиф, — святого старца, отшельника, по имени Евфросина. Он был родом из князей Тепринских. В пустыни безвыходно прожил он 60 лет. К нему приходили многие иноки и мирские князья и бояре и прерывали безмолвие его. Соскучив тем, он бежал в Великий Новгород, на озере Нево (Ладожском) нашел остров и здесь прожил несколько лет. Христиане тех мест, жители сел, услышав о нем, приходили к нему с женами и детьми. Он убежал опять в Савватиеву

[1] Журнал МВД. Т. V; Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2.

пустынь. Когда пришел он сюда, властитель той земли князь Борис Александрович прислал к нему юную дочь свою, тогда обрученную невесту великого князя Ивана Васильевича; с ней пришли архимандриты, игумены, бояре и стали просить блаженного Евфросина, чтобы помолился о девице: она была очень больна, и в пустыню к блаженному Евфросину принесли ее на руках. Он отказывался, называя себя недостойным и грешником. Они, пав на землю, со слезами упрашивали его, чтобы помолился: "Если останется жива по твоим молитвам, — говорили они, — то умиришь ты, отче, два княжества". Когда говорили они это, девушка впала в такую болезнь, что все думали — умерла она. Увидев это, все стали плакать. Блаженный Евфросин приказал отнести ее в церковь Савватиевой пустыни, и сам, придя в монастырь, вошел в церковь, где увидел девушку едва дышащею. Блаженный Евфросин, став пред иконою Пресвятой Богородицы, держащей на руках Предвечного Младенца, начал молиться со слезами и рыданием. Потом велел петь молебен Пресвятой Богородице и великому чудотворцу Николаю. Когда окончился молебен, девушка открыла глаза и села; они подняли ее здоровою и в тот же день отвели ее к отцу. Увидев это, прославили Бога, прославляющего угодников Своих». Так пишет преподобный Иосиф. По другим памятникам известно, что княжна Мария, дочь Тверского князя Бориса Александровича, обручена была с семилетним сыном великого князя Василия Иоанном Васильевичем в конце 1446 года[1], а умерла супругою в 1467 году[2]. Отселе видно, что кончина преподобного Евфросина последовала не позже 1460 года[3].

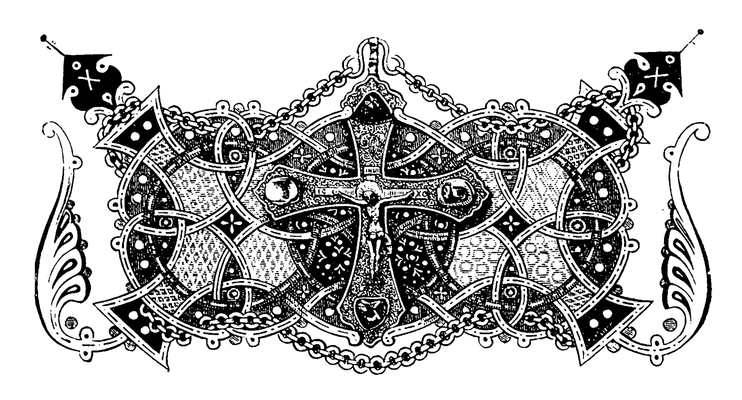
Память о святых 440 мучениках, пострадавших в Италии от Лангобардов за сопротивление участвовать в служении идолам, около 579 года[4].

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. Прим. 341.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VI. Прим. 12.

[3] По переписи 1662 г.: «монастырь Савватиева пустынь 45 дворов» (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях).

[4] См.: *Рудаков А., протоиерей.* История христианской православной Церкви. СПб., 1913.

День третий

ПАМЯТЬ преподобного ПИАМЫ (или Пиамуки) и АЛЕКСАНДРЫ

В окрестностях Александрии, при святителе Златоусте, было много спасавшихся девственниц. Иные жили в отдельных келлиях, другие в киновиях. «В стране Египетской, — говорит великий проповедник, — в Антиохии, можно видеть Христово воинство, чудное общество, образ жизни, свойственный небесным силам. И это не только между мужчинами, но и между женщинами... И жены часто превосходят подвигами своих мужей и воздвигают знамения блистательной победы»[1].

Близ Александрии спасалась и спаслась в могильной пещере великая девственница Александра. «Не могла я, — говорит усердная посетительница восточных отшельников, Мелания старшая, — видеть сию блаженную в лицо, но, став у отверстия, просила ее открыть причину, по которой оставила она город и заключила себя в могильной пещере».

[1] Бес. 4, на Евангелие Матфея. У абиссинцев и коптов почитаются между святыми: февр. 9. (3) «три ясны отшельницы»; апр. 8 (3) Агапис, Ариана и Аскопия девы; апр. 13 (8) диакониса Дионисия; мая 6 (1) Саломея подвижница; мая 20 (15) Седеза ученица прп. Аммона; июля 3 (июня 27) Мария подвижница; июля 6 (июня 30) Сатурнина подвижница (*Ludolfi*. Ad soam historiam aethiopicam commentaries). К сожалению, подробных известий об их жизни не имеем в виду.

Она отвечала мне чрез отверстие: «Один человек сходил с ума по мне: чтобы не огорчать и не бесчестить его, я решилась лучше заключить себя живою в этой гробнице, чем портить душу, созданную по образу Божиему». Когда сказала я ей: «Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь, а одна борешься со скорбью и помыслами»; она отвечала: «С самого утра часа до девятого я молюсь; с час пряду лен; в остальные часы дня припоминаю себе сказания о вере святых отцов и патриархов, о подвигах блаженных апостолов, пророков и мучеников; когда наступает вечер, я, принесши славословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благой надеждой и явлюсь лицу Христову». Пищу приносила ей одна добрая женщина и передавала чрез отверстие пещеры. Иначе затворница не показывалась на глаза ни мужчине, ни женщине. Так подвизалась она до двенадцати лет! Чувствуя близость кончины, приготовила она сама себя к погребению. Раз женщина, принесши пищу, не получает никакого ответа затворницы. Поняв, что она почила, дала знать о том в городе. Целые толпы поспешили из города к пещере великой подвижницы, открыли вход в пещеру и увидели, что Господь, по ожиданию подвижницы, принял ее к Себе в селение праведных[1].

Так как Мелания беседовала с затворницей не прежде 373 года, а Палладий, путешествовавший по пустыням Египта с 388 года, уже не застал ее в живых, то кончину святой надобно отнести к 376 году[2].

Святая девственница Пиамука (Пиама) взошла на дивную степень духовного совершенства в доме матери. Она жила и здесь, как в затворе, уединенно, не виделась с людьми пустыми, принимала пищу через день, после молитвы пряла лен. Так говорит о жизни ее Палладий. При такой простоте жизни, но и при зорком наблюдении за своей душой, она так преобразовала свою душу, что Господь удостоил ее дара прозрения. Последнее открылось по особенному случаю. Так как Нил разливом вод своих оплодотворяет поля, то поселения, дорожа благодетельною влагой, задерживают ее на полях искусственными загородями; при этом немощи людские поднимают спор и ссоры, нередко сопровождаемые драками.

---

[1] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 5. У Гераклида, в гл. 1, Дидим говорит о затворнице: «на двенадцатом году, отходя на последний покой, убрала сама себя». То же по особой редакции Лавсаика. Migne. T. 94, p. 255, 348.

[2] У коптов св. Александра — апр. 15 (10) (*Ludolfi*. Ad soam historiam aethiopicam commentaries).

Община, более многолюдная, чем та, где жила Пиамука, поклялась истребить за воду слабое поселение. По молитвам аммы Пиамы Бог спас от преступления и смертей. Ангел открыл Пиамуке о злодейском замысле соседей. Она, созвав старшин села своего, объявила им о замысле. «Ступайте, — говорила она, — встречайте тех, которые идут на вас, упрашивайте их, чтобы удержались от боя». Старшины в страхе пали ей в ноги и говорили: «Мы не смеем идти навстречу им; мы знаем пьяную жизнь их и их буйство; сотвори новую милость с нами, иди сама к ним и уговори их оставить нас в покое». Она не поступила по их просьбе, не пошла иметь дело с людьми, от сношения с которыми давно отказалась, а обратилась к Господу; удалясь в свой домик, провела всю ночь в молитве. «Господи! — так молилась она. — Ты Судья земли и не любишь неправды, прими молитву мою, пошли силу Твою, чтобы устремившиеся на погибель нашу стояли как столпы на месте, где встретит их сила Твоя!» И молитва ее была услышана. Неприятели на третьем камне от села остановились и не могли сдвинуться с места. Им также было дано знать, что задерживает их молитва праведницы. Они прислали послов своих в село и просили мира. Благодарите, говорили, Бога, Который, по молитвам девы Пиамуки, избавил вашу собственность от истребления[1].

Память о святой Пиамуке (Пиаме) чтится марта 3-го дня и в субботу сыропустную.

Тот род подвижнической жизни, какой проходили блаженные девы Александра и Пиамука, много имеет своих преимуществ, но он соединен и со многими опасностями. По наблюдениям духовного опыта, жизнь наедине сближает с гордостью или отчаянием, а иногда со страстью к корысти, тогда как общежитие отнимает пищу у этой последней страсти и обламывает угловатую гордость. Вот и пример, выставленный Палладием из жизни, современной святым Александре и Пиамуке.

В Александрии была девственница. По виду она была смиренная, но в душе горда, и любила более деньги, чем Христа. Она была богата, но не подавала пособия ни страннику, ни деве, ни монаху, ни обиженному, ни бедняку, ни в церковь. Она взяла себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, расставшись с любовью к Небу. Бедная обманывала сама себя. Сперва заразилась она страстью к деньгам; потом и любовь свою к племяннице довела до страсти, под влиянием тщеславия. Кто поработил душу свою заботе

[1] Гераклид, гл. 18; Лавсаик, гл. 33.

о родных, тот подлежит суду закона за то, что мало ценил свою душу. Больную девственницу решился излечить пресвитер Макарий, надзиратель богадельни увечных. В молодости своей он был ювелиром, о чем знала и дева. Придя к ней, говорит он: «Попались мне дорогие камни — изумруды и яхонты; краденые они или не краденые — не умею сказать, только камни высокой цены; владелец продает их за 500 червонцев; это — чудный наряд для твоей племянницы!» Дева, привязанная к племяннице-невесте, говорит: «Сделай милость, не уступай их никому; вот тебе деньги», — и выдала 500 червонцев. Святой Макарий употребил деньги на нужды богадельни. Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях. «Он пользовался высоким уважением, как старец весьма благочестивый и милостивый; он жил около ста лет, и я еще застал его в живых», — замечает Палладий. Наконец, встретившись с ним в церкви, дева говорит: «Что ж камни, за которые дано 500 червонцев?» Он отвечал: «В тот же день, как ты дала мне деньги, я и заплатил их за камни; пойдем в странноприимный дом, они там у меня; если не понравятся тебе эти камни, возьмешь свои деньги назад». Когда пришли они к дому, старец говорит: «Что угодно тебе видеть сперва — яхонты или изумруды?» «Что хочешь», — отвечала она. Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал: «Это вот яхонты!» Потом, сойдя вниз, указал ей на таких же мужчин, со словами: «А это — изумруды! По-моему, драгоценнее этих камней нигде не найти! Впрочем, — прибавил он, — если они не нравятся тебе: возьми свои деньги назад». Пристыженная девственница вышла и, придя к себе, занемогла от скорби. Но после она благодарила старца, когда племянница ее, по выходе замуж, умерла бездетною. Она и сама стала употреблять свое имущество как должно[1].

В наших штатных обителях, где деньги делятся по рукам, как нередко попадаются подобные больные!

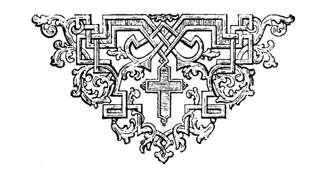
В тот же день празднование в честь **Волоколамской иконы Богоматери**. Эта святая икона прославилась 3 марта 1677 года в Иосифовом монастыре города Волоколамска.

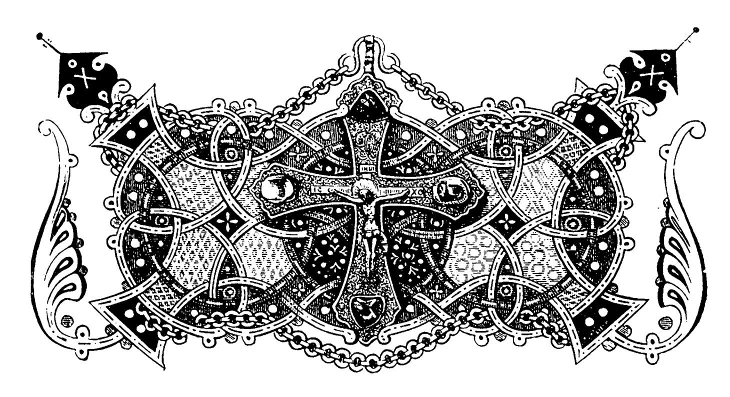
---

[1] Лавсаик, гл. 6; Гераклид, гл. 2. Та же повесть в Прологе март. 30 и в сборнике Патерик под знам. м. Там и здесь инокиня называется Монакою.

Святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска — каппадокиян, воинов из дружины святого Феодора Тирона, за исповедание Христа пострадавших в конце III столетия. Первые двое, братья по плоти, были распяты после мук в Амасии Понтийской от Асклипиада 3-го марта; Василиск усекнут мечом при Максимиане; память его мая 22-го.

День четвертый

ПАМЯТЬ преподобного ГЕРАСИМА ВОЛОГОДСКОГО

Преподобный Герасим родился в Киеве и здесь же, в Гнилецком пещерном скиту, облечен был в иночество[1].

В 1147 году пришел он из Киева на реку Вологду и у ручья Кайсарова основал обитель с храмом Святой Троицы. Это было еще «до начала города Вологды». Тогда был здесь глухой лес и в лесу посад с храмом Воскресения, а на Ленивой площади «малый торжок». Недавно умер в Вологде купец Пятышев, последний потомок Пятышева, не хотевшего дать блаженному Герасиму земли под монастырь, а после согласившегося с благочестивым желанием преподобного. Подвижник благочестия примером самой жизни и светлыми наставлениями озарил дикую страну — и мирно почил 4 марта 1178 года. Мощи его почивают под спудом в Троицком храме обители его, упраздненной в 1764 году[2].

---

[1] По ркп. житию Герасим пришел «от Богоспасаемого града Киева, той же веси Глушенского монастыря постриженик». По самому составу слов видно, что Вологжанин многого не разобрал в подлиннике. Глушенского монастыря не было в Киеве; а известна Гнилецкая Успенская обитель с пещерами (*Фундуклей И.* Обозрение Киева). Предисловие жития говорит, что житие прп. Герасима и служба ему затерялись во время разорений Вологды и что предлагаемые сведения взяты из Вологодских летописных заметок.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Прим. 117. Ркп. святцы: «прп. отец

УБИЕНИЕ преподобных ИОАСАФА и ВАСИЛИЯ игуменов

В четырех верстах от Пскова, на берегу реки Великой, на Снетной горе преподобный Иоасаф основал монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы и был в нем игуменом. В то же время в Мирожской обители подвизался игумен Василий[1]. Господу благоугодно было, дабы подвижническая жизнь их увенчалась страдальческой смертью, — а смерть других была очищением от грехов. В летописи читаем: «марта 4-го 1299 года немцы неожиданно напали на посад у Пскова, умертвили игумена Василия, Иоасафа игумена Снетной горы, множество черноризцев (17 иноков и инокинь), нищих, жен и детей; мужчин Бог сохранил, но монастыри сожжены». Немцам это не прошло даром. «Князь Довмонт и Иван Дорогомилов вышли против них и разбили их на берегу у Петра и Павла; битва была жаркая: иных (из немцев) убили, другие бросились с берега и потонули; феллинцев, взяв в плен, отослали к князю Андрею Александровичу в Россию; прочие побросали оружие и ударились бежать, устрашась храбрости Довмонта и Ивана Дорогомилова»[2]. Нетленные мощи преподобного Иоасафа почивают в его обители под спудом, а открыто, в особом ковчеге, хранятся две кости и глава его. Мощи преподобного Василия почивают в Мирожской обители, под спудом[3].

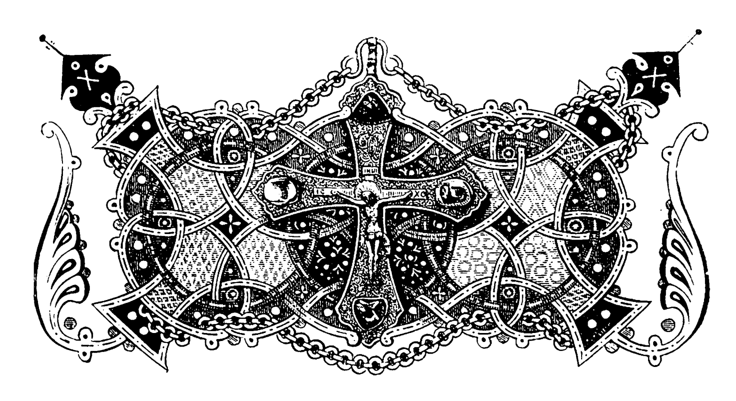

Герасим, начальник Троицкого монастыря у Кайсарова ручья, преставился в л. 6686 месяца марта в 4 день».

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI.

[2] Собр. л. 4, 45. 182. 5, 11; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Прим. 193, 203.

[3] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Толстой М.* Святыни и древности Пскова.

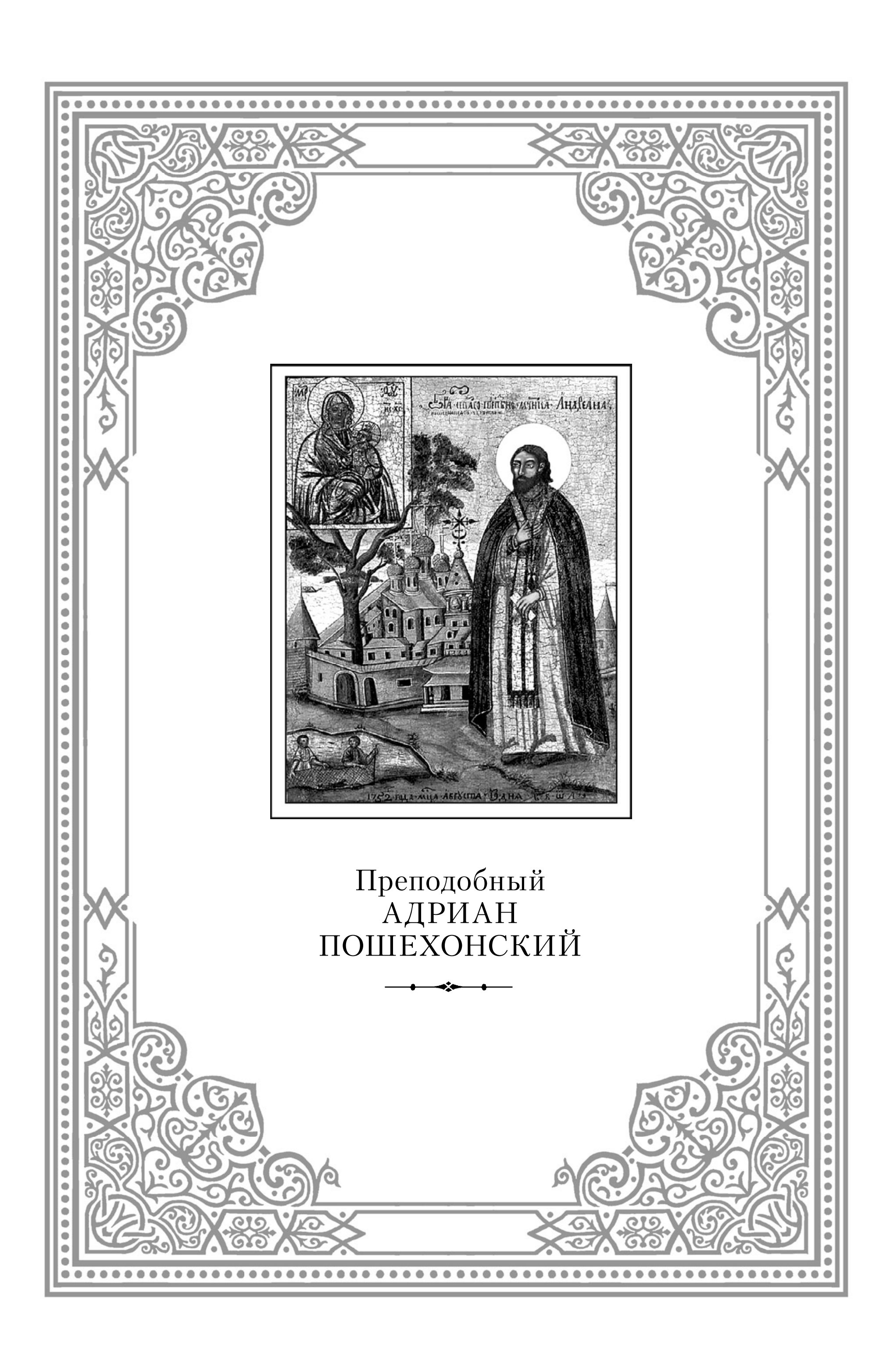

День пятый

ПАМЯТЬ преподобного АДРИАНА ПОШЕХОНСКОГО

Преподобный Адриан обучался иноческому житию у преподобного Корнилия Комельского[1]. По смерти великого наставника (1537 г.) он, как и некоторые другие ученики Корнилия, желал насадить где-либо в глухом месте новый рассадник иночества. Раз в храме Корнилиевой обители явился благолепный старец. «Кто ты?» — спросил его Адриан, на которого он сделал сильное впечатление. «Я — Безстуж», — отвечал старец. Адриан пригласил его к себе в келлию; в духовной беседе старец между прочим сказал Адриану: «Ты хочешь строить дом Богоматери и собрать к себе иноков; мне известна пустынь, в которой еще не ходила нога человеческая». Адриан рад был идти в эту пустынь. «Блаженный отец наш Корнилий заповедовал отпускать учеников его, если пожелают пустыни», — говорил Адриан игумену Лаврентию и просил благословить его на удаление из обители в уединение пустынное. Лаврентий благословил. В сентябре 1540 года Адриан, будучи иеродиаконом, с послушником Леонидом и еще другим вышли из Корнилиевой обители; черноризец Безстуж привел их в дремучий Пошехонский лес и незаметно скрылся. Это было накануне

[1] Ркп. житие прп. Адриана.

Преподобный
АДРИАН ПОШЕХОНСКИЙ

Воздвижения Господня. На берегу реки Вотхи поставили они на дубе икону Богоматери, с которою пришли, и пропели канон Кресту Господнему. Когда затем отправились они осмотреть окрестные места, рыболовы с. Белого, ловя рыбу в Вотхе, вышли на берег и увидели икону Богоматери на дубе. Один из них хотел снять икону и унести домой, но упал без языка и движения. Придя в себя, объявил он, что явившийся старец строго запретил ему брать икону. Рыбаки оставили при дубе пойманную рыбу и белый хлеб. Возвратившиеся пустынники с изумлением увидели у дуба столько нужную для них пищу и, прославив Богоматерь, остались жить на благословленном Ею месте. В 1543 году Адриан отправился к митрополиту Макарию испросить благословение на основание обители и храма в честь Успения Пресвятой Богородицы на реке Вотхе; митрополит преподал благословение на святое дело и посвятил Адриана в игумена. В новую пустынную обитель собралось довольно братии; уставом ее был устав Корнилиевой обители; женщинам не дозволялось входить в нее; пустынники довольствовались малым и большую часть времени проводили в чтении псалтири. Преподобный настоятель занимался писанием святых икон, в назидание свое и другим[1]. Старец Леонид мирно почил в 1549 году.

В 1550 году в Великий пост шайка дурных людей села Белого напала на Адрианову пустынь, вооруженная по-разбойничьи. Жившие в обители спешили скрыться, кто куда мог; игумен скрылся в дровянике, но его скоро нашли здесь. Злодеи жгли его горящею лучиною, кололи ножом, давили накинутою на шею веревкою, выпытывая деньги. Страдалец, указав на кувшин с сорока рублями, сказал: «Вот все наше имущество; им хотел я строить новый храм Богоматери: возьмите деньги и отпустите нас, иноков, в Корнилиеву обитель, — мы не придем к вам более». Злодеи с наглой насмешкой сказали: «Мы здесь наденем на тебя шлем и пустим на небо». И удавили святого старца. Это было 5 марта. Бросив затем связанными послушников Адриана, ограбили все в храме. Найдя за престолом трех иноков, одного убили в трапезе, двух мучили до того, что трещали кости их. Тело преподобного Адриана увезли из обители и скрыли. Разбойники скоро затем уличены были судом в злодействах своих и получили достойное наказание[2].

В 1626 году инок Иона пред смертью своею открыл духовнику, что по предсмертной исповеди отца его, священника Исидора, когда в 1550 году

---

[1] «Сказание о св. иконописцах» в подлиннике графа Строганова; Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2.

[2] *Щекатов А.М.* Словарь географический. Ч. 1.

Белосельские злодеи бросили тело убитого ими игумена Адриана на рубеже Белого, на берегу реки Ушломы, он, Исидор с соседями свезли тело к опустевшей церкви пророка Илии и похоронили его под полом храма. Впоследствии храм развалился; на могиле, для памяти, посадили рябину. У могилы стали совершаться чудеса. Хотя чудес не записывали, но собиравшиеся каждый год в день пророка Илии на ярмарку по слуху о чудесах совершали при могиле Адриана молебны мученице Параскеве и пророку Илии, клали приношения на могилу, и больные получали исцеление. Об этом предсмертном сведении игумен Троицкой Пошехонской пустыни сообщил игумену Адриановой пустыни, взяв с него и братии обещание — прекратить нетрезвую жизнь в пустыни. Получив донесения, патриарх Филарет предписал перенести мощи в Адрианову пустынь и донести[1]. Во время перенесения мощей совершилось несколько чудес, между прочим прозрел слепой отрок. Ныне мощи преподобного Адриана почивают открыто в храме обители его, построенном в 1659 году; один придел сего храма посвящен преподобному Адриану[2].

ПАМЯТЬ
святого мученика
КОНОНА ОГОРОДНИКА

Родом из Назарета Галилейского, жил и трудился в Памфилии, в городе Мандоне, занимаясь огородничеством. Нравом был прост, некнижен, но боялся Бога и хранил заповеди Его. В гонение Декия (251 г.) воевода Публий велел схватить его и принуждал принести жертву идолам; и когда Конон пребыл твердым в своем исповедании, то ему вбили гвозди в ноги и заставили бежать. Мученик изнемог, пал на колена и, помолившись, предал дух свой Богу.

---

[1] Акты исторические. Т. 3, № 141 — две памяти от 1 апреля и 12 октября 1626 г. Здесь показания схимника Ионы, записанные духовником его Лукьяном. Здесь же грамота патр. Филарета с предписанием перенести мощи в Адрианову пустынь.

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. Ркп. святцы: «прпп. Адриан и Леонид; строитель Успенского монастыря, Адриан, убиен был от разбойников, у Троицы в Рябивкине пустыни положен. Был ученик Корнилия Комельского; а перенесены мощи его декабря в 17 день».

ПАМЯТЬ святого мученика КОНОНА ИСАВРИЙСКОГО, супруги его АННЫ и ОНИСИЯ

Родители Конона — Нестор и Нада, жившие в селении Видании, в 80-ти поприщах от Исаврия, были современниками Апостолов. Конон, обрученный родителями своими с избранной ими для него невестой — Анною, хотя и исполнил волю их и вступил с нею в брак, но, всей душой преданный единой заботе о будущей жизни в вечности, жил с женой своей, как брат с сестрой, подобно Ангелам, служа и работая Богу. По смерти же отца своего, святого Нестора, который был замучен язычниками за исповедание веры Христовой, похоронив также жену свою и мать, он посвятил всю остальную жизнь свою до глубокой старости Богомыслию и строгому подвижничеству в трудах, посте и молитве. Облагодатствованный от Бога даром великих чудотворений, посредством их обратил он к Христу жителей Исаврийских.

Когда же настало гонение на христиан и в Исаврию прибыл воевода Мигдон, и начались страдания мучеников, между которыми первый пострадал Онисий, то предан был истязаниям и Конон за сопротивление принести жертвы языческим богам. Исавряне, услышав об этом, вооружились и хотели убить воеводу, но тот спасся бегством. Конона же они нашли связанным и тело его покрытым ранами и окровавленным. С благоговением припали они к мученику, целовали раны его и собирали кровь, желая освятиться ею... Конон же скорбел, что не допустили его пострадать до конца. Верующие отнесли его на его родину, в селение Виданию, и заботились об исцелении его. Он прожил после того еще два года и скончался, оплакиваемый просвещенными им (во II в.).

По древнерусскому народному верованию, он почитается хранителем детей от оспы; в воспоминание того, что ему дана была власть целить болезни, составлена особая молитва ему от этой болезни.

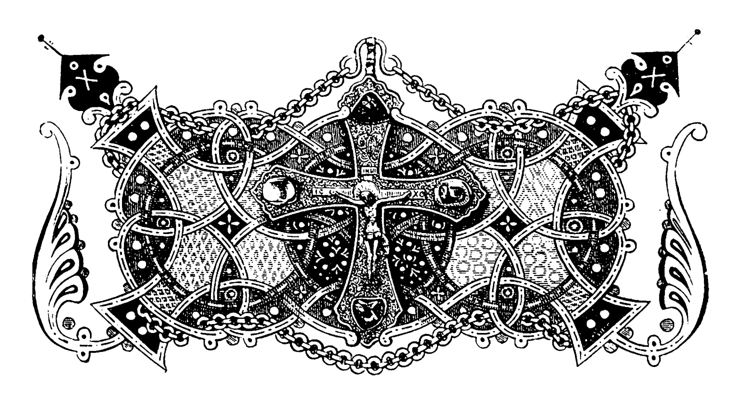
СТРАДАНИЕ святого ИОАННА БОЛГАРИНА

Блаженный Иоанн был родом из Болгарии[1]. Турки силами стараются, или точнее старались в прежнее время, обращать христиан в магометанство, между прочим, и по такому умному поверью. В раю, говорят, не будет огня для раскурки трубки, а его придется доставать из геенны — далеко ходить. Если кто успеет обратить христианина в ислам, — обращенный в магометанство будет в раю, но как изменник своей вере превратится в огненный столп, и — вот туркам легко будет раскуривать трубки[2]. Как в этом поверье выражается скотская лень магометанства, а вместе и невольное признание достоинства веры христианской! С таким-то высоким поверьем туркам как-то удалось довести Иоанна до того, что отрекся он от веры Христовой. Несчастный, спустя немного времени, пришел в себя и, горько оплакивая грех свой, пришел на Афон, в лавру святого Афанасия. Здесь стал он подвизаться в покаянии, подчинив себя одному старцу. Три года жил он, как строгий к себе послушник; но совесть не давала ему покоя, постоянно был он печален. Наконец, не могши переносить укор совести, оставил он Святую Гору, прибыл в Константинополь и, одевшись в одежду турка, пришел в мечеть Софии. Здесь в виду всех стал он творить на себе знамение святого креста и молился христианскою молитвою. Взволнованные турки подбегают к нему и спрашивают: «Что ты делаешь?» Раб Христов спокойно отвечает, что он христианин и молится по-христиански — Христу Сыну Божиему и единственному Спасителю людей грешных. Фанатики кричат: «Молчи, молчи», — потом уговаривали его быть магометанином. Святой твердо отвечал, что исповеданию своему не изменит, — говорил, и будет говорить, что без Христа Иисуса нет спасения. Его вывели на двор мечети и отсекли ему главу. Святой Иоанн принял мученическую кончину на 19 году своего возраста в 1784 году.

---

[1] Страдание св. Иоанна см. в: Афонский патерик. Ч. 2.

[2] Письма святогорца 1, 215.

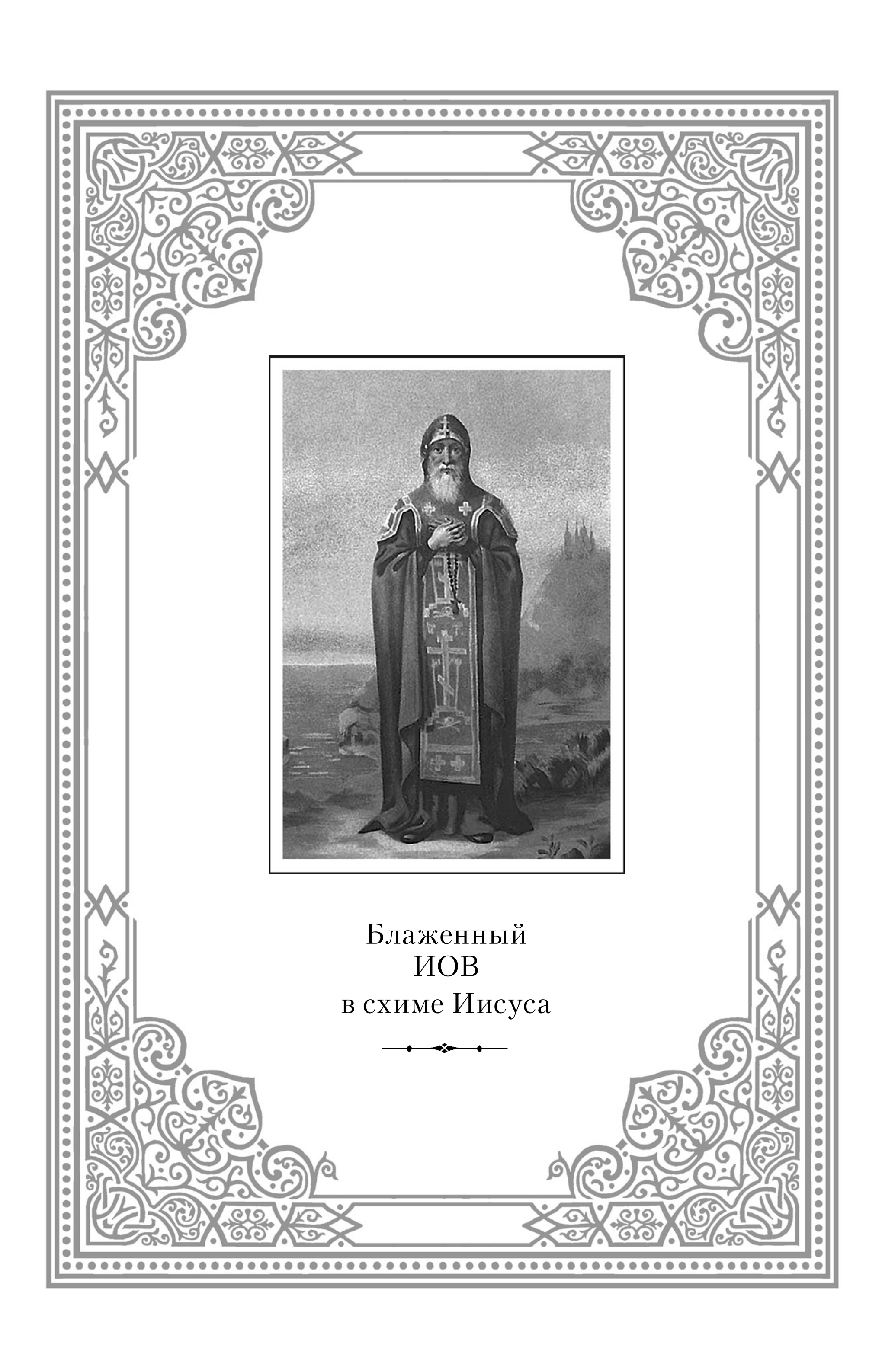

День шестой

ПАМЯТЬ блаженного ИОВА, в схиме Иисуса

Честна перед Господом смерть преподобных Его! (*Дорогá в очах Господних смерть святых Его!)* (Пс. 115, 6). В глубокой старости тихо и мирно скончался блаженный Иов, сказав перед кончиною, как бы уже проницая духовным взором своим блаженство, предстоящее ему в высшем мире: «Благословен Бог отцов наших! Если так, то не боюсь, но в радости отхожу от мира!»

В этой смерти — отражение всей жизни блаженного. Величественно проста в своей высоте была как та, так и другая. В мире — священник Иоанн, он был не только на высоте своего призвания, но исполнял сверх того и иноческое молитвенное правило и, быв еще в мире, был уже как бы монахом. Строго постился, уединялся в своей комнате, где в коленопреклоненной молитве часто молился всю ночь до рассвета, обыкновенно со слезами взывая: «Помилуй меня, Господи! пощади мя, Господи!» и т. п. Частные отношения его к людям были совершенно исключительные. С любовью принимал он всех приходивших к нему и с полным участием беседовал со всяким, применяя разговор свой к положению, званию и состоянию всякого. Он любил и сам посещать своих друзей и знакомых, иногда неожиданно являлся куда-либо в дом — незваный — и всегда с какою-нибудь благодетельною целью.

Блаженный
ИОВ
в схиме Иисуса

Поэтому все с радостью принимали его и слушали его поучения. Если ему нечаянно доводилось оскорбить кого-нибудь, то он немедленно просил прощения у оскорбленного.

Иногда приходил отец Иоанн в дом к простым людям в виде частного лица, в одежде мирянина, и, беседуя таким образом с бедными, легче узнавал он о домашней нужде их и оказывал им посильную помощь, обращая при этом главное внимание на их мысли и чувства, которые не оставлял без утешения и наставления. Его же дом был всегда открыт для бедных; усадив их за трапезу, он сам садился среди них и, как добрый отец, отрадно беседовал с ними и, отпуская их, наделял, чем мог. Подвергался кто-нибудь разорению от пожара, от неурожая, все знали, что у сострадательного отца Иоанна найдут необходимую помощь. Пользуясь уважением и со стороны высокопоставленных лиц, он успешно ходатайствовал перед ними за обиженных и невинно страдающих.

Тяготился добрый пастырь человеческою славою, но не могла укрыться от нее его добродетельная жизнь. Царь Петр I, услыхав о нем, призвал его для священнослужения в придворной церкви и пожелал иметь его духовником своим и членом царствующего дома. Пользуясь влиянием своим при дворе, отец Иоанн радовался, что это предоставляет ему еще более средств быть полезным бедствующим и заступником притесненных. В особенности сострадал он заключенным в темницах за преступления и долги. С участием посещал их и, изведывая при этом их совесть, оказывал на преступников благотворное влияние, а содержащимся за долги помогал в уплате долга.

Но чем светоноснее становилась деятельность истинного пастыря христианского, тем более стремилась омрачить ее клевета людская. Даже посещение им темниц подвергалось пересудам, и тогда он на некоторое время решился прекратить посещение темниц, не прекращая, впрочем, благотворений своих посредством доверенных лиц. Вообще, кроме церковных служб, отец Иоанн решился никуда не выходить из дома и остаток дней своих посвятить Богомыслию. Нуждавшиеся же в его помощи или совете обращались к нему письменно, и он не тяготился отзываться ни на какое обращение. Таким образом, среди постоянных Богоугодных трудов достиг праведный Иоанн до преклонного возраста. Тогда неожиданно настал для него час испытания. В 1701 году, по ложному доносу в сношениях с известным фанатиком Григорием Талицким, царский духовник был сослан в Соловецкий монастырь, где и пострижен 3-го апреля с именем Иова и отдан на послушание опытному старцу...

После многих испытаний старец Иов был освобожден от послушания и уединился в безмолвии в своей келлие; здесь постоянно молился он Иисусовой молитвой, занимался чтением Святого Евангелия, Апостола, Псалтири, жития преподобных Савватия и Зосимы и рукоделием. Пищи он мало принимал от братской трапезы, а особо для себя не готовил ничего. Снова слава об его святой жизни дошла до Петра Великого и, удостоверившись в бывшей на него клевете, царь снова пожелал приблизить его к себе, но Иов просил позволить ему остаться в обители. После этого, желая еще большого безмолвия, он переселился на жительство в Анзерский скит. Здесь с новым рвением предался он иноческим подвигам и вскоре, по смерти Анзерского строителя, был назначен настоятелем этого скита.

На новом поприще служения священноинок Иов умножил свои труды и подвиги. Братство при нем стало умножаться и в скором времени достигло числа 30-ти.

Всех вообще, и особенно новоначальных иноков, отец Иов поучал смиренному послушанию Богу и начальникам, считая послушание первою добродетелью, без которой не может быть спасения; заботился также о том, чтобы они постоянно были в труде; посещал больных, сам служил им, омывая и перевязывая их раны собственными руками, и недуги их нередко молитвою своею исцелял.

В 1710 году за строгую подвижническую жизнь удостоен был пострижения в схиму с именем Иисуса, Израильского вождя.

Нередко удалялся иеросхимонах Иисус в пустынные места ради безмолвия, и также часто ходил к пустынножителям для духовной беседы. Однажды, пребывая в келлие, предоставленной ему одним пустынножителем Паисием, жившим при горе, называемой Голгофою, он ночью долго читал псалмы и молился. Когда же, утомленный, он задремал, то увидел во сне — среди необыкновенного света, озарившего келлию, Божию Матерь и преподобного Елеазара Анзерского; Божия Матерь сказала ему, что на горе Голгофе будет устроена церковь Распятия Иисуса Христа, и учредится скит, и соберутся иноки для прославления имени Божиего...

Почувствовав радость от сновидения этого, принимая его как благословение Божие, старец Иов предпринял с этой минуты учреждение новой киновии на Голгофской горе. Он переселился на жительство на гору Голгофу и вскоре, с помощью учеников своих, основал Голгофо-Распятный скит на Анзерском острове. Скоро братии собралось тут до 20-ти человек; каждый из них должен был сам устроить келлию для

себя; пустынники же жили в уединенных местах под ведением схимника Иисуса и приходили в скит каждое воскресенье для присутствия при Божественной службе и для исповеди перед старцем. Тут жили все эти подвижники в подвигах духовных и в трудах телесных. Сам старец Иисус, в пример другим, нередко рубил дрова, носил на гору воду для поварни, в пекарне растворял тесто для хлеба. В келлие в свободное время он постоянно занимался рукоделием; вырученные за труд деньги употреблял на церковь, на нужды братии и на милостыню.

Так прошли годы, и старец стал чувствовать приближение смерти. Он сосредоточил тогда всю заботу свою на приготовлении к жизни загробной; смиренная душа его возбуждала себя к покаянию: «Душе моя, душе моя, восстань! Что спишь? Конец приближается, и должна смутиться...» Всю жизнь свою угождавший Богу трепетал, как бы не угодивший...

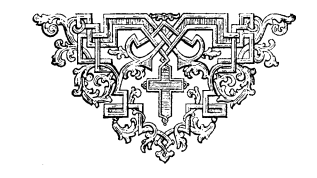
Между тем Господь, удостоивший его и прежде особенных откровений, не утаил от него теперь и времени его кончины. Задолго до смерти он сказал братии, что смерть его последует в воскресный день до восхода солнца. Так и сбылось. И в предсмертные минуты он весь исполнен был необыкновенной радости, которая доказывала, что он готов был перейти в вечность... И вечность наступила для него. Пожив на земле подобно Ангелу, бестрепетно отошел он продолжать свое ангельское житие перед лицом Живущего во свете неприступном...

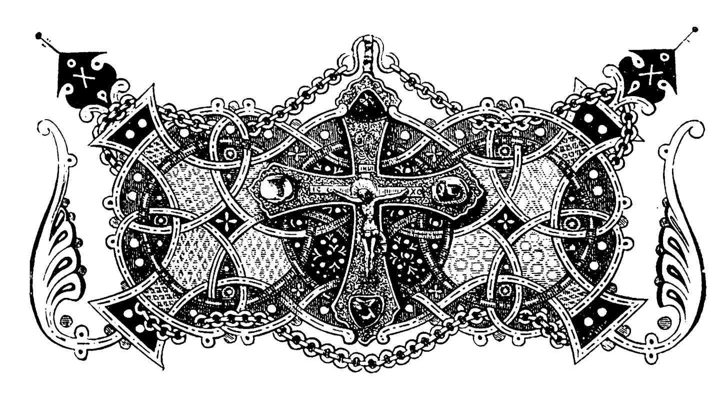
ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ святого мученика АВРААМИЯ БОЛГАРСКОГО

Память его — 1-го апреля. Русские купцы из Мурома, бывшие свидетелями мученической кончины святого Авраамия, погребли тело его в Болгарах (1229 г.), а в 1230 году перенесены были мощи святого во Владимир и положены в Княгинином монастыре (что ныне — Успенский девичий).

С честью встретил святые мощи великий князь Георгий Всеволодович — с духовенством и со всем городом, и до 1712 года покоились они в приделе Божией Матери в каменном гробе, в этом же году 11-го мая переложены в деревянную раку и перенесены в главный храм Успения. В 1805 году мощи мученика переложены из деревянной раки в новую серебряную.

Замечательно, что святого Авраамия считают покровителем детей, и родители, имеющие больных детей, приносят их к раке святого мученика и молятся об их выздоровлении. «Радуйся, болящих детей исцеление!» — говорится в акафисте святому Авраамию (икос 6), и в молитве к нему: «Веруем, преславный Чудотворец, яко ты силою Всемогущего Иисуса Христа через святые твои мощи... благосердно помогаешь немощным младенцам!»

День восьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ЛАЗАРЯ МУРМАНСКОГО

В 160 верстах от Петрозаводска к северу, в 60 от Пудожа к западу, на Онежском озере есть остров Мучь, или Мурманский. Здесь во второй половине XIV века подвизался преподобный Лазарь, проповедник святой веры для лопарей и строгий подвижник. Историю свою передал он в предсмертном завещании, написанном со слов его духовным другом его Феодосием. Вот это завещание[1].

«Я, грешный священноинок Лазарь, раб Владыки Христа моего, отходя из сей маловременной жизни в век неисходимый, к Страшному Судии, исповедуюсь пред Богом. Тебе, святой священноинок Феодосий, поручаю душу мою; вас, отцы и братия, собранное Богом стадо, молю усердно — помолитесь обо мне грешном, дабы вашими молитвами избавил меня Бог вечной муки.

Рожден и воспитан я в славном городе Риме новом (Константинополе). Там я принял на себя и иноческий образ, в Высокогорском монастыре, от руки отца нашего Афанасия Дискота. Этот Афанасий

[1] Завещание напечатано в: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. Но со списка весьма неисправно написанного, с ошибками и пропусками. Список Ундольского написан со старанием; но здесь текст завещания дополнен вставками, да и не все здесь завещание. Первую половину завещания помещаем по тексту Ундольского, вторую — по списку иерархии.

построил много монастырей и в добром настроении пас братию. Скажу и о том, как по воле Божией пришел я сюда[1].

Жил я в Кесарии у святого епископа Василия и провел у него в киновии 8 лет. Василий с молодости проходил постническую жизнь и соблюдал чистоту души и тела. Наедине говорил он мне: “Хочу я, друг, оставить епископию; помысел понуждает меня отправиться в Новгород, чтобы видеть святые места, поклониться образу святой Софии и принять приветствие от епископа Василия”. Я возбранял ему то и говорил, что не следует ему без откровения Божиего отваживаться на то. Он молился Богу об этом, и, когда заснул после утреннего пения, Ангел Божий показал ему собор святой Софии и все церкви Новгорода. Пробудясь от сна, он пришел ко мне и рассказал, как явился ему Ангел и показал все церкви города. Я удивился, и мы прославили Бога. Он заповедал мне никому не говорить о том. Написав послание к епископу Василию своею рукою и приготовив в почесть многие иконы и одеяния святительские, украшенные золотом, он заставил меня отправиться с посланием к епископу Василию в Новгород, чтобы описать образ святой Софии, и какие где стоят монастыри и церкви. По благословению святителя отправился я в путь, и помощью Божией, под покровом Святой Богородицы, мы сохранены были в пути. Когда помолился я в церкви образу святой Софии, то пришел к святителю за благословением. Увидев меня, он поклонился до земли, и я едва упросил его преподать мне благословение и вручил ему послание Кесарийского Василия. Святитель принял послание с уважением, как и чудотворные иконы и святительские одеяния.

[1] По списку «Истории Российской иерархии» следуют слова темные, едва понятные. Читаем их так: «Я грешный послан из Царьграда епископом Василием с извещением о белом клобуке и явлении Ангела, также и с тем, чтобы ознакомиться духовно с Василием епископом Новгородским». По списку Ундольского: «Патриарх Константинограда Филофей послал нас с епископом Евмением к Василию епископу Новгородскому с извещением о белом клобуке. Благополучно прибыв в Новгород, доставили мы владыке Василию все посланное с нами, белый клобук и послание. Он принял нас с великою честью, при стечении народа и с благодарностью к Богу. Спустя короткое время испросили мы отпуск. Святитель щедро одарил нас и с честью отпустил в Царьград. Молитвами святого епископа Василия мы спокойно совершили морской путь до Царьграда. Патр. Филофей рад был возвращению нашему». Но эта история о белом клобуке — сочинение позднее. Завещание говорит, что в Новгороде пробыл Лазарь до смерти епископа Василия († 1352 г.) четыре года. Следовательно, по распоряжению патр. Филофея был бы он в Новгороде не позже 1348 г., чего не могло быть. В 1348 г. патриархом был Исидор Бухира; а Филофей был тогда Ираклийским митрополитом и в первый раз был на патриаршей кафедре в 1353 г., т. е. уже по смерти Василия.

Он с удовольствием облачился в присланные ему одеяния, отслужил молебен и приказал мне жить с ним. По повелению Кесарийского Василия, списал я образ святой Софии и описал все церкви и монастыри, какие есть в городе. Получив послание епископа Василия, отправил я прежде себя с купцами, с которыми пришел в Новгород; Кесарийский епископ Василий писал в послании к Новгородскому Василию и обо мне, грешном. И вот после того, как с Василием Кесарийским прожил я много лет в киновии, с Василием Новгородским провел четыре года. Из писем узнал я, что духовный настоятель и учитель Кесарийский Василий отошел ко Господу в вечные жилища. А в 6860 году (1352 г.) пастырь и учитель Новгорода и Пскова, добропеснивая цевница, голубь Царя Небесного, епископ Василий оставляет епископию и летит в вечные обители ко Господу, Которому служил верно. Я, грешный, своими руками одел в готовые одеяния святое тело великого святителя Василия Новгородского и много пролил слез.

Престольник соборной церкви Софии, Моисей, святой и преподобный по жизни, показал великое благорасположение ко мне; он приказал мне пребывать с ним; но я жил по заповеди епископа Василия в устроенном им монастыре. Спустя немало времени по смерти Василия, нашла на меня печаль горькая, что лишался я обоих Василиев; я думал с собою: возвращусь я туда, откуда пришел; много молил я о том Господа, Пречистую Богородицу и великого между пророками Предтечу Иоанна. И вот, не долго после преставления своего является мне ночью святитель Василий, архиепископ великого Новгорода, и повелевает мне идти в северную сторону к морю; там, сказал он, есть большое озеро Онега, и назвал мне остров. Но я не внял сему явлению. Немного времени спустя явился мне другой Василий, епископ Кесарийский, и сказал: «Помни, Лазарь, что сказал тебе Василий великого Новгорода; иди на указанное тебе место; ты погребешь брата нашего Макария, митрополита Египетской страны; у тебя будет большая обитель, и ты соберешь много иноков». Тогда я, грешный, стал помышлять о святом месте, о котором сказали оба епископа, и за явление их прославил Бога от всей души. Я стал расспрашивать многих о том месте; мне говорили много, что то место очень удобно для устроения монастыря. Был в то время в Новгороде весьма уважаемый посадник Иван Захарович. Я пришел к нему и просил уступить мне остров, именуемый Мучь, чтоб соорудить там церковь и монастырь. На первый раз он пожалел острова и отказал мне в нем. Я стал приставать к нему, но он оскорбился

и не дал мне острова. Я остался в скорби и недоумевал, как мне быть. Я молился Богу, Пречистой Богородице и святому Предтече, и когда задремал, явился мне святой Василий с мудрым Николаем и, благословляя, сказал: "Не скорби, бедный Лазарь; получишь показанное тебе место, куда велел я тебе идти". Когда пробудился я и пришел к гробу святителя Василия, — долго плакал, лобызал гроб его, но, возвратясь в келлию, никому не сказал. Спустя малое время после того господин мой Василий, епископ Новгородский, явился Ивану в грозном виде и сказал: "Иван! приказываю тебе, — пусть остров Мучь на озере Мурманском будет отдан для устроения монастыря и для пребывания на нем другу нашему Лазарю; это — твое достояние; но здесь прославится имя Матери Божией". После сего явления властелин Иван призвал меня и сказал наедине: "Согласно с просьбою твоею иди на показанное тебе место, в мою отчизну, на остров Мучь озера Онеги". Иван даже уговаривал меня, чтобы немедля отправлялся в путь. Он рассказал мне, как явился ему ночью в грозном виде владыка Василий, епископ Новгородский. «Друг твой, епископ Василий, — говорил Иван, — явился мне в грозном виде и строго приказал отдать тебе для пребывания твоего остров Мучь. "На том острове, — говорил Василий, — будет великая обитель, соберется много иноков и прославится имя Пречистой Божией Матери". Услышав это, я радовался, пал к ногам его, потом, удалившись, благодарил Бога и угодника Его Василия. Но по внушению дьявола родители Ивана скорбели об острове. Иван призвал меня и говорит: "Отче, родители мои очень скорбят об острове; поставил меня пред ними и говорил, как являлся ему ночью в грозном виде епископ Василий и приказал дать сему иноку для устроения обители отчину прадедов наших остров Мучь на озере Онеге". Родители Ивана осыпали его бранью за остров. Много молил я, чтобы они уступили мне остров Мучь с озером Мурма. Они назначили цену. Я дал им в уплату за остров 100 гривен серебра и некоторые дорогие вещи. После того начал я выжидать времени отправиться на остров»[1].

Заметим при сем, что по летописям в первый раз новгородские отряды ходили против мурман в 1320 году; а в 1349 году был второй поход их и более сильный на Мурман[2]. Следовательно, и по летописям

[1] Остров Мучь подле восточного берега Онежского озера, в 60 верстах от Пудожа и в 70 от Вытегры.

[2] Собр. л. 4, 49. 59. Супрасл. л., стр. 48.70.

несомненно, что при блаженном епископе Василии сильно заботились о покорении Мурманской Чуди под власть христианскую. «Когда посадник Иван положил послать своих в Поморье собирать дань, — продолжает Лазарь, — я просил его, чтобы мог и я отправиться с ними. Он приказал взять меня на озеро Онегу. Возблагодарив Бога, пришел я к святителю Моисею и рассказал ему причины отшествия моего на остров. Святитель преподал мне наставление из Писания и предсказал мне, что со мною после случилось. Я поклонился ему до земли и со слезами принял благословение; отслужил молебен у гроба святителя Василия и лобызал гроб с плачем горьким. Потом пустился я в путь и, плывя по рекам и озерам, видел, по Давиду, пререкание на воде, много неприятностей; близки мы были к тому, чтобы утонуть, и едва достиг я места, где ныне видят церковь Божию. Эта святая церковь Успения Богородицы есть самая первая во всей Поморской стороне. А инок, братия, и прежде меня жил на острове; о нем сказано будет после. Скажу вам, братия, что я один пришел на это место; живущих никого не было на острове. Поставил я крест и малую хижину для покоя, а потом малую храмину, то есть часовню. Около озера Онеги жили лопь и чудь, страшные сыроедцы. Апостол сказал: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Много скорбей, биений, ран и досад претерпел я от этих зверообразных людей. Не раз били они меня, прогоняя с острова, и сожгли хижину мою. Страшные сыроедцы издавна привержены были бесовскому наущению и творили мечты; Святого Крещения не было у них. Они поселились близ меня с женами и детьми, делали мне пакости и говорили: оставь это место. Они хотели убить меня и тело мое обратить себе в пищу. Увы, мне, грешному! Много раз и оставлял я это место. Но Бог Спаситель мой не оставил меня и не попустил окаянным исполнить злые намерения. Он укрепил меня на пути спасения. Жестокие люди рвались от досады; много раз приходили днем и ночью на остров и высматривали, как бы убить меня; но сила Божия препятствовала им. Раз собрались они на остров. По промышлению Божию меня не было на том месте, куда пришли сыроедцы, — я был в отшельнической пещере моей, в горе, называемой Тетеревица, в версте от острова. Они, окаянные, много искали меня и не нашли, пылали яростью и волновались. Они надеялись найти сокровища и, не найдя ничего, предали огню хижину мою. Я все это видел издали и проливал слезы пред Господом. Зверообразные дикари, наконец, удалились с острова.

Скажу вам, братия, о чудном деле. Когда отошел я в отшельническую киновию, остался в хижине моей, которую сожгли, образ Пречистой Богородицы, благословение отца моего Афанасия Римского. И вот вспомнил я об этом образе, осмотрел пещеру и не нашел его. Он остался в хижине. Тогда пришло мне на ум: сгорел он в хижине, которую сожгли сыроедцы, и я с горьким плачем и рыданием, молясь, пошел к хижине своей. Я думал, не угодно Богу, чтобы была на этом месте обитель; недостойны того, нечисты труды мои пред Богом. Так стоял я и плакал на месте хижины сожженной; лучше бы мне сгореть или быть убитым людьми злыми, нежели лишиться образа Владычицы моей. Оглядываясь туда и сюда, увидел я издали, как луч солнечный, образ Владычицы Богородицы, стоящий у дерева и никем не поддерживаемый, в трех локтях от земли. С радостью побег я к образу Владычицы моей, пал пред иконою и молился долго со слезами. Тогда был глас от иконы: "Призрю на смиренные рабы и на это место; приказываю тебе, — поставь на сем месте церковь во имя Успения Богородицы". От сего гласа долго лежал я как бы мертвый на земле. Потом понемногу встал и пропел хвалебную песнь Богородице. Еще слышал я голос от иконы Богородичной: "Неверные люди будут верными, будет единая Церковь и единое стадо Христово". Икона спустилась на мои руки, я взял и облобызал ее и с радостью принес в отшельническую пещеру свою. С того времени возложил я упование на Творца моего и на Пречистую Богородицу.

Другое чудо поведаю вам, братия. Скрывался я у озера Мурма, в отшельнической куще моей, и ждал смерти от злых людей. Они искали убить меня или прогнать с сего острова. Я страдал в душе и воспоминал в сердце моем слова Господни: многие волны приражаются камням и разбиваются, бросают пену и ничего не могут сделать. Злые сыроедцы, как волки, рыскали по берегу озера Мурма; другие бродили, как псы по пустыне. От страха не выходил я из кущи моей долго и молился Богу, Пречистой Богородице, великому Предтече Иоанну, святителю Николаю и епископу Василию. Я пел Псалтирь с канонами. Издали смотрел я на место, куда прежде всего пришел, и вижу свет сияющий на острове; множество мужей благообразных ходят по острову и согласно, в ликах, поют. Посреди острова, там, где стояла икона на воздухе, вижу Жену святолепную, в свете несказанном, сияющую золотом: благообразные мужи поклонялись святолепной Жене, а Она благословляла место, где ныне стоит церковь Успения Богородицы. Радостью исполнился я от сего видения, со слезами пал я пред образом

Владыки Христа и Пречистой Матери Божией, долго молился и плакал. После молитвенного правила начал я петь утреню; а когда стало рассветать, пропел я псалом: *Блаженны непорочные в пути* (Пс. 118, 1). Придя на место, Богом показанное, поставил я чудотворный образ у дерева, где прежде стояла икона на воздухе. Помолился чудотворному образу и сказал: "Здесь — покой мой, здесь вселюсь и почию вовеки". Поставил крест и потом кущу[1].

Спустя недолгое время пришел ко мне старшина лопарей, неся в руках слепорожденное дитя, и сказал: "Исцели его, и мы уйдем с сего острова, как приказывают твои слуги". Я изумился этим словам. Но сотворил молитву к Господу Богу и Пречистой Матери Его, взял дитя, освятил его иерейскою молитвою, окропил святою водою и приложил к образу Владычному. И дитя прозрело. Человек тот с радостью ушел от меня, а я прославил Бога о таком чуде. Спустя немного времени человек тот приходит ко мне и приносит кое-что из имения и пищу. Я взял одну кожу оленью и кое-что из пищи и помолился за него. Он, кланяясь, говорил мне: "С тобою живут на острове слуги; они бьют палкою жен и детей наших и высылают с этого места". Он сказал мне еще, что слышат они звон на этом месте. Я отпустил его с миром и благодарил за все Бога. Вскоре лопари и самоядь Промыслом Божиим удалились к пределам океана. А помянутый старшина, живя на озере Рондо, впоследствии был монахом, и сыновья его крестились.

Тогда начали приходить ко мне из дальних мест и жить со мною; иные постригались и поставили деревянную церковь Воскресения друга Божия Лазаря. В Новгороде святителем был Моисей (1352–1360). Я пришел к нему за благословением. Святитель расспросил меня обо всем по порядку. И он дивился и похвалил место. Он дал мне антиминс, священные сосуды, довольно милостыни и преподал наставление, как хранить церковный чин и предание монастырское; вручил мне грамоту с благословением. Спросил я его о властелине Новгорода Иване, и он отвечал мне: "Отошел к Господу". Придя к сыну его Феодору, принят я был с любовью, и тот сказал: отец мой, отходя к Господу, приказал мне отдать тебе сто гривен, которые прежде взял с тебя за Мурманский остров. Я огорчился, думая, что хочет взять у меня остров. Он заметил мое смущение и сказал: "Есть у меня грамота отца моего к тебе об острове, на котором живешь ты". Когда немного времени спустя опять

---

[1] Здесь оканчивается список Ундольского, очевидно не полный.

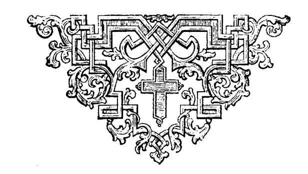
пришел я к нему, он по повелению отца своего выдал мне 100 гривен и много имения на устроение монастыря и выдал грамоту, писанную рукою отца его, такого содержания: “во имя Отца и Сына и Святого Духа. Дал я, посадник Славянского конца Иван Фомин, Пречистой Богородице, священнику Лазарю и его монахам часть своей земли и воды, по своей душе и по своих родителях, на озере Онеге остров Мучь со всею землею, озеро Мурманское и около озера речки и островки, в них воды, ловища, перевесища, чем владел я, по островкам покосы и поросшие земли и воды. Пусть владеют землею и водою чернецы Пречистой во все веки. Детям моим не вступаться, и властям не делать насилия, не отнимать ни земли, ни воды, пусть владеют по духовной и по купчей деда моего вовеки. Кто нарушит нашу грамоту, даст ответ Богу и Пречистой”. У сей духовной Иван Фомин приложил свинцовую печать с изображением Пречистой и Предвечного Младенца и с изображением креста на другой стороне.

Тогда ходил я к гробу святителя Василия, епископа великого Новгорода, и приложился к святому гробу его. Наконец был у епископа Моисея принять благословение на путь. Он благословил и отпустил меня с миром. Братия с радостью и любовью встретили меня и пели молебен. Я начал более прежнего заботиться о месте, освятил церковь Воскресения друга Божиего Лазаря, поставил келлии для иноков и огородил это место. Затем пришли ко мне иноки из Киева, старец Иона и старец Евфросин, и стали жить со мною. Они поставили прекрасную церковь Успения Богородицы. И я весьма рад был тому, укрепляясь в надежде на Бога и Пречистую Богородицу. Число учеников Христовых умножалось. Немало времени спустя пришел к нам старец Святой горы Феодосий, добродетельный по жизни, с веригами на теле. Он поставил на свой счет трапезу Иоанна. Слава об этом святом месте разнеслась, и приходили сюда из дальних мест, постригались в иночество и оставались жить с нами. Инок Феодосий, искусный в книжной мудрости, назвал монастырь Мурманским Успения Богородицы.

Я, грешный инок Лазарь, состарился старостью, и явился мне друг мой, великий господин Василий, епископ великого Новгорода, и объявил мне о кончине жизни моей. Возблагодарив Бога и епископа Василия за такое видение, призвал я братию и сказал: “Братия! Сами вы видите, что пришел конец жизни моей, да и сказано мне о конце. Выберите из среды вашей вождя и учителя Богоизбранному стаду своему”. Они единодушно в один голос сказали: “Не оставь нас, отче, сирыми; поставь

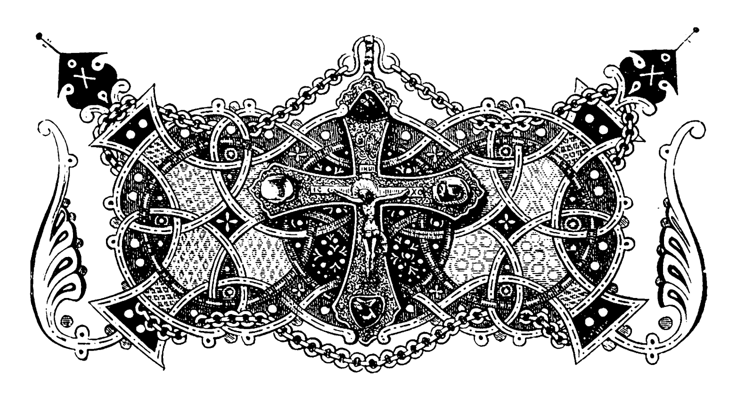
нам сам пастыря и учителя". Я благословил Феодосия Святой горы, чтобы был он по смерти моей старейшиною и учителем всей братии».

Тем оканчивается завещание преподобного Лазаря. Феодосий присовокупил к тому несколько слов о кончине преподобного. Святой авва Лазарь, причастившись Святых Таин, благословил братию и предал дух свой Господу. Братия погребли его за алтарем церкви Воскресения друга Божия Лазаря. Авва преставился марта 8-го 6898 (1391 г.); всех лет жизни его было 105[1]. Мощи его почивают под спудом в часовне, подле Успенской церкви давно закрытого Лазарева монастыря[2].

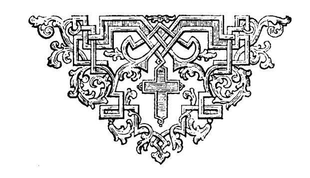
[1] «Преставился авва Лазарь в л. 6699 (1191) м. марта в 8 д.; а всех лет живота его 105». Так замечено в конце завещания Лазарева (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V). Но показание года кончины Лазаревой, без сомнения, ошибочное. Следовало написать: 6899 (1391) г. После того оказывается, что Лазарь прожил на острове 39 лет, а при смерти архиеп. Василия, в 1352 г., ему было 66 лет. Это сообразно и с рассказом его о своей жизни.

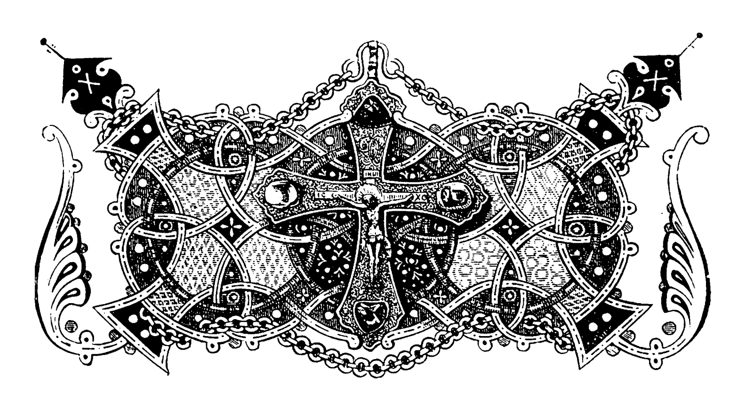
[2] По переписи 1582 г. в Мурманском монастыре дер. церковь Предтечи с трапезою, за монастырем храм св. Лазаря; храм Успенский и ограда сгорели; в монастыре игумен, два иеромонаха и 35 братов (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах). По переписи 1662 г. за Мурманским монастырем 34 двора (Записки Императорского русского археологического общества. Т. 2). *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

День одиннадцатый

Преподобного Софрония, затворника Печерского, спасавшегося в пещере, ежедневно прочитывавшего всю Псалтирь и до кончины не снимавшего с себя власяницы и железного пояса. Мощи его в Феодосиевых пещерах в Киевской Лавре.

День двенадцатый

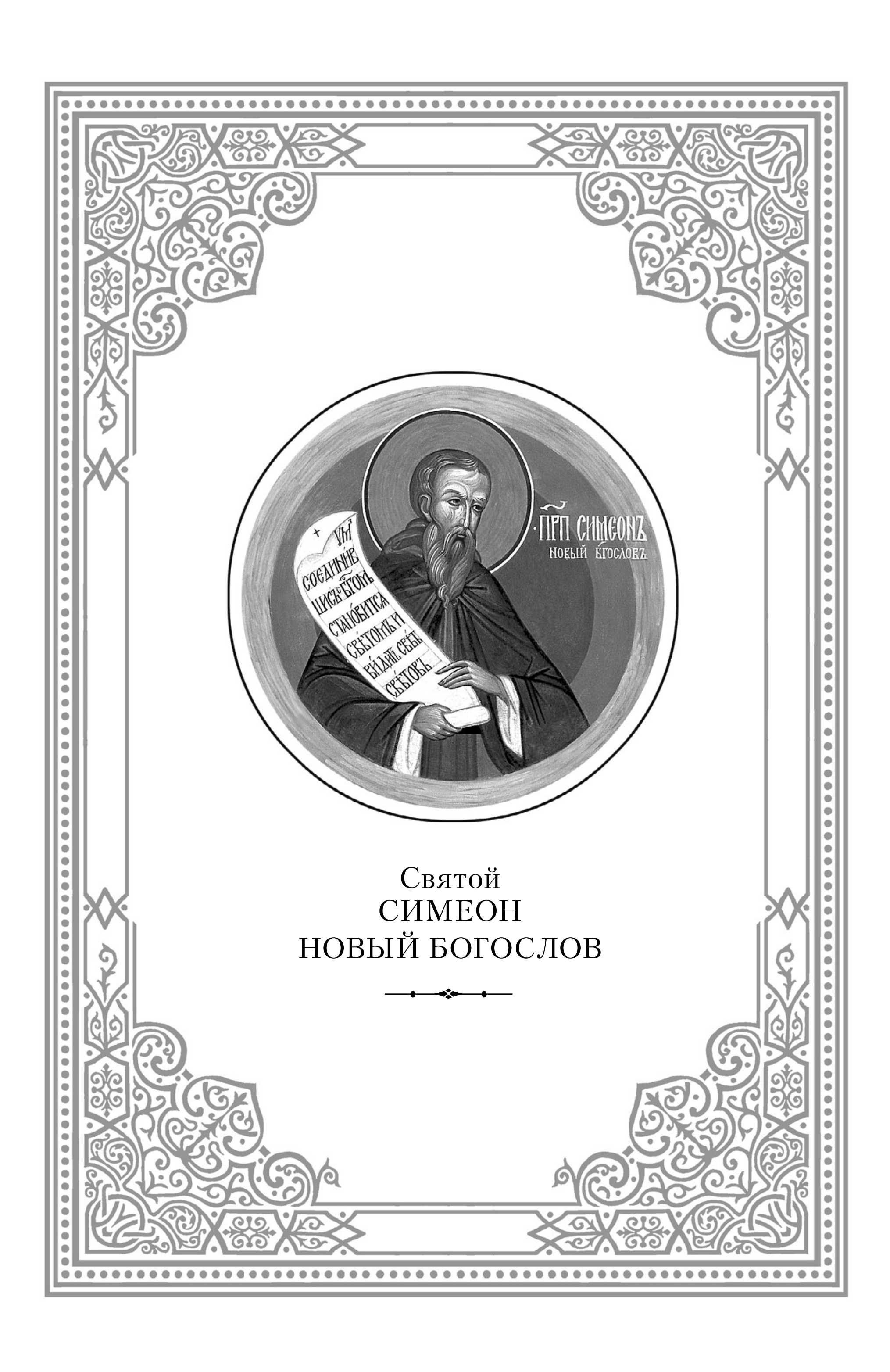
ПАМЯТЬ святого СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА

Жизнеописатель и ученик Симеона — Никита Стифат — говорит о своем учителе, что он был воспитан при Константинопольском дворе (во время царствования Василия и Константина), но когда умер его покровитель дядя-сенатор, то Симеон еще в молодых годах поступил в Студийскую обитель, где и предался строжайшему подвижничеству под руководством Симеона благочестивого. Потом, по совету Симеона же, он перешел в обитель святого Маманта[1], где по смерти настоятеля был посвящен в сан пресвитера и в звание игумена.

Симеон подвизался в священстве в продолжение 48-ми лет; удалившийся однажды по случаю возникших недоразумений, он с честью был возвращен в столицу, где ему даже был предложен сан митрополита, но он отказался принять его.

Множество мирян, желавших поучаться его замечательными наставлениями, привлекал Симеон Богослов в свою Мамантовскую обитель и мирно скончался в 1032-м году.

[1] Обитель св. Маманта Ксилоцирская находилась у городской стены Ксилоцирк (деревянный цирк) у городских ворот того же имени, почему Симеон называется игуменом обители Мамантовой у Ксилоцирка, иногда и просто Ксилоцирским.

Святой
СИМЕОН
НОВЫЙ БОГОСЛОВ

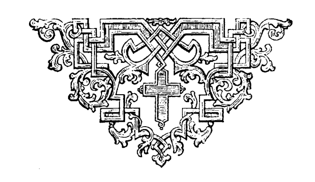
Об учительстве его говорит ученик и жизнеописатель его Никита Стифат: «Он не был для себя своим, но, по благодати Божией, усвоившей его себе, язык его был тростью скорописца, а ум — источником премудрости Божией, потому-то он богословствовал, хотя не знал наук, как возлюбленный ученик». Он оставил после себя много сочинений о духовной жизни. Главный предмет наставлений Симеона Нового Богослова — «Делание во Христе сокровенное». Он объясняет пути внутренней брани; обучает мерам совершенствования преимущественно духовным; заставляет подвизаться в особенности против духовных страстей, против помыслов и движений греховных. «Начальное наше падение, — говорит он, — совершилось от гордости, поэтому и должно смирять душу». Вот ответ Симеона современным совопросникам, восставшим против него как против нарушителя известного им условного порядка спасения: «Не верят и уверяют себя, что быть не может, чтобы человек совсем был чист от похотей и пороков, чтобы принял в себя Утешителя существенно. Против своего собственного спасения говорят и поступают, заключают для самих себя двери Царствия Небесного и запрещают прочим, которые хотели бы войти. Если слышат о ком-либо, что он законно подвизался и чист от возмутительных страстей, проповедует перед всеми чудеса Божии, которые сделал в нем Бог по неложным обетованиям Своим... перестань, говорят, ты, обольщенный и гордый! Кто таков, каковыми были отцы? Кто видел или может видеть Бога? Кто принял в таком обилии Духа, чтобы удостоился через Него видеть Отца и Сына? Да, из вас, точно, никто, как сами говорите вы. Но из тех, которые решились нести крест, идти тесным путем, готовы погубить душу свою для Жизни Вечной, — те и очень многие видели Бога, и очень многие, как думаю, и теперь видят, увидит и каждый, кто только захочет». — «Говорят: прельстился он; ибо кто говорит, что не грешит, тот слеп и не видит. Правда, но тот, кто имеет Бога, не может грешить, ибо семя Его в нем пребывает, как сказал Иоанн Богоразумнейший, гром апостолов».

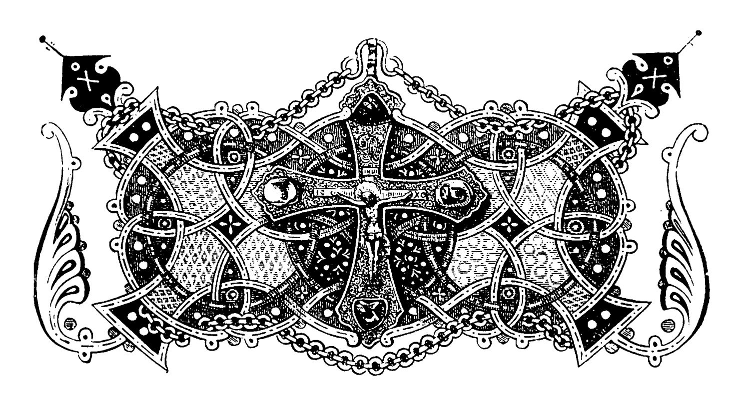
Хотя такое высокое состояние души и представляется достижимым по разумению Симеона, но он же указывает и на те чрезвычайные подготовительные подвиги, которыми оно только может быть достигнуто: «прежде сетования и слез пусть не обольщают нас пустыми словами, и не будем сами обманывать себя в успехе благочестия... Без слез не смягчится жестокость сердца нашего, душа не снищет духовного смирения, не в силах будем сделаться смиренными, а кто так не устроил себя, тот не может соединиться с Духом Святым...»

Сочинениями Симеона Богослова нередко свидетельствуется преподобный Нил Сорский: «Яко же Симеон Новый Богослов повелевает...», «Якоже рече святой Симеон...». Преподобный Иосиф Волоколамский также делал выписки из сочинений Нового Богослова — в сборнике своем он поместил до 15-ти его слов.

В славянских молитвенниках читается Симеонова молитва перед приобщением Святых Таин. Одна читается и в греческих под названием: «Симеона Нового Богослова благочестивое испытание о Святом Причащении».

«Новым» он называется потому, что он преподавал такие глубокие тайны внутреннего подвижничества, о каких давно не слыхали...

День тринадцатый

ПАМЯТЬ святого мученика АЛЕКСАНДРА пресвитера

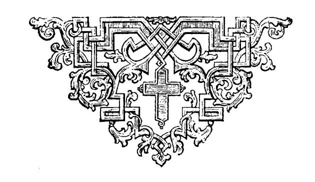
Александр святой был пресвитером в городе Пидне (ныне Китрос, в 30 верстах от Солуни). Сияя благочестием, он проповедью и жизнью обратил многих от идолослужения ко Христу. Во время гонения император Максимиан, бывши там, потребовал от Александра принести жертву идолам, но Александр опрокинул стол с жертвами и попрал ногами статуйку языческого бога. Разгневанный царь приказал обезглавить его, но позволил жителям Солуни взять и похоронить тело мученика.

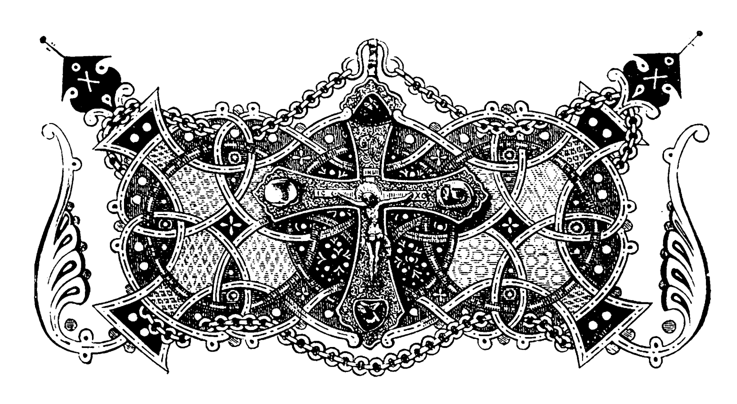
ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕСТЬ МОЛДАВСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Эта святая икона находится в Гербовецком Успенском монастыре, в Бессарабской губернии. Прославилась в 1793 году. На иконе изобра-

жается Богоматерь с Младенцем Иисусом, Который сидит на правой руке Ее и держит Свою руку у Своей главы.

Перенесение мощей Константинопольского патриарха Никифора. Перенесены из Приконниса (ныне остров Мармара) в Константинополь чрез 19 лет по преставлении, в 846 году. Память его 2 июня.

День четырнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ благоверного великого князя РОСТИСЛАВА-МИХАИЛА МСТИСЛАВИЧА

Сын святого отца, великого Мстислава, и внук благочестивого Мономаха, князь Ростислав, в крещении Михаил, записан в древних святцах с именем святого князя[1]. В молодых годах отличался он подвигами мужества в боях. Во время борьбы брата его великого князя Изяслава с Ольговичами и Юрием во многих случаях показал он храбрость бестрепетную, но вместе старался тушить вражду князей любовью уступчивою. Получив (в 1127 г.) в удел Смоленск, он от всей души старался устроить счастье подданных, возбуждал и питал благочестие в них. Каменный храм в честь святых князей Бориса и Глеба, построенный (1145 г.) на месте мученической кончины последнего, на Смядыне, и в Смоленске Петропавловский, — памятники благочестивого родоначальника князей Смоленских. Петропавловский храм, несмотря на все перевороты времени, особенно страшные для Смоленска в 1612 году и 1812 году, уцелел поныне без повреждения[2]. Особенно открытие епи-

[1] Ркп. описание святых Киева: «святой, благоверный, великий князь Ростислав Мстиславич преставился в л. 6674 мес. марта в 14 день».

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Материалы для статистики Российской империи.

скопской кафедры в Смоленске (1137 г.) при новом храме Богородицы потребовало от князя Ростислава многих нелегких пожертвований. Сохранившаяся грамота его показывает, с какими расположениями и с какими пожертвованиями князь открывал кафедру в Смоленске.

«Бог, Пресвятая Богородица и молитвы отца моего, — писал благочестивый князь, — благословили, и посоветовав с народом моим, установил я епископа в Смоленске. Это учинилось по воле святого отца моего, который хотел сделать это при жизни своей. Здесь доселе не бывало епископии. Но я, недостойный и грешный, в свое княжение, что дал мне Бог и молитва отца, устанавливаю епископию и средства, чтобы мог жить епископ с клиром своим. Вот даю Святой Богородице и епископу десятину из всех Смоленских даней, что в них приходит истых кун, за исключением продажи, виры и полюдного сбора». Затем показывается, сколько дани шло с того или другого места князю, и определяется десятая доля епископу; — в сложности выходило для епископа 178 гривен или фунтов серебра. «И вот еще даю Святой Богородице и епископу, — продолжает князь, — в Торопце десятину из рыб, какие идут ко мне; и вообще какая ни есть в Смоленской области дань, малая или великая, десятину давать святой Богородице без всякой отговорки». Указав еще на два села с их жителями и на земли, жалуемые кафедре, князь говорит: «И еще даю на освящение Святой Богородице из своего двора восемь капий воска... Вот мое усердие к Святой Богородице! По повелению святого отца моего, что мог, то даю. Тяжб епископских не судить никому, их судит сам епископ. Первая тяжба — развод; другая, если кто живет с двумя женами; третья, если вступят в брак не по закону; четвертая, если кто похитит девушку; за это, что возьмет князь, половина того епископу; пятая, если похитят женщину, за что пеня епископу; шестая, отрава зельем и душегубством; седьмая, если подерутся две женщины; восьмая, если церковный человек провинится в чем-либо; девятая, если кто из церковных людей будет убит, но церкви не сделается зла. Я князь Ростислав с епископом Мануилом, так как поручен мне Смоленск Богом, по молитве деда и отца, установил епископию и постановляю правила. Если будет тяжба или продажа епископская, до того дела нет ни князю, ни посаднику, ни тиуну и никому другому во всей Смоленской области. По милости Божией и молитвами Богородицы ныне дани полные, а впредь что Бог устроит. Если по Божиему устроению оскудеет какая-либо дань или по случаю войны или по другой причине; то, что получится дани, из того десятая

часть Святой Богородице. Пусть не переменяет сего никто после меня, ни князь, ни народ... Если кто по страсти причислит сию епископию опять к Переяславской епископии и, преступая слово святого митрополита Русского Михаила, уничтожит Смоленскую епископию: то князь возьмет свое, что назначил он для епископа Святой Богородицы, — так как нарушится тогда воля отца моего Мстислава, митрополита Русского Михаила». Грамота дана в сентябре 1150 года[1]. *Воздайте славу Господу Богу вашему, доколе Он еще не навел темноты* (Иер. 13, 16), учит пророк Божий. Блаженный князь Ростислав поступал по учению откровения Божиего. За счастье земное благодарил Господа и блага земные употреблял во славу имени Божиего; для него прежде всего и выше всего была слава Божия. В 1154 году призван он был на великое княжение Киевское. Когда умер дядя Вячеслав, он роздал все имение его заведениям богоугодным; «созвав мужей отца своего, тиунов, ключников, приказал им принести все имение Вячеслава — одежду, золото, серебро, и начал раздавать монастырям, церквам, темницам и нищим»; себе оставил из наследства один крест покойного. Лишась в том же году Киевского престола и едва не потеряв жизни в сражении, он возвратился в Смоленск[2]. В 1158 году князья снова призвали его на великое княжение, и киевляне (1159 г.) приняли его с восторгом. Первым делом его было теперь заключить союз любви с Черниговским князем Святославом, с юных лет неприязненным ему. Суздальский князь Андрей выгнал сына его из Новгорода, и Ростислав перенес обиду великодушно. Злобный князь Изяслав Данилович с хищными половцами то там, то здесь разорял южную Россию, наконец, ворвался в Киев; добрый Ростислав удалился в Вышгород; неприятель преследовал и тут Ростислава, но нашел себе смерть; Ростислав не мстил неверным союзникам своим. С таким же великодушием простил он Мстислава Волынского, оскорблявшего его не раз своеволиями. Оставаясь с полным уважением к патриарху, он заставил, однако, Константинопольский собор принять за правило не посылать в Россию митрополита помимо ее желаний. Заботясь об общем благе, склонил всех князей содействовать безопасной торговле русских с Грецией[3]. В 1168 году, несмотря на старость свою, от-

---

[1] Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 4. О построении храма см.: *Востоков А.* Описание Румянцевского музеума.

[2] Собр. л. 2, 75–77. 3, 11, 1, 146–148. 4, 60–63.

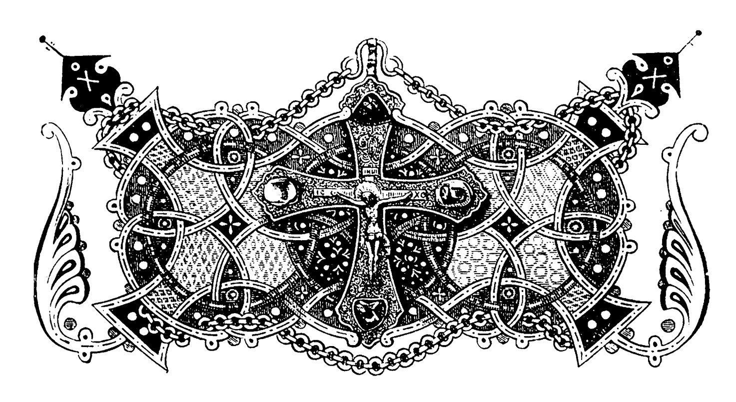
[3] Собр. л. 2, 81–86. 7, 72–76.

правился он в Новгород, чтобы утвердить там сына своего Святослава. На дороге смоленские послы встретили его за 300 верст от Смоленска; потом жители всех сословий приняли его с подарками: так любили добродетельного старца-князя в Смоленске. В Великих Луках взял он клятву с послов новгородских забыть неудовольствия на сына его и разлучиться с ним одною смертью. Больным прибыл он на возвратном пути в Смоленск. Сестра и сын уговаривали его остаться в Смоленске, чтобы быть погребенным в храме, им созданном. «Везите меня в Киев, — отвечал он. — Если умру на дороге, положите меня в отчем монастыре у святого Феодора; если Бог исцелит меня, молитвами Пречистой Своей Матери и святого Феодосия, постригусь в Печерском монастыре». Князь Ростислав, окруженный счастьем, не пленялся ничем земным. Никогда не искал он власти, а только принимал ее, когда вручали, и притом как тяжесть. Незлобие его прощало все другим; он помнил о своих грехах, о своих долгах пред Богом и забывал о том, чем должны ему другие. Он постоянно заботился о том, как угодить Господу. Часто говорил он Печерскому игумену, особенно по смерти Святослава Черниговского: «Приготовь мне келлию, боюсь смерти неожидаемой». Во время Великого поста, по субботам и воскресным дням, приглашал он к своей трапезе игумена с 12 избранными старцами и беседовал с ними о душевном спасении; а в каждое воскресенье поста приобщался Святых Таин. Ему очень хотелось уклониться от сует жизни в Печерскую обитель, не раз говорил он о том Печерскому игумену. Игумен останавливал его, указывая на то, что дело князя ограждать покой людей правосудием и мечом, и наконец предложил ему предоставить себя воле Божией. Блаженный князь скончался на пути в Киев, с тихою молитвою на устах. «Ныне отпусти раба Своего, Владыка, по глаголу Твоему с миром», — это были последние слова, и слезы остановились на застывшем лице его. Праведник почил 14 марта 1168 года. Тело его похоронено было в Киевском Феодоровском монастыре 27 числа[1].

Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью (Еф. 4, 1–2).

---

[1] Собр. л. 2, 86–95. 5, 161.162. 7, 79–80; Книга степенная. Ч. 1.

День пятнадцатый

ПАМЯТЬ святого новомученика ЭММАНУИЛА (Мануила)

Мануил родился на острове Крите в Сфаках. В детстве он был захвачен турками и насильственно обращен в ислам, но, успев убежать и скрыться на острове Миконе, юноша рассказал священнику о своем невольном отступлении и, по исполнении наложенной на него епитимии, был снова введен в Церковь Христову.

Придя в возраст, Мануил женился и, имея уже шестерых детей, должен был с ними уйти от недостойной жены своей, не желая, впрочем, судиться с нею — во избежание гласного позора матери своих детей. Несмотря на такой мирный исход дела, брат оставленной виноватой женщины захотел и поклялся отмстить ее мужу. Случай к отмщению представился. Однажды этот несправедливый и злой человек, находясь в числе служителей на одном военном корабле, который наблюдал за судами в Архипелаге и Мраморном море, узнал на одном судне, плывшем с дровами с острова Самоса на остров Микон и подошедшем к кораблю для осмотра, недруга своего Мануила. Он сейчас же указал на него своему капитану и донес, что Мануил был турком, а теперь выдает себя за христианина.

Рассказав в ответ на допрос, сделанный ему, свою настоящую историю и подтвердив, что он — христианин, Мануил был задержан на корабле, шедшем в Хиос, и подвергся на пути всяким истязаниям

от турецких солдат. Зная, что его ожидает, он умолял одного христианина, бывшего на корабле, привести к нему с берега во время остановки священника для напутствования его Святыми Тайнами.

Но такой страх внушали в это время турки, что никто не осмелился прийти на корабль, и только один священник отозвался через посланного несчастному несколькими словами ободрения и утешения. Выслушав их, Мануил сказал: «И я так же думаю: сегодня или завтра нужно умереть; таков уж закон природы! Лучше уже сегодня умереть за веру и тем спасти душу, нежели завтра и — погубить ее».

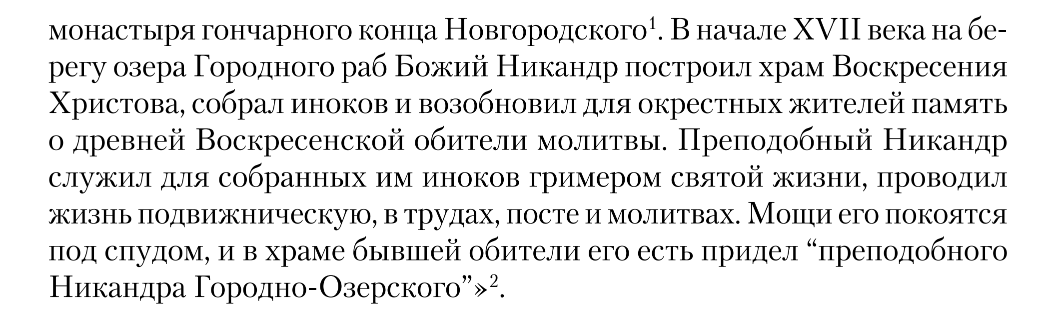
Когда корабль пришел в Хиос, то Мануил был представлен на суд к капитану-паше. Тот, узнав, что Мануил возвратился к христианской вере, немедленно приказал отрубить ему голову.

«Слава Тебе, Боже!» — воскликнул только на это призванный Господом новый мученик, в радостном ожидании смерти. Но тут произошло что-то странное: палач, подойдя к осужденному, почувствовал такой страх и трепет, что бросил свой меч и бежал... Турки смутились... Мануил продолжал молиться... Тогда один «пашийский чауш» выхватил свой ятаган и нанес им несколько ударов в шею страдальца: не успев его обезглавить, он опрокинул его на землю, схватил за голову и отрезал ее... На другой день христиане собрались почтить святые останки убиенного, но правитель города, узнав об этом, приказал привязать тяжелые камни к телу мученика и бросить его в море... Это происходило в 1772 году[1].

ПАМЯТЬ
преподобного
НИКАНДРА ГОРОДНЕНСКОГО

В Городненском погосте, при озере Городном, что в Валдайском уезде, по переписи 1581 года волость Лещуновская «была Воскресенского

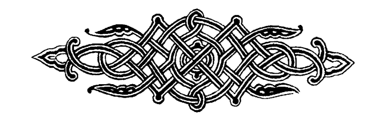
[1] См.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке, со времени завоевании Константинополя турками. СПб, 1862.

монастыря гончарного конца Новгородского[1]. В начале XVII века на берегу озера Городного раб Божий Никандр построил храм Воскресения Христова, собрал иноков и возобновил для окрестных жителей память о древней Воскресенской обители молитвы. Преподобный Никандр служил для собранных им иноков гримером святой жизни, проводил жизнь подвижническую, в трудах, посте и молитвах. Мощи его покоятся под спудом, и в храме бывшей обители его есть придел “преподобного Никандра Городно-Озерского”»[2].

ПАМЯТЬ святого мученика НИКАНДРА епископа

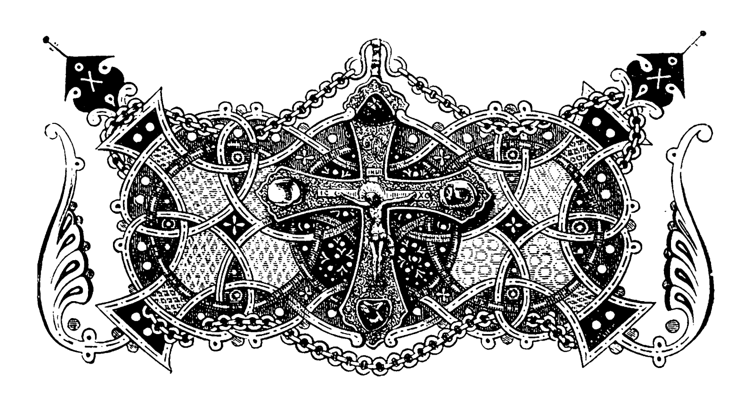
Врача, посещавшего и лечившего узников за веру Христову в темницах и предававшего погребению бесчестно брошенные тела замученных христиан, за что после мук и был обезглавлен во время гонения Диоклитианова, в 302 году.

---

[1] *Неволин К.А.* О пятинах и погостах.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь святых.

День шестнадцатый

ПАМЯТЬ святых мучеников САВИНА и ПАПЫ

Савин был один из начальных граждан Ермополя, что в Египте. Во время гонения Диоклитианова, скрываясь от сыщиков, удалился из Ермополя в некую пустынную деревню. Нищий же некто, питаемый им, услышав, что Савина ищут, пришел к идолослужителям и за две золотые монеты уговорился довести их до убежища Савинова. Так был схвачен блаженный и, после пыток сперва в Ермополе, потом в Антинополе, утоплен в реке Ниле с другими шестью христианами.

Папа же святой пострадал около 305 года в Селевкии Исаврийской.

ПАМЯТЬ святого апостола АРИСТОВУЛА, епископа Вританийского, одного из 70-ти апостолов Христовых

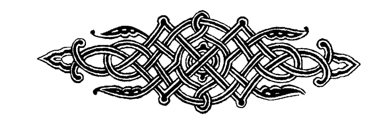
Жил в I веке. Апостол Аристовул, родом из Кипра, брат святого апостола Варнавы, был поставлен в епископы святым апостолом

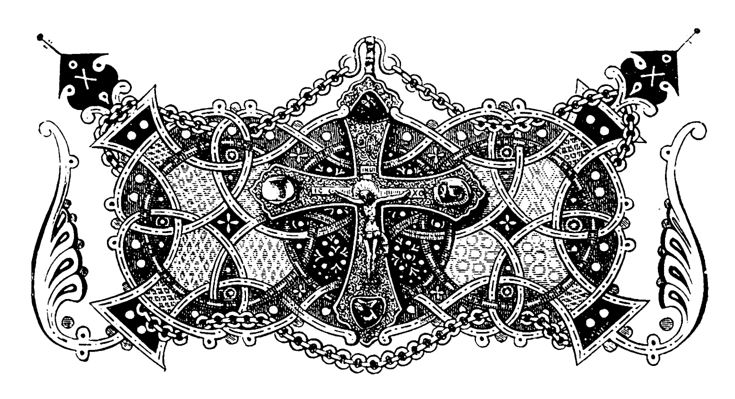
Павлом. Он проповедовал в Британии, нынешней Англии, почему и называется Вританийским или Британским. Много потрудился он, проповедуя язычникам, много и пострадал от них, и мирно скончался в Британии. О нем упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам: *Приветствуйте верных из дома Аристовула* (Рим. 16, 10).

Память его еще — 31-го октября с другими пятью из 70-ти апостолов: Стахием, Амплием, Урбаном, Наркиссом и Апеллием, и — 4-го января, в соборе 70-ти апостолов.

ПАМЯТЬ преподобного ХРИСТОДУЛА ПАТМОССКОГО

Уроженец Никеи, сперва был монахом на горе Латре в Вифинии, потом игуменом обители на острове Косе. В 1089 году он упросил императора Алексея Комнина отдать его обители пустынный тогда (от сарацинских набегов) остров Патмос взамен имений на острове Косе и на берегу Карии, и устроил тут монастырь на горе близ пещеры, в которой, по преданию, святой апостол Иоанн Богослов написал «Апокалипсис». В 1110 году бежал с учениками своими на остров Евбею, по причине набегов морских разбойников, и скончался там в следующем году. Ученики перенесли обратно мощи преподобного, которые и доныне покоятся в его обители.

День девятнадцатый

ПАМЯТЬ праведной великой княгини МАРИИ

Супруга великого князя Всеволода III, прославившаяся благочестием и мудростью. В летописях называется она Российскою Еленою — второю Ольгою. Мать многочисленного семейства, заботившаяся о христианском воспитании детей своих, после рождения одиннадцатого из них тяжко заболела, и болезнь свою, продолжавшуюся несколько лет, переносила «с терпением Иова». Летописец передает трогательные наставления, которыми поучала она детей своих, лежа на смертном одре[1]. Во время ее болезни заложена была во Владимире по ее желанию и с помощью ее пожертвования каменная церковь в честь Успения Божией Матери и при ней устроена была женская обитель — Новодевичья. Почувствовав приближение смерти, великая княгиня Мария Шварновна (дочь Чешского князя Шварна) пожелала принять иноческое пострижение, но иночество ее (под) именем Марфы продолжалось недолго: от 2-го до 19-го марта 1206 года. В этот же день она скончалась и была горько оплакиваема не только своими близкими, но и всем народом. Тело ее было погребено в созданной ею Успенской обители. Память о ней до сих пор чтится в народе; многие не только из жителей города Владимира, но и из окрестных сел и городов нередко желают совершать над ее гробницею панихиды и литии.

[1] Полное собрание русских летописей. Т. 1; Книга степенная. Ч. 1.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИННОКЕНТИЯ

Преподобный Иннокентий, сын боярина Охлебинина и родственник князей Хворостининых[1], принял иночество в обители Кирилла Белоезерского, потом вместе с наставником своим преподобным Нилом Сорским долго странствовал на востоке и несколько времени жил на Афоне. С востока возвращался он в Белоезерский монастырь, но недолго пробыл здесь; он последовал за преподобным Нилом на реку Сору и здесь несколько времени жил с ним. Прозорливый старец, видя, что ученик его созрел для того, чтобы быть наставником для других и при том в жизни не той, которую сам решился проводить, сказал Иннокентию: «Иди на Нурму: там будет у тебя общежитие, а у меня здесь братия должны жить по одному в келлиях». Послушный ученик, погрузившись в глубину Комельского леса, избрал себе место на реке Еде, в 10 верстах от Нурмы и в 70 от Вологды; здесь (с 1491 г.) недолго жил он один, вскоре собралось к нему духовное стадо, и он построил храм во имя Ангела пустыни святого Предтечи, основал общежительный монастырь. Пред кончиною своею написал он духовное завещание братии. «Вот я убогий инок Иннокентий, — так говорил раб Божий, — написал это завещание для тех, кому Бог повелит жить в нашей пустыне.

Прежде всего, молю вас, Господа ради, поминайте меня, грешного, во святых молитвах ваших; об этом кланяюсь до земли вам, отцы и братия. Завещаю и то, чтобы не было между вами никакой ссоры, а была бы любовь во Христе и мир духовный. Юных и безбородых иноков не принимать, также как не постригать здесь таковых; слуг молодых безбородых не держать. Пиянственного пития отнюдь не следует нам иметь. О том, как в пустыни нашей должно быть на молитве, как питаться, когда выходить на рукоделие и работу, — обо всем подобном установлено в писании господина учителя моего старца Нила. Там найдете все благоугодное Богу»[2].

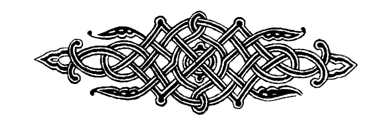
---

1 Ркп. житие прп. Иннокентия у Царского № 134. 274.

2 *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV.

Преподобный Иннокентий скончался 19 марта 1521 года[1]. Обитель его опустошена была татарами в 1538 году, и три ученика его запечатлели тогда подвиги кровью. Татары «нечаянно пришли в Иннокентиеву пустынь, сожгли церковь великого Предтечи Иоанна и келлии, убили трех старцев, многих христиан той пустыни предали мечу, а иных взяли в плен; некоторые убежали от рук их и, нося на себе множество ран, пришли в обитель преподобного Павла». Так говорит современник[2]. Наружный вид преподобного Иннокентия: роста среднего, борода нераздвоившаяся и с легкою сединкою. Мощи почивают под спудом в каменном Благовещенском храме обители его, закрытой в 1764 году[3].

Преподобной Софии, Слуцкой княжны, скончавшейся в 1617 году, местночтимой в Минской епархии. Мощи ее открыто почивают в Слуцком Троицком монастыре[4].

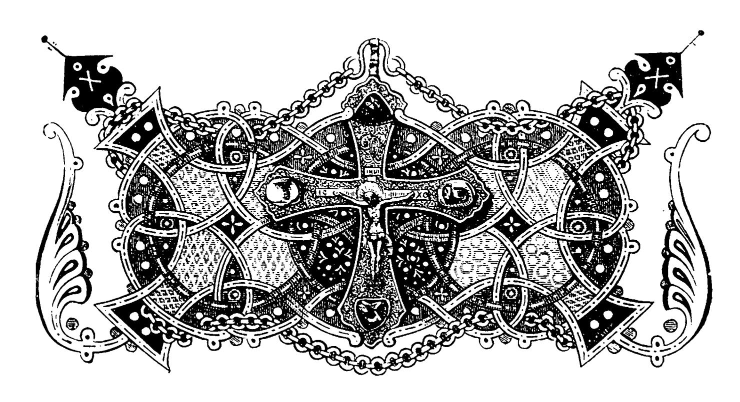

[1] Ркп. святцы: «прп. Иннокентий, игумен Предтеченского монастыря, — был на р. Еде; преставился в л. 6999 (1491) мес. марта в 19 д.» То же в записке Евгения о Вологодской епархии. Почему в Словаре святых сказано, что прп. Иннокентий преставился 1 мар., — не показано. Но год кончины вернее в Отенских святцах: «преставился в л. 7029 (1521) мар. в 18 д.». Это — сообразно с годом кончины наставника его прп. Нила (1508 г.). См. апр. 7.

[2] Ркп. житие прп. Павла.

[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. По переписи 1652 г. за Иннокентиевым монастырем 130 дворов.

[4] См.: «Минские епархиальные Ведомости» 1872 г. № 47.

День двадцатый

СТРАДАНИЕ преподобного ЕВФРОСИНА СИНОЗЕРСКОГО.

Преподобный Евфросин, в мире Ефрем[1], родившийся в Карельском краю, близ озера Нево (Ладожского), юные лета провел в Валаамской обители. Потом долго был причетником в селе Долосском Бежецкой пятины, в 30 верстах от Устюжны железнопольской. Достигнув зрелого возраста, почувствовал он сильное желание подвизаться иночески. Он вышел из дома, не взяв с собою ничего, и в большом Тихвинском монастыре принял монашество. С усердием искренним выполнял он здесь поручавшиеся ему послушания. Соскучив многолюдством посещавших обитель, в 1600 году по благословению игумена оставил он Тихвинский монастырь, чтобы жить в пустынном уединении. В 15 верстах от села Долосского и в 50 от Устюжны, в лесу, между топями и болотами, на берегу Синичьего озера нашел он желаемое место для уединения. Здесь поставил он крест и выкопал себе пещеру, а через год поставил келлию; но в оба года не видал куска хлеба, питаясь только растениями пустыни. В такой дикой глуши найден он был нечаянно; но когда прошла молва о новом пустыннике Синичьего озера, стали приходить

[1] Ркп. житие прп. Евфросина.

к нему с желанием слушать наставления его, иные же остались и жить при нем. Для собравшихся учеников надобно было построить храм, и Евфросин вместе с ними построил храм Благовещения Богоматери, который освящен был Гурием, игуменом Шалицким, чтимым поныне по жизни строгой[1]. Преподобный усердно подвизался для благочестия, усердно вел и других путем спасения. И ему суждено было увенчаться смертью невинного страдальца.

Когда иезуиты отыскали для России нового самозванца — жида, ватаги ляхов в 1612 году проникли в округ Устюжны для грабежа и разбоя[2]. Православные, дорожа особенно святою верою, спешили скрываться в глубоких лесах. Тогда пустыня Евфросинова послужила убежищем для них из окрестных мест. Марта 19 (1612 г.) преподобный объявил в слух всех, что скоро придут враги святой веры и в его пустынь. Он советовал бежать, кто куда может; о себе же сказал, что он должен остаться здесь по обету. Инок Иона в страхе хотел бежать вместе с другими. «Зачем допускать в душу страх малодушия? — говорил ему преподобный. — Когда настает брань, тогда-то и нужно мужество. Мы дали обет жить и умереть в пустыни. Надобно быть верными слову, данному пред Господом. В таком случае смерть вводит в покой. Другое дело — мирские люди: они не связаны словом и им надобно беречь себя и для детей». Укрепленный словами преподобного, Иона остался со святым старцем. В следующий день поляки явились в Евфросинову пустынь. Преподобный в схиме молился у креста, который поставил он, как только пришел сюда. Наглые грабители потребовали у Евфросина монастырских сокровищ. Пустынник указал на храм Богоматери как единственное сокровище пустынника. Тогда один из кровопивцев ударил по шее преподобного и рассек ему голову. Старец упал полумертвым. Поляки ворвались в храм Божий, но в нем ничего не нашли и возвратились к своей жертве. Один ударил чеканом по голове Евфросина и разбил череп до самого мозга. Новый страдалец предал душу свою в руки Господу. С ним вместе убит был и инок Иона. В 8 день после кончины святого старца собравшиеся православные похоронили

---

[1] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[2] Писали: «во дни ц. Бориса расстрига навел на Русь полчища Поляков.... мар. 19 1612 г. блаженный советовал всем бежать». Но в 1612 г. и Борис, и расстрига уже лежали на земле. Вероятно, в Евфросинову пустынь явилась ватага разбойника Лисовского (*Арцыбашев Н.С.* Повествование о России: В 3 т. М., 1838–1843. Т. III (далее — *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. — *Ред.*).

страдальческое тело его у креста; с ним вместе похоронен был и ученик его Иона. Преподобный Евфросин был роста среднего, с широкими плечами и мужественною грудью; русые волосы его украшены были сединами; борода — продолговатая и раздвоенная на конце. Так пересказал страдальческую кончину преподобного Евфросина Долосский житель Иоанн, сам пострадавший тогда же от поляков. В 1653 году по благословению Новгородского митрополита Макария мощи преподобного Евфросина перенесены были под колокольню Благовещенской церкви, тогда монастырской, а ныне приходской Синозерского погоста[1].

ПАМЯТЬ святого новомученика МИРОНА КРИТСКОГО

Со времени бедствий от мусульман в Палестине прошло более тысячелетия, — но и все изменяющее время не изменило фанатической вражды их к христианам, и поныне приносятся в жертву ей чистейшие сосуды духа Христова. Вот и еще величественное в своей простоте сказание о юноше, пострадавшем от турок в 1793 году (на острове Крите или Кандии).

Скромный, трудолюбивый (портной по ремеслу), благонравный и благообразный юноша Мирон — такими свойствами своими привлек на себя корыстное внимание турок, и они пожелали обратить его в ислам. Но, видя, что юноша не поддается их заманчивому влиянию, они его оклеветали и предали суду. Судья предложил Мирону — ради того, чтобы избавиться ему от кары за взведенное на него преступление — принять ислам.

Неустрашимо отвечал тогда юноша судье, что он не отречется от своей веры и готов лучше перенести всякие муки; затем, мужественно

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. Ркп. святцы: «прп. Евфросин пустынник, иже был на Синичье озере, начальник обители св. Апостола Иоанна Богослова» (Известия Археологического общества. Т. II).

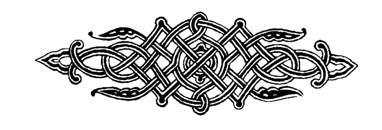
перенеся жестокие побои, был заключен в темницу. С такою же непоколебимостью, превышавшею, казалось, силы его возраста, выдержал Мирон и новое испытание на суде и бестрепетно выслушал смертный приговор.

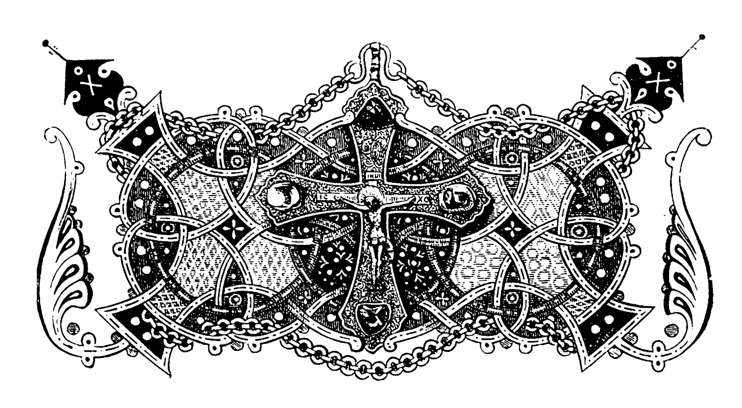
Осужденного повели на казнь. «Простите мне, братия! — обращался он ко всем встречавшимся и сопровождавшим его на пути, — простите меня, и Господь да простит вас!» Потом, испросив позволения, бросился он к отцу своему, шедшему позади него с горькими рыданиями, припал к ногам его, целовал его руки, умолял не сокрушаться об его смерти и, получив благословение отца, возвратился к своим стражам и просил палачей приступить к их делу...

Петля была накинута на шею юноши, и... новый мученик воссиял в сонме жертв беспощадного, неутолимого мусульманского фанатизма...

Преподобных отцов Иоанна, Сергия, Патрикия и других, избиенных в обители преподобного Саввы, пострадавших от разбойничьих шаек сарацин в 796 году, — 13 марта избиты 13 отцов, а 20-го — 18; из последних большая часть приведены были в пещеру и уморены дымом.

В тот же день и **святой мученицы Фотины, самарянки**, с которою Господь Иисус беседовал у колодца Иаковлева (Ин. 4). По преданию, за распространение святой веры пострадала в гонение Нерона, в 66 году, и умерла, брошенная в колодезь.

День двадцать первый

ПАМЯТЬ святого ИАКОВА епископа, исповедника, и святого КИРИЛЛА епископа

Иаков с юных лет был монахом, подвизался в святой жизни и за ревность по вере возведен был на епископский престол Катанской Церкви, в Сицилии. В царствование же Константина Копронима за святые иконы претерпел изгнание и заточение, в коем и скончался (около 750 г.).

Кирилл же святой был первым епископом города Катаны; родом из Антиохии и ученик апостола Петра, он сим апостолом отправлен был около 45 года по Р. Х. на запад проповедовать веру Христову. Ему был свыше дан дар чудотворений. Так, однажды он претворил горькую воду в источнике в сладкую, и это чудо в особенности способствовало к обращению им к вере многих язычников. Мирно скончался в глубокой старости.

ПАМЯТЬ святого СЕРАПИОНА, епископа Тмуинского

Ангел Церкви Тмуинской, муж весьма уважаемый за святость жизни и красноречие[1], святой Серапион был одним из самых усердных помощников святого Афанасия в борьбе против ариан. Из пустыни (куда он удалился во время арианских смут) он был призван на кафедру Тмуинскую при императоре Констанции и прославился исповедничеством. Присутствовал и твердо отстаивал чистоту веры на сардийском соборе (347 г.). В 355 году совершил путь в Константинополь ради того, чтобы ходатайствовать у Констанция от лица Египетских епископов за Афанасия, но за это был подвергнут заточению. Скончался около 366 года.

Известен был по своим сочинениям, о которых блаженный Иероним, причисляя святого Серапиона к отцам Церкви, говорит: «Не знаешь, чему больше дивиться, — учености ли его светской или знанию Священного Писания».

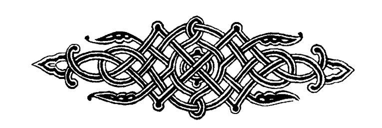
Из «писем» Серапиона известны в настоящее время два письма: 1) к епископу Евдоксию, писанное, как видно по содержанию, во время заточения Серапиона. «Не малодушествуй в скорби, — писал святитель, — но благодушествуй верою, не падай в болезни, но будь тверд и не греши. Не считай болезни тяжестью; тяжел — один грех. Быть больным дело общее и для добрых, и для худых; а грешить, как видим, свойственно худым. Кто в болезни, болезнь его умрет вместе со смертью; а кто грешит, того грех найдет и там за гробом. Болезнь следит за нами до гроба, а за мертвецом за гроб не следует; но грех тайно губит и живых, а еще более поражает умерших, обнаруживает свой огонь и мучит грешника. Это, возлюбленный брат! Написал я с тем, чтобы ты не предавался малодушию, а хранил себя во Христе. Надобно смотреть

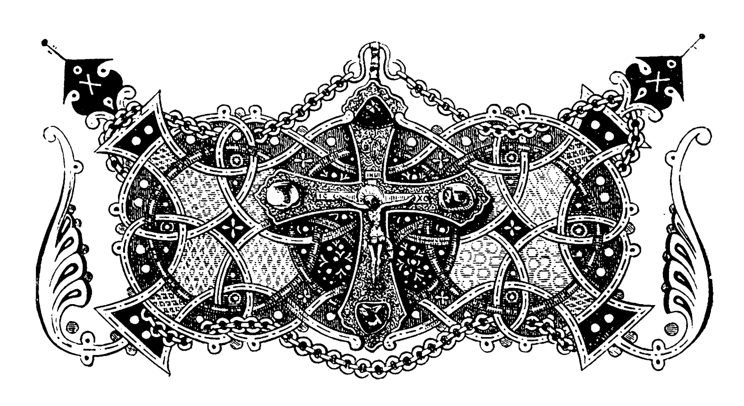
[1] Так назывался Серапион у Сократа (*Сократ Схоластик*. Церковная история: В 7 кн. / Пер. СПбДА. СПб., 1850. Кн. 4 (далее — *Сократ Схоластик*. Церковная история. — *Ред.*)) и Созомена (*Эрмий Созомен Саламинский*. Церковная история: В 9 кн. СПб., 1851. Кн. 4 (далее — *Созомен*. Церковная история. — *Ред.*).

наконец на то, что есть Бог — защитник. Он на несколько отступает и опять берет под Свой покров; на несколько оставляет и опять защищает; никогда не оставляет Он Церкви; *врата адовы не одолеют ее* (Мф. 16, 18). И так покажи силу твоей добродетели перед Богом Всевидцем, чтобы во всем ты был благоугоден Ему. Не смеем приглашать тебя, чтобы не отвлечь тебя от города».

Во втором письме, обращаясь к инокам, святой Серапион, выставляя преимущества иноческой жизни, говорит: «Из вас — авва Антоний, достигший верха подвижничества, которого жизнь, преданная письму, есть у вас. Из вас — Аммун, авва Иоанн, авва Макарий — просиявшие добродетелями: они творили чудеса и представляли другие доказательства своей святости. Прогоняя по воле Божией демонов, врачуя тяжкие болезни и разные страдания, показали, что врачебная наука слаба. Болезни, которых не могли исцелять врачи, исцелялись молитвою святых и сильною верою. Но вы сами знаете это лучше меня: вы жили с ними, равно и отцы ваши».

Еще пишет святой Серапион в одном сочинении: «Ум очищается духовным ведением, движения гнева врачует любовь, а потоки похоти останавливает воздержание...»

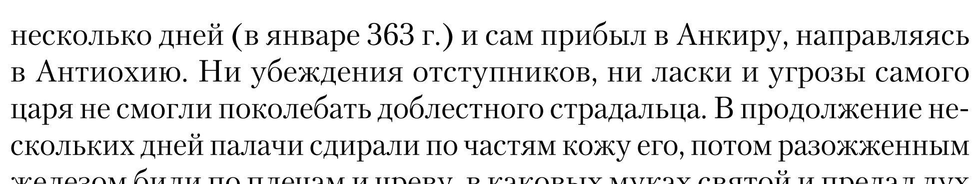

День двадцать второй

ПАМЯТЬ святого священномученика ВАСИЛИЯ, пресвитера Анкирского

Василий пресвитер в то время, когда всюду оглашалась воля царя Юлиана-отступника о восстановлении идолослужения и многие из христиан ради выгод житейских отрекались своей веры, убеждал всех оставаться верными Богу и открыто молился о разорении умысла нечестивцев. Тогда один из граждан, ревнитель язычества, схватил его, говоря: «Что ты ходишь по городу, смущаешь народ, преступаешь закон царский?» — и представил градоначальнику. Градоначальник спросил Василия: «Для чего смущаешь город и представляешь царя преступившим добрые законы?» Василий сказал: «Не порицаю вашего царя, но знаю, что Царь Вышний, Который есть Бог, силен ваше нерассудительное узаконенное нечестие разорить в короткое время». И сказал градоначальник: «Перестань говорить пустое и покорись царю». Василий: «Доселе я повиновался Царю Небесному и теперь повинуюсь, и никогда не отступлю от святой веры в Него, а царь, которого ты хвалишь, есть царь земной и, как человек, подлежит смерти». Тогда судья повелел его повесить на дереве и пытать железом; видя же непреклонность исповедника, ввергнул в темницу и донес о нем царю. Юлиан послал двух отступников убедить Василия оставить веру во Христа, а через

несколько дней (в январе 363 г.) и сам прибыл в Анкиру, направляясь в Антиохию. Ни убеждения отступников, ни ласки и угрозы самого царя не смогли поколебать доблестного страдальца. В продолжение нескольких дней палачи сдирали по частям кожу его, потом разожженным железом били по плечам и чреву, в каковых муках святой и предал дух свой Богу 28 января 363 года. После гибели Юлиана в июне сего же года и восстановления христианства анкирские граждане почтили тело мученика торжеством и установили праздновать память его 22 марта.

ПАМЯТЬ
святого преподобномученика
ЕВФИМИЯ НОВОГО

Через многие превратности в жизни, скорбным путем — от великого греха к великому, всепокрывающему покаянию достиг наконец много претерпевший раб Божий Евфимий (в мире Елевферий) до единой спасительной пристани вечного блаженного успокоения.

Сын благочестивых родителей, проживавших в Пелопоннесе, в селении Димитцами, в детстве получил он порядочное образование, сначала в сельской школе, потом в Константинопольском училище Куручеслие. Из Константинополя отправился он к отцу своему, бывшему в это время в городе Яссах по делам торговли. Здесь, в первые годы хорошо подготовленного душевного настроения, устремился он со всею пылкостью молодости — посвятить себя на служение Единому Богу. И зачем не послушался он этого первого призыва чистой, непорочной души! Каким тяжелым путем пришлось ему отозваться на него впоследствии!

Предавшись сначала порыву, увлекшему его на Афон, чтобы там, среди презревших мирскую суету и возлюбивших духовную жизнь подвижников — как бы предвосхитить еще на земле удовлетворения высшего мира, Елевферий, оставив дом отца своего, предпринял путешествие на Святую Гору. Но, избрав по некоторым обстоятельствам путь туда через Одессу и встретив в Одессе препятствия к дальнейшему пути, он возвратился в Бухарест, где ему пришлось оставаться полтора

года, в течение которых он предался до такой степени развлечениям, окружавшим его здесь, что забыл и вспоминать о Святой Горе и превратился весь в «гнездилище греха и порока»...

Порочная жизнь ввела его в долги, и он принужден был определиться в услужение. В это время находилось в Бухаресте турецкое посольство для переговоров о мире с Россией, с которою велась тогда война, и Елевферий принял место в доме одного из членов посольства, имея в виду возвратиться при нем удобнейшим способом в Константинополь. Но возвращение это было замедлено, посольство на обратном пути надолго оставалось в Шумле. Здесь представилось юноше новое искушение... Думая смягчить жестокое обращение с ним его господина и вместе с тем подстрекаемый одним своим недавно потурчившимся товарищем, он дошел до такой распущенности душевной, что и сам решился потурчиться... отрекся от веры во Христа и принял обрезание — условное знамение приверженцев Магомета.

Но «хотящий спасения грешника и еже живу ему быть» не оставил до конца эту погибавшую душу, в которой теплилась когда-то искренняя любовь к Нему... Во время несносных болезней обрезания Он посетил ее жгучим сознанием своего состояния и вследствие того глубоким слезным раскаянием. И для Елевферия пришел тот час, о котором говорит поэт:

О слезы покаянья! Вами
Душа мирится с небесами!

Первым движением Елевферия было бежать из дому ненавистных магометан. Но ему не удалось бежать из-под крепкого надзора за ним, пока посольство находилось в Шумле. И только через четыре месяца, когда оно прибыло в Адрианополь, Елевферий мог однажды вечером выйти из дома для того, чтобы обратиться к митрополиту Кириллу (занимавшему впоследствии патриаршую кафедру). Это было в субботу; духовенство было в то время в храме на вечернем Богослужении. Сердце замерло от боли у христианина-отступника, когда он увидел диакона, кадящего фимиамом: не для него теперь была благодать священного благоухания... он сознавал себя отрешенным от нее. Душа его разрывалась от боли; он едва мог сдерживать горькие рыдания.

Не удалось ему, однако же, дойти до митрополита, и просьбу его даже о помощи, об участии в его положении, которое он откровенно описал, в митрополии не приняли: неудобное было время давать ход делу

отурчения христианина, так как это могло раздражить турецкие власти в Адрианополе, в который входили тогда турецкие войска. Елевферию приходилось оставаться между слуг рейс-эффенди, презирающих и оскорбляющих его, так как они видели, что он всегда мрачен, угрюм и держит себя среди них как чужой. Так провел он еще три месяца, испытывая все томление птички, напрасно порывающейся выпорхнуть из запертой клетки на приволье живительной природы среди родных полей и лесов... Но птичка не знает томления греха и раскаяния...

Наконец прибыл Елевферий с господином своим в Константинополь, но и тут долго не удавалось ему ускользнуть от крепкого, подозрительного надзора за ним... У него оставалась только молитва. Она была горяча всею силою его страдания... Пред такою ли молитвою не откроется дверь милосердия Божиего?

Наступил, наконец, день освобождения. Елевферий дождался той минуты, когда, никем не замеченный, мог выйти из дома. Он поспешил во дворец русского посольства, где с полнейшим сочувствием выслушали его скорбный рассказ и помогли ему отправиться на Афон на первом отходящем туда судне.

Прибыв на Святую Гору, Елевферий обратился к бывшему Константинопольскому патриарху Григорию, пребывавшему там на покое в лавре святого Афанасия. Как отец родной блудного сына принял несчастного юношу сострадательный святитель, удержал его при себе и назначил ему ходить каждый день к добродетельному духовнику лаврскому Мелетию для слушания умилостивительных молитв по учреждению Церкви. Через 40 дней Елевферий был помазан святым миром. Укрепившись духовно и исполнившись безмерной святой радости, он отошел в скит святой Анны, явился к тому иерею Василию, который уже нескольких христо-отступников представил Христу мучениками, содействуя и сопутствуя им на подвиги мученичества — иногда с опасностью своей жизни и жертвуя собственными своими средствами для расходов. Много успокоил юношу и душевно и телесно этот самоотверженный подвижник. Пробыв у него 20 дней, Елевферий, усердно подвизаясь в трудах отшельнических, почувствовал непреодолимое рвение покрыть свой грех отступничества — блаженным мученичеством за Христа... Но не разрешил ему произвольного подвига мудроосторожный в своей опытности иерей Василий; однако же, склоняясь на его убеждения, позволил ему отправиться в Константинополь, но с тем, чтобы не подвергать себя опасности, прежде чем будет узнан

кем-нибудь из турок, которые в таком случае сами, вероятно, предадут его мученической участи...

Восемь дней провел в Константинополе юноша, но непостижимым образом не был узнан там никем даже из бывших своих знакомых. Томительно ему было сдерживать свое рвение, не открываться... но, исполнив заповеданное ему иереем Василием, он явился к духовнику Мелетию и излил перед ним свою душу, не вмещающую далее порыва к мученичеству. Мелетий, хотя и старался умерить его рвение, воздержать его, но, видя неудержимое стремление юноши, благословил его на подвиг.

Однако же, по-видимому, еще не наступил час воли Божией — совершиться искупительному подвигу Елевферия.

Оставив лавру, встретил он на пути старого монаха, именем Панкратия, родом из Пелопоннеса, и, рассказав своему соотечественнику о прошедшей своей жизни и о своем намерении в настоящее время, был снова удержан умудренным духовною опытностью старцем и возвратился по совету его в Лавру для большего подкрепления себя духовными подвигами... Теперь снова всецело предался он им; трудно было бы описать по достоинству все его подвиги: безмерного поста, терпения в трудах, слез неисходных, чрезвычайного сокрушения всенощных бдений, неумолчной молитвы, смирения духа, собранности мыслей, неусыпного внимания и приветливости, безмолвия, сострадания... И при таком строгом подвижничестве, при полном самоотречении — юноша всегда был светел и радостен.

При всех своих трудах он занимался также чтением Евангелия и других душеполезных книг. Читая о подвигах мучеников, Елевферий все более и более разгорался желанием идти по стопам их, и когда ему выставляли всю трудность подвига, то он всегда отвечал одно и то же: «Я никогда не размышляю о бедах и трудностях и не измеряю их; но чувствую только великую печаль, что не имею тысячи тел, чтобы все их предать на страдания, и тысячи голов для заклания за любовь к Христу»...

Наконец пламенное его желание было удовлетворено. Один из руководивших его старцев, духовник Акакий, предварив свое решение многою молитвою, почерпнул в ней уверенность, что наступил час воли Божией — вступить Елевферию на путь мученического подвига... «Ты должен идти для исповедания имени Христова сам собою, так как сам собою ты отрекся от Господа: противоположное обыкновенно врачуется противоположным», — сказал старец юноше.

Неизреченною радостью преисполнилась тогда душа, возвращенная своему Создателю, и прежде чем предать себя в жертву искупительную, Елевферий пожелал приготовиться к ней последним самоотречением, а именно — пострижением в иночество. Он принял тогда имя Евфимия.

Таким образом очищенный, возобновленный во всем существе своем, призываемый силою непобедимою, Евфимий оставил тихое прибежище — Гору Святую, и, сопровождаемый молитвами и благословениями ее обитателей, отправился в желанный путь 21-го февраля 1814-го года в сопровождении одного послушника Григория.

19-го марта, в четверг, на 6-й неделе Великого поста прибыли они в Галату Константинопольскую и остановились в доме одного благочестивого христианина. В субботу на той же неделе совершено было над Евфимием елеосвящение, и он принял Святые Таины в этот день и на следующий. Достигнув таким образом всего желаемого, после Божественной литургии Евфимий с Григорием отправились на один Кефалонийский корабль, капитан которого принял их с почтительным приветом.

Совершив переезд, Евфимий снял с себя свою одежду, надел заранее приготовленную турецкую, простился со спутником своим и со всеми христианами (которые окружали его, стоя с непокрытыми головами, трепещущие и дивящиеся такому дерзновению и мужеству своего собрата), взял в руки крест и вчерашние освященные ветви (ваия), сошел на берег и, осеняя себя крестным знамением и воодушевляясь молитвою, явился в Великую Порту. Здесь, никем не замеченный, прошел в дом визиря и, представ пред ним, сказал ему: «Господин! Я — христианин еще от предков; в удостоверение моих слов — вот крест, который неложная наша христианская вера дала нам в истинное оружие против всех врагов, вот и ваия — также знамение христианское; а чтобы ты еще более уверился в сказанном мною, то вот, я попираю знамение веры твоей в обманщика Магомета, которого вы называете пророком»...

«Зачем вы допускаете ко мне таких людей? — с изумлением и гневом обратился визирь к своим служителям, — кто этот дерзкий человек? Дурак он, или пьяный?»...

«Ум мой здрав, — отвечал Евфимий, — потому-то и исповедую я Христа Бога истинного и желаю умереть христианином по любви к Нему... И не пьян я, вот уже три дня, что ничего не ел даже...»

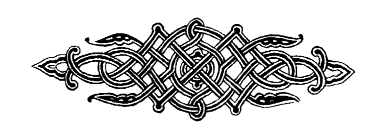
Визирь велел отвести Евфимия в темницу, где его заковали в цепи и наносили ему жестокие побои. Через несколько часов визирь потре-

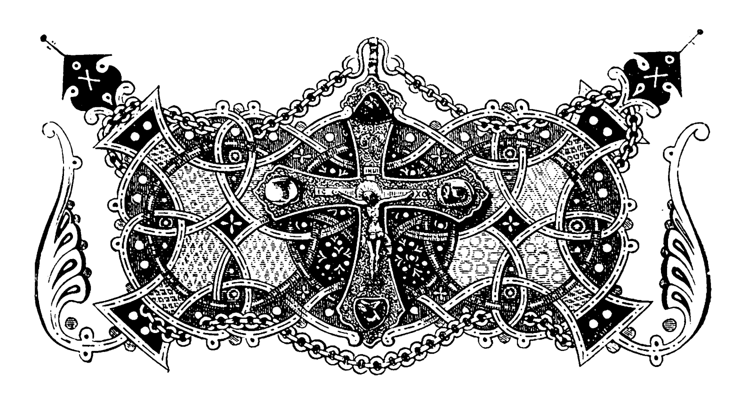
бовал его к себе, чтобы произвести окончательное испытание. Убедившись, что допрашиваемый сознательно и твердо поддерживает прежде выраженное им, и отчаявшись поколебать его, визирь велел отрубить ему голову. Палач взял Евфимия и хотел связать ему назад руки, но мученик возразил: «Для чего тебе связывать мне руки, когда я пришел сюда незваным? Ведь ты меня не привел как преступника?» После некоторого раздумья палач оставил его.

Необыкновенная радость сияла на лице Евфимия, когда он шел к месту казни, держа в одной руке крест, в другой — ваия. Дойдя до назначенного места, палачи остановились. Евфимий стал молиться и, осенив себя крестным знамением, преклонил колена и голову и сказал: «Господи! В руки Твои предаю дух мой!» Тогда палач нанес удар, но неудачно. «Секи вернее», — сказал мученик палачу. Но и вторым ударом отсечен был только кусок тела. После этого палач, не нанося третьего удара, заколол в горло мученика... Тело его, к удивлению присутствующих, и по заклании осталось стоящим на коленах.

С великим трудом и за большие деньги удалось спутнику Евфимия Григорию купить тело мученика у палачей, которые доставили его на остров Проту. Одев его по иноческому чину, Григорий положил его внутри храма Преображения Господня и по погребении его возвратился на Святую Гору вестником победы нового преподобномученика святого Евфимия.

Убиение его совершилось 22-го марта 1814-го года в Вербное воскресенье, — на 25-м году его жизни. Существуют свидетельства о многочисленных исцелениях от болезни — с верою прикасавшихся к частям окровавленной одежды мученика, части которой Григорий роздал многим христианам во время пребывания своего в Константинополе.

День двадцать третий

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ПАХОМИЯ НЕРЕХТСКОГО

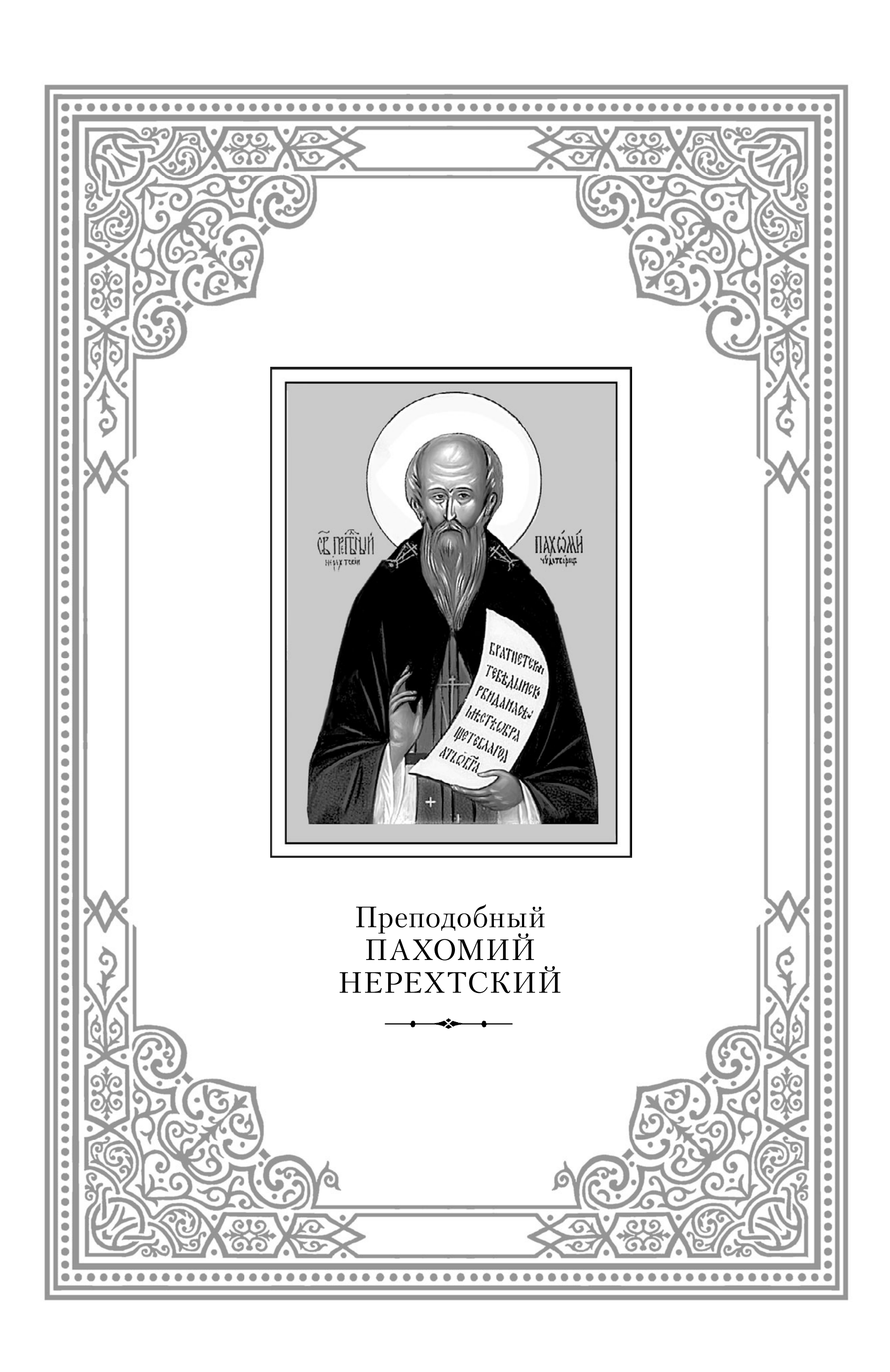
Нерехта известна была в гражданском быту еще до появления монголов[1], но только в XIV веке прославилась она благочестием одного подвижника — преподобного Пахомия.

Преподобный Пахомий, в крещении Иаков[2], сын Владимирского священника Игнатия, семи лет «отдан был учиться священным книгам». Воспитание, совершавшееся под наставлением слова Божиего, образовало в Иакове доброго отрока; когда «научился он Божественному писанию», то утешением для него было ходить в храм Божий и славословить Господа; самым же любимым местом его молитв был Рождественский монастырь. Здесь при мощах благоверного князя Александра Невского зажглось в душе его усердие посвятить жизнь свою на служение Господу. По смерти родителя мать не препятствовала ему исполнить желание души своей; он поступил в любимый Рождественский монастырь и здесь

---

[1] Переяслав. л., стр. III, м. 1851 г. В Журнал МВД (Т. XXII) сказано, что Нерехта в первый раз упоминается в житии прп. Пахомия, но это — ошибка.

[2] Ркп. житие прп. Пахомия. Извлечение из него см. в: Христианское чтение. 1858. Т. I.

Преподобный
ПАХОМИЙ НЕРЕХТСКИЙ

был пострижен с именем Пахомия. Тогда был ему 21 год от роду. Молодой инок поручен опытному старцу; духовный отец строг был к духовному сыну, но ученик безмолвно выполнял приказания наставника. Воля настоятеля назначила молодому монаху послушание в пекарне; инок неутомимо трудился в пекарне и трудами усмирял плоть. Несколько годов Пахомий трудился в пекарне. По просьбе настоятеля святитель Алексий, тогда Владимирский епископ (1352 г.), посвятил его в иеродиакона. Пахомий зрел в жизни духовной. Когда святитель Алексий возобновлял во Владимире монастырь Константиновский (а это было в 1365 г.)[1], он поставил Пахомия игуменом сей обители. Преподобный усердно выполнял желания святителя об обители. Он пробыл в ней столько, сколько нужно было для устроения наружного и внутреннего порядка ее. Сердце его давно горело желанием составить обитель молитвы не в стенах города, а в пустыне, где могли иметь в ней нужду многие. И он решился исполнить это желание. Ночью, тайно от всех, Пахомий вышел из Константиновской обители, ничего не имея при себе, кроме Псалтири и книжки канонов. Он пришел в Нерехтскую сторону. Место на речке Гриденке, впадающей в Салоницу и потом в Волгу, показалось ему красивым и удобным для пребывания иноческого; Сыпаново, так называлось то место, находилось в глухом лесу и представляло возвышенный полуостров. Преподобный пошел в посад Нерехту и просил жителей отдать ему Сыпаново для устроения обители молитв. Нерехтцы с радостью согласились на просьбу человека Божия. Одни из них пошли вместе с ним и помогли ему очистить место для келлии; другие обещали помощь свою при устроении обители. Блаженный Пахомий написал образ Святой Троицы. Отшельник остался подвизаться в молитве. Нерехтцы выполнили свое обещание: одни помогали ему в нуждах его, а другие приходили и оставались при нем жить. Строгая жизнь его одушевляла благочестием посещавших его. Являлись к Пахомию и иноки с желанием подвизаться под его руководством; мирян, изъявлявших то же желание, охотно принимал он и постригал в иночество. Святитель Алексий, к которому ходил он в Москву, с любовью благословил его строить храм и обитель Святой Троицы в глухом краю. Храм Святой Троицы, украшенный иконами и утварью, освящен с живым усердием преподобного.

Окончив построение храма, Пахомий занимался с ревностью устроением духовного порядка в новой обители. Он положил за пра-

[1] См. жизнь свт. Алексия февраля 12 число.

вило, чтобы в его пустынной обители иноки сами обрабатывали землю и питались трудами рук своих. Он сам пахал, подавая пример другим. По его правилу, никто не должен иметь никакой своей собственности в обители. Построив келлии и трапезу для иночествующих, он построил и гостиницу, где по временам сам служил странникам и богомольцам. Среди пустынного уединения подвижник преуспевал в жизни духовной. Знавшие его видели в нем образец добродетелей и с особенною верою просили молитв его. Достигнув глубокой старости и чувствуя близость кончины, Пахомий назначил преемником себе Феодора, который пришел к нему из Рождественского монастыря. Марта 21-го 1384 года собрал он братию и простился со всеми; через день потом еще раз приобщился Святых Таин и мирно скончался. Подвижническое тело его положено по правую сторону алтаря Троицкого храма.

Инок Иринарх, искренний ученик блаженного старца, много помогавший ему по устроению обители искусством иконописания, на другом году по кончине старца подвергся искушениям нечистого духа. Целомудренный измучен был восстанием плоти до того, что исповедал о том всей братии. Ночью то молился он со слезами пред иконою Спасителя и Богоматери, то выходил из келлии на могилу старца, прося его, чтобы помог избавиться от нечистого беса. Утомленный молитвою, заснул он и видит пред собою старца, с долгою и белою бородою, с жезлом в руке. Старец говорит ему: «Брат Иринарх! Так всегда молись Господу и Пречистой Матери Его; я молился о тебе, и Господь помиловал тебя, более не греши, — ты исцелен». С этими словами ударил инока жезлом по левому бедру. Инок вскочил и увидел Пахомия, который прибавил: «Не бойся, чадо: ты видишь меня, напиши образ мой, Господь причислил меня к лику преподобных; скажи о том и братии». Иринарх рассказал обо всем игумену и братии, показывая знак удара на бедре. Освободившийся от нечистой страсти написал образ Пахомия; над могилою устроили гробницу и тут поставили икону.

При построении каменного храма мощи преподобного видели нетленными и над ними построен был храм в его имя[1]. Ныне местное празднование преподобному совершается 15 мая, в день иноческого

[1] Ркп. святцы: «прп. Пахомий, игумен Троицкого монастыря, иже нарицается Сыпанов в Нерехотском стану, Костромской чудотворец, преставился в л. 6892 (1384) мар. в 21 д.». *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. В святцах днем кончины поставлено 21 число, но по житию в 21 день приобщался, а скончался чрез день после того.

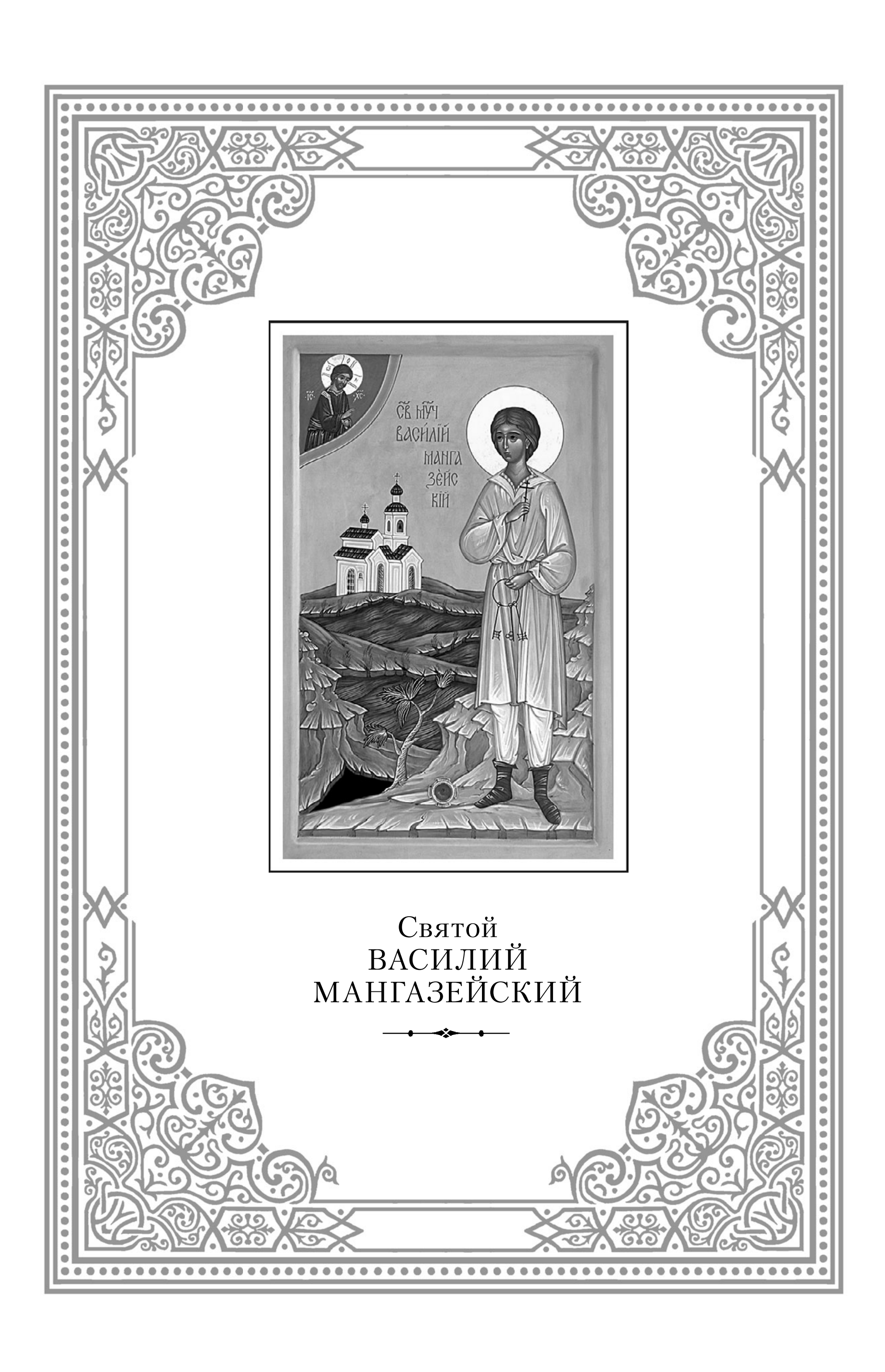
Ангела преподобного. В приходском храме закрытого Сыпанова монастыря в день памяти преподобного бывает многочисленное стечение народа, и верующие получают исцеления при раке преподобного.

СТРАДАНИЕ
святого
ВАСИЛИЯ МАНГАЗЕЙСКОГО

Блаженный Василий, по рукописному житию его[1], был ярославский уроженец, сын ярославского мелкого торговца Феодора. Поступив в приказчики к богатому купцу, отправился он с его товарами в Мангазею, тогда новое поселение русских между инородцами на реке Тазе. Блаженный Василий с юных лет жил в страхе Божием: он усердно молился Богу и хранил себя в чистоте. Купец-хозяин был человек сладострастный и жестокий; он хотел пользоваться Василием как орудием для удовлетворения скотским страстям. К сожалению, это тогда бывало нередко между поселенцами Сибири, — так показывает строгая грамота патриарха[2]. Но чем общее был гнусный порок, тем строже был к себе богобоязненный Василий. Он был честен и верен хозяину по торговле, но твердо помнил, что не призвал нас Бог на нечистоту, а на святость. Купец за несогласие на его дикую волю грозил мщением; 19-летний Василий предал себя в волю Божию. В рукописных святцах читаем: «святой мученик Василий отрок, иже в Мангазеи граде, новый чудотворец, пострадавший от господина своего за целомудрие». По рукописному житию, это было так. В праздничную утреню обкрадена была лавка у купца. Купец донес о том воеводе Пушкину и объявил, что это воровство — дело Василия, не могло оно совершиться без его участия.

[1] Извлечение из жития, написанного около 1727 г., напечатано в «Москвитянине» (1852. № 8). Самое описание жития и чудес блаж. Василия, неискусно составленное, напечатано в «Иркутских Епархиальных Ведомостях» (1863 и 1864 гг.).

[2] Грамота патр. Филарета в Сибирь от 11 февраля 1622 г. напечатана в: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3.

Святой
ВАСИЛИЙ МАНГАЗЕЙСКИЙ

Пушкин, по настоянию озлившегося купца, тотчас же велел привести Василия в съезжую избу и подверг его пытке. Василий говорил одно, что он — невинен. Пытки были так жестоки, что Василий несколько раз падал мертвым, но, приходя в себя, повторял, что он невинен. Рассвирепевший хозяин ударил связкой ключей в висок Василия; страдалец тяжело вздохнул и закрыл глаза. Когда снова подняли его на дыбу, увидели, что он уже скончался. Пушкин приказал немедленно положить тело в гроб и бросить в болотистое место, подле съезжей избы, в которой замучен был Василий; гроб погружен был в болото, и чрез него положили доски для прохода просителей, стрельцов и других, в съезжую избу. Так думали скрыть преступление несчастные грешники[1].

В 1652 году при воеводе Игнатии Степановиче Корсакове гроб Василия с нетленным телом показался поверх тины. Мангазейцу Степану Ширяеву, который еще раньше того заметил этот гроб, но оставил без внимания, явился в видении молодой человек, без бороды, со светлыми волосами и в белой рубашке; другие промышленники получали разные исцеления у гроба. Предание сказало, какою страдальческою смертью и за что умер скрытый во гробе. Гроб вынули и поставили в сухое место, а над ним выстроили часовню.

Здесь многие получали помощь в нуждах и болезнях, совершая панихиды о покое убиенного Василия.

В марте 1670 года старцу Тихону, основавшему за 10 лет пред тем монастырь на Енисее, является молодой человек с белокурыми волосами, без бороды, в белой одежде и приказывает идти в Мангазею за его телом. «Я — тот самый Василий, — говорил явившийся, — о котором много говорят в народе и который замучен воеводою Пушкиным».

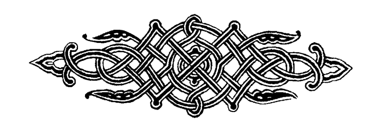
[1] По Сибирскому летописцу (Северный Архив. Ч. 19) Мангазею строили в 1601 воеводы кн. Василий Михайлович Масальский и Влук (Вукол) Пушкин; тогда из Тобольска прислано к ним 100 служилых людей. По краткому исчислению сибирских воевод, нап. в Тобольске 1792 г., Масальский и Пушкин были воеводами в 1601 и 1602 г. В 1600 г. Пасха была марта 23; в 1601 и 1602 г. она была в апреле; в 1592 г. марта 26. По ркп. святцам день кончины св. Василия полагается то 22 марта 1592 г., то 25 марта 1622 г. По времени пребывания Пушкина в Мангазее страдальческую кончину Василия надобно отнести к 1601 или 1602 г., а по указанию на пасхальное время, она должна падать на 1600 г. Но если положим, что воровство совершилось в утреню одного из дней страстной недели, когда благочестивый Василий конечно был в храме; то страдальческая кончина его может быть отнесена к 1602 г., когда воеводствовал Пушкин. С этим годом страдания согласно и то показание, что мощи открыты спустя 50 лет после кончины, в 1652 г.

Тихон за 500 верст отправился в Мангазею, которая теперь уже приходила в запустение и уступала свое значение новой Мангазее[1]. Он обрел в указанном месте нетленное тело и 10 мая принес его на себе в обитель.

Житие рассказывает об исцелении многих больных, призывавших имя Василия в обители или на месте кончины. В часовне на месте древней Мангазеи и теперь видят звериные шкуры, — приношения юраков и других инородцев, и каждый считает святотатством взять что-нибудь из часовни в собственность. У поселенцев Туруханского края с 1672 года сохраняются иконы святого Василия Мангазейского. На одних он представляется свежим, белокурым юношею, в белой рубашке, а сбоку представлено истязание ему при купце и воеводе; на других изображен Троицкий Туруханский монастырь, а над ним молящийся Василий, в рубашке и без обуви; в 25 день марта в обители Троицкой совершается всенощное служение в честь святого Василия[2].

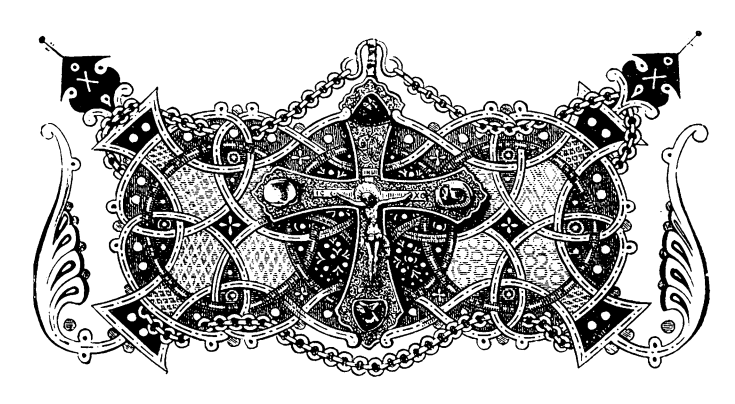
Почитая память святого Василия, повторим учение апостола о добродетели, за которую пострадал Василий. *Храни себя чистым*, — поучает Апостол (1 Тим. 5, 22). Заботься о том, чтобы быть святым телом и душой (см. 1 Кор. 7, 34.). *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–10). *Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела* (1 Кор. 6, 13). *Блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым* (Еф. 5, 3). *Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение* (Кол. 3, 5).

---

[1] Новая Мангазея, в 30 верстах от Тихоновой обители, построена в 1672 г. (*Спасский.* О памятнике покорителю Сибири Ермаку с рисунком // Временник общества истории и древностей. Кн. 3).

[2] Москвитянин. М., 1852. № 8; Временник общества истории и древностей. Кн. 3; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

День двадцать четвертый

СТРАДАНИЕ СТЕФАНА И ПЕТРА, мучеников Казанских

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (Мф. 10, 28), — так учил Спаситель. Но так не учил и не мог учить Магомет. Нравственность Магометова низка и грязна: она растлевает душу и тело здесь еще, в жизни земной; такова же и вечность Магометова. Кто бы стал слушать Магомета, если бы и стал он требовать жертвования жизнью временною за его веру? Его грязною вечностью может ли дорожить душа, созданная по образу Божиему? Другое дело вечность христианская: она столько же возвышенна, чиста, духовна, как чиста и духовна нравственность христианская. Это видит, это чувствует душа бессмертная. Это увидели блаженные Стефан и Петр, бывшие магометане казанские, и пожертвовали жизнью за высокое учение христианское.

Когда Тимофей, протопоп Кремлевского собора, находился в Свияжске, быв послан туда с посланием митрополита к войску (это было в 1552 г.)[1]; то пришел к нему татарин из Арской стороны

[1] По Никон. л. (7, 107. 129) архангельский протоиерей Тимофей «муж изрядный и наученный Богодухновенному писанию был послан в Свияжск с посланием митр. Макария к войску и со словесными поручениями по делам веры». То же по «Царственной книге».

и объявил, что желает он креститься. Протоиерей спросил его: не от бедности ли или не от страха ли ищет он Крещения? В ответ на это татарин рассказал следующее: «Я лет 30 был болен ногами, так что не мог твердо стоять на них. Когда власть Московского царя стала сильною в нашей стороне и с нею стал известным Бог христианский, я начал думать: велик Бог, в Которого веруют христиане; Он может дать здоровье и моим больным ногам; буду же веровать Ему и крещусь со всем домом. И внезапно, в самый день решимости моей, ноги мои стали здоровы. И вот я пришел исполнить мое обещание. Прошу вас, крестите меня». Протоиерей сказал ему: «По твоей вере Господь Иисус дал тебе здоровье, ты видишь благодать Его на тебе; если хочешь получить Жизнь Вечную, ничто не мешает тебе креститься. Только смотри — не возвратись, как пес на свою блевотину; будь тверд и против обольщений и против гонений со стороны неверных; христианину надобно многими скорбями достигать Царствия Небесного». Татарин вырвал клок из бороды своей и, разорвав его на мелкие части, сказал: «Я так убежден в могуществе и благости Бога вашего, в превосходстве вашей веры, что не только готов терпеть скорби, но если бы разорвали меня на части, как разорвал я мои волосы, — и тогда не откажусь от Бога вашего». После того он оглашен был в вере и крещен во имя Отца и Сына и Святого Духа, с именем Стефана. Спустя немного времени восстали против него свои и долго заставляли то увещаниями, то угрозами отступить от христианской веры. Твердый верою Стефан не только не хотел следовать их убеждениям, но напротив обличал нечестие их веры и смело проповедовал имя Христово. Нечестивые, не терпя слышать проповедь его, напали на него с оружьями, изрубили тело его в куски, разметали кости его, а дом разграбили. Так скончался раб Божий Стефан, пострадавший за имя Христово[1].

Когда Шейх-Алий, поставленный в царя Казанского волею царя Иоанна, удалился из Казани в Свияжск (это было в 1552 г.)[2] и многие из людей Шейх-Алия и царя Иоанна, не успев благовременно удалиться из Казани, задержаны были в городе поневоле, то в числе последних казанцы узнали одного новокрещенца из татар. Отыскались его отец

---

[1] Книга степенная. Ч. 2. В печатной «Истории о Казанском царстве» (СПб., 1791) мученик назван Александром, но это ошибка издания: в ркп. «Истории» он назван Стефаном.

[2] *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. III.

и мать, братья, сестры и многие знакомые из их племени. Они взяли его в свой дом; отец и мать стали называть его своим сыном, а родные родственником, и все звали его татарским именем. Но новокрещеный отказался от всех своих родных и говорил: «У меня мать и родные — только Отец, Сын и Святой Дух; вашу нечистую веру и вашего Магомета я презираю; мое имя Петр». Они долго старались и ласками и страхом отклонить его от святой христианской веры, но не успели; наконец целою толпою напали на него и убили, тогда как он повторял одно: «Я — христианин». Этот новокрещеный Петр похоронен на том самом месте, где ныне стоит храм Воскресения Христова, что на житном торгу[1]. Так писал в своем донесении преподобному Иову блаженный Гермоген, архиепископ Казанский. В рукописных святцах сказано: «святые великомученицы и новые страдальцы Петр и Стефан пострадали от казанских татар, быв убиты — марта в 24 день».

ПАМЯТЬ
святого священномученика
ПАРФЕНИЯ,
патриарха Константинопольского, по прозванию Парфенаки

Родившись в благочестивом семействе на острове Митилене, Парфений, с детства отличавшийся любознательностью и усердием к научным занятиям, достиг замечательного образования. Преимущественно же изучал он Священное Писание и вообще отличался благочестием. Во внимание к его духовному настроению, он был сначала поставлен церковным чтецом, потом прошел степени диакона, иерея, а по смерти епископа Хиосского возведен на архиерейскую кафедру.

[1] Грамота Гермогена напечатана в: Ученые записки Казанского университета. Казань, 1839. Кн. 4; *Гавриил (Воскресенский), архим.* Историческое описание Казанского Успенского второклассного Зилантова монастыря и Казанского памятника. Казань, 1840.

В 1657 году членами Константинопольского синода Парфений был единодушно избран на патриарший престол. Но недолго привелось сиять этому светильнику на общее благо: мученический венец достойно увенчал его высокую пастырскую деятельность.

Случилось в это время, что Крымский хан послал к казацкому гетману своего посла с важными поручениями. Посол встретился у гетмана с бывшим митрополитом Никейским, который пользовался там большим почетом и влиянием на дела. Это возбудило подозрительность ханского посла; возвратившись, он сообщил хану свои предположения, что митрополит послан Константинопольским патриархом ради целей, враждебных для Турции... Хан сообщил эту весть визирю, который вызвал к себе патриарха для объяснений. По тщательном исследовании дела, разумеется, не оказалось предполагаемой измены и предательства, но для прикрытия лжи хана и для отклонения от самого себя подозрения в лицеприятии, визирь решился пожертвовать владыкою и предал его, как государственного изменника, градоначальнику для исполнения над ним смертного приговора. При этом визирь дал однако же тайный приказ оставить святителю жизнь. Если он, ради того чтобы засвидетельствовать свою преданность Турции, согласится сделаться мусульманином...

В исполнение такого приказа градоначальник предложил православному патриарху принять ислам, присоединив к этому обещание всевозможных почестей.

«Я не изменник государству и не причастен никаким честолюбивым замыслам, — отвечал ему Парфений, — это вы сами увидите, если пожелаете открыть истину. Что же касается до предложения вашего, чтобы я принял ислам, то я готов лучше умереть, чем отречься от моей веры, Христос один — моя радость и мое прибежище!»

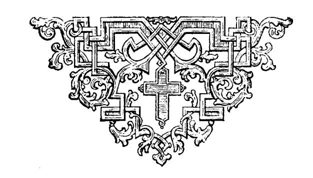
Видя безуспешность влияния блистательных обещаний, градоначальник надеялся вернее подействовать на святителя жестокими истязаниями, но ошибся и в этом расчете своем... С непоколебимым терпением перенес мученик все мучения; мужественно принимая тяжкие раны, он только благодарил Бога, что сподобился пострадать ради святого имени Его, и молил Его подкрепить его до конца...

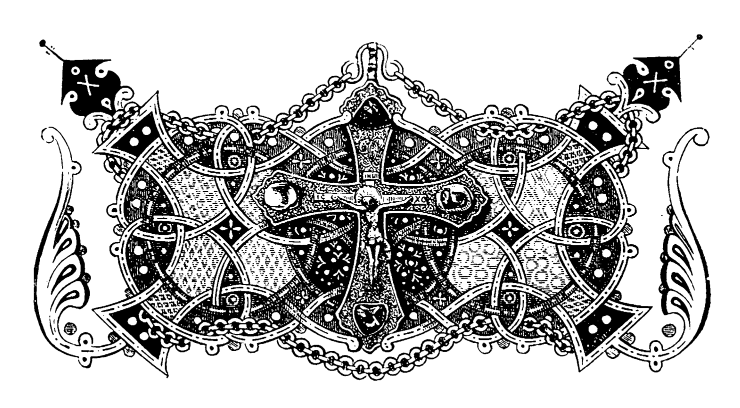
После всех мук патриарх был повешен в Пармаккани, в Лазареву субботу 1657 года.

О мученичестве блаженного патриарха Парфения написал Мелетий, епископ Сигирийский. О нем упоминает Досифей в своей книге о патриархах Иерусалимских и Мелетий в III-м томе своей Церковной истории.

ПАМЯТЬ святителя АРТЕМОНА, епископа Селевкии Писидийской

Уроженец Селевкии Писидийской, он просвещен святым Павлом апостолом около 45 года по Р. Х. (Деян. 14) и поставлен во епископа тому городу. И богоугодно правя врученною ему паствою, в старости глубокой преставился к Господу.

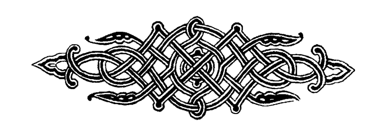

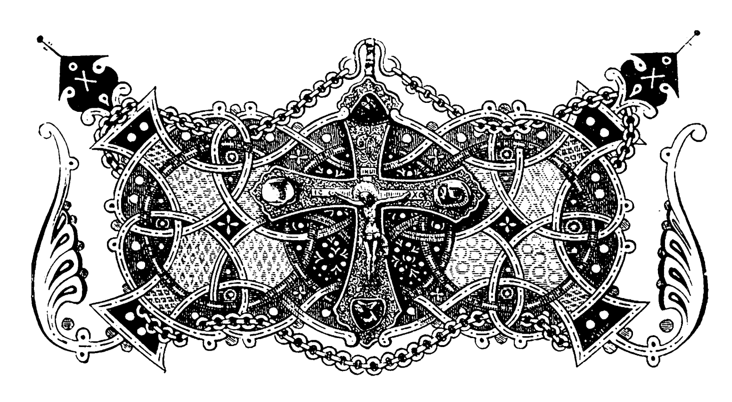
День двадцать пятый

ПАМЯТЬ святого ПЕЛАГИЯ, епископа Лаодикийского, в Сирии

По известию Феодорита: «чудный епископ Лаодикии Пелагий от юности был соединен с невестою брачным союзом, но с самого вступления в брак убедил ее — почитать братскую любовь выше супружеских отношений». В царствование императора Валента пострадал от ариан. (Вторично вспоминается в Сырную субботу).

Преподобного Никандра, пустынника Псковского (см. память его 24-го сентября)

День двадцать шестой

СТРАДАНИЕ святых паннонцев ИРИНЕЯ, епископа Сремского, ЕВСЕВИЯ епископа и ПУЛЛИЯ чтеца Кивальских

Хотя Славянская жупания и словенцы (ретийцы) с Норикою при Августе порабощены были римлянами, но покоренные славяне, за исключением некоторых, оставлены на своих местах[1]. Так они слушали

[1] *Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник. СПб., 1845 (далее — *Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник. — *Ред.*). Прп. Нестор: «Иллюрик — Славяне, норци — Славяне. Сели суть Славяне по Дунаю, где есть ныне Угорская земля и Болгарская». Богуслав: Scribitur in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum. Мюнхенская рукопись IX стол. (*Шафарик П.Й.* Славянские древности / Перев. с чешск. О. Бодянскаго: В 2 т. М., 1852. Т. 1, прилож. 79 (далее — *Шафарик.* Славянские древности. — *Ред.*). Zerviani, quod tantum est regnum, est eo cunctae gente Slavorum exortae sint. Барнефрид (VI, 52): Karniolia slavorum patria. Срем, предводитель трибаллов — сербов, оставивший свое имя за городом Сремом, отважно защищался против Александра Македонского, который потом переходил чрез страну панов (παναιος) в Македонию (*Strabonis.* Geographica.

первую проповедь Евангельскую наравне с победителями их и едва ли не охотнее последних. Святой Андроник, родственник святого Павла и прежде его уверовавший во Христа (см.: Рим. 16, 17), был первым проповедником святой веры в Паннонии[1].

При Диоклетиане здесь уже были мученики. Таков был святитель Ириней, епископ Срема, главного города Нижней Жупании, пострадавший за Христа в 304 году[2].

До принятия сана священства блаженный Ириней был женат и у него были дети. Высокие качества души, строгая жизнь, образованность, доставив ему уважение, возвели его на кафедру святительскую — еще в молодых летах. Множество родных, близких и дальних, окружавших его во время мученичества его, показывает, что он был в Среме туземец — славянин, а не пришлый римлянин. Став святителем, он отдал всего себя на служение Господу и пастве и жил девственником. Он ревностно учил приходящих к нему, оглашал Христовою истиною и открыто проповедовал Христа, невзирая на языческую власть[3].

Paris, 1587. Lib. VII). По Птоломеевой карте Паннонии (147 г.) и другим памятникам древности, названия городов, гор, урочищ, рек Паннонии — все славянские (Временник общества истории и древностей. Кн. 10, 16; *Katancic, M. P.* Specimen Philologiae et Geographiae Pannoniorum. Zagrabiae, 1795; *Соларич П.* Римляне славенствовавши. Харьков, 1818). Что касается до слов Кесария о славянах, то напрасно считали (*Венелин Ю.В.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: В 2 т. М., 1829–1841. Т. 2 (далее — *Венелин Ю.В.* Древние и нынешние болгаре. — *Ред.*); Христианские Чтения. СПб., 1859. Т. 2) сочинителя разговоров за брата св. Григория Богослова. Сочинитель, известный патр. Фотию, пользующийся церковною песнью: «Святый Боже», должен быть признан за современника прп. Максиму (662 г.). Но и в таком виде слова его о славянах важны. Греческий текст их и славянский перевод XIV в. — в опис. Синод. ркп. № 129.

[1] Нестор: «Словенску языку учитель есть Андроник Апостол, — стол его в Пании» — в Паннонии. Собр. л. 1, 11. 12.

[2] О нем в прологе два известия, одно марта 26 неверное, другое августа 23 верное, взятое из Василиева менолога; в Четьях-Минеях март 26 описание близкое к современной записке. Записка очевидца о мученичестве см.: *Henschen.* Acta Sanctorum mart.; Acta martyrum sincera et selecta / Ed. A. Ruinart. Paris, 1689 (далее — Acta martyrum sincera. — *Ред.*).

[3] Menologium Basilii ad 23 Augusti. В 1807 г. найден в Баварии пергаментный сборник X в., в нем две исповеди и поучение славянского языка, с отличиями сербского наречия, писаны латинскими буквами. Поучение — то же самое, которое помещено в прологе под 25 апреля. Исповеди и поучение — образцы наставлений, предлагавшихся новокрещеным славянам. Часть поучения издана Срезневским (*Срезневский И. И.* Древние памятники письма и языка юго-западных славян // Христианские Древности и Археология. СПб., 1864). Так поучались в Паннонии при св. Иринее!

Вследствие распоряжений Диоклетиана Проб, областной начальник Паннонии, приказал доставить к нему епископа Иринея. Когда святой явился к нему, Проб объявил: «Священные законы повелевают всем приносить жертву богам». «Кто богам, а не Богу приносит жертву, погибнет», — отвечал Ириней. «Воля милостивых императоров такова, — говорил Проб, — чтобы или приносили жертву богам, или упорные терпели казнь». Ириней отвечал: «Воля истинного Бога такова, чтобы переносил я все роды страданий, но не приносил жертвы богам». Иринея подвергли жестоким пыткам. «Что скажешь, Ириней? — говорил префект. — Приноси жертву». «Приношу жертву добрым исповеданием Богу моему, Коему постоянно священнодействовал», — отвечал Ириней.

«Пришли родители святого и, увидев, что его мучат, упрашивали его пожалеть молодость свою. Тут дети, обнимая ноги его, говорили: "Пожалей себя и нас, отец"; там жена и мать умоляли. Родные рыдали, домашние стонали, соседи и друзья плакали». Но святитель оставался тверд. «Знайте, — говорил он, — ни ваша любовь, ни угрозы власти не заставят меня нарушить волю Господа моего». «Склонись на эти слезы, посоветуй умное твоей молодости», — говорил префект. «Всегда советую не приносить жертвы идолам», — отвечал мужественный Ириней. Проб приказал отвести его в тюрьму. Там он пробыл много дней и подвергался разным истязаниям.

В одно время, в самую полночь, префект сидел в суде и сюда приведен был блаженнейший мученик Ириней. Проб сказал: «Приноси жертву, Ириней, во избежание мук». «Делай, чего требует правда; а того не ожидай от меня», — отвечал святой. Проб в гневе приказал бить его палками. Ириней говорил: «С юности моей научился я чтить Бога моего; чту Его, укрепляющего меня во всем; но рукотворных богов не могу почитать». Префект опять пытался поколебать твердость его напоминанием о близких к его сердцу, особенно о детях. «У детей моих есть Бог, Который может сохранить их», — отвечал святой. «Пожалей себя, молодой человек», — говорил префект. «Делай, что хочешь; ты увидишь, какое Господь Иисус Христос подаст мне терпение», — отвечал святой. Проб сказал: «Произнесу приговор». «Буду благодарен», — отвечал Ириней. «Иринея, не повинующегося указам императорским, приказываю бросить в реку», — сказал префект; затем прибавил: «И лишить головы мечом». «Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, дарующего терпение скорбей и участие в славе вечной», — сказал исповедник.

Когда пришел он на мост, называемый Босветский[1], то, сняв одежды свои и подняв руки к небу, молился: «Господи Иисусе Христе, благоволивший пострадать за спасение мира! Да примут Ангелы душу раба Твоего Иринея, страдающего за имя Твое и за Твой народ Церкви Сремской; молю милосердие Твое принять меня и утвердить их в вере Твоей». Затем лишен он головы мечом и брошен в реку Саву.

Раб Божий святой Ириней, епископ города Срема, пострадал в 8 иды апреля (26 марта) при императоре Диоклетиане, в царствование Господа нашего Иисуса Христа.

Так говорит повествование о святом Пуллии. По другим известиям оказывается, что Паннонская Церковь украсилась тогда очень многими мучениками. По мартирологам, февраля 23 в Среме совершили подвиг мученичества 62 страдальца, которых имена остались неизвестными. «Святой Ириней, сперва мученный жестокими пытками, потом много дней томленный в темнице, лишен головы в 8 календы апреля», иначе марта 25 дня[2]. Пресвитер Монтан и его супруга Максима брошены в реку марта 26-го, и — в тот же день окончили подвиг свой 40 друзей его[3]. Апреля 9-го в Среме увенчались вместе 7 дев; это были «освященные девы» — диаконисы[4]. И в тот же день пострадали в Среме другие 5 дев, также Фортунат, Донат и другие шесть[5]. Святой Пуллий пострадал 28 апреля[6]. После него увенчались венцом мученическим, июля 4, святые Иннокентий и Савватий с 30 другими[7].

---

[1] Река Босвета, при которой расположен был Срем, несколько ниже города впадала в реку Саву.

[2] *Adon de Vienne*. Martyrologium; *Usuardi San-Germanensis monachi*. Martyrologium sincerum.

[3] *Adon de Vienne*. Martyrologium; *Usuardi San-Germanensis monachi*. Martyrologium sincerum. У Адона написано: Montani presbyteri, qui cum Maxima uxore sua tentus et in fluvium praecipitatus est. В Иеронимовом мартирологе Максима также названа женою пресвитера Монтана. У Усуарда не названа она женою Монтана, не потому ли, что ксендзы начали жить не с своими женами? Вандальберт точен:

Septima Montanum memorat cum coniuge sancta
Atque simul quadragena cum martyre passum.

У Барония в Римском мартирологе под 23 февр. Монтан назван пресвитером и потом показано: «также (страдание) святих мучеников Кодрата, Феодосия, Эмануила и других 40».

[4] *Baronio*. Martyrologium Romanum; *Adon de Vienne*. Martyrologium; *Usuardi San-Germanensis monachi*. Martyrologium sincerum.

[5] Мартиролог Иеронима и Адона.

[6] Мартиролог Иеронима, Адона и Усуарда.

[7] Иероним, Усуард. То же у Барония в Римском мартирологе.

Проб решил, говорит записка о святом Пуллии, обойти соседние города. Когда он прибыл в город Кивалис (на притоке Савы), где в прежнее гонение пострадал Евсевий, епископ Церкви Кивальской[1], то в тот же день схвачен был начальник чтецов Пуллий. «Как называешься ты?» — спросил его Проб. «Христианином», — отвечал Пуллий. «Какая твоя должность?» — спросил префект. Пуллий отвечал: «Начальник чтецов». «Это те, — говорил Проб, — которые склоняют легкомысленных жен не вступать в брак?» «Легкость нашу можешь ты испытать ныне, — отвечал Пуллий и прибавил: — легкомысленные те, которые, оставив Творца своего, довольствуются суевериями; а истинно благочестивые тверды в верности Царю Вечному и выполняют заповеди Его даже среди мук». «Что это за заповеди?» — спросил префект. «Это те, — говорил исповедник, — которые указывают на небе одного Бога и дают видеть, что Богом не может быть дерево и камень; это те, которые укрепляют праведного в добродетели и святых дев поучают достигать высшего совершенства; чистую супругу учат умеренности в деторождении; велят исполнять справедливые повеления начальства, прощать врагов, заботиться о бедных». «Что пользы в том, — сказал Проб, — если человек лишается всех удовольствий телесных?» Пуллий отвечал: «Вечный свет лучше света земного, а наслаждения неизменные слаще погибающих; а неумно предпочитать минующее вечному». «Но что до того? Исполни волю императора, принеси жертву», — сказал Проб. «Не могу этого исполнить, — отвечал Пуллий, — воля Бога Единого выше всего». «Будешь казнен мечом, если не принесешь жертвы», — сказал префект. «Твори, что приказано тебе, — отвечал исповедник. — Мне следует идти по стопам епископов, пресвитеров и всех отцов». Префект произнес приговор сжечь Пуллия. Слуги схватили мученика, и он бестрепетно, славя Бога, совершил свой подвиг в 304 году в тот же самый день, в который скончался мученически епископ Евсевий[2].

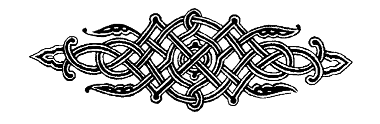
---

[1] «Прежнее гонение» было гонение Валериана 257–258 г. Cibalis — Киналь.

[2] Мученичество Пуллия см.: Acta martyrum sincera. В описании говорится: de qua (urbe Cibalitarum) Valentinianus christianissimus imperator oriundus esse cognoscitur. Валентиниан был западным императором 364–375 г. Ясно, что известная ныне редакция мученичества составлена не раньше 364 г. Что касается христианских имен: Ириней, Евсевий, Монтан и других, то еще Савельев справедливо заметил (*Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник), что как имя прп. Феодосия Печерского или Леонтия Рост. показывает, что имена даны служителями православной Восточной Церкви, а не то, что Феодосий — грек; так имена мучеников Сремских и других го-

Атилла, снявший (в 441 г.) римское иго со славян, степным язычеством своим сильно ослабил христианство в Паннонии; жестокие обры — гунны — распространили мрак языческий. При Атилле послом его в Константинополе был Орест, природный паннонский славянин и по имени христианин, а переводчиком Вигилас — Вигилий; при нем между первыми лицами были Негиш, Скотан[1]. Потом чем далее, тем становилось хуже, пока не явились здесь просветители славян Кирилл и Мефодий[2].

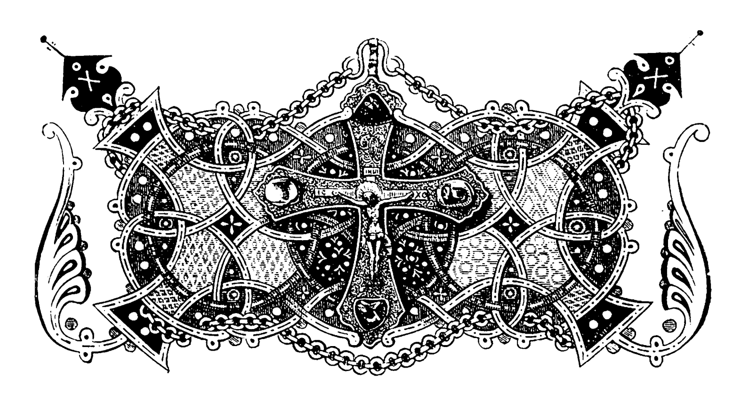
Преподобного Василия Нового. Подвизался в Константинополе и умер 944 года, ста лет от роду.

ворят только о том, что тогда проповедники веры давали имена крещающимся как греческие, так и латинские.

[1] Посольство Приска, описанное им самим: *Венелин Ю.В.* Древние и нынешние болгаре. Т. 1.

[2] Stritteri Slavica § 50. Avarica. 53–55. Quercius de bello avarico.

День двадцать восьмой

ПАМЯТЬ о святом ГЕОРГИИ епископе, пресвитерах ПАРОДЕ и ПЕТРЕ и князе БОЯНЕ, мучениках Болгарских

Когда Грубош (Крум), князь Болгарский, взяв несколько городов империи греческой, одержал (июня 29-го 813 г.) под Одрином (Адрианополем) победу над греческим войском; то, отправясь сам к Константинополю, поручил осаду Одрина сыну своему Обритому, или Крутогону, а часть пленников представлена была военачальнику Цоку[1]. В числе пленных, которых всех было более 100 000[2], были и христиане из славян. Таковы были родители будущего императора

[1] *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи; *Чертков А. Д.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича. М., 1843.

[2] Даже после января 814 г. более 12 000 пленных уведено Крумом в Болгарию, а другая часть Крумовой армии увела еще 50 000 (*Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи). Главное местопребывание Грубоша — Шумен, из которого после образовалась Шумла.

Василия Македонянина и сам Василий, тогда еще юноша[1]. «Чудный архиерей (Мануил Адрианопольский) и бывший с ним народ многих из болгаров привели к вере Христовой и посеяли семена христианского учения там и здесь, отвлекали славян от языческого заблуждения и приводили к свету Богопознания»[2]. Когда Цок увидал, что пленники так успешно распространяют веру греков, ставших ненавистными особенно за неблагородный, предательский поступок Льва Армянина с Грубошом, — Цок, столько же жестокий, сколько и фанатик язычества, потребовал от знаменитых христиан, дабы отреклись от Христа. 377 христиан, между ними два военачальника, охотно приняли мученическую смерть. Прежде других предан мучительской смерти Мануил, епископ Адрианопольский[3]. Георгий, епископ Дебелого, иначе Зого-

---

[1] *Кедрин Г.* Обозрение истории; *Зонара И.* Сокращенная история. Василия Македонянина признают славянином арабский писатель Гамза и византийский Генезий. По словам последнего, Василий земледелец любил бороться «на подрез». Переводчик Манассииной летописи говорит, что имп. Василий был «от села Белипра, близ сущего правого града Македонского» (*Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи), тогда как по словам монаха Георгия, «родился в Македонии, в округе Адрианопольском», по выражению Симеона логофета, «был родом Македонянин, по отечеству Адрианополец». По известию Кедрина (*Кедрин Г.* Обозрение истории), имп. Михаил, предпринимая возвратить Одрин, не хотел употребить стенобитных башен, чтобы иначе «скифы, живущие вокруг Адрианополя», не научились действовать этими машинами. Таким образом села, расположенные вокруг Одрина, в конце VIII века состояли из жителей скифов — славян, и Македония — означала страну славян, как и в древнее время. Близ Адрианополя гор. Берсиниция — Березница (796 и 813 г. у Феофана) горный проход Гема — Берегава (678 г. у Феофана).

[2] *Constantine VII Progenitors.* Vita Basilii. То же *Кедрин Г.* Обозрение истории.

[3] В менологе Василия под 21 января: «при имп. Льве Армянине Крум Болгарский князь, со множеством людей, осадил Адрианополь Фракийский и взял св. Мануила епископа. Сперва велел он отрубить ему руки, потом рассеченного мечом отдал в пищу зверям. За это нечестие он подпал ненависти со стороны своего народа и был задушен веревкою. Принявший власть над болгарами нечестивейший Цок собрал всех пленных христиан, воевод, священников, простых мирян, принуждал отречься от христианской веры. Болгары тогда еще не были христианами. Когда же те не захотели исполнить его волю, велел иных обезглавить, других умертвить жестокими казнями». Здесь много неверного. Грубош умер, задушенный приливом крови, в пятницу на Святой неделе апреля 14-го 814 г. (Krug byzantin. chronol.). Так как св. Мануил скончался 22 января, а в этом месяце 814 г. Лев Армянин хотел обманом умертвить Грубоша; то мученичество св. Мануила последовало конечно вслед за открывшимся обманом, января 22-го 814 г. После Грубоша наследовал престол сын его Обритый, иначе Крутогон и Муртагон. Цок никогда не был владетельным князем, а был только военачальником. Имя Цока поныне обыкновенное у болгар. Славян. перевод синаксаря 1340 г. (Записки

ры, одного из городов славянской Фракии, и, следовательно, епископ славян, также умер мучеником[1]. В числе пострадавших священников пресвитер Парод — млавянин по имени; Петр священствовал в славянском городе Мглине, и болгары особенно чтят поныне сего мученика: вблизи Тернова есть монастырь святого Петра Мглинского. Время Грубоша было весьма важным в истории южных славян. Властители их, особенно по политической борьбе с греками, еще фанатически охраняли язычество, хотя и из них один князь Цериг, в 777 году, оставив своих, принял Крещение в Константинополе от патриарха-славянина Никиты[2]. А в народе славянском святая вера имела уже десятки и сотни тысяч чтителей своих, особенно после проповеди, преподанной пленниками Грубоша славянам[3].

Императорской Академии Наук. Т. 6) неверен подлиннику, но замечательны в нем Одрин град Фрачски, Круг Болгарский князь.

[1] Феофан ясно говорит, что св. Георгий взят был в 811 г., когда взят был город Загоры (*Assemani*. Biblioteca Orientalis Clementino-Vaticana. V. II). Не только минеи (выписки in Act. Sant. Januar. 2), но и Константин Порфирогенет (Vita Basilii) относят кончину св. Георгия и других уже ко времени Обритого. Но Обритый ли мучил христиан? Так как Обритый всегда был более расположен к христианам, чем отец его, и пленные поручены были Грубошем Цоку, то мучение христиан справедливо приписывается в месяцеслове Василия Цоку.

[2] *Stritteri*. Bulgarica; Slavica; *Baronius*. Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 772; *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи.

[3] Историк чудес святого Димитрия Солунского говорит о пленниках аварского кагана: «с того времени (со времени пленения) они (христиане) смешались с болгарами, анарами и другими язычниками и, когда родили одни от других детей и возросли в многолюдный народ, то дети от родителей переняли расположение и любовь к нравам греческим; чрез веру православную и живительное крещение умножилось христианское племя». Кубарь с этим народом около 640 г. перешел Дунай и поселил его невдали от Охриды (*Филарет Черниговский*. Св. Великомученик Димитрий Солунский и солунские славяне // Чт. ОИДР. 1847. Кн. 6.). Окончательное и самое многолюдное переселение славян с северного берега Дуная в древние южные свои места совершилось с 678 г. Тогда они, соединясь с оставшимися на юге славянами, стали властвовать над колонистами греками во Фракии, Македонии, Иллирике, — образовалось Болгарское княжество (*Константин Багрянородный*. О фемах; *Зонара И*. Сокращенная история; *Кедрин Г.* Обозрение истории; *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи). «О начале христианства, его распространении и утверждении (?) между Болгарами» см. в: Христианское Чтение. СПб., 1858. Здесь много собрано сведений верных, но довольно пропусков и ошибок. Лев Мудрый (*Leonis Imperatoris*. Tactica) писал: «и славяне в древности были свободными, когда жили за Дунаем. Но римляне победили славян, проводивших жизнь пастушескую, и прежде, чем перешли те через Дунай, покорны были игу Римской власти... Перешедши же (из-за Дуная)

Сын Грубоша Обритый, иначе Крутогон, помирился с империей и отпустил пленников[1]. Киннамон, прекрасный по наружности и еще более прекрасный по душе, понравился Обритому, и он оставил Киннамона при себе. Князю не по душе было, что тот христианин; но он думал, что ласками и милостями склонит его к языческой жизни. Между тем, Киннамону довелось воспитать в молодом болгарском князе Бояне мученика святой веры. Когда совершалась торжественная жертва, Киннамона пригласили в числе славянской знати к участию в жертве. Искренний христианин отвечал: *Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую* (1 Кор. 10, 21). Его привели насильно к месту жертвы. Он смело объяснял ничтожности языческих богов и преступную глупость поклонения им. Против него зашумели с неистовою злобою, жестоко избили его и бросили в смрадную тюрьму. Обритый не был против христиан; заключив мир с империей, он обратился против немцев и в 824 году спас императора Михаила от бунтовщика Томы[2]. И однако Киннамон, по злости фанатиков язычества, пробыл в тюрьме до смерти Обритого (826 г.)

Когда взошел на Болгарский престол сын Обритого Маломир, иначе Владимир, брат его Боян, давно познакомившийся с Киннамоном, просил Маломира отыскать и прислать к нему Киннамона. Желание его было исполнено. Боян, увидав Киннамона, изумился, что тот до крайности истощен и исхудал. Киннамон объяснил, что неважно истомление тела, а очень опасно, если душа истомлена. «За что же ты так страдал?» — спросил князь. Киннамон отвечал, что ничего худого

не хотели более покоряться никому, как своим; они думали, что лучше быть под властью и законами князя своего племени, чем у римлян. Так они остаются одинаковыми до наших времен, хотя приняли освящение Св. Крещения». О времени возвращения славян в Македонию и Эпир — в болгарском переводе Манассииной летописи. Здесь оно относится ко времени имп. Анастасия (491–518). См.: *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1837. № III. Кодин о зданиях Константинополя: «монастырь Дамиана построил Дамиан, родом славянин, префект постельничьих при имп. Феофиле иконоборце» (*Georgius Codinus*. De antiquitatibus Constantinopolitanis).

[1] *Constantine VII Progenitors*. Vita Basilii. Мир заключен и пленники отпущены в 817 г. (*Assemani*. Kalendaria Ecclesiae Universae. T. 2). У Георгия монаха по некоторым спискам сказано, будто Крум полагал препятствия возвращению пленных; но в других списках препятствовавший назван Κόμης — Комис, граф (*Stritteri*. Bulgarica. § 73). В этом Комисе нельзя не узнать милого Цока.

[2] *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи.

не делал он, только тьма не любит света. В долгой беседе искренний и просвещенный христианин объяснил князю-язычнику несчастие язычества славянского и пагубу языческой жизни, равно неизбежную нужду христианства для вечности человеческой. Бог неба и земли, говорил христианин, унижается и оскорбляется поклонением болвану Перуну; солнце — творение Божие, а не Даждьбог; огонь также творение Божие, а не бог Сварог[1]; все язычество — дело грешного человечества, по движениям страстей и в угоду страстям придумавшего богов. Жертвы и омовение не очищают грешной души, а только питают грешную плоть[2]. Без Христа Иисуса нет света для ума, нет жизни для души. Он один и Учитель человечества, и Спаситель наш, примиривший правду Божию Своею смертью с виновным человечеством. Не желаешь себе погибели? Веруй в Господа Иисуса. Боян с радостью принял Крещение и стал посвящать жизнь свою молитве, богомыслию, посту. Маломир, узнав об обращении брата к христианству, потребовал от него со всею настойчивостью отказаться от веры греков. «Лучше приму смерть, чем решусь жить жизнью язычника; чту Христа Спасителя моего и умру за Него», — отвечал Боян. Владетельный князь-язычник осудил брата-христианина на смерть. Исповедник, идя к месту казни, исполнился духа пророческого. «Вера, — говорил он в слух всех, — за которую я ныне лишаюсь жизни, распространится по всей стране Болгарской. Напрасно думают остановить ее моею смертью. На всяком месте постановлено будет знамение креста; а идолы и их жертвенники с храмами исчезнут. Жаль, что брат мой Маломир скоро потеряет жизнь». Предсказание исполнилось и, прежде всего, над братом: Маломир скоро умер вовсе неожиданно (830 г.); мученик князь скончался от удара меча[3].

---

[1] О божествах болгарских св. Григорий в переводе Маладовой летописи у князя Оболенского (*Оболенский М.А.* Летописец Переяславля Суздальского // Временник МОИДР. М., 1851. Кн. IX). См.: Черниговские Епархиальные Известия. 1863, 1864.

[2] Симеон Логофет: «Крум, по обычаю народа устроив жертвенник за золотыми воротами, принес в жертву множество скота и людей; потом, погрузив ноги у морского берега, омылся водою и очистил народ свой (*Stritteri.* Bulgarica). О руссах Святослава Лев Диакон: «совершая празднество, умертвили младенцев и петухов, погрузив их в воды Дуная» (*Leo Diaconus.* Historia. Bonnae, 1828).

[3] Феофилактово житие мучеников в переводе Савельева (*Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник), впервые объяснявшего Византийскую путаницу о болгарских князьях, но не везде удачно. О происхождении болгаров подробное исследование С. Уварова: De Bulgarorum utrorum que origine et sedibus antiquissimis. Dorpatiae, 1853. Сочинитель, знакомый с источниками и пособиями, доказывает, что

ПАМЯТЬ преподобного ИЛАРИОНА ГДОВСКОГО

Блаженный Иларион обучал себя молитве и подвижничеству у преподобного Евфросина Псковского. Но потом воспламенился усердием основать обитель молитвенников там, где ее не было, в нынешнем Гдовском уезде. В 1424 году в Гдове построена была псковитянами крепость как пограничная охрана против ливонских немцев и шведов[1]. Иларион на берегу реки Желчи основал в 1460 году Покровский-Озерский монастырь. Обитель должна была бороться и со скудостью средств содержания, и с опасностями со стороны немирных соседей — папистов. Нелегко было жить вблизи диких эстов, а еще тяжелее было от тех, которые под именем веры налагали на других железную власть папы и такую же немецкую. Преподобный Иларион мужественно подвизался для искреннего благочестия до смерти, которая последовала 28 марта 1476 года[2].

Обитель его в 1623 году была еще самостоятельною, а в 1695 году приписана к Псковскому архиерейскому дому[3]. Мощи его почивают под спудом в храме обители его, закрытой в 1764 году[4].

Дунайские болгары — славяне и их родина — Карпаты, тогда как родина Волжских болгаров — Кавказ.

[1] Поныне еще видны здесь остатки каменных бойниц у земляного вала. По народному говору Гдовск в древности назывался Вдовск, потому будто бы, что дан был во владение вдовствующей вел. кн. Ольге. По книге Большого чертежа: «от Иваня града 70 верст у Чудского озера град Гдов» (Книга, глаголемая Большой Чертеж / Изд. Спасский Г. И. М., 1846).

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* История княжества Псковского. Ч. 3. Ркп. святцы: прп. Иларион, игумен Покровского монастыря, иже на Желчи, был (Отен. сп. «преставился») в л. 6984 г. марта 28 д.

[3] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 3. В 1662 г. «за Покровским Озерским монастырем — 33 двора».

[4] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Новый и полный географический словарь Российского государства / Под ред. Л. М. Максимовича: В 6 ч. М., 1788–1789. Ч. 2 (далее — Новый и полный географический словарь. — *Ред.*).

ПАМЯТЬ преподобного ИЛАРИОНА НОВОГО, игумена Пеликитского монастыря

Еще в юности возложив крест на рамена свои, преподобный отрешился от всех сладостей мира и, предавшись иноческим трудам, скоро превзошел всех строгою жизнью и добродетелями. Впоследствии был посвящен в сан пресвитера и игумена Пеликитской обители в Малой Азии, близ Геллеспонта.

В царствование императора Константина Копронима Иларион потерпел гонение за почитание икон (и скончался около 754 г). Он называется Новым — в отличие от Илариона Далматского, также исповедника, потерпевшего гонение при Льве Армянине.

Преподобный Иосиф песнописец прославляет Илариона в следующих выражениях: «Честна твоя явилася пред Богом смерть, отче священнейший, Того бо почтил еси икону и гонение претерпел еси, оскорбляем от мучителей, преподобный, мученик в сем показываясь!» (3-й тропарь 8-й песни).

Касаясь письменных наставлений Илариона, песнописец прибавляет: «Сказание словес Божественных творя, разум Божественный, отче, оттуда почерпал еси, всем же предал еси благочестие». «Слово твое происходит яко же роса, отгоняя зной уныния, преподобный» (2-й тропарь 4-й песни и 2-й тропарь 7-й песни).

Между прочими письменными наставлениями Илариона сохранилось известным послание его, озаглавленное: «К старейшему брату моему и рабу Христову аз убогий и мний Иларион, малейший разумом и неключимый ни в коем же деле благе. Все, отрекшиеся мира сего, приемля иноческий образ и взяв на плечо крест Христов, нарекшись приемниками апостолам! Возлюбим нравы тех, которых образ носим, последуем тем, которых учениками нарицаемся, возненавидим земное, по примеру отцов наших. Придите, вопросим самовидца и слугу Слова Божия, любимого ученика Христова, возлегшего на перси Господни и почерпавшего там мудрость: придите, мятущиеся среди земных вещей, придите, двоедуш-

ные, не отверзшиеся мира и присваивающие жизнь вечную; придите, вопросим Иоанна Девственника, и он возвестит полезное. Глаголи нам, глаголи, Иоанне Богослове, что сотворим, да спасемся? Какими хитростями можем избавиться муки и обрести Жизнь Вечную? Хочется нам Царствия Небесного, но правда ли, что хотим? Не видно; мы увлекаемся любовью к миру; любим золото, собираем имение, любим дома светлые, любим славу, честь, красоту; и это очевидно для каждого. Поведай же нам истину, Апостоле, разбери спор наш, примири нас, да будем единомысленны; богатые между нами иноки укоряют нищих, нищие осуждают богатых. Отвечай нам, красота Апостолов, Иоанне, отвечай нам, громогласные уста. И вот возглашает он: "Аз, яко слышал и видел у Самого Слова Божия, так же и проповедаю: *Не любите мира, ни яже в мире, аще бо кто любит мир сей, несть любви Отчей в нем* (1 Ин. 2, 15)"»[1].

ПАМЯТЬ преподобного ИСИХИЯ БОГОСЛОВА, пресвитера Иерусалимского

Исихий, уроженец и с 412-го года — пресвитер Иерусалимский, ученик святителя Григория Богослова, почитается одним из знаменитейших учителей Церкви. «Все Священное Писание изъяснил и изложил он с ясностью и предложил для общей пользы, почему для всех он был весьма знаменит и удивителен»[2].

В одной из пустынь Палестинских Исихий проводил жизнь подвижническую и вместе с тем был ревностно предан ученым исследованиям и изучению духа христианства. До двенадцати «Бесед» Исихия известны и в настоящее время: содержание их, большею частью, составляют события из жизни Иисуса Христа и Божией Матери или те святые Божии, местом подвигов которых была преимущественно

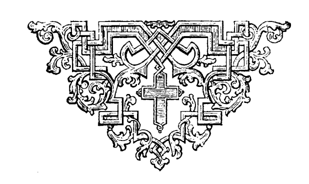
[1] Об Иларионе исповеднике см.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. Т. III, § 258.

[2] Месяцеслов имп. Василия.

Святая Земля. Одна из бесед Исихия начинается так: «Память о праведниках подлинно должна быть освящена, и каждый праздник в честь их есть праздник священный. Ибо все они мужественно подвизались за веру, все понесли труды за верное исповедание, все, по мановению Божию, отдали себя опасностям, чтобы достигнуть венцов истины. Но праздник, который совершается ныне, выше всякой хвалы, — это есть торжество Девы, Которая до того превосходит всех, что приняла Самого Бога-Слова, без стеснения обняла Его. Прежде всего Архангел Гавриил возвестил: *Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!* (Лк. 1, 28)»

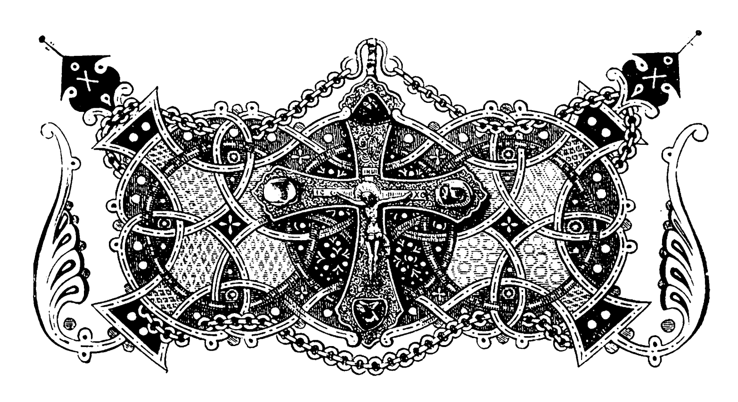
Великою назидательностью отличается также сочинение святого Исихия «Душевное учение о трезвении и добродетели», писанное для инока Феодула[1].

Преподобный Исихий мирно скончался в 434-м году[2].

[1] На русском языке в «Христианском Чтении» (1827 г.).

[2] См.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. Т. III, § 203.

День двадцать девятый

ПАМЯТЬ святых мучеников МАРКА ЕПИСКОПА, КИРИЛЛА ДИАКОНА и многих других

О Марке, епископе города Аретузы в Сирии, говорит Григорий Богослов (в первом слове на Юлиана), что «при императоре Констанции, по данной тогда христианам власти, он разрушил одно демонское жилище и многих от языческого заблуждения обратил на путь спасения не менее своею светоносною жизнью, как и силою слова. За это жители Аретузы, приверженные к почитанию демонов, негодовали на него. И когда дела христиан поколебались, а язычество начало воздыматься при Юлиане Отступнике, то Марк, видя против себя движение толпы, сначала решается бежать, не столько по малодушию, сколько следуя заповеди, которая повелевает бегать из города в город (см.: Мф. 10, 23) и уклоняться от гонителей; но, узнавши, что многих за него влекут и гонят, не захотел жизнью других искупать свою безопасность, возвратился из бегства и выдал себя народу — делать с ним что хотят. С него потребовали или построить вновь разрушенное капище, или заплатить положенную ими высокую цену за него; и когда он отказал, то подвергли самым неистовым пыткам: влекли его по улицам, сталкивали в нечистые ямы, волочили за волосы, не оставили ни одной части

тела, над которою бы не наругались. Язычники, наконец, сбавили цену до самого малого количества и вынуждали уплаты, применяя самые изысканные пытки: уши резали нитками, облитого медом выставляли на зной и съедение осам и пчелам. Но святой старец, не о деньгах помышляя, а о святой вере ревнуя, мужественно терпел пытки». И видя твердость дивного старца, говорит историк (Феодорит 3, 6), арефузяне умилились и пустили его свободным: затем от него же поучались и были все христианами. Скончался мирно в глубокой старости.

Кирилл был диаконом Илиопольской церкви в Финикии, где сокрушил много идолов при Константине Великом; а в царствование Юлиана язычники умертвили его и, мертвому разрезавши живот, в ярости кусали зубами. Тогда в Газе и Аскалоне много мучеников обоего пола умерло среди мук: изуверы рассекали на части тела их, пожирали сырые печени их, а другие посыпали внутренности ячменем и отдавали на съедение свиньям.

ПАМЯТЬ преподобных ИОНЫ и МАРКА ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИХ

Преподобный Иона, в мире Иоанн, был священником в городе Юрьеве (Дерпте), куда прислан был из Москвы. По последнему обстоятельству псковичи называли его шестником (переселенцем). В Юрьеве прожил он два года с половиной, усердно исправляя дела звания своего для русских, населявших русский конец Дерпта. Немцы, тогда усердные слуги папы, стали принуждать его и его детей к унии. Благочестивый пастырь терпел разные оскорбления, но в 1470 году он вынужден был удалиться в Псков вместе с супругою и детьми. Узнав здесь, что товарищ его, блаженный Исидор, мужественно претерпел страдальческую смерть за святую веру, он решился на страдания пустынной жизни. Дошло до него сведение, что на границе Лифляндии, на реке Каменке, есть природная пещера; он пошел, осмотрел ее и полюбил уединенную местность, тем более что здесь надеялся он иметь сношения и с гонимыми

чадами Православия. Взяв супругу и детей из Пскова и поместив их у владельца земли, где была пещера, сам начал копать в горе за пещерою место для храма Божиего. Вскоре супруга его, в иночестве Васса, умерла и положена была в пещере. Иоанн принял иночество с именем Ионы. Окончив пещерный храм и при нем две келлии, испросил он у архиепископа Феофила благословение на освящение храма, и храм освящен был в 1477 году псковскими священниками в честь Успения Богоматери. При освящении храма пред храмовою иконою исцелела слепая: это утешило искреннего подвижника. Владелец места Иоанн Дементьевич уступил под монастырь землю на версту вокруг обители. Блаженный Иона усердно подвизался в пещере и здесь свято почил около 1480 года. По смерти его на его теле найден кольчатый панцирь, который носил он на себе тайно, для усмирения плоти; панцирь повесили над гробом его; немцы в одно из нападений своих унесли и эту собственность святого старца. Мощи его честно положены в пещере[1].

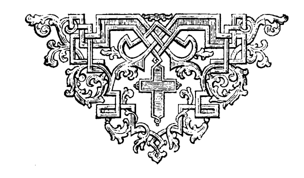
Прежде преподобного Ионы подвизался в той же природной пещере преподобный Марк. Звероловы видели его то у трех камней на горе, то на потоке Каменке, близ того места, где после найдена пещера; два из этих камней и теперь еще видны близ кровли Успенской церкви, обросшие мхом, под вековыми дубами; один весь на поверхности, другой глубоко опустился в землю, но третий уже совсем ушел в нее. Летопись передает рассказ очевидца зверолова Изборского: «Раз случайно пришли мы с отцом на край горы (где теперь церковь Богородицы) и слышим как будто церковное пение; пели стройно, благоговейно, а певцов не видно было, и воздух наполнен был благоуханием фимиама». Без сомнения, это были пустынники, совершавшие в пещере вечернее Богослужение, — блаженный Марк с одним или двумя учениками. Преемник преподобного Ионы внес блаженного Марка в синодик как первого подвижника Псковской пещеры. Преподобный Корнилий в свое время усомнился в верности записи, так как не найдено письменного памятника о его подвигах, и велел изгладить имя его из синодика. Но внезапно пораженный болезнью, он известился в духе о причине болезни и велел несть себя к гробу старца. Здесь, испросив себе прощение слезною молитвою, он получил исцеление и повелел опять внести преподобного Марка в синодик[2].

---

[1] Руский времянник. Ч. 2; Повесть о начале и основании Печерского монастыря.

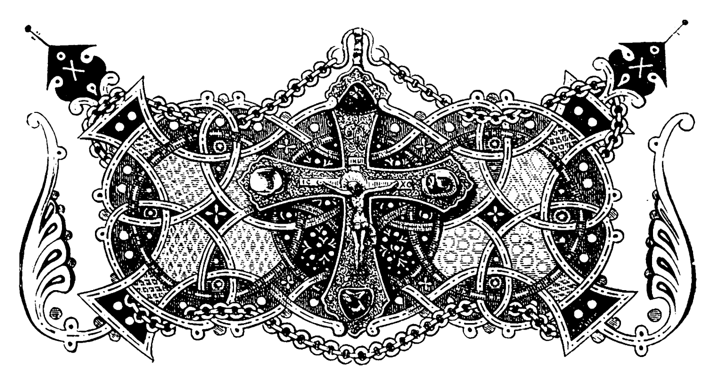
[2] Повесть о начале и основании Печерского монастыря. Ркп. святцы: «преподобные отцы Печерские, первоначальник Марк и Иона священноинок и строитель,

В 1642 году по грамоте Псковского епископа Геннадия устроены были новые гробницы с покрывалами, и в них с пением псалмов положены были мощи первых подвижников пещеры; гробница преподобного Марка и преподобного Ионы поставлены были на прежних местах: первая под образом Спасителя, вторая — при входе в пещеру на правой стороне; гробница же преподобной Вассы с левой стороны перенесена на правую[1].

в л. 6900 месяца марта в 29 день». По Отен. списку «память их марта 20 дня». Между рукописями патр. Филарета, по описи 1630 г., «Повесть о Печерском монастыре и о первом старце Марке и о чудесах Пресв. Богородицы»; еще две книги «о Печерском монастыре, что во Пскове» (*Иванов П.И.* Описание Государственного разрядного архива).

[1] Повесть о начале и основании Печерского монастыря.

День тридцатый

В сей день распят был Господь наш Иисус Христос, в лето от сотворения мира 5541.

ПАМЯТЬ святого нового священномученика ЗАХАРИИ, епископа Коринфского

Небольшого повода бывает достаточно, чтобы воспламенить вечно возбужденное настроение магометан против христианского населения, но в настоящем случае без всякого повода, единственно только пастырскими своими добродетелями возбудил ненависть мусульманского населения «добрый и богобоязненный пастырь стада Христова, сиявший на кафедре своей, как лампада на свечнике», — как выражается о нем описатель жизни его.

Турки оклеветали его в тайной переписке с «франками», которых будто бы епископ призывал в Коринф и обещал помочь им завладеть городом. С яростью набросился взволновавшийся такими вестями народ на жилище христианского епископа, и, закованный в цепи, осыпаемый побоями и проклятиями, Захария был приведен к судье. Тот, без всяких допросов, предложил святителю принять ислам.

«Сохрани меня Бог от такого безумия! — отвечал епископ, — избави Боже, чтобы я отрекся от Господа моего Иисуса Христа, Бога истинного! Нет, я верую в Него, Бога всемогущего, Творца всего мира, и готов пролить кровь мою за святое имя Его!»

Возобновление побоев было ответом на эти слова нового исповедника Христова; потом его заключили в тюрьму, где подвергли таким жестоким пыткам, на которые только способен изощриться магометанский фанатизм. Терпение мученика оказалось однако же выше даже жестокости мучителей, которые наконец придумали мучительнейшую смерть для своей жертвы — пронзить вертелом страдальца и жарить его, как агнца на огне...

Однако же, с помощью большого выкупа удалось возмущенным таким приговором, преданным своему святителю христианам избавить его от такой лютой смерти. Приговор был смягчен, и епископ Захария был обезглавлен в своей епархии в третье воскресенье после Крестопоклонной недели, в 1684-м году.

ПАМЯТЬ преподобного ЗОСИМЫ, епископа Сиракузского

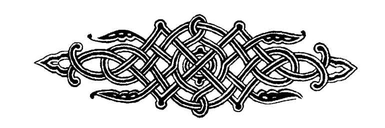
Рукоположен во епископа папою Феодором (641–649) из настоятелей одного монастыря, в котором он был тридцать лет иноком, а потом в продолжение сорока лет — настоятелем и пресвитером. В епископстве преподобный Зосима отличался в особенности милосердием, так что однажды снял с себя одежду, чтобы вырученные за нее деньги отдать бедным; руководил паству свою и словом и примером: украсил храм Божией Матери. Пораженный предсмертной болезнью, он лежал на грубой подстилке, покрытый худою одеждою, и когда постельничий императора Константина II (642–668), последние шесть лет царствования жившего в Сиракузах, Евпраксий подарил больному богатую постель, то он, немного полежав на ней, велел продать ее и деньги

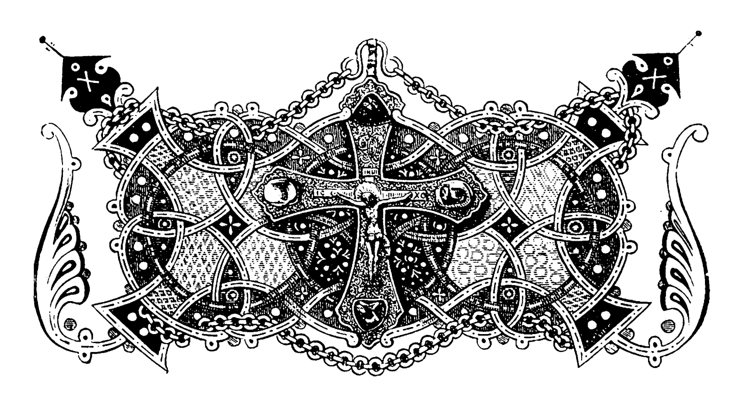

употребить на призреваемых бедных. После 13-летнего управления своею паствою святой Зосима скончался около 662 года. Многие больные исцелены были при кончине его при одном прикосновении к его гробнице.

Святого апостола Кифы, от 70-ти. По преданию, епископствовал в Иконии. О нем упоминает апостол Павел, говоря, что Христос по воскресении явился Кифе, потом двенадцати (см.: 1 Кор. 15, 5). См. 4 янв. в соборе 70.

Преподобной Монаки Александрийской IV века. Это — девственница, вразумленная в своей гордости и любостяжании Макарием, надзирателем богадельни увечных. См. 3 марта о святой Пиаме.

ПРАЗДНИКИ ПЕРЕХОДЯЩИЕ

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Святая Церковь в субботу перед шестою неделею Великого Поста вспоминает воскрешение Лазаря.

Исполняя закон ветхозаветного общественного Богослужения (см.: Исх. 23, 17) и творя волю пославшего Его Отца, Иисус Христос во дни Своей земной жизни ходил на праздник ветхозаветной пасхи в Иерусалим. Четыре пасхи объемлют время Евангельской спасительной проповеди, которую начал Он после крещения Своего и продолжал до Своего вознесения. Так Иисус Христос шел в Иерусалим и на праздник последней Своей пасхи, несмотря на то, что Божественная слава учения и чудес Его, распространившаяся уже повсюду в земле обетованной, сильно вооружила против Него завистливых старейшин иудейских, которые давно замышляли и старались предать Его смерти. Последнее путешествие Иисуса Христа на пасху еще более явило и увеличило Его Божественную славу, а равно усилило зависть и ненависть к Нему книжников. Первое событие при этом путешествии, особенно прославившее Господа и умножившее против него злобу синедриона иудейского, было воскрешение Лазаря четверодневного, совершенное Господом при стечении многочисленного народа и обратившее многих к вере во Иисуса Христа (см.: Ин. 11, 45).

Лазарь был еврей и фарисей, сын Симона фарисея (см.: Мф. 26, 6), родом из Вифании. Господь часто во дни Своей земной жизни заходил в дом Лазаря, которого с сестрами его Он любил и называл другом Своим (см.: Ин. 11, 3, 5, 11). Господь допустил его умереть, да прославится

Сын Божий и да веруют Его ученики (см.: Ин. 11, 4, 15). Услышав о воскрешении Лазаря, иудейские первосвященники и старейшины говорили о Иисусе Христе: *что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют и местом нашим и народом* (Ин. 11, 47–48). Архиерей Каиафа дал синедриону совет, послуживший пророчеством о спасительной силе крестной смерти Иисуса Христа:

Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб (Ин. 11, 49–50). С того дня положили непременно убить Иисуса Христа, обнародовав повеление взять Его, где только увидят (см.: Ин. 11, 53). Воскрешение Лазаря так озлобило книжников и первосвященников, что они решили убить не только Воскресителя, но и воскрешенного (см.: Ин. 12, 10). Лазарь удалился на остров Кипр, где впоследствии он поставлен был от апостолов епископом, Богоматерь даровала ему омофор, сделанный Ее руками. Жил Лазарь по воскрешении 30 лет и хранил строгое воздержание. Вторично преставился он в Кипре. В IX веке Византийский император Лев Философ перенес мощи праведного Лазаря из Кипра в Константинополь.

Православная Церковь, по окончании Четыредесятницы вступая в неделю страданий и смерти Господа, начинает свои священные воспоминания с Лазарева воскрешения, послужившего началом решительного восстания иудейского совета для погубления Спасителя и даже Лазаря.

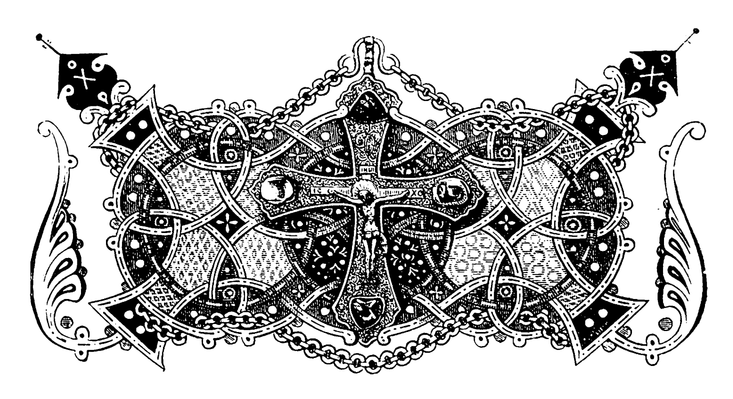
Воскрешение Лазаря Церковь воспоминает с древних времен христианских. Отцы Церкви IV века святитель Амфилохий, епископ Иконийский, святитель Иоанн Златоустый, блаженный Августин и другие оставили нам свои поучения, произнесенные ими в Лазареву субботу. «Сегодня, — говорит святитель Златоуст, — Лазарь, воскрешенный из мертвых, уничтожил для нас многие и различные соблазны». В VII веке святой Андрей Критский написал также беседу на четверодневного Лазаря и канон, ныне поемый Церковью. В VIII веке Косма Маиумский и Иоанн Дамаскин предали Церкви также каноны на день Лазарева воскрешения, ныне поемые Церковью. В конце IX века император Византийский, Лев Философ, перенесши мощи святого праведного Лазаря от Кипра в Константинополь, составил на день воскрешения его некоторые из священных песнопений, ныне употребляемых Святой Церковью.

По гласу Церкви воскрешением Лазаря Иисус Христос хотел, между прочим, показать в Себе Бога и человека, уверить учеников Своих в будущем Своем воскресении, всех — в общем воскресении мертвых, — грешникам явить образ духовного воскресения. Действительно в лице Своем Господь Иисус Христос явил при гробе Лазаря очевиднейшим образом Божество и человечество. Как Бог всеведущий, Он возвестил ученикам Своим о смерти Лазаря, не быв уведомлен об этом. Господь приходит в Вифанию; Марфа и Мария, сестры умершего Лазаря, и другие всенародно исповедуют Иисуса Христа всемогущим и Сыном Божиим. «Господи, — говорит Марфа, — аще бы Ты здесь был, не был бы брат мой мертвым. Но и ныне вем, если сильно будешь умолять Бога, даст Тебе Бог (см.: Ин. 11, 21–22). Ей, Господи: я верую, ибо Ты — Христос, Сын Божий, Который придет в мир». То же произносит и Мария, падши к ногам Спасителя. Равно и другие иудеи говорят о Нем между собою: видишь, как любят Его; *не мог ли Он, открывший глаза слепому, сотворить, чтобы и этот не умер* (Ин. 11, 36–37). Тогда и Сам Иисус Христос всенародно нарекает Себя жизнодавцем. *Воскреснет брат твой*, говорит Он в утешение Марфы: *Я — воскрешение и жизнь: веруяй в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живый и верующий в Меня не умрет во веки* (Ин. 11, 23, 25–26). Наконец как истинный Бог Иисус Христос после краткой молитвы ко Отцу Небесному всемогущим словом Своим воскрешает Лазаря на четвертый день по смерти его. «Тебе, Владыка, всех Царю, вся возможна, — говорит Церковь, — глас Твой разрушил адово царствие, и слово власти Твоей восставило из гроба четверодневного, и Лазарь бысть спасительное прообразование пакибытия».

Как истинный человек Иисус Христос пришел в Вифанию, где жил и умер Лазарь, и видя сестру умершего друга Своего плачущую и пришедших с нею плачущих, Он возмутился Сам, прослезился, и яко несведущий спросил: *где положили его?* (Ин. 11, 34) Так Господь предстал гробу Лазареву, «уверяя нам два существа Своя», — говорит Церковь. Как человек спросил: «где погребся, и как Бог воскресил четверодневного».

Рыдаешь, Иисусе — сие смертного существа:
Оживляешь друга Твоего, сие Божественныя крепости, —

говорит синаксарь в субботу Лазарева воскрешения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ
Память святителя
СОФРОНИЯ,
епископа Иркутского

Святитель Софроний, епископ Иркутский, известный под фамилией Кристалевский (в миру Стефан), родился в Малороссии в Черниговском полку в 1704 году. Отец его Назарий Феодоров был «посполитый человек» (то есть простолюдин, крестьянин; в данном случае служивый крестьянского происхождения).

Детские годы святого Стефана проходили в местечке Березань Переяславского уезда Полтавской губернии, где поселилась семья после увольнения отца со службы. У святого Стефана было два брата и сестра Пелагея. Имя одного брата — Павел, имя другого, старшего, неизвестно, но есть сведения, что он был впоследствии наместником Красногорского Золотоношского монастыря. С возрастом святой Стефан поступил в Киевскую Духовную академию, где в то время обучались два других будущих святителя — Иоасаф, епископ Белгородский (10 декабря 1754 г.), и Павел, митрополит Тобольский (4 ноября 1770 г.).

Получив духовное образование, святой Стефан поступил в Красногорский Преображенский монастырь (позднее переименован в Покровский, а с 1789 г. преобразован в женский монастырь), где уже подвизался его старший брат. 23 апреля 1730 года он принял постриг

с именем Софроний, в честь святителя Софрония, патриарха Иерусалимского (память 11 марта).

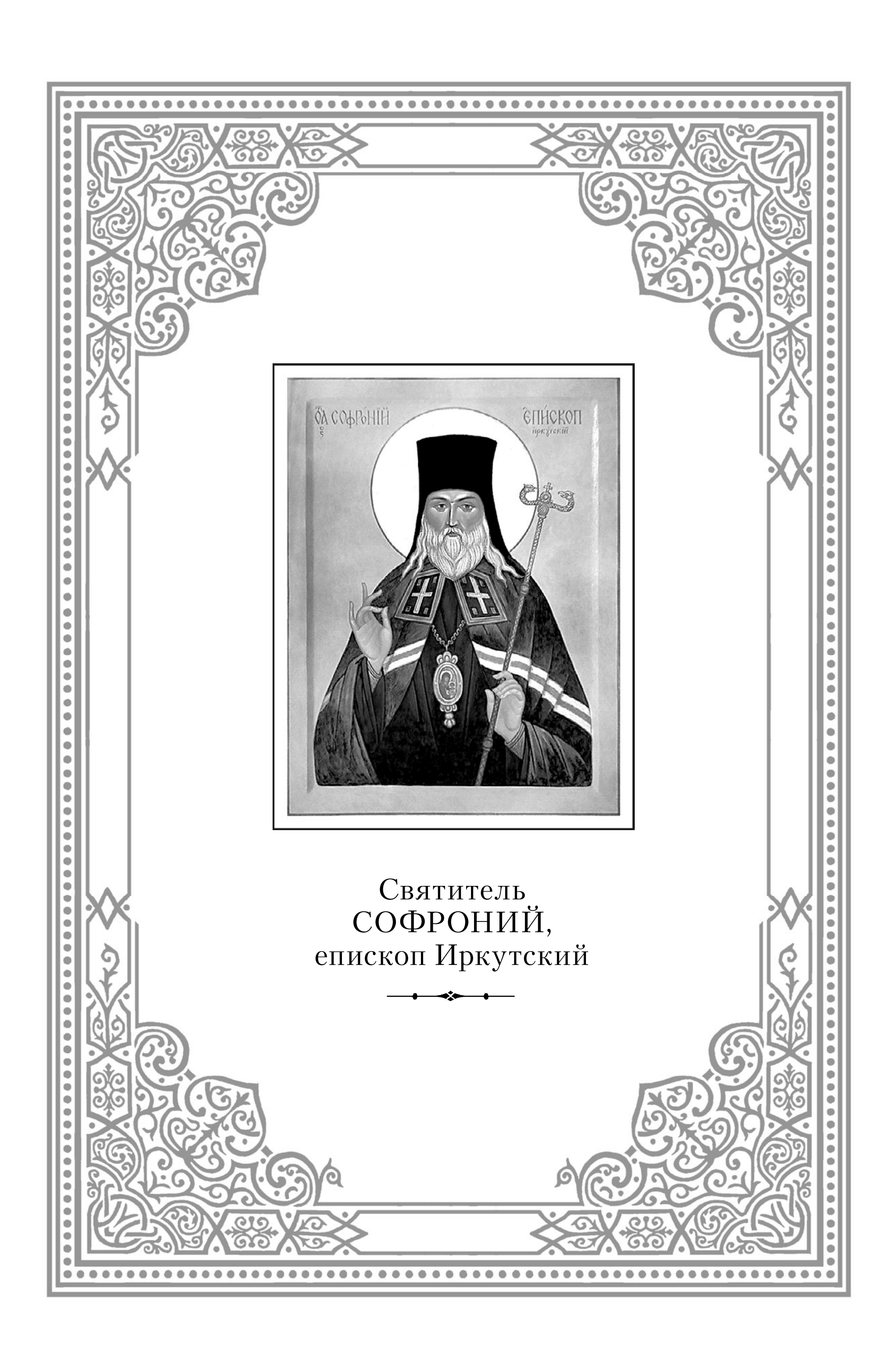
В ночь после пострижения в монашество святой инок Софроний услышал в Покровском храме голос: «Когда будешь епископом, построй храм во имя Всех святых», — предуказавший его будущее служение. Через два года, в 1732 году, его вызвали в Киев, где в Софийском соборе хиротонисали в сан иеродиакона, а потом иеромонаха. О последующем периоде жизни святого Софрония в его послужном списке говорится следующее: «После посвящения в оном Золотоношском монастыре казначеем был два года, а потом взят по указу Переяславской епархии преосвященного Арсения Берлова в дом его архиерейский, в котором был экономом 8 лет по взятии в Александро-Невский монастырь, от которого во оные годы послан был в Санкт-Петербург за делами его архиерейскими, за которыми в ходатайстве пребыл два года».

Эти данные достаточно конкретно свидетельствуют о жизненном пути святителя. Проходя послушание у правящего архиерея в Переяславле, он часто уединялся в расположенном недалеко Преображенском монастыре для безмолвного созерцания и других иноческих трудов.

Во время пребывания иеромонаха Софрония по архиерейским делам в Петербурге на него обратили особое внимание в Синоде. Когда возникла необходимость пополнить братство Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге, то в числе 29 иноков, вызванных из разных монастырей России в январе 1742 года, был и будущий святитель. Год спустя его назначили казначеем монастыря, а в 1746 году он был утвержден в должности наместника обители, которую исполнял более семи лет.

В помощь себе иеромонах Софроний вызвал своего земляка, уроженца города Придлки иеромонаха Синесия и поставил его строителем Ново-Сергиевой пустыни, приписанной к Александро-Невскому монастырю. С того времени дружба двух подвижников — иеромонаха Софрония и иеромонаха Синесия — все более крепла в едином пастырском делании. Они были неразлучны вплоть до кончины обоих на сибирской земле. В эти годы святой Софроний много трудов положил на благоустройство обители и улучшение преподавания в находившейся при ней семинарии. Совместно с архиепископом Феодосием он заботился о должном укомплектовании монастырской библиотеки.

При нем была построена двухэтажная церковь: верхняя во имя святого Феодора Ярославича, старшего брата Александра Невского, и нижняя во имя святого Иоанна Златоуста.

Святитель
СОФРОНИЙ,
епископ Иркутский

В 1747 году скончался Иркутский епископ Иннокентий (Нерунович). Шесть лет самая большая по территории Иркутская епархия оставалась без духовного окормления. Наконец императрица Елизавета Петровна (1741–1764) указом от 23 февраля 1753 года рекомендовала Святейшему Синоду благочестивого наместника Александро-Невского монастыря Софрония, как «лицо, не только достойное епископского сана, но и вполне могущее оправдать желание и надежды государыни и Синода — подъять бремя епископского служения на далекой окраине и удовлетворить нужды паствы в суровой стране, среди дикой природы и произвола людского».

18 апреля 1753 года, в Неделю о Фоме, в большом Успенском соборе московского Кремля Софроний был рукоположен во епископа Иркутского и Нерчинского. В Москве большие услуги святителю оказал архиепископ Московский и Севский Платон (Малиновский), который участвовал в его хиротонии. Он преподал ему отеческие наставления на предстоящий подвиг, так как был хорошо знаком с особенностями сибирского духовного быта, предупреждал о своеволии местных властей и советовал подобрать надежных помощников.

Предвидя трудное служение в отдаленном сибирском крае, новопоставленный святитель не сразу отправился в Иркутскую епархию, но начал подбирать образованных и духовно опытных сотрудников. Святитель Софроний посетил свою первую Красногорскую обитель, был и у святынь Киева, где испрашивал благословение на свое служение у Киево-Печерских угодников.

20 марта 1754 года святитель прибыл в Иркутск. Вначале он заехал в Вознесенский монастырь — место жительства своих предшественников, молился на могиле святителя Иннокентия (Кульчицкого; 1731 г., память 26 ноября). Ко времени приезда святителя Софрония Иркутские обители уже имели почти столетнюю историю. Основатели этих монастырей были исполнены горячим желанием иноческого, подвижнического жития.

Ознакомившись с положением дел в епархии, святитель Софроний приступил к преобразованиям в духовной консистории, монастырях и приходах, обратился в Святейший Синод с просьбой прислать достойных людей для священнослужения в Иркутской епархии. Проницательный святитель назначал настоятелями монастырей людей благочестивых, мудрых, деятельных, с большим жизненным и духовным опытом. В 1754 году святитель Софроний возвел своего друга и сподвижника

иеромонаха Синесия в архимандрита Вознесенского монастыря. Этот достопамятный настоятель послужил монастырю тридцать три года до своей кончины. В сентябре 1754 года святитель издал указ, в котором выражалась озабоченность обучением и воспитанием детей. Духовенству вменялось в обязанность обучение своих детей Часослову, Псалтири, пению и букварю, причем учение «должно было идти со всяким прилежанием и крайним рачением, дабы дети могли пономарскую и дьячковскую обязанность исполнять по достоинствам своим».

В проповедях и личных беседах святитель Софроний неустанно побуждал всех к более высоким нравственным идеалам. Большое внимание он уделял благоговейному и правильному совершению богослужения и Таинств священнослужителями, а также следил за нравственной чистотой мирян, заботился о положении женщин в семье, охранял их от несправедливостей. Святитель Софроний старался повсеместно водворить уставное богослужение, для чего вызывал к себе священников, диаконов, дьячков и пономарей, которые сослужили во время архиерейского богослужения, участвовали в хоре или иподиаконствовали. Особыми указами он восстановил правильное каждение и благовест.

Призванный на апостольское служение в Сибири, святитель Софроний положил много трудов на просвещение язычников. С этой целью он заботился об устройстве быта малых народов, способствовал развитию в местном населении оседлости и культуры, предлагал им для поселения монастырские земли и всячески старался изолировать от влияния язычества. К святителю постоянно приходили и приезжали из далеких мест за благословением многочисленные посетители.

Но среди многих забот он не забывал о вечности, о своей внутренней духовной жизни. Сохранилось свидетельство келейника святителя Софрония, который сообщает, что святитель «пищу употреблял самую простую и в малом количестве, служил весьма часто, большую часть ночи проводил в молитве, спал на полу...» Его подвижнический дух соответствовал общему подъему христианского духа в России вследствие подвижнических трудов святителей Феодосия, архиепископа Черниговского (5 февраля 1696 г.), Димитрия, митрополита Ростовского (28 октября 1709 г.), Иннокентия, епископа Иркутского (9 февраля 1711 г.).

До конца своих дней святитель Софроний сохранял любовь к Красногорской Золотоношской обители, которая взлелеяла его в дни юности. Он постоянно способствовал поддержанию в ней благолепия, посылал для этого необходимые средства.

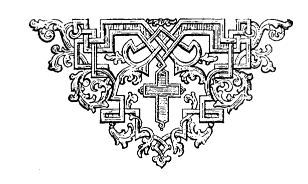

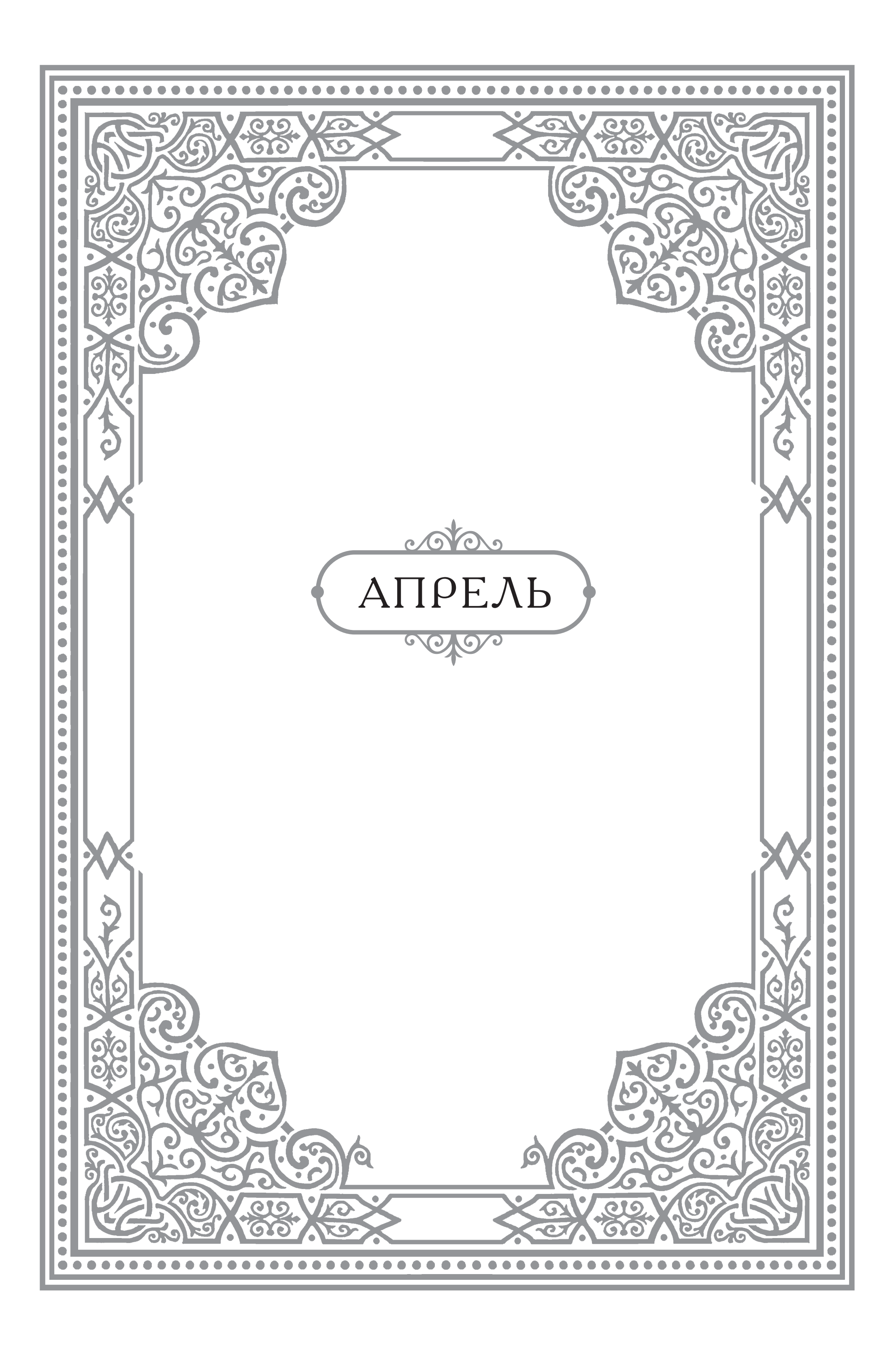
Чувствуя ухудшение здоровья, святитель Софроний подал прошение в Синод об увольнении его на покой. Но с ответом из Петербурга медлили, потому что трудно было подобрать достойного преемника.

Последние дни жизни святитель Софроний провел в молитвенном подвиге. Скончался он в преклонных летах 30 марта 1771 года, на второй день Пасхи.

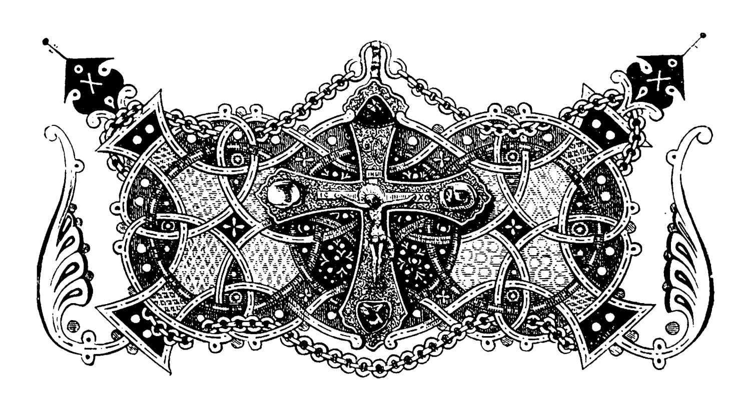
Празднование святителю Софронию установлено на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 10–23 апреля 1918 года. На второй сессии этого Собора под председательством святейшего патриарха Тихона была утверждена служба святителю Софронию.

Тропарь святителю составлен управлявшим в то время Иркутской епархией архиепископом Иоанном. Память святителя Софрония совершается 30 марта — в день праведной кончины, а также 30 июня, в связи с прославлением его в этот день в 1918 году.

Апрель

День первый

ПАМЯТЬ
преподобного
ПРОКОПИЯ ЧЕШСКОГО

Прокопий, сын благочестивых родителей именитого рода, живших в Богемии (в конце X-го и в начале XI-го века), родился в селе Хотиш; с детства был обучен славянской грамоте и потому имел возможность изучить науки, преподаваемые на славянском языке. Кончив учение, по желанию своему поступил в духовное звание и, получив сан священника, ревностно распространял и поддерживал Православное христианское учение. Впоследствии, оставив мир, предался отшельническим подвигам в пустынном уединении. Здесь однажды нашел его в пещере герцог Ульрих, охотившийся за зверями в глухом лесу. Герцог с участием отнесся к отшельнику, вступил с ним в беседу и, узнав о желании Прокопия, чтобы здесь была выстроена церковь во имя святого Иоанна Предтечи, охотно исполнил желание отшельника, и таким образом было положено основание обители на реке Созаве (около 1012 г.), которая стараниями Прокопия и пособиями герцога скоро пришла в цветущее положение. Преемник Ульриха — король Брячислав — также покровительствовал этому монастырю. Несмотря на это, Прокопию трудно было поддерживать Православие в борьбе против влияния папистов и много оскорблений приходилось ему принимать от них.

Незадолго до кончины своей Прокопий предсказал братии, что вскоре наступит гонение на них, но чтобы они не унывали, так как оно

будет непродолжительное. Так и случилось. Прокопий преставился 1-го апреля 1053 года, а в 1055 году «Созавских иноков осыпали разными поношениями; внушая князю (Спитигневу) разные выдумки и клеветы, говорили ему, что славянскою письменностью вводится ересь, и они совсем испорчены лицемерием; потому надобно выгнать их и ввести латинского аббата с братьями его».

И православных иноков выгнали и поместили в обители немецких ксендзов. Но король Вратислав в 1061 году возвратил изгнанников в их обитель, и даже обратился к папе с просьбою, чтобы он своим голосом утвердил славянское Богослужение. В ответ на это папа (Григорий VIII) отвечал королю: «Ваше высочество просили, чтобы совершалась у вас служба на славянском языке; мы никак не можем быть благосклонны к вашей просьбе. Мы убеждены, что не напрасно угодно было Богу, чтобы некоторые места Священного Писания были сокрыты и чтобы оно не всем было ясно и понятно, дабы через то не пришло в пренебрежение, или худо понятое не ввело в заблуждение. Потому, несмотря на ваше требование неблагоразумное, повелеваем властью блаженного Петра и во славу Божию — противостать суетной дерзости[1] всеми силами».

Однако Вратислав не обратил внимания на волю папы: славянская служба продолжалась в Созавской обители (см. подр. 16 сентября).

ПАМЯТЬ святителя МЕЛИТОНА, епископа Сардийского, в Лидии, Малой Азии

Для получения понятия о личности сегодня вспоминаемого Святою Церковью епископа Мелитона — не ближе ли всего и не доступнее ли всего будет познакомиться с его образом мыслей, который выра-

[1] Т. е. желанию народа, чтобы Богослужение совершалось на его родном славянском языке.

жается, например, в письме его к Римскому императору Антонину: «Бесстыдные доносчики, — пишет между прочим святитель Мелитон, — жадные до чужого, находя благоприятный для них повод в императорских указах, явно разбойничают, днем и ночью грабят невинных людей... Если это делается по твоему повелению, пусть делается в порядке; но быть не может, чтобы император справедливый захотел несправедливого. Мы охотно получаем награды за такую смерть, но просим тебя об одном, чтобы ты сам наперед узнал подвижников такой твердости... наша философия первоначально процвела среди варваров; потом — в могущественное правление Августа, предка твоего, встретилась с подвластными ему народами и — стала добрым покровом для твоего царства».

Напомнив потом, что христиан гнали только такие люди, как Нерон и Домициан, продолжает: «Мы не чтим камней бесчувственных, но чтим Единого Бога, Который прежде всего и выше всего, и Христа Его — истинного Бога, предвечное Слово. Трудно вводить на путь истины того, кто долгое время находился в заблуждении.

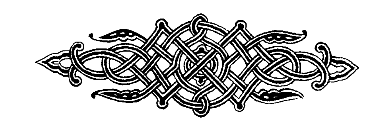
Но это — возможно. Кто понемногу начинает признавать заблуждение, тот начинает вспоминать об истине. Некоторые думают, что если они заблуждаются вместе с другими, то не оскорбляют правды. Нет, не могу извинить их. Если велика глупость одного, тем тяжелее глупость многих. Глупостью называю, если человек отступает от истины и принимает то, чего нет. Действительность же подлинная есть то, что есть Бог. Все существует Его силою; Он не создан и не начинал быть, Он — от вечности и до века. Он пребывает неизменный, когда все изменяется, незрим очами, необъемлем умом, неизобразим словом... Если же кто, отступая от света, называет Богом что-либо другое, он признает тварь Богом. Что такое — боги языческие? Умершие люди. Что такое идолы? Дерево или металл. Стыдно свободному уму служить такой осязаемой лжи. Стыдно не узнавать Того, Кого так нетрудно узнать и в душе своей и в целом мире. Некоторые говорят: мы чтим то, что предали отцы. Зачем же дети бедняков или людей необразованных снискивают богатство или образование? Зачем дети слепцов видят, и дети хромых ходят? Нет, правда не требует того, чтобы человек следовал предкам, худо жившим; она требует, чтобы отступил он от их пути, чтобы не погибнуть, как они. Если отец твой шел прямою дорогою, иди и ты; но если шел худым путем, уклонись от того пути и иди прямою дорогою, тогда и дети твои пойдут за тобою. Скорби о том,

что отец твой был в заблуждении, — эта скорбь может быть полезна ему. А детям твоим говори: Бог есть Отец всем, Бог — без начала и не создан, все подчинено воле Его. Если этому научишься, о император Антонин, и с тобою дети твои, — передашь им в наследство сокровища, которые не погибают, спасешь душу твою и души детей твоих от того, что случится со всеми обитателями земли на Праведном Суде».

Эти немногие строки характеризуют блаженного епископа и как человека, и как писателя. Они выражают высоту христианина, обращающегося к язычнику, и высоту человека, могущего без лицеприятия говорить истину могущественному императору.

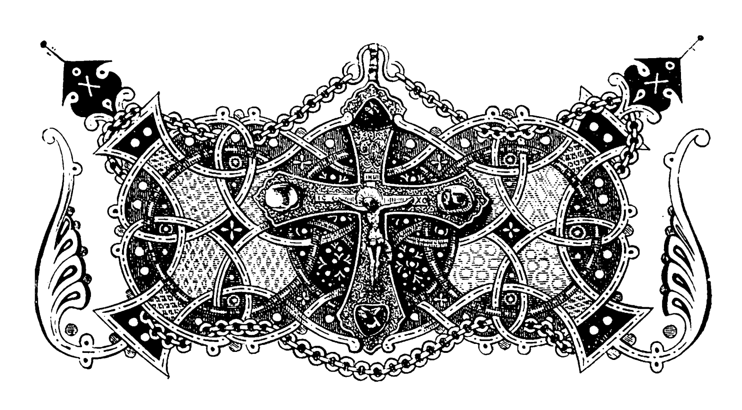
Епископ Мелитон вообще был из замечательнейших мужей II века — по своему обширному образованию, по своей пастырской деятельности и по сочинениям, предметом которых было Священное Писание. Для изучения его, так сказать, на месте, он совершил путешествие в Палестину. Он сам говорит: «На том самом месте, где происходили проповедь и события, я изучал книги Ветхого Завета».

При императоре Марке Аврелии епископ Мелитон, уважаемый всеми Церквами Малой Азии, принимал деятельное и примирительное участие в спорах о времени празднования Пасхи, волновавших Лаодикийскую Церковь, по смерти ее пастыря мученика Сагария (память его 6-го октября) мирно преставился в 177 году и погребен в Сардах[1].

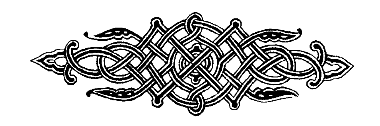
[1] См.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. Изд. 2. СПб., 1882.

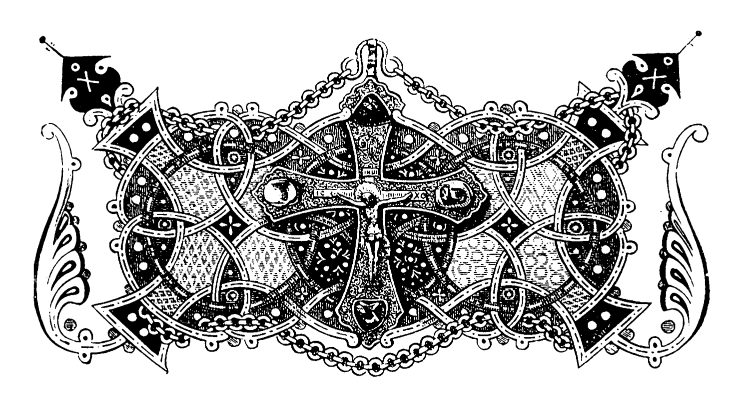

День второй

ПАМЯТЬ преподобного ТИТА ЧУДОТВОРЦА, пресвитера

С юных лет монах и подвижник (вероятно, в Студийской обители Царьграда), был пресвитером и отличался кротостью, любовью и милостью ко всем; Бог прославил его многими чудесами. Скончался в IX веке.

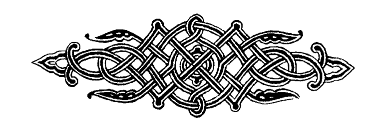

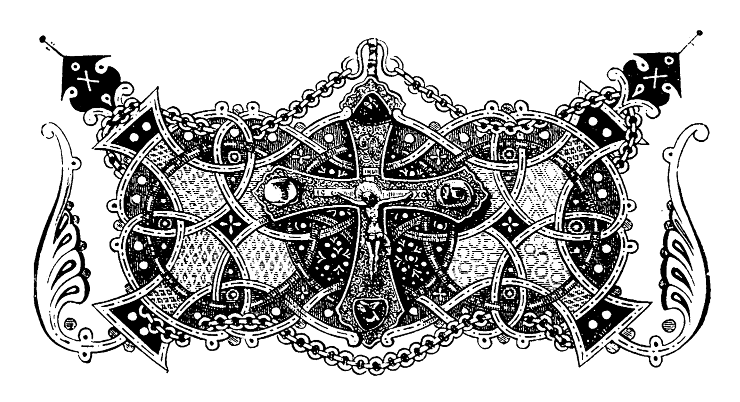
День третий

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного НЕКТАРИЯ БЕЖЕЦКОГО

В рукописных святцах читаем о святых города Твери: «Преподобный Нектарий, начальник Введенского монастыря Пресвятой Богородицы, преставился в лето 7000 (1492) апреля 3 дня». По этим словам преподобный Нектарий был основателем Введенского монастыря, находившегося в Бежецке и закрытого с 1764 года. Мощи его почивают под спудом[1].

[1] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. По переписи 1662 г. при Бежецком Введенском монастыре 6 дворов.

День четвертый

ПАМЯТЬ преподобного ЗОСИМЫ ВОРБОЗОМСКОГО

Преподобный Зосима Ворбозомский, соименный преподобному Зосиме Палестинскому, коего память 4 апреля, приобретал спасение на месте глубоко безмолвном, на острове озера Ворбозомского, в 22 верстах от Белозерска. Начальное иноческое воспитание получил он у преподобного Корнилия Комельского. Оставив Комельскую обитель, он подвизался на уединенном острове сперва один; потом построил храм в честь Благовещения Богоматери, и к нему собирались любители пустынной тишины. Люди мирские думают о себе, что они крепки, что мир — не помеха спасению души. Печальная мечта! Ныне и вчера душа полна образами нечистыми, раздражающими страсти; ныне и вчера заняты всем, за исключением Бога; ныне и вчера убито время без пользы для души.

И это нипочем! «Как глаз, — говорит Василий Великий, — когда непрестанно движется и обращается то на стороны, то вверх, то вниз, не может ясно видеть предметы и, чтобы хорошо рассмотреть вещь, должен устремить зрение на нее одну; так и уму человеческому, когда развлекают его бесчисленные мирские заботы, невозможно ясно видеть истину»[1].

[1] Письмо к Григорию Богослову о пустынножительстве // Христианское Чтение. 1821.

Вдали от сует и тревог людских, на безмолвном острове, преподобный Зосима посвящал все свое Господу и заботился об одном — о душе. Нетление мощей его свидетельствует, что он шел верным путем; мирно почил в 1550 году[1].

ПАМЯТЬ
преподобного
ЗОСИМЫ,
отшельника Палестинского

О нем см. в житии преподобной Марии Египетской. Скончался ста лет, в 523 году.

ПАМЯТЬ
преподобного
ИОСИФА ПЕЧЕРСКОГО,
болезненного

Страдая продолжительною болезнью, Иосиф дал обет: в случае своего выздоровления посвятить свою жизнь на служение в Печерском монастыре, что он и исполнил, когда избавился от болезни, и усердными трудами, постом, молитвою и служением братии достиг прославления от Господа нетлением по своей кончине. Преподобный Иосиф преставился в XIV-м веке. Мощи его почивают открыто в Феодосиевых пещерах в Киеве.

---

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь святых.

ПАМЯТЬ святых мучениц ТАРБЫ и ФЕРВУФЫ с рабыней последней

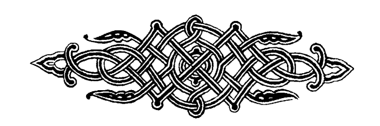
Сестры персидского епископа Симеона, пострадавшего 17 апреля 344 года. Случайно заболела царица, и пронырливые жиды распустили при дворе слух, что она заболела вследствие чар Тарбы, желающей на царском семействе отмстить смерть брата. Царь велел главе магов произвести дознание, и как сестры с рабынею не изменили своей вере, то и были осуждены на смерть за чародейство: перепилены надвое (4 апреля 345 года).

ПАМЯТЬ священномученика НИКИТЫ

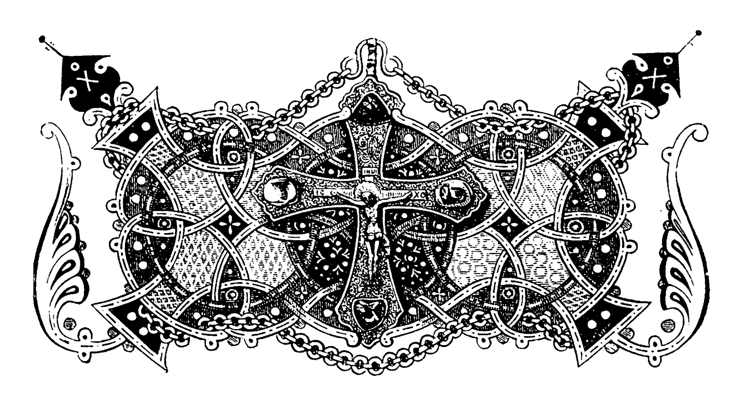
Святой Никита, славянин албанский, подвизался иночески в Русском Афонском монастыре и совершал здесь служение очередного священника. По ревности к безмолвию жил он потом в скиту святой Анны. По ревности к славе Господа Иисуса, оскорбляемой магометанством, он решился принять на себя звание обличителя магометанства. Оставив Афон, приходит он в Серрес и в Серрской обители несколько времени приготовляется молитвою к своему подвигу. Потом идет к местному начальнику магометанину и говорит, что желал бы, чтобы доказали ему, что магометанство — не заблуждение жалкое, которое каждый, кому дорога душа, должен бросить. Начальник собрал ученых и мулл. Когда ученые остались в стыде от обличений исповедника, его уговаривали ласками признать пророка Магомета, потом обратились к насилиям. Поклонники лжепророка, не будучи в состоянии оправдать магометанства разумными убеждениями, принялись оправдывать ударами насилия. Они подвергли исповедника самым зверским истязаниям

за мнимое оскорбление Магомета. Стягивали голову его винтами, забивали иглы за ногти, повешенного вниз головою палили огнем. Мученик твердо переносил все и славил Христа Господа. Наконец судьи решили удавить его. И мученик скончался в вечер Великой субботы, 4 апреля 1808 года. Спустя три дня христиане выкупили у нечестивых тело священномученика и погребли его с честию; а спустя несколько времени Господь прославил мученика Своего несколькими чудесами. Так писали о подвигах мученика от 19 февраля 1809 года в Русик Константий, иеромонах Серресский, и местный врач Николай[1].

Преподобного Феоны, митрополита Солунского, мощи которого находятся в монастыре святой Анастасии (в Галачисте), предстоятелем которого он был до возведения его на митрополичью кафедру. Преставился в XVI веке (см. Афонский патерик, изд. 4. ч. II, стр. 72 и в жизни святого преподобного Иакова — 1-го ноября).

[1] Афонский патерик. Ч. 2.

День пятый

ПАМЯТЬ преподобной ФЕОДОРЫ СОЛУНСКОЙ

Солунская подвижница Феодора[1] родилась на острове Эгине от родителей благочестивых, ревнителей чистой веры. Выданная замуж, имела у себя дочку. Неприятельским нашествием вынуждена она была с мужем переселиться в Солунь. Здесь отдала дочь свою в монастырь, а потом, по смерти мужа, и сама приняла иночество в обители, где жила дочь ее. Порча души нашей так велика, что противовес, остающийся у нас для борьбы с нею, противовес разума и совести, не силен предохранять нас от самых дурных поступков. Что же делать нам с собою? Молиться и молиться, чтобы оживляла и укрепляла нас больных благодать Божия. Так поступала блаженная Феодора. Она для того и заперлась в монастырь, чтобы молиться и молиться, молиться молитвою, не развеваемою миром, молитвой вседушевной. И вот, укрепляемая благодатью, она трудами послушания и смирения, постом и самоотречением, молитвою и хвалою столько угодила Господу, что по смерти своей, последовавшей в 879 году, совершала разные чудеса. Когда спустя несколько времени скончалась

[1] У Болландистов похвала Николая Кавасилы, архиепископа Солунского, св. Феодоре, lat. et graec. april. I, 405–409, append. p. 55–59. Извлечения — в Четьях-Минеях на 5 апр.

игуменья обители и гроб последней ставили вблизи мощей Феодоры, то блаженная Феодора, отдавая честь настоятельнице обители, подвинулась, как живая, и дала место усопшей игумении. Из тела ее истекала благовонная и целительная масть, и Феодора называлась мироточивой; масть исцеляла разные болезни. Когда турки (в 1430 г.) взяли Солунь, то, предав поруганию мощи святого великомученика Димитрия, то же неистовство фанатизма «показали и над мощами святой и мироточивой Феодоры, бросили их на землю и раздробили на части»[1]. Те, которые знают только жизнь животную, скотскую, не терпят видеть осязаемые знаки победы духа бессмертного над веществом. Жалкие люди! *Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6, 7–8).

ПАМЯТЬ святых мучеников АГАФОПОДА ДИАКОНА и ФЕОДУЛА ЧТЕЦА

Во время гонения на христиан, воздвигнутого Диоклетианом II в 303 году, когда многие христиане бежали из городов и скрывались в разных местах, двое благочестивых служителей Церкви в Фессалонике: престарелый диакон Агафопод и молодой, прекрасный собою чтец Феодул остались в городе и день и ночь молились о Церкви Божией. Они без всякого страха ожидали мучений. Мучения не заставили долго ждать себя. Не таившие веры своей христиане были взяты и заключены в темницу. Правитель города Фавстин приказал привести к себе исповедников Христовых. С бодростью предстали они перед ним и неустрашимо признали себя христианами. Затем на все увещания и угрозы со стороны правителя они отвечали только непоколебимым исповеданием святой веры.

[1] Слова Иоанна чтеца в повествовании о турках. У Кавасилы св. Феодора также называется мироточивою. Монастырь, где лежали мощи св. Феодоры, у Франза называется монастырем св. Феодоры (*Tafel.* De Thessalonica).

Опасаясь, что твердость их будет служить ободряющим примером для других христиан, приведенных на истязание, Фавстин велел отвести Агафопода и Феодула в темницу. Здесь поместили их вместе с узниками, заключенными за разные вины и преступления. Ночью мученики усердно молились. Вслушиваясь в молитву их, тронутые ей, другие узники перестали бояться смерти, припали к ногам их и выражали раскаяние в грехах своих. Народ стал собираться к темнице и с удивлением и умилением вслушивался в речи праведников. Тогда донесено было о них правителю, что если долго оставлять в живых этих двух христиан, содержащихся в темнице, то они многих успеют отвести от службы богам... Снова позваны были к правителю исповедники и, после многих напрасных угроз и увещаний, приговорены к смерти, а пока отведены в темницу. Здесь собрались к ним близкие и знакомые и печалились о них со слезами.

«О чем вы плачете?» — спросил их Феодул. «Как не плакать, видя вас в такой беде и опасности...» — отвечали любящие их. «Зачем вы перестали плакать о своих бедах, — спросил их Феодул, — и плачете о нас, когда нам предстоит лучшее?»

Проводя в оковах эту последнюю ночь в темнице, мученики, помолившись, уснули, и оба во сне были утешены видением, предвещавшим им мученическую кончину и вечную радость. Ободренные, они благодарили Господа и при наступлении дня спокойно пошли на последнее испытание и пребыли твердыми до конца. Наконец, их отвели к морю, связали им руки назад и, повесив камни на шею, утопили... Море вынесло на берег тела их, и верующие предали их погребению.

ПАМЯТЬ преподобного МАРКА Афинского по происхождению, Фраческого по пустынному житию в Ливии, в нынешней Тукра

Этот подвижник прожил в пустыне 95 лет... С радостными слезами встретил он по прошествии почти столетия впервые посетившего его

человека — авву Серапиона, отшельника Египетского, ученика Иоанна, из внутренней Антониевой пустыни; благословив и поцеловав своего гостя, пришедшего к нему по указанию в сновидении, преподобный Марк так рассказал ему о себе: «Родился я в Афинах и учился разным наукам, проходил и философское учение. Потом, когда родители мои умерли, я отказался от этого мира, где всему предстоит смерть, и предлагал себя на служение Вечному Богу... Сбросив одежды, я на доске бросился в море и приплыл, куда принесло меня волнами по изволению Божиему... Первые тридцать лет провел я здесь в великой нужде и в страдании; терпел и голод, и холод, и наготу, а главное, терзали меня искушения... Но в последующие годы плоть моя изменилась... Господь излил на меня Свою благодать... Я видел явления Царствия Небесного... Я постиг духом блаженство праведников... Теперь же наступил предел жития моего, и Господь послал тебя сюда, чтобы ты предал земле тело мое...»

Побеседовав еще с Серапионом до наступления вечера, сделав и ему некоторые вопросы о мире, о состоянии веры в мире, старец Марк сказал ему: «Брате, пробудь эту ночь без сна — ради кончины моей!»

И тогда, став на молитву, оба старца начали петь псалмы Давидовы. И опять, после некоторого молчания, Марк обратился к посетителю своему: «Брате, велик для меня сегодняшний день, величайший из всех дней жизни моей! Сегодня разрешается душа моя от страданий плотских, от уз земных и идет успокоиться в обители небесной, — и, взяв за руку Серапиона, прибавил: — пусть тело мое, это вместилище болезней, нужд и трудов, пребудет до общего воскресения в пещере этой, в которой пребывал я во временной моей жизни... Ты же, Господи, отдели от него душу мою, так как ради Тебя терпел я и голод, и жажду, и наготу, и зной, и мороз, и всякие тяготы... Усните, глаза мои, не знавшие дремоты во время ночной молитвы! Отдохните, ноги мои, потрудившиеся в ночном стоянии! Душою же отхожу я от временной жизни и всем, остающимся на земле, желаю спастись! Спаситесь, постники, скитающиеся в горах и пещерах Господа ради! Спаситесь, узники Христовы, заточенные, изгнанные правды ради и не имеющие утешения, кроме Единого Бога! Спаситесь, иноки, трудящиеся для Бога день и ночь! Спаситесь, священники Господни, ходатаи перед Богом о людях! Спаситесь, христолюбцы, принимающие странников, как Самого Христа! Спаситесь, милостивые, достойные помилования! Спаситесь, богатые, благо-податливые и богатеющие перед Богом в Богоугодных делах!

Спаситесь, обнищавшие Господа ради! Спаситесь, благоверные цари и князья, праведный и милостивый суд творящие! Спаситесь, подвижники поста и трудолюбия, спаситесь, любящие друг друга о Господе! Да спасена будет вся земля и все, живущие в ней в любви и мире!.. Спасись и ты, брат Серапион, потрудившийся Христа ради совершить путь в мою пустыню! Заклинаю тебя Господом Иисусом Христом: не бери ничего, ни даже единого волоса от убогого тела моего; не украшай его никакими ризами: пусть погребальною одеждою служат мне мои волосы, которыми покрыл меня Господь, и сам ты не оставайся здесь...»

И когда замолкли уста праведника, то душа его вознеслась на небеса...

Серапион положил тело святого Марка в пещере и молился всю ночь. На другой день он совершил песнопение со слезами и, завалив камнем отверстие пещеры, сошел с горы, прославляя Господа и призывая на помощь святого. Возвратясь в свою обитель, он рассказал о Божием старце Марке-отшельнике Иоанну и ученикам его, и все с благоговением прославили Бога.

Преподобный Марк преставился около 400 года, имея от роду 130 лет.

ПАМЯТЬ
святых пяти мучеников

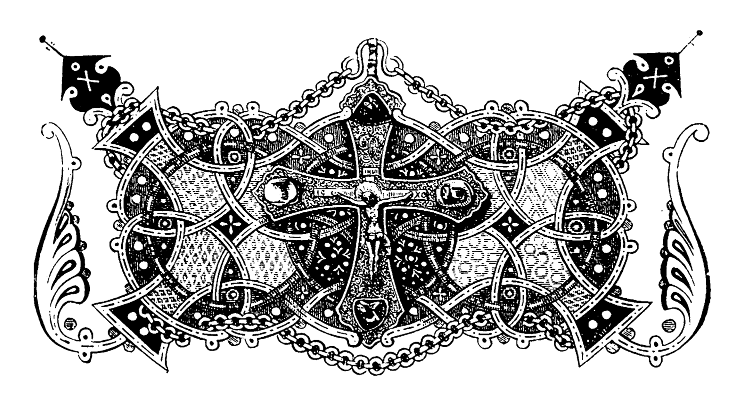
После двух указов Диоклетиана: 1) разрушать христианские храмы, сжигать книги и лишать христиан всех гражданских прав и должностей, и 2) употреблять все миры, чтобы склонить христиан к отречению, а непокорных казнить, — последовал ряд страшных пыток и казней христиан во всех областях Римской империи. Тюрьмы переполнились заключенными за исповедание веры Христовой, так что недоставало уже места для настоящих преступников. В Египте в течение одного месяца погибло до 17000 христиан; церковь в Никомидии была сожжена в самую ночь на праздник Пасхи, и в ней погибло до 20 000 христиан. Перестали служить для них убежищем даже и отдаленные пустыни: преследователи проникали и туда и пытали и казнили отчужденных от мира служителей Господа. По словам историка Евсевия, очевидца,

в Фиваиде «гонение было страшное, число ежедневно умиравших в некоторых городах доходило до ста. Тела казненных лежали грудами; орудия казни тупились, и палачей недоставало для исполнения смертных приговоров». Но все эти изощренные истязания и лютые казни не только не устрашали христиан, напротив, казалось, что воспламеняли их исповедническое рвение до крайних пределов. Произвольно предавались они в руки мучителей и с восторженным радованием принимали смерть. «Едва произносим был приговор над одними, — пишет историк, — тотчас с разных сторон прибегали другие и исповедовали себя христианами, вовсе не смущаясь ужасами пытки. Сохраняя непоколебимую веру в Бога, они с радостью, с улыбкою и благодушием принимали смертный приговор и до последнего издыхания возносили к Богу песнопения и благодарения».

Что еще более воодушевляло их и вместе с тем содействовало распространению познания истинного Бога в неверующих, это были нередкие чудесные проявления Божией помощи мученикам. Евсевий был свидетелем казни пяти мучеников в Тире Финикийском. Они были выведены на арену, и на них выпущено было несколько разъяренных диких зверей, которых продолжали дразнить раскаленными в огне железными прутьями. С яростью устремлялись звери на безоружных людей — христиан, но вдруг, удерживаемые какою-то невидимою силою, удалялись, не тронув их... Евсевий упоминает о юноше, стоявшем без оков — с распростертыми крестообразно руками: «Непоколебимый и бесстрашный духом, он усердно молился и не двигался, не уклонялся в сторону от того места, где стоял, между тем как медведи и пантеры, дыша яростью и смертью, почти касались его тела, и только Божественная и неизреченная сила, не знаю как, замыкала пасть их, и они тотчас уходили назад... Пятерых мучеников, которых пощадили звери, казнили мечом, и тела их бросили в море[1].

---

[1] *Евсевий Кесарийский*. Церковная история: В 10 кн. Кн. VIII, гл. 7.

День шестой

ПАМЯТЬ
святителя
ЕВТИХИЯ,
патриарха Константинопольского

Евтихий, архимандрит монастыря Амасийской митрополии, послан был вместо себя Амасийским митрополитом для участия в деяниях предположенного V Вселенского Собора и весьма дружелюбно принят был патриархом Миною и императором Юстинианом. Когда же патриарх умер до открытая Собора, то Евтихий (в августе 552 г.) призван был занять Константинопольский престол на сороковом году своей жизни и председательствовал на Вселенском Соборе, осудившем продолжателей ереси несторианской.

Под конец жизни своей Юстиниан увлекся заблуждением одной из монофизитских сект, будто тело Христово было нетленное и, следовательно, не могло подвергаться страданиям. Когда же патриарх Евтихий обличил такое лжеучение и показал, что в таком случае и вся земная жизнь Христова была бы призрачною, то в январе 565 года был сослан в Амасию, в прежний свой монастырь. Жил он тут в посте и молитвах и приобрел общую любовь благотворительностью, творя много исцелений благодатию Христовою. Чрез двенадцать лет император Тиверий возвратил его на престол. Жители столицы приняли его (2-го октября, в субботу) с необычайным торжеством: его посадили на ослицу, окружили с пальмовыми ветвями и устилали путь

одеждами; всю ночь город был освещен. В воскресенье, 3 октября, он совершал Литургию в Софийском храме, и желавших приобщиться из его рук было так много, что приобщение продолжалось три часа. Святитель патриаршествовал вторично четыре года и шесть месяцев и скончался в 582 году. Во время господства латинян в Константинополе мощи его (в 1246 г.) увезены в Венецию.

ПАМЯТЬ преподобных ПЛАТОНИДЫ, ВРИЕННЫ, ФЕВРОНИИ, ИЕРИИ и ФОМАИДЫ

Во второй Сирии, иначе в Месопотамии, отшельническая жизнь явилась рано. В горах, соседних с Низибией, называемых Синьджар (у греков Сигорон), пещеры служили жилищами для отшельников и отшельниц[1]. К числу подвижников принадлежал святой Иаков, епископ Низибийский (314–350), известный как подвигами отшельничества, так и великим даром учения. Он уже писал наставления «чадам обета» и «о девстве»[2]. Древнейший из мужских монастырей Низибии находился под управлением преподобного Маркелла в 300 году. В то же время тут же была община 50 девственниц.

Основательницею Низибийской общины дев была диакониса Платонида, и она же была для нее примером богоугодной жизни. Церковная надпись говорит о ней:

«Платонида, носимая в широте небесной,
Добротами просияла по широте земной»[3].

[1] *Созомен.* Церковная история. Кн. III, VI; *Assemani.* Biblioteca Orientalis Clementino-Vaticana: Vol. I–IV. Romae, 1719–1728. Vol. III.

[2] *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. § 102, 103.

[3] В Греческой минее апреля 6. Память прп. Платониды кроме 6 апреля еще в Сырную субботу (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов).

Платонида прославилась обителью своею. Устав ее был особенный и замечательный. Сестры принимали пищу раз в день. В пятницу они не должны были заниматься рукодельями, а с утра до вечера не выходили из дома молитвы; после молитв и пения читалось и объяснялось Священное Писание[1]. В Сирской Церкви долго и после того сохранялась любовь к разумению Священного Писания. Известно, как много святой Ефрем Сирин занимался объяснением Священного Писания. Он же усилил в общинах дев пение святых песней[2]. Так уставила святая Платонида и для своей общины.

По правилам ее образовались высокие подвижницы Вриенна, Фомаида, Иерия. Самый же великолепный цветок в этом саду Божием была святая дева Феврония[3].

Феврония с детства жила в блаженной общине. Она на третьем году жизни отдана была тетке своей блаженной Вриенне, и та надзирала за нею со всей нужной любовью. Красота Февронии была поразительная еще в детском возрасте. Вриенна принимала все меры для сохранения цветка своего. Едва девочка достигла возраста, допускавшего воздержание, ей приказано было принимать пищу через день. Входя в благочестивые мысли тетки своей и замечая, что здоровье нисколько не страдает от поста, Феврония скоро стала употреблять самое малое количество хлеба и воды. К этому она присоединила жизнь самую тесную: спала на узкой и короткой доске; если тревожили ночью мечты, вставала и читала Священное Писание или становилась на молитву.

Когда по смерти Платониды Вриенна стала настоятельницею общины, Февронии приказано было читать по пятницам Священное Писание. Поелику же из города собиралось много посетительниц слушать слово Божие, то Феврония читала за занавесом, чтобы скрыть свою красоту даже и от особ своего пола. Чтение обыкновенно

---

[1] Об уставе в житии Февронии.

[2] *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. § 131, 133.

[3] Житие св. Февронии, описанное наставницею ее св. Фомаидой в: Acta Sanctorum, 24 Junii. В Четьях-Минеях июня 25. Другое греческое описание — у Фабриция (bibl. Gr. X). В конце сказано: «Я Фомаида, по смерти Вриенны, приняла на себя начальство над монастырем и, зная все случившееся с Февронией, отчасти и от Лисимаха, описала всю ее жизнь и историю, во славу мученицы». По современности св. Фомаиды с святителем Низибийским Иаковом более чем вероятно, что Фомаида писала свои записки о Февронии по воле св. Иакова, и они были им пересмотрены. Вероятно и то, что Фомаида писала записки на сирском языке, а на греческий переведены они впоследствии.

сопровождалось кратким объяснением, и Феврония так ясно и отчетливо говорила о смысле того или другого отделения Писания, что в целом городе стали говорить об уме толковницы. К этим случаям присоединялись похвалы сестер добродетелям и красоте Февронии. От того любопытство городских жительниц было раздражено, и они спешили слушать Февронию.

Особенно сильно заинтересована была Февронией Иерия, вдова сенатора, лишившаяся мужа на восьмом месяце замужества. Она была еще язычница, но искала истину и добро. Рассказы о Февронии воспламенили ее желанием — познакомиться с редкою девушкою. Она явилась в обитель; Вриенна встретила ее с почестью, приличною ее сану; но она бросилась к ногам ее и со слезами просила дозволить ей язычнице видеться и поговорить с Февронией; при этом объяснилась она, что родные вынуждают ее избрать другого супруга, потому имеет она душевную нужду в совете искренне-доброй души. Вриенна отвечала, что племянница ее не может видеться ни с кем — таково правило жизни ее! «Я приняла ее, — говорила настоятельница, — от родителей на третьем году ее жизни, теперь ей 18 лет и по редкой красоте ее она доселе не показывалась никому из светских людей». Иерия со слезами уверяла в чистоте своих намерений. На слезную, настойчивую просьбу ее Вриенна согласилась, но предложила условие: Иерия снимет свой богатый светский убор и явится в одежде послушницы, так как Феврония никогда не видала светских нарядов. Иерия с радостью приняла условие. Они вошли к девственнице. Феврония, приняв Иерию за странницу-отшельницу, пала к ее ногам и обняла ее как сестру о Христе. После краткого разговора Феврония начала читать, и Иерия с такою жаждою слушала поучения, что вся ночь прошла в святом упражнении. На следующее утро настоятельнице стоило большого труда убедить Иерию расстаться с Февронией. Нежно обняв свою юную наставницу, Иерия возвратилась к себе. Сообщив родным о небесных поучениях, слышанных ею, она упрашивала их покинуть язычество и принять христианскую веру. Сама она тогда же приняла христианство и стала самою искреннею исповедницею Христовою. И родители ее, по ее убеждению, также были крещены со всеми домашними их.

Между тем Феврония расспрашивала у Фомаиды, занимавшей второе место после Вриенны, кто была посетительница, которая так горячо плакала при объяснении Священного Писания? Фомаида призналась, что это вдова сенатора Иерия. Феврония с изумлением заме-

тила, что напрасно не предварили ее о том; в незнании говорила она так доверчиво, как говорят только с сестрою о Христе. Фомаида сказала, что посетительница желала того сама, и что ей нельзя было отказать по ее значению в обществе.

Иерия часто бывала в общине и, когда Феврония была опасно больна, она прислуживала ей со всем усердием любви, не отходила от нее до ее выздоровления.

В таком состоянии была эта святая община, когда император Диоклетиан послал (в 310 г.) в провинцию второй Сирии Лисимаха, сына знаменитого Анфима, и Селения, брата Анфимова, для преследования христиан. Селений был человек в высшей степени жестокий и ненавидевший христиан столько же, как и сам император. Лисимах был совсем другой человек. Мать его христианка на смертном одре завещала ему со всей настойчивостью — покровительствовать христианам. Диоклетиан, очень уважавший Анфима, не хотел по уважению к отцу лишить сына его почетного места, но вместе, подозревая его в благосклонности к христианам, дал место в виде испытания; Селений был назначен более в руководителя, чем в товарища Лисимаху. С ними послан был еще граф Примус, также родственник их.

Город скоро узнал об ожидавших его ужасах. Низибийцы услышали о жестокостях, совершенных Селением в Месопотамии и Сирии Пальмирской; там Селений истреблял огнем и мечом столько христиан, сколько попадалось в его руки; оставшихся от пламени и железа предавал на растерзание диким зверям. Лисимах терзался от этих жестокостей. Он не раз говорил наедине Примусу: «Тебе известно, что мать моя была христианка и сильно склоняла к своей вере; я удержался лишь из боязни прогневить императора и отца, но на смертном одре я дал ей слово не предавать смерти ни одного христианина и обращаться с ними дружелюбно. Но что делает дядя с христианами, попадающимися в его руки? Умоляю тебя — не предавай их ему, а сколько можешь, помогай тому, чтобы спасались они бегством». Примус склонился на сторону добрых чувств, сдерживал преследование и давал знать христианским общинам, чтобы бежали, кто куда может.

Мучители приближались к Низибии. При вести об их близости пресвитеры, отшельники, сам епископ скрылись, где кто мог. Инокини монастыря Вриенны хотели последовать примеру их и просили ее дозволения. «Враг далеко, — говорила Вриенна, — вы еще не видели его и уже хотите бежать. Борьба не началась, а вы уже падаете духом.

Бедные дети мои! Будьте тверды. Останемся здесь — примем смерть из любви к Тому, Кто за нас пострадал и умер».

Увещание матери на первый раз подействовало на сестер общины, но потом одна из сестер сильно смутила их, и они трепетали грубых воинов. Настоятельница дозволила им скрыться. Они уговаривали и Февронию бежать вместе с ними, но святая девственница лежала больною и предала себя воле Божией.

Настоятельница, оставшись с Февронией и Фомаидой, молила Господа с воплем и слезами о защите, Фомаида успокаивала ее надеждами на Господа, Который, если не найдет нужным избавить от смерти, подаст силы и крепость пострадать для славы имени Его и для вечного блаженства. Вриенна несколько успокоилась. Но, смотря на больную племянницу, она опять заскорбела. Феврония спрашивала, о чем скорбит она? «О тебе тоска ее, — сказала Фомаида, — смотря на молодость и представляя жестокость мучителей, наша мать не может не содрогаться». «Прошу вас, — отвечала Феврония, — молиться за меня грешную, дабы Бог обратил милостивый взор Свой на меня; уповаю, что Он не откажет в помощи Своей при ваших молитвах».

Вриенна и Фомаида со всей нежностью уговаривали ее приготовиться к твердой борьбе. Они указывали ей, что их схватят враги и предадут смерти, а ее красота и молодость заставят предлагать ей разные обольщения — и богатство, и молодого жениха, и жизнь роскошную, лишь бы она отреклась от Христа Господа. Но пусть помнит Феврония, что девство — дорогой дар Господу, обет сохранять девство страшно нарушить, а отрекаться от Христа — еще страшнее. «Ты всегда была покорною дочерью моею, — говорила Вриенна, — ты знаешь, что взяла я тебя с рук кормилицы и, нежно воспитав, берегла чистоту души твоей!.. Утешь же старость мою верностью Господу. Помни, как весело страдали другие за Господа. Ливии отсекли голову, а другую сестру нашу Леонию сожгли; Евтропия на 12 году замучена вместе с матерью. Ты сама восхищалась тем, что Евтропия, тогда как решили пронзить ее стрелами, могла убежать, но предпочла страдать за Христа»[1].

Феврония благодарила за наставления, внушавшие ей мужество. «Господу Иисусу посвятила я девство мое, — сказала она. — Ему отдам и жизнь мою». Ночь прошла в трогательных беседах.

[1] Эти мученицы не упоминаются в месяцесловах Греческой Церкви. Мартиролог Барония поместил их под 15 июня.

С восходом солнца город был взволнован. Многие христиане были схвачены и отведены в темницу. Язычники донесли Селению об общине Вриенны. Воины выломали двери, схватили настоятельницу и подняли мечи над ее головой; Феврония бросилась к их ногам и умоляла сперва умертвить ее, чтобы не видать смерти матери-воспитательницы. Прибыл граф Примус и велел воинам удалиться. Узнав, что отшельницы скрылись, советовал и остальным бежать. Примус, возвратясь из обители, сказал Лисимаху, что в обители остались только две старухи и одна девушка. «Клянусь богами, — прибавил он, — девушка — такая красавица, что, если бы не была бедна, лучшей невесты не видать тебе во всю жизнь». Лисимах напомнил, что по наставлению матери не может он деву обета отнимать для себя у ее Господа. Он умолял графа спасти жизнь трех дев.

Воин слышал разговор друзей и передал Селению. Селений тотчас послал захватить в обители Февронию и объявить в городе, что завтра Феврония будет судима.

Воины надели на шею Февронии железное кольцо, сковали ее оковами и повели из обители. Вриенна и Фомаида упрашивали взять и их; но те отвечали, что приказано представить в суд одну Февронию. Со слезами еще раз Вриенна упрашивала Февронию быть твердою для Господа.

Все в городе скорбели о том, что схватили дорогую для них наставницу. Особенно же Иерия громко рыдала. Она с большой свитой отправилась в судебную палату; а на дороге узнала Фомаиду и в мирской одежде с нею пришла на место. Явились Селений и Лисимах. Феврония введена с связанными за спиною руками и с железным ошейником. По желанию Селения Лисимах стал делать допросы.

«Свободная ли ты или раба?» — был первый вопрос. «Раба», — отвечала святая. «Чья же раба?» — «Раба Господа моего Иисуса Христа». «Твое имя?» — «Я христианка и зовут меня Февронией», — отвечала святая.

Селений сказал святой деве: «Клянусь богами, Феврония, что я не должен бы быть снисходительным к тебе; но твоя красота и скромность берут верх над моим гневом. Слушай же, дочь моя: боги свидетели, что брат мой Анфим и я избрали для Лисимаха невесту богатую и знатную; но я готов соединить твою руку с рукою Лисимаха. Посмотри на него: он молод, красив, знатен, богат; все состояние мое будет твоим приданым, — детей у меня нет. Император прольет милости на Лисимаха. Ты будешь самою счастливою женою. Но знай и то, что если не примешь

предложения моего, клянусь всеми же богами, — ты не проживешь долее трех часов. Выбирай».

«Жених мой, — отвечала Феврония, — бессмертен. На Него не променяю никого. Никакие лестные обещания и никакие угрозы не переменят моего решения. Не нужно вам и тратить слов».

Не ожидавший такого твердого ответа, гордый Селений приказал сорвать с Февронии одежды ее и набросить лохмотья. Сквозь дырявую ветошь видна была нагота Февронии. Селений с хохотом сказал: «Не стыдно ли быть в таком виде пред нами?» «Если ты к этому оскорблению, — отвечала Феврония, — присоединишь пытки железом и огнем, я готова и на них. Он, Господь мой, столько страдал за меня. Мне ли не терпеть за Него». «Бесстыдная девушка! — закричал Селений. — Ты, гордясь красотою твоею, величаешься тем, что выставлена эта красота напоказ всем». «Нет, — отвечала Феврония твердо, — нет, доселе ни одному мужчине не дозволяла я видеть лица моего; теперь же решаюсь терпеть и пытки — только для Господа моего». «Хорошо! — закричал рассвирепевший Селений. — Пусть узнает пытки!» Он приказал привязать ее между четырьмя столбами и разложить тут же огонь, и в то же время, как будет жечь ее огонь, осыпать ее градом ударов. Это выполняли с такою зверскою жестокостью, что кровь полилась ручьями, и тело падало клочками. Многие из зрителей падали без чувств, другие громко требовали прекратить зверство. Но Селений был бесчеловечен. Уже тогда, как сказали, что Феврония умерла, приказал он остановить мучение.

Фомаида лежала без чувств; Иерия громко кричала: «Феврония — наставница моя! Тебя отнимают у меня; и Фомаиды лишаюсь я». Страдалица приведена была в чувство водою. Судья сурово сказал: «Удачен ли твой первый бой, Феврония? Как находишь ты его?» «Ты можешь сам судить, — отвечала Феврония, — жестокость твоя победила ли мою слабость?»

«Повесить ее, — сказал мучитель, — драть бока ее железными когтями и жечь до костей». Палачи принялись за работу. Тело лилось вместе с кровью, огонь проникал до внутренностей. Святая сперва говорила: «Спаситель мой! Не покинь меня в страшный час». Потом страдала молча.

Многие из присутствовавших поспешили выйти из судебной палаты, другие говорили страшному судье, чтобы приказал, по крайней мере, отнять огонь. Селений согласился и потом стал допрашивать

мученицу. Феврония не в состоянии была отвечать. Судья велел за дерзость отрезать язык. Но судью остановили. Селений приказал вырвать зубы, и это исполнили.

«Поклонишься ли ты богам?» — кричал Селений. Он велел отрезать груди ее. Святая молилась: «Господи! Ты видишь, как страдаю; прими душу мою к Себе».

Когда отвязали ее от столба, она не могла держаться на ногах и упала.

Старица Вриенна оставалась в обители для молитвы; ей дали знать, как тверда питомица ее, и она благодарила Господа.

«Она умерла», — сказал граф Лисимаху, когда Феврония лежала без чувств на земле. «Нет, — отвечал тот, — она еще будет бороться за веру, для спасения других, — ты увидишь. Такая христианская твердость!»

Иерия, личность много значившая в гражданском быту, сказала Селению, что жестокость его оскорбляет человечество и гражданское приличие. Селений, побледнев от гнева, велел представить ее к допросу. «Не отринь и меня, Бог Февронии — наставницы моей! Соедини меня с нею», — сказала благая Иерия и спешила подойди к судье. Тиран начал было допрашивать Иерию. Но ему сказали, что мучение аристократки слишком опасно, народ и без того взволнован. Оставив Иерию в покое, он велел отсечь Февронии руки и ноги. Исполнили и это.

«Довольно, — сказал Лисимах Селению. — Пойдем обедать». «Нет, пока не увижу последнего вздоха ее, не уйду», — говорил Селений и велел отрубить Февронии голову.

Придя к обеду, Селений в ярости бешенства размозжил себе голову о столб. Лисимах, узнав о страшной смерти дяди, просил Примуса устроить почетное погребение страдалицы Февронии. Останки мученицы собраны и погребены были в обители с почестями. Примус и Лисимах приняли христианство. В честь страдалицы начали строить храм в Низибии, и он освящен был на шестом году после ее кончины.

Если славною смертью святой Февронии произведено было сильное действие на сторонних людей и на граждан Низибии; то понятно, как много значила эта смерть для сподвижниц — сестер ее. В лучших из них, каковыми оказались и во время страшного испытания блаженная Вриенна, Иерия и Фомаида, смерть Февронии усилила ревность к подвигам благочестия и одушевила надежды на сильную благодать Божию. Блаженная старица Вриенна окончила подвижническую жизнь свою спустя два года после освящения храма в честь мученицы — питомицы ее (318 г.). После нее осталась настоятельницею обители блаженная

Фомаида. Пламенная Иерия почила при гробе Февронии. В 322 году окончила подвиги свои святая Фомаида[1].

ПАМЯТЬ святых КИРИЛЛА и МЕФОДИЯ, славянских просветителей

В начале IX века в Солуни[2], городе тогда населенном и особенно окруженном славянами, жил муж почтенный по душевным качествам, богатству и званию Лев, родом болгарин, но служивший при греческом императоре[3]. Супруга его Мария была также благочестивая жена. От этой доброй четы произошли просветители славян — Мефодий и самый младший, Константин, родившийся в 827 году.

[1] Св. Вриенна, Иерия и Фомаида прославляются Церковью в Сырную субботу; св. Феврония кроме того славится 25 июня. У абиссинцев дева Кеффрония, или Афрония, — июля 1 (июня 25).

[2] Паннонское житие св. Кирилла по 6 списк. напечатано в «Чтения в Обществе истории и древностей Российских» (1863 и 1864 г.). Паннонское житие св. Мефодия см. в: *Šafařik.* Památky dřevního písemnictví. Критическое сличение свидетельств о просветителях в: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. Переложение древних житий с дополнениями и замечаниями см. в: *Платонов И.* Жизнь и подвиги первоучителей славянских, святых Кирилла и Мефодия // Духовный вестник. Харьков, 1862, № 6–8 (далее — *Платонов И.* Жизнь и подвиги первоучителей. — *Ред.*). Обзор источных сведений см. в: *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён. М., 1855 (далее — *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён. — *Ред.*). Опровержение несовестливых толков с историей о их папизме см. в: *Лавровский П. А.* Кирилл и Мефодий. Харьков, 1863 (далее — *Лавровский П.А.* Кирилл и Мефодий. — *Ред.*). В Кирилло-Мефодиевском сборнике (М., 1865) помещено несколько исследований о житии святых, например Невоструева о переводе Евангелия, Викторова «о новых источниках и новых трудах» относительно Славянских просветителей; Викторов особенно старался определить значение Итальянской легенды.

[3] «Вы еста Селуняна, да Селуняне вси чисто Славянски беседуют, говорит император братьям, посылая их в Моравию». В синаксаре XV в. о Кирилле: «рожденным бысть от Солуня града, родом бе Болгарин» (ИОРЯС. Т. VI).

Святые
КИРИЛЛ и МЕФОДИЙ

Семи лет Константин обнаружил в себе сильную любовь к учению и быструю память; но особенно любил он изучать творения Григория Богослова. От неудовлетворяемой жажды учения он стал скорбеть: желал он учиться грамматике у Солунского инока, но тот отказался. Родственник его логофет Феоктист, опекун малолетнего императора Михаила, узнав о его дарованиях, вызвал его ко двору — учиться вместе с царем. После изучения грамматики и начал Гомеровой поэзии у знаменитого Льва, начальника училища Бардина, и у даровитого Фотия, впоследствии патриарха, учился он словесности, философии, астрономии и музыке. Блестящие дарования привязали к нему логофета, так что тот хотел выдать за него свою крестницу, но Константин отказался. Логофет предложил царице: «Вот у нас молодой философ, не любит мирской жизни; чтобы не потерять его для общества, посвятив его священству, поручим ему службу» библиотекаря Софийского. Так и устроилось[1]. Но Кирилл не долго пробыл на этой должности хлопотливой. Он скрылся в монастыре Золотого Рога, и только спустя полгода узнали о месте пребывания его. Тогда уговорили его принять должность учителя. По воле царя имел он публичный спор с низложенным патриархом Иоанном, известным по упорству, с каким поддерживал он иконоборную ересь, и — блаженный пристыдил гордого упрямца.

На 24 году жизни своей, в 851 году, философ вместе с Георгием асикритом послан был к Милитинскому эмиру для прений о христианской вере: преемники Аль-Рашида любили спорить о Коране. Поручение исполнено с успехом.

По возвращении в столицу Кирилл удалился на Олимп — Афон, где жил иноком брат Мефодий, и в любезном уединении предался со всей ревностью иноческим подвигам.

Старший брат, получив образование в Солуни, поступил в военную службу и был 10 лет правителем Струмской Славянской области, подвластной тогда императору. Соскучив мирскою жизнью, Мефодий удалился в иноческую обитель и покорился всем строгостям иночества: «выполнял безответное послушание, пребывал в бдениях и молитве, посещал каждую службу Божию, хранил пост и духовное трезвение,

[1] Слова Феоктиста: «постригше и на поповство», в связи со словами о нелюбви Кирилла к мирской жизни, означают посвящение в священно-иночество; св. Константин своей жизнью подтверждает такое значение: он по принятии сана спешит уйти в монастырь; потом, возвратясь из миссии, опять живет в монастыре. Так понимал и св. Димитрий.

очищал душу плачем; не давал себе покоя ни днем, ни ночью». Такая подвижническая жизнь обратила на него внимание прочих подвижников, которые, с согласия патриарха, желали видеть его митрополитом знаменитого места, вероятно, Солуня; но он не согласился на избрание, и едва могли убедить его принять игуменство в Полихрониевом монастыре[1], одном из самых богатых, находившемся на Мраморном море.

В 858 году послы хазар просили императора прислать к ним ученого мужа, который бы научил их истинной вере, так как, прибавляли они, «то иудеи, то магометане домогаются обратить их к своей вере». Император, как и другие, знал в блаженном Кирилле особенную способность к изучению языков и обширную ученость. Потому назначил его в миссию к хазарам; «пусть, — прибавил император, — помощником тебе будет брат твой игумен Мефодий»[2]. Ревностные проповедники успели, по крайней мере, столько сделать между хазарами, что Каган принял христианство и каждому дозволено было исповедовать святую веру, а жившим там грекам запрещено под угрозою смертной казни принимать иудейство или магометанство[3].

---

[1] Похвала свв. Кириллу и Мефодию.

[2] На пути к хазарам около Херсона Константин «обрете Евангелие и псалтырь Рушкыми письмены писано и человека обрете глаголюща тою беседою». Платонов справедливо замечает, что в Крыму найден был Ульфилоф готский перевод Евангелия и Псалтири, составленный в IV в.; только напрасно впутывают сюда варягов. Дело легко обходится и без них. Вместе с готами жили в Крыму еще в IV в. русские славяне; впоследствии первые большею частью разбрелись по Европе, а остались славяне русские. Русский, живший в Крыму вместе с готами, легко мог читать и объяснять философу Ульфилоф перевод, тем более, что в этом переводе много слов славянских. Письмена названы русскими только потому, что их объяснял русский. Слова: «беседова с ним и силу речи прием», вовсе не требуют того смысла, что будто Константин беседовал по-готски, — беседа была русского славянина с македонским — о переводе Ульфилы. На возвратном пути в Царьград святые опять были в Херсоне. Константин предсказал близкую смерть Херсон. епископа. Тогда же были они в Фулле. В XIII в. архиепископ Сугдеи назывался Сугдео-Фулльским. Так видно и по заметкам Сугдейского грека (Херсонские Епархиальные Ведомости. 1865. № 4). Следовательно, Сугдея, иначе Судак и Сурож, не вдали была от Фуллы. А так как Херсонский архиепископ раз хотел было включить Фуллу в округ своей епархии, то Фуллу надобно полагать не вдали и от Херсона. Жители Фуллы, по житию св. Кирилла, хотя были христиане, боготворили огромный дуб. Св. Константин, доказав им нечестие суеверия их, довел до того, что дуб был срублен и сожжен самими фуллянами.

[3] Древняя служба св. Кириллу: «сонм Еврейский, присоединившийся к Козарам в градех северных, рассеяв острым оружием твоего слова». Припомним то, что, по житию, проповедники были в Крыму на пути в Хазарию и из Хазарии; по словам канона видим, что хазары, у которых были проповедники, жили на севере от Крыма.

Едва возвратились святые братья из этой миссии, как в конце 862 года Славяно-Паннонские князья, не имея истинного учителя (хотя латинские священники были у них), а еще более чувствуя нужду слышать на родном языке Богослужение и учение о вере, просили императора Михаила и патриарха Фотия прислать к ним нужных для них учителей. «Другой никто не в состоянии исполнить такого дела, — говорил опять император Кириллу, — как ты с братом». Святой Кирилл, понимая важность и трудность перевода священных книг на народный язык, с благоговейным приготовлением сделал первый опыт перевода. Царь и патриарх с радостью поспешили отправить благочестивых братьев. На этом пути Мефодий утверждал болгарского князя в решимости бороться с язычеством[1], а блаженный Кирилл, говорит древний синаксарь, «пошел в Брегальницу и, найдя тут некоторых из славянского народа некрещеными, привел их в Православную веру и крестил, написав им на славянском языке книги; всего обратил в христианскую веру до 4 500 человек»[2]. Составив славянские письмена в Константинополе, блаженный Константин, прежде всего, обрадовал своим изобретением славян, с юности знакомых ему, живших не вдали от Солуня[3]. Столько дорогих ему родичей, доселе не бывших христианами особенно от того, что не знали они греческого языка, на котором

[1] Житие Климента: «еще прежде (до пребывания в Моравии) сотворил он учеником своим владетеля Болгарского Бориса, возбудил любовь к прекрасному отечественному языку и тогда же одарил его дарами наставлений, которые твердил ему непрестанно». Переводчик тут неверно понял и передал слова подлинника. Ср.: *Шафарик*. Славянские древности. Т. 2, кн. 2.

[2] Текст синаксаря в Изв. акад. VI, 384. Действительность и время этого события оправдываются и повествованием о перенесении мощей Струмницких мучеников в Брегальницу (см. мая 2). По латинской легенде, Кирилл и Мефодий явились в Моравию уже с переведенным Евангелием. Cognoscentes loci illuius indigenæ adventum illorum, valde gavisi sunt, quia — et evangelium in eorum linguam a philosopho translatum secum ferre audierant. Легенда о Людмиле: sanctus Cyrillus, postquam Bulgariam ad fidem Iesu Christi convertisset, Moraviam est ingressus. Сревневский мирит Храбра с другими свидетелями о годе изобретения букв тою мыслью, что Храбр считал до Р. Х. 5 500 лет. Иного ничего и не остается делать, при несомненности известий об изобретении букв в 862 году.

[3] Брегальница — город с округом на р. Брегальнице, впадающей в Вардар (Аксий), в расстоянии 5 часов пути от Струмницы, на северо-западе от последней, тогда как Струмница в 5 часах пути от Солуня на севере. Григорович: «выехал я на безводную долину, которой название Овчеполе... Доехал до Истиба, города, лежащего на мысообразном склоне горы, на реке Брегальнице. Ветхий замок на одном из возвышений, прочные красивые мосты ставят его в число красивейших городов Македонии... Внимание мое обратилось на епископскую церковь св. Николая... От Истиба начинаются

толковали им о Христе, — родною славянскою проповедью легко обратил он к Христу Господу.

В Моравии Кирилл и Мефодий с апостольским усердием совершали дело, для которого были призваны: обучали детей, устраивали Богослужение, то и другое на славянском языке[1]. Им надлежало бороться и с остатками язычества, и со страстями невежественного латинского духовенства. Они переходили из области одного князя к другому с проповедью о чистой Евангельской истине на понятном для всех языке. Четыре года с половиною (с 863 по 867 г.) Кирилл и Мефодий исполняли распоряжение восточного патриарха во славу Божию. «И ради быша славяне, слышаще величья Божия своим языком». Но слишком не рады были тому питомцы Рима, немецкие священники. Они осыпали бранью славянских проповедников за славянское Богослужение. Надпись Пилата на кресте, говорили, написана была только на трех языках; так должно и ныне молиться только на трех языках (еврейском, греческом, латинском). «Стало быть, — отвечали им проповедники истины, — вы ученики Пилата? Стыдитесь». Но у немца для денег нет стыда. Немцы сделали донос в Рим на славянских проповедников. Папе, каков был Николай, очень не нравилось, что проповедники, покоряя сердца вере Христовой, не имеют в виду папы; он потребовал греческих проповедников в Рим.

На дороге в Венеции Кирилл и Мефодий должны были выдержать жестокий спор о правоте дела своего. «Сколько народов, — говорили умные учители тупым людям, — славят Бога на своих языках! Мы можем указать на армян, персов, авазгов, грузин, готов, хазар, арабов, египтян, сирийцев!» Папа Адриан (с 4 декабря 867 г.), преемник Николая, опасаясь потерять влияние на Моравию, оказался довольным просветителями славян, покорными древним правилам о патриархах. Он оправдал славянскую службу особым посланием. Святой Кирилл скончался в Риме, февраля 14-го 869 года[2].

Святой Мефодий, согласно с завещанием святого брата, решился продолжать трудиться для славян. Безуспешные в Риме немцы взволновали славян междоусобиями и погубили Ростислава. Мефодий,

---

тучные долины, обрабатываемые болгарами» (*Григорович В.* Очерк путешествия). Нынешний Истиб — древний город Брегальница.

[1] Житие Кирилла: «ученики собрав и вьдасть их учити; вьскоре же вьсь црьковный чинь приемь, научи е утрьницы и часовом и вечерни и павечернице и тайней службе».

[2] Так Климент в похвальном слове Кириллу.

уклоняясь от смут, прибыл (в 870 г.) с учениками своими в Паннонию, и князь Котел с любовью принял его в Мосбурге (болотном замке). Котел просил папу посвятить Мефодия в архиепископа Паннонского, и желание его исполнено. В священники посвящались теперь только славяне и к утешению родичей совершали службу на понятном для них языке. Латинской службы никто не хотел слушать. Немецкое духовенство, оставшись без доходов, раздражилось в высшей степени. Оно (872 г.) стало преследовать Мефодия со всем ожесточением, восстановило против него и германского императора, и моравского князя Святополка; дело доведено до того, что Мефодий отправлен в заточение, где пробыл целые два года с половиною.

Немецкое духовенство, действуя так против святого Мефодия, вдвойне оскорбляло власть папы, к которой для денег обращалось оно под защиту: оскорбляло тем, что удалило из Моравии того, кто посвящен туда папою; оскорбляло тем, что самовольно распоряжалось в той области, которая по давнему распоряжению принадлежала к епархии папы и где дозволено было немцам действовать только под зависимостью папы. Потому папа Иоанн VIII не только возвратил Мефодию (874 г.) иерархическую власть над Моравией и не только писал к Людовику и Карломану о невинности Мефодия и виновности немецких бискупов; но запретил последним самое Богослужение. Потому и славянские князья не только выгнали все немецкое из своей страны, но по их просьбе Мефодий объявлен был со стороны папы архиепископом Моравского государства. Всего более поразительно было в это время то, что четыре бискупа, злодействовавшие против святого Мефодия, поражены были судом Божиим, как предсказывал Мефодий, — все четверо умерли в один и тот же год. «С того времени, — говорит очевидец, — Божественное учение стало быстро распространяться, язычество и суеверия исчезали» — и государство Святополка цвело.

Счастливые успехи славянской проповеди в Моравии имели влияние и на соседние славянские страны. Святополк в 871 году вступил в брак с богемской княжною. Эта связь двора Моравского с Богемским открыла удобства для Евангельской проповеди святого Мефодия в Богемии. Насилия немцев, заставив Боривоя, богемского князя, вступить в политический союз со Святополком, еще более сблизили Боривоя с Мефодием, и святой Мефодий в 874 году крестил князя Боривоя и супругу его Людмилу в Велеграде; а вслед за князем владетельным крестилась и значительная часть народа в Богемии: славянская проповедь, понятная

для каждого чеха, легко открыла богемцам святость христианской веры. Храм святого Климента под Прагою и храм святого Теория в замке, построенный Боривоем, остались памятниками чистой веры в Богемии[1].

Языческий князь, сидевший на Висле, ругался над христианами и причинял им разные обиды. Мефодий послал сказать ему, что хорошо бы ему было креститься волею на своей земле, чтобы, попавшись в плен, не принужден был креститься поневоле, на чужой, и вспомянуть его. «Действительно все так и случилось», — говорит свидетель жизни Мефодиевой. Ученики Мефодия, согласно с желанием образумленного князя, насадили в Польше православное учение о христианстве и Богослужение славянское.

О Далматии говорит древний ее историк: «Мефодий учредил Литургии по уставу греков». Иначе и не могло быть: Мефодий на пути в Рим и из Рима бывал в Далматии[2]. Хорваты и сербы в то же время и по бедствиям политическим просили и получили помощь от императора Василия, а вслед за тем приняли проповедников Восточной Церкви; из них даже те, которые были язычниками, слушая проповедь и Богослужение на понятном языке, охотно крестились[3].

Как ни благотворна была деятельность святого Мефодия для Святой Церкви и всех славян, немцам не было дела до веры и спасения

[1] *Cosmas Pragensis.* Chronica Boёmorum. T. 1.

[2] Свидетельства см. в: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви (ср.: Христианские древности и археология. Тетр. 9 / Изд. Прохоров В. А. СПб., 1864). Свидетельство хроники Андрея Дандолы не совсем точное: «по проповеди бл. Кирилла Зверопол, король Далматский, произошедший от Одрилла, родственника царя Тотилы, принял православную веру со всем своим народом» (Reiskir notæ ad Orphyr. p. 357).

[3] Имп. Константин о жизни имп. Василия (*Constantine VII Progenitors.* De Administrator Imperio § 29, 31, 42). Сочинитель службы седмочисленникам поет: «радуйся, хор седмочисленников — спасение болгар и радость далматов (сербов)... На седмочисленниках Бог, как на седми столпах, основал всю Церковь диких болгар и далматов (сербов), подчинив их закону словами писания и изобретением письмен» (Русская беседа. № 11). Сербская летопись: «Константин философ и брать его Мефодие преложише св. книги от Грчьски езыка на Словенски. Блгаре же и Словени и Срьби и Арбанаси и Богиняни и Руси, во всех тех, един език. Светы же Константин философ, многи книги преложивь, отъиде прежде речение езики учити и предати св. Писание по их езику» (Гласник. Кн. 10). Без сомнения, и из Брегальницы разнеслась славянская служба между соседними сербами. После Мефодия были в сербских краях сперва св. Горазд, которого мощи близ Берата, потом св. Климент. О времени события см.: *Лавровский П. А.* Итальянская легенда о жизни святого Кирилла и открытии им мощей святого Климента // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Кн. 7, 8.

людей, — им нужны были свои доходы, — а гордость их волновалась от успехов славянского проповедника. Они донесли в Рим, что Мефодий отступник от веры, не исповедует исхождения Святого Духа и от Сына, не проповедует не только вселенской власти папы, но даже зависимости своей от папы, — совершает службу на славянском, а не на римском языке. Папа Иоанн покоен был относительно догмата о Святом Духе, исповедуя его согласно с патриархом Фотием; но он встревожился за свою власть над Моравией и вопреки прежнему распоряжению своему запретил (в 879 г.) славянскую службу. Немцы торжествовали; они явились в Моравии и объявили, что Мефодий лишен власти и Моравия передана им. Святой Мефодий вынужден был отправиться в Рим. На Римском соборе (880 г.) святой Мефодий признан учителем Евангельским по всем отношениям. Папа писал в Моравию, что он утверждает Мефодия в правах архиепископа, признает веру его чистою и «так как сказано: *всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца* (Флп. 2, 11), не находит противоречия здравой вере в том, что поют Литургии на славянском языке или читают на нем Святое Писание». Святой Мефодий возвратился в Моравию, спокойный, с торжеством истины над ложью. Но немецкая изобретательность неистощима на зло; она распустила слух, будто патриарх и император в гневе на Мефодия за его согласие с папою. Святой Мефодий не имел причин тревожиться слухами злости, да и он получил от императора письмо, дышавшее любовью. Тем не менее, для рассеяния вредных толков он отправился в Византию. Здесь и патриарх, и император приняли его с уважением. Памятником высоких мнений Православия о подвигах Мефодия служило и то, что император оставил для придворного причта священника и диакона, посвященных святым Мефодием, и в славянском переводе книги.

Когда и при дворе папы и при дворе императора интриги немцев не достигли своей цели, немцы обратились к Святополку. Они пустили в ход и низкую лесть, и низкую клевету. Святополк плохо понимал святую веру и давал волю страстям своим. Немцы все прощали ему, — не требуя от него подвигов покаяния. Мефодий говорил о грешнике, как говорит Евангелие. Отселе Святополк стал оказывать явное нерасположение к Мефодию и благосклонность к льстецам немцам. Викарный епископ, Шваб Вихинг, поборник заблуждения о Святом Духе, человек мало дороживший совестью, стал любимцем Святополка и злейшим врагом святого Мефодия. Так до самого гроба святой Мефодий тер-

пел скорби за апостольские труды свои. Он блаженно почил 6 апреля 885 года и похоронен был в Велеграде, «в великой Моравской церкви, на левой стороне за алтарем Святой Богородицы»[1].

Славянские просветители оставили высокие плоды трудов своих не для одних современников, но для позднего потомства.

По точным исследованиям, святой Кирилл изобрел славянскую азбуку, или, как говорит монах Храбр, «створи 30 письмен и 8, ово ибо по чину греческих письмен, ово же по словенстей речи». По словам Храбра, Кириллова азбука была греко-славянская не только по подбору звуков, но и по рисунку букв, — в ней отличались от греческих, по рисунку, не более 14 букв[2].

Святой Кирилл, по Паннонскому житию его, «весь церковный чин предложи (преложи, перевел) и научи своих учеников утрени и годинам (часам), обедни и навечерници и тайней службе». «Мефодий, — по его житию, — псалтырь бе токмо и Евангелие с Апостолом и избранными службами с философом преложил первое». Соединяя эти известия с другими, убеждаемся, что Константину принадлежат переводы Евангельских чтений, Апостольских чтений, Псалтири, паримийника, служебника, требника и октоиха.

В списке XV века сохранилось «написание о правой вере изученное Константином блаженным философом, учителем о Боге славянскому языку». В конце исповедания сказано: «сице аз свою веру исповедаю и с присным моим братом Мефодием». Исповедание столько же несомненное по подлинности, сколько драгоценное по содержанию. Оно основательно обличает немецкое заблуждение о Святом Духе[3].

Составитель жития Константина философа, излагая сокращенно разговоры Константина с иудеями и магометанами хазарскими, прибавляет: «Если хотите совершенных бесед сих святых, в книгах обрящете я, еже приложи учитель наш и архиепископ Мефодий, брат Константина философа, разрешив е на осмь словес». В статье о книгах полезных и вредных между первыми после Кирилла Иерусалимского

[1] Болгарский синаксарь 1340 г. (*Калайдович К.Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский; Гласник. Кн. 11). Так мог говорить о погребении только очевидец, справедливо замечает Бодянский (*Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён). В житии св. Мефодия: «положиша и в соборной церкви». Это храм Велеграда.

[2] Средневский в «Древностях христианских», тетр. 7, 1864 г.

[3] Подробное рассмотрение в: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви.

поставлен «Кирилл Словенский». Ныне книга бесед святого Кирилла неизвестна, и остается довольствоваться только извлечениями из нее; но и тут много мыслей высоких о человеке и христианстве, много обличений неотразимых иудейству![1]

Святой Мефодий продолжал, после брата своего, переводить на славянский язык как книги Священного Писания, так и некоторые другие, более других нужные. На последнем году жизни он заставил способных писцов переписать труды свои и таким образом оставил в переводе «вся книги исполнь, разве макковеи и номоканон рекше закону правило и отчиные книгы» — (патерик), так говорит житие его; а, по словам Иоанна экзарха, «преложи вся уставные книги 60 от Эллинского языка в Словенске». По тому и другому известию святым Мефодием оставлены в переводе: а) все канонические книги Священного Писания, но не были переведены апокрифические; б) номоканон и патерик.

Так святые Кирилл и Мефодий подвизались в проповедании чистой святой веры (восточного Православия) славянским народам, страдая за то мужественно, до гроба. Если являются такие, которым хочется выдавать святых мужей за поклонников своеволия людского, то остается жалеть о том, что дозволяют себе лгать на святую истину[2].

Память славянских просветителей священна для славянских племен как память о проповедниках чистой истины. Ее торжествовали не раз в году славянские племена[3]. Известны и древние службы святым Кириллу и Мефодию[4].

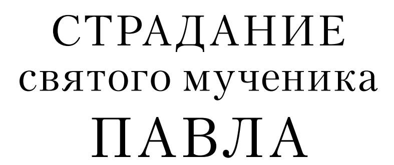
---

[1] В русском переводе сокращение бесед Кирилла см. в: *Платонов И.* Жизнь и подвиги первоучителей. Прим. 19.

[2] Недавно Гинцель усиливался выставить свв. Кирилла и Мефодия поклонниками романизма (*Joseph Augustin Ginzel.* Geschichte Der Slawenapostel Cyrill Und Method Und Der Slawischen Liturgie. Leitmeritz, 1857). Против него и других подобных пространно см. в: *Лавровский П.А.* Кирилл и Мефодий.

[3] В Болгарском синаксаре XIII в. под 25 августа память свв. Кирилла и Мефодия. И здесь же сказано: «и творить же память его 6 апр. м. и вельми церкви празднует в день память его» (*Калайдович К.Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский). В Синодальной апрельской минее XII века память обоим 6 апреля. В харат. Евангелии Московск. Архангельск, соб. под 6 апреля память «св. Мефодия архиеп. и Кирилла брата его». В Остромировом и Ассемановом Евангелии под 14 февраля память «прп. Константина философа», под 6 апреля «св. Мефодия». Житие св. Кирилла помещалось под 14 октября, житие св. Мефодия — под 6 апреля. Чехи и моравцы с 1380 г. празднуют Кириллу и Мефодию 9 марта (Acta Sanctorum, mart. 2).

[4] В Синодальной апрельской минее XII века под 6 апреля канон Кириллу и Мефодию. Здесь в 7 песни о Мефодии: «Моравско страна вели заступ и стълп имея к Богу,

СТРАДАНИЕ святого мученика ПАВЛА

Блаженный Павел еще в юных летах уведен был из России татарами, — и потом продан был в Константинополь. Сколько страданий вытерпели русские от Крымских разбойников-татар! Хищники не в одной честной войне, но в воровских, тайных наездах захватили русских и потом насмехались в лице их над человечеством. «Корабли, приходящие к Крымским татарам из Азии, — говорит современник, — привозят им оружие, одежды и лошадей, а отходят от них нагруженные рабами... Они всегда имеют в запасе рабов не только для торговли, но и для потехи своей дома и для удовлетворения своим наклонностям к жестокости. Те, которые посильнее из этих несчастных, — связанные или скованные мучатся днем на работе, ночью в темнице, и жизнь их поддерживается малостью пищи, состоящей в мясе дохлых животных»[1]. Павел, измученный варварами, мог быть куплен только христианином. Прослужив несколько лет господину, он отпущен был на волю и вступил в брак с русскою девушкою, подобно ему попавшеюся в плен и также получившею свободу. Супруги вели жизнь христианскую, быв испытаны тяжелыми скорбями. От страданий в плену Павел стал сильно страдать падучею болезнью. Припадки ее по временам бывали так жестоки, что больной впадал в безумие. Супруга и соседи положили отвести его в храм Богородицы Муглунийской, где подобные больные получали исцеление. Больной, не понимая, что хотят с ним делать, никак не хотел идти; принуждены были связать его и вести против воли. Дорогою встретились турки и спросили: «Куда тащат его?» Больной в исступлении ума закричал: «Я агарянин, я стал агарянином». Больного

тобою просвешена, научи(ся) възвати в свои язык: отец наших Боже»... Совсем другой канон в Болгарской минее XIII века: «яко солнце светлость (с) востока тя всияв к западу, отче, посла мудра учителя всъмъ» (Изв. акад. VI, 191. 192). Одна служба напечатана в: *Григорович В.* Древне-славянский памятник, дополняющий житие словянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия // Ученые записки Казанского университета. 1862. Здесь в 9 п.: «тя, блаженне, земе Моравска поет, тьло твое имущи, и Панонска, просвещена тобою. Людие сшедшеся празднуют твою память». Несколько песней св. Кириллу в: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

[1] Известия литовца Михалона у Соловьева (*Соловьев С.* История России. Т. 7).

довели до церкви. Между тем турки спустя два дня надумались. «Как? — говорили они между собой, — брат наш магометанин просил нашей помощи, и мы оставили его в руках неверных». Один из них, исступленный фанатик, разжег других и склонил явиться к великому визирю с жалобою на христиан. «Неверные, — доносили они визирю на словах и на бумаге, — неверные в столице магометанства осмеливаются принявшего магометанство тащить в церковь», — и рассказали о Павле. Разгневанный визирь велел немедленно представить к себе мнимого нового магометанина, а священников церкви и кого найдут в ней связать и привести к нему. К счастью, один из слышавших это решение визиря немедленно дал знать о том в церкви. Когда поднялась тревога, и больного вели из храма, больной внезапно выздоровел, и ему рассказали, в чем дело его. Едва успели сообщить ему об общей опасности, как посланные визирем схватили его и священников и привели к визирю. Приказав бросить священников в глубокую темничную яму, визирь ласково спросил Павла: «Правда ли, что ты принял магометанство?» «Никогда не хотел ничего подобного», — отвечал Павел. Доносчики говорили, что когда тащили его в церковь, сам он называл себя магометанином, в слух их. «Вы хотите только мучить христиан, — сказал Павел, — и выдумываете неправды». Визирь спросил: «Зачем тащили тебя в церковь?» «Меня тащили в дом, господин мой, а не в церковь, — говорил Павел, — я страдаю до безумия в новолуние, и в этом-то состоянии волокли меня в дом; но христианином я был, христианин я теперь и христианином останусь». «Так как эти правоверные, — сказал визирь, — слышали от тебя самого, что ты — магометанин; то тебе остается или быть магометанином, или же быть осужденным на смерть: выбирай любое — или магометанство и почести, или позорную смерть». Позади исповедника стояла добрая супруга его и говорила ему по-русски: «Не бойся смерти, добрый супруг мой; будь тверд в святой вере: умереть недолго, а потом станешь веселиться с Христовыми мучениками, и как я буду счастлива! Меня станут называть женою мученика». Визирь спросил: «Что это за женщина? О чем говорит она?» Один из присутствовавших, знавший русский язык, сказал: «Это жена его, и она уговаривает его не отрекаться от христианской веры». Визирь велел привязать жену к столбу и бить без пощады, а мужа бросить в тюрьму. Как жена, так и священники также заключены были под стражу. Спустя три дня Павел снова представлен был к визирю. Сколько ни уговаривали его, он смело повторял одно: «Я — христианин». Визирь велел казнить его, и — ему отсекли

голову на ипподроме, в самый день страданий Господа нашего Иисуса Христа, в 1683 году апреля 6-го дня. Священники и супруга мученика за деньги освобождены были из темницы[1].

ПАМЯТЬ
преподобного и Богоносного отца нашего
ГРИГОРИЯ СИНАИТА

«Горел желанием, — как говорит писатель жития его[2], — всю вселенную обогатить знанием восхождения на высоту делания и созерцания, стремился он возжечь во всех пламенную любовь к этому восхождению... Удивлял самих подвижников своею почти бесплотною ангельскою жизнью: пост его, бдения, всенощные стояния, непрестанные псалмопения и молитвы превосходили всякое описание. Казалось, он спорил с природою, желая вещественное тело свое сделать невещественным...»

А вот и слова самого Григория в ответ на вопросы об умственном делании, с которыми обратился к нему один из учеников его: «Когда душа употребляет все свое усердие и подвизается посредством деятельных добродетелей, при должном рассуждении, тогда она низлагает все страсти и подчиняет их себе. А если страсти покорены, то ее окружают естественные добродетели и следуют за нею, как тень за телом; и не только следуют, но и учат ее и наставляют тому, что выше естества, учат как бы восхождению по духовной лестнице.

Когда же ум, благодатью Христовою, взойдет к тому, что выше естества, тогда, просвещаемый Святым Духом, он простирается к ясному видению; тогда, сделавшись выше самого себя, по мере данной

[1] Страдание св. Павла помещено между житиями новых мучеников, издано на греческом языке в Венеции 1799 г. Пасха 1683 г. была 8 апреля. Следовательно, Великий Пяток, день страданий Господа и день кончины св. Павла, был 6 апреля, а не 3, как показывают другие.

[2] См. жизнь св. Григория Синаита в: Афонский патерик. Ч. 1.

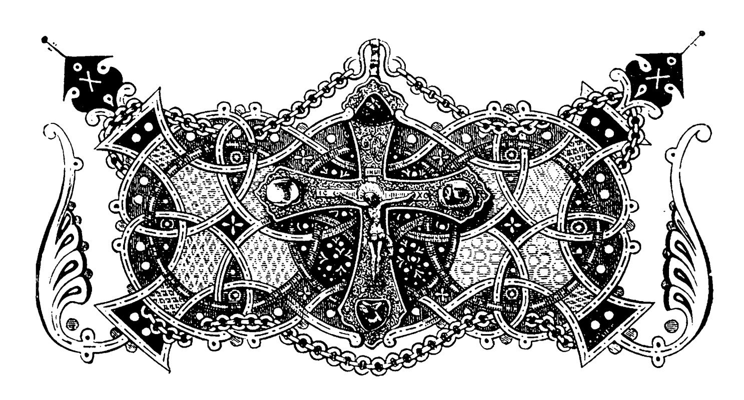

ему от Бога благодати, весьма ясно и чисто видит сущность вещей, и уже совсем не так, как умствуют о том внешние мудрецы, кидающиеся только за тенью вещей, а не старающиеся как должно следовать существенному действию природы. Ведь и Божественное Писание говорит: *Посуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1, 21–22). Потом душа, принявшая благодать Святого Духа, по причине множества видений, какие ей открываются, мало-помалу оставляет прежние и переходит к высшим и Божественнейшим, как говорит апостол Павел: *Забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3, 13), — и таким образом поистине отбрасывает всякую боязнь и страх и, прилепившись любовью к Христу, видит, что природные ее помыслы совершенно умолкают и, по писанию святых отцов, остаются назади. Достигнув безвидной и неизреченной красоты, она теперь, осияваемая сиянием и благодатью Святого Духа, беседует только с Богом, а просветившись этим беспредельным светом и имея стремление к одному Богу, она, по причине своего нового и чудного изменения, совсем уже не чувствует своего смиренного, земного и вещественного тела, ибо является чистою и светлою — без всякой примеси вещественного пристрастия, является существом собственно умным, каким был до грехопадения первородный Адам. Он сперва был покрыт благодатью беспредельного света, а потом, по причине горького преступления, обнажился от светоносной этой славы».

«Человек, через трудолюбивое упражнение в умной молитве достигший столь дивной высоты и увидевший ясно свое собственное устроение, в какое он пришел благодатию Христовою, уже увидел и воскресение души своей прежде чаемого общего воскресения, так что душа, очистившаяся таким образом, может говорить вместе со святым апостолом Павлом: *В теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю* (2 Кор. 12, 2). Но вместе с тем душа и недоумевает, и изумляется тому, и взывает с удивлением: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божиего! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* (Рим. 11, 33)».

Светоносная жизнь в мире святого Григория светоносными лучами отразилась и в прославившихся учениках его: святых Герасиме, Иосифе, авве Николае, чудном Марке, Иакове, Аароне, Моисее, Лонгине, Корнилии, Исайи и Клименте.

И кто измерит все лучи, которыми жизнь праведников озаряет путь к небу для остального человечества...

День седьмой

ПАМЯТЬ преподобного НИЛА СОРСКОГО

Преподобный Нил — великий отец Русской Церкви по своему подвижничеству и наставлениям.

Он был из дворянской фамилии Майковых. Начало иноческой жизни полагал он в обители преподобного Кирилла Белоезерского. Здесь он пользовался советами умного и строгого старца Паисия Ярославова, который потом был игуменом Сергиевой лавры и не захотел быть митрополитом. Затем путешествовал на восток, чтобы видеть в опытах жизнь духовную, был, по его словам, «на горе Афонской, в странах Цареградских и других местах»[1]. По возвращении с востока короткое время жил он за оградою Кириллова монастыря, в уединенной келлие; потом в 15 верстах от монастыря, на реке Сорке, поставил себе крест с часовнею и келлию и тем, которые хотели делить с ним подвиги, предлагал жизнь не общежительную, а скитскую.

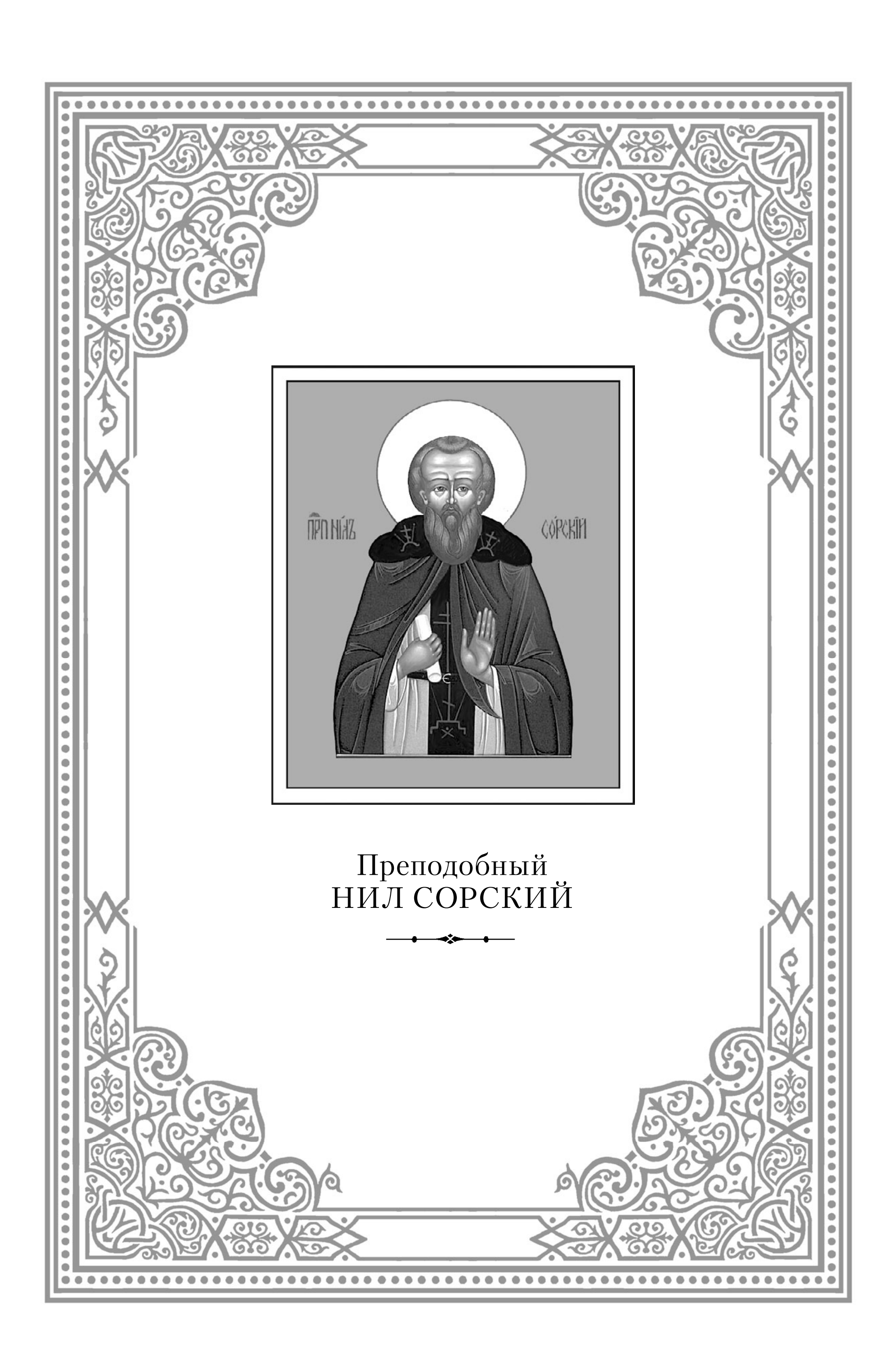
Историю внутренней своей жизни отчасти открыл сам преподобный в послании к кн. иноку Вассиану, по настоятельной его просьбе. «Пишу к тебе, — говорит он, — показывая себя: любовь твоя по Богу вынуждает

[1] Нил в предисловии к уставу: «Повсюду обретается в Св. Писаниях похваляемо, еже во единым или двема безмолвие, якоже и самовидцы бехом в Св. Горе Афонстѣй и в странах Царьградских и на иных мѣстѣх многа суть такова пребывания». О путешествии и в письме его.

к тому и делает меня безумным, чтобы писать тебе о себе. Не просто и не по случаям надобно нам поступать, а по Святому Писанию и по преданию святых отцов. Удаление мое из монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ее. Я видел, что там живут не по Закону Божиему и преданию отеческому, а по своей воле и человеческому рассуждению. Много еще и таких, которые, поступая так, неправильно мечтают, будто проходят житие добродетельное... Когда мы жили вместе с тобою в монастыре (Кирилловом), ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Священному Писанию, хотя по лености моей и не успевал. По окончании странствования моего пришел я в монастырь (Кириллов) и вне монастыря, вблизи его, устроив себе келлию, жил, сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатию Божией место по мыслям моим, мало доступное для мирских людей, как сам ты видел. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных Писаний; прежде всего испытываю Заповеди Господни и их толкование и предания апостолов, потом жития и наставления святых отцов. О всем том размышляю и что, по рассуждению моему, нахожу Богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов или повинуйся тому, кто известен как муж духовный в слове, жизни и рассуждении... Святое Писание жестко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Святое Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть выполняемо в наше время. Но истинным подвижникам и в древние времена и в нынешние и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро: Заповеди Господни для них дороги более, чем золото и каменья дорогие, сладки боле, что мед и сот»[1].

По этому письму видно, между прочим, и то, что путь жизни, избранный Нилом, изумлял собою современников. Да и подлинно было чему изумляться, особенно для слабых.

[1] Послание князю Вассиану в ркп. Сергиевой лавры № 2, у Толстого 2, № 34.

Преподобный
НИЛ СОРСКИЙ

Дико, мрачно, пустынно место, которое избрал для скита своего преподобный Нил. Это не местность Афонская, где столько красот природы, где воздух живительный, плоды роскошные.

Речка Сорка, передавшая свое имя русскому угоднику Божиему, похожа более на болото, чем на текущую реку, чуть тянется вниз; вся местность скита низменная и болотистая. И здесь-то подвизался русский отшельник. Еще целы прудок, выкопанный преподобным Нилом, и его трудов — колодезь с превкусною водою, которую употребляют для исцеления[1]. Еще цела одежда Нила; волосья ее колются, как иглы. Все скитское общество преподобного состояло из иеромонаха, диакона и 12 старцев[2]. В число их явились из Иосифова монастыря Дионисий из князей Звенигородских и Нил Полев — потомок князей Смоленских. Первый из них, когда жил в Иосифове, «в хлебопекарне работал за двух и к тому же пел 77 псалмов и творил по 3 000 поясных поклонов каждый день. Но, полюбив уединение, просился и получил благословление идти к отцу Нилу, который тогда сиял, как светило, в пустыни на Белоозере». Так говорит современник[3]. Для нужд братьев преподобный Нил устроил на речке небольшую мельницу. Когда решились построить храм, надобно было предпринять много работ. На почве болотистой надлежало сделать высокие насыпи для храма, тем более, что здесь же надлежало быть и братской усыпальнице. Руками святого старца и его скитников насыпан был высокий холм для храма и усыпальницы. Каждая келлия поставлена на возвышении и каждая от другой и от храма на расстоянии брошенного камня. Скитники собирались в храм свой, по примеру восточных, только по субботам, воскресеньям и праздникам: в прочие дни каждый молился и трудился в своей келлие. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь, в полном смысла слова: за каждою кафизмою предлагалось по три и четыре чтения из отцов. Во время Литургии пели только трисвятую песнь, аллилуйя, херувимскую и достойно; все прочее читалось протяжно, нараспев. В субботу приходили в братскую усыпальницу, где совершалась панихида за упокой усопших. Таков церковный устав Нила[4].

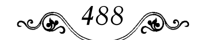
---

[1] *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 2.

[2] Грамота великого князя Василия 1515 г. (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1).

[3] Неизвестного житие прп. Иосифа Волоколамского в: Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе: В 48 ч. М., 1843–1892. Ч. 10 (далее — Прибавления к изданию творений свв. отцов).

[4] *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 2.

Преподобный Нил был один из тех, которые душою скорбели о порче книг церковных, и старался исправлять их. Это, как и скитская жизнь, дотоле невиданная, возбуждало против него неудовольствия. Он терпеливо шел путем своим[1].

В 1491 году видим преподобного Нила на соборе о жидовствующих еретиках[2]. По делу о них же ревнитель Православия блаженный Геннадий в 1492 году желал лично видеть преподобного Нила, чтобы слышать суждения его о предметах недоумений[3].

Неизвестный современник писал: «Нил Майков, ученик Паисия, был в Святой Горе. Великий князь содержал их (Паисия и Нила) в великой чести. Когда окончился собор о вдовых попах и диаконах (1503 г.), старец Нил предложил, чтобы не было сел у монастырей, а жили бы трудами рук своих. К нему присоединились и Белоезерские пустынники». Другой современник так говорит о том же: «Некоторые отцы, проводящие и любящие безмолвие и уединенную жизнь (между ними первый святой Нил), твердо помня отеческие наставления о нестяжательности, необходимой для черноризцев, скорбели о том, что монастыри владеют селами, и полагали, что напрасно произносится отречение от мира монахами, — ибо они точно так же, как миряне, волнуются и ссорятся с мирянами и между собою, ходят по судам и ведут тяжбы. Потому они предлагали о том самодержцу, как имеющие доступ к нему по своей крепкой жизни и по великой добродетели и как уважаемые самодержцем». По известию того и другого современника, на соборе Иосиф Волоколамский и другие подали другой голос о монастырских имуществах, и их голос был уважен[4].

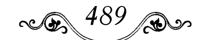
---

[1] Вассиан в своем оправдании: «Сие лжеши на мя и на моего старца Нила (Сорского), что мы хулим чудотворцев и древних и новых. Чудес из их святых писаний ничего старец Нил не выкинул, наипаче исправил, со иных справил епископ» (рукопись Синод. б-ки № 738).

[2] Собр. л. 4, 158.

[3] *Филарет Черниговский*. Послание Геннадия Иоасафу Ростовскому // Чт. ОИДР. 1847. № 8.

[4] Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 10. Голос прп. Нила, говорит первый современник, поддерживал ученик его инок Вассиан Косой. Вассиан сам писал в своем оправдании: «Веси сам, Иосифе, во св. правилах, что вдовцам чистым повелевают служить... А о селѣхъ не подобает монастырем сел држати; у соборных церквей у мирских повелевают св. правила земли держати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церковное богатство ведати иконому и давать от него со епископля доклада причетникам церковным всем. А иноком не подобает богатствовати и земель держати, понеже отреклися сего всего». Ркп. Синод. б-ки № 738.

В предсмертном завещании преподобный, заповедуя ученикам бросить тело его в пустыни, в пищу зверям, или закопать в яму с презрением, писал: «Оно тяжко согрешило пред Богом и недостойно погребения», и затем прибавлял: «Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакою честью на земле, в этой жизни; так пусть будет и по смерти». Преподобный скончался 7 мая 1508 года[1].

Мощи преподобного почивают под спудом. Грозный царь в 1569 году хотел на место деревянного построить каменный храм. Но преподобный, явясь Иоанну, строго запретил ему строить такой храм; так он и за гробом остается ревнителем скитской простоты[2].

Как жизнь преподобного Нила была жизнь особенная, так и в писаниях своих он такой наставник, какого дотоле не было в Русской Церкви. Он учитель жизни созерцательной.

«Устав скитского жития преподобного Нила»[3], после предисловия о мысленном делании, предлагает наставления: 1) о различии мысленной брани; 2) о борьбе с помыслами; 3) как укрепляться в подвиге против помыслов; 4) о содержании духовной брани; 5) об 8 помыслах; 6) о борьбе с каждым из них; 7) как важно памятование о смерти! 8) о слезах; 9) о хранении сокрушения; 10) о смерти для мира; 11) о том, что все должно делать в свое время. В заключении святой Нил говорит, с какими расположениями предложил он свой устав.

«Умная молитва, — говорит он, — выше телесной: телесное делание — лист, а внутреннее, умное — плод. Кто молится только устами, об уме же небрежет, тот молится воздуху. Ибо Бог внимает уму. Упражнение во внутренней молитве доводит человека до высшего духовного состояния, в котором дух даже не имеет молитвы, ни движения, ни самовластия, а наставляется силою иною». На этом пути, кроме молитвы, необходима борьба с помыслами. «Если не можешь молить-

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. Ркп. святцы: «прп. Нил, начальник Сорского скитского жития на Белоозере, преставися в лет. 7016». Так по старшему списку. В Отенских святцах: «прп. Нил, начальник Сорской пустыни скитского жития на Белоозере, преставися в лето 7016 (1508) апреля в 7 день». Тот же месяц и число кончины — в святцах общ. ист. № 231. и в третьем еще списке. В Словаре святых днем кончины показано 7 мая, но едва ли это не день одной памяти, установленной по чудесному событию.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

[3] Предание или наставление прп. Нила напечатано в: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V, но неисправно. Исправнее — новое издание: Прп. Н. Сорского предание учеником своим о жительстве скитском. М., 1849.

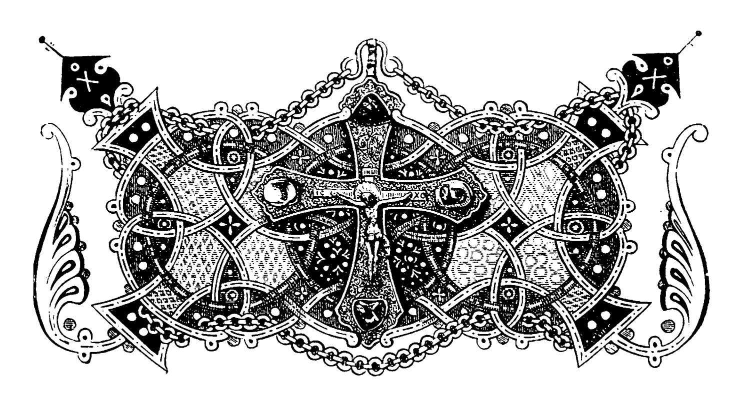

ся в безмолвии, без помыслов, и даже видишь их умножающимися в уме твоем, — не малодушествуй, пребывай постоянно в молитве». Наставления преподобного Нила о помыслах заключают в себе глубокие психологические наблюдения над действиями души. Он разлагает дело души на части самые тонкие, едва заметные; показывает, как помысел из безгрешного постепенно переходит в действие более и более преступное и опасное. Относительно внешней деятельности преподобный Нил предписывает скитскую полную нестяжательность и простоту во всем. Необходимое для жизни велит приобретать только трудами рук своих, повторяя слова апостола: *Аще кто не хочет делать, ниже да яст* (2 Сол. 3, 10). «Иноческая милостыня — помощь брату словом во время нужды, утешить в скорби духовным рассуждением: душевная милостыня настолько выше телесной, насколько душа выше тела. Если придет к нам странник, успокоим его по силе и, если требует хлеба, подадим ему и отпустим его». Преподобный Нил часто говорит словами отцов и чаще других приводит слова Григория Синаита и Симеона Нового Богослова. О первом говорит он: «Сей блаженный, обнимая содержание писаний всех духовных отцов, по их чину, повелевает иметь прилежную заботливость о молитве».

ПАМЯТЬ святителя ГЕОРГИЯ, митрополита Митиленского, исповедника

Святитель Георгий был из числа тех епископов, которые в 815 году не согласились на определение беззаконного собора уничтожать иконы; император Лев Армянин сослал его в Херсонес Таврический, где он и скончался.

День восьмой

ПАМЯТЬ
святых апостолов от 70-ти
ИРОДИОНА, АГАВА, РУФА, АСИНКРИТА, ФЛЕГОНТА и ЕРМИЯ

Приветствуйте Иродиона, сродника моего, — пишет святой апостол Павел в Послании к Римлянам (Рим. 16, 2). Иродион был родом из города Тарса Киликийского; он был рукоположен святым апостолом Петром в епископы городу Патре, в нынешней Ливадии, называвшейся тогда Ахайской областью. Много потерпел он преследований от иудеев и язычников. Однажды был замучен ими до полусмерти, но по благодати Божией оправился и последовал за апостолом Петром в Рим для проповедования Евангелия. В день распятия апостола Петра был взят вместе с апостолом Олимпом и многими другими христианами и осужден на казнь. Всем им отсекли головы мечом. Тела их были с честью погребены святым Климентом, учеником святого апостола Петра, который был взят и присужден к смерти вместе с другими христианами, но был помилован, отпущен с места казни живым, потому что приходился родственником императору.

Между тем как мы пребывали у них многие дни (у диакона Филиппа — в Кесарии, четыре дочери которого пророчествовали), — *пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и, войдя к нам, взял пояс Павлов*

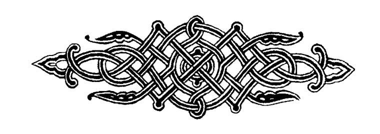
и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников... (Деян. 21, 10–11).

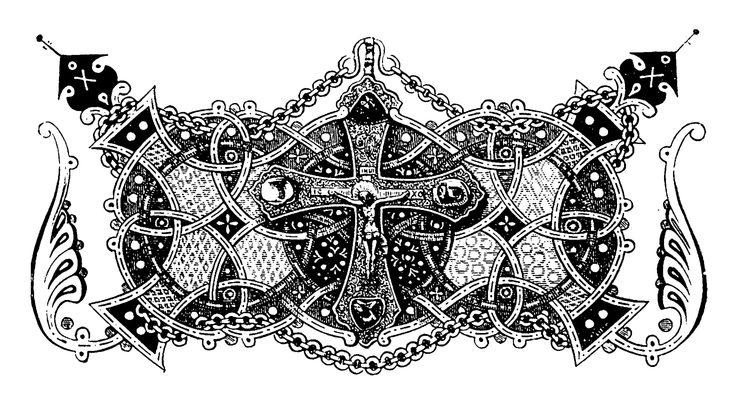
В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки. И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии (Деян. 11, 27–28). Из исполнившихся в свое время предсказаний видно, что апостол Агав, проповедовавший Евангелие в странах вокруг Иудеи, был одарен свыше пророческим даром.

Апостола Руфа, бывшего епископом в Фивах, так воспоминает святой апостол Павел в своем послании к Римлянам: *Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и матерь его и мою* (Рим. 16, 13).

Апостолов: Асинкрита, бывшего епископом в Иркании, Флегонта, бывшего епископом в Марафоне, Ермия, епископа Далматского, также вспоминает святой апостол Павел в Послании к Римлянам: *Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ермия и других с ними братьев* (Рим. 16, 14).

Все эти апостолы были проповедниками Евангелия и мучениками, иные до смерти, за веру Христову.

День десятый

ПАМЯТЬ святых 600 преподобных отцов, избитых персами в Давидо-Гареджийской пустыне

В обители, основанной святым Давидом Гареджийским (одним из учеников великого Иоанна Зедазнийского), вокруг которой еще при жизни святого Давида образовалось несколько обителей, составлявших как бы Фиваиду Грузии, процветавшую почти до XVII столетия, иноки имели обыкновение в храмовый праздник Воскресения Христова сходиться в одной из обителей для совместного празднования Светлого дня.

Так было и в 1615 году. В это несчастное для Иверии время, когда звероподобный шах Аббас разорил всю страну и предал избиению множество жителей, отправился он однажды, именно накануне дня Светлого Христова Воскресения, поохотиться в степях Караягских, ликуя и превозносясь, что здесь уже верно не встретит он ни одной живой души. Но, к удивлению своему, лежа ночью в своей палатке, он увидел вдали на горе множество движущихся огоньков. Это и были иноки Гареджийской пустыни, обходившие крестным ходом маленькую свою церковь, воспевая радостное «Христос воскрес!»

«Стало быть, не вся Грузия предана мечу?» — воскликнул шах, узнав от своих приближенных, что это монахи празднуют свою Пасху Христову, и приказал изрубить всех, кого найдут в этой степной

пустыни... Напрасно некоторые приближенные шаха просили его пощадить этих безвредных людей, напоминая ему, что сам Магомет велит щадить молитвенников. Воины должны были исполнить волю их необузданного в своей свирепости владыки и к утру следующего дня истребили до 600 иноков, которых они застали причащающимися во время Литургии Святых Таин Господних... Затем они предали разорению и опустошению все обители. И таким образом закончилось существование этих обителей, служивших в продолжение почти 12-ти столетий рассадником Православия и благочестия в Грузии. Впоследствии, заботливостью Кахетинского царя Арчила II, собраны были кости преподобных мучеников и положены в сооруженной им церкви.

В настоящее время из прежних двенадцати существуют лишь две восстановленные обители: Воскресенская — св. Давида и Иоанна Предтечи.

Память этих мучеников совершается в Грузии во вторник Пасхи[1].

ПАМЯТЬ святой пророчицы ОЛДАМЫ

Пророчица Олдама жила в первой половине VII века до Р. Х. Она предсказала 16-му царю иудейскому, царствовавшему в Иерусалиме, Иосии, «делавшему угодное в очах Господних и ходившему во всем путем Давида, отца своего, не уклонявшемуся ни направо, ни налево», что за смирение его перед Господом *Господь приложит его к отцам его, и положен он будет в гробницу свою в мире, и не увидят глаза его всего того бедствия, которое Господь наведет на страну его...* (4 Цар. 22, 20; 2 Пар. 34, 28).

[1] См.: *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. СПб., 1871.

ПАМЯТЬ святого новомученика ДИМА (Димоса)

История мученичества Дима есть повторение бесчисленных подобных, которым не перестают подвергаться христиане, существующие под игом турок: личная досада, мстительная клевета, допрос с ложными свидетелями, в которых никогда не бывает недостатка, пытка, казнь... И кто знает, сколько времени предстоит продолжаться возобновлению случаев, где турок — палач, жертва — христианин... Иной порядок вещей пока еще только в мечтах страдальцев, жаждущих освобождения от векового неправедного гнета, и людей, сочувствующих страданиям своих единоверных, но безуспешно стремящихся помочь им стряхнуть этот удручающий гнет, бесплодно почти до сих пор приносящих для этого кровавые жертвы.

Вот в коротких словах история мученика Дима. Рыбак по ремеслу, отказавшийся работать при отяготительных условиях хозяина турка, державшего рыбную ловлю в Смирне, он был оклеветан раздосадованным его отказом турком в том, что будто бы выражал желание принять ислам. За этим, разумеется, отречение Дима от подобного желания; исповедничество веры, в которой воспитали его родители, в которой утвердила его общая мать — Православная Церковь. Затем — принуждение к исламу, пытки; Дим заключен в темницу, в тяжких колодках, в которых для усиления боли забиты кирпичи и другие острые и твердые предметы. Непоколебимое терпение христианина; смертная казнь...

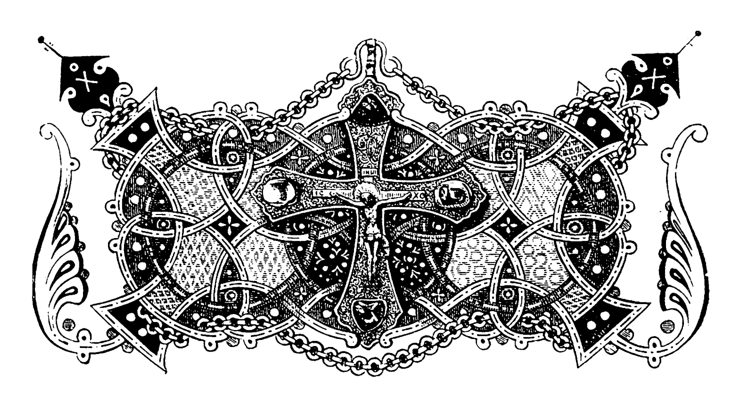
«Обезглавленный труженик сопричислен к лику святых. Христиане купили мученические останки его и с честью погребли в храме святого Георгия. На другой день после погребения, в праздник Троицы, проповедник Дорофей почтил память страдальца назидательным словом»[1].

Дим пострадал в 1763 году 10-го апреля.

Господь почтил нетлением верного раба Своего. Мощи его были перенесены в алтарь храма святого Георгия, и много было случаев исцеления приближавшихся ко гробу его с теплою верою в помощь принявшего мученический венец.

---

[1] *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке, со времени завоевании Константинополя турками. СПб, 1862 (далее — *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке. — *Ред.*).

День одиннадцатый

ПАМЯТЬ преподобного ИАКОВА ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО

В тридцати верстах от Галича, в глухом лесу, у железных рудников, жил (с 1352 г.) в уединенной хижине пустынник, и этот пустынник молитвами возвратил к жизни супругу могущественного властителя России. Это был преподобный Иаков, ученик великого Серия Радонежского. Супруга великого князя Василия Дмитриевича, София Витовтовна, страдала родами и была при смерти. Преподобному Иакову случилось тогда быть в Москве; он пребывал в монастыре Иоанна Предтечи под бором, за рекою Москвою. Великий князь слышал о его святой жизни и послал просить его помолиться о больной супруге. Преподобный отвечал: «Молись Богу и Пречистой Матери Его; о княгине не скорби, будет здорова и в этот же вечер родит сына, наследника тебе». София благополучно родила сына Василия. Это было в 1415 году. Признательный великий князь дал блаженному Иакову средства построить на месте уединенных подвигов его, на железном борку, монастырь с храмом в честь святого Предтечи и определил землю на содержание обители[1].

[1] Собр. л. 6, 140; Никон. л. 5, 56; Книга степенная. Ч. 2; Ркп. житие прп. Иакова; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

Преподобный родом из Галичских дворян Амосовых[1], был усердным насадителем иноческой жизни в родной стороне своей. Скоро собрались к нему ревнители уединения. Он устроил строгое общежитие, — в обители никто ничего не называл своим; его пример одушевлял учеников к строгой жизни; по примеру наставника ученики благодушно терпели нужду и скорби; блаженный Иаков учил их чистоте душевной и телесной, посту, взаимной любви, смирению и терпению.

Сильное искушение испытали обитель Иакова и ее окрестности в 1429 году. Шайки Казанских татар опустошали окрестности Галича, подступали под Галич и, не взяв его, в самый день Крещения захватили Кострому, набрали множество пленных и ушли. По летописи, тогда как главные силы Москвы, не догнав татар, возвратились от Нижнего, воеводы Феодор Добрынский и князь Феодор Пестрый поплыли Волгою, нагнали их за Нижним, напав, разбили, многих истребили и всех пленных отняли. «За то, — прибавляет летопись, — тем воеводам честь, а по смерти — вечная память»[2]. Преподобный с учениками своими удалялся от страшной бури в темный лес. По возвращении на место молитв он должен был поднимать обитель из развалин. Он построил теперь и трапезный храм в честь святителя Николая, выкопал своими руками обширные пруды; теперь явилось в стороне той много бедных и голодных; преподобный кормил всех приходивших и помогал, сколько мог. После стольких лет подвижничества братия упросили его быть игуменом их: он отправился в Москву и там облечен был саном; он получил там и разные пособия для чад своих. В глубокой старости постигла его предсмертная болезнь; он назначил преемника себе из учеников своих и принял в напутствие в ту жизнь Святые Таины[3]. По рукописным святцам «преподобный Иаков, игумен Предтеченского монастыря на железном борку, Костромской Чудотворец, преставился в лето 6950 (1442) апреля в 11 день»[4]. Святое тело его покоится под спудом в основанной им обители[5]. Великий князь Василий Васильевич в 1450 году, после победы над Шемякою под Галичем, отправлялся

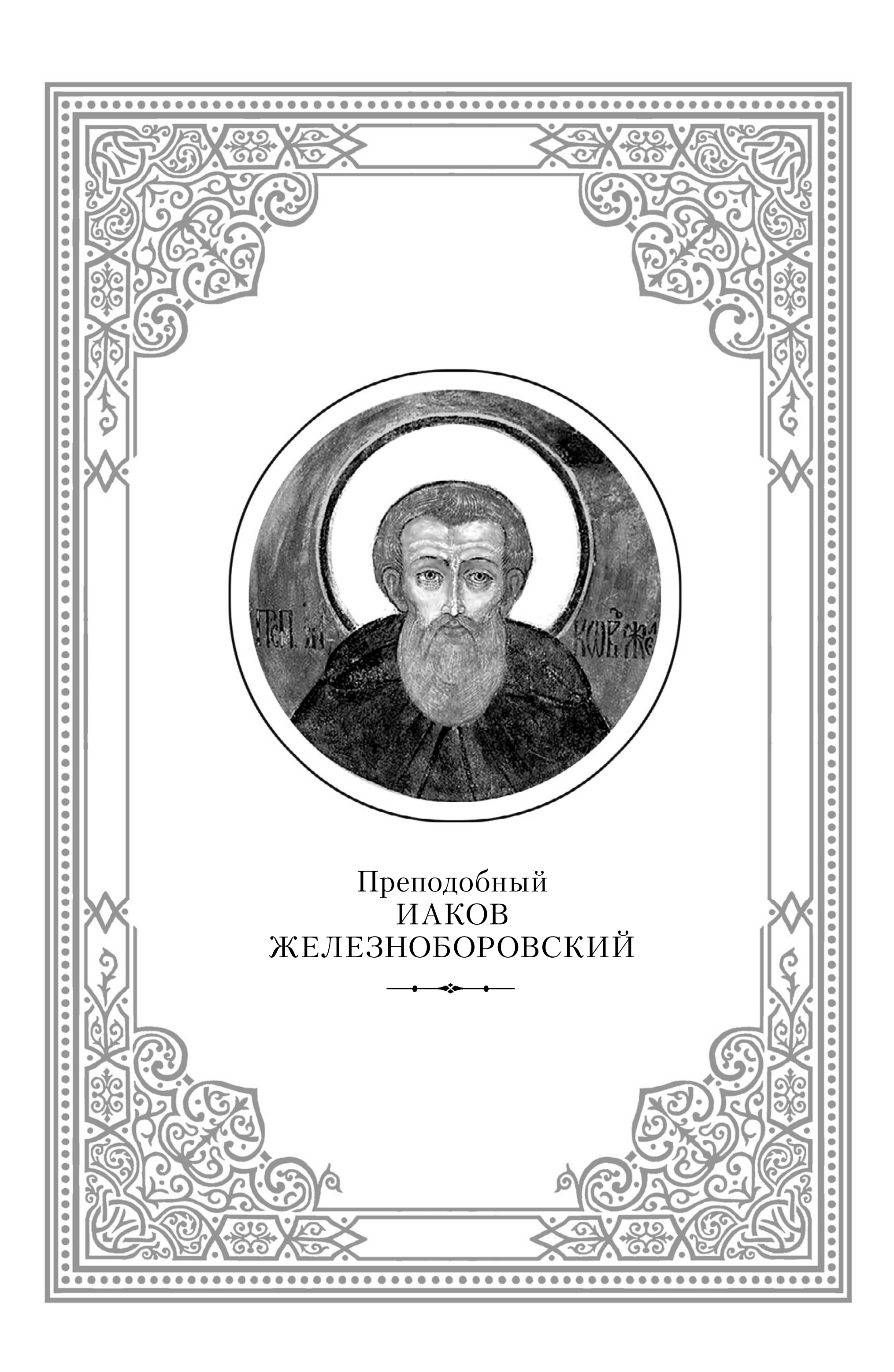
[1] Так сказано в житии. Но монастырь преподобного называли монастырем Иакова Широконосого: не беремся соглашать одного с другим.

[2] Львов. л. 2, 266; Никон. л. 5, 96; Собр. л. 5, 263. 6, 143; ркп. житие.

[3] Ркп. житие.

[4] В Словаре святых: «св. Иаков преставился в 1392 г.». Но это — явная несообразность со временем рождения князя Василия Васильевича.

[5] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

Преподобный
ИАКОВ ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКИЙ

в обитель Иакова благодарить Господа за успех свой[1]. Обитель преподобного и после него не раз страдала от татар, и двое из ее игуменов, Савва и Вениамин, скончались страдальчески; но обитель его поныне существует[2].

По памятникам видим, что уже в 1536 году чтили в обители Иаковлевой основателя ее как угодника Божиего, называли его преподобным отцом, а немного позже называли и чудотворцем[3].

Из чудес, совершившихся при гробе его, особенно замечательно исцеление бесноватого Нифонта и параличного Фотия. Нифонт не один год одержим был нечистым духом, скитался в лесу и, возвращаемый, рвал на себе цепи. Раз братия, поймав, притащили его к гробу Иакова; как только коснулся он гробницы, пришел в себя, со слезами пал пред иконою преподобного, стоявшею на гробнице, молил спасти душу и тело его и встал здоровым. Фотий, человек богатый, поклялся в неправде; вслед за тем лицо его искривилось, и он впал в расслабление. Три года пробыл он в таком положении. Родные привезли его в обитель преподобного. Во время молебного пения он громко каялся в грехах своих; в то же время лицо его выпрямилось, и он стал здоровым.

Вот опыт любви преподобного к своей обители и иночеству. Инок Феодосий, лежавший расслабленным три года, обратился с молитвою слезною к блаженному Иакову: «Отче Иакове, — говорил он в душе, — ты много подаешь исцелений у гроба твоего; помоги и мне в тяжкой моей болезни». Внезапно, в тиши ночной, явился ему преподобный и сказал: «Дай Богу обещание пребывать в оби-

---

[1] Собр. л. 6, 179.

[2] В Железноборовском синодике записаны игумены Железноборские Досифей, Савва убиенный, Вениамин убитый, Иосиф, Левкий, Иларион, Феодосий, Евстратий (Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853, июль).

[3] В конце ркп. минеи за март приписка: «в л. 7044 (1536) списана — при архиеп. Данииле митроп., а написана — великому и чудному Иоанну Предтечи, в Яковль монастырь Широконосов преподобного отца нашего игумена Иакова, иже основавый обитель сию, — повелением господаря нашего игумена Нифонта, настоятеля и учителя». На другой минее: «л. 7049 (1541) написана на железном борку у преподобного отца Иакова, стяжанием игумена Нифонта». На Евангелии надпись: «7078 (1570) дал игумен Тихон великому Ивану Предтечи — и преподобному Иакову чудотворцу» (Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 78, отд. II). В сборнике Нижегород. Благовещ. монастыря XVI в. под 5 мая «преставление прп. отца нашего игумена Иакова, Костромского чудотворца, иже на железном борку», здесь и служба и чудеса его. Мая 5 — день открытия мощей.

тели моей до смерти и будь у гроба моего». Расслабленный сказал о том братии; по приказанию игумена принесли его к гробу, отпели молебен, и больной сам приложился к гробу и стал здоров. «Пока жив буду, не выйду из обители», — сказал он с восторгом и выполнил обещание.

Из трех опытов исцеления слепых святым особенно замечателен один. Ослепшая Фотиния, привлеченная слухом о чудесах Иакова, просила отслужить молебен и внезапно прозрела. Игумен велел ей пребыть в чистоте 40 дней. Она не исполнила заповеди, и опять закрылись глаза ее. В раскаянии пришла она вместе с мужем просить себе прощения при гробе Иакова, и снова прозрела.

Чудеса преподобного привлекали в его обитель многих богомольцев и многих благотворителей. Последние доставили ей небедные средства к содержанию[1].

ПАМЯТЬ святых мучеников ПРОКЕССА и МАРТИНИАНА

Святых мучеников Прокесса и Мартиниана, бывших надзирателями в Мамертинской темнице в то время, как апостолы Петр и Павел были заключены в ней по приказанию Нерона, и обращенных к вере Христовой чудесами, совершенными при них святыми апостолами. За исповедание веры претерпели истязания и обезглавлены за стенами Рима на Аврелиевой дороге. Тела их с честью были погребены блаженною Люцилою. Они покоятся в Ватиканском соборе апостола Петра в приделе их имени[2].

[1] По описи 1662 г. за Предтечевым монастырем прп. Иакова 502 двора поселенцев (Записки Императорского русского Археологического общества. Т. 2).

[2] См.: *Сергий, архимандрит*. Полный месяцеслов Востока.

ПАМЯТЬ святителя ВАРСОНОФИЯ, епископа Тверского

Блаженный Варсонофий родился в 1495 году, в городе Серпухове[1] от иерея Василия и в Святом Крещении наречен был Василием[2]. Отцу его не было довольно времени обучать сына грамоте, и он отдан был для обучения благоговейному учителю. Юный Василий одарен был отличными способностями ума, «бе глубок ум имея», потому скоро изучил Псалтирь, которая, по словам святого Василия, содержит в себе все полезное; Василий научился и церковному пению так хорошо, что мог и сам петь правильно, и управлять другими. В 1512 году сыновья хана Менгли-Гирея опустошили берега Оки и захватили многих в плен[3]; в том числе взят был в плен и Василий. Горько было положение пленника; но слезы, какие проливал он в тяжком плену, были то же для сердца его, что поливка для дерева. Зная на память псалмы Давидовы, он взывал к Богу отцов своих: *Ты отец мой, Бог мой и твердыня спасения моего* (Пс. 88, 27); *избавь меня от руки сынов иноплеменных* (Пс. 143, 7). Молитва и богомыслие не только облегчали скорбь его, но доставляли сердцу его такое утешение, какого не чувствовал он в доме родительском. В нем росла любовь к Богу, а с нею и преданность воле Его. В таком расположении души молодой Василий работал неверным со всем усердием и обучался послушанию безответному, терпению и незлобию. Пост, сперва невольный, обратился в дело воли его. Утомительные работы невольника занимали у него все время дня, и он посвящал ночь молитве, ставшей потребностью души его. Всегдашняя готовность к услугам, верность и жизнь чистая смягчали сердце варваров; на другом

---

[1] Житие св. Варсонофия, описанное патр. Гермогеном. *Григорий (Постников), митр.* Житие святителей чудотворцев Гурия, архиеп. Казанского, и Варсонофия, еп. Тверского. СПб., 1853.

[2] Так у Гермогена, по подлинной его рукописи. *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861 (далее — *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия. — *Ред.*).

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 81.

году плена облегчили ему тяжесть трудов и дали некоторую свободу. Василий изучил разговорный язык татарский; по своей даровитости он узнал его столько, что мог излагать мысли свои на письме татарском. Мало и того: имея теперь более свободы, он изучал основания магометанской веры, так что мог отчетливо говорить как о содержании этой веры, так и об ошибках и заблуждениях ее. Основательным познанием языка и веры татар исполнилась премудрая цель, для которой Господь попустил рабу Своему быть в плену. И вот, спустя три года плена, отец нашел средства выкупить дорогого сына из неволи татарской.

Василий возвратился на родину; но сердце его уже не могло увлечься земными радостями. Раб Божий покорил себя сам игу Христову в Андрониевой обители и принял монашество с именем Варсонофия. Потом жил он при Тверском епископе Акакии в сане иеродиакона. Там и здесь совершаемы им были иноческие подвиги с полным усердием. Слух о его духовной жизни дошел до митрополита Макария, и в 1544 году посвящен он в игумена Пешношской обители. В этом звании был он лично известен царю Иоанну, который в 1547 году пожаловал игумену Варсонофию грамоту на владение имениями, а в 1553 году был сам в Пешноше[1].

Когда в Казани открывали (в 1555 г.) новую епархию, блаженный Варсонофий, как опытный наставник в иноческой жизни и знакомый с татарством, отправлен был в Казань в сане архимандрита для основания там новой обители. Варсонофий взял с собою добрых иноков, постриженцев Пешноши. Храм в честь Преображения Господнего и братские келлии скоро были построены; новая обитель, по примеру Пешношской, устроена общежительная. Еще цел устав, данный «в общий монастырь Спаса многогрешным монахом архимандритом Варсонофием, что был игумен на Пешноше; а писан с Пешношского устава»[2]. В новом общежитии введен был блаженным Варсонофием дух искреннего благочестия; обитель

[1] *Калайдович К.Ф.* Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Песношах. М., 1837 (далее — *Калайдович К.Ф.* Описание мужского монастыря св. чудотворца Николая. — *Ред.*); *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VIII.

[2] Послесловие устава. Здесь же сказано: «а братии с ним (Варсонофием) пришло из Пешноши келарь Тихон крылошанин, Феодорит казначей крылошанин, Иов Далматов крылошанин, а постриженцы Пешношские, — да Симеон Нероновт, Андрониковский постриженец крылошанин, да Андроник подкеларник, да Сильвестр служебник Яхонтова, а постриженец Пешношский».

его скоро процвела, так что при митрополите Гермогене в ней было уже до 100 братьев. Блаженный Гермоген пишет, что при открытии мощей святителей Гурия и Варсонофия он «видел в святой обители той не токмо сих святых телеса, нетлением почтенные от Бога, но иноки и мирстии нетленнии мнози обретошася, их же имена в книгах животных написана суть». Блаженный Варсонофий служил образцом строгой жизни для иноков и мирян. Рукоделием его было шить греческие клобуки, которые раздавал он братьям, прося молитв их за него. По воле святителя Гурия, к которому сохранял он полное послушание и сыновнюю любовь, ревностно занимался он обращением магометан к христианской вере. В этом подвиге помогали ему, после святой жизни, знание языка и веры татар и искусство врачевать болезни. Знание татарского языка доставило ему удобства входить в близкое сношение с татарами, а основательное знание учения Магометова, при его глубоком уме, представляло обличения его магометанству неотразимыми. Уменье лечить болезни привлекало к нему больных всякого рода, тогда как болезнь сама отворяет душу для всего лучшего и, следовательно, для принятия мыслей христианских; к тому же терпеливое и бескорыстное лечение больного со стороны Варсонофия внушало доверие к Варсонофию не только в больных, но и в здоровых.

Когда умер Тверской епископ Акакий (14 января 1567 г.), по избранию собора блаженный Варсонофий посвящен был святителем Филиппом в Тверского епископа. Так как Акакий от дряхлости и болезни более трех лет мало занимался делами[1], то преемнику его надлежало много трудиться, чтобы дела получили ход безостановочный и исправлены были неустройства. По сохранившемуся антиминсу, в ноябре 1567 года освящен был блаженным Варсонофием соборный храм в Тверском Оршине монастыре; время освящения вовсе не такое, чтобы 75-летний старец без труда и насилия себе мог совершить долгое служение. Благоговея к святителю Арсению Тверскому, Варсонофий отыскал в Микулине панагию его и возложил на него. В описи Микулина 1602 года сказано: «Панагия святого Спаса взята из Микулина владыкою Варсонофием в Желтиков»[2]. Блаженный Варсонофий и в сане святителя соблюдал строгий пост, а ночи проводил на молитве, не за одного себя, но и за паству. И в Твери лечил он телесные болезни, а еще усерднее старался врачевать

---

[1] Акты исторические. Т. 1; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX, прим. 177.

[2] Микулинская летопись. М., 1854; *Коншин Н. М.* Оршин монастырь: Сказание о найденных богослужебных вещах. М., 1847.

душевные болезни — страсти. Произволы грозного царя были свирепы и дики: святитель Филипп, посвящавший Варсонофия, не только низведен был с кафедры, но и удушен был в том монастыре, который мог видеть Варсонофий из окон своего дома. Легко ли было блаженной душе смотреть на это? В 1570 году свирепствовали в России моровая язва и голод. Ослабленный старостью 80 лет, блаженный Варсонофий чувствовал, что не может он управлять паствою без некоторых опущений, особенно в такое страшное время. В начале 1571 года отказался он от управления епархией и возвратился в Казанский Преображенный монастырь.

В обители продолжал он подвижническую жизнь. Когда от дряхлости не мог он ходить в церковь, по его просьбе ученики возили его на тележке к Богослужению; так любил он молитву и славословия храма! Блаженная кончина его последовала 11 апреля 1576 года на 86 году жизни его.

Святые мощи святителя Варсонофия обретены нетленными вместе с мощами святителя Гурия в 1596 году. Поразителен рассказ Гермогена о том, как исцелен был дьяк Иван Панкратьев. Он был так болен, что близок был к смерти, и призвал помощь святителей Гурия и Варсонофия. В тонком сне представилось ему, что входит он в Казанский собор. Встретившийся ему святитель Гурий хотел взять его за руку, но в трепетном благоговении пал он в ноги ему. Святитель, приподняв его, сказал: «Раб Божий Иоанн! Не скорби, будешь здоров; иди, прими благословение у друга моего Варсонофия». Гурий привел больного к Варсонофию. «Брат Варсонофий! Благослови Иоанна и избавь его от болезни», — сказал святитель Гурий. Варсонофий, благословляя, сказал: «Не скорби, сын Иоанн, по вере твоей в Бога будешь здоров». Пробудившийся больной нашел себя здоровым. И это не единственный опыт загробной братской любви святителей. «Иди, приложись к брату моему Варсонофию», — говорил в видении святитель Гурий больному Сумарокову. Тот благоговейно приложился. Святитель Гурий сказал затем: «Господь и Бог наш Иисус Христос, молитвами Пречистой Своей Матери, умилосердился над тобою и посылает исцеление». Больной стал здоровым. Солдатка Варвара сильно страдала головною болью. Явившийся святитель Гурий готовил ее к смерти, но святитель Варсонофий упросил отсрочить время смерти. Проснувшаяся Варвара нашла себя здоровою и обещалась идти благодарить святителей у их мощей. Отправлявшиеся на службу муж и сыновья просили ее отслужить за них молебен святителям; но Варвара не исполнила ни своего обещания, ни просьбы близких к душе ее. И она стала опять больною, до того, что отчаивались в ее жизни. Явившийся

святитель Гурий строго сказал ей: «Почему так скоро забыла ты о своем выздоровлении и не исполнила просьбы мужа и детей?» Святитель Варсонофий опять упросил простить ее. Проснувшаяся больная чувствовала облегчение болезни и, поспешив отслужить молебен, совсем выздоровела[1]. «Любовь не умирает», — сказал апостол. По загробным делам святителей Гурия и Варсонофия видим то же самое. Здесь в опытах видим, что не умирают там никакие святые чувства, никакие святые расположения.

Уже по уставу конца XVI века видим: октября 3 «память Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев»; декабря 3 «преставление святителя Гурия, архиепископа Казанского»; апреля 11 «преставление Варсонофия, Казанского чудотворца»[2].

И как было не праздновать Русской Церкви память святителей страны магометанской? Чудеса их, живых и по смерти, — слава для христианства и обличение магометанству. Это истина очевидная, истина неотразимая никакою магометанскою силою ума и меча. Чудеса — дело одного Всемогущего. Всемощный никогда не действует вопреки Своей премудрости и святости. Потому, если Он являет силу Свою чрез лучших исповедников христианства, — это означает, что Он признает христианскую веру верою лучшею и хочет, чтобы признавали ее такою же люди; это означает, что Он хочет утвердить и распространить во вселенной христианскую веру как веру высокую по своему содержанию, как веру способную преобразовать и усовершить человечество. Так говорит Он людям делами Своими — чудесами. Никакой магометанин не вправе отвергать действительность такого чуда, каково нетление мощей святителей Гурия и Варсонофия. Пусть приходит и смотрит. Чудо пред его глазами. Гурий и Варсонофий жили с его предками, но жили как самые ревностные проповедники христианства и обличители магометанства. Если же они прославлены нетлением; если они силой Божией совершают чудеса и по смерти, то в них прославляется их вера живая; их слава — слава христианства. Найдет ли что-нибудь подобное магометанин в своем магометанстве? Нет. Никогда и ничем Бог не явил Своего благоволения к магометанской вере, никаким чудом и никаким знамением. История магометовой веры — то же, что история каждой языческой веры, то же, что история каждой веры, придуманной людьми. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и во веки веков, аминь.

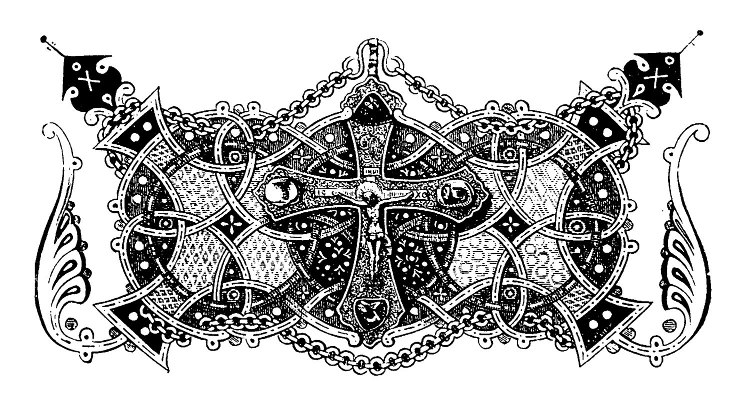
[1] Гермогеново описание чудес Гурия и Варсонофия, чудеса 5, 26, 62.

[2] Толстого устав отд. 1 № 100.

ПАМЯТЬ преподобных ЕВФИМИЯ и ХАРИТОНА СЯНЖЕМСКИХ

Преподобный Евфимий, уроженец Вологодский, совершал начальные иноческие подвиги в Спасском монастыре на Кубенском озере. Отселе перешел на реку Кубенку, за 2 версты от Кубенского озера, и в малой келлие работал Господу постом и молитвою. Когда Евфимий уступил свое уединение преподобному Александру, а сам перешел на место его подвигов, на реку Сянжему, сюда пришел к нему делить подвиги пустыни Харитон. Преподобный Евфимий основал на Сянжеме, в 20 верстах от Вологды, Сянжемскую Вознесенскую обитель. Преподобный учитель и ученик его сами копали землю, садили овощи, рубили и носили дрова и, так изнуряя плоть свою, возвышались в духовной жизни. Наставник стоял в храме как пред лицом Божиим, и слезы умиления текли из очей его; псалмы Давидовы пел он и за рукоделием. Пред кончиною своею передал он управление обителью ученику своему Харитону. Собеседник преподобного Александра, скончавшегося в 1439 году, блаженно почил, вероятно, не далее 1465 года, тогда как ученик его Харитон почил 11 апреля 1509 года. Мощи их почивают под спудом в Вознесенском, ныне приходском, храме[1].

[1] Ркп. житие прп. Александра Кушт.; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; ркп. святцы: «прп. отцы Харитоний и Евфимий игумены Сянжемского монаст., преставишася в л. 7017», по Отенскому и другому современному, «Харитон преставися в л. 7017 апреля в 11 день»; Словарь святых. В 1662 г. у Евфимиева монастыря 113 дворов поселенцев.

День двенадцатый

ПАМЯТЬ святого священномученика ЗИНОНА ИСПОВЕДНИКА, епископа Веронийского

Зинон, родом сирский грек, после продолжительного путешествия по Востоку с целью усовершенствования себя в христианском образовании, изучивший между тем и греческую и римскую литературу, прибыл в Италию и в 362 году был поставлен епископом в городе Вероне. Хотя гонения на христиан в это время уже прекратились, но еще повсюду было много язычников, которых Зинон и просвещал деятельно христианским учением. Сверх того ему пришлось вести борьбу с арианами, в которой он оказался твердым исповедником истин Православия, не отступившим перед воздвигаемыми на него гонениями во времена покровителей арианского учения — Констанция и Валента.

Истинный пастырь Христов, он всю душу свою полагал на разнообразную спасительную, подлежащую ему деятельность. После него осталось много письменных наставлений о всех предметах, необходимых для христианина. Некоторые из них написаны в обличение ариан «о Божестве Сына Божиего»[1]. В наставлении «о воздержании» Зинон, приведя слова апостола: *Время сокращено есть: да будут имеющие жен,*

[1] Одно из них помещено в «Христианском Чтении» (1838 г., ч. IV).

как не имеющие (1 Кор. 7, 29), говорит: «Если почти за 400 лет или и более апостольское изречение стало иметь силу, почему я не возвещу?» В «Деяниях Святых» есть повествование о чудесах, совершившихся по смерти Зинона, и о перенесении его тела в Венгрию. Одно из чудес описано святителем Григорием Великим, современником события. В 558 году (в день памяти святого) в Италии было необыкновенное наводнение. Тибр вышел из берегов выше стен Рима и наводнил окрестности. В то же время близ Вероны река Атесис вышла из берегов; воды ее окружили храм святого Зинона и возвысились до окон, которые были близ крыши. Двери церковные были отворены, но вода не вошла в храм, а стала стеною при дверях и заградила выход находившимся в Церкви христианам, так что они опасались умереть от голода, между тем приходили к дверям и утоляли жажду, черпая воду, которая стояла стеною. Святитель Григорий приводит очевидцев этого чуда — графа Пронульфа и трибуна Иоанна[1].

ПАМЯТЬ преподобной АНФУСЫ, старшей, и другой АНФУСЫ, младшей

Старшая Анфуса[2], оставив родительский дом, подвизалась сперва в пещерах уединенно, переходя из одной в другую; потом, встретив старца, подвижника Сисиния, продолжала подвиги по его советам и столько

[1] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II; *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви.

[2] Менолог Василия и краткий менолог у Басанжа на 27 июня. Святая Анфуса, о которой говорится здесь, была старшею между подвижницами. Были еще две мученицы Анфусы, старшая при имп. Валериане, чтимая 22 августа, и младшая V века, чтимая декабря 8.

успела в духовной жизни, что ее управлению отдали себя в Мантинее многие девы. К советам ее обращались жаждавшие спасения и не оставались без пользы. Высокая жизнь ее приобрела ей уважение и лучших из мирских людей Эллады. Император Константин Копроним настойчиво хотел быть тем, чем впоследствии был Лютер: страхом и обманом вынудил он (в 753 г.) оправдать на соборе магометанское (т. е. глупое) отвращение от святых икон, почитание святых выдавал за суеверие, обеты девства — за извращение природы[1]. Услыхав, что Анфуса в своей обители благоговейно и без страха пред людьми чтит святые иконы и даже уговорила своего брата стать в ряды защитников святых икон, он приказал представить к себе смелую игуменью со всеми ее 90 сестрами. Гордый и развратный деспот[2] потребовал, чтобы отказались от своего образа мыслей; он думал, что пустынная игуменья легко уступит гордой воле его, как уступали искатели честей его и прохладной жизни. «Христианская совесть, — отвечала Анфуса, — не дозволяет выполнить несправедливую царскую волю: поклонение святым иконам — дело святое, оправданное постоянною практикою Святой Церкви, а жить для удовлетворения одним скотским потребностям — не значит жить достойно человека; надобно плакать, что и без повелений власти так много несчастных, которые любят грязную жизнь»[3]. Копроним велел

---

[1] *Nicephorus, patriarcha Constantinopolitanus.* Breviarium / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1837 (далее — *Nicephorus.* Breviarium. — *Ред.*). J. Iohannis Damasceni op. I, 613 S. Сербская летопись о Копрониме: «ненавистный кровопийца-волк старался погасить славу святых, — запрещал называть кого-либо святым, а велел просто называть одним именем, и Богородицу приказал именовать не Богородицею, а матерью Христовою; светлые душой чины иночествующих поносил как бешеный пес, — закалал их как агнцев, наполнял ими темницы: в одной, называемой претор, содержал 345 иноков и одним отрезал носы, другим уши, иным выколол глаза, других, обмазав бороды смолою, обуглил; св. Стефана, венец иноков, и других многих замучил до смерти» (Гласник. Кн. 10). Самое сильное гонение против икон, святых и иночества происходило в 765 и 766 г. (*Nicephorus.* Breviarium; *Le Quien.* Oriens christianus. V. I).

[2] Кодин: «старческий дом Герагафы построила Агафия, дочь патриция Петра, красавица редкая. Она называлась Герагафой от того, что сохранила непорочным девство свое до старости; Константин Копроним наконец осквернил ее и осыпал богатствами, но она тайно почитала св. иконы. Когда окончен был этот дом, нечестивец собрал в него все иконы и сжег тут» (*Georgius Codinus.* De antiquitatibus Constantinopolitanis). По словам Зонары, Копроним «не христианин, не язычник, не жид, а смесь всякого нечестия, дикий Африканский зверь»(*Ioannis Zonarae.* Annales XVI).

[3] См. о покаянном монастыре: *Du Cange.* Constantinopolis Christiana.

бить ее бичами без пощады. Воля деспота была исполнена. Копроним отдал приказание отослать игуменью с сестрами в заточение. В это самое время императрица страшно страдала муками родов. Преподобная сказала в слух всех, что императрица родит двойню, сына и дочь, и указала судьбу двойней. Разрешившаяся двойнями императрица стала чтить преподобную Анфусу как духовную мать и для ее обители сделала много пожертвований. Блаженная Анфуса скоро предала дух свой Господу, в глубокой старости, в 759 году[1].

Дочь Копронима, родившаяся по предсказанию святой Анфусы, названа была Анфусой. И по жизни явилась также святою.

«Отец желал, — говорит Менолог о младшей Анфусе[2], — выдать дочь замуж; но она отказалась от предложения». По смерти его (775 г.), получив свободу, раздала имущество: одни расточала на нищих, другие употребляла на построение церквей и монастырей; золотые одежды свои, которые носила, обратила на украшение святынь. Она была матерью для многих сирот: собирая брошенных младенцев, воспитывала и пристраивала их; если иные умирали, поручала их Богу, а которые оставались живы, помещала в дом престарелых[3]. Блаженная царица Ирина (780–802) не раз приглашала ее к участию в управлении империей; но она уклонилась от того. Затем пострижена она была в инокиню патриархом Тарасием (784–816) в монастыре святой Евфимии[4], в том самом, который жалким отцом ее «превращен был в арсенал и в общественный нужник»[5].

---

[1] Пролог: «заточена бысть в Малом острове и тамо в глубоцей старости ко Господу отыде». Римский мартиролог под 27 июля: «в Константинополе кончина блаженной девы Анфусы: она при Константине Копрониме за почитание св. икон была бита бичами и, сосланная в ссылку, почила в Господе». Если преподобная и была отправлена на остров, то этот остров вблизи столицы. У Вершинского (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов) Амфиса — ошибка: такого нет греческого имени.

[2] Menologium Basilii ad 17 april.

[3] В Константинополе было два дома воспитания сирот, 4 больницы, 13 странноприимных домов, 16 домов для престарелых (*Du Cange.* Constantinopolis Christiana).

[4] В Константинопольском монастыре св. Евфимии спаслись дочери имп. Василия Македонянина и жена имп. Льва Мудрого Зоя (*Du Cange.* Constantinopolis Christiana). У Вершинского (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов) сказано, что Анфуса скончалась в монастыре Евмения. Это ошибка. Такой обители не было в Царьграде.

[5] *Du Cange.* Constantinopolis Christiana. Кодин прибавляет, что спустя 35 лет имп. Ирина Афинянка возобновила храм и перенесла в него св. мощи, найденные у острова Лемноса (*Georgius Codinus.* De antiquitatibus Constantinopolitanis).

По другим известиям[1], святая и тогда еще, как жила во дворце, под пышною одеждою царевны носила власяницу, довольствовалась хлебом и водою и занималась чтением священных книг. Безобразна была жизнь отца ее, и смерть его была ужасна: он кричал, что горит он и наказывается за хулы на Богоматерь[2]. Жизнь безобразием ее, а смерть ужасами ее, без сомнения, более всего расположили царевну вести жизнь благочестивую. Приняв пострижение и став настоятельницею Омонейского монастыря[3], она, полная смирения и любви, сама носила воду для сестер и выполняла другие услуги. В столице империи, как и в Тавенне, женская обитель боялась принимать для себя недвижимые имения. «Греческие иноки не имеют рабов, а латинское имеют», — говорил западный Кентерберийский архиепископ[4]. Община дев Анфусы рукоделиями добывала себе хлеб и другое содержание, а царская дочь-игуменья сама служила сестрам со смиренной любовью. Особенно строго выполняла игуменья Анфуса в отношении к себе и другим древнее правило — не выходить из обители в мир, так как иначе душа расстраивается мирскими впечатлениями, да и другим подается случай к соблазну. Много значило для блаженной постановление Трулльского собора об этом предмете[5], а еще более тот шум, который поднимали против монастырей при отце ее. Вселенский Собор постановил: «Не долженствует монах или монахиня оставлять свой монастырь и отходить в иной» (пр. 21). Так блаженная Анфуса ни сама не переступала ногою за ограду обители, ни сестрам не до-

---

[1] Пролог 12 апреля и синаксарь греч. апр. минеи.

[2] *Georgii Cedreni*. Synopsis historiarum.

[3] По греч. синаксарю и по прологу св. Анфуса жила в Омонейском монастыре и не дозволяла другим выходить из обители. Это значит, что здесь она была игуменьей, тогда как в Евфимиевом монастыре пострижена была в иночество, о чем говорит Менолог Василия. Омонейский монастырь известен особенно тем, что при имп. Феодосии Великом в храме его были заседания Вселенского Собора (*Du Cange*. Constantinopolis Christiana). Во время Анфусы, вследствие соборного определения, было большое передвижение иноков и инокинь из одного места в другое.

[4] Феодор Кентерберийский († 690 г.). Capitula 8.

[5] Трулльский собор 692 г. определил: «избравшие подвижническое житие и определенные в монастырь отнюдь да не исходят. Аще же неизбежная некая нужда побудит их к сему: да делают сие по благословению и изволению настоятельницы, но и тогда исходити должны не одни, а с старшими старицами и с первенствующими в монастыре, по повелению игуменьи. Обнощевати же вне монастыря совсем не позволяется им». Правило 46 в «Книге правил». Превосходные рассуждения о нужде для иночествующих не выходить из обители см. у Василия Великого в правилах.

зволяла являться в миру без самой крайней нужды. Благоговейная настоятельница твердо выполняла и другое правило собора: «Ни жена в мужеском, ни муж в женском монастыре да не спит»[1]; тем более что и современный ей собор подтвердил это правило до того, что запретил монаху с монахинею говорить наедине[2], а в столичной женской обители требовалась особенная осторожность относительно посетителей обители. Блаженная игуменья не допускала в свою обитель и того простодушного обыкновения, которое осудил собор 692 года. В некоторых женских обителях принимавшие иночество наряжались тогда, как невесты, и в таком виде приходили в храм для пострижения. Запрещая это, Константинопольский собор 692 года писал: «Не следует быть тому, чтобы по собственному произволению отложившая уже всякую житейскую приятность, возлюбившая жизнь по Боге, утвердившаяся в ней непреклонными мыслями, возвращалась воспоминанием к тому, что уже предано забвению, и от сего явилась бы колеблющеюся, возмущалась бы в душе, как от волн потопляющих и бросающих туда и сюда; иногда и проливая слезы, не являет она сердечного сокрушения, а если и упадет слеза искренности, зрители думают, что это не столько от усердия к монашескому подвигу, сколько от разлуки с миром и с тем, что в мире»[3]. Молитвы святой Анфусы были неусыпные и стояние на бдениях неослабное; слезы сокрушения постоянно текли из очей ее. «Прекрасная ветвь дурного дерева, честная Анфуса отцвела для земной жизни»[4] 12 апреля 811 года, на 57 году ее жизни.

---

[1] Трулльское правило 48.

[2] VII Вселенский Собор, правило 20: «определяем не быти отныне монастырям двойным, потому что сие бывает соблазном и преткновением для многих, — аще же восхотят некои со сродниками от мира отрещися и монашескому житию последовать: то мужам отходить в мужеской монастырь, а женам входить в женский монастырь, ибо сим благоугождается Бог. А обретающиися до ныне двойные монастыри да будут управляемы по правилу св. отца нашего Василия: да не будут во едином монастыре монахи и монахини... Да не имеет дерзновения монах с монахинею или монахиня с монахом беседовати наедине».

[3] Трулльское правило 45. Это простодушное обыкновение сохранялось даже в XVIII столетии в некоторых южных женских монастырях России. См.: *Филарет, архим. Черниговский.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 5 отд. М., Харьков. 1857–1859. Отд. I.

[4] Двустишие Синаксаря.

ПАМЯТЬ святителя ВАСИЛИЯ, епископа Рязанского

В сказании «о граде Муроме и о епископии его»[1] читаем: «неколикое время бысть во граде Муроме епископ праведен, именем Василий, сего добляго жития нетерпя враг, нача нань споны творити». По другому известию о святителе Василии[2], спустя много лет после благоверного муромского князя Петра прибыл в запустевший Муром князь Георгий Ярославич, поставил себе двор, и то же сделали бояре его и купцы. Князь возобновил древний храм Благовещения и другой святых страстотерпцев Бориса и Глеба, поставил у церкви мучеников дом для епископа и призвал на кафедру епископа Василия, человека праведного и благочестивого. По тому и другому известию, против праведного святителя восстали с подозрениями в нечистой жизни его от того только, что видали в его келлие девушку; чернь и знать потребовали, чтобы Василий оставил Муром. «Воссташа на святого владыку, — говорит еще иной памятник[3], — и поругашася ему, ни святительства его убояшася, ни благолепия честных его седин устыдешася и спасенного его учения отвергошася и из града Мурома изгнаша». Древняя повесть говорит: «приидоша к епископу в дом тоя ради вины изгонити из епископьи. Епископ же приим икону Предвечного написана Младенца и Богородицы, на нюже имеяше надежю о всяцем спасеньи своем, пойде из епископьи и провожаху его до рки Оки». По другому сказанию, праведник уверял народ в своей невинности; но его не слушали и хотели даже убить. Тогда

---

[1] Повесть в ркп. XVII в. Московской духовной академии. Она же у Царского в ркп. XVII в. № 397. По языку оно принадлежит началу XVI в. или концу XV в. В «Летописи русской литературы и древности» (В 5 т. М., 1859–1863. Т. 4) напечатана по ркп. XVII в. — довольно изменившей текст.

[2] «Сказание о обновлении града Мурома и о св. Василии, епископе Муромском» в ркп. начала XVIII в. у Румянц. № 364. Здесь оно следует после жития св. кн. Константина. Напечатано в: Памятники старинной русской литературы. Вып. 1.

[3] У Воздвиженского послание Муромцев (*Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820 (далее — *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии. — *Ред.*).

сказал он: «Отцы и братья! Дайте мне время до утра». Затем молился он со слезами во всю ночь в храме мучеников, с наступлением дня совершил Литургию и взял с собою ту святую икону, которую принес с собою просветитель Мурома святой князь Константин[1]. «И хотяху, — продолжает древняя повесть, — дати ему отплыти судно мало. Святой же стоя на брезе, снем манатью и простре на воду и вступи на ню, нося Божий и Богородичный образ. И абие духом бурным несен бысть с образом противу струям, отнюдуже река течет. Поведаху же, яко бысть се в 3 часу дни и того же дни, в 9 час, Божиим неизреченным повелением приплы на манатьи своей вверх в место, еже ныне зовомо старая Рязань[2]. Князь же Рязанский Олег срете со кресты. Ту бо тогда пребываху князя Рязанстии. Чудесная же та икона, юже епископ принесе, и доныне в Рязани есть. Он бо верою упова на Ню (Богородицу), Сия же милостью удиви, хотя явити без порока раба Своего».

Современностью святителя Василия князю Юрию, возобновителю Мурома, и князю Олегу поставляется вне всякого сомнения то, что святитель Василий епископ жил и почил в средине XIV века. По летописям, князь Юрий Ярославич, сын князя Ярослава Юрьевича Муромского и младший брат князя Василия[3], возобновил на старом месте Муром в 1351 году[4] после того, как Муромский край не раз опустошаем был татарами[5]. Возобновителю Мурома естественно было пожелать, чтобы кафедра епископа была поставлена в его новом городе,

---

[1] Ркп. житие кн. Константина. Пролог 21 мая.

[2] Древний стольный город Рязанских князей называется городок «Старою Рязанью» в грамотах XV в. (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 127, 144), а также в «Книге Большого Чертежа»; а в 1679 г. уже «село Старая Рязань». Грам. Пискарева № 45. Страус в 1669 г. писал о Рязани: «развалины, тут находящиеся, показывали, что когда-то Рязань была большим городом». Ср.: *Калайдович К. Ф.* Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками. М., 1823; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1849. Ч. 63, отд. VI.

[3] Собр. л. 7, 244. 1, 201. 226.

[4] Никон. л. 3, 194. 205; Собр. л. 7, 244; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 370. Князь Василий Ярославич, брат Юрия, похоронен в церкви Бориса и Глеба на р. Ушне в 15 вер. от Мурома. До 1351 г. муромцы от разгромов неприятельских жили в 8 верстах от Мурома, у села Чаадаева (Владимирский сборник. Материалы для статистики).

[5] Муромский край опустошаем был татарами в 1281 г. (собр. л. 7, 180; Никон. л. 3, 72. 73), в 1288 г. (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 182) и в 1293 г. (совр. л. 3, 190).

тем более что это был город, освященный пребыванием святого князя Глеба и город старшего из княжеств Рязанских; да и новая Рязань так была опустошена пред тем, что рязанский князь Ярослав (Димитрий) Александрович жил (в 1343 г.) в Ростиславле, малом городке на Оке, близ Каширы[1]. Между тем, и в Муроме блаженный Василий, по возвращении своем из Москвы после хиротонии[2], не мог уже застать князя Юрия: тот в 1354 году изгнан был князем Феодором Глебовичем и хотя домогался возвратить себе Муром, но умер в темнице. Волнения сильные происходили тогда в Муроме[3], и они, конечно, были в связи с печальною судьбою блаженного святителя. Эти волнения, плод княжеских раздоров, объясняют нам происхождение клеветы, взведенной на святителя, клеветы дикой, малодоступной для простодушного народа без участия стороннего.

У князя Олега Ивановича блаженный Василий нашел самый радушный прием. Он пользовался уважением и князей рязанских, и первосвятителей России. Святитель Алексий писал о нем грамоту на Червленый Яр, со строгим обличением своеволию паствы[4]. Князь Олег в грамоте своей Ольгову монастырю писал: «Милосердием Божиим, молитвою отца моего князя великого Ивана Александровича и благословением Василия, епископа Рязанского и Муромского, я, князь великий» и пр.[5] Князь Олег пожаловал уважаемому святителю несколько сел с богатыми угодьями и с правом суда; а Пронский князь Владимир Дмитриевич дал место на Дону с бобровыми гонами[6]. Блаженный святитель недолго управлял Рязанскою паствою. Он, как видно, созрел в жизни духовной и до поступления на кафедру. Блаженная кончина его последовала 3 июля

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 335.

[2] В каком году посвящен Василий? Летописи (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 399; Никон. л. 3, 206; Собр. л. 1, 230; Книга степенная. Ч. 1) говорят о том под 1356 г. по тому случаю, что в этом году умер Ростовский епископ Иоанн и посвящен Игнатий, и под тем же годом ставят еще посвящение двух епископов. Будто и вероятно, что четверо посвящены в один год, тогда как моровая язва действовала в 1353–1355 г. и св. Алексий возвратился в сане митрополита в Москву в 1354 году.

[3] Никон. л. 3, 205. 206.

[4] Акты исторические. Т. 1, № 3.

[5] Акты исторические. Т. 1, № 2.

[6] Князем Олегом даны блаж. Василию: место на р. Кикине у с. Селезнева, «первых владык купля», Воинское, Засечье, Хмелево (*Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии; *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858).

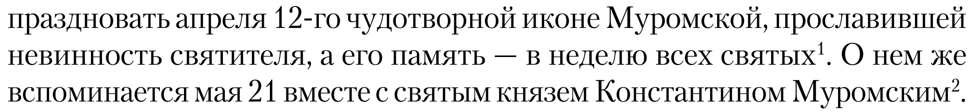

1360 года[1]. Надгробная надпись давнего времени говорит: «перенесены мощи иже во святых отца нашего Василия, епископа Рязанского и Муромского чудотворца, из старого Острога, от церкви святых страстотерпцев Бориса и Глеба, в новопостроенную церковь Успения Пресвятыя Богородицы, преосвященным Феодоритом, архиепископом Рязанским и Муромским»[2]. Это происходило 10 июня 1609 года. С того времени каждый год праздновали июня 10 память святителя Василия, епископа Рязанского, как видно по записям кафедры; на водосвятной чаше 1653 года, устроенной архиепископом Мисаилом, упоминается «святитель Василий епископ Рязанский чудотворец» вместе с князьями Борисом и Глебом; а на серебряном кресте 1655 года святитель Василий изображен со святителем Ионою митрополитом[3]. Указом Синода 1814 года дозволено

[1] Никон. л. 4, 62; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V, прим. 55. Ркп. святцы: «святый Василий епископ Рязанский, чудотворец — преставился в л. 6800 июля в 3 д.». Здесь показание о годе кончины — неполное: не показаны десятки и единицы. Это — не первый пример в ркп. святцах. Надлежало написать: «в л. 6868». Рязанский старожил (Чт. ОИДР. 1859. Кн. 3) бьется из всех сил доказать, что св. Василий скончался в 1292 г., и выдает такую мысль о св. Василии за предание. Странно! Будто предание считает года событиям; года считают книжники. Старожил указывает на то, что в службе св. Василий назван первым Рязанским епископом. Но: а) когда написана служба? Без сомнения, по перенесении мощей, в 1609 г.; б) мнение о том, что св. Василий был первым Рязанским епископом, во всяком случае несогласно с летописями и Рязанскими грамотами (*Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии). «Предание, — говорит старожил, — записано на гробнице св. Василия и на памятнике чугунном». Даже и чугунный памятник, поставленный в нынешнем столетии и с самыми грубыми ошибками в надписи, — для старожила решает вопрос о годе кончины св. Василия!.. Когда написана надпись на гробнице? По исследованию Воздвиженского, в 1715 г. (Историческое обозрение Рязанской иерархии). Старожил говорит, что это не первая надпись, и выставляет следующие слова просьбы 1723 г.: «а что написано было у гробницы его, Василия епископа, в возглавии на клейме, вместо тумбы, образ перенесения мощей... и то написано по прошению тояж церкви бывшего дьячка Бориса Иванова, а написал я (священник Успенского собора) тот образ с совету товарища своего попа Льва против летописи, что написано с каноном Василия епископа». За эту выписку — благодарность Рязан. старожилу. Но от этой выписки так же нелегко ему, как и от канона. Очевидно, первая летопись написана в одно время с каноном, т. е. не раньше 1609 г. После того, так как старожил не выставляет более отзывов предания или доказательств своему мнению, то статья его должна бы назваться так: голос в защиту произвольного мнения книжников XVII в. о св. Василии.

[2] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии. О Рязанском или древнем городе см. древности гор. Рязани в «Чтения в Обществе истории и древностей Российских» (1859 г.).

[3] Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии // Чт. ОИДР. 1863. Кн. 3.

праздновать апреля 12-го чудотворной иконе Муромской, прославившей невинность святителя, а его память — в неделю всех святых[1]. О нем же вспоминается мая 21 вместе с святым князем Константином Муромским[2].

Не прикасайтесь к помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла (Пс. 104, 15). *Слушающий вас* (иерархов) *Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16). Эти слова Господа сами собой становятся в заключение истории святителя Василия.

ПАМЯТЬ святителя ВАСИЛИЯ ИСПОВЕДНИКА, епископа Парийского

Епископ Пария (Παριον) в Геллеспонте, близ Кизика; в царствование Льва Армянина за несогласие с иконоборцами изгнан с престола и скрывался в разных местах, по смерти же его (826 г.) возвращен на кафедру и мирно скончался (после 830 г., в котором посвятил Игнатия, будущего патриарха, в пресвитера).

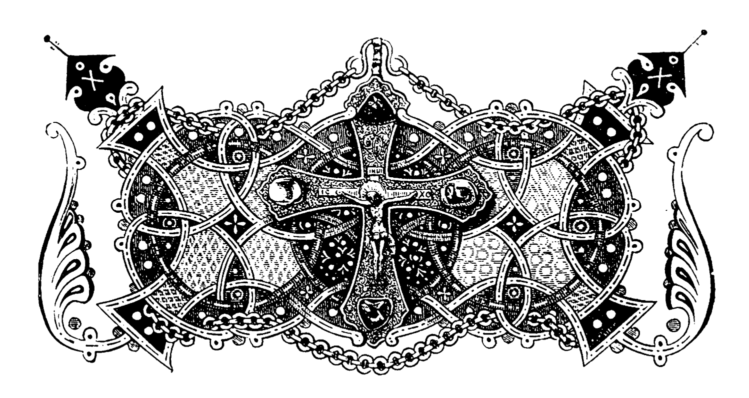
Преподобного Акакия Нового, Кавсокаливийского, подвизавшегося на Афоне и многих напутствовавшего на мученический подвиг за исповедание веры Христовой; мирно преставился 12 апреля 1730 года[3].

---

[1] Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии // Чт. ОИДР. 1863. Кн. 3.

[2] Пролог мая 21 ркп. и старопечатный.

[3] См.: Афонский патерик. Ч. 2.

День пятнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святого великого князя МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА

Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен (Быт. 17, 1). Такова воля Божия о человеке. Князь Мстислав Владимирович, названный великим, твердо знал и выполнял волю Божию о человеке, и он поставлен в числе святых еще в прологе XIII века[1].

В 1088 году сын Владимира Мономаха, в крещении Феодор, будучи 12 лет, отправлен дедом княжить в Новгород[2]. На 19 году он уже

[1] Пролог у Румянцева № 319. Недавно еще стал известен Белградский синаксарь 1340 г., где также показана под 15 апр. память «благоверного князя Мстислава, ему же в Св. Крещении имя Феодор». Здесь помещено то же самое сказание о благов. кн. Мстиславе, что и в синаксаре (прологе) Румянцева. И самое дело, и частью язык показывают, что в этих списках синаксаря как сказание о кн. Мстиславе, так сказания о кн. Ольге и о кн. Борисе и Глебе сочинение русское. Справедливо указывают особенно на слова сказания об Ольге: «от Ольги возрастошя князьи нашя». См.: Записки Императоской Академии Наук. Т. 6.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II, прим. 163, 172; Собр. л. 1, 69. Мстислав родился в 1076 г. (собр. л. 1, 85). В повести о чуде св. Николая сказано, что князь Мстислав назывался по крещению Георгий. Но в Мстиславовом Евангелии писец благодарит Бога, что написал Евангелие «Богу честимому князю Феодору, а мирскы Мстиславу, внуку сущю Всеволожю, а сыну Володимерю, князю Новгородскому». И потом: «о Господи! спаси князя вашего Феодора многа лет, а мирскы

является образцом мужества и великодушия христианского. Олег, князь Черниговский, убил брата его Изяслава, захватил Ростов и Суздаль, принадлежавшие Мстиславу. Мстислав, не желая лить кровь, послал сказать Олегу: «Ты убил брата моего, но на войне гибнут цари и вельможные люди; будь же доволен наследственным городом (Рязанью); в таком случае я упрошу отца моего помириться с тобою». Олег не хотел слушать предложений любви и собрался взять Новгород. Мстислав дал сражение (1096 г.), и Олег, потеряв Суздаль и Ростов, едва укрылся в Муром. Мстислав снова предложил мир Олегу и желал для себя только возвращения пленных; он убедительно просил отца простить Олега, и отец согласился, сознавшись, что сын пристыдил своим великодушием отца[1]. Олег притворно согласился на мир. Мстислав распустил войска свои и в празднование великомученику Феодору, в субботу первой недели Поста, приобщась Святых Таин, спокойно сидел за обедом в Суздале, как гонцы принесли ему весть, что дядя Олег стоит на Клязьме с войском. Мстислав в одни сутки собрал дружины — Новгородскую, Ростовскую, Белозерскую — и готов был к битве за городским валом. Чрез 4 дня поспел к нему брат с войском. Началось жаркое и упорное сражение; мужество Мстислава склонило победу на его сторону: Олег бежал и, оставив Муром брату, скрылся в Рязани. Мстислав и в счастье остался христианином. Он не хотел брать ни Мурома, ни Рязани, и только удовольствовался свободою пленников. Олег в отчаянии бегал, не зная, где приклонить голову. Блаженный Мстислав послал сказать ему: «Святополк и Владимир, — о себе не говорил, — не лишат тебя земли Русской, — я буду твоим ходатаем; останься в своем княжении; только смирись». Вслед за тем он вышел из Муромской области и, возвратясь в Новгород, примирил с Олегом великого князя Святополка и отца своего Владимира[2].

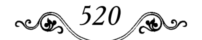
Понятно, что таким князем не могли не дорожить новгородцы. На общем совете великого князя Святополка с Мономахом и другими князьями положено послать в Новгород сына Святополка. Новгородские послы объявили Святополку: «Если у сына твоего две головы, пусть идет он в Новгород, Новгороду нужен Мстислав, новгородцам

Мстислава». Современник без сомнения знал имя князя своего. В описаниях древностей архиеп. Макария кн. Мстислав называется Георгием (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1), т. е. вслед за повестью.

[1] Собр. л. 1, 108. 5, 150. 7, 9. 10.

[2] Собр. л. 1, 108. 110. 7, 11. 12.

Святой великой князь МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

дал его Всеволод, и они вскормили его для себя». И Мстислав возвратился в Новгород[1]. Благодарный за милости Божии, князь заложил храм Благовещения на Городище, вблизи Новгорода. Каменный храм князя — жертва искреннего благочестия его. Он был украшен со всей щедростью: иконостас его обложен был серебром[2]. Для сего-то храма благочестивый князь поручил написать драгоценное для нас Мстиславово Евангелие, и дорогой оклад Евангелия устроен был в Константинополе[3]. Глаголемому старообрядцу уже показано, что в сем Евангелии имя Иисуса пишется большей частью сокращенно, но до 80 раз встречается с удвоенною в начале гласною: «Иисусу» или «Иисус»[4].

Совершив поход в дикую Эстонию, Мстислав (в 1113 г.) заложил на княжьем дворе каменный храм во имя святителя Николая[5]. Этот храм был памятником признательности его к святителю и за исцеление от болезни[6]. В тяжкой болезни благочестивый князь усердно призывал в помощь святителя, коего мощи незадолго пред тем были перенесены в Бар-град[7] и который тогда же чудодействовал в Киеве[8].

---

[1] В 1093 г. по взаимному согласию великих князей Святополка и Мономаха Давид получил вместо Смоленска Новгород, а Мстиславу назначен Ростов; в начале 1094 г. Давид явился в Новгород, а в конце ушел в Смоленск, потому что послы Новгорода настоятельно требовали и получили князя Мстислава. Собр. л. 5, 150. 7, 8; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V, прим. 172.

[2] Собр. л. 3, 122. 213. 5, 154. Синаксарь Румянцева и Белградский о церкви: «и окова ю златом и серебром и каменьем многоценным». Храмовая икона Благовещения писана была греческими мастерами (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1).

[3] Надпись 1551 г.: «обновлено бысть Св. Евангелие в великом Новгороде честного храма Пречистыя Богородицы честного Ее и славного Благовещения на Городище, в лет. 7059» (Невоструева исследование в Изв. акад. наук IX).

[4] *Филарет (Дроздов), митр.* Беседы к глаголемому старообрядцу. М., 1835.

[5] Во 2-й Новгород. летописи: «победи Мстислав на Бору Чудь и церковь заложи св. Николу, в Новгороде, на княжи дворе». В 4-й летописи буквально то же. В 1-й летописи то же по смыслу. Собр. л. 3, 4. 122. 4, 1. 5, 156. 7, 23. 11. 4.

[6] Собр. л. 3, 214. «В л. 6621 (1113) князь в. Мстислав Володимерович заложил церковь каменную в в. Новгороде св. Николы чудотворца на княжи дворе. Того же лета образ Николы чудотворца Мирликийского приплыл из Киева в в. Новгород, доска круглая, и взяли на Липне при епископе Иоанне, и тое икону устроиша в том превеликом храме на Ярославле дворище в церкви».

[7] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 1; Собр. л. 7, 3. В Синод. Апостоле 1307 г.: «в л. 6582 (1074) перенесение мощей св. о. Николы».

[8] Сказание об исцелении князя: «слышяв же о чудесах вел. архиер. и чудотворца Николы, бывших в то время в Барстем граде, и в граде Киеве в они же дни чудо той великий отец сотвори; утопшее отроча пред образом своим в церкви св. Софии

Святитель в видении повелел послать в Киев за иконою своею, которой вид и мера были показаны; воля святителя немедленно была исполнена, послы посланы; а послушание награждено гораздо скорее, чем можно было ожидать. Послы бурею, поднявшеюся на озере Ильмене, удержаны были на острове Липном три дня, и на четвертый нашли плавающую на воде икону святителя того самого вида (круглую) и размера, как показаны в видении. Больной князь, приложась к святой иконе, получил исцеление[1]. Впоследствии на месте явления иконы, на острове Липном, устроился монастырь с каменным храмом святителя[2].

В марте 1116 года доблестный князь опять смирял эстов, взял Оденпе, выжег села и захватил множество пленных. По возвращении заложил он в Новгороде крепость, более обширную, чем была она прежде. Вместе с тем озаботился он о построении нового, более обширного, помещения для Новгородского владыки[3]. В то же время, по его распоряжению посадник Павел заложил крепость в Ладоге, и здесь построен был поныне целый, каменный храм в честь великомученика Георгия[4].

обрести дарова, мокроте водней от него истекающей, — призва в помощь сего преславного чудотворца».

[1] Сказание о чуде над князем известно в двух видах. Старшая редакция, но едва ли старше XVI в., у преосв. Макария (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 2). Князь Георгий, именованный Мстислав, «стяжав веру к цельбоносному образу, сотвори церковь каменную с бабою своею вел. княгинею Анною, на дедине Ярославле дворе, во имя св. Николая». Другая редакция сказания в Дворищенском летописце XVIII в. поправляет некоторые ошибки старшей редакции, но не все. Здесь участницею в устроении храма выставляется супруга кн. Мстислава Анна, а не баба, скончавшаяся еще в 1050 г. Время чудесного события относится здесь ко времени святого Никиты; но это не согласно со всеми летописями. В 3-ей Новгор. л. кроме того, что исцеление князя показано под 1113 г., прибавлено еще, что каменный храм на Липне построен спустя 180 лет после чуда, в 1292 г., следовательно, чудо было в 1113 г. (Собр. л. 3, 213. 221). Отец Макарий (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1) увлекается позднею повестью вовсе напрасно; сама же повесть относит событие к 1113 г.

[2] Собр. л. 3, 65. 221.

[3] Собр. л. 3, 4. 214. 5, 166. 7, 23. 2, 7. Надпись на настенной иконе Спасителя в Иоанновском доме: «образ с 1116 г. по летописи». События с князьями 1136 и 1142 г. показывают, что тогда на дворе владыки Новгородского был не один Никитский дом. Дом с иконою, пред которою молился в 1169 г. св. архиепископ, уже в сказании назывался Иоанновским, как называется поныне. Все это показывает, что дом построен епископом Иоанном Попином тогда же, как кн. Мстислав (в 1116 г.) строил новую крепость (*Макарий (Миролюбов), архим.* Описание новгородского архиерейского дома. СПб, 1857).

[4] Собр. л. 3, 4. 214; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV. По 4-ой Новгородской летописи (Собр. л. 4, 123) «того же (1446) лета архиепископ

В 1117 году Мономах, желая иметь в сыне близкого помощника себе, перевел Мстислава в Белгород, а в Новгороде оставил сына Мстиславова Всеволода. Волынский князь Ярослав в союзе с поляками домогался достать себе старшинство пред Мономаховичами. Он до того увлекся желанием чести, что прогнал от себя и жену, дочь Мстислава. Не раз усмиряемый то увещаниями, то оружием, Ярослав в 1123 году привел в Россию огромное войско, польское и венгерское. Мстислав поспешил против него со своей дружиною, но Ярослав убит был двумя поляками[1].

В 1125 году, оплакав кончину отца своего, Мстислав вступил на великокняжеский престол. В первые два года он должен был скорбеть о бедствии России, страдавшей от голода особенно на севере. В 1127 году добросердечный князь, дав клятву защитить князя Ярослава, изгнанного племянником из Чернигова, но смягченный просьбами бояр и духовенства не проливать крови христианской, не выполнил клятвы, в чем каялся до гроба. Зато блистательно расчелся он с союзниками Всеволода и постоянными врагами России — половцами: он прогнал их не только за Дон, но за Волгу. Строго наказал он и князей полоцких, отказавшихся воевать против этих заклятых врагов христианства: он выслал их из России в Грецию. В 1128 году начал он строить великолепный храм и монастырь в честь великомученика Феодора. Это было данью благодарности за небесную помощь, избавившую его от бед, приготовленных коварным Олегом в Феодорову субботу[2]. По его ли желанию основан был знаменитый Юрьев монастырь, остается со-

---

Евфимий заложи монаст. св. Георгия в городке, в Ладоге, и стену каменную понови и церковь св. Георгия понови и подписа, идеже отпало, и покры ю чешуею (черепицею) и бысть крестьянином прибежище». Следовательно, только храм, а не монастырь, принадлежал блаж. кн. Мстиславу (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях). Фрески с горнего места Георгиевской церкви XII в. у Прохорова (Христианские древности и археология / Изд. Прохоров В. А. СПб., 1863. Т. 2). Там же — изображение самого храма и описание его. (Т. 1).

[1] Собр. л. 2, 8. 9. 7, 24. 25. Никон. л. 2, 53.

[2] Собр. л. 1, 131. 2, 12. 7, 26–28. Синаксарь по серб. спискам Румянцева и по Белградскому 1340 г.: «в Киеви же съезда церковь св. Феодора и святи ю священием великим, с митрополитом Михаилом ...створи честный монастырь св. Феодора». Монастырь Феодоровский Мстислава называли «вотчим» — отцовским — и здесь погребены были многие князья. Кальнофойский, описывая старый Киев, говорил: «церковь св. Феодора Тирона, только стены стоят». Остатки Феодоровского храма ныне — в саду Королева, в Андреевском отделении (*Закревский Н. В.* Летопись и описание города Киева. М., 1858. § 32).

мнительным. Но в 1130 году писал он в грамоте: «Вот я Мстислав, сын Владимира, держащий Русскую землю в своем княжении, велел сыну моему Всеволоду отдать святому Георгию Буйце с данью, вирами (пошлинами с судных дел уголовных) и продажами (пошлинами с дел гражданских) и вено волоцкое... И ты, игумен Исайя, и вы, братья, молите Бога за меня и за детей моих, пока стоит мир. И осенние подарки народа, 25 гривен, также святому Георгию»[1]. В 1131 году построил он вблизи Киева храм в честь Пирогощей иконы Пресвятой Богородицы, доставленной из Царьграда[2]. В том же году ходил с детьми войною против дикой Литвы и возвратился с богатою добычею. В 1132 году на пасхальной неделе (апреля 15), доблестный и благочестивый князь скончался на 56 году своей жизни и положен был в построенном им храме святого мученика[3]. Еще современники его не только называли его добрым и христолюбивым князем, но надеялись на молитву его как угодного Богу[4]. Древний пролог, сказав, что он «был неудержимо милостив ко всякому», оканчивает описание жизни его так: «сребра и злата в руце свои не примаше, зане не любяше богатства, и в день преставления своего, уведев преставление свое, повеле слугам своим гроб себе уготовати и тако честне преставися»[5].

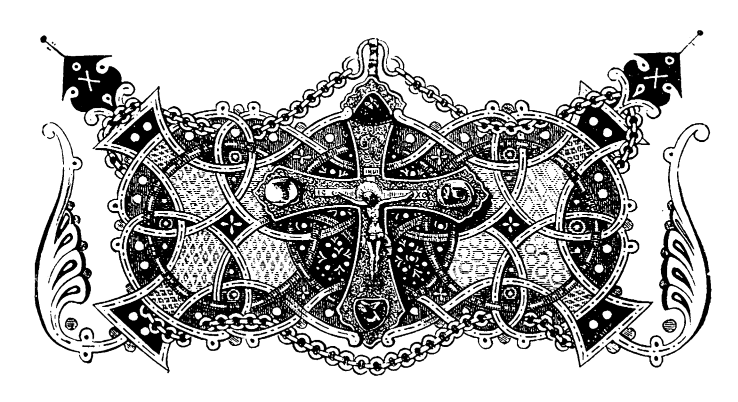
[1] Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 2. Летопись: в 1119 году «заложи Кюрьяк игумен и кн. Всеволод церковь камяну, монастырь св. Георгия, в Новгороде» (Собр. л. 3, 5. 214).

[2] Икона Пирогощая получила название по местечку Пироговке.

[3] Собр. л. 1, 132. 2, 10. 11. 7, 29; *Погодин М.П.* Исследования о русской истории. Т. IV.

[4] Писец Евангелия называет кн. Мстислава благоверным и христолюбивым. Наслав, устраивавший оклад по воле князя, говорит: «Иного труда подъял и печали: но Бог утеши мя доброго князя молитвою... Дай Бог его молитву всем христианином и мне худому Наславу, правящи его орудия в правду» т. е. дай Бог, чтобы по его молитве успешны были все христиане и я худой Наслав, обязанный честно исправлять дела его.

[5] Синаксарь по серб. списку Румянцева в Муз. 452 и по Белград. списк. 1340 г. (Записки Императорской Академии Наук. Т. 6).

День шестнадцатый

ПАМЯТЬ святого новомученика МИХАИЛА ВУРЛИОТА

Восемнадцатилетний юноша Михаил, простолюдин (медник по ремеслу), может служить блистательным примером искренности, глубины и действительности покаяния.

Встретившись с одним магометанином, он по неопытности поддался его влиянию и был доведен до того, что отрекся от христианства. Это случилось в начале Великого поста, и в первое время после своего отречения, находясь в услужении своего совратителя, стало быть, продолжая быть под его влиянием, несчастный юноша не сознавал всей бездны своего падения, не сознавал своей неизмеримой утраты...

Но вот наступила Светлая Пасха Господня, великий христианский праздник, — и любовь ко Христу проснулась в сердце воспитавшегося в христианской вере... Привычным стремлением повлекло его в родной храм.

«Христос Воскрес! Христос Воскрес!» — встретили и окружили его там родные, заветные возгласы! Все ликовали... все приветствовали друг друга, сливаясь сердцем в братском, радостном целовании... Михаил, отступник от Бога, один оставался как бы чуждым всем... Он променял свой крест на чалму Магомета... С ним не делились христиане Божественною радостью... Ему ли место между славящими Воскресение Христа?

Но душа его также ликует и прославляет Господа и горит пламенною любовью... Он — не чужой, он — Христов, он чувствует, что не перестал быть Христовым... «Я — Твой! я — Твой вместе с Твоими! — взывает вся душа его к Богу своего детства, — и я пою и славлю: Христос Воскрес! и ничто не оторвет меня от Воскресшего Христа! И не умолкнет мой вопль к Нему до конца моей жизни... О, громко воспою я славу Отца моего в слух неверных! И ничем, кроме смерти, не принудят к молчанию уста мои, поющие Воскресшего Христа... Но смерти нет! Ее победил Воскресший... Он воскресил и мою умершую душу... Я снова живу... люблю и исповедую Христа — Единого Бога!»

Спасение погибшего совершилось. С неизмеримым горем сознав свою вину, он воспылал неизмеримым порывом отрешиться от нее. Раскаяние охватило его душу и сожгло в ней грех...

«Не следует однако же потурчившемуся петь с нами: Христос Воскрес!» — заметили иные христиане Михаилу, видя, что он принимает участие в праздновании Того, от Которого отрекся... «Завтра же вы увидите, кто я такой!» — сказал Михаил. И на следующее утро он отправляется к судье и говорит ему: «Скажи, судья, не безрассуден ли и не смешон ли тот, кто променял золото на свинец? Не глуп ли такой поступок? Но если эта мена сделана по незнанию или обману, то рассуди: законна ли она, и можно ли обманутому взять назад свое золото и возвратить свинец?» «И можно и законно», — отвечал судья. «Если так, — сказал Михаил, — то разреши мне отдать обратно свинец, который мне дали за мое золото; разреши мне отступиться от ложной веры и возвратить себе золото — веру отцов моих...» И затем, в присутствии всех и во всеуслышание, Михаил исповедал Христа — Единым Истинным Богом и Судьей всех.

Поражены были дерзостью юноши мусселим и все присутствующие турки. Желая удержать в числе своих привлеченного к их вере христианского юношу, они употребили все меры, чтобы убедить его, но видя, что ни лестные обещания, ни угрозы, ни заключение в темнице не в состоянии поколебать его твердости в исповедании имени Христова — осудили его на смерть.

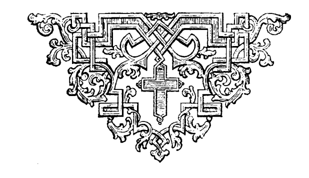
Радостно принял Михаил весть о своем смертном приговоре... Спокойно шел он на казнь, словами и знаками испрашивая прощения у всех собравшихся проводить его христиан, и, бестрепетно преклонив голову под меч, искупил свое отступление мученическою кончиною...

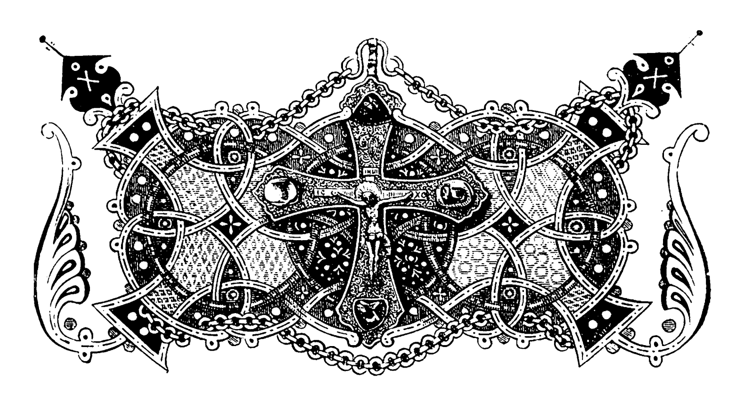

Три дня лежало без погребения его тело и потом было выброшено в море. Это было в Смирне, в 1772 году.

Волны принесли останки мученика Михаила к дальнему берегу и были найдены христианами, которые с честью предали их погребению в храме святой Фотинии.

Святого мученика Леонида. Пострадал в Коринфе; после мук брошен с камнем на шее в море, 281 года.

День восемнадцатый

ПАМЯТЬ о преподобных ЕВФИМИИ, АНТОНИИ и ФЕЛИКСЕ КАРЕЛЬСКИХ

Преподобный Евфимий был основателем Карельского Николаевского монастыря, на Карельском берегу, невдали от Белого моря[1]. Это было около 1410 года. Но едва усердный труженик успел построить храм святителя и несколько келлий, как в 1419 году норвежцы напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили нескольких иноков[2]. Надлежало вновь устраивать обитель, и преподобный Евфимий принялся за святое дело. Между тем сыновья Марфы-посадницы, владевшей на севере огромными пространствами земли, осматривая имения свои,

[1] Ркп. святцы: «прп. Евфимий начальник монастыря Карельского на Двине реце».

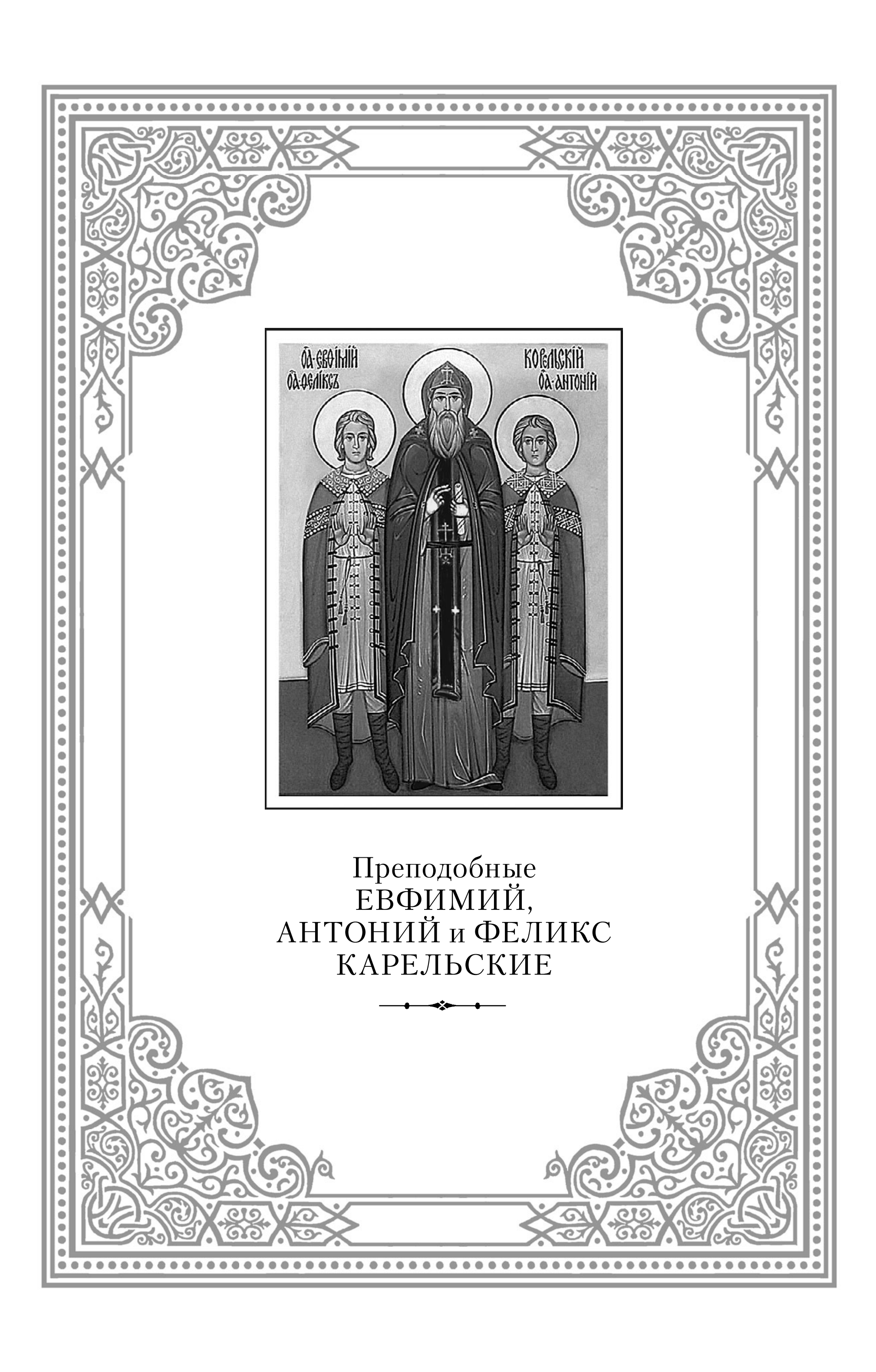
[2] Двинск. л. 7; Собр. л. 3, 108. «Мурмане, — с 500 человек, в бусах и шнеках, повоеваша в Варгузе (река Варгуза Кольского уезда Архангельск, губ.), погост Карельский и в земли Заволочской погосты: в Неноксе (Архангельск. уезда), в Карельском монастыре св. Николы, Конечный погост, Яковлю, Курью, Андреянов берег, Кит остров, Кярь остров, Михаилов монастырь, Чиглоним, Хлечинимо; 3 церкви сожгли: а христиан и черноризец посекли».

утонули в устье Двины. Пораженная потерею их Марфа предоставила преподобному Евфимию богатые средства для устроения обители. По летописи Марфа называется женой Исаака Борецкого. В грамоте своей монастырю пишет она: «Вот я, раба Божия Марфа, написала при жизни сие рукописание, поставив храм святителя Николая в Карельском, над гробами детей моих Антония и Феликса: я дала в дом святителя Николая покупку мужа моего Филиппа — село на острове Лавле, да два села в Конечных... Приказываю дом святителя Николая господину моему деверю Феодору Григорьевичу и его детям и зятю моему Ефрему Васильевичу»[1]. По этому видно, что Антоний и Феликс были сыновья первого мужа Марфы Филиппа Васильевича. Поелику же Марфа была действующим лицом в событиях 1470 года, то легко понять, что построение Николаевской обители Марфою было уже после 1419 года и что Феликс и Антоний окончили земное течение свое людьми молодыми. Феликс известен и по личной благотворительности своей, именно монастырю святого Михаила, что в 30 верстах от устья Двины, на Пур-Наволоке. Блаженный Евфимий известен не только по трудам и заботам в построении зданий нужных для обители, но, что гораздо важнее, сам, исполненный ревности к духовному совершенству, он просвещал дикий Карельский край светом Евангельской истины и возбуждал ревность к жизни, достойной созданного по образу Божиему. В Поморском прибережье, между русскими колониями, жили тогда пять видов финского племени, или, как называли их новгородцы, карельских детей. Это были курольцы, ровкульцы, вымольцы, тиврульцы и валедоли, или валдолейский род. Эти карелы и лопари имели в Поморье свои отчины, земли, угодья и промыслы. Так видно по Соловецким грамотам[2]. Какова была вера их? Об этом вот что говорит старинная Соловецкая повесть: «древле быша сии вышереченные родове, яко зверии дивии, живущие в пустынях непроходимых... Отнюдь Бога истинного единого и от Него посланного Иисус Христа ни знати, ни разумети хотяху; но имже кто тогда чрево насытит, тогда оно и Бога си поставляше; аще иногда каменем зверя убивает, камень почитает, и аще палицею поразит ловимое, палицу боготворит, еже и ныне в Самоедах зловерие закаменелое обретается, еще и в Лопарях,

---

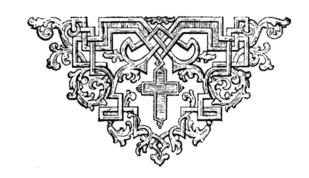
[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV.

[2] Русская Церковь в северном поморье // Православный Собеседник. Казань, 1860.

Преподобные
ЕВФИМИЙ, АНТОНИЙ и ФЕЛИКС КАРЕЛЬСКИЕ

обаче отчасти»[1]. Вот между какими людьми довелось жить преподобному Евфимию! Подвижник Божий, полный любви к людям и к истине небесной, просвещал заблудших и словом, и жизнью своею. Он воспитал в учениках своих искреннюю ревность к святому подвижничеству[2]. Кончина преподобного Евфимия последовала около 1435 года. По рукописным святцам преподобный Евфимий «Архангельский чудотворец». Мощи его, прославленные чудесами, открыты в 1647 году[3]. Над гробами Антония и Феликса сперва стояла часовня, а с 1749 года существует храм Сретения Господня[4].

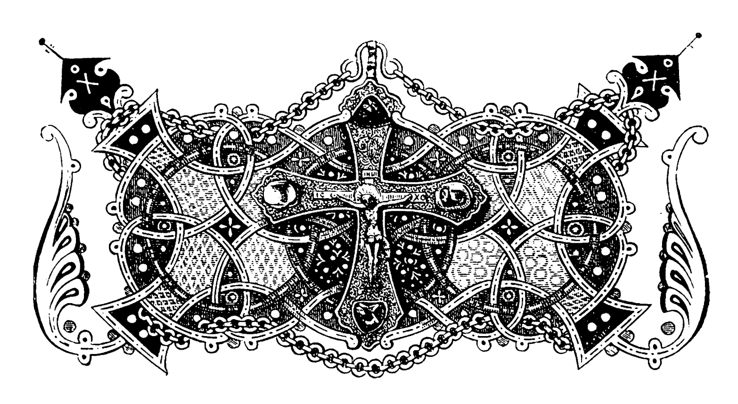
---

[1] *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря. Отд. I.

[2] По ркп. святцам в Карельском монастыре покоятся, кроме праведных Антония и Феликса, «праведный Стефан подвижник, преподобные отцы Исайя и Никанор новые чудотворцы».

[3] Повесть об обретении мощей и чудесах прп. Евфимия у Царского № 136. Новый и полный географический словарь. Ч. 3.

[4] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV. По описи 1662 г. у Корельского Николаева монастыря 55 дворов.

День девятнадцатый

ПАМЯТЬ
преподобного
СИМЕОНА БОСОГО,
игумена монастыря Филофея,
нового чудотворца

Преподобный Симеон, сын священника, в молодых годах принял иночество, достиг иеродиаконства и, побуждаемый любовью к безмолвию и уединению, удалился в пределы горы Олимпийской, в монастырь близ Киссары, где и предался суровым иноческим подвигам. Отсюда он перешел на Афон и вступил в братство лавры святого Афанасия. По воле настоятеля, скоро отличившего ревностнейшего между всеми подвижниками, Симеон был рукоположен в иерея. Из лавры перешел он в обитель Филофеевскую, где строгою жизнью изумлял братию и возбудил такое благоговение к себе, что общими просьбами, хотя и против своей воли, убежден был принять звание игумена. Тогда, сознавая свою священную обязанность служить образцом для руководимых им, Симеон еще «возвысил меру поста, молитвы и других Богоугодных подвигов» и, главное, безленостно и постоянно наставлял иноков спасительными увещаниями.

Но так как, при условиях испорченности человеческой природы, среди наибольшей высоты жизни люди подвергаются и наибольшим искушениям, то и среди иноков, хотя и добровольно избравших себе истинно высокий образец для подражания, возникло раздражение

против строгого подвижника. Симеон, видя неприязнь к себе, терпел, молился, старался любовью побеждать вражду, но не мог ничем обезоружить злобствующих против него и потому удалился.

Он прибыл на гору Фламурия, смежную с Загорою. Здесь, приютившись под яблонею, босой, едва прикрытый ветхою одеждою, обходясь без огня и почти без пищи, отдыхая самое короткое время на голой земле, проводил Симеон жизнь — как бы бесплотную, весь преданный подвигам и высшей духовной борьбе.

Непостижимым величием такой жизни прославлял он Творца, и она могла служить мерилом того изобилия Божией благодати, которая изливается в душу, могущую, достойную вместить ее.

После трех лет такой сверхъестественной жизни Симеон снова увидел людей. Они нашли его и, привлеченные его высотою, пожелали жить при нем. Трудно было согласиться на это всецело отделившемуся от мира подвижнику, но, полный любви, он уступил желаниям людей, и таким образом поселились с ним семь человек.

Живший до сих пор подобно птице небесной, не знающей ни посева, ни жатвы, Симеон озаботился теперь о посевах, чтобы пропитать пришедших к нему. По прошествии семи лет он выстроил тут небольшую церковь во имя Святой Троицы. Между продолжавшими приходить к Симеону, жаждущими посвятить себя на служение Богу под его святым руководством, были иереи и диаконы, которые помогали ему в священном учении, и таким образом устроилась киновия.

Тогда Симеон решился потрудиться и на ином поприще; он пожелал посвятить себя апостольской деятельности и, оставив благоустроенную им киновию, совершил путешествие с целью утверждения в вере христиан. Он побывал в Эпире, Фессалии, Афинах и других местах. Путешествие это было очень нужно, так как большая часть жителей этих местностей, по причине оскудения просвещения, были до крайности грубы. Слово Божие, распространяемое Симеоном и сопровождаемое чудотворениями, действовало спасительно. Успех его проповеди возбудил между тем негодование турок... Они донесли на него градоначальнику Аяну, оклеветав его, между прочим, в том, что он проповедует порицание магометанского учения. Без всякого суда Симеон был осужден на смертную казнь. Уже начали раскладывать костер, чтобы сжечь проповедника-христианина...

Приведенный в оковах на место казни, Симеон сам начал подбирать и бросать в костер дрова...

«Да ведь этот костер готовится для тебя! — сказал ему державший его за цепь человек, — ведь это тебя сожгут на костре по повелению градоначальника...» «Что же! Жгите меня, если на то есть воля Божия! — отвечал подвижник. — Я с своей стороны рад умереть...»

Пораженные этими словами один араб и несколько женщин побежали к матери градоначальника и просили ее убедить ее сына не предавать смерти святого. Добрая женщина, испугавшись, что сын ее погубит невинного, начала умолять его не брать на свою душу такого греха. Она умоляла его разузнать истину, лично допросить осужденного.

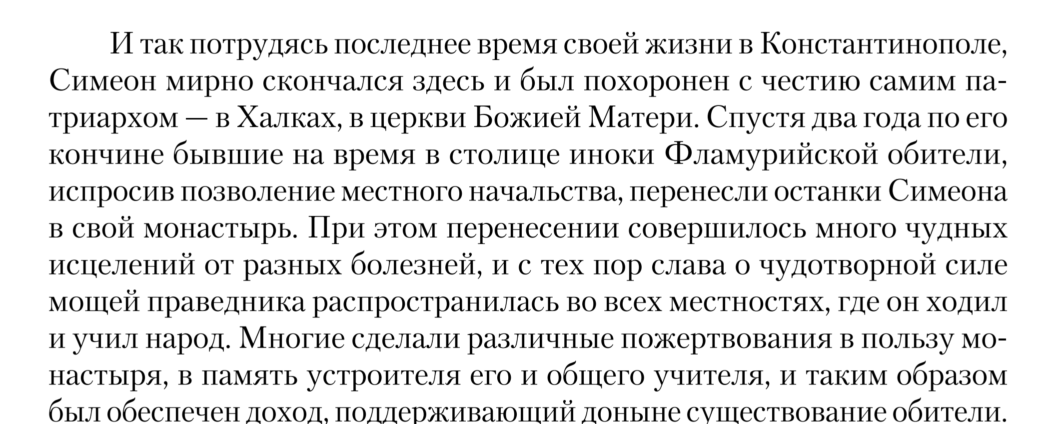
Слова ее подействовали на окружавших ее сына. «Хорошо говорит госпожа наша, мать твоя, эфенди!» — сказали они и также стали убеждать Аяна, чтобы он не велел казнить человека прежде суда и решения, определенного по закону... Так много может сделать доброе слово, сказанное от искренней души!.. Ему невольно поддаются даже озлобленные люди и, под влиянием его, отступают перед несправедливостью, которую были уже готовы совершить.

Аян велел призвать к себе Симеона. Пораженный видом босого и почти нагого проповедника-христианина, градоначальник невольно почувствовал благоговение к нему и, ласково обратясь к нему, сказал: «Меня уведомили, что ты стараешься отвратить нас от нашей веры, что ты учишь нас не верить в учение Магомета: скажи, правда ли это?»

«Не магометан, но христиан учу я поступать так, как нам повелевает Евангелие», — отвечал Симеон. «А чему учит ваше Евангелие?» — спросил Аян. «Евангелие учит не красть, не исполнять нечистых пожеланий плоти, не желать ничего чужого, любить друг друга, отдавать кому следует царские подати, держать твердо веру свою, чтить воскресные и праздничные дни, потому что воскресный день есть тот, когда воскрес Господь наш Иисус Христос...»

Не найдя в праведнике ничего достойного смерти, градоначальник отпустил его на свободу, и Симеон стал еще с большею смелостью проповедовать слово Божие. Через несколько времени он посетил обитель свою на горе Фламурийской и, устроив там дела, прибыл в Константинополь, где приветливо принят был патриархом.

И здесь не бесплодно изливалось его красноречивое слово. Многие, тронутые им, спешили исповедовать ему свои грехи, исправляли свою жизнь, привязывались к нему всею душою, всюду следовали за ним, желали предать себя в полное послушание святому. Иных, пожелавших вести иноческую жизнь, он посылал в свою киновию.

И так потрудясь последнее время своей жизни в Константинополе, Симеон мирно скончался здесь и был похоронен с честию самим патриархом — в Халках, в церкви Божией Матери. Спустя два года по его кончине бывшие на время в столице иноки Фламурийской обители, испросив позволение местного начальства, перенесли останки Симеона в свой монастырь. При этом перенесении совершилось много чудных исцелений от разных болезней, и с тех пор слава о чудотворной силе мощей праведника распространилась во всех местностях, где он ходил и учил народ. Многие сделали различные пожертвования в пользу монастыря, в память устроителя его и общего учителя, и таким образом был обеспечен доход, поддерживающий доныне существование обители.

ПАМЯТЬ
святого преподобномученика
АГАФАНГЕЛА ЕСФИГМЕНСКОГО

Родом из Эны, города во Фракийской области, Агафангел, в миру — Афанасий, получил христианское воспитание в доме строгоправославных родителей. По кончине их он поступил в морскую службу; тут имел случай сблизиться по службе с турками, которые захотели непременно обратить в ислам смышленого и очень способного юношу-христианина. Не надеясь достичь этого по доброй воле Афанасия, они однажды неожиданно напали на него, нанесли ему рану и угрожали смертью в случае, если он не отречется от веры Христовой... Нисколько не подготовленный к такому насилию, юноша растерялся и в надежде, что не замедлит скрыться от турок и отречься от данного им под ножом обещания, он согласился назвать себя магометанином.

Это происходило в Смирне. Афанасию не удалось однако же скоро уйти из-под надзора турок, неусыпно следивших за ним, и только по прошествии довольно долгого времени он мог оставить Смирну и, мучимый угрызениями совести, отправился искать пристанища на Афонской горе. Здесь обошел он многие монастыри и скиты, ис-

поведовался многим духовным отцам; наконец, по совету одного из них, пришел в обитель Есфигменскую, где игумен Евфимий исповедал его, узнал все бывшее с ним, благословил его намерение искупить свой тяжкий грех и, приютив его у себя, назначил ему послушание, которое Афанасий стал проходить с величайшим усердием.

Он не отступил бы, казалось, ни перед какими трудными подвигами, потому что почитал самые трудные из них недостаточными для заглаждения своего несчастного отступничества. Для примирения со своею совестью только одно дело могло быть удовлетворительным для него, это — мученичество... И вот, Афанасий всецело предался мысли о нем и молитве, чтобы Господь дал ему силу загладить таким образом его временное отречение от Него.

Среди подвижнических приготовлений к этому великому делу Афанасий — в 4-е воскресение Великого поста — был призван к Литургии, облечен в иночество с именем Агафангела и удостоен причастия Святых Животворящих Таин. «С этого времени, — рассказывает о нем иерокурикс Герман[1], — лицо его сияло каким-то Божественным светом благодати, радость духа его была невыразима, ум постоянно устремлен на небеса, в сердце его возжегся Божественный огонь, и он с великим усердием стал вдаваться в большие и большие подвиги; наконец, от всего сердца возжелал смерти за Христа».

Видя в Агафангеле непреодолимое желание мученичества, судя его достаточно подготовленным к подвигу и, главное, вразумленный видением во сне святителя Николая Чудотворца, обещавшего успех в деле покаявшегося юноши, игумен благословил Агафангела готовиться в путь — в Смирну, где он должен был исповедать свое возвращение к вере Христовой — перед теми, кто содействовал его насильственному отречению...

Юноша кипел нетерпением пуститься в путь, но приходилось еще ждать корабля. Наконец представился случай отплыть в Смирну, где надлежало осуществиться пламенному стремлению сердца, изнывавшего в беспредельном покаянии.

«В Фомино воскресение вечером вошли мы в Смирнскую пристань, — продолжает свой рассказ об Агафангеле спутник его Герман, —

[1] Один из лучших современных Агафангелу богословов. Он скончался только в 1851-м году, оставив после себя много прекрасных произведений своего пера. Память о Германе на Афоне еще очень свежа. О нем подробно писал Муравьев в своих «Письмах с Востока».

некоторые из братьев нашей обители, жившие тогда в Смирне по нуждам монастырским, узнав о нашем прибытии, встретили и приняли нас с великою радостию. Мы поместились в доме епитропа нашей обители, который, узнав о намерении юноши, радовался, что удостоился принять в дом свой мученика, и ласки его обильно посыпались на нас. Теперь занялись мы окончательными приготовлениями для нашей цели. В четверг утром, когда бывает собрание в Оттоманском судилище, мы облекли Агафангела в турецкие одежды, и я позволил ему идти с Божией милостью...» Явясь на суд, на вопрос: что ему нужно? — Агафангел рассказал историю своего насильственного принятия ислама, выразил свое добровольное, искреннее отречение от этого ложного учения и на льстивые увещания судьи, надеявшегося образумить юношу, слова которого он находил безумными и отречения которого он никак не мог допустить, Агафангел отвечал: «Гнушаюсь я и увещаниями, и обещаниями вашими, и вами самими. Христа только моего люблю, Христа моего ищу, Христом моим наслаждаться желаю...» И на дальнейшие попытки убедить его отвечал неизменно то же... Тогда судья стал угрожать ему мучительною смертью. «Готов я за Христа моего вытерпеть все! Все роды мучений принимаю с величайшей радостью! Прошу только не медлить привести в исполнение слова твои...» — отвечал Агафангел.

«О, блаженный язык, — говорит Герман, передавая эти слова юноши, — скажу и я с Великим Василием: блажен язык, прозвучавший в наши времена такое исповедание, которым очистился воздух, оскверненный нашими грехами! О, ум Божественный и твердый, который восхвалили лики Ангелов! О, душа славная, которую прославил Господь Славы небесною славою!»

Истязания начались. Исповедник был связан, заключен в темницу, окован тяжелою цепью, ноги его забиты в дерево.

Слуги, исполнители жестоких приказаний, присоединили и свое лютое обращение: ведя мученика в темницу, они дергали цепь во все стороны с такою силою, что многим казалось, что голова страдальца отделится от туловища, но юноша выносил все с терпением и душа его ликовала...

Бог привел так, что в темнице нашел Агафангел двух невинно-заключенных христиан. Один из них, Николай, человек чисто-христианского настроения, передал потом все, что видел и слышал от мученика и также письмо его к Герману. Встретить в такую минуту

и в таком месте христиан было великим утешением для предавшего себя на страдания юноши; они всю ночь утешали его, ободряли примерами других мучеников.

На другой день Агафангел в оковах был снова представлен на суд. Подверженный разным испытаниям, он перенес все с непоколебимым мужеством и снова был отведен в темницу. Радовался Николай, видя ничем не смущаемую твердость исповедника; однако же, при этом передал ему, что, кажется, некто — хиосец Афанасий, бывший тогда в большой силе, ходатайствует об освобождении его... Но это известие только испугало Агафангела, и он сейчас же написал Афанасию письмо, в котором заклинал его именем Божиим не ходатайствовать за него, но представить судиям делать, что хотят; «вместо же напрасного ходатайства, — писал он, — пусть лучше христиане молитвенно ходатайствуют перед Богом об укреплении меня в мученическом подвиге».

Со слезами узнали об этом письме бывшие в то время в Смирне христиане; оно привело им на память то письмо, которое писал римским христианам святой Игнатий Богоносец, убеждавший их не прибегать ни к какому ходатайству за него, но допустить нечестивых бросить его на съедение зверям... И действительно, в ту ночь все христиане усердно молились о новом мученике. И сам он готовился к страшному испытанью. Среди ночи, забывшись в легком сне, вдруг встал и сказал товарищам своего заключения: «Радуйтесь со мною, братья мои! Сегодня прежде 5-го часа меня обезглавят». И после того, как бы горя нетерпением соединиться с Христом, он часто спрашивал: «Который час?» — и на ответ всякий раз радостно говорил: «Еще три часа! Еще два часа!» Около четырех часов пришли взять его. Нет слов, чтобы выразить его радость при этом, свидетельствует Николай, простившись с друзьями, он быстро устремился к дверям темницы и в оковах был снова представлен на суд. Твердость его пребывала неизменною. Не видя никакой возможности отвратить христианина от своей веры, судьи приговорили его к смертной казни. Весть об этом быстро разнеслась повсюду, и несметное множество народа всех наций, всякого возраста, пола и состояния собралось на место казни. Взоры всех были устремлены на ангелоподобное лицо мученика. Он же, углубленный в молитву, казалось, не видит, что вокруг него происходит. Не обратил он никакого внимания и на речи пытавшихся еще и в эту минуту его поколебать. Преклонив свою голову, он, наконец,

спокойно сказал исполнителям казни: «Что же вы не делаете своего дела?» Тогда главный из них приказал нанести удар, и глава юноши почти мгновенно отделилась от тела. Это было 19-го апреля, 1819 года. Убиенному за Христа было 19 лет.

Сильное впечатление произвела кончина нового мученика на всех христиан. Единодушно прославляли они имя Господа, дивного во святых Своих. «Враги закоренелые и непримиримые примирялись; раздавались щедрые милостыни; пришли в омерзение бесчестные дома; много лет не видевшие духовника теперь прибегали к нему с теплыми слезами покаяния; самые вольнодумцы и безбожники были тронуты, и даже магометанский народ с благоговением относился к мученику».

В третий день по совершении казни пронесся слух что останки мученика будут брошены в море. Поэтому все бывшие в пристани корабли, даже консульств всех христианских народов, расположились цепью по всей стороне моря, лежащей к городу, и некоторые из них даже на всякий случай вооружились. Но городские слухи не осуществились. Вместо того, в этот же день поздно вечером оттоманские стражи взяли с места казни останки Агафангела и доставили их в дом правителя города, а тот передал их за деньги христианам. С неописанною радостью и торжеством приняли их христиане и с благоговением перенесли в храм святого Георгия. При общих слезах и умилении совершив мученическую службу, иерархи сами положили останки мученика в великолепном гробе святого Дима, пострадавшего за 408 лет до этого события.

По совершении этого погребения Смирнский архиерей собственноручно написал о мученике подробное послание к Вселенскому патриарху; патриарх же послал копию с этого письма на Афон.

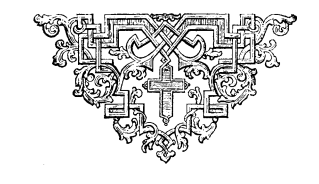
В 1844 году, по желанию игумена и братии обители Есфигменской и по согласию архиерея и почетных граждан смирнских, часть останков[1] нового мученика Агафангела перенесена в ту обитель, где он подвизался в приготовлениях к мученичеству; прочие же части останков (в виде костей) хранятся в сосудохранительнице храма великомученика Георгия.

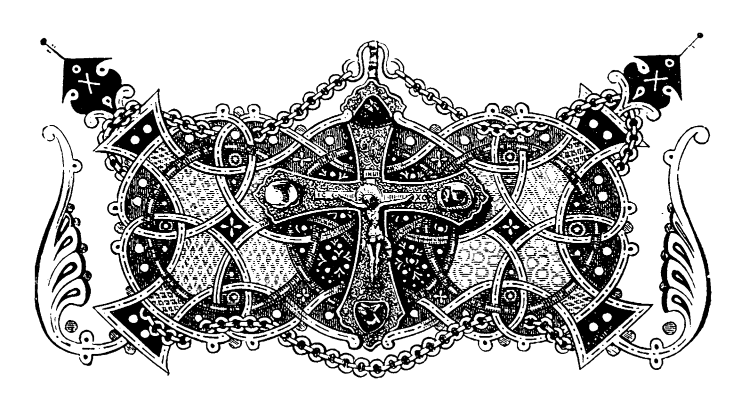
[1] Свидетельство о подлинности их хранится в монастырских актах.

ПАМЯТЬ святителя ТРИФОНА, Константинопольского патриарха

Из монахов столичного монастыря возведен на патриаршество императором Романом в 928 году, а в 931 году низложен им же, чтобы доставить престол двадцатилетнему Феофилакту, сыну своему. Трифон же с незлобивым сердцем воротился в свой монастырь и там скончался чрез два года и пять месяцев. Но тело его по смерти принесено было в Софийский храм и торжественно похоронено с прочими патриархами.

День двадцатый

ПАМЯТЬ
святых
АНАСТАСИЯ 1-го,
патриарха Антиохийского,
и АНАСТАСИЯ 2-го

Анастасий 1-й, патриарх с 561 года; в 561 году предназначен был к ссылке за несогласие с любимою мыслью императора Юстиниана о нетлении тела Христова до воскресения, но указ о том не был исполнен за смертью Юстиниана. В 569 году император Юстин, по некоей личной неприязни, хотя под предлогом расточения церковного имущества, низложил его, и Анастасий пробыл в заточении 23 года; уже император Маврикий, по смерти патриарха Григория, возвратил его на кафедру в 593 году. В слове по случаю возвращения, в среду Страстной седмицы, 25 марта, говорил он пастве: «Мир, и еще мир, и в третий раз мир вам». Согласно с желанием императора он перевел на греческий язык «Пастырское Правило» Григория Двоеслова и написал в заточении несколько собственных сочинений догматических и нравоучительных. Скончался в 599 году, оставив кафедру другому Анастасию.

Анастасий 2-й управлял церковью десять лет. Когда в 609 году император Фока дал повеление креститься всем евреям, то при исполнении сего в Антиохии вспыхнул бунт, и жиды в сентябре убили патриарха, подозревая его в соглашении с императором.

ПАМЯТЬ преподобного ФЕОДОРА ТРИХИНЫ

Феодор, родом цареградец, сын богатых родителей, оставил богатство, славу и честь и, удалившись в провинцию Еленопонт, в митрополию Амасийскую, сделался монахом в некоем пустынном монастыре близ Евхаита (в 40 верстах от Амасии). Воздержанием он иссушил свою плоть и носил одну только одежду, суровую власяницу, почему и назван Трихиною (по-гречески, а по-русски — Власяничник). Во время святой жизни своей и по смерти сотворил много чудес и исцелений, благодатью Божией. Время же жизни его определяется тем, что патриарх Антиохийский, еретик Петр Фуллон (Сукновал), за участие в убийстве православного патриарха Стефана предназначенный императором Зеноном к ссылке в Питиунт, около года (479 г.) скрывался близ монастыря Трихины и затем бежал в Армению.

ПАМЯТЬ святителя ГРИГОРИЯ, патриарха Антиохийского

Из игуменов Фаранской обители возведен на престол волею императора в 569 году. В книге Лимонар, главе 140, читаем: «Говорили некоторые старцы о сем Григории, что был милостив, непамятозлобен и сострадателен к согрешающим. Святейший же Софроний, патриарх Иерусалимский, такое дает о нем свидетельство: достоин этот муж, Григорий Блаженный, вспоминаться между святыми и преподобными; потому что и на патриаршество взят против воли, и свято пожил во славу Христа, Господа нашего». Скончался 593 года.

ПАМЯТЬ
святителей
ВЕТРАНА и ФЕОТИМА,
епископов Малой Скифии (Добруджи, Добрича)

Созомен[1], описывая бедственное время арианина Валента, говорит: «Где церквами управляли люди мужественные, там только народ не изменял прежних своих мыслей. В самом деле, по такой именно причине и скифы остались, как передают, с тою же верою (православною). Этот народ имеет много городов, селений и крепостей». По словам Плиния, страна, которою владели скифы-земледельцы, простираясь от устьев Дуная к Фракии, заключала в себе «прекраснейшие города — Истрополь (Дунавец), Томи (ныне Кюстенджи), Каллатис, Дионисиополь, прежде называвшийся Кроны». Эта равнина в средние времена называлась Добрич[2], а ныне Добруджа. «Метрополия скифов, — продолжает Созомен, — Томи, город обширный и богатый, лежащий у моря, на левой стороне для въезжающего в Черное море. Там и доныне хранится обычай древний, чтобы всеми церквами этого народа управлял один епископ. В описываемое время правил Ветран. Царь Валент прибыл в Томи. Придя в церковь, по обыкновению своему начал убеждать Ветрана вступить в общение с арианами; Ветран, мужественно и смело высказав государю мысли свои в пользу учения Никейских отцов, оставил его и перешел в другую церковь, а за ним последовал и народ; а народу было почти весь город, — сошлись, отчасти чтобы видеть царя, а отчасти в ожидании каких-либо новостей. Оставшись один со своей свитою, Валент сильно раздражен был тем, считая то за намеренное оскорбление. Он велел арестовать Ветрана и сослать в ссылку. Потом, однако, вскоре позволил ему возвратиться. Ибо когда узнал, что скифы ропщут за изгнание своего епископа,

---

[1] *Созомен.* Церковная история. Кн. 6.

[2] У Халкондилы: «Владислав (ок. 1444 г.), — вышедши из Трансильвании, перешел Дунай, перевел все войска свои в страну царскую и расположился лагерем в Добродичии, приморской стране Болгар» (*Laonici Chalcocondylis.* Atheniensis Historiarum libri decem. Bonnae: Weber, 1843).

то стал опасаться, как бы не затеяли чего. Он знал, что этот народ мужественен и по местному положению нужен для империи, потому что охранял ее от пограничных варваров. Итак, Ветран в этом случае явился выше усилий государя. По свидетельству самих скифов, он был муж вообще добрый и отличался святостью жизни».

Феодорит кратко, но еще с большим одушевлением говорит о блаженном архипастыре скифском; он пишет: «и Вретанион, сиявший всякою добродетелью и властью архипастыря правивший городами всей Скифии, воспламенял свой дух ревностью и обличал в порче догматов и в беззаконии но отношению к святым. Он с Богодухновенным Давидом говорил: *Надеющиеся на Меня не постыдятся* (Пс. 18, 46)»[1].

Святой Ветран, и в сане епископа носивший славянское имя, скончался, вероятно, на другом году после победы своей над Валентом (377 г.), так как на II Вселенском Соборе в 381 году находился уже преемник его — Томский епископ Геронтий[2], за которым следовал святитель Феотим, «родом скиф», по словам грека, или, что то же, славянин[3].

В 392 году Феотим уже известен был Иерониму и как писатель, и как епископ. Когда в 399 году святитель Златоуст рассматривал на соборе дело об Ефесском епископе, то на этом соборе вместе с другими епископами присутствовал и Феотим из Скифии и Фракии[4]. В 402 году, когда Епифаний настоятельно требовал от святителя Златоуста и других произнести осуждение на Оригена, «Скифский епископ Феотим даже явно порицал Епифания: “Неблагочестиво оскорблять, — говорил он, — давно скончавшегося, восставать против суда древних и отвергнуть одобренное ими”. Он вынес одно из сочинений Оригена, прочитал его и, показав, что прочитанное полезно церквам, прибавил: “Те, которые осуждают эти книги, поносят и то, о чем здесь говорится”»[5].

---

[1] *Феодорит, Кирский.* Церковная история.

[2] *Никифор Каллист.* Церковная история; *Факунд.* В защиту трех глав.

[3] *Созомен.* Церковная история. Кн. 7. Никита Хоният: «Русь, которую и скифами называют». Лев Диакон: «Тавро-Скифы, которых общий язык обыкновенно называет Русью».

[4] Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста.

[5] *Созомен.* Церковная история. Кн. 8; *Сократ Схоластик.* Церковная история. Кн. 6.

Феотим был святителем чудным и по просвещению, и по высокой жизни, и по пастырской деятельности, и по чудесам.

Довольно трудов требовала от него и собственная его Славянская епархия, весьма обширная. На другом (на левом) берегу Дуная кочевали тогда гунны, подчинившие себе живших там славян[1]. Феотим простер силу веры и любви и на дикие племена; путешествовал в стране занятой ими с проповедью Евангельскою и молитвою побеждал дикость их; привыкших к грабежам старался смягчать любовью благотворительною, угощал и ласкал их подарками. Сила чудес, совершенных им о имени Господа Иисуса, до того поражала племена грубые, что они называли Феотима богом римским. Историк пишет: «В то же время (во время Златоуста) церковью Томиса и прочей Скифии управлял Феотим, родом скиф, человек воспитанный в любомудрии, которого придунайские варвары гунны, дивясь его добродетели, называли богом римским, потому что и в самом деле видели от него опыты дел Божественных. Рассказывают, например, что однажды он путешествовал по тамошней стране варваров и встретил нескольких туземцев, шедших в Томис. Бывшие с ним стали плакать, полагая, что будут убиты. Но он, сошедши с лошади, начал молиться, и — варвары миновали их, не заметив ни его самого, ни его спутников, ни лошадей, с которых они сошли. Так как жители той страны (гунны) своими частыми набегами разоряли скифов (славян), то этих зверообразных людей Феотим приучил к кротости, — угощая их и по-дружески предлагая им подарки. Один варвар, предполагая, что он богат, решился хитростью захватить его в плен. С этою целью приготовил он аркан. Опершись на щит, как обыкновенно делал, стоял он и разговаривал с неприятелями. Потом, подняв правую руку, хотел забросить на него веревку, чтобы тащить его к себе и к единоплеменникам; но во время этого действия рука его осталась протянутою в воздухе и не прежде освободилась от невидимых уз, как когда Феотим, по просьбе других, помолился за варвара Богу. Говорят, что этот епископ постоянно носил длинные волосы, с тех пор как начал прилежно изучать любомудрие. Он держался простого образа жизни, вкушал пищу не в одно и то же время, но когда чувствовал голод или жажду»[2]. Блаженный

---

[1] По Нестору, издавна жили по Бугу дулебы, по Днестру до Дуная и моря уличи и тиверцы; там великая Скифия греков.

[2] *Созомен.* Церковная история. Кн. 7.

Иероним писал: «Феотим, Скифский епископ Том, издал в разговорах, по образцам древнего красноречия, краткие и прекрасные трактаты и, как слышу, пишет и другие сочинения»[1]. Леонтий, живший недолго после Феотима, выписывал краткие места из двух сочинений его — из сочинения «об учении Спасителя» и из другого — «против идолов». Святой Дамаскин поместил в свои параллели несколько мест — из последнего сочинения и из трех других: «на Бытие», на толкования слов: *аще принесеши дар твой ко алтарю* (Мф. 5, 23), и из слова: «о посте».

Блаженный Феотим блаженно почил, вероятно, не позже 412 года[2], и память его по римскому мартирологу чтится 20 апреля[3].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АЛЕКСАНДРА ОШЕВЕНСКОГО

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф. 5, 6). К числу тех, к которым относятся сии слова Спасителя, принадлежит и преподобный Александр Ошевенский[4].

---

[1] De viris illustribus urbis Romae.

[2] Под определением 431 г. подписался Тимофей, Томский епископ.

[3] Acta Sanctorum ad 20 april. Как память св. Феотима по римскому мартирологу показана апреля 20, так в том же мартирологе память св. Ветрана показана января 25.

[4] Ркп. житие прп. Александра, описанное иеромонахом Феодосием, бывшим священником. Оно есть у Толстого (2, № 164. 331), у Царского (№ 325), у Ундольского (№ 276). Об источниках сведений Феодосий пишет: «отец мой священствовал в том самом селении, откуда был родом преподобный, и там видел еще в живых сродника его, земледельца Исаака, сына старшего брата его Амвросия, бывшего немного моложе Александра; с юного возраста жил он (Исаак) вместе с ним и все знал о нем подробно. Часто приходил он к отцу моему и разговаривал о святом; родитель с любовью расспрашивал о его подвигах. Я же хотя был тогда отроком, но внимательно слушал разговор их... часто приходил к нему (к отцу в с. Надпорожье на Онеге) священник (обители Александровой) Корнилий, который также

В 80 верстах от Белозерска, в Вышеозерской волости, жил зажиточный и благочестивый земледелец Никифор Ошевен. Он имел четырех сыновей; но ему хотелось еще иметь сына. По молитве благочестивой жены его родился Алексий.

Сын молитвы был обучен грамоте и, послушный родителям во всем, любил поститься и молиться, что не совсем нравилось им. На 18 году родители хотели сочетать его браком, но он с дозволения их отправился на богомолье в Кириллов монастырь и здесь остался на некоторое время для молитв. Последнее сильно огорчило отца, но потом успокоился он мыслью, что в монастыре не учат худому. В обители Алексий усовершился в книжном учении и жил весьма внимательно к себе. Игумен готов был постричь его в иночество. Но Алексий объявил со смирением, что желает испытать себя в готовности на крестный путь и приучить молодость свою к игу Христову. Спустя год отец посетил сына в праздник преподобного Кирилла и дозволил ему еще остаться в обители до времени. Потом родители его насилием властелина вынуждены были перейти в Каргополь, а спустя год поселились в 30 верстах от Каргополя на земле, отведенной им землевладельцем. «Приходит (Никифор) к боярину Ивану и бьет челом и просит грамоту слободскую; Иван же, видев его человека доброзрачна и речиста, дает ему грамоту на те места, слободу копити, жильцов называти и дворы ставити, и оттуду и доныне прозвася весь та слобода Ошевнева», — так говорит древнее известие. Печали родителей печалили сына, но он молился, и молитва не осталась неуслышанною. Спустя 6 лет пребывания в обители Алексий принял монашество с именем Александра и удвоил свои подвиги. Послушный и строгий к себе инок приобрел общее внимание к себе. Когда объявил он настоятелю, что, желая повидаться с родителями, он вместе с тем желает найти себе место для уединенных подвигов, игумен отвечал: «Тому, кто не окреп в духовной жизни, небезопасно пускаться в отшельническую жизнь; в общежитии братья подкре-

беседовал с отцом моим о житии и чудесах преподобного, а иное записал и по велению старца Леонида (Леонтия, брата прп. Александра). Некоторый дьяк много лет провел в обители, быв принят для служения по храму. Много и от него слышал я о преподобном... Когда лишился я супруги: то пришел в обитель и облекся в иноческие одежды; а преосвящ. архиепископ Пимен скоро посвятил меня в священный сан. В обители нашел я древних иноков, сродников святого, которые рассказывали о чудесах его, явных и тайных».

пляют друг друга, и это благотворно особенно для неутвердившихся в добре; бывает, что мечтательная гордость увлечет неопытного в пустыню под видом усердия к нерассеваемому подвижничеству и потом предает его праздности и нерадению; всему время; надобно испытать себя». Блаженный Александр смиренно покорился голосу настоятеля: снова подверг себя и желание свое испытанию. Тогда настоятель благословил желание его. Подвижник прибыл на родину. Обрадованный отец просил сына найти вблизи место для своего пребывания и обещал помочь при устроении пустынного жилища. На реке Чурюге, в соседстве лесов и озер, преподобный Александр водрузил крест в основание будущей пустынной обители. В Кирилловой обители, по возвращении, посвященный в иеромонаха, получил от игумена в благословение икону Одигитрии и икону святителя Николая и с такими средствами дал при кресте на Чурюге обет провести остальную жизнь в будущей обители. Поручив отцу надзор за построением храма, отправился он в Новгород. Здесь святитель Иона преподал ему благословение на устроение обители и антиминс для храма ее. Благочестивая боярыня Анастасия и сын ее Юрий, приглашенные вспомоществовать новой обители, готовы были отдать преподобному целую волость со всеми ее угодьями, но блаженный не хотел того, — зачем, сказал он, печалить наследников? Боярыня выдала четыре грамоты на сенные угодья с лесом и деревнею. Храм был освящен во имя святителя Николая. Блаженный Александр с бодрою душою начал пустынную жизнь и с твердостью переносил ее бедность и труды. С ним по воле игумена пришел сюда из Кириллова монастыря старец; но старец не перенес трудной пустынной жизни и возвратился в Кириллов монастырь. Блаженный остался один; он очищал лес, готовил под пашню землю и засевал; трудился неутомимо, освящая труды молитвами. Мало-помалу собрались к нему братья; он поставил келлии, трапезу и другие принадлежности, радуясь желанию их служить Господу. Установив общежитие, преподобный ввел строгий чин во всем: в храме не говорить ни с кем, в трапезу приходить в молчании и здесь слушать чтение; в келлие не быть без дела; во время работ по послушанию иметь в уме псалом или молитву Иисусову. «Братья, — говорил подвижник Божий, — пусть не страшат нас труды и скорби пустыни: вы знаете, что путем скорбей входят в Царствие Небесное. Пусть живет в вас взаимная любовь и смирение. Бог любы есть, и смиренных любит Он». Блаженный владел даром

слова и духовною рассудительностью; многие, даже из мирских, приходили слушать наставления его. Два племянника его, сыновья двух родных братьев, часто посещали обитель, и, наконец, по просьбе их были пострижены в иночество. Брат Амвросий сильно раздражился тем; прибег в обитель, ругал блаженного весьма грубо и грозил разогнать обитель. На брань исступленного блаженный Александр отвечал кротостью, и это смягчило брата, так что он просил простить его. Потом племянники, так дорого доставшиеся ему, нанесли тяжелую скорбь блаженному: охладев в ревности к борьбе с нуждами пустыни, они, несмотря на увещания дяди, оставили обитель его. Скорби за спасение духовных чад до того отяготели над душою блаженного, что он стал тяжко болен. Не мог он поднять ни головы, ни руки, не мог даже выговорить слова: так расслаб всем телом. В этом изнеможении он молился преподобному Кириллу, в обители коего вступил в подвижническую жизнь. И вот видит святолепного старца, украшенного сединою, в белых ризах и с крестом в руке. Осенив крестом больного, святой сказал: «Не скорби, брат! Я помолюсь, и будешь здоров; только не забывай обета, — не оставляй сего места; я буду помогать тебе». Проснувшись, блаженный почувствовал себя здоровым и наутро пошел в церковь; в утешение братии он рассказал о посещении преподобного Кирилла. В подвижнических трудах преподобный провел в своей обители 27 лет и мирно предал дух свой Господу на 52 году жизни, 20 апреля 1479 года.

По смерти ученика его Лаврентия, игумена, обитель его пришла было в упадок, — здания обветшали, братья почти все разошлись, так что не осталось ни одного иеромонаха. Раз монастырский служитель Марк видит в сонном видении: обитель полна народа; старец в святительской одежде, седой, крестом осеняет обитель и работающих в ней на постройке; другой старец, с брадою до персей, окропляет святою водою; третий среднего роста, с русыми волосами, окаждает за ними; а еще четвертый, молодой, вдали следует за ними. Марк узнал в третьем преподобного Александра, и преподобный по его прошению сказал: первый старец — святитель Николай, имени коего посвящен храм обители, второй — преподобный Кирилл, обещавшийся помогать мне, — по моей просьбе они пришли сюда, а молодой человек — избираемый в игумена Матвей. Сын иеромонаха пустынника Матвей, в иночестве Максим, посвященный в игумена архиепископом Сергием (1483–1485), в самом деле восстановил обитель по всем частям. При

построении нового храма в честь святителя Николая по указанию самого явившегося преподобного найдены были нетленными мощи его. Новый храм освящен при игумене Вассиане 2-м, и при нем же преподобный велел написать образ его. По рассказу одного старца, который знал преподобного еще в земной жизни, преподобный был роста среднего, лицом сухой, с впалыми глазами, с небольшою и не густою бородою, с проседью в русых волосах. В таком виде и был он написан.

Затем следовали различные чудеса преподобного. Чудо, которое испытал на себе иеромонах Феодосий, описавший житие и чудеса преподобного в 1562 году, весьма замечательно по свидетельству о крестном знамении. Феодосий вместе с другими восставал на игумена обители с укоризнами и жалобами. Явившийся преподобный сказал: «А кто здесь игумен? Конечно не ты; игумену скажи: пусть творит свое дело; тебе же говорю: пекись о твоей душе». Феодосий раскаялся; он положил было описать житие и чудеса преподобного, но потом стал волноваться сомнениями и оставил начатое дело. Явившийся преподобный наказал его тремя ударами прута. «И уведех бывшая над собою, — пишет Феодосий, — яко десная моя река ослабе, длань же о запястии (с запястия) согнуся, три же персты верхних едва возмогох вместе сдвинути, еже на лицы своем крестное знамение воображати, два же персты нижних ко длани прикорчишася». Вот как в обители преподобного Александра в 1562 году изображалось крестное знамение! Тремя первыми перстами! Сильное вразумление отважному самовластию преподано преподобным.

Прибыл в Каргополь воеводою боярин Иван Михаил. Юрьев, брат царицы Анастасии. Игумен Вассиан, наслышавшись о его гордости и жестокости, со страхом отправился на поклон к новому воеводе. Боярин принял его несурово. Игумен представил ему царскую несудимую грамоту об обители; воевода, посмотрев, сказал: «Есть одна пошлина, которую будет он брать с монастырских крестьян». Боязливый игумен промолчал. Но бывший с ним простодушный и прямой старец Евсевий сказал: «Не взимать тебе ее с нас, господин». «Когда прикажу, то дадите», — сказал с гневом воевода. Старец заметил: «Тогда будет, когда возьмешь». Боярин, рассвирепев, закричал: «Горе, чернец! Царь государь пожаловал меня Каргополем и всею Онегою с поморьем, — а этот не хочет слушаться и еще спорит». Испуганный игумен поспешил убраться в монастырь и дорогою бранил старца

за его резкость. Гневный боярин после того допытывался: «Нет ли кого, кто бы мог жаловаться на монастырь и особенно на Евсевия?» Узнав о том, в обители трепетали боярина и негодовали на Евсевия. «Ступай, — говорили ему, — умилостивляй, как знаешь, боярина, — не погибать же нам за тебя». Огорченный старец ночью со слезами молил Господа об утишении боярина и на следующий день пошел в Каргополь, готовый на все. В городе на улице встретившийся ему домовый священник боярина неожиданно говорит ему: «Ну, поздравляю тебя, Евсевий». Старец изумился. «Бог помиловал вас, — продолжал священник, — святитель Николай и начальник вашей обители защитили вас от бед». Затем рассказал, что воевода, хотя не нашел жалующихся на обитель, отдал было уже приказание самому жестокому из своих чиновников, — отправиться в монастырь и, сковав, доставить в городскую тюрьму. Но в минувшую ночь явились ему святитель и преподобный и задали ему урок. Святитель, так рассказывал боярин, сказал ему: «Если не покаешься, горе тебе». И преподобный также грозил. В страхе боярин отвечал: «Не погуби меня, святитель, но другого не знаю, как называть». «Ты не знаешь его; вот он пришел защищать труды свои и меня взял с собою, — там храм в мое имя». Боярин каялся и обещал быть защитником обители. «Ступай же теперь смело к боярину», — заключил священник. Старец явился к боярину, и тот принял его весьма ласково, — просил извинить его за грубость и дерзости; рассказал о видении святителя и преподобного и жалел о том, что не заехал в Ошевенскую обитель, — а, наконец, вручил старцу милостыню для обители. Мощи преподобного свидетельствованы были по распоряжению митрополита Антония Варлаамом, епископом Вологодским[1]. Ныне они почивают под спудом в каменном храме, где один придел в 1707 году посвящен преподобному Александру. Еще целы иконы, принесенные им из Кириллова монастыря[2].

---

[1] Вследствие сего свидетельствования царь грамотою 1578 г. предписал отмежевать в пользу обители прп. Александра земли и лесу на 5 верст кругом обители (Акты исторические. Т. 1. № 202). Служба прп. Александру — у Царского № 563.

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Материалы для статистики Российской империи; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

СТРАДАНИЕ ГАВРИИЛА МЛАДЕНЦА

В Городненском повете, верстах в 13 от Заблудова, и есть деревня Зверьки, принадлежавшая к ключу Заблудовскому. Здесь жили Петр Гавдель и супруга его Анастасия, православные и благочестивые поселяне, несмотря на невзгоды времени, твердо сохранившие Православную веру, принятую от предков своих. Здесь 1684 года марта 20 родился у них сын Гавриил, которого они крестили и воспитали также в правилах Православия. Когда Гавриилу было около 6 лет, случилось, что мать понесла в поле мужу обед. Жид Щутко, арендатор Зверьков, приласкал к себе дитя, завел в дом свой и увез его в Белый Сток; здесь сбежавшиеся жиды мучили отрока без милосердия: внеся его в темное место, распяли и пустили из боку кровь, потом кололи его разными инструментами, пока не выпустили всей крови; а мертвое тело бросили в поле[1]. Псы три дня бегали около тела и лаем отгоняли от него хищных птиц. По тому же лаю нашли замученное тело и представили в Заблудов. По ране в боку и другим знакам очевидно было, что кровь выпущена из отрока изуверством жидовским, и страдальческая смерть невинного отрока тогда же записана в местную книгу Заблудова; жиды судебно уличены в преступлении; тело предано земле. Страдальческая кончина блаженного Гавриила последовала 20 апреля 1690 года. «О сем кто хочет пространнее ведати, отсылаем до книг правных магдебургии Заблудовския», — говорит старинная записка. Спустя 30 лет (1720 г.), когда погребали другого младенца, нашли мощи Гавриила нетленными и поставили их в церковном склепе.

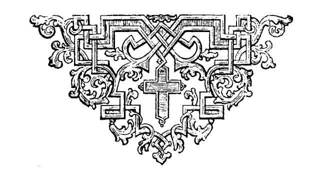
Когда в Заблудове место и церковь горела,
Милость Божия меня и в огне сохранила.

[1] Старинные Польские стихи (сочинение архимандрита Михаила Козачинского):

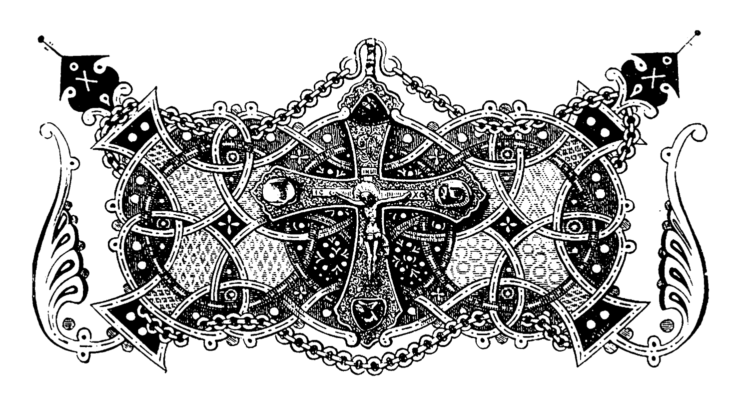
Gdie sie zydzi wnet insi pozbegali,
Ktorzy bez miloserdzia tam mnie mordowalie.
Narzod do zbyt ciemnego lochu mnie wniesiono.
J wycignowscy krzyrzem krew z bocu pucziono,
Potym instrumentami roznemi dreczyli,
Az poki do ostatka krwie nie wysgcyli.

Так говорил блаженный в польских стихах, написанных в 1755 году знаменитым Михаилом Козачинским, архимандритом Слуцким. Пожар был в 1746 году; а в 1755 году 9 мая нетленные мощи с честью перенесены были в Слуцкий монастырь.

Кондак святому мученику: «Святе младенче Гаврииле, ты за Прободенного нас ради от иудей люте от тех же в ребра прободен был еси и за Истощившего кровь Свою о нас все тело твое на истощание крове в лютые язвы предал еси. Ныне же во славе вечной с Ним веселишися. Тем поминай тамо и нас, молим, зде чтущих тя, прося нам здравие телесам и спасение душам нашим»[1].

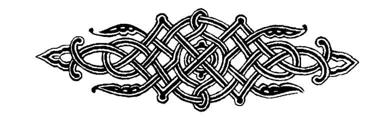
[1] Ркп. повесть и стихи о св. Гаврииле. В Словаре святых несколько ошибок. Нет сомнения, что иногда и несправедливо обвиняли евреев в краже и убиении младенцев. Но несомненно и то, что находили младенцев с несомненными знаками выпущенной крови. В еврейской книге, печатанной в XVI в., «чин пасхи», есть гравюра, изображающая царя в короне, покрытого струнами; он стоит в ванне; пред ним вельможи растворяют младенцам жилы, и из них кровь фонтаном льет на тело царя и в ванну. См.: *Eisenmenger, Iohann Andreä*. Entdecktes Judenthum. На новогреческом языке Неофита «открытые таинства жидовской веры».

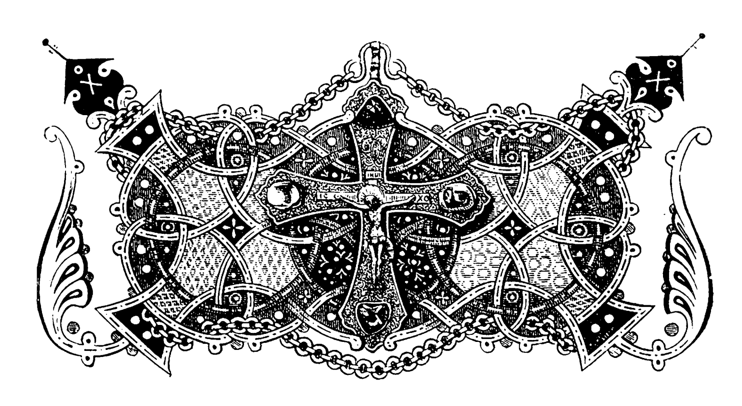

День двадцать первый

ПАМЯТЬ святой мученицы, царицы АЛЕКСАНДРЫ

Святая Александра была жена императора Диоклетиана и потаенная христианка; мужество, твердость в исповедании и чудеса великомученика Георгия возбудили в ней ревность по вере, и она гласно исповедала Христа. Осужденная Диоклетианом на смерть, она на пути к месту казни предала дух свой Богу (304 г.).

День двадцать второй

ПАМЯТЬ святого мученика ЛЕОНИДА

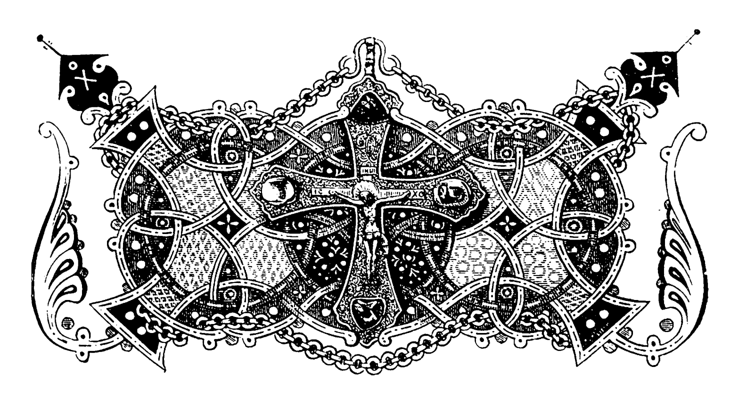
Отец Оригена. Пострадал при Септимии Севере во время пятого гонения на христиан, начавшегося вследствие строгого указа императора в 202 году, которым воспрещалось, под смертною казнью, принимать иудейство и христианство.

В некоторых областях вражда язычников против христиан была так сильна, что, опираясь на нерасположение к ним императора, они начали преследовать христиан даже до получения положительного на то указа от императора, и преследование это, например, в Египте, было так жестоко, что христиане считали это признаком пришествия на землю антихриста и скорой кончины века.

В это время был между прочими схвачен в Александрии христианин, по имени Леонид, и заключен в темницу. Это был отец большого семейства, которому в случае смерти Леонида предстояла нищета, так как имущество осужденных за веру Христову отбиралось в казну. Это не могло поколебать и заставить отречься от Христа человека, который успел уже и детей своих воспитать в такой сильной любви к воплотившемуся Богу, что старший из них, семнадцатилетний Ориген, писал к отцу в темницу:

«Отец, не беспокойся о нас и не уклоняйся от мученичества ради нас»...

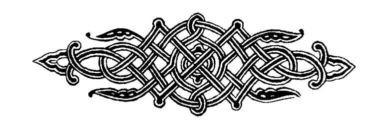
Мученическою смертью и запечатлел Леонид непоколебимую любовь свою к непоколебимой истине... (202 г.).

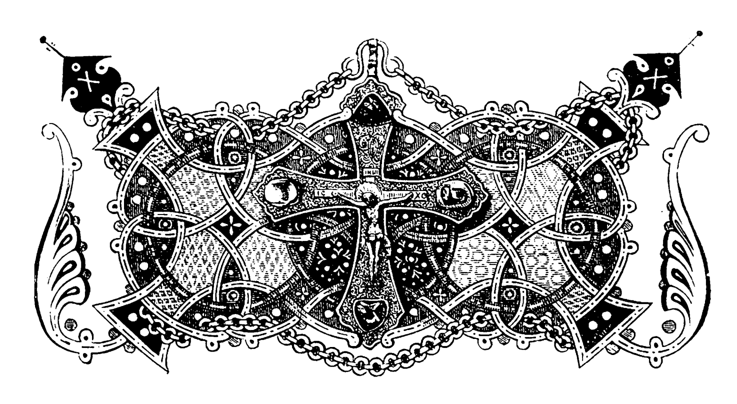
День двадцать третий

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного ГЕОРГИЯ ШЕНКУРСКОГО

По рукописным святцам, «Святой и блаженный Георгий Христа ради юродивый, Шенкурский чудотворец, преставился апреля в 23 день». Здесь же представляется он современником преподобного Варлаама Шенкурского, и время подвигов его относится к XV веку. Набожный Устюжанин XVI века в своей похвале блаженному Прокопию, между прочим, говорил: «Река Вага, на которой город Шенкурск, ублажает Георгия юродивого»[1].

[1] См. июля 8 жизнь блж. Прокопия.

День двадцать шестой

ПАМЯТЬ преподобного ИОАННИКИЯ ЧЕРНОРЕЦКОГО

В месяцеслове Евангелия, писанного в 1329 году, показана и под 26 апреля память святого Иоанникия[1].

Биограф святого Стефана Лазаревича пишет о сербских иноках: «Много избранников является в обителях и много между ними молчальников, беседующих только с шумом листьев, с птицами небесными и с журчанием вод потока. Единственное дело их воспевать прославляемого в Троице Бога, Которого непрерывными песнями хвалят Ангелы».

Если кто в Сербии, то таков был особенно преподобный Иоанникий Черноредкий.

Недавний посетитель Сербии так описывает место подвигов и самые подвиги святого Иоанникия.

«Мы спустились к Ибру, переправились вброд через реку и стали подыматься по густому лесу. Чрез полчаса открылась такая величественная масса скал, какую редко можно увидеть даже в Герцеговине, этом отечестве скал. Место это называется “Черная река”. Красноватая масса гранита возвышается почти отвесно, представляя наверху то

[1] *Григорович В.* Очерк путешествия.

правильно окруженные очертания, то зубцы и острия. В этом граните находится церковь. К самой скале прилеплен ряд келий, которых наружная выбеленная каменная стена с шестью маленькими окошечками, выдающаяся на ровной поверхности утеса, напоминает о гнездах ласточек на доме: только нет карниза, поддерживающего это человеческое гнездо, а оно опирается на незаметном уступе скалы. Подле утеса, составляя с ним почти прямой угол, но не прикасаясь к нему, стоит другая гора, поросшая лесом, по которой ведет тропинка. Против церкви она образует маленькую площадку; площадка соединяется с келлиями узеньким деревянным мостом, ведущим к деревянной галерее, которою обнесен ряд келий. Сломайте мосток, и келлии с своею церковью отделены будут пропастью от целого мира. Церковь, я сказал, в самом утесе, только алтарь выходит наружу, полукруглою стеною, которая стоит в ряду келий, увенчанная небольшим крестом и украшенная двумя образами al fresco: святого Архангела Михаила и святого Петра Коришского. Вас ведут низким и совершенно темным проходом, который, кажется, образован самою природою, в пещеру довольно обширную и в одном месте весьма высокую. Вам показывают в стене пещеры небольшое ущелье: здесь сиживал святой отшельник Иоанникий; под этим углублением видна выемка, где он опирал ноги, с боку другая, где он клал локоть. Сесть можно только в самом тягостном положении, согнувшись и выставив голову вперед. В этой пещере, на этом кресле, прожил Иоанникий 70 лет. Я попробовал сесть, и в одну минуту все платье было мокро: через скалу непрестанно сочится вода, и поверхность пещеры никогда не высыхает. В другом месте показывают углубление, где вода скопляется и течет струей; это углубление, говорят, пустынник выкопал своими ногтями, чтобы иметь воду. Из этой пещеры вы входите в другую побольше, где святой Иоанникий устроил церковь святого Архангела Михаила. Она также совершенно темна, также и сыра, как другая пещера»[1].

По синаксарю Серобляка отшельник Иоанникий, родившийся в Зете, на поморье, в ранней молодости поселился на реке Ибре в Черноредкой скале. Тут он подвизался как суровый постник, отказавшийся от себя. Некоторые иноки, увидав самоотверженную жизнь его, остались жить при нем с тем, чтобы безответно слушаться советов его.

[1] *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии // Записки географического общества. Т. XIII (далее — *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. — *Ред.*).

Отшельник, спустя некоторое время, предложил им устроить храм и монастырь. Благая мысль, при помощи Божией, приведена была в исполнение. Когда распространился слух о новой жизни Иоанникия, то многие явились на скалу для духовных подвигов. Иоанникия стали хвалить даже в лицо. Это сильно беспокоило того, кто так любил смирение и тишину. Предав братию Господу и благодати Его, он удалился с любимой скалы. В недальней девицкой пустыне поселился он в пещере, при потоке холодной воды. И здесь мирно предал дух свой Господу, в конце XIII столетия[1].

Мощи святого Иоанникия покоятся в монастыре девицком, который построен был Юрием Бранковичем (1427–1456 г.) в благодарность за исцеление дочери его.

Сербская Церковь поет преподобному: «Божественных послушав заповедей, в молчании пребыл еси чрез все житие свое и, быв в поношении в отечествии своем, питался еси желанием истинныя славы».

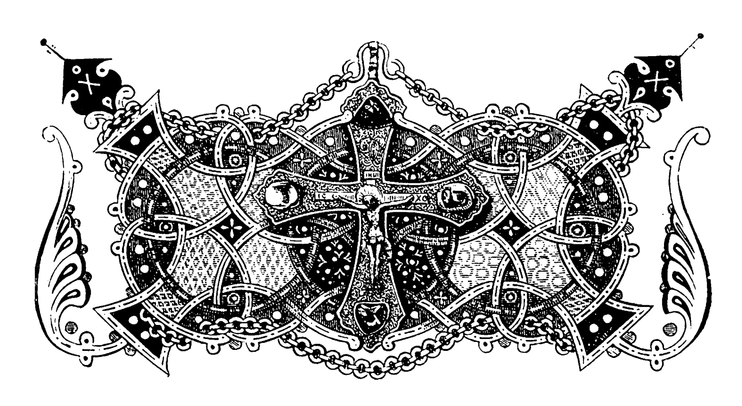
«Желания Христовы стяжав, затворил еси чувства своя от всего тленного и мимотекущего и подвигами души своей взошел еси на высоту, блаженне».

«Преподобне отче, гласа Евангелия Господня послушав, мир оставил еси, ни во что же вменив богатство и славу, и живый в уединении, всем взывал еси оттуду: возлюбите Бога и обрящете благодать, ничто же предпочтите любви, да егда придет во славе Своей, обрящете упокоение со всеми святыми: их же молитвами, Христе, сохрани и спаси души наша»[2].

---

[1] Гильфердинг (см.: *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии) полагает, что прп. Иоанникий жил при деспоте Юрии Бранковиче 1427–1456 г. Но это — ошибка, которая допущена и в Сербляке. По месяцеслову 1329 г. видно, что преподобный почил прежде 1320 г. Путешественник и сербляк введены в ошибку известием о том, что св. Иоанникием исцелена была дочь Бранковича. Это исцеление — дело загробной деятельности святого.

[2] Сербляк, 1861. л. 50–51. Здесь память прп. Иоанникия — 2 декабря. Это, конечно, день открытия мощей его.

День двадцать девятый

ПАМЯТЬ святителя ВАСИЛИЯ, митрополита Захолмского

Недавний синаксарь сообщает следующее известие о святом Василии[1].

По преданию, святой Василий родился в Поповой волости, что в Герцеговине; родители его были люди благочестивые, но страдавшие от турецкой власти. Еще в юном возрасте любил он посещать храм Божий. Когда же пришел в зрелый возраст, то, оставив дом родительский, удалился в Требинскую обитель Успения Богоматери и здесь принял монашество. Обитель эта, увы, давно разорена нечестивыми турками. Господь, узрев чистое житие Василия, возвел его на высокий степень архиерейский, после того как прошел он низшие служения; Василий был пастырем для православных Захолмия и Скендерии. В этом служении умножил он труды и подвиги свои на пользу Православной Церкви. Его уединенные славословия, молитвы, воздыхания и слезы кто перескажет? Святитель усердно посещал верных своей паствы и наставлениями побуждал их нелениво идти по путям спасения. Господь подкреплял слово его различными чудесами, так что Василий был предметом общего удивления, — а для

[1] Синаксарь в Сербляке 1861 г.

страдающей паствы своей был утешением. Пусть же хулители Православия знают, что Господь посылает нам угодников Своих, являет и мучеников, столько же твердых, как тверды были мученики времен язычества римского... Святитель Василий был терпелив в отношении к врагам, кроток и незлобив в отношении к обижавшим, милостив к нищим, добр и мужествен, когда надобно было защищать стадо свое от волков. Для освежения души подвижническою мудростью путешествовал он на Афон; Господь возвратил пастыря стаду его, дабы и по смерти охранял он Православие, которому служил в жизни земной. Покоясь в Остроге, новоявленный Василий подает исцеления приходящим к раке мощей его. Как в жизни милостив он был к немощным по телу и душе, так и по смерти помогает не только верным, но и простодушным магометанам.

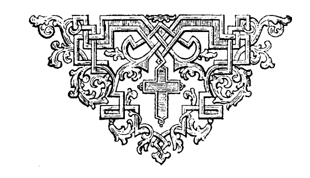
Таковы известия синаксаря о святителе Василии. Не показан в них год блаженной кончины его. Остается только догадываться о том. Поелику сказано, что святитель Василий иночески подвизался в Требинском Успенском монастыре; а известно, что этот монастырь разрушен был в 1695 году[1], то значит, подвизался он иночески прежде 1690 года; поелику же родился он тогда, как Герцеговина уже страдала под властью турецкою, то ясно, что жил он долго после времен независимости Сербии и правления Неманичей. Острог ныне входит в округ Черногории, находясь на границе ее с Герцеговиною. В службе поют святителю Василию: «Радуйся, Захолмии и Скендерии хранителю, Черныя горы и приморья столпе непреоборимый и председателю... Яко учитель Захолмский и Черногорский наставляеши стадо твое». По этим данным следует положить, что святитель Василий был тот Черногорский митрополит Василий, который жил во второй половине XVI века, быв преемником по кафедре Павла и предшественником Никодима[2]. Не можем не прибавить здесь нескольких слов о Требинском Богородичном монастыре, где иночески подвизался святитель Василий. Требинье — такое место, где христианство цвело, по местному преданию, с IV века; в Требинском Богородичном монастыре со времен Неманичей была кафедра митрополитов. Запись, очень древняя по языку, говорит: 1270 — обновлена церковь Успения Пресвятыя

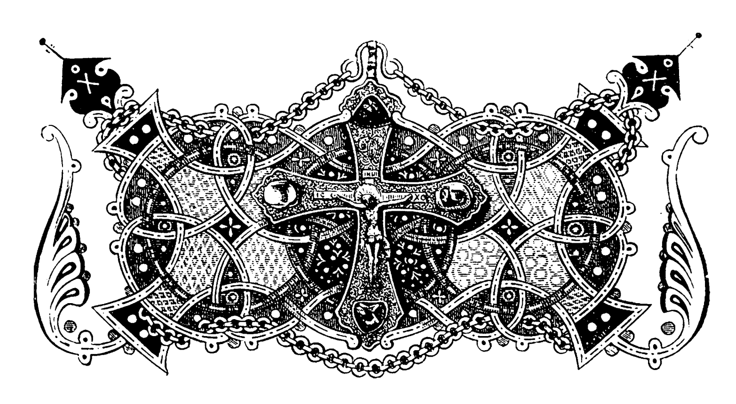
1 Записки географического общества. Т. XIII.

2 См.: *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.

Богородице, еже есть в Требину; прежде от основания воздвижена благочестивым царем Константином с матерью Еленою и тем многим днем обветшала бысть. — Обновлен бе сей храм благочестивим и трудолюбивим кралем Стефаном, си есть Милутин, праунук Немане Стефана, мироточивого Симеона, всеосвященном митрополитом кир Василием игумену Василию»[1].

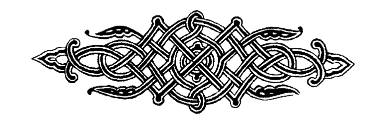
[1] Записки географического общества. Т. XIII. Здесь же: «митрополити монастира Требиня», числом 25. Неверно объяснение Порфирогенета слову Тервунии, но столько же не согласно с местностью и объяснение Шафарика (*Шафарик*. Славянские древности. Т. 2, кн. 1). Треби не — нет требы, нет языческой жертвы, тогда как прежде Требинье было местом требища, языческого жертвоприношения.

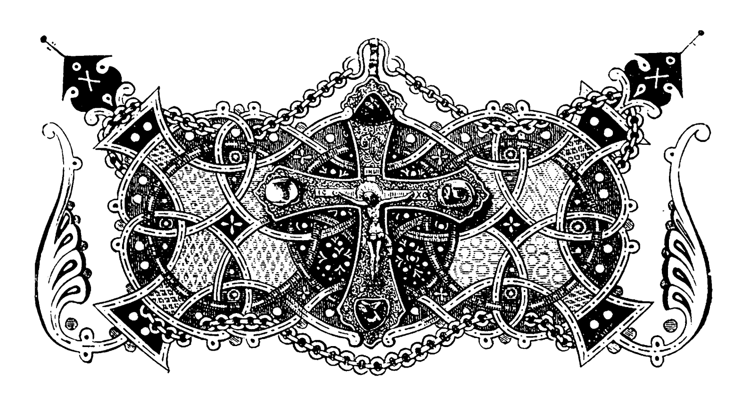

День тридцатый

ПАМЯТЬ святой новомученицы АРГИРЫ

Родом из Бруссы, дочь благочестивых родителей. Едва вступила в брак с христианином, как привлекла на себя нечистые взоры одного турка. Этот, не успев склонить ее на преступную связь, оклеветал ее в желании принять магометанскую веру, почему и отправили ее в Константинополь, где, как отрекшаяся будто бы от своего намерения, содержалась и мучима была в тюрьме пятнадцать лет; скончалась 1725 года. Чрез три года мощи ее обретены нетленными и с разрешения патриарха Паисия перенесены в церковь, где и теперь находятся.

Праздники переходящие

НЕДЕЛЯ СВЯТОЙ ПАСХИ, или ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

Все предосторожности, принятые первосвященниками и старейшинами народа иудейского для охранения гроба Господня, обращены были Промыслом к славе воскресения Спасителя из мертвых в третий день по смерти, как предсказали пророки и предрек Сам Господь Апостолам, книжникам и старейшинам народа иудейского и всему народу (см.: Мф. 17, 22–23; Мк. 10, 33–34; Ин. 2, 19–22; Мф. 27, 62–63). В глубокое утро третьего дня по смерти Христовой, или в первый день недели, по восходе зари, но до полного еще рассвета (см.: Мф. 28, 1; Мк. 16, 2; Лк. 24, 1, 22; Ин. 20, 1), произошло великое землетрясение; Ангел Господень, сошедший с Небес, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем. *Вид* Ангела *был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые* и рассеялись (Мф. 28, 2, 4, 11).

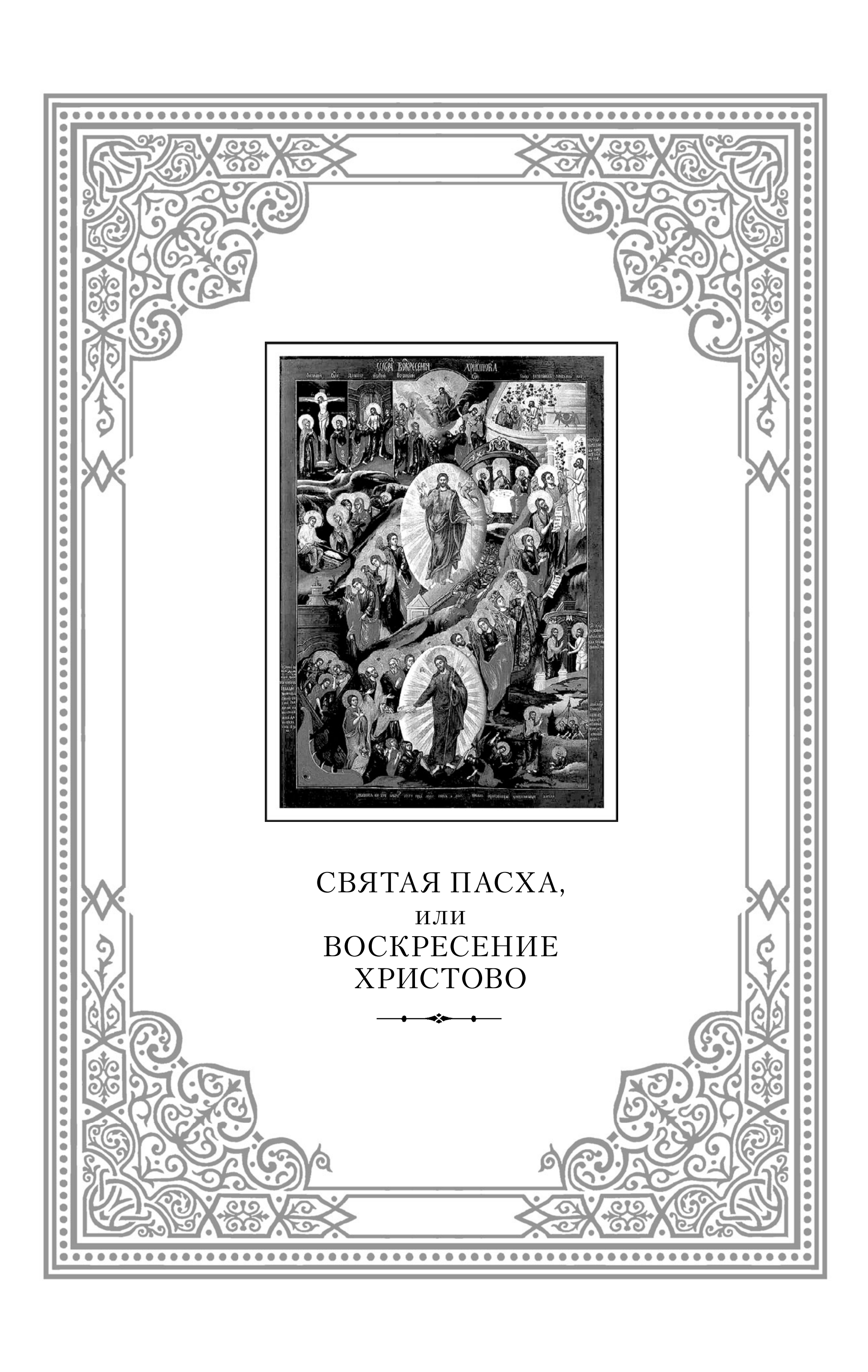
Так Господь расторг врата адовы и Своим Божественным всемогуществом воскресил Свое человечество и положил основание нашему блаженному воскресению!

Своими многократными явлениями по воскресении Своем, в продолжение 40 дней, Господь засвидетельствовал истину Своего воскресения из мертвых: *Явил Себя живым со многими верными доказательствами* (Деян. 1, 3) — пред апостолами, *нам,* — как сами о себе говорят они, — *которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых* (Деян. 10, 41). *В продолжение сорока дней являясь им* (Деян. 1, 3). В то время

Христос уже не постоянно был с апостолами — не так, как до воскресения. Заметь, не сказал (Лука): сорок дней, но: *В продолжение сорока дней* (Деян. 1, 3), так как Христос являлся и опять скрывался. Для чего так? Дабы возвысить мысли учеников и не допустить их обращаться с Ним по-прежнему. И не без причины Он являлся им, но потому, что тщательно заботился об устроении двух вещей, — о том, чтобы поверили воскресению и чтобы, наконец, думали о Нем выше, чем о простом человеке. Почему же Он явился не всем, а только апостолам? Потому, что народу, не знавшему неизреченного таинства, Он показался бы привидением. Если и сами апостолы сначала не верили, приходили в смущение и нуждались в прикосновении рукою и в (общении) трапезы, то чего следовало ожидать от народа? Поэтому-то воскресение неопровержимо доказывается чудесами, для того чтобы оно было несомненно не только для современников, но и для всех родов последующих. В самом деле, если Он не воскрес, но пребывает умершим, то каким образом апостолы совершали чудеса Его именем? Поэтому-то и Сам (Христос) оставался на (земле) после воскресения сорок дней, давая видеть Себя в течение продолжительного времени, дабы (ученики) не считали видимого привидением. Да и этим Он не удовольствовался, но присовокупил еще и трапезу, о чем далее и говорит (Лука): *Который с ними и ел* (Деян. 1, 4). Это всегда и апостолы поставляли свидетельством воскресения, говоря: *Которые с Ним ели и пили* (Деян. 10, 41). «Потому и вкушал Господь пищу с Апостолами, — говорит Златоуст, — чтобы они не почли явления Его за призрак».

Явления Иисуса Христа по воскресении Его можно уподобить солнечному восходу, который, начинаясь зарею, постепенно увеличивается и достигает полноты своей. В слове Божием явления Господа воскресшего, воспоминаемые в неделю Пасхи, открыты следующие.

Первой из членов новонасажденной Своей Церкви Глава ее Иисус Христос по воскресении Своем явился, как упоминают наши церковно-богослужебные книги, Пречистой Матери Своей. Так в Богослужении в неделю жен-мироносиц Церковь, обращаясь к Богоматери, воспевает: «Воскресшего видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со Апостолы, Богоблагодатная, чистая: и еже “радуйся первее”, яко всех радости вину восприяла еси, Богомати всенепорочная». Далее, начиная с первого дня Пасхи и до самого отдания светлого праздника, в продолжение шести недель мы постоянно слышим торжественную

СВЯТАЯ ПАСХА, или ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

песнь Пресвятой Деве: «Ангел вопияше Благодатней: чистая Дево, радуйся, и паки реку, радуйся: Твой Сын воскресе тридневен от гроба». Из сих песней можно заключать, что Богоматерь видела Господа и первая услышала от Ангелов благовестие о воскресении Его. Исторические сказания действительно повествуют о том, что Господь по воскресении Своем прежде всех явился Пречистой Матери Своей. «И первее убо, — говорит синаксарь во святую и великую Пасху, — воскресение Божией Матери познаваемо бывает, прямо сидящей гроба с Магдалиною, якоже глаголет Матвей». Что говорит Матфей? В одном месте находим: *Была же там* (при погребении) *Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба* (Мф. 27, 61); в другом: *Пришла* (в глубокое утро воскресения Христова) *Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб* (Мф. 28, 1). Какое лицо скрывается здесь под выражением: *другая Мария*? Синаксарь указывает в нем Пресвятую Деву, Матерь Господа, — что весьма естественно и более чем вероятно. Если бы это была не Она, то евангелист вместо неопределенного, *другая*, сказал бы, какая именно Мария, во-первых потому, что здесь же, говоря о двух Мариях, одну прямо назвал Магдалиною; во-вторых потому, что недавно повествуя о распятии Господа и упоминая о присутствующих при оном святых женах, святой повествователь означил каждую из них собственным ее прозванием: «Были здесь, — говорил, — и женщины: среди них были и Мария Магдалина, и Мария Иакова и Иосии мать, и мать сыну Зеведеову», т. е. Саломия «и иные многие». Употребивши вместо определенного выражения неопределенное — «другая Мария», святой Матфей очевидно имеет намерение отличить сию Марию от всех прочих известных Марий и указать именно на ту, которую христиане могли узнать и без прямого названия и которой враги христианства не должны были знать. Впрочем, синаксарь между женами, приходившими на гроб и видевшими воскресение Спасителя, разумеет ту, которая названа Марией Иосифовой. Иосий был сын Иосифа, обрученника Пресвятой Девы. Но чтобы воскресение не казалось сомнительным по явлению Воскресшего Матери Своей, евангелисты глаголют, что Он первее является Магдалине Марии. Святитель Димитрий Ростовский, описывая жизнь Марии Магдалины, также замечает, что первое явление Господа было Пресвятой Деве: «От Господа толь бяше любима, — пишет он о Магдалине, — яко первее всех — по Пречистой Матери Своей, — Господь Своим по воскресении явлением почти ю».

Первой после Богоматери Иисус Христос воскресший явился «Марии Магдалине». По прошествии дня покоя, утром в первый день недели сия благочестивая жена вместе с другими мироносицами пошла к гробу Господа, чтобы помазать тело Его благовониями. Приближаясь к гробу, мироносицы в недоумии говорили между собою: *Кто отвалит нам камень от двери гроба?* (Мк. 16, 3). Но видят, что камень, который «был очень большой», уже отвален от гроба и гроб открыт. Магдалина, думая, что тело Господа перенесено отсюда в другое место, тотчас и поспешно удаляется. Спутницы же ее вошли во гроб и, не найдя тела Господа, недоумевали; тогда пред ними предстали Ангелы в блистающих ризах. Жены были в страхе и потупили взоры на землю. *Что вы ищете Иисуса распятого?* — вещали им Ангелы, — *Его нет здесь — Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите* (Мф. 28, 5–7; Мк. 16, 1–7; Лк. 24, 1–7; Ин. 20, 1–2). Но Магдалина предварила своих спутниц с известием к апостолам Петру и Иоанну, что нет тела Господа в гробе. Апостолы немедленно поспешили туда и, войдя во гроб, нашли в нем одни пелены и плат, бывший на голове погребенного Спасителя, и возвратились домой.

Магдалина, пришед опять к гробу Господа, стояла подле гроба и плакала, не зная, где найти тело Господа. В это время она, обратившись назад, видит, но не узнает стоящего Спасителя. Он спрашивает ее: *Жена! что ты плачешь? кого ищешь?* Мария отвечала вопрошающему, считая Его за вертоградаря: *унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. Мария!* — восклицает мнимый вертоградарь. *Учитель!* — вопиет плачущая и повергается пред воскресшим Господом (Ин. 20, 15–16). Это было первое явление Воскресшего, упоминаемое в Евангелии.

Явясь по воскресении Своем Марии Магдалине — одной, Господь вторично явился ей же и другим женам, когда они, по повелению Ангелов, со страхом и радостью великою спешили возвестить апостолам о воскресении Господа. Воскресший встретил и приветствовал их: *Радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня.* Они возвестили апостолам о воскресении Господа, но ученики не поверили женам (Мф. 28, 1–11; Лк. 24, 9–11). Как жена первая из прародителей пала в грех и услышала от Бога: *Умножая умножу скорбь твою* (Быт. 3, 16),

так жены первые из верующих во Христа узрели Воскресшего и вкусили радость воскресения!

Третье явление Иисуса Христа по воскресении, упомянутое в Евангелии, было апостолу Петру, который слезами сердечного сокрушения во время страданий и смерти Спасителя омыл свое троекратное отречение от Него. Но обстоятельства этого явления не раскрыты в Евангелии (см.: Лк. 24, 34; 1 Кор. 15, 5).

Четвертое по Евангелию явление было Клеопе и другому ученику. В самый день воскресения Господнего около вечера Клеопа и другой ученик шли в селение Эммаус, отстоящее от Иерусалима стадий на 60 (около 5 с лишком верст), печально беседуя о недавних приключениях , бывших в Иерусалиме с Иисусом Христом. К ним приближается и продолжает с ними идти воскресший Господь; но апостолы не узнают Его. На вопрос Господа, о чем они беседуют и отчего печальны, Клеопа, называя Иисуса Христа пророком сильным в деле и слове пред Богом и всеми людьми, поведал неузнанному своему спутнику о распятии Господа и о распространившемся уже известии, что Он воскрес. Выслушав слова Клеопы, спутник, обличив несмысленных и косных сердцем, «еже веровати о всех, яже глаголаша пророцы», и начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Христе во всем Писании. Дошед до селения, в которое шли ученики, их Спутник дал им заметить, что хочет идти далее. Но ученики упросили Его войти с ними в дом. Здесь возлег Он с ними и, когда, прияв хлеб, благословил и, преломив, подавал им, у них отверзлись очи, и они узнали воскресшего Спасителя, и свою веру в Него исповедали своим свидетельством о Божественной силе слова Его на сердце их. Ибо, по признанию их, сердце их горело благодатным огнем, просвещавшим, согревавшим и услаждавшим их. Но Господь, явив Себя Луке и Клеопе, стал невидим. В тот же час ученики возвратились в Иерусалим и нашли собрание единонадесяти апостолов и бывших с ними. Церковь Христова беседовала, *что Господь истинно воскрес*, Лука и Клеопа поведали, *о происшедшем на пути, и как* Воскресший Господь *был узнан ими в преломлении хлеба* (Лк. 24, 13–35).

Между тем как ученики беседовали о явлениях воскресшего Господа, Он Сам явился среди них в горнице, коей двери заперты были, и приветствовал: *Мир вам*. Это было пятое явление Господа по воскресении. Ученики смутились и испугались, думая, что видят духа. *Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши?* — говорит им Господь. *Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжи-*

те Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, видя Господа. Когда же от радости они еще не верили и дивились, Он вкушает пред ними поданные Ему рыбу и мед; отверзает апостолам *ум разуметь Писание*; предназначает их быть свидетелями исполнения пророчеств о Нем, — свидетелями страданий, смерти и воскресения Его; обещает облечь их силою свыше для учения, тайнодействия и управления; вторично говорит им: *Мир вам*, и под образом дуновения подает им Святого Духа (Лк. 24, 36–40; Ин. 20, 19–23).

Сии пять явлений Иисуса Христа воскресшего относятся к неделе Пасхи. Итак, воскресшего Господа в первый день воскресения Его узрели и веровали в Него Пресвятая Дева Мария, жены-мироносицы и все ученики Его, кроме апостола Фомы. По воскресении Своем Господь являлся в продолжение 40 дней — многим, и однажды явился более чем пятистам человек (см.: 1 Кор. 15, 6). Одной истине свойственно иметь таких и стольких свидетелей!

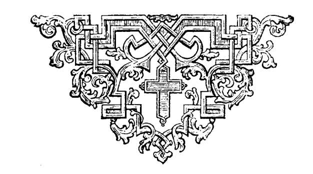
Воспоминанию славного воскресения Иисуса Христа из мертвых посвящен Церковью светлый праздник Пасхи. Пасха наша, по словам Писания, есть Сам Господь наш Иисус Христос Своим пречистым и всесвятым Телом и Кровью (см.: 1 Кор. 5, 7). Слово «пасха» есть еврейское, значит «прехождение» и «избавление». Ибо первоначально праздновала пасху Церковь Ветхозаветная в память того, что Ангел, посланный от Бога погубить египетских первенцев, *прешел* мимо жилищ евреев и тем *избавил* их от смерти и рабства египетского (Исх. 12, 23–27). Равно и для христиан Пасха значит прехождение со Христом, избавление и преведение Им верующих от смерти к вечно блаженной жизни. «Великая и священная Пасха, — говорит святитель Григорий Богослов, — называется у евреев пасхою на их языке, где слово сие значит прехождение — исторически по причине прехождения и переселения израильтян из Египта в Хананею, а духовно по причине прехождения и восхождения от дольнего к горнему».

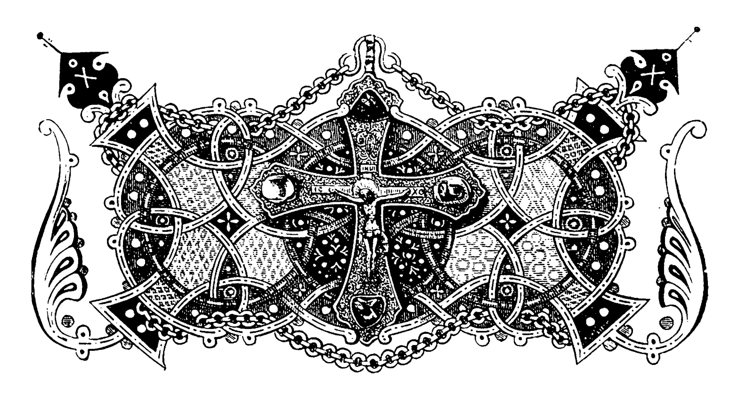
Блаженный Августин пишет: «Слово пасха есть еврейское и значит прехождение от смерти к жизни, как говорит и Сам Господь: *Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Ин. 5, 24). И в другом месте евангелист Иоанн, изъясняя пасху, говорит, что Господь совершил пасху с учениками Своими, *потому что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу* (Ин. 13, 1). И так прехождение от настоящей смертной

жизни в иную, бессмертную и блаженную прославляется в страдании и воскресении Господа». Также и в священных песнопениях Церкви говорится: «Пасха, Господня Пасха, от смерти бо к жизни и от земли к небесе Христос Бог нас преведе, победную поющия. Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало». В синаксаре на Пасху говорится: «Пасха преведение толкуется. Она есть день, в который Бог в начале превел мир из небытия в бытие; день, в который Бог, преведши израильтян сквозь Чермное море, исхитил от рук фараоновых; — в который, сошед с небеси, вселился во утробу Девы, и ныне, исхитив род человеческий из ада, возвел и привел на небеса к древнему достоянию нетления». Поелику Иисус Христос, наша Пасха, прешел и нас превел и избавил от смерти к блаженной жизни Своею смертью и воскресением, то Пасхою называли иногда неделю Страстную и Светлую, — неделю страданий — Пасхою крестною (Πάσχα σταυρώσιμον), неделю воскресения — Пасхою воскресною (Πάσχα ἀναστάσιμον). По церковному расположению недель и ныне между седмицами Страстной и Светлой находится один воскресный день; поэтому сии седмицы доселе составляют как бы одну неделю, которая, начинаясь воспоминанием страданий и смерти Христа, оканчивается торжеством воскресения Его и называется Великою в этом смысле великая и святая неделя Пасхи, т. е. неделя страданий и воскресения Христа, между прочими неделями церковного года есть то же, что день воскресный между прочими днями седмицы. В смысле же обыкновенном под именем Пасхи издревле разумеется собственно Светлая неделя воскресения Христова. «Во святую и великую неделю Пасхи празднуем самое живоносное воскресение Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» — говорится в синаксаре в неделю Пасхи, согласно с Апостольскими Постановлениями.

Пасха ветхозаветная была прообразованием христианской. Народ богоизбранный праздновал пасху в память избавления своего из Египта, *закалая* в жертву агнца непорочного, не имевшего никаких телесных недостатков (Исх. 12, 5): так мы празднуем Пасху в воспоминание искупления рода человеческого страданием, смертью и воскресением непорочного и чистого Агнца (см.: 1 Пет. 1, 19), Который есть *Агнец Божий, вземляй грехи мира* и невинно закланный за нас (Ин. 1, 29), и есть собственно *пасха наша* (1 Кор. 5, 7). Древний Израиль праздновал Пасху в память избавления своего от рабства египетского: новый Израиль торжествует Пасху в воспоминание своего избавления

от рабства дьяволу и греху. Пасха прообразовательная состояла в едении плоти пасхального агнца: наша Пасха состоит во вкушении Агнца Божиего — Его пречистого Тела и Крови. Не сокрушая костей — ели древле прообразовательного Пасхального агнца (см.: Исх. 12, 1–11): и у Агнца Божиего — Христа — *не перебили у Него голеней* (Ин. 19, 33–36). Избавленные от тяжкого ига египтян смертью первенцев их, потомки Авраама шли чрез пустыню в обетованную землю, кипящую медом и млеком: христиане — духовные потомки отца верующих, искупленные драгоценной Кровью Христа, должны «текти» чрез пустыню мира сего к вечному небесному наследию.

Приложение

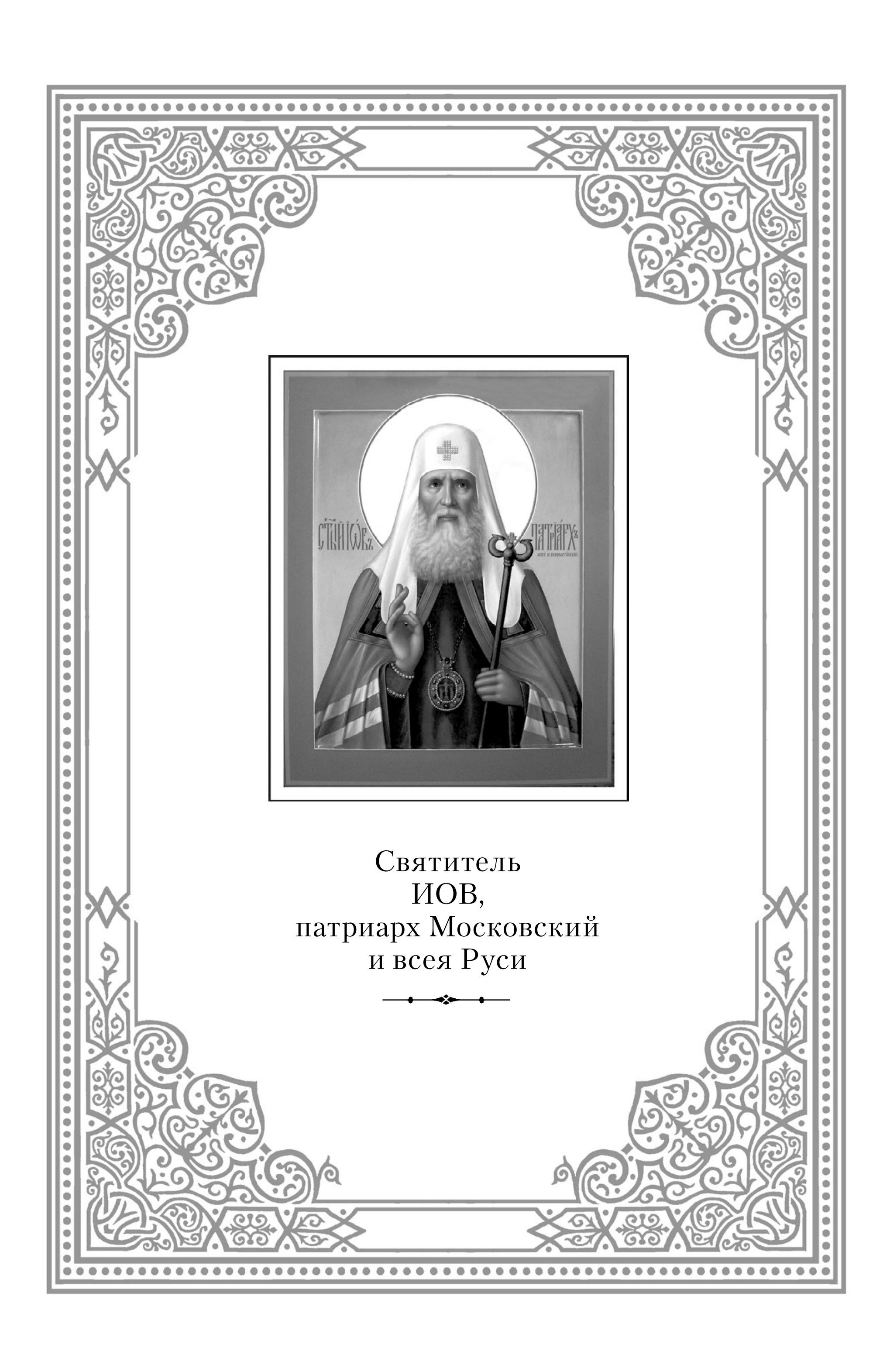
ДЕНЬ ПЯТЫЙ
святитель
ИОВ,
патриарх Московский и всея Руси

Святейший патриарх Иов, в миру Иоанн, родился в Тверской земле в городе Старице, в семье благочестивых посадских людей. Согласно Тверскому патерику, мать патриарха Иова впоследствии приняла монашество с именем Пелагии и являлась местночтимой подвижницей XVI века в Старицкой Вознесенской церкви.

О ранней юности будущего патриарха достоверных сведений не имеется, хотя можно предполагать, что Иоанн родился в 30-х годах XVI века. Первые духовные наставления отрок Иоанн получил от иноков и игуменов Старицкого Успенского монастыря.

Родители Иоанна хотели женить его, но душа юноши была расположена к иночеству, и он удаляется в Старицкий монастырь. Как свидетельствует предание, постриг Иоанна во имя многострадального Иова совершил архимандрит Герман, настоятель Старицкой Успенской обители, у которого Иов и был в послушании и полной покорности.

Уже о молодом Иове монахи-современники говорили, что не обретался человек, «подобный ему ни гласом, ни чином, ни похождением, ни вопросом, ни ответом». Он в совершенстве знал Священное Писание, а Евангелие, Апостол и Псалтирь помнил наизусть.

Святитель ИОВ, патриарх Московский и всея Руси

Впоследствии же пространные молитвы Литургии Василия Великого и вечерни Пятидесятницы мог совершать по памяти. Чтение его было умилительно и «доброгласно».

Высокая образованность и безукоризненные манеры обращения — «чин» и «похождение» монаха Иова — привлекли внимание церковной иерархии, и вскоре Иов был поставлен настоятелем Успенского монастыря. С первых же дней Иов начинает заботиться о благоукрашении обители и сооружает монастырскую трапезную с шатровой Введенской церковью.

В 1571 году архимандрит Иов переводится в Москву, где определяется настоятелем сначала Симонова Успенского, а затем — Новоспасского монастыря.

Архимандрита Иова отличали терпимость ко всем и душевная сдержанность, благожелательный совет и тайная слезная молитва за свою паству. Такой образ его деяний сохранится до самой кончины блаженного старца-патриарха.

По своему чину Новоспасский архимандрит должен был участвовать в церковных соборах, поэтому его имя можно встретить в соборных грамотах начиная с 70-х годов XVI века. Так, он участвовал в соборе «о нестяжателях» в 1580 году, когда рассматривался вопрос о монастырских вотчинах. Участие архимандрита Иова в этом соборе было не случайным и не преходящим эпизодом его жития. Впоследствии, будучи патриархом, он не стяжал себе ничего, кроме святительских одежд, а все патриаршие доходы направлял на устройство церквей, монастырей и на благосостояние крестьянских сел.

Пред своей кончиной патриарх-нищелюбец писал, что он сооружал церкви и ставил патриаршие дворы ради нужд церковных, всем нуждающимся крестьянам и погорельцам всегда помогал, а от того, что приобрел в свою келлию, никто не пострадал. Когда же он скончался, то в его келлие было обнаружено всего лишь 15 рублей, несколько икон и немного домашнего имущества.

Архимандрит Новоспасского монастыря вскоре стал епископом Коломенским. Пробыв на этой кафедре пять лет, Иов был поставлен на Ростовскую архиепископию, а некоторое время спустя — 11 декабря 1687 года — на Московскую митрополию.

Для архиепископа Иова это поставление было исполнением послушания царской воле и благословения освященного собора: в прощальной грамоте он говорит, что был «понужден от него (государя) аз смиренный на великую митрополию».

На всем пути церковного служения смиренный Иов был водим не собственной волей, но вопреки ней. Промысл Божий вел Иова тесным путем между боярскими смутами и бедственными воздыханиями русского народа. Святитель Иов течение жизни совершал так, как требует святое Евангелие: возлюбил кротость, милосердие и плач о грехах.

Смиренный митрополит приобрел государственный ум, содействуя царям мудрым словом и советом.

В то время, когда Русь возвеличилась как царство, Руси дан был от Бога кротчайший и смиреннейший из ее первосвятителей, воспринявший патриарший чин и звание.

С падением Константинополя и воцарением великого князя Иоанна IV Москва все более становилась центром Вселенского Православия. Идея «Москва — третий Рим» была реальностью, с которой считался весь православный мир. Многие считали, что «православнейшему царю» должен содействовать высший чин духовной иерархии — патриарх, а Церковь царствующего града должна быть патриархатом. Все шло к тому, что возведение Московской митрополии в патриархат воспринималось как естественный ход событий. Кроме того, мысль об учреждении патриархата укреплялась тем, что московский царь, будучи охранителем Православия внутри страны, как государь могущественной державы, мог оказывать материальную и политическую поддержку восточным Православным Церквам.

Переговоры об установлении патриаршества на Руси царь Феодор и боярин Борис начали в начале 80-х годов. В 1588 году на Русь прибыл Цареградский патриарх Иеремия. По его прибытии в Москву начались переговоры о патриаршестве, которые проводил в основном боярин Годунов. Вскоре стороны пришли к согласию, и 17 января 1589 года состоялся собор епископов Русской Церкви, на котором царь сообщил о результатах переговоров с патриархом Иеремией, давшим согласие на учреждение Московского патриаршества. Согласие и благословение Русской Церкви давала ее Церковь-мать — Церковь Константинопольская. Избрание патриарха было назначено на 23 января, а интронизация — на воскресенье 26 января.

Собор избрал на Московское патриаршество три кандидатуры: Иова, митрополита Московского, Александра, архиепископа Новгородского, и Варлаама, архиепископа Ростовского. С грамотами, скрепленными подписями епископов и содержащими имена избранников, направился патриарх Иеремия в царские палаты для представления их

царю. Феодор Иоаннович выбрал Иова. Предстояло донести эту весть самому митрополиту Иову, который не присутствовал на соборе, равно как и архиепископы Александр и Варлаам. Царь и Вселенский патриарх послали за смиренным избранником, которому царь Феодор сказал: «По изволению Божию и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Московских и по нашему совету со Святейшим Иеремией патриархом Вселенским, и со архиепископы и епископы и со всем освященным собором нашего Российского царствия и со всеми бояре приговорили есмы быти тебе, Иову, митрополиту всея России, на великий престол в патриархи в Московское государство Российского царствия».

Наречение Иова в патриархи происходило в Успенском соборе после вечерни; московский первосвятитель завершил вечерню особым молебном, затем с зажженной свечой вышел из алтаря и встал на амвон. Один из бояр, приблизившись к митрополиту, провозгласил формулу избрания его на патриарший престол. Иов ответствовал: «Если меня, грешного, избрал Святой Самодержец и Вселенский господин Иеремия со всем освященным собором, я принимаю столь великий сан с благодарностью». Обратившись к духовенству и народу, святитель дал торжественный обет ревностно блюсти свою паству. Через три дня, 26 января, состоялась патриаршая интронизация.

Когда в соборе торжественно встретили Вселенского патриарха и царя Феодора, пред лицо освященного собора был приведен Иов для исповедания своей веры и произнесения специальной присяги. По окончании исповедания веры и присяги патриарх Иеремия произнес, благословляя Иова: «Благодать Пресвятаго Духа нашим смирением имеет тебя патриархом в богоспасаемом граде царствующем Москве и всея Великия России».

Вселенский патриарх начал Божественную литургию, и во время трисвятого пения соборный протоиерей и архидиакон подвели Иова к царским вратам, а епископы ввели его в алтарь. Патриарх Иеремия возложил на Иова руки и, разогнув Евангелие над его главою, молился о сошествии благодати Святого Духа на поставляемого: «Да будет сей архиерей Иисусов неугасимым светильником веры».

После сего Литургию совершали оба патриарха. Завершая евхаристический канон, патриарх Иеремия возгласил: «В первых помяни, Господи, Святейшего патриарха нашего Иова Московского и всея России».

По завершении Божественной литургии русские архиереи возвели патриарха Иова на святительское место посреди собора и трижды посаж-

дали его на патриарший трон с пением многолетия по-гречески. Иеремия возложил на патриарха Иова подаренные царем Феодором драгоценную панагию и святительские одежды — мантию и белый куколь.

В приветственном слове царь повелел патриарху Московскому Иову именоваться главою епископов, отцом отцов, патриархом всех земель северных и вручил ему жезл святителя Петра. В свою очередь патриарх Московский и всея Руси Иов благословил всю паству, радовавшуюся введением Русской Церкви в священное достоинство патриаршества.

Состоялись торжественная трапеза и угощение народа, затем патриарх Иов совершил «шествие осляти», обойдя Кремль и Китай-город, благословив всех крестом и окропляя святой водой.

Торжества по установлению патриаршества завершились возведением в сан митрополита Александра, архиепископа Новгородского, и Варлаама, архиепископа Ростовского. Чин возведения архиепископа в митрополичий сан совершил патриарх Иов.

Спустя некоторое время была подготовлена «уложенная грамота», в которой излагались события рождения патриаршества в Москве.

В 1598 году в Константинополе состоялся собор восточных православных патриархов и многочисленных архиереев (более 80 человек), который канонически утвердил и благословил деяния Вселенского патриарха Иеремии по учрежденью Московского патриархата. Собор определил русскому патриарху пятое место в диптихе православных патриархов.

Святейший Иов, заботясь о церковном устроении, учредил четыре митрополии: Новгородскую, Казанскую, Ростовскую и Сарскую (Подонскую). Весьма важным его деянием явилось и введение «поповских старост» (благочинных) в больших городах, в частности, в Москве. На каждые сорок приходов назначался один «поповский староста», который должен был следить за церковным благочинием вверенного в его ведение приходского церковного округа, доводя до приходов волю и указания архиерея.

В свое время Стоглавый собор при царе Иоанне IV был озабочен состоянием духовного образования на Руси, но и ко времени патриарха Иова улучшений в этом вопросе не произошло. Святейший Иов, будучи весьма книжным церковным деятелем, ясно сознавал необходимость регулярных школ, но его желание наталкивалось в основном на отсутствие православных учителей. Церкви православного Востока, откуда можно было призывать учителей, находились в угнетенном

состоянии, а сколько-нибудь грамотные греки бежали в католические города и государства.

Патриарх предостерегал царя Бориса от приглашения иностранных вероучителей. Иов говорил по этому поводу: «...В настоящее время во многих странах разгорелся великий пламень зло-хитрых ересей, так что даже и Трисвятого Божества коснуться дерзают».

Строгое Православие и забота о его чистоте ясно обнаруживались в распоряжениях святителя Иова.

Уже целое столетие Русская Церковь была озабочена исправлением богослужебных книг: началась книжная справа при преподобном Максиме Греке, продолжилась она в форме книжного собирательства при святителе Макарии Московском и встала перед патриархом Иовом как важнейшее средство миссионерства и просвещения народов, живущих к востоку от Казани.

Исправление книг было ответственным и важным мероприятием. Святейший патриарх Иов предпринимает поиски наименее поврежденных текстов и размножение их типографским способом. Учитывая неизбежность поврежденности рукописных текстов, патриарх приносит в каждой отпечатанной книге послесловное извинение за возможные несовершенства переписки и печати этих книг.

В годы патриаршества Иова печатаются следующие богослужебные книги: Триодь Постная (1589), Триодь Цветная (1592–1594; 1604), Псалтирь (1591, 1602), Октоих (1594), Апостол (1597), Часослов (1598), Минея общая, Чиновник (1600) и другие. Все книги, кроме Псалтири, Апостола и Часослова, были изданы впервые.

Несмотря на то, что на Руси в последние годы правления царя Бориса свирепствовал опустошительный голод, книги печатались, и эта работа рассматривалась церковной и государственной властью как важнейшее средство духовного образования россиян. К концу XVI века была покорена Москвою сибирская страна; возникли опорные миссионерские городки Тюмень и Тобольск.

Русь издревле выработала способ христианского просвещения покоренных или осваиваемых земель — образование монастырей как центров культуры. Первые подвижники, стремившиеся привести к Богу души туземцев, терпели величайшие опасности, не ожидая при этом для себя никакой материальной выгоды. Так, содействием и по благословению патриарха Иова возникают монастыри, выдвинутые далеко на восток и вглубь Сибири — Спасский Енисейский (1593)

и Николаевский Верхотурский (1604). По В. В. Зверинскому, в 1605 году основана приходская Воскресенская церковь, в 1635 году при ней основан монастырь Воскресенский Березовский (1635) и Знаменский Тобольский (1605). Царский двор содействовал патриарху и предоставлял всевозможные льготы строителям этих монастырей: монахи и священнослужители, переселявшиеся в Сибирь, получали особое царское хлебное и денежное содержание.

При патриархе Иове происходило массовое крещение Сибири — крестились коренные сибиряки и их князья.

Патриарх Иов учредил более десяти монастырей; среди этих обителей славнейшей является Московский Донской монастырь, основанный в 1591 году в память об избавлении Руси от полчищ крымских татар.

Особенно много потрудился Святейший патриарх Российский в прославлении святых угодников Божиих. Он был обрадован обретением мощей Германа, архиепископа Казанского, бывшего архимандрита Старицкого Успенского монастыря. Мощи святителя Германа были перенесены из Москвы в основанный им Свияжский Богородицкий монастырь, что близ Казани, и 25 сентября была установлена в честь сего перенесения церковная память.

В 1595 году были обретены мощи святителя Гурия, архиепископа Казанского, и Варсонофия, епископа Тверского. Патриарх повелел построить церковь над местом их погребения и благословил Гермогена, митрополита Казанского, составить житие святителей, что и было исполнено. По ходатайству Гермогена, митрополита Казанского, Святейший патриарх повелел творить церковную память трех Казанских мучеников — Иоанна (память 24 января), Стефана и Петра (память 24 марта). Таким образом патриарх Иов положил основание прославлению Собора Казанских святых.

Так продолжалась макариевская традиция собирания и прославления русской святости. Трудами и благословениями Московского патриарха установлены общецерковные празднования памяти преподобных: Антония Римлянина, Иосифа Волоцкого, Мартирия Зеленецкого, Корнилия Вологодского, перенесены мощи святителя Филиппа из Тверского Отроча монастыря в Соловецкий монастырь и особенно прославлены московские святые. Около двадцати церковных памятей, новых прославлений и особых чествований установил Святейший Иов.

С 1588 года у гроба блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца, начали совершаться многочисленные

чудеса. Первосвятитель Иов с собором епископов и архимандритов определил праздновать память блаженного Василия 2 августа, а царь Феодор повелел построить придел над гробом святого. По окончании строительства патриарх Иов первый отслужил службу в храме во имя Василия Блаженного, Московского чудотворца. В 1597 году патриарх совершил чин обретения мощей блаженного.

По кончине своего современника — блаженного Иоанна, по прозвищу «Большой Колпак», Святейший патриарх Иов установил церковную память и сему Московскому чудотворцу.

Почитая своих святых предшественников на Московском первосвятительском престоле и веруя, что по их молитвам Русская Церковь взыскала патриаршее достоинство, Святейший патриарх Иов установил соборное празднование московским святителям Петру, Алексию и Ионе.

Патриарх Иов весьма чтил память преподобного Даниила Александровича, князя Московского. Он повелел боярину Олферьеву и иноку Переяславского Даниловского монастыря Сергию написать службу князю Даниилу.

Первый патриарх продолжал и развивал отношения с братскими Православными Церквами. К концу XVI века относится установление связей между Иверией (Грузией) и Русью. Еще в 1686 году грузинский царь Александр обратился к царю Феодору Иоанновичу с тем, чтобы он принял Иверию под свое покровительство. Спустя два года митрополит Иов отвечал царю Александру, что русский царь «землю твою Иверскую взял в свое царское достояние под свою руку».

Царь и патриарх посылали в Грузию материальную помощь и духовные послания. Сохранилось замечательное учительное послание патриарха Иова митрополиту Иверскому Николаю.

Почти каждый год патриаршества Иова был ознаменован постройкою в Москве нового храма. Самое величественное строение — колокольня на Соборной площади Московского Кремля с церковью Иоанна Лествичника. Строили ее в условиях всеобщего длительного голода, работа на строительстве колокольни гарантировала заработок и пропитание массам крестьян, укрывавшихся в Москве и получавших хлеб из государственных запасов.

Многостороннее церковное домостроительство первого Московского патриарха также касалось укрепления веры и благочестия просвещенных Святым Крещением восточных народов. Однажды святитель

Казанский Гермоген обратился к патриарху Иову за советом по поводу отступления крещеных казанцев от обычаев и обетов христианских. Патриарх рекомендовал охранительные меры — создавать христианские слободы в казанских землях и не позволять христианам поступать на службу к некрещеным татарам.

По Божиему благоволению для укрепления в вере казанских христиан явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, именуемая Казанской. После обретения святыни святителем Гермогеном им была составлена о том повесть. «Заступница Усердная» вскоре стала спасительницей Руси от великой Смуты.

Смута продолжалась во все правление Иова. В своем духовном завещании Иов говорит следующее: «Бог знает, в какие рыдания и слезы я впал с тех пор, как возложен был на меня сан святительства; или из-за своей немощи, не имея сил духовных, или соболезнуя бедам паствы своей, погружаем был в лютые напасти, озлобления, клеветы и укоризны; все это меня, смиренного, постигло». Попущением Божиим в Угличе в 1591 году совершилось несчастье: при загадочных обстоятельствах погиб царевич Димитрий, сын Иоанна IV. Возник стихийный бунт, и устроен самосуд над государевыми людьми. Правительство послало для расследования дела авторитетную комиссию во главе с митрополитом Сарским и Подонским Геласием и боярином Василием Шуйским — будущим царем.

Выводы расследования комиссия представила Думе и освященному собору; комиссия доказывала, что кончина царевича была нечаянной вследствие его болезни. Собор духовенства и бояр согласился с выводами следственной комиссии и определил, что «смерть Димитрия царевича учинилась Божиим судом». Патриарх Иов не верил в причастность Бориса Годунова к убийству царевича и сохранил свою уверенность в этом до конца дней.

Спустя семь лет по преставлении царевича Димитрия скончался царь Феодор Иоаннович. Умирающему царю явился «муж в светлых одеждах», которого царь назвал патриархом и велел окружавшим его одр боярам воздать сему мужу должную честь.

Придя к царю, угасающему рабу Божию Феодору, патриарх Иов благодарил Бога за чудное явление Ангела Господня. Затем патриарх совершил Святое Таинство елеосвящения и причастил Феодора Святых Христовых Таин. Вскоре царь Феодор скончался, наследников он не оставил, и так пресеклась прямая династия Рюриковичей.

Патриарх Иов благословил завершить панихиду и пение надгробного рыдания раздачей милостыни бедным, церквам, и монастырям, а также освобождением узников из темниц.

Московский престол по завещанию царя Феодора переходил к его супруге Ирине, но она восхотела принять монашеский постриг. Патриарх стал просить царицу Ирину, чтобы она благословила на царство своего брата Бориса. Несколько дней патриарх убеждал Бориса — и все тщетно.

На мясопустной неделе 17 февраля 1598 года открылся земский собор речью патриарха Иова. Поведав о неудачных попытках склонить боярина Бориса Годунова на принятие всероссийского царства, Московский первосвятитель завершил речь свою словами: «Что касается до меня и земского собора, бояр и дворян и православных христиан, которые были в Москве, то наша единодушная мысль та, чтобы, кроме государя Бориса Феодоровича, не искать иного государя». Тогда все выборные земли Русской объявили свое полное согласие с этим мнением.

Но Борис Годунов был непреклонен и не желал принять решения земского собора. Тогда патриарх устроил крестный ход к стенам Новодевичьего монастыря с чудотворными богородичными иконами: Владимирской, Донской и Петровской.

Борис, увидя крестный ход, сам вышел ему навстречу со Смоленской иконою Божией Матери. Благословив Бориса крестом, Святейший патриарх Иов сказал: «Не печалься, Богом избранный сын. Не я совершил сей подвиг, но Пречистая Богородица, возлюбив тебя, пришла к тебе. Устыдись пришествия Ее, не противься Божественной воле и ослушанием не привлеки на себя праведного гнева Его».

Затем патриарх Иов совершил Божественную литургию в монастыре, после чего благословил избранного на царство Бориса Феодоровича крестом Животворящего Древа, нарек царем и провозгласил первое многолетие. Патриарх составил утвердительную грамоту об избрании Бориса Годунова на царство, которую подписали все, числом около пятисот, участники земского собора. По Руси были разосланы грамоты патриарха, сообщавшие об избрании нового царя и повелевавшие молиться о нем.

Вскоре новая кара обрушилась на Русь — самозванство. Патриарх Иов разослал обличительные грамоты в Малороссию. В соборной грамоте к литовским панам и киевскому воеводе Константину Острожскому велено было поймать самозванца Григория Отрепьева и прислать в Москву для наказания. Все было безуспешно, и к концу 1604 года

почти вся юго-западная Русь отделилась от Москвы, оказавшись под властью самозванца. Патриарх не переставал писать грамоты и рассылать их по всем землям, призывая помнить Бога и крестное целование царю Борису; в этих посланиях патриарх Иов клятвенно утверждал, что самозванец есть расстрига Гришка, а не царевич Димитрий. Народ же словно ослеп и оглох, и тогда патриарх предал анафеме самозванца со всеми его сообщниками как злодея и еретика, замышляющего упразднить Православие на Руси. По повеленью патриарха анафему произносили во всех церквах великой России.

В апреле 1605 года неожиданно скончался царь Борис, и благодаря стараниям Всероссийского первосвятителя Москва и войско присягнули сыну Борисову — царевичу Феодору. Клятва оказалась некрепкой, спустя сорок дней последовала измена — первого июня на Красной площади был зачитан манифест самозванца. Патриарх умолял бояр успокоить народ, но они устранились от активных действий. Мятежники ворвались в Кремль, зверски расправились с царем Феодором Борисовичем и его матерью и присягнули самозванцу, называя его царем Димитрием. Святейший патриарх Иов, искренний защитник Отечества и Православия, не тронутый мятежниками, оказался в плену врагов Христовых.

В грамоте о восшествии на престол самозванец лгал, будто бы патриарх Иов присягнул ему, но, не добившись через своих клевретов присяги от Святейшего, решил свести патриарха Иова с Московского престола. Изнемогавший под бременем трудов и болезней старец-патриарх, как обычно, в молитве искал отрады и успокоения.

Через несколько дней после гибели царя Феодора Борисовича от рук мятежников вооруженная толпа ворвалась в алтарь Успенского собора Кремля, где патриарх Иов совершал Божественную литургию. Не дав окончить священнодействия, они сорвали со святителя священные одежды.

Патриарх властно отстранил злодеев, подошел к Владимирской чудотворной иконе Божией Матери, снял с себя драгоценную панагию, подаренную царем Феодором Иоанновичем и возложенную на него Вселенским патриархом при интронизации на Московское патриаршество, положил сей великий дар у иконы и сказал в слух всем: «Здесь, в этом храме, пред сею иконою святою я удостоен был сана архиерейского и девятнадцать лет хранил целость веры; ныне вижу бедствие Церкви, торжество ереси. Матерь Божия, спаси Православие!»

Бунтовщики не вняли его словам и молитве; они волокли старца по храму, глумливо смеялись над ним и наконец потащили к Лобному месту. Беснующаяся толпа с криками «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим его!» бросилась в патриаршие палаты и ризницу. Измученного старца посадили на телегу и отвезли в Старицкий Успенский монастырь.

Так под конец своего земного странствия патриарх Иов вернулся в мирную обитель своей юности. Блаженного старца принял верный его духовный сын архимандрит Дионисий, настоятель монастыря; он постарался дать полный покой мужественному исповеднику Православия. Игумен Дионисий впоследствии стал настоятелем Троице-Сергиева монастыря и руководил обороной обители во время осады ее поляками.

Многомесячное стояние у Лавры сотни чернецов против самозванцев было началом освобождения России от смуты. Преподобный Дионисий Радонежский воспринял от Святейшего Иова дух защиты Православия и Отечества, вдохновил своих монахов и через победу над смутой передал сей дух потомкам. В эпоху всеобщего соблазна только святитель Иов остался непреклонен и верен прежним обетам и целованиям святого Креста Господня. Эту верность он передал преподобному Дионисию, а затем и Гермогену, патриарху-священномученику.

Мятежники захотели поставить на якобы вдовствующий патриарший престол архиепископа Рязанского Игнатия. Он отправился в Старицу для получения благословения от святителя Иова на патриаршее восшествие.

Несмотря на угрозы, святитель решительно отказался благословить изменника Церкви и Отечества и только сказал: «По ватаге атаман, а по овцам и пастырь».

После низвержения Лжедмитрия святители, собравшиеся в Москве по случаю коронования Василия Шуйского, просили патриарха Иова возвратиться на свой престол. Но старец к тому времени ослеп и, как свидетельствует предание, благословил на место свое митрополита Казанского Гермогена.

Воцарение Шуйского не умиротворило Русь; польские козни, народные волнения и самозванство усугубились боярскими распрями.

Патриарх Гермоген и царь Василий решили дать народу возможность покаяться, очиститься от скверны лжи и нарушения крестного целования, а для прощения и разрешения этих грехов умолить старца-патриарха Иова прийти в Москву и принять всенародное покаяние.

За старцем были отправлены митрополиты Крутицкий Пафнутий, Симоновский архимандрит Пимен, патриарший архидиакон и государев дьяк.

Патриарх Гермоген писал Иову: «Государю отцу нашему, Святейшему Иову патриарху, сын твой и богомолец Гермоген, патриарх Московский, челом бью... Мы сильно желаем видеть тебя и сподобиться благословения десницы твоей, особенно же молим сотворить о нас молитву к Богу, да даст милосердный Господь, ради святых молитв твоих, Российскому государству мир, покой и тишину, а святым церквам и христианской вере твердость».

Старец-патриарх прибыл в Москву 14 февраля, и после торжественного совещания обоих патриархов с духовенством было указано народу собраться в Успенский собор. В назначенный день 20 февраля весь Кремль был наполнен народом; Святейший патриарх Иов пришел в собор в рясе простого монаха, плача и рыдая, облобызал соборные святыни — чудотворные иконы и мощи первосвятителей Московских — и встал у патриаршего места.

Патриарх Гермоген отслужил соборне молебен. Все взоры были обращены к слепому старцу-патриарху Иову.

Народ со слезами обращался к Иову: «Пастырь добрый! Прости нас, словесных овец бывшего стада твоего... Мы сами уклонились от тебя, заблудились в дебрях греховодных, сами отдали себя на съедение лютому зверю, всегда готовому губить души человеческие. Исхити нас из нерешимых уз по данной тебе Божественной благодати». На амвон вышел архидиакон Алимпий, стенания народа постепенно угасли, и он по благословению патриарха Гермогена стал читать челобитную, написанную от лица народа и обращенную с покаянными исповеданиями и мольбами к патриарху Иову. В ней было сказано: «Мы все от мала до велика прельстились, ложь приняли за истину, отступили от клятвы и изменили крестному целованию, приняв на царство Отрепьева и выдав ему на смерть семейство Бориса, которому клялись в верности. Он умертвил их, тебя, отца нашего, отринул от нас, разлучил пастыря с овцами... Как тогда от твоей святости мы были связаны, так и ныне от твоей же святости ищем разрешения и просим не только за присутствующих в храме сем, но и за все Русское царство, не только за живых, но и за умерших. Просим разрешить нас всех от мала до велика. И ты, государь, Святейший Иов патриарх, не отвергни нас, кающихся, не оставь нас умереть в отчаянии. Дай нам прощение и разреши нас от клятвенного греха».

По прочтении челобитная была подана в руки старца-патриарха. Затем архидиакон зачитал разрешительную грамоту Святейшего Иова, патриарха Московского и всея Руси. В грамоте напоминалось о единодушном всенародном избрании царя Бориса, о всенародной клятве верности ему, говорилось об изменах и всевозможных бедствиях в лжеправление самозванца; говорилось, что покаяние народное принимается Богом.

По прочтении разрешительной грамоты святитель Иов обратился к народу с последним увещеванием. Земные подвиги патриарха Иова были завершены, он как жил в этом мире в смирении и чистоте, так и уходил из него в совершенной простоте, без всякого стяжания и вдали от дворцовых и мирских смут. Спустя четыре месяца по возвращении в Старицу после всенародного покаяния, 19 июня 1607 года, в ночь на воскресенье патриарх Иов отошел в мир иной. На погребение Святейшего прибыли митрополит Крутицкий Пафнутий и архиепископ Тверской Феоктист.

Гроб с телом был установлен в Успенской монастырской церкви; во время Божественной литургии «на лице сего Святейшего Иова патриарха бысть аки роса велика, Дионисий же ту росу отираше, и смочиша два полотенца. По истечении Божественныя Литургии, егда понесоша к погребенью, и тогда лице его бысть светло, яко живу ему сущу».

Положили его близ церкви Успения Божией Матери у западных дверей против правого клироса. Повелением преподобного Дионисия, бывшего тогда Старицким настоятелем, над гробом была устроена «каменная палатка». Преподобному явился патриарх Иов и сказал, что-де ему подобает «палатка» другого рода. В этом явлении преподобному Дионисию был как бы пророческий глас, что «палаткой» над гробом Святейшего станет Успенский собор Московского Кремля.

Предание донесло до нас много свидетельств о чудесных вспоможениях святителя Иова. Накануне польско-литовского нашествия в 1609 году, 4 июня некий Иоанн Тулупов, житель города Старицы, будучи по болезни своей в исступлении ума, удостоился видения Пресвятой Богородицы, святителя Николая и святейшего патриарха Иова.

Он увидел, что они вышли из западных дверей Успенской церкви Старицкого монастыря и обратились к нему, повелев идти в город и сказать воеводе — старицкому князю Симеону Путятину и протопопу городского Архангельского собора Иоанну, чтобы отслужили молебен Архангелу Михаилу, освятили воду и окропили бы ею весь город. Если же они не сделают того, что велит Божия Матерь и свя-

тители, то город и монастырь погибнут от рук врагов. Иоанн начал вопить и кричать о видении и требовал доступа к начальствующим, но родители почли, что он беснуется, связали его и никому ничего не сообщили. Через день видение подтвердилось — город и монастырь были сожжены, а люди перебиты литовскими воинами.

Спустя некоторое время после кончины святейшего патриарха Иова исцелился от беснования некий крестьянин Иоанн Бакс. Он был одержим духом злоречия и зло-действия ко всем людям. Вдруг пришло ему на ум отслужить в Старицком монастыре молебен Божией Матери и панихиду по святейшему патриарху Иову. Исполнив все это, Иоанн освободился от злоречия и злодейства. Так святой патриарх Иов, предстоя Престолу Господню, продолжил свое земное служение, искореняя злобу и козни людские.

Спустя без малого полвека по совету митрополита Новгородского Никона в 1652 году царь Алексей предложил духовенству перенести в Москву из Соловецкого монастыря мощи святителя Филиппа, а из Старицкого монастыря мощи святителя Иова, пострадавших за Церковь Русскую и паству.

В Старицу прибыли митрополит Ростовский Варлаам с духовенством и боярин Салтыков со свитою. По вскрытии могилы и гроба оказалось, что мощи патриарха Иова были нетленными и благоухающими, от них начались чудесные исцеления. Когда гроб с мощами был поставлен в Успенской церкви, к нему приложился некий больной духом Иоанн, сын Александров. Вера его в молитвы угодника Божия Иова была так велика, что он тотчас исцелился.

Процессия с чудотворными мощами патриарха Иова вышла из монастыря 27 марта. Когда цельбоносные мощи достигли села Латышева, они были поставлены на некоторое время в Преображенскую церковь. В этом селе была некая девица Агриппина, дочь Тарасова, которую нечистый дух таскал в новолуние по лесам и болотам. Родители девицы привели ее к явившемуся источнику благодати, и по их вере в чудотворность святых мощей патриарха Иова разум девицы просветлел и освободился от омрачения.

Святые мощи Всероссийского патриарха при подходе к Москве в селе Тушино были встречены митрополитом Казанским Корнилием, архиепископом Рязанским Михаилом, духовенством и князьями Трубецкими и Куракиными со свитою. От Тушина до Москвы гроб несли стрельцы на своих плечах.

5 апреля, в понедельник шестой седмицы Великого поста, мощи святителя были поставлены в Страстном монастыре. Затем начался торжественный ход в Кремль; за гробом шествовали патриарх Иосиф, царь Алексей, духовенство, бояре и прочий люд. Наплыв народа в Москву был таков, что процессия с великим трудом проходила сквозь плотную толпу людей, стоявших на всем пути следования мощей. Кремль был заперт, но и в нем было так же тесно, как и на московских улицах.

Патриарх Иосиф, плача во время шествия и удивляясь всенародному почитанию сего угодника Божия, говорил царю: «Вот смотри, государь, как хорошо за правду стоять! И по смерти слава!»

Гроб со святыми мощами был поставлен на уготованное в соборе место, при этом царь захотел вскоре же обрести мощи патриарха Гермогена и положить их в ногах святейшего Иова. Но патриарх Иосиф умолил царя положить на это место его самого, так как старец-патриарх предвидел свою скорую кончину. Спустя несколько дней патриарх Иосиф скончался и был положен, как того и просил, со святителем Иовом.

Записан случай исцеления у мощей святого патриарха Иова, происшедший уже в Успенском кремлевском соборе. Один человек по имени Исаакий сильно страдал болезнью ушей. От боли ему казалось, что полголовы его как бы омертвело.

Отслужив молебен Божией Матери, он обратился духом к святому патриарху Иову, моля его о помощи и здравии. В тот же час болезнь Исаакия прекратилась, и он стал совершенно здоров.

В Старицком монастыре сохранялся склеп, где находились до времени мощи патриарха Иова; на склепе была надпись, которая, в частности, гласила, что святитель Иов «ныне же чудодействуя молит обо всех Вседержителя Бога и Господа нашего Иисуса Христа».

Многотрудное исповедническое житие первого патриарха Московского и всея Руси Иова, чудотворения у его гроба, торжественное обретение и перенесение мощей в Москву дали народу Божию все основания почитать его в лике святых. Почти все сводные перечни русских святых прошлого века указывают на патриарха Иова как на местночтимого святого в Тверской епархии. Общецерковное прославление патриарха Иова готовил еще патриарх Иосиф.

С 1979 года по благословению святейшего патриарха Пимена в первый воскресный день после праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла в бывшей Тверской епархии совершается

церковная память Всех святых, в земле Тверской просиявших, в число которых входит и Святейший Иов, патриарх Московский и всея Руси.

Святитель Иов, патриарх Московский и всея Руси, был прославлен для общецерковного почитания на Освященном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 1989 году.

Празднование святителю Иову совершается дважды в году: 5 апреля — в память перенесения мощей в 1652 году и 19 июня — в день праведной кончины.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ
святитель
ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ),
епископ Кавказский и Черноморский

Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии.

Отец святителя Александр Семенович принадлежал к старинной дворянской фамилии Брянчаниновых. Родоначальником ее был боярин Михаил Бренко, оруженосец святого благоверного великого князя Московского Димитрия Иоанновича Донского. Летописи сообщают, что Михаил Бренко был тем самым воином, который в одежде великого князя и под княжеским знаменем геройски погиб в битве с татарами на Куликовом поле. Александр Семенович Брянчанинов в своей семье сохранял добрые старинные обычаи. Он был верным сыном Православной Церкви и усердным прихожанином выстроенного им в селе Покровском храма.

Мать епископа Игнатия была образованная, интеллигентная женщина. Выйдя весьма рано замуж, она всецело посвятила свою жизнь семье. София Афанасьевна любила больше всего старшего сына Димитрия, отличая в нем ум и красоту.

Димитрий рано научился читать. Его любимой книгой было «Училище благочестия». Эта книга, простым и ясным языком рассказывавшая о жизни и подвигах древних подвижников, оказала большое влияние

на впечатлительную душу будущего подвижника. Юный Димитрий Брянчанинов весьма рано возлюбил уединенную сосредоточенную молитву. В ней он находил отраду и утешение.

Очень способный и не по годам серьезный отрок получил прекрасное домашнее образование.

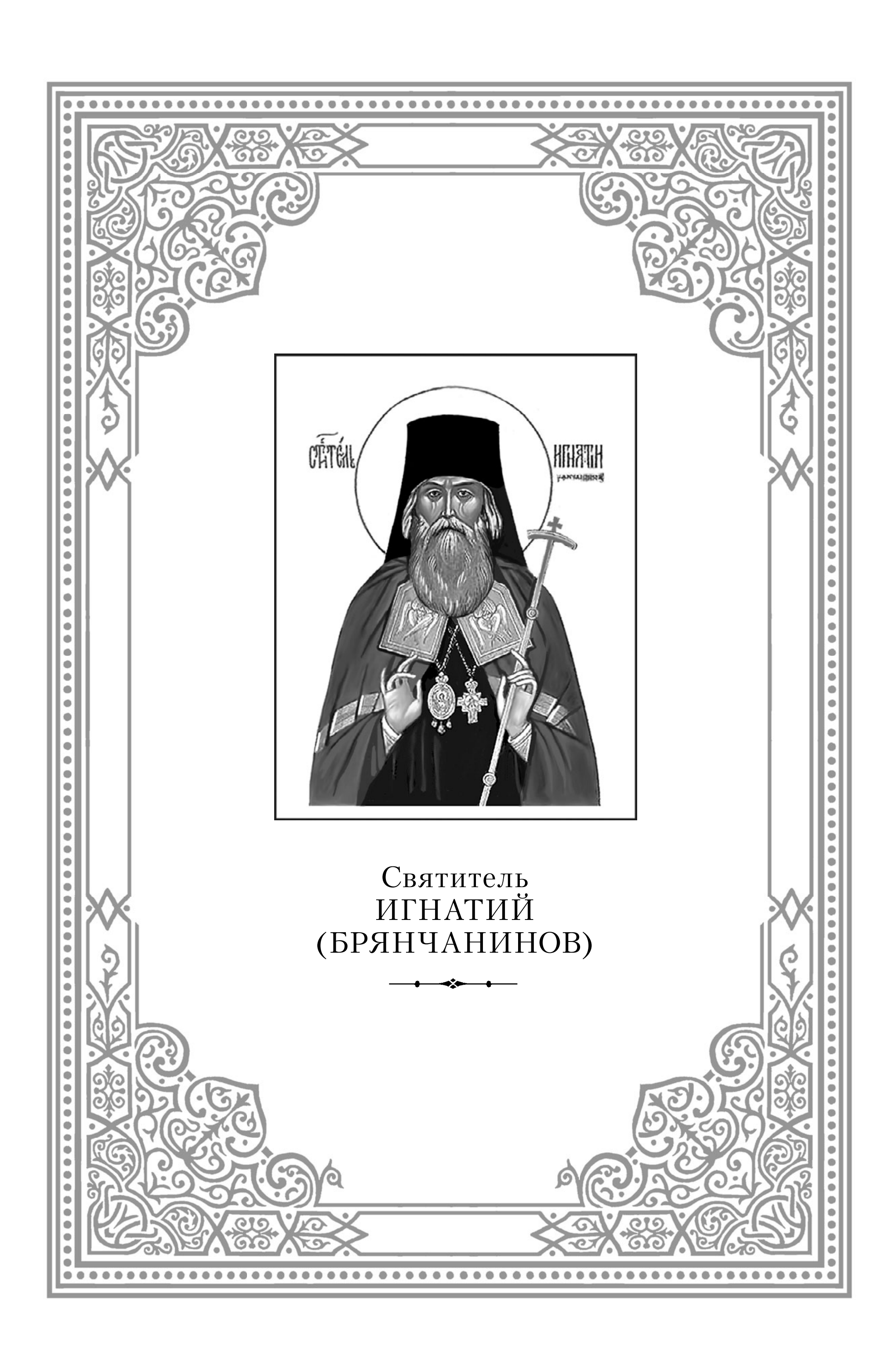
Когда Димитрию исполнилось 15 лет, отец повез его в Петербург для продолжения образования. По дороге в столицу Димитрий впервые открыто высказал желание стать монахом, но отец не обратил на это внимания.

В Петербурге молодой Брянчанинов блестяще сдал вступительные экзамены в Военное Инженерное училище и при значительном конкурсе первым был зачислен сразу же во 2-й класс. Все годы учения Димитрий Брянчанинов был первым учеником, отличался редкой скромностью, искренней набожностью и пользовался всеобщей любовью соучеников и преподавателей. Но много и скорбей пришлось претерпеть будущему святителю в училище.

Светлой звездой, блеснувшей в этой чуждой ему мгле, явилась дружба с Михаилом Чихачевым, который учился в том же Инженерном училище и, подобно своему новому другу, с детства мечтал о молитве и подвигах. Их дружба затем продолжалась всю жизнь и являет прекрасный образец истинно-христианской дружбы, потому что основой ее были не какие-нибудь земные интересы, а единое стремление служить Христу Спасителю и взаимная поддержка на пути этого служения. Они вместе ходили в храм Божий, вместе молились.

В годы учения Димитрий Александрович был желанным гостем во многих великосветских домах. Родственные связи ввели его в дом президента Академии художеств и члена Государственного Совета Алексея Николаевича Оленина. В его доме на литературных вечерах Брянчанинов был любимым чтецом и декламатором, а своими литературно-поэтическими дарованиями он приобрел благосклонное внимание А. С. Пушкина, И. А. Крылова, К. И. Батюшкова и И. И. Гнедича.

Светское общество заманчиво распростирало навстречу Брянчанинову свои объятия, но не смогло уловить его. Не мирскими развлечениями, а молитвой, посещением храма Божиего и изучением наук был занят пытливый юноша. Более двух лет провел он в усердном изучении наук, и вот, когда перед взором ума его открылась обширная область эмпирических знаний человеческих, когда изучил он химию, физику, философию, географию, геодезию, языкознание, литературу и другие

Святитель ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ)

науки, он поставил перед собой вопрос: что, собственно, дают науки человеку? «Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, — говорит он, — которую я мог бы взять с собою за пределы гроба!» Но «науки молчали».

В это время искатель истины познакомился с монахами Валаамского подворья и Александро-Невской Лавры. Они-то и помогли найти то, к чему стремилась его душа.

Под руководством иноков Димитрий Александрович начал читать творения святых отцов. Вот как сам он пишет о том благодатном влиянии, которое произвели на него святоотеческие творения: «Что прежде всего поразило меня в писаниях отцов Православной Церкви? Это их согласие, согласие чудное, величественное».

Чтение творений святых отцов, назидательные беседы с иноками Лавры, через которых он познакомился с известным впоследствии Оптинским старцем Леонидом — все это возродило и окончательно укрепило в сердце Димитрия желание детских лет его — уйти в монастырь.

Нелегко было Брянчанинову исполнить это заветное свое желание.

Окончив инженерное училище в 1826 году в чине поручика, Димитрий Александрович, желая уйти в монастырь, сразу, в том же году, подал прошение об отставке. Но здесь ему пришлось вступить в единоборство со многими «сильными мира сего» и показать пример непоколебимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества. Родители категорически отказались благословить его на путь иноческой жизни. Начальство отказало ему в отставке. Сам император Николай I был против его увольнения.

Несмотря на убедительные просьбы, личные объяснения, твердость желания и редкую тактичность, Димитрий Брянчанинов не получил отставки, и по назначению начальства должен был в 24 часа выехать в Динабургскую крепость.

Но когда в жизненной борьбе бывают бессильны собственные силы подвижника, ему на помощь приходит Сам Бог и Своим премудрым Промыслом устраивает все ко благу.

В Динабурге Брянчанинов скоро заболел, а осенью 1827 года было принято его прошение об освобождении от светской службы. Димитрий Александрович сразу же воспрянул духом; он уехал в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии к старцу иеромонаху Леониду и вступил в число послушников этого монастыря. Однако вскоре иеромонах Леонид был вынужден переселиться в Площанскую пустынь

Орловской губернии, а затем в Оптину пустынь. За ним последовал и Димитрий Брянчанинов. Недолго пробыл послушник Димитрий и в Оптиной пустыни. Скудная пища этой прославленной впоследствии обители плохо отразилась на его здоровье.

В это время тяжело заболела мать Димитрия — София Афанасьевна. Готовясь к смерти и желая проститься со своим старшим сыном, она настояла, чтобы отец послал за ним в Оптину пустынь крытую повозку. Находясь и сам в очень тяжелом состоянии в Оптине, Димитрий Брянчанинов посещает больную мать.

Весьма недолго пробыл послушник Димитрий в родительском доме. В скором времени он удалился в Кирилло-Новоезерский монастырь. В этой обители жил на покое известный своею святою жизнью архимандрит Феофан. Строгий устав обители был по душе послушнику Димитрию, но суровый, сырой климат местности отрицательно повлиял на его здоровье. Он заболел лихорадкой и для лечения был вынужден вернуться в Вологду и остановиться у своих родственников. Несколько окрепнув, он с благословения Вологодского епископа Стефана жил в Семигородской пустыни, а затем в более уединенном Дионисиево-Глушицком монастыре.

Годы, проведенные в перечисленных монастырях, обогатили его духовной мудростью, укрепили его преданность воле Божией.

В 1831 году Вологодский епископ Стефан, видя пламенную ревность послушника Димитрия, решил исполнить желание его сердца: 28 июня он совершил постриг Димитрия в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек его Игнатием в честь священномученика Игнатия Богоносца. Тому, кто от юности своей носил Бога в своем сердце, приличнее всего было дать это имя.

4 июля того же года монах Игнатий был рукоположен епископом Стефаном во иеродиакона, а 25 июля — во иеромонаха.

Видя духовную зрелость иеромонаха Игнатия, епископ Стефан назначил его вскоре настоятелем и строителем Пельшемского Лопотова монастыря, который был уже предназначен к закрытию. Сравнительно недолго (около двух лет) настоятельствовал здесь отец Игнатий, но за этот короткий срок благодаря своей мудрости, твердой воле и несокрушимой энергии возродил обитель в духовном и хозяйственном отношении. За короткий срок число братий увеличилось до 30-ти человек.

Молодой настоятель относился к братии своей обители, сочетая отеческую строгость с трогательной любовью. Чувствуя эту любовь,

насельники обители покорно повиновались настоятелю, несмотря на его сравнительно юный возраст.

28 января 1833 года за усердные труды по возрождению обители иеромонах Игнатий был возведен в сан игумена.

В это время о его деятельности стало известно в Петербурге. В конце 1833 года он был вызван в столицу, и ему поручили в управление Троице-Сергиеву пустынь с возведением в сан архимандрита.

Троице-Сергиева пустынь была расположена на берегу Финского залива близ Петербурга. Ко времени назначения в нее архимандрита Игнатия она пришла в сильное запустение. Храм и келлии пришли в крайнюю ветхость. Немногочисленная братия (15 человек) не отличалась строгостью поведения. Двадцатисемилетнему архимандриту пришлось перестраивать все заново — храмы, корпуса; заводить сельское хозяйство; он упорядочил богослужение в обители, создал прекрасный хор.

С 1836 по 1841 год известный церковный композитор протоиерей Петр Иванович Турчанинов проживал рядом с Сергиевой пустынью — в Стрельне. Глубоко уважая отца Игнатия, он откликнулся на его просьбу и взял на себя труд обучения монастырского хора. Несколько лучших своих музыкальных произведений отец Петр Турчанинов написал специально для этого хора. Великий русский композитор М. И. Глинка тоже был глубоким почитателем архимандрита Игнатия; по его просьбе он занимался изучением древней русской музыки и своими советами способствовал повышению музыкальной культуры хора обители. Живое участие в организации хора Сергиевой пустыни принимал и директор придворной капеллы А. Ф. Львов. Архимандрит Игнатий совмещал почти несовместимые должности: он был для братии обители прекрасным настоятелем, администратором и в то же время благостным старцем-духовником. В 27 лет он уже имел дар принимать помыслы своих пасомых и руководить их духовной жизнью. По собственному признанию отца Игнатия, служение живым словом было его основным занятием, которому он отдавал все свои силы. Подвиг служения ближним словом назидания был для него источником радости и утешения на поприще его многоскорбной жизни. В Сергиевой пустыни он, несмотря на крайнюю занятость, написал и большинство своих произведений.

С 1838 года круг деятельности архимандрита Игнатия значительно расширился: он был назначен благочинным всех монастырей Петербургской епархии и мог теперь более широко распространить свое благотвор-

ное влияние на монашество всей епархии. Он способствовал расцвету духовной жизни древнего Валаамского монастыря, содействуя назначению туда настоятелем опытного в духовной жизни игумена Дамаскина.

В Сергиевой пустыни к отцу Игнатию непрестанно приходили посетители всех положений и рангов. С каждым нужно было побеседовать, каждому нужно было уделить время. Весьма часто приходилось выезжать в Петербург и бывать в домах знатных благотворителей его обители. Несмотря на такой, внешне казалось бы, рассеянный образ жизни, в душе архимандрит Игнатий оставался аскетом-пустынником. Он умел при любых внешних условиях жизни сохранять внутреннюю сосредоточенность, непрестанно совершать Иисусову молитву. В одном из писем отец Игнатий писал о себе: «Я, проведя начало своего иночества в уединеннейших монастырях и напитавшись понятиями строгой аскетики, сохранял это направление в Сергиевой пустыни, так что в моей гостиной я был репрезентабельным архимандритом, а в кабинете скитянином».

Там, в уединенной комнате, отец Игнатий проводил бессонные ночи в молитве и слезах покаяния. Но, как истинный раб Божий, руководствуясь духом смирения, он умел скрывать от взора людей свои подвиги.

В 1847 году архимандрит Игнатий, изнуренный болезнями, подал прошение об увольнении на покой, но вместо этого получил длительный отпуск и поехал лечиться в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. На пути в этот монастырь он остановился в Москве и несколько дней провел в Троице-Сергиевой Лавре.

В Николо-Бабаевском монастыре отец Игнатий пробыл 11 месяцев, после чего опять вернулся в Сергиеву пустынь. Опять начались многотрудные дни: руководство духовной жизнью монастырской братии, прием посетителей, выезды в Петербург, строительство новых храмов.

По воспоминаниям архимандрита Игнатия (Малышева), его духовный отец — архимандрит Игнатий (Брянчанинов) — весьма различно относился к посетителям. Это отношение зависело от того, с каким расположением души приходили они к отцу Игнатию. Его душа обладала особым свойством видеть состояние души других людей. Это особое свойство имеют почти все облагодатствованные люди — люди духа, а не плоти.

Архимандрит Игнатий с одного взгляда постигал душу человека. С окаменелыми он был молчалив. С лукавыми — порой юродствовал. Но с искавшими спасения он был откровенен и беседовал подолгу,

вливая в душу собеседника спасительный бальзам слова Божия, святоотеческих наставлений и проверенных своей жизнью советов.

Круг знакомых у отца Игнатия был весьма обширен. Епископы, настоятели монастырей, иноки и простые миряне обращались к нему со своими просьбами, зная, что любвеобильное сердце отца Игнатия откликнется на их нужды. Имя архимандрита Игнатия знали во всех слоях общества. Весьма со многими духовными и светскими лицами отец Игнатий переписывался. Так, Н. В. Гоголь в одном из своих писем с большим уважением отзывается об отце Игнатии. Известный адмирал Нахимов — герой Крымской войны — с благоговением принял икону святителя Митрофана Воронежского, присланную ему в Севастополь архимандритом Игнатием. Замечательно его письмо к великому русскому художнику К. П. Брюллову.

Всего в настоящее время известно более 800 писем епископа Игнатия. В письмах как-то живее раскрываются качества души архимандрита Игнатия: его необычайная благостность, духовная рассудительность, глубокое и правильное понимание современной ему жизни.

Шли годы. Телесные силы отца Игнатия все более слабели. Мысль уйти на покой, чтобы в уединенном безмолвии провести конец жизни, появлялась все чаще.

В 1856 году он предпринял путешествие в Оптину пустынь, предполагая совсем переселиться туда, но это намерение не осуществилось, ибо Господу было угодно, чтобы Его избранник послужил Святой Церкви еще и в епископском сане.

В 1857 году по представлению Петербургского митрополита Григория архимандрит Игнатий был посвящен во епископа Кавказского и Черноморского. Хиротония состоялась 27 октября 1857 года в Петербургском Казанском соборе. Хиротонию совершил митрополит Григорий с сонмом других иерархов.

Отец Игнатий никогда не стремился к епископскому сану. Не об архиерейском жезле, а о простом посохе пустынножителя были его непрестанные мечты. В речи при наречении он сказал: «Во дни юности своей я стремился в глубокие пустыни, но я вовсе не мыслил о служении Церкви в каком бы то ни было сане священства. Быть епископом своего сердца и приносить в жертву Христу помышления и чувствования, освященные Духом, — вот высота, к которой привлекались мои взоры».

4 января 1858 года епископ Игнатий приехал в город Ставрополь и заступил в управление епархией.

Недавно открытая Кавказская епархия была весьма неустроенна. Население отличалось неспокойным, воинственным характером; поэтому первое слово святителя Игнатия, обращенное к Ставропольской пастве, было словом мира: «Мир граду сему!..»

Недолго — менее четырех лет — управлял преосвященный Игнатий Кавказской епархией. За это время он посетил многие приходы своей обширной епархии, привел в порядок органы епархиального управления, добился повышения окладов духовенству епархии, ввел торжественное богослужение, устроил прекрасный архиерейский хор, построил архиерейский дом, перевел семинарию в новые лучшие здания и внимательно следил за ее внутренней жизнью. Кроме того, он неустанно проповедовал. В отношении к духовенству и прихожанам владыка Игнатий был истинным миротворцем: строгий к себе, он был снисходителен к немощам ближних.

Но тяжкая болезнь не покидала епископа Игнатия и на Кавказе, и летом 1861 года он подал прошение уволить его на покой в известный ему уже Николо-Бабаевский монастырь. Через несколько месяцев просьба была удовлетворена, и 13 октября этого же года он вместе с несколькими преданными учениками переехал в названную обитель.

Спустя некоторое время он писал своему другу Михаилу Чихачеву: «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел Хранитель по повелению Божию продиктовал Святейшему Синоду указ о мне — так этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здоровья».

Трудное дело — управление епархией — епископ Игнатий совершил достойно. И теперь он шел на покой, чтобы подготовить в уединении душу для перехода в вечность и для посильных занятий на благо ближних.

Епископ Игнатий приехал в Николо-Бабаевский монастырь 13 октября 1861 года. И вот потекли годы уединенной жизни в малоизвестной обители.

Ко времени приезда владыки Игнатия Николо-Бабаевский монастырь пришел в крайне плачевное положение. Не было даже продовольствия, и обитель имела большие долги. Многие здания, в частности, соборный храм, пришли в ветхость.

Природный ум и практичность владыки позволили ему в короткий срок улучшить материальное положение обители, произвести капитальный ремонт зданий и построить новый храм в честь Иверской иконы Божией Матери.

В свободное время святитель занимался пересмотром своих прежних сочинений и написанием новых. В Николо-Бабаевском монастыре святитель Игнатий написал «Приношение современному монашеству» и «Отечник». Множество назидательных писем его относится к этому периоду. Свои сочинения сам автор разделил на три группы. Первые 3 тома — «Аскетические опыты», включающие статьи, в основном написанные в Сергиевой пустыни; 4-й том — «Аскетическая проповедь», куда вошли проповеди, произнесенные на Кавказе; 5-й том — «Приношение современному монашеству», т. е. советы и наставления монашествующим о внешнем поведении и внутреннем делании; 6-й том — «Отечник» — был издан уже после смерти епископа Игнатия. Эта книга содержит высказывания более 80 подвижников по вопросам христианской аскетики и примеры из их жизни.

Сочинения епископа Игнатия — это не плод размышлений богослова-теоретика, а живой опыт деятельного подвижника, созидавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и нравственного предания Православной Церкви.

О творениях святителя Игнатия нужно сказать прежде всего то, что все они имеют печать благодатной помазанности. Он писал свои произведения тогда, когда Божественный глагол касался его чуткого уха, когда в его сердце появилось слово, посланное Господом.

«Бывали в жизни моей минуты, — писал он С. Д. Нечаеву, — или во время тяжких скорбей, или после продолжительного безмолвия, минуты, в которые появлялось в сердце моем “слово”. Это слово было не мое. Оно утешало меня, наставляло, исполняло нетленной жизни и радости, а потом отходило. Случилось записывать мысли, которые так ярко светили в сии блаженные минуты. Читаю после, читаю не свое, читаю слова, из какой-то высшей среды нисходившие и остающиеся наставлением». По этой причине святитель Игнатий не смотрел на свои произведения как на свои собственные, но признавал их «собственностью всех современных подвижников Православной Церкви».

Сочинения святителя Игнатия излагают учение святых отцов о христианской жизни, примененное к требованиям современности. В этом важная особенность и достоинство его творений.

Богословское наследие святителя Игнатия было принято читателями с большой любовью и благодарностью.

Еще при жизни епископа Игнатия его творения разошлись по многим обителям Русской земли и получили высокую оценку.

Саровская пустынь приняла «Аскетические опыты» с особенной любовью. В Киево-Печерской Лавре, Оптиной пустыни, в обителях Санкт-Петербургской, Московской, Казанской и других епархий творения святителя были признаны душеспасительными книгами, отражающими аскетическое предание православного подвижничества применительно к духовным требованиям иночества того времени. Даже на далеком Афоне творения епископа Игнатия получили известность и вызвали благоговейное почитание их автора. Лучшие иерархи прошлого века сразу же увидели в сочинениях преосвященного Игнатия всестороннее руководство к духовной жизни. Митрополит Петербургский Исидор 7 апреля 1867 года писал епископу Игнатию: «Получив сегодня 3-4 тома сочинений Вашего Преосвященства, спешу принести Вам искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидетельствующие о глубоком изучении Вами душеспасительного учения богомудрых подвижников благочестия и истинных руководителей в иноческой жизни».

В первый год пребывания в Николо-Бабаевском монастыре здоровье епископа Игнатия несколько улучшилось. Но вскоре болезнь опять усилилась, и он до самой смерти безвыездно пребывал здесь.

Наступил 1866 год, печатались 3-й и 4-й тома его творений, сам же епископ Игнатий настолько ослабел, что все приезжавшие к нему поражались, видя его. Но духом владыка был бодр, он ждал смерти, ибо всю жизнь посвятил на служение Христу, и жизнь для него была Христос, а *смерть — приобретение* (Флп. 1, 21).

В последние дни своей жизни он был проникнут необычайной милостью ко всем, которая, казалось, была растворена какою-то жалостью. Но вместе с тем и несказанная радость сияла на лице больного. 16 апреля 1867 года, в первый день Пасхи, владыка с большим трудом отслужил последнюю Литургию. Больше уже он не выходил из келлии, силы его заметно слабели.

Кончина епископа Игнатия последовала в воскресенье 30 апреля, в Неделю жен-мироносиц. На шестой день после смерти было совершено отпевание тела епископа Игнатия преосвященным Ионафаном, епископом Кинешемским, по пасхальному чину.

На погребении святителя Игнатия присутствовало 5 000 человек.

Все удивлялись мягкости рук и вообще покойному положению тела почившего, которое нисколько не издавало обыкновенного запаха тления. Отпевание усопшего скорее походило на какое-то торжество, чем на погребение. Невольно вспоминались слова усопшего: «Можно

узнать, что почивший под милостью Божией, если при погребении тела его печаль окружающих растворена какою-то непостижимой отрадою».

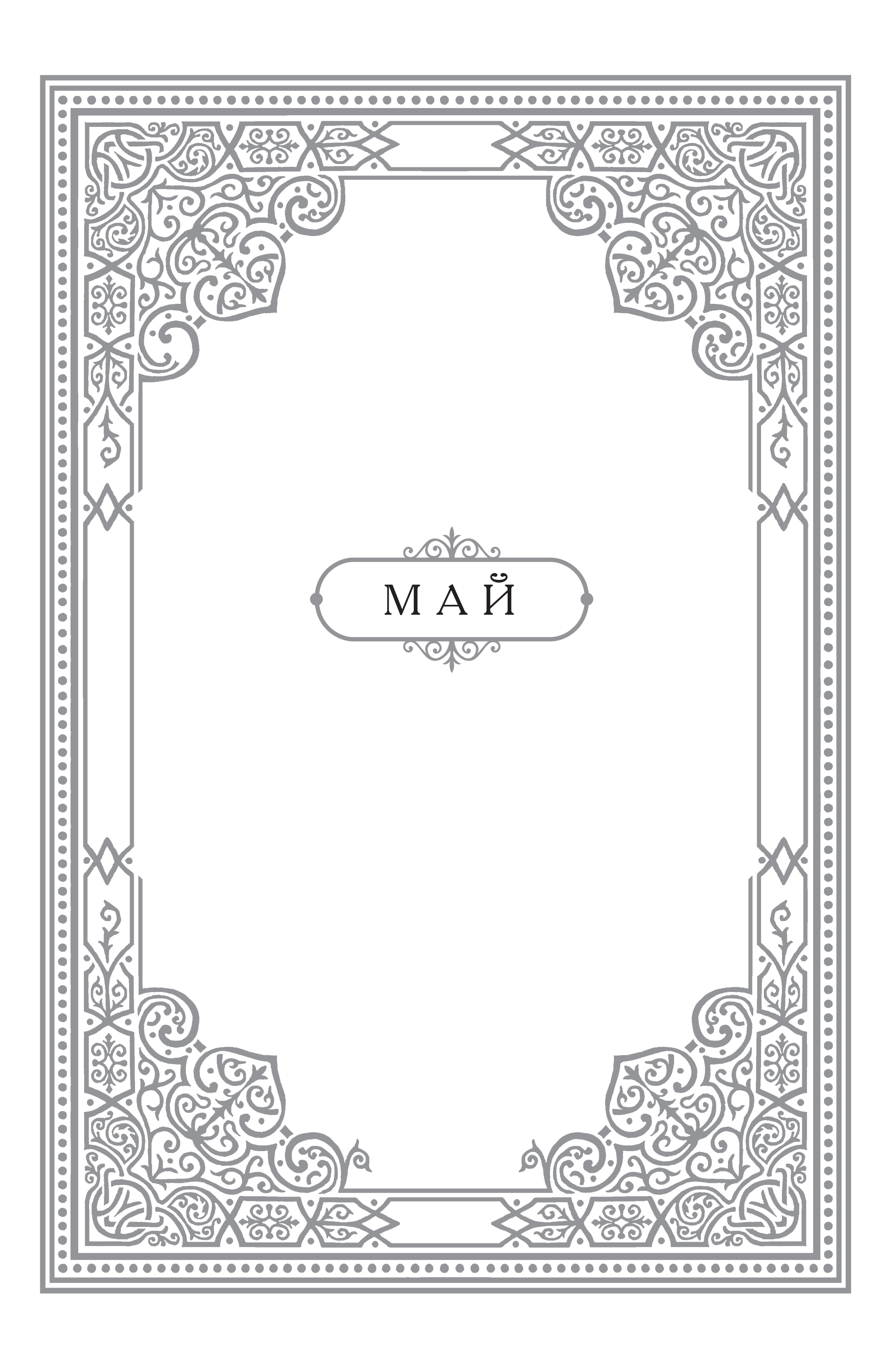
Гроб с телом святителя был обнесен вокруг собора и при пении «Христос воскрес» опущен в землю в малой больничной церкви в честь преподобного Сергия Радонежского и святителя Иоанна Златоуста, у левого клироса. Весьма примечательно, что епископ Игнатий, почти двадцать пять лет отдавший на служение северной обители преподобного Сергия, вечное упокоение нашел тоже в храме преподобного Сергия, только на юге.

В автобиографических записках М. В. Чихачева отмечены посмертные явления святителя Игнатия своим пасомым. Так, на двенадцатый день по кончине святителя одна из духовных дочерей его, находившаяся в большой скорби из-за его внезапной кончины, видела его в неописуемом свете в храме. Ночью того же дня она слышала дивное пение тысячи голосов. Мерно гудели издали густые басы, как гудит в пасхальную ночь звон всех московских колоколов, и плавно сливался этот гул с мягкими бархатными тенорами, с рассыпавшимися серебром альтами, и весь хор казался единым гласом — столько было в нем гармонии. И все яснее и яснее выделялись слова: «Православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев Богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало; писании твоими вся ны уцеломудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Его же носил еси в сердце твоем, даровати нам прежде конца покаяние!» Пение этого тропаря повторялось в течение трех ночей. Служение епископа Игнатия словом назидания не прекратилось с его кончиной. Учение святителя о духовной жизни христианина, изложенное им в его творениях, служит спасению христиан всех последующих поколений. Многочисленные издания творений владыки Игнатия быстро расходились по обителям и частным лицам, по лицу всей Русской земли.

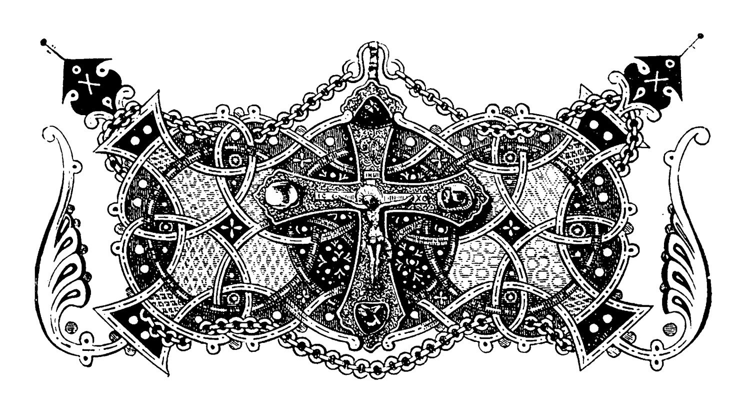
В год смерти епископа Игнатия архиепископ Ярославский Леонид писал: «Я уповаю, что православные русские люди мало-помалу усвоят себе покойного святителя; в его жизни и писаниях они постараются найти и найдут, что может быть обще душеспасительного».

Святитель Игнатий был прославлен в лике святых на Поместном соборе Русской Православной Церкви, посвященном юбилею 1000-летия Крещения Руси в 1988 году.

Празднование святителю Игнатию совершается 30 апреля — в день праведной кончины.

МАЙ

День первый

СТРАДАНИЕ священномученика МАКАРИЯ, митрополита Киевского

Блаженный Макарий до посвящения своего в митрополита был архимандритом Виленского Троицкого монастыря. В 1495 году при венчании великого князя Литовского Александра с Еленою, дочерью великого князя Московского Иоанна, блаженный Макарий присутствовал в сане архимандрита Виленского, но уже назывался нареченным митрополитом. Великий князь Иоанн III желал, чтобы этот брак совершил «нареченный митрополит Макарий», но гордость латинян хотела везде первенствовать и унижать Православие; по ее настоянию, брак Александра с Еленою в костеле совершил Виленский бискуп Войцех Табор, а в православном храме совершил придворный священник и духовник Елены — Фома; блаженному Макарию оставалось при том быть только свидетелем и тайным молитвенником. В том же 1495 году «собрались епископы, — так говорит современная летопись, — Владимирский Вассиан, Луцкий Иона и поставили Макария архимандрита митрополитом Киева и всей России. А к патриарху послали старца Дионисия и диакона инока Германа за благословением. Тою же осенью прибыл из Царьграда посол патриарха Нифонта. Он сказал: “Не поставляйте после сего митрополита, пока не получите благословения от нас, за исключением великой нужды”. Они отвечали: “Мы не отказываемся

от древних обычаев соборной Цареградской Церкви и от благословения отца нашего патриарха. Мы учинили то по нужде, как и прежде поступали братья наши епископы при великом князе Витовте. И в правилах святых апостолов и святых отцов написано: два или три епископа пусть без всякого сомнения поставляют епископа"»[1]. Блаженный Макарий, по примеру предшественников своих, жил в Вильно: здесь посвятил он в 1495 году Кирилла в епископа Луцку. В Вильно личным сношением с великим князем Литвы святитель легко мог предупреждать происки и насилия папизма, равно помогать Православию и в других нуждах. С другой стороны, Киев в те печальные времена оставался полуразрушенным и часто подвергался нападеньям крымских и ногайских хищников. Татары два раза опустошали Волынь в 1496 году, и в марте 1497 года два отряда их снова вторгались туда же, но оба были разбиты наголову и почти истреблены[2]. Попечительный пастырь давно желал осмотреть древнейшее место своей кафедры и святыни Киева. К тому побуждала его и настоятельная нужда привести в порядок Софийский собор, ограбленный пред тем татарами. После счастливых дел с татарами решился он отправиться в Киев. Ему говорили о возможных опасностях пути, но он по делам долга своего предал себя воле Божией. Современный летописец, знавший Макария, оплакивает смерть его, встреченную на пути в Киев, как наказание за грехи паствы, и утешается ею как залогом наград за святую ревность его. Он так пишет: «того же 1497 года мая 1-го дня, в первый день шестой недели после Великого дня (Пасхи), в понедельник, безбожные перекопские татары убили преосвященного Киевского Макария, митрополита и архиепископа всей России». В селе Стриголове, Минской губернии, за пять миль от Мозыря[3] «на реке Бчич, нагнали они его совсем неожиданно. Они увели в свою землю бывших с ним и одних убили, других взяли в плен. Много волостей и мест ограбили и выжгли они и, взяв в плен множество людей, возвратились в свое место. Так Бог попустил по нашим грехам. Грешники мы от ног до головы. Но уповаем на Господа Бога. Такая смерть с архиереем Божиим случилась для того, чтобы более награжден он был. Он отправился в Киев, желая помочь Софии церк-

[1] Супрасл. л. 141–143.

[2] Собр. л. 2, 358–360; Супрасл. л. 141–145.

[3] По Густин. летописи, «усечен бысть от татар над р. Припятью в селе Стриголовых». Собр. л. 2, 360.

ви Божией, разоренной прежде того теми же нечестивцами... Ужасно, братия: если так случилось с архиереем Божиим, по попущению Божиему, то мы как избежим гнева Божиего за наши дела? Пред кончиною его, за 8 дней, некто открыл ему близкое разлучение души его с телом: но он, как человек, несколько усомнился. С самого того времени, как приняли мы крещение, никогда не случалось на земле Русской того, что случилось с этим архиереем Божиим. В суд и позор обратились мы за грехи наши»[1]. Так писал современник. И не напрасно утешался он за блаженного Макария при мысли о кончине его. Святое тело его прославлено нетлением. Оно покоится ныне в Софийском соборе открыто. Там же покоилось оно и при Кальнофойском, который описывал и два чуда, совершившиеся при мощах святителя в 1625 и 1634 году[2]. В том же соборе хранится кипарисный крест святителя[3].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ГЕРАСИМА БОЛДИНСКОГО

Родясь в Переяславле Залесском, преподобный Герасим, в мире Григорий, еще в юных летах усердно ходил в храм Божий[4]; святая жизнь преподобного Даниила особенно увлекала его душу за собою, и на 13-м году он уже со слезами просил святого старца принять его

[1] Киев. лет. по Супрасл. сл. 145, 146.

[2] *Афанасий (Кальнофойский)*. Тератургима, или чудеса, совершившиеся как в самом Печерском монастыре, так в обеих его пещерах. Киев, 1638 (далее — *Афанасий (Кальнофойский)*. Тератургима. — *Ред.*); Сказание о св. Макарии. М.-К., 1848. Густинская летопись говорит: «мощи его доселе лежат нетленны в св. Софии» (Собр. л. 2, 360).

[3] *Фундуклей И.* Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847 (далее — *Фундуклей И.* Обозрение Киева. — *Ред.*). Здесь и изображение креста.

[4] Ркп. житие прп. Герасима, написанное учеником его Антонием, впоследствии епископом Вологодским (1588 г.), а дополненное чудесами в 1686 г., по списку Ундольского. То же в императорской б-ке № 711.

к себе. Даниил принял его к себе послушником; это было еще тогда, как преподобный жил в Горицком монастыре. Герасим был «кожешвец» — сапожник — и по воле старца усердно служил ремеслом своим бедной братии божедомья. На время оставлял он старца, чтобы слушать наставления подвижников и, по их совету возвратясь к Даниилу, принял пострижение от рук его. Это было тогда, как Даниил начал жить в Троицкой обители[1]. Он ревностно совершал подвиги поста и молитвы: принимал пищу чрез день и чрез два; постоянно выполнял келейное правило, а иногда всю ночь стоял на молитве. Преподобному старцу усердно служил он в его заботах об обители, особенно при построении храмов и келлий. Чистою и подвижническою жизнью Герасим снискал себе общее уважение не только в обители, но и за оградою ее; он стал известным и в Москве[2]. Это стало тяготить его; он желал безмолвного уединения. Открыв старцу свой помысл, он в первый раз встретил несогласие старца: но потом преподобный благословил его исполнить свое желание. Так, прожив до 26 лет под руководством преподобного Даниила, он вышел из обители его без всего, только с желанием работать Господу в уединении.

В 1528 году поселился он в Дорогобужском округе в таком диком лесном месте, что кроме змей и диких зверей никого там не было; по временам же скрывались там разбойники, так как не вдали проходила большая дорога, на которой они занимались своим промыслом. Блаженный Герасим поставил себе хижину и в ней стал подвизаться; промышлявшие дурным ремеслом не раз били его, стараясь прогнать его из своего соседства; пустынник терпел и молился; для пропитания своего у дороги на дереве повесил он кузовок и у проходящих испрашивал подаяние; иногда в его отсутствие кузовком его пользовались другие бедняки; он благодарил Бога. В хижине своей он жил, как птица, без печалей и забот о земле, хранимый и питаемый Господом. Впоследствии явился у него сторож — ворон; если недобрый человек подходил к кузовку и хижине, ворон поднимал крик и летая бил крыльями по лицу нежеланного посетителя; то же было с хищным зверем: тому клевал он глаза, пока не заставлял обратиться в бегство. По особенному видению перешел он потом на Болдину гору, где над потоком Болдиным стоял огромный дуб. Отсюда хотели прогнать его поселяне; они били его палками, связали

[1] Ркп. житие прп. Даниила, гл. 26.
[2] Ркп. житие прп. Даниила, гл. 26; ркп. житие прп. Герасима.

руки и ноги веревками и хотели бросить в озеро, но один сказал: если убьем его, сами будем в ответе пред начальством; представим его к наместнику в Дорогобуж, вместе с добрым подарком нашим. С этим согласились. Наместник, получив хороший подарок, приказал немедленно представить к нему пустынника связанным. Когда был представлен к нему связанный и избитый Герасим, наместник осыпал его ругательствами и велел посадить в тюрьму как бродягу. На все это преподобный не сказал ни слова и только молился в душе своей. Помощь явилась тому, кто просил ее. В то самое время входит к наместнику посланный царя из Москвы. Увидав преподобного Герасима, которого видел вместе с преподобным Даниилом у царя, он с глубоким уважением поклонился ему и просил благословения. Наместник испугался. Дело кончилось тем, что наместник, испросив прощение у святого старца, объявил, что употребит все зависящее от него, дабы покой его был огражден, доставил ему от себя пожертвование и тогда же сделал должные распоряжения. С того времени имя святого старца стало в уважении и в его пустыню стали приходить ревнители благочестия. Преподобный с радостью принимал их. Сперва построена была молитвенная храмина для общих молитв и поставлена хижина. Потом преподобный отправился в Москву и там получил позволение на построение обители. Мало-помалу построены были храм Святой Троицы и келлии для братий с трапезою. Храм освящен марта 9-го 1530 года. Преподобный сам трудился при постройках, трудился потом и для общежития вместе с другими. Молол жерновом рожь, даже и за других, пек хлебы, рубил и носил дрова, мыл для братии свитки, прислуживал больным. Спал он мало и никогда лежа. Пища его — хлеб с водою.

Такая жизнь скоро собрала в обитель много иноков, и обитель преподобного стали посещать вельможи. Преподобный жил в уповании на Господа, и Господь устраивал как сердца иноков, так и средства жизни земной. Раз украли двух волов обители; инок, которому поручено было смотрение за скотом, пришел к Герасиму в страхе. Преподобный, взглянув на него, сказал: «Не скорби, брат, повторяй с Иовом: *Господь дал, Господь и взял* (Иов. 1, 21)». Это еще более смутило инока, который еще ни слова не говорил о пропаже настоятелю; он пал к ногам и просил прощения. Преподобный ласково простил его. «Благослови, отче, погнаться за ворами», — сказал ободрившийся. «Брат! — отвечал старец, — кто гонится, не догонит убегающего; а убегающий скоро очутится вблизи преследующего». Инок на этот раз не понял слов; но спустя

три дня воры сами привели волов в обитель. Преподобный отпустил виновных с наставлением — впредь приобретать хлеб честным трудом.

Кроме Болдина монастыря преподобный Герасим построил еще Предтечев монастырь в Вязьме; потом в Брынском лесу, на реке Жиздре, основал обитель Введения во храм Богоматери. Древний повествователь говорит о Предтечевом монастыре: «До прихода преподобного на этом месте не было никакого поселения; на реке Бездре стоял лес ольховый; здесь было приволье ворам и разбойникам». Так говорит о том и сам преподобный в завещании. «Было, — пишет он, — на месте том прежде корчежником, блудником прибежище и разбойником и прочим играм бесовским, душегубство, убийство и кровопролитие». Дурные люди находились под защитою знатного боярина Телепнева-Оболенского, который недалеко отсюда имел свое поместье (Спас-Телепнево) и ездил проводить разгульную жизнь близ Вязьмы. Плохое житье было вяземцам от удалых людей: ночь проводили они настороже в своих дворах, огражденных высоким тыном. Преподобный Герасим, раз узнав о таком печальном состоянии края, решился сделать возможное для его улучшения. Он смело являлся в разбойничьи шайки и убеждал их исправиться. Не раз случалось, что проповедника били и прогоняли от себя, но это не охлаждало ревности его; в 1535 году основал он здесь иноческую обитель. Спустя 7 лет усильной проповеди и молитвы, по видению Предтечи, построен был храм в честь Предтечи. Братии собралось до 40 человек, и преподобный назначил им в настоятеля ученика своего Симеона, а сам обратился на другие подвиги.

Так же не легко было ему завести обитель на реке Жиздре. На это вызвала его просьба окрестных жителей. От Болдиной обители место Жиздринской пустыни в 300 верстах; преподобный, как всегда, ходил сюда пешком. Здесь сам он расчищал лес и строил постройки. Братии собралось и здесь до 40 человек, и игуменом оставлен ученик Петр Коростелев.

За 9 лет до смерти своей устроил он не вдали от Дорогобужа, в Сверховой луке, монастырь Рождества Богородицы. Здесь оставил он игуменом также одного из учеников своих.

В Болдиной обители он оставался игуменом до самой кончины; здесь под конец жизни его было братии до 140 человек. Он усердно вел всех по путям спасения. В завещании своем писал он:

«Поставляйте в игумена из своих людей, из своей братии: они знают общежитие и порядки, как жил я по Боге с вами. У братии все должно

быть общее. Всякое монастырское дело надобно выполнять без ропота и ходить на монастырское служение по благословению настоятеля. Одежду носить из сукна, какую установил я. Если кто не захочет, то давать в год по 2 рубля игумену, священнику и диакону. Хмельного пития не держать в обители, за исключением кваса дрожжевого; тоже и для гостей. Ничего не держать в келлие, кроме одежды, и та была бы от общины. Питаться всем в трапезе с безмолвием и тем, что Бог подаст, но слушать жития святых и поучения. Пища для всех одинаковая, как для братии, так и для игумена. Тою же пищею кормить и гостей. Если брат впадет в прегрешение, смирять послушанием, но из монастыря не выгонять, разве только тогда, когда не послушает наказания. Странных и нищих не огорчать, а подавать им и на путь, что есть в обители. Игуменов почитать. Если кто из них начнет жить не по Богу и не по чину монастырскому, то послать к нему в келлию кого-либо из братии, чтобы поговорить с ним с духовным смирением. Во всех монастырских делах ничего не предпринимать без игумена и 12 старцев. Игумен пусть не отпускает своих постриженников в чужие монастыри. Так приказываю поступать во всех монастырях».

Под руководством преподобного воспитались строгие подвижники: блаженный Аркадий, скончавшийся в затворе[1], и блаженный Антоний, почивший Вологодским епископом (1588 г.)[2]. Учениками его основано было несколько обителей: Баскакова в Сычевском уезде, Вознесенская на реке Угре в Юхновском, Подлесная-Николаева в Бельском уезде[3].

Кончина преподобного Герасима последовала в Болдиной обители 1-го мая 1554 года, на 65 году жизни его.

Из чудес, совершенных преподобным в загробной жизни, приведем здесь два. Иеромонах Корнилий имел горячее усердие к преподобному Герасиму и пред ракою его дал клятву — не выходить из его обители. Но потом он стал роптать на игумена, на трапезу и на устав обители. Игумен вразумлял его, — он еще более ожесточился. Наконец он пошел к гробнице преподобного и пал пред нею, испрашивая благословения выйти из обители, как слышит: кто-то вышел из гробницы, сзади пригнул его к земле и не давал ему встать; вместе с тем почувствовал он

[1] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[2] Ркп. святцы о Вологод. святых. См. сент. 24.

[3] *Трофимовский Н. В.* Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864.

расслабление во всем теле, потерял и зрение и язык. В таком положении нашла его братия у гроба преподобного. Отслужили молебен, и в то время, как после рассказывал он, вышел из гроба преподобного легкий пламень, не жгучий, а тонкий, охватил всего больного, и он встал здоровым. Инок Дионисий долго вел жизнь осмотрительную, по преданию преподобного. Потом напали на него хульные помыслы и довели его до бешенства. За него совершили молебствие у гроба преподобного, и к нему возвратился смысл. «Меня немилосердно мучили духи, — так рассказывал он сам тогда же, — но теперь пришел ко мне преподобный Герасим с Вологодским епископом Антонием (Дионисий был ученик епископа Антония) и с трудом прогнали от меня темных духов».

Ныне мощи преподобного Герасима почивают в соборном храме обители его[1].

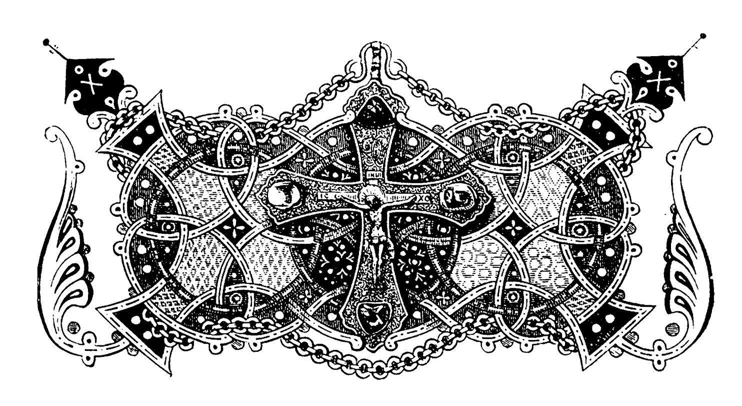
ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕСТЬ ЦАРЕВОКОКШАЙСКОЙ ИКОНЫ ЖЕН-МИРОНОСИЦ

Стрельцы и жители Царевококшайска в 1648 году устроили в семи верстах от своего города монастырь по случаю явления на том месте, 1-го мая 1647 года, иконы Жен-мироносиц, которая и поныне славится чудотворениями.

Святого преподобномученика Акакия нового, пострадавшего от турок в Константинополе, в 1816 году[2].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[2] См.: Афонский патерик или жизнеописание святых, на Святой Афонской Горе просиявших: В 2 частях. СПб., 1860. Ч. II.

День второй

СТРАДАНИЕ святых мучеников ЕСПЕРА, ЗОИ, КИРИАКА и ФЕОДУЛА

Христианское семейство: Еспер и Зоя и дети их Кириак и Феодул, родом из Фригии, были проданы в рабство одному богатому римлянину, именем Катулу, язычнику. В продолжение нескольких лет Еспер и Зоя усердно служили господам своим, помня и свято соблюдая слова апостола: *Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу!* (Кол. 3, 21–24).

В том же духе смиренного подчинения своей участи воспитывали эти Боголюбивые люди и детей своих Кириака и Феодула.

Между тем, придя в возраст, дети стали тяготиться тем, что им приходилось жить с язычниками и таить от них свою веру. «Уйдем от нечестивых, — говорили они своей матери, — ведь сама же ты научила нас Священному Писанию, в котором сказано, чтобы удаляться от нечестивых... и зачем скрываем мы от них нашу веру? Не лучше ли смело высказать господину нашему, что мы христиане? Если он убьет нас, то мы знаем, что нам предстоит вечная жизнь с Христом Богом. Чего же бояться нам?»

И несмотря на то, что Зоя, опасаясь, что дети ее еще слабы для исповеднического подвига, удерживала их в их святом рвении, Кириак и Феодул, встретившись однажды с господином своим, объявили ему, что они христиане... «Души наши принадлежат Господу, — сказали они ему, — ты же не властен над нами, но только над нашими телами...»

Безумными показались эти слова тому, кто и не слыхал никогда о власти Владыки Небесного, и Катул вознамерился испытать при удобном случае, что за люди рабы его и в какой вере воспитаны их дети. Уж не принадлежат ли они к числу ненавистных христиан, которые отвергают богов?

Скоро представился случай разъяснить недоумение господина относительно рабов своих. У Катула родился сын. Это радостное событие должно было, по обыкновению языческому, отпраздновать торжественным жертвоприношением богам. В домашнем пире участвовали и слуги, вкушая от жертв идольских; таким образом, и рабам, неизвестным до сих пор христианам, предложены были мясо и вино от жертвоприношения. Но как могли они прикоснуться к этой пище, оскверненной обрядом в честь языческих богов?

«Господи Боже! Будь с нами! — тихо промолвила Зоя, — кроме Тебя, другого Бога не знаем. Утверди нас в этом исповедании! — и с этими словами вылила вино и выбросила мясо на землю, и, зная, что ожидает ее за этот поступок, с грустью, но вместе и с твердостью обратилась к мужу и детям: — Не убоимся гнева Катула и мук, которым он предаст нас... Вытерпим их мужественно и соединимся все в Царствии Христа Бога нашего!» — сказала она им. Не замедлило исполниться ожидаемое ею. «На кого вы надеялись, что дерзнули так оскорбить святыню?» — с гневом спросил у своих рабов господин, приказав привести их к себе, как только узнал о поступке Зои.

«Надежда наша — Иисус Христос, Сын Бога Живого!» — с твердостью отвечали христиане. «Увидишь, как Он спасет твоих сыновей, когда я повелю предать их мучениям!» — сказал язычник и велел истязать юношей. «Будьте мужественны! Терпите!» — укрепляла их мать, с твердостью смотря, как палачи стругают острым железом обнаженные тела детей ее. «Мы не страдаем... Пусть изобретут мучения более чувствительные...» — говорили юноши в своем святом возбуждении.

Ожесточенные удары и сожжение в огне всего христианского семейства было отзывом на эти слова со стороны зачерствелого язычника, и — четырьмя новыми жертвами — победами увенчалась вера Христова.

Страдания мучеников совершились в Атталии Памфилийской в царствование Адриана (117–138).

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ благоверного князя БОРИСА-МИХАИЛА БОЛГАРСКОГО

Правление князя Бориса, сына Звинича-Пресиама, третьего внука Грубошева[1], омрачалось несчастьями во все то время, пока оставался он язычником. Все, что ни предпринимал он, не удавалось ему. Он хотел (843 г.) воевать с греками, но должен был продолжать перемирие. Решился отмстить (850 г.) сербам за неудачи отца своего Звинича, но поход кончился поражением Бориса, и он просил мира. Поход против хорватов также не имел успеха. Попытка действовать в союзе с паннонскими славянами против вранков (в 853 г.) окончилась поражением Бориса. В 860 году поразил Болгарию страшный голод, за которым следовал мор, народ погибал, а помощи не было ниоткуда. К большему горю, греки стали грозить войною[2]. Столько неудач и бед заставят и самого твердого задуматься. Борис, хотя и язычник, но неиспорченный, видел гнев Божий над Болгарией. За что этот гнев? Ему пришлось припомнить слова дяди — мученика Бояна, что христианская истина одержит победу над языческою ложью[3]. О всем подобном напоминала ему и сестра его. Она, еще в нежном возрасте взятая в плен,

---

[1] Константин Багрянородный (*Constantine VII Progenitors*. De Administrator Imperio) называет Бориса сыном Пресиама: Πρεσίαμ του πατρός αυτου (Βορισης). По словам Феофилакта (Слово о 15 мучениках), Борис — сын Звинича, а Звинич — брат Маломира и Бояна и, следовательно, внук Грубоша. Итак Пресиам и Звинич — одно и то же лицо и после Маломира был на Болгарском престоле (830–840 гг.). Шафарик, обличая Энгеля в ошибках, сам не избавился от ошибки, считая Пресиама за одно лицо с Маломиром (*Шафарик*. Славянские древности. Т. 2, кн. 1).

[2] *Стриттер И.* Известия византийских историков: Объясняющия российскую историю древних времен и преселения народов: В 4 т. СПб., 1770–1775. Т. 4.

[3] См. марта 28.

воспитана была при греческом дворе по началам христианства. По условиям мира с Грецией 852 года она отпущена была в Болгарию, а Борис освободил знаменитого пленника — учителя Куфару, который также говорил Борису о пустоте язычества. Да и многие десятки тысяч были уже христианами между славянами, подданными Бориса!... Было у кого учиться христианству. За язычество Болгарии стояли княжеский двор Болгарский, его министры и вожди и славяне, перешедшие с князем с правого берега Дуная: но что язычество приносит Болгарии? Время было кончить борьбу с христианством, которого истины так светлы, так чисты, так отрадны для духа. Так Борис решился принять христианскую веру. Он вошел в сношение с греческим императором о своем желании соединиться со Христом и заключил мир с Грецией, выгодный для Болгарии. Болгарам уступлено навсегда Загорье (южный скат Балкан), страна нужная им для поселения и очень выгодная в стратегическом отношении. «К Болгарам послан был епископ, который совершил крещение над Борисом, принявшим имя императора Михаила»[1]. Умный патриарх Фотий, приняв живое участие в просвещении болгар, написал послание к князю Борису. Святитель изложил князю не только начала веры и жизни христианской, но и правила, как управлять народом. «Начав усердием к проповеди слова Божиего, — писал Фотий, — не оканчивай небрежностью, а постарайся, чтобы конец соответствовал началу и жизнь вере. Созидай храмы во имя Божие и в честь святым по установлениям церковным; приучай народ собираться в них, дабы, в общем собрании умилостивляя Божество и принося Ему общее славословие, все утверждались в единомыслии и приобретали спасение и пользу»[2]. По примеру князя Бориса крестились некоторые из приближенных к нему. Но с большинством пришлось еще бороться. Фанатики язычества, в том числе сильные вельможи, едва узнали о перемене веры князем, как подняли волнение за старую веру; целые десять областей подняты были боярами против Бориса; дело дошло до того, что в Предславе хотели убить Бориса и возвести на престол язычника. Михаил, оградив грудь свою святым крестом, с 48 придворными и 7 духовными лицами вышел к толпе мятежной, и та в смятении рассеялась. На другой

[1] Продолж. Константина; *Кедрин Г.* Обозрение истории; *Феофилакт Болгарский.* Слово о 15 мучениках. Ныне в южном Загорье города Ески-Загора (старое Загорье) и Ени-Загора (новое Загорье).

[2] Ep. ad Michaelem p. 18. 24. et. Montac. 1651.

день 50 бояр, заправлявших бунтом, были схвачены и преданы смерти. Народ, оставшийся без подстрекателей мятежа, покорился Михаилу и стал понемногу креститься[1]. Так рассказывает об этом и один болгарин — современник событий: «Я, — говорил он, — из новопросвещенного болгарского народа, которого Бог просветил в эти времена избранником Своим Борисом, в крещении Михаилом. Силою Христовою и знамением креста победил он оцепенелый, непокорный народ Болгарский. Бог привел святого Иосифа, архиепископа, учителя и наставника, который устроил храмы и монастыри, поставил епископов, священников, игуменов, чтобы учили народ»[2].

К сожалению, миссионеры папы возмутили покой юной Болгарской Церкви и остановили на время успехи веры в Болгарии. «Римский священник Павел» с товарищами возбудил в князе Борисе, еще мало знакомом с верою, множество сомнений о Церкви Восточной и в блистательном виде представил счастье, готовое для Бориса, покорного папе[3]. Князь, с одной стороны надеясь найти во владыке запада защиту против немцев, теснивших Болгарию[4], с другой желая видеть в Болгарии независимое церковное правление, в 866 году обратился к папе Николаю с просьбою прислать способных учителей и учредить в Болгарии патриаршество. Папа Николай рад был тому, что целый народ, притом соседний с ненавистным для него Константинополем, отдается в его руки[5]. Немедленно послал он (866 г.) к Борису двух бискупов своих с книгами и с обширным посланием[6]. Бискупы Павел и Формоз скоро довели дело до того, что женатые восточные священники оглашены были нечистыми и удалены от мест своих, над крещеными

---

[1] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей; *Кедрин Г.* Обозрение истории; *Зонара И.* Сокращенная история. Т. 2.

[2] Болгар. синаксарь XIII в. (*Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви). И по свидетельствам Генезия (Regum lib. 4), Феофилакта (Слово о 15 мучениках), Константина (Об управлении империей), к Михаилу отправлен был не один епископ, а со многими духовными лицами.

[3] *Anastasius Bibliothecarius*. Praefatio in Synodum VIII; *Philip of Cyprus*. Chronicon ecclesiae Graecae.

[4] *Hincmari Remensis*. Annales ap. Pertz 1, 465.

[5] Папа выразил восторг свой в письме к Гинкмару (*Hincmari Remensis*. Annales ap. Baronium ad an. 867).

[6] Responsa p. Nicolai ad consulta Bulgarorum in t. 22 Concil. (*Anastasius Bibliothecarius*. De vitis Romanorum pontificum). Ответы показывают, что вопросы к папе написаны были от имени болгар под влиянием римских миссионеров.

в другой раз стали совершать миропомазание, в храмах читали Символ с прибавлением Filioque, разрешили есть в пост молоко и яйца[1]. Борис, не получив для Болгарии патриаршества, просил папу по крайней мере посвятить понравившегося ему Формоза в архиепископа. Но папа удалил Формоза из Болгарии[2]. Между тем патриарх Фотий окружною грамотою известил патриархов о наглых дерзостях папы против веры и благочиния, совершающихся в Болгарии. Борис увидел свою ошибку и поспешил поправить ее. Он снова предоставил восточным проповедникам продолжать дела звания своего, уже и потому, что славяне, давно крестившиеся, не хотели знать Папы и требовали себе восточных священников. Для того чтобы раз навсегда развязаться с Папою, притом без опасности для своей страны, он послал в 869 году в Константинополь предложить собору притязания Папы на Болгарию. На западе поняли тогда же, что князь, посылая послов на восток, прощается с папою[3]. Посол князя Михаила говорил собору: «Желаем знать от представителей великих патриархов, к какой Церкви принадлежим мы?» Послы Папы протестовали против вопроса. Представители восточных патриархов говорят: «Когда вы занимали страну, которою ныне владеете, кому она была подчинена и каких священников имела?» Посол Болгарского князя отвечал: «Мы добыли ее мечом от греков и нашли в ней греческих священников». Собор постановил: «Присуждаем, чтобы земля Болгарская, которая в старину находилась под властью греков и имела греческих священников, отторгнутая от святой Константинопольской Церкви язычеством, ныне возвращена была ей чрез христианство». Получив решение собора, князь объявил решение бискупу, с тем чтобы он с ксендзами оставил Болгарию[4]. После того, несмотря ни на ласки, ни на угрозы Папы, Борис не входил более ни в какие сношения с властолюбивым романизмом[5]. Крещение народа, остановленное насилиями Па-

[1] Послание патр. Фотия (*Муравьев А.Н.* Правда вселенской церкви о римской и прочих патриарших кафедрах. СПб., 1849).

[2] Annales Fuldenses; *Hincmari Remensis.* Annales ap. Pertz 1, 379. 380. 474; *Anastasius Bibliothecarius.* De vitis Romanorum pontificum.

[3] Так судил об этом библиотекарь Вильгельм (*Anastasius Bibliothecarius.* De vitis Romanorum pontificum).

[4] *Anastasius Bibliothecarius.* De vitis Romanorum pontificum; *Constantine VII Progenitors.* Vita Basilii; *Georgii Cedreni.* Synopsis historiarum.

[5] Папа Иоанн VIII писал 6 посланий к кн. Михаилу и 3 к его вельможам, Адриан 2 письма, домогаясь ласками и угрозами обратить Болгарию к папе, и все осталось напрасным (*Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collection:

пы, продолжалось спокойно при правильной деятельности восточных проповедников. Таким образом, тот же 869 год, в который последовало осуждение собора властолюбию папы, был временем окончательного обращения Болгарской страны к святой, чистой вере[1].

Блаженный Борис с любовью давал средства для восстановления храмов христианских, разрушенных язычеством, и для построения новых. Он делал все, что мог, для вечных нужд своего народа и для славы Божией. Когда дошло до него известие о чудесах мучеников, которых мощи сокрыты были во время волнений язычества в Струмнице, он велел воздвигнуть храм в Брегальницкой епархии и туда перенести мощи святых. Мощи перенесены были с торжеством, и по вере новых христиан совершилось много чудес для славы имени Христова[2].

И Православие, и просвещение еще более расцвели в Болгарии, когда прибыли сюда ученики святого Мефодия, изгнанные из Моравии жадными до корысти немцами. Михаил принял их с живейшею радостью и благодарил Господа, пославшего ему людей, столько нужных для Болгарии. Немало времени жили они при дворе его и в домах вельмож болгарских, как дорогие учители. Борис с любовью беседовал с ними. Престарелый государь учился под их руководством «древним историям и житиям святых», слушал из уст их наставления Священного Писания на родном славянском языке. Благоверный князь доставил славянским проповедникам щедрые средства содержать училища для обучения детей закону Божиему на славянском языке и для приготовления полезных служителей храма Божиего; открывал для

In 31 vols. Florence and Venice, 1758–1798. V. XXIV (далее — *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum. — *Ред.*).

[1] Жизнь св. Климента § 4: «Они, хотя и поздно, вошли в вертоград Господа, призвавшего их Своею благодатью; призвание этого народа совершилось в лето от сотв. мира 6377 (869)».

[2] Феофилакт. Слово о 15 мучениках, § 37–46; В месяцеслове Ассеманова Евангелия XI в. под 29 августа: «память святым, иже на Струмници: Тимофею, Феодору, Евстовию (Евсевию) и дружине их». По известию Феофилакта, Струмницкие мученики пострадали при Юлиане ноября 28-го 362 г. Итак 28 августа день перенесения мощей в Брегальницу. По географии Мелетия, «Струмница — город трибаллов (сербов) на конце Македонии, между Стримоном и Аксием, расположенный на горе обрывистой, отстоит на три дня пути от Скупы». Ныне Струмница расположена при подошве горы, а на горе остаются развалины замка (*Григорович В.* Очерк путешествия). Тафель замечает о описании мучеников: ubi additur, olim dictum fuisse Tiberiopolin, quod posterius mihi dubium videtur (*Tafel.* De Thessalonica). О Брегальнице см. апрель пр. 49 п. 50.

них монастыри и кафедры, особенно там, где еще слабо было христианство[1]. Усердием его постановлено было семь кафедральных храмов с кафедрами святительскими[2]. По желанию Бориса посвящен был для западной Болгарии другой архиепископ Агафон[3], а место блаженного Иосифа впоследствии занял архиепископ Феофилакт[4].

Состарившийся Борис устал властвовать. Он уже давно стал подвижником, но тайным. Являясь пред народом в одежде княжеской, скрывался он по ночам в храме и в уединении: покрытый простою одеждою, простертый по земле, проводил он ночи в молитве. После тяжелой болезни передал он правление старшему сыну Владимиру, а сам удалился в монастырь для подвигов поста и молитвы. К скорби отца, сын оказался непохожим на родителя: жил распутно и, что еще

---

[1] Жизнь св. Климента § 12. 13.

[2] У Барония (*Baronius*. Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198. Ad an. 1071) приводится письмо Феофилакта, архиеп. Болгарского, где прямо говорится о семи кафедральных храмах, построенных кн. Борисом. В житии Климента сказано: «Князь всю подвластную себе Болгарию опоясал семью храмами καθολικοις». Последнее слово означает храм кафедральный. Нестор в житии кн. Бориса и Глеба говорит о митр. Иоанне: «Тако отыде в свою католиками икклисия» (*Востоков А.* Описание Румянцевского музеума). В конце XIII века, во время преобладания греческого, во Фракии, Мизии и Македонии было 5 митрополий: в Пловдиве, Одрине, Траянополе, Переяславце и Солуне и епископий — в первой 10 (Великой, Быковы), в Одринской — 11 (Травицы, Правод, Дебелого), в третьей — 8 (Мокрой, Топора), в Переяславецкой — 6 (Обритого, Дуростена, Новой на р. Литре, Вельбужда, Враны), в Солунской — 7 (Великой, Смоляны, Дроговицы, Струмницы, Верей, Столбов) (см.: список епархий имп. Льва в: Тафеля de provin. p. 49. 50; *Wiltsch*. Handbuch der kirchlichen Geographie und Statistik. Berlin, 1846 (далее — *Wiltsch*. Handbuch der kirchlichen. — *Ред.*)). Князем Борисом построены были кафедральные храмы не везде там, где они были прежде, в Видине (Водине) не было перед ним кафедры.

[3] В Фульд. л. (Annales Fuldenses): mense novembri (anno 873) Agathon archiepiscopus, Basilii imperatoris legatus, ad renovandam pristinam amicitiam cum epistolis et muneribus ad Ludovicum Katisboniam venit. Assem. Calen. II, 209. В 879 г. на Константинопольском соборе присутствовал «Агафон Моравский» вместе с двумя епископами: Гавриилом Охридским и Симеоном Дебельским (*Assemani*. Kalendaria Ecclesiae Universae. T. III). Агафон назывался Моравским, потому что епархия его простиралась на р. Мораве. Кафедра его, должно думать, находилась в Виддине — Бдыне. В определении имп. Андроника (1282 г.) сказано: «82 митрополита Виддинского; это — кафедра епископа Болгарии, но возведена в митрополию» (*Tafel*. De Thessalonica).

[4] Феофилакт оканчивает описание чудес Струмницких мучеников временем Симеона и, следовательно, при Симеоне; но он же посвятил свое сочинение царю Петру и описал жизнь его — и следовательно, скончался не раньше 967 г.; последнее согласно и с тем, что говорит он о себе в жизни Климента.

хуже, стал совращать народ с пути христианского. Четыре года старец терпел. Наконец, одушевясь ревностью, снял с себя иноческую одежду, оделся в платье князя-воина, с немногими верными ему погнался за сыном, захватил его и, чтобы отнять у него возможность вредить христианству, ослепил его; потом передал власть младшему сыну Симеону, а сам, верный обету, снова удалился в монастырь[1]. Он и в уединении заботился о распространении христианского просвещения, побуждал способных переводить полезные книги с греческого на славянский язык. Так один из них говорит о себе: «Почтенный муж, дукс (князь), настаивал предо мною, когда я приходил к нему для посещения, приказывая и упрашивая переводить объяснения Евангелий; он напоминал мне: для священника нет другого занятия, кроме наставления; если принял он на себя эту службу, пусть выполняет ее»[2].

Современник князя Симеона записал: «В се ибо лето 6415 инд. 14 (906)[3] умре раб Божий, отец сего князя (Симеона), в благой вере живый, в добром исповедании Господа нашего Иисуса Христа, велик и честен и благоверен, господин наш, князь болгаром, именем Борис, христианское же имя ему Михаил, мес. мая во 2 д. в субботний вечер. Сей же Борис болгары крестил есть во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь»[4].

Болгарская Церковь благоговейно чтит в числе святых просветителя Болгарии благоверного князя своего — Бориса-Михаила[5].

---

[1] Феофилакт. Слово о 15 мучениках, § 36, 47–55. Время начального удаления кн. Бориса в монастырь определяется так: Климент с 885 г. 11 лет был учителем и в 898 г. при кн. Симеоне возведен на кафедру архипастыря (см.: июля 27 день). Потом Владимир Борисович был владетельным князем (892–895 гг.), и Борис отказался от престола в начале 892 г. И по летописям, Владимир оказывается владетельным князем с 892 г.

[2] Предисловие экзарха к Богословию Дамаскина Христианские древности и археология / Изд. Прохоров В. А. СПб., 1864. Тетр. 8).

[3] *Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник.

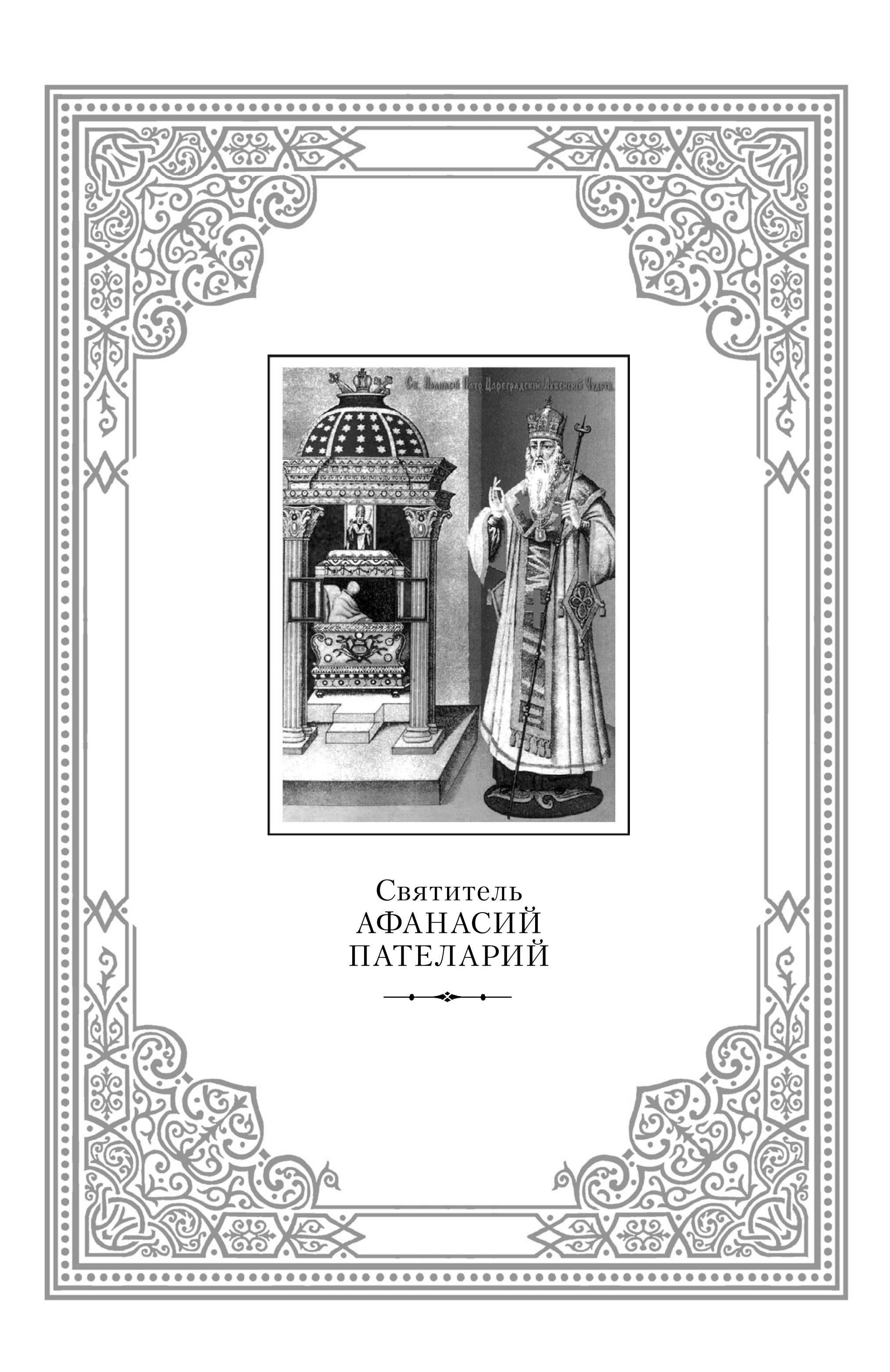
[4] Епископ Константин в переводе слов св. Афанасия (*Калайдович К.Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский Прим. 40).

[5] Болгарин, современник кн. Симеона, говорит о кн. Борисе: «И сподоби и Бог, да приим Ангельски образ от льстивого сего жития в вышнии Иерусалим к Христу преставися» (Синаксарь XIII в.; на первом листе картина представляет князя с надписью: «свят Борис»). Сомнение Срезневского о значении этой картины — напрасное. Русский св. кн. Борис всегда был изображаем вместе с кн. Глебом и никогда один, да и вся рукопись по языку — болгарская.

ПАМЯТЬ святителя АФАНАСИЯ ПАТЕЛАРИЯ, патриарха Цареградского

Святитель Афанасий Пателарий, патриарх Константинопольский, был уже вторым тружеником вселенского престола нового Рима, который искал себе помощи от благодетельной Церкви Российской посреди бедствий, обуревавших его кафедру. Но первый из них, Иеремия, учредивши патриаршество на Руси, не был лишен своей кафедры, когда странствовал в пределах наших, хотя и подвергался однажды временному низложению; Афанасий же, более испытанный в скорбях, трижды восходил на высоту и нисходил с высоты вселенского престола и уже с одним лишь громким титулом патриаршим, как странник, посетил гостеприимную державу Российскую. В пределах Малороссии, бывшей своей паствы, ибо тогда она еще зависела от первосвятителей вселенских, положил он труженические свои кости в обители Лубенской, где они прославились нетлением. Сидящий и по смерти в богатой своей раке, будто на патриаршей кафедре, он представляется благоговейному взору как бы только что погрузившимся в непробудный сон. Глава его, осененная митрою святительскою, склонилась на правое плечо, и десница простерта на коленах, для лобзания верующим, а в левой руке он держит свой пастырский жезл, как бы доселе управляя вселенскою паствою. Так погребли его по чину и обычаю патриаршему, так и обрели спустя немного лет бодрствующим и по блаженной кончине.

Остров Кандия на Средиземном море, древний Крит, был родиной блаженного Афанасия. Он происходил от благочестивых и благородных родителей, которые были в состоянии дать сыну своему высокое образование, светское и духовное. Неизвестно, где воспитывался юный подвижник, но Кандия, бывшая тогда под владычеством венециан, процветала торговлею и могла иметь довольно средств для образования сынов своих; свидетельством тому могут служить святой Афанасий, которого современники называли философом, филологом, поэтом и отличным проповедником, и великий Лукарис Кирилл, также критянин, пятнадцать лет патриаршествовавший на кафедре Александрийской

Святитель
АФАНАСИЙ ПАТЕЛАРИЙ

и столько же на вселенской, в самую тяжкую эпоху для Церкви Греческой, обуреваемой тогда кознями иезуитов, против которых мужественно боролся Кирилл.

Он вызвал из Кандии в Царьград, для проповеди слова Божиего, знакомого ему Пателария, который славился красноречием и уже достиг на родном своем острове степени пресвитерской, по своим высоким добродетелям, пользуясь особенным благоволением местного архипастыря и любовью народною. Рукописное житие святителя, хранящееся в обители Лубенской, утверждает даже, будто Афанасий возведен был по общему избранию на престол митрополии Критской и благодетельным своим влиянием пред властями Оттоманскими спас ее от неистовства врагов при завоевании острова; но покорение сие совершилось гораздо позже. Из современных актов церковных явствует, что Афанасий прямо из пресвитеров был поставлен патриархом Кириллом на первостепенную митрополию Солунскую.

Патриарх Цареградский Парфений старший, хотя и не был расположен к Афанасию Пателарию, однако в грамоте своей царю Михаилу Феодоровичу от 12-го августа 1643 года писал: «что во время святейшего и блаженнейшего господина Кирилла, патриарха старого, приехал в Константинополь некий священноинок, именем Афанасий, прозванием Пателарий, острова Критского; патриарх и архиереи, видя его бедного и в нужде, восприняли с великим милосердием и любовью, и был он патриарху советником, как одной с ним страны; немного времени спустя поставил его Кирилл митрополитом Солунским, вместо блаженныя памяти митрополита господина Паисия, который остался на царское имя в России».

Та же участь ожидала и его преемника Афанасия, успокоившегося в гостеприимной России. Если же он был советником и соплеменником патриарха Кирилла, как утверждает сам Парфений, то, конечно, не действовал против него, чтобы заступить его кафедру, хотя и безуспешно было его кратковременное правление. Сам Афанасий в грамоте своей к царю от 24-го августа того же года так о себе свидетельствует: «что братия его архиереи поставили его на вселенский престол, в помощь святейшему блаженнейшему Кириллу, чтобы согнать нового Кирилла Веррийского, и после того дали ему собором Солунский престол». Следственно нельзя верить позднейшим нареканиям, будто бы Афанасий, чрез посредство иезуитов, происками домогался Цареградского престола.

Это тем вероятнее, что сам патриарх Кирилл после своего удаления с престола писал царю Михаилу Феодоровичу, нисколько не жалуясь на Афанасия: «что когда султан Мурат возвратил его из заточения с острова Родоса, после низложения Кирилла Веррийского, и велел ему быть в Цареграде, то, покамест он ехал, посадили на патриаршество иного, а когда приехал, то все к нему прибегли и учинили подобающую почесть, но на патриаршеское место он не хотел идти, пока не заплатят архиереи того, что посулили султану. Потом же благодатью Божией и милостью царскою будем мы сидеть по-прежнему на патриаршестве; хотелось бы под старость успокоиться, но мир не оставляет». Все это согласно с показанием Афанасия, которого избрали только для того, чтобы удалить недостойного Кирилла и дать время возвратиться великому Лукарису. Оттого, вероятно, и просидел он так мало на его кафедре, не более 28 дней. Нельзя однако слишком верить обвинениям патриарха Парфения против Афанасия, будто он причинил убытков великой Церкви на 50 000 ефимков, так как известно, что Кирилл Веррийский был причиною сего долга и разорения церковного, посулив до 30 000 ефимков для подкупа властей турецких, чтобы только достигнуть престола; может быть, нужно было употребить столько же, чтобы его низвергнуть; в случае же неуплаты угрожала опасность великой Церкви. Если сам великий Кирилл, при всей многолетней своей опытности, отказывался от престола единственно по причине сих долгов, то мудрено ли было неопытному Афанасию запутаться в оных при столь смутных обстоятельствах.

Для того чтобы понять те тяжкие испытания, чрез которые проходила воинствующая Православная Церковь на Востоке во все продолжение XVII столетия, необходимо проследить исторически ряд ее патриархов, которых частое низложение по проискам иноверцев потрясло и разорило вселенскую кафедру Цареграда. После великого Иеремии, который основал патриаршество в России и хотя был низлагаем, но скончался на своей кафедре, в 1594 году, начались беспрестанные смены вселенских патриархов. Матфей, Гавриил и Феофан не более как по полугоду занимали сию кафедру, так что, наконец, избрали местоблюстителем вселенского престола знаменитого ученостью патриарха Александрийского Мелетия Пигу. Год спустя опять взошел на кафедру Матфей, уже облеченный в схиму, и опять уступил на короткое время престол свой Неофиту, бывшему митрополиту Афинскому, скончался, однако, на своей кафедре. Преемник его Рафаил до насильственного

заточения вынужден был уступить туркам самый храм патриарший во имя Всеблаженной и довольствоваться небольшою церковью святого Григория. После него вторично был призван Неофит и опять низложен, так что уже никто не решался воссесть на вселенскую кафедру, обуреваемую столькими бедами.

Тогда, по бывшему уже примеру, клир великой Церкви предложил опять местоблюстительство вселенской кафедры другому патриарху Александрийскому, мудрому Кириллу Лукарису, который уже 15 лет со славою управлял своею Церковью. Наконец избран был митрополит Патрасский Тимофей, который в продолжение восьмилетнего довольно мирного патриаршества успел расширить и украсить новый кафедральный храм свой и, что уже становилось довольно редким в те смутные времена, спокойно умер на своей кафедре. С назначением его преемника, Кирилла Лукариса, начались опять бури. Этот великий деятель пять раз был возводим и пять раз свергаем с вселенского престола и мученическою смертью запечатлел, наконец, свой подвиг.

Врагами и гонителями его были иезуиты, в то время чрезвычайно сильные при Порте Оттоманской; влиянием посланников Австрии и Франции они домогались распространить унию на Востоке и происками своими успели отнять Святой Гроб и вертеп Вифлеемский у патриарха Иерусалимского Феофана; не могли они равнодушно видеть на вселенском престоле нового Рима столь великого поборника Православия, каков был Кирилл Лукарис, уже известный им по своему высокому просвещению во время долгого его управления паствою Александрийскою. Год спустя Кирилл был оклеветан ими пред правительством турецким за сношение с европейцами и лишен кафедры, но два его преемника, Григорий и Анфим, не могли удержаться на шатком престоле Константинопольском: первый был сослан в заточение на остров Родос, а второй произвольно удалился на Афонскую гору, не чувствуя себя в силах держать кормило Церкви. Так как в это время были внутренние смуты в империи, султан Мустафа низвергнут с престола, и воцарился Мурат, то друзья Кирилла, ревнители церковные, воспользовались благоприятным случаем, чтобы возвести его опять, в 1624 году, на вселенскую кафедру, и на этот раз патриаршество его продолжалось 8 лет.

Для того чтобы удержаться на своей кафедре и противодействовать козням иезуитов и могущественных их покровителей, Кириллу не оставалось другого средства, как прибегнуть к покровительству

двух протестантских посланников, Англии и Голландии, с которыми свел короткое знакомство, когда еще простым иноком путешествовал по Европе для сбора милостыни в пользу Александрийской Церкви. Оба посланника находились в дружественных отношениях с Портою и противодействовали иезуитам, которые завели училище в предместьях Царьграда и, воспитывая даром бедных детей греческих, совращали их в унию. Ревностный патриарх обличал лжеучителей в пастырских своих беседах и, чтобы утвердить Православие, устроил типографию в Константинополе, вызвав для сего с острова Корфу ученого инока Григория Метаксу; с помощью его печатал благочестивые книги в опровержение тех обольстительных сочинений, которые во множестве печатали иезуиты и раздавали их детям, еще неопытным в вере православной. Тогда иезуиты оклеветали его пред правительством как хулителя магометанского закона и ссылались в доказательство на катехизис патриарха Кирилла, изданный им еще во время пребывания в Лондоне, в котором обличал ложное учение Магомета; они же утверждали, будто бы книга сия была недавно напечатана в новой типографии. Правительство турецкое, в порыве негодования, послало немедленно разорить типографию и уничтожить все станки. Начальник ее Метакса едва успел спастись бегством. Не избежал бы смерти и сам патриарх, если бы вовремя не укрылся в дом голландского посла, который вступился за страдальца и убедил великого визиря, что все это клевета иезуитов.

Таким образом ревностный Кирилл удержался на своем престоле. Но тем не удовольствовались иезуиты; они обвинили патриарха в протестантском образе мыслей и старались уверить в этом простодушных архиереев и клириков. Слух о том дошел даже до России, так что православные послали к патриарху иерусалимскому Феофану, жившему тогда в Яссах, узнать, справедливо ли это нарекание? и патриарх должен был собрать местный собор, чтобы окружным посланием оправдать великого поборника православия. Но два года спустя, происками иезуитов, явилась под именем Кирилла книга, напечатанная в Женеве, исполненная кальвинского учения. Это окончательно потрясло святителя Кирилла на его кафедре и возбудило великое смятение в клире великой Церкви. Патриарх был обвинен пред правительством в измене и в исповедании франкской веры. Насильственно низвели его с престола и посадили другого Кирилла, Контариса, митрополита Веррийского, орудие иезуитов, который, однако, чрез неделю был низложен

и сослан в заточение на остров Тенедос. Опять был призван Кирилл на вселенскую кафедру, но враги его не дремали и старались опять возвести Контариса, по самой близости места его заточения. Тогда все православные и клирики, чтобы только отклонить вторичное избрание Контариса, воспользовались расположением великого визиря к соотечественнику его по острову Кандии, Афанасию митрополиту Солунскому, и возвели его на вселенскую кафедру, в ожидании, пока возвратится великий Кирилл; и действительно, месяц спустя он опять воссел на нее накануне Пасхи. Это было в 1643 году.

Хотя впоследствии патриарх Парфений писал к царю Михаилу Феодоровичу: «что Афанасию, после его удаления с патриаршей кафедры, дали опять митрополию Солунскую, со всеми доходами, дабы он там оставался смирно до конца своей жизни и не смущал великой Церкви, в чем дал клятвенное обещание и получил себе во свидетельство патриаршую соборную грамоту», — нельзя, однако, не обратить внимания на то, что таким образом никогда не удалялись с вселенской кафедры отставные патриархи: они подвергались большею частью заточению на острова Архипелага или должны были укрыться куда-либо в обитель в окрестностях Царьграда или на Святую Гору Афонскую. Если же Афанасий избежал общей участи низводимых с престола, и это по соборной грамоте всех архиереев, то, без сомнения, потому только, что был приглашен всеми архиереями занять место великого Кирилла, чтобы только отклонить недостойного Контариса. Позднейшие же писатели, составлявшие перечень патриархов Константинопольских, не умели отличать этой черты и, зная, что иезуиты были виною неоднократного низложения Кирилла, думали, что они же поставили на его место и Афанасия Пателария, как это сделали с Контарисом, тем более, что в продолжение трех лет Пателарий и оба Кирилла постепенно сменяли друг друга.

Год спустя после своего четвертого вступления на престол патриарший великий Кирилл должен был опять его оставить, и сослан своими врагами в заточение на остров Родос, а на его место вторично поставлен Афанасий, который держался на кафедре не более года и вынужден был уступить ее тому же враждебному Кириллу Контарису, который сослал его также в Родос, по влиянию могущественного своего покровителя Байрама-паши, в 1635 году. Если бы Афанасий был действительно орудием иезуитов, то для чего им было низлагать его и опять возводить Контариса? Но чрез полтора года, с падением

Байрама-паши, лишился своей кафедры и недостойный Контарис и сослан на тот же остров, куда заточены были по его проискам оба его предместника, Лукарис и Пателарий. Оба вместе были они возвращены из своего изгнания, повелением султана Мурата по ходатайству всех архиереев и вельмож Константинопольских, и так как не было налицо Афанасия, чтобы заступить место Кирилла до его возвращения, то поставлен временно на патриаршую кафедру митрополит Ираклийский Неофит, которого сам Кирилл в письме к царю Михаилу Феодоровичу называет своим человеком и слугою. Не ранее как через год, когда уже несколько устроились денежные дела патриархии, расстроенные неоплатными долгами по причине частой перемены патриархов (ибо в продолжение пятнадцати лет, с 1622 по 1637-й, 12 раз сменялись четыре патриарха), Неофит уступил кафедру учителю своему Кириллу, а Афанасий получил опять прежнюю свою митрополию Солунскую. Это свидетельствует, что он был в хороших отношениях с патриархами и всеми архиереями, без чего бы, конечно, не мог возвратиться на свою митрополию; она была укреплена за ним соборной грамотою и нового патриарха Парфения старшего, который вступил на кафедру после бедственной кончины обоих Кириллов.

Враги Лукариса, неусыпно действовавшие после полутора лет его последнего патриаршества, успели возбудить против него султана Мурата, представив великого мужа Церкви изменником Порты Оттоманской за тайные будто бы сношения с Россией. Кирилл был насильственно низложен и заключен в крепость близ Царьграда; там его задушили, и священные останки мученика бросили в море, но благочестивая о нем память сохранилась в сердцах православных и православие его было гласно оправдано на соборах Ясском и Вифлеемском. Церковь Вселенская чтит его как одного из величайших своих подвижников. Коварный его гонитель и недостойный преемник Контарис скоро подвергся заслуженной казни. Не более года держался он на патриаршей кафедре. Ненавидимый всеми за низвержение достопамятного Кирилла, он сам, в свою очередь, был обвинен как клеветник пред султаном, который не простил ему смерти Лукариса, пожертвованного для удовлетворения его врагов. Контарис был низложен соборно и сослан в противолежащий Царьграду Халкидон, где был также задушен по приказанию султана.

Две сии насильственные смерти, одна за другою, двух вселенских патриархов привели в ужас всю Церковь Восточную. Парфений старший,

из митрополитов Адрианопольских возведенный на осиротевшую кафедру Царьграда, в продолжение пяти лет мудро управлял Церковью, но и он был лишен своей кафедры и сослан на остров Кипр, а после него в течение семи лет два патриарха, Парфений младший и Иоанникий, постепенно возводимые и низводимые, занимали кафедру патриаршую, доколе, в 1651 году, не был опять на нее поставлен Афанасий третий.

Где же находился он во все сие время, в продолжение пятнадцати лет, от возвращения своего с острова Родоса и до последнего избрания на патриаршую кафедру? Без сомнения, большею частью в Солунской своей епархии, доколе тяжкие долги, ее обременявшие, и гонения турок не заставили его удалиться в Молдавию, где тогда властвовал могущественный господарь Василий Лупула, который был покровителем всех бедствующих патриархов и не щадил своих сокровищ для уплаты долгов святого Гроба и великой Церкви Константинопольской. Если бы не пожертвовал он, по ходатайству патриарха иерусалимского Феофана, 42 000 червонных для поддержания Святых мест, то они бы окончательно впали в руки латинян. Но влияние могущественного господаря было иногда вредно в Царьграде, при частой смене патриархов, потому что не всегда поддерживал он более достойных на сей высокой кафедре.

На пути из Царьграда в Солунскую свою митрополию святитель Афанасий посещал неоднократно Святую Гору Афонскую, где думал навсегда уединиться по любви своей к подвижнической жизни, но не безмолвие иноческое его ожидало. Там, в самом средоточии Святой Горы, близ духовной ее столицы Кареи, где были и живые воды, и благорастворенный воздух, на лучшем месте Афона, основал он себе уединенную келлию, которая и доселе слывет Сераем, или дворцом, потому, вероятно, что основателем ее был патриарх. Но недолго мог там оставаться на безмолвии святитель, потому что его постоянно отвлекали заботы о его Солунской епархии. По крайней мере, он положил доброе начало будущей Русской обители, сам того не ведая, что келлия его со временем привлечет тружеников русских из той земли, где ему суждено было успокоить свои труженические кости. Сто лет спустя другой изгнанник вселенского престола, патриарх Серафим, искал себе убежища в мирном приюте Афанасия и благолепно его украсил, достойно громкого названия Серая. Но вынужденный бежать оттуда во время Турецкой войны, при великой Екатерине, он нашел себе последнее пристанище в той же мирной обители Лубенской, где опочил

его предместник Афанасий. А еще сто лет спустя в бывшей келлие двух патриархов вселенских, при церкви святого апостола Андрея Первозванного, основателя Византийской кафедры, устроился на Святой Горе скит собственно русский, как бы в вознаграждение за то гостеприимство, которое даровала Россия обоим патриархам.

Сношения святителя Афанасия с Россией начались еще до его патриаршества, вскоре после поставления на митрополию Солунскую. В 1631 году он дал от себя просительную грамоту к царю Михаилу Феодоровичу епископу Косме, который проживал на Святой Горе в Иверском монастыре; он послал чрез него государю в благословение частицу мощей святого Григория Паламы, архиепископа Солунского, и миро от святого великомученика Димитрия, умоляя помочь ему в бедственном положении и освободить от тяжкого долга. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, благоприятствовавший Афанасию, писал также к царю о даровании милостыни митрополиту Солунскому, которого митрополия, от непостоянства и колебания времен, впала в тяжкий долг, более 5000 рублей, и заложила в нечестивые руки все священные сосуды, так что по причине сих долгов оставалась без пастыря. Поелику же Афанасий решился в такую годину принять сан ее митрополита, жертвуя собою благу Церкви, то ревностный патриарх Кирилл убедительно просил государя: «Не оставить, щедрою своею милостынею, нового пастыря и содействовать освобождению от долгов его бедствующей митрополии». Такая же грамота была написана от вселенского архипастыря и к отцу государеву, патриарху Филарету Никитичу; но на сей раз, по трудным обстоятельствам государства, немного было отпущено милостыни в Солунь, только 30 рублей от царя и 15 от патриарха; таким образом малоуспешно было это посольство, вместе Солунское и Афонское. Вторичное посольство от святителя Афанасия к государю, в 1641 году, было также из Солуни, уже после второго его патриаршества. Он писал чрез архимандрита Григория Русского Пантелеимонова монастыря: «(от 9 июля) ...что на Святой Горе они подпали игу нечестивых и безбожных агарян и лишились городов своих и пречудных церквей, а потому прибегают к источнику милосердия царского величества, да отверзет недра свои и убогому его престолу, как творит всем монастырям и церквам». Ради благословения, душевного спасения и телесного здравия Афанасий посылал с архимандритом, за своею красною печатью, миро святого славного великомученика Димитрия Солунского. Со своей стороны архимандрит

Пантелеимоновский Григорий в челобитной, какую подал царю Михаилу Феодоровичу, так выражался: «...что митрополит Солунский Афанасий, со своими ближними людьми, велел бить челом великому государю, что они имеют на своей митрополии долгу 10 000 ефимков; а есть у них мощи иже во святых отца нашего Григория архиепископа Солунского, который творит много чудес. Не будет ли царского произволения принести в Москву святые сии мощи, благословенную руку, во освящение и исцеление и помощь великому его царству, с подлинными свидетельствами, а царствие ваше да пожалует всех их царским своим жалованьем, чтобы им можно было освободиться от такого великого долга». Однако и по сему челобитью послано было милостыни в Солунь только один сорок соболей ценою в сорок рублей.

Сношения сии чрез старцев Афонских свидетельствуют, до какой степени близок был Святой Горе святитель Афанасий, готовивший там себе последний приют в келлие Серайской.

В предпоследний год царствования Михаила Феодоровича прибыл в Москву от святителя Афанасия архимандрит его Игнатий, Солунского Димитриева монастыря, уже из Молдавии, ибо не мог старец долее держаться на бедствующей кафедре Солунской. От 24 августа 1643 года Афанасий писал к государю: «Великие и неудобоносимые беды понуждали нас, самодержавный великий царь, ходить из страны в страну, чтобы нам получить помощь и покой при старости, ибо меня поставили на вселенский престол братья мои архиереи в помощь блаженнейшему и святейшему старому патриарху господину Кириллу, чтобы согнать нового Кирилла Веррийского, и после того дали мне собором Солунский престол; но я не могу получить себе покоя от неодержимых долгов и терплю многие тесноты, беды и гонения и даже темничное сидение, угрожающее гибелью. Не в силах будучи более сего терпеть, приезжал я с великою надеждою к благочестивому и Богохранимому государю Молдавскому, Иоанну Василию воеводе, верному советнику святого вашего царствия, к пространной его милости. Желательно было мне прибегнуть и к неизреченным щедротам царствия вашего, с великим упованием, чтобы мне получить освобождение от печалей своих и от немощи моей, но мне учинилась помеха; преждереченный благочестивый государь не дал мне разрешения отбыть, но научил меня и снабдил грамотою своею и людьми, чтобы я прежде от себя послал к святому вашему царствию преподобного отца архимандрита господина Игнатия. Отверзи щедроты милосердия своего, державный царь, прими нас,

всегдашних твоих нищих Богомольцев, и поспеши милостью своей на помощь прехвальному престолу Солунскому, который погибает до конца от неверных иудеев и агарян; выкупи из рук их священные сосуды и ризы; они держат их у себя на поругание веры христианской. Поелику неизреченные милости творит повседневно Боговенчанное и самодержавное царствие ваше, то да будет и сей преславный престол Солунский утвержден и сподоблен христолюбивой благодати вашей; иного пристанища пред Богом не имеем. Ты, царь нам, всем православным христианам помощник и столп благочестия, и к тебе все, как отцу и утешителю, в печалях наших прибегаем; призри нас, святой царь, потому что без вашей богатой милости и помощи не возможно мне возвратиться и спастись от погибели, и митрополия наша разорится до конца от тяготы долгов наших, коих пятнадцать тысяч ефимков. По причине сего долга невозможно было терпеть и блаженныя памяти господину Паисию, митрополиту Солунскому, и он бежал к сокровищу царствия вашего и у вас упокоился. От сих долгов отплатиться никогда не возможно, потому что росты большие, если не поспешит милость царствия вашего. Посему писали мы дерзновенно, да пожалуешь нас, державный царь, и будет беспрестанное воспоминание державного имени царского в той святой митрополии, а мздовоздатель Господь сохранит царствие ваше от всякого врага и супостата, да покоришь врагов своих подножью ног своих, и узришь сыны сынов своих, и наследует, в глубокую твою старость, превысочайший престол твой плод чрева твоего; да воздаст тебе Господь неувядаемый венец в бесконечном Его Царствии и в радости, в лике святых блаженных».

С тем же архимандритом писал государю о действительно бедственном состоянии бывшего патриарха Афанасия и молдавский воевода Василий. Священник же молдавской земли Гавриил так изложил в грамоте своей это бедственное состояние: «...подобно волнам морским в прошлых годах, посещением Божиим, всякие беды возмутили великую Церковь Христову и погибель учинилась, как известно великому вашему царствию, пребывает же промеж наших архиереев и сей святейший господин наш Афанасий, премудрый по закону, митрополит святой митрополии Солунской, поставленник и сын духовный блаженной памяти господина Кирилла, старого вселенского патриарха, и родиною с ним же одного города. При ссылке древнего и святого патриарха, когда новый Кирилл, бывший Верритский, без правды его лишил престола, то сей господин Афанасий, по собору преосвященных архиереев, для

освобождения старого патриарха Кирилла сел на вселенском престоле Константинопольском, покамест из ссылки привели его, и тогда опять святого Афанасия в Солуни соборно посадили на покой; но беды и мучения и темничное сидение, какие он потерпел, невозможно описать, святой царь, потому что ради старых долгов и новых заложили церковные ризы и сосуды в нечестивые руки агарянские и иудейские; митрополия пребывает большее время заперта и погибает от великого долга, как корабль потопляется во глубине морской. Пребывая в такой неизреченной бедности, умыслил прибегнуть к тебе, христианскому и православному царю, в тихое пристанище и утешение, к твердому поборнику, чтобы ему освободить святой и великий престол Солунский и себе получить небольшое отдохновение. Когда он приехал сюда к благочестивому и православному государю, то князь Василий, воевода Молдавской земли, владетель верный и советник великого вашего царствия, приял его любительно с великим благочестием и честью, как подобает не только ради достоинства Патриаршеского Престола, но и ради премудрости и прочих чувств его: Молдавский владетель помог ему против силы своей. В Волошской земле, от старости и дорожных трудов, приключилась болезнь патриарху и не мог он сам приехать, но посылает людей своих к богатой милости великого вашего царствия, да отверзешь ему человеколюбие и милосердие свое; молим, да пожалуешь сего архиерея погибшего и сему превысокому престолу будешь помощник и заступник; ибо ты повседневно творишь милостыню, и сияешь как небесное солнце, и согреваешь; ныне, по прежнему вашему царскому милостивому обычаю, пожалуй сих погибших, святой царь; Вседержитель и всесильный Бог есть мздовоздатель царей и, подобно как глава ваша царским венцем венчана, так и в будущем веке будет увенчано царствие ваше венцем неувядаемым».

Из дел не видно, сколько было отпущено милостыни, но, без сомнения, такая убедительная грамота не могла остаться без внимания. В самый год смерти царя Михаила Феодоровича бывший патриарх Афанасий прислал еще грамоту государю, от 24-го февраля 1654 года, которая принесена была в Москву уже после кончины царской греком Афанасием Ивановым вместе с двумя другими грамотами от патриархов Парфения Цареградского и Никифора Александрийского. «Державный и Богом венчанный и Богом хранимый святой царь, — писал Афанасий, — принял я богатую и великую милостыню христианского вашего царствия, благодарим всегда до смерти живота своего и молим мздовоздателя Бога, да

будешь здрав на многие лета и победитель, и царствуя на своем царском престоле, в мирном благостоянии, и в будущем царствии сподобишься неувядаемого венца, с ликами праведных. Милостыню вашего царского жалованья тотчас отдали мы должникам нашим святой митрополии Солунской, а святое имя царствия вашего и благочестивого царевича Алексия Михайловича, сына вашего возлюбленного, и благочестивой царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны поминаем гласно во всей нашей области (а под нашею областью восемь епископов имеем), поминаем же беспрестанно день и ночь в святых молитвах. Буди ведомо царствию вашему, что еще пребываю по сие число здесь, под кровом благочестивого христианского пресветлого государя, князя Василия воеводы, верного и возлюбленного друга державного вашего царствия, и ехать мне в свою область невозможно от должников агарян и жидов. Помощник всем просящим, имеет он сокровище свое отверсто, и милость его проливается ко всем бедным во множестве; как Нил река напаяет всю Египетскую землю, так сотворил и сей благочестивый государь, заплатил долги несметные святого Живодавцева Гроба и думает сотворить большую сей милостыню; от его благочестивых рук воспринял я жалованье великого вашего царствия и молим, да не забудешь нас своим царским жалованьем, как сотворил доброе начало, так и довершишь доброе окончание, потому что долг наш велик. Если будет произволение царствия вашего, то вспомянешь нас с тем, кто сию нашу грамоту принесет, господином Афанасием Ивановым, о Святом Духе возлюбленным нашим сыном. Он верный раб царствия нашего, добрый благоговейный муж, честный и достойный и имеет имя достохвальное по всем странам и всеми возлюблен, с ним да пожалует царстве ваше дать нам ответ. Дерзаем, молим и просим благоговейно, как нашего самодержца царя, поелику нуждаюсь во всем и архиерейскими ризами разграблен, то молим святое ваше царствие, да пожалуешь нас архиерейской одеждой и шапкою властелинскою, чтобы служить в них святую Литургию и молить Всеблагого Бога о вашем царском многолетнем здравии и благоденствии, победе и одолении на врагов».

Затем патриарх Афанасий сообщил некоторые известия государю о предпринимаемом походе султана против Мальты, и что требовал союза от венециан чрез их агента в Царьграде, который отказался, за что султан готовит войну и против венецианского острова Крита. Сам же султан хочет идти сухим путем чрез Солунь и там велел приготовить запас. Вместе с тем извещал, что в Риме назначен новый папа Климент IX,

который помирился с французским королем на тридцать лет. Подпись грамоты: «Афанасий, Божией милостью, бывший вселенский патриарх, а ныне настоятель святой митрополии Солунской, беспрестанный Богомолец Богохранимого вашего царствия».

Не за себя только, но и за других ходатайствовал святитель Афанасий. Он писал к новому царю Алексею Михайловичу в пользу епископа Неофита, из города Кариополя ехавшего за милостынею в Россию в сентябре 1645 года, свидетельствуя о бедственном его положении и умоляя: «Да примет его милостивым оком и в тихом образе, как правитель и отец всем; ибо державу самодержавствия вашего имеет весь благочестивый христианский народ во славу себе и в похвалу, и милость ваша напаяет обидимых и утешает бедных и кручинных; да утешит святой царь и сего бедного архиерея, как носящего на себе образ Господа нашего Иисуса Христа».

Еще однажды писал патриарх Афанасий царю Алексею Михайловичу, в феврале 1646 года, чрез цареградского грека Афанасия Иванова и прислал государю частицу Животворящего Древа и мощей святой Анастасии Узорешительницы, извещая его вместе с тем о войне турок на родном его острове Крите.

Покамест бывший патриарх мирно обитал в Молдавии под сенью великодушного своего покровителя господаря Василия Лупулы, горько бедствовала бывшая его кафедра Цареградская, и в этом отчасти был виновен государь, по личной своей неприязни к патриарху Парфению Младшему и по расположению к его сопернику Иоанникию. Парфений, однажды уже низложенный, вторично был возведен собором архиереев на место нелюбимого ими Иоанникия. Воевода Молдавский не мог ему простить, что он был некогда в числе недоброжелателей великого патриарха Кирилла Лукариса, и потому старался всеми средствами его низложить. Но исполнители его воли зашли слишком далеко; не только оклеветали они Парфения пред султаном и лишили кафедры, но те, которые везли его в ссылку, из числа воинов турецких, мучительски умертвили его в ладье и бросили в море. Это навело ужас на весь клир и народ православный в Константинополе; произошло большое волнение на патриаршем дворе, один из виновников убийства был повешен на воротах раздраженным народом, и даже соборная церковь была запечатана, чего дотоле никогда не случалось в Царьграде.

Убийство Парфения случилось 16 мая 1551 года. Бывшего патриарха Иоанникия опять возвели на кафедру тотчас после низложения

Парфения. Правительство турецкое, которое пользовалось всеми случаями, чтобы разорять тяжкими налогами Церковь при частой смене патриархов, не оставило в покое Иоанникия. Великий визирь, употреблявший во зло свое могущество при малолетстве султана, возвел клевету на Иоанникия, будто бы утаил у себя лазутчиков немецких, и посадил его под стражу, несмотря на присягу шестисот священников и клириков, которые свидетельствовали о его невиновности. Он домогался, чтобы возведен был на кафедру патриаршую митрополит Тырновский Кирилл, но так как в это время последовала внезапная перемена самого визиря, то патриарх Иоанникий освободился из-под стражи, однако не получил своей кафедры.

Случилось в это время святителю Афанасию Пателарию приехать в Царьград из Молдавии, вероятно, по нуждам Солунской своей епархии, а может быть, и воевода Молдавский, который и сам был поражен нечаянною смертью патриарха Парфения, надеялся, что присутствие Афанасия в Царьграде, как друга великого Кирилла, обратит к нему внимание архиереев, ненавидевших Иоанникия. Так и было; все единодушно обратились к Афанасию и чрез пятнадцать лет, в третий и последний раз, возвели его на престол вселенский.

Однако не более семнадцати дней мог усидеть дряхлый старец на потрясенной столькими бурями патриаршей кафедре, потому что не в силах был удовлетворить алчности турецкой. Он просил его отпустить с миром в Молдавию и не мог удержать за собою даже кафедры Солунской по причине тех же смут и обременительных долгов. На его место возведен был муж опытный и крепкий силами, Паисий, митрополит Ларийский; Афанасий же удалился в Молдавию, под сень господаря Василия, который дал ему в управление, для мирного пристанища, обитель святителя Николая близ города Галаца, но мысли и сердце престарелого Афанасия влекли его в Россию, где надеялся обрести себе помощь и нашел последнее успокоение.

16-го апреля 1653 года приехали в Москву бывший патриарх Цареградский Афанасий и с ним архимандрит его Дионисий, келарь Даниил, экклесиарх Иоасаф, архидиакон Христофор, белый патриарший племянник Мирон и сверх того казначей, подъяк, конюший старец, келейник и четыре служки патриарших. В одно время с ними приехали к государю бить челом гречане, Критского Успенского монастыря архимандрит Неофит с келарем Григорием, и города Салоники, Никольского монастыря архимандрит Христофор с келарем Феодором, и еще

из города Янины, из обители Рождества Богородицы, архимандрит Досифей с келарем, племянником своим бельцом.

Апреля 22-го государь приказал быть у себя на дворе патриарху Афанасию, со всей его свитою и прибывшими с ним в одно время архимандритами; обряд царского приема соответствовал только отчасти тому, какой был сделан за три года до сего патриарху иерусалимскому Паисию, по строгому церемониалу нашего двора, ибо Паисий был действительный патриарх, Афанасий же, хотя и Цареградский, старшего престола, но уже оставивший престол свой, а таких еще ни одного раза не было в Москве. За патриархом послан был пристав его Кузмин, с греческим переводчиком, и для него назначена государева лошадь с седлом не пышным, а старцы и архимандриты должны были идти пешие; патриарх слез с коня у посольского двора и там дожидался царского выхода, тогда как иерусалимский, ехавший по случаю зимнего времени парою в санях, вышел гораздо ближе к дворцу, на рундук Благовещенского собора и, нисколько не дожидаясь, шел к царю; он был встречен тремя почетными встречами, Афанасий же не имел ни одной. Государь принимал его в столовой палате, в обыкновенном платье, а не в царском одеянии на престоле, и не в золотой палате, как Иерусалимского, и бояре при нем были не в золотом, а в цветном платье. Окольничий являл Паисия государю, а здесь только думный дьяк Лопухин, говоря: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец и многих государств обладатель, Цареградский бывший патриарх Афанасий и прочие старцы и бельцы вам, великому государю, челом ударили». Потом назвал он святыню, привезенную государю: образ Спасов в кивоте, крест деревянный резной, мощи евангелиста Матфея, святое миро, составленное всеми четырьмя вселенскими патриархами; от архимандритов же: Янинского — резной крест, а от Критского — мощи святого Алексия Божиего человека. После сего патриарх говорил речь, и государь позвал его к своей руке, спросив его о спасении, весьма коротко и без всякого титула: «Афанасий патриарх во спасении ли?» Государь велел сесть патриарху и объявить ему свое жалованье: кубок серебряный с золоченою крышею, камку, два атласа гладких, два сорока соболей и денег сто рублей. И в дарах была также разница против иерусалимских. Два архимандрита получили по камке, по сороку соболей и денег по 12 рублей, а келарю и прочим старцам сказано, что они получат из казны в свое время.

Патриарх Иерусалимский был провожаем государем до дверей и отпущен в соборную церковь для слушания Литургии и свидания

с патриархом; Афанасий же отпущен прямо на подворье, куда послан ему корм с царского стола: следственно, прием сделан ему более по чину митрополитов, нежели патриаршему.

Стольник Змиев послан был к Афанасию, на Кирилловское подворье, с яствами и питьем. Ему велено было, если Патриарх начнет пить чашу государеву и подаст ее стольнику, чтобы он молвил: «Чаша царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца, его царского величества; дай, Господи, чтобы он, великий государь, благочестивый царь, с благочестивою царицею своею и благоверными царевнами здравы были на многие лета», и что Патриарх про государево жалованье или про что иное поговорит, обо всем том донес бы государю. В июне месяце патриарх со всеми старцами своими просились на Богомолье в Сергиеву лавру и были туда отпущены. Там велено учинить им почесть и вручить дары, по тому примеру, как встречали иерусалимского Патриарха.

Патриарх Афанасий на крестном ходу в Сретенский монастырь 23-го июня лично просил государя: что святительские у него одежды все — омофор, саккос и митра, от многих лет обветшали, и чтобы государь пожаловал, велел обновить его святительскую одежду и вписать в синодик имена своих царских родителей. Посему велено было справиться в посольском приказе: сколько дано было на сей предмет Патриархам и митрополитам, и приказано отпустить Афанасию на облачение и на митру 200 рублей из доходов новгородских и деньгами еще 18 рублей, когда он будет в обители Новоспасской на Божественной литургии.

Патриарх подал от себя челобитную такого содержания: «За твою царскую милостыню, о твоем многолетнем царском здравии богомолец твой Афанасий, бывший Цареградский патриарх, должен вечно Бога молить и твоих царских праведных родителей всегда поминать, в Волошской земле, в городе Галаце, в монастыре великого чудотворца Николы, до скончания века, во все святые службы, дондеже я, богомолец твой, жив. Милосердый государь, царь, великий князь Алексей Михайлович, самодержец всей Руси, пожалуй меня, богомольца своего государева, для своего царского многолетнего здравия своею царскою жалованною грамотою с золотою печатью, как тебе милосердый Господь Бог известит, твоею царскою милостынею на пропитание, чтобы я мог из монастыря своего посылать к тебе, праведному государю, архимандрита своего ежегодно, покамест я, твой царский богомолец, обретаюсь жив, а по смерти моей из того монастыря для твоей царской милостыни

моему архимандриту вели приезжать в третий год; да мне же, богомольцу твоему, вели, государь, напечатать на своем дворе 500 разрешительных грамот, потому что как я ехал к тебе к Москве чрез войско запорожских казаков, в то, государь, время приходили на исповедь многие черкасы и, по обычаю своему, просили у меня, богомольца твоего, разрешительной грамоты, и мне было в те поры послать в Киев напечатать разрешительные грамоты некого, а как я, богомолец твой, из Москвы пойду назад, те, государь, запорожские казаки начнут у меня, богомольца твоего, разрешительных грамот просить, а иные вновь на дух приходить будут: царь государь, смилуйся, пожалуй». Внизу собственноручная подпись патриаршая по-гречески: «бывший Константинопольский Афанасий, благочестивейшего царя теплейший и неусыпный молитвенник». По сей челобитной выдана была жалованная грамота.

Октября 29-го 1654 года государь и все его царское семейство были у Спаса Нерукотворенного образа, на своем дворе вверху, у обедни, а служил бывший Цареградский Патриарх Афанасий и пели по клиросам гречане. Это было дело Никона Патриарха, который искал ввести порядок церковный греческий и принял от Афанасия свиток Литургии архиерейской. После обедни послан был патриарху стол царский со стольником Нечаевым, а дьяк Петр Арбеньев отвез от царицы и царевен 1 200 рублей соболями, которые взяты были из Сибирского приказа.

Патриарх Афанасий подал еще челобитную царю: «Что слыша о неизреченной государевой милости, приехал он бить ему челом. Прежде сего, по прошению архиереев, иереев и клириков и прочих православных христиан, был он в патриаршестве в Царьграде и, видя нечестивых агарян непостоянство и налоги, патриаршеский свой престол покинул. После того, по прошению архиереев же и клириков и прочих православных христиан, был он опять в Царьграде на патриаршеском престоле и, не во многих днях, начали на него агаряне править султановы немалые подати, на визиря и на иных ближних людей почести; что он имел имения своего, все роздал и остальное басурманам, и еще занял с великим ростом и, видя их ненасытность, призвал к себе архиереев и клириков и вельмож православных христиан и патриаршеский свой престол на соборе волею своей отдал, и ныне пребывает близ Дуная, в монастыре чудотворца Николы; опричь же государя к кому-либо прибегнуть и в долгах своих помощь получить ему не от кого, и потому государь пожаловал бы его, богомольца своего, царским своим жалованьем, как его Бог известит».

Государь приказал: выдать на отпуске своего жалованья на милостыню, вполовину против патриарха Иерусалимского Паисия, 2 000 соболями, а его архимандриту и старцам выдано жалованье против патриарших иерусалимских.

Далее просил патриарх: «...что он подал челобитную государеву боярину Борису Ивановичу Морозову, чтобы пожаловал ему государь панагию для Божественной службы, и будет он, взирая на панагию сию, вечно молить Бога о государевом здравии»; просил и о местных иконах для своего монастыря в Молдавии: образ Вседержителя на Престоле, Богородицу с Предвечным Младенцем, чудотворца Николая и Афанасия великого, великомучеников Димитрия и Георгия и Деисус с 12-ю апостолами и 12-ю праздниками, которые стоили 50 рублей по договору с иконописцами; государь милостиво приказал 19-го ноября выдать ему сии деньги для уплаты иконописцам.

Наконец, 12-го декабря, приказал государь быть у себя на дворе патриарху Афанасию со всеми старцами для прощального отпуска. За патриархом посланы были сани с приставом, и он вышел у казенного двора, где ожидал царского выхода. На сей раз государь был в золотой палате и при нем бояре были в шубах; являл его государю дьяк Алмазов и весь чин был по первоначальному приему. Жалованье ему объявлено соболями на 2 000, как было сказано прежде. Архимандрит и все старцы допущены были к руке царской, и стол им отпущен на подворье. После отпуска подал патриарх еще одну челобитную государю: «Благодарение воздаю твоему величеству о твоем царском жалованье; прилично было бы, государь, языком изустно говорить сие твоему царскому величеству; только я, богомолец твой, не разумея русского языка, благодарю тебя сим письмом, потому что я прибрел сюда от обиды нечестивых агарян к державе твоей, волею своею оставив свой патриарший престол от басурманской обиды и многих налогов. И ты, праведный государь, по своему царскому рассмотрению, меня иностранца призрел, и своим царским многим жалованьем мою нужду исполнил, и свою царскую жалованную грамоту, за своею золотою печатью, мне пожаловал, чтобы присылать мне, богомольцу твоему, на всякий год, ради моего жалованья, по мой век. Твоя царская премногая милость как солнце сияет во всю вселенную, не только надо мною одним, богомольцем твоим. Ныне ты, государь, на земле царь учинился православным христианам и убежище, а великий господин, святейший Никон, Патриарх Московский и всея Руси, по благодати Божией, глава Церкви и исправление

сущия православныя христианския веры, приводить словесных Христовых овец во едино стадо, чтобы получить им Царство Небесное и слышать им глас Господень: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царствие Небесное искони со Мною* (Мф. 25, 34); к пастырю же, государь, глас Господень "благой рабе и верный, вниди в радость Господа твоего". И я, богомолец твой, за твое царское неизреченное жалованье ко мне беспомощному, должен по свой век молить Господа Бога о твоем многолетном здравии и покорении врагов видимых и невидимых к подножью твоему, и во весь греческий род твое царское благородие возвещать, потому что ты, великий государь, имеешь благодать от Бога к странным и нищим, и бедным и утесненным, и из своих царских несчетных сокровищ помощь творишь, сколько человеколюбец Бог одарил твое величество; алчущие прибегают накормиться к тебе, и жаждущие, как на источник водный: так и мы, бедные, Божиим изволением за свое согрешение лишились государей, греческих держателей, и живем ныне под областью неверного; только мы имеем столп твердый и утверждение веры и помощника в бедах тебя, великого государя, прибежище нам и освобождение.

А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину, святейшему Никону, Патриарху Московскому и всея Руси, освящать бы соборную Апостольскую Церковь Софии Премудрости Божией! Милосердый государь! Пожалуй меня, богомольца твоего: вели принять тетрадь, которую я тебе поднесу, чтобы тебе ведомо было обо всем, а словесно мне, иностранцу, пред твоим царским величеством, говорить не успеть, и дерзну я у тебя милости просить, так как ты учинился вкладчиком в монастырь чудотворца Николы, ибо ты изволил церковные одежды сделать из твоей царской казны, а благоверная государыня царица пожаловала церковные сосуды и кадило, и ты пожалуй, соверши свою царскую милость и вели дать свое царское жалованье, серебряную чашу на освящение святой воды и честной животворящий крест; да в ту же церковь надобно на стенное писание 3000 листов золота, а краски у нас готовы, и о том, как тебе, великому государю, Господь благоволит, ибо тобою вся Греческая земля утверждена и благословением великого господина, святейшего Никона патриарха. Царь государь, смилуйся». Внизу подпись по-гречески.

По сему челобитью велено сделать две ризы, сперва камчатные, потом из золотого атласа. В последних числах декабря отпущен был из Москвы патриарх Афанасий, и, по его просьбе, велено было дать

ему на дорогу корму, со всеми старцами, на две недели, сколько давали ему в Москве. Но не доехал патриарх до своей обители в Галаце и, застигнутый на пути болезнью, остановился в обители Лубенской.

Обитель сия, в благословенных пределах Малороссии, сооружена незадолго до прибытия святителя Афанасия, в 1619 году, по благословению епископа Перемышльского Исайи, соименным ему игуменом Густинским, на иждивение княгини Раины Корибутовой, урожденной княжны Вишневецкой, которая была замужем за правителем, или старостою, области Овручской и, по своему православному происхождению, особенно покровительствовала православным. Церковь во имя Преображения была в то время еще деревянная и довольно убогая по скромным началам святой обители; только сорок лет спустя усердием гетмана Самойловича поставлена на ее место нынешняя великолепная церковь, которая красуется на вершине лесистой горы, слывущей Фавором Мгарским, по имени ближайшего селения, ибо она столь же высоко господствует над окрестными долинами, где между рощей извивается красивая речка Сула.

Время пребывания святителя Афанасия в обители Лубенской было весьма коротко, ибо не ранее февраля месяца он достиг ее на обратном пути из Москвы, вероятно, уже истомленный от долгого зимнего странствования, которое обременительно было для его старческих сил. Быть может, хотел он дождаться здесь весны и отпраздновать Пасху, но Господь призвал его к Себе на Вечную Пасху после многотрудного подвига 5-го апреля 1654 года. Предчувствуя приближение кончины, святитель Афанасий составил краткое духовное завещание, в котором распределил часть принесенной им милостыни царской по различным церквам и монастырям Греческим и Волошским, оставив некоторую часть и Лубенской обители в залог своей благодарности за оказанное ею гостеприимство.

Еще во время проезда своего чрез Чигирин заранее отправил он в Яссы 8 000 талеров милостыни царской, для большей безопасности, чрез купцов греческих Зота и внука его Ивана, взяв с них расписку, при свидетельстве двух своих присных, архимандрита Дионисия и иеромонаха Неофита, которые должны были представить сию расписку трем первостепенным игуменам Ясским: соборной церкви святой Параскевы и двух обителей Архангела Михаила и святителя Николая, чтобы от них получить посланные деньги. Из этой суммы душеприказчики святителя должны были послать на гору Синайскую 3 000 талеров,

300 во святой град Иерусалим и 300 в обитель святой мученицы Анастасии, обретавшуюся в Солунской его епархии, а 1 600 талеров были распределены на 20 великих монастырей Святой Горы Афонской. Никто из присных не был забыт умирающим пред его исходом. Двум своим племянникам, иноку Иеремии и Антонию, назначил он 1 000 талеров, и 100 тому, кто их доставит; по 100 талеров получили бывшие при нем четверо служителей, столько же иеромонах Неофит, и 80 архидиакон Христофор; но архимандриту Дионисию не было отказано денег неизвестно почему. Из тысячи четырехсот талеров, которые находились налицо, велел он употребить сто на свое погребение, а триста на сорокоуст и вечное поминовение за упокой души своей.

Царскую жалованную грамоту, или хрисовуллу, писанную на багряном атласе, с золотой печатью, в сто червонных весом, святитель Афанасий поручил своим душеприказчикам, архимандриту и иеромонаху, отнести в Галац, в свою обитель святого Николая чудотворца. Они же должны были доставить на гору Синайскую, по особенному его уважению к сей пустынной обители, которую, вероятно, посещал в юные свои годы, часть священной утвари при нем бывшей: саккос багряный с митрою, панагией и полным облачением архиерейским и серебряные сосуды с крестом и кадильницей; архиепископу же Синайскому Иосифу шубу соболью и атласный подрясник; другую шубу, покрытую черным сукном, оставлял святитель на память по себе игумену обители Лубенской — Петронию, а прочие келейные одежды архимандриту Дионисию и иеромонаху Неофиту; возок свой с четырьмя конями завещал игумену Ясскому, соборного храма святой Параскевы. В заключение же умолял, чтобы не было нарушено его завещание ни со стороны духовных властей греческих, ни русских, состоявших под державою гетмана и паствою митрополита Киевского Сильвестра, и никто бы не тревожил, ради его наследства, верных его служителей. Посему, кроме игумена Петрония, завещание святителя скрепили своими руками: войт Лубенский, бурмистр, писарь местный и арендарь.

Местное предание гласит, будто бы святитель Афанасий, восседая на горнем месте во время чтения Евангелия, предал душу свою небесному Пастыреначальнику; но такое предание, вероятно, основано на том, что усопший святитель погребен был сидящим, по древнему обычаю патриархов восточных. Игумен обители Лубенской, Петроний Левкович, совершил над ним погребение и опустил святителя в склеп под амвоном деревянной церкви Преображения.

Показывают близ обители уединенный холм, где, по преданию, любил приходить молиться святитель Афанасий, и холм сей доселе слывет святительским; но едва ли, по болезненному своему состоянию, мог он пользоваться в зимнее время краткою прогулкою. Ближе отнести частое молитвенное посещение сего холма другому Патриарху Цареградскому Серафиму, который провел несколько лет в уединении обители Лубенской.

Протекло не более десяти лет после блаженной кончины Афанасия, как уже были обретены нетленными его мощи. Митрополит Газский, Паисий Лигарид, посетил обитель Лубенскую и возвестил игумену Виктору бывшее ему на пути откровение, как явился ему сам святитель Афанасий и открыл о мощах своих, почивающих под соборным амвоном. Действительно, нетленными были обретены святые мощи, и митрополит, совещавшись с игуменом и братией, донес о драгоценном сокровище, таившемся в недрах земли, восседавшему тогда на кафедре Киевской митрополии Иосифу Тукальскому, который управлял епархией южной России как независимый экзарх патриаршей области Цареграда. С его соборного разрешения митрополит Паисий вместе с братией обители Лубенской вынесли из-под спуда мощи святителя Афанасия и поставили их с правой стороны собора, февраля 1-го 1662 года; память же святителя установили праздновать 2-го мая, в день памяти соименного ему великого патриарха Александрийского.

Мощи святителя Афанасия неоднократно были переносимы с места на место по случаю построения или обновления храма Лубенского, где они почивают. Когда в 1684 году благочестивый гетман войска Запорожского обоих берегов Днепра, Иоанн Самойлович, приступил, по просьбе Лубенского игумена Макария, к закладке нового великолепного собора Преображения Господня, то мощи святителя перенесены были под колокольню, в малую церковь великомученика Георгия, и там оставались до освящения собора в мае 1692 года. Митрополит Киевский Варлаам Ясинский, которого церковная область зависела уже не от вселенских патриархов, а прямо от патриарха Всероссийского, сам освящал церковь и с великим торжеством перенес в нее нетленные мощи сидящего святителя, поставив их под аркою с правой стороны. Когда же нечаянно упали своды сего храма в 1728 году, то, по благословению другого Варлаама — Ванатовича — также митрополита Киевского, опять коснулись святых мощей и перенесли в деревянную церковь Архангела Михаила, что над святыми вратами, и опять во время

страшного пожара, бывшего в 1736 году, ради безопасности перенесли мощи святителя из деревянной в каменную трапезную церковь Благовещения, где они оставались до совершенного обновления соборного храма в 1743 году. Тогда митрополит Киевский Тимофей, бывший впоследствии Московским, торжественно перенес их, августа в 26-й день, и поставил с левой стороны, позади клироса, у столба, против чудотворной иконы Лубенской Божией Матери, которая находится у правого столба. Был еще пожар в 1773 году, в самый день храмового праздника, угрожавший совершенным истреблением обители. Испуганная братия вынесла мощи святителя уже без раки, на одном ковре, руками иерейскими, в ближайший сад с восточной стороны, и там оставались они два дня, при неумолкаемом пред ними чтении Святого Евангелия, с возожженными вокруг свечами и курящимся фимиамом, а на третий день, когда совершенно миновала опасность, игумен Паисий соборно внес их опять в храм, в уцелевшей их раке, которая впоследствии была заменена более драгоценною.

Во время двукратных пожаров, опустошивших обитель Лубенскую, в 1736 и 1785 годах, истребились монастырские записи о чудесах, бывших при открытии и перенесении мощей святителя Афанасия. Но не оскудевало усердие к блаженной его памяти во всех пределах южной России, и ежегодно стекаются многочисленные богомольцы в обитель ко 2-му мая, в день святителя Афанасия. Из новейших знамений записано, 25-го мая 1813 года, исцеление приезжавшей из Москвы княгини Волконской, которая после долголетней тяжкой болезни принесена была в церковь и положена на ковре при мощах святителя, где слушала Литургию и молебен, и таким же образом отнесена в гостиницу. В тот же вечер, как только услышала благовест к вечерне, поднялась она с болезненного одра своего и, к общему изумленно всех богомольцев, сама собою пришла в церковь. Она объявила бывшему впоследствии игуменом Самуилу и прочей братии, что убеждена была ехать в Лубны троекратным повелением, слышанным ею во сне; ей даже представилась обитель в лесу, на вершине горы, и в ней сидящий святитель, которого имя было тогда известно великой России. Когда же услышала о нем от родственных ей Васильчиковых и Татищевых, поспешила в обитель, несмотря на свою старость и немощь, и получила желанное исцеление.

В следующий год было другое исцеление при раке святителя, но уже более нравственное, нежели телесное. Человек, предавшийся от юности всем своим страстям и уже почти дошедший до умственного

помешательства, почувствовал, наконец, нужду в покаянии и решился идти на богомолье в Киев. По дороге зашел он с братом своим в Лубны и там во время Литургии, которой прежде не мог слушать по душевному расстройству, обратился молитвенно к святителю Афанасию, и внезапно исцелилась душевная его болезнь; припавши к мощам святителя, он целовал их со слезами раскаяния, и в ту минуту ему представилось, что сам святитель как бы живой пред ним сидит и лицо его, как лицо Ангела Божиего.

В ближайшее к нам время проживавшая в Орле благородная жена Елизавета Толстая, будучи уже при двери гроба от нервной горячки, получила нечаянно от своих родственниц икону святителя Афанасия. Как только внесли икону сию в дом ее, она погрузилась в глубокий сон и тотчас после молебна почувствовала облегчение.

Было несколько других случаев исцелений людей именитых и простых, которым являлся святитель, призывая их в свою обитель и там обещая помощь. Даже в дальней Сибири однажды явился он бесплодным супругам, которые скорбели о неимении чад, и утешил их обещанием, что скоро разрешится их неплодие. Они же принесли в обитель и дарованного им младенца, по молитве святителя.

Харьковская уроженка, солдатка Мария, три года страдавшая слепотою, приведена была родственниками в обитель угодника Божиего Афанасия, и там на Литургии, 18-го апреля 1844 года, во время Херувимской песни, прозрела внезапно одним глазом, так что сама могла возжечь свечу пред ракою и поклониться мощам исцелившего ее святителя.

Еще три исцеления, на расстоянии нескольких лет совершившиеся над одним и тем же лицом, купеческою дочерью города Полтавы, Евфросинией, в замужестве Велбасовою, свидетельствуют о неоскудевающей помощи святителя Афанасия, когда молитвенно к нему прибегают; они засвидетельствованы письменно в обители родственниками исцелевшей. Будучи еще девицей, в 1829 году, она страдала глухотой и на праздник Казанской Божией Матери увидела во сне сидящего святителя Афанасия. Утром, при совершении молебна угоднику Божиему, почувствовала, как будто кто возложил на нее руки, и в ту же минуту, в присутствии обрадованной ее матери, миновалась ее глухота. Год спустя, страдая нервною горячкою, она была привезена в обитель Лубенскую и, подъезжая к ней, почувствовала необычайную радость. После утрени, на молебне, ей показалось, как будто в груди у нее оторвалось

нечто твердое, и вслед за тем прекратился удушливый кашель, и болезнь ее совершенно оставила. Чрез семь лет, будучи уже в замужестве, она опять подверглась нервным припадкам, даже до обморока, и однажды в сонном видении увидела пред собою святителя Афанасия, который, по ее молитве, снял с себя митру и прикоснулся болящей, повелевая ей встать и прославить Бога. При сих словах она пришла в себя и спустя несколько дней совершенно выздоровела.

Много таких утешительных явлений милости Божией, чрез Его угодника Афанасия, сохранилось в памяти обители Лубенской, и они чаще совершаются при многочисленном стечении народа, бывающем ежегодно 2-го мая; ибо обитель сия совершает праздник своего заступника не в день блаженной его кончины, 5-го апреля, но в день его Ангела, великого Афанасия, патриарха Александрийского. Усердие граждан полтавских соорудило святителю великолепную серебряную раку, в 4 пуда весом, и святые мощи его были переложены с большим торжеством в сию раку 2-го мая 1819 года благоговейным епископом Полтавским Мефодием и настоятелем обители Лубенской Кириллом. Они поставлены на прежнем месте за клиросом, между столбами, под сенью придела святителя Николая, который устроен на хорах церковных. Таким образом, Лубенский чудотворец, высоко сидящий на патриаршей своей кафедре, с которой дарует исцеление притекающим к его покрову, сам как бы покоится под кровом другого великого угодника Божиего, чудотворца Мирлиийского, из мирной обители коего, в земле Молдавской, пришел искать себе последнего приюта в гостеприимной и единоверной земле Русской (Извлечено из брошюры: «Жизнь святителя Афанасия»).

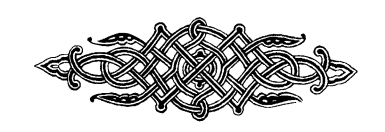
ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ
святых князей
БОРИСА и ГЛЕБА

О жизни и кончине см. 24 июля. Святые их мощи перенесены во вновь сооруженную в Вышгороде церковь в 1072 году, и затем в Вышгороде же в каменную, построенную вместо деревянной, в 1115 году, 2-го же мая. С особенною торжественностью празднуется этот день

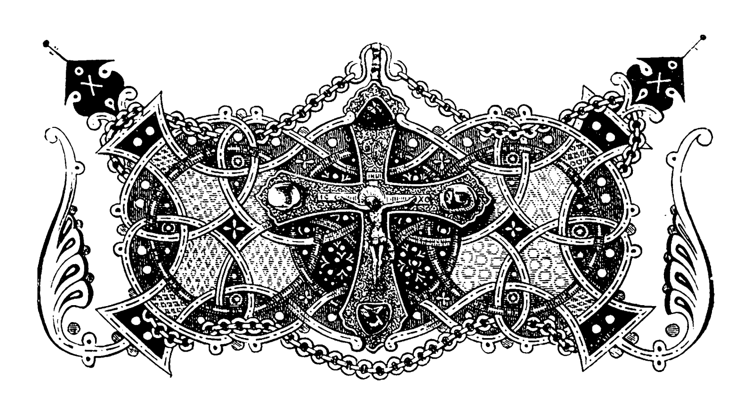
в Переяславле Полтавском, где бывает крестный ход на место убийства святого Бориса: тут в 1839 году построена церковь, а до того была часовня, древнейшее упоминание о которой восходит к 1073 году.

ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕСТЬ ПУТИВЛЬСКОЙ-СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ

Сия святая икона явилась в городе Путивле у бывших Никольских ворот 2 мая 1635 года в первом часу дня. Об этом явлении записано на киоте иконы. Находится в Путивльском монастыре[1].

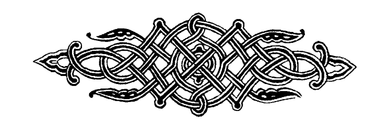
[1] См.: *Димитрий, архимандрит.* Месяцеслов святых, всею русскою церковию или местно чтимых: В 4 вып. Тамбов, 1878–1883. Вып. 3-й).

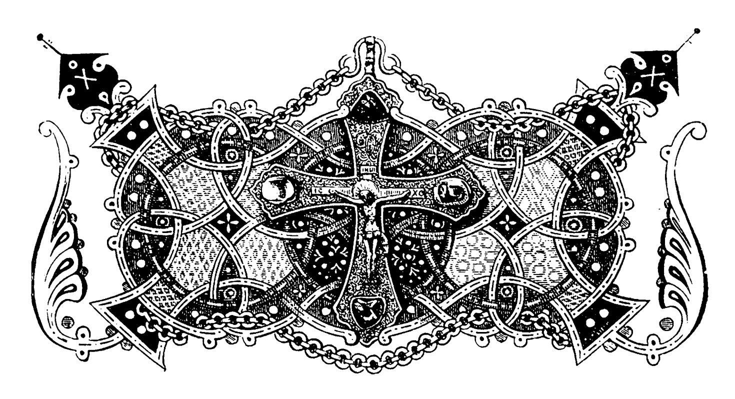

День четвертый

ПАМЯТЬ
преподобных братьев Алфановых
НИКИТЫ, КИРИЛЛА, НИКИФОРА, КЛИМЕНТА и ИСААКА

Они были посадники и преставились в XV веке. Прежде мощи их почивали в Сокольницком монастыре, ими основанном, но после пожара 1775 года перенесены в обитель преподобного Антония Римлянина. Сведения о них см. 17-го июня.

День пятый

ПАМЯТЬ преподобного МИХЕЯ, ученика Сергиева

Преподобный Михей жил в одной келлие с преподобным Сергием; под руководством великого подвижника он взошел на высокий степень духовного совершенства. Чистые сердцем узрят Бога (см.: Мф. 5, 8). Кроткая душа келейника Сергиева очистилась послушанием и слезами и стала созерцать небожителей на земле. Мера участия его в созерцании явления Богоматери великому наставнику показывает и меру усовершенствования его в духовной жизни. Раз святой Сергий, совершив правило молитвы, сел немного отдохнуть, но вдруг сказал ученику своему Михею: «Бодрствуй, чадо, мы будем иметь чудное посещение». Едва произнес он эти слова, как услышан был голос: «Пречистая грядет». Внезапно осветил свет ярче солнечного. По удалении Богоматери Сергий нашел Михея без движения: от страха он лежал как бы мертвый. Сергий поднял его, и он спрашивал: «Скажи мне, отче, что это за чудное видение? От ужаса душа моя едва не разлучилась от тела». Серий не мог говорить от радости.

«Потерпи немного, — сказал он, — пока успокоится дух мой». Итак, великий наставник свободно видел Небесную Царицу и слышал слова ее; а ученик поражен был ужасом, не видел всего, но видел

свет небесный. По рукописным святцам, «преподобный отец Михей, келейник и ученик святого Серия чудотворца, преставился в лето 6893 (1385) месяца мая в 6-й день», следовательно, за 6 лет до смерти наставника своего. Мощи его почивают под спудом в церкви, устроенной над местом погребения его, в честь явления Богоматери преподобным Сергию и Михею[1].

ПАМЯТЬ
местночтимой блаженной
ФЕОДОСИИ,
матери святого благоверного великого князя Александра Невского

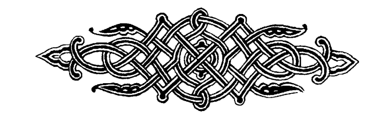
В Новгородском Юрьевом монастыре, у южной стены собора, вровень с правым клиросом находится гробница, на которой положена плита из белого мрамора с надписью: «лета 1244 мая 5-го в Великом Новгороде почи о Господе блаженная великая княгиня Феодосия, честнейшая супружница великого князя Ярослава Всеволодовича, с ним же благоговейно пожи и богоугоди, от него породи святых благоверных князей Феодора и Александра Невского и иных седмь сынов, и на конец жития иноческий образ восприимши, в нем же дано бысть ей имя Евфросиния; положена же бысть в обители святого Георгия подле сына своего, святого благоверного князя Феодора, на сем месте в каменном гробе».

[1] *Епифаний (Премудрый)*. Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца; Никон. л. 4, 236–238; Церковно-исторический месяцеслов Троицкой Лавры. М., 1850.

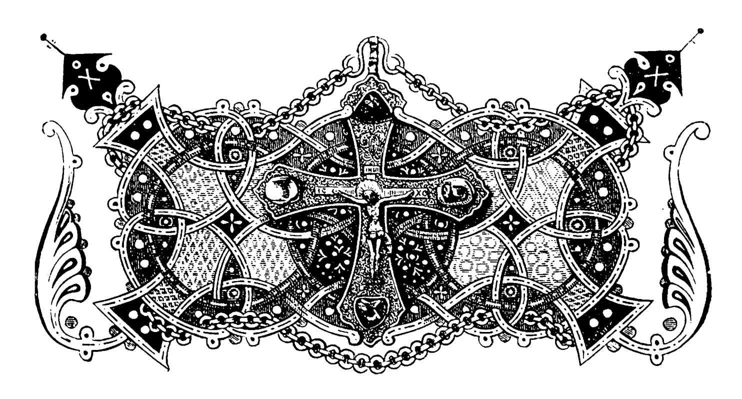
ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АДРИАНА МОНЗЕНСКОГО

Родиной Адриана, в мире Амоса, была Кострома. Родители его желали, чтобы сочетался он браком, и даже нашли ему невесту. Но не того желал Амос и сделался болен. В болезни виделся ему одинокий храм между двух рек, и он слышал голос: «Здесь — твое место». Оправясь от болезни, Амос тайно ушел из дома родительского в Толгский монастырь и в Геннадиевой обители принял пострижение с именем Адриана. Здесь прожил он несколько лет; потом жил на Каменном острове в Спасской обители и в Павловой Обнорской пустыни. Его не оставляла мысль найти виденный храм между двух рек. В Павловой пустыни полюбил его старец Пафнутий, и Адриан рассказал ему давнее видение свое. В одно время вечером Пафнутий после правила лег отдохнуть. Является ему неизвестный человек и говорит: «Пошли друга твоего Адриана к востоку; место не дальше 50 верст отсюда; там увидит он преподобного мужа». Пафнутий спросил: «Кто он и как знает то место?» Неизвестный отвечал: «То место не тебе назначено». Пафнутий рассказал об этом Адриану. Адриан, по рассказу престарелого священника Евпла, нашел в глухом месте запустелый храм, тот самый, который представлялся ему в видении. Он возвратился к Пафнутию с радостью, и они условились жить там вместе. Но неожиданно царский указ потребовал Пафнутия в Москву, где он (1595 г.) поставлен в архимандрита Чудова монастыря. Адриан оставался при храме с тремя иноками. Место было самое пустынное, тихое и приятное. Но открылось и неудобство: полая вода подмывала берег и была в виду опасность, что подроется она под храм. Один старец сказал при том Адриану, что и прежний игумен хотел перенести храм с опасного места на другое, и указал то место. Адриан и братия положили переселиться на то место. Но явился неизвестный человек и сказал: «Не беспокойся о месте; место тебе назначено на берегу реки Монзы; ты узнаешь о нем по исцелении двух больных». По этим указаниям Адриан перенес храм и обитель на берег реки Монзы; это в 35 верстах

от Галича и в 20 от Костромы, при впадении Монзы в реку Кострому. Здесь Адриан пользовался один год наставлениями и примером жизни преподобного Ферапонта. Пропитание доставали себе земледелием, и строитель Адриан был первым на работах. В страшный голод 1601 года обитель Адрианова неистощимо питала страдавших от голода. Наученные примером тружеников пустыни в те времена говорили: «Невероятный хлеб — не голод, а посконная рубашка — не нагота». Но в 1601 году хлеб был убит летним морозом, и целые тысячи умирали от голода. Преподобный Адриан, по наставлению чудного наставника своего Ферапонта, до голодного времени наполнил монастырские житницы хлебом и во время бедствия общего с полною любовью помогал страдавшим беднякам. Потом литовцы напали на пустынную обитель и оставили посредине ее огонь, с злостным намерением истребить ее; но удалившиеся иноки нашли обитель целою. Блаженный Адриан скончался 5 мая 1619 года. По рукописным святцам называется он чудотворцем. Мощи его почивают в Благовещенском храме обители его, упраздненной с 1764 года[1].

[1] Ркп. сказание о Монзенском монастыре (у Царского № 118); *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. Ркп. святцы: «прп. священноинок Адриан чудотворец, строитель Благовещенского монастыря на Монзе р. преставился в л. 7127 мая в 5 день».

День седьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АНТОНИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Преподобный Антоний — отец русского иночества, воспитатель того крепкого христианского духа, без которого наружное иночество легко является и легко исчезает и с которым иноческие учреждения остаются целы наперекор переворотам времени.

Блаженные Симон и Поликарп в свое время (в начале XIII в.) читали «Житие святого Антония», пространное и подробное, в котором, хотя кратко, говорилось и об учениках его[1]. К сожалению, не дошло до нас это драгоценное описание. Нам остается восстановлять образ дивного подвижника по отрывочным сведениям древности, притом осмотрительно.

Антоний, в мире Антипа, родился в местечке Любече, в 40 верстах от Чернигова[2]. Здесь поныне показывается пещера, в которой юный

[1] Слова Симона об Иларионе приведены август 28; об Онисифоре: «И ина такова обрящеши, брате Поликарпе, в житии святого Антония»; об Афанасии: «Аще ли кому не верно мнится написанное се, да почтет житие св. Антония». Поликарп об Агапите: «В житии же святого Антония вся жития их (подвижников современных Антонию) описана суть аще и вкратце речена».

[2] Переслав. л. 45. Супрасльск. л. 163. 164.

Антипа испытывал силы свои для великих подвигов иночества[1]. Бог положил ему на ум, говорит преподобный Нестор, желание странствовать, и странствуя достиг он Святой горы (Афонской). Здесь он осмотрел многие обители чудные и, возжелав облечься в чернеческие ризы, молил игумена одной из обителей постричь его; тот возложил на него монашеский образ, назвав его Антонием, и учил его монашескому чину[2]. Слава дивных подвигов Афанасия Афонского, который еще жив был в 997 году[3], влекла на Афон не только людей простых, но многих с иераршеских кафедр, даже из дальних стран. Преподобный Афанасий ввел в своей лавре общежитие[4]. Но большая часть Афонских подвижников жили отшельнически, то по два и по три вместе, то совершенно наедине. Так под Афонским типиком X века видим подписи 50 игуменов[5]. Многолюдство лавры не было по душе Антонию, он искал безмолвной тишины. По сведениям афонским, избрал он Эсфигменову прибрежную скалу и духовным старцем его был Феоктист, игумен Эсфигменовой обители, красующейся в виду скалы. Игумен благословил его подвизаться в полюбившейся пещере тем охотнее, что Антоний по близости мог иметь частое общение с старцем[6]. При самой подошве Афонской горы в X веке уже видим болгарское поселение[7]. Афон с начала X века был и приютом и рассадником иночества в славянских землях[8]. Так и рассудительный игумен Феоктист, после того как увидел Антония окрепшим в иноческой жизни, сказал ему: «Антоний! Иди в Россию, да будешь там и другим на пользу, благословением Святой Горы». Антоний повиновался. Прибыв в Киев, искал он себе места, где мог бы жить, как жил на Афоне. Варяжская пещера показывалась удобною для безмолвия. Гора Берестовая «по своей отвесной, почти отсеченной, высоте со стороны реки казалась неприступною. На ней в пещерах имели свой притон варяги, разбойничавшие по Днепру». Антоний избрал пещеру злодеев для подвигов

---

1 См.: *Филарет, архим. Черниговский*. Женские и закрытые монастыри. Чернигов, 1873.

2 Собр. л. 1, 65. 255.

3 Указатель актов Афонских // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847.

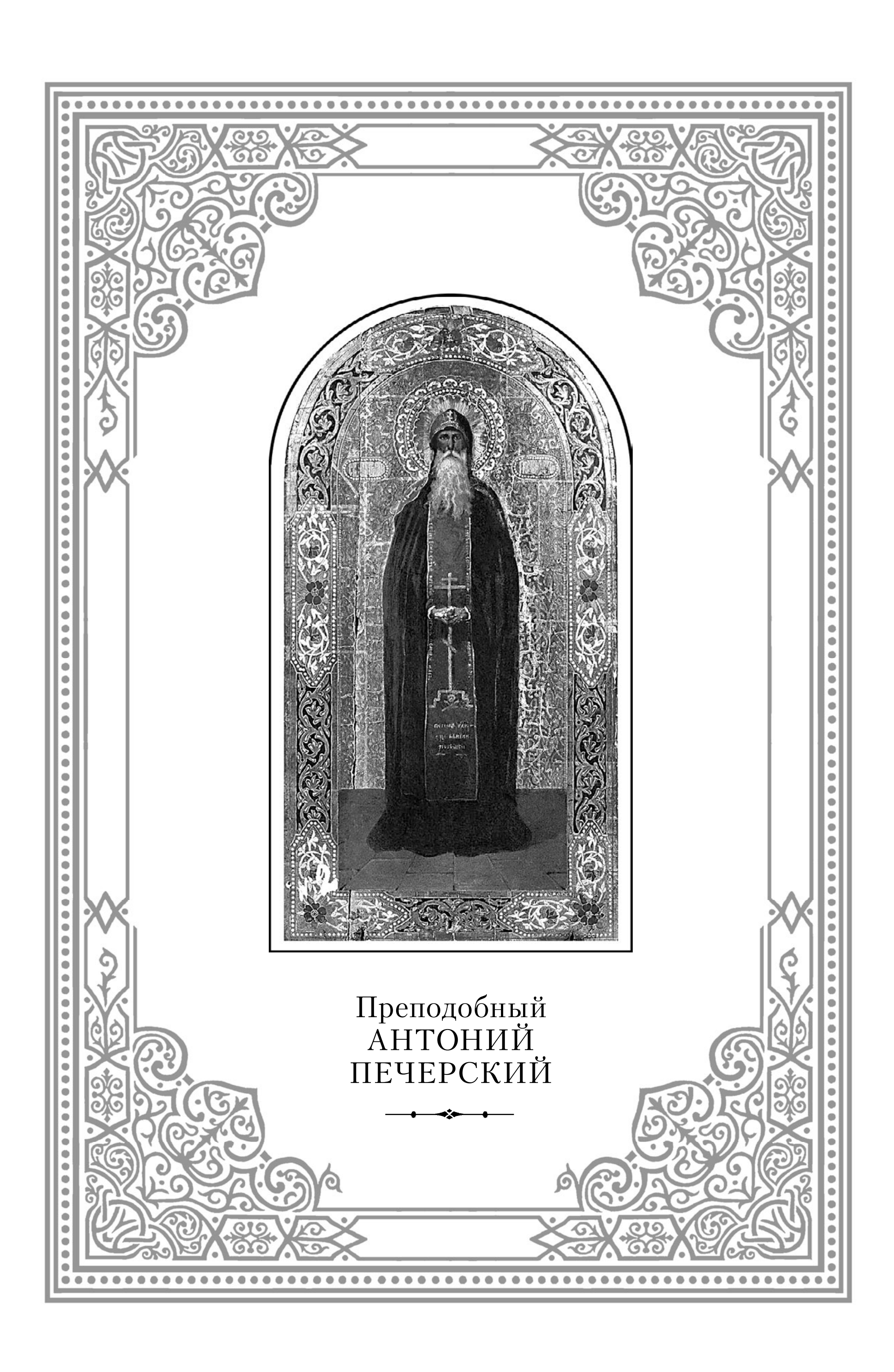
4 Житие прп. Афанасия в ркп. и в минее свт. Димитрия.

5 *Григорович В*. Очерк путешествия.

6 *Григорович В*. Очерк путешествия; *Муравьев А.Н*. Письма с Востока. Ч 1.

7 Акты Афонские, ст. 4. акт. 6. стат. 7. акт. 3.

8 Иоанн Колов основал свою обитель близ Иериссы; а в Иериссе жили болгары.

Преподобный
АНТОНИЙ ПЕЧЕРСКИЙ

святых. Это было в 1013 году[1]. Но кровопролития и волнения, наставшие после кончины Владимира, заставили Антония удалиться опять на Афон, и он подвизался там еще несколько лет[2]. Потом игумен повторил ему прежний духовный совет. Он нашел теперь в Киеве тишину. Это было в 1028 году[3].

Преподобный Антоний не изменял раз избранного пути; он и теперь хотел жить отшельником. Ему полюбился безмолвный Днепровский холм, куда уединялся и благочестивый Иларион, впоследствии митрополит. Призвав теплою молитвою благословение Божие, он выкопал себе при подошве холма пещеру и стал жить в ней[4]. В глубине смиренной души своей Антоний оставался и теперь только духовным сыном Афонской горы и трудился над собою для своей вечности. К его утешению, пещера его была далека от глаз людских. Берестовский холм

[1] Так по Густинской летописи (Собр. л. 2, 261). По Новгородской л. это было в 1012 г. (Собр. л. 3, 208). Преимущество за первою, как Киевскою. По Касьянову списку патерика Антоний был на Афоне при св. Владимире (ИОРЯС. Т. V). О Варяжской пещере см.: *Афанасий (Кальнофойский)*. Тератургима. Сприга канон: «постницы разбойников обитания храмы Божия соделаша».

[2] Так по патерику Касьянова списка (ИОРЯС. Т. V, 154) и известие его о двукратном путешествии на Афон взято, конечно, из древнего жития Антониева. Нестор в летописи говорит об однократном путешествии на Афон. Но здесь — не жизнь Антония, а часть, да и в той под 1051 г. есть поставление Илариона в митрополита. Если же положим, что Антоний начал жить в Киевской пещере с 1051 г., то это было бы непримиримо ни с известиями о Моисее Угрине, Леонтии, Иларионе, Никоне и Феодосии, ни с известиями о самом Антонии. Как уместить в «немногие дни» одного и того же 1051 г. путешествие на Афон, обхождение тамошних обитателей, пострижение игуменом, изучение иноческой жизни, возвращение в Россию, искание здесь удобного места по обителям, поселение в пещере? Как согласить 40 лет пребывания в Киевской пещере, когда Антоний почил в 1073 г.?

[3] По печатному патерику, Антоний во второй раз возвратился в Киев в 1017 г., но тогда не прекращались, а начались сильные волнения в России. По Густинской л. Антоний во второй раз пошел на Афон в 1017 году и возвратился в 1027 г. (Собр. л. 2, 263. 266). «Уста усобица и мятеж и бысть тишина велика на земли» в 1028 г. (Собр. л. 1, 64).

[4] Собр. л. 1, 67. 68. 255. Слова: «копая пещеру» были бы лишние у Нестора, если бы Антоний поселился в Иларионовой пещере, как того хотят иные (Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 9). В Иларионовой пещере Антоний не жил уже и потому, что сам Иларион принял пострижение у Антония: «От того пострижен бысть», — пишет Симон. Да и ни в одном лучшем списке летописи не сказано: «вселися в ню» — в Иларионову пещеру, а сказано: «Возлюби место се и вселися в не»; в древних патериках читали: «Возлюби место се и вселися в не», или «Вселися в нем». Собр. л. 1, 67. 68. 255; *Татищев В.Н.* История Российская. Т 2; *Бутков П.* Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. СПб., 1850.

покрыт был тогда густым, дремучим лесом. И, однако, о дивном пещернике узнали люди и стали приходить к нему. Он не хотел светить другим, но жизнь его светила, и каким светом! Антоний жил для одного Господа; а для кого же и жить должны люди? В молитве, трудах и подвигах проводил он время, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; сухой хлеб, и то через день, был его пищею; простая вода, и та в меру, — питье его. Какая полная любовь к Господу! Какое жертвование собою для Него! К дивному подвижнику приходили и оживлялись для лучшей жизни. Одни приносили ему необходимое для жизни, по чувству любви благой, и принимали благословение для дома своего; а некоторые решались и жить с ним. Никон, по сказанию Нестора, является в пещеру уже в сане иеромонаха; по известиям его и других, видим здесь прежде 1045 года Моисея, Леонтия, Илариона, Феодосия[1]. «Киевский Антоний, — говорит Нестор, — прославился как великий Антоний Египетский!» — и это еще при Ярославе. Великий князь Изяслав, лишь только вступил на престол, приходил (1054 г.) и с дружиною просить молитв Антония в его пещере[2]. Антоний сиял светом дел своих, но хранил глубокое смирение. По смирению не принимал он на себя сана священства. За пострижение двух придворных — Варлаама и Ефрема — Изяслав воздвиг гонение на пещеру Антониеву, и Антоний готов был безответно удалиться из Киева с учениками. Княжий отрок прибежал и известил о том князя. Супруга Изяслава, родом польская княжна, уговорила князя оставить иноков в покое. «За какое-то дело, — говорила она, — изгнаны были черноризцы, и много бед вышло из того в Польской нашей стороне». Изяслав приказал воротить уходивших иноков, и — Антоний остался, также покорный и смиренный[3].

Число братии пещерной умножилось до 15, и по благословенно Антония они устроили в пещере церковь с трапезою. Для любителя уединения такое общество казалось уже очень людным. Он сказал братии: «Вот Бог собрал вас, братия, и над вами почивает благословение Святой Горы, данное мне постригшим меня игуменом, а от меня перешедшее на вас. Живите теперь сами, я назначу вам игумена, а сам

---

[1] См. жития января 28, мая 3 и 23, июля 26, августа 28, ноября 19.

[2] Собр. л. 1, 68.

[3] *Нестор, прп.* Житие прп. отца нашего, игумена Печерского, Феодосия // Ученые записки второго отделения Императорской академии наук. СПб., 1856. Том 2, вып.1 (далее — *Нестор, прп.* Житие прп. отца нашего, игумена Печерского, Феодосия. — *Ред.*); *Поликарп (Печерский)*. Послание о Моисее Угрине.

хочу идти в другую гору жить наедине, как привык издавна». Назначив в игумена Варлаама, сам он в расстоянии 100 саженей от прежней пещеры выкопал себе новую пещеру, ту, которая и поныне называется Антониевою, или ближнею. Смирение его не хотело носить на себе звание игумена; власть передал он другим. Но уединяясь в новой пещере, он не переставал быть великим отцом и наставником для всех, по сознанию братии. В особенных случаях игумен и братия обращались к Антонию за наставлениями, и любовь его не отказывалась давать советы и помогать. Так он не только одобрил (1057 г.) рассуждение братии о нужде построить монастырь на горе, но послал предложить от его имени великому князю: «Князь мой! Бог умножает братию, а место у нас тесное: не дашь ли ты нам ту гору, что над пещерою?» И великий князь исполнил смиренную просьбу великого подвижника. Точно так же сам Антоний назначил Феодосия в преемника Варлаама[1]. Любовь его к искренним подвижникам простиралась до того, что сам он носил пищу каждый день заключившемуся в затворе Исаакию, и это продолжалось 7 лет[2]. Дух его постоянно пребывал с братиями, и крепкие молитвы его низводили на сердца их благодать небесную, возращавшую и укреплявшую их в жизни духовной. Его незримою помощью умножалось число братии у игумена Феодосия и обитель росла видимо. Преподобный Нестор справедливо сказал: «Много монастырей поставлено царями, боярами, богатством: но не таковы они, как поставленные слезами, постом, молитвою, бдением; Антоний не имел ни золота, ни серебра, но слезами и постом приобрел он очень много»[3].

Изнурение тела постом, очищение духа молитвою и Богомыслием до того возвысили дух Антония, что в нем был не только дух совета и мудрости, но дух чудес и откровений чрезвычайных. Больные получали исцеление, принимая простую пищу Антония[4]. В 1067 году половцы вторгнулись в Россию. Князья Изяслав, Святослав и Всеволод

[1] *Нестор, прп.* Житие прп. отца нашего, игумена Печерского, Феодосия; Собр. л. 1, 68. 69.

[2] Собр. л. 1, 83. 84.

[3] Собр. л. 1. 69.

[4] Поликарп в житии Агапита, сказав, что Агапит был свидетелем, как св. Антоний молитвою исцелял больных, давая им вкушать своей пищи, в конце жития изъявляет сожаление о том, что случаи чудесного исцеления не описаны даже и в том полном житии св. Антония, которое известно было в его время. «Их же (св. иноков) вспомянув добродетельное житие, дивлюся, како премолчана бышя великая исправления (так он называет и выше исцеления) св. отца нашего Антония».

решились сразиться с ними на реке Альте и пришли за благословением к Антонию. Антоний со слезами предсказал несчастную для них битву. Устрашенный тем военачальник «Симон, пав к ногам старца, молил о своем спасении. Блаженный сказал ему: “Сын мой, многие падут от меча острого, преследуемые врагами; вы будете смяты, изранены, потоплены в воде; но ты останешься жив и будешь положен в храме, который построен будет здесь”». Слова великого Антония исполнились во всей точности. Князья потерпели сильное поражение на Альте. «Израненный Симон лежал среди убитых. Подняв взор к небу, увидел он церковь великую. “Господи! — сказал он. — Избавь меня от сей горькой смерти, молитвами Твоей Матери и преподобных Антония и Феодосия” — И внезапно какая-то сила исхитила его из среды мертвых, и он исцелен тотчас»[1].

Затем последовало искушение для святого. Вследствие несчастной битвы на Альте киевляне, недовольные великим князем Изяславом, заставили его бежать в Польшу, а Всеслава, которого Изяслав вопреки клятве держал в заключении, возвели на престол. Спустя 7 месяцев Изяслав возвратил себе Киев и начал гневаться на Антония «за Всеслава»; если Антоний и принимал бывшего темничника Всеслава, то конечно только в духе любви святой; но Изяслав считал это оскорблением себе и восстал с гневом на Антония. Услышав о неудовольствиях против Антония, Черниговский князь Святослав прислал за Любчанином Антонием и взял его в Черниговский Елецкий монастырь, незадолго пред тем основанный на месте явления иконы Богоматерней на ели[2]. Другу уединения особенно понравилась Болдина гора, покрытая лесом, и он ископал в ней себе пещеру; князь Святослав, по его воле, построил подле пещеры храм пророка Илии, и по благословению Антония скоро собрались здесь иноки[3]. Так смиренный Антоний и гонение на него обратил в славу Божию.

Изяслав, уважавший в душе Антония, скоро почувствовал, что согрешил он пред человеком Божиим, неосторожно увлекшись движением

---

[1] *Симон (епископ Владимирский).* Повесть об основании Печерской обители; Собр. л. 1, 73. 74. 79. 2, 270.

[2] Собр. л. 1, 73. 74. 83. 2, 272; *Иоанникий (Голятовский), архим.* Скарбница. Новгород-Северский, 1676.

[3] *Дмитрий Ростовский, свт.* Руно орошенное; *Нестор, прп.* Житие прп. отца нашего, игумена Печерского, Феодосия; *Филарет Черниговский* Кафедральные черниговские монастыри: Ильинский, Елецкий и Борисоглебский. Чернигов, 1861.

гневного самолюбия. Он послал упросить Антония возвратиться в Киев, и Антоний возвратился в ту пещеру, в которой жил до удаления в Чернигов[1]. Для Антония за унижением земным следовала слава неба. В Печерскую обитель пришли из Константинополя четыре зодчих и спрашивали: «Где строить церковь?» «Что это значит? Кто прислал вас?» — спросили их. Греки рассказали следующее: «Каждый из нас был в своем доме, и к каждому рано утром пришел посланный и сказал: “Царица зовет тебя во Влахерн”. Мы явились и увидели Царицу, окруженную свитою. “Хочу построить Себе церковь в России, в Киеве; возьмите денег на три года и идите, стройте”, — сказала нам Царица. Мы спросили: к кому пойдем мы, в незнаемую сторону? “Вот к ним — к Антонию и Феодосию, которые явятся там”, — сказала Царица, указав на двух стоявших вблизи Нее. К чему нам так много денег? предложили мы. Царица отвечала: “Сей Антоний лишь благословит вас на труд, отойдет на вечный покой; на другой год последует за ним Феодосий. Итак, берите денег больше. Впрочем, никто так не заплатит вам, как Я; Сама Я буду осматривать церковь и хочу пребывать в ней”. Она дала нам и мощи святых мучеников Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора. “Это положите, — сказала Она, — в основание церкви; церковь будет Богородичная”, — и дала нам икону». Окончив рассказ, зодчие повторили вопрос: «Где же строить церковь?» Антоний сказал: «Подождите три дня». Затем обратился он к крепкой молитве и испросил чудесное указание на место храма. По молитве святого, в одну ночь на избранном месте было сухо, а все окрестности покрыты были росою; в другую ночь одно оно оросилось, тогда как ближние места были сухи[2]. Благословение места для великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония. На 90 году своей жизни за год до кончины святого Феодосия, мая 7 дня 1073 года, он мирно предал дух свой Господу[3].

---

[1] Собр. л. 2, 272. Нестор в житии Феодосия: «прииде — идеже и ныне чистое тело его лежит». По летописи, «ископа пещеру, яже есть под новым монастырем, в ней же скончa живот свой, жив в добродетели, не выходя из пещеры лет 40 нигде же». Собр. л. 1, 68. С какого времени считать 40 лет пребывания в пещере? С 1068 г. идя к началу жития. В 1057 г. он только перешел из одной пещеры в другую за 100 саженей; а в 1068 г. выходил он не только из пещеры, но и из Киева, в мир.

[2] *Симон (епископ Владимирский)*. Повесть об основании Печерской обители. Он говорит при том: «В житии св. Антония пространнее обрящеши».

[3] Собр. л. 3, 2. «В л. 6581 (1073) заложена бысть церковь Печерская Феодосием игуменом». Краткая Киев. л.: «преставися Антоний, игумен Печерский, благословив и знаменовав место церкви Св. Богородицы» (Супрасл. л. 139). Но здесь ошибоч-

Мощи преподобного Антония почивают под спудом, в той самой пещере, где подвизался он[1]. Глубокое смирение хранил он во всю земную жизнь свою; смирением закрывается он от славы человеческой и за гробом. Не раз пытались открыть святые мощи его, но останавливаемы были силою. Кальнофойский пишет: «когда москали захотели взять из гроба мощи святого, то святой, по воле Божией, раз прогнал огнем, чего и теперь есть знаки, а другой — водою»[2].

СТРАДАНИЕ святого ПАХОМИЯ

Блаженный Пахомий родился в Малороссии от родителей благочестивых. Еще в молодых летах взят он был в плен татарами, которые продали его турку, кожевнику в городе Усаки, что в Филадельфийском округе Анатолии. Покупщик, чтобы извлечь больше выгод из своей покупки, учил Пахомия кожевенному ремеслу, но старался научить и своей вере. Блаженный скоро понял ремесло, но ненавидел веру господина своего и всячески уклонялся от ее обрядов. Турок не раз бранил невольника, не раз наказывал побоями и лишением пищи: мужественный раб Христов переносил все за благочестие отеческое. В продолжение 27 лет неволи он с полным усердием служил господину своему и таким

но относится к 1074 г. кончина Антония и Феодосия. В Густин. л. и в 3-ей Новгор. (Собр. л. 2, 274. 3, 208) год кончины Антониевой отнесен к году основания храма, но ошибочно выставлен 1071 г. Днем кончины прп. Антония по древним святцам поставлено 7 мая (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 1). В минее Макария под 7 число мая «слово о св. Антонии Печерстем». Служба ему на 7 мая (у Царского № 563). В святцах старинных (Синодальн. Апостола XVI в. по опис. Синод. р. 1, 339 и устава XII в. у Толстого, I, № 100) память о прп. Антонии также под 7 мая; а под 10 июля в уставе замечено: «соборная церкви св. Антонию не празднуют». Последняя заметка дает видеть, что в то время лавра уже праздновала прп. Антонию 7 мая. О древнем праздновании св. Антонию, кроме Симона и Поликарпа, неизвестный в сборнике XV в. (*Востоков А.* Описание рукописей Румянцевского музеума. № 406).

[1] Печ. патерик л. 10. Четьи-минеи 10 июля.

[2] *Афанасий (Кальнофойский).* Тератургима.

поведением приобрел доверенность его к себе; турок хотел даже видеть его зятем своим и готов был передать ему наследство, лишь бы он отрекся от Христа.

Добрый раб Христов хранил чистоту совести и богатство с утешениями брака счел пустотою в сравнении с христианскою верою, незаменимою ничем для вечности. Господин его, убедясь в непоколебимости раба, не стал более насиловать совести его и за долгую службу дал ему свободу, предоставив ему идти куда хочет. Во время приготовления к пути Пахомий тяжко заболел и лежал почти без чувств. Соседние турки, узнав, что невольник получил свободу, не приняв магометанства, положили, что не тому быть должно. Они одели больного в турецкую одежду, хотя и не обрезали, а разгласили, что он отрекся от Христа и стал магометанином. Исповедник Христов, глубоко огорченный насилием, поспешил удалиться в Смирну и здесь, сбросив с себя турецкую одежду, отплыл на Святую Гору.

На Афоне в обители святого Павла, найдя иеромонаха строгой жизни Иосифа, блаженный открыл свою душу и упросил старца принять его к себе в послушание и постричь в иночество. Двенадцать лет провел он под руководством Иосифа, изучая жизнь духовную. Потом, услышав о чудной жизни преподобного Акакия Кавсокаливита, перешел в суровую пустынь его и провел с ним шесть лет. Здесь, питаясь трудами рук своих, он столько известен стал по совершенству жизни, что считался образцом для пустынных братий; особенно отличался он кротостью, приветливостью и добродушием. Но при всех добродетелях душа Пахомия жаждала еще подвига исповеднического: он тревожился сомнением, не вылетели ли во время болезни его какие-либо слова отречения от Господа, когда турки одели его в свои одежды, не посрамил ли он чем-либо имя христианина? Он открыл старцу Иосифу свое желание. Старец, полагая, что желание его — плод гордости духовной, строго бранил его за желание исповедничества. Пахомий оставался при своем желании. Духовник Иосиф испытывал его целый год, возлагая на него разные епитимии, и нашел его готовым на все. Затем оба они открывали свои мысли наиболее добродетельным отцам Святой Горы; но все одобрили тайную мысль Пахомия; а блаженный Акакий утверждал Пахомия на страдальческий подвиг молитвою и советами. Пахомий оставил Святую Гору, сопровождаемый духовником своим Иосифом.

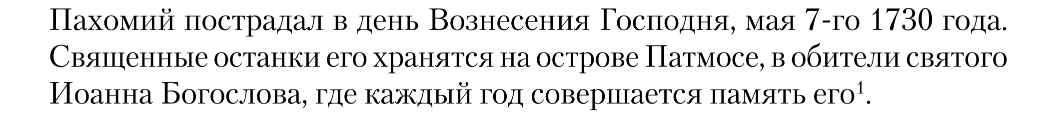
Прибыв в город Усаки, Иосиф остался в гостинице; а Пахомий пошел прямо в дом господина своего и оттуда на базар, чтобы узнали его.

Турки, узнав, схватили и повели его к судье; они объявили, что это — тот самый раб, который во время болезни отрекся от Христа и оделся в зеленые одежды, а теперь ходит в монашеской одежде. «Правда ли это?» — спросил судья. Пахомий отвечал: «И на уме у меня не было отрекаться от Христа: признавал и признаю христианскую веру святою и чистою, и готов перенести все муки за свое исповедание». Судья, осыпав его бранью, объявил, что так как раз отрекся он от Христа, то не может более носить одежды христианской и должен выбрать одно из двух — или совсем отказаться от Христа, или принять смерть. В ответ на это услышали слова исповедника: «Да не будет того, Христос Царь мой, чтобы я и тайною мыслью отрекся от имени Твоего; готов я по любви к Тебе и в огонь, и на всякую смерть». Судья велел бросить Пахомия в смрадную темницу.

Пахомий счел темницу раем, хотя был в ней без всякого человеческого утешения. На третий день осудили его на смерть. Вести о том обрадовался он как самой сладкой вести; прославляя Бога, он провел всю ночь на молитве.

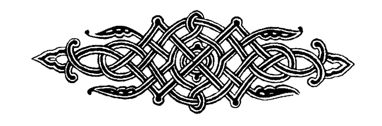
На рассвете представили его в суд, и судья сказал: «Вот ты осужден на смерть за твое упорство; смотри, чтобы позже не каяться». Пахомий отвечал: «Тысячу смертей готов перенести за Христа моего; пусть исполняют приговор». Исполнители казни повели связанного мученика за город, туда, где режут овец. Одни из турок осыпали Пахомия бранью, другие уговаривали отречься от Христа: мученик шел, углубленный в молитву, и на месте казни стал на колени. Палач в тревоге души медлил отсечь ему голову и шептал на ухо, чтобы отрекся от Христа. Твердый подвижник отвечал: «Не теряй напрасно времени, исполняй, что приказано». Тогда отсекли ему голову. Спустя три дня христиане взяли священные останки и погребли. Исполнитель казни помешался в уме и в страшных воплях умер. Духовник Иосиф, услышав о чудном подвиге Пахомия, прославил Бога и, придя на место, где еще лежало тело мученика, говорил со слезами: «Ты получил, чего давно желал, добрый сын мой Пахомий, моли же Господа обо мне и обо всех призывающих твое имя». Спустя несколько времени напал на Иосифа страх малодушия: но в сонном видении явился ему мученик и сказал: «Не бойся, старец, не потерпишь муки». С этими словами исчез страх в душе Иосифа. Одна благочестивая христианка тех мест, страдавшая с юных лет жестокою головною болью, призвав на помощь мученика, помазала каплями крови его больную голову и освободилась от многолетнего недуга своего; в память исцеления своего велела она написать лик мученика. Блаженный

Пахомий пострадал в день Вознесения Господня, мая 7-го 1730 года. Священные останки его хранятся на острове Патмосе, в обители святого Иоанна Богослова, где каждый год совершается память его[1].

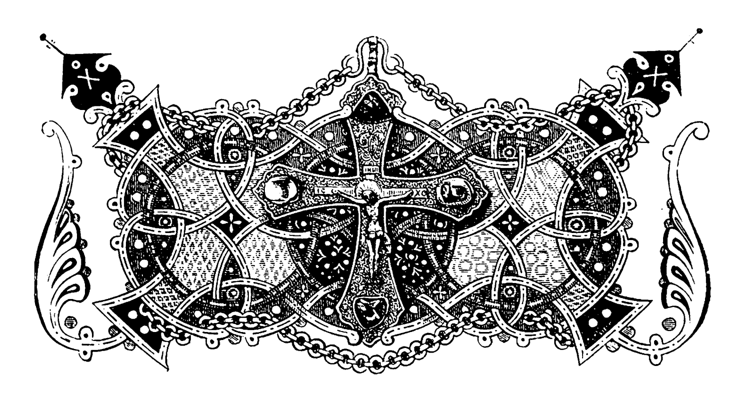
ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕСТЬ ЛЮБЕЧСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ

Святая икона, известная с давних времен, находится в Воскресенской (бывшей монастырской) церкви местечка Любеча, Черниговской епархии. Святитель Димитрий Ростовский в своем Дневнике говорит о многих чудесах от нее. Она была обновлена в Киеве (1701 г.) и по распоряжению митрополита Варлаама Ясинского возвращена в Любеч двумя иеромонахами и поставлена в только что сооруженную церковь Воскресения в монастыре. В Киево-Софийском соборе имеется список с нее, привезенный из Любеча в 1690 году митрополитом Гедеоном[2].

[1] *Никодим (Святогорец)*. Новый Мартиролог; *Сергий (Веснин), иеросхимонах*. Путеводитель по святой горе Афонской и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. СПб., 1854. Память прп. Пахомия празднуется мая 20-го; но день Вознесения Господня в 1730 г. был мая 7-го дня.

[2] *Димитрий, архимандрит*. Месяцеслов святых, всею русскою церковию или местно чтимых: В 4 вып. 1878–1883. Под 7 мая.

День восьмой

ПАМЯТЬ святой ЭМИЛИИ, матери Василия Великого, Макрины и Феозевии, сестер его

Бабка, мать и две сестры Василия Великого, по благодати Божией, были искренние, дивные рабыни Божии[1]. Блаженная Эмилия в юных летах своих сильно желала остаться девственницею до смерти. Но, рано лишившись матери и отца, у которого гнев императора отнял имущество и жизнь, принуждена была поступить не по желаниям своим.

Редкая красота выставляла ее предметом искательств молодежи, так что был замысел похитить ее. Безродство и опасности для души заставили ее искать себе опоры в благочестивом муже, а общее мнение о высоких качествах адвоката Василия расположило согласиться отдать руку Василию.

Юная супруга Василия нашла себе великую наставницу в матери мужа своего святой Макрине. Бабка святителя Василия Великого была дивная жена по уму и благочестию. Она была ученицею святого

[1] Главный источник сведений — слова свт. Григория Нисского о жизни Макрины см. в: Acta Sanctorum, julii tom. IV; *Gregorius Nyssenus.* Opera / ed. 1638. Т. 2. В Четьях-Минеях июля 19-го сокращенно.

Григория чудотворца, епископа Неокесарийского. Во время Диоклетианова гонения, продолжавшегося при Галерии и Максимине, она и муж ее были в числе тех, которые лучше решились скитаться из одного места в другое, терпеть нищету, голод и все беды, чем изменить вере. Они в 305 году удалились в леса Понтские и семь лет пробыли скитальцами. В дремучем лесу лишены они были всякого человеческого пособия, доходили до крайнего недостатка в пище; но Бог, по молитве их, посылал им дивную помощь. Прекрасные козы, спускаясь с горы, легко подходили к ним и сами отдавались в их руки. Этот видимый покров Всевышнего подкреплял изгнанников в терпении и борьбе за веру. При Ликинии (в 320 г.) конфискованы были имения их. Макрина оставалась твердою в вере. Понятно, как много такая великая жена значила для молодой супруги Эмилии. Внук ее, великий Василий, писал в свое время к Неокесарийцам: «О вере моей какое доказательство может быть яснее того, что воспитан я бабкою, блаженною женою, которая по происхождению ваша? Говорю о пламенной Макрине, от которой изучил я слова блаженнейшего Григория, которые и сама она сохранила, как дар предания, и на нас, еще малютках, напечатлевала, образуя нас догматами благочестия»[1].

Василий и Эмилия жили одними мыслями и чувствами христианскими.

Эмилия, с согласия мужа, кормила бедных, успокаивала странных, помогала больным, делала пожертвования храмам. Хотя родители обоих супругов лишены были почти всего состояния своего во время гонения за святую веру, но Бог за добрые дела супругов так умножил земную собственность их, что не было в том краю никого богаче их. Они владели землями в трех провинциях: в Понте, в Каппадокии и в Малой Армении. Впоследствии каждый из детей имел на своей доле более, чем сколько получил отец. Когда родился сын Петр, отец умер, и на руках Эмилии осталось девятеро детей. Всех воспитала она в глубоком благочестии. Трое из них были епископами: Василий, Григорий, Петр. Святитель Григорий Назианзский с восторгом говорил об

[1] *St. Basile*. Epistolae 204 ad Neocaesar / ed. Migne. V. 4, 751 (рус. пер.: Творения святителя Василия: В 7 ч. М., 1845–1848. Т. 7). В другом письме, против евстафиан, говорит он: «То понятие о Боге, которое приобрел я с детства от блаженной матери моей и бабки Макрины, и возрастало во мне» (там же). Римская Церковь славит память старшей Макрины января 14. В месяцесловах Греческой Церкви по какой-то странности не видно имени ее в числе святых, тогда как и Григорий Нисский в описании жизни младшей Макрины говорит о ее исповеднических подвигах.

Эмилии: «Она подарила миру столько и таких светильников, сыновей и дочерей, брачных и безбрачных; она счастлива и плодовита, как никто. Три славных священника; одна участница в тайнах священства; и прочие — лик небожителей. Изумляюсь, какая это богатая семья Эмилии! Благочестивая кровь Эмилии — собственность Христа; таков корень! Превосходнейшая! Вот награда твоему благочестию: слава сыновей твоих, с которыми у тебя одни желания»[1]. Сын Василий Великий с торжеством указывал врагам своим на то, что его учила вере мать его Эмилия[2]. Внучки Эмилии, дети одной из дочерей ее, начальствовали в Кесарийской обители[3].

Старшая из детей Эмилии была Макрина, и Макрина была помощницею матери для земли и неба. Богу угодно было, когда Эмилия была беременна в первый раз, возвестить ей об этой дочери и показать, чем будет дочь. Она видит во сне, будто носит на руках дочь и будто старец величественного вида, подойдя к ребенку, три раза назвал ее Феклою. Эмилия проснулась и родила так легко, что едва кончился сон, родилась дочь. С того времени мать и отец были убеждены, что данное дочери имя — предвозвестие о качествах дочери, близких к качествам святой девы Феклы. В дом призвана была кормилица; но ребенок почти не сходил с рук матери, был покоен только на ее руках.

Эмилия глубоко понимала обязанность матери. Если мужчина в толкотне жизни и заботе о ней не всегда внимателен к себе самому, то тем более далек от него постоянный надзор за раскрытием склонности и понятий в детях. Потому преимущественно на матери лежит долг надзора за развитием душевных и телесных сил дитяти. Несчастна мать, которая не хочет знать своего призвания, столько высокого! Эмилия дорожила этим призванием. По-видимому, не беззаботна бывает иная мать о детях: но — по опыту оказывается, что она все-таки не выполнила своего долга. Отчего это так? Оттого, что не тому и не так учила детей, чему и как должно учить. Воспитание Макрины тем более заслуживает внимания, что сама Эмилия приняла его за образец, по которому воспитывала других детей и особенно дочерей, и нельзя не пожелать, чтобы и другие родители следовали этому образцу. Греки

---

[1] *St. Gregorii*. Op. 4, 37. Сыновья Эмилии: Василий Кесарийский, Навкратий (рано убитый), Григорий Нисский, Петр Севастийский, инок упоминаемый Филосторгием; дочери Макрина, Феозевия, три другие неизвестные по имени.

[2] *St. Basile*. Epistolae 223 n. 3.

[3] Gaudentius. Hom. 17.

начинали учение детей почти всегда с басен и некоторых пиитических произведений, точь-в-точь как наши милые педагоги-прогрессисты. Эмилия увидела, что в языческих произведениях много мыслей и картин, оскорбительных для чистой души. (Когда бы в прославляемых прогрессистами было меньше!) Потому она приняла за учебные книги священные песни Давида и притчи Соломона. Из них выбирала она некоторые места молитвенные или хвалебные, или с уроками жизненной мудрости, и заставляла выучивать их наизусть. Так, чем бы ни занималась Макрина, священные стихи и наставления были постоянными ее спутниками-надзирателями (а не распущенные педагоги). Эмилия учила дочь и пению, но не давала ей петь песней Анакреона и Сафо. Все, что могло оставлять в юной душе впечатления гнилости и смрада нравственного, мать удаляла от взора и слуха юности. Матери сами водили детей (долгом считают водить и ныне) в театр и амфитеатр. Эмилия признавала, что и то уже невознаградимый вред от театральных сцен, что они отучают душу от любви к труду и приучают к легкомыслию и рассеянности[1]. Она обучала дочь женским рукодельям и домашнему хозяйству, тем более что труд физический укрепляет ее здоровье. Так ли ныне? Вот почтенный родитель и родительница гуляют со своими детьми. Около них идет молодой человек. Меньшему семилетнему сыну стало жарко, и он снял с себя бархатный кафтанчик. Молодой человек тотчас же предлагает свои услуги, берет и несет кафтанчик, в котором весу фунт. Родительница вступилась и, взяв кафтанчик и передавая его сыну, говорит робко: «Пусть приучается». Конечно, слава Богу и за то, что «Пусть приучается!» Но, милая мамаша! Добры ли вы к сыну и к себе, что сынок тяготится фунтиком тяжести, и вы готовите себе из него тяжести разного сорта? Не будьте ниже самки. После домашних занятий Эмилия водила дочь в храм Божий слушать священные песни и молитвы. Сын ее, уже святитель, писал «юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями»[2]: так много значила педагогика Эмилии.

Макрина, пришедшая в возраст, была красавицею по телу и по душе. Обороняя душу ее, скрывали ее от взоров нескромных. Но не-

---

[1] «Театр — открытая школа невоздержания (οσελγιας)», — говорит Василий Великий (Беседа 4, на шестоднев). Тертуллиан: «Театр — привилегированная зала бесстыдства и замок всяких гнусностей» (*Tertullianus.* De spectaculis).

[2] Творения святителя Василия: В 7 ч. М., 1845–1848. Т. 4.

которые успели видеть ее, другие узнали о прекрасных качествах души ее. Потому стали искать руки ее. Отец выбрал для дочери достойного жениха и сказал об избранном; но Бог, готовивший для чистой голубицы другую атмосферу, устроил по-своему. Тогда как избранный жених старался укреплять в семействе Макрины доброе мнение о себе защитою невинно обвиняемых, послана ему болезнь, и он скончался. Это решило будущность Макрины. Когда родители предлагали ей других женихов, она отвечала: «Жених мой не умер, он только в отлучке; зачем же изменять ему?» Теперь Макрина более прежнего старалась быть полезною для матери. Несколько служанок не могли столько выполнить услуг, сколько выполняла одна Макрина. И мать нежно любила ее. «Других детей, — говорила она, — носила я лишь некоторое время, а с Макриною не разлучалась никогда». От этой связи дочери с матерью польза была для обеих, и польза неоценимая: мать управляла чувствами и помышлениями дочери, а дочь до такой степени заботилась о матери, что собственными руками пекла для нее хлеб и шила белье. Когда умер отец семьи, Макрина была главною помощницею матери по управлению имениями, находившимися в разных областях. Важнее же было то, что Макрина имела влияние на нравственный быт всей семьи. Хотя мать стояла на высокой степени нравственной жизни; но Макрина нечувствительно вела ее выше и выше примером самоотверженной своей жизни. Она внушала брату Василию предаться исключительно изучению Евангельской мудрости. Она образовала Петра, быв для него второю матерью и наставницею. Когда все братья и сестры могли уже заведовать собою, она склонила мать удалиться с нею в монастырь.

В такой решимости мать и дочь построили обитель в Понте, на берегу реки Ириды, не вдали от горы Ивора. Там, отстранив все, что могло рассеивать их, изменили они образ жизни, служанок своих обратили в подруг своих и предались преимущественно молитве.

Святитель Григорий так описывает пустынную жизнь их:

«В отношении пищи и питья не было в общине никакого различия, как и в отношении келлий или убранства и других потребностей жизни. Неравенство состояний, сословий, значения в прежней светской жизни здесь не оставляло никакого следа. Жизнь, которую они вели, была так свята, добродетель так высока, что не умею описать. Их точность в исполнении обязанностей устава днем и ночью соответствовала рвению, которым они пламенели. Их можно было сравнить с теми блаженными душами, которые, выйдя из оков тела, парят к небу; сердца их так были

очищены от всего земного, что, можно сказать, жили они, как Ангелы. Нельзя было уловить на них признака гнева, зависти, подозрения или ненависти. Они отбросили от себя всю светскую суету, — желание отличия, известности, блеска. Наслаждение их заключалось в воздержании, слава в безвестности, богатство — в неимуществе, сила — в немощи; все мирское стряхнули они с себя, как пыль. Всякую минуту считали потерянною, если бы употреблена она была на что-нибудь наружное и гибнущее. Занятия их состояли в молитве и пении псалмов, не прерывавшемся ни днем, ни ночью».

Блаженная Макрина восходила от совершенства к совершенству, с твердостью побеждая в себе проявления порчи природы.

Относительно житейских нужд помогал Макрине и обители блаженный Петр, который ею был воспитан и который теперь платил ей за ее добро усердными заботами о сестре и матери: он жил не вдали, в другом монастыре, который построен был матерью и где сперва подвизался святитель Василий. Последний по временам также помогал сестре и матери.

Мать и дочь посещены были неожиданною потерею. Навкратий, второй сын Эмилии, принесен был мертвым из пустыни вместе с слугою, и никто не мог объяснить причины смерти их. Макрина тем изумительнее была в этом случае, что потрясенная до глубины сердца потерею любимого брата, она до того превозмогла чувства свои мыслями веры, что успокоила тем и мать неутешную. «Не было ни воплей или стонов, ни слез и других обыкновенных проявлений жестокой горести матери и сестры; было только все достойное жен, посвятивших себя Богу».

Как сильна была духом блаженная Макрина, как близка была душа ее к Господу, это открылось по особенному случаю. Под шеей Макрины, на груди, образовался чрезвычайный нарост: предполагали, что это — внутренний нарыв, и считали необходимым сделать хирургическую операцию, дабы иначе болезнь не распространилась на легкие и печень и не причинила смерти. Мать упрашивала Макрину согласиться на выполнение врачебного совета: врач дан Богом для пользы нашей, говорила нежная мать. Но высокая девственница решилась лучше переносить все страдания, чем обнажить тело свое перед глазами оператора. Она обратилась с надеждами к Господу. Пробыв при матери до всенощного бдения, она уединилась в моленную монастыря и провела там всю ночь в слезах, умоляя Небесного Врача явить над нею Свою волю. Взяв потом несколько земли, омоченной ее слезами,

она приложила ее к больной части тела. Надежды ее не были обмануты. Возвратясь к матери, она сказала, что если желает ей выздоровления, то пусть осенит болящее место крестным знамением. Мать хотела исполнить это; но, приложив руку к груди дочери, заметила, что нарост исчез; остался только знак, как будто место уколото было иглою. «Богу угодно было, — говорит святитель Григорий, — оставить этот след как памятник совершившегося чуда».

Эмилия, достигнув глубокой старости, должна была наконец испытать общую долю смертных. Из детей ее были при ней только Макрина и Петр. Чувствуя близость кончины, она с невыразимою нежностью говорила присутствующим об отсутствующих и молитвою за детей окончилась святая жизнь ее, мая 8-го, 375 года[1].

Не прошло четырех лет после того, и вот умер святитель Василий Великий (1 января 379 г.). Если смерть его погрузила всю Церковь в глубокую печаль, то как же должна была страдать Макрина, когда весть о его смерти дошла до ее пустыни? Она понимала значение его для современной Церкви и она же была нежная сестра его. Но как золото очищается огнем, так душа великой девственницы, перейдя чрез три тяжкие для нее потери, отрешалась от земного.

Прошло 9 месяцев после того. В Антиохии был собор, на котором присутствовал святитель Григорий Нисский. Он спешил видеться с сестрою Макриною после потери брата. «За день до прибытия было мне, — говорит он, — во сне видение. Казалось, что несу я на руках мученические мощи и от них исходил такой свет, что я не мог смотреть на яркость его. Три раза в ночь было это видение. И я не мог понять значения видения; только какая-то грусть была в душе моей. Приближаясь к обители, где сестра проводила ангельскую жизнь, спросил я одного из многих встречавших меня: там ли брат мой? Он отвечал, что брат за четыре дня выехал, а сестра больна. Я поспешил; сердце мое сжалось во мне.

По прибытии в обитель и храм ее, я пошел к сестре в келлию. Она лежала не на кровати, не на матраце, а на земле, на доске, покрытой власяницею; вместо подушки под головою ее была другая доска, наклонно положенная. Сестра была очень больна и, когда увидела меня, не имея

---

[1] По римскому мартирологу память о св. Эмилии — 8 мая и еще 30 мая «в Кесарии Каппадокийской память свв. Василия и Еммелии супруги его, родителей свт. Василия, которые, во времена Максимина быв изгнаны, жили в Понтских пустынях и после гонения, оставив детей наследниками добродетелей своих, почили в мире». Известие — неверное. Здесь смешан дед свт. Василия с отцом.

возможности встать по слабости, приподнялась на нищенском своем одре, чтобы принять меня с честию. Я подбежал к ней, успокоил, уложил ее; тогда, подняв руки к небу, сказала она: "Благодарю Тебя, Господи Боже мой! Ты исполнил желание мое, внушил рабу Твоему посетить Твою рабыню".

Она старалась скрыть от нас тяжесть дыхания и, чтобы усладить печаль нашу о ней, усиливалась улыбаться, говорила с нами о предметах приятных для нас. Речь склонилась к покойному Великому Василию. Я не мог воспретить горести выразиться на моем лице. Но она, вдохновенная высокими мыслями, говорила нам с такою возвышенностью о дивном смотрении Божием, простирающемся на все случаи земной жизни, что моя душа, увлекаемая за нею, парила над всеми природными чувствами и улетала на небо. Потом я не мог надивиться, как она, снедаемая лихорадкою, которая лишила ее сил и уже разлила по истощенному телу холодный пот, могла сохранить полную свободу мысли, как Иов, покрытый ранами. Она легко, тонко, возвышенно объясняла состояние души, жизнь, проводимую нами на земле, цель, для которой рождаемся мы, бессмертие, в которое облечется некогда бренное тело наше, и почему мы должны вступать в новую жизнь. Слова текли из уст ее, как из источника струя, которой ничто не останавливает[1].

Наконец она сказала мне: "Пора тебе, брат, отдохнуть после тяжелого и долгого пути". Какой отдых мог быть слаще слов ее? Но я повиновался и в ближнем саду укрылся под тень дерев. Видение мое о мощах объяснилось, я рассказал о нем некоторым бывшим тут.

Святая сестра моя, издали проникая в мои мысли, прислала сказать нам, чтобы мы не сокрушались, болезнь ее — благо; она разумела смерть, о которой вздыхала она, чтобы скорее насладиться зрением Спасителя. Мы тотчас встали и пошли к ней. Не желая тратить на бесполезное последних минут жизни, она начала рассказывать обо всем случившемся с нею с самого детства так, как будто читала по книге; исчисляла

[1] Свт. Григорий впоследствии описал «разговор с сестрою Макриною о душе и бессмертии» (см.: *Григорий Богослов*. Творения / Пер. Московской духовной академии: В 6 ч. М., 1843–1848. Ч. 4). Здесь свт. Григорий называет Макрину своею наставницею. Пусть в этом разговоре не все слова, усвояемые св. Макрине, принадлежат ей, — свт. Григорий на свободе раскрыл предмет разговора с умиравшею и кое в чем дополнил разговор: но и тогда в Макрине видны не только изумительная твердость и глубина мысли, но и обширное знакомство с языческою философией. Пусть новые материалисты послушают Макрину, рассуждающую о духовности души; наверно не останутся без пользы, если только они сколько-нибудь дорожат истиною.

все благодеяния, которыми Бог взыскал отца нашего, мать, семейство, и благословляла Его из глубины души за Его милости. Я начал было говорить, сколько терпел я, когда сослан был за веру императором Валентом, и о других бедствиях смут церковных. "Перестанешь ли ты, — сказала она, — терять из вида все благодеяния, которыми обязан Богу? Бойся неблагодарности. Он наградил тебя милостями щедрее, чем родителей. Пусть отец мой прославился в молодости в делах общественных, доставивших ему уважение сограждан: но имя его не перешло за границы Понта. А твое имя распространилось так далеко, что Церкви приглашают тебя, к тебе обращаются для восстановления между ними порядка и правил. Узнай, с глубокою благодарностью сердца, в этом милость Божию и действие молитв родителей наших".

После слушания молитв всенощной и отдыха ночного, когда настало утро, мне нетрудно было убедиться, что это утро — последнее для больной, лихорадка поглотила остаток сил страдалицы. Душа моя волновалась двумя чувствами: горестью, потому что нежность сестры вызывала и во мне нежность к ней — святой; из уст ее слышал я последние слова; другое чувство — изумление при виде невыразимого спокойствия, с каким ожидала она кончины.

Солнце было уже близко к закату; сила и энергия разума ее нимало не ослабевали. Она перестала говорить с нами. Сложив руки, неподвижно устремив глаза к жилищу Небесного Жениха (нищенское ложе ее было обращено к востоку), разговаривала она с Ним сладко и так тихо, что мы с трудом расслушивали иные слова. Но мы понимали, что говорила она Ему: "Господи! Ты избавляешь нас от страха смерти... Конец жизни этой — начало жизни истинной... Ты оставляешь нас почивать на время и пробуждаешь звуком трубы при конце веков. Боже Вечный, Которому принадлежу я от чрева матери моей, Которого я всегда любила всею силою моего сердца, Которому посвятила тело и душу! Дай мне Ангела светлого, который сопутствовал бы мне, привел бы меня к святым отцам, в место покоя и прохлады. Ты, простивший одного из распятых с Тобою, едва лишь он прибег к Твоему милосердию, помяни и меня в Царствии Твоем. Ужасающая мгла да не отдалит меня от Твоих избранных; дух завистник да не воспрепятствует мне воспарить к Тебе; да исчезнут пред Тобою грехи мои. Ты прощаешь смертных, прости грехи, сотворенные мною по немощи природы, словом, мыслью, чтобы, оставляя это тело, почувствовала я себя очищенною от всякой скверны и Ты принял бы мою душу, как благовоние пред Тобою!"

После этой умилительной и полной любви беседы со Спасителем она осенила крестным знамением свои уста, очи и сердце. Когда смерклось и внесены были свечи, она открыла глаза и сказала, что желает читать всенощную, но голос изменил ей, она только мысленно молилась и читала псалмы, мы молчали. Окончив, она усиливалась поднять руку к лицу, чтобы перекреститься, — из груди ее вырвался долгий и глубокий вздох, и жизнь ее кончилась вместе с ее молитвою».

Отшельницы, заглушавшие в сердцах печаль и стоны из уважения к настоятельнице, теперь, когда ее не стало, огласили воздух рыданиями и воплями скорби.

Вестиана, женщина благочестивая, которая, лишась мужа, избрала преподобную Макрину в руководительницу жизни духовной, осталась при покойной, когда другие вышли. Святитель спросил: не признают ли нужным одеть усопшую в приличную сану ее одежду? Позвали Лампадию, и та отвечала, что почившая никогда не любила красивого одеяния, да и нет у нее другой, кроме той, которую видят на ней. «Не сохранилось ли у вас что-нибудь?» — спросил святитель. «Вот, — отвечала Лампадия, — изношенная мантия, наметка и башмаки — все ее богатство. Сундуки и шкаф — пусты; на земле у нее нет ничего.

Такова была бедность святой девственницы! Худая мантия, наметка и башмаки — вот все имущество настоятельницы, той, которая получила богатое наследство.

Тело было покрыто одним из одеяний святителя-брата, а сверху прикрыто мантией покойной матери.

Вестиана, одевшая покойную, нашла под головою покойной снурок , на котором был крест[1] и маленькое железное кольцо[2]. «Разделим

---

[1] В житии св. Иоанна Милостивого (§ 1) говорится об ученике его Захарии: «снял с себя, какой носил, серебряный крестик и отдал ему» (нищему) (Patr. Lat. 73, 341). Крест на шее носил мученик Прокопий при Диоклетиане (Правила Никейского Собора, правило 4; *Никифор Каллист*. Церковная история; Четьи-Минеи июль 8), воин-христианин Орест (Четьи-Минеи дек. 13).

[2] Думают, что это кольцо возложено было на руку Макрины при принятии ею иночества в знак обручения со Христом. В оправдание такой мысли приводят слова св. муч. Агнессы из истории страданий ее: «перстнем Своим обручил меня Господь мой Иисус Христос и как невесту Свою увенчал венцом». О венце говорит Оптат Милевитский: «правил не дано, из какой шерсти должен быть венец и каким пурпуром должен быть покрыт» (Lib. 6, cont. Donat). Венец ныне куколь инокини (О древних местных обрядах посвящения девы см.: Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 1; Православный собеседник. Казань, 1865. № 3).

наследство, — сказал святитель, — возьмите себе крест, а мне дайте кольцо». «Выбор ваш счастливый, — отвечала Вестиана, — в этом кольце — частичка Животворящего Древа».

Слух о смерти преподобной созвал в обитель несметное множество людей всякого звания. Местный епископ прибыл со своим духовенством. Он и святитель Григорий со старшими пресвитерами несли гроб до церкви Мучеников, где он поставлен близ гроба матери в фамильном склепе.

Блаженная Макрина совершала чудеса еще в земной жизни своей, исцеляла больных, изгоняла бесов, чудесно умножала хлеб. Но, говорит святитель, люди неохотно верят тому, чего не видят своими глазами, и потому, чтобы не наводить на неверие, он не описывает чудес.

Эпитафия святителя Григория Назианзского к Макрине:

«Вот памятник знаменитой девы. Ты, конечно, слышал о Макрине, старшей дочери великой Эмилии. Она скрывалась от очей всякого мужчины. Но теперь она на языке всех и слава ее самая звучная»[1].

Тот же великий святитель отдал честь другой дочери святой Эмилии — святой Феозевии.

Странную ошибку допускали о Феозевии, ошибку оскорбительную особенно для святителя, того или другого. Феозевию, прославленную великим Богословом, считали супругою то святителя Григория Нисского, то святителя Григория Назианзского[2]. Отчего считали? Оттого, что не дали себе труда понять точное значение названия: ἱερέος σύζηγος, которым почтена Феозевия у Богослова. В отношении к Нисскому архипастырю надобно иметь в виду, что святой Богослов называет Феозевию сестрою Григория Нисского и дочерью великой Эмилии. Как же она могла быть женою родного брата своего? После того только язычество могло бы удержать за словами: ἱερέος σύζηγος значение супруги священника. У святого Богослова это означает, что Феозевия в звании диаконисы была верным товарищем брата, — ревностною помощницею ему в делах епископства.

[1] *St. Gregorii Nazianzen.* Op. 4, 76. Св. Макрина скончалась в 383 г., и память о ней июля 19.

[2] Супругою Григория Нисского называют Феозевию (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов; свт. Димитрий в Четьях-Минеях янв. 10). Ириней (Краткие жития. М., 1861) так плетет небылицы: «Когда был он (Григорий) еще пресвитером, то жена его Феозва была диаконисой; по посвящении в сан иерея они жили как брат с сестрой». Даже ученые Тейнеры (Einfuhrung. enzwungen Thelosigkeit. Altenburg, 1845. 1, 2667) не расстаются с мыслью о Феозевии супруге Нисского. Мураторий выдавал Феозевию за супругу Григория Назианзского.

Затем легко понять, что слова: Ἱερέος σύζηγος напрасно относили к супружеству Григория Назианзского. Он говорит: «моя Феозевия», но прямо говорит и то, что не разумеет он отношений телесных.

Утешая святителя Григория Нисского в кончине Феозевии, святой Богослов писал: «Слышу, по преставлении святой и блаженной сестры вашей, соблюдаешь ты изумительное терпение и мудрость, как муж благой, совершенный, предстоящий Богу, более других знающий и Божие и человеческое. То, что для других очень горько и тяжело, для тебя легко было — такую сестру, жившую с тобою, препроводить от себя, поместить в безопасное жилье, скажу словами Священного Писания, *как укладываются снопы пшеницы в свое время* (Иов. 5, 26). Хотя вкусила она приятности жизни, однако, по самому возрасту избавилась скорбей. Прежде нежели оплакала тебя, почтена от тебя прекрасным погребением, какое и должно быть для подобных жен. И сам я, поверь мне, желаю преставления, если не в одной мере с вами (это сказать о себе — было бы много), то не меньше вас. Но в состоянии ли мы что сделать против устава Божиего, давно так мощного над нами, который похитил мою Феозевию (жившую для Бога называю своею, потому что духовное родство выше телесного), Феозевию, славу Церкви, украшение Христово, потребность нашего века, дерзновение женского пола, при такой красоте братьев отличавшуюся красотою блистательною, Феозевию действительно священную, товарища иерея, почтенную и достойную великих таинств. Феозевию, о которой память сохранится и в будущем времени на бессмертных столпах, т. к. на душах всех тех, кто доныне знал ее и кто узнает впоследствии! И не дивись, если много раз повторяю имя ее, потому что наслаждаюсь воспоминанием о блаженной. И таково мое ей надгробное, а тебе утешительное слово, которое в немногом заключает многое»[1].

Святитель Григорий оставил и эпитафию «Феозевии, сестре великого Василия»: «И та Феозевия, дочь славной Эмилии, верный товарищ великого Григория, покрылась здесь священною землею. Опора жен благочестивых, ты вовремя вышла из этой жизни»[2]. В надписи Эмилии отличает он Феозевию от других детей Эмилии так: «одна — участница в тайнах священства».

---

[1] *St. Gregorii Nazianzen*. Op. 2, 322–326 (в рус. пер.: *Григорий Богослов*. Творения. / Пер. Московской духовной академии: В 6 ч. М., 1843–1848. Ч. 6).

[2] *St. Gregorii Nazianzen*. Op. 4, 78 (*Григорий Богослов*. Творения. / Пер. Московской духовной академии: В 6 ч. М., 1843–1848. Ч. 5).

Так, блаженная Феозевия была диакониса, посвятившая жизнь свою на то, чтобы быть верною помощницею брату-епископу. Феозевия, «достойная великих таинств, участница в тайнах священства». Как диакониса, она была действующим лицом при крещении жен; как диакониса, она зрела совершение Таинства Евхаристии, что недоступно было мирянам, даже и мужчинам.

«Избери, — говорится епископу в древних правилах, — диаконису верную и святую для служения женам. Случается иногда, что в некоторые дома не можешь ты из-за неверующих послать диакона к женам, тогда для успокоения помысла людей худых можешь послать диаконису»[1]. Как диакониса, Феозевия исполняла поручения епископа о женах в больницах, тюрьмах, при одрах смерти.

Недаром Богослов не раз называет Феозевию товарищем, верным товарищем великого Григория. Это название дает нам видеть, что если страдал Григорий епископ, то страдала и Феозевия. В 375 году Григория, оклеветанного, ариане согнали с кафедры, и он три года, пока не умер Валент, скитался, переходя из одного места в другое. Ревностный пастырь не оставался и тогда в бездействии: «Добро, тобою распространяемое, прочно, хотя сам ты и не имеешь прочного места», — писал ему святой Богослов[2]. Феозевия, верный товарищ великого Григория, делила с братом-епископом скитальческую жизнь; она, по поручению епископа, действовала на жен в поддержании Православия, теснимого арианской властью. Какое великое служение дивной девы!

Феозевия «действительно священная, опора жен благочестивых». Она диакониса не по одному имени; она освящала себя ревностным служением святой вере и сестрам.

Письмо, утешавшее брата о смерти Феозевии, писано в 385 году[3]. Значит, Феозевия, по возвращении брата на кафедру, еще семь лет продолжала служение диаконисы.

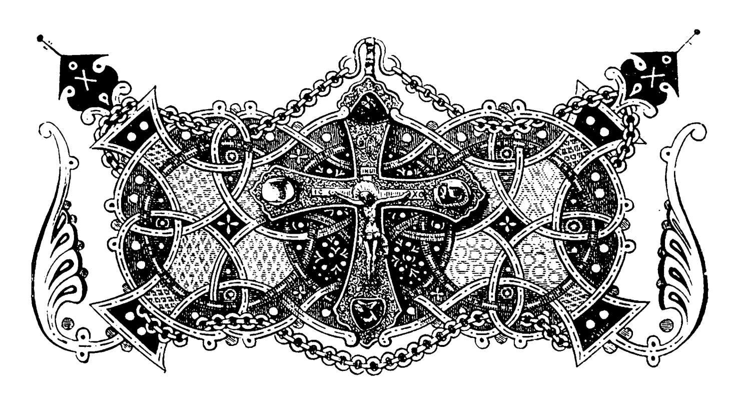
Память святой Феозевии января 10-го в тот же день, когда празднуется память святителя Григория Нисского, которому она была такою усердною помощницею.

---

[1] Постановления Апостольские (в рус. пер.). Казань, 1864. Кн. 3, гл. 15.

[2] *St. Gregorii Nazianzen.* Epistolae 34 (ср.: Epist. 35); *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви.

[3] *St. Gregorii Nazianzen.* Op. 3, 318–322 / ed. Migne.

День девятый

ПАМЯТЬ
преподобного
ИОАННА,
Зедазнийского чудотворца, начальника Сирийских отцов

Иоанн родился, воспитался и достиг зрелого возраста в Антиохии. По обычаю тогдашнего времени (в начале VI в.) и главное, следуя своему внутреннему призванию, он вступил в иночество и был ревностным и смиреннейшим подвижником.

Не оставлял он под спудом приобретенных им знаний и духовного просвещения и поучал жителей Антиохийской страны Богопознанию и исполнению христианских обязанностей. Слава о благом наставнике скоро начала привлекать к нему бесчисленное множество народа, и тогда, тяготясь постоянным нарушением возлюбленного уединения, Иоанн удалился в пустынное место. Сюда последовали за ним только несколько учеников, и все они всецело предались Богомыслию и молитве. Питаясь трудами своими, они тайным образом сбывали свое рукоделие в городе, пока, наконец, не открыли люди путь к ним и в пустыню и снова стали стекаться к своему отцу Иоанну, который чудным образом умел целить их недуги душевные и телесные.

Спустя некоторое время, по бывшему ему откровению, в котором он прозрел волю Божией Матери, чтобы он шел в Иверию утверждать

насажденную там Церковь, Иоанн, избрав по жребию 12 человек из учеников своих, отправился с ними в этот дальний и многотрудный путь.

Босые, в рубищах, сирские иноки были с благоговением встречены Иверским католикосом (патриархом) Евлавием и народом и получили приглашение Евлавия остаться при нем.

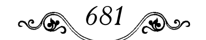
Скоро полились из уст их изобильные струи Божественного учения, и проповедь их, сопровождаемая чудотворениями, утверждала иверцев в вере во Святую Троицу и просветила почти всю страну Карталинскую. Святые отцы обходили все места, где блаженная Нина равноапостольная учила вере Христовой, покланялись тем местам, которые были ознаменованы каким-либо происшествием из ее жизни, и дивились апостольской деятельности, на которую Господь укрепил немощную женщину.

Потрудившись немало для распространения и утверждения в сердцах народа насажденных ими и прежде них Евангельских истин, святые отцы молили Бога указать им место постоянного пребывания. Их привлекала высокая и неприступная гора Заден[1] на левом берегу реки Арагвы, в 8-ми верстах к северо-востоку от Мцхета, столицы Иверии, и в 15-ти верстах к северу от Тифлиса. Помолясь и получив благословение католикоса, хотя и удерживавшего их, но не бывшего в состоянии отказать им в желании уединиться в этой дикой местности, святые отцы оставили Мцхет и, с великим трудом пробравшись через колючий кустарник на подошве горы и дремучий лес на горе, взошли, наконец, на вершину Задена, где и решились подвизаться в безмолвии. Найденную здесь пещеру Иоанн обратил в церковь, вокруг нее отшельники устроили себе шалаши из древесных листьев; пищею им служили разные травы и коренья, растущие на горе.

Едва прошел слух о поселении сирийских иноков на горе, как народ открыл к ним дорогу; снова устремились к ним больные, и увечные, и страдальцы всякого рода, чтобы принимать от них и душевные и телесные чудные пособия, и не обмануты они были в уповании на богоугодных, воочию всех прославляемых Богом людей.

В это время скончались епископы епархий Цилканской и Некресской. Католикос Евлавий решил заменить их кем-либо из 13-ти сирийских пришельцев. Он отправился к ним на гору и положил избрать тех из них, которые в тот день будут совершать Божественную литургию. Это были

[1] Здесь в 109 г. до Р. Х. был поставлен идол Заден Грузинским царем Фарнаджем, разрушенный впоследствии св. Ниною.

Авив и Исе[1]. Их и приветствовал он, одного — епископом города Некреси, другого — епископом города Цилкани. Тяжело им было расставаться с старцем Иоанном, но когда он же напомнил им о том, что они пришли трудиться и сеять здесь Слово Божие, то они не сопротивлялись и в скором времени были посвящены в епископы.

По отшествии их с горы посетители Иоанна умножились, многие из них оставляли мир, поселялись с ним, и по непроходимой горе был проложен путь и создалась обитель для возгоревших желанием посвятить себя на служение Богу под руководством благого и мудрого учителя Иоанна.

Однажды был удостоен блаженный видения Божией Матери со святою Ниною, которые повелели ему разослать учеников своих по разным местам Иверии для проповеди Слова Божиего и поучения народа. Так и сделал Иоанн. Напутствовав учеников своих святым назиданием, наделив их частицами мощей святых мучеников, чтобы они воодушевлялись памятью о них и подражали примеру их, он разослал их по всей Грузии, оставив при себе только одного ученика — диакона Илию, который служил опорою старческой немощи его; сам же предался неусыпным подвигам духовным, поработившим совершенно плоть его. Обогащенный всеми благодатными дарами, но всегда смиренный духом, Иоанн навещал учеников своих, чтобы поддерживать и их в подвигах духовных. И они посещали Иоанна и, укрепившись духовною радостью пребывания с ним, возвращались на места служения.

Гора, на которой жил Иоанн, едва очищенная кое-где от дремучего леса, была сначала совершенно безводна; в поте лица трудились добывающие воду из Арагвы, омывающей подошву высочайшей горы Зедазен. Жалел их Иоанн, и вот, по молитвам его — заструился на горе живительный источник, воды которого и до сих пор свидетельствуют, не умолкая, о чуде, сотворенном Богом в прославление раба Своего...

После долговременной жизни, прославленной деяниями и чудесами, как бы в осуществление слов Спасителя: *Верующий в Меня совершит дела, подобные Мне, и даже более Меня совершит...* (Ин. 14, 12) блаженный Иоанн получил в откровении извещение о своей кончине. Со страхом и трепетом устремлял он свой мысленный взор за пределы мира земного...

«Если великий апостол Павел мог сказать про себя: “Что надлежало мне сделать, то я сделал, и все-таки остаюсь неключимым

---

[1] Память св. Авива — 29 ноября, а св. Исе — 2 декабря.

рабом Господа, — проносилось в памяти предстоящего пред Небесным Судьей последнее земное представление, — то могу ли считать себя в безопасности?”»

Завещав ученикам своим похоронить его в той пещере, в которой он подвизался, Иоанн причастился Святых Таин Христа Спасителя. По принятии Святых Таин душу его осенил божественный восторг, и среди неизъяснимой отрады он предал Богу свою чистую душу.

По погребении его стали истекать многие чудеса от гроба его, не истощающиеся и поныне.

Теперь труженическое тело блаженного Иоанна, просветившего народ Иверский не только примером собственной жизни, но и посредством учеников своих, покоится у самого жертвенника в приделе церкви в честь Иоанна Крестителя, построенной на южной стороне пещеры, где подвизался и был погребен Иоанн. Церковь Иверская празднует 7-го мая память его с 12-ю его учениками.

Кончина Иоанна Зедазнийского последовала между 557–560 годами при католикосе Макарии.

ПАМЯТЬ преподобного ШИО (Симеона) МГВИМСКОГО

Жизнь преподобного Шио (в переводе на другие языки это имя может означать: Симеон) есть также благодатный плод почвы, удобренной христианским воспитанием, которое постарались дать ему благочестивые родители, с детства его тщательно прививавшие Слово Божие к разумению их единственного сына. И так глубоко внедрилась в сердце молодого Шио любовь к Слову Божиему, что он постоянно держал его в уме своем, и даже всегда носил при себе Евангелие, послания апостола Павла и Псалтирь. Родители его, опасаясь, наконец, излишнего умственного напряжения сына их и желая доставить ему отдых, решились однажды отобрать у него эти книги.

«Зачем прервали вы мои Божественные занятия? — возразил им опечаленный отрок, — кто не поучается постоянно Закону Божиему, тот отдаляется от Царства Небесного... Возвратите мне мои сокровища...»

И родители, вразумленные словами не по летам мудрого сына их, не стали больше стеснять его свободы... Со временем он же убедил их провести остаток их жизни в иночестве, а сам, употребив в пользу бедных и монастыря оставшееся после них имущество, пришел к Иоанну (Зедазнийскому), сиявшему еще в то время в Антиохии, и, получив от него пострижение в иночество, сделался его учеником.

Он был из числа тех 12-ти, которых Иоанн взял с собою в Иверию для утверждения верующих, новообращенных святою Ниною.

Послужив этому делу, преподобный Шио пожелал жить отшельником и с благословения католикоса Евлавия направил свой путь на запад от Мцхета — в непроходимые дебри лесные. Здесь, в пустыне, защищенной отвесными и совершенно крутыми стенами песчаной горы от взора людского, Шио поселился в тесной пещере, едва достаточной, чтобы укрыться в ней... Трудное подвижничество предстояло одинокому, беспомощному борцу среди суровой, дикой пустыни, но чудным Промыслителем о нем был Тот, к Кому он постоянно обращался с молитвою: «Господь — просвещение и Спаситель мой; кого убоюсь? Господь — Защитник жизни моей, — кого устрашусь?» В скале открылся родник, источающий для отшельника воду, а с пищею прилетал к нему голубь...

Этот-то голубь, по изволению Божиему, определившему не оставлять под спудом благодатный светильник, открыл людям жилище Шио... Некто Евагрий, знатный царедворец, охотясь по обыкновению за рекою Курою, проследил за голубем, носящим пищу отшельнику, и нашел преподобного, погруженного в молитву, с воздетыми к небу руками... Он был так поражен встречею с этим укрывшимся от мира человеком, молитвенно предстоящим в пустыне пред лицом Единого Бога, что внезапно сознал и в себе отречение от всего мирского и стал подвизаться в пещере под руководством отшельника, всецело предавшегося Богу...

С этих пор о Шио стало известно и другим людям в окружности. Многие стали селиться близ него, и таким образом собралось до 25-ти добровольных пустынножителей... На избранном по откровению блаженному Шио месте выстроили они церковь во имя образца пустынножителей — Иоанна Крестителя. Впоследствии царь Парсман VI, навестивший бывшего любимца своего Евагрия в пустыне и с благоговением отнесшийся к подвижнику Шио, подарил ему землю под

монастырь и доставил значительные средства для построения храмов[1]. Число братии новой обители возросло до 2000, для которых не было уже более свободных мест в ущельях, и они селились за ущельем, на востоке и на западе за рекою Курою, где впоследствии образовалась обширная Квайтахевская лавра.

Здесь подвизался и прославился даром чудотворений блаженный Шио. Здесь навестил его бывший учитель его Иоанн Зедазнийский и, погостив три дня, имел отраду удостовериться в высокой степени духовного совершенства новых иноков.

Но стремление к полному уединению преобладало в душе Шио. Он оставил основанную им обитель, простился с братией назидательнейшим словом, оставил для них 160 письменных поучений и, прервав всякое сообщение с миром, обрек себя на затворническую жизнь в темной, глубокой пещере. Пища святому спускалась туда по веревке.

Кто может постичь и исчислить несказанные подвиги этого Ангела в человеческом теле, духом предвосхитившего общение с Богом, т. е. Рай на земле... Потому и для выражения подобного душевного состояния нет слов на человеческом языке.

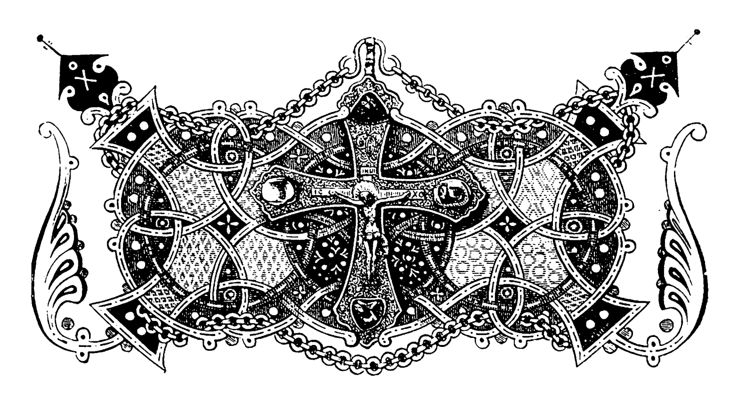
Предузнав о времени своей кончины, Шио пожелал принять иерея со Святыми Дарами. Сам Иоанн Зедазнийский пришел к нему и пребыл с ним до той чудной минуты, когда Шио, причастясь Святых Таин и воскликнув: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой! Прими душу мою, дарованную Тобою!» — кончил свое земное житие.

Тело его было погребено в той же пещере, где он скончался. Бывший возлюбленный учитель его, Иоанн Зедазнийский, и любимый из учеников его — Евагрий, обвили подвижника в его же одежды и предали земле, в то время как сверху, вокруг отверстия пещеры раздавалось надгробное напутственное пение иноков, собравшихся присутствовать при погребении великого затворника, теперь предстоящего перед Богом молитвенника и о них самих.

И был он по смерти сильным помощником и покровителем в бедах и скорбях всех, с верою поклонявшихся гробу его.

---

[1] Главным из них был храм в честь Успения Божией Матери; второй — в честь Рождества Иоанна Крестителя, где почивают останки прп. Шио. Оба эти храма полуразрушены, и в обители, прежде цветущей, — теперь такая бедность, что часто не бывает хлеба и вина для совершения Литургии... Такова судьба многих церквей Иверских, стоящих в развалинах на местах, бывших свидетелями их цветущего состояния в глубокой древности...

День десятый

ПАМЯТЬ святой ТАИСИИ МЛАДШЕЙ

Скитские отцы Иоанн Колов и брат его Даниил ревновали не только о своем спасении, но и о спасении других. Иоанн Колов говорил: «Нельзя строить дома с верха, а начинают с основания». Что же это за основание? «Основание — любовь к ближнему, заботливая о его спасении», — говорит авва. По этой-то любви авва любил говорить и делать полезное для других. Этой-то любовью возвращена была к Господу сбившаяся с доброго пути Таисия.

Таисия была дочь богатых и добрых родителей: они учили ее добру, и их уроки не были бесплодными в душе дочери. Оставшись сиротою, она обратила свой дом в приют для странников. Особенно находили у нее покой иноки скитские, посылавшиеся старцами по разным нуждам в город. Так немалое время принимала она со щедрой любовью пустынных отцов. Наконец средства ее очень уменьшились. Пришлось самой знакомиться с нуждами и горечью нищеты. Явились к молодой девушке дурные люди, и она, потеряв невинность, стала промышлять блудом в Александрии. Скитские старцы, услышав о том, сильно горевали о порче бедной девушки. В общем собрании сказано было Иоанну Колову: «Тебе Бог дал муд-

рость; сестра Таисия, столько благотворившая нам и которой должны мы оказывать любовь за ее добро, слышно, живет худо; потрудись, авва, побывать у нее и поговорить ей, не придет ли она в себя». Авва отправился. Прибыв в дом Таисии, просил он прислужницу сказать о нем госпоже Таисии. «Вы, иноки, объели и обобрали ее», — отвечала с гневом старая прислужница. Авва перенес брань с кротостью. «Доложи госпоже, — сказал он ласково, — что могу я доставить ей хорошие вещи». Та доложила. «Да, очень может быть, — сказала Таисия. — Иноки ходят по берегу моря, и им попадаются дорогие вещи, жемчуг, каменья: пусть взойдет». Авва, войдя, сел около Таисии и, взглянув на нее, залился слезами. «О чем ты плачешь, авва?» — тревожно спросила Таисия. «Вижу, — отвечал авва, — сатана играет на щеках и в очах твоих: как не плакать мне!» Услышав это, Таисия, так много любившая прежде добро, почувствовала мерзость новой жизни своей[1]. «Есть ли покаяние для подобных мне, авва?» — спросила она. «Есть», — отвечал авва. «Веди же меня куда хочешь», — сказала кающаяся грешница. И встав, пошла за аввой. Тот, идя впереди, изумлялся и говорил себе: вот как бросила все за один раз, не сделав и распоряжения о доме. Прибыв вечером в пустынное место, старец устроил для Таисии из песка ложе и, осенив ее знамением креста, сказал: «Спи спокойно». Потом, приготовив невдали и для себя такую же постель, помолился и уснул. Пробудясь в полночь, видит — какой-то светлый путь идет от ложа Таисии к небу, и Ангелы возносят душу. Он встал и, подойдя, толкнул Таисию. Оказалось, что она умерла. Смущенный всем тем, что случилось, он пал на землю и горячо молил Господа открыть Свою волю. И вот слышит голос: «И один час покаяния Таисии принят Господом и принят лучше, чем долгое, но неискреннее покаяние других»[2].

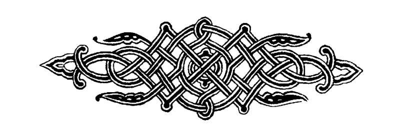
[1] Скитский патерик под знамением I. Четьи-Минеи мая 10.

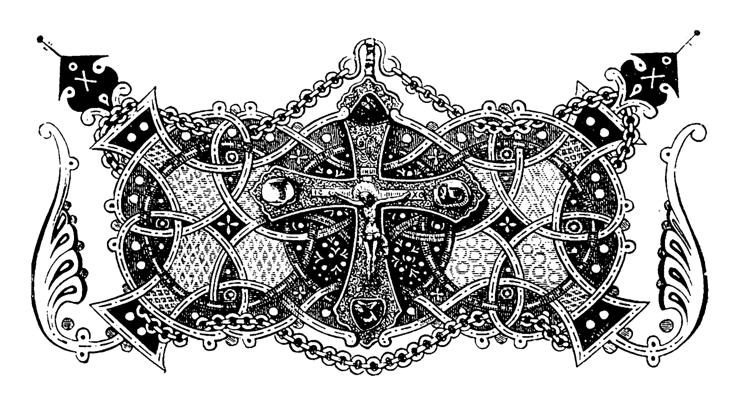
[2] Метафраст в описание жития св. Феодоры в Четьях-Минеях сентября 11, у Сурия сентября 9. Извлечение Acta Sanctorum. Sept. T. 3. Иные из частных случаев — сомнительны. Краткое извлечение в Менологе Василия; более пространное — в прологе на 11 сент. В греческой минее синаксарь в стихах. Канон писан неизвестным.

ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕСТЬ КИЕВО-БРАТСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ

Находится в Киево-Братском монастыре, а прежде была местной в Вышгороде. Во время войны с Польшею (1659–1667) при переправе крымских татар, бывших в союзе с поляками, чрез Днепр при Киевском Вышгороде, забраны были неприятелем из церкви иконы и доски. При этом случае Вышгородская местная икона Богоматери, утаенная от неверующих водами Днепра и принесенная к берегам Киевоподола, явилась в 1662 году в Киеве, где с радостью и с подобающею честью принята и принесена православными в Братский монастырь. Предание присовокупляет еще, что один татарин хотел на иконе переплыть Днепр против Братского монастыря. Икона поплыла сама и остановилась среди реки против монастыря. Плывший на ней начал кричать; из монастыря приплыли и взяли на лодку икону и татарина, который после сего крестился и постригся в монахи. С того времени она пребывает в Братской обители и по имени ее называется Братскою.

День двенадцатый

ПАМЯТЬ преподобного ДИОНИСИЯ, архимандрита Сергиевой лавры

Уроженец города Ржева, в крещении Давид[1], с юности отличался добрыми качествами — сердечною простотою и кротостью; шаловливые дети старались завлекать его в игры — он не хотел шалостей; в досаде на непохожего на них Давида шалуны били его, — он переносил побои терпеливо; грамоте учился охотно. Родители еще в детстве его переселились в город Старицу, и здесь отец был старшиною Ямской слободы. Когда Давид достиг лет отрочества, родители потребовали, чтобы вступил он в супружество. Он исполнил волю родителей, за примерно-добрую жизнь посвящен он в сан священства, но спустя 6 лет после брака жена и двое детей его умерли. Тогда поступил он в Старицкую обитель и пострижен в иночество с именем Дионисия. Убежденный в важности знания святых истин для святой жизни, горячо любил он книжное учение. Раз на рынок московский, где продавались книги, пришел высокий, стройный инок. Глаза всех обратились

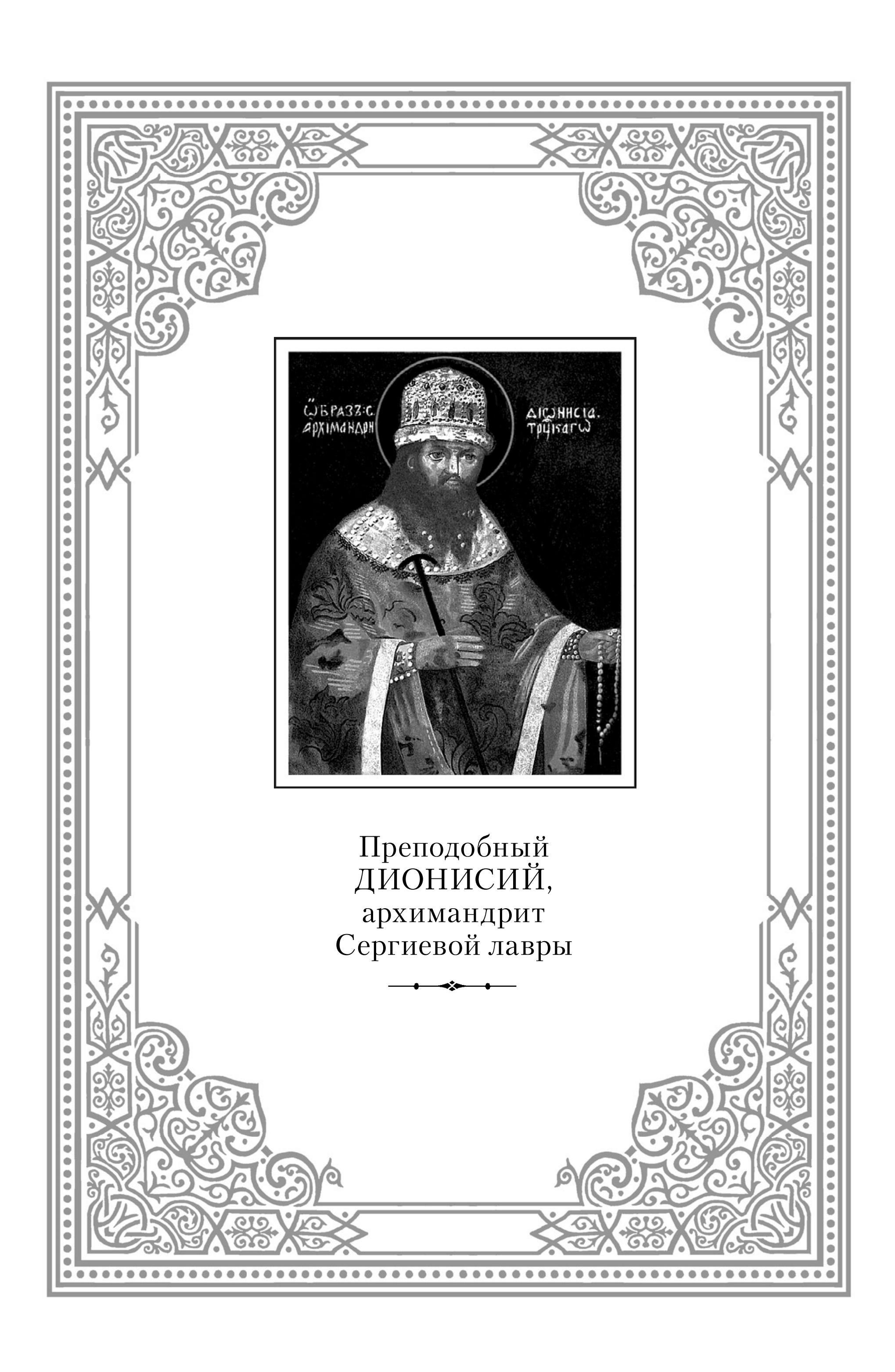
[1] Житие прп. Дионисия описано учеником его, келарем Симоном (См.: *Симон (Азарьин)*. Житие и подвиги отца нашего архимандрита Дионисия. М., 1824 (далее — *Симон (Азарьин)*. Житие и подвиги отца нашего архим. Дионисия. — *Ред.*)).

на него, и один сказал ему вслух: «Зачем ты здесь, монах? Вместо того чтобы оскорбиться дерзостью, монах отвечал: «да, брат, я точно такой грешник, как ты думаешь обо мне. Если бы я был настоящим иноком, не бродил бы я на рынке. Прости меня грешного». Окружавшие тронулись смирением инока и обратились с негодованием на дерзкого, называя его невеждою. «Нет, братцы, — говорил им инок, — не он невежда, а я; мне надобно знать и помнить, что мое дело сидеть в келлие». Обидевший хотел просить прощения, но инок скрылся. Это был Дионисий Старицкий, казначей обители. В 1605 году посвящен он в архимандрита Старицкого монастыря. Искреннею душою заботился он о благосостоянии своей обители. Поныне еще целы здесь некоторые пожертвования его[1]. Он погребал вместе с двумя святителями жившего на покое в Старице патриарха Иова. Блаженный патриарх Гермоген ставил в пример другим Старицкого архимандрита. «Смотрите, — говорит он, — на Старицкого архимандрита: никогда не оставляет он церковного служения и он же всегда на царских собраниях». Когда дурные люди волновали народ против царя Василия, Старицкий архимандрит, по примеру патриарха, уговаривал беспокойных людей помнить, что они — христиане; раз изменники отчизны силою привели патриарха на лобное место и здесь простирали до того наглость свою, что толкали святителя, а иные бросали в него грязью; Дионисий безотлучно был при патриархе и сколько мог оберегал святителя, уговаривал народ не забывать страха Божиего, удерживаться от своеволий преступных.

В 1610 году патриарх Гермоген определил Дионисия в архимандрита Сергиевой лавры, еще не оправившейся после осады поляков. Время было весьма тяжелое. Москва была в руках ляхов. Ляхи и бродяги свирепствовали в окрестностях Москвы. Толпы несчастных с разных сторон собирались к Сергиевой лавре и в каком виде! Одни были изломаны и обожжены; у других вырезаны ремни из спин и содраны волосы; те без руки или ноги, покалеченные; иные умирали на дороге или ожидали смерти, без призора. Собрав всю братию и слуг обители, святой Дионисий говорит им: «Любовь христианская во всякое время помогает нуждающимся, тем более должна помогать в такое страшное время». — «Кто в такой беде помогать может? Один Бог». Так отвечали ему с грустью безнадежною. Святой Дионисий заплакал и сказал: «В искушениях нужна твердость. Нас избавил Господь от осады. Что

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI.

Преподобный ДИОНИСИЙ, архимандрит Сергиевой лавры

если леность и скупость станет смирять нас и без осады?» «Что же нам делать?» — спросили. «Пусть каждый, — отвечал Дионисий, — делает все, что может, для других; а дом Святой Троицы не оскудеет». Слуги посоветовались между собою и объявили: «Если вы, государи, будете давать нужное для пищи и одеяния, готовы мы положить жизнь свою». И вот закипела деятельность. Открыты дома и больницы для бескровных и больных в подмонастырских слободах. Братия, по убеждению Дионисия, решились довольствоваться овсяных хлебом и водою, чтобы сберечь пшеничный и ржаной хлеб для больных. Разосланы были нарочные отыскивать по лесам и дорогам изнемогших от истощения сил. Келейник Дионисия днем и ночью разносил больным и нищим полотенца и деньги[1].

Дионисий от забот о частных бедствиях переходил к заботам о целой святой отчизне. Он писал в разные города христианские увещания. В 1610 году писал в Казань к строителю Амфилохию, задумавшему с родственником Шульгиным изменить русскому правительству. Тогда же писано в Рязань с убеждением стать за отчизну[2]. От 13-го июля 1611 года Дионисий и келарь писали в Нижний Новгород и другие волжские города, умоляя о помощи Москве людьми и деньгами. Когда же Ходкевич прибыл к Москве с новыми войсками, от 6-го октября они писали в Пермь и другие города с мольбою о поспешном сборе ратных людей на спасение веры и отечества, а в Москву отправлены были монастырские слуги с свинцом и порохом, вынутыми из осадных монастырских орудий[3]. Пожарский медлил в Ярославле с собранными силами. К нему один за другим посылаемы были иноки с убеждением поспешить на помощь Москве. Августа 11-го 1612 года архимандрит Дионисий на горе Волкуше благословил воинство на брань. К успокоению недоверявших успеху, ветер, дотоле противный, стал попутным православному воинству[4]. Соединившиеся под Москвою Пожарский

---

1 *Симон (Азарьин)*. Житие и подвиги отца нашего архим. Дионисия; *Авраамий (Палицын)*. Сказание об осаде Троицкого монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочинённое оного же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. М., 1784 (далее — *Авраамий (Палицын)*. Сказание об осаде Троицкого монастыря. — *Ред*.).

2 *Иван Наседка*. Записка о жизни преподобного Дионисия // Жития Дионисия, М., 1824; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XII, прим. 663–666.

3 *Симон (Азарьин)*. Житие и подвиги отца нашего архим. Дионисия; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2.

4 *Авраамий (Палицын)*. Сказание об осаде Троицкого монастыря.

и Трубецкой были не мирны между собою; правители России ссорились по капризам самолюбия, на гибель отчизны. «У семи пастухов — не стадо», говорил народ. Преподобный архимандрит писал правителям сердечное, красноречивое увещание о мире и любви[1]. Когда усилия друзей отчизны успели, наконец, выгнать ляхов из Москвы, Дионисий был в числе первых, совершавших благодарное моление на лобном месте[2].

Надлежало теперь позаботиться и о восстановлении обители, сильно потрясенной бедствиями. Ее башни и стены после осады были с трещинами; уцелевшие от огня келлии стояли почти без крыши; имения разорены и люди рабочие разбежались. По ходатайству Дионисия царь подтвердил права лавры грамотами и повелел возвратить на свои места разбежавшихся земледельцев ее. Деятельностью настоятеля мало-помалу изглаживались следы разорения в обители.

Еще не совсем окончились начатые поправки хозяйства по обители, как преподобный Дионисий должен был начать подвиги для святой веры, — царь поручил ему (грамотою от 8-го ноября 1616 г.) пересмотреть вместе со старцем Арсением и священником Иоанном требник, напечатанный в 1602 году[3].

Дионисий и его сотрудники принялись за дело с живым усердием и не без пособий нужных: кроме древних славянских списков, в том числе и требника митрополита Киприана, были у них греческие требники[4]. Много и долго трудились исправители. Ошибок найдено множество, и иные крайне грубые. «О воплощении Сына Божиего в потребниках письменных и в служебниках выхода первых печатей обрелося, Яко Отец Бог с Сыном воплотися». Исправители представили дело свое в Москву. Но здесь оглашены они были еретиками. В июле 1618 года на соборе положили: «Архимандрит Дионисий писал по своему изволу и за то архимандрита Дионисия да попа Ивана от Церкви Божией отлучаем, да не священствуют». Дионисия обвиняли в том, что «имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святого не исповедует, яко огнь есть». Это означало, что исправители полагали сделать перемены в славословиях Святой Троице, оканчивающих собою разные молитвы; а в чине водоосвящения исключали слово: «и огнем» как внесенное

[1] *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: В 4 кн. М., 1831–1834. Кн. 3.

[2] *Авраамий (Палицын).* Сказание об осаде Троицкого монастыря.

[3] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 3; житие.

[4] Челобитная Арсения в Синод. ркп. № 298.

произволом невежества[1]. В защитительной речи преподобный Дионисий писал: «Писано во всех требниках письменных старых, в том числе и пергаменных, в молитве: "Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая... Ты и ныне, Владыка, освяти воду сию Духом Твоим Святым". Так стоят слова в пергаментных и в бумажных списках и в них нет слова: и огнем. Так и в списках, присланных из Москвы, — в книге митрополита Киприана (а Киприан митрополит — человек святой, — как все знают) и в двух других списках! Так и в греческих книгах! Но не так в Московском печатном служебнике, где напечатано: "Духом Твоим Святым и огнем". Мы не знаем, с чего напечатано "и огнем". Мы думали, что напечатано так сообразно со словами евангелиста Луки: *Той Вы крестит Духом Святым и огнем* (Лк. 3, 16). Но зная, что евангелисты Марк и Матвей не сказали: и огнем, а только — Духом, приняли в основание слова Господа к Никодиму: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Небесное* (Ин. 3, 5). Сам евангелист Лука, предлагая обетование Господа, пишет: *имате креститься Духом Святым* , но не сказал "и огнем". По книге Деяний Апостольских, в день Пятидесятницы снисшел Дух Святой на апостолов и *явишася им разделени языцы яко огненни* (Деян. 2, 3); не сказано: явились языки огненные, но *яко огненни*. Да и книга Деяний не определяет, в каком виде нисходил Дух Святой на крещающихся. Крещением же огненным означается только испытание огненное»[2]. Весьма любопытно и поучительно, что говорил Арсений о прибавке слова «и огнем» в чине крещения. Из числа 12 Славянских списков, писал он, в 10 не было этого слова; в одном приписано на поле: и огнем, и в другом то же слово написано выше строки; в печатном же требнике это слово поставлено уже в строке[3]. Вот происхождение прибавлений, за которые так упорно стоят ревнители мнимой старины! Преподобному Дионисию пришлось вытерпеть много и много оскорблений незаслуженных. Положили заточить Дионисия в дальний монастырь; но так как по России бродили еще шайки ляхов и бродяг, то возвращенный в Москву Дионисий заперт в Новоспасский монастырь. Здесь томили его в дыму бани и морили голодом; приказали класть каждый день по 1000 поклонов. Преподобный, укрепляемый Господом,

[1] Деяние собора по ркп. Сахарова (Северная пчела. 1842. № 198). *Симон (Азарьин)*. Житие и подвиги отца нашего архим. Дионисия.

[2] Защищение Дионисия приложено Симоном к житию Дионисия, но в печатном житии нет его; оно — в Синод. ркп. № 298 (Ин. 416) и другой № 192.

[3] В той же Синод. ркп. № 298.

не только выполнял наложенную епитимию, но еще от усердия своего клал другую: 1000 поклонов каждый день. В праздничные дни водили его до обедни к митрополиту на смирение. На дворе владыки в оковах стоял он до вечерни в летний зной, не освежаемый и чашею студеной воды. Мало того, злобные невежды бранили и толкали его. Преподобный был весел как младенец. «Мне грозят Сибирью и Соловками, — говорил он, — но я рад тому, это жизнь мне». Когда другие с состраданием говорили: что это за беда с тобою, отче? — он отвечал: «Беды нет никакой, а милость Божия; преподобный Иона митрополит смиряет меня по делам моим, чтобы не был я горд; беды и напасти времени — милость Божия; вот беда, если придется гореть в гееннском огне. Да избавит нас Бог от того!» Когда бедного узника везли на кляче по городу, народ кричал: «Вот еретик, хочет вывести огонь из мира», — и бросал в него грязью. Преподобный переносил и это с незлобием младенца.

Главными обвинителями Дионисия на соборе были Сергиева монастыря «уставщик Филарет и головщик Логгин», с которыми имел дела архимандрит и по обители. Их дела и качества объясняют спор об исправлении книг и вместе открывают другие высокие подвиги преподобного Дионисия. Головщик Логгин был прежде того справщиком книг при типографии и, следовательно, теперь стоял за личное свое дело. Он был «громогласный певец», но «хитрость грамматическую и философство книжное нарицал еретичеством». Преподобный Дионисий по обязанности своей нередко вразумлял его в ошибочном произношении слов при пении и чтении, но гордый певец принимал это за оскорбление. Преподобный ввел читать в храме беседы Златоустого, переведенные Максимом Греком; Логгину хотелось, чтобы все делалось по его усмотрению, тогда как духовный вкус его был так тонок, что «море сладости казалось ему лужею негодною». Наглость его не знала границ. Преподобный уговаривал его со всею кротостью любви поберечь себя, и — без успеха. Логгин нагло оскорблял самого архимандрита. Раз Дионисий стал читать поучение. Логгин подбежал, вырвал у него книгу, — налой с книгою полетел, произошел стук, гром, соблазн. Дионисий перекрестился и молча удалился на свое место. Логгин, прочитав поучение, подошел к архимандриту и начал на него плевать и кричать. «Перестань, Логгин, не мешай Богослужению, — можем поговорить с тобою после утрени», — говорит кроткий настоятель. Логгин выхватил у него из рук архимандричий посох, изломал его в куски и бросил Дионисию. Сошедши со своего места, преподобный стал пред иконою Богоматери и проплакал утреню.

Логгин и после того не просил прощения у архимандрита, несмотря на увещания братии[1]. Уставщик Филарет был другом Логгина. Этот был еще замечательнее. Он иночествовал в обители более 50 лет. Но «от простоты ненаучения две мысли мудрования не доброго на ум придоша ему; первая мысль сицева: глаголаше, яко Господь наш Иисус Христос не прежде век от Отца родился; другая мысль ему бе, — содетеля Бога, непостижимого и неописанного, описана глаголаше и человекообразна суща». Итак, в одном и том же лице и самый темный невежда, и дерзкий еретик! Нетрудно заметить, что эти два лица очень близки по личным качествам к какому-нибудь Аввакуму или Лазарю. Преподобный Дионисий скорбел о Филарете, говорил ему, что многолетние подвиги свои губит он самоволием невежества своего. Но это было подвигом, полезным для преподобного Дионисия и напрасным для Филарета[2]. Логгин и Филарет, злобствуя на преподобного Дионисия, не только донесли собору, что Дионисий еретичествует, «не исповедует Духа Святым огнем», но злым духом своим одушевили и царицу инокиню Марфу, мать царя Михаила. И негодование простодушной старицы против мнимого еретика отягчило участь Дионисия. «Дозволяю себе по праву, — писал страдавший с Дионисием Арсений, — смею сказать о возводящих на нас неправду, что не знают они ни православия, ни кривославия, проходят Священные Писания по буквам и не стараются понимать смысл их»[3]. Таковы всегда слепые ревнители старой буквы!

Иерусалимский патриарх Феофан, прибыв в 1619 году в Москву, обратил внимание любви на страдальца Дионисия. Он предложил патриарху Филарету облегчить положение его, и в его оправдание указал на греческий требник. Дионисий освобожден был из темницы. Совершенное же оправдание преподобному Дионисию произнесено было не прежде, как получен был ответ о слове: «и огнем» от других Восточных патриархов. Патриарх Феофан, посетив лавру, возложил на страдальца веры свой клобук.

«Келлия устава не имать», — говаривал преподобный Дионисий. И в келлие, по горячей любви к Господу, большую часть времени про-

---

[1] *Симон (Азарьин)*. Житие и подвиги отца нашего архим. Дионисия.

[2] Там же.

[3] *Арсений Глухой, монах*. Послание к боярину Салтыкову об исправлении книг (ркп. Лавр. б-ки 700 л. 295). Здесь же: «...не довольно было уничтожить труды наши; возбудили на гнев и кроткое, незлобивое сердце благов. госуд. и великой старицы инокини Марфы Ивановны».

водил в молитве. В келлие читал он псалтирь с поклонами и с местами из Евангелия и Апостола. Он пел по шести и семи молебнов в сутки; кроме обычных канонов Иисусу и Богоматери с акафистами, пел каноны дневные, праздничные и разным святым. Спать ложился за три часа до благовеста к утрене, и однако, когда приходил к нему пономарь со свечой, он в малой мантии полагал 300 поклонов земных, потом, разбудив келейников, шел в церковь. Он строго соблюдал церковный устав, не позволяя ничего убавлять против него. Сам читал и пел на клиросе. Признательный к благотворителям обители, он требовал, чтобы читались синодики на проскомидии; во время соборного служения все священники в епитрахили стояли в алтаре и поминали имена усопших вкладчиков. В каждую утреню обходил он церковь и осматривал, все ли в храме. Он выходил с братией и на работы монастырские. У него были и живописцы, и иконописцы, и мастера серебряных дел. Он усердно заботился о храмах не только обители, но и сел монастырских, где построено им несколько новых храмов, особенно после разгрома польского. Все, что получал он для себя от благотворителей, употреблял он не на себя.

При нем было в обители 30 иеромонахов и 15 иеродиаконов. Подвижническая жизнь его возбуждала и других к подвигам благочестия. По примеру смирения его даже старшие из братии не стыдились ходить звонить на колокольню.

Из учеников Дионисия особенно известен преподобный Дорофей. В рукописных святцах читаем: «Преподобный Дорофей, великий трудник, бысть ученик святого Дионисия Радонежского и преставился в лето 7130 (1622)». Симон пишет о Дорофее: «Он был так тверд в благочестии, что никогда не оставлял церковного Богослужения, исправлял должность пономаря в церкви чудотворца Никона и вместе с тем был канонархистом и книгохранителем. В келлие выполнял он правило необыкновенное: читал всю Псалтирь и клал до 1000 поклонов; притом же писал книги. Спал он очень мало и никогда не ложился для сна. Пищею его служил кусок хлеба и ложка толокна и притом не каждый день; только по убеждению архимандрита стал он есть хлеб с квасом». По известию Наседки, Дорофей, столько трудившийся для раненых и больных, много терпел неприятностей и по особенности своей жизни. Следившие за жизнью его замечали, что не едал он по три и по четыре дня, а иногда и целую неделю. Иные говорили о нем, что он — святой человек; другие же, видя его валяющимся у стены или печки, смеялись над ним, как над глупцом. «Раз и я, — говорит Наседка, — смеялся над

ним вместе с другими. Дионисий, заметив это, строго посмотрел на меня. Спустя 10 лет в духовной беседе в Москве напомнил я Дионисию о замечании его относительно Дорофея; авва сказал: “не спрашивай иноков о делах иноческих. Для нас беда открывать мирянам наши тайны. Писано: да не увесть шуйца, яже творит десница твоя”. Я грешный стал просить объяснить мне это. “Вы миряне, — сказал он, — если услышите худое о чернецах, осуждаете их, на грех себе; а если услышите доброе, не ревнуете тому, а только хвалите, и из вашей похвалы выходит опасное искушение для нас, рождается гордость”. На вопрос о значении строгого взгляда его говорил он: “вы смеялись над человеком святым оттого, что жил он не по-вашему. Мне известно, что не едал он по неделе, по 10 дней капли воды не бывало у него во рту; ходил босой, нагой, голодный, с неумытыми руками и лицом. Он мучился блудными помыслами и потому-то томил себя голодом и жаждою”».

После опустошений польских в селах лавры храмы то были сожжены, то ограблены. Преподобный архимандрит построил несколько церквей сельских, из которых иные еще доселе целы. Ревностный о благолепии дома Божия, он имел в запасе всякую церковную утварь и, когда являлись просители, с любовью выдавал нужное для той или другой церкви.

Проведя жизнь в высоких подвигах любви к Господу, авва Дионисий мирно преставился 10 мая 1633 года, и патриарх Филарет сам отпевал его[1].

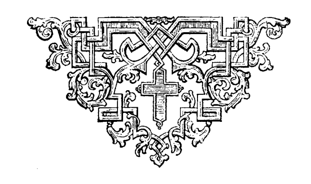
В самый день кончины Дионисия священник лаврской слободы Феодор не мог видеть кончины его и сильно скорбел о том. Во сне видел он, что спешит с другими принять последнее прощание преподобного Дионисия, но святой говорит ему: «Для чего спешишь ты? Те благословения просят, оставаясь здесь, а ты скоро пойдешь за мною». Спустя 8 дней Феодор скончался. Священник Ильинской, Пушкарной слободы, Феодор, лежал тяжко больным. В день великомученика Димитрия явился ему преподобный Дионисий в полном облачении архимандрита, предшествуемый иноком с горящею свечой. Дионисий поднял больного за руку и велел иноку Досифею вести его в церковь. Здесь святой зажег свечи перед иконами и сказал: «Слава Тебе, Господи, что церковь преподобного Илии устроилась». Больной проснулся здоровым; а храм действительно окончен был уже после кончины Дио-

[1] *Симон (Азарьин).* Житие и подвиги отца нашего архим. Дионисия.

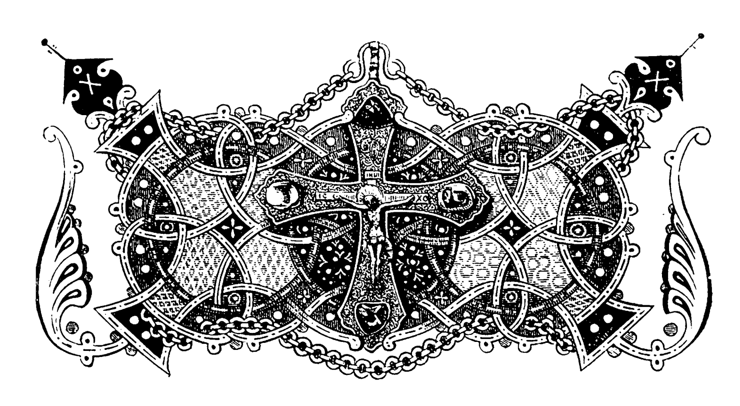
нисия. В 1640 году преподобный Дионисий являлся вместе с святым Алексеем преподобному Никодиму Кожеозерскому с вестью о скорой кончине его[1].

По словам Симона, преподобный Дионисий был роста высокого, статного, с лицом благолепным, с очами веселыми, с брадою долгою и широкою; с него усопшего снят был портрет. Ныне в лавре хранится древний портрет его с подписью: «Образ святого Дионисия архимандрита Троицкого». Портрет сходен с описанием современника[2].

[1] Сказание Симона по ркп. О прп. Никодиме июль 3. Служба прп. Дионисию напечатана вместе с житием его (*Симон (Азарьин)*. Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Троице-Сергиевы Лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением Жития его. М., 1855).

[2] Древности Российского государства. Отд. IV.

День тринадцатый

ПАМЯТЬ преподобного Иоанна, сына его ЕВФИМИЯ и племянника ГЕОРГИЯ, ИВЕРСКИХ

Преподобный Иоанн Грузин, княжеского рода из города Артануча (близ Карса), оставив военную службу, семейство и стяжания, поступил в один из Имеретинских монастырей, а отсюда, взяв сына Евфимия, перешел в монастырь горы Олимпа, в Греции, и, наконец, в Афонскую лавру святого Афанасия. Он исполнял безропотно все послушания, на него возлагаемые, вел строгую и трудолюбивую жизнь; по его примеру, прибывали и другие грузины в лавру Афанасия. Рассудив, что неудобно многочисленной грузинской братии жить между греками, Иоанн по общему совету купил место на восточной стороне Афонской горы и, построив церковь во имя Иоанна Крестителя, положил основание Иверскому монастырю, которого был первым

настоятелем (982 г.). Во дни его обитель удостоилась благодатного посещения Божией Матери чрез чудотворную икону Ее, именуемую Иверскою. Скончался 998 года, передав игуменство, с общего выбора братии, Евфимию.

Преподобный Евфимий еще при жизни своего родителя провел много лет в трудах над переводами книг Священного Писания и Богослужебных с греческого на грузинский язык, а в продолжение 12-летнего настоятельства с ревностью продолжал дело, начатое отцом его, по устройству обители и братства, установил порядок и чиноположение в отправлении церковного Богослужения и написал устав общежития, в исполнении коего служил примером для братии. Так как с принятием игуменства он невольно прекратил труды свои по переводу священных книг, то многие высшие духовные и мирские сановники грузинские убедили его сложить с себя бремя настоятельства и продолжать начатые им труды для блага Церкви и своего народа. Евфимий передал игуменство родственнику своему иноку Георгию и снова принялся за прерванные было труды; скончался на 65 году богоугодной жизни своей, в 1028 году, обессмертив свое имя в памяти благодарного народа грузинского.

Преподобный Георгий, племянник Иоанна, был шестым игуменом Иверской обители, которая при Георгии, третьем игумене, и его двух непосредственных преемниках не свободна была от некоторых неурядиц. Он родился в Грузии 1014 года и на 25 году жизни пострижен в Хахульском монастыре, откуда потом посещал святые места Сирии и Палестины, и наконец, по убеждению старцев, отправился на Святую Гору Афонскую продолжать труды Евфимия по переводу книг на грузинский язык. Семь лет провел он в безусловном послушании братству и, удостоенный сана пресвитерского, тогда только начал приводить к концу начатое Евфимием. В 1047 году братия избрала его в игумены, и он воздвигнул поныне существующий соборный храм в честь Успения Богоматери и перенес сюда же мощи Иоанна и Евфимия. Чрез 10 лет сложил с себя игуменство, чтобы иметь больше времени для просветительной деятельности, посетил Дивную гору близ Антиохии, где было тогда много монахов грузин, и по приглашение царя Баграта IV четыре года прожил в Грузии для устройства дел церковных. Скончался на обратном в Афон пути, в Константинополе, в 1066 году, на 52 году своей жизни.

ПАМЯТЬ праведной ГЛИКЕРИИ ДЕВИЦЫ

По летописи, 1572 года июня 14 дня в Новгороде у церкви святых Флора и Лавра обретены нетленными мощи святой девицы Гликерии, скончавшейся за 50 лет перед тем; это была дочь старосты Легощинской улицы Пантелеймона; архиепископом Леонидом и собором духовенства мощи положены были в самом храме. В тот же день получил исцеление при гробе праведницы четырехлетний сын подьячего Богдана Суворова[1]. Память праведницы местно чтится мая 13 дня[2].

Праведница изображена на старинном образе Новгородских чудотворцев, который ныне находится в ризнице Черниговской кафедры. Образ — достойный внимания! Вверху — святая София с предстоящими Богоматерью и Предтечею. В первом ряду: «Никита, Нифонт, Иоанн, Евфимий, Иона, Моисей, Серапион, Григорий, Феоктист, Лука»; во втором ряду: «Иоаким, Симеон, Мартирий, Василий, Антоний (святители), Варлаам (Хутынский), Савва (Вишерский), Михаил (Клопский), Александр (Свирский)». В 3 ряду: «Александр (Ошевенский), Зосима и Савватий (Соловецкие), Нил (Столобенский), Арсений (Коневский), Никодим (Кожеезерский), Ефрем (Новоторжский), Антоний (Римлянин), Антоний (Сийский)». В 4 ряду: «Антоний (Леохновский), Ефрем (Перекомский), Варлаам (Шенкурский), Серий и Герман (Валаамские), Евфросин (Синозерский), Владимир (князь), Анна (княгиня), Феодор (юродивый), Николай (юродивый)». В 5 ряду: «Арсений (Новгородский), Афанасий (Череповецкий), Корнилий (Палеостровский), Антоний (Дымский), Ксенофонт (Робейский), Никита, Кирилл, Никифор, Климент, Исаакий (Алфановы)». В 6 ряду: «Мартирий (Зеленецкий), Феофил и Иаков (Омучские),

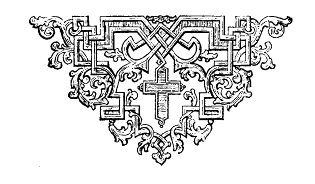

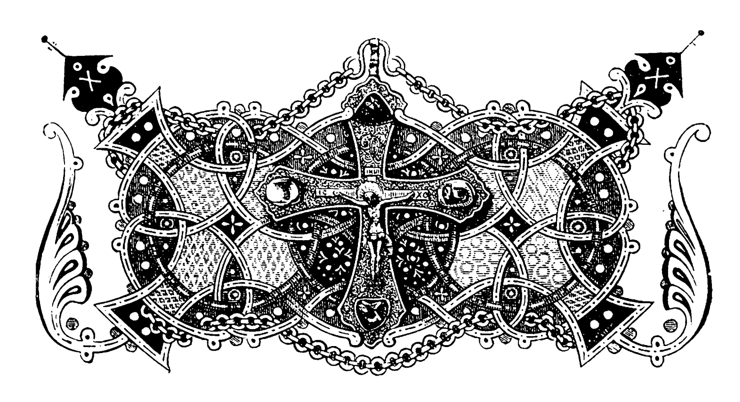
[1] Собр. л. 3, 172. Надпись на раке праведницы.

[2] *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1; *Тихомиров П.И., свящ.* Сказание о новгородской чудотворной святой иконе Знамение Божией Матери. Новгород, 1872.

Кирилл (Челмогорский), Феодор (князь), Мстислав (князь), Иоанн Логгин (Яренгский), Диодор (Юрьегорский), Елеазар (Анзерский), Макарий (Оредежский), Артемий (Веркольский), Иаков и Иоанн (Менюжские), Гликерия».

Святого Сергия исповедника, скончавшегося в изгнании при императоре Феофиле (829–842). Он известен как песнописец и описатель событий от времен Копронима до Михаила Заики.

День четырнадцатый

ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕСТЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В Ярославле мещанка Александра Димитриевна Добычкина 17 лет страдала весьма жестокою болезнью, сначала внутреннею тоскою, потом ломотою в руках и во всех составах; мучительная боль исторгала у ней страшные вопли. В 1823 году видела она во сне некоторый храм с изображением в нем иконы Богоматери. Ходя по церквам, она везде искала сего храма.

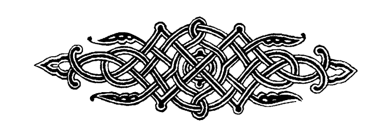
Мая 1-го пришла она в Ярославский архиерейский дом и, увидя здесь под колокольнею церковь Происхождения Честных древ, узнала в ней виденный ею во сне храм. С радостным предчувствием вошла и, как скоро увидела написанную на стене икону Божией Матери Печерской, вдруг повержена была на пол с необыкновенными корчами всего тела. Пришедши в себя и питаясь несомненною надеждою получить исцеление своих многолетних недугов от иконы Богоматери, виденной ею во сне, она и на другой день, мая 2-го пришла в сию церковь и, помолясь пред иконою Богоматери, хотела подойти и приложиться к ней; но вдруг почувствовала внутри себя какое-то сильное и непонятное движение и вместе с сим получила совершенное исцеление от болезни. С того времени от сей иконы благодатию Богоматери начали источаться бесчисленные чудеса всем, с верою к ней притекающим.

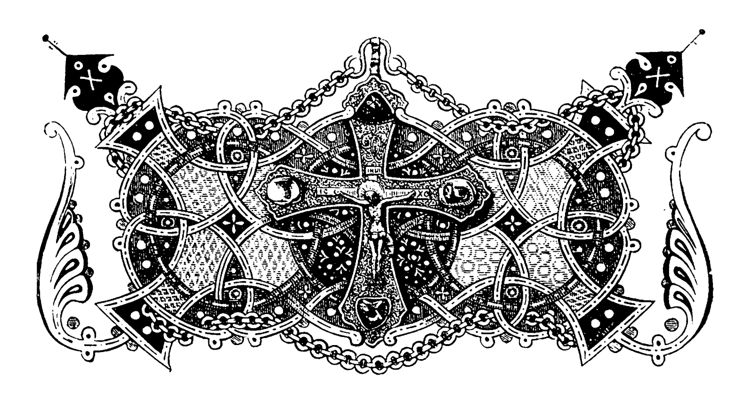
ПАМЯТЬ
святого мученика
ИСИДОРА,
на острове Хиосе

Исидор, в воинской службе опцион (т. е. унтер-офицер), в гонение Декиево был представлен воеводе как христианин, и на повеление принести жертву богам отвечал: «Да кто ж ваши боги? Не идолы ли бесчувственные?» Воевода сначала велел бить его воловьими жилами, потом отрезать язык и, наконец, обезглавить. Тело его унес Аммоний, потаенный христианин, и похоронил честно. Это было в 250 году. Впоследствии над мощами его устроена церковь.

ПАМЯТЬ
первого открытия мощей святого
ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

В Задонском монастыре, где открыто почивают мощи святителя, 14-го мая совершается праздничное воспоминание первого негласного открытия их в 1846 году архиепископом Воронежским Антонием, вследствие особенного видения.

День пятнадцатый

† СТРАДАНИЕ святого ДИМИТРИЯ ЦАРЕВИЧА

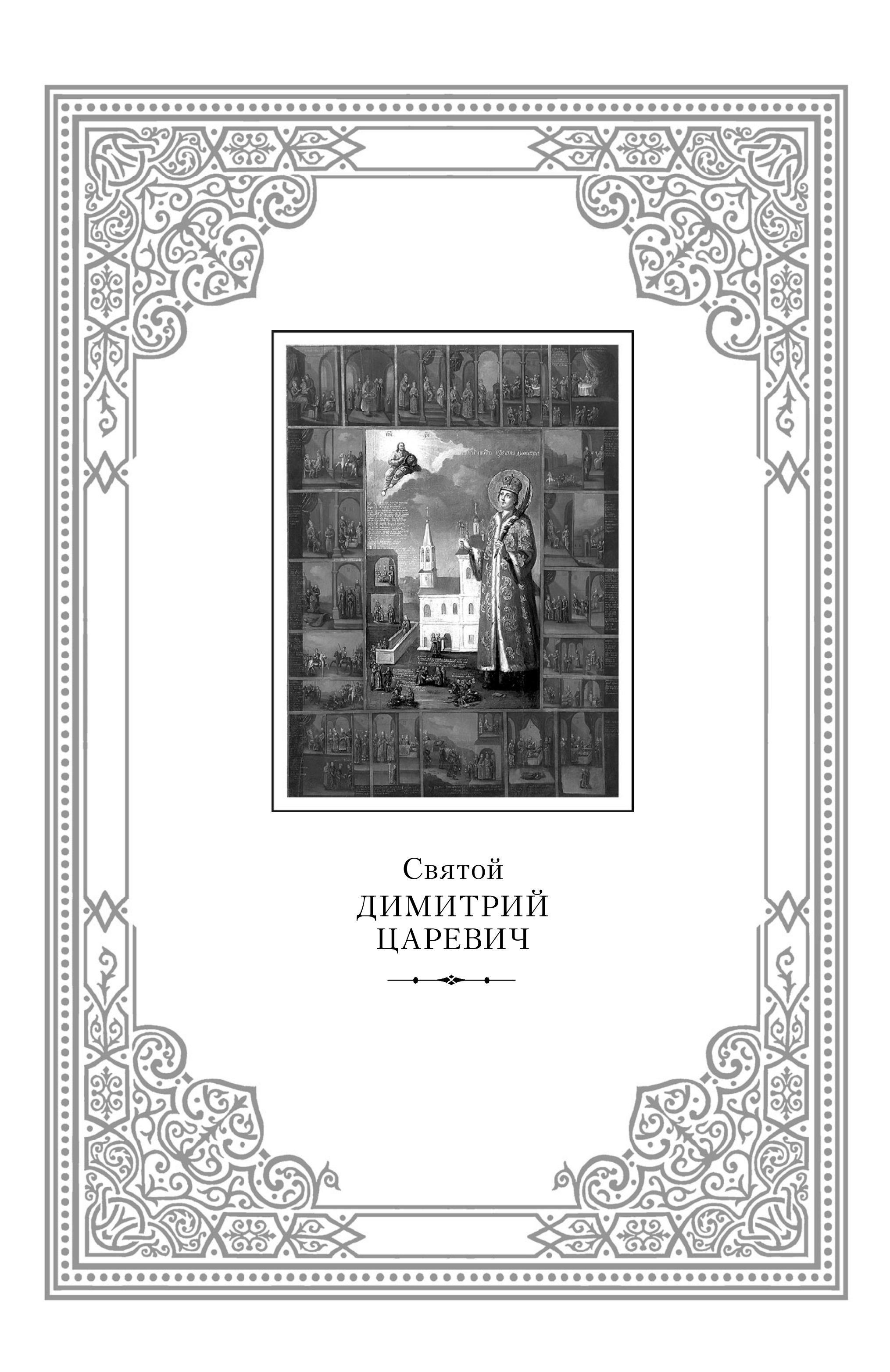
Святой Димитрий царевич, сын царя Иоанна Грозного и Марии Феодоровны из роду Нагих, родился в 1582 году 19 октября[1]. Близкий к смерти царь Иоанн назначил в удел царевичу с его матерью Углич, а воспитание его вверил царскому советнику Бельскому[2]. Царь Феодор вскоре по восшествии на престол, по настоянию сильных бояр, опасавшихся соперничества Нагих, отправил царицу Марию с ее сыном в Углич. Добрый царь горько плакал, прощаясь с единственным братом; он назначил царевичу пышный штат двора, но скорбел, что удаление брата в Углич не более, как заточение; воспитатель Бельский остался в Москве[3]. Годунов вскоре после того стал полновластным правителем России: добрый Феодор остался почти при одном имени царя, а все делалось, как хотел Борис; иностранные дворы присылали Годунову дары наравне с царем. Между тем Борису известно было, что все в государстве, начиная с царя Феодора, признают Димитрия наследником престола, и имя его поминалось в церквах. Сам Борис

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX, прим. 741.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. X, прим. 9; *Авраамий (Палицын)*. Сказание об осаде Троицкого монастыря.

[3] Степенная книга Латухина; Никон. л. 8, 4. 5.

Святой
ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ

в разных делах Феодорова времени признавал Димитрия наследником престола. Когда в 1586 году совет вельмож с выбранными народа предложил царю Феодору развестись с неплодной женою, сестрою Годунова, по ее бесчадию, Годунов отвечал, что есть законный наследник престола, Димитрий[1]. В следующем году, когда русские послы отправлялись на Варшавский сейм хлопотать о том, чтобы Польша признала Феодора царем своим, Годунов в наказе послам писал: «Если паны начнут просить, чтобы государь назначил им на государство брата своего, то отвечать, что это невозможно, — царевич еще молод, всего четырех лет»[2]. Так Борис видел в Димитрии наследника престола. Но как со страстью к власти, как привыкшему распоряжаться всем с мощью самодержавного царя отказаться от всяких надежд на продолжение власти? К несчастью, льстецы говорили Борису, что при Димитрии ждет его не власть царского советника, а плаха, и что родственники царевича Нагие готовы отмстить ему за свое заточение[3]. Тревожимый опасениями за свою будущность и обольщаемый мечтами о власти, Борис стал действовать против царевича как против личного врага своего. Сперва запретил он поминать имя его в церквах, давая знать России, что сын седьмой жены Иоанновой — не наследник престола. Поелику же Борису известно было, что много было таких, которые по тому самому, что оскорбительное распоряжение о царевиче принадлежало Борису, готовы всеми мерами действовать за царевича; то Борису смерть царевича казалась необходимою. Люди, поставившие судьбу свою в зависимость от судьбы Годунова, довели в нем эту мысль до убеждения[4]. Вследствие того дьяк Михаил Битяговский послан в Углич править земскими делами и хозяйством вдовой царицы. Вместе с ним явились в Углич сын Битяговского Даниил, племянник Никита Качалов и Осип Михайлов, сын мамки Димитриевой. И вот 15 мая «царевича в Угличе не стало»[5]. Как это случилось? Посланные из Мо-

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. X, прим. 147.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. X, прим. 159.

[3] *Авраамий (Палицын).* Сказание об осаде Троицкого монастыря.

[4] Кроме летописи о мятежах и нового летописца, Палицын: «ласкатели и великих бед замысленницы, в десятерицу лжи составляюще, подходят к Борису и от многия смуты к греху низводят» (*Авраамий (Палицын).* Сказание об осаде Троицкого монастыря).

[5] Следственное дело о смерти царевича в: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 60. И здесь видим в Угличе Битяговского с его шайкою. Прямее же показывают дело летописи.

сквы князь Василий Шуйский, окольничий Клепшин и дьяк Вылузгин доставили царю Феодору следственное дело, которым уверяли, что царевич, играя ножом с детьми в тычку, вдруг от падучей болезни упал и закололся[1]. Но это была только клевета, которою вновь оскорбляли имя святого царевича. Следствие, рассмотренное пред судом беспристрастия, оказывается жалким усилием закрыть правду в глазах царя Феодора. В нем не записали общего голоса угличан, уверявшего следователей, что царевич убит. В нем старались не о том, чтобы открыть правду, а о том только, чтобы выставить царевича больным. Например, самый первый допрос был следующий: «Которым обычаем царевича не стало? И что его болезнь?»

В продолжение всего следствия вся заботливость следователей устремлена к тому, чтобы набрать как можно более голосов о болезни царевича. Напротив, если кто из допрашиваемых упоминает о насильственной смерти царевича, такое показание остается без всякого внимания, — не спрашивают: «При ком это было? Кто убийцы? Как и когда убит царевич?» Нежелание следователей открыть истину и желание закрыть ее видно по показанию почти каждого ответчика[2]. Современники, за исключением услужливых слуг Бориса, и свои[3], и чужие[4] единогласно говорят, что царевича закололи убийцы, по желанию Годунова. Сам Шуйский в 1606 году свидетельствовал пред целою Россией, что царевич князь

---

[1] Следственное дело в: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 60.

[2] Следственное дело, подробно разобранное мною в исследовании о смерти царевича (*Филарет, архим. Черниговский*. Исследование о смерти царевича Димитрия. М., 1858). Здесь для примера указывается на некоторые улики нечистой совести следователей. Они заставляют многих говорить, что царевич закололся ножом. Но не спросили никого: где девался этот нож? да и видел ли кто его? Григорий Нагой обедал у себя в доме и, побежав по звону колокола, застал царевича живым; а Андрей Нагой обедал во дворце и, выбежав на крик: «царевича зарезали», нашел его уже мертвым, на руках кормилицы. Ясные противоречия и недомолвки, и их не старались объяснить, опасаясь услышать еще что-нибудь более неприятное.

[3] Патр. Иов в грамоте 1606 г.: «приял заклание неповинно от рук изменников своих» (*Авраамий (Палицын)*. Сказание об осаде Троицкого монастыря), патр. Гермоген в «Повести о убиении царевича Димитрия Угличского» (список сер. XVII в.), новый летописец (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича / Издан по списку князя Оболенского. М., 1853) говорят то же. По словам Морозовской летописи, сами убийцы пред смертью показали, что они исполнили волю Годунова. Киссель (*Киссель Ф*. История города Углича. Ярославль, 1844) указывает еще на пять Угличских летописей почти современных смерти царевича.

[4] См.: *Филарет, архим. Черниговский*. Исследование о смерти царевича Димитрия. М., 1858.

Димитрий Иванович, по зависти Бориса Годунова, «яко ягня незлобиво, заклася, убит как невинный агнец»[1]. Ложь, которою хотели закрыть убийц и которою оскорбляли мученика, ясно открылась тогда, как в 1606 году открыли гроб царевича; тогда нашли, что «в левой руке царевич держал полотенце, шитое золотом, а в другой орехи», в каком виде постигла его и смерть[2]. Если же правая рука его занята была орехами, то как мог он в той же руке держать нож? К тому же, в падучей болезни невозможны произвольные движения рукою, чтобы заколоть себя; если же царевич упал прямо гортанью на нож, гортань его была бы проколота, а не перерезана, как видят это теперь. Так царевич, невинный и чистый, был умерщвлен злодейски. По летописям и частью по самому следственному делу, злодейство совершилось так: 15 мая, в полдень, когда во дворце не было Нагих, мамка Волохова вынесла царевича на двор; сюда же сошла и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не носить царевича[3]. Убийцы уже дожидались жертвы. Осип Волохов, взяв царевича за руку, спросил: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?» Ребенок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту минуту сверкнул нож, но убийца не захватил гортани и убежал. Димитрий упал. Кормилица пала на него, чтобы защищать его собою, и стала кричать. Битяговский и Качалов отняли у нее царевича и дорезали. Выбежала мать и стала кричать[4]. Соборный пономарь, видевший убийство, зазвонил в колокол, чтобы собрать народ. Михаил Битяговский бросился к колокольне остановить тревогу, но пономарь

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 147.

[2] Там же; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XII, прим. 24. Четыре ореха, найденные в руке убиенного нетленного царевича, доселе хранятся в Угличском храме св. царевича, что на крови, построенном ц. Михаилом. Они положены здесь в серебряном складне вместе с землею, омоченною кровью царевича (Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А. А. Мартынов, текст И. М. Снегирева: в 3 т.: в 18 тетр. М., 1846–1859. Т. 1).

[3] Кроме летописей и следственное дело показало, что кроме Андрея не было во дворце ни Михаила, ни Григория Нагих и что с царевичем была Волохова и кормилица Ирина Жданова.

[4] По следственному делу, и именно по показанию Волоховой, царица первая произнесла имена убийц. Но она не была свидетельницею несчастья. Следов., она услыхала об этом от кого-нибудь! Кто же это такой? Следователи не показали, но показывает дело. Царица так определенно показывает трех убийц — Данилу Битяговского, Качалова и Волохова, но не назвала Михаила Битяговского, главного врага ее братьев и ее самой. Итак дело показывает, что летописи правы, говоря, что кормилица Жданова кричала о убийстве и убийцах, а в следствии это скрыто, наместо же того выставлено показание о болезни царевича. Впоследствии продажную Волохову наградили имениями, а Жданову заключили в оковы.

заперся в колокольне и продолжал тревогу[1]. Сбежавшийся народ, узнав о преступлении, по внушению Нагих, убил убийц — Михаила Битяговского и еще 12 человек: несчастное самоуправство облегчило следователям средства закрыть главное преступление. Царевича погребли в Угличе.

Годунов взошел на престол, но недолго усидел на нем. Явилась тень святого Димитрия — первый Лжедимитрий, и Борис погиб. Убит и самозванец. Шуйский взошел на престол. Но ляхи на место одного приготовили другого Лжедимитрия и волновали Россию. Царь Василий Шуйский решился выставить в Москве тело истинного царевича, чтобы рассеять обманы в глазах народа легковерного. С такими намерениями отправлены были в конце мая 1606 года митрополит Филарет, епископ Феодосий и четыре боярина в Углич за телом царевича. «Когда открыт был гроб царевича, — так доносили от 28-го мая посланные царю, — мощи оказались целы и невредимы, за исключением некоторых частей; лицо, волосы на голове, на костях плоть — невредимы; в левой руке тафтяная ширинка, саван, камчатый кафтанчик, сапожки, орехи в пригоршне — все цело»; тогда же разные больные получали исцеление при гробе царевича Димитрия, о чем имеются письменные свидетельства[2]. Июня 3-го царь со всем двором и духовенством встретили святые мощи за городом; июня 5-го поставили их в Архангельском соборе, чтобы на другой день опустить в землю, но на другой день совершилось 13-ть чудесных исцелений, а 6-го числа 12 больных выздоровели при

[1] В следственном деле несчастный пономарь, избегая бед, совсем запутался в показаниях. По его словам, соборный сторож Кузнецов первый начал звонить; его же, пономаря, заставил звонить стряпчий двора, Протопопов, и ударил в шею, сказав, что приказала звонить царица и что это приказано при Григории Нагом. Нагой показал, что Протопопов при нем не давал приказания, а сам пономарь говорил ему о приказании Протопопова и о том, что «прибегал к нему (пономарю) Михайла Битяговский и он заперся, на колокольню его не пустил». Протопопов показал, что Михайла Нагой, приехав на двор, приказал ему звонить в колокола, и он приказал пономарю. Но Нагие повторяли, что они сами прибежали на звон колокола. И это вполне несомненно. К тому же, если по словам пономаря звон уже происходил — уже звонил сторож Кузнецов, то не для чего было Протопопову толкать пономаря в шею и заставлять звонить. Следователи, не обратив внимания на путаницу в показаниях, не потребовали даже Кузнецова к ответам. Так и здесь само дело оправдывает показание летописей, что пономарь сам видел убийство и поспешил ударить в набат.

[2] Грамота царя в «Собрании государственных грамот и договоров» (Ч. 2. № 147). Грамота царицы в «Собрании государственных грамот и договоров» (Ч. 2. № 148). То же в рукописи Филарета (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II, прим. 23–25). Шапочка царевича, суконная, с жемчугом и каменьями, в Архангельском соборе (Древности Российского государства. Отд. II).

мощах царевича и — они оставлены навсегда открытыми в соборе. Тогда определили праздновать царевичу 19-го октября, 15-го мая и 3-го июня[1].

ПАМЯТЬ преподобного СИЛУАНА, ученика преподобного Пахомия Великого

Не должно быть пределов той осторожности, которую следует применять к мерам, карающим человека за его преступления или проступки, — и много существует примеров, доказывающих, что снисходительность и долготерпение доводили виновного человека до полного душевного спасительного переворота. Было бы только представлено ему время раскаяться и бодрствовала бы только над ним любовь, которая *милосердствует, не раздражается, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, никогда не перестает...* (1 Кор. 13, 4, 5, 7, 8).

Один из примеров благодатного обращения, произведенного терпеливою любовью и крайнею терпимостью, представляется в жизни воспоминаемого сегодня преподобного Силуана. Он принадлежал к сословию комедиантов, но впечатлительной природе его не чужды были разнообразные стремления. Слава подвижничества современных монахов пробудила в нем желание причаститься их жизни; поэтому он пришел к общему отцу и руководителю в иноческой жизни — Пахомию — и просил принять его в число учеников. Пахомий представлял увлекающемуся юноше все трудности этого пути, но, видя его ревност-

[1] Те же грамоты в «Собрании государственных грамот и договоров» (Ч. 2. № 147, 148); рукопись Филарета (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XII, прим. 25); Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича / Издан по списку князя Оболенского. М., 1853. Служба св. царевичу на 15 мая (у Толстого 2. № 190). Празднования 3 июня и 19 октября отменены в 1768 г. (Православное обозрение. 1861. № I).

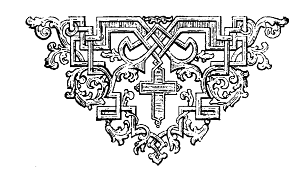

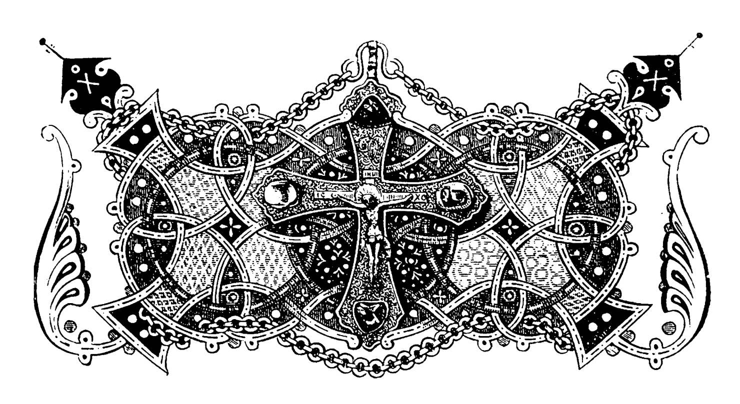
ную готовность посвятить себя иноческой жизни, принял его в свою обитель. Несколько времени действительно с большим усердием исполнял свои новые обязанности молодой Силуан, но затем ревность его охладела, прежние, иные расположения, подавленные временно, пробудились вновь и начали действовать с возобновленною силою. Рассеянность его, неуместная для инока шутливость, сопряженная с глумлением и празднословием, развлекали и других, и, служа посмешищем, Силуан производил соблазн среди сосредоточенной, суровострогой жизни иноков. Не раз Пахомий старался возбуждать в нем подобающее монаху настроение. Юноша на время исправлялся, но потом снова рассеивался, ослабевал и увлекался вовсе несвойственным на его новом поприще образом действий. Наконец старшие братия стали настаивать на том, чтобы Силуан был удален из обители, и Пахомий, обличив при всех неправильность жизни недостойного инока, объявил ему, что он должен оставить монастырь. Тогда заявило себя в душе юноши преобладающее духовное стремление. С отчаянием припал он к ногам Пахомия и умолял не выгонять его, обещая, что совершенно исправит жизнь свою. Трудно было Пахомию поверить искренности несколько раз уже неоправдавшихся обещаний... но один из его лучших учеников — Петроний — не мог вынести зрелища скорби сокрушенно-раскаивающегося брата; сострадательная любовь внушила ему доверие к его порыву, и он поручился за него, и просьбами своими удержал несчастного в обители на своем попечении.

И не ошиблась чуткая, вещая любовь. Силуан как бы преобразился. Смиренное сознание своей виновности так глубоко проникло его душу, что он не смел подымать глаза на братий; вместо празднословия он почти замолк и приник до такой степени, что без позволения не дерзал срывать травку... Обильные слезы выражали умиленное и сокрушенное состояние его духа, — и ревность его не ослабевала. Утомясь иногда в поздние часы дня, он садился на полу своей келлии и еще трудился над плетением циновок.

«Могу ли не плакать я, — говорил он братии, — когда святые иноки прислуживают мне, тогда как я должен лобзать самый прах, попираемый ими... Я из комедиантов принят в число подвижников, познал истину и до того вознерадел о своем спасении, что едва не выгнали меня из монастыря... Я страшусь, чтобы не разверзлась подо мною земля и не поглотила меня. Я вижу неизмеримость моих грехов и готов отдать жизнь, только бы получить прощение...»

Видя такое искреннее покаяние, Пахомий признал и засвидетельствовал перед всеми его высоту. И Сам Господь прославил драгоценнейшее для Него — покаяние человека... Когда через восемь лет Силуан скончался, то преподобному Пахомию было открыто в видении, как множество сил небесных сретало душу его и представило к Господу, как жертву избранную и плод победы любви над грехом.

День шестнадцатый

ПАМЯТЬ святых мучеников АВДИИСУСА, АВДЕЛАЯ и других, в Персии

По условиям мира, заключенного в июне 363 года между Римскою империей и Персией, последняя приобрела пять провинций за рекою Тигром, в большинстве населенных христианами, и потому правительство персидское нашлось вынужденным дать больше прежнего свободы христианам и в старых областях. По сирским известиям, кафедру Селевкии-Ктезифона занимал в это время Тамуза, о коем, кроме имени, иных сведений не сохранилось. Лет двенадцать продолжался покой Церкви, как возобновилось гонение по следующему поводу. Авдиисус, епископ области Каскарской в Вавилонии, вероятно, города Бизетуна, имел племянника диакона, которого за развратную жизнь лишил сана. Бывший диакон, желая отмстить, отправился в Сузу, где находился тогда царь, и донес ему, что «в провинции Каскарской живет глава христиан, по имени Авдиисус (Ebedjesu), и при нем священник Авделай (Abdalaha). Они имеют сношения с римскими соглядатаями, сообщают им о внутренних делах Персии и пишут императору обо всем, что происходит на востоке. Указы твои пренебрегают, слова твои осмеивают и не исполняют, солнце и луну, огонь и воду не признают за богов и смеются

над ними». Царь тотчас велел Ардширу, правителю Адиабены, схватить епископа и его пресвитера и посредством пыток довести до сознания. Почему Авдиисус и Авделай были приведены в некое населенное место близ города Бет-Лапета и подвергнуты допросу. На вопрос «кто они», отвечали: «мы — христиане», и затем на речь, что если они христиане, то, значит, и враги царя, сказали: «нет, он — наш враг, потому что ненавидит истинного Бога и убивает истинных почитателей Его». На требование говорить понятнее, если не хотят умереть поносною смертью, они сказали: «мы любим истину и не позволяем себе обольщаться ложью; а ты довершай свое плутовство. Пусть нас постигнет всякая смерть, какую ни придумает твоя алчность; мы с радостью умрем ради Бога». Дальнейшее обвинение в сношении с римлянами Авдиисус совершенно отверг, а относительно непочитания персидских богов выразился, что об этом не следует и говорить, так как они — совершенно иной веры. Тогда палачи каждого связали тремя веревками, так что одна тесно обхватывала ребра, другая ляжки, третья голени, и под всякую веревку вложили дерево, которое ворочали и тем постепенно закручивали ее так, что трещали кости и жилы. Руки были связаны назад. В продолжение этих пыток им повелевалось почтить солнце, бога государева, и выдать тайны императора. И так как исповедники веры пребыли непоколебимыми, то пытки возобновлялись семь раз, и, наконец, полумертвых снесли в тюрьму. И здесь не допускали к ним никого и давали им хлеб и воду только для поддержания жизни: но целые шесть дней они не могли употреблять грубой пищи и истлевали голодом. Наконец одна сострадательная вдова, несмотря на запрещение, спустила им чрез небольшое оконце тюрьмы более пригодную и укрепляющую пищу, которой и подкрепились они, благодаря Бога. О положении заключенных Ардшир донес царю, присовокупив, что, несмотря на всякого рода пытки, обвиняемые не сознаются в преступлениях. Царь, полагая, что этого можно достигнуть и иным путем, позвал обвинителя и спросил его, есть ли в Каскаре и еще подозрительные христиане? Предатель указал ему на Каскарского епископа Авду, тамошних священников и диаконов. Тогда царь поручил ему привести их, давши для сего отряд воинов (десять конных и двадцать пеших). Между тем Авда, нисколько не предчувствуя готовящихся ему испытаний, со своими священниками и диаконами оставил город для исправления церковных дел вне его. Он находился в некотором христианском селении, когда вступили туда посланные воины и схватили как его, так и сопровождавших его; всех схваченных было двадцать

восемь, в том числе семь дев, посвятивших себя Богу. В оковах они были приведены в Леду, где находился царь, который и поручил сановнику вместе с двумя магами расследование. Судьи спросили: «Для чего вы держитесь заблуждения, обольщаете души невежественных людей и вносите развращение своим льстивым учением?» На это отвечал Авда: «Мы с полною уверенностью идем прямым путем, и всякий, присоединяющийся к нам, поступает разумно, идет не впотьмах и не блуждает, потому что идет в свете, слушает нас в прекрасной надежде на будущую жизнь и отстает от заблуждения своего». Когда же за сим сановник велел им кланяться солнцу, потому что в противном случае поступит с ними на основании данных ему полномочий, то Авда сказал: «Ни царь твой и его повеление, ни ты и твоя власть, ни бичевания не в состоянии отлучить нас от любви и милости Бога нашего и от нашей истинной веры в Иисуса Христа. Никогда не станем поклоняться творению, солнцу, вместо Творца его, и Всевышнего и Святого Царя не переменим на какого бы то ни было ничтожного и безбожного царя». Эта решительная речь возбудила гнев судьи, и он велел, повергши на землю, дать всякому из них по сотне ударов бичом. Затем сказал исповедникам: «Как вы осмеливаетесь уничижать Сапора, царя царей, того, который подобно богу владычествует над тварями?» Авда отвечал: «Сапор есть не что иное, как человек, и подвержен всем человеческим слабостям и недостаткам; он ест и пьет, как всякий другой, одевается, трудится и утомляется, бывает радостен и печален, слаб и болен, и, наконец, должен умереть. Это господство дано ему от Всевышнего Бога, чтобы он по Его правде управлял землями и народами». Присутствовавшие при этом маги пришли в раздражение и били его кулаками по лицу, упрекая за поношение государя. Когда судьи убедились, что все попытки преодолеть твердость узников безуспешны, то сочли за лучшее уведомить царя об этом и просить его дальнейших приказаний. Царь спросил их: «Как находите сих чародеев? Остаются ли при своих убеждениях, и что они говорят?» Председатель ответил, что не смеет и повторить говоримого ими. Но по настоянию царя сообщил все происходившее и то, что Авда не считает его божеством, а обыкновенным человеком. Царь рассмеялся и сказал, что Авда прямо разумен, потому что царь человек только. Не совсем довольный сообщениями, царь назначил для окончания суда нового сановника, который в сопровождении прежних судей прибыл на место и начал допрашивать узников, сказавши: «Вы ли не повинуетесь велениям царя?» Они ответили: «Мы

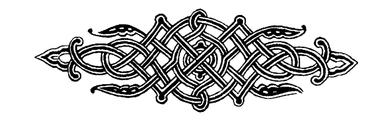
повинуемся велениям Бога, Владыки всех тварей, а воле беззаконного царя не покоряемся». Тогда он объявил, что имеет полномочие пощадить их, если поклонятся солнцу, а в противном случае прикажет казнить их. Спокойно выслушали они это, и Авда тотчас от лица всех сказал, что не желают и не ожидают пощады, так как не могут повиноваться сему приказу. Тогда сняли с них оковы и всех казнили. К этому часу прибыли два брата, Баргадбесиав и Самуил, из свиты епископа Авды, не бывшие при взятии его под стражу потому, что высланы им были пред тем для собрания милостыни и покупки съестных припасов. Когда они узнали о судьбе епископа и других с ним, то поспешили на место казни, бросились к телу священномученика, лобызали его, кропили себя кровью его и сказали палачам: «Убейте и нас, потому что для нас смерть приятнее и дороже, нежели бесчестная и унылая жизнь; и мы презираем и поносим царя; и мы христиане, как и они». Пораженные судьи не решились сами произнести приговора над новыми исповедниками, потому что имен их не было в списке осужденных царем, и донесли обо всем царю. Решение последнего скоро получено, и в тот же день, 15-го мая, оба исповедника казнены.

Занявшись делом Авды и его спутников, судьи совершенно забыли об Авдиисусе и Авделае. Царь первый вспомнил о них и велел обезглавить. Они находились в таком жалком состоянии, что сами не могли идти на место казни; их принесли туда на плечах. Вид их был ужасен. На них заметны были только кости да кожа; волоса с головы выпали, ребра и члены переломлены; едва можно было различить в них образ человеческий. Прямо стоять они не могли. Еще раз им было предложено отречься от своей веры, и за отказом последовало обезглавление, 16-го мая. В городе находились тогда римские военнопленные христиане; они тайно взяли тела мучеников и положили их в скрытном месте. Так пострадали мужчины, а семь святых дев царь велел отвести в Бет-Лапет на казнь. Когда их вели чрез город, то раздались из толпы голоса, что проливается неповинная кровь, но это не остановило решения. На месте казни были они спрошены, не покорятся ли воле царя и не вступят ли в брак? Девы отвечали: «Мы возложили все свои надежды на Бога, и Его одного почитаем; каких-либо других богов не признаем. Делай, что поручено тебе, и не медли! Потому что, знай, воле беззаконного царя не повинуемся и солнцу, творению, кланяться не будем, и никто нас не убедит вступить в брак». Обезглавление их последовало 22-го мая, и в ту же ночь христиане тайно похоронили тела их.

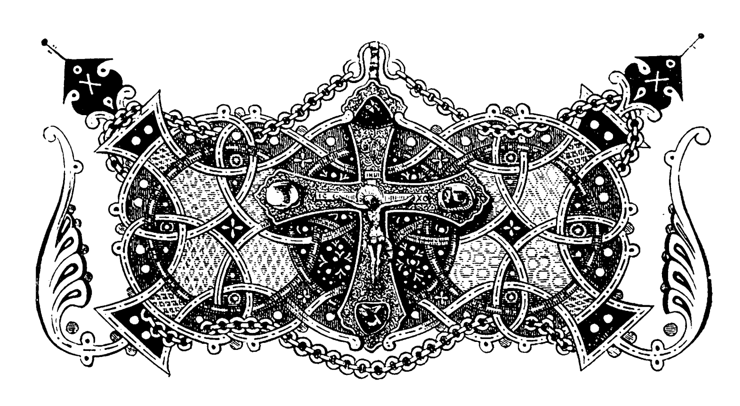
ПАМЯТЬ святого НИКОЛАЯ МИСТИКА, патриарха Константинопольского

Название Мистика (старшего члена тайного совета) указывает, что он служил при дворе (греческом); после того был иноком и за строгую жизнь возведен в патриарха в 895 году. Неуклонный блюститель постановлений Церкви, он не побоялся открыто обличать неправильное вступление в 4-й брак императора Льва с Зоей — в 901 году. Отрешил от сана пресвитера совершившего противозаконный брак, а императору воспретил вход в храм, за что был лишен кафедры и заточен в монастырь. По смерти Льва (911 г.) возвращен на кафедру и скончался в 930 году, до конца управляя церковными делами. Оставил после себя разные сочинения[1].

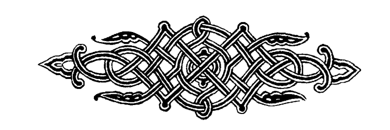
[1] О них см.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859. Т. III, § 293.

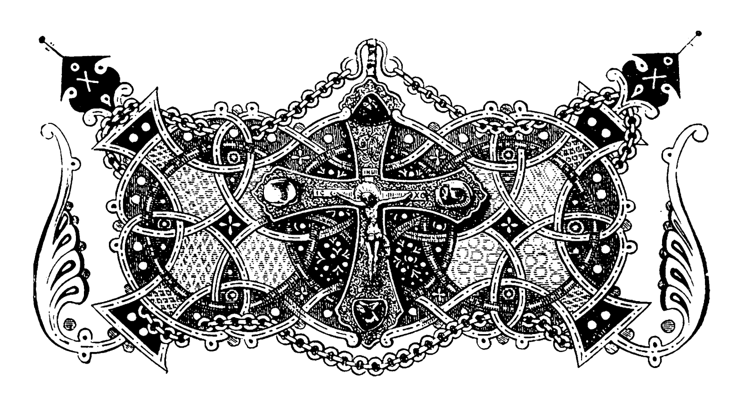

День семнадцатый

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ преподобного АДРИАНА ОНДРУСОВСКОГО

Память его 26-го августа; а теперь вспоминается обретение и перенесение мощей его в Ондрусовскую обитель на Ладожском озере, близ Олонца, в 1551 году.

День двадцатый

ПАМЯТЬ блаженного ФАЛАССИЯ, аввы и игумена Ливийской обители, жившего в половине VII века

Всецело преданный благочестивому подвижничеству, блаженный Фалассий был также замечателен и любовью к духовному просвещению; прилежно изучал Священное Писание и оставил после себя много драгоценных сочинений (которыми впоследствии пользовался Иоанн Дамаскин), например: учение о Лицах Божества; это учение повторял и объяснял Иоанн Дамаскин в своем изложении веры. Святой Максим Исповедник, современник преподобного Фалассия, также высоко уважал его, писал к нему послания, посвятил ему свое сочинение о трудных местах Священного Писания и в одном сочинении называет его своим наставником.

«Если хочешь освободиться от всякого зла совокупно, — учил преподобный Фалассий в одном из своих сочинений, — то отрекись от матери зол — от самолюбия. Всем страстям предшествует самолюбие, а за всеми последует наконец гордость...»[1]

[1] *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. § 252.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя СИМОНА, епископа Владимирского

Блаженный Симон, писатель житий подвижников Печерских и Владимирский епископ, полагал начало иноческому житию в Печерской обители преподобных Антония и Феодосия и здесь провел долгое время в иноческих подвигах. В 1206 году видим его игуменом Владимирского Рождественского монастыря и духовником благочестивой княгини Марии, основательницы женского монастыря[1]. Когда благоверный князь Георгий Всеволодович пожелал иметь особого епископа Владимиру Клязменскому, дотоле зависевшему от Ростовского епископа, блаженный Симон поставлен был в епископа Владимиру и Суздалю. Это было в 1214 году[2]. В 1217 году князь Константин вытеснил князя Юрия из Владимира и сел на столе великого князя. Блаженный Симон разделил с любимым князем удаление из Владимира в бедный городок Радилов. Хотя скоро затем добродушный Константин помирился

[1] Переслав. л. 107. 108. В печатном патерике сказано, что Симон из Печерской обители взят в епископа Владимирского. Это неточность.

[2] Собр. л. 7, 119; Переслав. л. 112. Иные упорно хотят следовать мнению Суздальского ключаря Анании и Симона, писателя житий, отделяют от Симона епископа 1214–1226 г. (Чт. ОИДР. 1860. Кн. 4). Но: а) не понятно, с чего такой авторитет получил Суздальский ключарь 1770 г. при решении вопросов о событиях XII стол. Анания, как очевидно, не имел у себя никаких свидетельств о своем первом Симоне епископе, когда сказал: «бе в лето 6600». Напротив, летописи говорят другое. Путаница в голове Анании — от того, что он принял Поликарпа, писателя житий, за одно лицо со св. архимандритом Поликарпом; б) Симон, писатель житий, говорит: «супруга кн. Ростислава Верхуслава пишет ко мне, желая видеть тебя (Поликарпа) епископом в Новгороде на месте Антония». Антоний рукоположен в Новгород в 1211 г. на место изгнанного Митрофана, а в конце 1218 г. новгородцы приняли опять Митрофана, а в следующем году Антоний и Митрофан были на суде митр. Матвея (см. 10 февраля). Это-то замешательство на Новгородской кафедре и имеет в виду блаж. Симон. Итак писатель житий Симон был епископом Владимирским в 1218 г., а не прежде того. По летописи, «в л. 6697 (1189) князь в. Всеволод отда дщерь свою Верхуславу Белгороду за Рюриковича Ростислава м. июля 30 д.» (Собр. л. 1, 171). Ясно, что писатель житий вступил на кафедру после 1189 г. и напрасно придумали первого Симона епископа, будто бы предшествовавшего Луке, посвященному в 1185 г. (Собр. л. 1, 165). Иначе Симон получил бы письмо от Верхуславы тогда, как уже лежал в земле.

с братом и, объявив его наследником своим, предоставил ему Суздаль, хотя при этом примирении Константин с любовью принимал Симона, одарил его подарками, но Симон и после того не разлучился с князем Георгием, остался при нем в Суздале; только по смерти Константина он «опять вступил в свою епископию Владимир»[1]. В сентябре 1218 года блаженный Симон в присутствии великого князя Георгия освящал новый храм в том монастыре, где был он игуменом. Князь Георгий любил блаженного Симона, который так много оказал любви к нему в горькое время: он объявил готовность свою открыть для друга его Поликарпа особую епископию в Суздале, но блаженный Симон, не находя того полезным для Поликарпа, отклонил князя от его намерения. Дочь великого князя Всеволода Верхуслава, с 1189 года супруга князя Ростислава Рюриковича, была духовною дочерью блаженного Симона и также готова была на всякие жертвы из уважения к блаженному епископу. Но Симон твердо шел путем духовной жизни, не увлекаясь счастьем и не поблажая самолюбию. В 1225 году освящал он соборный храм в Суздале, построенный им вместе с князем на место древнего разрушившегося собора. В мае 1226 года, чувствуя близость кончины своей, облекся он в схиму, и 22-го мая «блаженный, милостивый и учительный епископ» скончался. Он погребен был во Владимирском соборе[2], но впоследствии мощи его перенесены в Киевские пещеры, где они и ныне покоятся[3].

Летопись справедливо называет блаженного Симона учительным. Превосходное послание его к Поликарпу, печерскому иноку и духовному другу, вполне оправдывает это название. Оно же показывает, каким искренним благочестием полна была душа блаженного Симона.

Инока Поликарпа тревожили помыслы честолюбия, гнавшие его из обители Печерской то в одно, то в другое место.

Для уврачевания друга Симон изображает важность Печерской обители в духовной жизни и не щадит Поликарпа в обличениях.

«Брат! — так пишет святитель. — Сядь в безмолвии, собери ум твой и скажи: человек, не оставил ли ты мира и родителей плотских? Если

---

[1] Никон. л. 2, 333, 336, 340.

[2] Собр. л. 1, 188–191.

[3] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры; Четьи-Минеи 10 мая. Вероятно 10 мая, когда лавра празднует день памяти св. Симона, был днем перенесения мощей его в Киев. По ркп. святцам св. Симон показан и между почивающими в Киевской пещере, и между святыми г. Владимира.

ты пришел сюда для спасения, а делаешь не духовные дела, то для чего облекся ты в иночество? Черные ризы не избавят тебя от муки. Вот видишь, тебя хвалят здесь князья, бояре и все друзья твои; они говорят: счастлив он, что возненавидел мир и славу его, — уже не печется ни о чем земном, желая небесного. А ты живешь не по-монашески. Стыдно мне за тебя. Что, если ублажающие нас предварят нас в Царствии Небесном? Они будут в покое, а мы будем, жестоко мучимые, кричать. Кто помилует тебя, когда ты сам себя погубишь? Пробудись, брат, пробудись и позаботься о душе своей; работай Господу со страхом и со всем смирением; не будь ныне кроток, а завтра — гневен и зол; ненадолго молчалив, а потом опять готовый роптать на игумена и его служителей. Не будь лжив, не оставляй церковного собрания под предлогом болезни. Как дождь растит семя, так Церковь оплодотворяет духовную землю для произращения добрых дел. Что ни делаешь в келлие, не имеет той силы, как совершаемое в церкви. Читаешь ли псалтирь, или поешь 12 псалмов, — это не сравняется с одним соборным пением: “Господи, помилуй”. Вспомни, брат, что верховный апостол Петр, сам будучи церковью Бога Живого, взятый Иродом и посаженный в темницу, церковною молитвою избавлен из рук Ирода. Давид в молитве говорит: “Одного прошу у Господа и того ищу, чтобы жить в дому Господнем, видеть красоты Господни и посещать святую церковь Его” (см.: Пс. 26, 4). Сам Господь говорит: *Где двое или трое собраны во Мое имя, там Я посреди их* (Мф. 18, 20). Если же их соберется более ста, тем более веруй, что Бог там с ними. От церковного огня готовится и обед у них; одной крупицы сего обеда желаю я более всего, что у меня есть. Свидетельствуюсь Господом, что не желал бы коснуться другой пищи, кроме куска хлеба и гороху, приготовленных при той святой братии. А ты, брат, не делай так, что ныне с удовольствием разделяешь эту трапезу, а завтра ропщешь на повара и служащего брата и тем, оскорбляя начальствующего, подвергаешься одинаковому наказанию с тем недовольным, о котором говорит патерик. Не брани келаря: кто ропщет, тот себе причиняет вред. Едите ли, пьете ли, все творите во славу Божию. Терпи, брат, и оскорбление: *Претерпевший до конца спасется* (Мф. 24, 13). Если и случится тебе быть оскорбленным и кто-нибудь скажет тебе: такой-то очень нехорошо говорил о тебе, скажи вестнику: хотя он и укорил меня, но он — мой брат, а я стою того, да и не он делает то, а враг, который хочет рассорить нас; пусть же Господь накажет лукавого и помилует брата. Скажешь, он в лицо оскор-

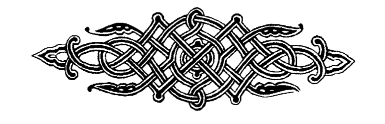
бил меня пред всеми. Не смущайся, сын, и не предавайся гневу, но поклонись брату и скажи: прости меня. Исправив свои грехи, победишь вражью силу. Если же на брань будешь отвечать грубостью, то вдвойне оскорбишь себя. Разве ты больше царя Давида, которого Семей бранил в глаза? Он хотевшему отмстить за него слуге сказал: не делай сего; пусть видит Господь смирение мое и заплатит ему добром за его брань! Вспомни, сын, и больше того, как Господь смирил Себя, быв послушливым до смерти Отцу Своему. Он, страдая, не угрожал (см.: 1 Пет. 2, 23), слушал хулу, терпел пощечины и оплевание, но не гневался; молился за распинателей Своих и тебя учил молиться за врагов. Любите, говорил, врагов ваших, делайте добро ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас, молитесь за наносящих вам напасть (см.: Мф. 5, 44). Довольно, брат, и того, что учинил по своей гордости. Тебе следует оплакивать то, что, оставив святой монастырь и святых отцов Антония и Феодосия и святых черноризцев, которые с ними, взял на себя быть игуменом святых бессребреников. Хорошо ты поступил, когда скоро оставил это и не подставил спины врагу своему, который хотел погубить тебя. Разве ты не знаешь, что дерево не поливаемое и часто пересаживаемое скоро засыхает? И ты, отказавшись от послушания отцу и братии, скоро погиб бы. Овца в стаде безопасна, а отдаляясь от стада, скоро становится добычею волков. Тебе бы следовало прежде еще подумать, для чего хотел ты выйти из святой блаженной и честной обители Печерской, где так удобно спасаться всякому ищущему спасения? Я думаю, брат, что Сам Бог попустил это в наказание за гордость, за то, что ты не хотел служить святому человеку, господину своему, а нашему брату, архимандриту Акиндину, Печерскому игумену. Ты писал о своей досаде? Горе тебе! Ты погубишь душу свою. Спрашиваю тебя: чем ты надеешься спастись? Будь ты поистине всегда трезв и беден, проводи ночи без сна, но если не переносишь оскорблений, не спасешься. Порадовались было о тебе игумен и братия, и мы утешились мыслью о твоем обретении. Но ты и еще попустил быть твоей воле, а не воле игумена, — захотел еще раз быть игуменом у святого Димитрия, хотя никто не принуждал тебя: ни игумен, ни князь, ни я. И вот теперь уже испытал. Пойми же, брат, что Богу не угодно твое начальствование, и потому послал Он тебе слабость зрения. Но и тем не вразумился ты, чтобы сказать: благо мне, яко смирил мя еси, да научуся оправданием Твоим. Вижу, что ты самолюбив и ищешь славы у людей, а не у Бога. Разве не стою я такого сана? Чем я хуже,

например, эконома? Так говорил ты. И супруга князя Ростислава Верхуслава пишет ко мне, желая видеть тебя епископом в Новгороде на месте Антония, или в Смоленске на месте Лазаря, или в Юрьеве на месте Алексия. Она говорит: для тебя и Поликарпа готова я потратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвечал: дочь моя, Анастасия! Не Богоугодное дело ты хочешь делать; если бы Поликарп оставался в монастыре с чистою совестью, в послушании игумену и братии и жил в строгом воздержании, то удостоился бы не только святительского сана, но и Небесного Царствия. Ты, брат, пожелал епископского сана? Конечно, доброго дела желаешь. Но послушай, что говорит апостол Павел Тимофею, и подумай, имеешь ли ты те качества, которые должен иметь епископ? Если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, своими руками поставил бы тебя наместником на обе епископии — во Владимир и Суздаль, как хотел князь Георгий, и не захотел я. Брат! не в том совершенство души, чтобы быть в чести у людей, а в том, чтобы улучшиться в жизни и быть чистым. Из Печерского монастыря многие поставлены в епископы. Как Самим Христом были посланы апостолы во всю вселенную, так Матерью Его, Госпожой нашей, Богородицею, из Ее монастыря многие поставлены были в епископы по всей земле русской. Первым был Ростовский епископ Леонтий священномученик, которого Бог прославил нетлением. Это был первый престольник; неверные мучили и убили его, и он стал третьим гражданином земли Русской, получив вместе с двумя варягами венец от Христа, за Которого пострадал. О митрополите Иларионе ты сам читал в житии святого Антония, что им он пострижен и сподобился священства. После них поставлены были епископы Николай и Ефрем в Переяславль, Исайя в Ростов, Герман в Новгород, Стефан в Вышгород, Нифонт в Новгород, Лаврентий в Туров, Марин в Юрьев, Мина в Полоцк, Николай в Тмутаракань, Феоктист в Чернигов, Лука в Белгород, Ефрем в Суздаль. Если хочешь знать всех, прочти старую Ростовскую летопись; там найдешь, что всех было более 30, а если читать далее, до нас грешных, то думаю, будет около 50. Пойми же, брат, какова слава того монастыря и, утвердясь, покайся. Полюби тихую и безмятежную жизнь, к которой Господь привел тебя. Я рад оставить епископию и служить игумену в Печерском монастыре. Но ты знаешь, что удерживает меня. Кто не знает, что у меня, грешного Симона епископа, соборная церковь во Владимире, красота города, а другая в Суздале, которую сам я построил? Сколько они имеют городов и сел! И десятину соби-

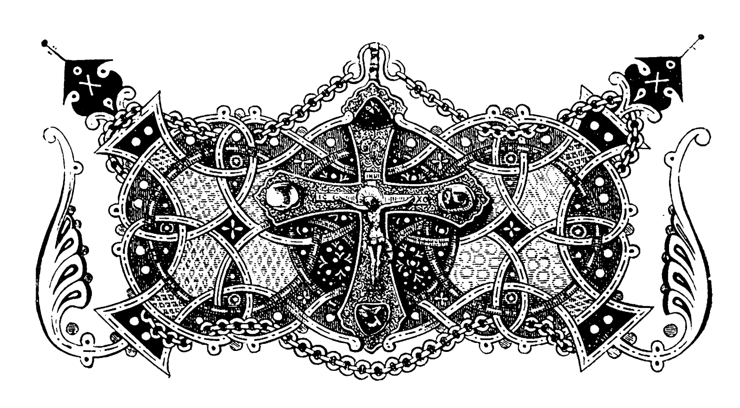
рают со всей земли той. И всем тем владеет худость наша. Но пред Богом говорю тебе: всю эту славу и власть счел бы за ничто, если бы мне хотя колом торчать за воротами Печерского монастыря и быть попираему людьми. Один день в дому Божией Матери лучше тысячи лет временной чести. В нем хотел бы я жить лучше, чем в селениях грешников»[1]. Так поучал блаженный Симон!

ПАМЯТЬ святых мучеников ФАЛАЛЕЯ, АЛЕКСАНДРА И АСТЕРИЯ

Фалалей, восемнадцатилетний юноша, учившийся врачебному искусству и безмездный врач, был в царствование Нумериана схвачен и представлен правителю города Эг (Эги, ныне Аяскала, при море) в Киликии. Как твердый в своей вере христианин, он был предан на пытки, но воины Александр и Астерий, имевшие пытать его, сами уверовали во Христа и осуждены на смерть мечом. После того Фалалей был брошен зверям, но как звери не коснулись его, то был обезглавлен (284 г.).

[1] Памятники XII в. см. в: *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия.

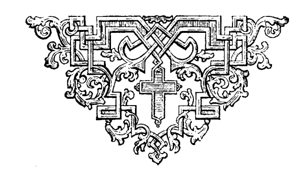
День двадцать первый

† СТРАДАНИЕ преподобного АГАПИТА МАРКУШЕВСКОГО

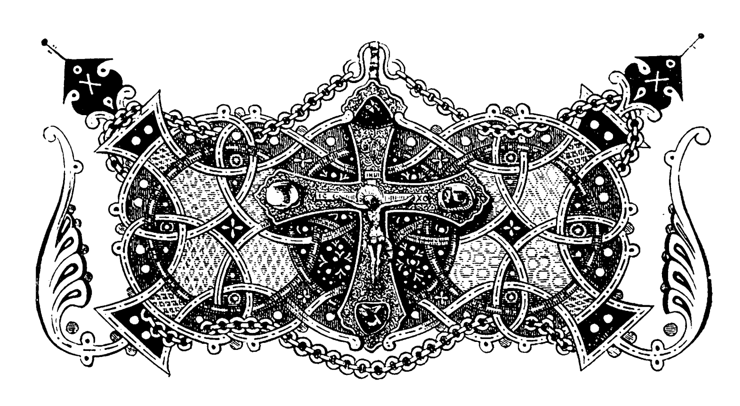
Преподобный Агапит долго подвизался в Сольвычегодском Борисоглебском монастыре. Раз он был тяжко болен. Явившийся в сонном видении святитель Николай указал ему идти на реку Маркушу и основать там монастырь; больной в то же время исцелел и отправился в путь. На речках Маркуше и Тарнахе (в 100 верстах к северо-востоку от Тотьмы) поставил он часовню и потом в 1578 году два храма, один в честь святителя Николая, другой во имя Прокопия Устюжского. В том же году выпросил он у царя для обители землю и место для мельницы на реке Лахте, а у митрополита — благословение освятить храм. Возвратясь из Москвы, он жил подвижником Божиим. Не довольствуясь трудами по устроению обители, он тайно носил на теле своем вериги. Жители села Кашнина, по жадности к корысти, злясь за землю, отведенную для обители, решились убить заботливого основателя обители. Мая 21-го, 1584 года они напали на преподобного на мельнице, убили и бросили в реку Уфтюгу. Иноки нашли тело убиенного преподобного и схоронили в часовне, между построенными им храмами, а найденные на теле его вериги повесили над его гробом. Мощи

его почивают под спудом в храме упраздненной (1764 г.) Маркушевской обители[1].

Память святых епископов и исповедников Аммония, Евлогия, Филона, Пафнутия и других, в царствование Констанция (338–361) за несогласие на ересь арианскую лишенных престолов своих в Египте, Ливии и Пентаполе, и сосланных в заточение.

[1] Описание жизни и чудес прп. Агапита составлено было в 1715 г. по воле Варнавы, епископа Холмогорского, во время вынужденного пребывания его со свитою в обители (Вологодские губернские ведомости. 1849. № 44. 45; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V).

День двадцать второй

ПАМЯТЬ святого мученика ВАСИЛИСКА ВОИНА

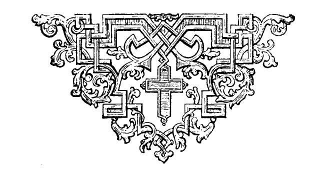
Василиск был племянник святого Феодора Тирона; он пострадал вместе с Евтропием и Клеоником (память их 3-го марта), но принял смерть от меча после них. Мучения, которым он был подвергнут, сопровождались поразительнейшими чудесами, о чем свидетельствует очевидец их — святой мученик Евсигний (память его 5-го августа). Этот мученик Василиск, как свидетельствуют многие историки, явился святому Иоанну Златоустому перед кончиной его и сказал: «Завтра будем вместе».

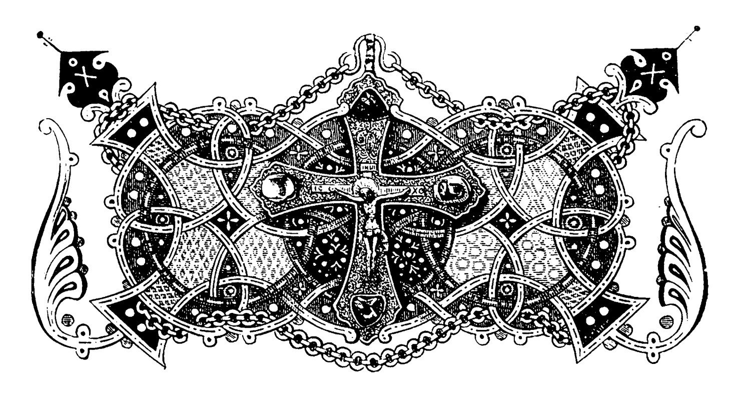
Василиск пострадал в царствование Максимиана, в 308 году, от Агриппы, который впоследствии, получив исцеление от болезни на месте погребения Василиска, источавшем чудеса, сам уверовал во Христа.

В Команах, где пострадал святой Василиск, была сооружена церковь во имя его, и в нее перенесены его мощи.

ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

Происходил в Константинополе, в царствование Феодосия Великого, в 381 году, для утверждения истинного учения о Святом Духе, против ереси Македония, Константинопольского патриарха, и его единомышленников, отвергавших Божество Духа Святого. На сем Соборе собравшиеся в числе ста пятидесяти отцы дополнили Символ веры Никейский учением о Божестве Духа.

День двадцать третий

ПАМЯТЬ преподобного ДОДО

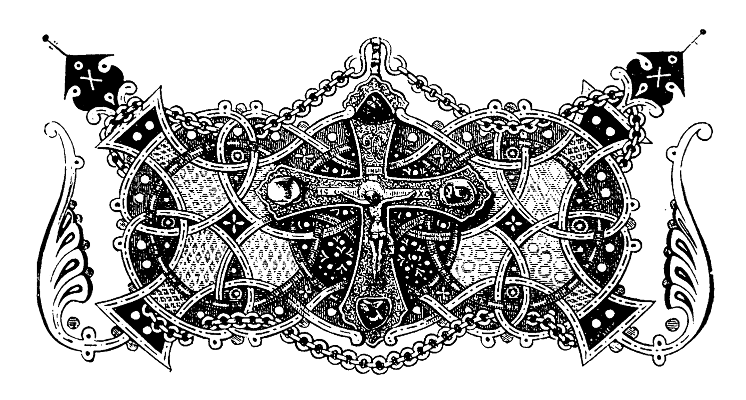
Преподобного Додо, подвизавшегося в Иверии, в Гареджийской пустыни под руководством святого Давида и основателя обители (ныне находящейся в развалинах). При жизни удостоился дара чудотворений и скончался в преклонной старости в 623 году[1].

Святого мученика Михаила черноризца, инока из обители святого Саввы, ученика и сродника святителя Феодора, епископа Едесского (9 июля). Оклеветанный, подобно целомудренному Иосифу, женою Персидского царя Ардамелеха и воспротивившийся настояниям царя, чтобы он принял магометанство, был осужден царем на усекновение головы мечом (в IX стол.). Мощи его видел в теле «аки живого» игумен Даниил в начале XII века, в лавре святого Саввы[2].

---

[1] О нем см. подробно: *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. СПб., 1871; Всемирный календарь на 1874 г.

[2] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II.

День двадцать четвертый

ПАМЯТЬ святой МАРФЫ МОНЕМВАССИЙСКОЙ и трех неизвестных подвижниц

Святая Марфа была игуменьей Монемвассийской обители Святой Богородицы. Морея с VII века занята была славянами, и Монемвассия, которой святители известны с VIII века[1], в VIII веке полагалась в славянской земле[2]. Блаженной Марфе, как и современным ей проповедникам веры, предстояло между прочим утверждать в вере и благочестии недавних язычников[3]. Жизнь христианская сама по себе свет; только в точном своем виде не легка она для нас, немощных. Святитель

[1] Монемвассийский епископ подписался под определениями Никейского собора 787 г. (*Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum. V. XII, XIII; *Le Quien.* Oriens christianus. V. II).

[2] Морея занята была славянами со времени имп. Маврикия (502–602 г.). Путешественник Виллибальд в 723 г. писал: «из Сицилии плывя, прошли за Адриатику к городу Моновасии в Славянскую землю» (*Tafel.* De Thessalonica; *Fallmerayer, Jakob Philipp.* Geschichte der Halbinsel Morea im Mittelalter. Stuttgart, 1830–1836).

[3] Обращение Морейских майонитов Константин ясно относит ко времени имп. Василия (*Constantine VII Progenitors.* De Administrator Imperio). В то же время, т. е. когда Кириллом и Мефодием переведены были священные книги на славянский язык, обратились к св. вере и Морейские славяне (*Fallmerayer, Jakob Philipp.* Geschichte der Halbinsel Morea im Mittelalter. Stuttgart, 1830–1836).

Василий Великий писал к современной ему благородной инокине Феодоре: «Не легкий подвиг обещающемуся выполнить обещанное. Долг каждого избирать жизнь Евангельского закона. Но выполнять все до малости и не пренебрегать ничем из написанного в Евангелии, как знаем, не многие успевают. Надобно обуздывать язык и очи, просвещенные Евангельским учением; надобно, чтобы и руки делали в угождение Богу, и ноги двигались и каждый член употреблялся так, как изначала назначил Творец нам. Надобно соблюдать скромность в одежде, осторожность в сношениях с мужчинами, умеренность в пище, не иметь лишнего из вещей нужных. Все это кажется просто малостью, а требует великого подвига при выполнении, как дознаем на деле. Надобно хранить смирение, чтобы не помнить о знатности предков своих, не гордиться природными дарованиями тела или души, не превозноситься добрыми мнениями о нас других. Всего этого требует жизнь Евангельская; к тому же нужны: постоянство в воздержании, усердие к молитве, сострадание любви к другим, щедрость к нуждающимся, смирение в мыслях, сокрушение сердечное, целость в вере, равнодушие в скорбях; постоянное памятование о том страшном и неизбежном суде, к которому все близимся и о котором однако не многие помнят, беззаботные о его решении»[1]. Блаженная Марфа крепко подвизалась сама на пути Евангельского закона и усердно понуждала сестер к подвигам благочестия[2]. Потом удостоилась страдальческой кончины с тремя сестрами в конце царствования Константина Порфирогенета. Записка о ней, известная ныне только по отрывку, не объясняет, по какому случаю и от кого последовала эта смерть; но так как с одной стороны вместе со святой Марфой и тремя сестрами пострадали «знаменитые благочестием мужи», как бывает в нападение неприятелей, с другой стороны единственные неприятели греческой власти в Морее были тогда славяне, частью еще язычествовавшие: то более чем вероятно, что святая Марфа с сестрами пострадала от славян-язычников.

---

[1] *St. Basile*. Epistolae. 173.

[2] «Павла архиепископа Монемвассийского повествование о св. Марфе игуменьи храма Пресвятой Богородицы, находящегося в Богоспасаемом городе Монемвассии ниже монастыря Одигитрия, и о других знаменитых по добродетели мужах и женах и о трех особенно женах, которые все преданы смерти при Константине, сыне Льва и Зои и зяте Романа старшего» (Acta Sanctorum ad. 24 Maii). У Вершинского нет этой святой (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов).

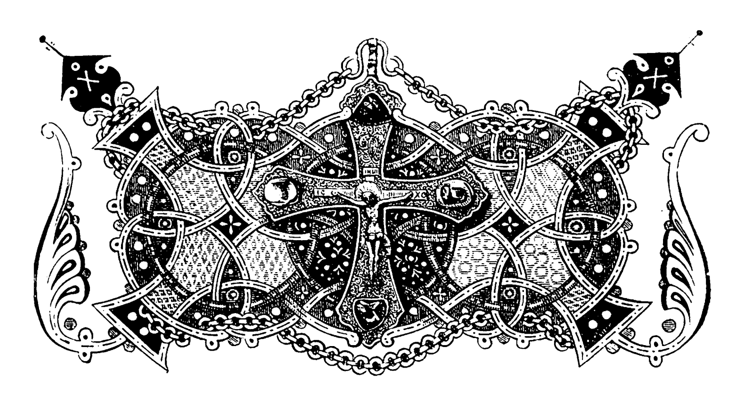
Тот же блаженный Павел, епископ Монемвассийский, который писал о святой Марфе, оставил следующее известие о трех современницах святой Марфы[1].

«Был я, — говорит он, — послан на восток по царскому делу. На дороге встретился мне пустынный монастырь, и мне захотелось побывать в нем. Игумен и черноризцы вышли ко мне навстречу и, поздоровавшись, сели мы на горе. Тут были плодовитые деревья. И вот птицы, прилетая, ломали ветки с плодами и быстро уносили. Я спросил игумена: “Отчего это птицы не едят плодов, а уносят куда-то с ветками?” Он отвечал: “Вот уже одиннадцатый год, как они то же делают каждое лето”. “Тут в горах, — сказал я по какому-то вдохновению, — живут или мужи, или жены, и им-то носят они плоды”. Когда говорил я это, прилетевший ворон сломил ветвь с плодом. Я сказал игумену: “Пойдем за ним”, — и пошли. Ворон с плодом летел впереди нас и, долетев до утеса, положил ветку. Когда подходили мы к нему, он, взяв ветку, полетел в провалье и, там оставив ветвь, воротился без всего. Придя к провалью, мы бросили вниз камень. И вот кто-то кричит: “Если вы христиане, не убивайте нас”. “Кто вы таковы?” — спросили мы. “Если хотите, — был ответ, — видеть нас, бросьте нам три одеяния, — мы — нагие жены; идя по горе, увидите дорожку и по ней можете сойти к нам”. Услышав это, три чернеца сняли с себя одеяния и, обвивши ими камень, пустили вниз. Найдя указанную узенькую дорожку, с трудом сошли мы по ней к святым. Три жены, увидев нас, поклонились нам до земли и, сотворив молитву, сели мы. Одна из них тоже села, а две стояли. Тогда игумен спросил севшую: “Откуда ты, госпожа-матерь, и как пришла сюда?” “Я из Константинограда, — отвечала она. — Муж мой служил при императоре и скончался молодым; я осталась вдовою 20-ти лет и горько плакала как о вдовстве, так и о том, что не имела детей. Спустя несколько дней один вельможа присылает ко мне слуг с тем, чтобы насильно доставить меня к нему. Слуги, ничего не слушая, хотели весть меня. Я помолилась Господу Иисусу, да избавит меня

[1] Пролог под 10 декабря: «в той же (10) д. память святых трех жен, обретенных на горе, о них же сказа Павел епископ Монемвассийский. Павел, сын Леонов, сказа о святых сих» и проч. Сказатель называется по имени и по отцу. Это — не по-гречески, а по-славянски. Не дивно, что морейский славянин был в службе императора, как и то, что после был он епископом на родине, в Монемвассии. Не дивно и то, что знал он по-гречески так же, как по-славянски. То же известие в Четьях-Минеях, только один рассказ начат так: «бувшу ми мирянину послан бых».

от того, который готов осквернить душу и тело мое. Потом сказала слугам: “Я рада идти к вашему господину, столько славному; но теперь я очень больна, непрестанно течет кровь; потерпите, пока выздоровею, и тогда с радостью пойду”. “Хорошо, — сказали они, — господин будет ждать до 40 дней”. По удалении их созвала я слуг моих и, дав им денег, отпустила их на волю, а при себе оставила только двух служанок, которых вы видите. Потом, пригласив одного родственника, человека христолюбивого, под клятвами завещала ему продать села мои и дом и раздать деньги нищим. Так я осталась без забот житейских. Ночью, взяв моих служанок, а теперь моих сестер, вступила я с ними на корабль, и мы пришли на это место, где видите нас. Вот одиннадцатый год, как не видали мы ни одного человека, кроме вас. Одежды наши изветшали и распались”. Игумен сказал: “Откуда, госпожа, получаете вы пищу?” “Благой и Человеколюбивый Бог, — отвечала она, — прокормивший народ Свой в пустыне 40 лет, посылает пищу и нам, недостойным рабыням Его. Каждое лето птицы приносят всякий овощ, даже до излишества. И нагота не тяготит нас, — ни зимой не боимся холоду, ни летом — зноя, прославляя Святую Троицу”. Мы слушали это с изумлением. Игумен сказал: “если прикажешь, госпожа моя, пошлю брата в монастырь принести пищи, и мы покушаем с вами”. Она отвечала: “Прикажите прийти священнику, пусть наперед помолится, и мы причастимся Святых Таин, — с того времени, как удалились мы из города, не удостаивались мы принять Святые Тайны”. Игумен послал чернеца в монастырь позвать пресвитера и принести пищу. Пресвитер, придя, совершил службу, и Божии рабыни причастились Святых Таин. Потом покушали они с нами. “Молю святыню твою, — сказала святая, — пробыть здесь три дня”. Игумен дал обещание. Блаженная, встав, усердно молилась и тихо преставилась ко Господу; совершив надгробное пение, похоронили мы ее. На другой день так же покойно скончалась другая, а на третий — третья. Похоронив их, возвратились мы, славя Христа Бога, творящего чудеса».

Святого мученика Мелетия Стратилата и с ним 1218 воинов с женами и детьми, — и **святого мученика Серапиона** и дружины, скончавшихся от различных мук при Антонине императоре, во II веке.

День двадцать пятый

СТРАДАНИЕ святых ПАСИКРАТА, ВАЛЕНТИОНА и друзей их

Мученики Христовы Пасикрат и Валентион были, говорит древнее известие[1], из города Доростола Македонского, воины, но христиане. Оба они были молоды, Пасикрату было 22 года, а Валентиону 30 лет; но оба были зрелы духом. Когда увидали они, что чтители идолов кланяются камням, а слабые из христиан, боясь мук, приносили жертвы; они, одушевясь святою ревностью, свободно исповедали, что только христианский Бог есть истинный Бог, а идолы — вещество бездушное. Быв схвачены, приведены они были к префекту. Когда им сказано было, чтобы принесли жертву богу Аполлону, Пасикрат плюнул на идола. Тогда подошел к Пасикрату брат его Паниян, отступивший пред тем от Христа по страху мучений, и стал убеждать принести жертву, чтобы

[1] Менолог Василия и Четьи-Минеи. Страдание мучеников помещено здесь под 24 апреля, а в прологе — под 21 апреля. Но современное описание страданий друзей их Юлия и Исихия показывает, что страдание совершилось в мае и что товарищ Пасикрата назывался Валентионом, а не Валентином, как в менологе. В мартирологе Адова и Усуарда — под 25 мая: «в Мизии, в городе Доростеле, мучение Пасикрата, Валентиона и двух других вместе увенчанных» (Patrolog. 124, 86. 87. 94).

избавиться мук. Пасикрат прогнал брата, называя его недостойным родства с ним. Когда спрошен был Валентион, то отвечал, что он одних убеждений с Пасикратом. Потому оба лишены были головы, тогда как тут же стояла мать Пасикрата и склоняла сына к мученичеству.

Вслед за тем начались подвиги друзей Пасикрата и прежде других святого Юлия.

По современному известию[1], блаженный Юлий схвачен был служителями и приведен к префекту Максиму. «Правда ли, что говорят о тебе, Юлий?» — спросил Максим, Юлий отвечал: «Правда, я христианин, — за другого не хочу выдавать себя». «Разве ты не знаешь, — говорил префект, — указа императоров, повелевающего приносить жертву богам?» Юлий отвечал: «Знаю; но я — христианин, не могу делать то, чего хотите вы; не следует мне отрекаться от Бога живого и истинного». Максим сказал: «Что за важность покурить ладаном и уйти? Диоклетиан, как известно, первый повелел воздавать ему почести как божеству[2]. Воин при приеме жалованья курил фимиам пред изображением нового божества. Префект-язычник чувствует странность этой выходки Диоклетиана и думает закрывать ее сарказмом индифферентизма». Юлий отвечал префекту: «Не могу преступить заповедь Божию. Я служил в военной службе 26 лет, и не приводили меня к судье как преступника или как человека вздорного; семь раз выходил я на войну; не был я ослушником пред начальством и сражался не хуже каждого. Не думают ли, что тогда, как был я верным в низшем, окажусь неверным в высшем?» Максим спросил, в каком войске служил Юлий? «Я служил, — отвечал Юлий, — в легком войске и вышел из службы, — я ветеран[3]. Но я чтил

[1] Переводим древнее описание мученичества, изданного у Руинарта (Acta martyrum sincera).

[2] Проспер в хронике: Primus Diocletianus adorari se ut Deum iussit (*Prosperus Aquitanus.* Epitoma chronicon).

[3] Выражение: sub arma militavi, поставленное в тексте Руинарта, только в поздние времена стали употреблять в значении строевой военной службы, так что армия противополагается милиции и казачеству. Потому дозволительно читать в тексте: sub parma militavi. А это значит, что Юлий служил в легком войске, для которого круглый щит (parma, παρμη), сделанный из дерева и обтянутый воловьей шкурою, составлял необходимую принадлежность. Легкое войско (milites levis armaturae, leves) отличалось еще тем, что оно не разделялось на когорты и сражалось рассеянными кучками (*Адам А.* Римские древности, или изображение нравов, обычаев и постановлений римских, служащее для легчайшего уразумения латинских писателей: В 2 ч. М., 1824. Ч. 2 (далее — *Адам А.* Римские древности. — *Ред.*)). В пользу такого чтения текста служит и то, что на Дунае нужно было именно иррегулярное, легкое войско, всегда

Бога Живого, сотворившего небо и землю, и теперь отправляю вечную службу Ему». Максим говорил, что Юлий получит в награду 10 динариев и оставлен будет в покое, если только теперь послушается. «Ни деньги, ни льстивые убеждения не отклонят меня от Господа Вечного», — отвечал исповедник. «Надобно повиноваться законам», — сказал Максим. «Я страдаю за вечные законы», — отвечал Юлий. «За те, что преподал вам Распятый? Не умно уважать мертвеца, а не живых императоров», — говорил префект. Юлий отвечал: «Он умер за грехи наши, чтобы даровать нам Вечную жизнь, но Он же — Бог Вечный». Максим сказал: «Послушайся, принеси жертву, — иначе ты выбираешь себе смерть». «Я выбираю долю умереть на время и жить вечно», — отвечал Юлий. Префект произнес решение: Юлий, не повинующийся указам императоров, должен быть лишен головы.

Когда вели святого Юлия на место казни, Исихий, воин и христианин, находившийся под стражею, говорил мученику Юлю: «Прошу тебя, Юлий, выполняй с радостью обещание свое, получишь венец, который обещал Господь исповедникам Своим. Но помни и о мне, — я иду за тобою, особенно приветствуй Пасикрата и Валентиона, рабов Божиих, которые прежде нас пришли к Господу добрым исповеданием». Юлий, целуя Исихия, сказал: «Спеши прийти, брат; а желания твои услышаны теми, которых ты приветствовал».

Затем Юлий взял платок, завязал им глаза и, протягивая шею, сказал: «Господи Иисусе Христе! За Твое имя умираю, — удостой принять душу мою в число святых». Служитель отсек ему голову. Раб Христов пострадал в 6 кален. июня (27 мая).

Святой Исихий с двумя другими принял мученическую кончину июня 25 дня[1]. Спустя два дня после того пострадали еще два воина, также друзья святого Пасикрата, Никандр и Маркиан[2].

готовое отражать Задунайских неприятелей империи. У Адона и Усуарда Юлий изображается так: cum esset veteranus et emeritae militiae.

[1] Так в мартирологах Иеронима, Адона и других.

[2] Греческие акты мученичества их известны были Алляцию (*Allatius*. De Symeonum scriptis diatriba. P., 1664). Латинские акты изданы у Руинарта (Acta martyrum sincera). Греческий текст издан у Папеброха (Acta Sanctorum, jun. 3). Страдания Никандра и Маркиана совершились в нижней Мизии, там же, где пострадали свв. Пасикрат и Юлий; в тех и других деяниях и префект — тот же, и одинаковое действие его, и тот же св. Пасикрат с его братом. В менологе Василия сказание о свв. Никандре и Маркиане под 7 июля близко к показаниям записи о их мученичестве, но сказание синаксаря под 8 июня выставляет многое, чего вовсе нет в актах.

Когда они представлены были на суд, префект Максим сказал им: если вы не знали указа императоров, повелевающего приносить жертвы богам, то исполните теперь. «Указ, — отвечал Никандр, — относится к желающим приносить жертву; но мы — христиане, не можем подлежать ему». Максим сказал: «Почему бы вам не принять награды за вашу заслугу?» «Деньги нечестия неприятны для чтителей Истинного Бога», — отвечал Никандр. Покури только ладаном богам, сказал Максим. Никандр отвечал: «Христианин не может чтить камни и деревья и забыть о Боге, сотворившем все из ничего и могущем спасти меня и всех надеющихся на Него». Супруга святого Никандра говорила ему: «Берегись, господин мой, делать то; берегись отказываться от Господа нашего Иисуса Христа; взирай на небо и там увидишь Его, Кому должен ты сохранить верность». Максим сказал: «Глупая бабья голова! Зачем ты хочешь смерти мужу своему?» «Для того, — отвечала она, — чтобы жил он у Бога и никогда не умирал». Нет, сказал Максим, тебе хочется добыть более здорового мужа. «Если ты так думаешь обо мне, — отвечала она, — умертви меня за Христа первую, если только у тебя есть указ о женщинах». Максим сказал, что такого указа нет у него, но она будет сидеть в тюрьме, и ее отвели в тюрьму.

Максим давал время Никандру подумать о цене жизни. Никандр отвечал, что дело уже обдумано и что он ничего более не желает, как душевного спасения. «Ты что скажешь, Маркиан?» — сказал префект. «Стою на том же, на чем ратный товарищ мой», — отвечал Маркиан. «Итак, вы оба отведены будете в тюрьму и без сомнения понесете казнь», — сказал префект.

Спустя 20 дней приводят их из темницы к префекту. «Довольно времени употреблено на увещание, чтобы покорились вы указу императоров», — сказал Максим. «Слова твои, — отвечал Маркиан, — не заставят нас отступить от веры и отказаться от Бога. Он присутствует тут и знаем мы, куда зовет Он. Не удерживай нас. Ныне вера наша совершенствуется во Христе. Отсылай нас скорее, чтобы узрели мы Распятого; вы нечистыми устами порицаете Его, а мы чтим Его». «По желанию вашему вы преданы будете смерти», — сказал префект. «Для здравия императоров просим тебя, — отвечал Маркиан, — скорее отпустить нас. Мук мы не боимся, но желаем, чтобы скорее исполнилось наше желание». «Не я вас преследую, — сказал Максим, — а указы императоров; я невинен в крови вашей». Затем произнес он смертный приговор. Святые мученики Христовы как бы одними устами сказали: «Будь счастлив, человеколюбивый префект!» Они вышли из суда с радостью.

За Никандром следовали жена его и Пиниян, брат мученика Пасикрата, несший младенца, сына Никандрова. За Маркианом шли родственники и жена его. «Горе мне бедной! — кричала последняя. — Смилостивись надо мною, господин мой, — посмотри на милого сынка твоего; не отвергай нас». Маркиан, строго посмотрев на нее, сказал: «Как сатана помрачил ум твой! Уйди от нас; дай мне докончить подвиг мученический». Зотик христианин, поддерживая руку его, говорил: «Будь тверд, господин — брат! Ты совершаешь добрый подвиг. Где нам слабым взять такую веру?» Маркиан сказал Зотику: «Поддержи жену мою». И Зотик взял ее. Когда пришли на место, Маркиан, подозвав жену, поцеловал ее и сказал: «Иди с Богом; ты не можешь смотреть на славный подвиг мученичества, — мысль твоя смущена лукавым». А сынка целуя и смотря на небо, говорил: «Господи всемощный! Попекись о нем». Никандр также простился с женою. «Бог с тобою!» — сказал он. Она с радостью говорила: «Десять лет была я без тебя на родине и каждый час желала видеть тебя; теперь вижу и радуюсь, что идешь ты к жизни; радуюсь, что становлюсь женою мученика». Мученикам завязаны были глаза, и меч пресек жизнь их. Мученики Христовы Никандр и Маркиан упокоились в 15 день июля (1-го июня).

Так как префект Максим уговаривал исполнить указ «императоров» и не раз упоминал об императорах, то ясно видно, что страдание Дуростольских воинов совершалось в гонение Диоклетиана и Максимиана, в 302 году, а не при императоре Севере, как думал Бароний[1].

Известно, что на правом берегу Дуная, где Дуростол, в III веке уже сильными массами жили славяне[2], и они были лучшими воинами империи[3]. Так, святые мученики и по месту жительства, и по службе были из славян, и пример твердого самоотвержения их за святую веру конечно возбудил во многих родичах их уважение и любовь к святой вере[4].

---

[1] Acta martyrum sincera; *Вершинский Д.С.* Месяцеслов.

[2] О славянах Дуростола и соседних с ним мест см. июля 18. Дуростол у Птоломея, Дуростен на Пефтингеровой карте, Диристра и Дристра у византийцев, Дрествин в русских летописях, у турков Силистрия, по древнему названию своему — город славянский.

[3] «При императорах римские войска по большей части составлялись из иностранцев, и провинции с огорчением видели, что цвет их юношества выводили на бранное поле» (*Адам А.* Римские древности. Ч. 2). В 537 г. к Величару в Рим послано было 1600 антов и славян из живших оседло по Дунаю (см.: *Procopius Caesarensis.* De Bello Gothico Прокопий).

[4] На Ефесском соборе 431 г. был епископ Дуростольский; но после того до X века не было в Дуростоле епископа (*Wiltsch.* Handbuch der kirchlichen).

ТРЕТЬЕ ОБРЕТЕНИЕ ГЛАВЫ СВЯТОГО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

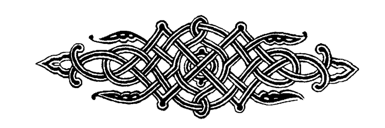
Во время гонения на святые иконы, в VIII веке, глава Предтечи перенесена была из Константинополя в Команы, — место ссылки и смерти Златоустого, и там опять сокрылась и неизвестна была до восстановления православного иконопочитания. В царствование Михаила, в 857 году, честная глава Предтечи в третий раз обретена и вторично перенесена в Константинополь патриархом Игнатием.

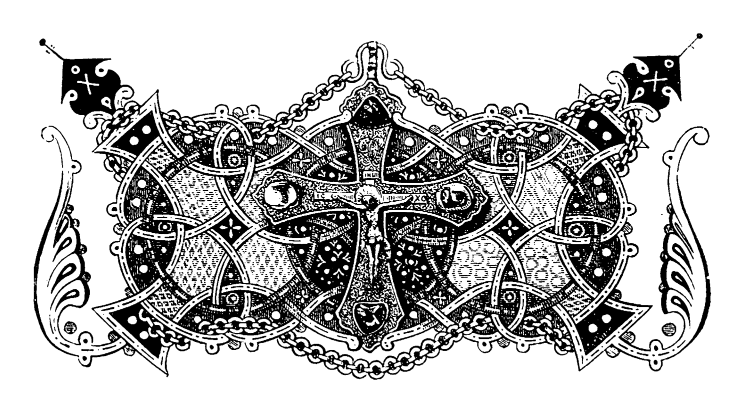
В день третьего обретения честной главы Предтечи Церковь взывает: «Яко Божественное сокровище, сокровенное в земли, Христос откры главу твою нам, Пророче и Предтече. Вси убо сошедшеся в сея обретение, песнями Богоглаголивыми Спаса воспоим, спасающа нас от тления молитвами твоими».

ПАМЯТЬ святого священномученика ФЕРАПОНТА

Епископ Кипрский, совершивший страдальческий подвиг и принявший мученическую смерть во время, как полагают, гонения Диоклетианова. Перед нашествием на остров Кипр сарацин мощи святителя были перенесены в Константинополь.

Во время этого перенесения, в 806 году, как полагают, 25-го мая, в царствование императора греческого Никифора, совершилось от мощей святителя Ферапонта много чудес; они описаны современником и, во многом, очевидцем их, который, повествуя о них, свидетельствует, что он описал «из многих чудес только немногие».

День двадцать седьмой

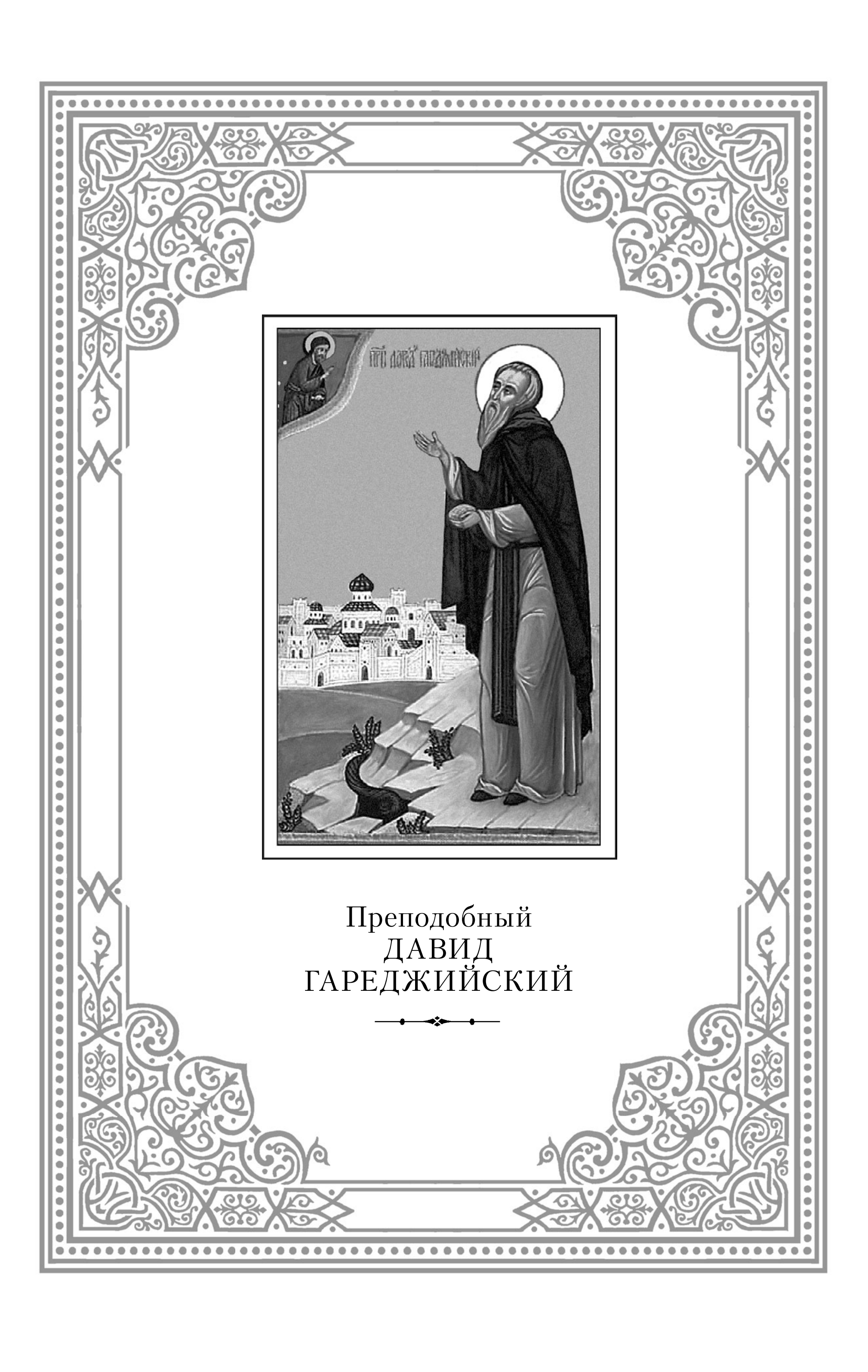
ПАМЯТЬ преподобного ДАВИДА ГАРЕДЖИЙСКОГО

Пришелец из Сирии, последовавший за великим учителем Иоанном Зедазнийским (память 7-го мая), с ним вместе пришел в Иверию, в столицу ее — Мцхет. Когда же Иоанн разослал учеников своих проповедовать Евангелие по разным странам, то Давид, по благословению Иоанна, избрал себе поприщем Тифлис (Тбилиси) и поселился в убогой пещере на полугоре, ныне называемой Мтацминдскою или Святою горою. Впоследствии Давид, вместе с учеником своим Лукианом, удалился в пустыню Гареджийскую (в 60-ти верстах от Тифлиса — на восток по левому течению Куры). Здесь, возложив надежду на Единого Бога, питавшего Израиля в пустыне, выбрали они место «прекрасное, безмятежное», но совершенно не удобное для жизни, «изобилующее недостатками и нуждами для телесного подкрепления», довольствовались одними корнями растений для удовлетворения голода, одною дождевою водою — для удовлетворения жажды; но когда зной, а потом мороз лишили их того и другого и Лукиан стал унывать, Давид не поколебался в надежде на чудное промышление о людях всемогущего Бога, и действительно, в пустыню к отшельникам прибежали три самки оленей с оленятами, молоком которых и стали они пропитываться...

Да едят бедные и насыщаются; да восхвалят Господа ищущие Его; да живут сердца ваши во веки! (Пс. 21, 27) воспели отшельники вместе с царем Давидом в умилении благодарной души...

Однажды, охотясь за зверями, зашли сюда охотники и, пораженные чудною жизнью отшельников, они разнесли молву о них среди окрестных жителей; тогда стали приходить сюда и поселяться любители безмолвия, которые постепенно образовали здесь 12 монастырей[1]. Решаясь поселиться здесь, чтобы подвизаться под руководством Давида, они должны были иссечь себе пещеры для жительства и вырыли колодцы — искусственные, в которые были спущены для дождевой воды каналы по направлению от высоких горных кряжей, окружающих пустыню, вниз в колодцы или каменные ямы. По прошествии нескольких лет, когда было устроено благосостояние всех обителей, Давид решился исполнить постоянное желание свое — посетить Иерусалим для поклонения святым местам. Поручив управление обителями Лукиану и пресвитеру Додо (память его 23-го мая), старец, с некоторыми учениками своими, отправился в путь. Когда они дошли до высот, с которых открылся перед ними Иерусалим, сердце Давида преисполнилось страха и трепета... «Как дерзну я, — говорил он со слезами, — грешными стопами моими попирать следы ног Богочеловека...» — и, отпустив своих учеников как более, чем он, достойных поклониться святым местам, сам Давид, в виду святого храма Гроба Господня, взял три камня со Святой земли и пошел обратно... Но не утаилось от мира такое высокое смирение подвижника. По откровению, бывшему о нем в сонном видении Илии, патриарху Иерусалимскому, отправлены были посланные от патриарха, которые догнали его на пути и которым возвратил он два камня, взятые им со Святой земли, третий же Давид оставил у себя, по разрешению патриарха, «чтобы он отнес его, как благодать, в свою пустыню, для памяти и извещения веры его»... Слух о таком чудном происшествии разнесся по всему Иерусалиму и окрестностям его. Давид же возвратился в свою пустыню, принеся камень с собою, который и теперь сохраняется на гробе его и источает благодатную силу исцелений всем с верою приходящим поклониться святому. Вскоре по возвращении

[1] В отдаленной от центра Грузии и необитаемой местности Гареджийской из 12-ти бывших прежде обителей красуются теперь только две, и те — полуразрушенные, высеченные в скалах. Остальные опустели и стоят в развалинах, представляя собою великолепное искусство древности.

Преподобный ДАВИД ГАРЕДЖИЙСКИЙ

святой Давид получил во сне извещение о близкой кончине своей. Призвав братию, преподал он им спасительные наставления, потом, отслушав Литургию, причастился Святых Таин и на коленях, простерши к небу руки, мирно скончался — в половине VI века. Пустыня его прославилась и еще многими святыми и чудотворцами.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ФЕРАПОНТА МОЖАЙСКОГО

Преподобный Ферапонт, в мире Феодор, происходил из рода дворян Поскочиных и родиною его был Волоколамск[1]. С юного возраста исполненный страха Божия, он думал только о том, как бы избавиться ему от мятежного мира. Он любил беседовать о благочестии и молил Господа — сподобить его ангельского жития. Избрав благоприятное время, он тайно ушел из родительского дома и в Симоновой обители упросил настоятеля постричь его в иночество. Здесь с полным послушанием выполнял он черные работы и вместе с тем всегда бывал на бдениях храма и на молитве келейной. Тайные помыслы свои искренно открывал он старцу своему и тем соблюдал чистоту душевную и телесную. По временам слушал он наставления преподобного Серия. Настоятель, заметив его способности и усердие к выполнению послушаний, делал ему разные поручения, между прочим послал и в дальнюю Белозерскую сторону. Со страническим посохом ходил он по пустынной Белозерской стороне и пленился тишиною лесов ее. Возвратясь в Симонову обитель, он принес с собою жажду уединения пустынного. Преподобный Кирилл в это время жил уже на старом Симонове, в уединении. Стремясь душою к более глубокой тишине, спросил он Ферапонта: «Есть ли на Белом озере место, где бы можно было безмолвствовать иноку?» Ферапонт отвечал, что их там много,

[1] Ркп. житие прп. Ферапонта у Царского № 136.

и оба согласились тайно идти в пустынную сторону. Кирилл нашел здесь место, указанное ему в видении: оба водрузили крест и выкопали землянки для жилища. Однако Ферапонт не долго пробыл с Кириллом и удалился за 15 верст, на место прекрасное, между двух озер, для пребывания наедине с Господом[1]. Здесь расчистил он землю для насаждения овощей и, по преданию отцов пустынных, прогонял уныние безмолвия то трудом, то молитвою и бдением; немало ему пришлось испытать страха и от разбойников, которые, не терпя праведника близ себя, гнали его из пустыни. К нему стали приходить люди с желанием делить пустынные подвиги его. По их просьбе построил он храм в честь Рождества Богоматери и учредил общежитие. Это было в 1398 году. Прибытие старца иеромонаха обрадовало преподобного, так как сам он не хотел принять на себя ни старейшинства, ни иеромонашества. Он по-прежнему подвизался в тяжких работах, не упуская церковной службы и правила келейного. По временам ходил он для духовных бесед к преподобному Кириллу. Братство его умножалось, и пример преподобного одушевлял всех любовью к суровым подвигам. Люди зажиточные стали наделять обитель подаяниями. Братия просили преподобного, чтобы принял на себя управление обителью; преподобный говорил: «Не я оградил это место, а Пречистая Богородица: Она и может наставить вас на все полезное». Видя твердое нежелание старца принять на себя настоятельство над ними, они избрали себе игумена. Для всех, однако, преподобный оставался отцом и наставником. К нему в келлию приходили за советами в смущениях душевных. По его мыслям располагалось все в обители. Никто не смел держать в келлие что-нибудь, кроме икон святых, назидательных книг и орудий простого рукоделия. Братия занимались то списыванием книг, то плетением мрежей для ловли рыбы. В храме и трапезе наблюдалась глубокая тишина. Князь Андрей Дмитриевич Можайский, которому принадлежала и Белозерская страна, услышав о новой обители в его пустынной отчине, пожаловал новой обители землю и озера, прислал утвари для храма ее и просил молить за него[2]. Так *Сей нищий воззвал, — и Господь услышал и спас его от всех бед его* (Пс. 33, 7).

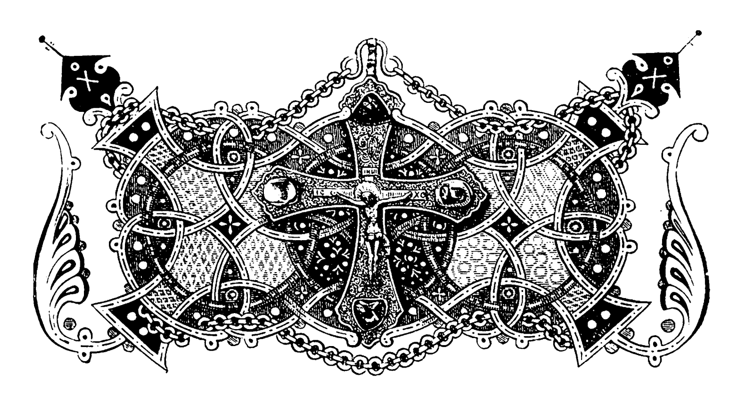
---

[1] Пахомиево житие прп. Кирилла.

[2] Прп. Кирилл Белоезерский писал к князю Юрию: «был здесь брат твой, князь Андрей; здесь вотчина его, и нам было необходимо отдать ему, государю нашему, поклон» (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1).

Наместник Можайского князя, возвратясь с Белоозера, рассказал князю, каков подвижник блаженный Ферапонт в его Белозерской стране. Князь, давно желавший построить обитель близ Можайска, послал боярина своего пригласить старца в Можайск для беседы с князем о нужном деле. Это приглашение обеспокоило старца, но он сказал: да будет воля Господня, и, согласно с мыслями братии, отправился в Можайск. «Господь воздаст тебе награду за труд твой, я же навсегда останусь твоим должником», — сказал обрадованный князь при встрече с преподобным. Потом, открыв ему давнее желание, просил его принять на себя устроение новой обители. На первый раз преподобный отвечал только слезами, потом помолился Господу и согласился исполнить волю князя. При богатых средствах князя монастырь в честь Рождества Богородицы в Лужках, в версте от города, устроился скоро. Это было в 1408 году. Преподобный авва пользовался уважением первосвятителя Фотия, который с любовью беседовал с ним о духовной жизни и облек его саном архимандрита. Под надзором опытного аввы в новой обители процвела жизнь иноческая; число братии было значительное. Преподобный авва повторял братии, жившей не вдали от города, наставление апостольское: *Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13, 12–14). Преподобный Ферапонт преставился в глубокой старости мая 27-го 1426 года. Святые мощи его почивают под спудом в соборном храме Лужецкой обители, источая чудеса для верующих. В Белозерской пустыни посвящен его имени храм[1].

[1] Пролог 27 мая; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. Между рукописями патр. Филарета по описи 1630 г., «книга прп. отец Ферапонта и Мартемьяна» (*Иванов П.И.* Описание Государственного разрядного архива).

День двадцать восьмой

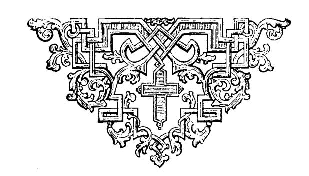
ПАМЯТЬ преподобного СОФРОНИЯ

Скажу любви вашей о личности дивной, говорит современный описатель подвигов святого Георгия мученика (1515 г.). Пресвитер Стефан, из села Пенковца, что близ Софии (Средца), из-за турецкого насилия оставил родину свою и, со своей супругою придя, жил в моем доме; с ним мы довольно поучались полезному. Отсюда удалился он в Валахскую землю и принят был великим воеводою Радулом. Там супруга его переселилась к Богу, а он стал иеромонахом Софронием. По смерти воеводы Радула опять пришел он на Дунай, поселился в монастыре близ Русы и укреплял себя постом, молитвами, трудом, терпением и милостынею. Тут он жил недолго: дьявол не терпел подвигов его, поднял против него слугу его; тот ударяет его топором по голове и лишает жизни. Погребенный «он, спустя три года, являлся живущим в монастыре; те открывают гроб и находят его как будто уснувшим и издающим благоухание. Они положили его в раке. По всей стране творит он чудеса и исцеления. Кто не доверяет, пусть идет сам и уверится»[1]. Воевода Радул, покоивший преподобного Софрония — Стефана, известен как один из лучших воевод Валахии; он выпросил себе у султана

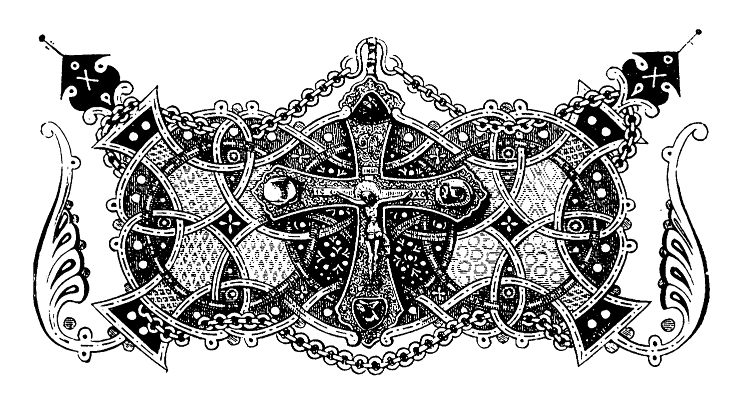
[1] Житие св. Георгия см. в: Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1864. Ч. 2.

блаженного патриарха Нифонта, жившего в заточении в Адрианополе; при содействии святого Нифонта Радул успел многое сделать для благоустройства дел гражданских и церковных в Валахии. Он умер в 1508 году[1]. Так как преподобный Софроний, по словам современника, жил «недолго» по смерти Радула, а мощи его открыты спустя три года после его кончины; то ясно, что страдальческая смерть его последовала не позже 1510 года, а мощи открыты в 1512 году[2].

[1] *Палаузов С.Н.* Румынские господарства Молдавия и Валахия. СПб., 1859. О св. Нифонте см.: Афонский патерик. Ч. 2.

[2] Сербляк в предисловии жалеет, что не мог приготовить службы «св. Стефану, его же мощи почивают в Пипере». Прп. Филотея, коей память 28 мая и житие описанное Тернов. патр. Евфимием в минеях митр. Макария, была родом, как оказалось по житию, из Пафлогонии гречанка, и Евфимий описал жизнь ее только по тому случаю, что мощи ее перенесены были в Тернов. Потому не помещаем жития ее между житиями святых славян, как не поместим под 2 июня жития муч. Иоанна, уроженца Трапезунтского, следовательно грека, хотя почивающего в Молдавии.

День двадцать девятый

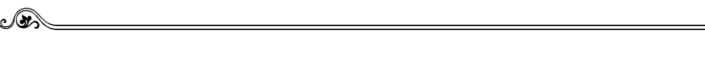
ПАМЯТЬ святых мучениц ФЕОДОСИИ, девы Тирской, и другой Феодосии, Цареградской

Девица 18 лет, уроженка города Тира, находясь в Кесарии Палестинской, посетила место заключения исповедников Христовых, приветствовала их и просила помянуть ее, когда предстанут лицу Божию. Воины тотчас схватили ее как преступницу и представили правителю Урбану. А этот подверг ее лютым мукам, при коих ребра и сосцы ее были построганы до костей; затем еще дышащую велел утопить в море. Скончалась 6 апреля 308 года[1].

Феодосия Цареградская, монахиня знатного рода, гласно обличала нечестие царя Льва Исавра и патриарха Анастасия, велевших уничтожить изображение Христа Спасителя на кресте, стоявшее наверху медных ворот большого императорского дворца. Едва посланный чиновник взошел по лестнице и начал бить молотом по изображению, как собравшаяся толпа столкнула лестницу и упавшего чиновника предала смерти.

Войско разогнало народ; захвачены были многие, в том числе и Феодосия. Как знатнейшую и виновнейшую, повелено было в течение

[1] *Евсевий Памфил.* Церковная история. СПб., 1848.

семи дней бичевать ее, по сотне ударов в день; и в восьмой вести с бесчестием по городу, причем раздраженный случайным ушибом палач убил ее поднятым с улицы козьим рогом. Тело ее было похоронено в ее монастыре, у Золотого Рога, и источало исцеления.

ПАМЯТЬ святых мучеников КИРИЛЛА ОТРОКА, КАРЕЛЛА, ПРИМОЛА, ФИНОДА, ВЕНУСТА, ГИССИНА, АЛЕКСАНДРА, ТРЕДЕНТИЯ и ИОКУНДА

Особенно замечателен из них отрок Кирилл, поразивший своей твердостью всех, кто, не зная христианской веры, не мог постичь, какую силу дает она своим исповедникам...

Сын язычника Кирилл терпел жестокое обращение с ним отца за присоединение свое к христианам и, наконец, был выгнан из родного дома. Не отлучило это его от Христа. Не смутили отрока и насмешки товарищей-язычников; на убеждения же судьи, сначала ласково обратившегося к нему и обещавшего ему возвратить его в дом отца, если он перестанет упрямиться в своем заблуждении, Кирилл возразил: «Отец выгнал меня, но Бог примет меня и даст мне жилище вечное...»

«Когда же судья начал угрожать 16-тилетнему исповеднику, показал ему костер, приготовленный для него, то Кирилл отвечал: “смерти я не боюсь, она мне даст лучшую жизнь...”»

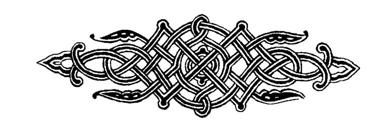
Тогда Кирилла приговорили быть сожженным на костре. Увидев, что при этом некоторые из собравшихся вокруг него заплакали, отрок спокойно сказал им: «О чем вы плачете? За меня следует радоваться, а не плакать... но, впрочем, вы не знаете, какую я имею надежду и куда

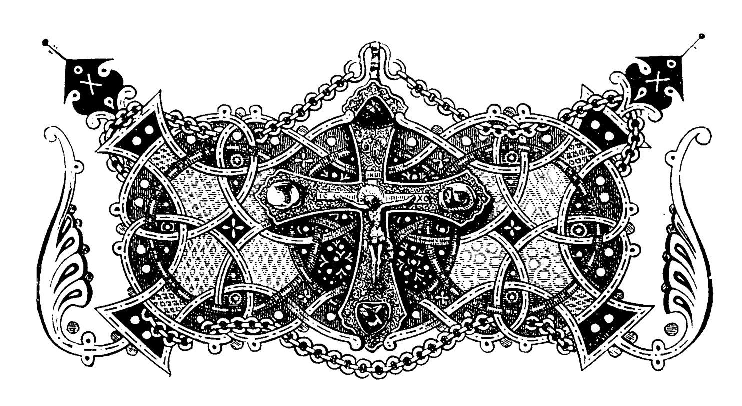
я иду»... И затем, без малейшего смущения взойдя на костер, принял мученическую смерть...

Все они пострадали в Кесарии Каппадокийской в гонение Валериана (253–259 гг.).

ВОСПОМИНАНИЕ СВЯТОГО ВЕЛИКОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА ПЕРВОГО, В НИКЕЕ БЫВШЕГО

Собор 318 отцов происходил в Никее в 325 году против Ария, отвергавшего вечность Сына Божия и единосущие Его с Богом Отцом. На сем соборе составлен и Символ веры, обязательный для всех верующих.

Праздники переходящие

ДЕНЬ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Основание праздников в 50-й день по Пасхе Пресвятой Троице указано в Писании, и начало этого празднования относится к началу христианства. Сам Иисус Христос, предрекая апостолам о радостнейшем событии новозаветной Пятидесятницы, исполнение его приписал Троице Единосущной и Нераздельной; о сошествии Святого Духа Господь сказал: *Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать обо Мне* (Ин. 15, 26). Притом явление Святого Духа, сходящего от Бога Отца и посланного Богом Сыном, распространило в мире благодатное познание о таинстве Святой Троицы (см. Ин. 16, 8–15; 14, 26). Посему со времени сошествия Святого Духа на апостолов постоянно воздается в Церкви Православной, в день Пятидесятницы, богопоклонение и прославление Святой Троице. Апостол Петр в проповеди Слова Божиего к многочисленному народу в день Пятидесятницы, объясняя явление огненных языков апостолам, между прочим говорил: *Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божией и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите* (Деян. 2, 32–33). В самый же день Святой Троицы 3000 из слушателей апостола Петра приняли Слово Божие и крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа (см.: Деян. 2, 41). Так и сотворение, и искупление, и освящение мира совершилось любовью Бога Отца, пославшего Спасителя на землю, благодатью Сына

Божия, искупившего людей, и наитием Святого Духа, освящающего верующих (см.: Деян. 2, 17). Посему день Пятидесятницы есть торжество и в славу Бога Отца, от Которого Дух Святой исходит, и Бога Сына, Который послал Духа Святого от Отца, и в славу Духа Святого, видимо сошедшего на святых апостолов и учеников Христовых.

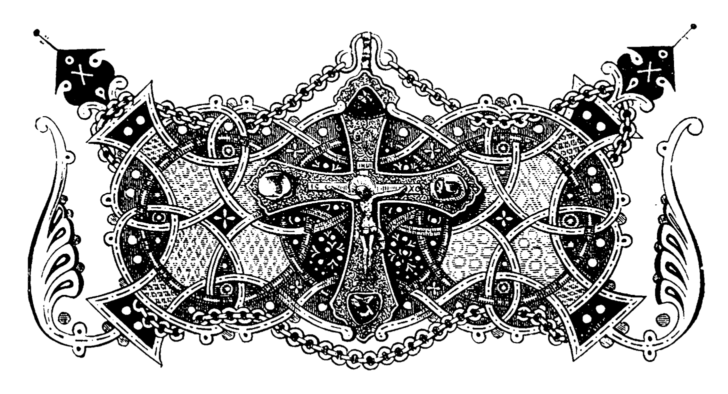
ДЕНЬ ПРЕСВЯТОГО ДУХА

Понедельник Пятидесятницы называется Духов день. Название дня произошло от древних святых отцов в их словах в день Пятидесятницы. У святителя Григория Богослова он называется днем Духа, у блаженного Августина — праздником пришествия Святого Духа. Духов день есть продолжение праздника Пятидесятницы и установлен для того, чтобы после поклонения Пресвятой Троице воздать особое поклонение Святому Духу, видимо сошедшему на святых апостолов и Своим сошествием призвавшему верующих к прославлению и Пресвятой Троицы.

«Вожделенный день воссиял нам, братия, — говорит блаженный Августин, — и Святая Церковь блистает ныне во взорах и пламенеет в сердцах верующих. Мы празднуем тот день, в котором Господь Иисус Христос, прославленный по воскресении вознесением, послал Святого Духа. *И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать* (Деян. 2, 2–4). Ибо как после потопа гордое нечестие людей создало высокую башню против воли Господа, и род человеческий тогда разделен на разные языки, чтобы каждый народ, говоря своим языком, не был понимаем другими: так смиренное благочестие верных различие языков обратило к единству Церкви, да рассеянное раздором соберет любовь, да расточенные члены рода человеческого, как члены одного тела, соединятся под единою главою Христом и огнем любви сплавятся в единое святое тело. Итак, сего дара Святого Духа совсем чужды те, кои ненавидят благодати мира, не сохраняют общения

единства. Пусть они даже собираются ныне торжественно, пусть слышат и чтения, повествующие, как Дух Святой обещан и послан; они слышат сие в осуждение себе, а не на пользу. Ибо что пользы им принимать то слухом, что отвергают они сердцем, и праздновать тот день, коего свет им ненавистен? Но вы, братия мои, члены Христова тела, отрасли единства, сыны мира, вы проводите день сей радостно, празднуйте благонадежно. В вас исполняется то, что предызображалось в те дни, когда пришел Святой Дух. Как тогда каждый приявший Святого Духа говорил всеми языками, так и ныне единство во всех народах говорит всеми языками. Пребывая в сем единстве, вы имеете Святого Духа, ибо никаким расколом не отделяетесь от Церкви Христовой, говорящей всеми языками».

«Итак получили и мы Святого Духа, если любим Церковь, если связываемся любовью, если имеем имя кафолическое и веру. Верим, братия, что сколько кто любит Церковь Христову, столько имеет Святого Духа. Апостол предпочел любовь языкам человеческим и Ангельским, предпочел чудесам веры, предпочел знанию и пророчеству, предпочел даже великому делу милосердая, — раздаянию всего имения бедным, наконец, предпочел ее самому страданию тела (см.: 1 Кор. 13, 1 и далее). Имея любовь, будешь иметь все. А что любовь принадлежит Святому Духу, внимай о том слову апостола: *Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5, 5). Почему же Сего Духа, Коим излита любовь Божия в сердца наши, Господь благоволил даровать по Своем воскресении? Что сим означил? То, чтобы любовь наша пламенела в воскресении нашем, чтоб удаляла нас от любви мира, чтобы вся текла к Богу. Ибо здесь рождаемся и умираем, здешнего да не любим; любовью да переселяемся и вселяемся горе, тою любовью, которую имеем к Богу. Господь не блага сего мира обещал нам, когда сказал: *Веруяй в Меня да придет и да пьет, и реки от чрева его истекут воды живой* (Ин. 7, 38). Обещал Жизнь Вечную, где нет места никакой болезни, никакому смущению, откуда не прейдем, где не умрем, где не оплакивают покойников и не ожидают наследников. Вот что обещал Он любящим; а потому и благоволил даровать Духа только по Своем прославлении, да явит в Своем теле жизнь, которой теперь не имеем, а ожидаем в воскресении».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ
Священномученик
ИОСИФ,
митрополит Астраханский

Священномученик Иосиф, первый митрополит Астраханский, родился в 1579 году в Астрахани в семье родителей Климента и Варвары. Скорби и страдания сопровождали его с юных лет до мученической кончины. Мальчику было семь лет, когда в их городе разразилась смута, произведенная сторонниками самозванца Лжедмитрия. В дом его родителей ворвались казаки, один из которых ударил мальчика камнем по голове, отчего он страдал потом всю жизнь.

Приняв постриг, святой Иосиф на 52-м году жизни был произведен в сан архимандрита Астраханского Троицкого монастыря. В 1656 году он находился в Москве, после чего был возведен в сан митрополита Астраханского. По данным же месяцеслова, в 1659 году он был хиротонисан в архиепископа Астраханского, в 1667 году находился в Москве на соборе, где получил сан митрополита с правом служения в саккосе; также ему дозволено было в неделю Ваий совершать шествие на осляти.

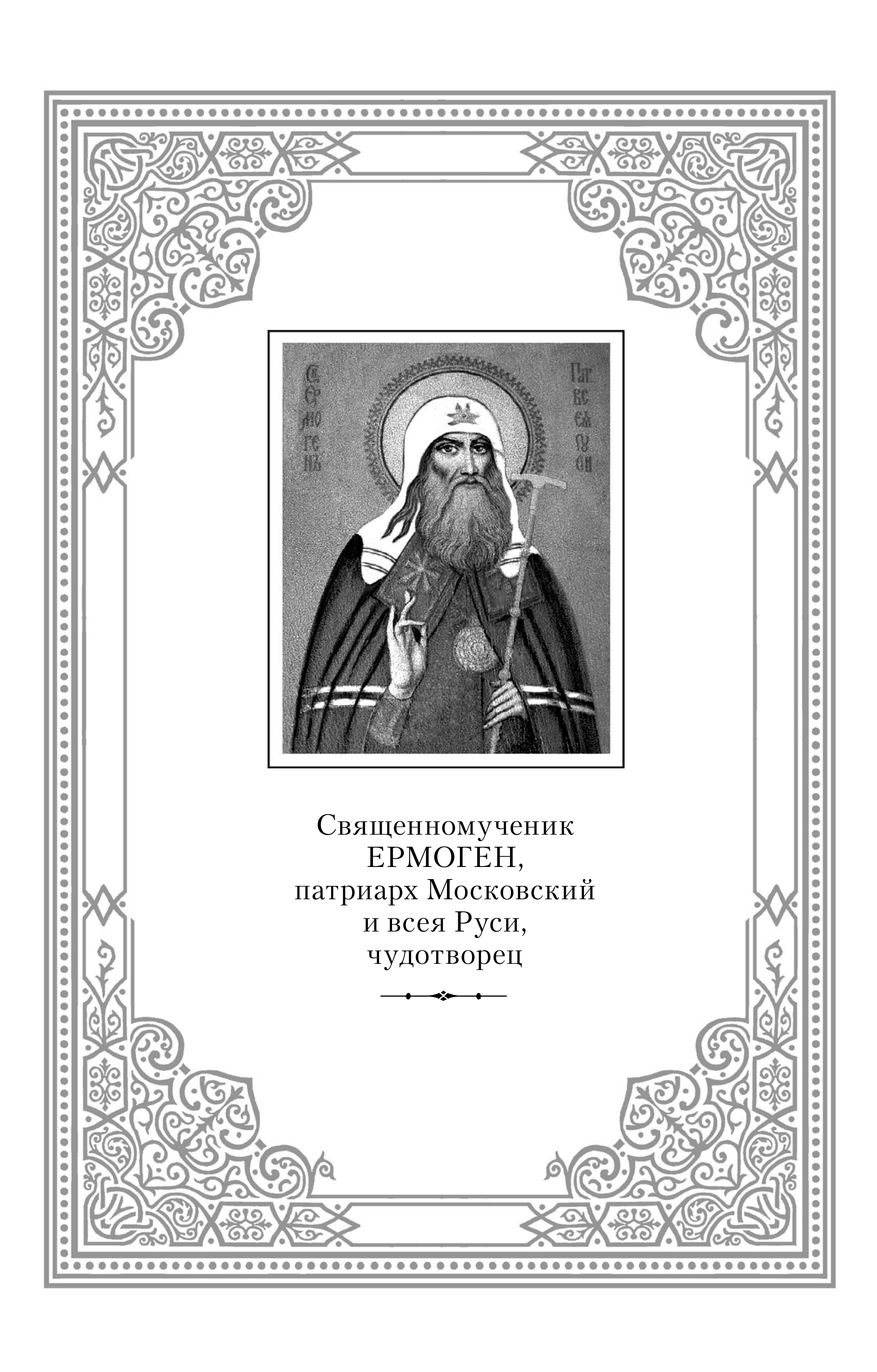
И мая 1672 года во время бунта Стеньки Разина святитель Иосиф принял мученическую кончину в Астрахани. Это печальное событие было подробно описано очевидцами и свидетелями, священниками Астраханского собора Кириллом и Петром.

Когда казаки, взяв Астрахань, окружили собор, они потребовали, чтобы святитель вышел к ним. Он же велел звонить в большой колокол, чтобы собралось все духовенство, сам облачился и в сопровождении духовенства вышел. Обвинив его в сношениях с московским правительством и казаками, отложившимися от Разина, злодеи потребовали, чтобы он разоблачился. После долгих пыток сбросили святителя Иосифа со ската крыши собора. Священники подняли тело священномученика и, облачив в святительские одежды, положили в приготовленный гроб. На следующий день после совершения панихиды тело святителя было перенесено в придел Афанасия и Кирилла в Астраханском соборе и в течение девяти дней оставалось непогребенным. Затем мощи были положены в гробницу и в скором времени прославились чудотворениями.

Канонизация святителя была совершена на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в апреле 1918 года. Память святителю определено совершать 11 мая в день мученической кончины.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
Священномученик
ЕРМОГЕН,
Патриарх Московский и всея Руси, чудотворец

Священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси, происходил из донских казаков. По свидетельству самого патриарха, он был священником в городе Казани при казанской гостинодворской церкви во имя святителя Николая. И во время его там служения в 1579 году совершилось явление и обретение чудотворной Казанской иконы Божией Матери. С благословения тогдашнего Казанского архиерея Иеремии будущий святейший патриарх Ермоген переносил новоявленную икону с места обретения в церковь во имя святителя Николая. Обладая незаурядным литературным дарованием, святитель сам впоследствии (в 1594 г.) составил сказание о явлении чудотворной иконы и совершившихся от нее чудесах.

Священномученик ЕРМОГЕН, патриарх Московский и всея Руси, чудотворец

Вскоре он принял монашество и с 1582 года был архимандритом Спасо-Преображенского монастыря в Казани. 13 мая 1589 года хиротонисан во епископа и стал первым Казанским митрополитом. В 1591 году святитель собирал в кафедральный собор новокрещеных татар и наставлял их в вере. В 1592 году были перенесены мощи святителя Германа, второго Казанского архиепископа (память 25 сентября, 6 ноября, 23 июня), скончавшегося в Москве 6 ноября 1567 года во время моровой язвы и погребенного у церкви во имя святителя Николая. По благословению патриарха Иова (1589–1605) святитель Ермоген совершил их погребение в Свияжском Успенском монастыре. 9 января 1592 года святитель Ермоген направил патриарху Иову письмо, в котором сообщал, что в Казани не совершается особое поминовение воинов, жизнь положивших за веру и Отечество под Казанью, и просил установить определенный день памяти. Одновременно он сообщал о трех мучениках, пострадавших в Казани за веру Христову, из которых один был русский, по имени Иоанн (память 24 января), родом из Нижнего Новгорода, плененный татарами, а двое других, Стефан и Петр (память 24 марта), новообращенные татары. Святитель выражал сожаление, что эти мученики не были вписаны в синодик, читавшийся в неделю Православия, и что им не пелась вечная память. В ответ святителю Ермогену патриарх прислал указ от 25 февраля, который предписывал «по всем православным воинам, убитым под Казанью и в пределах казанских, совершать в Казани и по всей Казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в неделю Православия»; повелевалось вписать в тот же синодик и трех мучеников казанских, а день их памяти поручалось определить святителю Ермогену. Святитель объявил патриарший указ по своей епархии, добавив, чтобы по всем церквам и монастырям служили Литургии и панихиды по трем казанским мученикам и поминали их на литиях и на Литургиях 24 января. Святитель Ермоген проявлял ревность по вере и твердость в соблюдении церковных традиций, заботился о просвещении верой Христовой казанских татар.

В 1595 году при деятельном участии святителя совершилось обретение и открытие мощей казанских чудотворцев — святителей Гурия, первого архиепископа Казанского (память 4 октября, 5 декабря, 20 июня), и Варсонофия, епископа Тверского (память 4 октября, 11 апреля). Царь Феодор Иоаннович (1584–1598) приказал соорудить в Казан-

ском Спасо-Преображенском монастыре новую каменную церковь на месте прежней, где были погребены святые. Когда были обретены гробы святителей, святой Ермоген пришел с собором духовенства, повелел вскрыть гробы и, увидев нетленные мощи и одежды святителей, сообщил патриарху и царю. По благословению патриарха Иова и по повелению царя мощи новоявленных чудотворцев были поставлены в новом храме. Святой Ермоген сам составил жития святителей Гурия и Варсонофия.

За выдающиеся архипастырские качества митрополит Ермоген был избран на первосвятительскую кафедру, и 3 июля 1606 года он возведен Собором святителей на патриарший престол в Московском Успенском соборе. Митрополит Исидор вручил патриарху посох святителя Петра, Московского чудотворца (память 5 октября, 21 декабря, 24 августа), а царь принес в дар новому патриарху панагию, украшенную драгоценными камнями, белый клобук и посох. Согласно древнему чину, патриарх Ермоген совершал шествие на осляти.

Служение патриарха Ермогена совпало с трудным для русского государства периодом — нашествием самозванца Лжедмитрия и польского короля Сигизмунда III. В этот мрачный период смутного времени первосвятитель все свои силы посвятил служению Церкви и Отечеству, но в этом подвиге он не был одинок — ему подражали и помогали самоотверженные соотечественники. С особенным вдохновением противостоял Святейший патриарх изменникам и врагам Отечества, желавшим ввести в России униатство и католичество и искоренить Православие, поработив русский народ.

Когда самозванец подошел к Москве и расположился в Тушине, патриарх Ермоген направил мятежным изменникам два послания. В одном из них он писал: «...Вы забыли обеты Православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались и возросли, преступили крестное целование и клятву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и припали к ложномнимому вашему царьку... Болит моя душа, болезнует сердце и все внутренности мои терзаются, все составы мои содрогаются; я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братья и чада, свои души и своих родителей, отошедших и живых... Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие, — не на Бога ли,

сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете?.. Заклинаю вас именем Бога: отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца». В другой грамоте первосвятитель призывал: «Бога ради, познайте себя и обратитесь, обрадуйте своих родителей, своих жен и чад и всех нас, и мы станем молить за вас Бога...» Вскоре праведный суд Божий свершился и над тушинским вором: его постигла столь же печальная и бесславная участь, как и предшественника: он был убит собственными приближенными 11 декабря 1610 года.

Но Москва продолжала оставаться в опасности, так как в ней находились поляки и изменники-бояре, преданные Сигизмунду III. Грамоты, рассылавшиеся патриархом Ермогеном по городам и селам, возбуждали русский народ к освобождению Москвы от врагов и избранию законного русского царя. Москвичи подняли восстание, в ответ на которое поляки подожгли город, а сами укрылись в Кремле. Совместно с русскими изменниками поляки насильно свели святого патриарха Ермогена с патриаршего престола и заключили в Чудовом монастыре под стражу. В Светлый Понедельник 1611 года русское ополчение подошло к Москве и начало осаду Кремля, продолжавшуюся несколько месяцев. Осажденные в Кремле поляки не раз посылали к патриарху послов с требованием, чтобы он приказал русским ополченцам отойти от города, угрожая при этом смертной казнью. Святитель твердо отвечал: «Что вы мне угрожаете? Боюсь одного Бога. Если вы все, литовские люди, пойдете из Московского государства, я благословлю русское ополчение идти от Москвы; если останетесь здесь, я благословлю всех стоять против вас и помереть за Православную веру». Уже из заточения священномученик Ермоген обратился с последним посланием к русскому народу, благословляя освободительную войну против завоевателей. Но русские воеводы, не проявив согласованности, не смогли взять Кремль и освободить своего первосвятителя. Более девяти месяцев томился он в тяжелом заточении и 17 февраля 1612 года скончался мученической смертью от голода.

Освобождение России, за которое с таким несокрушимым мужеством стоял святитель Ермоген, успешно завершилось русским народом. Тело священномученика Ермогена было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 году перенесено в московский Успенский собор.

В течение трех столетий из поколения в поколение передавалась память о патриархе Ермогене как святителе-мученике и рос-

ла народная вера в него как заступника и молитвенника за землю Русскую у Престола Вседержителя. В тяжкие годы отечественных бедствий молитвенная мысль народа обращалась к памяти патриарха-героя. Шли русские люди к его гробнице и со своими личными скорбями, недугами и болезнями, благоговейно призывая на помощь святителя Ермогена, веруя в него как теплого молитвенника и предстателя пред Господом. И Всемилостивый Господь вознаградил эту веру.

Ко дню торжественного прославления 12 мая 1913 года, совпавшему с 300-летием со времени кончины священномученика Ермогена, в Москву стали стекаться верующие из всех концов России. Паломники спешили поклониться мощам святого патриарха, находящимся в Успенском соборе Кремля, где почти беспрерывно служились панихиды.

Накануне прославления совершался крестный ход, во главе которого несли икону святителя Ермогена, а вслед за ней покров с гробницы, на котором святитель изображен в рост в мантии и с посохом. Рядом с иконой патриарха несли икону его сподвижника в духовной и патриотической деятельности по освобождению Русской земли от польско-литовских захватчиков преподобного Дионисия Радонежского. На колокольне Иоанна Великого светилась огромная надпись: «Радуйся, священномучениче Ермогене, Российския земли великий заступниче». Сотни тысяч свечей горели в руках верующих, прославляющих угодника Божиего. По окончании крестного хода у раки с мощами патриарха началось чтение пасхального канона с присоединением канона святителю Ермогену. Всенощное бдение совершалось под открытым небом на всех площадях Кремля. В эту ночь произошло несколько исцелений по благодатным молитвам святителя Ермогена. Так, например, один больной пришел в Успенский собор на костылях, но ощутил исцеление после того, как приложился к раке с мощами святителя. Исцелился и другой больной, тяжко страдавший расслаблением. Его принесли на полотенце к раке священномученика Ермогена, где он получил полное исцеление.

Эти и другие подобные исцеления, очевидцами которых были многочисленные верующие, стали знаменательным подтверждением святости нового русского чудотворца.

В воскресенье 12 мая в 10 часов утра совершалась Божественная литургия в Успенском соборе. На празднование торжества прославления

нового святого прибыл Блаженнейший Григорий, патриарх Антиохийский, возглавивший служение. По окончании Литургии во всех храмах Москвы были отслужены молебны святителю Ермогену и совершен крестный ход в Московском Кремле, в котором приняли участие более двадцати архиереев, сопровождавших торжественное шествие пением: «Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас». Богослужение закончилось молитвой священномученику Ермогену. С этого дня началось литургическое почитание святителя Ермогена. Так исполнилось желание верующих русских людей, по молитвам которых Русская Православная Церковь получила благодатного небесного покровителя нашего Отечества.

Святейшим Синодом Русской Церкви установлены дни празднования священномученику Ермогену, патриарху Московскому и всея Руси: 17 февраля — преставление (сведения о жизни и подвиге помещены в этот день) и 12 мая — прославление в лике святителей.

Велико общенациональное значение святителя Ермогена, неутомимого борца за чистоту Православия и единство Русской земли. Его церковная и государственно-патриотическая деятельность в течение нескольких столетий служит ярким образцом пламенной веры и любви для русского человека. Церковная деятельность первосвятителя характеризуется внимательным и строгим отношением к богослужению. При нем были изданы: Евангелие, Минеи месячные за сентябрь, октябрь, ноябрь и первые двадцать дней декабря, а также напечатан «Большой Верховный Устав» в 1610 году. При этом святитель Ермоген не ограничивался благословением к изданию, но тщательно наблюдал за исправностью текстов. По благословению святителя Ермогена с греческого на русский язык была переведена служба святому апостолу Андрею Первозванному (память 30 ноября) и восстановлено празднование его памяти в Успенском соборе. Под наблюдением первосвятителя были сделаны новые станки для печатания богослужебных книг и построено новое здание типографии, пострадавшее во время пожара 1611 года, когда Москва была подожжена поляками. Заботясь о соблюдении богослужебного чина, святитель Ермоген составил «Послание наказательно ко всем людям, паче же священникам и диаконам, о исправлении церковного пения». «Послание» обличает священнослужителей в неуставном совершении церковных служб — многогласии, а мирян — в неблагоговейном отношении к богослужению.

Сказание о Казанской иконе Божией Матери и служба этой иконе (1594), послание патриарху Иову, содержащее сведения о казанских мучениках (1591), сборник, в котором рассматриваются вопросы богослужения (1598), патриотические грамоты и воззвания, обращенные к русскому народу (1606–1613), и многие другие труды первосвятителя пополнили духовную сокровищницу Русской Церкви.

«Государь велика разума и смысла и мудра ума», — пишется о патриархе Ермогене. «Чуден зело и многого рассуждения», «зело премудростью украшен и в книжном учении изящен», «о Божественных словесах присно упражняется и вся книги Ветхого закона и Новыя благодати и уставы церковные и правила законные до конца извыче». Святитель Ермоген много занимался в монастырских библиотеках, прежде всего в богатейшей библиотеке Московского Чудова монастыря, где выписывал из древних рукописей ценнейшие исторические сведения, положенные в основу летописных записей. В сочинениях предстоятеля Русской Церкви и его архипастырских грамотах постоянно встречаются ссылки на Священное Писание и примеры, взятые из истории, что свидетельствует о глубоком знании Слова Божиего и церковной письменности того времени.

С такими высокими познаниями патриарх Ермоген соединял и незаурядные способности проповедника и учителя. Современники характеризовали нравственный облик первосвятителя как «мужа благочестивого», «известного чистого жития», «истинного пастыря стада Христова», «неложного стоятеля по вере христианской».

И все эти качества святителя Ермогена с особенной силой проявились, когда Русскую землю постигло несчастье внутреннего нестроения, усугубленное польско-литовским нашествием. Первосвятитель Русской Церкви самоотверженно оберегал Русское государство, словом и делом защищая православную веру от латинства и единство нашего Отечества от врагов внутренних и внешних. Свой подвиг спасения Родины святитель Ермоген увенчал мученической кончиной, перешедшей в благодатное молитвенное небесное заступничество за наше Отечество у престола Святой Троицы.

Память святителю Ермогену совершают 17 февраля — в день праведной кончины, 12 мая — в день церковного прославления и 5 октября — в день совершения памяти собора московских святителей.

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
Благоверный великий князь
ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Святой благоверный князь Димитрий, прозванный Донским, родился в 1350 году. О детстве будущего великого князя, сына Иоанна Красного и великой княгини Александры, известно совсем немного. «Воспитан же был он в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными, — говорится в «Слове о житии...» Димитрия Иоанновича, — и с младенческих лет возлюбил Бога».

Далее «Слово о житии...» дает такую характеристику Димитрию-отроку: «Еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал».

Детство святого Димитрия прошло под непосредственным влиянием святого митрополита Алексия, бывшего другом и советником отцу Димитрия, Иоанну Иоанновичу. Поначалу роль святителя в государственной деятельности сводилась к духовной поддержке первого среди русских князей, но после смерти Иоанна Иоанновича в 1359 году митрополит становится фактическим главой русских княжеств. На него, возглавившего боярскую думу, ложится ответственность за весь ход политических дел на Руси. Девятилетнему Димитрию он на долгое время заменяет отца; до самой смерти в 1378 году святитель — один из ближайших людей в великокняжеском доме. Неудивительно, что его воспитательное влияние развило собственные высокие качества Димитрия; этот облик юного князя и был увековечен древним описателем его жития. С самого начала жизни великий князь был приобщен к среде русского подвижничества, пребывал в атмосфере, которую создавал вокруг себя преподобный Сергий.

С ранних лет великий князь должен был учиться преодолевать себя, глядеть в лицо смертельной опасности, действовать в обстановке совершенно неведомой.

В 1359 (или 1361 — по другим предположениям) году Димитрий был вынужден предпринять путешествие в Орду; это было связано с двумя совпавшими событиями — кончиной русского великого князя

Благоверный великий князь ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

и очередной переменой на ханском престоле. Поездка отрока Димитрия в Орду по-прежнему сопровождалась смертельной опасностью. Но она была и крайне полезной ему, будущему главе государства; видимо, об этом думал святитель Алексий, благословивший Димитрия на нее. Он должен был собственными глазами увидеть положение дел: соприкоснуться с врагом, уже более века мучившим родную землю, с которым надо было уметь говорить; а также, проплыв по трем русским рекам, князю надо было обозреть Русскую землю, которой ему надлежало править.

После кончины в 1359 году его отца Иоанна Иоанновича великокняжеский ярлык на время был Москвой утрачен: малолетнему князю московскому Орда предпочла суздальского Димитрия Константиновича, мужа зрелого. Но в 1362 году в результате очередного переворота в Орде пришел к власти хан Амурат. Сочтя действия своих предшественников беззаконными, он направил великокняжеский ярлык с послом в Москву. Суздальский князь не мог с этим смириться. Со своими войсками он занял Переяславль, не желая пропустить Димитрия Московского во Владимир, куда тот, сопровождаемый своей ратью, шел венчаться на великое княжество. Но, увидев полки Москвы, он в страхе бежал и затворился в Суздале; Димитрий же, достигнув Владимира, прошел здесь через древний обряд вокняжения.

Великий князь-отрок постигал науку московской политики, заключавшейся в сочетании силы и милосердия. Под руководством митрополита князь постепенно приобретал ту особую мудрость государственного правителя, которую современники связывали с его личностью. Москва возвышалась. Она укрепила союз и с Суздалем, завершившийся в 1366 году браком великого князя Димитрия и суздальской княжны Евдокии Димитриевны.

Тем не менее, постоянная трудность положения великого князя Димитрия Иоанновича состояла в том, что практически на протяжении всей жизни ему приходилось вести непрекращающиеся войны с многочисленными врагами. Кроме постоянного противостояния Руси держав внешних — Орды и Литвы, великий князь должен был неусыпно помнить о противниках внутри русских, сильнейшими из которых были княжества Нижегородское, Рязанское и особенно Тверское.

1368 год был ознаменован концом сорокалетнего относительного спокойствия на Руси: через Русскую землю к Москве шли войска Ольгерда литовского, все уничтожая на своем пути. Великий князь,

митрополит Алексий, князь Владимир Андреевич, двоюродный брат Димитрия Иоанновича, затворились в Москве. Ольгерд начал осаду.

Но вид каменного Кремля смутил его; за новыми постройками просматривалась уверенность в своих силах и в своем праве, сосредоточенная мощь; и, постояв в виду Москвы три дня, Ольгерд снял осаду и ушел в Литву. Страшным нашествием литовцев московская земля была опустошена. Но Димитрий Иоаннович вовсе не собирался отказываться от своей широкой объединительной политики.

В вечевые республики Новгород и Псков был послан ради заключения союза с ними ближайший друг, князь Владимир Андреевич; за поддержку Литвы понесли наказание князья смоленский и брянский. Митрополит Алексий отлучил от Церкви князей Михаила тверского и Святослава смоленского.

В 1371 году тверской князь Михаил отправился к Мамаю просить ярлыка для себя. Мамай, который уже давно с опаской наблюдал за действиями московского князя Димитрия, давно не выплачивавшего ему дани, охотно дал ярлык Михаилу. В Москву же был направлен посол Сары-хожа с оскорбительным приглашением Димитрию Иоанновичу во Владимир на венчание Михаила. И здесь великий князь поступил как свободный человек, истинный хозяин положения: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист». Главным в этом поступке было неповиновение Орде, — и в деле весьма важном. Димитрий Иоаннович, действительно, перекрыл путь Михаилу во Владимир, введя свои войска в Переяславль: ордынский же посол, прибывший в Москву, был встречен великим князем прекрасно. Задобренный Сары-хожа в Орде походатайствовал за московского князя, чем в какой-то мере подготовил и дальнейший его успех. Вскоре в этом же году Димитрий Иоаннович отправился в Орду, чтобы прекратить происки Михаила. На этот поступок, как и на прочие свои важные политические действия, великий князь имел благословение митрополита Алексия. Восьмидесятилетний старец сопровождал его до самой Коломны; видимо, он придавал большое значение данной поездке. Практически ни одного значительного государственного решения великий князь не принял без благословения Церкви. Три фигуры, облеченные духовным саном, оказались ключевыми для его жизненного пути: это святитель Алексий, преподобный Сергий и Феодор Симоновский, впоследствии архиепископ Ростовский; каждый имел особенное влияние на великого князя. Руководство митрополита Алексия, продолжавшееся вплоть

до его смерти в 1378 году, соответственно самой личности святителя имело жизненно-практический характер, было для Димитрия Иоанновича школой не только духовной жизни, но и управления страной. Великий князь вернулся в Москву с нужным ярлыком, Михаилу же от Мамая пришло послание, в котором содержалось отрицание права на великое княжение.

Великий князь Димитрий Иоаннович — выдающийся политик, государственный деятель и воин. Его правление было отмечено решительными сдвигами именно в политической сфере жизни. Дело возвышения Москвы требовало решения и задач созидательных; устроение собственного дома — с этого начинал общегосударственное дело великий князь. В основе жизненного уклада великокняжеского дома находился истинно христианский брак. Семейная жизнь великокняжеской четы проходила под духовным руководством святителя Алексия, позже Феодора Симоновского. Оказывал на нее влияние и преподобный Сергий: из двенадцати детей Димитрия Иоанновича и Евдокии Димитриевны двое сыновей были крещены Троицким игуменом.

История сохранила некоторые черты высокого образа великой княгини. Она принадлежала к ученикам преподобного Сергия, вела подвижническую семейную жизнь. Евдокия Димитриевна построила ряд монастырей и храмов как в Москве, так и в Переяславле Залесском, городе-резиденции великого князя. В Москве, в Кремле, в память Куликовской битвы она заложила церковь Рождества Богородицы. После кончины Димитрия Иоанновича великая княгиня Евдокия приняла монашество с именем Евфросинии в основанном ею монастыре Вознесения Господня в Москве; остаток ее жизни (год преставления 1407) был ознаменован аскетическими подвигами и чудесами. Княгиня была причислена к лику святых. Автор «Слова о житии...» Димитрия Донского находит точные и глубокие слова для описания совместной жизни великокняжеской четы: «Еще и мудрый сказал, что любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь, на будущую славу взирают, возводя очи к небу. Так же и Димитрий имел жену, и жили они в целомудрии. Как и железо в огне раскаляется и водой закаляется, чтобы было острым, так и они огнем Божественного духа распалялись и слезами покаяния очищались». В качестве же основной личной черты великого князя древний книжник называет необыкновенную любовь к Богу. Одно из имен, которым наделяет он

Димитрия Иоанновича в похвале ему — «С Богом все творящий и за Него борющийся». «Царским саном облеченный, жил он по-ангельски, постился и снова вставал на молитву и в такой благости всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных». «Землею Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облекаться желал. Всегда почести и славу от всего мира принимал, а крест Христов на плечах носил, божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресение Святых Таинств приобщался. С чистейшей душой перед Богом хотел он предстать; поистине земной явился Ангел и небесный человек».

С именем Димитрия Иоанновича связано строительство целого ряда новых монастырей и храмов. По благословению преподобного Сергия он заложил в 1378 году Успенский Стромынский монастырь; предполагалось — в преддверии решающей битвы с Ордой — собрать в него молитвенников со всей Русской земли, чтобы духовно поддержать Русь. Настоятелем монастыря стал ученик преподобного Сергия Леонтий. Другой, также Успенский монастырь, великий князь построил в благодарность Богу за победу в Куликовской битве. Его называют монастырем на реке Дубенке; первым его игуменом также был ученик преподобного Сергия, будущий святой Савва Звенигородский. На самом Куликовом поле был построен монастырь Рождества Богородицы: победа произошла именно в этот праздник. Также после победы Димитрий Иоаннович построил Николо-Угрешский монастырь под Москвой и церковь в Москве Всех святых на Кулишках. В 1379 году опять-таки с помощью преподобного Сергия Димитрий Иоаннович выстроил Голутвинский монастырь, а также каменный Успенский собор Симонова московского монастыря.

В 70-е годы включился великий князь Димитрий Иоаннович в борьбу с Золотой Ордой. Это движение, вдохновляемое Русской Церковью, широко развивалось среди порабощенного народа.

В 1376 году состоялся поход на Волжскую Булгарию. Русские осадили булгар и, несмотря на наличие у города пушек — невиданного по тому времени оружия, — вынудили его к сдаче. Это был значительный успех Москвы, ее первая наступательная победа в борьбе с татарами.

В 1378 году Мамай послал на Русь большое войско, во главе которого стоял воевода Бегич; в июле татары вторглись в рязанские земли.

Поход этот имел целью не только ограбление Рязанского княжества, но, судя по размерам обозов, Бегич не исключал возможности дойти и до самой Москвы. Навстречу врагу выступил Димитрий Иоаннович, полки которого разбили татар.

Выигранная битва на реке Воже была генеральной репетицией сражения на Куликовом поле.

Приближался грозный 1380 год. Узнав о приготовлениях Мамая, великий князь Димитрий Иоаннович начал собирать силы для отпора: он понимал, что Русской земле угрожает повторение страшных ударов 1237–1240 годов. Наступил решающий момент его жизни; все предшествующее было лишь подготовкой сентября 1380 года. Личность великого князя была готова к осуществлению промыслительно возложенной на него задачи. Тридцать лет его окружало влияние великих святых его времени; в этой благотворной атмосфере его дух приобрел крепость и свободу. Он привык действовать в уповании на Единого Бога, и теперь, имея Бога своим помощником, он оказался в силах выступить против Орды. Под влиянием Церкви в его душе сформировалась и укрепилась идея единой Русской земли. Противостояние татарам мыслилось ему не одинокой оппозицией Московского княжества, но отпором со стороны союза всех русских уделов, стремившихся не только освободить свою родную землю, но и защитить веру.

Как выше уже говорилось, на все свои деяния великий князь стремился получить благословение Церкви. В ответственный момент своей жизни князь хотел иметь реальную духовную поддержку. Именно за ней он обратился к великому молитвеннику, при жизни прославившемуся чудесами и почитаемому святым преподобному Сергию. На второй день Успения, когда в окрестностях Москвы уже собирались войска, приходящие на ее зов с разных концов Русской земли, великий князь со свитой отправился по Владимирской дороге в Троицкий монастырь. После Литургии состоялась беседа преподобного с Димитрием Иоанновичем. Святой немедленно благословил его идти на битву, уповая на Бога, и обещал с несомненностью высшую помощь. Он предсказывал ему победу, говорил о венцах, уготованных многим православным воинам в предстоящей битве, — самого же великого князя смертная участь в ней должна была миновать. Димитрий Иоаннович попросил преподобного Сергия отпустить с ним на битву двух монахов Троицкого монастыря — Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Вряд ли они — при его ста пятидесятитысячном войске — нужны ему были

как дополнительные ратники, — хотя их, бывших брянских бояр, отличали воинские выправка и искусство; скорее всего, в их лице на бой с татарами как бы отправлялся сам преподобный Сергий. Вероятно, их тут же, ввиду смертельной опасности, постригли в схиму; схимническое облачение, которое, по словам святого, должно заменить им шлем и доспехи, возложил на них он сам. Получив вместе с благословением преподобного новые великие силы, Димитрий Иоаннович со своими воинами возвратился в Москву.

Как раз перед выступлением великого князя против татар произошло — как Божественное знамение — чудесное событие: во Владимире были открыты мощи благоверного князя Александра Невского, прадеда Димитрия Иоанновича. Инок-пономарь той церкви, где находилась гробница князя, ночью спавший на паперти, внезапно увидел, что свечи, стоящие перед иконами, сами собой загорелись, и к гробу подошли два старца, вышедшие из алтаря. Обратившись к лежащему там князю, они воззвали к нему, понуждая встать и выйти на помощь правнуку, идущему на бой с иноплеменниками. Князь встал и вместе со старцами сделался невидимым; наутро гроб был выкопан, и были обнаружены нетленные мощи. Видимо, об этом событии Димитрий Иоаннович узнал еще до битвы; оно было достоверным свидетельством незримой помощи ему со стороны его великого предка.

Сбор войска Русской земли был назначен в Коломне; некоторые удельные князья со своими полками явились в Москву. На призыв Димитрия Иоанновича откликнулись практически все княжества — за исключением Рязанского, Нижегородского и Тверского. 20 августа после молебнов в Кремле войско великого князя вышло из трех кремлевских ворот; возле каждых стояли священники, которые благословляли ратников и кропили их освященной водой. Полки двинулись к Коломне. По пути, проходящему через село Брашеву, великий князь положил начало новому монастырю. Произошло это так. Проезжая по лесу, князь увидел на одном из деревьев образ святителя Николая. Восприняв это явление как благоприятный знак, он воскликнул: «Сие место угреша мя!», — пообещав затем в случае победы основать монастырь. Николо-Угрешский монастырь, построенный после Куликовской битвы, имел столь редкий по тем временам белокаменный храм.

Исключительно важным событием, особо отмеченным во всех исторических источниках, был переход на службу московскому князю двух сыновей Ольгерда литовского — Димитрия и Андрея. Их полки,

вместе с войсками других уделов, соединились в Коломне с пришедшими из Москвы ратями и направились навстречу врагу.

Мамай с несметными силами неспешно продвигался к реке Дон, надеясь, вероятно, на встречу с союзниками. Перед русскими военачальниками встал вопрос: следует ли им переправлять своих людей через Дон навстречу Мамаю. И то, что великий князь высказался за переправу, весьма знаменательно. Через Дон русские войска перешли 7 сентября — накануне праздника Рождества Богородицы. Летописец вкладывает в уста великого князя вдохновенную речь, произнесенную в тот день; в ней — глубокое, религиозное переживание близящейся битвы, смирение возвышенной православной души: «Пришло, братья, время брани нашей, и настал праздник Царицы Марии, Матери Божией Богородицы и всех небесных Чинов, Госпожи всей вселенной и святого Ее Рождества. Если останемся живы — ради Господа, если умрем за мир сей — ради Господа!» Наутро в день битвы до полудня над Куликовым полем стоял туман; когда же он рассеялся, то обнаружились две рати, самим своим видом знаменующие противостояние мрака и света. Татарские полчища виделись темными, как замечает летописец: «доспехи же русских сынов — будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся». Посреди войска развевалось алое великокняжеское знамя с изображением Нерукотворного Спаса. Перед боем благоверный князь Димитрий обратился к воинам со словом: «Отцы и братья мои, Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и Спаситель душ наших». Летописцы также говорят о висевшем у князя на шее мощевике, в котором находился кусочек живоносного Древа. Перед битвой в русский стан из Троицкого монастыря была принесена грамота с благословением преподобного Сергия; великий святой молитвенно поддерживал русское воинство, сам же, как повествует его жизнеописатель, в духе видел весь ход битвы — вплоть до ее исхода, до имен погибших воинов, за которых им же самим были отслужены панихиды. Победа на Куликовом поле была совместной победой сил Русской земли и Русской Церкви, подготовившей, вдохновившей и поддержавшей отпор русских полчищам татар.

Это единство было явлено и в исключительно важном действии: представитель Церкви и лично преподобного Сергия монах Александр

Пересвет начал битву и стал первой ее жертвой. Он принял вызов на бой татарского богатыря; простившись с ближними и призвав себе на помощь молитвы преподобного, с копьем наперевес он ринулся на татарина; столкнувшись друг с другом с неимоверной силой, оба воина погибли в смертельной схватке.

Древние источники говорят о знаменательном поступке князя перед битвой: подозвав к себе боярина Михаила Бренка, он снял с себя великокняжеские доспехи и возложил на него, — сам же облачился в одежду простого ратника. Это было его ответом на просьбы приближенных отойти в тыловую часть войска, чтобы оттуда, будучи в безопасности, наблюдать сражение. Самым горячим стремлением князя было желание принять участие в битве; им руководила готовность сразиться за веру и пострадать за Христа. Он пренебрег своим привилегированным положением и в порыве слиться с воинской массой явил свое великое смирение. Свидетели видели его, переносящегося на коне от полка к полку, смело бьющимся с татарами, выдерживающим порой атаку нескольких воинов.

Начало битвы предварялось молитвой великого князя перед образом Нерукотворного Спаса, вышитым на стяге. С именем Пресвятой Троицы и Божией Матери на устах, с надеждой на заступничество преподобного Сергия воины начали бой. Битва была многочасовой, яростной, кровопролитной для обеих сторон. «И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный, — повествует летописец. — От сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе всея Руси». Люди гибли не только от мечей, копий и под копытами коней, — многие задыхались от страшной тесноты и духоты; Куликово поле как бы не вмещало борющиеся рати, земля прогибалась под их тяжестью, пишет один из древних авторов.

Особо чутким в эти часы открывалось духовное существо происходящего. Видели Ангелов, помогающих христианам, во главе «трисолнечного» полка стоял Архистратиг Михаил, по небесам шествовали рати святых мучеников и с ними — святые воины Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, Борис и Глеб; от духовных воинств на татар летели тучи огненных стрел. Видели также — над русским войском явилось облако, из которого на головы православных воинов опустилось множество венцов.

Первая половина боя проходила под знаком успеха татар. Но исход был решен вступлением в сражение запасного полка, находящегося

в засаде; во главе его стояли князья Димитрий Михайлович волынский и Владимир Андреевич серпуховской, за героизм прозванный Храбрым. Свежая конница врезалась в татарское войско — и Мамай со своими полками позорно бежал, побросав обозы; долго еще продолжалась русская погоня... Вернувшись на Куликово поле, покрытое теперь мертвыми телами, князь Владимир Андреевич принялся расспрашивать всех о великом князе. Свидетельствовали о том, что он сражался в первых рядах, что был окружен множеством врагов; кто-то говорил о его ранении — последний, видевший его, утверждал, что князь брел с поля битвы, шатаясь от ран. Принялись искать князя среди мертвых; наконец он был найден в роще неподалеку лежащим без сознания. Бог хранил князя; несмотря на многочисленные удары, принятые им от врагов, он остался невредимым от серьезных ранений. Услышав голоса, он пришел в себя, известие же о победе окончательно вернуло ему силы. Выигрыш Куликовской битвы дорого достался русским: погибла едва ли не большая часть войска — простых воинов и князей, — правда, при еще более значительных потерях татар. Многие ратники были похоронены тут же, на поле Куликовом; тотчас же силами живых была построена кладбищенская церковь, которую посвятили Рождеству Богородицы. За победу на Куликовом поле князь Димитрий стал именоваться в народе Донским.

Вернувшись в Москву, великий князь немедленно отправился к преподобному Сергию. В Троицком монастыре по погибшим воинам служились многочисленные панихиды; был учрежден особый день их ежегодного поминовения, названный Димитриевской субботой. Позже он стал днем общего воспоминания усопших предков, родительским днем. Так в церковной памяти была увековечена Куликовская битва.

Последние годы жизни великого князя Димитрия Иоанновича были, вероятно, самыми трудными для него; после Куликовской битвы его ждали многие тяжелые испытания. Осенью 1380 года, свидетельствуют летописи, Димитрия Иоанновича впервые посетили тяжелые болезни, — сказалось нечеловеческое напряжение великого боя. В изнеможении была и вся Русская земля; оно проявилось при новых испытаниях, посетивших ее.

Летом 1382 года с несметным войском новый татарский хан Тохтамыш двинулся на Москву, разоряя русские земли. Захватив Серпухов и предав его огню, татарский хан подошел к Москве. Великий князь из-за разногласий среди бояр — как говорит древний автор, — не смог собрать достаточного для отпора татарам войска; тогда, чтобы найти людей, он

отправился в Переяславль, а затем в Кострому. В Москве остался митрополит Киприан; но он не смог противостоять начавшимся здесь беспорядкам.

Митрополит решил уйти из Москвы, также и великая княгиня с детьми. С трудом удалось им выйти за городские стены; митрополит направился в Тверь, княгиня — к мужу в Кострому.

Началась осада Москвы, и три дня город держался. Но на четвертый воины Тохтамыша ворвались в город. Страшен был учиненный ими погром в Москве: убивали подряд людей, оскверняли алтари, грабили церкви; сокровищница великого князя была расхищена; сжигались книги, свезенные со всех окрестностей в московские храмы, — сам город был в конце концов подожжен. Уничтожив фактически до основания Москву, враг двинулся в другие русские земли.

Были захвачены Звенигород, Можайск; жители Переяславля, узнав о приближении Тохтамыша, отплыли на лодках на середину своего озера и так спаслись; лишь Волоколамск, у которого стояло войско князя Владимира Андреевича, оказал татарам сопротивление и обратил их в бегство. Затем Тохтамыш пошел на юг, захватил Коломну и, вступив в рязанскую землю, разграбил ее. Когда великий князь вернулся в Москву, он застал город разоренным и опустевшим. По преданию, Димитрий Иоаннович плакал на развалинах Москвы и велел похоронить убитых на собственные деньги.

Другим большим горем для великого князя было возобновление старой вражды с Тверью: презрев все письменные обещания 1375 года, князь Михаил отправился к новому хану просить ярлыка на великое княжение. В 1383 году великий князь Димитрий был вынужден отправить в Орду своего старшего сына, одиннадцатилетнего Василия, для отстаивания великокняжеского ярлыка. Ценой возобновления ежегодной дани Москве удалось оставить ярлык за собой; Михаил потерпел неудачу, но Василий был на два года задержан в Орде заложником. Бедами Москвы захотел также воспользоваться Олег рязанский: внезапно он начал с Москвой спор из-за Коломны. Великий князь послал в Рязань войско Владимира Андреевича; в решительном бою оно понесло большой урон. И в этот тяжелый момент Димитрий Иоаннович, как всегда бывало, обратился за помощью к Церкви. Преподобный Сергий помог великому князю завершить его многолетнюю тяжбу с Рязанью. Он пришел к князю Олегу и своим кротким словом убедил его заключить мир с Москвой. Это решение было упрочено по обычаю того времени: в 1386 году был заключен брак между сыном князя Олега Федором и дочерью Димитрия Иоанновича Софией.

Почувствовав приближение смерти, Димитрий Иоаннович послал за преподобным Сергием. Преподобный, наблюдавший все течение жизни великого князя, не только был главным свидетелем при составлении его духовного завещания (что подтверждено документами), но и преподал Димитрию Иоанновичу все необходимые ему христианские таинства. Древний источник воспроизводит если не самые предсмертные слова великого князя в их исторической буквальности, то общий дух его назидания ближним. Во-первых, ссылаясь на Священное Писание, князь заповедал своим детям глубоко чтить свою мать. Во-вторых, его обращение было к приближенным боярам. Сущность этого обращения — в воспоминании князем его дружественного единства с ними, в призыве хранить мир между собой и честно служить делу, продолжат которое его потомки.

19 мая 1389 года великий князь Димитрий Иоаннович преставился. Он был похоронен в Архангельском соборе, рядом с гробницами его отца, деда, прадеда. По преданию, на отпевании среди многочисленного духовенства находился покровитель, молитвенник, старец великого князя, преподобный Сергий Радонежский. Великий князь положил начало всестороннему освобождению Руси от вражеского ига. Деятельность его отличалась мудрой мерой и высокой моралью: князь избегал обращаться к тем бесчестным и грубым приемам, которые были присущи его времени.

Праведный подвиг князя не был забыт православным верующим народом, который видел в облике князя пример святой и спасительной любви к ближним и Отечеству. Он побуждает и ныне чад церковных к служению на благо Родины и ее народа.

Особым знаком произволения Господня стало почитание князя Димитрия как избранника Божиего. По свидетельству многочисленных источников, памятников письменности и иконографии, сначала в Москве, а потом повсеместно по всей России началось прославление князя. Уже вскоре после кончины его были написаны «Похвальное слово», текст которого вошел в состав русских летописей, и «Житие». В житии отмечаются христианское великодушие и большая любовь к народу, сочетавшиеся с широкой благотворительностью.

Сохранились и иконографические изображения великого князя — на фреске Архангельского собора и в Грановитой палате. Описание образа князя можно прочитать и в «Иконописных подлинниках» (под 9 мая).

Память о великом князе жива всегда и особенно увеличивается в годы войн и опасностей. Так, в Великую Отечественную войну имя князя Димитрия в патриотических посланиях патриаршего местоблю-

стителя митрополита Сергия стояло рядом с именем святого Александра Невского; оба князя-воина призывались в помощники страждущему Отечеству. Именем Димитрия Донского была названа танковая колонна, созданная на средства верующих.

Святой благоверный князь Димитрий Донской был прославлен в лике святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном юбилею 1000-летия Крещения Руси, в 1988 году.

Память святому благоверному великому князю Димитрию Донскому совершается 19 мая, в день его блаженной кончины.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
Святой праведный
ИОАНН РУССКИЙ,
исповедник

Православная Церковь кроме древних святых, преподобных, святителей и мучеников имеет и сонм новых святых, большинство из которых — мученики. Своим свидетельством и мученичеством они укрепили веру и украсили новыми венцами нашу Православную Церковь, которая одна осталась неизменной и непоколебимой со времен апостолов, напоминая нам о словах пророка Аггея: *Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего* (Агг. 2, 9).

Как на нашей многострадальной родине воссияло великое множество новых мучеников после октябрьского переворота, так и в Греции, и на земле Древней Византии явилось много новых мучеников и исповедников веры после завоевания Византийской империи турками. Один из них — святой Иоанн Русский, мощи которого покоятся в местечке Неопрокопион на острове Эвбея в Греции.

Само имя этого святого говорит о том, что он не грек, а русский, хотя прославился среди греков. Иоанн по происхождению своему малоросс. Он родился около 1690 года от благочестивых православных родителей. В юные годы он стал солдатом императора Петра I. В неудачной турецкой войне 1711 года (сам царь чуть не погиб от рук турок) в числе

других Иоанн попал в плен. Вероятно, он был захвачен в плен в битве за освобождение Азова и переправлен в Константинополь. Иоанн оказался в руках татарских союзников турок. Татары продали юношу оттоманскому начальнику конницы, некоему Аге, родом из Прокопиона в Малой Азии, в 12-ти часах пути от Кесарии Каппадокийской (по-турецки Прокопион называется теперь Уркюб). Этот Ага взял своего нового раба к себе в деревню.

Вследствие военной неудачи Петра Турция наполнилась бесчисленным множеством русских пленных, изнывавших под тяжестью турецкого ига. Ради облегчения своей рабской участи многие из них отреклись от веры Христовой и стали мусульманами.

Но Иоанн был воспитан «в учении и наставлении Господа» и очень любил Бога и веру своих отцов. Он принадлежал к тем юношам, которых умудряет познание Бога. Как писал мудрый Соломон, праведник, если и рановременно умрет, будет в покое, ибо не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости (см.: Прем. 4, 7–16).

С этой мудростью, которую Господь дает любящим Его, блаженный Иоанн терпеливо переносил свое рабство, плохое отношение к нему хозяина, издевательства и насмешки турок. Они называли его «кяфирин», то есть неверующий, показывая этим свое презрение и ненависть. Надо учесть, что Прокопион был станом лютых противников христианства янычар. Иоанн был им ненавистен. Турки подвергли Иоанна жестоким побоям, оплеваниям, сожгли волосы и кожу на голове, бросали его в навоз, но не могли принудить к отречению от Христа. Исповедник неизменно и смело отвечал своему господину и тем, кто уговаривал его отступить от своей веры, что предпочитает умереть, лишь бы не впасть в тяжкий грех богоотступничества. Пренебрегая всем земным и устремляя ум к небесным вечным благам, неустрашимый воин Христов говорил своему хозяину: «Ничто же мя разлучит от любви Христовой: ни обольстительные обещания привременных благ, ни биения, ни раны, ни другие какие жестокие мучения. Имея перед собой Спасителя моего, благодушно принимаю за веру в Него палочные удары; представляя себе терновый венец, возложенный на Божественную главу, готов я с радостью претерпеть надевание раскаленного шлема, которым вы прожигаете до мозга головы христиан, противящихся неправым хотениям вашим, и на другие, более лютые, муки. Я усердствую о благодати Христа моего, научившего нас Своей смертью на кресте твердости, терпению, безбоязненности в самой лютой за Не-

го смерти как виновной вечного неизреченного блаженства на Небеси. Я русский, верный слуга земного царя моего, хотя и пленен тобой, но Небесному Царю истинного служения и правой веры родителей моих никогда не отрекусь: в христианстве я родился, христианином и умру».

Бог, видящий твердость веры Иоанна, смягчил сердце хозяина, который со временем стал чувствовать даже расположение к своему рабу, видя его верность данному им Богу обещанию. Этому способствовало, конечно, и великое смирение, украшающее Иоанна, его кротость и трудолюбие. «Если ты оставляешь мне свободу веры, я охотно буду исполнять твои приказания».

Наконец пленник освободился от насилия и угроз своего господина и был назначен на службу в конюшне. Там, приютившись в углу, Иоанн простирал свое усталое тело и отдыхал, благодаря Бога за то, что Он удостоил его иметь ложем ясли, наподобие того, как Сам Он избрал ясли местом Своего рождения во плоти. Прилежно исполняя свои обязанности, Иоанн нежно заботился о лошадях своего господина. Чувствуя любовь святого, те ждали его, когда он отсутствовал, и ржали от радости, как бы разговаривая с ним, когда он ласкал их, — ржанием выражали удовольствие.

Со временем Ага и его жена полюбили своего раба и предложили ему для жилья небольшое помещение около сарая для соломы. Иоанн отказался перейти туда и продолжал спать в своей любимой конюшне. В ней он изнурял свое тело лишениями и подвижнической жизнью, не обращая внимания на неудобства и беспокойное соседство. Ночью конюшня наполнялась молитвами святого, и зловоние от навоза как бы исчезало, превращаясь в духовное благоухание. Блаженный Иоанн подвизался в этой конюшне в соответствии со святоотеческими канонами. Он молился часами, стоя на коленях, спал совсем мало на соломе под старым тулупом, своим единственным одеялом. Питался очень скудно, часто только хлебом и водой в ограниченном количестве, таким образом постясь большую часть дней. Он тихо читал про себя псалмы Давида, которые знал наизусть на родном церковнославянском языке.

Пребывая ежедневно в посте и молитве, покоясь на навозе, как новый Иов, ночью он ходил тайком в церковь святого Георгия, расположенную на вершине скалы, напротив дома своего хозяина. Там он читал всенощное бдение и каждую субботу причащался Святых Таин. Господь, испытующий сердца, призрел на Своего верного раба и сделал так, что другие рабы и иноверные перестали издеваться над ним, высмеивать

и оскорблять его. По благодати Духа Святого, царившей в доме его хозяина, турецкого начальника конницы, тот разбогател и стал одним из самых влиятельных людей Прокопиона. Он чувствовал, откуда снисходило благословение на его дом, и везде рассказывал об этом своим согражданам.

Став состоятельным, Ага решил предпринять паломничество в Мекку. Трудно было в то время совершать такое далекое путешествие, но, преодолев все лишения и трудности дороги, хозяин Иоанна через некоторое время благополучно прибыл в святой для мусульман город.

В эти дни жена Аги пригласила в Прокопион на обед родственников и друзей мужа, чтобы повеселиться и помолиться о его благополучном возвращении домой. Блаженный Иоанн прислуживал в столовой.

Подавали любимое блюдо Аги — плов. Хозяйка, вспоминая своего мужа, сказала Иоанну: «Как же рад был бы твой хозяин, Иван, если бы он был здесь и вкушал с нами этот плов!» Тогда Иоанн попросил хозяйку дать ему блюдо, наполненное пловом, обещая послать его в Мекку. Гостям это показалось очень смешным. Но хозяйка повелела своей поварихе приготовить Иоанну блюдо с пловом. Про себя же она подумала, что он либо сам захотел полакомиться им, либо решил отдать его какой-нибудь бедной христианской семье. Она знала, что Иоанн часто отдавал свою еду бедным грекам.

Иоанн взял блюдо и ушел в конюшню. Став на колени, он горячо и от всей души молился Богу, чтобы Он послал плов хозяину. В своей простоте блаженный был совершенно уверен, что Господь услышит его молитву и что плов каким-то сверхъестественным образом попадет в Мекку. Иоанн верил, не сомневаясь и совершенно не рассуждая, по слову Господа, что Господь исполнит его просьбу. Как говорит великий подвижник преподобный Исаак Сирин: «Эти сверхъестественные знамения даются только самым простым по разуму и одновременно самым крепким в надежде». И, действительно, блюдо с пловом на глазах Иоанна исчезло. Блаженный конюх вернулся к хозяйке и сообщил, что еда отправлена в Мекку. Услышав это, гости засмеялись и решили, что Иоанн сам все съел и только в шутку рассказал им, что послал плов хозяину.

Но как же удивились все в доме Аги, когда тот, по прошествии некоторого времени, вернулся из Мекки и привез с собой домашнее медное блюдо. Только блаженный Иоанн не изумился. Своим домашним Ага рассказал следующее: «Однажды (а это было как раз во время званого обеда) я вернулся из большой мечети в дом, в котором остановился. Войдя в комнату, которая была заперта на ключ, я нашел там на столе

блюдо с пловом. Я остановился в недоумении, соображая, кто же мог принести мне его? Я не мог понять, каким образом была открыта замкнутая дверь. Не зная, как объяснить это странное событие, я с любопытством рассматривал блюдо, в котором дымился горячий плов, и, к своему удивлению, заметил, что на нем выгравировано мое имя, как и на всей медной посуде в нашем доме. Несмотря на душевное волнение, вызванное этим происшествием, я съел плов с большим удовольствием. И вот я вам привез это блюдо. Оно ведь действительно наше. Ей, Аллах, никак не могу понять, как оно очутилось в Мекке и кто его принес».

Все домашние Аги были ошеломлены этим рассказом. Жена, в свою очередь, рассказала ему, как Иоанн выпросил блюдо с едой, обещая послать его в Мекку, и как все гости смеялись, услышав о затее Иоанна. Оказалось, что блаженный вовсе не шутил и все действительно так и случилось.

Весть о чуде распространилась по всему селу и окрестностям. После этого все стали почитать Иоанна как любимого Богом праведника. Со страхом и уважением смотрели на него. Никто больше не смел обижать русского раба. Его господин с женой заботились о нем еще больше и снова упрашивали его перейти из конюшни в домик, находившийся рядом. Но святой опять отказался. Он продолжал жить по-старому, подвизаясь в молитве, ухаживая за животными своего хозяина, исполняя охотно все его пожелания. Ночи он проводил в молитве и пении псалмов, по слову Господа: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21).

После нескольких лет, проведенных в посте, молитве и унижении, приближаясь к концу своей жизни, Иоанн заболел. Предчувствуя приближение смерти, Иоанн пожелал причаститься Святых Таин и поэтому послал за православным священником. Из-за фанатизма турок священник побоялся открыто принести Святые Дары в конюшню. Но Бог вразумил его спрятать Их в яблоке. Причастившись, блаженный Иоанн в тот же час предал свою душу в руки любимого им всем сердцем Господа. Так почил святой Иоанн в Боге в лето 1730, 27 мая.

Покойного русского раба похоронили с почестями в местной церкви во имя святого великомученика Георгия. Со слезами и благоговением хоронили его жители Прокопиона: греки, турки и армяне. Ага накрыл его святые останки драгоценным ковром. Среди местных греков очень скоро началось почитание Иоанна. Много было случаев чудесной помощи и исцелений по заступничеству праведника: парализованные начинали ходить, бесноватые успокаивались, слепые прозревали, больные исцелялись, причем не только православные, но

и армяне, протестанты и турки. Так место захоронения святого стало местом паломничества всей Каппадокии.

Священник, каждую субботу исповедовавший и причащавший Иоанна, увидел святого во сне в ноябре 1733 года. Святой сказал старцу, что его тело благодатью Божией осталось целиком нетленным, таким, каким его погребли 3,5 года назад. Священник пребывал в сомнении, и вот, по Божественной благодати, небесный свет появился над могилой святого в виде огненного столба. Христиане решились открыть могилу. И, о чудо! Тело святого оказалось абсолютно нетленным и благоухающим. Это благоухание сохраняется вплоть до наших дней. Тогда с благоговением верующие взяли тело (святые мощи) и перенесли его в храм, который когда-то посещал сам Иоанн.

Следующее событие произошло в 1832 году, когда против турецкого султана Махмуда II восстал в Египте Ибрахим-паша. В то время, как войско султана приближалось к Прокопиону, жители села, преимущественно враждебные султану янычары, не хотели пустить армию. Христиане-греки не были с этим согласны. Но будучи меньшинством, они ничего не могли сделать. Убоявшись мести султанского войска, они бежали в близлежащие села, укрылись в пещерах. Остались только престарелые и слабые. Военачальник вошел в Прокопион как враг. Воины разграбили не только все дома, но и церковь святого Георгия. Когда открыли гробницу святого Иоанна и не нашли в ней никаких ценностей, они с гневом выбросили святые мощи во двор и хотели их сжечь, чтобы посмеяться над христианами. Набрав дров, они разожгли костер, но, к их удивлению, мощи опять оказались в церкви. Не вразумившись этим чудом, они вынесли их во второй раз и положили на костер, но огонь не коснулся святыни.

И тут воины увидели Иоанна живым, с грозным видом стоявшим среди огня, жестом руки и словами угрожавшим им за их дерзость. Тут уже турки больше не выдержали и в ужасе разбежались, оставив не только мощи святого, но и все награбленное в Прокопионе. На другой день несколько стариков-христиан пришли к церкви и нашли тело святого в целости среди обгоревших углей и пепла. Оно почернело от дыма и копоти, но было таким же благоуханным и нетленным. Верующие положили мощи святого обратно в его раку.

Прошло два года. Христианское население Прокопиона выстроило большую церковь в честь святого Василия Великого. В этот красивый храм греки захотели перенести и мощи святого праведника Иоанна. Два раза переносили их, но каждый раз они исчезали и снова оказы-

вались в церкви святого великомученика Георгия. Когда в третий раз греки решили перенести мощи, то отслужили молебен и совершили всенощное бдение, обращая свои молитвенные воздыхания к Господу. На сей раз Господь услышал молитвы Своих рабов, и мощи Иоанна обрели покой в церкви святого Василия Великого.

Приблизительно в 1862 году одна благочестивая женщина увидела во сне святого Иоанна, который держал в руках крышу сельской школы. На следующий день, во время Божественной литургии, она рассказала об этом. Не успела она закончить свой рассказ, как послышался страшный грохот. Все в страхе выбежали из церкви и с ужасом увидели, что крыша школы, которая находилась напротив церкви, рухнула. Люди кинулись туда, ведь там были все дети села! Вне себя они начали поднимать обвалившуюся кровлю, и, о чудо! — все дети выбрались из-под обломков живыми. Оказалось, что дети услышали страшный треск над собой и, поняв, что происходит, успели залезть под парты. Когда крыша обрушилась, балки упали на парты, не придавив ни одного ребенка.

Следует еще рассказать о перенесении руки праведного Иоанна в Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне — чудо особого снисхождения благоволения святого к спасающимся там его соотечественникам.

Никогда святой праведный Иоанн не допускал отнятия частиц от своих мощей. Дерзающих на такое дело он всегда принуждал явлением и угрозами возвращать взятое. Но отнятию руки для Афонского монастыря не было никакого препятствия.

Случилось же это так. В течение нескольких лет до 1880 года подвизавшиеся в монастыре святого Пантелеимона отцы, узнав о совершающихся у раки святого Иоанна чудесах, просили у жителей Прокопиона части его многоцелебных мощей. Греки долго отказывались, но, наконец, вдруг все, как бы чудом, согласились исполнить просьбу русских отцов монастыря. Отслужив молебен и отделив от мощей правую руку, послали ее в 1880 году в сопровождении отца Дионисия и одного из уважаемых старейшин села на Афон. Принятие мощей в монастыре прошло очень торжественно: все монахи во главе со своим настоятелем отцом Макарием вышли встречать их с песнопениями, колокольным звоном, ударами в била. Поставив честные мощи в соборной церкви на аналое, пропели торжественное славословие. Потом все подходили с большим благоговением поклониться святыне. Таким образом, находясь теперь в пределах жребия Пресвятой Богородицы, рука праведного Иоанна Русского почитается там наравне с честными мощами других святых.

Так Господь прославил и до наших дней продолжает прославлять Своего угодника многими великими чудесами. Особенно обильно они излились в 1924 и 1951 годах. После страшного поражения греков в войне с турками все греческое население должно было покинуть Анатолию в обмен на турецкое население Греции. Греки из Прокопиона переехали на остров Эвбею в село Ахмет Ага, которое после отъезда турок переименовали в Неопрокопион. Они привезли с собой и раку с мощами святого праведного Иоанна Русского, которую сначала поместили в церкви святых Константина и Елены. А когда 27 мая 1951 года был закончен великолепный новый храм в честь святого Иоанна, начатый в 1930 году, туда торжественно перенесли его мощи. Тело святого угодника Божиего, сохранившееся нетленным, покоится там в открытой раке под стеклом. Ежедневно к нему притекают сотни и сотни православных паломников, испрашивая заступничества святого праведника и облегчения в своем горе. И не отказывает святой Иоанн в скорой помощи всем тем, кто обращается к нему с истинной, глубокой верой.

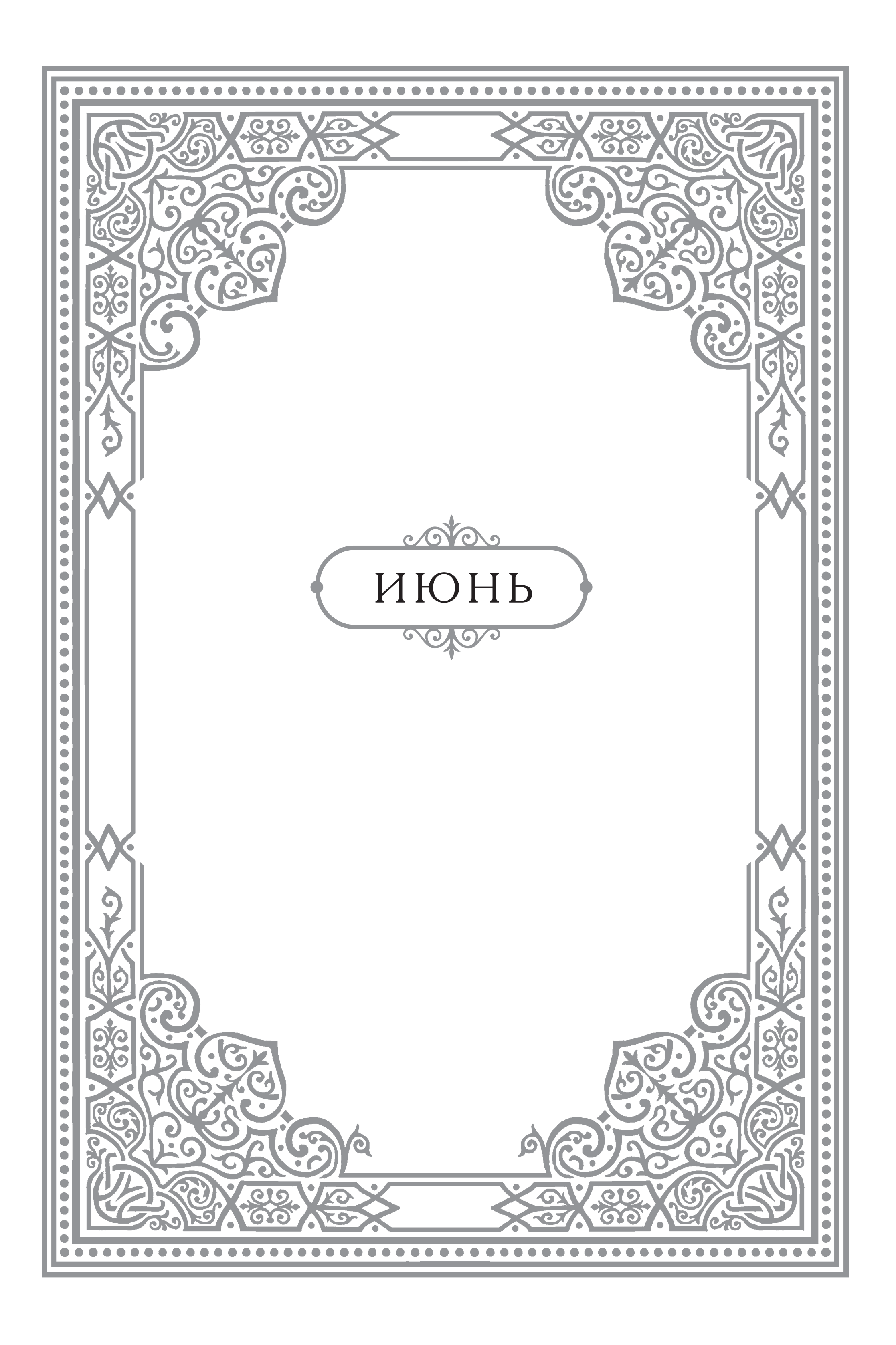
В 1962 году по решению Элладской Церкви и государства был принят закон, на основании которого создано Общество во имя святого Иоанна и построено два пансиона: один для приема паломников, другой для нужд Общества. Создано два приюта для сирот, одна богадельня в Халкиде и одна — в Неоартаки, студенческое общежитие, детский лагерь на тысячу мест и другие учреждения.

Святой Иоанн — прекрасный пример жизни человека «по Боге», ибо открывает своими чудесами божественную силу и ведет нас к духовному познанию святой жизни, столь благостной для человека. Мы рождены не только для этой жизни, но принадлежим и будущей жизни, Вечной, Небесной. Душа наша бессмертна.

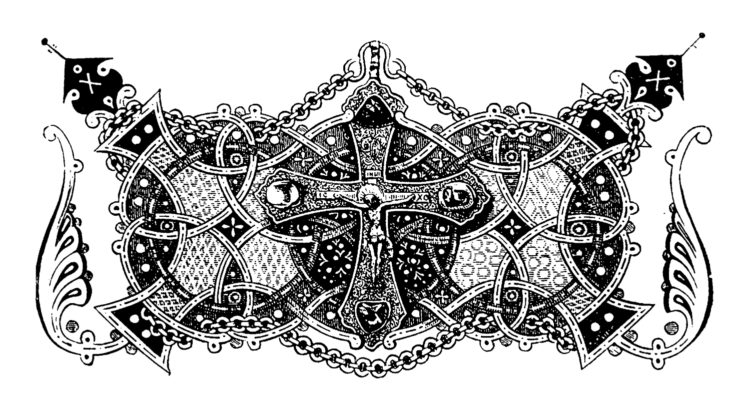
Святой Иоанн своими чудесами привносит в сердца верующих небесный свет, божественную силу, которая побеждает узы материи, одолевает все преграды, привносит великие перемены в людские характеры, возрождает души. Своими чудесами, своим всегдашним предстательством святой Иоанн помогает людям обрести внутреннюю свободу, ту самую свободу, которая воодушевляет людей и целые народы.

Святой праведный Иоанн Русский был канонизирован Греческой Православной Церковью в 1962 году и впоследствии внесен в календарь Русской Православной Церкви для общецерковного почитания.

Память святого праведного Иоанна Русского, исповедника, совершается 27 мая — в день его блаженной кончины.

Июнь

День второй

ПАМЯТЬ
святого новомученика
ДИМИТРИЯ ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОГО,
пострадавшего 2-го июня 1657 года

Димитрий, сын священника из Азийской Филадельфии, по смерти отца до тринадцатилетнего возраста воспитывался под влиянием своей матери-христианки и отличался такими хорошими способностями и вместе с тем привлекательною наружностью, что обратил на себя внимание турок, которые похитили его у матери и успели — отчасти угрозами, отчасти льстивым обращением совратить его в ислам. Взятый в дом одного из почетнейших граждан, он служил добросовестно чужим людям и со временем достиг почета и богатства; за храбрость и силу, обнаруженную им в битвах, избран был в военачальники и в это время обручился с девицею из одного знатного семейства.

Между тем, не совсем заглохло семя истины, посаженное в сердце сына христианскою матерью, и душа его начала сознавать утраченное... Юноша почувствовал несостоятельность веры, воспринятой насильственным образом, вспомнил иную веру, ту, которую внушала ему мать в его детстве. Постепенно выяснялась перед ним вся красота несравненная христианского благочестия, жгучее раскаяние стало овладевать его душой. Он, может быть, дошел бы до гибельного уныния,

если бы не вспомнились ему примеры людей, которые мученическим подвигом загладили и искупили, большей частью, насильственное отречение от Христа, и Димитрий воспылал стремлением пойти по их стопам.

Действуя под влиянием этого чувства и призвав на помощь силу Духа Святого, «ходатайствующего за человека воздыханиями неизреченными», Димитрий решился открыто исповедать свое обращение: он отправился к градоначальнику и там, в присутствии собравшихся у него городских властей, неустрашимо высказал свои чувства: «Двенадцать лет я был слепым... ныне же Дух Святой озарил мой ум... я сознаю, что нет спасения в ложном и преступном исповедании магометанском. Поэтому отрекаюсь от него и делаюсь опять христианином, возвращаюсь к почитанию истинного Бога — Иисуса Христа, за имя Которого готов пожертвовать самою жизнью»...

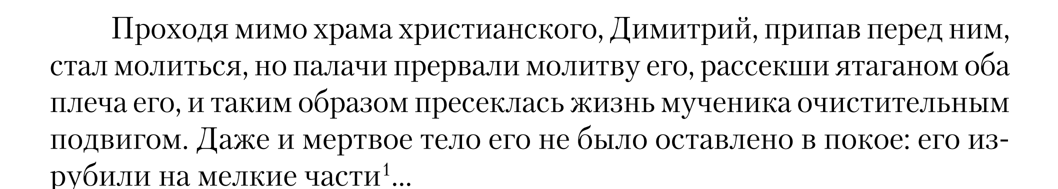
Неожиданное заявление Димитрия возбудило общее яростное негодование турок, они подвергли его более 300 палочным ударам; он же, спокойно терпя страшную боль, радостно воспевал: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Святые мученики Георгий и Димитрий, помогите мне! Споспешествуй мне, святитель Николай!»

После побоев Димитрий был брошен в темницу. Ночью были присланы к нему законники, чтобы отговорить его от обращения в христианство, и хотя он твердо стоял на своем, его освободили утром из темницы, в надежде, вероятно, что он одумается. Но Димитрий, не желая отдалять минуты искупительного подвига, пошел в кофейную, где всегда бывало много народа, и там при всех начал хулить магометанскую веру, убеждать магометан в их заблуждении и наконец, сорвав со своей головы белую чалму и сбросив зеленую одежду, начал топтать их со словами: «Как попираю я теперь эти символы вашей религии, так точно попираю и самую веру вашу и закон ваш!»

С яростью бросились фанатики на хулителя их веры и избили его палками и каменьями, так что он упал, казалось, замертво, тогда присудили сжечь его мертвое тело. Но Димитрий, укрепляемый невидимою силою, быстро встал на ноги и сказал убийцам: «Не считайте меня мертвым, дивитесь силе Бога моего, укрепляющей меня... — вот — деньги, купите на них дров и сожгите меня живым»...

В ответ на это один из исступленных нанес мученику три удара кинжалом и пронзил насквозь его грудь, но страдалец был все еще жив. Тогда повлекли его на сожжение.

Проходя мимо храма христианского, Димитрий, припав перед ним, стал молиться, но палачи прервали молитву его, рассекши ятаганом оба плеча его, и таким образом пресеклась жизнь мученика очистительным подвигом. Даже и мертвое тело его не было оставлено в покое: его изрубили на мелкие части[1]...

ПАМЯТЬ
святого мученика
КОНСТАНТИНА,
из Агарян (мусульман)

Константин, родившийся от мусульманских родителей, живших на острове Митилене, потеряв отца в молодые годы и терпя жестокое обращение от отчима, оставил родительский дом вместе со своими тремя братьями, с которыми и переселился в Смирну. Братья открыли там лавку, а Константин занялся факторством — преимущественно в митрополии (архиерейском доме). Часто посещая митрополию, он имел случай слышать там душеполезные беседы, из которых мог узнавать, в чем состоит истинное благочестие, и вместе с тем научился греческому языку; однажды он попросил одного старца почитать, и чтение это глубоко запало в душу его, возбудило в нем христианские стремления, к поддержанию и развитию которых способствовало еще сближение его с двумя молодыми христианами. На этом спасительном пути духовного прозрения юноши посетили его однако же большие искушения: по неопытности своей он был вовлечен в омут сладострастия и нечистых помыслов. Но милосердием Божиим не погиб этот будущий избранный сосуд Божией благодати... Константин вовремя успел воздержать себя от окончательного падения и с ужасом сознал, в какую бездну могли низвергнуть его необузданные страсти, его, которому уже не было чуждо постижение красоты целомудрия... Терзаемый угрызениями совести, стараясь открыть кому-нибудь свою

[1] *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке.

душу, Константин решился искать спасения в бегстве на Святую Гору Афонскую...

В лавре святого Афанасия, знаменитой тем, что большая часть афонских подвижников просияли в ее пределах, благочестивые иноки, не обращавшие внимания на опасность, которой они подвергались, принимая к себе турок, искавших спасения в недрах христианской церкви, благосклонно приняли под свой кров Константина. Живя на Афоне, он вскоре проникся решительным намерением принять христианскую веру. Осторожные монахи долго испытывали его, наконец, убедясь в его искренности и в его прекрасных свойствах душевных, допустили его принять Святое Крещение... Великой благодати и радости исполнился новокрещеный и с необыкновенною любовью и рвением исполнял возлагаемые на него послушания. Он удивлял всех ревностью своею; воздержание и духовность его, казалось, принадлежали существу бесплотному...

Спустя несколько времени Константин пожелал отправиться в Иверский монастырь, приложиться к святой иконе Божией Матери Вратарницы; получив благословение своего старца, он на пути зашел в скит Иоанна Предтечи. Сюда привезены были недавно несколько останков новых мучеников. С благоговением рассматривал Константин, лобызал и углублялся в размышление о святых мощах, этом чудном прославлении исповедников вновь воспринятой им веры... и с этой минуты мысль о мученичестве запала в его душу. Однажды, по возвращении к своему старцу в Кавсокаливы, на вопрос старца о причине задумчивости и как бы печальной озабоченности, которую он стал замечать в своем ученике, Константин отвечал: «Печали нет у меня, но вся моя душа поглощена одной думой. Когда я в первый раз облобызал святые мощи новых мучеников, с тех пор душа моя привязалась к ним, весь ум мой пленен их подвигами, и я стремлюсь совершить то же: вот и вся причина!»

Возблагодарил Бога старец за такое ревностное влечение к подвигу ученика своего и поручил Самому Господу устроить путь его. К Константину же был приглашен духовник для наставления — как приготовляться ему к тому, чего жаждала душа его. Постом и молитвою в полном уединении питалась теперь и вразумлялась и созревала душа будущего мученика. Между тем, возникло в его сердце новое стремление: он задумал отправиться в город Магнезию, в Анатолии, где жила его сестра, чтобы просветить ее Святым Крещением. Получив на это благословение своего духовника, Константин поехал на корабле, отправлявшемся в Кидонию, и, снабженный грамотами и письмами Афонских монахов,

прибыв туда, познакомился с наставником руководителем (дидаскалом) Григорием и многими местными христианами. Дальнейший путь его был, однако же, замедлен тем, что в порте не было ни одного судна, отправлявшегося к Анатолийским берегам. Поэтому, в ожидании случая продолжать путь, Константин решился открыть лавочку и торговать изюмом и другими предметами мелочной торговли. Однажды прошел мимо его лавки один из чиновников местного аги и узнал Константина, с которым он был знаком еще в Смирне, когда тот был мусульманином. Турок проследил за Константином и предупредил о нем агу; тот призвал вновь появившегося торговца и спросил его: не из мусульман ли он?

Константин, имея в виду, вероятно, достигнуть исполнения своего намерения относительно сестры своей, с другой же стороны, — не смея еще верить такой радости, что наступил для него час вожделенного страдания за Христа, отвечал уклончиво, что он христианин...

«Ты лжешь, — возразил ему ага, — что, если найдется человек, который докажет, что ты — турок? что ты скажешь?» И в эту минуту явился злобный преследователь и сказал: «Разве я не знаю, что ты брат почтенного турка, того самого, который занимался маклерством в Смирне... Зачем ты так бесстыдно обманываешь нас?»

Тогда Константин сознал, что пришел час его мученичества, и в порыве святого воодушевления сказал: «Я был когда-то турком, как и вы, но Господь просветил меня, и я сознал, что вера магометанская — ложь; истина же только в вере христианской; поэтому я сделался христианином, чтобы обрести истинное блаженство в будущей Вечной жизни...»

Темница, побои, истязания неимоверные[1] начались с этой минуты для нового исповедника Христова и продолжались сорок дней.

Местные христиане с ужасом узнали о зверских жестокостях, которым подвергали Константина. Все они и в особенности наставник Григорий опасались: вынесет ли он все муки. Они решились заключить в темницу одного ученика, по имени Иоанна, родом афинянина, как бы за долги и под этим предлогом доставить Иоанну возможность утешать и подкреплять Константина, сами же в то время неустанно молились о нем, пели молебны, совершали всенощные бдения во всех Кидонийских церквах.

---

[1] Так, например, надевали на голову страдальца железную шапку, раскалив ее на огне докрасна; крепкими ремнями с привязанными к ним свинцовыми пулями так сжимали виски мученика, что у него выкатывались глаза...

Сама Матерь Божия явилась мученику в сонном видении и обещала даровать ему силу выдержать подвиг до конца...

И он стоял твердо в своем исповедании, и никакие жестокие меры не могли склонить его к отступлению от пламенно-возлюбленного им Христа. Тогда градоначальник решился отправить его в Константинополь, подробно донося о всем капитану-паше. И в столице мученик неустрашимо произнес свое исповедание в присутствии стамбул-ефенди (губернатора), который велел подвергнуть его жестокому телесному наказанию и заключить в бани, где живут осужденные на каторгу. Изнемогая телесно, не ослабевал духом мученик. Когда через несколько дней потребовали его снова к допросу и то лестью, то терзаниями вымогали от него отступление от веры Христовой, Константин с глубоким вздохом сказал сановнику: «Хорошо было бы, если бы ты позаботился о пользе твоей души и сделался христианином...» Ответом на эти слова было подписание смертного приговора... Стражи взяли мученика, и после новых жестоких истязаний злодеи в необузданной злобе задушили мученика, до последней минуты повторявшего «я — христианин»...

Для предупреждения благоговейного почитания христианами останков его турки похоронили его на ближайшем мусульманском кладбище. Это было 2 июня 1819 года.

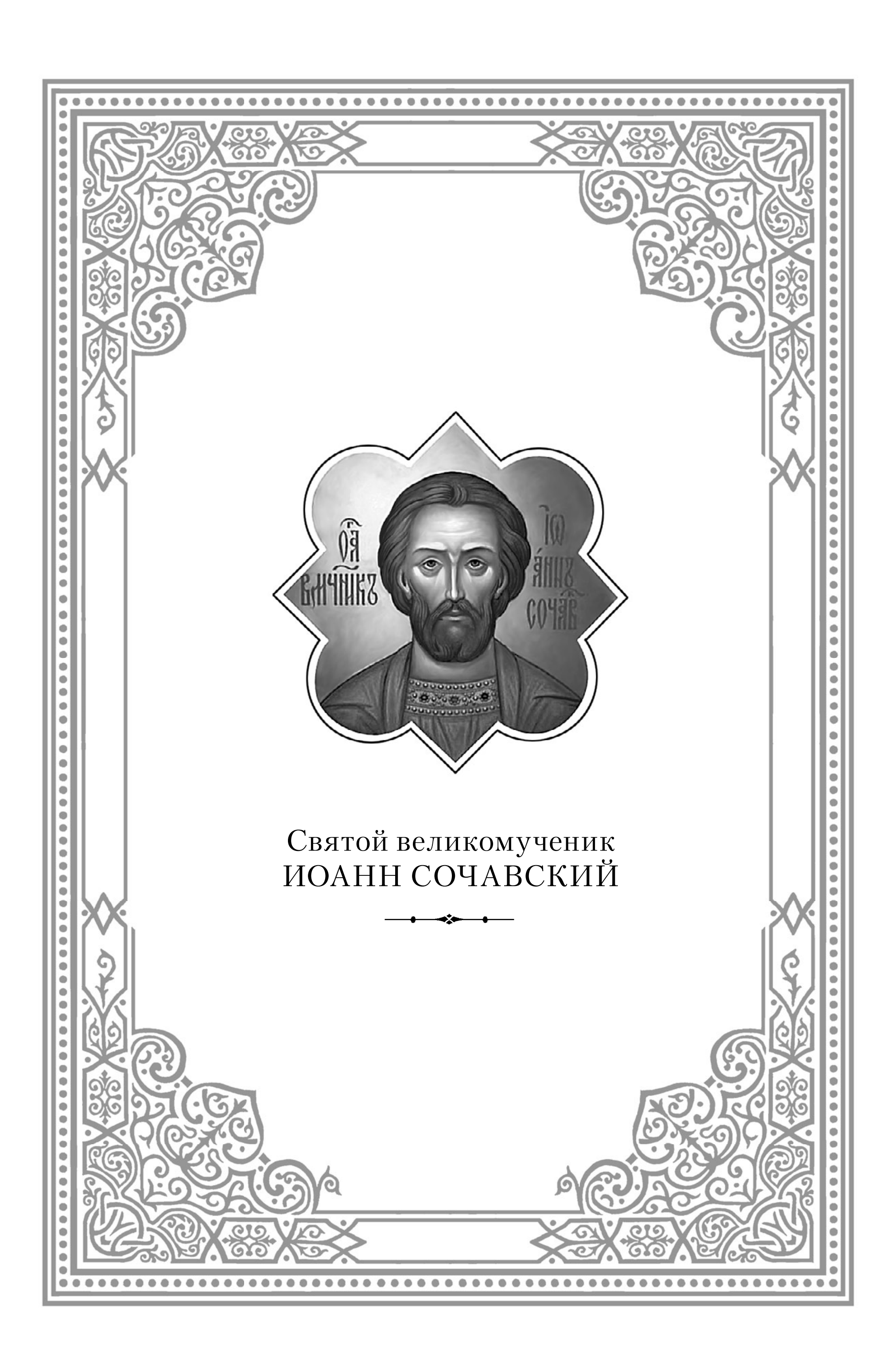
Некоторые одежды мученика, которые удалось приобрести за деньги от мусульман, были доставлены в Кавсокаливский скит, и от них произошли чудные исцеления призвавших с верою на помощь мученика Константина[1].

ПАМЯТЬ
святого великомученика
ИОАННА СОЧАВСКОГО

Называется Сочавским потому, что мощи его почивают в Сочаве; родом же был из Трапезунда, и пострадал в Аккермане (Белгороде на Днестре). Плывя по торговым делам на корабле одного паписта,

[1] Извлечено из: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке.

Святой великомученик

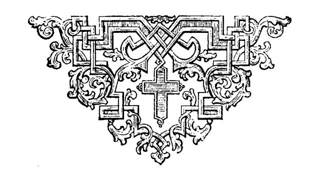
ИОАНН СОЧАВСКИЙ

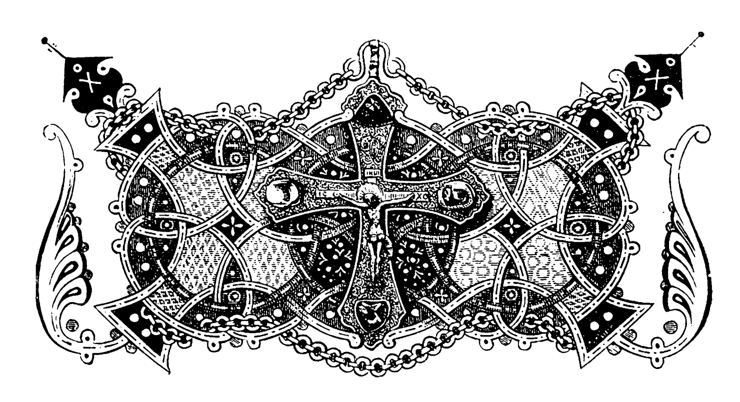
он имел с ним состязание о вере и обличил неправоту его; а этот злобный человек, желая отмстить ему, по прибытии в Аккерман заявил турецкому градоначальнику, что некто Иоанн из Трапезунда, плывший с ним, готов принять магометанство, и советовал немедленно призвать его и воспользоваться еще не остывшим желанием. Градоначальник, призвавши Иоанна и посадив его, сказал ему: «От многих мы знаем, что ты человек достойный и отличный между подобными тебе, и весьма рады слышать, что ты пленен прекрасною и истинною верою нашею. Наша вера действительно имеет свойство привлекать людей благородных и способствует к долголетней жизни. И как ты добровольно любишь ее, то не медли быть нашим другом; отвергнись смешной и постыдной веры христиан, громко посрами закон их пред собравшимся теперь народом, восхвали нашу веру и, как обещал, сделай это немедленно! За это почтен будешь от царя и станешь жить в довольстве как брат наш». Но святой, исполнившись Божественной ревности, грозно взглянул на турка и сказал ему: «Ты явно лжешь; никогда и на мысль не приходило мне отречься Христа словом или делом! Все это твоя выдумка и ухищрение сатаны! Лучше сам, несчастный, познай истину и крестись, чтоб удостоиться Царства Небесного». После сего громко исповедал свою веру во Единого Бога, в Троице славимого.

Тогда градоначальник велел обнажить его и, как порицающего истинную веру, бить палками дотоле, пока не исполнит своего обещания (то есть — выдуманного). Все тело было избито и растерзано; куски его приставали к палкам и разлетались по земле; все место, где мученика терзали, обагрилось кровью. Иоанн молился Богу, а мучители еще сильнее бичевали его, так что он уже не подавал голоса. Поелику был уже вечер, то избитого бросили в тюрьму. На другой день мучитель снова велел представить исповедника и сказал ему: «Вот до чего довело тебя неверие твое! Но послушай меня, и тотчас выздоровеешь; потому что здесь есть отличные врачи из Индии и Персии, которые вылечат тебя». Исповедник же славил Христа и поносил безумие магометанства. Тогда судья вновь велел бить его и, заметив ропот народа на кровожадность его, для ускорения смерти — привязать ноги мученика к хвосту дикой лошади и влачить по улицам. Евреи при этом кричали, плевали и бросали в него всякую всячину, а один из них побежал домой и, схватив нож, отрезал ему голову. Палачи отвязали тело и оставили его с головою на том же месте в непристойном

положении. Необычайный свет озарил ночью мощи святого, так что и евреи засвидетельствовали о том; посему градоначальник на другой день позволил христианам взять мощи, и они похоронили их при греческой церкви, недалеко от крепости. Мученическая кончина святого последовала 2 июня 1492 года.

Мощи святого находились в Аккермане семьдесят лет и постоянно совершали чудотворения. Наконец молдавский господарь Александр II, испросивши дозволение аккерманских властей, перенес их в столичный свой город Сочаву.

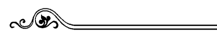

День третий

ПАМЯТЬ святого мученика ЛУКИЛЛИАНА, четырех отроков с ним КЛАВДИЯ, ИПАТИЯ, ПАВЛА И ДИОНИСИЯ, и святой девицы ПАВЛЫ

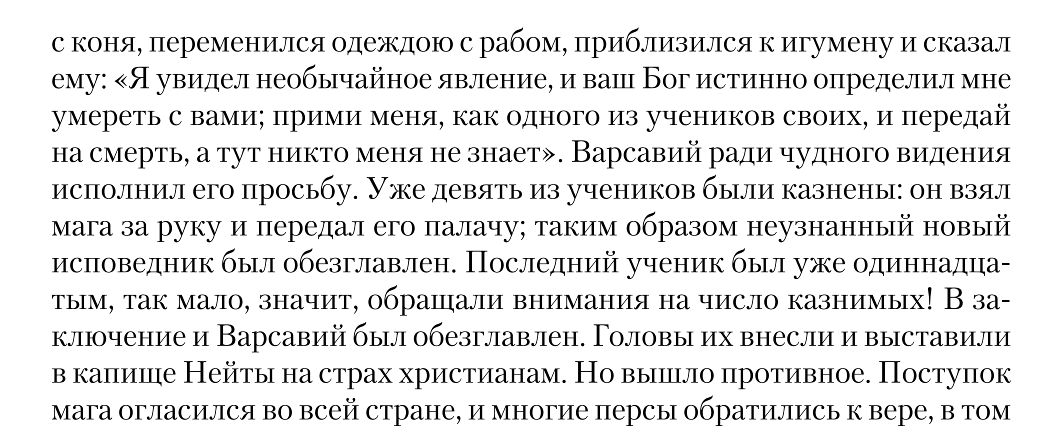
Лукиллиан, идольский жрец, рассмотрев пустоту и безумие идолослужения, уверовал в Истинного Бога и многих приводил ко Христу. Иудеи донесли на него, и он был потребован на суд в Никодимии. Судья принуждал его отречься Христа и возвратиться к идолослужению, а когда он отказался, предал пыткам. Лукиллиана бичевали, сокрушили ему челюсти и повесили стремглав; после того заключили в темницу. Тут уже были четыре отрока, схваченные за исповедание Христа. После новых пыток все они высланы были на казнь в Византию. Тут четыре отрока обезглавлены, а Лукиллиан повешен на кресте и по всему телу пригвожден гвоздями. Святая девица Павла похоронила тела их и, возвратившись в Никодимию, продолжала свои добрые дела и благотворения исповедникам Христовым. За это была схвачена, подвергнута

пыткам и, как непреклонная в своей вере, отослана на казнь в Византию, где и обезглавлена на том самом месте, где был распят Лукиллиан. Кончина их последовала в царствование Аврелиана, около 273 года.

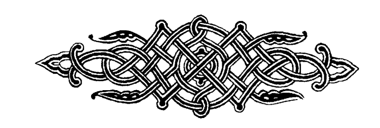
ПАМЯТЬ
святого мученика
ВАРСАВИЯ ИГУМЕНА
и других с ним

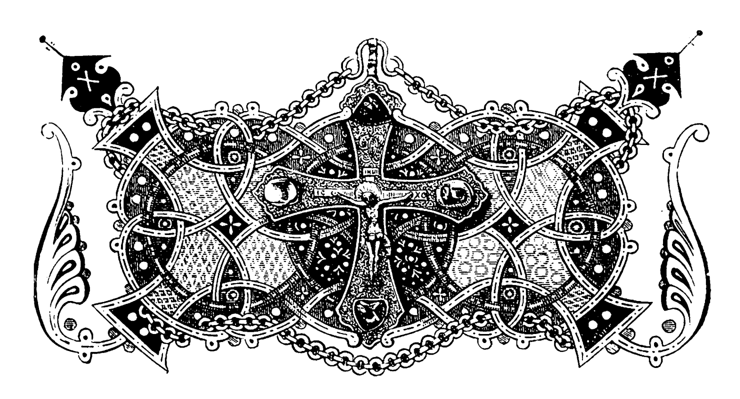
В июле месяце 345 года последовала мученическая кончина Варсавия игумена и одиннадцати других с ним. Основателем монашеской жизни в Персии называют Евгения, одного из учеников Антония Великого, а о Варсавии говорится, что схваченные с ним десять юношей были учениками его. Местом деятельности его был город Астахара, древний Персеполь, некогда столица Персии. Варсавия обвиняли в том, что прельщает многих, научает колдовству и приготовлению ядов, наносит вред религии магов. Он подвергнут был мукам, которые свидетельствует о грубости и жестокости относительно христиан. Ему дубинами раздробили надколенные чашки, также руки, ляжки и ребра, повредили нос и уши, не оставили в целости и глаз. Все это он претерпел мужественно, не испустивши ни одного крика. Так как правитель не достиг своей цели — вынудить его к боготворению солнца, то и велел вывести за город и там казнить. Мимо места казни проезжал знатный маг с женою, двумя сыновьями и некоторыми из своих родственников. При виде собравшейся толпы он велел своим продолжать путь, а сам в сопровождении раба пошел туда, желая посмотреть, что там происходит. Приблизившись к месту казни, увидел, что игумен всякого из своих учеников, до которого доходила очередь казни, берет за руку и передает палачу, громко воспевая священную песнь для ободрения исповедников. Какое впечатление на душу мага произвело такое мужество веры, какое чувство возникло в глубине его сердца, тотчас обнаружилось самым делом. Его духовные очи открылись, и он над телами умерщвленных увидел сияющий пламенем крест. Он поспешил слезть

с коня, переменился одеждою с рабом, приблизился к игумену и сказал ему: «Я увидел необычайное явление, и ваш Бог истинно определил мне умереть с вами; прими меня, как одного из учеников своих, и передай на смерть, а тут никто меня не знает». Варсавий ради чудного видения исполнил его просьбу. Уже девять из учеников были казнены: он взял мага за руку и передал его палачу; таким образом неузнанный новый исповедник был обезглавлен. Последний ученик был уже одиннадцатым, так мало, значит, обращали внимания на число казнимых! В заключение и Варсавий был обезглавлен. Головы их внесли и выставили в капище Нейты на страх христианам. Но вышло противное. Поступок мага огласился во всей стране, и многие персы обратились к вере, в том числе и семья его.

Перенесение мощей святого Димитрия царевича из Углича в Москву. Это — день встречи святых мощей в Москве. См. 15 мая в сказании о царевиче Димитрии.

День четвертый

ПАМЯТЬ о преподобных ЕЛЕАЗАРЕ и НАЗАРИИ ОЛОНЕЦКИХ

По рукописным святцам, преподобные Елеазар и Назарий были основателями Предтечева монастыря, находившегося в Олонецком уезде; они называются чудотворцами, и днем кончины их показан 4 день июня. Но в каком году скончались они? Как совершили подвиг жизни? Остается неизвестным. Вероятно, что они были учениками аввы Лазаря Мурманского и подвизались в XV веке, потому что называются также пришедшими из Греции, как и Лазарь. Мощи их почивают под спудом в храме упраздненной обители[1].

[1] Ркп. святцы: «прпп. отцы Елиазар и Назарий игумены Мурманского монастыря Рождества св. Иоанна Предтечи, иже в Олонецком уезде новые чудотворцы, родом Римляне, преставилися в лето 7000 мес. июня, в 4 д.» (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях). Об авве Лазаре см.: марта 8.

ПАМЯТЬ
святого блаженного
ОПТАТА,
епископа Мелевитского

Оптат, епископ в Нумидии, прославился деятельною борьбою с донатистами — во второй половине IV века. Он успешно опровергал их в своих сочинениях, о которых с уважением отзываются Иероним, Фульгенций, Августин, епископ Иппонский (память 15 июня), ставящий Оптата наравне со святыми Киприаном, Иларием и Амвросием. Оптат в своем сочинении против донатистов определительно раскрывает понятие об истинной Церкви Христовой и доказывает, что «отделяющиеся от Церкви напрасно мечтают о спасении»[1].

ПАМЯТЬ
святителя
МИТРОФАНА,
патриарха Константинопольского

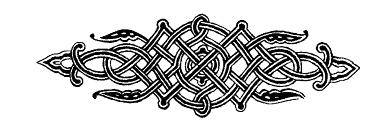
Племянник императора Проба (ум. 282 г.), современник Константина Великого. Управлял Церковью десять лет с 316 по 326 год. Во дни его происходил первый Вселенский Собор, на котором он не присутствовал по причине старости (ему было около восьмидесяти лет); вместо себя посылал туда пресвитеров своих (из коих один, Александр, был ему преемником). Имел дар прозорливости и за 10 дней предсказал свою кончину.

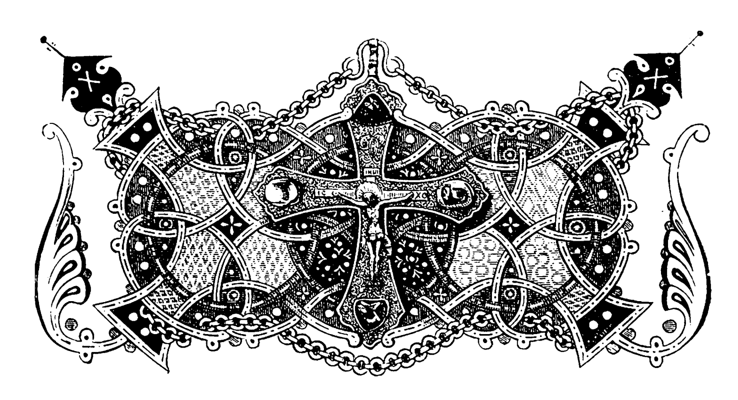
[1] См.: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. § 123.

Преподобного Мефодия, игумена Пешношского. (См. о нем — 14-го июня).

ПАМЯТЬ святых МАРФЫ и МАРИИ, сестер Лазаря четверодневного

Кроме сведений о святых Марфе и Марии, изложенных в Евангелии, а именно: в Евангелии от Иоанна (11, 1–45; 12, 1–8); от Матфея (26, 6–13); от Марка (14, 3–9) — известно, что по вознесении Иисуса Христа на Небо, когда, по убиении архидиакона Стефана, настало гонение на Церковь Иерусалимскую и святой Лазарь, быв изгнан из Иерусалима, проповедовал Христа в разных странах, то и сестры его, уверовавшие во Христа еще до воскрешения Им их брата, помогали Лазарю в благовествовании Евангелия. Время и место их мирной кончины осталось неизвестным.

День пятый

ПАМЯТЬ преподобного аввы ДОРОФЕЯ

Жил в царствование Анастасия, Юстина и Иустиниана и скончался около 620 года.

Дорофей был учеником Иоанна Прозорливого в Палестинской обители аввы Серида (13 августа); сверх того, сам обладавший значительными научными познаниями, приобретенными им еще в молодых годах, он впоследствии руководил и других в устроенной им Палестинской обители (например, преподобного Досифея, память которого — 19-го февраля), и по смерти своей оставил в руководство инокам свои наставления.

Назидательно описывает Дорофей свои занятия наукою в первой молодости. «Когда учился я внешнему учению, — пишет он, — то вначале весьма тяготился я учением, так что когда приходил брать книгу, то шел как бы к зверю. Но когда стал я принуждать себя, то Бог помог мне и я так привык, что не знал, что ел, что пил, как спал от теплоты, ощущаемой при чтении. Никогда не могли завлечь меня на трапезу к кому-либо из друзей моих; даже не ходил я к ним и для беседы во время чтения, хотя любил я общество, любил и товарищей моих. Когда отпускал нас философ, и я умывался (ибо имел нужду каждый день прохлаждаться водою, так как иссыхал от чрезмерного чтения), то я отходил туда, где жил, не зная, что буду есть, ибо не хотел тратить времени для распоряжений насчет пищи».

Такое же усердие применял Дорофей и к жизни духовной, когда удалился в пустыню. «Когда пришел я в монастырь, — пишет он, — то говорил себе: если столько любви, столько теплоты было для внешней мудрости, так что от всего прочего я был свободен и привык к одному, тем более должно быть для добродетели, и тем укреплялся»[1].

Не оставалось отвлеченным это умственное и высокое духовное развитие Дорофея: он применял его к практической деятельности, с любовью служил больным и странникам. «В то время, — пишет он, — я только что встал от тяжкой болезни. И вот, приходят странники вечером, я проводил с ними вечер, — а там — погонщики верблюдов, и им приготовлял я нужное; много раз случалось, что, когда я отходил спать, встречалась еще какая-либо нужда, и меня будили, — а затем наставал час бдения». Утомлялась природа человека при такой беспрерывной деятельности, переходящей с одного предмета на другой; чтобы успешнее преодолевать естественное изнеможение, Дорофей упросил одного брата будить его ко времени церковной службы, а другого — чтобы не допускал его дремать во время бдения.

«И поверьте, — прибавляет он, — я так уважал их, как бы от них зависело мое спасение...»

ПАМЯТЬ святого ПЕТРА КОРИШСКОГО

В рукописи Рыльского монастыря читается житие преподобного Петра, в Коришской горе. Не имея в руках сего жития, ограничиваемся сведениями о святом Петре Коришском, собранными недавним путешественником в местах подвигов святого Петра.

«По страшной трущобе, — пишет путешественник, — ехали мы более получаса краем горы Мравиница, то поднимаясь, то опускаясь, и добрались наконец до площадки, образуемой скалами над глубоким ущельем.

[1] Поучение аввы Дорофея (10) о целомудрии и трезвенном прохождении пути Божиего (Христианское Чтение. СПб., 1830).

Здесь был выстроен Коришский монастырь. Он давно запустел, и самое село Кориша, расположенное несколько выше, в горах, перешло в руки арнаутов, мусульман. Место, в котором спасался юный отшельник, святой Петр Коришский, по своему уединению, по страшной пропасти и грозным скалам, которыми оно окружено, напоминает ту обитель, где теперь покоится тело его, Черноредкий монастырь... Мы вошли в небольшую пещеру, в которой святой Петр устроил церковь. В ней еще довольно хорошо сохранился написанный на скале образ Спасителя; подле образа мы могли прочесть слова: *Не имать ходити во тьме* (Ин. 8, 12).

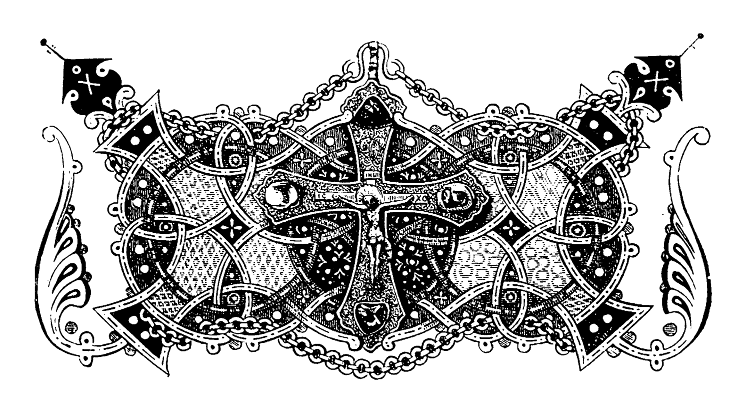
Вблизи от этой пещеры находится другая ниже, но длиннее, в которой, как говорят, постился отшельник и в которой потом устроена была также церковь... несколько далее стоят развалины величественного здания. Царь Душан (1337–1351), чтобы почтить достойно память святого юноши, которого он знал и любил, вскоре после его смерти решился выстроить подле его пещеры большую великолепную церковь; но как было поместить ее на склоне горы, где природа образовала лишь несколько небольших уступов и узких площадок? Душан смело бросил аркаду в глубину ущелья и на аркаде основал церковь. Арки стоят еще почти невредимо, но церковь мусульмане разрушили; только уцелел большой кусок одной из стен, и именно той, которая стоит над самою пропастью, не примыкая к горе. На ней видны еще образа, написанные в три ряда, один над другим»[1]. В другом месте тот же путешественник пишет: «в Чернорецкой церкви стоит рака с мощами юноши, святого Петра Коришского, который (кажется, во время Душана) вел постническую жизнь в горах, близ Призрена. Когда была разрушена церковь, им там устроенная, то люди из села Бряки в Колашине, принадлежавшие к роду Косачи, перенесли его мощи в соседнюю с их селом церковь Святого Архангела, построенную святым Иоанникием, и положили их тут. В раке хранилась и книга, которую святой Петр Коришский, как рассказывают, всегда носил с собою; книга была еще цела в прошлом году»[2].

Святых мучеников Маркиана, Леонида, Аполлона и других семи с ними, за исповедание имени Христова уморенных голодом и жаждою в Египте в царствование Максимина (308–312 гг.).

---

[1] *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии.

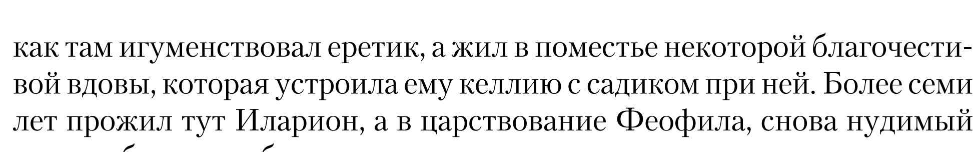
[2] Там же.

День шестой

ПАМЯТЬ преподобного ИЛАРИОНА, игумена и исповедника

Иларион, сын придворного служителя, двадцати лет принял монашество в Далматском монастыре и был учеником преподобного Григория Декаполита (20 ноября), там жившего тогда; через десять лет, проведенных в подвигах монастырского послушания, удостоен сана священства. По смерти игумена братия хотели иметь себе его наставником, но он, бегая славы, удалился в некоторую обитель близ Никеи; открытый, убежден был патриархом Никифором принять игуменство (в 806 г.). Чрез девять лет, когда император Лев Армянин воздвиг гонение на православных, преподобного Илариона принуждал он к своей ереси и отдал в распоряжение единомышленного себе патриарха Феодота, а этот держал его в тюрьме, томя голодом и жаждою. Монахи Далматского монастыря обещали царю исполнить его волю, если он возвратит им игумена их, и царь освободил Илариона. Но чрез год, уверившись в обмане со стороны монахов, послал туда военную силу, строго наказал всех, а Илариона заключил в тюрьму, потом посылал на заточение в разные монастыри около столицы (где игумены еретичествовали), где он терпел всякие озлобления. По смерти Льва (25 декабря 820 г.) и преподобный Иларион освобожден был, но в монастырь не возвратился, так

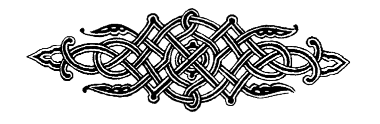
как там игуменствовал еретик, а жил в поместье некоторой благочестивой вдовы, которая устроила ему келлию с садиком при ней. Более семи лет прожил тут Иларион, а в царствование Феофила, снова нудимый к иконоборству, обличил царя в нечестии, наказан сто семьюдесятью ударами и выслан на остров Афузию (близ Константинополя, в Мраморном море), где и пробыл до смерти Феофила. По восстановлении же Православия (842 г.) императрицею Феодорою Иларион принял снова игуменство в Далматской обители и, прожив три лета, отошел к Господу.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИОНЫ КЛИМЕЦКОГО

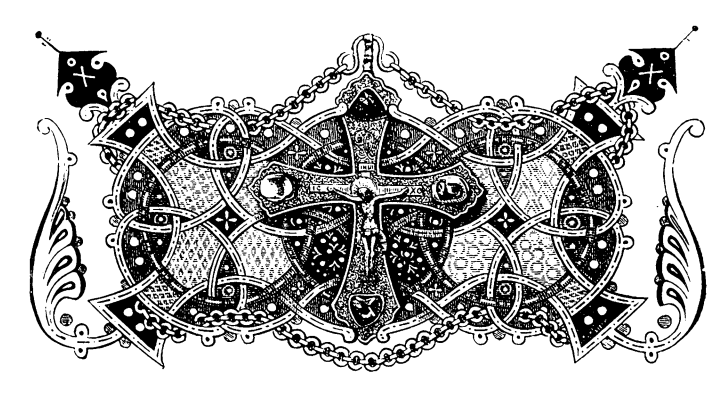
Благость небесная зовет всех к спасению и блаженству, но не всех одинаково. Одни слышат призвание ее еще с юности, другие — в летах зрелых; тех возбуждает она от сна душевного необычайными мерами, других — обыкновенными способами; одним является в знамениях и чудесах, другим — в каком-либо событии жизни. Это — дело премудрости Божией, которая знает, кого и как позвать к себе. Наше же дело — внимать гласу Божиему. Счастлив тот, кто, услышав голос Божий, верно следует ему, не изменяя до гроба. Таков был блаженный Иона Климецкий.

Новгородский посадник Иоанн Климентов оставил сыну своему много богатства; сын Иоанн спокойно занимался торговлею, как занимался и отец его. Не раз сын в Карельском насаде (большой лодке) переплывал обширное Онежское озеро, простирающееся на 200 верст. Но раз, возвращаясь из Повенца в Новгород с грузом соли, на средине озера застигнут он был страшною бурею. Долго насад носился по произволу волн; опасность погибели была в глазах. И эта-то опасность вызвала из души Иоанна решимость не жить более для мира. Иоанн просил у Господа избавления от грозной смерти лишь для того, чтобы провести остальное время в покаянии, для одного Господа. Молитва

была услышана; насад выброшен был на прибрежную отмель. Иоанн со слезами благодарил Господа и услышал голос: «Иоанн! Здесь построишь ты обитель Святой Троицы». Затем увидел он на можжевеловом кусту икону Святой Троицы. На отмели поставил он тогда же крест, поныне целый; на месте явления иконы — крест и часовню. Это было в 1490 году. Возвратясь в Новгород, блаженный Иоанн распорядился богатым имением своим, принял иночество с именем Ионы и, укрепясь в духовной жизни под руководством опытных старцев, отправился на остров. Здесь построил он один храм во имя Святой Троицы, другой — в честь святителя Николая, которого призывал он во время опасности грозной, построил келлии и приготовил нужное для обители иноков. Из бедной Нятинской обители, бывшей в трех верстах от новой, вызвал он в свой монастырь братию; а между тем явились и из других мест с желанием служить Господу в безмятежной обители. По прошению блаженного Ионы митрополит Варлаам (1509–1525) благословил дать для новых храмов антиминсы; святитель желал, чтобы Иона был настоятелем своей обители, но смиренный раб Божий уговорил Новгородского иеромонаха Тихона принять на себя должность игумена, а сам остался в числе братии обители. Он провел остальное время в подвигах поста и молитвы, служа примером строгой иноческой жизни, и мирно почил 6 июня 1534 года. Святое тело его положено было у храма святителя Николая; впоследствии построили здесь, над местом погребения часовню. По воле императрицы Елизаветы над нетленными мощами преподобного Ионы построен был каменный храм во имя праведников Захарии и Елизаветы[1].

[1] Сказание о Климецком монастыре. СПб., 1846; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV.

День седьмой

ПАМЯТЬ преподобного ДАНИИЛА, игумена Скитского

Даниил, ученик Арсения Великого (память 8-го мая), подвизался 40 лет в общежитии, потом, с 420 года, жил отшельником в Скитской пустыне. В это время при одном набеге вооруженных людей был он захвачен в плен, где и оставался два года, пока не был освобожден одним благочестивым человеком, который выкупил его из рабства. Через год Даниил опять попал в плен, откуда через полгода ему удалось уйти. Наконец, когда в третий раз захватили его в плен и стали подвергать разным мучениям, то он, обороняясь, убил камнем одного из своих мучителей и ушел из плена. Это невольное убийство не давало покоя мирной, человеколюбивой душе отшельника. Грех убийства вопиял об искуплении... Даниил решился исповедать его и подчиниться осуждению опытного владыки духовного; он отправился к патриарху Александрийскому и излил перед ним всю тревогу и терзания своего смущенного сердца.

«Два раза Господь избавил тебя из рук врагов; ты мог бы успокаивать себя упованием, что Он спасет тебя и в третий раз, — заметил патриарх, — и потому тебе следовало бы удержать свою руку от убийства... Впрочем, — прибавил он, — ты убил не человека, а зверя...»

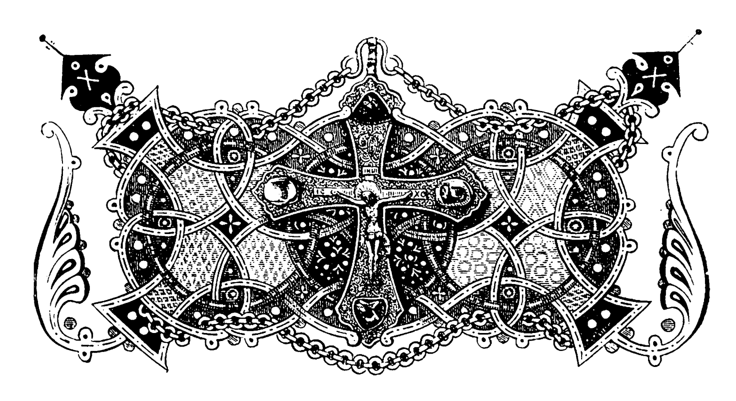
Этот ответ не удовлетворил утонченно-чуткую совесть ревнующего о душевном спасении; Даниил пришел в Рим и поведал Римскому епи-

скопу и свою скорбь, и слова патриарха. Тот одобрил мнение патриарха. Тогда Даниил предпринял путь и в Константинополь, и в Эфес, и в Иерусалим, и в Антиохию, чтобы обратиться со своим тягостным недоумением к тамошним патриархам, но все они выразили то же суждение, что и патриарх Александрийский... Но не так легко смиренному ревнителю правды поверить успокоительному для себя решению... Даниил решил по собственному убеждению, что совершившему убийство подобает принять смерть от чужой руки... Поэтому он возвратился в Александрию и, явясь в суд, объявил, что совершил убийство и требует наказания за свое преступление... По распоряжению суда Даниил был заключен в темницу до решения его дела. Однако же, узнав обстоятельства этого дела, суд решил не признавать убийцу виновным, хотя бы он по подобному поводу оказался убийцею даже нескольких злодеев... Освобожденный из темницы, Даниил признал, что если суд людской присудил ему помилование, то не откажет в прощении и милосердый Бог... но, чтобы окончательно помириться с своею совестью, он решился искупить невольное убийство, посвятив остальную жизнь служению страждущим... И вот, он принял к себе прокаженного и служил ему. Никому не открывал он этого своего одного из тягчайших, может быть, подвига... Но случайно он сделался известным. Один из учеников, придя к старцу, увидел больного, так как Даниил однажды забыл запереть дверь в келлию, где находился прокаженный. Этот несчастный был покрыт как бы сплошною раною, кости выглядывали из-под сгнившего почти тела; за неимением рук больной глотал пищу, влагаемую ему в рот старцем; то же, чего он не мог проглотить, отец Даниил съедал сам. Подивился инок терпению и любви христианской старца и прославил Бога, дивного во святых Своих[1]...

Авва Даниил жил в V веке; при нем совершилось убиение святой Фомаиды свекром ее (о чем см. 13-го апреля), которую преподобный Даниил похоронил в Октодекатском монастыре с отцами, — и потом послал на гробницу ее одного инока, изнемогавшего в борьбе с нечистыми помыслами и исцелившегося молитвами пострадавшей за целомудрие святой Фомаиды, к которым прибегнул он по научению старца Даниила.

Святого мученика Феодота Анкирского (см. о нем 18-го мая).

[1] Извлечено из «Пролога».

День восьмой

† ПАМЯТЬ святителя ФЕОДОРА, епископа Ростовского и чудотворца Суздальского

Блаженный Феодор был посвящен в епископа Ростовского в 990 году, и в этом году построен им в Ростове из дубового дерева первый соборный храм в честь Богоматери, стоявший после того 168 лет[1]. Грубые язычники Ростова, принявшие и после того так худо святителя Леонтия, весьма враждебно смотрели на первого христианского епископа Ростова. Много вытерпел от них разных оскорблений блаженный Феодор; но в 992 году принужден был удалиться из Ростова[2]. То самое, что мощи святителя Феодора с незапамятных времен почивают в Суздальском соборе, показывает, что блаженный Феодор, изгнанный из Ростова, жил в поселении, сделавшемся впоследствии городом Суздалем, и что проповедь его в краю Суздальском, в первые два столетия входившем в круг Ростовской епархии, сохранилась в благодарной памяти края. О проповеди его в Суздальском краю говорит между прочим и стенная надпись 1635 года над мощами его. «В л. 6498 (990), — говорит она, — первый

[1] Собр. л. 1, 150. 4, 102. 6, 128. 7, 75. 314. 9, 65.

[2] Книга степенная. Ч. 1; ркп. житие св. Феодора у Румянцева № 164.

благоверный и великий князь Владимир просвети Суздальскую землю Святым Крещением и паству вручи епископу Феодору». Согласно с летописью, просвещение Суздальского края святителем Феодором надобно считать с 992 года[1]. Так как по спискам Ростовских епископов XIV века прежде святителя Леонтия три раза поставляется в Ростове Феодор[2], то это подает мысль, что святитель Феодор из Суздальского уединения снова возвращался в Ростов на кафедру. Это подтверждается и рукописным житием святителя Леонтия; здесь сказано о равноапостольном Владимире: «Феодора епископа посла в Ростов с князем Борисом»[3]. Поелику же известно, что святой Борис был послан в Ростов в 1010 году на место князя Ярослава, поступившего в Новгород; то прибытие святителя Феодора в Ростов вместе с князем Борисом было также не прежде 1010 года[4]. В этот раз он пробыл в Ростове вероятно до 1014 года, пока не вызван был князь Борис больным отцом в Киев. Страдальческая кончина святого Бориса и последовавшая за нею кровавая борьба Ярослава с братоубийцею Святополком благоприятны были только для фанатиков язычества, и блаженному епископу трудно было в такое время удержаться в Ростове. В помянутом житии святителя Леонтия сказано, что блаженный Феодор, прибыв с князем Борисом в Ростов, хотя усердно трудился над просвещением народа святою верою, но неверие глубоко пустило корни в народе и проповедник «изгнан был». По спискам Ростовских епископов, после удаления Феодора из Ростова сюда прислан был Иларион; но и тот, как видно по другим источникам, от ненависти язычников скоро удалился из Ростова[5]. По летописям не показан год кончины святителя Феодора.

---

[1] Никон. л. 1, 105; *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале // Временник общества истории и древностей. Кн. 22 (далее — *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. — *Ред.*). Суздаль по летописям видим уже в 1024 г. (Собр. л. 5, 135. 7, 328. 329; Никон. л. 1, 130).

[2] Собр. л. 4, 102. 6, 128. 9, 14. Прежде свт. Леонтия в Ростове «Феодор, Феогност, Феодор, Иларион, Феогност, Феодор». По житиям свв. Леонтия и Аврамия, после Феодора занимал кафедру в Ростове не Феогност, а Иларион. То же по известию о сгоревшей первой Ростовской церкви: «а служило у той церкви епископов 7: 1 епископ Феодор, 2 епископ Иларион, 3 епископ Леонтий чудотворец»... и пр. (*Макарий (Булгаков), митр*. История Русской церкви. Т. 2). Не приходил ли Феогност в Ростов со случайным поручением правительства?

[3] *Востоков А*. Описание рукописей Румянцевского музеума. № 156, 160. Распространенное житие свт. Леонтия см.: Православный собеседник. 1858. № 1.

[4] О свв. Борисе и Глебе см. 2 мая.

[5] В житии свт. Леонтия «тот был первый епископ Ростову Феодор. И крести Ростовскую землю и Суздальскую и церковь в Ростове во имя Владычицы нашей

По рассказу их об избиении женщин волхвами в Суздале в 1024 году не видно, чтобы тогда был жив ревностный проповедник святой истины; но во всяком случае, несомненно, что это свирепое восстание проповедников язычества было делом злости их, раздраженной успехами проповеди святителя Феодора[1]. Таким образом, блаженную кончину ревностного пастыря надобно отнести к 1023 году. Над гробницею святителя, почившего в Суздале в XVI веке, возложен дорогой покров с такою, шитою, надписью: «л. 7089 (1581), — молясь Пресвятой Богородице и великому чудотворцу, епископу Феодору, Суздальскому, положила сей покров на великого чудотворца епископа Феодора князя Владимира Андреевича княгиня Евпраксия»[2]. В 1633 году Суздальский архиепископ писал в Суздальский девичий монастырь: «молитвы великих святителей и чудотворцев Суздальских Иоанна и Феодора да будут с вами»[3].

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ
святого мученика
ФЕОДОРА СТРАТИЛАТА

Из Ираклии, где пострадал, в город Евхаиты, отечество его. Перенесение последовало вскоре после кончины вследствие видения великомученика старому слуге своему. См. сведения о нем 8 февраля.

Богородицы Приснодевы Марии и устрои ю чудну вельми и — много поучив я вере христианстей; но не можаше их уверити до конца, искони злому их неверствию укоренившуся. И изгнан бысть от них. Се же слыша патриарх (?), яко Феодор епископ многи люди крести, но не можаше их привести до конца в познание истинного Бога, но изгнан быв избежа от них; патриарх же паки вскоре избра от своего клироса Лариона именем». Краткое житие свт. Леонтия: «бывшие там прежде него (Леонтия) епископы Феодор и Иларион удалились оттуда, не терпя неверия и гонения от народа».

[1] Никон. л. 1, 130; Собр. л. 5, 135. 7, 329.

[2] *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. Здесь документами доказано, что в честь свт. Феодора епископа строились храмы и память его праздновалась 8 июня. Служба ему и святителю Иоанну написана была иноком Григорием, описавшим и жизнь прп. Евфимия, в конце XV в. У Анании показаны и чудеса святителя. Служба ему в ркп. XVII в. (у Толстого 2 № 1911). Ср. Владимирский. сборник, стр. 165. В одном списке святцев сказано: «преставился в л. 6981 г.» Это — очевидная ошибка. Если бы написали: открыты мощи в л. 6981 (1473), то это было бы вероятное показание.

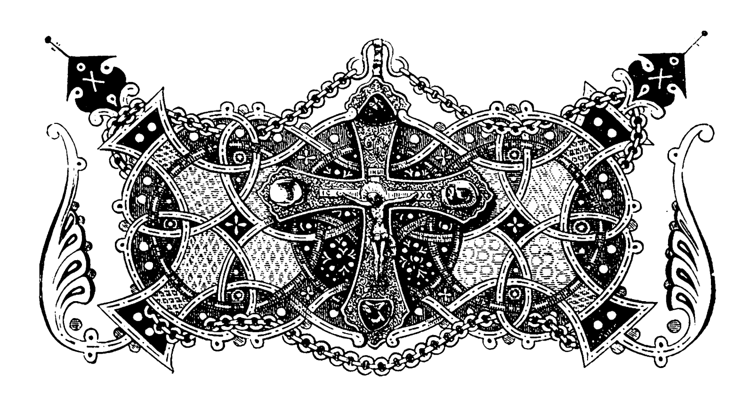
[3] Акты исторические. Т. 3.

ПАМЯТЬ святого мученика ФЕОФАНА

Молодой и неопытный, увлеченный турками в ислам, Феофан скоро, однако же, сознал свое гибельное заблуждение и, скрывшись от обманувших его, поступил в иночество, чтобы строгим подвижничеством искупить свое временное отступление от родной веры Христовой. Но он не был в состоянии ничем утолить терзаний своей совести и потому решился — в мученическом подвиге искать примирения с самим собою.

Возвратясь на свое прежнее место, в Константинополь, Феофан скоро был узнан турками, которые, схватив его, привели к судье, свидетельствуя, что Феофан-магометанин выдает себя за христианина... Добровольный же мученик твердо заявил, что он — христианин и не изменит своей вере. Видя яростное волнение в народе по этому поводу, судья произнес Феофану смертный приговор. Тогда турки бросились на свою жертву и стали осыпать инока-исповедника жестокими побоями... но не удовольствовались этим; вырезали крестообразно ремни из спины его, обрезали уши и нос и, наконец, повесили на высоком столбе, выпытывая от него нового отступничества. Но твердость юноши была несокрушима. Выведенные из терпения фанатики бросили тогда мученика на ченгел — железную решетку с острыми зубьями кверху, растерзанный которыми окончательно, Феофан предал Богу свою очищенную покаянием и страданием душу...

Преподобной Мелании (старшей), мирно скончавшейся в 410 году. (О ней см. в житии Мелании Римлянки (внуки ее), память которой 31-го декабря).

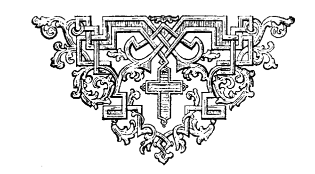

День девятый

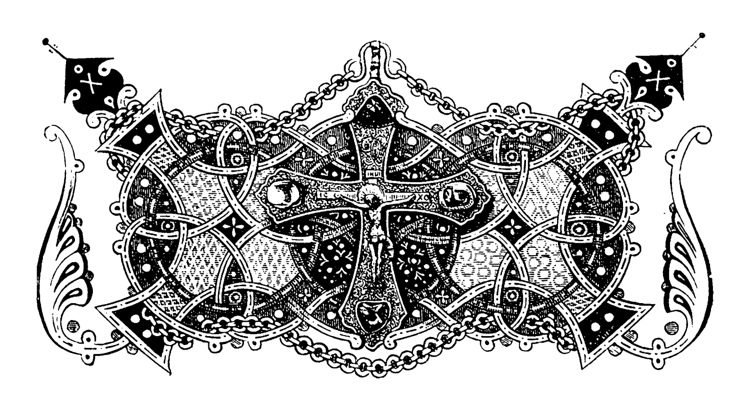
ПАМЯТЬ святых мучениц ФЕКЛЫ, МАРФЫ, МАРИИ, МАРИАМНЫ и АМЫ

Во время гонения, воздвигнутого на христиан Персидским царем Сапором II в 346 году, были захвачены также богатый священник Павел и пять дев; первый был захвачен в особенности ради того, чтобы воспользоваться его деньгами. Рассчитывая на непоколебимую твердость христиан, доказанную бесчисленными опытами, Павлу объявили, что если он хочет, чтобы ему были возвращены отобранные у него деньги, то пусть он поклонится солнцу. Сребролюбивый священник оказался, однако же, чудовищным исключением между исповедниками Христовой веры... он ради денег отрекся от Христа. Тогда, недовольный тем, что из его рук ускользает значительная сумма денег, правитель решил дело иначе: он велел отдать Павлу деньги только тогда, когда он собственными руками отсечет головы пяти девам-христианкам. Это были: Фекла, Марфа, Мария, Мариамна и Ама. На предложение поклониться солнцу они объявили: «Безумные пусть кланяются солнцу, но мы не воздадим сотворенному чести, принадлежащей Творцу...» и за это были осуждены на смерть.

Павел подошел к ним с мечом в руках. «Несчастный! — сказали они ему. — Ты хочешь предавать смерти овец своей паствы, какой же ты пастырь после того? Кровь наша падет на твою голову». Но ослепленный и зачерствелый корыстолюбец без малейшего смущения исполнил дело палача... Не получил однако же он денег, ради которых продал свою душу... Иное воздаяние предстояло ему. Правитель не захотел возвращать деньги, поэтому велел тайным образом задушить Павла, и отрекшийся от Христа пресвитер погиб, как Иуда[1]...

[1] Повесть об этом см. в: Христианское Чтение. СПб, 1827. Ч. 27.

День десятый

ПАМЯТЬ преподобного ФЕОФАНА, святых ПАНСЕМНИИ и ПЕЛАГИИ

В то же время, как подвизалась блаженная Публия (9 октября), и в Антиохии жил в язычестве сын язычников[1]. Пришедши в возраст, он женился, но жена его на третьем году супружества умерла. После смерти ее он принял крещение с именем Феофана и, построив себе за городом весьма тесную келлию, проводил жизнь евангельского самоотвержения. Совершая сам строгую подвижническую жизнь, он ревностно учил путям спасения приходивших к нему, особенно же внушал он проводить жизнь чистую, целомудренную.

В таком городе, какова роскошная столица Востока, еще не расставшаяся с грехами грязного язычества, ревность преподобного к чистой жизни оскорблялась многим. Вот слышит он, что в городе женщина,

[1] О прпп. Феофане и Пансемнии см. в: Acta Sanctorum, junii 2. Синаксарь греческой Минеи июньской и сказание в сокращенном менологе у Баната: Thesaurus monum. 3, 439. Перевод последнего сказания в прологе 10 июня, но не везде точный.

которую называли Пансемнией[1], живет распутно и увлекает многих в жизнь грязную. Он положил возвратить ее на путь добра. Апостол Иаков учит: *Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (своих) (Иак. 5, 20). Подвиг прекрасный, высокий, — но трудный для выполнения. Подвижник Феофан не доверял себе в успехе, так как знал, что дурные страсти и дух злобы не дешево продают победу над ними, — не доверял себе и по сознанию своей немощи; он видел, что ему придется из тихого уединения вступить в шумное общество людей легких, рассеянных, где считают забавою завлечь другого в грехи нечистые. Понимая всю опасность предприятия, Феофан долго и горячо молился Господу, чтобы Он или послал ему Свою помощь для выполнения намерения его, или удержал его при самом начале дела.

Покинув свою келлию, приходит он к отцу и, сказав, что хочет жениться, выпросил у него нарядное платье и 10 фунтов золота. Язычник отец, очень богатый, охотно дал все. Одевшись щеголем, Феофан является к Пансемнии как один из стольких умных поклонников ее прелестей. Феофан спрашивает ее: давно ли она так живет, как живет? «Двенадцать лет», — отвечает она с бесстыдством женщин ее сорта. И из всех мужчин, которых видала, ни одного не любила так, как готова любить его. «Прекрасно, — сказал он, — но если я с тобой сближусь, то хочу, чтобы сближение наше было честное, а не было бы распутством». Он показал ей и деньги, которыми готов купить супружескую верность ее. Пансемния, вовсе не ожидавшая такого счастья для себя, с восторгом объявила, что на все согласна.

Получив слово клятвы, Феофан оставил ее и занялся построением келлии вблизи своей келлии. Окончив работу, он опять явился к Пансемнии и объявил, что первое условие его то, что она должна принять христианство. Сперва она очень противилась, но когда увидела, что намерение его непоколебимо, согласилась принять крещение. В течение семидневного приготовления к крещению открыли ей начальные основания святой веры

[1] Пролог: «уведав же о блуднице нарицаемой честная». «Пансемния» точно значит: честная и даже всечестная; только это имя собственное, а не нарицательное. В служебной Минее Зографской XIII в. (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы) «Пансемния». Зато другие имена святых в той же Минее искажены писцом до крайности, например 6 февраля Фаросты (Фавсты), 16 февраля Анитропови (иже в Мартирополи), 15 мая Памихха (Пахомия), 5 ноября Епимиса (Епистаты), 7 декабря Анидора (Афинодора).

и особенно объяснили, как правда Божия не терпит греха и разврата и как любовь Божия щедра к кающимся; блаженный Феофан языком живой веры изобразил ей картины вечности, готовой для кающихся и нераскаянных грешников, и вместе молился за нее со смирением и любовью. Когда совершилось над ней крещение, благодать Божия зажгла в душе грешницы горячую любовь к Господу. Пансемния приняла на себя самые строгие подвиги покаяния. Она отпустила всех своих невольников, раздала на богоугодные дела все, что нажила распутством, и заперлась в келлие, построенной для нее. Твердая и непреклонная борьба ее с собою скоро изменила всю душу ее. К славе благодати Христовой открылся в Пансемнии дар творить чудеса: она исцеляла бесноватых. Спустя 22 месяца после крещения переселилась она к Господу в один день с святым наставником своим, преподобным Феофаном[1].

Более поражающий пример обширным действием своим выставлял святой Иоанн Милостивый, архиепископ Александрийский, — пример, бывший в той же Сирии, где подвизались Пансемния и Феофан[2].

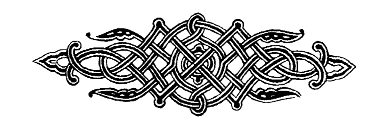
Один отшельник, говорил он, шел в Тире по улице. И вот распутная женщина останавливает его криком своим: «Отец мой! Спаси меня, как Иисус Христос спас блудницу». Отшельник, вовсе не думая о том, что подумают, что станут говорить о нем люди, взял ее за руку и пошел с нею в близкий монастырь за город. Видевшие это стали говорить, что он покидает монашество, чтобы жениться на этой женщине. На беду добрым судьям, идя с женщиною в монастырь, отшельник увидал брошенное на дороге дитя, и женщина взяла к себе это дитя из сострадания на воспитание, так что намерение поступить в монастырь осталось до времени не исполненным. Злоязычники не упустили прекрасного для них случая, пустили в ход молву, что дитя прижито от монаха. «Чего же больше? — говорили другие. — Дитя так похоже лицом на монаха, как сын на отца!» Горько было слушать это невинному отшельнику, но он терпел и терпел. Бывшая Порфирия стала уже доброю монахинею Пелагиею. Отшельник лежал больным, и Бог открыл ему, что близка кончина его. Душе подвижника тяжело было и то, что люди так легко

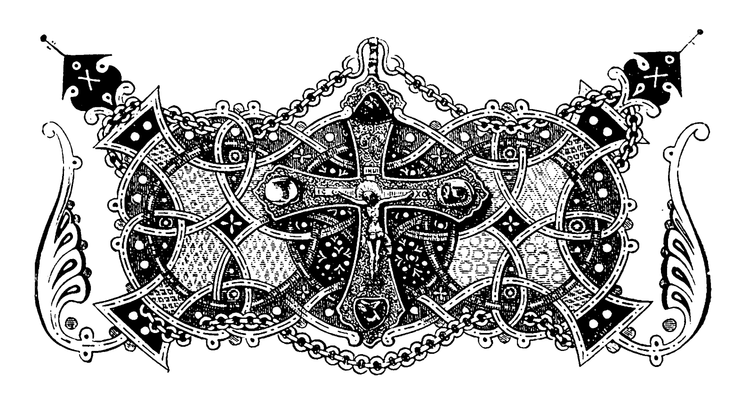
---

1 Синаксарь: «прожив год и два месяца переселяется ко Господу вместе с прп. Феофаном». По житию «подвизалась 22 месяца». Последнее показание следует предпочесть.

2 Наставление св. Иоанна в его житии, которое писано современником Леонтием, епископом Неапольским, Четьи-Минеи 12 ноября. Acta Sanctorum ad 23 iann; Patrol. Lat. T. 73. Та же повесть в прологе 3 августа.

грешат к беде своей, так несправедливо судят о других. Он просит Пелагию, чтобы она пришла в Тир с ребенком, которому уже было семь лет. В Тире когда лежал он больным, к нему собралось много посетителей, человек до ста. Он просит, чтобы принесли горячих угольев, и когда принесены они были, он ссыпал их на свою одежду. «Видите, друзья мои, огонь не жжет одежды моей по благодати Божией: так точно Бог сохранил тело мое во всю жизнь от огня похоти, и я не имел плотского сношения ни с одною женщиною». Сказав это, отшельник предал Господу дух свой. Тогда умные судьи чужой совести нехотя сознались, что они были глупы и что у Господа есть тайные рабы Его, до которых если касается дерзкий язык, жестоко обжигается. Тогда и пример Пелагии, оказавшейся искреннею подвижницею, а не осмеиваемою грешницею, сильно подействовал на многих: подобные ей решились омыть грешную жизнь свою теплым покаянием, оставили мир и вступили в монастырь. Так Пелагия (октябрь 502 г.) не только сама спаслась, но и обратила к Господу примером своим очень многих. *Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их* (Пс. 144, 18). *Если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, праведника; Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира* (1 Ин. 2, 1–2).

День одиннадцатый

ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ВАРНАВЫ

Родиной преподобного Варнавы был Великий Устюг[1]. Здесь он был иереем и во время набегов черемисских оставил родину. Прибыв на берега реки Ветлуги, поселился он на горе Красной и подвизался здесь уединенно 28 лет. Тогда в окрестности Красной горы, даже в 50 верстах, не было жилья человеческого; пустынник питался травою и редко хлебом; звери дикие не вредили жившему по воле Божией. Когда узнали о нем люди, то стали приходить к нему за наставлениями, и он учил страху Божиему. Преподобный Макарий пробыл некоторое время у него для бесед о спасении души, когда в 1439 году проходил на реку Унжу. Блаженный скончался 11 июня 1445 года[2]. По кончине его ученики его и вновь пришедшие иноки построили храм во имя Святой Троицы, а другой над гробом преподобного во имя святителя Николая и составили обитель, которая пользовалась потом уважением[3].

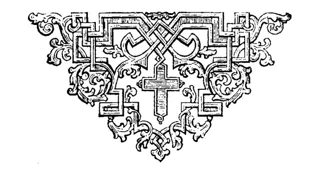
---

[1] Ркп. житие прп. Варнавы, писанное по случаю свидетельствования мощей его в 1639 г.

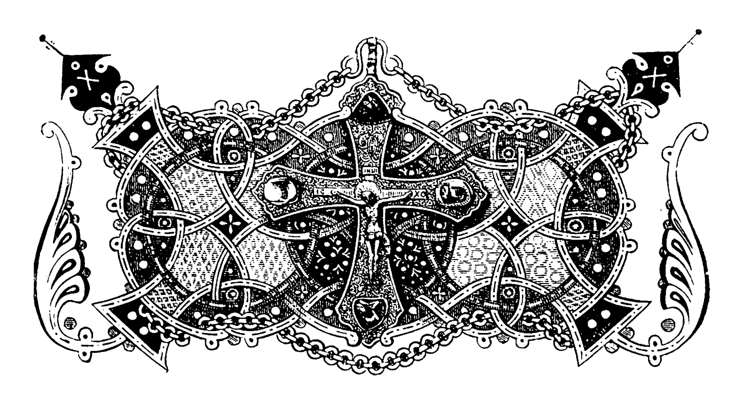
[2] Ркп. святцы: «прп. Варнава пустынник, иже на Лапшанче на Ветлуге р. новый чудотворец, преставился 7053 (1445) июня в 11 д.».

[3] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 4; Акты исторические. Т. 5.

Мощи преподобного Варнавы были свидетельствованы по распоряжению патриарха Иоасафа в 1639 году по случаю чудес, совершившихся при гробе его. Ветлугские священники Иоанн и Онисифор по совести священнической свидетельствовали, что первый из них тяжко страдал глазною болезнью, а по совету иноков обители помолился на гробе преподобного Варнавы и получил зрение; другой там же получил исцеление от болезни. Ныне от древней обители остается храм во имя апостола Варнавы, с мощами преподобного, служащий соборным храмом для образовавшегося здесь города Варнавина Костромской губернии, в 387 верстах от Костромы[1].

[1] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь святых.

День двенадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного СТЕФАНА ОЗЕРСКОГО

Отец блаженного Стефана служил при дворе князей Бородатых — отрасли князей Ярославских; в доме благочестивого родителя сын получил приличное воспитание[1]. Начало иночеству полагал он в Глушицкой обители, где провел несколько лет. Потом странствовал по северным пустыням, жил несколько времени в Тихвине и, увлекаемый любовью к безмолвию, возвратился в родные Вологодские пределы: на восточном берегу Комельского озера, при истоке реки Комелы, в 35 верстах к югу от Вологды, поставил себе келлию и потом часовню, а в ней иконы Божией Матери и святителя Николая, и стал подвизаться, незнаемый людьми и знаемый Единым Богом. Много вытерпел он нужд и огорчений в своей пустыне: грубый рыболов, опасаясь, что преподобный овладеет ловлею рыбы в озере, то осыпал его жестокою бранью, то возмущал неприличными песнями. Запас хлеба принесен был Стефаном небольшой — и ему грозил совершенный недостаток пищи. Спустя более двух лет нечаянно нашли его два зверолова и разделили с ним дорожный запас свой.

[1] Ркп. житие прп. Стефана.

Преподобный
СТЕФАН ОЗЕРСКИЙ

От них узнал он тропу, ведшую к Белозерской дороге и деревням: иначе не мог он, и заставляемый крайностью, добраться до жилых мест. После того звероловы стали посещать Стефана, а от них узнали его и другие. Спустя три года одинокого пребывания в пустыне пришли к Стефану два брата делить труды пустыни, потом явилось еще несколько с подобными желаниями. Еще прежде того, в летнюю ночь, жарко молился он в часовне, дабы Матерь Божия благословила место его для обители молитв; тогда в видении извещен он, что обитель должна устроиться в честь святителя Николая. Ревнители пустынной жизни просили старца устроить храм молитвы. С одним из них отправился он в Москву испросить благословение у митрополита на построение храма и обители. Митрополит Даниил с любовью принял старца, о котором прежде слышал, поместил его в своей келлие и потом представил его великому князю Василию Ивановичу. Посвященный в сан священства и игумена, Стефан получил от митрополита вместе с грамотою книги, сосуды и одежды для храма, а от великого князя грамоту на угодья. Храм и обитель устроены руками пустынников. Это было в 1534 году. Так истинные рабы Божии считали нужным совершение бескровной жертвы в пустыне и приобщение Святых Таин. Не так рассуждали о том они, как толкуют темные суеверы. Преподобный Кассиан пишет: «Мы не должны воздерживаться от приобщения Таин Господних потому, что признаем себя грешными; напротив того, чаще и чаще должны прибегать к ним с жаждою для утверждения и очищения духа. Гораздо справедливее с тем смирением сердца, по которому веруем и ясно сознаем, что достойно прикасаться к Святым Тайнам никогда не можем, — приобщаться их каждый воскресный день, нежели, вознесшись суетным самоубеждением думать, что мы чрез год бываем достойны приобщения их»[1]. Преподобный Стефан во время уединенного пребывания в пустыне следовал древним пустынникам. «Все, иже в пустынях иночествующие, — говорит Василий Великий (у Никона Черной горы в слове 53), — идеже несть священника, причащение свое о себе держаще причащаются». В глубокой старости, накануне своей кончины преподобный Стефан оделся в приготовленное погребальное одеяние и приведенный в церковь приобщился

[1] *Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Собеседования египетских отцов. Беседа 23, гл. 21.

Святых Таин от руки литургисавшего пресвитера, потом возвратился на одр свой и тихо скончался. По подлиннику, «Стефан святой, иже на озере строитель Николы чудотворца, надсед, брада с малою сединою»[1]. Он блаженно почил 12 июня 1542 года[2].

Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную, — учит апостол (Гал. 6, 8). Жизнь духовная, сильно развившаяся в душе, не боится смерти, — она дает о себе знать делами чудными и за гробом. Вологодский купец Гавриил, знавший преподобного Стефана при его жизни и благотворивший обители его, плыл водою по торговым делам своим; поднялась страшная буря, и волны грозили поглотить лодку. Гавриил стал призывать помощь угодников Божиих и между ними блаженного Стефана. И внезапно увидел у себя в лодке святолепного старца, который говорил ему: «Не бойся, сын смирения, — Господь послал меня избавить тебя от потопления». «Кто ты?» — спросил Гавриил, бывший в ужасе и от видения, и от явной смерти. «Ты много милостыни подавал в обитель святителя Николая, что на озере Комельском, и мне смиренному строителю ее Стефану», — отвечал явившийся и исчез, а вслед за тем утихла буря. В тот же 1542 год, как скончался блаженный Стефан, обитель его разорена была татарами и при возобновлении ее построили над гробом основателя обители деревянный храм, замененный потом каменным. Тогда же, при построении деревянного храма, написана была икона преподобного Стефана и поставлена над гробом его, — а другая поставлена в храме. Обитель закрыта в 1764 году. На память преподобного Стефана, 12 июня, ежегодно бывает здесь большое стечение народа[3]. Недавно храм приписан к Вологодскому девичьему монастырю, который тем поставлен в состояние открыть общую трапезу для всех сестер. Так преподобный Стефан стал питать немощных и бедных молитвенниц[4].

---

[1] Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2.

[2] В ркп. святцах показан день кончины «прп. Стефана игумена Комельского Николаевского мон.» — 12 июня, но не показан год. В записке о Вологодских святцах — июня 12-го 1542 г.

[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

[4] Вологодские епархиальные ведомости. 1864.

ВОСПОМИНАНИЕ о преподобных ВАССИАНЕ и ИОНЕ СОЛОВЕЦКИХ

Преподобные Вассиан и Иона образовались в духовной жизни наставлениями святого Филиппа, когда был он игуменом Соловецкой обители. Как совершалось преуспеяние их в духовной жизни, о том не сохранилось известий; но по нетлению их несомненно, что они достигли высокой степени духовного совершенства. Самый последний подвиг жизни их свидетельствует, что они были чада послушания. В 1561 году по воле святого игумена Вассиан и Иона отправились на судах за известью на твердую землю. На возвратном пути из устья Двины буря разбила суда; тела утонувших Вассиана и Ионы выброшены были на восточный берег Унской губы[1]. Крестьяне Унского посада нашли нетленные тела преподобных и сперва хотели перевезти их в свой посад, но он стоял за 25 верст от того места, и они похоронили их там, где нашли. Мамант, старец Сергиевой лавры, управлявший соляными варницами в Унском посаде, повинуясь чудесному во сне видению, 12 июня 1599 года построил над мощами их часовню. Вслед за тем близ часовни поставил себе келлию отшельник, к нему пришли другие, а при мощах праведников совершались по временам чудеса. Инок Ефрем построил храм и отправился за антиминсом в Вологду, но был убит ляхами. Спустя 5 лет после того, как волнения, поднятые самозванцами, утихли, храм был освящен в честь Преображения Господня и образовалась Пертоминская обитель[2]. Вот один из многих опытов загробной деятельности святых Пертоминских! В обители их чувствовали недостаток в сене, нужном для скота. Более других скорбел о нужде благочестивый послушник Никита, скорбел и молился о помощи. В одну ночь после молитвы заснул он. И вот являются преподобные Вассиан и Иона.

[1] *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря.

[2] Словарь святых; *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря.

«Ты призывал нас, — говорят они, — но нас не было в обители, — мы промышляли сена для скота; Бог посылает тебе довольно сена, не скорби: скажи братии — сено куплено, пусть пошлют в ближние поселения». Когда послали в Унскую волость, то купили до 90 возов и за цену небывалую, по 6 денежек за воз[1].

Ныне мощи преподобных Вассиана и Ионы почивают под спудом в каменном храме Успения Богоматери, освященном в 1691 году. Петр I спасся здесь от бури, застигшей его на пути из Соловецкой обители в Архангельск; пробыв в обители три дня, он сам своими руками устроил огромный крест, нес его на плечах своих из обители до берега и поставил с голландскою надписью: «сей крест поставил капитан Петр в лето 1694»[2].

ПАМЯТЬ преподобных ОНУФРИЯ и АВКСЕНТИЯ ВОЛОГОДСКИХ

По рукописному описанию святых Вологодских, «преподобные отцы Онуфрий и Авксентий, иже в Перцовой пустыни, были в лето 7007 (1499)». Перцова пустынь, с 1764 года закрытая, находилась на полпути от Грязовца к Арсениевой пустыни в 35 верстах от Вологды. В 1499 году блаженные пустынники в первый раз поселились в здешнем, тогда крайне безмолвном, лесном месте. С терпением нужд всякого рода совершали они подвиги иночества. Мощи их покоятся под спудом в храме Святой Троицы, ныне приходском[3].

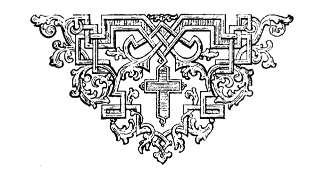
[1] Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1863. № 69.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

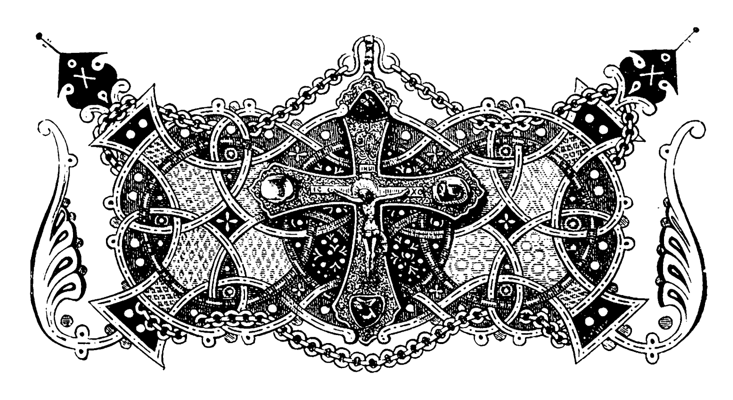
[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ОНУФРИЯ МАЛЬСКОГО

Преподобный Онуфрий основал обитель в честь Рождества Богородицы на Малах, в 4 верстах от Изборска и в 56 верстах от города Пскова, и скончался 12-го июня 1592 года. По рукописным святцам, он новый чудотворец; мощи его почивают под спудом в Рождественской церкви, в которой придел посвящен его имени. Обитель его упразднена в 1764 году[1].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. В 1662 г. «за Рождественским Мальским монастырем 19 дворов».

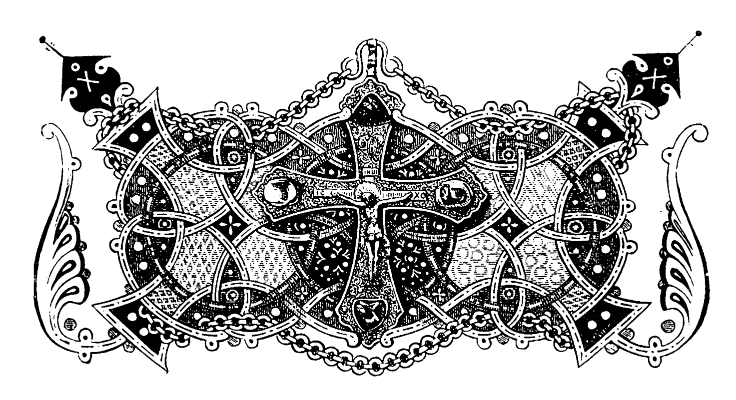

День тринадцатый

ПАМЯТЬ преподобной матери АННЫ и сына ее ИОАННА

Эта подвижница (во второй половине V в.) найдена была с ее сыном на безлюдном острове одним иеромонахом. Она рассказала ему о себе, что, воспитанная сиротою в доме одного доброго знатного человека, она, по желанию его, стала женою его сына. Когда скоро после того умер старый вельможа, то родные мужа Анны не давали ему покоя, упрекая за неравный брак; постоянно твердили ему: зачем не вступает он в брак с благородной и богатой женщиной? (Таково было языческое право мужа над женою). Зачем, говорили они, позорит он род свой супружеством с женщиной незнатного происхождения? Чтобы положить конец этому домашнему смущению, чтобы освободить своего мужа, молодая женщина тайно ушла из дома его и скрылась на острове, где и проводила жизнь отшельницы... Между тем, через 8 месяцев у нее родился здесь сын; и вот, тридцать лет прожила она с ним на пустынном острове в отрешении от мира, в суровых подвигах, ведомых Единому Богу. Наконец прибыл на остров один иеромонах, который встретил Анну с ее сыном и, выслушав ее скорбный рассказ, доставил ей ту отраду, что мог совершить крещение над ее сыном[1]...

[1] *Филарет, архим. Черниговский.* Святые подвижницы Восточной Церкви. СПб, 1871.

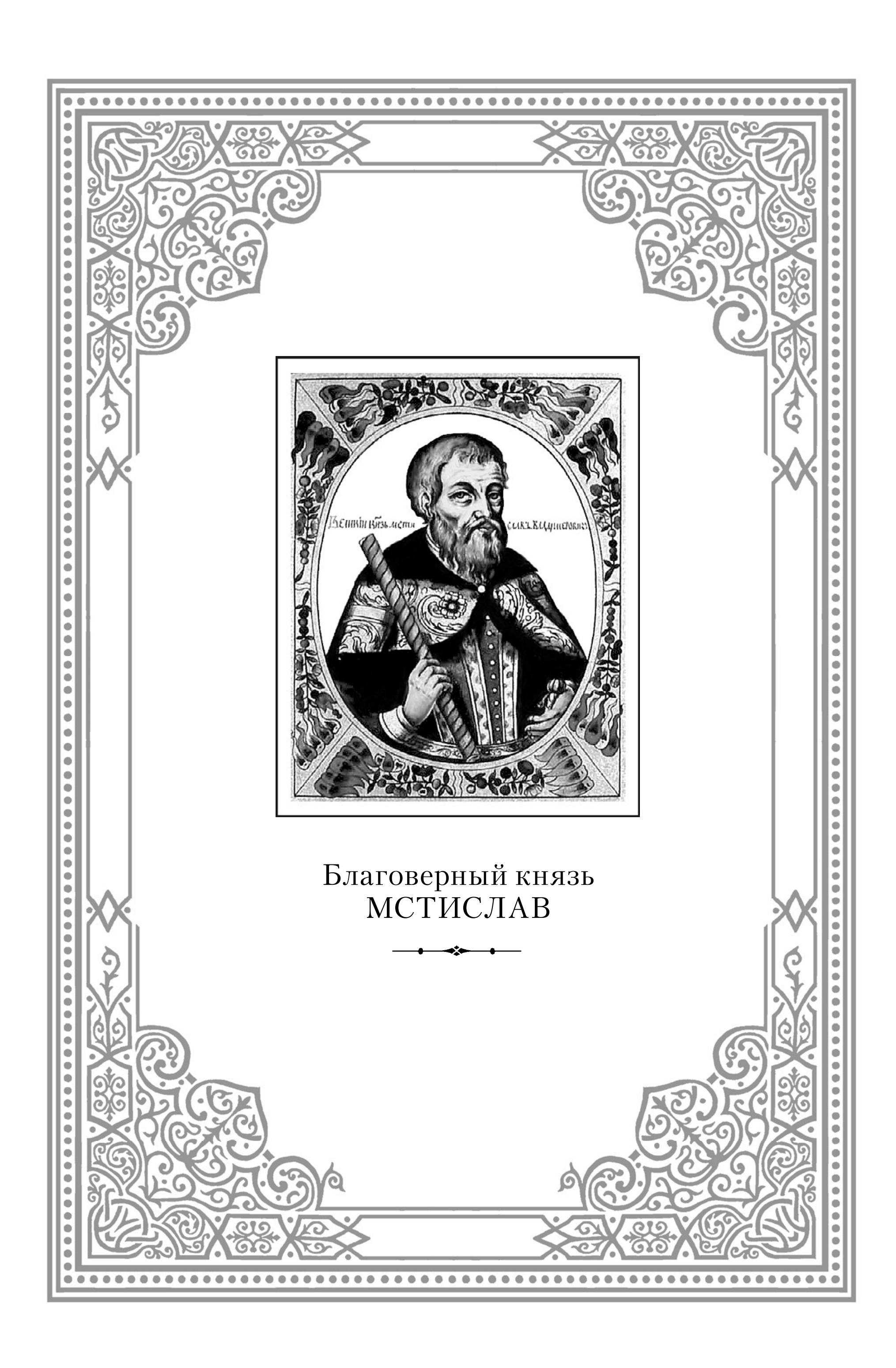

День четырнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ благоверного князя МСТИСЛАВА

Благоверный князь Мстислав, в крещении Георгий, внук благоверного великого князя Мстислава и сын благоверного князя Ростислава, в 1166 году участвовал в победе южных князей над половцами, потом принимал участие в войнах князя Андрея Юрьевича с Киевом и Новгородом[1]. Самый блистательный подвиг мужества его относился к 1173 году. Андрей Юрьевич, великий князь Владимирский, объявил Ростиславичам, что им нет места в южной России, — она его собственность. Мстислав велел остричь послу голову и бороду и отправил его сказать Андрею: «Доселе мы уважали тебя, как отца; но когда ты говоришь с нами, как с слугами и людьми простыми, идем на суд Божий». Андрей послал 50 000 северного войска; к этому грозному ополчению поневоле присоединились полки некоторых южных князей. У Мстислава была только своя дружина и дружина брата Давида. «Братья! ударим с помощью Господа и святых мучеников Бориса и Глеба», — сказал Мстислав своим и понесся с ними против неприятелей. Этот первый бой, исключивший множество людей из рядов неприятельских, дал знать неприятелю, что не так легко уничтожить Мстислава, как полагал Андрей. Девять недель стояли

[1] *Погодин М.П.* Исследования о русской истории. Т. VI.

Благоверный князь
МСТИСЛАВ

северные войска вокруг Вышгорода, где заключился Мстислав. Одни из союзных князей опасались могущества Андреева, другие — коварства Святослава Черниговского, и потому тайно желали счастья Ростиславичам; а храбрый Мстислав почти каждый день делал отважные вылазки против войска Андреева. Когда прибыл Луцкий князь Ярослав с Волынскими войсками и соединился с Мстиславом, страх напал на осаждающих. Они бросились бежать, кто куда мог. Мстислав смотрел со стороны и не верил глазам своим. Наконец, подняв руки к небу, прославил он защитников Вышгорода, святых князей Бориса и Глеба. Потом, вскочив на коня, бросился с дружиною за беглецами, топил, рубил, хватал их. Неприятельский стан, обозы, множество пленных стали добычею Мстислава. С того времени не было другого имени Мстиславу, кроме Храброго[1].

Мстислав не гордился в счастии. Он примирился с князем Андреем и выпросил Киев для брата Романа. Роман, отправляясь в Киев, оставил в Смоленске сына своего. Смоляне возмутились против молодого князя и предложили Мстиславу Смоленск. Мстислав принял (1175 г.) предложение. Между тем Святослав Черниговский выгнал Романа из Киева. Мстислав возвратил Смоленск брату. «Береги его, — сказал он Роману; — я брал только для того, чтобы сохранить тебе». Он не хотел более вступаться в кровавые ссоры князей и для себя доволен был малым. Всеволод Владимирский велел вырезать глаза у князя Мстислава и Ярополка и засадил в тюрьму рязанского князя Глеба, тестя Мстиславова. Мстислав просил Святослава вступиться за несчастного пленника, а прочее предал воле Божией. Несчастные слепцы, высланные с севера, усердно молились на Смядыне в храме святых князей Бориса и Глеба и внезапно прозрели. Это было великою радостью для благочестивого героя. Новгородцы пригласили к себе исцеленных князей. Но Мстислав скоро умер. Новгородцы, опасаясь жестокого властолюбия Всеволода, звали к себе Мстислава Храброго. «Не пойду от братьев и из своей отчины», — отвечал князь, дороживший тем, что дал ему Бог. «А мы разве — не твоя отчина?» — сказали послы. На усердную просьбу Мстислав (1179 г.) согласился. В Новгороде приняли его с восторгом. Дав клятву оберегать новгородцев, он тогда же вышел против хищных эстонцев, которые пред тем осаждали Псков и не переста-

[1] Собр. л. 2, 107–110. 1, 155. 156; *Погодин М.П.* Исследования о русской истории. Т. VI.

вали грабить пограничные места. Мстислав прошел с опустошением страну их до моря, взяв множество пленных и скота. На обратном пути (1180 г.) наказал он и Псков за мятеж. Он готовился к новым предприятиям против Всеволода. Но неожиданно заболел, велел несть себя в церковь, причастился Святых Таин и в тот же день скончался. Это было 14 июня 1180 года.

Новгородцы горько оплакали смерть редкого князя. «Хорошо было бы нам, — говорили они, — умереть вместе с тобою. Ты защитил свободу нашу от язычников, как дед твой Мстислав». А летописец прибавляет: «он был роста среднего, лицом красавец, а душа его была еще лучше. Щедро расточал он милостыню и помогал обителям. Был храбр и мужествен; он рвался умереть за землю Русскую. Когда приходилось освобождать пленных у язычников, он говорил: “Братья! Если умрем за христиан, очистимся от грехов, — Бог причтет нас к мученикам; и если не умрем теперь, умрем же когда-нибудь”. Он не собирал ни золота, ни серебра, но раздавал то дружине своей, то церквам за свою душу»[1].

Мощи благоверного князя покоятся в приделе Рождества Богородицы и память его чтится местно[2].

Спрашивал его (Иоанна Предтечу) *народ: что же нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем* (Лк. 3, 10–14). Благоверный князь жил по этим урокам и жизнью своею велит нам жить так же, в славу Божию.

---

[1] Сбор. л. 4, 129–131. 3, 18. 4, 15. 16; *Погодин М.П.* Исследования о русской истории. Т. IV, VI.

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. Отенские святцы 1719 г.: «положен был в соборной церкви св. Софии в приделе Рождества Богородицы во гробе аспидном; мощи на верху земли, службы нет». По описанию 1634 г.: «мощи его нетленны, а рука ему правая выспрь» (Чт. ОИДР. 1862. Кн. 4).

ВОСПОМИНАНИЕ о преподобном МЕФОДИИ ПЕШНОШСКОМ

Преподобный Мефодий еще в молодых летах пришел в пустыню к преподобному Сергию и под руководством сего великого наставника иноческой жизни провел несколько лет. Ревнуя жить в безмолвии, он по благословению Сергия удалился искать пустынное место и в версте от нынешней Пешношской обители, за рекою Яхромою, в дубовом лесу, на небольшом возвышении поставил себе келлию; место со всех сторон окружено болотами и лесами; место — вполне безмолвное! Здесь отшельник беседовал с одним Господом, — и очищал душу строгим постом и слезами. Однако жизнь его стала известна и, как живительный луч солнца, начала собирать к себе ревнителей подвижнической жизни; явилось к нему несколько учеников. Преподобный Сергий, посетив любимого ученика, дал ему совет построить обитель и храм на другом, более сухом и обширном, месте и благословил то самое, где ныне стоит обитель. Преподобный Мефодий, как послушный сын, исполнил волю наставника. Он сам трудился при строении храма и келлий, пеш нося деревья через речку. От того-то за обителью осталось навсегда имя Пешношской, и речку, при которой стоит она, назвали Петношей. Обитель Мефодия, основанная в 1361 году, была обителью трудолюбия для всех. Мефодий был ее игуменом; но только по подвигам труда, поста и молитв он был первым между братиею. Примером подвижнической жизни воспитал он добрых иноков. Строгий к себе, он был милостив к другим. По древним стихирам, составленным в честь его, каждый день при вратах обители его сидело множество нищих, и он питал их. По временам преподобный, как любитель безмолвия, удалялся за две версты от обители и здесь уединенно подвизался в молитве. Сюда же приходил к нему для духовных бесед преподобный Сергий. Потому эта местность названа была «беседой». Ныне здесь стоит часовня, и к ней бывает крестный ход 24 июня, так же как место начального уединенного жития Мефодиева в лесу поддерживается в памяти благоговейной другою часовнею. «Собеседник и спостник великого Сергия», так назы-

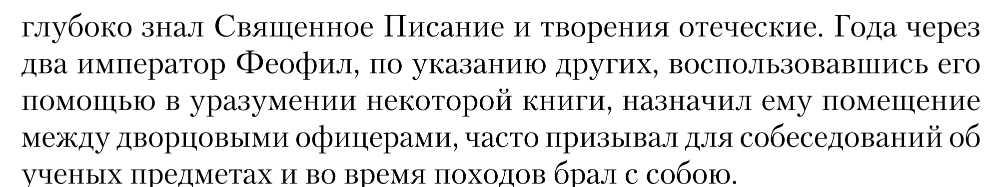
вается Мефодий в древнем тропаре, переселился в блаженную вечность спустя 8 месяцев после великого отца Сергия[1]. По рукописным святцам, «преподобный Мефодий, игумен Пешношской обители, ученик святому Сергию чудотворцу, преставился в л. 6900 (1392) м. июня в 14 д.» Мощи его почивают под спудом в церкви святых Сергия и Мефодия, а до 1732 года почивали они в часовне. При раке преподобного стоит посох его, а в ризнице хранится деревянный потир, с коим совершал он святую Литургию[2].

ПАМЯТЬ святого МЕФОДИЯ, патриарха Константинопольского

Родом сицилиец, из Сиракуз; в юных летах постригся на острове Хиосе, а в 811 году, как доверенное лицо, послан был патриархом Никифором к папе Римскому в звании апокрисиария и прожил почти девять лет. В 821 году возвратился с письмом папы Пасхалиса к новому императору Михаилу Косноязычному, но этот обвинил Мефодия в измене и приказал наказать телесно, причем ему повредили челюсть, и заточить на острове святого Андрея (близ Никомидии) в тесную яму, где уже содержался разбойник. Выпущенный по смерти Михаила (в октябре 829 г.), больше похожий на мертвеца и не имея ни волоска на голове, он жил в Константинополе частным человеком (потому что во всех монастырях были иконоборцы), посещал некоторые дома и кое-кого обратил на путь истины, потому что был святой жизни,

[1] Ркп. служба прп. Мефодию — в трех списках, из которых старейший писан в 1699 г. *Калайдович К.Ф.* Описание мужского монастыря св. чудотворца Николая.

[2] *Калайдович К.Ф.* Описание мужского монастыря св. чудотворца Николая. «Память преподобного празднуется в обители и в окрестных селениях июня 14 д.» (Там же). По другому источнику, прп. Мефодий преставился 4 июня 1392 г., а память празднуется в один день с памятью Мефодия патриарха, 14 июня (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V).

глубоко знал Священное Писание и творения отеческие. Года через два император Феофил, по указанию других, воспользовавшись его помощью в уразумении некоторой книги, назначил ему помещение между дворцовыми офицерами, часто призывал для собеседований об ученых предметах и во время походов брал с собою.

По смерти Феофила (20 января 842 г.) возведенный императрицею Феодорою на патриарший престол (12 февраля 842 г.), он созвал в Константинополе собор, на котором восстановлено почитание святых икон и положено ежегодно в первую неделю Великого поста совершать Торжество Православия. Скончался в 846 году.

ПАМЯТЬ
святого пророка
ЕЛИСЕЯ

Святой пророк Елисей был преемником пророческого служения святого славного пророка Илии. Когда Бог, явившийся Илии на горе Хориве, внушил ему помазать вместо себя пророка, то это определение свыше пало на Елисея, сына Сафатова, из Авел-Махолы. *...и нашел (Илья) Елисея, сына Сафатова, когда он орал; двенадцать пар [волов] было у него, и сам он был при двенадцатой. Илия, проходя мимо него, бросил на него милоть свою. И оставил [Елисей] волов, и побежал за Илиею, и сказал: позволь мне поцеловать отца моего и мать мою, и я пойду за тобою. Он сказал ему: пойди и приходи назад, ибо что сделал я тебе? Он, отойдя от него, взял пару волов и заколол их и, зажегши плуг волов, изжарил мясо их, и роздал людям, и они ели. А сам встал и пошел за Илиею, и стал служить ему* (3 Цар. 19, 19–21).

Видя усердие своего ученика, святой пророк Илия, приближаясь к кончине, сказал ему: *Проси у меня, чего ты желаешь, прежде чем я буду взят от тебя. Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне* (4 Цар. 2, 9), отвечал Илии Елисей, желавший более всего возможности совершать свое служение с чудодейственною силою для большего успеха... *Трудного просишь ты* (4 Цар. 2, 10), сказал Илия, однако исполнил просьбу своего последователя, когда *скрывался в вихре из глаз*

его... С тех пор Елисей ревностно предался пророческому служению своему, утверждая в вере народ Израильский и свидетельствуя о Духе Божием, в нем пребывающем, многочисленными чудесами. ...*и во дни свои не трепетал пред князем, и никто не превозмог его; ничто не одолело его, и по успении его пророчествовало тело его. И при жизни своей совершал он чудеса, и по смерти дивны были дела его*... (Сир. 48, 13–15).

Народ видел в Елисее посланника Божия, назидался словом его и, хотя не пришел к полному покаянию, все же отклонялся отчасти от служения языческим богам, к которым привлечены были многие израильтяне их нечестивыми царями.

Между многими поучительными обстоятельствами из жизни пророка Елисея замечательно, как он однажды отнесся к злобным детям... *И пошел он оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмехались над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка*... (4 Цар. 2, 23–24).

Страшная кара постигла несчастных неразумных детей... Казалось бы, что невменяемость детского возраста должна была избавить их от такой кары, которой могло бы подлежать разве только какое-нибудь страшное и сознательное преступление взрослого человека, совершенное в состоянии полной вменяемости и ответственности, а не простая, свойственная детям смешливость и шаловливость, ответственность за которую еще притом падает больше на их воспитателей, чем на них самих... Между тем кара совершилась. Прошли века, а память о ней уцелела и не перестает приводить в содрогание при мысли о кажущейся несоответственности ее с проступком детей...

Но если и волос с головы нашей не падает без воли Божией, то могла ли произойти страшная смерть 42-х детей без участия Промысла Божественного? И могло ли сказаться и исполниться над ними проклятие пророка, если бы это не было по высшему внушению и изволению? И не провидел ли духом пророк, что, навлекая проклятием смерть на детей, он избавляет мир от злодеев, которыми сделались бы впоследствии эти дети, дурно, без внушения добра воспитанные своими родителями, которые поэтому и подлежали безусловной ответственности за проступок детей... И не одной ответственности, но и каре. И на гибель детей не следует ли смотреть, как на кару, постигшую преимущественно родителей в вечное назидание и напоминание того, как строго осуждает суд Божий небрежность в деле воспитания детей...

Не повторялось такое наглядное проявление Божиего гнева, разразившегося над виновными детьми и родителями; но, тем не менее, факт этот, совершившийся однажды, свидетельствует навсегда о неизбежности строгой кары, которая должна постигнуть и тех, кто пренебрег святым делом воспитания, и несчастные жертвы недобросовестного воспитания, доведенные до преступления раньше или позже. И если и не будут они преданы на растерзание свирепым зверям, как те 42 детей, которые подерглись проклятию пророка, то в том или другом виде, но не менее страшном неминуемо отразятся последствия небрежности родителей в отношении к душевному воспитанию детей...

ПАМЯТЬ святого ИОАННА, митрополита Евхаитского

Иоанн (прозываемый Маврон), получив основательное образование, усердно был предан научным занятиям, извлекая из них, впрочем, главным образом пищу для души, руководство для своего спасения. В одном из стихотворений своих он пишет:

Веди меня, Слове, путем сим и сохрани!..
....
Пусть с книгами я буду, как пчела с цветами,
Питай меня наукою, как кузнечика — росою,
Чтобы не искать мне ничего, кроме спасения...

Удовлетворяя себя занятиями по душе, Иоанн вместе с тем желал делиться своими познаниями и с другими, желал посвятить свою жизнь образованию юношества. В 1050 году он был приглашен быть наставником словесности в Константинополе. Однако же из жития его видно, что, оставив свой наставнический путь, он избрал путь послушнический — инока. Был учеником аввы Дорофея младшего, подвижника Хиликомского в Трапезунте. При императоре Алексии Комнине в преклонных уже летах Иоанн был облечен в сан митрополита. При

этом же императоре Господь прославил достойного пастыря особенным откровением. Когда между почитателями святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста возникли споры о том, кому из них следует воздавать главную честь, и споры эти доходили до раскола, то святители явились Иоанну и сказали ему: «Мы — одно у Господа; в свое время каждый из нас, научаемый Святым Духом, писал, что нужно было для спасения других; между нами нет первого, нет второго. Итак скажи, чтобы спорящие о нас прекратили спор; одной любви желали мы для всех на земле, одной любви желаем мы на небе. Соедини нас в один день и назначь, когда и как хочешь, торжество в показание нашего единомыслия». Воля святителей была исполнена назначением празднования памяти их в 30 день января. Евхаитский пастырь скончался около 1095 года. Он оставил после себя много слов, посланий, канонов, в числе которых находится известный канон Сладчайшему Иисусу и Ангелу Хранителю[1].

ПАМЯТЬ
преподобного
ЕЛИСЕЯ СУМСКОГО,
Соловецкого подвижника

Из жизни Елисея только и известен один предсмертный его подвиг, в котором выразились и благочестие старца, и помощь высшая, ниспосланная достоинству его по заступлению преподобного Зосимы, в одно время с которым, вероятно, подвизался Елисей или недолго спустя после его кончины.

Подвижник-инок Елисей, чувствуя приближение смерти, пламенно желал принять схиму, но не было в том месте, где он жил, священноинока, который мог бы совершить пострижение. Поэтому старцы иноки решились отвезти Елисея в Суму (за 60 верст), где при монастырском подворье находился иеромонах. Путешествие приходилось совершать

[1] О сочинениях св. Иоанна см.: *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви.

по реке Выге, неудобной для плавания по быстроте течения и по множеству подводных каменных порогов; старцы часто смущались опасностями, но болящий ободрял их, говоря: «Не бойтесь, здесь с нами отец наш Зосима...» Благополучно вышли иноки в море и достигли реки Вирмы. Больной между тем все более и более изнемогал и сокрушался о лишении схимы. Настала ночь; на Вирме старцы наняли в помощь себе несколько гребцов для ускорения плавания. Когда они были посреди Сумской губы, то поднялась сильная буря, сломала мачту, разорвала парус, выбила весла из рук гребцов; к тому же была такая тьма, что плаватели едва могли различать друг друга. Все растерялись, гребцы роптали и укоряли иноков, но больной был спокоен; он, казалось, созерцал видение из иного мира... «Не бойтесь, не скорбите, братья! — говорил он своим спутникам, сам едва дыша от изнеможения. — Я вижу отца нашего Зосиму среди нас... он помогает нам...» Вскоре после того ветер начал утихать, волны улеглись, плаватели же, не знавшие, где они, очутились близ Сумской пристани, которую уже не надеялись видеть, отдавшись произволу волн в темноте ночной, без паруса и без весел... Пристав к берегу, старцы с ужасом увидели, что больной лежит без признака жизни, и радость их мгновенно превратилась в печаль... С горькими слезами они взывали к преподобному Зосиме: «Отец наш! надеясь на твои молитвы, какой мы вынесли труд, какую вытерпели в море беду, — и вот, теперь все это напрасно... что надеялись получить, не получили...» Но через несколько времени тот, кого считали мертвым, обнаружил движение и, как здоровый, осмысленно заговорил. Привезенный на подворье, Елисей принял пострижение в схиму и причастился Таин Христовых; затем, возблагодарив Бога и простившись со всеми, предал душу свою Богу. Тело его погребено было за алтарем церкви святителя Николая с южной стороны. Проходили годы, многими забыто было и имя его. Но спустя более столетия гроб Елисея обнаружился на поверхности земли — и вскоре последовали явления преподобного и исцеления от него болящим. Для удостоверения в действительности всего происходящего в 1668 году был послан в Сумской острог царский стольник Александр Севастьянович Хитрово, который по исследовании поставил над гробом преподобного небольшую часовню. Второе исследование происходило в 1710 году по указу архиепископа Холмогорского Рафаила, при Соловецком архимандрите Фирсе.

Исцеления с верою приходящих совершаются и поныне[1].

---

[1] Извлечение из «Соловецкого патерика».

ПАМЯТЬ преподобного НИФОНТА (по греческому месяцеслову)

Нифонт, сын священника в селении Лукови, в области Аргирокастрон, воспитан был дядею своим, бывшим экклесиархом в монастыре святителя Николая, основанном Константином Мономахом, на месте называемом ныне Месопотам. Всею душою проникнутый высоким содержанием Священного Писания, молодой Нифонт стал чужд всего мирского и всецело предался богомыслию и молитве. Едва только достиг он совершенного возраста, как был уже удостоен сана священства. Возрастая духом из силы в силу, почувствовал Нифонт непреодолимую потребность сосредотачиваться мысленно в полном безмолвии и уединении, поэтому удалился из монастыря на гору Геромериен, где и начал свой отшельнический подвиг под руководством одного опытного, уединенно подвизавшегося на этой горе старца с горы Синайской, но и это уединение «не удовлетворило пламенной души, жаждавшей безмолвия совершеннейшего и пустынных подвигов». Три года провел Нифонт на Афонской горе — в повиновении безмолвствовавшему отшельнику Феогносту, скрывая свое священство, пока Феогност не узнал о нем и по смирению своему отказался быть руководителем послушника-пресвитера. Тогда 14 лет провел Нифонт в соседственном скиту Великого Василия (в области лавры святого Афанасия) в крайнем безмолвии, раз в неделю только подкрепляя себя небольшим количеством хлеба сухого.

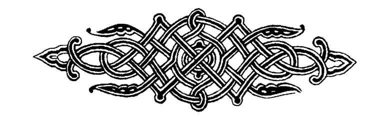
Такою бесстрастною жизнью стяжал подвижник высшие духовные дары, которые как бы предварили для него ангельское состояние при земном естестве, и был удостоен дара чудотворений. Прозорливо возвестил он о кончине своей послушнику своему Гавриилу и в то же время чудно исцелил его молитвою от смертельной болезни. В то время было моровое поветрие; Гавриил занемог; отец его сильно сокрушался о нем. Святой Нифонт, утешая его, сказал: «Не плачь, брат, сын твой, ради послушания моему недостоинству, теперь не умрет...» Потом помолился, и больной выздоровел. О себе же тогда Нифонт сказал: «Вот,

брат наш, Божией помощью, выздоровел, а я во время Петрова поста должен умереть...» Так и сбылось. В субботу первой недели, встав утром, Нифонт помолился, потом причастился Святых Таин и сказал своим ученикам: «Возлюбленные мои! вот, настало время отойти мне к Богу, Которого с детских лет возлюбил я всею душою моею». Видя смущение учеников, он прибавил: «Не смущаться и не плакать следует вам, но — радоваться, потому что во мне вы будете иметь молитвенника о вас перед Господом, только бы и сами вы исполняли заповеди Божии...»

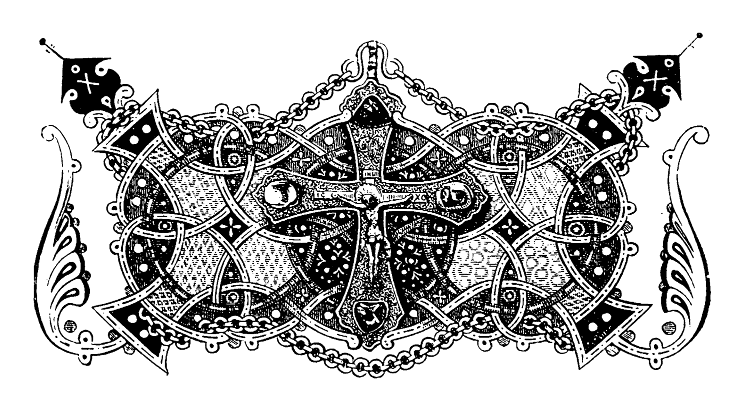
На другой день, приказав выкопать могилу и приготовить нужное для погребения, праведный человек Божий углубился в последнюю молитву, потом, попросив у всех прощения, благословил всех и, скрестив на груди руки, мирно отошел в Жизнь Вечную — 14-го июня 1330 года, на 97-м году жизни[1].

Какое наследство мог бы завещать он людям лучшее, чем воспоминание о такой блаженной кончине, увенчавшей такую святую, преисполненную стремления к Богу жизнь?..

Преподобной Иулитты (Юлии Тавеннской). О ней см. в житии святой Евпраксии младшей (25-го июля).

[1] Извлечение из: Афонский патерик. Ч. 1.

День пятнадцатый

ПАМЯТЬ блаженного АВГУСТИНА, епископа Иппонийского

Августин (Аврелий) родился в Тагасте Нумидийской области, в 354-м году. Благочестивая мать его Моника старалась воспитать его в духе христианского учения, но склонный к развлечению, легко увлекавшийся молодой Августин не поддавался влиянию матери и стоил ей многих слез. Одаренный, однако же, хорошими способностями, он пользовался, хотя и с недостаточным прилежанием, доставляемым ему научным образованием. В Мадавре слушал он уроки в словесных науках и отсюда отправился в Карфаген. В этом богатом городе встретил он еще более соблазнов и сверх того имел несчастие подпасть под влияние манихеев, соответствующее тогдашнему настроению души его... Манихейство оправдывало все его увлечения, ссылаясь на злое начало, оно льстило и воображению его и чувственным наклонностям. В знаменитой «Исповеди» своей Августин сам впоследствии так рассказывает об отношениях своих к манихеям: «Напал я на людей, гордо безумствующих, слишком плотских и говорливых; в устах их сети дьявола и яд, приправленный примесью слогов из имени Бога и Господа нашего Иисуса Христа и Параклита Утешителя нашего Духа Святого. Эти имена не отходили от уст их; звучали на языке их, но сердце их было пусто, чуждо истины». «Гордость моя утешалась, что я безвинен...»

«Что заставляло меня почти 9 лет, оставив веру, которую из детства внушали мне родители, следовать манихеям и слушать их? Что, как не то, что они устрашают суеверием и говорят, что нами вера овладевает прежде разума? Когда они никого не побуждают к вере, не исследовав наперед истины: кто не обольстился бы такими обещаниями? Особенно юноша с жаждою к истине, юноша надменный и говорливый от состязаний с некоторыми учениями школы? А они нашли меня таким...»

Еще изобильнее лились слезы благочестивой Моники при этом уклонении сына ее от истины Христова учения; она умоляла епископа употребить все старания к обращению ее погибающего сына... «Не может быть, чтобы дитя стольких слез погибло...» — отвечает ей епископ. И сбылись слова его. Не была напрасною перед Богом слезная молитва матери.

По смерти отца, не имея прежних средств к жизни, Августин стал преподавать риторику в Тагасте; потом, побуждаемый честолюбием, открыл под своим именем училище красноречия в Карфагене, но так как число учеников не соответствовало его самолюбию, то он, против воли матери, переселился в Рим. В 384 году он получил место преподавателя красноречия в Медиолане. Здесь встретился он со знаменитым святителем Амвросием Медиоланским; сначала он пожелал слушать святителя ради прославленного его красноречия, но мало-помалу еще более красноречивые по содержанию, чем по форме проповеди святителя Амвросия стали проникать в душу Августина, и он прозрел истину, скрывавшуюся от него, пока он пребывал под влиянием манихейства.

«Человек Божий принял меня отечески и епископски полюбил меня, странника, — пишет в своей исповеди Августин об Амвросии, — и я стал любить его сперва не как наставника истины; нет, я совсем не надеялся найти сего в Церкви твоей, но как человека благосклонного ко мне; не учиться хотел я тому, что говорил Амвросий, а только слушать, как он говорил; но вместе со словами, которые любил я, входили в сердце мое и предметы, на которые не обращал я внимания; я не мог отделить их, и когда открывал я сердце, чтобы чувствовать, как прекрасно говорит он, входило то, как справедливо говорит он, и это — постепенно... И так положил я до тех пор состоять оглашенным в Церкви, пока не откроется ясно, куда направить мне путь...»

Между тем стал внимательнее Августин заниматься и чтением Священного Писания и все более и более прозревал истину и сознавал самого себя. Поразило его, между прочим, повествование об отшель-

никах египетских. «Что это такое? Что мы делаем? — говорил он другу своему Алипию. — Неученые спешат и прежде нас восхищают Царствие, а мы с душевною нашею ученостью погружены в плоти и крови. Должны ли мы стыдиться следовать за ними потому только, что они впереди нас? Напротив, не стыднее ли не собраться с силами и для того, чтобы идти по следам их?»

Однажды, во время переворота, совершавшегося в духе Августина, в то время, когда «все в жизни колебалось» для него, среди пламенной молитвы из глубины растерзанной души услышал он голос: «Возьми читай, возьми читай!» Встав, взял он книгу и на первой открывшейся странице прочел:

Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти... (Рим. 13, 12–14).

С этой минуты совершилась благодатная перемена с сыном Моники, вымолившей у Бога спасение его, и печаль матери в радость обратилась... В 387 году он принял крещение от святителя Амвросия Медиоланского. По смерти матери Августин раздал все имение бедным, принял иночество и три года провел в уединении и строгих подвигах. В 391 году Валерий, епископ Иппонский, против его воли посвятил его в пресвитера, а в 395 году настоял, чтобы Августин был посвящен в епископа — викария его. Подготовясь многою молитвою, Августин вступил в звание проповедника, устроил монастырь со строгими правилами общежития, предал всего себя служению вере: то писал против манихеев, то занимался изъяснением Священного Писания. По смерти Валерия в продолжение 35-ти лет был деятельным пастырем Иппонским и словами и писаниями боролся с еретиками; старался действовать на них любовью, но жестокости и даже злодеяния донатистов заставили его укрощать их и строгими мерами, не допуская, однако же, смертной казни. «Мы не жалуемся на них, мы не гоним их, — говорил Августин, — и для нас будет весьма больно, если страдания (которым они подвергают) рабов Божиих будут отмщены воздаятельными казнями». В 411 году начал действовать и против ереси Пелагия, но в сочинениях своих не называл его по имени — ради того, «чтобы оскорбленный противник не сделался неизлечимее». С терпением великим и твердостью вел борьбу с Пелагием, который то был осуждаем в Риме, то находил себе защиту и оправдание.

Мирно скончался блаженный Августин 28-го августа 430 года во время осады Иппона вандалами. Оставил после себя множество сочинений, число которых по удостоверению ученика и жизнеописателя его Поссидия простирается до 1030.

Проповедование Слова Божиего было любимым занятием Августина, которого он не оставлял даже тогда, когда в изнеможении едва мог говорить. Более всего заботился о том, чтобы быть понятным и назидательным: «Пусть лучше, — говорил он, — порицают нас грамматики, чем не понимает народ». Красноречивым излиянием высоких чувств и постижений Августин нередко производил спасительное действие на души. К наиболее влиятельным из нравственных его сочинений принадлежит его «Исповедь» — в 13-ти книгах.

«Похвалы этого мира, — писал Августин к графу Дарию, посылая ему это сочинение, — гораздо опаснее гонений. Смотри в этой книге, кто я; ты должен верить мне, когда я сам о себе представляю свидетельство, и не слушать, что говорят другие... Прославь вместе со мною благого Бога за великое милосердие, какое явил Он ко мне, и моли Его, чтобы докончил Он во мне начатое Им и не попустил, чтобы я впал в развращение...»

Вообще, все написанное Августином надолго осталось законом для Запада, и его можно почитать одним из влиятельнейших отцов Церкви. Так и на VII Вселенском Соборе назван он «великим учителем и плодовитым писателем Церкви»[1].

ПАМЯТЬ преподобного ОРСИСИЯ ТАВЕННИСИОТСКОГО

Орсисий был одним из самых ревностных учеников преподобного Пахомия Великого (память его 15-го мая), которому еще в молодых

[1] О сочинениях Августина см.: *Филарет Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859.

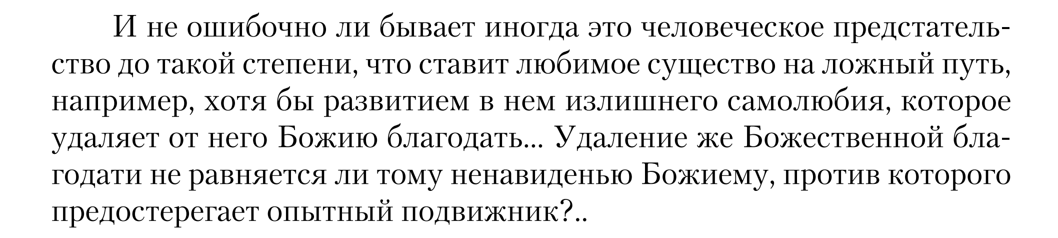

годах было поручено заведовать Хеновосской киновией. «Говорю вам, что Орсисий сияет в доме Божием, как светильник золотой», — отозвался о нем однажды преподобный Пахомий в разговоре со своими учениками. «Орсисий — Израиль видящий Господа», — выразился о нем и преподобный Антоний. По смерти Пахомия Орсисий, хотя и против собственной воли, был избран начальником Тавеннисиотских иноков. При благочестии Орсисий обладал и глубоким знанием Священного Писания, и даром слова, и «сила слова его, казалось, росла в нем на утешение братий», говорит о нем один из современников. «Не малое время» вел Орсисий трудное дело управления многолюдною Тавеннисиотскою обителью и скончался в глубокой старости не позже 376 года.

Он оставил после себя вместо завещания перед смертью — изъяснение Ветхого и Нового Завета — в кратких размышлениях для нужд иноческих, написанное на египетском языке, которое было переведено на греческий и блаженным Иеронимом на латинский язык.

В наставлении инокам преподобный Орсисий, убеждая их жить по заповедям Божиим, обращается к начальникам общежития и старцам келлий с следующими словами: «Не переставай увещевать каждую душу, вверенную тебе, учи святой жизни. Будь сам примером добрых дел, сильно берегись одного любить, а другого ненавидеть, чтобы не возненавидел Бог того, кого ты любишь...»

Странные это, по-видимому, слова... и странные слова: о ненавидении Божием... Но не принять ли их в том смысле, что излишнею заботливостью и пристрастною любовью к человеку мы, во-первых, как бы устраняем от него высшее попечительство, во-вторых, не будучи в состоянии быть ему вполне полезными по нашей человеческой немощи и слепоте, скорее вредим ему крайнею привязанностью, присваивающею себе какое бы ни было усердное, но все же недальновидное промышление о нем, вместо того чтобы всецело предавать его Премудрому Промыслу Божиему, и таким образом как бы препятствуем действию Промысла совершаться над ним... Не такое ли уклонение Бога от человека, составляющего предмет излишней привязанности к нему другого человека, приравнивает преподобного Орсисий к «ненавидению Божиему», т. е. предоставлению пристрастно, излишне любимого человеком человека — недостаточному человеческому же и предстательству, против которого и в молитве выражается опасение: «Человеческому предстательству не вверь меня!»

И не ошибочно ли бывает иногда это человеческое предстательство до такой степени, что ставит любимое существо на ложный путь, например, хотя бы развитием в нем излишнего самолюбия, которое удаляет от него Божию благодать... Удаление же Божественной благодати не равняется ли тому ненавиденью Божиему, против которого предостерегает опытный подвижник?..

ПАМЯТЬ
святых апостолов от 70-ти
СТЕФАНА и ФОРТУНАТА

Крестил я также Стефанов дом, — говорит святой апостол Павел (1 Кор. 1, 16). Святой Фортунат был учеником святого Павла: *Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика*, — говорит о них апостол Павел, — *они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых* (1 Кор. 16, 17–18). Апостол Фортунат проповедовал Евангелие и во время проповеди претерпел мученическую смерть.

ПАМЯТЬ
святых мучеников
ВИТА, МОДЕСТА и КРИСКЕНТИИ

Святой Вит, сын знатных родителей из города Мазары в Сицилии, в отроческих летах научен был истинной вере приставниками и воспитателями своими Модестом и Крискентией. Когда в 289 году правитель

Сицилии Валериан издал повеление о публичном всеми чествовании богов языческих, то двенадцатилетний Вит обратил на себя внимание усердием к христианству и отвращением от идолов. Ни угрозы, ни бичевания не смогли заставить его воздать поклонение и принести жертвы идолам; посему и был он вместе с своими воспитателями подвергаем лютым пыткам, после коих и преставился ко Господу. Мощи его в IX веке перенесены из Рима в Прагу Чешскую по благоволению пап к новопросвещенным тамошним христианам.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя МИХАИЛА, митрополита Киевского

В великой церкви Киевской лавры с 1730 года открыто почивают мощи святителя Михаила, митрополита Киевского, перенесенные сюда из Антониевой пещеры[1]. Кальнофойский в своем описании Антониевой пещеры (1638 г.) говорил: «Здесь лежит святой митрополит Михаил, тот, который был послан Цареградским патриархом с крестившимся Владимиром Святославичем для крещения Руси и крестил ее»[2].

Что говорят нам древние памятники о великом святителе Михаиле?

К сожалению, преподобный Нестор в своей летописи ни слова не сказал о первом митрополите Михаиле, как не сказал он и о двух преемниках его[3]. Тем не менее, не остаемся мы без известий древних

---

[1] Надпись на раке святителя (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры). Митр. Евгений говорит, что по этой же надписи свт. Михаил погребен был в Десятинной церкви и в Антониеву пещеру перенесен при игум. Феоктисте в 1103 г. (см.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры; *Он же.* Описание Киевософийского собора. Киев, 1825). В надписи нет этих известий: откуда взяты они, неизвестно. Но в том нельзя сомневаться, что в Антониевой пещере мощи св. Михаила положены гораздо после 991 г., так как в этом году еще не было Антониевой пещеры.

[2] *Афанасий (Кальнофойский).* Тератургима.

[3] Писали неосторожно: «мы знаем по летописи Несторовой, что святитель Михаил был родом из Сирии, и во время крещения Владимирова прислан был к нему (к кому? к крещению?) в Херсон».

о первом митрополите Киевском. Современный святому Владимиру западный писатель говорит, что при Владимире «греческий епископ пришел в Россию и обратил к христианству самую средину страны»[1]. Длугош, повторявший Несторову историю святого Владимира, относительно епископа, действовавшего при крещении киевлян, повторяет известие западного современника Владимирова, но точнее определяет это известие по указаниям Нестора. Он пишет, что вместе со священниками, крестившими народ в Днепре, действовал епископ «Корсунский» или прибывший из Корсуня[2]. Ничего нет удивительного, если западные писатели называют блаженного Михаила епископом: и Нестор включает митрополита в число епископов[3]. Для нас важно то, что при крещении России Владимиром, по верным памятникам, действовал святитель, хотя Нестор и не упоминает о нем. В летописи Иоакима читаем следующее: «Владимир послал в Царьград к царю и патриарху просить митрополита; весьма обрадованные тем, они прислали митрополита Михаила, человека ученого и благочестивого, родом болгарина, и с ним четырех епископов, многих иереев, диаконов и демественников из славян»[4]. По грамоте святого князя Всеволода и по памятникам XII века, блаженный Михаил, первый митрополит Киева, действовал с апостольскою ревностью при введении святой веры в Россию[5]. В Киеве всего естественнее было сохраниться памяти о первом митрополите Киева. И этот отзыв сохранился из времен до-татарских. Митрополит Сильвестр, показывая в Антониевой пещере мощи первого митрополита Михаила, указывает на надпись пещерную древнюю: «надпись, говорит, висит издавна», и конечно с того времени, как положены мощи святителя Михаила в Антониевой пещере. По надписи, вот какое известие сообщает он о святителе Михаиле: «Когда крестился русский государь

---

[1] Монах Адемар (см.: *Naruszewicz*. Historia narodu polskiego).

[2] Populus Ruthenorum — in flumine Dniepr ab episcopo Corsunensi et presbyteris ex Graecia adductis baptisatur (*Jan Długosz*. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae, lib. I–XII. Lib. I). Слова Длугоша повторяют Меховита: per episcopum Korshcimiensem (*Maciej Miechowita*. Chronica Polonorum) и Стрыковский: od. biscupa Korsunskiego... (*Maciej Stryjkowski*. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi).

[3] Под 1090 г. говорит он, что Переяславская церковь освящена «Ефремом митрополитом», а в следующем году «собрашася епископи Ефрем Переяславский» и проч. (Собр. л. 1, 89. 90).

[4] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1.

[5] Переяслав. л., стр. 34; Супральск. л., стр. 10. Грамота Всеволода см. в: Православный Собеседник. 1861. № 3; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 2.

Владимир Святославич, то взял от патриарха первого митрополита Михаила; он, прибыв в Киев, освятил Святым Крещением русский народ и научил правой вере; за такие подвиги и жизнь благочестивую он поныне лежит нетленным в пещере святого Антония, как свидетельствует таблица, издавна висящая над ним»[1]. По степенной книге и Никоновой летописи, блаженный Михаил, выпрошенный Владимиром у патриарха еще в Корсуни, не только усердно действовал в Киеве для святой веры, но сам отправлялся в 990 году в Новгород, а с 991 года в Ростов для проповедования Святого Евангелия. По тому и другому памятнику, он был «учительный, очень образованный, великий по жизни, весьма милостивый и кроткий, а где нужно, и строгий; после того, как много перенес он трудов для Господа, истреблял идолов, многих неверных обратил к христианской вере, мирно он почил в 992 году. Благоверный Владимир любил его и, когда умер он, сильно скорбел» о скорой потере его для новой церкви, «так что едва могли утешить его»[2]. По рукописным святцам, он преставился 15 июня 992 года[3].

Вот все известное о жизни святителя Михаила.

† УБИЕНИЕ преподобных ГРИГОРИЯ и КАССИАНА АВНЕЖСКИХ

Когда преподобный Стефан Махрищский полагал основание Махрищской обители, блаженный Григорий владел участком земли,

---

[1] *Сильвестр (Коссов), митрополит.* Патерикон или жития св. отцов печерских.

[2] Никон. л. 1, 92–94. 103. 101; Книга степенная. Ч. 1. В последнем только одно известие о свт. Михаиле, что будто он родом из Сирии, не может быть принято критикою, так как оно невероятно само по себе, тогда как известие Иоакимовой летописи — самое естественное.

[3] Ркп. святцы: «святой первый митрополит Михаил, иже крестил Русскую землю, преставился в л. 6500 м. июня в 15 д. и положен был в пещере». И по описанию лавры до 1730 г. память свт. Михаила праздновали 15 июня, а после того положена память 30 сентября (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры).

невдали от бедной обители[1]. Воспламененный любовью к Господу, Григорий отдал все, что имел, и себя самого в распоряжение святого пустынника и удостоен был после иночества сана священства. Когда преподобный Стефан удалился из обители, чтобы жить в безмолвной пустыни, он взял с собою любимого ученика Григория, и они прошли в глухие леса глубокого севера. В Вологодской стороне, в Авнежском княжестве, что в нынешнем Тотемском уезде, поселились они близ реки Сухоны. Здесь у потока, называемого Юрьевым, поставили они (1370 г.) храм Святой Троицы и потом другой в честь великомученика Георгия. Им щедро давал пособия богатый землевладелец Константин Дмитриевич, который потом и сам принял монашество с именем Кассиана. Вскоре Авнежская обитель прославилась в окрестности; великий князь Димитрий Иоаннович прислал от себя монастырю вклады, но отозвал преподобного Стефана в его Махрищскую обитель. Преподобный Григорий остался начальником Авнежской обители, а Кассиан был при нем келарем. Они подвизались усердно для своего спасения и удостоились страдальческой кончины. В 1392 году обитель их разорена была вятскими татарами, а сами преподобные Григорий и Кассиан июня 15 были убиты. По внешнему виду преподобный Григорий был уже сед и несколько плешив, а Кассиан с густыми волосами на голове, с недолгою и простою бородою. — Место обители их считалось собственностью Махрищской обители, но по кончине их совсем запустело и поросло лесом; так боялись тогда диких татар! В 1524 году авнежский селянин при чистке леса нашел мощи преподобных Григория и Кассиана; над ними поставили часовню. Завладевший участком земли, где была обитель, домогался, по страсти к корысти, уничтожить часовню; но впал в тяжкую болезнь и в раскаянии получил исцеление при могиле преподобных пустынников. Махрищский настоятель Варлаам царским иждивением построил (1560 г.) над гробом преподобных монастырь с храмами Святой Троицы и великомученика Георгия, как это было при жизни их. Митрополит Макарий поручил Вологодскому епископу Иоасафу освидетельствовать мощи, и затем установлено совершать местно память преподобных Григория и Кассиана 15 июня. Обитель упразднена в 1764 году, но придел Троицкого храма остается посвя-

[1] *Иоасаф, иером.* Сказание об обретении мощей прп. Григория и Кассиана (см.: июньская минея Сергиевой лавры); его же житие прп. Стефана (см.: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы).

щенным имени преподобных, а на гробнице стоит древняя икона их с изображением деяний[1].

СТРАДАНИЕ святого ЛАЗАРЯ, князя Сербского

Блаженный Лазарь[2] не был из потомков владетельного дома святого Немани[3]. В честь святого Стефана Немани те всегда соединяли с собственным своим именем имя Стефана. Но он был женат на Милице, происходившей от святого Стефана Немани, чрез второго сына его Волкана[4]. Потому и он писался Стефан Лазарь. Звание князя дозволил ему носить царь Душан, как родственнику Неманичей.

При царе Уроше он был правителем Сремской Придунайской области. Когда в 1371 году погиб похититель царской власти последнего Уроша, Лазарь, не объявляя себя владетелем всей Сербии, употреблял меры к поправлению печального состояния ее. Прежде всего, обратил он внимание на дикие своеволия областных правителей. Герцеговинский

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. В ркп. уставе Румянцева 1608 г. (*Востоков А.* Описание рукописей Румянцевского музеума. № 449): «июня 15 явление мощей прпп. отец наших Гурия (Григория) и Кассиана, иже в Аввеге». Служба им в ркп. 1592 г. у Царского № 563. В 1662 г. за Авнежским монастырем 18 дворов. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2.

[2] Житие св. кн. Лазаря см. в: Гласник. Кн. 11. Очень бедно по содержанию: это набор напыщенных, диких фраз, обличающих бедность мысли сочинителя. Чтобы видеть кн. Лазаря, надобно пересмотреть другие памятники былого.

[3] Лазарь был из боярского дома Гербляновичей (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3; Сербляк л. 144). Сам Лазарь говорит, что у него «брат чельник Млье и сестра Драгана» (Хиландар. грам. 1381 г.).

[4] Описатель жизни св. Стефана деспота, сына Лазарева, пишет: «Вулкан второй сын Симеона, брат же Саввы, великий князь, роди сына Жупана Димитра, в иноческом сане Давид именовался и светый, созда церковь при реке Лиме в месте Бродареве. Сей же роди сына Вратислава князя. Вратислав же роди Вратка князя; Вратко же роди дщерь Милицу. Сия же была супружница великого князя Лазаря». То же цароставник (см.: *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3; Никон. л. 2, 289).

наместник Николай Алтаман более походил на атамана разбойничьих шаек, чем на охранителя покоя и нравственности общественных: с шайками подобных себе испорченных людей он нападал на соседей и производил грабежи и убийства. Князь Лазарь с сильными отрядами преследовал его из одного места в другое; тот заперся в крепости Ужице; осадив его тут, Лазарь довел дело до того, что Алтамана выдали Лазарю. Князь приказал лишить его зрения и вывести за границу. Потом разбил он у Браничева Радича Бранковича. Для довершения победы над разрушительным своеволием мечтательных кралей, Лазарь прошел с войском Далматию и Боснию[1]. Выгнав венгров из Срема и Мачвы, присоединил к Сербии знатную часть по правую и левую сторону реки Тиссы до нынешнего Темесвара. Для того, чтобы наместники не отделяли личных интересов от интересов всей Сербии, он выдал за них дочерей своих. После таких подвигов Лазаря вся Сербия объявила его верховным властителем Сербии[2].

Церковь Сербская примирена была благочестием его с патриархом Цареградским. Тот негодовал на правителей Сербии за присвоение Сербскому архиепископу звания патриарха и за провозглашение Сербского владетеля Душана царем. Особенно это негодование стало сильно тогда, как царь Душан, завоевав греческие области, подчинил ведению Сербского патриарха церкви, дотоле бывшие в ведении Константинопольского патриарха, и выслал из своих областей греков епископов. Деспот Иоанн Углеш в 1368 году передал церкви своей области ведению Цареградского патриарха[3]. Блаженный Лазарь положил устроить дела мирным соглашением. По определению собора послан был умный инок Исаия в Константинополь. На соборе Цареградского патриарха определено оставить в силе права независимого Сербского архиепископа, предоставить ему и звание патриарха, но с тем, чтобы пользовался последним только в Сербии.

Новый патриарх блаженный Ефрем возложил царский венец на князя Лазаря[4].

---

[1] Марко, сын Вулкашина, называл себя Призренским королем; Владимир, незаконный сын Душана, также писался на монетах королем (Гласник. Кн. 8).

[2] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3. Летопись в Гласнике (Кн. 1, 5, 9). Сын Вулкашина отказался и на общем собрании признавать верховную власть Лазаря; но Лазарь скоро выгнал его из Призренского королевства его (Тронош. лет. § 40, 41).

[3] Acta patriarch. Constant. 1, 558; Uindob. 1860; Гласник. Кн. 8.

[4] О постановлении второго патриарха Сербии см: *Востоков А.* Описание Румянцевского музеума; *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3; Синаксарь

Десять лет после того Сербия наслаждалась спокойствием полным. Лазарь вызвал жителей в города, разоренные в несчастное время. Богатые рудники серебра, разрабатываемые в горах, оживили промышленность и торговлю.

Благочестие Лазаря открылось во многих опытах:

а) Грамотою 1380 года «благоверный Стефан князь Лазарь» дал больнице Хиландарской село Елчаницу[1] и он же распространил главный Хиландарский храм пристроенною папертью. В том же 1380 году пожаловал он построенному им храму Введения Богоматери в Горнаке несколько сел для основавшейся тут иноческой общины[2].

б) Русскому Пантелеимоновому монастырю «князь Серблем и Подунавию» грамотою 1381 года дал село Длабе и ему же в том же году отдал Спасскую церковь в Хвостне[3], — приняв на себя звание ктитора монастыря Пантелеимонова[4].

в) «В подкрыльи горы Кучайны, — писали впоследствии в Москву, — находится царская священная обитель, называемая Олешковицы, в которой храм Святой Троицы есть строение святого между царями мученика, князя Лазаря»[5].

г) Особенным же памятником ему служит «Задушбина» его, монастырь Раваница. В грамоте своей 1381 года писал он: «Ревнуя бывшим прежде меня царям благочестивым, на престол коих вознес меня Бог, решился я принести посильную жертву: построил с основания монастырь в честь Вознесения Господня и посильно украсил его, приготовил

Сербляка лет. 145. На монетах «князь Лазарь», но в Византийской короне и со скипетром в руке (Записки Императорского Русского археологического общества. Т. 1; Гласник. Кн. 5). По другим памятникам, он то князь, то царь; последнее означало, что народ уважал его как царя, хотя он и не носил имени царя. СерблЯк (л. 145) говорит, что примирение Константинополя с Сербской Церковью было при патр. Феофане; но в 1376 г. патриархом Константинопольским был Филофей, столько же кроткий, сколько умный и просвещенный. В другом месте (л. 152) и СерблЯк говорит, что примирение последовало при патр. Филофее.

[1] *Григорович В.* Очерк путешествия. Грамота напечатана в Гласнике (Кн. 11).

[2] *Вуич, Иоаким.* Путешествие по Сербии. 1828; Гласник. Кн. 4.

[3] *Порфирий (Успенский).* Указатель актов; *Григорович В.* Очерк путешествия. Грамота напечатана в: Христианские Чтения. 1853. № 11.

[4] *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

[5] Это писано в 1583 г. Тогда приходили в Москву из Сербии за милостынею «Троицкого Олешковского монастыря священник Иоаким и Вознесенского монастыря священник Авксентий» (*Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858–1860 (далее — *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком. — *Ред.*)).

жилья для общежития братии, установленного апостолами. Достаточно приготовил всего: доходы и села, насадил виноградники, другие купил... Все, что отдаю я, не составляет ничьей собственности, — не учинил я никому насилия, все или куплено, или приобретено мною, как кто хотел... Пусть не поставляется игумен со стороны; 12 благоговейных братий, по совещанию с князем, избирают из монастырской братии и, положив руку на Евангелие, скажут: сей достоин быть наставником общежитию нашему и пасти Христово стадо»[1].

д) Князь Лазарь заботился и о поддержании христианского просвещения в народе[2].

Страшные беды близились к Сербии. Азиатские дикари турки уже утвердились в Румелии, взяв Одрин-Адрианополь. Болгария почти вся пала пред ними. Эпир и Албания признали зависимость от султана. Насилия турок не знали пределов.

В 1387 году Лазарь заманил в теснины Эпирские 20000 турок, и едва спаслось 500 из них от меча Лазарева[3]. Гордые османы заскрежетали зубами: они поклялись истребить сербов. Управившись с другими делами, султан Мурат двинул 300 000 войска против Сербии. Он потребовал от Лазаря или полной покорности, или решительного боя. Князь почтительно отвечал (мая 24-го 1389 г.): «Я получил писание ваше и понял, что вы повелеваете, чтобы пришел я к вам, принес дань и покорность и не назывался бы ни князем, ни королем. Все это не в моей власти. Меня поставили князья и вельможи всей Сербской земли. Я не могу покориться тебе, не нарушая клятвы, данной народу. Да и полезно ли это будет для тебя? Потерпи нам, подожди на месте, где остановился.

Я соберу народ мой. Если он скажет, чтобы покорился я, пред всеми поклонюсь тебе. Если же не захотят того, я должен с ними выйти против тебя. Так я клялся им. Преследуя меня одного, ты будешь разорять землю. В таком случае хотя бы не хотел, я должен стать против тебя». Султан обещал ждать ответа 17 дней. Некоторые из бывших при князе областных начальников советовали покориться. Но Лазарь отвечал им то же, что султану. Посланы были грамоты ко всем областным начальникам немедленно явиться с войском, если не хотят быть данниками

---

[1] *Востоков А.* Описание Румянцевского музеума. Диплом издан в «Сербской летописи» за 1847.

[2] По воле сына его Волка, при патр. Спиридоне, когда патр. Ефрем жил на покое, написан летовник Георгия Амартола (*Григорович В.* Очерк путешествия).

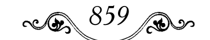
[3] Летопись в Гласнике (Кн. 1, 11).

султана[1]. Сильный Захолмский князь не успел прийти к сроку за отдаленностью. У Лазаря собралось до 60 000 войска. Оставалось идти с таким числом против 300 000. Июня 15 дня 1389 года должна была произойти решительная битва. Этот день Лазарь каждый год праздновал; в этот день он положил основание своей Задушбине — Раванице. На этот раз накануне дня праздничного собрались к Лазарю для советов о битве. Лазарь был грустен. Рано утром следующего дня, по совету святителя, князь причастился Святых Таин, причастилось и все войско. Милош и три друга его поспешили в стан Мурата[2]. Он просил провести его в шатер Мурата, чтобы открыть тайну. Явясь пред султаном, он поклонился ему и в ту же минуту выхватил меч и пронзил Мурата. От ужаса оцепенели слуги султана. Милош и три друга его бросились на коней, но их окружили и изрубили. Если бы сербы воспользовались смятением, последовавшим за смертью султана, — напали на турок: победа полная была бы на их стороне. Но Вук Бранкович, тайный приятель сына Вулкашинова, действовавшего теперь за магометан, распространил слух, что Милош отправился предателем в стан вражеский, и в стане Лазаря явился страх. Князю Лазарю пришлось возбуждать мужество в дружинах сербских. Между тем сын Мурата — Баязет — явился предводителем турецкого полчища. Одушевленные Лазарем сербы решились дорого продать свою жизнь. Центром и крылом правым начальствовал Лазарь, левым крылом — Юрий Кастриот с албанцами. Вук Бранкович вызвался стоять с запасным войском позади, чтобы подкрепить сражающихся, когда явится нужда. Быстрый напор турок встречен был холодно, и немного спустя враги начали мешаться. Задние отряды, выдвинутые Баязетом, возобновили жестокую сечу. Пять часов продолжалась битва. Пора было подкрепить сражающиеся войска сербов, но Бранкович не трогался с места. Лазарь бился в первых рядах; раненый, на истомленном коне он бросился сменить коня. Сербы дрогнули. Явясь снова в ряды своих, Лазарь силился удержать

[1] Письмо султана и ответ кн. Лазаря сохранились в летописи, изданной в Гласнике (Кн. 5).

[2] Гласник (Кн. 4) выставляет достоверное предание, что Милош Обилич, зять кн. Лазаря и воевода Браничевский, основал близ Голубца мон. Тумане, поныне существующий. Милош ненамеренно застрелил инока Зосиму на молитве. Этот несчастный случай вызвал Милоша построить богатый монастырь. Не тот же ли несчастный случай усилил в нем решимость — пожертвовать своею жизнью, лишь бы убить страшного врага веры и отчизны — Мурата?

пошатнувшихся. Враги, пользуясь колебанием сербов, ударили на них всеми силами. Сражавшиеся сербы то пали от меча, то взяты в плен; цел остался Бранкович, не тронувшийся с места со своими дружинами. Князь Лазарь, покрытый 16 ранами, взят был в плен и приведен с несколькими из своих к Баязету. Крепость сил была у него гигантская: он мог одним ударом рассечь двух людей с лошадью. Но теперь он был весь израненный. «Отрубить ему голову», — сказал султан. «Нет, прежде пусть мы лишимся жизни — не хотим видеть смерти его», — сказала дружина князя. Так умер христианский князь[1].

Тело страдальца князя, едва найденное, погребено в ближайшем храме Приштинской епископии. Спустя два года и 8 месяцев оно оказалось нетленным и тогда перенесено в Задушбину князя — в Раваницкий монастырь; здесь оно положено было в мраморном гробе. Тогда же написана была служба святому князю Лазарю. В ней молились: «Иже вьса приведы от небытия в бытие, Иже от Девы неискусомужния нас ради въплъщее, Измаила врага покори борющего нас, деспоту нашему победу даруй молбами твоего Лазаря и Рождъшее Те, Слово Божие»[2]. В 1683 году, во время войны турок с немцами, старая Раваница совсем была опустошена магометанами, и иноки ее перенесли мощи святого князя в одну из обителей Фрушской горы, названную новою Раваницею[3].

Современный описатель подвига святого мученика Георгия Софийского пишет: «Когда князь Лазарь побежден был турками на Косовом поле, его одного прославил Бог: тело его доныне пребывает невредимым, чему был я очевидец; глава его отсечена и обагрена кровью; смотря, дума-

[1] Известие современного русского паломника Игнатия; Никон. л. 3, 161 и в сказаниях Русского народа, Два сказания XV в. о Косовской битве см.: *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. Там же — народные сказания. Из них одно в полном виде напечатано в: Чт. ОИДР. 1860. Об историческом достоинстве их давно сказал Раич: «о Милоше в простой повести сказуемое на басни походит» (Троношская л. в Гласнике (Кн. 5)). В Сербском прологе XIV в. под 15 июня: «в си же день, а в л. 7897 (1389), был бой князя Лазаря с Амуратом царем на Косове поли и ту многа труппя падоше от христиан и турок. Сербле бо испрева разбили беху и царя Амурата убыше. И за пробежение некоих от Сербских войск преодолеша турци и было великое сражение. Убыше же и славного Сербского господина, кн. Лазаря. Все же погубенные и кровь свою пролявше христиани Бог сподоби с всеми пострадавшими за имя Его, Ему же слава» (Гласник. Кн. 10).

[2] Никон. л. 3, 244. «Видится ныне яко жив в той, юже сам созда великую обитель, глоголему Раваницу».

[3] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3. Сказание напечатано в Гласнике (Кн. 12). Ныне Раваница кн. Лазаря опять с иноками, хотя и немногими (Православная Сербская Церковь (*Дантон, свящ.* Сербия и сербы) //Христианское чтение. 1865. Ч. 2).

ешь, как будто ныне она отсечена; — испускает благовоние... Ведь и Мурат тогда же убит и с ним пало несчетное число турок: и однако не явились знамения ни на начальнике, ни на подчиненных, — все истлели»[1].

Живыми чувствами исторической правдивости дышат слова, вышитые золотом вдовою деспота Углеша инокинею Евфимией на шелковом покрове, приготовленном для Лазаревой гробницы. «Среди благ мира сего воспитывался ты от юности, о новый мученик, князь Лазарь! Крепкая рука Господня являла тебя крепким и славным между властителями земли. Господствовал ты над страною отечественною и врученных тебе христиан утешал счастьем. Мужественною душой и с решимостью святого вышел на змия супостата Церквей святых. “Нельзя терпеть того, положил ты, чтобы христианами обладали измаильтяне; если же нельзя того достигнуть, пусть обагрюсь кровью моею, соединюсь с воинством Царя Небесного”. Два желания твои исполнились. Змия убил ты и получил венец от Бога. Не оставляй же в забытье детей твоих, оставшихся сирыми после отшествия твоего. Ты переселился к небесным радостям, а любезные дети твои — в скорбях тяжких. Ими обладают измаильтяне. Все мы требуем помощи твоей. Молим тебя: молись общему Владыке за возлюбленных чад твоих и за всех с любовью служащих им. Много скорбей тяготеют над детьми твоими. Вкушающие хлеб их поднимают на них ковы, забыв твои благодеяния, мученик! Ты переселился с земли, но знаешь страдания детей твоих, и как мученик имеешь дерзновение пред Господом. Приклони колени пред венчавшим тебя... Странную меня ты покоил телесно: ныне прошу о сугубом — утиши жестокую бурю души и тела моего. Евфимия усердно приносит тебе сие, святой»[2].

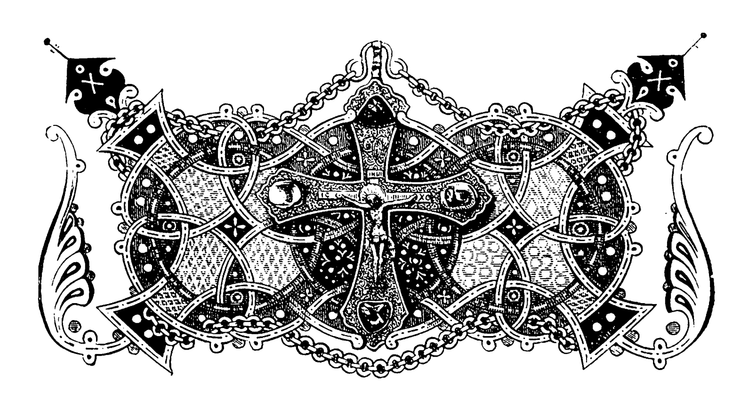
В 1550 году Паисий, игумен Хиландарского монастыря, явясь с тремя старцами к царю Иоанну, поднес ему в дар «образ святого короля Милютина и святого князя Лазаря и службу им»[3].

---

[1] Мученичество св. Георгия издано в: Летопись занятий Археографической комиссии. Спб., 1864.

[2] Сербский текст см. в: *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. Евфимия считается супругою кн. Лазаря (см.: ИОРЯС. Т. I). Но инокиня Евфимия — вдова деспота Углеша и по житию св. Стефана деспота вместе с вдовою кн. Лазаря Милицей являлась к султану. На завесе, шитой в 1399 г. по атласу серебром, золотом и шелками, инокиня Евфимия называет себя: «дочь господина кн. Кесаря Вонхне, лежащего зде некогда же деспотица» (Гласник. Кн. 5).

[3] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком. Служба св. кн. Лазарю Сербскому на 15 июня см. в: Царского № 563; сербская ркп. (Гласник. Кн. 1); *Вершинский Д.С.* Месяцеслов.

День семнадцатый

ПАМЯТЬ
преподобных братьев Алфановых
НИКИТЫ, КИРИЛЛА, НИКИФОРА, КЛИМЕНТА и ИСААКА

Сказание о праведных братьях, написанное в 1606 году, говорит, что родные по плоти Алфановы проводили праведную жизнь и основали Сокольницкую обитель[1]. А по летописям, «на Сокольи горе поставиша церковь древяну святого Николу и монастырь (девичий) устроиша» в 1389[2]. После сего можем признать за несомненное, что праведные Алфановы были в родстве с известным по летописям Яковом, Анфалом или Алфаном. В 1398 году двинские воеводы Анфал (ин. Алфан), Герасим и Родион спаслись от смерти за сношения свои с Москвою только тем, что последние двое постриглись в монашество, а Яков Алфан убежал на Двину, тогда как брат его Иван Никитин был сброшен с моста и убит[3]. По современности основания монастыря с этими смутами более чем вероятно, что праведный Никита Алфан был отец Якова и Ивана Никитичей Алфанов и что праведники подвергались

---

[1] *Востоков А.* Описание Румянцевского музеума; Ундольского № 140.

[2] Собр. л. 3, 232. 4, 29.

[3] Собр. л. 3, 98–100. 4, 103–141.

бедам по родственной связи с Яковом, а тяжкими скорбями невинного страдания очистились для блаженной вечности. По рукописным святцам, праведные Алфановы называются людьми почетными[1]. Это также подтверждает мысль о связи Алфановых с печальной историей Якова Алфана[2]. В «сказании» о них описаны чудеса, происходившие от мощей их с 1562 года, и память о них положена на 17-е июня. В 1775 году по случаю пожара, истребившего Сокольницкую обитель, мощи праведных перенесены в Антониев монастырь, где почивают они поныне[3]; с этого времени память о них положено праздновать 4-го мая.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АНАНИИ

«Преподобный Анания иконописец был в Антониевом (Новгородском) монастыре, преставился в лето 7089 (1581) июня в 17 день». Так сказано в рукописных святцах. По сказанию о чудесах преподобного Антония, Анания писал «дивные иконы многих святых чудотворцев» и так строго выполнял иноческие обеты, что в продолжение 33 лет ни разу не выходил за ограду обители[4].

[1] Ркп. святцы: «святые и праведные братия по плоти Никита, Кирилл, Никифор, Климент, Исаакий Алфановы, посадницы Новгородские, иже на Сокольне в девичье монастыре быша в лето 6000 м. июня в 17 д.». Если, назвав Алфановых посадниками, сказали и более, чем надлежало сказать (*Калайдович К. Ф.* Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821), все-таки должно допустить мысль о знаменитости Алфановых.

[2] После сего показание «сказания», будто Алфановы скончались в 1115 г., надобно признать неудачной догадкой. Что это догадка, видно и по самому показанию — и по сличению со святцами.

[3] Отенские святцы: 1718 г. «мощи их под спудом; службы нет, тропарь и кондак есть, и образы их на гробе на доске написаны; чудеса есть; память июня в 17 д.». Здесь о времени жизни ни слова нет. С 1775 г. стали праздновать память праведников 4 мая (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1).

[4] Ркп. сказ. о чудесах Антония. В «История Российской иерархии» архим. Амвросия (Орнатского) о времени Анании — ошибка, которую повторяет и о. Макарий

ПАМЯТЬ святого СОЛОМОНА, царя Израильского

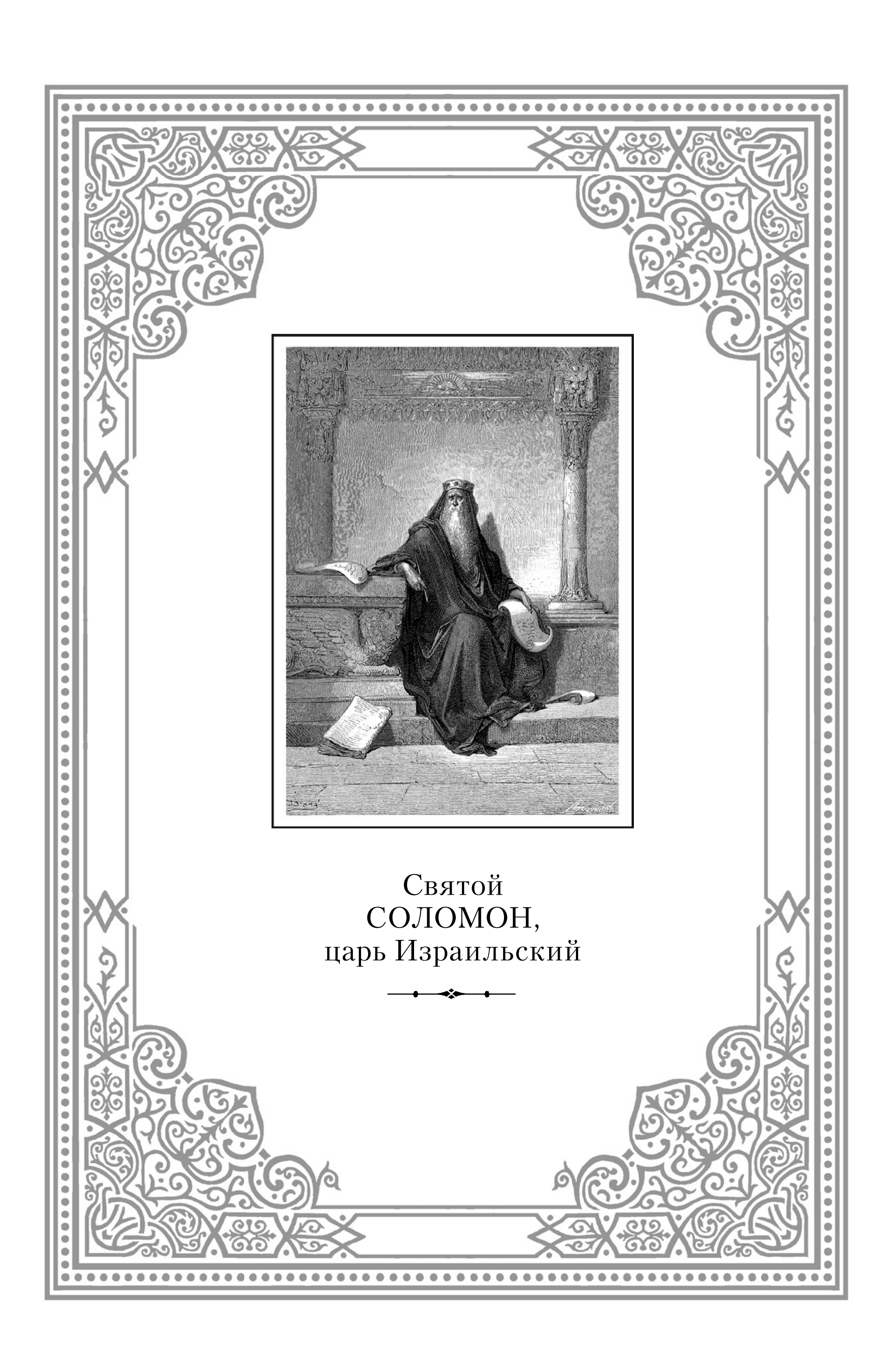
Как мудр был ты в юности твоей и, подобно реке, полон разума! Душа твоя покрыла землю, и ты наполнил ее загадочными притчами; имя твое пронеслось до отдаленных островов, и ты был любим за мир твой; за песни и изречения, за притчи и изъяснения тебе удивлялись страны! Так превозносит Соломона мудрый Иисус сын Сираха (Сир. 97, 16–19).

Избранная отрасль святого царя Давида, Соломон еще в отроческих летах был помазан на царство и провозглашен царем еще при жизни отца своего. По утверждении своем на престоле Израильском Соломон прежде всего, в исполнение завещания отца своего, обезопасил себя на престоле со стороны врагов своих и предпринял построение храма Богу истинному.

Народ еще приносил жертвы на высотах, ибо не был построен дом имени Господа до того времени (3 Цар. 3, 2). И Соломон пошел в Гаваон, где находился главный жертвенник, чтобы принести там жертву Богу. Здесь явился ему Господь в ночном сновидении и сказал возлюбившему Его и ходящему по уставу Давида, отца своего, Соломону: *Проси, что дать тебе* (3 Цар. 3, 5). И сказал Соломон: *Ныне Господи, Боже мой! Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я — отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. И раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить, ни обозреть. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что — добро и что — зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого, не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, вот, Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было*

(*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде).

Святой
СОЛОМОН,
царь Израильский

прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу дни твои (3 Цар. 3, 7–14).

И пробудился Соломон от сновидения своего, и сбылось оно в точности. И не замедлил проявиться дар разума — в суде его над двумя женщинами, обессмертивший славу его вовеки: когда явились к нему две женщины, родившие одновременно младенцев, из которых один умер ночью, когда они спали в одной комнате, и вот, они спорили, кому из них принадлежит оставшийся в живых младенец, — то *сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю. И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой. И отвечала та женщина, которой сын был живой*[1]*, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите. И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она — его мать. И услышал Израиль, как рассудил царь, и стал бояться царя, ибо увидел народ, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд. И был Соломон царем над всем Израилем* (3 Цар. 3, 24–28, 4, 1). Он *владел всеми царствами от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта. Они приносили дары и служили Соломону во все дни жизни его* (3 Цар. 4, 21). *И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона* (3 Цар. 4, 25).

И дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум и обширный ум, как песок на берегу моря (3 Цар. 4, 29). *Он был мудрее всех людей... имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей, и песней его была тысяча и пять; и говорил он о деревах, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его* (3 Цар. 4, 31–34).

Построение храма, предпринятое Соломоном, продолжалось 7 лет; при этом было 70 000 человек носящих материалы, 80 000 каменосеч-

[1] Но был подменен умершим, заспанным на груди матери своей, подложившей его к груди другой женщины во время сна ее и присвоившей себе ее младенца — живого...

цев, 30 000 рубящих кедровый лес в Тире, приставников, смотревших за работами — 3 600 человек. Когда совершена была вся работа для храма Господня, Соломон принес посвященное *Давидом, отцом его, серебро и золото, и вещи отдал в сокровищницы храма Господня* и созвал *старейшин Израилевых и всех начальников колен, глав поколений сынов Израилевых,... чтобы перенести ковчег завета Господня из города Давидова* (3 Цар. 7, 51, 8, 1).

И, обратясь к народу и благословив собравшихся израильтян, Соломон сказал: *благословен Господь Бог Израилев, Который сказал Своими устами Давиду, отцу моему, и ныне исполнил рукою Своею! Он говорит: с того дня, как Я вывел народ Мой, Израиля, из Египта, Я не избрал города ни в одном из колен Израилевых, чтобы построен был дом, в котором пребывало бы имя Мое; но избрал Иерусалим для пребывания в нем имени Моего, и избрал Давида, чтобы быть ему над народом Моим, Израилем. У Давида, отца моего, было на сердце построить храм имени Господа Бога Израилева. Но Господь сказал Давиду, отцу моему: хорошо, что у тебя лежит на сердце построить храм имени Моему; однако не ты построишь храм, а сын твой, исшедший из чресл твоих, он построит храм имени Моему. И исполнил Господь слово Свое, которое изрек. Я вступил на место отца моего Давида... и построил храм имени Господа Бога Израилева* (3 Цар. 8, 15–20).

И стал Соломон перед жертвенником Господним, впереди всего собрания Израильтян, и воздвиг руки свои к небу и сказал: Господи Боже Израилев! нет подобного Тебе Бога на небесах вверху и на земле внизу! (3 Цар. 8, 22–23) *Поистине Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещает Тебя, тем менее сей храм, который я построил имени Твоему... Но призри на молитву раба Твоего и на прошение его! услышь воззвание и молитву, которою раб Твой умоляет Тебя ныне! Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: Мое имя будет там; услышь молитву, которою будет молиться раб Твой на месте сем!* (3 Цар. 8, 27–29) *При всякой молитве при всяком прошении, какое будет от какого-либо человека во всем народе Твоем, когда они почувствуют бедствие в сердце своем и прострут руки свои к храму сему, Ты услышь с неба, с места обитания Твоего, и помилуй; сделай и воздай каждому по путям его, как Ты усмотришь сердце его, ибо Ты один знаешь сердце всех сынов человеческих!* (3 Цар. 8, 38–39).

Когда Соломон произнес моление и прошение к Господу, тогда встал с колен от жертвенника Господня, руки же его были распростерты

к небу и, стоя, он благословил *все собрание Израильтян* (3 Цар. 8, 54, 55). *И царь и все Израильтяне с ним принесли жертву Господу* (3 Цар. 8, 62).

И *явился Соломону Господь во второй раз, как явился ему в Гаваоне, и сказал ему: Я услышал молитву твою и прошение твое... Я освятил этот храм, который ты построил, чтобы пребывать имени Моему там вовек, и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни* (3 Цар. 9, 2–3).

По окончании храма Соломон воздвиг стену вокруг Иерусалима и дворец для жены своей, дочери царя Египетского, а потом приказал устроить несколько крепостей.

Богатство Соломона было так велико, что *серебро* во дни его *не вменялось ни во что. И сделал царь золото и серебро в Иерусалиме равноценным простому камню, а кедры, по множеству их, сделал равноценными сикоморам, которые на низких местах* (2 Пар. 9, 20, 27).

И все цари земли искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую Бог вложил в сердце его. И каждый из них подносил от себя в дар сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, оружие и благовония, коней и лошаков из года в год (3 Цар. 10, 24–25).

Все цари были данниками Соломона, и даже *царица Савская, услышав о славе* его *во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота, и драгоценными камнями, и пришла к Соломону и беседовала обо всем, что было у нее на сердце. И объяснил ей Соломон все слова ее* (3 Цар. 10, 1–3)...

И нашла в Соломоне царица мудрости и богатства еще более, чем слышала о том, и благословила Господа, поставившего Соломона царем творить суд и правду...

Так благословил Бог Соломона в то время, когда он был непорочен перед Ним, но когда Соломон, в угождение иным женам своим, построил капища для идолов, почитаемых ими, то навлек на себя гнев Божий; Бог предал его вражде противников — Адера идумеянина и Разона, бывшего рабом царя Сувского, который, убежав от своего господина, собрал шайку мятежников и укрепился в Дамаске. Оба они постоянно тревожили иудеев своими набегами. Особенно беспокоило Соломона то, что пророк Ахия предсказал подданному его — Иеровоаму (Ефремлянину из Цареды), что он исторгнет царство из руки Соломоновой и что дастся ему власть над 10-ю коленами израильскими... Соломон искал тогда умертвить Иеровоама, но Иеровоам спасся

бегством в Египет, где и жил до смерти Соломона. Впрочем, не пребыл без раскаяния, и не затмилась истина в душе Соломона. О сокрушении духа его и о сознании правды и единого на потребу свидетельствуют слова его в «Экклезиасте»:

Суета сует — все суета! (Еккл. 1, 2) *Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!* (Еккл. 1, 14)

Но ты бойся Бога (Еккл. 5, 6). *Благо будет боящимся Бога, которые благоговеют перед лицом Его* (Еккл. 8, 12).

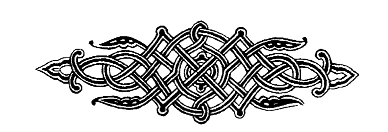
Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше? (Еккл. 6, 11) *Доброе имя лучше дорогой масти и день смерти — дня рождения* (Еккл. 7, 1). *Сетование лучше смеха, потому что при печали лица сердце делается лучше* (Еккл. 7, 3).

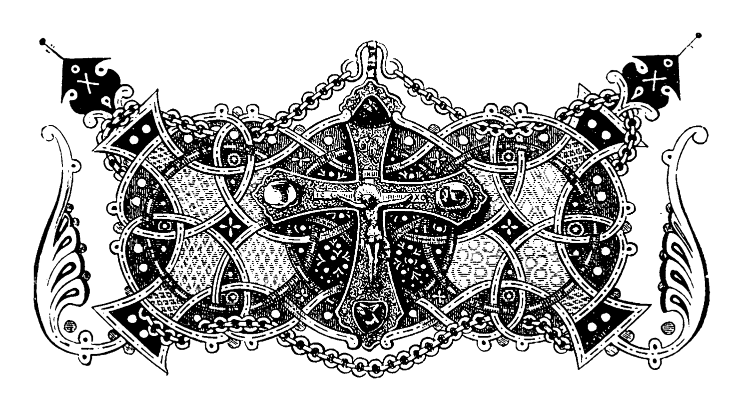
Соблюдающий заповедь не испытает никакого зла (Еккл. 8, 5). *Нечестивому же не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет перед Богом* (Еккл. 8, 13).

Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека (Еккл. 12, 13)...

Всех книг Соломон написал четыре: Притчи, Премудрость, Экклезиаст и Песнь Песней.

Времени царствования Соломона в Иерусалиме над всем Израилем было сорок лет. И почил Соломон с отцами своими, и погребен был в городе Давида, отца своего, и воцарился вместо него сын его Ровоам (3 Цар. 11, 42–43) (от которого — во исполнение пророчества Ахии — при самом восшествии его на престол отложились 10 колен Израилевых).

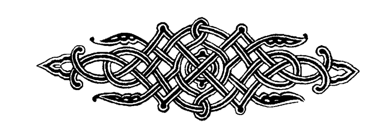

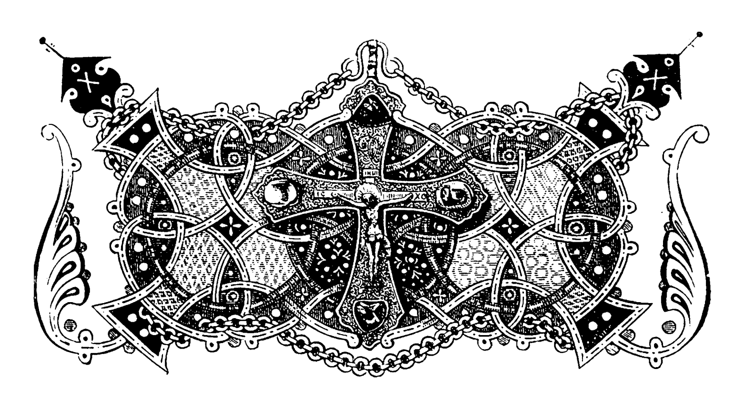

День девятнадцатый

ПАМЯТЬ преподобного ЗИНОНА

Зинон, подвизавшийся на Синае (в IV в.), отличался духовною мудростью и обладал даром чудотворений. Беседуя однажды о значении молитвы, он между прочим сказал: «Кто хочет, чтобы Бог скоро услышал молитву его, тот, когда станет перед Богом и прострет руки свои к Нему, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За это доброе дело Бог услышит его, о чем бы он ни молился...» Говорили о Зиноне, что сначала он не хотел ни от кого ничего принимать. И потому делавшие ему приношения уходили от него, скорбя о том, что он не брал. А другие приходили к нему, нуждаясь получить от него что-нибудь, но ему нечего было им дать, и они также отходили со скорбью. Видя это, старец сказал: «Что мне делать? И те скорбят, которые приносят, и те скорбят, кому нечего получить...» и решил так: «Если кто принесет — возьму; а если кто попросит — отдам ему...» Так делая, и сам был спокоен, и другие были довольны.

День двадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ благоверного князя ГЛЕБА АНДРЕЕВИЧА

Благоверный князь Глеб, сын благоверного князя Андрея Боголюбского, родился во Владимире в 1155 году. Святой Глеб — живой пример тому, как много значит добрая жизнь родителей для судьбы детей. Жизнь князя Андрея во Владимире посвящена была преимущественно делам благочестия, — строению храмов и монастырей, делам благотворительности и молитвам. И вот под влиянием примера и наставлений святого родителя образовался святой сын. Боговдохновенный мудрец говорит: *Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится* (Притч. 22, 6). Жизнь князя Глеба продолжалась недолго: он умер 20 лет. Но начиная с первого раскрытия самодеятельности, жизнь его посвящалась благочестию, а не греху: страх Божий располагал мыслями, чувствами, желаниями и поступками его; молитва низводила на него благодать небесную, тушившую страсти юности. Чистый, непорочный князь блаженно почил 20 июня 1175 года. Чистое тело его положено было во Владимирском соборе. И дух и тело его, как неповрежденные грехом, остались целы, — не боятся никаких неприязненных приражений. По надписи на гробнице князя, во время опустошения соборного храма при Батые (1238 г.) «гроб св. благов. кн. Глеба от пожара

никако повредился, яко же и самым супротивным ратником об этом дивиться». Другое чудо из известных ныне совершилось в 1410 году во время грабежа татар в соборе. Один из этих питомцев алкорана, увидя гробницу князя Глеба и думая найти в ней те сокровища, которых не открывал ключарь Патрикий, открыл гробницу; но из нее вырвалось пламя, и татары в ужасе выбежали из храма. В 1608 году ляхи делали два, три раза нападения на Владимир, почти беззащитный; но взять не могли. Во время этой осады, в самую полночь, сторожа собора заметили в соборе какое-то освещение и дали знать о том пономарю Герасиму. Он, отворив дверь, увидал свет, а у гробницы князя кто-то сидит и ему испуганному говорит: «Не бойся, я не привидение; — Господь не предаст сего города в руки врагов: мы храним его и молим за него Господа и Пречистую Матерь Его; иди и скажи протоиерею и причту, что сказал я тебе; я лежу в этом гробе». Герасим от страха едва пришел в себя и рассказал обо всем протоиерею и всем настоятелям обителей. В эту же ночь ляхи удалились от Владимира, гонимые страхом. Мощи благоверного князя открыты 30 ноября 1702 года. Тогда же написана служба ему, на 20 июня, и в честь его устроен в соборе придел. В 1818 году устроена прекрасная серебряная рака для мощей его. Мощи святого юного князя отличаются изумительною живостью, как ничьи другие: рука его свободно поднимается, гнется, наклоняется, совершенно как у живого[1].

И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем (Еф. 6, 4). *Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери. Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей* (Притч. 29, 15, 18).

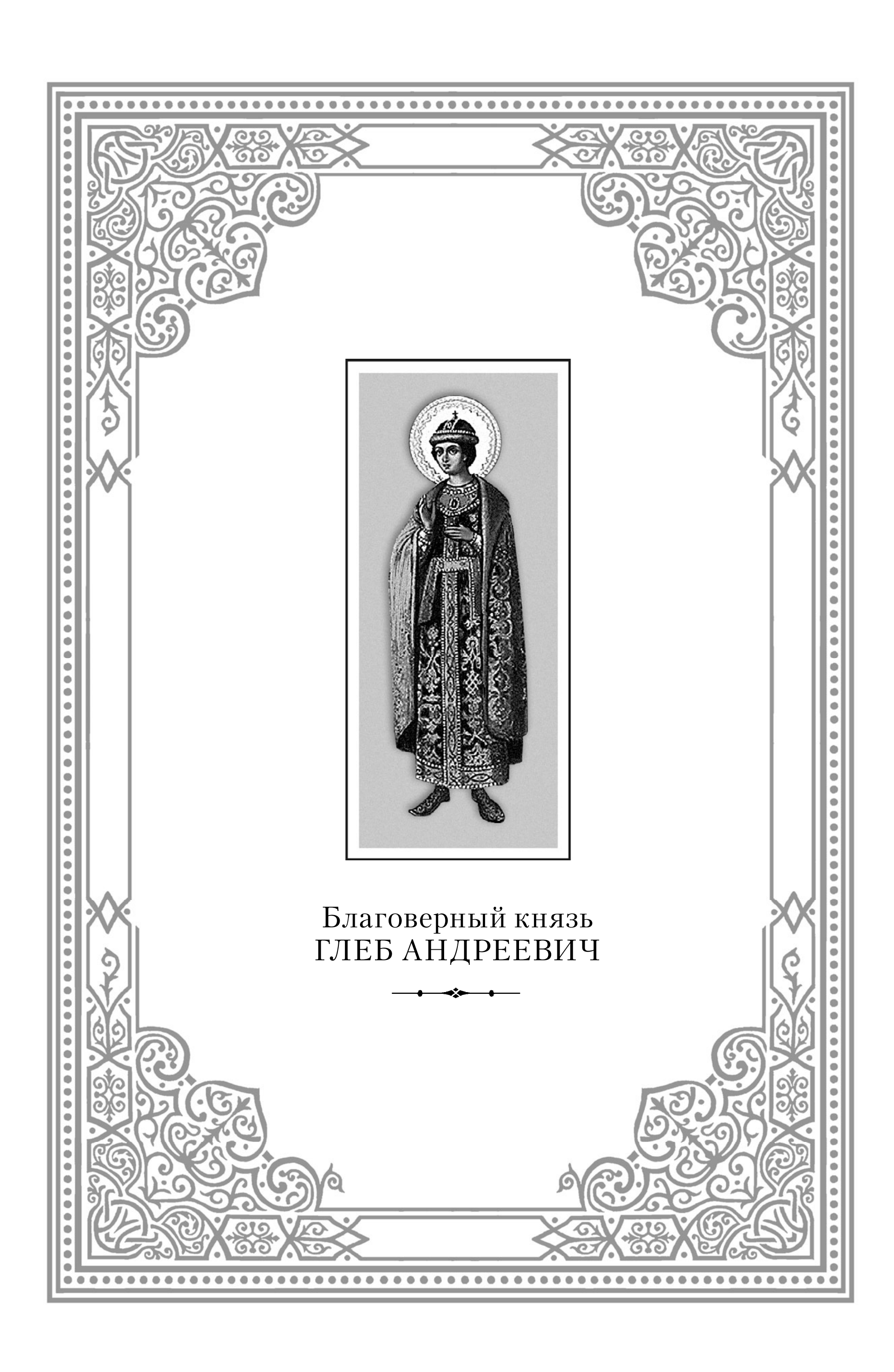

К изложенному житию святого князя Глеба, взятому из творений преосвященного Филарета Черниговского, считаем нелишним прибавить описание случая из жизни архимандрита Антония.

В «Православном Обозрении» за 1879 год была помещена биография наместника Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Антония;

[1] *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849 (далее — *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. — *Ред.*). Ркп. сказание о жизни и чудесах св. кн. Глеба у Царского № 455, писанное в 1702 г.

Благоверный князь
ГЛЕБ АНДРЕЕВИЧ

в коей, между прочим, было упомянуто, что отец наместник, живши еще в миру, сомневался в нетлении святых мощей и был убежден в их истине мощами святого князя Глеба, почивающего во Владимирском соборе. Случай этот в биографии упомянут лишь мимоходом; но я слышал о нем подробно от самого покойного отца наместника лично, и рассказ его кажется мне так интересен, что я нахожу нелишним его обнародовать. Передам его словами самого отца наместника, которые я вскоре же после беседы с ним записал.

«Бывши еще в миру, — так рассказывал отец наместник, — жил я в имении князя Грузинского, селе Лыскове Нижегородской губернии. Имея небольшое понятие в медицине, я занимался там лечением домашних князя и окрестных жителей. В числе моих пациентов были и раскольники, которых в нашем селе было очень много, по большей части богатые люди. Однажды, когда я был у одного из них, разговор наш коснулся разностей их обрядов с нашею Церковью. Раскольник, разумеется, оправдывал свои обряды и обвинял нашу Церковь в отступлении от православия и в принятии новшины; а я, как умел, защищал нашу Церковь и в доказательство ее православия указывал ему на множество нетленных мощей, находящихся в нашей Церкви.

— Эх! Андрей Гаврилович! — ответил мне раскольник, — да видали ли вы сами нетленные мощи? Поверьте мне, это все монахи для доходов выдумали; ведь ни одних нет мощей и в вашей Церкви, а так только поставят гробницу, да накроют пеленою, а то, пожалуй, и положат что-нибудь наподобие мощей, да и говорят, что тут нетленные мощи! Ну, вестимо, простой народ верит, а монахи да попы доходы обирают.

Дьявольские эти слова раскольника произвели на меня страшное впечатление; враг тотчас вложил мне мысль, что и в самом деле, не правду ли он говорит. Я продолжал защищать Церковь; но в душе моей уже родилось сомнение. Когда пришел я домой, мысль эта не оставляла меня и враг продолжал нашептывать мне, что раскольник говорит правду. В самом деле, я никогда не видывал мощей и не имел хорошо понятия, что такое мощи; слыхал, что мощи — тела святых, не предавшиеся тлению; но как они почивают и в каком виде — я решительно не имел понятия. Теперь, после разговора с раскольником, я положил за непременное намерение побывать там, где есть какие-нибудь мощи, чтобы самому лично удостовериться в их нетлении. Случай к этому представился мне очень скоро.

Раз зимою случилось проезжать нашим селом генералу Безобразову с женою, сыном, дочерью и гувернером. На дороге генерал почувствовал себя нездоровым и приехал к нам в село уже совсем больным. Остановившись на постоялом дворе, он спросил, нет ли в селе доктора? Ему рекомендовали меня. Пришедши к ним, я нашел, что у больного лихорадка, прописал ему микстуры, посоветовал хорошенько пропотеть и объявил, что раньше трех дней им ехать нельзя. В продолжение этих дней я почти постоянно бывал у них, не потому, чтобы болезнь того требовала, а так, чтобы провести время. Они рады были, что есть с кем промолвить слово в их невольном заточении, а я рад был, что такое образованное семейство заехало в наше уединение. В эти три дня мы так коротко познакомились, что как будто уже три года были знакомы. В разговоре я спросил их: откуда и куда они едут? Мне отвечали, что они едут из своего поместья в Муром и Владимир на поклонение святым мощам, и вместе с ответом предложили мне, не желаю ли я им сопутствовать, обещая на возвратном пути завезти меня домой. У них, как нарочно, для меня было и место. Генерал с семейством ехал в возке, а гувернер в санях ехал один: с ним-то я и мог поместиться. Предложение это я принял с восторгом, испросив на это позволение князя. А между тем и генералу стало лучше, и мы нимало не мешкая отправились. Приехавши в город Арзамас уже вечером, мы остановились ночевать на постоялом дворе, который один только и был в городе и в котором не оказалось ни одной теплой комнаты. Но делать было нечего, мы поместились и в холодной. Хозяйка дворничиха тотчас же затопила печь, а мы, в ожидании тепла, в шубах согревались вокруг самовара. За чаем у нас зашел разговор о том, нет ли в этом городе каких достопримечательностей для нашего обзора?

— А вот здесь есть, — сказала генеральша, — в Алексеевской общине одна юродивая Елена Афанасьевна, которая предсказывает будущее. Завтра пойдемте к обедне в общину, а потом зайдемте к ней. Только смотрите, — прибавила она шутя, — говорят, она дерется с теми, которые живут худо.

На предложение генеральши последовало общее согласие, и положили завтра непременно побывать у Елены Афанасьевны. После ужина мы с гувернером ушли ночевать в соседнюю комнату, и я составил себе такой план: думаю, ежели генеральша говорит правду, что Елена Афанасьевна в некоторых случаях дерется, то я со всеми вместе не пойду ни за что, а встану пораньше, так чтобы никто не видал, потихоньку

уйду к утрене в общину, а после один и зайду к юродивой. Как задумал, так и сделал. После утрени прихожу в келлию Елены Афанасьевны; в передней меня встретила ее келейница; я спросил ее, можно ли видеть Елену Афанасьевну.

— Можно, пожалуйте! — отвечала она.

Я вошел в довольно опрятно прибранную комнату; у стены стоял стол, на котором расставлены были тарелки с пряниками, орехами и тому подобными сластями; в том числе стояла тарелка с ржаными сухарями; среди комнаты стояла женщина лет пятидесяти с выразительными чертами лица, одетая в темном платье, голубой шали и чепце: это и была Елена Афанасьевна. Помня предостережение генеральши, я побоялся близко подойти к ней и раскланялся с нею, почти не отходя от двери.

— Что вам угодно? — спросила она меня.

— Я проезжающий вашим городом, — отвечал я, — а об вас я так много слышал хорошего, что за обязанность вменил себе зайти к вам, чтобы засвидетельствовать мое почтение и попросить ваших святых молитв.

— Очень рада, пожалуйте.

Я сделал два шага вперед, а она подошла ко мне и с любопытством стала оглядывать меня с головы до ног сзади и спереди, как бы какую диковинку. Я уже подумал, что она не хочет ли драться, и в душе стал раскаиваться, что пришел к ней; но она, оглядев меня, только спросила, что это на меня надето?

— Это фрак, — отвечал я.

— Как это скверно! Как это скверно! — покачивая головою, говорила Елена Афанасьевна. — Ни на что не похоже — сзади какой-то хвост, спереди вырезано, сзади опять разрезано! Как это скверно! — опять повторила она. — А это что такое у вас? — спросила она, указывая на мою голову.

Я тогда носил прическу по тогдашней моде, т. е. у меня спереди волоса были взъерошены и стояли, как петушиный гребень. Она подошла ко мне и взялась за мои волосы. Ну, думаю себе, наконец, дождался потасовки; но она, вместо того, только пробрала мне спереди по средине пробор и старалась волоса мои заложить мне за уши.

— Вот вам так лучше идет, — сказала она мне. — Как вам было бы хорошо эдакое длинное платье до земли, волоса бы длинные, как это было бы вам прекрасно!

Мысль, не о саване ли она мне говорит, блеснула в уме моем.

— Елена Афанасьевна, скажите Бога ради, что вы такое говорите мне? — спросил я ее. — Уж не умереть ли мне и не саван ли вы разумеете под длинным платьем?

Но она мне ничего не отвечала, а только продолжала толковать, что мне было бы к лицу длинное платье и длинные волосы.

Я обратился к келейнице:

— Не знаете ли вы, что она мне такое говорит?

— Да, должно быть вам монахом, — отвечала она.

Я с досады даже плюнул; ну, какой я монах! Мысль о монашестве и в голову мне не приходила; да и монахов я терпеть не мог.

Наконец, я стал прощаться с Еленою Афанасьевной. Она, взяв с тарелки пять ржаных сухариков, подала мне: это вашим больным, сказала она.

— Но кто же у меня больные? — спросил я; — у меня, слава Богу, все здоровы!

— Это вашим больным по сухарику, — опять повторила она: — а это вам, — прибавила. И стала насыпать мне во все карманы пряников и орехов.

Чудная была жизнь этой Елены Афанасьевны, как мне после рассказывали. Она была дочь Арзамасского воеводы. Когда достигла совершенных лет, отец ее вознамерился сочетать ее браком и стал предлагать некоторых женихов; но ее девственная душа давно уже избрала себе единого небесного Жениха, гнушаясь всяким земным браком; все стремление, вся любовь ее чистого сердца были устремлены к Богу, и одно было ее пламенное всегдашнее желание, чтобы соблюсти девство и провести жизнь в какой-нибудь иноческой обители. Поэтому на все предложения отца она отвечала отказом и умоляла его благословить ее на монастырскую жизнь. Отец не хотел и слушать; то угрозами, то ласкою принуждал ее исполнить его волю. Так продолжалось несколько времени. Отец был неумолим, а бедная Елена молилась и ждала, чтобы Сам Господь устроил желание ее сердца.

В это время приехал в Арзамас в Алексеевскую общину известный старец Саровской пустыни отец Назарий. Елена Афанасьевна обратилась к нему с просьбою дать ей совет, что ей делать?

— Молиться и просить Бога, чтобы Он смягчил сердце отца, — отвечал старец, — без воли отца тебе нельзя поступить в монастырь: ты знаешь, без письменного вида тебя нигде не примут; а кроме отца кто же тебе его может дать? Попробуй еще просить его, быть может, Господь тебе поможет.

— Я уже сколько раз просила его; но он неумолим, и слышать не хочет об этом, — грустно отвечала Елена.

— Есть еще средство избавиться тебе замужества, — сказал по некотором раздумье старец. — Но только не знаю, есть ли в тебе столько твердости, столько любви к Богу, чтобы решиться на это, потому что вместе с этим нужно решиться на всевозможные лишения, укоризны и даже самые побои. Если ты чувствуешь в себе столько мужества, чтобы решиться претерпеть все это, то мзда великая ждет тебя от Бога; а ежели нет, то лучше уж покориться отцу. И замужем можно угодить Богу.

Елена отвечала, что она готова не только терпеть побои, но даже самую смерть, лишь бы избавиться от ненавистного ей брака и беспрепятственно в чистоте работать Господу.

— Но какое же это средство? — спросила она.

— Притворись помешанной! — отвечал старец. — Но только опять повторяю: положив руку на рало, уже не должно возвращаться вспять; ты должна положить твердое намерение претерпеть все до конца жизни, и помни, что Сам Жених твой Господь со Ангелами и всеми святыми свыше взирает на твой подвиг и за каждую минуту твоих поношений, твоих страданий готовит тебе нетленные венцы в Вечной жизни. Непрестанно проси Господа и Его Пречистую Матерь, чтобы Он укреплял тебя в твоем подвиге, и я недостойный буду молиться о тебе, да совершишь до конца свое намерение.

Отец Назарий своими мудрыми наставлениями еще более утвердил ее в любви Божией и дал совет, как поступать ей.

Спустя немного времени после свидания ее со старцем выискался какой-то очень выгодный для видов ее отца жених из числа окрестных помещиков, и отец решительно стал требовать от Елены согласия на замужество. Она было стала отказываться; но отец еще более настаивал, угрожая проклятием за ее противление. Наконец она согласилась. Их обвенчали и из церкви привезли в дом ее родителя, где был приготовлен обед и приглашены были гости. У жениха не было в городе своего дома, и жил он в поместье: поэтому и свадьба была в доме воеводы. Дом этот был одноэтажный, а пред домом на немощеной улице стояла большая грязная лужа. Во время обеда все были веселы, все радовались, глядя на новобрачных, а более всех был счастлив ее отец, что исполнилось его желание. Но скоро радость его и гостей обратилась в печаль. Среди обеда новобрачная вдруг вскрикнула, бросилась из растворенного окна на улицу, легла в лужу и начала в ней барахтаться. Все присутствующие

были поражены, как громом; пришедши в себя от изумления, некоторые повыбежали на улицу, чтобы помочь Елене; вытащили ее из лужи; дорогое платье ее было все в грязи, а она сама коверкалась, кричала, рвала на себе волосы и украшения, смотрела на всех бессмысленными глазами и дралась с теми, которые были близ нее. Все признаки были, что Елена помешалась. Отец был в отчаянии; гости стали разъезжаться; новобрачный объявил, что он сумасшедшую не возьмет себе в жены, и поспешно уехал; по городу разнеслась молва, что дочь воеводы под венцом испортили. Елена осталась в доме отца и жила так несколько времени, — днем проказничала, а ночь всю проводила в молитвенном подвиге. Когда умер отец, проказы ее еще более увеличились, и она ими так надоела своим братьям, что они бедную Елену выгнали из дома в одном платье. Между тем в городе носились уже слухи, что Елена притворяется помешанной; некоторые монахини Алексеевской общины знали, зачем она приходила к отцу Назарию и что он ей советовал; от этих монахинь узнали некоторые в городе. Слух этот дошел до ее мужа, он взялся исправить Елену, и когда братья выгнали ее из дому, он взял ее к себе в поместье, — и тут-то начались ее страдания за чистоту и любовь Божию. Он сначала ласками старался уговорить ее, чтобы оставила мнимое юродство и начала брачную жизнь; потом, видя непреклонность ее намерения, он уже мучением хотел заставить ее исполнить его волю. Вбивши в стену железное кольцо, он раздевал Елену донага, за косу привязывал к этому кольцу, бил ее палкою или кнутом до тех пор, пока или сам выбивался из сил, или страдалица лишалась чувств. Но, изнемогая телом, она не изнемогала духом, и никакие мучения не могли поколебать ее твердого намерения, так что и сам мучитель, видя безуспешность свою, ночью, зимой, вытолкал ее навсегда из своего дома на улицу. Елена стала ходить по городу, не имея ни крова, ни пристанища, днем осыпаемая насмешками, а ночь страдая от холода и непогоды. Так она сама после рассказывала про себя: "много я натерпелась в это время, а в особенности в зимние ночи: на мне было одно только платье, да и то худое, и я дрожала от холода, и много раз думала, что не доживу до утра, замерзну. Люди не принимали меня в свои жилища, и я, чтобы согреться, входила в хлев, где лежали свиньи. Бессловесные животные были человеколюбивее для меня людей: когда я ложилась там, то свиньи тоже ложились вокруг меня и своим телом, казалось, хотели согреть меня, и я со слезами благодарила Создателя, что Он не до конца забыл меня и бессловесных вразумлял ко мне на сострадание!"

Наконец пришло от начальства предписание, чтобы Елену отправить в дом умалишенных. Но игуменья Алексеевской общины, зная духовную жизнь Елены, подала прошение, чтобы дозволили ей взять ее на свое попечение в общину, где она обязывалась содержать ее и не выпускать никуда. Ей дозволили: и вот с тех пор Елена Афанасьевна живет в этой общине, служа примером благочестия, и за свои подвиги получила от Господа дар прозрения.

Такова-то была эта Елена Афанасьевна, и такова была ее жизнь!

Вышедши от нее, я отправился на постоялый двор к моим спутникам. На дороге встречают меня с расстроенными лицами лакей и кучер генерала.

— Ах, Андрей Гаврилович! Где это вы были? Мы вас сколько времени искали; ведь наши господа умирают!

— Как, что такое?

— Да так, они все угорели и теперь лежат без памяти.

Я вбежал в комнату и по пророчеству Елены Афанасьевны нашел в самом деле пятерых больных: семейство генерала и гувернер лежали в бесчувственном положении. Господь помог мне: я в скором времени привел их в чувство, дал им по сухарику от Елены Афанасьевны и рассказал им мое свидание с нею. А причина угара была та, что хозяйка позаботилась, чтобы нам было потеплее, закрыть пораньше печку: я от угара тем и спасся, что рано ушел к утрене.

Когда оправились мои больные, мы поехали дальше. Приезжаем в Муром. Я с нетерпением спешил в собор, где почивают мощи святых князей Петра и Февронии, чтобы проверить слова раскольника. Приходим туда. Мои спутники подошли прямо к святым мощам, начали усердно молиться, а потом и прикладываться; я последовал их примеру: положив несколько земных поклонов, с благоговением хотел приложиться к мощам; но к удивлению моему увидал, что тут вместо ожидаемых мною мощей лежит только икона во весь рост благоверных князей Петра и Февронии. Я попросил стоящего тут священника, чтобы открыл мне мощи.

— Их нельзя открыть: они под спудом, — отвечал он мне.

Я не понимал, что такое значит: под спудом.

— Нужды нет, — говорю, — что они под спудом; пожалуйста, откройте, мне хочется приложиться к самым мощам.

— Я вам говорю, что нельзя открыть, — отвечал священник; — здесь мощей нет, они в земле.

— А!.. их тут нет! — сказал я и отошел прочь. Мне сейчас пришли на ум слова раскольника, и теперь еще более показалось, что он говорил правду. В смущенном, расстроенном духе возвратился я к своим спутникам.

— Ну, что, прикладывались к мощам? — спросили они меня.

— К каким мощам? — спросил я их, как будто не понимая.

— Как к каким? да вот, к которым мы прикладывались.

— Извините, я прикладывался тут и сам, но только мощей никаких не видал, а там просто лежит одна икона; да мне и священник сказал, что тут нет мощей.

— Ах, Боже мой! Какой вы невер! — сказала с ужасом генеральша и начала с жаром уверять меня в действительности тут мощей и чудесах, бывающих от оных; но я на все ее доказательства решительно сказал, что ни одним мощам не поверю до тех пор, пока собственными глазами не уверюсь в их нетлении.

— Ну, хорошо же! — сказала торжественно генеральша. — Вот пойдемте в Благовещенский монастырь, там вы уверитесь; там мощи почивают на вскрытии.

Приходим туда и прямо к гробнице, где почивают князь Константин с чадами. Мои благочестивые спутники предварительно попросили отслужить молебен; во время служения оного пред царскими дверями, я, чтобы лучше разглядеть мощи, подошел к ним и стал ощупывать их головки. Хотя мощи и были на вскрытии, но покрыты пеленою, а это было для меня неудовлетворительно, все-таки не видал мощей так, как бы мне хотелось. Иеромонах, заметив это, подошел ко мне и сказал, чтобы я отошел и не трогал святых мощей. Я с досадою повиновался и отошел в сторону. По окончании молебна все стали прикладываться; подошел и я.

— Батюшка! Что это — мощи? — спросил я иеромонаха.

— Да, мощи, — отвечал он, удивленный моим вопросом.

— А что, можно их открыть, чтобы посмотреть мне? — спросил я.

— Нет, нельзя! — сказал он, еще более удивленный.

— Так чем же вы докажете мне, что тут доподлинно лежат мощи, — с досадою спросил я, — быть может, тут лежат сделанные куклы, покрытые пеленою!

Гневно взглянул на меня иеромонах.

— Милостивый государь, — сказал он, возвысив голос, в котором слышалось негодование, — позвольте спросить вас, вы к какой принадлежите Церкви?

Я отвечал, что — к православной.

— Так как же вы говорите, как неправославный? Святые мощи, которые признала Церковь, вы смеете называть куклами!

Он разгорячился, я тоже, и у нас с ним завязался жаркий спор, кончившийся тем, что иеромонах приказал мне выйти вон, или в противном случае угрожал отправить меня в полицию как хулителя святыни. С бешенством в душе и еще с большим предубеждением против святых мощей возвратился я на постоялый двор и решительно объявил моим компаньонам, что с этих пор я не верю ни одним мощам, и просил их, что ежели мы приедем в такое место, где есть мощи, так они бы мне и не говорили об них. Тщетно старались они убедить меня и навести на путь веры и истины, с которого я так страшно пошатнулся; враг так посетил мой рассудок, что все их доводы были без успеха, — я оставался при своем предубеждении против святых мощей. И что же последовало со мною за это? Сердцем овладела злоба, досада на всех и на все; в духе немирность, страшное томление, тоска, хульные помыслы не только на одни мощи, но и на все святое. Я чувствовал, что враг овладел мною, что я погибаю; но и не мог, и не умел выйти из этого ужасного положения. Так приехали мы во Владимир. Чтобы облегчить свою совесть, я пошел в собор, пред чудотворным образом Владимирския Божией Матери излить свою душу. Прихожу, собор только что отперли пред начатием обедни. В соборе никого не было. Я прошел мимо мощей, не отдав им должного поклонения, прямо к образу Богоматери. Долго с усердием молился. Я сознавался в душе, что заблуждаюсь и грешу пред Богом, отвергая мощи Его угодников; но рассудок мой не мог убедиться в истине, и вот я просил Матерь Божию, чтобы Она не дала мне погибнуть, вразумила бы меня и наставила на путь правый. С верою приложившись к образу, почувствовал себя как-то легче. Оглянувшись, увидел священника, который только что вошел в собор для служения Литургии. Я обратился к нему с просьбою показать мне достопримечательное в их соборе.

— Главные достопримечательные драгоценности нашего собора, — отвечал священник, — это святые мощи благоверных князей наших: вот среди собора, между двух столпов, почивает князь Георгий, убитый в нашествие Батыя; а на левой стороне у иконостаса князь Андрей, за свою любовь к Богу прозванный Боголюбским и тоже убитый, но не от иноплеменных, а от своих присных, а тут по правую сторону, напротив, почивает сын его князь Глеб, в юности мирно скончавшийся незадолго до убиения отца.

Так рассказывал священник, указывая на гробницы угодников. Благородное обхождение, доброе выражение лица священника расположили меня в его пользу, и я решился объясниться с ним откровенно.

— Батюшка, — сказал я ему, — ради Бога, о чем я вас попрошу, исполните мою просьбу. Я не верю нетлению мощей, думая, что это обман, выдуманный для доходов. Чтобы уверить меня, ради Бога, ради спасения души моей, откройте мне которые-нибудь из мощей, чтобы я мог лично удостовериться в их нетлении. Я вам заплачу за это, что вам угодно. В соборе теперь нет никого; вам это легко сделать: только ради моего спасения выведите меня из этого заблуждения!

— Извольте! — сказал священник.

Он подвел меня к мощам святого князя Глеба, сделал пред ними три земных поклона и с одушевлением начал мне говорить.

— Вот мощи святого князя Глеба, скончавшегося в 1275 году. С тех пор до времен Петра Великого они лежали в земле, а от его царствования доселе лежат на вскрытии для благочестивейшего чествования, но посмотрите, ни время, ни земля, ни воздух не смели коснуться освященного тела.

При этих словах священник снял покров святых мощей, и мне открылись мощи, лежащие в княжеской одежде. Священник благоговейно приподнял руку угодника, засучил на ней рукав, показал мне ее по локоть: она была в полном нетлении, все составы, самая кожа были целы, как у недавно умершего, только желтоватого цвета.

— Не думайте, что это сделано, — продолжал священник; он взял обе ручки, которые были сложены на груди, поднял их и разложил не как у мертвого, а как бы у спящего.

Ужас напал на меня; мороз прошел по коже.

— Верите ли вы теперь? — спросил меня священник.

Вместо ответа я упал в чувстве благоговения пред святыми мощами. Теперь я был вполне убежден; я истинно верил и пламенно благодарил угодника Божиего, что он благоволил так уверить меня; я просил Бога, чтобы Он не наказал меня за мое прежнее неверие; на душе стало так легко, слезы радости невольно текли из глаз моих.

— Батюшка! Чем я могу заплатить вам за ваше благодеяние? — сказал я с чувством благодарности священнику. Я ему предложил было какую-то ассигнацию, но он благородно отказался.

— Нет, благодарю вас; я сделал это не за деньги; вы просили меня сделать это ради Бога и ради вашего спасения: вот ради чего я решился

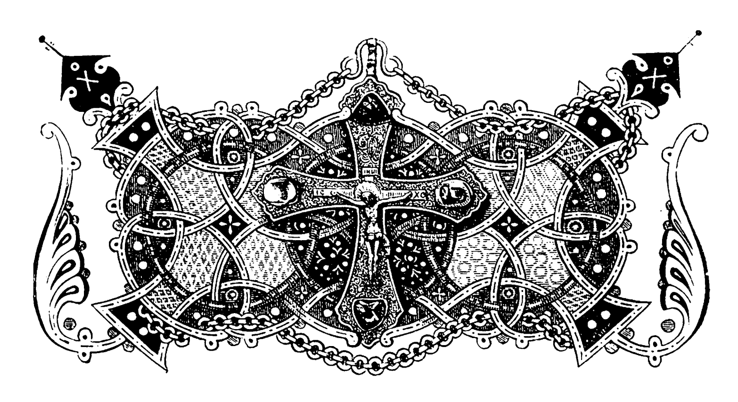
исполнить вашу просьбу. Спасение души ближнего для меня всего дороже. — Сказав это, он вежливо раскланялся и удалился в алтарь.

С восторгом прибежал я в гостиницу к моим спутникам, рассказал все, что было со мною, и они от души порадовались моему обращению. С тех пор я свято верую в святость и нетление святых мощей, и это происшествие со мною послужило мне уроком, что надо беречься разговоров с еретиками и раскольниками»[1].

ПАМЯТЬ святых мучеников АРИСТОКЛИЯ, ДИМИТРИАНА и АФАНАСИЯ

Аристоклий был пресвитером церкви города Тамаса, на острове Кипре. Во время гонения при Диоклетиане и Максимиане он убоялся пыток и скрывался в пещере горы Олимпа (верстах в 20 от Тамаса). Но однажды во время молитвы небесный свет осиял его и небесный голос повелел ему идти в Саламин, главный город острова, и открыто исповедать имя Христово. Укрепленный Божественным повелением, Аристоклий отложил страх и пошел в путь. Идя дубравою, встретил храм святого апостола Варнавы и при нем двух клириков, Димитриана и Афанасия, которые, узнав об откровении, пожелали идти с ним на смерть за Христа. Пришедши в Саламин, они стали славить имя Христово и обличать идолослужение. Язычники представили их правителю, а этот, испытав твердость их в вере, Аристоклию приказал отсечь голову, а Димитриана и Афанасия сжечь. Мученическая их кончина последовала в 306 году.

[1] Душеполезное чтение. 1879. Январь.

День двадцать первый

ПАМЯТЬ святого мученика НИКИТЫ НИРОССКОГО, пострадавшего в 1732 году на острове Хиосе

Никита был один из сыновей старшины острова Нироса, который, совершив какие-то злоупотребления и опасаясь суда и лишения состояния, принял ислам, прикрывающий в глазах турок много преступлений. После отца турки не замедлили потурчить и детей. Несчастная мать, не желавшая расстаться с детьми, также приняла ислам...

Достигнув отроческого возраста, Никита случайно узнал о тех обстоятельствах, которые вынудили родителей его принять со всею семьей ислам; это произвело на него сильное впечатление; им овладела глубокая тоска об утраченной вере праотцев; в нем возникло непреодолимое желание возвратиться к ней, так что он решился тайно уйти от родителей туда, где жили христиане. Благополучно успел он добраться до острова Хиоса, где в новой обители объяснил игумену, кто он и почему пришел сюда. Через несколько времени, сочувственно принятый иноками, Никита был оглашен христианским учением, миропомазан и оставлен на житие в обители по его желанию. Вера, между тем, действовала в сердце его все с большею и большею силою. Узнав о примерах искупления отступничества от веры — исповеданием ее,

даже ценою мученического подвига, Никита стал постоянно помышлять о принесении себя в жертву за Христа и подготовлялся к этому безукоризненною жизнью в монастыре, так что, когда он, наконец, открыл братии это свое заветное желание, то старейшие из отцов общим советом позволили и благословили его на подвиг открытого исповедания веры, предпринятый свободно, без всяких внешних побуждений и с такою настойчивостью.

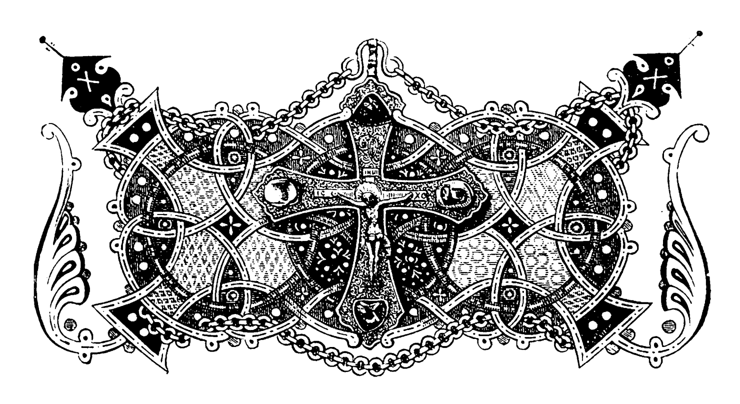
Прибыв с проводником в местечко Молос, Никита, с необыкновенным по его возрасту мужеством и убеждением, воспользовался первым случаем, чтобы заявить себя христианином и утверждать, что Христос есть Бог истинный, а Магомет — ложный пророк. За это с проклятиями и оскорблениями был брошен в темницу. Здесь искал подкрепления в посте и молитве. Когда бывшие в темнице христиане советовали ему подкрепиться пищею, то он отвечал: «Я питаюсь пищею, какой вы не имеете, и радуюсь радостью, какой вы не можете чувствовать...» Много истязаний принял юноша в тюрьме и, выведенный посреди народа, явил собою новое чудо христианского несокрушимого терпения. Наконец, один Крымец фанатик «с яростью бросился на молодого мученика и начал рубить его голову своим ятаганом, чтобы численностью ударов увеличить страдания христианина». Так кончил жизнь исповедник Никита 21-го июня, 1732 года. Тело его было выброшено в море. Вскоре возлюбивший Бога даже до смерти был прославлен чудотворениями, совершавшимися для тех, кто призывал имя его[1].

Святого великомученика благоверного князя Карталинского Луарсаба 2-го и Арчила 2-го, царя Иверского[2].

---

[1] См.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке, со времени завоевании Константинополя турками. СПб, 1862).

[2] О них см.: *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. СПб., 1871; *Муравьев А.Н.* Жития святых Российской Церкви, также Иверских и славянских. СПб., 1855–1868 (в житии святой мученицы царицы Кетевани, 13 сентября).

День двадцать третий

ПАМЯТЬ преподобного ИОСИФА ЗАОНИКИЕВСКОГО

За 16 верст от Вологды и ближе к ней был некогда темный лес; в 2 верстах от нынешней Заоникиевой пустыни по этому лесу шла из Москвы большая Белозерская дорога. В этом лесу имела притон шайка разбойника Аники, грабившего и убивавшего людей на Белозерской дороге; знаменитый разбойник оставил свое имя лесу, где и ныне показывают могилу его[1]. В этом лесу июня 23-го 1588 года явилась благочестивому Илариону Владимирская икона Божией Матери, исцелившая его от давней болезни. Благодарный Иларион принял иночество с именем Иосифа и на месте явления иконы основал обитель с храмом. Так место грабежей и разбоев Богоматерь освятила Своим явлением с тем, чтобы населилось оно певцами славы Божией, день и ночь воздыхающими о грехах и небесной отчизне. Самым искренним певцом был преподобный Иосиф. Управление обителью предоставил он другому, а сам, прикрывая свои подвиги юродством для изнурения плоти, носил за пазухою каменья или песок и землю;

[1] Стих об Анике с повестью см. в: Летописи русской литературы и древности / Н. Тихонравов. В 5 т. М., 1859–1863. Т. 1.

в жестокие морозы ходил босиком; целые ночи стоял в своей часовне на молитве; под одеждою его была власяница столько колючая, что из-под нее струилась кровь. Многие смеялись над его странным видом, но он переносил все незлобиво. Так прожил он 25 лет. Накануне кончины своей, приобщившись Святых Таин, блаженный исполнился духовной радостью и вспоминал о благодеяниях Божиих, явленных ему, в том числе о чудесном явлении иконы и также исцелении своем. Наутро сказал одному из братии: «Скажи отцу игумену Феодосию, чтобы положил грешное тело мое в часовне, которую сам я построил». И в том же часе предал дух свой Господу. Мощи преподобного Иосифа, почившего в 1612 году, покоятся в Заоникиевой пустыни[1].

ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ

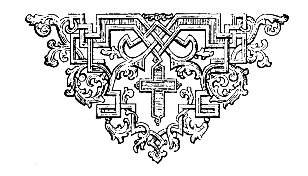
Во второй раз празднование Божией Матери Владимирской Православная Церковь совершает в благодарение за избавление Отечества, невидимым заступлением Богородицы, от ордынского царя Ахмата, в 1480 году, при великом князе Иоанне III Васильевиче. Ахмат, царь золотой Орды, шел ограбить и разорить Москву и достиг уже реки Угры, которую православные называли поясом Богоматери, охраняющим Московские владения. Москва страшилась; мать великого князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов. Князь, укрепляемый советами, молитвою и благословениями святителей, подвизался за веру и отечество против врагов.

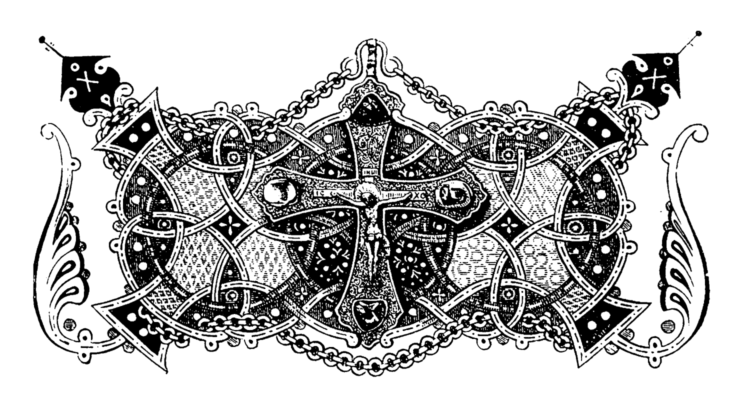
Между тем, по предстательству Пресвятой Богородицы, совершилось дивное избавление Отечества. Великий князь повелел отступить

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; Вологодские епархиальные ведомости. 1864, 1865. В книге чудес: «оный Преосвященный (Павел, 1717–1725 г.), ревнуя по Господе Вседержителе обретающегося во граде Вологде. Прежде отца Галактиона (сент. 24) в Духове монастыре службу, стихиры и канон сладкопесниве вчинити повеле и молебная на гробе (прп. Иосиф) петь благослови».

своим войскам от Угры. На татар напал страх, и они, думая, что русские устроили для них засады, начали отступать, сперва тихо, медленно, а ночью побежали, гонимые одним страхом. Это избавление от Ахмата было совершенным свержением с России ига татарского. В благодарность за окончательное освобождение Москвы и Отечества от поносного ига татар, заступлением Божией Матери, установлено в 1480 году 23-го июня, подобно первому, празднество сретению Владимирской иконы Богоматери с крестным ходом в Сретенский монастырь.

День двадцать четвертый

ПАМЯТЬ святителя НИКИТЫ, епископа Ремесианского

Святитель Никита родился в том же городе Ремесиане (Ремешек), в котором родился и друг его Павлин, епископ Польский, и притом в том же 353 году. Так говорит блаженный Павлин[1]. Святитель Никита не был грек: иначе писал бы сочинения на греческом языке; не был и римлянин: иначе назывался бы Виктором, а не Никитою; да и не возбуждал бы латинскими сочинениями удивление в римлянах. Он был славянин, но получил обширное образование римское, вероятно, в Риме[2]. Святителем он был в родном своем городе. Ремешек находился между Софией и Нишью; это то же, что нынешний Нирот[3].

---

[1] *Pavlini Nolani*. Carmen 17.

[2] Павлин в Письме к Северу, писанном в 402 г.: «в таком виде рекомендовал я тебя уважаемому и ученейшему епископу Никите, который пришел из Дакии и по справедливости составляет предмет удивления для Римлян» (Ep. 29).

[3] Гиерокл, признаваемый за современника имп. Юстиниана, пишет: «в области Дакии средиземной, находящейся под правлением консула, пять городов: Сардика (Сердика, Сердец) — главный город, Пайталия, Германа, Наис (Ниш), Ремесиана... В области Дардании, находящейся в управлении воеводы, 3 города: Скупы — главный город, Мирион, Ульпиана». То же у Константина (*Constantino Porphyrogenito*. De thematibus). Ульпияна — у славян Липляна (у Кедрина и у Анны Комниной Липенион).

Кому и как проповедовал Евангелие святитель Никита, это описывает друг его епископ Павлин в своей поэме о святителе Никите.

И бесы более жестокие, чем снег их,
Став овцами при тебе пастыре пасутся во дворе мира.
Словами твоими смиряется скиф и, борясь с собой,
укрощает сердце
При тебе учителе. И геты бегут и оба дака,
Как тот, что обрабатывает землю,
Так и житель береговой, покрытый волосами
Более быка[1].

Бесы при Страбоне «занимали большую часть горы Эмоса» — Балкан[2]. При Юстиниане фрак из племени бесов лицо значительное[3], другой бес-фрак военачальник Величара в войне с Персами и потом главный начальник войск в Италии[4]. Иначе бесы — балканское племя славян[5].

Скифы — славяне Мизии, во время Павлина уже успевшие распространиться на запад от малой Скифии. Они же и геты[6].

Оба дака — житель левого берега Дуная и другой, со времени Авреллиана живший на правом берегу Дуная. Дакия собственно страна славян на левом берегу Дуная, но где поселились колонии римлян, известных у Нестора и других под именем волохов[7].

---

[1] *Pavlini.* Poema v. 206–208. 246–252.

[2] *Strabonis.* Geographica. V. VIII, 7.

[3] *Procopius Caesarensis.* De Bello Gothico I, 5; II, 26.

[4] *Procopius Caesarensis.* De Bello Persico 1, 13.

[5] Временник общества истории и древностей. Кн. 10. Города бесов — Пловдин (Филиппополь), Самаков (Uscudama); по округу Драговичи митрополит Пловдинский назывался экзархом Фракии — Драговитии. Κωντιχντινου εγχετρ. περι επαργ. Φιλιππουπολεως. Βιεννη. 1819. Шафарик знал по Птолемею бесов, славянскую ветвь, в восточной Галиции, под Карпатами (*Шафарик.* Славянские древности. Т. 1, кн. 1. § 10, ч. 10), но опустил вовсе из виду балканских бесов, которых часть ушла под Карпаты.

[6] Об этом говорено 20 января. Мальчик гет, с славянскою надписью, приносящий в жертву гуся (см.: *Классен Е. И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рюриковского времени в особенности. Вып. 1–3, М., 1854–1861. Вып. II, 12, М., 1854 (далее — *Классен Е.И.* Новые материалы для древнейшей истории славян. — *Ред.*)).

[7] Славянский перевод Зонары: «Троян воинствовал на Даки, сиречь на Сребле, начальник же их сербский Диковал» (см.: Чт. ОИДР. 1847; Временник общества истории и древностей. Кн. 10). Славянская надпись о спасении некоторых славян от Трояна (см.: *Классен Е.И.* Новые материалы для древнейшей истории славян. Вып. II). Феодорит говорит о Сардике: «этот Иллирийский город — главный город народа Даков» (*Феодорит, Кирский.* Церковная история). Нельзя не пожалеть, что даровитый Шафарик,

В этом описании племен видим подтверждение той справедливой мысли, что после того, как многие славянские племена силою оружия Филиппа Македонского вытеснены были из Фракии и Иллирии на северный берег Дуная[1], где они известны истории под именем даков, некоторые племена их оставались еще во Фракии и Иллирии, особенно в ущельях гор южных[2].

Святителю Никите по воле Божией, пришлось быть апостолом этих славянских племен юга и путешествовать из страны в страну, чтобы с апостольскою ревностью проповедовать Евангельское учение[3]. Для гетов проповедь не требовала даже долгого пути. «Геты бегут» сами, говорит Павлин. Блаженный Иероним писал: «рыжее и белокурое войско гетов носит с собою в палатках церкви»[4].

Во время святителя Никиты христианство уже сильно распространено было во Фракии: на Средечском соборе 347 года присутствовали епископы: Средца, Скун, Липляны, Нища, Водины (Aquae) и Чехова дома (Sigindum)[5]. При Максимиане в Потаме замучены были

ошибочно приняв волохов за кельтов, скоро исчезнувших в истории, потерял из виду историческую нить событий, происходивших в славянском мире со времени Александра Македонского, при императорах римских и до самого имп. Ираклия.

[1] Временник общества истории и древностей. Кн. 10; *Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник.

[2] Геты, бесы, славяно-влахи, скифы, как особые племена славянские, объясняют собою известие о славяниях, покоренных в 657 г., чего не могли понять Шафарик и другие (Христианское чтение. СПб., 1858). По известию Феофана и Кедрина, в 657 г. «император (Констанс 2) предпринял поход против Славиний (Κατα Σχλαβινιχς, κατα Σχλαβινων) и взяв в плен многих, покорил. Одной малой Скифии нельзя здесь разуметь; дело идет о славяниях, о нескольких областях и княжествах славянских. Даже в Македонии было несколько жуп славянских. В 758 г. Копроним ворвался «в Славянии, лежащие в Македонии» τας κατα Μακεδονιαν Σχλαβινιας. Шафарик то говорит, что в Македонии занята область славянами, поселившимися за Дунаем в первых столетиях; то пишет, что поселение славян в Мизии, Дардании и Македонии относится к концу V столетия (*Шафарик.* Славянские древности. Т. 2, кн. 1). Эта колеблемость — улика в том, что почтенный ученый потерял верную дорогу. О войне славян во Фракии и Паннонии с готами в 334 г. и с греками в 358 г. см.: *Классен Е.И.* Новые материалы для древнейшей истории славян. Вып. II.

[3] О путешествиях Павлин:

Ты проходишь по полям Филиппов Македонии,
Шествуешь чрез город Томы,
И близкие к отчизне Скупы,
Дарданский гость.

[4] Epist. 107 ad Laetam. Письмо писано в 403 г.

[5] О кафедрах см.: *Wiltsch.* Handbuch der kirchlichen.

Боголеп (Феопрепий) и Зотик с Акиндином[1]. Но не только многие села славянские, целые племена славян, как по дикости, так и по недоверчивости к грекам, неохотно слушали проповедь греков, которая притом большинству их была вовсе и непонятна. Святитель Никита, первый епископ Ремешка, посвятил свою жизнь на проповедование веры своим родичам — славянам. И успехи проповеди его были блистательные.

О перемене, произведенной святителем Никитою между бесами, тот же современник его блаженный Иероним говорил: «Зверские бесы и толпы тулупников (pellitorum), которые некогда приносили в жертву людей, изменили свой скрежет на сладкую песнь Христу»[2]. Блаженный Павлин поет еще о святителе Никите:

Не любившие склонять шею под рабство,
Не укротимые никакою войною,
Ныне покорные истинному Владыке весело
Протягивают шею[3].
Ныне более богатый ценою труда
Бес радуется: из земли рукою
Копал прежде; теперь умом на небе
Собирает золото[4].
Какая перемена! И какая счастливая!
Непроходимые и кровавые дотоле горы
Ныне скрывают разбойников, ставших монахами,
Питомцами мира.
Где был обычай зверей,
Ныне там чин Ангелов;

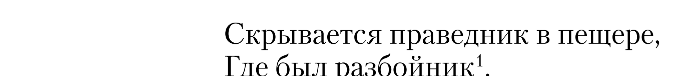
[1] Память их 22 августа. Менолог Василия: «когда прибыл (префект) в город Патаму, то умертвил Зенона, Феопрепия (Боголепа) и Акиндина». Синаксарь минеи: «прибыв в местечко, называемое Патама, умертвил катапультою св. Зотика, Феопрепия (Боголепа) и Акиндина». О Боголепе см.: Известия Археологического общества. Т. IV.

[2] Epist. 60 ad Heliorum in ed. Vallars. О приношении людей в жертву славянами см. 28 марта.

[3] Блж. Иероним, сказав о гетах, что у них походные храмы, прибавляет: «Потому-то конечно, что у них одинаковая (с нами) вера, они мало воюют с нами».

[4] Павлин:

Искусных копателей золота превращаешь
В золото, и сам подражаешь бесам.
Из них словом проникающим живое
добываешь золото». v. 269–272.

Скрывается праведник в пещере,
Где был разбойник[1].

Так деятельность святителя Никиты, проповедника славянского, обращена была преимущественно на славян балканских. Это и естественно по близости их к месту кафедры его. Павлин восхищался тем, что неукротимые бесы, усмиренные проповедью святителя Никиты, стали мирные в отношении к империи; по отзывам же истории, один из питомцев святителя Никиты уже сидел на престоле восточной империи; это Лев Великий, родом фрак и точнее бес[2]; а когда император Анастасий начал насилиями проповедовать евтихианство в империи, воспитанные в чистой вере святителем Никитою жители Фракии, Мизии и малой Скифии явились (в 514 г.) самыми жаркими защитниками Православия и защищали его с оружием в руках[3].

Святитель Никита в 392 году по поручению собора отправлялся увещевать соседнего епископа Боноза, запутавшегося в ошибки о вере[4]. В 397 году путешествовал он в Рим и в Ноле виделся с «другом своим епископом Павлином. Павлину очень хотелось, чтобы святитель пробыл у него подольше; но дела паствы отозвали святителя к его пастве».

Спустя четыре года (в 402 г.), святитель Никита явился в Нолу к празднику святого Феликса (февр. 14), невзирая на опасность времени. Друг его Павлин был в восторге от этого неожиданного посещения. Он написал поэму о святом Феликсе, где изображает радость свою и о посещении его святителем[5]. Как долго после того подвизался святитель Никита, точных известий о том нет. Но так как блаженный Павлин, ровесник святителя Никиты, скончался в 431 году на 87 году

---

1 Poema v. 209–225. Под руководством св. Саввы Палестинского (484–532) спасались иноки из бесов (Cyrill Scythopolis. Vita Sabbae in Cotelerii monum. Graec. Eccl. 3, 265).

2 Менолог Василия под 6 ноября: «в последнее время имп. Льва Великого, называемого беса (Επιλεγομενου Βεσσου); небо покрылось облаками и пр.». Лев был императором в 457–473 г.

3 *Theophanes Confessor*. The Chronicle, Byzantine and Near Eastern History; *Georgii Cedreni*. Synopsis historiarum. Ср.: *Чертков А.Д.* О переводе Манассииной летописи.

4 *Ambrosius*. Epist. 9; Weiss Leben d. Heiligen 8, 360.

5 Poema 27.

Venisti tandem, quarto mihi reditus anno,
Sed grates Christo, quia te res Sero revexit.

своей жизни, то вероятно, и кончина святителя Никиты последовала не прежде 420 года июня 22 дня[1].

Геннадий Массилийский писал: «Никита, епископ Ремессианы, сочинил слогом простым и чистым, приспособленным к оглашаемым в вере шесть книг. Первая о готовящихся к вере; вторая о заблуждениях язычества; третья о вере в Высочайшее Существо; четвертая против родословия; пятая о символе; шестая о жертве Пасхального агнца. Кроме того издал он книгу о падшей деве, возбуждающую каждого падшего к исправлению»[2]. Кассиодор весьма хвалит сочинения святителя Никиты за благочестивый дух их и за основательное знание[3]. Сочинения святителя Никиты известны и ныне[4].

ПАМЯТЬ святых мучеников ОРЕНТИЯ, ФАРНАКИЯ, ЕРОСА, ФИРМОСА, ФИРМИНА, КИРИАКА и ЛОНГИНА

Воины, родные братья, в царствование Максиминово (310–312 гг.) за непринесение жертвы богам сосланы в разные места восточного (приморского) Кавказа и скончались: Эрос 22 июня в Паремволе (в так называемых Лагерях), Орентий 24 июня в Ризее (близ

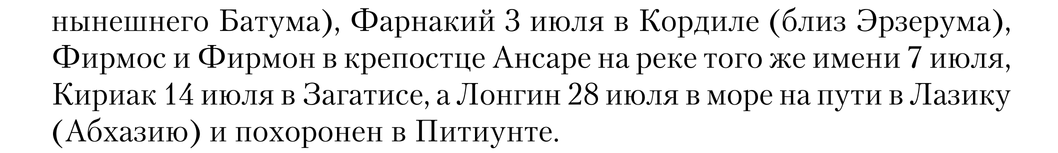
[1] Adonis Martyrologia, Usuardi ad X calend. iulii. Бароний поставил того же святого под 7 января.

[2] De viris illustribus urbis Romae. 22.

[3] *Cassiodorus*. Institutiones divinarum et saecularium litterarum.

[4] Patrologiae t. LII (изд. 10). Здесь же помещены сомнения о подлинности сих, но вовсе напрасные. Особенно странны объяснения слов Павлина о свт. Никите; автор, не зная истории славян, перетолковывает слова Павлина наперекор значению их. Да и никто из славянских писателей доселе не обращал внимания на апостольскую деятельность свт. Никиты между славянами, описанную Павлином.

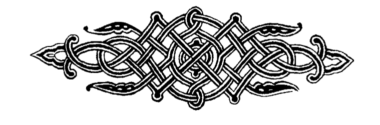

нынешнего Батума), Фарнакий 3 июля в Кордиле (близ Эрзерума), Фирмос и Фирмон в крепостце Ансаре на реке того же имени 7 июля, Кириак 14 июля в Загатисе, а Лонгин 28 июля в море на пути в Лазику (Абхазию) и похоронен в Питиунте.

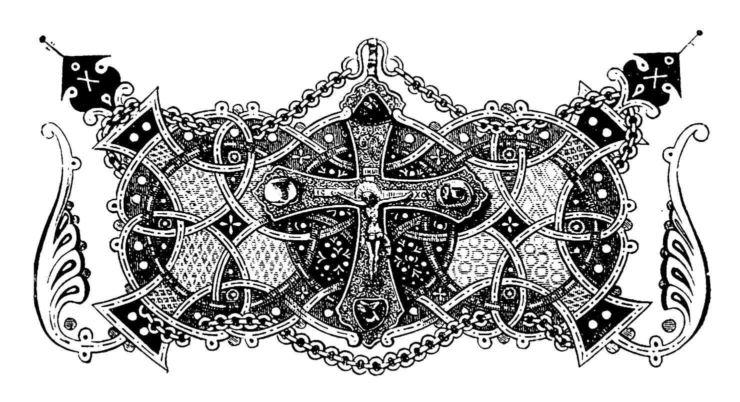
ПАМЯТЬ святых ИАКОВА и ИОАННА МЕНЮЖСКИХ

В 40 верстах от Новгорода, на берегу реки Менюги или Мьи, до 1764 года существовал Троицкий Менюжский монастырь. От него остался Троицкий храм с мощами святых Иакова и Иоанна и с приделом в их имя. Святые родные братья, скончавшиеся в юном возрасте. На образе Новгородских чудотворцев Иаков и Иоанн изображены в отроческом виде. В рукописных святцах праведные братья названы мучениками; по обстоятельствам времени и места это означает, что они умерщвлены были злодеями; днем кончины их показано 24 число июня[1].

---

[1] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. Ркп. святцы: «святые и праведные братия по плоти, младенцы и мученицы Иоанн и Иаков, быша Менюге р. в л. 6000 июня в 24 д.» Так в старшем списке. В Отенском списке: «святые отроки и мученики братия по плотя Иоанн и Иаков в Троицком Менюжском монастыре по Псковской дороге от Новгорода 30 поприщ, беша в л. 7000; мощи под спудом; службы нет, тропарь и кондак есть, память июня в 24 д.».

День двадцать пятый

ПАМЯТЬ благоговейных князей ДАВИДА и ЕВФРОСИНИИ, Муромских чудотворцев

Блаженный Давид, в иночестве Петр[1], князь Муромский, был второй сын князя Юрия Владимировича Муромского. Старший брат его Владимир Юрьевич с 1170 года наследовал после отца Муром. После того как болгары опустошили (в 1183 г.) окрестности Мурома, Муромские князья Владимир и Давид вместе с несколькими другими вступили в землю болгар с мечом и огнем и вознаградили потери подданных. В 1186 году Владимир и Давид Юрьевичи участвовали в походе великого князя Всеволода против Рязанских князей, нападавших на своих

[1] «Повесть о житии св. кн. Петра и Февронии, творение господина монаха Эразма», изданная без имени сочинителя, дополнила немногие верные сведения о св. князе вымыслами народного воображения (см.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 1). Таково сказание ее об Агриковом мече. Агриков меч и в сказке о Добрыне. Эразм сам говорит: «Писавшего мене, елика слышах». Ясно, что он писал не по летописям, а по слухам. Потому нельзя и ожидать от него многих верных известий, а скорее много неверного. Эразмова повесть писана около 1540 г., а новая редакция ее около 1560 г. В прологе из Эразмовой повести удержано вероятное, хотя и не все, и отвергнуто все сказочное.

братьев, князей Пронских[1]. В 1196 году три брата, князья Муромские, были у Всеволода на брачном пиру сына его; а в следующем году один Давид Юрьевич был у великого князя при выдаче дочери его в замужество[2]. По повести, пока жив был старший брат, «имеяше обычай блаженный Петр всегда приходить к брату своему на поклонение»: так уважал он старшего брата! В конце 1203 года (декабря 18 дня) князь Владимир умер и «на Муроме остался брат его Давид Юрьевич»[3].

По повести, когда святой князь принял правление после брата, пришлось ему испытать сильную борьбу с собою, но он вышел победителем. За несколько времени пред тем долго страдал он опасною болезнью, — тело его покрыто было струпьями. Славившаяся умом своим дочь «древолазца», бортника, излечила его мазью. По разговору и поступкам девушки князь признал высокие качества ума и сердца в дочери бортника и дал слово взять ее в супругу себе; но потом нашел неприличным для князя супружество с простою девушкою. Болезнь возобновилась. Евфросиния вновь вылечила князя, и признательный князь выполнил свое слово, сочетался с нею браком. Когда же после смерти брата вступил он на престол, муромская знать, конечно, подстрекаемая младшим братом и племянником, объявила: или пусть отпустит от себя супругу, оскорбляющую своим происхождением знатных жен, или же оставит Муром. Князь твердо помнил слова Господа: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучит. Кто отпустит жену свою и женится на другой, тот прелюбодей» (см.: Мф. 19, 6, 9). Потому, верный долгу христианского супруга, князь согласился отказаться от княжества. Он остался после того с небогатыми средствами к жизни, и печальные мысли невольно приходили ему на ум. Но умная княгиня говорила ему: «Не печалься, князь, — милостивый Бог не оставит нас в нищете». В Муроме скоро открылись раздоры непримиримые, искатели

---

[1] Пересл. л. 82. 98. 99; Собр. л. 1, 156; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. III, прим. 76, 153. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 3. И по повести, прежде св. Петра княжил в Муроме старший брат его, только неверно назван он Павлом. Точно так же напрасно она называет св. князя в мирском быту Петром и в иночестве Давидом. Наоборот в миру он был Давидом. Собр. л. 7, 244. Родосл. кн. в: Временник общества истории и древностей. Кн. 10. Ошибка в имени св. князя перешла и в печатный «Полный месяцеслов» (М., 1840).

[2] Пересл. л. 100. 102; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. III, прим. 80. Третий брат Юрьевич в Пересл. л. называется Игорем, а в Никон. л. (2, 261) — Юрием.

[3] Никон. л. 2, 298. Пересл. л. 108.

Благоговейные князья ДАВИД и ЕВФРОСИНИЯ, Муромские чудотворцы

власти схватились за мечи, и многие из вельможных потеряли жизнь. Бояре муромские принуждены были просить князя Давида и княгиню Евфросинию возвратиться в Муром. Так князь, верный долгу своему, восторжествовал и над врагами своими[1].

По летописям видим затем князя Давида принимающим участие в событиях России. В 1207 году он уличает пред великим князем Всеволодом старших рязанских князей в их неверности Всеволоду и дружинами своими помогает великому князю в войне с пронскими и рязанскими князьями. По окончании войны Всеволод отдал ему богатое Пронское княжество. В следующем году пронские князья осадили его в Пронске. Добродушный Давид послал сказать им: «Братья! Я не сам собою занял Пронск; меня посадил тут Всеволод, Пронск ваш». И спокойно возвратился в Муром[2]. Какое высокое бескорыстие! Какое глубокое уважение к долгу любви и чести! В 1214 году князь Давид ходил вместе с великим князем Георгием против ростовского князя, но на этот раз не было пролито крови, князья помирились[3]. В 1220 году войска князя Давида с воеводою участвовали в славном походе против болгар[4].

В Муроме правление князя Давида было правдолюбивое, но без суровой строгости, милостивое, но без слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу советами и делами благотворительности. Оба жили по заповедям Господа, всех любили и не любили ни гордости, ни неправедной корысти; покоили странников, облегчали участь несчастных, чтили иноческий и священнический чин, ограждая его от нужд. Оба вели жизнь постническую, чистую, целомудренную[5]. Один женатый возмущался нечистыми мыслями, смотря на прекрасную княгиню. «Почерпни воды из реки с этой стороны судна», — сказала княгиня (это было во время плавания по реке Оке); тот почерпнул; «испытай, какова?» Тот исполнил приказание. «Почерпни воды с другой стороны

[1] «Повесть о житии св. кн. Петра и Февронии, творение господина монаха Эразма»; пролог 25 июня.

[2] Пересл. л. 108. 109; Собр. л. 1, 181. 182; Никон. л. 2, 298; *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества.

[3] Переслав. л. 112. Никон. л. 2, 315. 316.

[4] Никон. л. 2, 342; Собр. л. 1, 188. 7, 126–128.

[5] «Повесть о житии св. кн. Петра и Февронии, творение господина монаха Эразма». Ркп. и печатный пролог 25 июня. Стихира службы: «От юности своей работая Христу, познали вы Сущего в мире как единого славного. Потому угождали Ему милостынею и молитвами. И по смерти подаете вы исцеление всем почитающим вас, Петр и Феврония».

судна и попробуй ее», — сказала княгиня. И когда тот выполнил волю ее, она спросила: «Находишь ли разность между тою и другою водою?» «Никакой», — отвечал тот. Святая сказала тогда: «Точно так одинаково естество женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой». Когда князь и княгиня достигли старости, то в одно время облеклись в иноческое одеяние, один с именем Петра, другая с именем Февронии[1]. На Пасхальной неделе 1228 года умер сын князя Давида, потом на той же неделе преставился сам князь-инок, а в один день с ним почила и блаженная Феврония[2]. Князь и княгиня, согласно с завещанием, положены были в одном гробе[3].

В начале XVI века «по всем странам прошла весть, что в городе Муроме явились славные чудотворцы, дарующие исцеление приходящим к ним»[4]. Собором 1547 года положено местно праздновать память князя Петра и Февронии; тогда же написана и служба им[5]. Впоследствии празднование стало повсеместным[6], и вероятно вскоре после того, как царь Иоанн Васильевич, на походе против Казани, в 1552 году благоговейно «покланялся в Муроме сродникам своим великим чудотворцам, князю Петру и княгине Февронии»[7].

---

[1] «Повесть о житии св. кн. Петра и Февронии, творение господина монаха Эразма»; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих / Изд. Н. Новиков. М., 1787.

[2] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих / Изд. Н. Новиков. М., 1787; Собр. л. 1, 191. 7, 134. 244. Никон. л. 2, 358. Святцы: «св. благов. кн. Петр и благов. кн. Феврония, Муромские чудотворцы (по сп. Общ. Ист. 231, «во иноцех») преставишася в л. 6735 к. июня в 25 д.». Год кончины по летописи 1228. И если по летописи скончались в апреле, то 25 день июня надобно признать за день открытия мощей. На иконе Русских святых князь и княгиня в иноческих одеяниях с надписью: «пр. кн. Петр Муромский, пр. Феврония Муромская».

[3] Пролог 25 июня.

[4] Минея на июль.

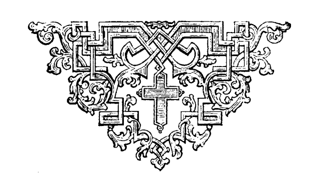
[5] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. Из двух канонов кн. Петру и Февронии один написан иноком Пахомием, написавшим житие и службу ярославскому князю Константину, другой — «творение Михаила мниха», написавшего службу кн. Александру (*Востоков А.* Описание Румянцевского музеума; Царского № 563).

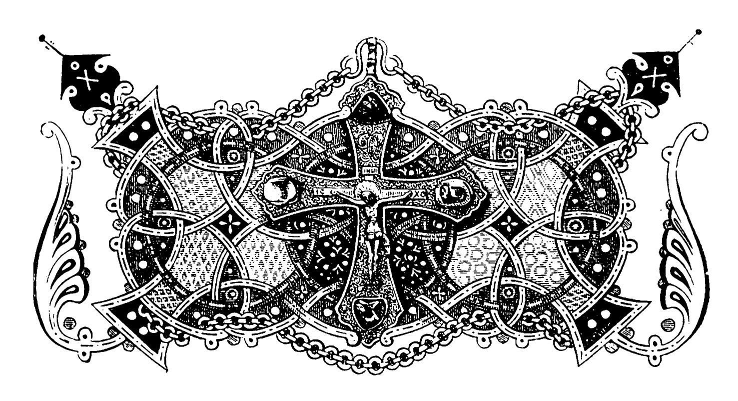
[6] В святцах устава XVI в. (Толстого 1. № 100): июня 26 «благов. кн. Петр и кн. Феврония, Муромские чудотворцы». В летописце 1715 г. записали: «того же (1693 г.) июня 25 на память благов. кн. Петра и кн. Февронии, до иночества Давида и Евфросинии, Муромских новых чудотворцев», праздновали в соборе восшествие на престол ц. Иоанна и Петра (Северный архив. СПб, 1826. Ч. 19).

[7] Никон. л. 7, 130. По писцовой книге 1687 г., каменный храм, где «лежат Муромские чудотворцы кн. Петр и кн. Феврония», строен был царем Иоанном Васильевичем, «образ Муромских чудотворцев на золоте», обложенный серебром и каменьями, — приношение того же царя (Владимирский сборник. Материалы для статистики).

Блаженные Давид и Евфросиния в жизни своей были образцом христианского супружества, готовые на все лишения для Евангельской заповеди о нерушимом союзе. И ныне они молитвами своими низводят небесное благословение на вступающих в брак. Так показывают многие опыты загробной жизни их.

Сыны человеческие! доколе быть вам с тяжелым глупым сердцем? Почему вы любите суету и ловите ложь? (Пс. 2, 8). *Что пользы, братья, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли вера спасти его?* (Иак. 2, 14).

День двадцать седьмой

ПАМЯТЬ
о блаженном старце
МАРТИНЕ

В Царстве Христовом нет ни раба, ни свободного (см.: Кол. 3, 11). Никакое звание не унижает христианина, и никакое занятие не составляет непреодолимой преграды к совершенству духовному. Земледелец, дровосек, кожевник, повар в Царстве Христовом имеют то же значение, что военачальник, градоправитель, судья. Наоборот гражданская свобода — не то же, что духовная свобода; с нею одною человек может остаться не выше степного животного. В Царстве Христовом нет места для гордости и своеволия. Смирение — основа и краса христианства. Оттого-то бывает, что пренебрегаемые миром, но верные закону Божиему неожиданно и для них самих оказываются великими пред Небом, удостаиваются посещения небожителей.

В городе Турове, ныне местечке Минской губернии, был монастырь святых князей Бориса и Глеба. Здесь была и кафедра Туровских епископов, впоследствии Минских. Здесь был повар Мартин. «Он служил при Туровских епископах Симеоне, Игнатии, Иоакиме и Георгии», из которых Иоаким известен по летописи в 1144–1146 (?) года[1]. «Епископ Георгий уволил Мартина от поварской службы по его старости». Благочестивый старец не хотел расстаться с монастырем;

[1] Собр. л. 1, 136. 2, 19. 25.

он «принял монашество и жил в епископском монастыре святых мучеников на болонье» (на выгоне). «Живя один, он часто бывал болен: кишки у него выходили в лоно», вследствие прежних тяжелых работ, от которых усердие его никогда не отказывалось. В припадках тяжкой болезни лежал он неподвижный, кричал от боли и не мог служить себе самому. «Раз, когда страдал он от той же болезни и лежал в келлие, изнемогал он от жажды, так как никто не посещал его тогда и не служил ему, — около монастыря была сильная вода». Монастырь стоял на реке Припяти, у которой под монастырем был рукав — Струмень; весною вода, разливаясь, покрывает окрестности, так что сообщение Турова с ближними деревнями бывает возможно только на лодках. «На третий день» беспомощного положения входят к Мартину святые мученики Борис и Глеб, явно, в своем виде, как пишутся они на иконе, и говорят: «Чем ты болен, старец?» Он рассказал им о своей болезни.

«Не хочешь ли воды?» — спросили они. «О! господа мои! — отвечал он, — уже давно жажду». Один взял ведро (ручку) и принес для старца воды; а другой взял ковш и напоил старца. И старец спросил: «Чьи вы детки?» — «Ярославовы», — отвечали они. Святые братья называют старшего брата великого князя Ярослава Владимировича отцом своим. Таково уважение святых к старшим! И при жизни своей святой Борис называл Святополка отцом своим, как старшего брата[1]. Но когда Святополк «окаянными» делами своими лишил себя прав на всякое уважение, святые называют Ярослава отцом своим. «Старец Мартин подумал: верно это слуги Ярослава Георгиевича». В 1146 году великий князь Изяслав (Георгий) посадил в Турове сына своего Ярослава[2]. И старец сказал: «Да умножит Господь Бог годы жизни вашей, господа мои, возьмите сами хлеб и соль и кушайте, а я уже не могу послужить вам». Они отвечали: «Нет, побереги себе; мы уйдем, а ты не болей и усни». Они перестали быть видимы, а старец оказался здоровым, сам встал, прославил

---

[1] Собр. л. 1, 55.

[2] Собр. л. 1, 186. 2, 19. Догадка, будто старец Мартин разумел Пинского князя Ярослава Георгиевича, известного в 1184 г. (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II, прим. 415. Т. III, прим. 64) вовсе не «всего естественнее» (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 3). Напротив вовсе непримирима со временем епископа Иоакима, тогда как Ярослав Юрьевич с 1148/1149 г. князь Туровский и епископ Иоаким 1144–1147 г. точно современники в Турове.

Бога и святых мучеников. Он жил еще год. Об этом рассказал он духовному отцу своему[1].

Память «об иноке Мартине» видим и в печатном прологе под 27 июня[2].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного СЕРАПИОНА КОЖЕОЗЕРСКОГО

По рукописным святцам, «преп. отец Серапион, иже на Кожеозере в Каргопольском уезде новый чудотворец, преставился в л. 7000 июня в 27 д.». Преподобный Серапион — прекрасное деревцо, принесшее превосходные плоды святой любви, после того как дикою отраслью привился он ко Христу Господу[3]. В числе Казанских пленных татар, принявших Святое Крещение, был молодой мурза Туртас Гравирович, принявший при купели имя Сергия. Он жил в доме боярина Захария Ивановича Плещеева, женившегося на Астраханской царице Ельякше, в крещении Иулиании. Царь ласкал его[4]. Сергий так искренно, так глубоко полюбил святую веру, что решился расстаться с миром, чтобы выполнять самые высокие правила новой веры. Обойдя иноческие

---

[1] «Слово о Мартине мнисе», помещенное в прологе Румянцева XV в. № 321 под 27 июня, напечатано у преосвящ. Макария (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 3). Здесь в вариантах напечатан и другой текст, из Макариевской минеи; но последний текст во многом переделан против древнего. Русский перевод следует первому тексту.

[2] Повесть о блаж. Мартине из пролога 27 июня перенесена в повествование о чудесах св. князей, помещенное в минее под 2 мая. Так видим ее и в минее св. Димитрия под 2 мая.

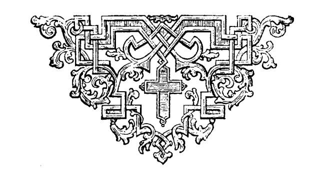
[3] Сведения о блаж. Серапионе извлеченные из рукописи в статье: «Кожеозерский монастырь», помещенной в «Московских ведомостях» (1852. № 83).

[4] О Ельякше см.: Никон. л. 7, 235. Туртасово или Турчасов погост в грамоте 1549 г. (Акты исторические. Т.1) и в грамоте 1536 г. (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1).

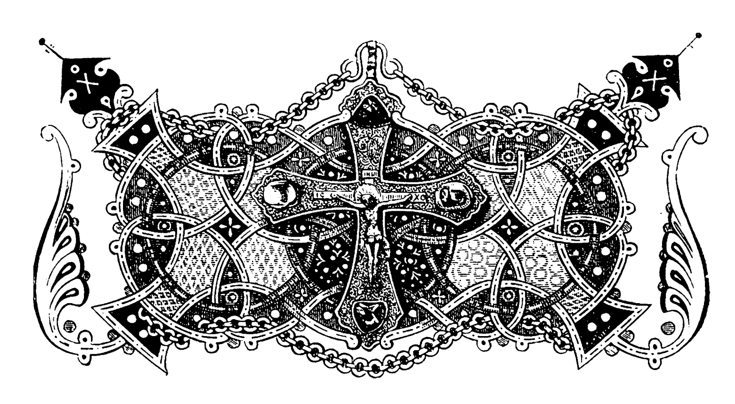
пустыни, на пустынном острове озера Кожи встретил он отшельника Нифонта, пленился жизнью его и остался жить с ним. Это было в 1560 году. Пищею для отшельников служила трава и частью ягоды; Сергий со всей точностью выполнял наставления Нифонта. После испытания, данного себе самому, Сергий просил старца постричь его в иночество; старец, видя искренность и чистоту желаний его, назвал его при пострижении Серапионом. Мало-помалу узнали строгих отшельников, и молва об их высокой жизни стала привлекать к ним ревнителей духовной жизни; отшельническая жизнь Серапиона продолжалась почти 18 лет. Когда собралось к Нифонту и Серапиону довольное число иноков, Нифонт оправился в Москву просить земли для обители; но он скончался в Москве, не начав дела там. В обители не знали о судьбе Нифонта и по недостатку съестных припасов стали чувствовать голод. По состраданию к страждущим Серапион отправился испрашивать подаяния. Ему дали хлеба в зерне и жернова; по мхам и лому хвороста он принес все это на себе в обитель и спас братию от голодной смерти. Узнав о кончине Нифонта, блаженный Серапион отправился в Москву. Здесь получил он царскую грамоту от 30 сентября 1584 года, которою предоставлялась земля для новой обители по 4 версты во все стороны; а митрополитом дана грамота с благословением на устроение монастыря. Возвратясь на свое место, блаженный Серапион расчистил с иноками для пашни лес, оградил место обители оградою и соорудил храм в честь Богоявления Господня; потом отправился к новому патриарху Иову, чтобы получить антиминс, и наименован был строителем монастыря. Скоро потом построен и освящен другой храм, теплый, в честь святителя Николая. Вот что говорил сам блаженный Серапион в просьбе своей к царю 1595 года: «Поставил он на Лопском озере на Кожеозере храм во имя Богоявления Господня, а другой теплый — святителя Николая; устроил общий монастырь; а строение его продолжалось 36 лет. Но ныне начали посылать с Москвы в их Богоявленский монастырь опальных людей, а им, старцам, и самим питаться нечем, и беречь тех людей некому: царской милостыни ни деньгами, ни хлебом не выдается: вотчинные земли Богоявленской обители всего четыре обжи на реке Онеге куплены, и они сами, приезжая, пашут пашню, а крестьян у них нет; сами же варят соль в Пияле для монастырского расхода; да на посаде в Турчасове куплен для приездов двор. Мимо монастыря их проходили царские ратные люди, и они, помогая им

и доставляя подводы, много задолжались». Вследствие сей просьбы царь освободил земли Кожеозерской обители от податей и повинностей[1]. В 1608 году, по прошению отягченного старостью подвижника, поставлен был в игумена обители Аврамий, ученик его. Блаженный Серапион скончался 27 июня 1611 года, оставив после себя до 40 иноков в общежительной обители своей.

Жизнь преподобного Серапиона говорит нам: *Мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его* (Рим. 6, 11–12).

[1] Акты исторические. Т. 1.

День двадцать восьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КСЕНОФОНТА РОБЕЙСКОГО

Преподобный Ксенофонт полагал начало иноческой жизни под руководством преподобного Варлаама Хутынского; по удалении преподобного Антония из Хутыня, был он игуменом в Хутыне, потом удалился за 25 верст от Новгорода и на берегу речки Робейки основал пустыню с храмом Святой Троицы. Так как по летописи в 1230 году видим Хутынским игуменом Арсения[1], то конечно незадолго перед тем было удаление преподобного Ксенофонта из Хутыня и основание пустыни на Робейке. Отселе вполне вероятно и то, что преподобный почил в своей обители не позже 1245 года; днем кончины его было 12 число июня. Мощи его почивают под спудом в часовне упраздненной пустыни его. Тропарь и кондак в честь его написаны еще в древнее время[2].

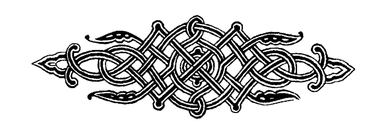
[1] Собр. л. 3, 47.

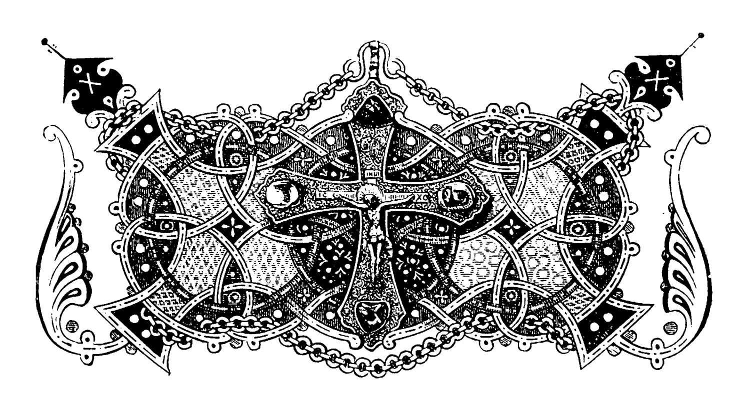
[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV. В 1582 г. в Ксенофонтовой пустыни были два храма, из них один каменный, — в 6 келлиях настоятель с 5 братьями, а 8 келлий пустые (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах). По Отенскому списку святцев, «прп. Ксенофонт, ученик прп. Варлаама Хутынского, строитель Троицкого монастыря, иже на Робьи реке от Новгорода 16 поприщ, преставился в л. 6770 (1262) июня в 28 день; мощи под спудом; службы нет, тропарь и кондак есть».

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ святых КИРА и ИОАННА, бессребреников и чудотворцев

Мощи святых мучеников, пострадавших в гонение Диоклитианово (см. 31 января) в городе Канопе близ Александрии и погребенных там, найдены нетленными около 400 года и положены в церкви Апостолов, а в 412 году по особенному откровению перенесены святителем Кириллом архиепископом в подгороднее село Мануфин, в новосозданную в честь их церковь. Господь прославил их чудесами.

Память святых мучеников Плутарха, Леонида, Диоскора, девицы Потамиены, Маркеллы, Раисы и многих других, пострадавших в Александрии, в гонение Септимия Севера, в 202 году. Плутарх и Раиса были сожжены, а Патамиена брошена в котел с кипящею смолою, как и мать ее, Маркелла.

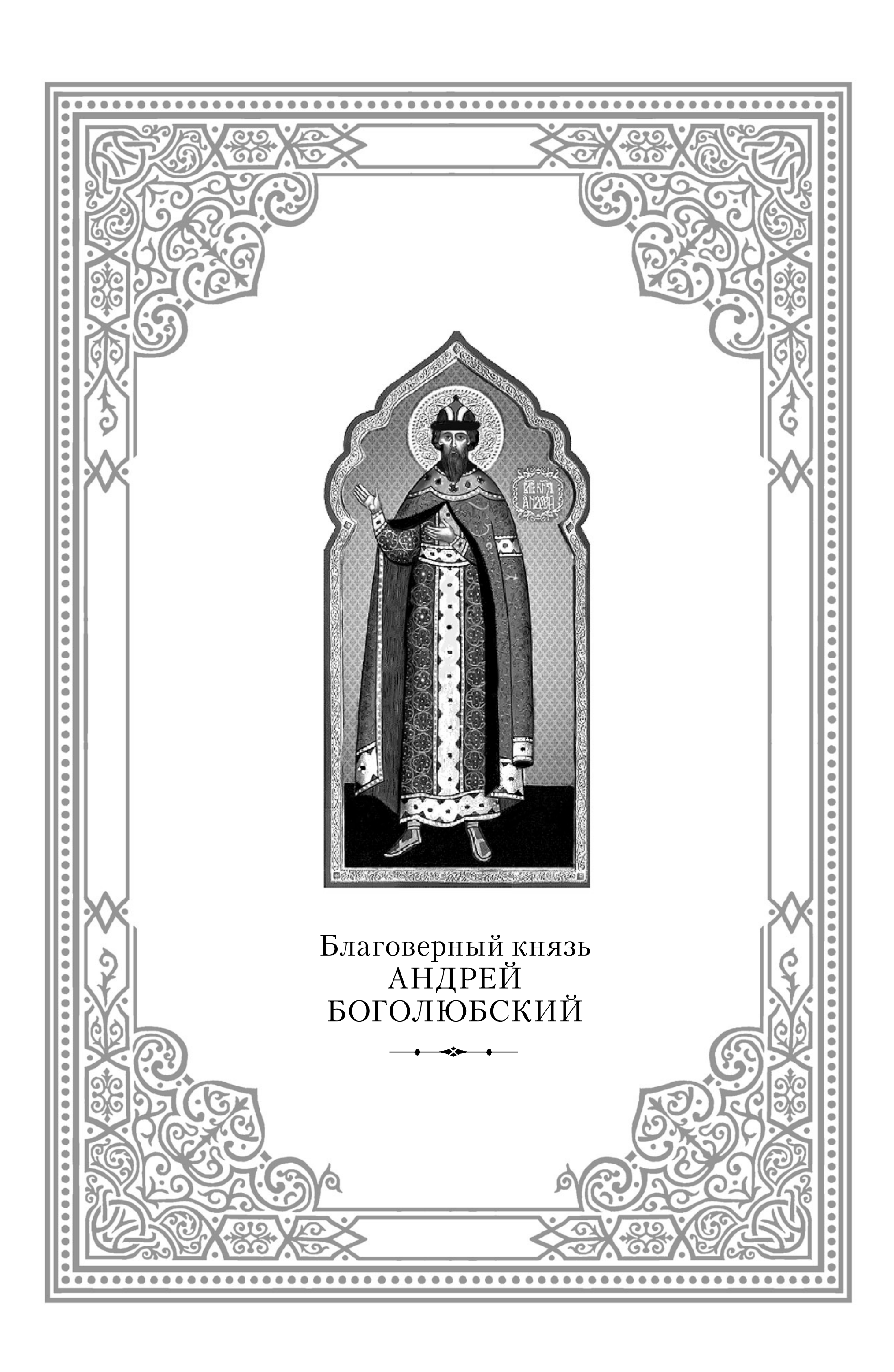
День тридцатый

ПАМЯТЬ благоверного князя АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Благоверный князь Андрей, сын великого князя Юрия Долгорукого, как удельный князь, в разное время владел Пинском, Дорогобужем, Пересопницею, Вышгородом. В молодых летах отличался он воинскою отвагою. Под Луцком (1150 г.) он гнал неприятелей и был окружен ими на мосту; конь его пробит был двумя копьями, камни сыпались на него градом; тяжелый немец занес на него рогатину, но он с молитвою в душе отразил от себя удар и возвратился к своим целый[1]. В 1151 году пылкий Андрей подвергался опасности под Киевом; бросясь на другую сторону реки, он гнал стрелков неприятельских к городу, но был оставлен своими; один из его дружины, схватив за узду коня Андреева, удержал его и тем спас от плена, если не от смерти. В 1152 году в жаркой битве при реке Руте Андрей сильным ударом изломал свое копье, шлем слетел с головы его и щит упал на землю, но и на этот раз Господь спас набожного князя[2].

При личной храбрости, князь Андрей не любил в душе неумолкаемого шума южных усобиц, столько бед наносивших югу для призраков

[1] Воскр. л. 2, 3; Никон. л. 2, 113; Собр. л. 1, 140.
[2] Собр. л. 1, 245. 2, 63.

Благоверный князь
АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

власти и славы[1]. Рожденный и воспитанный на севере, он стремился душой в свою отчизну Владимир и не раз просил отца отпустить его туда[2]. Туда звали Андрея и родные жены, хотя вовсе не для него, а для себя[3]. В 1154 году, после многих кровавых битв, отец его стал великим князем Киева и дал сыну Вышгород с тем, чтобы в его храбрости иметь близкую опору себе. Но Андрей в следующем году тайно, вопреки желаниям отца, отправился в северную отчизну. Он взял с собою из Вышгорода чудотворную икону Богоматери, доставленную туда из Константинополя. С этою иконою, в 10 верстах от Владимира, лошади остановились и не шли вперед, а явившаяся Богоматерь, во время ночной молитвы Андрея, объявила, что икона ее должна быть во Владимире, а не в Ростове; это значило и то, что Кучковичи лгали для корыстных целей своих, уверяя Андрея, будто ростовцы с нетерпением ждут его. Благоверный князь велел изобразить Богоматерь в том виде, в каком явилась Она ему, и на месте видения велел строить обитель и храм в честь иконы Боголюбской[4]. Место это получило от него название Боголюбова, как ознаменованное знамением любви небесной, и оно стало любимым местом пребывания его. Поныне еще цела каменная пристройка к Боголюбскому храму, где жил князь Андрей и где довелось ему окончить жизнь. Оставаясь удельным князем Владимирским, он теперь заботился улучшать состояние княжества своего, — по мере способов своих.

Когда умер отец Андрея Юрий, князь Суздальский и Киевский (1157 г.), ростовцы и суздальцы, узнав вблизи высокие качества Андрея, признали его своим князем, хотя и не того желал Юрий[5]. Так благоверный Андрей стал великим князем северной России. Теперь круг

---

[1] Никон. л. 2, 1511. «Смущашеся (Андрей) о нестроении братии своей, братавичев и сродников и всего племени своего, яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху и много крови лияшеся, вси желающе великого княжения Киевского, и нет никому ни с кем мира. И от сего вси княжения опустеша, — а от поля Половцы выплениша»...

[2] Летопись под 1152 г. Андрейже (отцу): «на том есми целовали крест яко поити ны Суждалю — и иде во свою волость Владимерю» (Собр. л. 2, 144).

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II, прим. 383. «Прииде из Киева в град Владимир князь Андрей Юрьевич без отча повеления, его же лестью подьяша Кучковичи».

[4] Собр. л. 144. 148. 2, 77. 78. Переслав. л. 66. 72. Ркп. житие св. кн. Андрея см. в: *Доброхотов В.И.* Древний Боголюбов-город и монастырь с его окрестностями. М., 1852 (далее — *Доброхотов В.И.* Древний Боголюбов-город. — *Ред.*). Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы. Ч. 3, отд. 1, 2. О пути кн. Андрея из Вышгорода во Владимир см. в: Владимирский сборник. Материалы для статистики.

[5] Собр. л. 1, 149. 2, 81. 9, 209; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 3.

действий его расширился. И дела его можем мы рассмотреть: а) в отношении к соседним областям — к Болгарии, к Новгороду, к Киеву; б) дела в его собственном княжестве.

Болгары и прежде князя Андрея платили дань Суздальскому князю. При нем оказались оскорбления для русских со стороны болгар-магометан. Великий князь Андрей решился образумить их, для славы имени Христа. Он отправился к ним с многочисленным войском. Чудотворная икона Богоматери и икона Спасителя, что замечательно для нашего времени, благословляющего именословно[1], находились в войсках его вместе с крестом. Болгары не раз были разбиты, несколько городов их взято, торжество над ними было полное. Возвращающиеся чудные иконы все духовенство и народ встретили торжественно на берегу реки Клязьмы сентября 21-го 1164 года и на месте встречи поставлен был храм в честь Богоматери, к которому потом каждый год 21 сентября бывал крестный ход из собора. В то же самое время император Мануил одержал победы над магометанами арабами. Потому поставлено было и в Греции, и в России праздновать кресту Христову в 1 день августа[2].

В отношении к Новгороду великий князь Андрей в самом начале правления своего объявил (1159 г.): «Хочу искать Новгорода добром и лихом». Это значило, что по сознанию умного и дальновидного князя демократия богатого и сильного княжества не способна была доставлять всей пользы при раздробленной власти, и он положил смирить ее для пользы всей России; в продолжение всего княжения стремился он к этой цели и достиг ее: Новгород слушался великого князя Андрея. В 1159 году он сказал новгородцам: «Вы должны целовать крест в том, что будете признавать меня своим князем, а я буду заботиться о вашем счастье». И на другой год новгородцы уже просили у Андрея себе князя; слова его были взвешены, поняты и приведены в исполнение[3]. В 1167 году

[1] Ныне в иконостасе Московского Успенского собора; надпись говорит, что икона была при войске Боголюбского 1164 г. и что «князь с воинством его видеша от сего образа лучи огневны и весь полк покры». Икона писана не в России, а в Греции: это показывают греческие слова, написанные на ней. Древности Российского государства. Отд. VI.

[2] Собр. л. 1, 150. 151. 5, 162. 6, 11. 7, 77; Книга степенная. Ч 1. Пролог авг. 1. «Аз же написах сие малое писание повелением ц. Мануила и всего причта, да празднуем праздник сей во славу Спаса нашего и Пречистыя Его Матери». Сочинитель повести, хотя и видел царя Мануила, но он владимирец, а не грек. Праздник Спасу в 1 день августа — в кондакаре XII в. (Чт. ОИДР. 1846. № 3).

[3] Летоп. Сузд. и Воскр. под 1159 и 1160 г.; Киев. под 1160 и 1161 г.

новгородцы выгнали назначенного Андреем князя Святослава. Князь Андрей с войском объявил: «Нету вам князя иного, разве Святослава». Новгородцы захотели стоять на своем, приняли князя не по воле великого князя Суздальского. Мало того — часть новгородских владений уже платила дань князю Андрею. Но в 1169 году новгородцы захотели, чтобы эта часть вновь платила дань Новгороду. То и другое вызвало войну. Как ни сильно пострадало Суздальское войско под Новгородом, но Новгород вынужден был смириться пред великим князем Андреем[1].

В Киеве после Юрия, отца Андреева, в первые годы княжили князья, старшие князя Андрея. Когда же после блаженного князя Ростислава занят был Киев князем Мстиславом Изяславичем, это было обидно для князя Андрея. Мстислав был троюродный племянник князя Андрея. Открылась (1169 г.) война, и сын Андрея посадил на Киевском столе дядю своего князя Глеба. Спустя два года Глеб умер, затем скоро умер и князь Владимир; в 1171 году по воле Андрея занял престол Киевский князь Роман Смоленский.

Резкий отзыв князя Андрея о Ростиславичах вооружил против власти его многих южных князей. После несчастной Вышегородской осады Киевский престол занят был помимо воли Андрея; но скоро затем юг опять покорился сильному князю Суздальскому[2]. Таков был Суздальский великий князь Андрей в отношении к другим княжествам: он положил начало единодержавию России.

Много, очень много сделал он благодеяний для своего северного княжества.

Увеличив крепость Клязменского Владимира, заложил он великолепный собор в честь Успения Богоматери. С полным усердием наблюдал он сам за построением этого храма и не щадил издержек. Камень для храма привозим был из каменоломен болгарских. Внутренняя отделка и украшение собора совершались самою щедрою рукою: дорогие каменья, серебро, золото покрывали иконы; несколько сосудов и крестов было золотых. Когда храм был готов, в нем поставлена чудная икона Богоматери: «на нее употребили более 30 гривенок (15 ф.) золота, кроме серебра и дорогих камней». Храм заложен был апреля 8-го 1158 года, а освящение совершено июня 21-го 1160 года и в следующем году внутренние стены его были расписаны. Князь назначил для собора лучшие

[1] Летоп. Киев. и Воскр. под 1167, 1168–1177; Новгород. под 1168–1169 г.

[2] Киев. и Воскр. л. под 1169–1171 г.; Новгород. под 1167–1169 г.

имения с купленными поселенцами, десятую часть из стад и десятый торг; он назначил быть здесь кафедре и все это утвердил грамотою. Он даже просил патриарха, чтобы для северной России назначен был особенный митрополит и кафедра его была бы во Владимире; но патриарх не согласился выполнить желание его, опасаясь раздоров[1].

В 1165 году, оплакивая смерть сына своего Изяслава, Боголюбивый построил, для молитвы за усопшего, монастырь Покровский; это в версте от Боголюбова, при впадении реки Нерли в Клязьму[2].

Современник говорил, что благочестивый князь «церкви украси, монастыри многа созда, кормитель бе чернецом и черницам и убогим»[3]. Этот отзыв дает право положить, что кроме двух обителей (Боголюбской и Покровской) святым князем Андреем построены были Владимирский Вознесенский монастырь, известный по летописи с 1187 года, Владимирский Спасский у золотых ворот, устроенных князем Андреем[4], Владимирский Успенский девичий, от коего Княгинин 1200 года отличается именем нового[5]. Козмодемьянский, коего игумен Арсений решился внести тело убиенного князя в храм[6].

В управлении своею страною благоверный князь старался наблюдать строгую правду. Если он заставлял родных князей удалиться из Суздальской страны в Грецию[7], то и отец его не давал даже сыновьям своим уделов в Суздальском княжестве; князь Андрей не хотел видеть раздробленною и оттого слабою власть княжескую в земле Суздальской; он желал быть в состоянии делать добро другим столько, сколько хотелось ему по влечению сердца христианского. Сам проводя жизнь трезвую, чистую, деятельную, он награждал добрых, но преследовал пороки в других строгостью закона. По летописи, в народе говорили: «Где закон, там и обид много». Это значило, что своеволию не нравится то, что полагает ему границы, ему «свой суд короче». Благоверный князь был сострадателен к несчастным до того, что иногда сам ухаживал за больными; а для бедных и заключенных в темницах развозили,

---

[1] Собр. л. 1, 149. 150. 2, 81. 82. 111. 112; Переясл. л. 74 и 83; Никон. л. 2, 175–177. 179–889.

[2] Собр. л. 2, 84; ркп. житие кн. Андрея.

[3] Собр. л. 2, 112; Переясл. л. 73.

[4] Собр. л. 1, 170. 198.

[5] Владимирский сборник. Материалы для статистики.

[6] Собр. л. 2, 115.

[7] Никон. л. 2, 175; Собр. л. II, 91.

по его приказанию, пищу и мед[1]. Боголюбивый любил христианское просвещение и прилежно читал книги; особенно много заботился он о просвещении христианскою верою магометан-болгар, язычников черемис и мордвы, иудеев — жителей каждого торгового города: много заботился он и о присоединении папистов к Святому Православию. При дворе его много жило обращенных к святой вере[2].

Вам дано о Христе не только веровать в Него, но и пострадать за Него (Флп. 1, 29), писал апостол некоторым из учеников своих. Тот же дар дан и блаженному князю Андрею. За живую, пламенную любовь свою к Господу он удостоен страдальческой кончины. Это было на 63 году жизни его[3].

Близкий родственник князя Андрея, Аким Кучкович с зятем, озлобленный тем, что брат его казнен за какое-то преступление, Анбал Ясин, крещеный язычник, Ефрем Моизич, крещеный жид, составили заговор на жизнь Андрея и присоединили к себе еще до 16 человек; одни из заговорщиков пылали злобою за то, что справедливый князь не дозволял им, вопреки их надеждам, весело жить на счет других[4]; другие рвались от зависти и негодовали на князя за то, что он верного и лучшего слугу своего Прокопия отличал особенною любовью. Все они были осыпаны милостями князя, и Анбал был полным распорядителем в домашнем хозяйстве князя; но страсть, то же что ад, не скажет: довольно. В пятницу злодеи составили заговор и решили убить Андрея на другой день ночью. В глубокую ночь вооруженные заговорщики пришли к дворцу в Боголюбов, зарезали стражей, вломились в сени, подходили к спальне князя; но ужас напал на них, — они бросились бежать из сеней; в погребе княжеском напились вина и опьяневшие пошли опять в сени. У спальни один из них стал звать князя: «Государь! Государь князь великий!» Андрей, услышав голос, спросил, кто там. Ему отвечали: Прокопий. «Это

---

[1] Собр. л. 1, 156. 2, 112. 9, 209. 251.

[2] Козма, оплакивая благоверного князя, говорит: «Бысть придет гость из Царяграда или из иной какой страны, из Руси ли, Латинянин ли, христианин ли, или язычник, ты приказываешь: ведите его в церковь и ризницу, пусть смотрит на истинное христианство и крестится, что и бывало; крестилось много» (Собр. л. 2, 115; ркп. житие в: : *Доброхотов В. И.* Древний Боголюбов-город).

[3] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 3. Отец Андрея женился в 1107 г., а Андрей был второй сын его и по смерти брата Ростислава оставался старшим (Суздал. л. под 1107, 1148, 1115 г.), следовательно, родился он в 1111 г.

[4] «Книга степенная» (Ч. 1) верно показывает положение дела: «окаяннии Кучковичи, надеющеся же к себе милости самодержца, неудобная содеваху».

не Прокопий», — громко сказал князь спавшему в его комнате отроку. Убийцы, узнав по голосу, где князь, стали ломать и — выломали двери. Андрей вскочил, хотел схватить меч, который был всегда при нем (он принадлежал святому князю Борису); но меча не было, — ключник Анбал украл его днем. Двое убийц вскочив бросились на Андрея, но он был силен и сшиб одного с ног, как вбежали прочие; впотьмах они убили товарища вместо князя, потом, узнав, напали на князя. Долго отбивался князь, несмотря на то, что со всех сторон рубили его саблями и кололи копьями. «Нечестивцы! — кричал он им, — зачем хотите вы сделать то же, что Горясер (убийца святого Глеба)? Какое зло сделал я вам? Господь отмстит вам за кровь мою и за неблагодарность к милостям моим». Наконец блаженный Андрей упал под ударами. Убийцы подумали, что дело кончено, — князь убит; гонимые страхом, схватили товарища и поспешили уйти из спальни. Князь поднялся на ноги и, в беспамятстве стоная громко, вышел в сени. Убийцы услыхали стоны и воротились. Не найдя его в спальне, они испугались: «Погибли мы, если не найдем его», — сказали они. Зажгли свечи и следом крови дошли до князя; Андрей сидел под крыльцом. Зять Кучкова отрубил ему руку; другие вонзили в грудь мечи. Андрей успел сказать: «Господи! В руки Твои предаю дух мой», — и скончался. Это было ночью с 29 на 30 июня 1174 года[1]. Утром следующего дня убив Прокопия, убийцы ограбили во дворце княжем серебро, золото, дорогие камни, жемчуг, ткани и отправили ограбленное по домам. Затем и сами, и чрез своих взволновали народ против верных чиновников князя; начались грабежи и убийства такие, что страшно было смотреть, — говорит очевидец.

---

[1] В 1-й Новгород. л. «в л. 6682 (1174) убиша к. Андрея на кануне святых Петра и Павла в ночь» (Собр. л. 3, 16). Лавр. сп.: «убиен же бысть в субботу на ночь и освете заутра мертв в неделю, на память 12 Апостол». Следовательно, убит ночью с 29 числа на 30. Год здесь, в повести, не показан. Киев. л.: «в л. 6683 (1175) убит быша вел. князь Андрей Суздальский, — м. июня в 28 д., канун св. апостолов, день бе тогда суббота». Следует затем повесть, где повторяются слова, показанные в Лавр. сп. (II, 111. 114). Воскр. л.: «того же л. (6683=1175) убиен бысть князь Андрей Боголюбский». Далее: «бысть же в субботу на ночь, на память св. ап. Петра и Павла» явились в дворец князя. Блаженный конец прият месяца июня в 29 день на память св. ап. Петра и Павла» (VII, 89. 90). То же в Соф. л., но только здесь еще яснее сказано: «идущим им в субботу на ночь, а того дни был праздник» (Собр. л. 5, 164. 165). То же в Никон. л. IX, 249. 250. В 6682 г. июня 29 день было в субботу, а 28 в пятницу. А в 6683 г. суббота была 28 июня. Итак, если утро, следовавшее за смертью, было 30 июня, то это было в 1174 г. и князь убит ночью с 29 на 30 число того года.

Святое тело благоверного князя, брошенное в огороде, валялось без призора; добрый слуга Козма, отыскав его, стоял и горько плакал над ним. Увидев Анбала, идущего во дворец, Козма вскричал ему: «Дай ковер или что-нибудь покрыть князя». — «Оставь его, — сказал со злобою Анбал. — Мы кинули его на съедение псам». — «Изверг! — воскликнул добродушный слуга. — Помнишь ли, в каком рубище пришел ты к князю? Теперь ты в бархате, а князь, благодетель твой, лежит нагой». Анбал дал ковер и епанчу; Козма прикрыл тем тело усопшего[1] и положил в притворе церкви. На третий день, когда еще мятеж не кончился, Козмодемьянский игумен Арсений отдал возможную почесть убиенному благотворителю-князю. «Долго ли нам ждать распоряжения старших? — сказал он. — Неприлично так лежать князю. Отоприте церковь, и совершим должное». Тело внесли в церковь, совершили над ним погребальное пение и опустили в могилу, выложенную камнем[2]. Между тем дурные люди, являясь из сел, продолжали грабежи в городе. С чудотворною иконою Богоматери добрый священник, служивший при ней, ходил по городу, уговаривая народ прекратить беспорядки своеволия, никогда не угодного Господу, — наконец волнение страстей утихло. На шестой день (5 июля) владимирцы торжественно перенесли тело благоверного князя в свой собор и здесь похоронили. По словам летописи, князь Андрей был невысок ростом, но широк в плечах, красивый лицом, с волосами черными и кудрявыми, с высоким челом, с очами светлыми и большими[3].

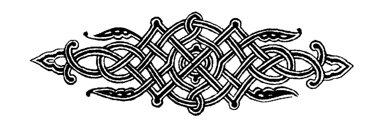
[1] «И свържe (Анбал) къверъ и корзно и обви (Козма) его» (Андрея). Итак корзно — одежда, которою можно было обвивать тело, иначе — княжеский плащ или мантия. Кн. Владимир «покры и (кн. Игоря, с которого сорвали одежду) корвном» (Собр. л. 1, 1138), по Воскр. л. «одеждою своею» (Собр. л. 7, 41), по Никон. л. «ризою» (2, 101).

[2] Киев. л. Арсений: «отомкнете божницю, да отпою над ним; вложим и любо си в буди, любо си в гроб, — Клирошане — внесоша в божницу и вложиша и в гроб камен, отпевше над ним погребальное со игуменом Арсением». Последняя мысль, что тело, уже отпетое, положено в каменный гроб, яснее выражено в Воскр. и Никон. л. (Собр. л. 2, 115. 7, 90. 9, 250). Итак, что это за каменный гроб и что за буда? «Будовать» — строить и преимущественно деревянную постройку, тогда как о каменной постройке на юге говорят: «муровать, смуровано». На севере будою называется поныне лодка, выдолбленная из одного дерева. Итак буда — выдолбленный из дуба гроб, колода. Камень гроб, по течению мыслей, — могила, выложенная камнями, — Летопись и при другом случае в том же смысле употребляет слово — гроб. «Когда же несяху (отпетое тело князя) ко гробу», — к могиле: «дивно знамение бысть» (Собр. л. 7, 33).

[3] Собр. л. 1, 156–158. 2, 111–116. 7, 89. 90; Книга степенная. Ч 1. «Поп Микулица», ходивший с св. иконою по городу и потом с духовенством встречавший тело

Уже при великом князе Всеволоде летописец, описав кончину благоверного князя, обращался к нему с молитвою. «Молись Богу, — говорил он, — помиловать князя Всеволода, нашего государя, а своего родного брата, да подаст ему победы над врагами, долгую жизнь с княгинею и детьми, и в вечности блаженство»[1]. В последствии времени также не сомневались в блаженном покое благоверного князя[2]. Ныне мощи святого князя почивают открыто в серебряной раке в приделе, посвященном его имени. Здесь есть образ святого князя, шитый шелками царевною Софией. Святые мощи обретены нетленными и поставлены открытыми 15 октября 1402 года. На гробнице его надпись:

Бог дивный во святых
Хранит вся кости их,
И ни единая от них не сокрушится,
Да имя Божие святится.
Зреть тленное нетленным существо
Неверию — соблазн, а вере торжество[3].

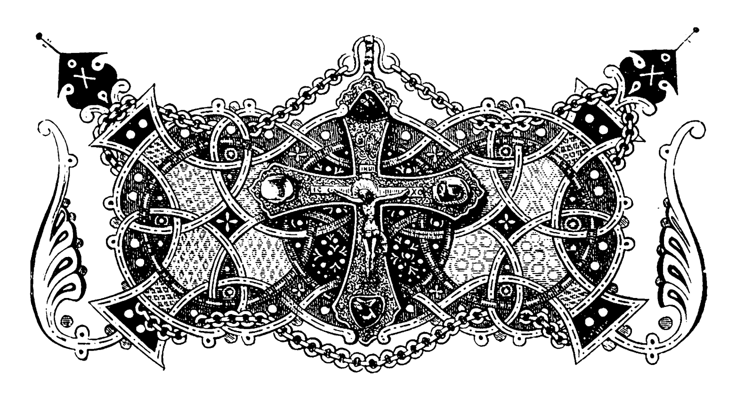

князя Андрея перед городом, прибыл с князем Андреем и св. иконою из Киевского Вышгорода. «Поят с собою крылошаны Вышегородские, попа Микулу» (Синодал. летоп. № 349, *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II, прим. 383).

[1] Собр. л. 1, 158. 9, 251.

[2] «Книга степенная» (Ч. 1), говорит убийцам: «Своему господину исходатайствовали вы вечную жизнь и Царство Небесное». Во Владимирском Успенском храме 1649 г. в иконостасе образ Спасителя представляет коленопреклоненных пред Спасителем — по левую сторону кн. Андрея Боголюбского, по правую — князя Александра Невского (Владимирский сборник. Материалы для статистики).

[3] *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
святитель
ИОАНН,
митрополит Тобольский

Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири, чудотворец, в миру Иоанн Максимович, родился в городе Нежине в 1651 году. У его отца Максима Васильевича и матери Евфросинии было семеро сыновей, из которых Иоанн был старший. По окончании Киево-Могилянской Коллегии (позже преобразованной в Киевскую духовную академию) будущий святитель был оставлен при ней учителем латинского языка. Тогда же, в 1580 году, он принял в Киево-Печерской обители монашество и углубился в подвиг внутреннего делания. С общего согласия братства молодому иноку поручили ответственное послушание проповедника. С того времени и начал раскрываться его исключительный талант красноречия и благодатные дарования. Святой Иоанн придавал особое значение внутреннему религиозному самопознанию. Сразу же определилась и главная тема его жизни: «Как человек должен свою волю согласовывать с волею Божией?» Ее он развивал и в проповедях, и в своем последующем миссионерском служении. Ответом на нее явился труд, изданный в конце его долгой подвижнической жизни под названием «Илиотропион (Подсолнечник), или сообразование человеческой воли с Божественною

волею». Из многочисленных творений святых отцов Православной Церкви оно наиболее полно отвечает на этот большой вопрос христианской сотериологии.

В 1685 году святого Иоанна отправили с посольством в Москву. Там патриархом Иоакимом (1674–1690) он был назначен наместником Брянского Свенского монастыря, подчиненного тогда Киево-Печерской Лавре.

Святитель Феодосий архиепископ Черниговский в 1695 году, незадолго до своей кончины (1696 г., память 5 февраля), назначил иеромонаха Иоанна архимандритом Черниговского Елецкого монастыря и наметил его своим преемником по кафедре. Святитель Иоанн благоговел к памяти святителя Феодосия, веруя в силу его молитвенного предстательства пред Господом, и по своей вере получил благодатное исцеление от тяжелой болезни по молитвам святителя Феодосия. В самый разгар болезни ему явился святитель Феодосий и сказал: «Служи завтра — и будешь здоров». На другой день святитель, совершенно здоровый, к удивлению всех отслужил Божественную литургию. Чудо исцеления святителя Иоанна послужило началом чествования святителя Феодосия как благодатного угодника Божиего.

10 января 1697 года патриарх Московский и всея Руси Адриан (1690–1700) с собором епископов хиротонисал архимандрита Иоанна во епископа Черниговского в Большом Успенском соборе Московского Кремля.

По вступлении в управление епархией епископ Иоанн создал при Черниговской архиерейской кафедре Коллегиум, подобно Киевской академии, который, по мысли святителя, должен был украсить «Черниговские Афины» — школу просвещенного благочестия.

Ввиду высокого уровня богословского образования и воспитания, школа святителя Иоанна получила широкую известность. По существу — это была первая семинария в России, по образцу которой стали открываться духовные семинарии в других епархиях Русской Церкви.

Тогда же святитель открыл типографию, в которой он и его преемники издали много сочинений духовно-нравственного содержания.

Жизнь святителя Иоанна светилась высокими добродетелями, особенно же смирением. Она отобразилась и в его творениях: «Нравоучительное зерцало» (Чернигов, 1703 и 1707), «Алфавит, рифмами сложенный» (1705), «Богородице Дева» (1707), «Фиатрон, или позор нравоучительный» (1708), «Толкование на 50-й псалом» (Чернигов, 1708),

«Толкование на “Отче наш” и восемь блаженств евангельских» (1709), «Царский путь Креста Господня» (Чернигов, 1709), «Богомыслие в пользу правоверных» (1710-1711). «Синаксарь о победе под Полтавою» (1710), «Путник» (рукопись), «Духовные мысли» (Москва, 1782).

В Чернигове в 1714 году святитель впервые издал и свой главный труд, написанный на латинском языке. Особенностью выпускников Киевской школы было то, что свои сочинения они писали на классической латыни. Профессор И. А. Максимович в 1886 году перевел «Илиотропион» на современный русский язык и издал в начале по частям в «Черниговских епархиальных ведомостях», затем отдельной книгой (Киев, 1896). Сокращенный вариант опубликован в «Журнале Московской Патриархии» (1976, в номерах 5, 6). С именем святителя Иоанна связан также «Латино-греко-российский лексикон».

Известна связь святителя Иоанна со Святой горой Афон. Он принимал особенно горячее участие в судьбе русских насельников Святой горы, оказывая им существенную материальную помощь в те тяжелые годы. Сохранилась его архиерейская грамота в Русском Пантелеимоновом монастыре, свидетельствующая об его отношении к святогорцам.

14 августа 1711 года святитель Иоанн по возведении в сан митрополита прибыл на кафедру Тобольскую и всея Сибири. Святитель неустанно заботился о просвещении своей епархии. Там он продолжил дело, начатое в Чернигове: усовершенствовал школу, открытую его предшественником, знаменитым миссионером святым митрополитом Филофеем (Лещинским; 1727, память 10 июня Собор Сибирских святых), продолжил апостольскую проповедь среди язычников Сибири, обратив к Христу многие тысячи людей. В 1714 году святитель Иоанн отправил в Пекин миссию во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским). В Тобольске он вновь приступил к издательскому делу, использовав созданную им в Чернигове типографию. К тому времени относится издание митрополитом Иоанном «Илиотропиона» на славяно-русском языке (1714), чтобы его понимали и сибиряки.

О жизни святителя в Сибири летописец говорит: «Был тих, скромен, благорассудлив, о бедных сострадателен, милостив». Часто он помогал людям. Тайно, а иногда в одежде простого инока, приносил в дома нуждающихся щедрую милостыню со словами: «Примите во имя Иисуса Христа». Его дом в Тобольске всегда был открыт для всех нуждавшихся в помощи и слове утешения. Даже в день преставления

10 июня 1715 года святитель Иоанн, после Божественной литургии, как это было в обычае у него и раньше, устроил в своем доме трапезу для духовенства и бедняков и сам прислуживал за столом. Затем, простившись со всеми, святитель удалился в свои покои и во время благовеста к вечерне скончался в молитве, стоя на коленях. Святитель был погребен в приделе святителя Иоанна Златоуста Тобольского Успенского Софийского собора.

Святитель Иоанн издавна чтится в Сибири. Ввиду многочисленных чудес и давнего местного почитания святителя Иоанна в 1916 году Русская Церковь установила празднование памяти святителя в день его преставления к Богу 10 июня.

Память о святителе Иоанне бережно хранят сибиряки и все верующие русские люди. Его святые мощи и поныне почивает в Тобольском соборе Покрова Божией Матери. Служба ему была переиздана по благословению святейшего патриарха Алексия I митрополитом Варфоломеем (Городцовым) в 1947 году в городе Новосибирске.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
благоверная великая княгиня
АННА КАШИНСКАЯ

Святая благоверная княгиня Анна Кашинская, дочь ростовского князя Димитрия Борисовича, в 1294 году стала супругой святого благоверного великого князя Михаила Ярославича Тверского. (Он был замучен татарами в Орде в 1318 году. Память 22 ноября.) После страдальческой кончины мужа Анна удалилась в Тверской Софийский монастырь и приняла постриг с именем Евфросинии. По просьбе своего сына, Кашинского князя Василия Михайловича, она перешла на жительство в Кашинский Успенский монастырь, где приняла схиму с прежним именем Анны. Святая Анна имела кроме Василия еще трех сыновей — Димитрия и Александра, повторивших исповеднический подвиг своего отца, и Константина. Димитрий Михайлович (по прозвищу «Грозные Очи») был убит в Орде 15 сентября 1325 года, а Александр Михайлович, князь Тверской, вместе с сыном Феодором — 29 октября

1339 года. Преподобная скончалась 2 октября 1338 года и была погребена в Успенском Кашинском монастыре.

Чудеса при гробе святой Анны начались в 1611 году во время осады Кашина литовскими войсками. Святая княгиня явилась ключарю Успенского собора Герасиму и сказала, что она молит Спасителя и Пресвятую Богородицу об избавлении города от иноплеменников.

На соборе 1649 года было постановлено открыть ее мощи для всеобщего почитания и причислить благоверную княгиню Анну к лику святых Русской Церкви. Но в 1677 году патриарх Иоаким поставил вопрос на московском соборе об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола, использующего имя Анны Кашинской в своих целях.

В 1909 году 12 июня совершилось вторичное ее прославление и установлено церковное празднование, празднование святой совершается также и 2 октября, в день ее кончины.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
преподобный
АМВРОСИЙ,
старец Оптинский

Преподобный оптинский старец Амвросий родился в день памяти святого Александра Невского, 23 ноября 1812 года, в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье пономаря Михаила Феодоровича, отец которого был священник. «В какое число было мое рождение, — вспоминал впоследствии старец, — не помнила и сама моя матушка, потому что в тот самый день, как я родился, к деду в дом, где тогда жила моя мать, съехалось столько гостей (дед мой был благочинным), что мать мою должны были выпроводить вон, и она в этой суматохе и запамятовала, в какое именно число я родился. Должно полагать, что это было около 23 ноября». Марфе Николаевне, готовившейся быть матерью, неудобно было оставаться в доме. Она была переведена в баню, где и разрешилась от бремени. Говоря об обстоятельствах своего рождения, отец Амвросий любил пошутить: «Как на людях я родился,

Преподобный
АМВРОСИЙ,
старец Оптинский

так все на людях и живу». При крещении новорожденному дано было имя Александр, в честь святого благоверного великого князя Александра Невского.

Александр был шестым ребенком в многочисленном семействе пономаря Михаила, всего детей у которого было восемь человек. Он рос очень живым, веселым и бойким мальчиком, постоянно занятым детскими забавами. Ему не сиделось у колыбели младших детей, и как только мать, занятая домашними делами, выпускала Александра из виду, он мгновенно убегал порезвиться со сверстниками, за что неоднократно был наказуем.

Чтению Александра обучали первоначально дома по церковнославянскому букварю, часослову и Псалтири, каждый праздник отец брал сына в церковь, где он вместе с родителями читал и пел на клиросе.

Когда мальчику минуло 12 лет, его отдали в первый класс Тамбовского духовного училища на полуказенное содержание как сына многосемейного причетника. В училище начальство дало Александру фамилию «Гренков». Учился Александр Гренков хорошо, так что из 148 своих товарищей по классу окончил курс духовного училища первым по списку и в июле 1830 года был назначен к поступлению в Тамбовскую духовную семинарию. Веселый и живой Александр стал и в семинарии душой общества. Эта жизнерадостность и живость ума сохранилась у Александра на всю жизнь. Даже в монастыре старец отличался меткостью слова и образностью мысли: «От ласки у людей бывают совсем иные глазки», — или: «Правда груба, да Богу люба»; «Терпел Елисей, терпел Моисей, терпел Илия, так потерплю же и я», — или другие, подобные им.

В 1835 году Александр сильно заболел, и, как он сам рассказывал: «Надежды на выздоровление было очень мало. Почти все отчаялись в моем выздоровлении; мало надеялся на него и сам я. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: "Прощай, Божий свет!" И тут же дал обещание Господу, что если Он меня воздвигнет здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь». Господь внял мольбе юноши, и он выздоровел.

15 июля 1836 года Александр Гренков окончил с отличием Тамбовскую духовную семинарию и поступил в дом к одному помещику домашним учителем его детей. «После выздоровления своего, — рассказывал потом о себе старец, — я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром». 7 марта 1838 года А. М. Гренков

занял должность преподавателя греческого языка Липецкого духовного училища.

Годы шли, и укоры совести о неисполненном обете все сильнее и сильнее тревожили душу. Чтобы обрести успокоение, А. М. Гренков стал ночами молиться перед иконой Божией Матери, именуемой «Тамбовская», — его родительским благословением. Летом 1839 года, отдыхая у друга, сына священника села Еланского Н. С. Покровского, А. М. Гренков вместе с приятелем отправился пешком за 30 верст в Троекурово к известному затворнику отцу Илариону, желая у него окончательно разрешить все свои сомнения. Отец же Иларион произнес поистине пророческие слова: «Ты в Оптиной нужен! Иди в Оптину! Можно бы и в Саров пойти, но там уже нет теперь таких старцев, как прежде».

Окончательный выбор был сделан. В конце лета Александр Гренков едет на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру попросить благословения на начало иноческого подвига у гробницы игумена Русской земли преподобного Сергия.

Наступила осень, уже начались занятия, когда в Липецком духовном училище случилось происшествие. Пропал преподаватель А. М. Гренков. Пока смотритель училища священник Филипп Костальский сомневался, сообщать ли об этом начальству или молчать до разъяснения дела, А. М. Гренков, вырвавшись из уз мира, с верою в промысл Божий спешил на простой деревенской тележке к месту упокоения его страдающей души. 8 октября 1839 года в воскресный день, когда в Оптиной пустыни отправлялась поздняя Божественная литургия, А. М. Гренков, оставив извозчика на гостином дворе, сразу пошел в монастырскую церковь, а после службы вместе с другими богомольцами — к старцу Льву, который жил тогда в монастыре.

А. М. Гренков объяснил старцу Льву обстоятельства своей жизни и получил благословение жить на монастырском гостином дворе и переписывать рукопись «Грешных спасение» (перевод с новогреческого) — о борьбе со страстями. Наконец 2 апреля 1840 года последовал указ Калужской духовной консистории об определении Гренкова в братство.

Некоторое время послушник Александр был келейником иеросхимонаха Льва и вычитывал для него молитвенное правило, затем получил послушание в хлебне. Однако уже в ноябре 1840 года он был переведен из монастыря в скит помощником повара, где и трудился

в течение года. Летом 1841 года Гренкова постригли в рясофор. В это время Александр посещает по необходимости своего послушания старцев Макария и Льва. Отец Лев любил шутками приучать Александра к смирению, а между тем, в отсутствие Александра пророчески говорил о нем: «Великий будет человек», прозревая в Александре преемника по старчеству.

29 ноября 1842 года Александр был пострижен в мантию и наречен Амвросием в честь святителя Амвросия Медиоланского (память 7 декабря), а 2 февраля 1843 года он был рукоположен во диакона. После этого он проходит послушание у старца Макария, являясь посредником между ним и приходящими к старцу людьми. Здесь он сталкивается с опытом духовничества, столь пригодившимся ему впоследствии.

Ранним утром 7 декабря, в день своего Ангела, иеродиакон Амвросий отправился в Калугу. Был сильный холод. Слабый здоровьем и изнуривший себя постничеством, отец Амвросий простудился. «Помню я, — рассказывал старец, — что, как только привезли меня на первую станцию, я почувствован сильную боль в желудке». Это и послужило началом тяжких почти беспрерывных болезней, которые сопровождали старца в продолжение почти пятидесяти лет.

9 декабря 1845 года иеродиакон Амвросий был рукоположен епископом Калужским Николаем в сан иеромонаха. Однако недолго пришлось литургисать отцу Амвросию. Здоровье его было так слабо, что временами он не мог долго держать потир одной рукой во время причащения народа и вынужден был уходить в алтарь для отдыха. 2 января 1846 года вследствие болезненности, а отчасти и по сану, иеромонах Амвросий был освобожден от послушания келейника у старца Макария. 23 августа скит Оптиной пустыни посетил епископ Калужский Николай. После всенощного бдения святителю Петру митрополиту Московскому, которое совершал иеромонах Амвросий, владыка Николай при прощании с братией у Святых ворот произнес: «Спасайтесь, отцы и братия. Имейте мир и любовь между собою. Начальникам повинуйтесь». Затем владыка обратился к стоявшему рядом иеромонаху Амвросию: «А ты, отец Амвросий, помогай отцу Макарию в духовничестве. Он уже стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». Иеромонаху Амвросию было тогда 34 года.

Предуготовляя молодого духовника к великому служению, Господь попустил отцу Амвросию подвергнуться жестокой и продолжи-

тельной болезни, которая длилась с сентября 1846 года до лета 1848 года. Тогда, вероятно, отец Амвросий, как находившийся при смерти, был келейно пострижен в схиму с сохранением прежнего имени и небесного покровителя. 29 марта 1848 года иеромонах Амвросий, как неспособный ни к каким монастырским послушаниям, был исключен из штата братии Оптиной пустыни и оставлен на ее призрении.

«Тогда Господь начинает являть Свою силу, когда увидит, что все человеческие средства к подаянию помощи нуждающемуся в ней человеку истощены», — говорил старец Амвросий, без сомнения, по собственному опыту. Никто не мог предположить, что отец Амвросий долго проживет, но невозможное для человека возможно Богу. Летом 1848 года выздоравливающий отец Амвросий начал выходить для прогулок на воздух. С течением времени здоровье его поправилось, хотя совершенно не восстановилось. Позднее, в утешение недужным, старец Амвросий обычно говорил: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения». «Милостив Господь! В монастыре болящие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и менее пустяки приходили в голову. А то при полном здоровье, особенно молодым, какая только пустошь не приходит в голову». «Монаху не следует серьезно лечиться, а только подлечиваться».

С этого времени отец Амвросий начал помогать старцу Макарию в его многочисленных трудах: духовничестве, книгоиздательской деятельности и старчестве. Он принимал пришедших за советом к отцу Макарию пасомых, сделал новославянский перевод «Лествицы», отличающийся ясностью и точностью; одновременно он старчески окормлял некоторых монахов из монастырской братии. Отец Амвросий жил в это время в полном безмолвии. «Ходил я к нему, — вспоминает оптинский игумен Марк, — почти ежедневно для откровения помыслов и всегда почти заставал его за чтением святоотеческих книг; если же не заставал его в келлие, то это значило, что он находился у старца Макария, которому помогал в переписке с обращавшимися к старцу за духовными советами, или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставал его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил перед Богом или как бы ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца: *Предзрех Господа* (Пс.15, 8) ради и в угодность Господу творить.

К согрешающим, но чистосердечно кающимся и исправляющимся был снисходителен и милостив паче меры. Он не различал богатого и убогого, достойного и недостойного, по примеру Господа, евшего и пившего с мытарями и блудницами, лишь бы заблудших возвратить на путь истины и привлечь к страху Божиему. Никогда не порицал он чужих согрешений и не терпел клеветы на ближнего, строго относясь к клеветникам, не разбирая лиц».

7 сентября 1860 года скончался старец Оптиной пустыни иеросхимонах Макарий. По прошествии сорока дней с кончины старца Макария отец Амвросий перешел из прежней келлии в корпус вблизи скитской ограды, с правой стороны от колокольни, где он и прожил последующие тридцать лет.

В 1862, 1868–1869 и 1871 годах старец Амвросий испытывал тяжкие болезни и страдания, но милостью Божией он чудесным образом получал облегчения от приносимых к нему икон Божией Матери «Калужской», «Ахтырской» и «Всех Скорбящих Радость». От болезней старец так обессилел, что долгое время не мог сам переходить из келлии в келлию: его переводили под руки келейники. Чтобы дать старцу Амвросию какой-то отдых и лечение, в 1870 году в десяти верстах от обители ему устроили лесную келлию, т. е. «монастырскую дачу». Но и там, когда он был здоров, старец Амвросий принимал братию и народ.

В основе старческого служения отца Амвросия было окормление братии Оптиной пустыни, которую он любил всей душой, заботясь о спасении каждого. Так, монах Гурий рассказывал, что однажды старец Амвросий четыре раза за два дня велел чувствовавшему себя совершенно здоровым уставщику иеромонаху Палладию собороваться и постричься в схиму, что делалось в Оптиной пустыни перед кончиной, но тот все отказывался. В последний раз отец Палладий согласился, но «пока он делал приготовления к соборованию, с ним сделался удар. Впрочем, хотя отнялся у него язык, однако он был в памяти. Его успели соборовать и причастить Святых Христовых Таин. Вечером в тот же день он и скончался».

Другому монастырскому монаху Павлину старец Амвросий сказал незадолго до своей кончины: «За то, что ты не открыл мне некоторые из своих мыслей, тебе попустится искушение». Так и случилось. Монах Павлин, простудившись при заготовке дров, едва не умер, а чудесное выздоровление свое относил за счет молитвенного предстательства старца Амвросия, тогда уже преставившегося к Богу.

Никогда не позволял отец Амвросий при себе пустого или гнилого слова и всегда говорил только с целью исправления и назидания.

Иеромонах Оптиной пустыни Дорофей рассказывал: «Пришел я однажды к старцу и долго дожидался его приема. Времени было уже десять часов вечера. Сижу я и по легкомыслию своему думаю о себе: “Вот все называют старца святым. А какая это святость, когда заставляет так долго дожидаться своего выхода. Придется из-за этого и правило вечернее опустить, и утреню проспать. За всех ему грех будет”. Вдруг слышу в эту минуту голос старца из его келлии: “Сейчас! Сейчас!” Смотрю, батюшка выходит. Благословивши меня, он берется за мою бороду и, слегка ударяя меня по щеке, говорит: “Вот, монахини иногда по месяцу живут в гостинице, дожидаясь, пока мне придется их принять. Другая, может быть, приехала за тысячу верст и тоже терпит и дожидается. Их нужно вперед отпустить. Из-за них я отказываю иногда и братьям в приеме. Всех сразу я не могу принять. А ты немного не хочешь подождать. Мне одному за всех грех будет!” Вразумленный словами старца, я после сего, спокойный и радостный, пошел от него в свою келлию и уже никогда не дерзал роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода».

Постепенно вокруг старца Амвросия сложился круг ближайших учеников, продолживших начатое иеросхимонахом Макарием дело Оптинского книгоиздательства. Под руководством отца Амвросия было издано около двух десятков книг творений святых отцов и книг душеполезного содержания.

Одновременно с этим старец занимался очень широкой благотворительной деятельностью. Отец Амвросий передавал деньги жертвователей в руки нищих и убогих. Милостыню обычно он подавал через келейника, а в исключительных случаях подавал и сам. «Раз как-то он поспешно выходит из хибарки в свою келлию и тут же мимоходом обращается к своему писарю: “Вот там, — говорит, — пришла вдова с сиротами, мал мала меньше. Всех сирот человек пять, а есть нечего. Сама горько плачет и просит о помощи. А самый маленький ничего не говорит, а только смотрит мне в глаза, подняв ручонки грабельками. О-о! Да как же не дать-то ему!” Старец тотчас же полез за деньгами. Руки от волнения трясутся, лицо подергивается, слезы против воли просятся из глаз».

Старец Амвросий особо заботился о недугующих женщинах и девушках, о вдовах, сиротах, больных и бедных — и старался пристроить

их к какому-либо монастырю, находившемуся под его духовным попечением. Он поддерживал целый ряд монастырей, куда направлял больных благочестивых женщин, склоняя состоятельных людей к благотворительной деятельности в их пользу. Особое место в ряду таких обителей занимает Шамординская Казанская Горская община, устроенная самим старцем Амвросием.

Приходит, например, к батюшке молодая женщина, оставшаяся больною вдовою в чужой семье. Свекровь ее гонит. Старец внимательно выслушал ее, всматривается и наконец говорит: «Ступай в Шамордино». В другой раз приходит один бедняк из Сибири и отдает батюшке свою малолетнюю дочку: «Возьмите, — говорит он, — у нее нет матери, что я с ней буду делать?» Старец и эту отправляет в Шамордино. Из таких-то девочек-сирот образовался там детский приют. Сам Шамординский монастырь довольно быстро наполнялся насельницами, так что уже к 90-м годам XIX века число монашествующих там достигало 500 человек.

В духовнической практике отца Амвросия рано раскрылись его высокие дары, ниспосланные Богом за большое смирение старца. Особенно это видно из сотворенных старцем чудес. Так, один юноша именем Егор находился на военной службе, и пришлось ему в числе других 15 человек вынимать жребий, кому возвращаться домой. Он помолился: «Илья Пророк! Отец Амвросий! Матерь Божия! Помогите домой уйти!» Жребий выпал сообразный его желанию. Егор обещал сходить в Оптину. Возвратившись домой, он стал, как водится, откладывать, забывать. Вдруг он тяжело заболел. Лежал долго, но в памяти. Однажды лежит и видит: входит старичок-монах в коротенькой свиточке, в старой шапочке, подходит и говорит ему: «Бог тебе поможет, а исполнить обещание надо». И ушел. Вскоре после этого он поправился, рассказывал родным о видении своем и так как он не только никогда самого отца Амвросия не видал, но даже и портрета его, а слышал, что у помещика есть карточка, то пошел к нему и увидел, что это тот самый старичок! Потом он приходил на покаяние к отцу Амвросию.

В другой раз (в 1882 г.) старец Амвросий исцелил горловую чахотку у шамординской монахини, указав ей пить воду и полоскать горло водой из колодца, что за скитом. Через сутки после этого болезнь прошла. Очень часто, исцеляя, старец Амвросий прикасался рукой к больному месту.

Или другой случай, рассказанный одной монахиней Белевского монастыря: «В 1883 году приехала к покойному батюшке отцу Амвросию жена одного сельского священника и спрашивает сестер монахинь, сидевших в хибарке в ожидании его благословения: “Где тут найти мне благодетеля моего, монаха Амвросия, который спас мужа моего от смерти?” “Что такое случилось у вас? Каким образом спас? Когда? Как? — раздались вопросы со всех сторон. — Пожалуйста, расскажите”. “Едва и теперь могу я опомниться от ужаса злодейского покушения, — так начала сельская матушка. — Муж мой, священник, готовился служить Божественную литургию и накануне после правила лег спать в своем кабинете, а я заснула у себя в спальне. Вдруг чувствую, что кто-то меня будит. Слышу голос: “Вставай скорее, а то мужа убьют”. Я открыла глаза, вижу: стоит монах. “Тьфу, какая бредня! Бес искушает”, — проговорила я, перекрестилась и отвернулась. Но не успела я заснуть, как во второй раз толкает меня кто-то, не дает мне спать и повторяет те же слова: “Вставай, а то убьют мужа”. Смотрю — тот же монах. Я опять отвернулась, перекрестилась и хочу опять заснуть. Но монах опять дергает меня за одеяло и говорит: “Скорей, как можно скорей беги, вот сейчас убьют”. Я вскочила с постели, побежала в зал, который отделял кабинет мужа от моей спальни, и что же вижу? Кухарка моя идет с огромным ножом в кабинет моего мужа, и уже она в дверях его. Побежала я, вырвала сзади с плеча ее огромный нож и спрашиваю: “Что это такое значит?” “Да я хотела, — отвечает, — мужа твоего убить за то, что я ему покаялась в грехе своем, а он наложил на меня много поклонов на каждый день; я просила его помиловать меня, убавить поклоны, так нет, не хочет. Он меня не милует, и я его не помилую”. А муж мой, священник, ничего не зная о случившемся, отслужил обедню, и мы затем поехали с ним к моей замужней сестре, бывшей также за священником соседнего села. Там я рассказала ей, кто спас моего мужа. Сестра повела меня в свою спальню, и я вдруг увидела на стене фотографию этого монаха, который являлся мне. Спрашиваю: “Откуда это у тебя?” “Из Оптиной” — “Какая Оптина? Что это такое? Скажи скорей, где живет этот монах, Ангел Божий, посланный с неба спасать от убийства?” — Схватила карточку его, целовала, прикладывала к голове себе и мужу и решилась непременно лично благодарить его. И вот теперь я, слава Богу, здесь, у спасителя моего мужа».

Старец Амвросий был поистине молитвенником за всю Россию. Бывало, во время молитвы лицо его преображалось и он представлялся

поднявшимся на воздух. Всем очевидцам этого он запрещал разглашать о подобных случаях с угрозой: «А то лишишься моей помощи и благодати». К хибарке отца Амвросия стекался страждущий и скорбящий верующий и неверующий бедный и богатый российский люд. В Оптину к старцу приезжали известные писатели и общественные деятели России XIX века: Ф. М. Достоевский, Вл. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев (монах Климент), А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, М. Н. Погодин, Т. И. Филиппов, Н. Д. Юркевич, Н. Н. Страхов и многие другие. Из года в год шли в Оптину толпы народа, и никто не ушел от старца Амвросия неутешенным и скорбным.

Между тем силы старца слабели, 2 июля 1890 года старец Амвросий по обыкновению выехал из Оптиной пустыни в Шамордино. Перед отъездом он велел отцу Иосифу поместить над изголовьем той койки, на которой он в течение стольких лет принимал и утешал народ, икону Божией Матери «Споручница грешных» и зажечь перед нею неугасимую лампаду.

В конце лета старец три раза пытался вернуться в Оптину, но по причине нездоровья вынужден был остаться в Шамордине. Приняв это троекратное препятствие за указание воли Божией, старец уже не пытался вернуться в скит.

К этому времени относится начало прославления чудотворной иконы Божией Матери «Спорительница хлебов». Отец Амвросий установил день празднования этой иконы (15 октября), а также сам составил ей особый припев «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Подай и нам, недостойным, росу благодати Твоея и яви милосердие Твое».

Летом 1891 года прибыл к старцу Амвросию в Шамордино человек Божий Гаврюша, лет сорока. Он жил в Орловской губернии, был расслаблен, трясся всем телом и еле мог говорить и принимать пищу. Ноги его не действовали, он лежал, молился Богу, и ему было многое открыто. Весной 1891 года ему явился старец Амвросий и сказал: «Приходи ко мне в Шамордино, я тебя успокою». Гаврюша встал на ноги и объявил, что идет пешком в Шамордино, отказавшись от железной дороги. Старца Амвросия, который куда-то тихо ехал, Гаврюша встретил под Шамордином. «Батюшка! — закричал Гаврюша своим малопонятным языком. — Ты меня звал, я пришел!» Старец Амвросий тотчас вышел из экипажа, подошел к Гаврюше и сказал: «Здорово, гость дорогой, ну, живи тут!» А окружающим прибавил: «Такого у меня еще не было».

21 сентября 1891 года старец занемог. 23 сентября он еще принимал народ, хотя плохо слышал и еле мог говорить. Ходившей за ним инокине он сказал: «Это последнее испытание — потерял слух и голос». В это же время старец говорил: «Смотрите, идет осень; и там, и сям, достанется и уткам, и гусям. Гуси потащат, а утки поплачут».

4 октября старец Амвросий исповедовал приехавшего из Оптиной пустыни своего ближайшего ученика, иеромонаха Иосифа, который после исповеди вернулся в скит. В наступившую ночь отец Иосиф долго не мог заснуть и в это время слышал, будто кто-то явственно произнес: «Старец умрет».

Начинались тяжелые страдания старца. Старец говорил: «Я чувствую то, чего во всю жизнь мою не испытывал». Духовник отец Феодор спросил старца: «Батюшка! Вот вы умираете, на кого обитель свою оставляете?» Старец ответил: «Обитель оставлю Царице Небесной, а я свой крест позолотил». 8 октября, когда жар у истерзанного болезнью старца доходил до 40, и он весь трясся, как в лихорадке, отец Иосиф прочитал ему отходную, а затем вместе с отцом Анатолием и отцом Феодором совершил Таинство елеосвящения. В ночь на 9 октября старец Амвросий пришел в себя, и отец Иосиф причастил его Святых Таин.

9 октября прощаться со старцем приехал настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий вместе с иеромонахом Макарием. Батюшка их узнал и, устремив на них глубокий пристальный взгляд, поднял руку и снял скуфью. Это было со стороны старца последним прощальным знаком почтения священноначалию, настоятелю, с которым он бок о бок трудился почти 30 лет. 10 октября 1891 года в 11 часов дня отец Феодор в последний раз прочитал канон Божией Матери на исход души и стал осенять крестом старца, лицо которого уже покрывалось мертвенной бледностью. «Дыхание становилось все короче и короче. Наконец он сильно потянул в себя воздух. Минуты через две это повторилось. Затем батюшка поднял правую ручку, сложив ее для крестного знамения, донес ее до лба, потом на грудь, на правое плечо и, донеся до левого, сильно стукнул об левое плечо, потому что это ему стоило страшного усилия: дыхание прекратилось. Потом он еще вздохнул в третий и последний раз... Было ровно половина двенадцатого дня».

Сбылись слова прозорливого старца: «Вот, целый век свой я все на народе, так и умру».

Известие о кончине старца быстро облетело всю Россию. Православные христиане стекались к гробу своего старца. Духовничество

было основным жизненным подвигом отца Амвросия — духовничество монастырское и духовничество мирян. Теперь духовные чада стекались в Шамордино отовсюду. На погребение съехалось около восьми тысяч человек. Тем временем из любви и уважения к почившему старцу между Оптинским братством и Шамординской общиной возникло разномыслие: где похоронить родного для обеих обителей отца.

Для разрешения этого вопроса пришлось обращаться в Святейший Синод, откуда пришло повеление погребать старца в Оптиной. Когда увозили гроб отца Амвросия из Шамордина, вспомнили плачущие монахини слова своего старца «гуси потащат, а утки поплачут».

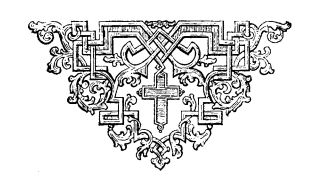
13 октября в Казанском соборе Оптиной пустыни епископ Калужский Виталий совершил Литургию с чином отпевания старца Амвросия. «Великий человек был батюшка отец Макарий! — часто говорил старец Амвросий. — Вот привел бы мне Господь хоть у ножек его лечь». Так оно и случилось. В день празднования иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» тело отца Амвросия было погребено у юго-восточной стены Введенского собора Оптиной пустыни, рядом с его учителем старцем Макарием.

Сразу после кончины начались чудеса от старца, который являлся больным и недужным людям в разных концах России. Старец остался духовником и по смерти; он являлся с повелением больному принести покаяние, иногда повелевал недужному пить воду из «его» колодца близ скита Оптиной пустыни.

Одно повествование об исцелении жителя далекой от Оптиной пустыни Вятской губернии говорит: «Я весьма был болен, страдал болезнью ног и головы. Начал я душевно молиться к отцу Амвросию об исцелении всех моих недугов. Так, однажды, помолившись, я уснул. Вдруг заблистал передо мною необычайный свет, и услышал я шаги идущего человека. В скором времени вижу пред собою мужа, украшенного сединами, в мантии, с крестом на груди. Вот он подошел к моему ложу и говорит: “Чадо Николае! Восстань, поспеши в церковь, отслужи молебен святому Амвросию Медиоланскому и получишь облегчение скорое”. Старец благословил меня, и я сподобился облобызать его светлую руку; и при сем осмелился спросить его: “Как Вас звать по имени?” Он мне ответил: “Кому, — говорит, — я велел тебе отслужить молебен, того и я ношу имя. Я иеросхимонах Амвросий из Оптиной пустыни”. Проснувшись, я почувствовал себя исцеленным. Вскоре молебен был отслужен. Об этом явлении я никому не говорил, но изложил все в за-

писную книжку. Через некоторое время опять явление повторилось. Отец Амвросий явился мне лежащим во гробе, повитый в схиму, и говорит: “Что же ты, раб Божий Николай, умалчиваешь о делах милости Божией, не сообщишь Оптиной пустыни об исцелении?”» В конце рассказа исцеленный обращается к настоятелю Оптиной пустыни отцу Иосифу с просьбой не оставить без внимания это повествование и для пользы других поместить его хоть на последней страничке жизнеописания великого российского старца-духовника иеросхимонаха Амвросия Оптинского.

Преподобный старец Амвросий был прославлен в лике святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном юбилею 1000-летия Крещения Руси, в 1988 году. Празднование памяти преподобного совершается 27 июня (10 июля) — обретение мощей и 10 (23) октября — день праведной кончины.

Содержание

ЯНВАРЬ

Февраль

МАРТ

Май

ИЮНЬ

Избранные жития святых

на русском языке,
изложенные по руководству Четьих-Миней
архиепископа Филарета Черниговского

Январь–июнь

Редактор *Л. А. Чуткова*
Корректор *Т. А. Фролова-Багреева*
Художественный редактор *С. Ю. Губин*
Макет, верстка *Г. Н. Шафигуллина*
Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин,*
Е. В. Аксенова

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 12.10.2011. Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Печ. л. 60. Тираж 5 000 экз.
Заказ №   .

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6
Отдел оптовых прод аж:
телефон: 8(499) 171-82-45,
телефон/факс: 8(499) 171-98-75.
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 9.

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34,
телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru.
Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru.